

# РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ  
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестнадцатый.

ОКТАБРЬ.

1885 годъ.

## СОДЕРЖАНИЕ.

I. Тайная канцелярія въ царство Петра I. Очерки и рассказы поподлиннымъ дѣламъ. Гл. VII— VIII. Сообщ. П. М. Н. . . . .	1	VIII. Филаретъ Дроздовъ, митрополитъ московский. 1782—1867 гг. Гл. VI—VII . . . . .	143
II. Артемій Петровичъ Волянской и его „конфиденты“. Очеркъ. Состав. проф. Д. А. Борсаковъ . . . . .	17	IX. Мертвыя души Гоголя въ подлин- ной рукописи автора. Сообщ. Е. С. Щедрасова . . . . .	167
III. Записки Александра Михайловича Тургенева, 1772—1863 гг. Гл. V—XI . . . . .	55	X. Изъ домашнего архива Метло- выхъ. Сообщ. А. Е. Мерцаловъ . . . . .	206
IV. Подъ Свистоволомъ въ 1853— 1856 гг. Дневникъ, г.-и. Л. Г. Духонина . . . . .	63	XI. Записки императора Николая I о военныхъ дѣйствіяхъ на Кавка- зѣ, 1845 г. . . . .	209
V. Изъ новѣйшей исторіи сѣверо- западной Россіи. 1865 г. Сообщ. А. П. Влалашіровъ . . . . .	99	XII. Волнения въ Иранѣ въ 1846 г.: записка Николая I и письмо кн. Ш. Ф. Паскенича . . . . .	213
VI. Арестъ П. Кулиша и М. Костомарова, по рассказу нѣмецкихъ га- зетъ, въ 1847 гг. Сообщ. В. К. Ст—тъ. . . . .	123	XIII. Кн. И. Ф. Пасковичъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1846 г., письмо его къ кн. М. С. Воронцову. Сообщ. А. П. Берже . . . . .	216
VII. Мамъ Сергѣевичъ Тургеневъ въ писмахъ къ его брату Николаю Сергѣевичу, 1863—1878 гг. . . . .		XIV. Библиографическій листокъ.	

**ПРИЛОЖЕНИЕ:** Портретъ митрополита московскаго Филарета (Дроздова) Гравировалъ академикъ Н. П. Пожалостинъ. (Второе исправл. изд. гравировъ).

Открыта подписка на „РУССКОЮ СТАРИНУ“ на 1886 г.

Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

„СЛОВО и ДѢЛО“, очерки и рассказы М. И. Сомевскаго, изъ эпохи Петра Великаго, изданіе третье, съ рисунками цытокъ. Пѣна ДВА руб.

„ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА и ВИЛАИЪ МОНСЪ“, 1690—1724 гг., историческій очеркъ М. И. Сомевскаго, съ портретами и рисунками.

Цѣна ДВА рубля ПЯТЬДЕСЯТЬ коп.

Подписавшіеся въ Октябрѣ 1885 г. на „Русскую Старину“ 1886 г. могутъ получить соч. М. И. Сомевскаго за одинъ руб. 50 коп. каждую изъ этихъ книгъ съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1885.



Х-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1885 г.

Литы, собранные Кавказскою Археографическою Коммиссіею. Архивъ главнаго управленія намѣстника кавказскаго. Томъ X. Издавъ подъ редакціею предсѣдателя Коммиссіи, д. с. с. Ад. П. Берже. Тифлисъ, 1885. въ 6. листъ, стр. XXXV + 938, съ приложеніемъ портретовъ и картъ. Цѣна 25 руб.

Въ десятый томъ этого монументальнаго изданія (собственно выпускъ одиннадцатый) вошли матеріалы къ исторіи управленія Кавказомъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ (1845—1854 гг.). Изданіе неуклонно продолжается по тому же плану, по которому вышли въ свѣтъ предыдущіе томы.

Въ обширномъ предисловіи, составляющемъ цѣлую монографію, — высекоуважаемый предсѣдатель Кавказской Археографической Коммиссіи, Ад. П. Берже, — представляетъ обзоръ гражданскаго управленія знаменитаго пранителя Кавказа, плодотворнаго управленія во время его вѣдахъ — и воспоиной летописи сего края за тѣ же девять лѣтъ; эта летопись, главнымъ образомъ, озаглавлена тѣмъ, что именно въ эту эпоху принята новая система покоренія края, въ концѣ концовъ приведшая въ его полному умиротворенію.

Вотъ что говоритъ Ад. П. Берже по этому поводу:

«Дѣятельность кн. Воронцова на военномъ поприщѣ была — плодотворная. Главная его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ, послѣ Даргинской экспедиціи въ 1845 году, стѣнншей намъ столько жертвъ, совершенно измѣнилъ систему войны нашей съ горцами, считая вѣрнѣйшимъ средствомъ къ покоренію рубку лѣсовъ и расширеніе просѣкъ въ Чечнѣ, для доставленія нашимъ войскамъ возможности двигаться во всякое время и по всякъмъ направленіямъ. Экспедиціи предпринимались въ Чечню осенью и зимою, когда листъ спадаетъ съ дерева, и въ Дагестанѣ, гдѣ рано падаетъ снѣгъ и движенія становятся невозможными, лѣтомъ. Эта новая система какъ нельзя лучше была принята Шамилемъ и вызвала его на самыя энергическія противъ насъ дѣйствія...

Вся дѣятельность кн. М. С. Воронцова ободряется г. Берже въ слѣдующ. патнад-

цати группахъ: I. Гражданская часть. II. Духовенство. III. Кутаисская губернія. IV. Абхазія. V. Шемахинская губернія. VI. Каспійское море. VII. Военная часть. VIII. Джаро-Белаканскій округъ. IX. Чечня и Дагестанъ. X. Кавказская линія. XI. Черное море. XII. Ставропольская губернія. XIII. Персія. XIV. Турція. XV. Разныя свидѣнія. Затѣмъ три отчета кн. М. С. Воронцова, составленіе которыхъ принадлежитъ ему лично: эти три документа, весьма интересны, представляютъ обзоръ его кавказской дѣятельности съ 25-го марта 1845 года по 1851 годъ включительно. Книга сопровождается алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ и географ. названій.

Все, что вошло въ этотъ выпускъ, равно какъ и предыдущіе громадные томы этого драгоценнаго сборника, не было доселѣ въ печати. Почтенный редакторъ изданія и самъ не перепечатываетъ въ настоящее собраніе тѣ законоположенія, которымъ изданы правительствомъ по отношенію къ Кавказу съ конца XVIII вѣка по замѣреніе Кавказа; относительно этихъ законоположеній Ад. П. Берже ограничивается ихъ перечнемъ, съ ссылкою на тѣ томы полнаго собранія законовъ, въ которыхъ помѣщены эти документы. Достойно вниманія, что настоящее собраніе выдается лишь въ количествѣ 210 экземпляровъ; цѣна каждому тому 25 руб. Ограниченность въ количествѣ экземпляровъ весьма вѣроятно вызывается тѣмъ соображеніемъ, что собраніе печатается, какъ ооенціальное изданіе, безъ цензуры, а посему интересъ его еще болѣе значителенъ. Впрочемъ, книги раскупаются въ нѣсколько известнѣйшихъ библиотекъ и потому онѣ доступны всѣмъ интересующимся исторіей Кавказа. А для исторіи этого края, съ самаго начала появленія на его высотахъ русскаго войска и русской гражданственности, монументальный трудъ Ад. П. Берже — источникъ чрезвычайной важности. Съ замѣчательною заботливостію и заливнѣмъ дѣла здѣсь собраны документы первостепеннаго значенія, сорѣдко на различныхъ языкахъ, съ надлежащимъ переводомъ. Начиная съ шестаго тома, Ад. П. Берже печатаетъ весьма обстоятельный

# РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1885

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

---

ТОМЪ XLVIII.

ОКТЯБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАВРЬ.



ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

**„РУССКАЯ СТАРИНА“**

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

**1886 г.**

ОБНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ выходить въ 1886 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Нѣсколько интересныхъ портретовъ для „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1886 года награвировано академикомъ И. П. Пожалостивымъ на мѣди, И. И. Матюшинымъ на деревѣ, а также исполнено въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, представитъ на своихъ страницахъ въ 1886 г., между прочимъ, много данныхъ для исторіи минувшаго царствованія императора Александра II Освободителя.

12 книгъ, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1886 г. принимается для иногородныхъ исключительно въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ Цинверлинга (Невскій пр., д. № 46), а въ Москвѣ—въ магазинѣ Мамонтова.

---

Очерки и рассказы М. И. Сомовскаго изъ русской исторіи XVIII в.

I. «СЛОВО И ДѢЛО», рассказы изъ эпохи Петра Великаго, съ рисунками пытокъ. Спб., 1885 г., изданіе, третье. Въ 8 д., 350 стр. Цѣна 2 руб.

II. „ЦАРИЦА КАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, АННА И ВИЛЛИМЪ МОНСЪ“, 1698—1724 гг.

съ портретами и рисунками, 8 д. Спб., 1884 г., 360 стр.

Цѣна 2 р. 50 к. съ пересылкою.

# „РУССКАЯ СТАРИНА“

ИЗД. 1885 г.

съ портретами: въ Бозѣ почивающій имп. Александръ Николаевичъ въ бытность его наслѣдникомъ.—Ген.-ад. К. К. Мердеръ.—В. И. Назимовъ; Н. А. Милютинъ; К. Ѳ. Детловъ; архим. от. Игнатій; Н. И. Пироговъ (въ гробу).—Н. И. Погребовъ.—М. И. Глинка.—А. И. Подолнинскій.—Митрополитъ Филаретъ Московскій († 1867 г.). Рисунки: видъ и планъ крѣпости Баязета въ 1877 г.—Памятникъ на могилѣ строителя Казанск. собора въ Спб.—Андрей Воронихина.

Содержаніе: Записки Алексн. Мих. Тургенева, 1772—1863 гг.;—Посмертныя записки Ник. Из. Пирогова;—Записки К. К. Мердера, воспит. пesar. Александра Николаевича, 1824—1834 гг.;—Воспоминанія декабриста А. П. Вѣялева;—Новгородскія воен. поселенія;—Открытие намятника на Боровскомъ полѣ въ 1839 г., изъ воспом. А. И. Веригина;—Подъ Севастополемъ въ 1853—1856 гг., записки и дневникъ ген.-м. Л. Г. Духопина;—Славное Балзетское сѣдѣнье въ 1877 г., очеркъ К. К. Гейнса;—Одна изъ предсмертныхъ записокъ П. Г. фонъ-Дервиза, 1881 г. и проч.

Исследоанія и очерки: Тайная канцелярія въ царств. Петра I, 1720—1724 гг.;—Артемій Петровичъ Волынской и его «конфиденты», очеркъ проф. Д. А. Корсакова;—Елизавета Петровна въ Ревелѣ въ 1746 г., очеркъ А. А. Чумикова;—Арсеній Малѣевичъ, митр. ростовскій, въ ссылкѣ, 1767—1772 гг., очеркъ И. Я. Морошкина;—Филаретъ Дроздовъ, митр. московскій, 1782—1867 гг.;—Свящ. Ѳеодосій Левинцкій въ заточеніи въ Коневскомъ монастырѣ въ 1824—1827 гг.;—А. П. Ермоловъ въ письмахъ къ кн. М. С. Воронцову.—Троицко-Сергіева приморская пустыня, 1735—1885 гг., очеркъ;—Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перепискѣ имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Бунтъ на Сѣнной площади въ Спб. 22 июня 1831 г.;—Холерный мѣсяцъ въ Спб., июнь 1831 г., очеркъ;—Холера въ Малороссіи въ 1830—1831 гг., очеркъ Д. Д. Ахшарумова;—Изъ исторіи желѣзно-дор. дѣла въ Россіи, 1846—1856 гг., очеркъ А. А. Вонгарярскаго;—Николаевская дорога между Петербургомъ и Москвою въ 1842—1852 гг., очеркъ А. И. Штукаенберга;—Императоръ Николай I и кн. И. Ѳ. Паскевичъ въ 1845—1846 гг.; записки и письма о волненіяхъ въ Краковѣ и положеніе дѣлъ въ Ц. Польскомъ;—Вопросъ о починѣ крестьянскаго дѣла 20 ноября 1857 г.;—Крестьянское дѣло въ 1857—1860 гг., замѣтки Н. М. Колмакова;—Сказаніе о волненіи крестьянъ въ Кандеевѣ въ 1861 г., сообщ. А. М. Дренакинъ;—Императоръ Александръ II въ Курской губ. въ 1861 г., рассказъ Н. Давыдова;—К. Вл. Чевкинъ, 1855—1862 гг.;—Вл. Из. Назимовъ;—Первыя страницы въ исторіи судебной реформы въ Россіи, 1862—1867 гг., очеркъ Г. Джаншиева;—Изъ новѣйшей гѣтоніи сѣв.-зап. Россіи: Исторія плана расположенія католицизма въ зап. Россіи, 1865 г., очеркъ А. П. Владимірова;—Гр. Эд. Из. Тотлебенъ, П. В. Алабина;—Разговоръ имп. Наполеона III съ ген. ад. Тотлебеномъ въ 1857 г., сообщ. Н. К. Шильдеръ;—Князь Викт. Из. Васильчиковъ въ 1876 г.;—Экспедиція противъ ахаль-текинцевъ въ 1879—81 гг., очеркъ В. Шаховскаго;—Кирилло-Меоодіевское тысячелѣтіе, 885—1885 гг., Д. И. Иловойскаго;—Остзейское дворянство и дворянская жалованная грамота, А. А. Чумикова;—Мраморный дворецъ, 1785—1885 гг.—Писатели: Д. В. Давыдовъ, —М. Ю. Лермонтовъ, — П. Н. Кудрявцевъ, — Н. В. Гоголь (Мертвыя души въ подлинной рукописи). — Ѳ. И. Тютчевъ, — графиня Евдокія Ростопчина, — Ѳ. М. Достоевскій, — Н. И. Пироговъ, — И. С. Тургеневъ, — Андрей Из. Подолнинскій, — С. Д. Дрожжинъ, — А. С. Уваровъ, — Н. И. Костомаровъ, — К. Д. Кавелинъ; — художники: А. Н. Воронихинъ, — М. И. Глинка, — А. С. Даргомыжскій — въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности.



*Симеонъ М. Московскій.*





# ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА I.

Очерки и рассказы по подлиннымъ дѣламъ.

VII <sup>1)</sup>).

Іеродіаконъ Іоанникій.

1722 г.

Въ августѣ 1720 года, іеродіаконъ Іоанникій взятъ былъ изъ Чернигова, «по его имп. величества указу», въ Александроневскій монастырь, въ которомъ и случилось съ нимъ, черезъ полтора года, происшествіе, послужившее причиной возникновенія дѣлаго дѣла.

Повомарь невскаго монастыря Гаврило Игнатъевъ зашолъ однажды къ своему знакомому монаху въ келью, куда явился іеродіаконъ Іоанникій «пьяный, билъ его, Гаврила, кулаками и дралъ за волосы, невѣдомо про что». Вслѣдствіе этого, по распоряженію намѣстника монастыря, Іоанникій «посажень былъ въ хлѣбнѣ на чепь, и съ тою чепью онъ, Іоанникій, пьяный же выбѣгалъ на монастырь и невѣжничаль, въ чепь его усмотря, намѣстникъ самъ велѣлъ наложить на него ножныя желѣза и держать подъ карауломъ въ хлѣбнѣ жъ, и въ то время онъ, Іоанникій, сказалъ за собою государево дѣло». — По этому послѣднему заявленію, Іоанникія спрашивали, въ присутствіи инквизитора, намѣстника монастыря и судьи Головачева, о двухъ пунктахъ, т. е. о томъ, «не знаетъ ли онъ умышленія на е. и. в. здоровье, или о бунтѣ и измѣнѣ», — на что Іоанникій отвѣчалъ, что

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVII, августъ, стр. 185—208, сентябрь, стр. 347—364.

«дѣло государево за нимъ есть, а въ какой силѣ, о томъ онъ не объявить, и скажетъ въ прибытіе предъ его преосвященствомъ, или гдѣ повелѣно будетъ указомъ». Къ допросу этому Іоанникій «упрямствомъ своимъ» руки не приложилъ.

Когда прибылъ въ Александроневскій монастырь преосвященный Феодосій, архіепископъ великоновгородскій и великолуцкій и архимандритъ Александроневскаго монастыря, то Іоанникій на допросѣ объяснилъ, что въ великій постъ настоящаго 1722 года «подъячій Макаръ Назаровъ, при канцеляріи, сказалъ за собою государево дѣло, и объявлялъ о томъ сказываніи чрезъ разсылщика Стефана Иванова письменно судіи Стефану Головачеву, а въ какой силѣ, не вѣдаетъ, которое де сказываніе слышали подъячіе жъ Алексѣй Агалинъ, Федоръ Зубковъ, и о томъ подавали судіи доношеніе, чтобъ его, Назарова, отослать въ тайную канцелярію къ розыску, и судья де, знатно убоясь его, Назарова, то сказыванье и письменное объявленіе и доношеніе уничтожилъ, и въ тайную канцелярію его, Макара, не отослалъ. Да сего де іюня 4 дня (1722 г.) въ Невской же канцеляріи онъ же, Назаровъ, во одержаніе чепномъ то жъ старое дѣло за собою сказывалъ; а кромѣ де того государева дѣла за нимъ, Іоанникіемъ, нѣтъ и за другими не знаетъ». Упомянутые Іоанникіемъ подъячіе Алексѣй Агалинъ, Федоръ Зубковъ и еще Савва Григорьевъ, дѣйствительно, подали судѣ Головачеву доношеніе, въ которомъ, со словъ монаха Пафнутія, сказанныхъ Алексѣю Агалину, было изложено, что 1-го февраля подъячій Макаръ Назаровъ «ввечеру пьяный нашалилъ не мало, и написалъ письмо, которое у разсылщика Стефана Иванова, и то де письмо, по спросу его, разсылщикъ объявилъ ему, Алексѣю, писанное его, Макаровою, рукою февраля жъ 1 дня, а въ немъ написано: имѣеть де онъ, Назаровъ, за собою е. и. в. дѣло, а какое, объявить онъ въ тайной канцеляріи, а то де письмо онаго числа ввечеру до полунощи написавъ, онъ, Назаровъ, послалъ съ нимъ, Степаномъ, на дворъ къ судіи, котораго письма онъ не отнесъ, для того: вышелъ де изъ канцеляріи, положилъ въ колодничьей избѣ, и то де письмо, не знамо какимъ случаемъ, утерядось».

Спрошенный по этому дѣлу разсылный Степанъ Ивановъ объяснилъ, что подъячій Назаровъ, будучи подъ арестомъ, говорилъ ему, Иванову: «когда де вы держите меня подъ карауломъ, копите де все себѣ на шею», послѣ чего Назаровъ написалъ письмо и велѣлъ отнести его къ судѣ, однако письмо это не дошло по назначенію, такъ какъ Назаровъ вскорѣ изорвалъ его. Рѣшено было допросить самого Макара Назарова: «Во объявленномъ письмѣ что было писано и для чего оно издралъ, и подлинно-ль за нимъ есть государево дѣло и въ

какой силѣ, и до сего объявленія о томъ онъ, Макарь, самъ для чего не доносилъ?»

На это Назаровъ отвѣчалъ, что, во время содержанія его подъ стражей, онъ написалъ письмо о томъ, что объявляетъ за собою государево дѣло, касающееся до Святѣйшаго Прав. Синода... А писалъ онъ то письмо и въ немъ е. и. в. дѣло объявлялъ въ такой силѣ, что онъ, Макарь, намѣренъ доносить въ архіерейской келейной конторѣ или въ св. прав. синодѣ объ учиненныхъ Новгородской епархіи, Шелонской пятинны, Залѣсскаго половины, села Модолицъ, на Николаевского попа Митрофана Архипова во многихъ церковныхъ непотребствахъ и другихъ не малыхъ причинахъ, о чемъ объявить онъ, по прибытіи преосвященнаго архіепископа въ С. Петербургъ, въ его архіерейской келейной конторѣ или въ св. синодѣ, съ позволенія его преосвященства, а нынѣ о томъ нигдѣ не доносилъ для того, не о всемъ былъ свѣдомъ».

Вслѣдъ за тѣмъ Назаровъ подалъ въ невскую канцелярію письменное доношеніе слѣдующаго содержанія: «Новгородской епархіи, Шелонской пятинны, Залѣсскаго половины, Которскаго погоста, сельца Модолицъ, николаевскій пономарь Федоръ Назаровъ, а его, Макаровъ, братъ, въ бытность свою, въ прошломъ 1721 году, при невскомъ монастырѣ, объявилъ ему, Макару, тоя жъ церкви на попа Митрофана Архипова вѣкоторыя непотребства, о которыхъ съ его пономаревой сказки написалъ онъ, Макарь, съ десять пунктовъ, а подлинно-ль столько или больше, не упомянуть, и для подавія въ новгородскомъ разрядѣ отдать ему, пономарю, а въ февралѣ мѣсяцѣ сего года въ невской канцеляріи объявилъ, что нынѣ изъ тѣхъ пунктовъ упомянулъ: въ 1-мъ—о служеніи святыя литургіи надъ оржавными, а не надъ пшеничными просфорами, а въ тѣхъ мѣстахъ пшеницы довольно родится; во 2-мъ—о вѣнчаніи свадебъ единымъ имъ, попомъ, въ ночные часы тайно отъ причетниковъ; въ 3-мъ—о неспраждованіи съ молебствованіемъ во дни тезоименитствъ благовѣрной государыни императрицы Екатерины Алексѣевны и прочихъ ихъ величества фамилинъ; въ 4-мъ, при крещеніи младенцевъ и при вѣнчаніи свадебъ молитвы, кромѣ святаго евангелія, по его, попову, велѣнію, чтомы бывають отъ причетниковъ; въ 5-мъ, онъ же, попь, многихъ людей билъ до крови и, не взявъ прощенія, служилъ; въ 6-мъ, въ прешедшихъ годѣхъ просвирня Аява Іосіева, а его, попова, своячина, жила блудно съ братомъ его роднымъ, отчего и очреватѣла, а надъ печеными тою бабою просфорами онъ, попь, святую литургію служилъ; въ 7-мъ, въ 1720 году воры и разбойники пришли въ помянутое сельцо и требовали себѣ пищи, которую съ жителей собиралъ онъ, попь, и за то

собрание давали они ему нѣкоторыя вещи за деньги и безденежно, да въ церковь принялъ онъ, попъ, у нихъ оловянное блюдо, а за недачу отъ дьячка и отъ пономаря тѣмъ разбойникамъ пищи и укывательства онъ, попъ, сказывалъ, за что они, разбойники, и уграживали»...

По рассмотрѣніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, преосвященный Θεодосій, 14-го Іюня 1722 года, приказалъ: «противъ доношенія подъячаго Макара Назарова на попа Митрофана Архипова о правильныхъ винахъ изслѣдовать въ его архіерейскомъ разрядѣ судѣ архимандриту Андронику, а его, Макара, до изслѣдованія того дѣла держать подъ карауломъ; а іеродіакона Іоаннікія подъ гражданское наказаніе монашескаго чина обнажить для того, что онъ, Іоаннікій, учиня съ пономаремъ Гавриломъ Игнатъевымъ драку во пьянствѣ, какъ взять подъ караулъ, сказалъ за собою государево дѣло, и на другой день, при допросѣ предъ намѣстникомъ, избывая наказанія, утверждался въ томъ же, а въ какой силѣ за нимъ дѣло есть противъ вопросу о двужакихъ пунктахъ именно не сказалъ и къ допросу своему упрямствомъ своимъ руки не приложилъ, а въ прибытіе его преосвященства, по слѣдованію, за нимъ, Іоаннікіемъ, и за подъячимъ Макаромъ Назаровымъ явилось дѣло не въ такой силѣ, о какихъ велѣно е. и. в. доносить, и для учиненія указа послать его, Іоаннікія, въ св. прав. синодъ съ доношеніемъ».

Такимъ образомъ, Макаръ Назаровъ посаженъ былъ подъ арестъ, а іеродіаконъ Іоаннікій «монашескаго чина обнаженъ и остриженъ». Вскорѣ Іоаннікій, называвшійся въ мірѣ Іосифомъ, посланъ былъ въ св. синодъ.

Св. синодъ, рассмотрѣвъ дѣло, опредѣлилъ «обнаженного іеромонаха Іоаннікія, за показанную его въ монастырѣ противность и за сказываніе е. и. в. дѣла, котораго за нимъ не явилось, для учиненія ему наказанія отослать въ Юстиць-Коллегію».

Іоаннікія привели въ эту коллегію. Здѣсь, «сидя подъ карауломъ въ казармѣ, вышеозначенный обнаженный чернецъ сказалъ за собою е. и. в. слово и дѣло». Спрошенный по этому случаю, въ Юстиць-Коллегію, Іоаннікій объяснилъ, что «сказывалъ ему объ е. и. в. словѣ чернецъ Макарій, «который изъ св. синода посланъ въ ссылку, что де слышалъ и караульный солдатъ Скокуновъ». Вслѣдствіе этого Іоаннікій препровожденъ былъ изъ Юстиць-Коллегіи въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Здѣсь, на допросѣ, рассказалъ онъ слѣдующее: «Въ нынѣшнемъ 1722 г., въ великій постъ, невской канцеляріи подъячій Макаръ Назаровъ, бывъ подъ карауломъ въ чепи, сказывалъ за собою государево дѣло и говорилъ ему, Іоаннікію, чтобъ онъ о

томъ донесъ, гдѣ надлежитъ съ такимъ прещеніемъ, ежели де не допесешь, то де пострадаешь... И по тѣмъ де его, Назарова, словамъ онъ, Іоанникій, въ томъ монастырѣ, мая 13 дня, сказалъ за собою государево дѣло, и за то посаженъ подъ карауль въ чепъ, а въ 15 день того мѣсяца хотѣли его о томъ допрашивать намѣстникъ іеромонахъ Иларіонъ, инквизиторъ іеродіаконъ Матвѣй, да судья Степанъ Головачевъ, и онъ въ допросъ не пошелъ, а говорилъ имъ, чтобъ его для показанія отослать въ канцелярію тайныхъ дѣлъ, и они его не послали, и былъ подъ карауломъ. А какъ изъ Москвы прибылъ архіепископъ и архимандритъ александровскій Θεодосій, и іюня 7 дня, по приказу его, допрашивалъ его, Іоанникія, помянутый намѣстникъ, и онъ сказалъ про вышеписаннаго подъячаго Назарова, что онъ сказываетъ за собою государево дѣло, и о томъ велѣлъ ему донести, а какое дѣло, того онъ, Іоанникій, отъ Назарова не слыхалъ... И потомъ онъ, архіепископъ, взялъ его, Іоанникія, передъ себя и говорилъ ему: для чего де ты сперва, въ 15 числѣ мая, о тѣхъ словахъ не показалъ? и онъ, Іоанникій, сказалъ ему: кому де было показать? Нѣчто де плуту Головачеву? И онъ де, архіепископъ, за то велѣлъ его, Іоанникія, **обнажить чернеческаго сана, и обнаженъ**. Затѣмъ Іоанникій разсказалъ, что онъ посланъ былъ въ св. синодъ, отсюда въ Юстиць-Коллегію и наконецъ въ тайную канцелярію. «А сего де сентября 22 дня, продолжалъ повѣствовать Іоанникій, въ бытность подъ карауломъ въ Юстиць - Коллегіи, сказалъ онъ, Іоанникій, за собою государево слово и дѣло въ такую силу: какъ онъ держанъ въ синодѣ до отсылки въ Юстиць-Коллегію, и въ то время тутъ же держался изъ Новгорода Юрьева монастыря обнаженный монахъ Макарій, который ему сказывалъ въ разговорахъ, что за нимъ есть важное государево слово, и изъ синода де онъ, Макарій, посланъ былъ на Соловки и на дорогѣ сказалъ за собою государево слово, а на кого показать, того де съ нимъ привезли въ синодъ, а кого именно привезли, того ему, Іоанникію, не сказалъ, и тотъ де колодникъ изъ синода изъ подъ караула бѣжалъ. А какъ изъ Юстиць-Коллегіи ходилъ онъ, Іоанникій, для милостыни за карауломъ, и какъ были съ караульщикомъ на дворѣ синодскомъ, и онъ, Іоанникій, пришедъ къ караульной избѣ, гдѣ сидятъ колодники, и видѣлся съ помянутымъ Макаріемъ, который ему сказывалъ, что ведутъ его паки въ Соловецкій монастырь, и ты де, Іоанникій, донеси: есть де за мною е. п. в. самое важное слово, и караульному солдату Ивану Скокунову то-жъ говорилъ, чтобъ о томъ донести»...

Гренадеръ с.-петербургскаго гарнизона, комендантскаго полка, Иванъ Скокуновъ, на котораго сослался Іоанникій, съ своей стс-

роны подтвердилъ, что, дѣйствительно, проходя съ Іоанникіемъ черезъ дворъ св. синода, какой-то колодникъ подозвалъ къ себѣ Іоанникія и сказалъ ему: «прости де, отче Іоанникіе! Нынѣ меня ведутъ въ иную сторону, и ты де про мое дѣло извѣстешь, напамягуй де и донеси, что есть за мной самое нужное царственное слово».

Вслѣдствіе этого въ Архангелогородскую губернію послано было изъ тайной канцеляріи требованіе, чтобы выслали оттуда, «за крѣпкимъ карауломъ, сиювана обнаженнаго монаха Макарія»,—а подъячій Макарь Назаровъ немедленно взять былъ изъ Александроневскаго монастыря въ означенную канцелярію. Здѣсь Назаровъ сообщилъ, что, сказавъ за собою государево дѣло, онъ разумѣлъ «разныя церковныя вины» попа Митрофана Архипова, о которыхъ онъ слышалъ отъ брата своего новомаря Федора Назарова и о которыхъ донесъ своевременно преосвященному Θεодосію; въ числѣ упомянутыхъ проступковъ Архипова есть такой, что онъ, Архиповъ, «не праздновалъ въ день тезоименитства благовѣрныхъ великія государыни императрицы Екатерины Алексѣевны и прочихъ ихъ величества фамиліи». Что же касается до письма, въ которомъ было означено, что «онъ, Назаровъ, объявляетъ за собою е. и. в. дѣло»,—то хотя онъ и послалъ это письмо съ разсылнымъ Ивановымъ къ судѣ Головачеву, но оно по назначенію не дошло, такъ какъ онъ, Назаровъ, его изорвалъ, «и оно учинилъ ни для чего иного, токмо чтобъ посторонніе, кому не подлежитъ, того письма не читали». Послѣ этого Назаровъ возвращень былъ въ Александроневскій монастырь подъ росписку <sup>1)</sup> двумъ лицамъ съ тѣмъ, чтобы эти лица представили его въ тайную канцелярію при первомъ требованіи. «А обнаженнаго іеродіакона растригу Осипа приказано содержать въ канцеляріи тайныхъ дѣлъ подъ карауломъ до тѣхъ мѣстъ, пока будетъ присланъ изъ Архангелогородской губерніи Новгородскаго Юрьева монастыря обнаженный монахъ Макарій, и для того ему, Осипу, давать кормъ по четыре деньги на день».

---

<sup>1)</sup> „1722 года ноября въ 9 день по указу его имп. величества изъ канцеляріи тайныхъ дѣлъ отданъ нижеподписавшимся на росписку Троицкаго Александроневскаго монастыря подъячій Макарь Назаровъ въ томъ, что, за сею роспискою, изъ С.-Петербурга безъ указа изъ помянутой канцеляріи ему, Назарову, не съѣхать, и ежели его, Назарова, впредь въ помянутую канцелярію спросятъ, и имъ, росписщикамъ, поставитъ его безъ отрицанія; а буде они, росписщики, впредь въ помянутую канцелярію его, Назарова, не поставятъ или, за нѣхъ роспискою, безъ указа изъ оной канцеляріи изъ С.-Петербурга куда онъ съѣдетъ, и за то они, Назаровъ и росписщики его, повинны отнятія всего ихъ движимаго и недвижимаго имѣнія и лишенія живота“.  
(Слѣдуютъ подписи).

Виѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлано было распоряженіе о высылкѣ въ канцелярію брата Назарова, пономаря села Модольца, Федора Назарова.

Черезъ нѣсколько времени «колодникъ» пономарь Назаровъ прибылъ въ тайную канцелярію; рассказавъ здѣсь обстоятельства, сообщенныя подъячимъ Макаромъ Назаровымъ, пономарь продолжалъ: «а помянутый попъ Митрофанъ въ дни рожденія и тезоименитства ея величества государыни императрицы и ихъ высочества государынь цесаревенъ въ тезоименитства-жъ никогда не празднуетъ, о чемъ я ему, попу, и говаривалъ, для чего онъ въ тезоименитства государыни императрицы не праздновалъ? И онъ де, попъ, говорилъ: «это де не императоръ, и такъ де изойдетъ». Кромѣ того, и отецъ мой, дячекъ Назаръ Михайловъ, говорилъ объ этомъ нѣкоторымъ крестьянамъ помѣщиковъ Ивана Силина и Якова Игнатѣева Парскихъ; однако-же сослаться на этихъ свидѣтелей я не могу, «понеже ему, попу, они, крестьяне, братья двоюродные, да и отцу моему они, крестьяне, претили, чтобъ онъ на того попа не доносить, а ежели де будешь доносить, мы де тебя и отъ мѣста отлучимъ. А въ тезоименитство-жъ его и. в. празднуетъ онъ, попъ, не по вся годы, а иногда въ тотъ день и у обѣдни не бываетъ; а въ Новгородѣ, въ архіерейскомъ разрядѣ о вышеписанномъ о всемъ не сказалъ я для того: помянутый попъ Митрофанъ, въ бытность въ Новгородѣ подъ карауломъ (какъ мы сидѣли съ нимъ вмѣстѣ), просилъ меня, чтобъ я въ вышеписанномъ во всемъ заперся, а я де, попъ, тебя церковнымъ доходомъ и ругою избѣжать не стану, и буду де добръ къ тебѣ, и посланъ онъ, попъ, въ Вяжицкой монастырь подъ началь».

Вслѣдствіе этого показанія, въ первыхъ числахъ января 1723 года, предписано было изъ тайной канцеляріи взять попа Митрофана Архипова «скована, за крѣпкимъ карауломъ»,—для чего и посланъ былъ отъ гвардіи сержантъ.

Вскорѣ Архиповъ присланъ былъ въ канцелярію, при слѣдующемъ письмѣ отъ судьи Новгородскаго архіерейскаго разряда, архимандрита Андроника, на имя начальника канцеляріи Ушакова: «Благородный господинъ, господинъ Андрей Ивановичъ, благополучно о Господѣ здравствуй! Писаніе ваша честности, отъ С.-Петербурга сего мѣсяца 7 дня отправленное, нами получено 10 числа, за которое ваше превосходительство и благодарствуемъ. По оному-же вашего благородія писанію требуемый указомъ императорскаго величества въ канцелярію тайныхъ дѣлъ Новгородскаго уѣзда, Которскаго погоста, сельца Модольца попъ Митрофанъ Архиповъ въ новгородскій архіерейскій разрядъ сысканъ, и присланному отъ ваша честности лейбъ-гвардіи

преображенскаго полку каптенармусу Суморокову, сковавъ, для отвезенія во оную тайную канцелярію сего числа отданъ. О чемъ объявля, остаюсь о вашемъ благородіи во всегдашнихъ молитвахъ и униженно кланяюся. Архимандритъ Андроникъ».

На допросѣ попъ Митрофанъ Архиповъ объяснилъ, что въ царскіе дни онъ всегда совершалъ празднованіе. Что же касается до того, будто онъ говорилъ пономарю Федору Назарову такія слова, что «де это не императоръ, и такъ изойдетъ», то это неправда. И во всемъ, что показывалъ Назаровъ, послѣдній его, Архипова, «поклепалъ напрасно для того: съ отцемъ его, Федоровымъ, того-жъ погосту дьячкомъ Назаромъ и съ нимъ, Федоромъ, и съ братомъ его Кондратьемъ имѣются у него, попа, многія ссоры, понеже они ему чинятъ всякія обиды, о чемъ у него, попа, и челобитье въ Новгородскомъ архіерейскомъ разрядѣ есть; тако-жъ и того погосту всѣ жители о ссорахъ ихъ свѣдомы. И въ семъ разпросѣ онъ, попъ Митрофанъ, сказалъ по священству самую истину».

Наконецъ, спрошены были помѣщики Иванъ и Яковъ Парскіе, а также восемь человѣкъ крестьянъ, которые были въ то же время и прихожанамъ попа Архипова. Изъ разсказовъ всѣхъ этихъ лицъ выяснилось, что у попа Архипова съ дьячкомъ Федоромъ Назаровымъ «имѣются ссоры въ земляхъ ихъ, и въ сѣвннхъ покосахъ, и въ прочихъ домашнихъ обихахъ», и что объ этомъ есть у нихъ въ Новгородскомъ архіерейскомъ разрядѣ челобитье. Однажды дьячекъ Назаровъ сказалъ Архипову: «ты де въ царскіе ангелы не служишь», а дѣйствительно ли это такъ — неизвѣстно. Впрочемъ было, будто-бы, нѣсколько случаевъ, когда Архиповъ не служилъ въ царскіе дни или потому, что бывалъ въ эти дни въ гостяхъ, или же просто потому, что «не зналъ въ которія числа подлежало праздновать».

Канцелярія тайныхъ дѣлъ признала виновными попа Архипова, подъячаго Макара Назарова и брата его, пономаря Федора Назарова, перваго въ томъ, что «въ день тезоименитства великія государыни Екатерины Алексѣевны не праздновалъ, а былъ въ гостяхъ», братьевъ-же Назаровыхъ въ томъ, что объ означенномъ проступкѣ Архипова своевременно не донесли. Вслѣдствіе этого положено было «учинить наказанье»—Архипову: «бить плетми», а Назаровымъ: «бить батоги нещадно». И «биты, и свободены,—а при свободѣ имъ, Назаровымъ, тако-жъ и попу Митрофану Архипову сказанъ е. и. в. указъ: о чемъ они въ канцеляріи тайныхъ дѣлъ спрашиваны, о томъ бы ни съ кѣмъ разговоры отнюдь не имѣли, а буде они о томъ съ кѣмъ имѣтъ будутъ разговоры, а о томъ въ канцеляріи тайныхъ дѣлъ извѣстно будетъ, и за то имъ учинена будетъ смертная казнь».



## VIII.

Василій и Ефимъ Гуртовые.

1722—1723 гг.

Въ апрѣлѣ 1722 года жители малороссійскаго города Королевца были сильно заинтересованы двумя событіями. Въ городѣ полученъ былъ изъ св. синода указъ, которымъ повелѣвалось снимать «съ образовъ приклады», о чемъ объявилъ жителямъ священникъ соборной церкви Рождества Богородицы. Черезъ нѣсколько дней послѣ полученія указа, а именно 29 апрѣля, разразилась надъ городомъ гроза и соборную церковь повредило молніей. Народъ находилъ тѣсную связь между этими событіями и старался объяснить ихъ по своему.

Въ это время въ городской ратушѣ содержались подъ карауломъ два брата изъ мѣщанъ, Василій и Ефимъ Гуртовые. Братья не пользовались доброй репутаціей; они арестованы были еще въ 1721 году, по подозрѣнію въ кражѣ имущества, принадлежащаго войту (старостѣ) Моисею Семенову. Прошло уже около года, какъ Гуртовые находились подъ арестомъ, и не предвидѣлось конца этому аресту. И вотъ они задумали объявить за собою государево слово.

26-го мая проходилъ мимо ратуши королевецкій писарь. Василій Гуртовъ подозвалъ его къ себѣ и сказалъ, что есть за нимъ е. и. в. слово, и чтобы онъ, писарь, донесъ о томъ атаману, дабы его, Василія, съ братомъ его Ефимомъ отослали въ Глуховъ.

Писарь извѣстилъ атамана, который послалъ его въ ратушу «и велѣлъ его, Василія, пока онъ отосланъ будетъ въ Глуховъ, къ стѣнѣ приковать за шею, чтобы онъ не ушелъ».

Писарь приказалъ сторожу исполнить это распоряженіе, такимъ образомъ Василій «прикованъ былъ дня съ четыре». Во время этого «жестокаго задержанія» арестантъ попросилъ брата своего Ефима, чтобы онъ сходилъ къ капитану Усову, который только что пріѣхалъ въ Королевецъ изъ Глухова, «и объявилъ ему, что есть за нимъ, Васильемъ, государево слово. Ефимъ исполнилъ эту просьбу. Капитанъ призвалъ къ себѣ наказнаго сотника да атамана, и посовѣтывалъ имъ не задерживать столь важныхъ преступниковъ, а поскорѣе отправить

ихъ «куда надлежить»; больше онъ ничего не могъ сдѣлать, «для того, что помянутые королевскіе наказной сотникъ съ товарищи подъ командою гетманскаго и генеральнаго старшины, а онъ-де самъ никакой команды надъ ними не имѣлъ».

Черезъ нѣсколько, впрочемъ, времени братьевъ-колодниковъ отправили, «съ отпискою», въ городъ Глуховъ, къ гетману; но такъ какъ гетманъ былъ въ отсутствіи, то ихъ отвели въ ратушу. По исполненіи всѣхъ формальностей пріема, братьевъ препроводили въ тюрьму. Здѣсь они пребыли до возвращенія гетмана, и на допросѣ заявили послѣднему, что имѣютъ за собою важное царственное слово на войта колесника Моисея Семенова. Войта вызвали изъ Королевца.

Въ томъ же 1722 г. посланъ былъ изъ сената въ малороссійскую коллегію, на имя бригадира Вильямина «съ товарищи», указъ, которымъ «велѣно ему, будучи въ Глуховѣ, предостерегать накрѣпко, чтобы, при нынѣшней вакансіи, какъ въ старшинѣ, такъ и въ прочихъ какихъ противностей не было, и народъ къ тому побуждаемъ не былъ». Затѣмъ въ то время, какъ Гуртовы присланы были къ гетману, а именно въ сентябрѣ 1722 г., сенатъ потребовалъ отъ коллегіи «именного списка колодникамъ, которые содержатся подъ карауломъ при ихъ правленіи,—кто именно и по какимъ дѣламъ». Вслѣдствіе этого братья Гуртовы съ войтомъ Семеновымъ отправлены были въ Москву, въ сенатъ, какъ лица, которыя имѣли за собою «слова, касающіяся къ е. и. в. чести». Сенатъ, обычнымъ порядкомъ, препроводилъ колодниковъ въ тайную канцелярію.

Здѣсь Василій Гуртовъ показалъ, что 25 апрѣля «въ день св. апостола и евангелиста Марка отпущенъ былъ онъ, Василій, съ онымъ братомъ своимъ Еонимомъ для прошенія отъ мірскихъ людей милостыни, за карауломъ съ дневальными караульщиками двумя человѣками, которые имѣютъ мастерство сапожное, а какъ ихъ зовутъ, того онъ не вѣдаетъ, токмо въ лицо ихъ знаетъ; и пришли-де они передъ вечерами, къ соборной церкви Рождества Богородицы, которая слыветъ пречистая, и стали у той церкви въ баласахъ, которые придѣланы къ той церкви, и усмотрѣли-де они въ той церкви, что ко образу чудотворному Пресвятыя Богородицы, который стоитъ надъ царскими дверьми, приставлена лѣстница, и снимаютъ приклады, которые къ тому образу отъ молящихъ приложены; а въ то-жь-де время въ оной церкви на порогѣ въ дверяхъ стоялъ войтъ Моисей Семе-

новъ, и плача говорилъ тихо: велѣлъ-бы-де я у государя лучше кожу содрать, какъ онъ съ иконъ нашихъ прикладъ сдираетъ,—и какъ-де онъ тѣ слова говорилъ, и тѣ-де слова онъ, Василій, съ братомъ своимъ Ефимомъ слышали, и другіе-де кто съ онимъ войтомъ внутри той церкви близъ его стояли и тѣ слова слышали-ль, того онъ, Василій, не знаетъ, для того, что они, Василій съ братомъ, стояли вѣ той церкви за дверьми церковными. Также и другихъ съ ними, Васильемъ и братомъ его Ефимомъ, за тѣми церковными дверьми никого не было, и означенные-де караульщики при томъ съ ними не были, и тѣхъ словъ отъ него, войта, не слышали, для того, что стояли онѣ отъ той церкви далеко, саженьяхъ въ пяти. Да въ томъ-же-де апрѣлѣ мѣсяцѣ въ 29 числѣ, въ воскресенье, передъ вечернями сталъ дождь великій и громъ и молнія; и отъ грома-де означенную церковь повредило. Итого ради они, Василій и Ефимъ, вышли изъ ратуши передъ оную церковь смотрѣть той церкви поврежденіе; да къ той же де церкви сошлось смотрѣть людей многое число, въ томъ числѣ и помянутой войтъ Моисей Семеновъ; и подвявъ-де онъ, войтъ, драпицу, сталъ молиться къ оной церкви и говорилъ тихо: «вболѣлъ-бы, т. е. хотѣлъ-бы-де я, чтобъ царя громъ разбилъ; за его гнѣвомъ разбило церковь, что онъ съ иконъ повелѣлъ оклады снять!» И какъ-де онъ, войтъ, тѣ слова говорилъ и при томъ людей было много, мѣщанъ и сторожей и малыя ребята, а по именамъ сказать всѣхъ не упомянуть, тѣ вышенисанныя его, войта, злыя слова изъ тѣхъ людей кто слышалъ-ли или нѣтъ, того онъ, Василій, не знаетъ, потому что въ томъ многолюдствѣ былъ великій крикъ, и отбивали у той церкви замки, и, сбивъ, смотрѣли, что не загорѣлось-ли въ оной церкви, а караульщиковъ-де при нихъ, Васильѣ и Ефимѣ, въ то время никого не было. И слышавъ-де онъ, Василій, тѣ злыя слова отъ помянутаго войта, не доносилъ о томъ ведѣли съ 3 для того, что-де въ то время русскихъ офицеровъ никого въ Королевцѣ не было».

Затѣмъ Василій разсказалъ вышениложенныя обстоятельства его ареста, отсылки въ Глуховъ и, наконецъ, въ Москву, въ тайную канцелярію.

Ефимъ Гуртовъ хотя показалъ въ общихъ чертахъ то-же самое, что и братъ его Василій,—но въ нѣкоторыхъ подробностяхъ встрѣчается различіе. Такъ, напримѣръ, Ефимъ передалъ, что въ то время, какъ снимали въ церкви съ иконъ приклады, то войтъ Семеновъ гово-

рилъ будто-бы такія слова: «вехай.... съ государя чортъ шкуру дразь, нежели иконы отдирать, что-де не бывало, а теперь стало». Кромѣ его, Ефима и Васнлья, слова эти слышала еще одинъ черниговецъ, который по этому случаю сказалъ имъ: «что коли-бъ-де кто на онаго войта донесъ, и ему-бъ-де учинено было великое зло». Другихъ свидѣтелей, которые слышали бы произнесенныя войтомъ слова, Ефимъ не указалъ, «да и помянутый черниговецъ, послѣ того, какъ церковь разбилъ громъ, на другой день умре». Слова-же войта, сказанныя по случаю поврежденія церкви молніей, Ефимъ вмѣстѣ съ братомъ передалъ почти одинаково; а именно, войтъ будто-бы говорилъ: «вотъ-де лучше-бъ государя громъ разбилъ, нежели церковь Божию; какъ-де стали съ иконъ оклады обдирати, такъ и церковь громъ сталъ бити»; но Ефимъ не упомянулъ, что войтъ, по словамъ брата, поднималъ въ это время какую-то дравицу и сталъ молиться на церковь. О всѣхъ остальныхъ обстоятельствахъ Ефимъ показалъ согласно съ братомъ Василюмъ.

Житель города Королевца, войтъ Моисей Семеновъ, завѣдывающій отправленіемъ почтовыхъ и ямскихъ подводъ, «почтарямъ, посылаемымъ съ Государевыми дѣлами», показалъ, что въ апрѣлѣ или въ маѣ былъ онъ однажды въ соборной церкви у обѣдни; послѣ окончанія службы той церкви попъ Александръ, вышедши изъ той церкви, говорилъ всѣмъ королевцевымъ жителямъ, которые шли изъ той церкви отъ обѣдни, что-де присланъ указъ къ намъ отъ великаго государя, чтобъ приклады съ иконъ собирать,—и мы де ставемъ тѣ приклады снимать; а ежели-де намъ ихъ не снимать, то не было-бъ-де намъ какого подзору. И онъ де войта тѣ слова слышалъ, и на тѣ-де сего поповы слова онъ, войтъ, и никто ничего ему, попу, не молвили, и разошлись они всѣ по домамъ». Во время сниманія прикладовъ онъ, войтъ, въ церкви не присутствовалъ, а находился на полѣ. «И какъ-де онъ, войтъ, уже къ вечеру шелъ съ поля въ домъ свой, и на дорогѣ встрѣтились съ нимъ ратушской ключникъ, у котораго вино и всякій хлѣбъ на рукахъ, Денисъ, а чей сынъ—того не знаетъ, да мѣщанинъ Иванъ Нѣженицъ, и сказывали ему, войту: ты-де по полю ѣздишь, ничего не знаешь, а мы-де теперь были въ церкви, по государеву указу, собирали оклады съ образовъ; и онъ-де, войтъ, на тѣ слова имъ ничего не сказалъ, и пошелъ въ домъ свой. А самъ-де онъ, войтъ, при томъ, какъ оныя оклады собирали, въ церкви не былъ, и такихъ злыхъ

словъ, которыя показаны на него отъ Василья и Ефима, не говариваль, и кромѣ-де того одного дня ни въ которое время въ той церкви тѣхъ прикладовъ съ иконъ не снимали; и въ томъ-де онъ шлется на весь городъ. А какъ-де означенную церковь громомъ повредило, и въ то время къ той церкви для смотрѣнія сошлось людей много, и онъ-де, войтъ, при томъ былъ-же. И бревно большое сажень шести, которое отъ онаго поврежденія съ церкви упало, онъ, войтъ, со многими людьми прикатили къ церкви, для того, что дорогу къ той церкви онымъ бревномъ завалило, и кто-де по именамъ съ нимъ, войтомъ, то бревно катили, того онъ, за прошедшимъ временемъ, сказать не упомнить; и приката-де то бревно, пошелъ онъ, войтъ, отъ той церкви въ домъ свой; а дранички-де никакой при той церкви онъ, войтъ, не подымаль, и злыхъ словъ, которыя показаны отъ означенныхъ Гуртовыхъ, онъ никогда не говариваль. А тѣ-де слова показали они, Гуртовые, на него, войта, по злобѣ. А злоба-де ихъ такая, что въ прошломъ 1721 году, передъ Петровымъ днемъ, покрали изъ каморы его, войта, многіе пожитки; да и послѣ того въ томъ же году, передъ Петровымъ днемъ, покрали воры Покровскаго попа Федора многіе-жъ пожитки и изъ того краденаго нѣкоторые пожитки жена означеннаго Василья Гуртоваго продавала въ Глуховѣ. И того ради приведена она въ Королевецъ въ ратушу, и по послѣдствованію, оныя Гуртовые явились въ той кражѣ приличены; о чемъ-де явствуетъ въ той ратушѣ дѣло; да и другія-де многія воровства оныя Гуртовые чинили, о чемъ всему городу Королевцу вѣдомо; а отецъ-де ихъ, Гуртовыхъ, за воровства выгнанъ вонъ изъ Королевца. И по такой-де вышеобъявленной злобѣ, что онъ, войтъ, и помянутой попъ въ искалъ своихъ ихъ, Гуртовыхъ, въ ратушѣ держали, означенныя злыя слова на него, войта, они и показали, хотя въ воровствахъ своихъ отъ розыску отбыть».

Тайная канцелярія предписала: «сыскать въ Королевцѣ всякихъ чиновъ людьми»—справедливы-ли показанія Василья и Ефима Гуртовыхъ и войта Семенова?

Въ январѣ 1723 г. присланъ былъ изъ Малороссійской коллегіи въ тайную канцелярію «подлинный сыскъ», изъ котораго видно слѣдующее <sup>1)</sup>: священникъ соборной церкви Рождества Богородицы и

<sup>1)</sup> Такъ какъ многіе изъ свидѣтелей о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ отозвались незнаніемъ или передали то, что уже положено выше,—то мы и

четырнадцать человекъ, «разныхъ чиновъ», показали, что 22 апрѣля 1722 года означенный священникъ объявилъ прихожанамъ о полученномъ изъ Св. Синода указѣ, которымъ повелѣвалось снимать съ иконъ приклады, что и было исполнено въ тотъ же день къ вечеру. «А войта Монсея, также Василья и Ефима Гуртовыхъ въ той церкви и при церкви въ баласахъ не видали, а оный войтъ въ той церкви на порогѣ стоялъ-ли и плакалъ-ли, о томъ они ни отъ кого не слышали». Дьячекъ одинъ сказалъ, что въ это время въ баласахъ стояли Гуртовые, а соборный ключникъ, по его словамъ, видѣлъ одного только Ефима. Одинъ изъ караульщиковъ при ратушѣ объяснилъ, что съ колодникомъ Васильемъ Гуртовымъ онъ ходилъ въ церковь смотрѣть какъ съ образцовъ собирали приклады, но «въ тотъ день оный Василій Гуртовый съ войтомъ нигдѣ не стаживались». По словамъ же другого сторожа, Гуртовые сидѣли въ это время за карауломъ въ ратушѣ, а смотрѣть не выходили». Тридцать три человекъ показали, что послѣ поврежденія соборной церкви молніей, они приходили смотрѣть это поврежденіе, «и войта притомъ видѣли, а Гуртовыхъ не видали, и отъ войта никакихъ словъ про императорское величество не слышали, и дралицу онъ, Войтъ, подымалъ-ли, и въ церкви молился-ль, и бревно прикачивалъ-ли, того они не видали». Двое караульщиковъ сказали, что въ то время, какъ повредило соборную церковь, Василій и Ефимъ Гуртовые находились подъ карауломъ въ ратушѣ. Наконецъ, многіе жители города Королевца показали, что передъ Петровымъ днемъ у войта Семенова совершена была кража, по всей вѣроятности, Гуртовыми, такъ какъ жена Василья и поныиѣ содержится въ ратушѣ, «да и во многихъ-де воровствахъ они также и отецъ ихъ явились».

Выписана была изъ уложенія 12 статья, которою повелѣвалось: «Будетъ кто на кого учнетъ извѣщать великое государево дѣло, а свидѣтелей на тотъ свой извѣтъ никого не поставитъ и ничѣмъ не уличитъ, и сыскать про такое государево важное дѣло будетъ нечѣмъ, и про такое великое дѣло указъ учинить по разсмотрѣнію, какъ государь укажетъ». Руководствуясь этой статьей, и находя, что Гуртовые «въ вышеписанныхъ важныхъ словахъ показали рознь, а не равно тѣ

---

ограничимся здѣсь приведеніемъ наиболѣе интересныхъ въ какомъ-либо отношеніи показаній.

Н. В.

слова сказали»,—тайная канцелярія опредѣлила: «того ради ими розыскивать и пытатъ, и при розыскѣ ихъ спрашивать, чего ради они такія непристойныя слова на него, войта, показали?»

Братьевъ привели въ застѣнокъ и начали допрашивать «съ пристрастіемъ». И изъ нихъ Василій Гуртовой на вискѣ сказалъ: что вышписанныя злыя слова показалъ на войта по злобѣ для того, что де онъ, войтъ, ихъ, Гуртовыхъ, съ женами ихъ и съ дѣтьми оклеветалъ въ кражѣ своей напрасно, и тѣмъ ихъ раззорилъ; и за то-де умыслялъ онъ тѣми злыми словами его, войта, оклеветать, чтобъ за раззореніе свое какое-нибудь отмщеніе ему учинить».

Ефимъ сказалъ то же самое.

Черезъ двѣ недѣли вновь розыскивано, и Василій сказалъ, что на войта, по указанной причинѣ, онъ «поклепалъ суще напрасно». Дано ему 21 ударъ.

Ефимъ подтверждалъ свое прежнее показаніе, «было ему дано 21 ударъ».

Подвели другую статью (17-ю) изъ уложенія: «Будетъ кто на кого доводилъ государево великое дѣло или измѣну, и не довелъ и същется про то до-пряма, что онъ такое дѣло затѣялъ напрасно, — и тому извѣтчику то-же учинить, чего бы довелся тотъ, на кого онъ доводилъ». Тайная канцелярія опредѣлила: братьямъ Гуртовымъ «учинить смертную казнь въ Москвѣ—отсѣчь головы».

«Въ выи́шнемъ 1723 году, іюня въ 28 день, по его Императорскаго величества указу, Малороссійскаго города Королевца жители Василій и Ефимъ Гуртовы казнены въ Москвѣ — отсѣчены имъ головы за то, что въ прошломъ 1722 году октября въ 1-мъ числѣ при указѣ его и. в. изъ канцеляріи пр. сената присланы они, Гуртовы, въ тайную канцелярію въ томъ, что показали они того-жъ города Королевца на войта Моисея колесника важныя непристойныя слова про его и. в., а оный войтъ въ разспросахъ и на очныхъ ставкахъ говорилъ, что тѣхъ словъ никогда онъ не говаривалъ, и въ томъ слался на весь городъ Королевецъ, а въ присланномъ сыску изъ Малороссійской коллегии показано, что за нимъ, войтомъ, онаго не явилось, и въ томъ оными, Гуртовыми, розыскивано, а съ розыску сказали, что его, войта, тѣми непристойными словами поклепали они напрасно по злобѣ за то, что онъ, войтъ, поклепалъ ихъ, Гуртовыхъ, кражею пожитками своими, и тѣмъ ихъ раззорилъ, и за то-де умыслили они

тѣми словами его, войта, оклеветать, чтобъ за раззореніе свое какое нибудь отмщеніе ему учинить. И сего іюня 13 дня по его и. в. указу и по опредѣленію канцеляріи тайныхъ дѣлъ велѣно означенныхъ королевскихъ жителей Гуртовыхъ за напрасное ихъ оклеветаніе казнить смертью въ Москвѣ — отсѣчь головы, чтобъ впредь другимъ такимъ злоумышленникамъ чинить такъ было неповадно.

---



# АРТЕМІЙ ПЕТРОВИЧЪ ВОЛЫНСКОЙ

И ЕГО „КОНФИДЕНТЫ“ <sup>1)</sup>.

(По поводу сооруженія памятника на могилѣ А. П. Волынскаго, А. Ф. Хрущова и П. М. Еропкина, вмѣщающаго бытъ 27-го іюня 1885 года).

Печатаемая здѣсь статья объ Артеміи Петровичѣ Волынскомъ — составлена, по нашей просьбѣ, профессоромъ Д. А. Корсаковымъ по поводу сооруженія памятника на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущова. Памятникъ исполненъ мастеромъ А. Н. Соколовымъ, барельефъ къ нему — выгнѣленъ академикомъ А. М. Опекушинымъ. Памятникъ будетъ вскорѣ поставленъ на приготовленный для него гранитный пьедесталь.

Ред.

## I.

27-го іюня 1740 года, въ 30-ю годовщину славной Полтавской битвы, съ самаго ранняго утра массы народа стали наполнять Сытный рынокъ, близъ Петропавловской крѣпости, на Петербургской сторонѣ. Въ то время это было мѣсто публичныхъ казней, и народъ спѣшилъ на кровавое зрѣлище. Въ манифестѣ, объявленномъ наканунѣ, „нѣкоторые важные злодѣи“, на казнь которыхъ стремился народъ, не были названы по именамъ, но всякій очень хорошо зналъ эти имена, по крайней мѣрѣ главнѣйшія изъ нихъ. То были: оберъ-егермейстеръ и кабинетъ-министръ Артеміи Петровичъ Волынскій, гофъ-интендантъ Петръ Михайловичъ Еропкинъ, оберъ-штеръ-кригсъ-комиссаръ Теодоръ

---

<sup>1)</sup> Въ настоящемъ очеркѣ, въ виду его спеціальнаго назначенія, я останавливаюсь, главнымъ образомъ, на дѣятельности Волынскаго въ качествѣ кабинетъ-министра, на его политическихъ воззрѣніяхъ и замыслахъ и на его процессѣ, а его службу до назначенія кабинетъ-министромъ (излагаю весьма

Ивановичъ Соймоновъ, президентъ коммерцъ-коллегіи графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, совѣтникъ бергъ-коллегіи Андрей Θεодоровичъ Хрущовъ,—все русскіе люди и притомъ, какъ выражались въ XVIII в., „фамиліные“. Вмѣстѣ съ ними подлежали также наказанію два иностранца, мало извѣстные народу, секретари: Эйхлеръ и де-ла-Суда. Предстоящая казнь уже давно волновала петербургское общество, а масса народа стремилась на нее, какъ на рѣдкое и страшное зрѣлище. О дѣлѣ Волынскаго и его „конфидентовъ“ распространялись въ обществѣ весьма разнообразныя слухи, суды и пересуды съ самой Пасхи 1740 года. Удивленіе и любопытство всѣхъ были сильно возбуждены.

Въ 8-мъ часу утра выведены изъ Петропавловской крѣпости Волынскій и всѣ прочіе осужденные, кромѣ графа Мусина-Пушкина. Правая рука кабинетъ-министра, вывихнутая дыбой на пытѣхъ, висѣла безъ движенія. Ротъ его былъ закрытъ толстою холщевою перевязкою, отъ подбородка къ головѣ; черезъ перевязку струилась кровь: въ крѣпости у Волынскаго былъ вырѣзанъ языкъ. Начали казнь съ Волынскаго. Сперва отрубили ему правую, вывихнутую, руку, а затѣмъ голову. Вслѣдъ за нимъ были обезглавлены Хрущовъ и Еропкинъ. Затѣмъ нача-

---

кратко. Вновь изданные источники для біографіи Волынскаго, появившіеся послѣ 1876 г. (когда была составлена моя монографія о Волынскомъ, помѣщенная въ „Древней и Новой Россіи“ за 1876—1877 гг.), касаются, главнымъ образомъ, его дѣятельности въ Персіи, Астрахани и Казани; а потому я не ввожу ихъ въ настоящій очеркъ. Кромѣ данныхъ изъ моей монографіи о Волынскомъ, большею частью архивныхъ, при составленіи настоящаго очерка мнѣ послужили слѣдующіе источники: 1) Матеріалы и замѣтки, помѣщенные въ „Русской Старинѣ“ и въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1877—1884 гг. 2) Донесенія посланниковъ при петербургскомъ дворѣ: саксонскаго—Зума (помѣщ. въ „Сборникѣ Импер. Русск. Истор. Общества, т. XX) и прусскаго—Мардефельда (въ „Древней и Новой Россіи“ 1876 г., т. I). 3) Книга, приписываемая гр. Локатели, „Lettres Moscovites“, изд. въ 1736 году, и монографіи о ней. 4) E. Neumann „Geschichte des russischen Staates“, IV-ter Band, Hamb., 1849. (Донесенія иностр. пословъ о кн. Долгорукихъ). 5) „Mémoires du prince P. Dolgoroukoff“, Gênevè, 1867, v. I. 6) Zur Geschichte der Familie von Brevern, v. Georg v. Brevern; als Manuscript gedruckt, III-ter Band, Berlin, 1883. 7) Россійская родословная книга, изд. кн. П. В. Долгорукихъ, Спб., 1854—1857 г., т. IV. 8) Статя А. А. Васильчикова, „Родъ Нарышкиныхъ“, въ „Русск. Арх.“ 1871 г. 9) Данія изъ моей монографіи: „Водареніе императрицы Анны Іоанновны“, Казань, 1880 г. Д. К.

зась эзекуція надъ остальными „злодѣями“. Соймоновъ и Эйхлеръ, по наказаніи кнотомъ, а де-ла-Суда — плетями, отведены обратно въ Петропавловскую крѣпость. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, страдавшій подагрой, не былъ взводимъ на эшафотъ: ему „урѣзанъ“ языкъ въ крѣпостномъ казематѣ. Наказанныхъ тѣлесно черезъ нѣсколько дней отправили въ ссылку: Соймонова въ Охотскъ, Эйхлера въ Жиганскій острогъ за Якутскомъ, де-ла-Суда въ Камчатку, графа Мусина-Пушкина въ Соловецкій монастырь. Тѣла казненныхъ цѣлый часъ лежали на эшафотѣ. Затѣмъ они были свезены на Выборгскую сторону и преданы землѣ безъ церковной церемоніи въ оградѣ церкви Самсонія Страннопримца, построенной Петромъ Великимъ въ память Полтавской побѣды, и престольный праздникъ которой праздновался именно въ день казни Волынскаго, Еропкина и Хруцова.

О жизни и дѣятельности Волынскаго мы имѣемъ несравненно болѣе данныхъ, чѣмъ о жизни и дѣятельности его ближайшихъ конфидентовъ, погибшихъ на эшафотѣ вмѣстѣ съ нимъ: П. М. Еропкинъ и А. Ѳ. Хруцовъ почти тѣмъ только и извѣстны, что были въ близкихъ отношеніяхъ съ А. П. Волынскимъ.

А. П. Волынскій, не смотря на то, что его проекты не осуществились на дѣлѣ, принадлежитъ къ числу выдающихся русскихъ государственныхъ людей XVIII в. Личность его останется навсегда въ исторіи типическимъ выраженіемъ даровитаго и образованнаго русскаго человѣка изъ высшаго шляхетскаго (дворянскаго) округа первой половины XVIII в. и въ этомъ отношеніи представляетъ богатый матеріалъ для историческаго изученія. Въ личныхъ свойствахъ, въ жизни и дѣятельности Волынскаго сосредоточились, какъ въ свѣтовомъ фокусѣ, всѣ хорошія и дурныя стороны его времени, а его политическіе замыслы, являясь продолженіемъ политическаго движенія среди русскаго шляхетства, начавшагося при воцареніи Анны Іоанновны, представляютъ, на-ряду съ этимъ движеніемъ, весьма важный фактъ въ исторіи развитія національнаго самосознанія въ русскомъ обществѣ XVIII в. Люди, жившіе и дѣйствовавшіе въ первую половину XVIII в.,—это „суетное и опасное время“, по мѣткому выраженію Волынскаго, не могли отличаться цѣльностью характера, устойчивостью и выработанностью нравственныхъ принциповъ, а потому весьма по-

нятно, что и Волынской, при своихъ замѣчательныхъ интеллектуальныхъ способностяхъ, не блисталъ моральными достоинствами. Нервный, впечатлительный, страстный—Волынской обладалъ талантливымъ и живымъ умомъ и пылкимъ воображеніемъ. Умъ его отличался теоретичностью и былъ одаренъ въ сильной степени способностью обобщенія. Волынскаго преслѣдовали идеалы, широкіе политическіе планы создавались въ его умѣ, а пылое воображеніе увлекало его мечты далеко отъ дѣйствительности въ фантастическій міръ разныхъ предположеній. Онъ, по собственному выраженію, весьма часто „забиралъ паче мѣры ума“.

Воспринявъ идеи Петровскаго преобразованія и ясно усвоивъ себѣ необходимость для Россіи европейскаго просвѣщенія, Волынской стремился сдѣлать Россію участницей этого просвѣщенія, съ соблюденіемъ всѣхъ нашихъ національныхъ особенностей и съ удержаніемъ всего хорошаго, что оставила по себѣ московская эпоха. Этими воззрѣніями Волынскаго существенно отличались отъ идей Петра Великаго, разрывавшаго всякую связь съ московскою Русью, и приближали его къ воззрѣніямъ лучшихъ русскихъ государственныхъ дѣятелей конца XVII вѣка. Осуществить собственные планы на дѣлѣ у него не хватило силъ: онъ былъ для этого слишкомъ страстенъ, слишкомъ порывистъ. Нѣмцы были ему не по нутру; ихъ умѣренность, аккуратность, строгая во всемъ послѣдовательность и постепенность, стойкость въ трудѣ — выводили изъ себя пылаго, нервнаго Волынскаго. Появивъ отлично своимъ свѣтлымъ умомъ преобразовательные замыслы Петра Великаго и будучи самъ просвѣщеннымъ реформаторомъ, Волынской не могъ, подобно Петру Великому, принести себя всецѣло въ жертву государству, не могъ служить ему честно и безупречно. Его собственное я было всегда у него на первомъ планѣ, онъ могъ и умѣлъ хорошо работать, но никогда не уходилъ весь въ дѣло, напротивъ онъ постоянно любилъ рисоваться своею дѣловитостью, выставлять ее на показъ. Такимъ онъ былъ всегда: и на самыхъ низшихъ служебныхъ степеняхъ и на самой высшей, къ которой усиленно стремился и на которой погибъ, едва достигнувъ ея. Но Волынской не былъ эгонистомъ: онъ задавался идеею объ общемъ благѣ, считая себя предназначеннымъ осуществить это благо. Талантливый діалектикъ, Волынской прекрасно владѣлъ перомъ—„писать

былъ гораздъ“,—какъ онъ выражался, но не имѣлъ, какъ всѣ люди его времени, никакого сколько нибудь систематическаго образованія. „Онъ въ школахъ не бывалъ—по собственнымъ его словамъ—и не зналъ никакихъ школьныхъ регулъ, т. е. правилъ“. Принимая близко къ сердцу все, что совершалось въ его время въ Западной Европѣ, Волынской не зналъ ни одного иностраннаго языка настолько, чтобы не только говорить на немъ, но даже читать, а потому не могъ пользоваться подлинными твореніями западно-европейскихъ мыслителей и политиковъ и долженъ былъ ограничиваться ихъ тяжеловѣсными, невѣрными славянорусскими переводами XVII и XVIII вв. и русскими компиляціями изъ нихъ.

Честолюбивый и властолюбивый, Волынской былъ высокомеренъ съ равными, неприступно гордъ съ низшими, льстивъ и низкопоклоненъ съ высшими, пока тѣ были ему нужны; но какъ только онъ достигалъ черезъ нихъ желаемаго—онъ презрительно ихъ отталкивалъ. Гнѣвъ Волынскаго не зналъ предѣловъ. Онъ былъ жестокъ и мстителенъ и въ преслѣдованіи врага не затруднялся въ средствахъ, а враговъ, при его запальчивости, у него было очень много; самъ же онъ не сносилъ не только дѣйствительнаго, но даже мнимаго оскорбленія. Для достиженія предположенной цѣли онъ пускалъ въ ходъ все: доносы, клевету, сплетни, лесть, низкопоклонство. При малѣйшемъ успѣхѣ онъ зазнавался, при неуспѣхѣ—падалъ духомъ, даже унижался. Волынской былъ алченъ въ деньгамъ и не различалъ средствъ для ихъ наживы: на всѣхъ занимаемыхъ имъ служебныхъ мѣстахъ онъ отличался казнокрадствомъ и взяточничествомъ.

Волынскаго погубилъ не одинъ Биронъ. Въ его гибели, несравненно болѣе Бирона, принимали участіе Остерманъ, собственная его неуживчивость съ людьми и та среда, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. „Намъ, русскимъ, не надобенъ хлѣбъ, мы другъ друга ѣдимъ и съ того сыты бываемъ“—любилъ повторять Волынской афоризмъ одного юрдиваго, хорошо принятаго въ его время и при дворѣ, и во многихъ старинныхъ московскихъ и петербургскихъ домахъ, и этимъ афоризмомъ, по обыкновенію мѣтко, характеризовалъ среду, въ которой вращался.

А. П. Волынской производилъ свой родъ отъ того Волынскаго Боброя, который выѣхалъ въ числѣ многихъ юго-западныхъ

русскихъ бояръ къ московскому великому князю Дмитрію Іоанновичу Донскому, и явился однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ славной Куликовской побѣды надъ Мамаемъ. Онъ женился вторымъ бракомъ на великой княжнѣ Аннѣ, сестрѣ Дмитрія Донского, и это родство особенно льстило честолюбивому Артемію Петровичу, въ которомъ были сильно развиты традиціи „родословности“. Онъ очень кичился древней саблей, найденной на Куликовомъ полѣ, считая эту саблю принадлежащей своему предку, и велѣлъ нарисовать „картину своего рода“, родословное дерево Волынскихъ, а подъ нимъ изображенія Дмитрія Волынца и великой княжны Анны, съ московскими великокняжескими короной и гербомъ. На службѣ московскихъ великихъ князей Волынскіе возвышаются не ранѣе XVII вѣка, при царяхъ изъ династіи Романовыхъ. Отецъ Артемія Петровича Волынскаго, Петръ Артемьевичъ, занимаетъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ чинѣ стольника, должность судьи московскаго суднаго приказа, а затѣмъ воеводы въ Казани.

## II.

Артемія Петровичъ родился въ 1689 г. и послѣ смерти отца остался ребенкомъ лѣтъ пяти. Мачиха Артемія Петровича была женщина, по его словамъ, „весьма непотребнаго состоянія“, вслѣдствіе чего отецъ отдалъ его на воспитаніе къ своему родственнику Семену Андреевичу Салтыкову, въ старинномъ боярскомъ домѣ котораго былъ ревниво охраняемъ обиходъ Московской Руси, не смотря на то, что Семень Андреевичъ въ молодости былъ посланъ царемъ Петромъ „за море, въ науку“. Пребываніе у Салтыковыхъ имѣло большое вліяніе на послѣдующій складъ убѣжденій и карьеру Волынскаго. По условіямъ времени, Артемія Петровичъ началъ службу очень рано. 15-ти лѣтъ онъ былъ зачисленъ солдатомъ въ драгунскій полкъ и служилъ весьма удачно. Въ 1711 г. онъ былъ уже ротмистромъ, вращался въ кругу приближенныхъ къ Петру Великому лицъ и заслужилъ расположеніе самого царя. Состоя при Шафировѣ во время Прутскаго похода, онъ раздѣлялъ съ нимъ плѣнъ въ Константинополь въ 1712 г., а въ слѣдующемъ году былъ посланъ отъ него

курьеромъ къ Петру Великому съ мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ въ Адрианополѣ. Въ 1715 г. Артемій Петровичъ назначается въ Персію „въ характерѣ посланника“, уже въ чинѣ подполковника. Дипломатическая миссія Волынскаго лучше всего доказываетъ довѣріе къ нему Петра Великаго, котораго занимала мысль объ открытіи черезъ Персію удобнаго торговаго пути въ Индію. Волынской былъ совершенно незнакомъ съ Персіей при отправленіи туда, но онъ изучилъ ее въ два года и вполне успѣшно исполнилъ данную ему Петромъ Великимъ инструкцію. Письма Волынскаго изъ Персіи и дневникъ его путешествія туда, веденный его домашнимъ врачомъ Дж. Белль-д'Антермони, характеризуютъ Волынскаго какъ тонкаго наблюдателя и очень знающаго дипломата. Артемій Петровичъ возвратился изъ Персіи въ самомъ концѣ 1718 г., заключивъ съ эхтимать-девлегомъ (первымъ министромъ) шаха Гуссейна очень выгодный для Россіи торговый договоръ. Факты, добытые Волынскимъ о положеніи дѣлъ въ Персіи, дѣлали невозможнымъ исполненіе мысли Петра о торговлѣ съ Индіей черезъ Персію, но зато они же представляли состояніе Персидскаго государства въ такомъ положеніи, при которомъ царю было весьма удобно завладѣть персидскими областями, прилегающими къ Каспійскому морю, и этимъ завоеваніемъ обезпечить безопасность русскихъ юговосточныхъ границъ, что, само собою, упрочивало и русскую торговлю съ Востокомъ, и политическія отношенія Россіи къ Турціи.

Петръ Великій остался весьма доволенъ результатами посольства Волынскаго. Онъ произвелъ Артемія Петровича въ полковники и генераль-адъютанты и назначилъ губернаторомъ во вновь учрежденную Астраханскую губернію, гдѣ Волынскому выпало на долю организовать, по мысли Петра Великаго, весьма сложную администрацію этой отдаленной юго-восточной окраины Русскаго государства, въ которой русское населеніе было едва замѣтно среди обширныхъ степныхъ пространствъ и дикихъ кочевниковъ, враждебно настроенныхъ къ Россіи. Артемій Петровичъ замѣчательно талантливо исполнялъ свою трудную задачу и все болѣе и болѣе входилъ въ милость къ царю Петру, который въ это время дружески называлъ его запросто „Артеміемъ“. Въ 1722 г. Волынской женился на двоюродной сестрѣ Петра Великаго, Александрѣ Львовнѣ Нарышкиной, надѣясь этимъ бракомъ войти въ еще болѣе близкія отношенія съ царемъ.

Въ губернаторство Волинскаго въ Астрахани произошелъ походъ въ Персію Петра Великаго (1722 г.). Первый русскій отрядъ, вступившій въ сраженіе съ горцами, былъ разбитъ. Недруги Волинскаго не замедлили объяснить это обстоятельство ложными сообщеніями астраханскаго губернатора о состояніи кавказскихъ горцевъ и кстаті передали Петру Великому, въ превеличенномъ видѣ, вымогательства и взятки Волинскаго во время его посольства въ Персію и управленія Астраханской губерніей. Петръ Великій былъ страшно разгнѣванъ, и классическая дубина перваго русскаго императора сильно коснулась спины астраханскаго губернатора; только заступничество Екатерины, сопутствовавшей Петру Великому въ походъ, спасло Волинскаго отъ болѣе плачевныхъ для него послѣдствій. Хотя потомъ Петръ Великій какъ бы примирился съ Волинскимъ, но прежняя его милость не возвращалась къ Артемію Петровичу. Въ 1724 г. всплыло наружу одно очень неприятное для Волинскаго дѣло, по которому надъ нимъ было назначено слѣдствіе. Это дѣло заключалось въ его самоуправствѣ и истязаніяхъ мичмана вв. Мещерскаго. Вслѣдъ за воцареніемъ Екатерины I дѣло это не только было прекращено, но Волинскій былъ даже произведенъ въ генералъ-маіору и назначенъ губернаторомъ въ Казань, гдѣ и оставался съ небольшимъ перерывомъ до начала 1731 г. Губернаторство въ Казани характеризуется, съ одной стороны, цѣлымъ рядомъ самоуправствъ и хищеній Волинскаго, съ другой— весьма дѣльными административными распоряженіями и заканчивается учрежденіемъ надъ нимъ „инквизиціи“ по поводу неумѣренныхъ его поборовъ съ татаръ и черемисъ.

Во время губернаторства Волинскаго въ Казани произошло въ Москвѣ весьма важное событіе, которое впервые даетъ намъ возможность познакомиться съ политическими воззрѣніями Артемія Петровича. Я разумѣю избраніе, послѣ смерти Петра II, на російскій императорскій престолъ курляндской герцогини Анны Іоанновны, съ ограниченіями ея самодержавной власти, предложенными верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. Это избраніе возбуждало политическія идеи въ тогдашнемъ русскомъ „шляхетствѣ“, и кромѣ кондицій верховниковъ появился цѣлый рядъ „шляхетскихъ“ проектовъ объ организаціи высшаго государственнаго управленія. О всѣхъ происшествіяхъ въ Москвѣ, бывшихъ



въ это время, и о шляхетскихъ проектахъ сообщали Волынскому его родственники и друзья, и пріѣзжавшіе въ Казань; ему пересылались въ копіяхъ самыя проекты и кондиціи. Сохранилась записка, составленная сторонниками самодержавія Анны Іоанновны, съ поправками Волынскаго; изъ этой записки можно заключить, что Волынской не сочувствовалъ олигархическимъ замысламъ верховниковъ, но желалъ расширенія политическихъ правъ „шляхетства“. Эти мнѣнія Волынскаго обнаружались гораздо позже; теперь же ему удалось, при помощи своего родственника Семена Андреевича Салтыкова, находившагося также въ родствѣ съ императрицей Анной Іоанновной, не только выйти безнаказаннымъ изъ „инквизиціи“, но даже уничтожить все дѣлопроизводство ея. Онъ былъ назначенъ воинскимъ инспекторомъ, но не инспектированье войскъ занимало его: онъ зорко приглядывался къ происходившему вокругъ него и изучалъ новыя свѣтила, восходившія на политическомъ горизонтѣ. То были родственники новой императрицы и „нѣмцы, перешедшіе намъ порогъ“. Волынской приглядывался въ особенности къ послѣднимъ и возмущался духомъ, что иноземцы получаютъ первенство въ государствѣ, но не только не выражалъ своего негодованія, а долженъ былъ даже угождать имъ.

Состоя по должности воинскаго инспектора подъ начальствомъ Миниха, Волынской пользуется имъ для проложенія себѣ политической карьеры. Онъ поддѣлывается къ Миниху: дискредитируетъ, при его помощи, во мнѣніи двора своего давнишняго врага графа Ягужинскаго, сблизается съ оберъ-штабмейстеромъ графомъ Карломъ Левенвольде, въ то время особенно вліятельнымъ, и поступаетъ подъ его начальство на службу въ придворное конюшенное вѣдомство. Это новое служебное положеніе очень важно для Волынскаго. Оберъ-камергеръ Биронъ едва началъ въ то время проявлять свое политическое вліаніе, но дальновидный Волынской предугадываетъ роль Бирона въ недалекомъ будущемъ и хитро прочищаетъ себѣ путь къ возвышенію, а Биронъ, какъ извѣстно, имѣлъ непреодолимую страсть къ лошадямъ — и на этой-то страсти Волынской строитъ свою политическую карьеру. Въ 1733—1734 гг. мы видимъ его въ Польшѣ, начальникомъ отряда въ арміи, осаждавшей Данцигъ. По назначеніи начальникомъ этой арміи Миниха, Волынской,

зная очень хорошо нерасположеніе къ фельдмаршалу Бирона, соображаетъ, что наступило время пожертвовать своимъ прежнимъ патрономъ новому. Онъ употребляетъ всѣ средства, чтобы очернить Миниха въ глазахъ Бирона, въ чемъ и успѣваетъ, и этимъ путемъ все болѣе и болѣе возвышается по службѣ и приобретаетъ вліяніе. Онъ уже покровительствуетъ своимъ прежнимъ милостивцамъ, къ нему начинаютъ обращаться за совѣтами и за протекціей. Въ концѣ 1734 г. онъ производится въ генераль-лейтенанты и генераль-адъютанты Анны Іоанновны и получаетъ въ подарокъ мѣсто для постройки дома въ Петербургѣ, на Мойкѣ. Съ 1735 г. Волынской уже принимаетъ участіе въ „генеральныхъ собраніяхъ“ при кабинетѣ министровъ. Близою часъ, когда Волынской перешагнетъ завѣтный порогъ, отдѣляющій его отъ самаго кабинета, въ которомъ находится кормило правленія Русскимъ государствомъ. Волынской считаетъ себя знающимъ и опытнымъ кормчимъ, но ему надо подождать. На стражѣ этого порога стоитъ хитроумный нѣмецъ Остерманъ. Волынскому поневолѣ до поры до времени приходится ограничиваться представленіемъ мнѣній на разные проекты по серьезнымъ государственнымъ вопросамъ и находиться во главѣ разныхъ специальныхъ комиссій. Но онъ пользуется такимъ второстепеннымъ положеніемъ для большаго и большаго своего возвышенія.

Въ 1735 г. умираетъ графъ Карлъ Левенвольде и Биронъ выступаетъ на политическую арену. Биронъ уже души не чаетъ въ Волынскомъ и разумѣетъ его весьма умнымъ человекомъ, исключеніемъ изъ русскихъ, которыхъ оберъ-камергеръ сплошь считалъ дураками. Приближаясь къ Бирону, Волынской приближается и къ императрицѣ. По отдѣльнымъ комиссіямъ онъ получаетъ у нея особые доклады, а вскорѣ назначается на должность, которая еще болѣе вводитъ его въ интимный кругъ Анны Іоанновны. 3-го февраля 1736 г., въ именины императрицы, Волынской назначается оберъ-егермейстеромъ, на должность весьма важную, если припомнимъ страсть Анны Іоанновны ко всякаго рода охотамъ и стрѣльбѣ въ цѣль. Волынской мечталъ занять и должность оберъ-штальмейстера, остававшуюся вакантною послѣ Левенвольде, но эту должность занялъ камергеръ князь Александръ Борисовичъ Куравинъ, знатокъ въ лошадахъ, въ винѣ и въ вулгарномъ искусствѣ. Кн. Куравинъ

былъ большой балагуръ, состоялъ непремѣннымъ членомъ интимныхъ придворныхъ вечеровъ и на славу угощалъ Бирона гастрономическими обѣдами и ужинами. Но и съ назначеніемъ кн. Курякина самая важная, административная, часть по конюшенному вѣдомству осталась въ рукахъ Волинскаго: онъ управлялъ конюшенной канцеляріей и всѣми казенными конскими заводами, съ приписанными къ нимъ волостями. Въ 1737 г. Артемію Петровичу пришлось самымъ очевиднымъ способомъ доказать свою преданность Бирону, избранному въ этотъ годъ герцогомъ курляндскимъ. Волинской является во главѣ выпятого суда надъ вождемъ верховниковъ въ 1730 году, кн. Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, и болѣе всѣхъ остальныхъ членовъ суда способствуетъ гибели кн. Голицына, раздувая его ничтожные служебные проступки въ политическое преступленіе. Волинской очень хорошо зналъ, что эти проступки были предлогомъ, и что князь Д. М. Голицынъ долженъ быть осужденъ, въ угоду Бирону и императрицѣ, за свою выдающуюся роль при ея воцареніи. Вскорѣ послѣ заключенія кн. Голицына въ Шлюссельбургскую крѣпость, А. П. Волинской назначается „министромъ“ на конгрессъ въ Немировъ для переговоровъ о заключеніи мира съ Турціей. Двумя другими министрами были: прежній патронъ Волинскаго — Шафировъ и будущій судья Волинскаго — Неплюевъ. Волинской выказалъ въ переговорахъ большую опытность въ дипломатіи и стойкость. Не по его винѣ, а по винѣ австрійскихъ уполномоченныхъ, переговоры на конгрессѣ не привели ни къ чему и война съ Турціей продолжалась.

### III.

3-го апрѣля 1738 г. Волинской, „за особливныя его превосходительства заслуги“, наконецъ, назначенъ кабинетъ-министромъ. Цѣль Волинскаго достигнута: онъ былъ у кормила правленія Русскаго государства! Его радость выразилась въ письмѣ къ Семену Андреевичу Салтыкову: „Шутка ваша — писать Артемію Петровичъ — у меня нынѣ всегда въ головѣ: Волинской теперь себя видитъ, что онъ по милости ея императорскаго величества сталъ мужичекъ, а изъ мальчиговъ, слава Богу, вышелъ и черезъ великій порогъ перешагнулъ или перелетѣлъ“

Этотъ порогъ былъ, дѣйствительно, великъ. За нимъ начиналась скользкая стезя русскаго министра среди власть имѣющихъ нѣмцевъ, враждебно настроенныхъ противъ русскихъ. Въ послѣдніе годы своего правленія Анна Іоанновна не имѣла желанія вникать въ дѣйствительныя нужды страны. Часто болѣя, она все болѣе и болѣе поддавалась своей склонности къ суевѣрію и хандрѣ и разгоняла хандру разными зрѣлищами и забавами. Правленіе государствомъ сосредоточивалось въ рукахъ трехъ нѣмцевъ—Бирона, Остермана и Минниха, которые, ссорясь другъ съ другомъ и подставляя одинъ другому ногу, сходились въ одномъ: всѣ они одинаково презирали русскихъ, которые должны были рабски покоряться нѣмцемъ владычеству. Это циническое презрѣніе нѣмцевъ правителей ко всему русскому олицетворилось въ народной памяти въ личности первенствующаго временщика, курляндскаго герцога Бирона. Кромѣ своей національности, Биронъ ничѣмъ не отличался отъ большей части русскихъ временщиковъ, бывшихъ до и послѣ него. Многіе изъ нихъ были жестоки не меньше Бирона, не меньше его корыстолюбивы, не меньше его склонны въ интригѣ, но они были свои—и въ народной памяти всѣ ихъ злодѣянія олицетворились въ одномъ временщикѣ нѣмцѣ—Биронѣ.

Положеніе страны подъ управленіемъ нѣмцевъ было ужасно.

Сказочная роскошь двора поглощала громадное количество государственныхъ и частныхъ доходовъ. Государственные расходы сильно превышали доходы, идя преимущественно на армію и флотъ, которые находились въ плачевномъ состояніи. Непопулярная война съ Турціей дожилась новымъ гнетомъ на страну; русская армія гибла въ приднѣпровскихъ степяхъ отъ дурнаго продовольствія; неурожай опустошала поля, а пожары—города и деревни; воеводы и привозные вымогали у населенія „посулы“ и „поминки“; помѣщики самодурничали надъ крѣпостными; недоимки возрастали съ каждымъ годомъ. Въ народѣ стало распространяться неудовольствіе, зачинался ропотъ. Масса людей „разнаго чина“ и родословныхъ, и „подлыхъ“ попадала въ застѣнки тайной канцеляріи, въ руки искуснаго заплочныхъ дѣлъ мастера, Андрея Ивановича Ушакова. „Слово и дѣло“ царило по всѣмъ закоулкамъ земли русской, и тюрьмы, и Сибирь наполнялись арестантами и ссыльными. Всѣ сословія были раззорены,

торговля и промышленность въ совершенномъ застоѣ, внѣшній и внутренній кредитъ — страшно подорваны. Россія переживала весьма серьезные кризисы: политическій, общественный и экономическій, естественными результатами которыхъ были: поврежденіе нравовъ высшаго общества, столь сильно охуляемое княземъ Мих. Мих. Щербатовымъ въ его политическихъ памфлетахъ, голодъ, побѣги, грабежи, разбой, пьянство, повальные болѣзни. Механизмъ государственнаго управленія былъ сильно расшатанъ. Кабинетъ министровъ не имѣлъ системы въ распредѣленіи дѣлъ, напоминая своимъ неустройствомъ московскіе привазы XVII в. При назначеніи Волынскаго въ кабинетъ министровъ сотоварищамъ его тамъ были: графъ Остерманъ и князь А. М. Черкасскій. Остерманъ былъ главнымъ дѣтелемъ, а князь Черкасскій, человекъ апатичный и ограниченный, во всемъ исполнялъ его волю. Петербургскіе остряки говорили, что Черкасскій—тѣло кабинета, а Остерманъ—его душа, не слишкомъ впрочемъ честная. Волынскому предстояло, прежде всего, улучшить веденіе дѣлъ и рядомъ съ этимъ вести упорную и дипломатическую борьбу съ сильными противниками—Остерманомъ и Бирономъ. Только положивъ предѣлы ненасытному честолюбію и корыстолюбію герцога курляндскаго, онъ могъ создать себѣ твердый базисъ для дальнѣйшихъ предпріятій. Такое веденіе дѣла было до крайности трудно и даже опасно. Волынский началъ съ того, что систематизировалъ распредѣленіе дѣла въ кабинетѣ министровъ, расширивъ, между прочимъ, его составъ болѣе частымъ созывомъ въ немъ „генеральныхъ собраній“, на которые приглашались сенаторы, президенты коллегій и другіе сановники, и вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всѣ дѣла кабинета: черезъ годъ послѣ назначенія въ кабинетъ—министры онъ сталъ единственнымъ довлѣдчикомъ у императрицы по дѣламъ кабинета. Въ три главнѣйшія коллегіи—военную, адмиралтейскую и иностранную, не подчиненныя вѣдѣнію кабинета министровъ, онъ провелъ довѣренныхъ себѣ лицъ, въ качествѣ членовъ, прокуроровъ и секретарей.

Но излукавившійся царедворецъ преслѣдовалъ не однѣ только высшія цѣли почестей и отличія. Всѣ неблаговидныя средства для личнаго возвышенія были лишь орудіемъ для серьезной политической борьбы, которую онъ предпринималъ, „перелетѣвъ черезъ великій порогъ“. Въ душѣ онъ презиралъ тѣхъ людей,

передъ которыми превлонялся и которымъ угождалъ; его богатая фантазія увлекала его далеко въ мечтахъ о политическомъ благѣ Россіи. „Онъ мнилъ спасти страну родную“, — какъ выразился о немъ его поэтъ панегиристъ, и горделиво услаждался мыслию о томъ значеніи, какое будетъ имѣть онъ, Волинской, и среди современниковъ, и у потомства, онъ—творецъ ея лучшаго будущаго.

Въ какой-же формѣ представлялось ему это будущее?

#### IV.

Еще въ 1731 г., во время пребыванія въ Москвѣ, Волинской сближается со многими образованными русскими людьми и этимъ сближеніемъ полагаетъ основаніе тому политическому кружку, центромъ котораго становится. Образованные люди, съ которыми сходилъ Волинской—были: морской офицеръ Ѳеодоръ Ивановичъ Соймоновъ, придворный архитекторъ Петръ Михайловичъ Еропкинъ и горные инженеры Андрей Ѳеодоровичъ Хрущовъ и Василій Никитичъ Татищевъ, впоследствии известный русскій историкъ. Все это были люди выдающихся умственныхъ способностей и возрасли въ тяжелой школѣ государственныхъ преобразованій Петра Великаго. Кромѣ того, трое изъ нихъ—Еропкинъ, Татищевъ и Хрущовъ принадлежали въ весьма древнимъ, хотя „захудалымъ“, русскимъ фамиліямъ. Татищевъ и Еропкинъ происходили отъ удѣльныхъ князей Смоленскихъ, а Хрущовъ велъ свой родъ отъ князей Литовскихъ; всѣ они утратили свое княжеское достоинство отъ раздробленности удѣльныхъ владѣній ихъ предковъ. Это обстоятельство играло весьма важную роль въ сближеніи съ ними Волинскаго, придававшего, какъ мы видѣли, большое значеніе „родословности“. Соймоновъ, потомокъ старинныхъ служилыхъ людей средняго чина, находился въ родствѣ съ Нарышкиными и Головкиными и подъ надзоромъ своего отца, небогатаго помѣщика, получилъ очень солидное образованіе. Съ нимъ Волинской былъ знакомъ еще въ Астрахани, когда Соймоновъ, по порученію Петра Великаго, описывалъ Каспійское море и составилъ карту этого моря. Хрущовъ по Нарышкинымъ состоялъ въ родствѣ съ Волинскимъ. Около этого

времени Волынской сблизился съ Еропкинѣмъ настолькоъ, что женился на его сестрѣ (первая жена Волынскаго, Александра Львовна, рожденная Нарышкина, умерла въ Казани въ 1730 г.). Всѣ названныя лица, за исключеніемъ Татищева, докончили свое образованіе за границей, куда были отправлены Петромъ Великимъ; всѣ они и самъ Волынской имѣли библіотеки, наполненныя историческими и политическими иностранными сочиненіями и старинными русскими рукописными лѣтописями и хронографами, и болѣею частію принимали дѣятельное участіе въ политическихъ шляхетскихъ замыслахъ при воцареніи Анны Иоанновны. Въ этихъ замыслахъ особенно была замѣтна роль Татищева, представившаго верховному тайному совѣту записку о государственномъ устройствѣ Россіи. Весьма ловко обходя вопросъ о самодержавіи Анны Иоанновны, Татищевъ излагалъ въ своей запискѣ проектъ шляхетскаго политическаго представительства съ двумя палатами — верхней и нижней. Съ этими людьми Волынской говорилъ откровенно, входилъ съ ними, какъ выражались въ то время, въ „конфиденціи“ о политическомъ положеніи русскаго государства и въ разговорахъ съ ними любилъ проводить параллель между современными событіями и аналогичными изъ минувшихъ вѣковъ русской исторіи. Какъ видно, событія воцаренія Анны Иоанновны и выводы изъ нихъ являлись предметами оживленныхъ бесѣдъ между Волынскимъ и его новыми друзьями.

— „Теперь время Годунова — говорилъ Волынской — царица въ монастырѣ, а разстрига растеть въ Лтвѣ, сыщутъ и царя Василя Шуйскаго“. Подъ Годуновымъ Артемій Петровичъ разумѣлъ тогда, кажется, князя Дм. Мих. Голицына, а подъ Шуйскимъ князя Черкаскаго.

— „У царицы дѣтей нѣтъ“ — возражалъ Еропкинъ, полагая, что Волынской говорить про царицу Евдокію Θεодоровну, развѣчанную первую супругу Петра Великаго, жившую въ то время въ Москвѣ въ женскомъ Вознесенскомъ монастырѣ.

— „Я говорю про царевну Елизавету Петровну и про голштинскаго принца Петра Θεодоровича, сына Анны Петровны“ — отвѣчалъ Волынской.

Въ „конфиденціяхъ“ приводилось касаться императрицы Анны Иоанновны, и Волынской говорилъ „съ поношеніемъ о высокой фамиліи ея императорскаго величества“.

Еропкинь приносилъ Волынскому изъ своей библіотеки сочиненія Маккіавелли и Юста Липсія и читалъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ. Голландецъ Юстъ Липсій (р. 1547, † 1606 г.) пользовался большою популярностью у современниковъ и у образованныхъ людей XVII и XVIII вв., какъ филологъ, историкъ и политическій писатель. Писалъ онъ очень много, но самыми распространенными сочиненіями были: „*Taciti oroga cum notis*“ (1574) и „*Politicozum sive civilis doctrinae libri sex*“ (1589), въ которыхъ Липсій рѣзко нападалъ на нравственный и политическій развратъ римскихъ императоровъ и общества эпохи упадка и сопоставлялъ общественные нравы римской имперіи съ современными ему нравами правителей европейскихъ государствъ и европейскаго общества. Живя въ вѣбъ господства идей гуманизма и нападеовъ на авторитетъ католической церкви, Липсій былъ врагомъ всякой церковной исключительности. „Политическія ученія“ Липсія были переведены на русскій языкъ, или, лучше сказать, передѣланы іеромонахомъ Кохановскимъ въ 1721 году. Переводъ Кохановскаго напечатанъ не былъ, но обращался въ значительномъ числѣ списковъ. Кромѣ Маккіавелли и Юста Липсія въ библіотекахъ Еропкина, Хруцова, Татищева и Волынскаго было много другихъ политическихъ сочиненій мейѣ извѣстныхъ западно-европейскихъ писателей XVI и XVII вв., частію въ подлинникахъ, частію въ переводахъ. Волынскій не зналъ иностранныхъ языковъ, а потому Еропкинь и Соймоновъ переводили ему отрывки изъ латинскихъ и итальянскихъ авторовъ и снабжали уже имѣвшимися русскими переводами этихъ авторовъ. Въ кружкѣ Волынскаго пользовались большимъ почетомъ сочиненія итальянскаго сатирика XVI в. Боккалинни: „Камень опыта политическаго“ и „Комментаріи на Тацита“, и нѣмецкаго правовѣда XVII в. Бесселя: „Политическаго счастья вочавъ“.

Къ концу 1730-хъ годовъ кружокъ Волынскаго очень разросся: въ немъ мы насчитываемъ до 30-ти лицъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ Соймонова, Хруцова, Еропкина и Татищева, мы встрѣчаемъ въ этомъ кружкѣ: Александра Львовича Нарышвина (брата первой жены Волынскаго), извѣстнаго князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, занимавшаго постъ русскаго посла сначала въ



Лондонѣ, а затѣмъ въ Парижѣ, генералъ-лейтенанта князя Григорія Алексѣевича Урусова, сенатора Василя Яковлевича Новосильцева, президента коммерцъ-коллегіи графа Платона Ивановича Мусина-Пушкіна, двухъ архіереевъ — вологодскаго и псковскаго, нѣсколькихъ гвардейскихъ офицеровъ и трехъ врачей: одного русскаго — Поганкина и двухъ иностранцевъ — Белля д'Антермоя, вѣдвшаго съ Волынскимъ въ Персію, и придворнаго врача царевны Елизаветы Петровны, Лестова. Близкія отношенія послѣдняго къ Волынскому особенно знаменательны, если принять во вниманіе разговоры его съ Еропкинымъ въ Москвѣ въ 1731 г. и то близкое участіе въ возведеніи Елизаветы Петровны на престолъ въ ноябрѣ 1741 г., какое принималъ Лестовъ. Принадлежали къ кружку Волынскаго также нѣсколько чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, изъ которыхъ самыми замѣчательными были: тайный кабинетъ-секретарь Эйхлеръ и секретарь иностранной коллегіи де-ла-Суда.

Конфиденты Волынскаго часто собирались у него въ его домѣ на Мойкѣ. Въ дружескихъ бесѣдахъ, длившихся долго за полночь, высказывались мечты о будущемъ, сообщались разныя соображенія и планы объ улучшеніи государственныхъ порядковъ; обсуждались и осуждались разныя правительственныя мѣропріятія, дѣйствія правительственныхъ лицъ и самой императрицы.

Въ этихъ разговорахъ дѣлалась рѣзкая характеристика правителей нѣмцевъ, а въ особенности Бирона и Остермана, изливалась желчь на родовитыхъ русскихъ людей, исполнявшихъ роль шутовъ при дворѣ Анны Іоанновны, и критически разсматривалась безурядица государственнаго управленія.

— „Ой, система, система“! восклицалъ Волынскій.

— „Государыня у насъ д... — говорилъ онъ Хрущову — и резолюціи отъ нея никакъ не добьешься, и нынѣ у насъ герцогъ (Биронъ) что захочетъ, то и дѣлаетъ“.

— „Нынѣ житѣ наше пришло хуже собачьяго“, жаловался Артемій Петровичъ Еропкину.

Волынскій „желалъ переменъ Бирону и предавалъ его суду Божію“. — „Долго-ли еще Богъ потерпитъ!“ восклицалъ онъ.

Много разсуждалъ Волынскій о брагѣ Анны Леопольдовны и о наслѣдіи престола послѣ Анны Іоанновны, при чемъ онъ „разглашалъ такія явно ложныя дѣла, которыя къ высочайшей

ея императорскаго величества персонѣ и до высочайшей фамиліи касаются“. Бракъ племянницы императрицы Анны Леопольдовны съ герцогомъ брауншвейгскимъ Антономъ Ульрихомъ, совершенный 3 іюля 1739 г., имѣлъ громадное политическое значеніе. Анна Іоанновна, вскорѣ по вѣцареніи, именно въ 1731 году, назначила своимъ преемникомъ несуществующее лице—того ребенка, который долженъ родиться отъ будущаго брака ея племянницы Анны Леопольдовны, которой въ то время было всего тринадцать лѣтъ. На вѣрность этому невѣдомому наслѣднику престола была взята со всѣхъ подданныхъ императрицы присяга. Между тѣмъ бракъ Анны Леопольдовны затягивался. Такое оригинальное распоряженіе о судьбѣ русскаго императорскаго престола въ будущемъ волновало умы русскихъ людей еще при самомъ появленіи указа императрицы Анны Іоанновны. Это-то распоряженіе вызывало приведенные нами выше разговоры Волынскаго съ Еропкинымъ въ 1731 г. Биронъ хотѣлъ обвинять съ Анной Леопольдовной своего сына Петра; но это ему не удалось. Въ числѣ лицъ тайно, но дѣятельно работавшихъ противъ этого замысла Бирона, былъ Волынской.

На вечерахъ у Волынскаго читались и обсуждались политическія и историческія сочиненія, разсматривались сочиненія и проекты, написанные Волынскимъ при участіи Еропкина, Соимонова и Хрущова.

Артемій Петровичъ особенно любилъ читать примѣчанія Юста Липсіа на Тацита.

— „Книга эта не для чтенія въ нынѣшнее время“—говорилъ онъ.

Въ этомъ сочиненіи Юстъ Липсіей, между прочимъ, сравниваетъ Іоанну II-ю, неаполитанскую королеву XV вѣка, съ Клеопатрой и Мессалиной. Находя съ своей стороны сходство этой неаполитанской королевы съ императрицей Анной Іоанновной, Волынской писалъ карандашемъ на поляхъ противъ указаннаго мѣста въ книгѣ Липсіа: „она! она! это она!“

Татищевъ читалъ тамъ свою „Исторію Россійскую,“ привезенную имъ въ Петербургъ изъ Оренбурга въ 1739 г. Въ то время она надѣлала въ петербургскомъ обществѣ много шума и создала ея автору опасную репутацію „аеиста“. Чтеніе „Исторіи Россійской“ возбуждало въ горячихъ головахъ Волынскаго и

его собесѣдниковъ массу вопросовъ и аналогій современныхъ событій съ прежними, какъ и въ 1731 году въ разговорахъ Волинскаго съ Еропвинымъ. Бирона въ этихъ дружескихъ бесѣдахъ уподобляли постоянно Борису Годунову, а князя Черкаскаго Василю Шуйскому. „Его сегодня поставятъ, а на завтра постригутъ, а онъ все молчать будетъ“, — говорили пріатели, смѣясь, про Черкаскаго.

Волинской, въ подражаніе Юсту Липсію и Бесселю, писалъ разныя разсужденія, которыя, въ сожалѣнію, извѣстны намъ лишь по заглавіямъ: 1) и 2) О приключившихся вредахъ особнѣ государю и всему государству и отъ чего приключилось и происходятъ. 3) О гражданствѣ. 4) О дружбѣ человѣческой. 5) Надлежитъ-ли имѣть мужскимъ персонамъ дружбу съ дамскими? 6) Какимъ образомъ судъ и милость государямъ имѣть надобно. — Но особенно придавалъ значеніе Волинской своему „генеральному проекту о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“, который онъ составлялъ давно при помощи Еропвина и Хрущова. Во время пребыванія Волинскаго въ Польшѣ въ 1733 — 1734 годахъ у него является впервые мысль изложить письменно, „на подобіе книги“, свои соображенія „о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“. Въ теченіи шести лѣтъ соображенія Волинскаго разрастаются въ обширный политическій трактатъ, заключающій въ себѣ историческій обзоръ русскаго государства, его политическаго и эконоическаго положенія въ первой половинѣ XVIII в. и средства для „поправленія внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“. Волинской нѣсколько разъ перерабатывалъ свой генеральный проектъ, а въ 1739 г. сдѣлалъ изъ него извлеченіе для представленія императрицѣ. Хрущовъ былъ главнымъ руководителемъ при составленіи проекта и съ радостью говорилъ Волинскому:

— „Сочиненіе это будетъ полезнѣе книги Телемаковой“.

Волинской увлекался своимъ проектомъ, какъ авторъ, какъ государственный человѣкъ, какъ честолюбецъ.

— „Я довольно ума имѣю, чтобъ править государствомъ!“ — самодовольно восклицалъ онъ.

Онъ очень хорошо сознавалъ серьезныя задачи своего проекта и предвидѣлъ, что для него могутъ выйти печальныя послѣдствія. Разъ, въ присутствіи конфидентовъ, онъ съ нѣжностью взглянулъ на сына и сказалъ:

— „Счастливъ ты, сынъ, будешь, что такого отца имѣешь“. Въ другой разъ онъ говорилъ Еропину:

— „Не знаю къ чему меня Богъ ведетъ—къ добру или къ худу и чрезъ то мнѣ быть или очень велику, или уже пропасть!“

## V

„Генеральный проектъ“ не дошелъ до насъ въ подлинникѣ. Окончательную его редакцію Волинской сжегъ еще до своего ареста, а нѣкоторые черновые отрывки изъ проекта, во время слѣдствія надъ Волинскимъ, были запечатаны начальникомъ тайной канцеляріи Ушаковымъ въ особый „кувертъ“ и представлены Аннѣ Іоанновнѣ. Мы можемъ только до нѣкоторой степени познакомиться съ содержаніемъ „генеральнаго проекта“ изъ показаній въ тайной канцеляріи Волинскаго, его конфидентовъ и чиновниковъ, переписывавшихъ проектъ на-бѣло. Показанія эти не могутъ быть точны. Волинской и лица, хорошо знавшія его проектъ, намѣренно затемняли дѣйствительный смыслъ, а чиновники переписывали проектъ по частямъ и, разумѣется, не были настолько образованы, чтобы понимать вполне мысли, въ немъ выраженыя. На основаніи этихъ данныхъ „генеральный проектъ“ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Онъ открывался предисловіемъ, съ обращеніемъ къ высшимъ правительственнымъ русскимъ сановникамъ „какъ бы въ республикѣ“, при чемъ Волинской высказывался за самодержавную форму правленія въ Россіи и порицалъ замыслы верховниковъ объ ограниченіи самодержавія Анны Іоанновны. Это порицаніе онъ вставилъ не искренно, а „для прикрытія другаго всего“. За предисловіемъ слѣдовалъ обзоръ русской исторіи отъ Владиміра Святаго до императрицы Анны Іоанновны вклучительно. Здѣсь Волинской, говоря о Димитріи Донскомъ, распространялся о своемъ родоначалникѣ, выѣзжемъ Волинецъ, нападалъ на Іоанна Грознаго, котораго называлъ тираномъ; о Петрѣ Великомъ и Аннѣ Іоанновнѣ говорилъ кратко и „съ неудовольствіемъ“, а о царствованіяхъ Θεодора Алексѣевича, Іоанна Алексѣевича, Екатерины I и Петра II совершенно умалчивалъ. Послѣ историческаго обзора шло разсужденіе о высшихъ государственныхъ учрежде-

ніяхъ: кабинетъ министровъ и сенатъ. Какъ смотрѣлъ Волинскій на значеніе министровъ въ русскомъ государствѣ и на ихъ тогдашнюю роль—видно изъ слѣдующихъ замѣчательныхъ словъ его: „Мы, министры—писалъ Волинской—хотимъ всю вѣрность на себя перенять и будто мы одни дѣла дѣлаемъ и вѣрно служимъ; напрасно намъ о себѣ такъ много думать, есть много вѣрныхъ рабовъ, а мы только что пишемъ и въ конфиденціи приводимъ и тѣмъ ревность у другихъ пресѣкаемъ, и натащили мы на себя много дѣлъ и неподлежащихъ намъ, а что дѣлать—сами не знаемъ“.

Воззрѣнія Волинскаго на значеніе сената сложились подъ вліяніемъ польскихъ порядковъ.

„Вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ—говорилъ онъ не разъ своимъ конфидентамъ—ни на что не смотрять, все имъ даромъ! Польскому шляхтичу не смѣтъ ни самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойса“. Онъ думалъ преобразовать сенатъ по примѣру высшихъ представительныхъ учреждений Польши и Швеціи и, по словамъ обвинительнаго акта, въ главѣ о сенатѣ написалъ „многія острыя рѣчи о несамодержавіи въ Польшѣ и въ Швеціи и другія излишества“.

Самый проектъ былъ раздѣленъ на шесть частей: 1) объ укрѣпленіи границъ и объ арміи, 2) о церковномъ чинѣ, 3) о шляхетствѣ, 4) о купечествѣ, 5) о правосудіи, 6) объ экономіи. Но эти части проекта не исчерпываютъ всѣхъ преобразовательныхъ идей Волинскаго. Его „инструкція о управленіи дому и деревень“, данная дворцовому Ивану Нѣмчинову въ 1725 г., замѣчанія на проектъ „объ экономическихъ и промышленныхъ нуждахъ Россіи“, поданный въ 1735 г. генеральному собранію при кабинетѣ министровъ, и нѣкоторыя другія мнѣнія и проекты дополняютъ во многомъ „генеральный проектъ“.

На основаніи всѣхъ этихъ источниковъ, намъ представляются въ слѣдующемъ видѣ политическія убѣжденія и преобразовательныя намѣренія Волинскаго.

Правленіе въ Россійскомъ государствѣ, по воззрѣнію Волинскаго, должно было быть монархическое съ широкимъ участіемъ въ правительствѣ шляхетства въ томъ именно смыслѣ, какъ то выражали многія шляхетскія заявленія при воцареніи Анны Іоанновны, т. е. чтобы шляхетство не было подавлено олигархіей изъ

нѣсколькихъ отдѣльныхъ фамилій, а имѣло бы представителей отъ всего своего „корпуса“, какъ тогда выражались, т. е. всего сословія. Сенатъ являлся во главѣ высшихъ правительственныхъ учреждений и долженъ былъ состоять изъ „фамильных“, родословныхъ людей; а за сенатомъ, по всей вѣроятности, слѣдовало, какъ въ проектѣ Татищева, нижнее правительство, состоящее также изъ представителей отъ средняго и низшаго шляхетства. Генераль-прокурорскую должность, какъ соединенную съ весьма обширною властію, Волынской полагалъ отмѣнить вовсе, „ибо генераль-прокуроръ можетъ препятствовать сенаторамъ въ свободномъ дѣйствіи“, а оставлялъ при сенатѣ только оберъ-прокурора. Различныя отрасли государственнаго управленія должны находиться въ завѣдываніи отдѣльныхъ министровъ. Правительство на Руси должно состоять изъ русскихъ людей, потому что „отъ иноземцевъ государство всегда находится въ худомъ состояніи, отъ чего вредъ государству и государю быть можетъ“. Министры должны быть, по выраженію Волынскаго, „свои природные“ и притомъ изъ знатнаго шляхетства, для чего нужно посылать молодыхъ людей знатныхъ фамилій въ иностранныя западноевропейскія государства для обученія разнымъ наукамъ, въ особенности политическимъ.

Шляхетство является первенствующимъ сословіемъ въ государствѣ. Изъ него должны выходить не только высшіе государственные сановники и офицеры, но и приказные, какъ это заведено въ европейскихъ государствахъ. По примѣру этихъ же государствъ слѣдуетъ „вести шляхетство и въ духовный чинъ“.

Быть духовенства долженъ быть непремѣнно улучшенъ. Прежде всего, слѣдуетъ учредить для содержанія приходскаго духовенства сборъ по приходамъ, не допуская священниковъ заниматься хлѣбопашествомъ. Монахамъ большихъ монастырей слѣдуетъ дать приличное содержаніе, а бѣдные и малолюдные монастыри обратить въ богадѣльни.

Купечество требуется оградить отъ притѣсненія и раззоренія со стороны воеводъ, торговыя дѣла сосредоточить, какъ было при Петрѣ Великомъ, въ особыхъ учрежденіяхъ — магистратахъ, а для того, чтобы русскіе капиталы не уходили за границу и вращались бы въ родной землѣ, Волынской считалъ полезнымъ запретить русскимъ купцамъ входить въ торговыя компаніи съ иноземцами.

Для улучшенія быта крестьянъ необходимо, чтобы помѣщики вникали въ нужды крестьянъ и заботились бы о ихъ благосостояніи, не утруждая ихъ непосильными работами; то же должно наблюдать и правительство. „Чтобы было крестьянамъ легче и чтобы не было имъ напрасныхъ убытковъ“—вотъ основной принципъ, которымъ должны руководствоваться по отношенію въ крестьянамъ какъ помѣщики, такъ и государство. Общинное самоуправленіе крестьянъ должно быть строго соблюдаемо во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ собственныхъ нуждъ и общественныхъ дѣлъ. Волынскій имѣлъ самъ много деревень въ разныхъ губерніяхъ и въ своей инструкціи дворецкому Нѣмчинову твердо держится вышеприведенныхъ основаній.

Должно усердно заботиться о развитіи образованія во всѣхъ сословіяхъ русскаго народа. Посылка знатнаго шляхетства за границу является главнѣйшимъ источникомъ для его просвѣщенія. Воеводы и вообще гражданскіе чиновники должны назначаться изъ людей ученыхъ. Для высшаго образованія всѣхъ сословій народа Волынскій предполагалъ основать высшее учебное заведеніе—университетъ. Не обученныхъ въ священники не ставить, а для обученія духовенства учредить академію. Для „разночинцевъ“ Волынскій проектировалъ (а частію и исполнилъ на дѣлѣ) низшія профессиональныя училища и школы грамотности. Необходимость грамотности для крестьянъ вызывается, главнымъ образомъ, настоятельною для нихъ потребностью „познать законъ Божій и должность христіанскую“, а потому сельскіе священники обязаны обучать крестьянъ грамотѣ и важнѣйшимъ молитвамъ и объяснять въ церкви послѣ литургіи десять заповѣдей, Символь вѣры и ученіе о блаженствахъ.

Правосудіе въ государствѣ страдаетъ отъ опредѣленія на административныя и судебныя должности неученыхъ людей и отъ массы несистематизированныхъ и противорѣчащихъ одинъ другому указовъ. Необходимо назначать на эти должности людей ученыхъ и систематизировать указы.

Въ государственныхъ финансахъ прежде всего нужно заботиться о равновѣсіи въ государственномъ бюджетѣ доходовъ съ расходами, для чего слѣдуетъ сократить расходы и учредить государственную окладную книгу. Волынскій, въ особомъ проектѣ „объ экономическихъ и промышленныхъ нуждахъ Россіи“, пред-

лагаеть цѣлый рядъ мѣръ относительно новыхъ основаній для ревизіи и для податнаго налога, для предотвращенія побѣговъ, улучшенія быта ясачныхъ инородцевъ и для народнаго продовольствія.

Въ арміи и во флотѣ должны быть произведены существенныя улучшенія; на окраинахъ государства слѣдуетъ учредить военныя поселенія и приводить въ лучшее состояніе крѣпости.

Таковы были политическія воззрѣнія Волинскаго и предполагаемая имъ реформа въ русскомъ государственномъ строѣ. Но думалъ-ли онъ ограничиваться ими, или шель дальше? Не таилъ-ли онъ мысли о государственномъ переворотѣ, направленномъ противъ нѣмецкаго правительства Анны Иоанновны? Соображая всѣ извѣстныя намъ въ настоящее время обстоятельства изъ бесѣдъ Волинскаго съ „конфидентами“, изъ ихъ показаній на допросахъ и изъ воззрѣній на дѣло Волинскаго послѣдующихъ за Анной Иоанновной правительствъ, въ особенности Елизаветы Петровны и Евкатерины II,—можно предположить только, что А. П. Волинской помышлялъ о государственномъ переворотѣ противъ нѣмцевъ правителей съ цѣлью возведенія на престолъ Елизаветы Петровны. Хотя онъ отрицалъ на допросѣ въ тайной канцеляріи свои замыслы относительно Елизаветы Петровны, но его разговоры съ Еропкинымъ въ 1731 году и то участіе, какое приняла въ его дѣтахъ Елизавета Петровна по своему воцареніи, доказываютъ, что симпатіи его находились на ея сторонѣ задолго до того времени, какъ рота преображенскихъ гренадеръ, при участіи Шетарди и Лестока, возвела ее на престолъ. На это мы имѣемъ, кромѣ того, указанія въ слѣдующихъ данныхъ: 1) въ одномъ отрывкѣ, приводимомъ Татищевымъ въ его „Исторіи Россійской“; 2) въ весьма любопытной и мало изслѣдованной французской книгѣ „Lettres Moscovites“, изданной въ Парижѣ въ 1736 г. и приписываемой итальянцу графу Локателли, искателю приключеній, бывшему въ Россіи въ 1730-хъ годахъ и высланному оттуда въ октябрѣ 1734 г.; 3) въ извѣстіяхъ нѣмецкихъ дипломатовъ при с.-петербургскомъ дворѣ объ одномъ политическомъ замыслѣ, относимомъ ими въ 1738 году и до сихъ поръ мало разъясненномъ.

Объ отрывкѣ, находящемся въ „Исторіи“ Татищева, приводить интересныя соображенія г. Лыжинъ въ статьѣ „Два пам-



флета временъ Анны Иоанновны“<sup>1)</sup>. Г. Лыжинъ полагаетъ, что этотъ отрывокъ составляетъ прямо историческій подлогъ и есть ничто иное, какъ памфлетъ, написанный кѣмъ-то изъ кружка Волынскаго противъ нѣмецкой правительственной партіи. Но мы склонны думать, что событія, приводимыя Татищевымъ, могли имѣть мѣсто въ дѣйствительности, и что Волынской воспользовался ими лишь для составленія памфлета противъ нѣмцевъ-правителей. На ученый подлогъ Татищевъ не былъ способенъ. Вотъ краткое изложеніе этого любопытнаго отрывка изъ Полотской лѣтописи, принадлежавшей П. М. Еропкину, помѣщеннаго Татищевымъ въ его „Исторіи“ подъ 1217 годомъ<sup>2)</sup>. Отрывокъ относится къ борьбѣ между туземцами Полочанами и пришлецами Поморянами, захватившими въ свои руки власть въ Полотскомъ княжествѣ. Полочане, предводимые Проворомъ, сыномъ тысяцкаго Симеона, убитаго иноземцами-правителями, встаютъ противъ нихъ, низлагаютъ ихъ и восстанавливаютъ національное правительство. Поморяне утвердились въ Полотскѣ вслѣдствіе жеманства вдоваго своего князя Бориса на дочери Померанскаго князя, Святохнѣ, которая, желая утвердить наслѣдіе Полотскаго стола за своимъ сыномъ отъ Бориса, Владиміромъ-Войтехомъ, преслѣдовала своихъ пасынковъ, Василька и Вяча, и удалила ихъ отъ отца въ пригороды. По восстановленіи національнаго правительства въ Полотскѣ, надъ Святохной и ея сообщниками иноземцами назначается „народный судъ“. Обличивъ ихъ козни судомъ, Полочане всѣхъ ихъ побили, а дома ихъ разграбили; князю Борису не сдѣлали никакого вреда; за старшимъ его сыномъ, Василькой, были посланы знатные люди.

Аналогія положенія Полотска въ XIII вѣкѣ съ положеніемъ Россіи въ царствованіе Анны Иоанновны поразительна. Роль Поморянъ тождественна съ ролью нѣмцевъ, а судьба сыновей Бориса отъ первой жены напоминаетъ судьбу Елизаветы Петровны, которая жила совершенно уединенно, вдали отъ двора. Точно также нельзя не видѣть сходства въ положеніи Святохны и Биры и ея сына Владиміра-Войтеха и Анны Леопольдовны.

<sup>1)</sup> Извѣстія Имп. Акад. наукъ по отд. русск. яз. и слов. 1858 г., т. VII, стр. 49—64.

<sup>2)</sup> Исторія Татищева, т. III, стр. 403—409.

Что-же касается до „Lettres Moscovites“, то весьма возможно предположеніе, что похождения графа Локателли послужили только благовидной замаскировкой настоящаго ихъ автора. Это видно во 1-хъ, изъ послѣсловія, въ которомъ передается анекдотическій разсказъ о томъ, какъ издатель книги случайно нашелъ сундукъ съ бумагами послѣ кораблекрушенія, въ которомъ погибъ авторъ писемъ; во 2-хъ, изъ самаго содержанія „писемъ“. Они направлены противъ нѣмцевъ правителей, которымъ предрекается неизбежная гибель въ близкомъ будущемъ, и доказываютъ искреннее расположеніе ихъ автора къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Очень можетъ быть, что эта книга была составлена кружкомъ Волинскаго для подготовленія европейскаго общественнаго мнѣнія къ перемѣнѣ въ русскомъ правительствѣ.

Нѣмецкіе дипломатическіе агенты приписываютъ слѣдующій замыселъ князьямъ Долгорукимъ, за который они будто и были казнены въ Новгородѣ въ 1739 г. Заговорщики, по словамъ секретаря саксонскаго посольства Пецольда, находились въ сношеніяхъ съ Швеціею и Франціею. При ожидавшемся всѣми поражениіи арміи Миниха въ Молдавіи, шведскія войска должны были вступить въ предѣлы Россіи. Предполагалось императрицу Анну Іоанновну заключить въ монастырь, произвести еще болѣе восторжливую расправу съ герцогомъ Бирономъ, а принцессу Анну Леопольдовну съ герцогомъ Брауншвейгскимъ отправить обратно въ Германію, затѣмъ должно было слѣдовать изгнаніе всѣхъ нѣмцевъ (нѣкоторыхъ изъ нихъ предлагалось повѣсить) и провозглашеніе императрицею Елизаветы Петровны, которую хотѣли обвѣнчать съ Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ. Приведенное сообщеніе Пецольда о Долгорукихъ очевидно основано на смѣшеніи именъ. То, что приписывала молва Долгорукимъ, въ дѣйствительности могло принадлежать Волинскому, но до поры до времени не всплывало наружу. Въ числѣ участниковъ этого замысла находился человекъ близкій Волинскому — Александръ Львовичъ Нарышкинъ. Быть можетъ Волинской, принимавшій дѣятельное участіе въ судѣ надъ князьями Долгорукими въ 1739 г., намѣренно приписалъ имъ своя замыслы и, желая остаться совершенно внѣ всякаго подозрѣнія, способствовалъ ихъ гибели. Въ дѣлахъ о князьяхъ Долгорукихъ, просмотрѣнныхъ въ государственномъ архивѣ пишущимъ эти строки,

нѣтъ намека на что-либо подобное; да и отношенія къ Елизаветѣ Петровнѣ князей Долгорукихъ, за исключеніемъ фельдмаршала князя Василія Владиміровича Долгорукаго, были таковы, что они никогда не подумали-бы о возведеніи ея на престоль.

О намѣреніи Волынскаго произвести государственный переворотъ для освобожденія Россіи отъ нѣмцевъ правителей, безъ указанія, впрочемъ, на Елизавету Петровну, сообщаетъ саксонскій посланникъ Зумъ въ депешѣ отъ 28-го мая 1740 г. „Открыли тѣ приготовленія,—пишетъ онъ,—въ которыхъ Волынской думалъ имѣть надобность, чтобы повѣсить первыхъ своихъ враговъ, изъ которыхъ болѣе всего онъ указываетъ на герцога курляндскаго, графа Остермана, фельдмаршала Миниха и обер-гофмаршала графа Левенвольде“. Въ донесеніяхъ прусскаго посланника барона Акселя Мардефельда мы встрѣчаемъ точно тѣ же указанія, хотя съ иными подробностями. Въ нихъ Елизавета Петровна не является во главѣ русскаго государства, а наоборотъ—заключается въ монастырь. 16-го іюля 1740 года Мардефельдъ писалъ между прочимъ слѣдующее: „Волынской хотѣлъ прежде всего умертвить герцога курляндскаго, если ему не удастся отдѣлаться отъ него иначе, и изгнать фельдмаршала графа Миниха, его брата, тайнаго совѣтника, графовъ Остермана и Левенвольде и вообще всѣхъ нѣмцевъ, послѣ того раздать своимъ приверженцамъ первыя и значительнѣйшія должности, наконецъ отослать обратно герцога Брауншвейгскаго. Принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ угрожала та-же участь, еслибы она отказалась сообразоваться съ его намѣреніями. Великая княжна Елизавета должна быть удалена, или заключена въ монастырь“... Предположенія Мардефельда относительно Елизаветы Петровны явились очевидно отголоскомъ отзывовъ о ней Волынскаго въ тайной канцеляріи, которыми онъ хотѣлъ выгородить царевну отъ всякаго подозрѣнія.

Не всѣ лица, принадлежавшія къ кружку Волынскаго, въ одинаковой мѣрѣ были посвящены въ сокровенныя его думы. Большинство изъ нихъ знало только о „генеральномъ проектѣ“ и о ненависти Артемія Петровича къ правителямъ нѣмцамъ. Лишь Хрущову, Еропкину, Соймонову и графу Мусину-Пушкину проговаривался онъ ненарокомъ о своихъ затаенныхъ мечтахъ.

Весьма естественно, что какъ ни тайно разсуждалъ съ своими „конфидентами“ Волынской, но сборища у него не могли совершенно скрыться отъ зоркаго глаза Остермана, нетерпѣвшаго Волынскаго за его официальные дѣйствія въ кабинетѣ министровъ. Остерманъ ненавидѣлъ Волынскаго, какъ нѣмецъ русскаго, какъ государственный дѣятель своего политическаго противника, какъ плебей родовитаго человѣка; но „не изъясняя ничего прямо, онъ выговаривалъ все темными терминами“ и втайнѣ готовилъ Волынскому западню и гибель. Впослѣдствіи, когда до самого Остермана дошла очередь принести покаяніе въ своихъ „темныхъ терминахъ“, онъ сознался, что „старался искоренить Волынскаго“. Оставшись по обыкновенію въ сторонѣ, Остерманъ напустилъ на Волынскаго его недруга, князя А. Б. Куракина, а соглядатаемъ за дѣйствіями Волынскаго приставилъ кабинетъ-секретаря Яковлева, обязаннаго Волынскому своимъ служебнымъ положеніемъ. Хитрый Остерманъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ очень ловко. Публичнымъ обвинителемъ Артемія Петровича явился не онъ, хитродный нѣмецъ, а природный русскій аристократъ. Напыщенный и самолюбивый придворный сталъ всюду преслѣдовать Артемія Петровича плоскими островами и насмѣшками, распускалъ про него въ высшихъ сферахъ пошлыя сплетни и поручилъ своему confidentу, пресловутому пинтѣ Василю Кирилловичу Тредьяковскому, сочинять на Волынскаго пасквильныя „басенки“ и „пѣсенки“. Императрица и Биронъ предупреждали Волынскаго, что Куракинъ „вралъ“ на него при дворѣ и „вредилъ его всячески“, совѣтуя ему быть съ нимъ осторожнѣе. Кромѣ кн. Куракина „вредилъ“ Волынскаго другой русскій—адмиралъ графъ Головинъ, сердитый на него за открытые имъ безпорядки по адмиралтейству. Волынской не обращалъ однако вниманія на предупрежденія императрицы и Бирона: онъ забралъ опять паче мѣры ума и отвѣчалъ Остерману составленіемъ и распространеніемъ противъ него пасквилей.

## VI.

Для преслѣдованія Волынскаго Остерманъ и Куравинъ нашли весьма незамысловатый и даже пустой поводъ. Волынской уволить, въ числѣ другихъ чиновниковъ конюшенной канцеляріи, трехъ нѣмцевъ — двухъ Кишкелей, отца и сына, и Людвига; имъ посовѣтовали пожаловаться императрицѣ. Въ своей челобитной они выставили злоупотребленія Волынскаго по конюшенному вѣдомству. Анна Іоанновна передала жалобу Волынскому, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы излить накопившую въ немъ желчь и злость на Остермана, и подалъ императрицѣ свое „доношеніе“, послужившее поводомъ къ выраженію неудовольствія на Волынскаго со стороны Анны Іоанновны. Къ доношенію, въ которомъ Волынской оправдывается отъ взводимыхъ на него обвиненій, были приложены „нѣкоторыя примѣчанія о томъ, какія притворства и вымыслы употребляемы бываютъ при монаршескихъ дворахъ и въ чемъ вся такая закрытая политика состоитъ“. Эти примѣчанія были уже прямо направлены на Остермана, изображая царедворца, „приводящаго государя въ сомнѣніе, выговаривающаго все закрытыми и темными терминами, персону свою печальными или ужасными минами показывающаго и производящаго себя дьявольскими каналами“. Доношеніе было подано лѣтомъ 1739 г., во время пребыванія императрицы въ загородномъ Петергофскомъ дворцѣ; императрица замѣтила Волынскому съ неудовольствіемъ, что онъ ей дѣлаетъ въ своемъ доношеніи наставленіе, какъ управлять государствомъ, считая ее какъ бы малолѣтней. Черезъ нѣсколько дней Анна Іоанновна въ разговорѣ съ кн. Черкасскимъ выразилась о доношеніи Волынскаго, что онъ „знатно взялъ то изъ книги Макіавелевой“. Очевидно, враги Волынскаго усердно подливали масло въ загоравшееся пламя. По Петербургу стала распространяться молва о какихъ-то ночныхъ сборищахъ у Волынскаго, начались толки о какихъ-то проектахъ возмутительнаго содержанія, пошли слухи о томъ, что Артемій Петровичъ недолго останется кабинетъ-министромъ.

Волынской былъ очень смущенъ всѣмъ этимъ и не зналъ на

что рѣшиться. Онъ было написалъ новое доношеніе императрицѣ, но изорвалъ его; затѣмъ уволилъ остермановскаго шпіона при себѣ, кабинетъ-секретаря Яковлева, и настоялъ на томъ, чтобы его сослали въ Выборгъ. Надѣялся Волынской возстановить свой поколебленный служебный кредитъ новой женитьбой: онъ былъ вторично вдовъ и сваталъ теперь черезъ Еропкина дочь графа Михаила Гавриловича Головкина, но безуспѣшно. Счастье упало Волынскому съ такой стороны, съ которой онъ менѣе всего могъ его ожидать. Мы разумѣемъ знаменитую „потѣшную“ свадьбу придворнаго шута князя А. М. Голицына съ калмычкой Бужениновой, совершенную въ Ледяномъ домѣ.

Волынской былъ назначенъ предсѣдателемъ „машкерадной коммисіи“, учрежденной для организаціи этой свадьбы, и съумѣлъ проявить свою богатую фантазію какъ въ составленіи, такъ и въ исполненіи программы для шутовской свадебной церемоніи. Грубость и запальчивость нрава Волынскаго также обнаружили въ время его занятій по „машкерадной коммисіи“. Во время приготовленій къ свадьбѣ онъ, между прочимъ, жестоко избилъ во дворцѣ герцога Курляндскаго секретаря „де сіансъ академіи“, извѣстнаго Вас. Кирил. Тредьяковскаго, которому поручено было написать „вирши“ на шутовскую свадьбу. Жестокими побоями Волынской мстил Тредьяковскому за сочиненія на него „смѣхотворныхъ пѣсенекъ“. Свадьба совершилась 6 февраля 1740 г., и избитый піита въ „машкерадномъ платьѣ“ и въ „машкѣ“ читалъ сочиненныя имъ свадебныя вирши. Вскорѣ послѣ Ледянаго дома послѣдовали въ Петербургъ торжества по случаю заключенія Бѣлградскаго мира, прекратившаго Турецкую войну. Волынской былъ награжденъ щедрѣ многихъ другихъ царедворцевъ: онъ получилъ 20,000 руб. Снова поднялась противъ него зависть, снова начались противъ него возни. Князь Куракинъ сталъ дѣйствовать на этотъ разъ уже самостоятельно. Тредьяковскій былъ близкій ему человѣкъ, и вотъ избіеніе Тредьяковскаго въ „палатахъ его свѣтлости владѣющаго герцога Курляндскаго“ выставялось имъ какъ оскорбленіе, нанесенное лично Бирону. Стали нашептывать Бирону, что Волынской открыто надъ нимъ издѣвается въ засѣданіяхъ кабинетъ-министровъ и, пользуясь тѣмъ, что Биронъ высказывалъ на Волынскаго неудовольствіе по какому-то неважному дѣлу горнаго вѣдомства, возстановили Бирона противъ Волынскаго. Припомнили

и подачу Волынскимъ доношенія императрицѣ „въ самое нужное время“, когда она была озабочена серьезными государственными дѣлами. Биронъ вознегодовалъ на Волынскаго. Онъ считалъ, что всей своей карьерой тотъ обязанъ ему. Участъ кабинетъ-министра была рѣшена.

На страстной недѣлѣ, въ первыхъ числахъ апрѣля, Волынскому запрещено было являться во дворе.

Волынской недоумѣвалъ, что за причина нечаянной опалы, и только, узнавъ черезъ своихъ конфидентовъ, что всему виною гнѣвъ герцога Курляндскаго, поспѣшилъ къ Бирону, но не былъ принятъ. Съ горя онъ поѣхалъ къ фельдмаршалу Миниху и далъ этимъ поводъ своимъ врагамъ говорить Бирону:

— „Волынской сталъ искать въ Минихѣ противъ вашей свѣтлости“!

Анна Іоанновна продолжала, однако, благоволить къ Волынскому. Она хвалила кабинетъ-секретарю Эйхлеру умѣнье Волынскаго докладывать, а пріятели опальнаго кабинетъ-министра утѣшали его, говоря, что все обойдется благополучно.

Но на этотъ разъ бѣда разразилась надъ Артеміемъ Петровичемъ.

Про него стали складываться цѣлыя легенды, въ которыхъ незначительная доза истины утопала въ водоворотѣ лжи и небывлицы; эти фантастическія сказанія, создаваемые ненавистью и злорадствомъ, явились впослѣдствіи, на допросахъ Волынскому, матеріаломъ для его обвиненія. На ряду съ слухами о „бунтовской“ книгѣ, написанной Волынскимъ въ наставленіе государынѣ, одни рассказывали о какомъ-то обширномъ заговорѣ, во главѣ котораго стоялъ Волынской, направленномъ противъ монархическаго порядка въ Россіи, другіе приписывали Волынскому замыселъ государственнаго переворота съ цѣлію самого себя провозгласить російскимъ государемъ. Чуть ли не всѣ общественныя бѣдствія тогдашней Россіи объяснялись „интригой“ Волынскаго. Такъ, башкирскіе бунты, бывшіе на нашей восточной окраинѣ въ 1735, 1736 и 1739 годахъ, приписывались его подухеніямъ; его дѣянія для возбужденія неудовольствія въ народѣ видѣли въ поджогахъ, отъ которыхъ будто бы произошли страшные пожары, бывшіе въ 1737 г. въ Москвѣ, Петербургѣ, Выборгѣ и Ярославлѣ. Припоминались въ преувеличенномъ видѣ

разные случаи изъ прежней дѣятельности Волынскаго за время его посольства въ Персію и губернаторства въ Астрахани и Казани, при чемъ перепутывались мѣстности и года. Волынской мало по малу превращался въ злодѣя, разбойника, изверга. На воротахъ его дома появилась слѣдующая надпись изъ пророка Наума: „нѣсть цѣльбы сокрушенію твоему, разгорѣся язва твоя; вси слышаша вѣсть твою восплещутъ руками о тебѣ, понеже на кого не найде злоба твоя всегда“.

Грустно встрѣтилъ и провелъ Волынской Пасху среди своихъ дѣтей—двухъ дочерей и сына. Онъ понялъ, что дѣло принимаетъ угрожающій оборотъ. „Вѣрно Богъ хочетъ наказать меня за прежніе грѣхи,—говорилъ онъ,—а это дѣло (т. е. побои Тредьяковскому и доношеніе императрицѣ) служить только претекстомъ“. Волынской позаботился прежде всего тщательно разобрать свои бумаги и сжечь изъ нихъ все компрометирующее его.

Для открытаго преслѣдованія Волынскаго найденъ былъ однако новый „претекстъ“. Въ тайной канцеляріи принскано и доложено императрицѣ дѣло 1737 года о 500 рубляхъ казенныхъ денегъ, взятыхъ изъ конюшенной канцеляріи дворецкимъ Волынскаго, Василиемъ Кубанцемъ, на „партикулярныя нужды“ его господина. Кубанецъ былъ арестованъ и на первомъ же допросѣ выдалъ дѣйствительныя вины Волынскаго, который имѣлъ неосторожность разговаривать откровенно при своемъ дворецкомъ и даже съ нимъ самимъ. Кубанецъ былъ татаринъ, крещенный Волынскимъ еще во время пребыванія его въ Астрахани и съ тѣхъ поръ находившійся у него въ домѣ.

12 апрѣля 1740 г. Волынской былъ подвергнутъ домашнему аресту. Его бумаги были описаны и опечатаны начальникомъ тайной канцеляріи, генераломъ Унаковымъ. Началось извѣстное „дѣло“ Волынскаго, произведшее большое впечатлѣніе какъ на современниковъ, такъ и на послѣдующія поколѣнія, и увѣковѣчившее въ памяти образованной части русскаго общества представленіе о Волынскомъ какъ о патріотѣ и борцѣ противъ нѣмцевъ.



## VII.

Слѣдственная комиссія надъ Волынскимъ, составленная изъ семи лицъ, большинство которыхъ было въ очень близкихъ отношеніяхъ, открыла свои засѣданія 15-го апрѣля 1740 года. На первыхъ допросахъ Волынской велъ себя храбро, желая показать увѣренность, что все дѣло окончится благополучно и думая отвести глаза своимъ слѣдователямъ посторонними эпизодами. Но послѣ замѣчанія членовъ комиссіи, чтобы онъ „посторонняго не плодилъ, но отвѣтствовалъ бы о чемъ онъ имѣеть быть спрашиванъ“, Волынской сталъ не только сдержаннѣе, но положительно упалъ духомъ и на послѣдующихъ допросахъ доходилъ до самоуниженія передъ своими слѣдователями. Онъ вниклся въ побояхъ Тредьяковскому, объясняя ихъ своею горячностью, каялся въ злобѣ на Остермана, Куравина и другихъ, извинялся забвеніемъ многого по недостатку памяти. „Вотъ бѣда,—говорилъ онъ—самъ на себя навралъ, надѣлся на свое перо, что писать гораздъ“. Волынской становился на колѣна, кланялся слѣдователямъ въ ноги... „Я дѣлалъ то съ горячности, злобы и высокумія“—говорилъ несчастный Артемій Петровичъ. Онъ особенно заискивалъ въ страшномъ заплочномъ мастерѣ Ушаковѣ, чуя, что тотъ многое знаетъ помимо вопросныхъ пунктовъ и что за это многое, быть можетъ, придется ему дорого поплатиться. Передъ допросомъ 18-го апрѣля Волынской произнесъ: „прогнѣвался на меня Богъ, а дьяволъ затмилъ мнѣ умъ“. Въ этотъ день надъ Волынскимъ былъ усиленъ караулъ и не только его семейство, но и вся его многочисленная прислуга и дворня были подвергнуты домашнему аресту. Въ этотъ-же день дѣло Волынскаго было передано въ тайную канцелярію.

Между тѣмъ Василій Кубанецъ, которому было обѣщано высочайшее прощеніе, если онъ донесетъ „всю сущую правду“, усердно писалъ доносъ за доносомъ на своего господина, „который — по его собственнымъ словамъ — во всемъ открытъ ему былъ и считалъ его совѣстнымъ человѣкомъ“. Эти доносы давали матеріалы для новыхъ вопросныхъ пунктовъ и для арестовъ конфидентовъ Волынскаго, но доказывали, что Кубанецъ не пони-

малъ дѣйствительнаго смысла всѣхъ разговоровъ у Волинскаго и настоящихъ намѣреній его и его конфидентовъ.

16-го апрѣля были арестованы Хрущовъ и Еропкинъ, а 18-го — Хрущовъ былъ допрошенъ въ тайной канцеляріи. Онъ пытался выгородить Волинскаго и представлялъ собранія у него пріятельской компаніей для препровожденія времени и для разсужденія о „партикулярныхъ дѣлахъ“. Затѣмъ аресты шли одинъ за другимъ и, по обычаю того времени, не ограничивались только прикосновенными къ дѣлу лицами, но простирались на ихъ родственниковъ, знакомыхъ, домашнюю прислугу и дворовыхъ. Громадное число арестованныхъ наводило панику на петербургское общество и иностранныхъ дипломатовъ и, порождая разные толки и даже сплетни, преувеличивало дѣйствительное значеніе „заговора“ Волинскаго. Татищевъ, вѣроятно, лишь потому не былъ замѣшанъ въ это дѣло, что, независимо отъ процесса Волинскаго, въ то время былъ заключенъ въ Петропавловской крѣпости по обвиненію въ служебныхъ злоупотребленіяхъ по Оренбургской экспедиціи.

Кромѣ доносовъ Кубанца, на допросы Волинскаго и его конфидентовъ имѣли вліяніе: 1) Челобитная Бирона императрицѣ, направленная противъ Волинскаго. Эту челобитную, которую большинство біографовъ Волинскаго считаетъ причиной его гибели, Анна Іоанновна слушала только 19-го апрѣля, т. е. уже послѣ того, какъ дѣло Волинскаго было передано въ тайную канцелярію. 2) Бумаги и книги Волинскаго, рассмотрѣнныя Ушаковымъ и Неплюевымъ. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ Волинскому были предложены новые вопросныя пункты, въ которыхъ онъ обвинялся въ злодѣйскихъ замыслахъ, т. е. въ намѣреніи измѣнить существующій порядокъ правленія въ русскомъ государствѣ, и назывался уже вл�твопреступникомъ.

На второмъ допросѣ Хрущовъ былъ пытанъ и съ дыбы приписалъ Волинскому намѣреніе посредствомъ возмущенія сдѣлаться государемъ послѣ кончины Анны Іоанновны. Еропкинъ и Соймоновъ подтвердили это показаніе, причемъ Еропкинъ говорилъ, что принималъ участіе въ разговорахъ и въ писаніяхъ Волинскаго „съ глупости“, а Соймоновъ заявилъ, что одобрялъ сочиненія Волинскаго изъ желанія ему прислужиться и изъ опасенія подвергнуться его неприязни. Волинской упорно отрицалъ

приписываемыя ему намѣренія провозгласить себя государемъ и всячески старался выгородить царевну Елизавету Петровну. „Я ея не любилъ — говорилъ Волынскою — и всегда считалъ ее вѣтренницей“. 22-го мая Волынскаго подвергли въ застѣнѣ тайной канцеляріи пыткѣ, но и съ дыбы онъ отрицалъ намѣреніе провозгласить себя государемъ. Хотя Волынскому дано было только 8 ударовъ и пытка его продолжалась полчаса, но Ушаковъ такъ постарался прикрутить Артемія Петровича, что правая рука была у него вывихнута изъ плечевой кости и съ тѣхъ поръ онъ уже не могъ подписывать своихъ показаній.

5-го и 6-го іюня были пытаны Еропкинь, Соймоновъ, Эйхлеръ и графъ Мусинъ-Пушкинъ. Отъ нихъ желали узнать — когда именно Волынскою хотѣлъ произвести вооруженное возстаніе для низложенія существующаго правительства. Всѣ они единогласно заявили, что ничего не знаютъ о времени государственнаго переворота и также всѣ, за исключеніемъ графа Мусина-Пушкина, сказали, что не доносили о „злыхъ замыслахъ“ Волынскаго „изъ боязни его“. Одинъ только графъ Мусинъ-Пушкинъ храбро объяснилъ, что „не донесъ потому, что не хотѣлъ быть доводчикомъ“.

7-го іюня во второй разъ былъ пытанъ Волынскою. На этотъ разъ онъ получилъ 18 ударовъ и опять упорно отрицалъ намѣреніе стать государемъ всероссійскимъ. Въ этотъ день было объявлено высочайшее повелѣніе: „болѣе розысканій не производить, но изъ того, что открыто, сдѣлать обстоятельное изображеніе и доложить“. Вслѣдствіе этого вопросные пункты Волынскому о его служебныхъ злоупотребленіяхъ остались не разсмотрѣнными. 16-го іюня было сочинено „изображеніе“, а 17-го Ушаковъ и Неплюевъ представили его императрицѣ, жившей въ лѣтней своей резиденціи — Петергофѣ.

19-го іюня учреждено для суда надъ Волынскимъ и его конфидентами „генеральное собраніе“, составленное, вопреки своему названію, далеко не изъ всѣхъ первыхъ государственныхъ савошниковъ. Въ немъ находились, правда, лица отъ фельдмаршала до совѣтника петербургскаго полицейскаго управленія вельючительно, но то были на подборъ все русскіе. Такимъ составомъ генеральнаго собранія нѣмецкое правительство Анны Іоанновны, очевидно, хотѣло доказать европейскому общественному мнѣнію непопулярность Волынскаго и его кружка среди русскихъ. Ге-

неральное собраніе, какъ это обыкновенно являлось въ русскихъ политическихъ процессахъ XVIII в., было учрежденіемъ пассивнымъ. Его обязанность заключалась лишь въ подведеніи подъ составленный обвинительный актъ статей дѣйствующаго законодательства. Собраніе, выслушавъ „изображеніе“ и „экстрактъ“ изъ поданнаго въ 1739 г. Волынскимъ императрицѣ доношенія, постановило слѣдующій приговоръ: 1) Волынскаго, яко начальника всего того злаго дѣла, живаго посадить на колъ, вырѣзавъ у него предварительно языкъ; 2) Хруцова, Мусина-Пушкина, Соймонова и Еропкина — четвертовать и затѣмъ отсѣчь имъ головы; 3) Эйхлера собраніе признало болѣе виновнымъ, такъ какъ онъ занималъ должность тайнаго кабинетъ-секретаря, а потому опредѣлило — колесовать, а затѣмъ — отсѣчь ему голову; 4) Де-ла-Суда, какъ менѣе виновный, подвергался не столь мучительной казни; его приговорили только въ отсѣченію головы; 5) имѣнія всѣхъ осужденныхъ лицъ, какъ движимыя, такъ и недвижимыя, конфисковать; 6) двухъ дочерей Волынскаго и сына, какъ лицъ, которыя могли-бы занять императорскій русскій престолъ, сослать въ вѣчную ссылку.

23-го іюня послѣдовалъ въ Петергофѣ высочайшій указъ, смягчающій казнь осужденнымъ. На основаніи этого смягченія казнь совершена 27-го іюня на Сытномъ рынкѣ, чѣмъ мы начали нашъ очеркъ. Намъ остается поэтому только добавить, что судьба дѣтей Волынскаго не была смягчена. Обѣ его дочери были пострижены въ сибирскихъ монастыряхъ, а сынъ былъ сосланъ въ одинъ изъ отдаленныхъ остроговъ Сибири, подъ приглядомъ мѣстнаго командира, съ тѣмъ, что послѣ 15-ти лѣтняго возраста онъ долженъ быть отданъ навѣчно въ солдаты въ камчатскій гарнизонъ. Семья другихъ осужденныхъ оставлена на свободѣ; личныя имѣнія ихъ женъ не были конфискованы; сыновьямъ отдано было изъ отцовскихъ имѣній по 40 душъ на cadaго. Все движимое и недвижимое имущество самихъ казненныхъ и осужденныхъ конфисковано въ пользу казны, согласно приговору генеральнаго собранія.

---

Черезъ три мѣсяца и 20 дней послѣ казни Волынскаго, Еропкина и Хруцова, 17-го октября 1740 года умерла импе-

ратрица Анна Іоанновна. Вслѣдъ за ея смертію быстро слѣдовали перемѣны при дворѣ, низвергая съ пьедесталовъ враговъ Волинскаго и возводя на нихъ его доброжелателей. Въ ночь съ 7-го на 8-е ноября того же года Миннихъ арестовалъ Бирона, а 18-го января 1742 года самъ Миннихъ и Остерманъ отправлены въ вѣчную ссылку: первый въ Пелымъ, а второй въ Березовъ. Тогда уже царствовала Елизавета Петровна, вступившая на престолъ 25-го ноября 1741 года. Менѣе полутора года не дожили Волинской, Еропкинъ и Хрущовъ до того времени, когда исполнилась ихъ мечта. Нѣмецкое правительство было низложено, но не они, а другіе люди торжествовали ту самую побѣду, за мысль о которой они были преданы позорной казни. Теперь прославлялись Воронцовъ, Разумовскій и Лестоукъ именно за то, за что Волинской, Еропкинъ и Хрущевъ, полтора года тому назадъ, были признаны „государственными вредителями“ и „злоступными клятвопреступниками“.

Волинской оставилъ по себѣ особо яркій слѣдъ въ памяти потомства и идеализированъ въ преданіи и въ поэтическихъ произведеніяхъ потому, что былъ послѣдней жертвой Бироновщины, явившейся въ представленіи русскаго народа олицетвореніемъ его угнетенія и безправія. Казнь Волинскаго и его „конфидентовъ“, жестокая сама по себѣ, есть, также какъ и личность Волинскаго—выраженіе времени. Не менѣе ея были жестоки и другія современныя ей политическія казни, которыми эпоха реформы Петра Великаго столь-же богата, какъ и время Грознаго царя Іоанна IV. Розыски стрѣлцкіе, процессъ царевича Алексѣя Петровича, колесованіе Монса, умерщвленіе кн. Долгорукихъ въ Новгородѣ, скоропостижная смерть кн. Голицына въ Шлюссельбургѣ, пытки православныхъ архіереевъ и раскольниковъ въ тайной канцеляріи и менѣе извѣстныя казни „подлыхъ людей“ (т. е. простолюдиновъ, по выраженію XVIII в.)—все это столь же безчеловѣчныя и кровавыя факты, какъ и казнь Волинскаго и его конфидентовъ. Самъ Волинской поступалъ жестоко и лицепріятно съ княземъ Д. М. Голицынымъ, кн. Долгорукими и другими, участвуя въ „генеральныхъ собраніяхъ“ надъ ними.

Намѣренія Волинскаго о государственномъ переворотѣ не были приведены имъ въ исполненіе и остались въ области предположеній; замыселъ же о провозглашеніи Волинскимъ самого

себя государемъ совершенно не доказанъ. Это поразило императрицу Екатерину II въ лучшую, либеральную, пору ея царствованія, и она, въ извѣстномъ завѣщаніи по дѣлу Волинскаго „сыну своему и всѣмъ своимъ потомкамъ“, обратила вниманіе на несправедливость обвиненія Волинскаго въ измѣнническомъ умыслѣ присвоить себѣ верховную власть въ Россіи и на бездоказательность показанія съ пытки. „Волинской былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ — говоритъ Екатерина II— однако не измѣнникъ, но, напротивъ того, добрый и усердный патриотъ и ревнитель къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества. Итакъ, смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ“.

Памятуя это завѣщаніе императрицы Екатерины II, въ нынѣшнемъ 1885 году, на опальной могилѣ Волинскаго, Еропкина и Хрущова воздвигается памятникъ по частной подпискѣ, благодаря почину почтеннаго редактора „Русской Старины“—М. И. Семева. Этотъ фактъ говоритъ самъ за себя. Замыслы и дѣятельность Волинскаго, Еропкина, Хрущова и другихъ конфидентовъ стали теперь достояніемъ исторіи, а общественная совесть примирилась съ ихъ памятью.

Д. А. Корсаковъ.

Апрѣль 1885 г.  
Казань.

# ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ТУРГЕНЕВА

1772 — 1863.

V<sup>1)</sup>.

Императору Павлу было угодно сформировать конный полкъ кавалергардовъ (*gardes du corps*), въ которомъ всѣ рядовые были изъ дворянъ; въ полкахъ гвардіи Преображенскомъ, Семеновскомъ, Измайловскомъ и Конно-гвардіи было болѣе 3,000 человекъ дворянъ-сержантовъ и унтеръ-офицеровъ. Гатчинскому полковнику Давыдову было поручено выбрать въ полкахъ дворянъ, для составленія полка кавалергардовъ.

Всѣхъ насъ собрали въ домъ командовавшаго полкомъ генерала Васильчикова; надобно сказать, повелѣно составить изъ природныхъ дворянъ, а начальникомъ назначенъ даточный однодворецъ Гатчинскаго полка—Давыдовъ. Невѣжда, безъ всякаго образованія и пьяное животное, онъ, при выборѣ насъ въ кавалергарды, обращался съ нами самымъ униженнымъ и обиднымъ образомъ; должно было терпѣть и молчать. Короткой моей фигурѣ я обязанъ, что меня г. полковникъ Давыдовъ не удостоилъ въ кавалергарды, наградивъ эпитетомъ: „куда его, каратыша, въ кавалергарды!“

Тотъ же вечеръ объявили намъ высочайшій приказъ, что 86 счетовъ выпущены въ армію, съ пожалованіемъ въ чинъ корнета.

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVII, сентябрь, стр. 365—390.

На другой день, цѣлымъ стадомъ, повели насъ въ военную коллегію, гдѣ мы были росписаны уже по полкамъ и намъ тутъ же выдали виды для немедленнаго слѣдованія къ полку, безъ означенія мѣста, гдѣ полкъ находится. Всѣ мы просили члена коллегіи, генерала Лампа, приказать означить въ данныхъ намъ видахъ мѣстопребываніе полковъ, безъ этого мы не знаемъ, куда слѣдовать, не зная, гдѣ полки находятся. Лампъ былъ добрый и благоразумный человѣкъ, отвѣчалъ намъ съ замѣтнымъ прискорбіемъ, называя насъ „любезныя дѣти“: „не могу удовлетворить васъ, вѣдомость о дислокаціи полковъ взялъ, по высочайшему повелѣнію, адъютантъ Нелидовъ, и что тамъ сдѣлано, намъ знать не дано“.

Это любопытно знать, что было въ канцеляріи сдѣлано: каждому полковнику послано высочайшее именное повелѣніе: „съ полученія сего, слѣдовать со ввѣреннымъ вамъ полкомъ на назначенныя непремѣнныя квартиры“, не увѣдомивъ о семъ новомъ перемѣщеніи ни военную коллегію, ни командовавшихъ генераловъ войсками! Что-же послѣдовало? Полки, получивъ высочайшія повелѣнія, тронулись съ мѣстъ, пошли безъ маршрутовъ, безъ распоряженія отъ военной коллегіи о заготовленіи войскамъ въ пути продовольствія; каждый полкъ пошелъ по своему произволу, бралъ, отнималъ у обывателей все, что находилъ, и въ цѣлой Россіи, черезъ нѣсколько вѣковъ, олицетворилось нашествіе татаръ! Возникли вопіющія отовсюду жалобы. Павелъ Петровичъ прогнѣвался и, чтобы исправить это дѣло, десятками выключалъ изъ службы полковыхъ командировъ, съ отобраніемъ патентовъ, съ лишеніемъ чиновъ и потомъ преданіемъ военному суду. Назначалъ на мѣсто исключенныхъ вновь произведенныхъ генерал-майоровъ, черезъ нѣсколько недѣль, а много черезъ два-три мѣсяца, выгонялъ и вновь опредѣленныхъ и назначалъ на ихъ мѣста другихъ, вновь произведенныхъ. Многіе были исключены изъ службы до прибытія своего къ полку, слѣдовательно до вступленія въ командованіе полкомъ. Этому было причиною то, что забыли о движеніи полковъ, уважали приносимыя на полки жалобы во взятомъ провіантѣ и фуражѣ, но распоряженія о продовольствіи войскъ не дѣлали, потому не дѣлали, что находившіеся въ военно-походной канцеляріи никакого понятія о движеніи войскъ, равно и о государствѣ русскомъ, не имѣли. Напримѣръ, Сибирь-



скому драгунскому полку, который потомъ назывался драгунами Скалона, какъ и всѣ полки назывались по именамъ шефовъ, назначены непремѣнныя квартиры въ Tobольскѣ; Сибирскій драгунскій полкъ находился въ составѣ арміи противъ Персіи и получилъ высочайшее повелѣніе выступить на непремѣнныя квартиры въ Tobольскѣ, находясь въ Дербентѣ! Около двухъ лѣтъ слѣдовалъ полкъ изъ Дербента въ Tobольскѣ и драгуны пришли въ Tobольскѣ не на коняхъ и въ сѣдлахъ, а подъ сѣдлами, т. е. всю амуницию и конскую сбрую принесли на плечахъ.

Войскомъ противъ персовъ начальствовалъ графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ; о немъ и находящемся при немъ штатѣ вовсе забыли. Чтобы не быть зарѣзану толпою какихъ либо бродягъ, графъ Зубовъ упросилъ бывшаго при арміи съ казаками наказнымъ атаманомъ бригадира Платова конвоировать его и весь штабъ арміи до крѣпости Баку, гдѣ приняли ихъ на корабли русскаго флота и отвезли въ Астрахань. По возвращеніи съ войскомъ бригадира Платова на Донъ, его схватили и отвезли въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ и содержался въ темномъ казематѣ болѣе трехъ годовъ.

Государь освободилъ Платова изъ заточенія за нѣсколько мѣсцевъ до переселенія своего въ вѣчность, приказавъ ему поднять весь Донъ, кто только можетъ владѣть копьемъ, и слѣдовать съ казаками, чрезъ Оренбургъ, въ Индію. Тогда, по совѣщанію и согласію съ первымъ консуломъ французской республики, Бонапарте, было предположено громить Англію въ Индіи.

Въ военной коллегіи одинъ изъ старшихъ писарей сказалъ намъ, что Екатеринославскій кирасирскій полкъ стоялъ на квартирахъ въ г. Кобелякахъ, Полтавской губ.; какъ болѣе свѣдѣнія о полкѣ получить мы не могли, мы рѣшились отправиться въ Кобеляки.

Въ Москвѣ собралось насъ 10 офицеровъ Екатеринославскаго полка и полковникъ Голенищевъ-Кутузовъ (Павелъ Ивановичъ); явились къ коменданту Гессе, онъ тогда былъ плацъ-маіоръ и правилъ должность коменданта, гатчинскаго происхожденія, великій знатокъ всѣхъ подробностей, относящихся до вахтъ-парадовъ, любилъ пить пиво, курилъ табакъ и, къ удивленію, получивъ образованіе въ Гатчинѣ, былъ добрый человѣкъ, большой крикунъ, но никому никакого несчастья не сдѣлалъ.

Комендантъ представлялъ насъ военному губернатору, князю Юрію Владиміровичу Долгорукову. Потомъ Рюриковъ, князь Юрій, принялъ насъ по варяжски, началъ на насъ кричать, бранить насъ и приказалъ коменданту, чтобы насъ завтра въ городъ не было.

— „Слѣдуйте къ полку, вамъ нечего здѣсь дѣлать“.

Мы готовы были слѣдовать къ полку, да не знали куда слѣдовать, не зная гдѣ полкъ находится. Насъ выгнали изъ Москвы; полковникъ Голенищевъ-Кутузовъ и 10 офицеровъ съ нимъ поѣхали наудачу по кіевской дорогѣ, въ надеждѣ гдѣ либо съ полкомъ встрѣтиться, которому непремѣнныя квартиры назначены въ Москвѣ.

Въ Тулѣ, въ Орлѣ на насъ смотрѣли какъ на звѣрей или заморскихъ птицъ: мы были обмундированы по новой формѣ, толстыя выше уха бѣлки, длинныя косы и шпаги сзади въ фалдѣ мундира, конечно, болѣе возбуждали любопытство зрителей; шпага дана офицеру какъ орудіе для защиты себя, носить-же шпагу было приказано такимъ образомъ, что ее изъ ноженъ вынуть, ни въ ножны вложить самъ офицеръ не могъ, а былъ принужденъ искать помощника для содѣйствія обнажить оружіе.

Изъ Орла полковникъ Голенищевъ-Кутузовъ отправилъ меня, какъ отправляютъ отрядъ для поисковъ о неприятелѣ, отыскивать полкъ; мнѣ было въ ордерѣ предписано разспрашивать, освѣдомляться въ городахъ и у сельскихъ обывателей—не знаютъ ли они, не слышали-ли, гдѣ находится Екатеринославскій кирасирскій полкъ? Въ окрестностяхъ города Путивля застигла меня буря, мятель, и я едва не замерзъ; по счастію вдали засвѣтился на хуторѣ въ хатѣ огонь и мы, т. е. я и ямщикъ, доѣхали или, какъ говорятъ, добились до хутора. Когда малороссъ впустилъ насъ во дворъ подъ крышу, гдѣ вьюга не была мнѣ въ глаза—я не умѣю объяснить чувство радости моей въ эту минуту: въ 19 лѣтъ отъ роду умереть, и какъ умереть—замерзнуть какъ вочерыга! Я вошелъ въ хату, гдѣ препокойно лежали телята, ягненки, поросята, и присоединилъ себя въ ихъ общество,—спалъ между почтеннымъ обществомъ четвероногой братіи до полудня.

Наконецъ нашелъ я полкъ, явился полковнику Василю Васильевичу Гудовичу, отобѣдалъ у него и, получивъ письмо къ полковнику Кутузову, поѣхалъ обратно въ Орель.

На третій день полковн. Кутузовъ и при немъ насъ 10 офицеровъ отправились рано утромъ верстъ 40 отъ города, гдѣ полкъ того числа дневалъ; продѣлка благополучно кончилась, мы провели пріятно время съ новыми товарищами. Полковникъ Гудовичъ далъ мнѣ ордеръ отправиться въ Москву для занятія подъ полкъ квартиръ и приуготовленія конюшенъ, а полковнику Кутузову и другимъ офицерамъ сказалъ:

— „Г., я васъ не удерживаю при полку и не покажу прибывшими, вамъ дѣлать нечего, да и службы вы отправлять не можете, у васъ коней нѣтъ, поѣзжайте обратно въ Москву и ожидайте тамъ прибытія полка“.

Полковникъ Кутузовъ и всѣ офицеры были много обрадованы отзывомъ командира полковаго, но, возвратясь въ Орель, на просторѣ раздумались, вспомнили, какъ насъ потомокъ Гюрикеа выгнали изъ Москвы. Я одинъ получилъ командировку отъ полка занимать квартиры, а у товарищей моихъ и г-на полковника Кутузова были только паспорта военной коллегіи слѣдовать къ полку. По зрѣломъ обсужденіи сего важнаго обстоятельства, на совѣтѣ опредѣлено ѣхать всѣмъ въ Москву, — мнѣ, какъ имѣющему командировку, прямо, открыто въѣхать въ городъ черезъ заставу, а всѣ прочіе должны пробраться въ Москву кто какъ можетъ, секретно, и какъ у всѣхъ насъ въ Москвѣ родственники, то скрыться въ ихъ домахъ и до вступленія полка въ Москву сидѣть дома, нигуда не показываясь. Стратегема эта счастливо удалась.

Я въѣхалъ въ Москву черезъ заставу и провезъ брата; прочіе спустились близъ Данилова монастыря на рѣвку и прѣблагополучно по льду въѣхали въ Москву Бѣлокаменную и каждый притаился въ семейномъ пріютѣ.

## VI.

Въ губерніи Орловской, какъ то было и во многихъ губерніяхъ, дворянамъ принадлежащіе крестьяне взбунтовались, начали рѣзать и вѣшать господъ своихъ и управителей въ имѣніяхъ; сіе зло возникло также отъ поспѣшности, нехотѣнія справиться какъ прежде было, или отъ хотѣнія, чтобы во всѣхъ распоряженіяхъ ничего не было сходнаго съ распоряженіями былыми.

Крестьянъ, принадлежащихъ дворянству, нивогда не приводили къ присягѣ царю; дворянинъ считался владѣльцемъ крестьянъ и онъ отвѣчалъ лично царю за вѣрность подданныхъ ему земледѣльцевъ. Но когда было повелѣно дворянскихъ крестьянъ привести на вѣрность царю къ присягѣ, они поняли это повелѣніе знакомъ освобожденія отъ подданства дворянамъ и что они всѣ будутъ царю принадлежать и начали дворянъ рѣзать и вѣшать. Россія была на волосъ отъ гибели, возмущеніе вдругъ распространилось, какъ изъ кратера текущая огненная лава; остановить ее не было никакой возможности! Но что спасло Россію отъ конечнаго бѣдствія? Опрометчивость, необдуманное, смѣнное даже, повелѣніе и щедроты, излитыя на невѣждъ. Сказано уже, что всѣ полки состава арміи были мгновенно приведены въ движеніе, безъ всякаго предварительнаго распоряженія о продовольствіи ихъ, безъ указанія дорогъ, по которымъ должны слѣдовать къ мѣстамъ ихъ непремѣнныхъ квартиръ. Крайность въ пропитаніи солдатъ и лошадей заставила командировъ войска приказать солдатамъ брать всѣ потребности въ продовольствію у жителей, т. е. у крестьянъ. Это разрѣшеніе солдату начальства не могло остаться безъ привитія къ нему насилія, грабежа, словомъ — неистовствъ всякаго рода. Дворяне-владѣльцы защищали, отстаивали своихъ крестьянъ, сколько имъ то было возможно, отъ грабежа и наглости вышедшихъ солдатъ изъ воинской дисциплины и бѣлая часть бѣдствія пала на долю крестьянъ, казнь принадлежащихъ; это крестьянъ образумило, они увидали и почувствовали, что дворянинъ есть ближайшій и вѣрный ихъ защитникъ! Что это заключеніе справедливо, доказывается тѣмъ, что всѣ вспыхнувшіе мятежи прекратились, затихли безъ всякаго содѣйствія со стороны правленія; да некого было послать для укрощенія бунтующихъ, — все войско бродило во всѣхъ направленіяхъ, какъ стадо безъ пастыря.

Павель Петровичъ всѣхъ гатчинскихъ офицеровъ за вѣрную службу щедро наградилъ пожалованіемъ имъ казенныхъ крестьянъ въ вѣчное и потомственное владѣніе. Новые дворяне поспѣшили прибыть въ пожалованныя имъ помѣстья, начали пьянствовать съ сельскими попами и учредили въ помѣстьяхъ своихъ вахтъ-парады! И эти дѣйствія новооттиснутыхъ дворянъ много споспѣшествовали, что крестьяне желали попрежнему остаться въ по-

слушаніи и повиновеніи родовому дворянству, не было много и проказъ: во многихъ мѣстахъ крестьяне пересѣляли батожемъ и новыхъ дворянъ, и поповъ.

Младшій братъ мой, послѣ коронаціи, вступилъ въ службу въ Семеновскій полкъ; въ ротѣ его служилъ также гатчинскаго происхожденія поручикъ Бекманъ, родомъ изъ Кенигсберга, сынъ булочника; пробывъ определенное число лѣтъ юнгъ-гезелемъ (ученикомъ), чтобы получить патентъ на званіе и достоинство мастера, юнгъ-гезель долженъ былъ семь лѣтъ путешествовать по разнымъ государствамъ и приобрѣсть, какъ по искусству, такъ и по поведенію своему, аттестаты отъ мастеровъ, у которыхъ занимался производствомъ ремесла. Бекманъ изъ Кенигсберга направилъ стопы своя во градъ Св. Петра, но здѣсь ему не посчастливило, во всемъ была неудача и онъ, наконецъ, сколько волею—столько же и неволею былъ принужденъ вступить въ военную службу, чтобы не умереть отъ голода.

Вел. князь Павелъ Петровичъ имѣлъ отъ императрицы Екатерины дозволеніе принимать въ гатчинскіе баталіоны людей всѣхъ націй. Поступившій Бекманъ на службу въ Гатчинѣ рядовымъ, 1796 года въ ноябрѣ, прибылъ въ Петербургъ изъ Гатчины съ баталіонами гатчинскаго войска въ чинѣ поручика, и какъ баталіонъ, въ которомъ онъ состоялъ, былъ соединенъ съ Семеновскимъ полкомъ гвардіи и Бекманъ былъ преобразованъ въ офицера гвардіи; а въ слѣдующій 1797 годъ апрѣля 1-го, въ день вѣнчанія царя на царство русское, Бекманъ получилъ награжденіе—300 душъ крестьянъ въ вѣчное и потомственное владѣніе и началъ слѣть помѣстнымъ дворяниномъ въ Рыльскомъ уѣздѣ, Курской губерніи. Того-же 1797 года въ декабрѣ мѣсяцѣ Бекманъ пріѣхалъ въ Москву и остановился у насъ въ домѣ; братъ прислалъ съ нимъ письмо и просилъ во всемъ ему споспѣшествовать.

Г. Бекманъ былъ уволенъ на 4 мѣсяца въ отпускъ и шествовалъ въ пожалованное ему помѣстье, чтобы вступить во владѣніе и повелѣвать.

Онъ (Бекманъ) не зналъ ни уха, ни рыла о томъ, что слѣдуетъ выполнить по формѣ закона при вступленіи во владѣніе имѣнія. Я доставилъ ему доку-строкулиста, который написалъ ему всѣ надлежащія по сему предмету бумаги и снабдилъ инструкцію въ какія правительственныя мѣста ихъ подавать. Тогда

продѣлка съ бюрографами не дорого стоила: за снягиря, т. е. 10-ти-рублевую красную ассигнацію, бывало строкулисть написать такую ермолифію, что впродолженіи пяти дней всего не прочитаешь.

Здѣсь встаетъ сказать, что съ начала вступленія Павла Петровича на тронъ въ кабакахъ не подталкивали, въ лавкахъ не обвѣшивали и въ судахъ не брали взятокъ. Всѣ боялись знута. Школы правовѣднія тогда не существовало.

Г. Бекманъ прибылъ въ свое помѣстье въ вождѣльннмъ здравіи. По указу его императорскаго величества изъ губернскаго правленія, рыльскій земскій судъ ввелъ его во владѣніе и все, казалось, шло своимъ порядкомъ; крестьяне не сѣтовали, не кручинились о томъ, что изъ царскаго вѣдомства поступили въ вѣдомство дворянина; они твердо еще помнили претерпѣнную передрагу, когда поля бродили, и что тогда они со стороны начальства не имѣли никакой защиты. Но лукавый сатана или привычка къ вахтѣ-парадамъ, содѣлавшаяся въ Бекманѣ необходимою потребностію въ жизни, заставила его преобразовать одно гумно въ экзерциръ-гаузъ и начать тамъ обученіе крестьянъ маршировкѣ, стойкѣ и прочимъ продѣлкамъ. Крестьяне и на это не много жаловались, говорили: „ну, пусть его потѣшится, человекъ молодой, да онъ же намъ и по чаркѣ вина жалуется, коль въ угоду его ладно ногами топнемъ!“

Да вотъ откуда грянула бѣда: Бекманъ коснулся кички, т. е. онъ повелѣлъ всѣмъ крестьянскимъ женамъ, по данному образцу, шить изъ холстины чепцы и носить вмѣсто кичекъ.

Это повелѣніе произвело такую въ вотчинѣ суматоху, что г. Бекманъ, съ деньщикомъ своимъ, тайно въ полночь вотчину оставили. Черезъ полтора мѣсяца г. Бекманъ явился къ намъ въ Москву весьма въ дурномъ нравѣ, долго не совнавался въ причинѣ своей печали, наконецъ разсказалъ все подробно, что онъ въ помѣстьѣ своемъ куралесиль.

## VII.

Въ непродолжительномъ времени, по вступленіи Екашеринославскаго кирасирскаго полка въ Москву, прибылъ и шефъ полка, генераль отъ кавалеріи, многихъ орденовъ кавалеръ, кн. Григорій Семеновичъ Волконскій, человѣкъ вспыльчивый, бѣшенный, надменный и безтолковый. Нельзя сказать о немъ, что онъ былъ дуракъ, а сужденіе его во всемъ, обо всемъ было странное, уродливое. Къ несчастію Екашеринославскаго полка, князь хотѣлъ подражать фельдмаршалу Суворову, который написалъ императору въ отвѣтъ: „букли—не пушки, косы—не штыки“. Кн. Волконскій не хотѣлъ носить косы и букли не носилъ и прогнѣвалъ ослушаніемъ государя.

Мнѣ было приказано исполнять должность при князѣ адъютанта; его адъютанты, Лавданскій и Осиповъ, гдѣ-то остались и медлили прибыть въ Москву. Если мнѣ Богъ благословитъ еще 73 года жить, я не забуду ни княжескихъ проказъ, ни тѣхъ оскорбленій, которымъ я былъ со стороны его сіятельства подверженъ.

Въ мартѣ (1797) прибылъ государь и все императорское семейство въ Москву.

Предварительно торжественнаго въ городъ въѣзда, императоръ и дворъ его величества пребывали въ такъ называемомъ подъѣзжемъ Петровскомъ дворцѣ, въ 5-ти верстахъ отъ города, изъ заставы по дорогѣ въ Тверь и Петербургъ.

На другой день по прибытіи его величества, было повелѣно всему генералитету, сенату и всѣмъ имѣющимъ право приѣзда ко двору явиться, въ 6 часовъ пополудни, въ Петровскій дворецъ, для принесенія ихъ величествамъ всеподданнѣйшаго поздравленія съ благополучнымъ прибытіемъ.

Того дня утромъ шефъ полка, кн. Григорій Сем. Волконскій, приказалъ мнѣ быть у него въ 4 часа пополудни, одѣтымъ въ колетъ и кирасѣ на груди, сказавъ: „я поѣду во дворецъ, ты—при мнѣ“.

Я осмѣлился доложить его сіятельству, что въ кирасахъ вѣлѣно быть предъ фронтомъ, въ колетахъ въ торжественные дни на вахтъ-парадѣ утромъ, вечеромъ-же приказано на куртагѣ и балѣ быть въ вицъ-мундирахъ.

Князь такъ вспылить, что я думалъ домъ на меня обрушится, топалъ ногами, кричалъ, называлъ меня молокососомъ, щенкомъ и, наконецъ, сказалъ: „слышишь, въ 4 часа здѣсь, въ колетѣ и въ кирасѣ, да помни, что и думать осмѣлиться не долженъ возражать приказанію генерала—солдатъ будешь!“

Въ 4 часа я стоялъ въ залѣ его сіятельства, одѣтый въ колетѣ и кираса на груди, какъ было приказано. Князь, сѣвъ въ четверомѣстную карету, мнѣ приказалъ сѣсть противъ него, и насъ повезли; дорогою, передъ каждымъ храмомъ князь ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ, приказывая и мнѣ тоже творить. Въ половинѣ 6-го часа привезли насъ въ Петровскій дворецъ.

Князь пошелъ въ пріемную залу и мнѣ приказалъ за нимъ слѣдовать. Въ залѣ оберъ-церемоніймейстеръ, Петръ Степановичъ Валуевъ, какъ котъ съ крысою въ зубахъ, съ росписью чиновъ собравшихся бѣгалъ и устанавливалъ каждого на свое мѣсто. Составился въ пространной залѣ, начиная отъ выходныхъ дверей изъ внутреннихъ покоевъ, большой кругъ.

Минуть черезъ 10 отворилась дверь, бѣжали гофъ-фурьеры и шикали, за ними шелъ дежурный камергеръ; въ тотъ день былъ дежурнымъ графъ Гр. Влад. Орловъ и былъ очень неудачно одѣтъ; графъ былъ бѣловолосъ какъ чухонецъ, блѣднаго лица, глаза оловянные, высокаго роста, сухощавый, и длинное его туловище огибалъ блѣдно-оранжеваго цвѣта бархатный, блестящими покрытый, французскаго покроя кафтанъ, исподнее—тогоже цвѣта и также покрыто блестящими.

Едва государь изволилъ съ ея величествомъ государынею-супругою въ залу вступить и окинуть взоромъ въ залѣ предстоящихъ, какъ всѣ услышали дежурному камергеру повелѣніе, съ указаніемъ рукою на кн. Волконскаго, купю и на меня—насъ было только двое въ кирасахъ:

— „Дураковъ вонъ!“

Кн. Волконскій, во изъявленіе благодарности за привѣтствіе, низенько поклонился и я поклонъ сотворилъ, чуть не до полу, и дежурный камергеръ провелъ насъ посреди залы къ дверямъ, какъ оглашенныхъ. Часа три везли насъ обратно въ Москву; стемнѣло, до города дорога не была освѣщена, въ тому-же ледъ на дорогѣ срубали, снѣгъ счищали, шагомъ проѣхать было затруднительно.



Кн. Волконскій, шефъ мой, во всю дорогу что-то шепталъ себѣ подъ носъ, вѣроятно благодарилъ за изъявленное благоволеніе, вѣстнымъ знаменіемъ себя не ограждалъ, отъ дворца до города храмовъ Божьихъ нѣтъ, и въ городѣ за темнотою нельзя было церквей благовременно видѣть.

Но его сіятельство кн. Григорій Сем. Волконскій былъ человѣкъ набожный, богомольный: онъ, проходя предъ храмомъ Господнимъ, преклонялъ колѣно, не разбирая, была-ли тутъ грязь или луза; когда не могъ приложиться къ иконѣ, князь клалъ на себя знаменіе креста и, поцѣловавъ персты свои, дуновеніемъ посылалъ, такъ сказать, поцѣлуй въ прямой дирекціи къ иконѣ; у дверей въ соборахъ Успенскомъ, Архангельскомъ, когда соборы были заперты, крестясь, цѣловалъ замки.

Черезъ день послѣ полученнаго благоволенія, шефъ, всѣ штабъ-и оберъ-офицеры кирасирскаго полка были на вахтъ-парадѣ у Петровскаго дворца; въ полку служили два брата, подполковники Ермолины.

Павель Петровичъ, проходя по фронту офицеровъ, вдругъ изволялъ предъ старшимъ Ермолинымъ остановиться и, посмотрѣвъ пристально, сказалъ ему:

— „Вы, сударь, служили въ Новотроицкомъ кирасирскомъ полку?“

— Служилъ, в. в., отвѣчалъ Ермолинъ.

— „Погодите, погодите, сударь, вспомню: вы были полковымъ квартирмейстеромъ?“

— Былъ, в. в.

— „Фамилія ваша Ермолинъ?“

— Точно такъ, в. в.

— „Помните, какъ мы объ устройствѣ полковаго амуниціи хлопотали?“

— Помню, всемилостивѣйшій государь, отвѣчалъ Ермолинъ, со слезами отъ восторга радости.

Государь протянулъ руку Ермолину и, взявъ его за руку, сказалъ: „радъ, сударь, очень радъ, встрѣтивъ стараго знакомаго“.

По окончаніи вахтъ-парада, всѣ окружили Ермолина, разспрашивали о давнишнемъ знакомствѣ его съ государемъ.

Ермолинъ разсказалъ, что этому совершилось 32 года, когда онъ былъ квартирмейстеромъ и имѣлъ счастье видѣть тогда въ Новгородѣ вел. князя, и что съ того времени, находясь всегда въ арміи и походахъ, государя не видалъ.

„Милость царская, какъ роса утренная“, говоритъ пословица, а всѣ пословицы суть истины, потому суть истины, что народъ усвоилъ ихъ себѣ и онѣ стали достояніемъ всѣхъ вообще и каждаго въ особенности.

Императоръ Павелъ высочайше повелѣть соизволилъ выключить изъ ученаго словаря нѣсколько словъ русскихъ и не употреблять ни въ рѣчахъ, ни въ письмоводствѣ: стражу называть—карауломъ, отрядъ—деташементомъ, исполненіе—эзекуцію, объявленіе—публикацію, дѣйствіе—акцію.

Вслѣдствіе сего особаго повелѣнія, шефъ лейбъ-гренадерскаго полка, Лобановъ, заставилъ священника полковаго на заутренѣ воскресной пѣть въ ирмосѣ вмѣсто „на божественной стражѣ богоглаголивый Аввакумъ“—„на божественномъ караулѣ!“ Но пословицы Шишко да Павелъ (?) уничтожить не могъ.

Обратимся къ милости царской, изъявленной подполковнику Ермолину, который 48 годовъ носилъ званіе офицера, за храбрость получилъ ордена Георгія и Владимира, за штурмъ Очакова—золотой крестъ, названный Очаковскимъ; самъ государь узналъ его чрезъ 32 года, вспомнилъ о его усердной акціи при устроеніи амуничниковъ, сказалъ ему при тысячѣ соглядатаевъ, что онъ очень радъ, встрѣтивъ стараго знакомаго, и чрезъ два дня послѣ милостивѣйшаго привѣтствія и ласковаго слова—обоихъ братьевъ, подполковниковъ Ермолиныхъ, повелѣлъ выключить изъ службы, съ лишеніемъ чиновъ, отобраніемъ орденовъ и изгнаніемъ за городъ! Что было причиною жестокаго наказанія Ермолинымъ—осталось неизвѣстнымъ.

Вотъ какъ это случилось.

На третій день послѣ милостивѣйшаго привѣтствія на вахтъ-парадѣ, Павелъ Петровичъ продиктовалъ приказъ: „Екатеринославскаго кирасирскаго полка, подполковники Ермолинъ 1-й и Ермолинъ 2-й исключаются изъ службы, съ лишеніемъ чиновъ, съ отобраніемъ патентовъ и орденовъ“, и изустно добавилъ: „вы-

гвать ихъ за городъ!“ и 48 лѣтъ службы,—и каковой службы, въ походахъ, сраженіяхъ, на штурмахъ,—какъ будто никогда и не существовало! И еще пословица про судьбу—какъ быкъ слизнулъ! Говорили тогда по угламъ, что выключка Ермолиныхъ есть слѣдствіе слѣдующаго событія.

Въ Москву былъ присланъ гатчинской выдѣлки генераль-маіоръ Маркъ Абрамовичъ Костылевъ, родомъ однодворецъ, поступилъ на службу съ забритымъ лбомъ, скотина была разая, командовалъ лихо, за галстухъ заливалъ по молодецки. Въ Москвѣ Абрамовичъ вступилъ въ законное супружество со дщерью богатаго купца, Луки Долгаго, котораго домъ состоялъ въ расположеніи квартиръ кирасирскаго полка, на Большой Ордынкѣ, противъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ. Генераль Костылевъ жилъ по родству у тестя, а не по назначенію квартиры; одному изъ (офицеровъ) Ермолиныхъ квартирная коммисія выдала билетъ на постой квартиры въ домѣ купца Долгова. Ермолинъ пришелъ въ домъ купца Долгова предъявить билетъ квартирной коммисіи, но, въ несчастію его, пришелъ въ благой часъ.

Генераль Костылевъ и тесть его, купецъ Долговъ, за полчаса до прихода Ермолина возвратились отъ своего родственника съ обѣда. Его превосходительство въ это время былъ уже въ объятіяхъ Морфея и храпѣлъ такъ громко, какъ трубачъ сборъ въ трубу надуваетъ, а тесть его, купецъ Долговъ, во хмѣлю неутомонный, куралесилъ на дворѣ, ругалъ прикащиковъ, тузилъ работниковъ, какъ то бываетъ въ хозяйственномъ распоряженіи; въ самомъ разгарѣ дѣятельнаго упражненія Долгова, когда онъ таскалъ за волосы своего молодца (сидѣлецъ, работникъ), отворилась калитка и вошелъ Ермолинъ. Разгоряченный виномъ, разъяренный гнѣвомъ, купецъ оставилъ голову молодца и, подойдя къ Ермолину, нагло спросилъ его: „тебѣ что здѣсь надобно?“

Ермолинъ отвѣчалъ: „мнѣ надобно видѣть хозяина“.

— „Я хозяинъ, сказалъ Долговъ, говори, что тебѣ надобно“.

Ермолинъ, посмотрѣвъ на пьянаго купца, отвѣчалъ ему: „когда ты хозяинъ, вотъ тебѣ билетъ на отводъ мнѣ въ твоемъ домѣ квартиры“.

Долговъ взялъ билетъ и, не прочитавъ, сказалъ Ермолину: „ступай за мною—я тебѣ покажу квартиру“.

Ермолинъ пошелъ, не возражая ничего на грубое обхожде-

ніе хозяина; Долговъ привелъ Ермолина въ коровникъ и сказалъ: „вотъ твоему благородію квартира, велю выбѣлить, знатная будетъ свѣтлица для твоей милости“.

Спрашиваю, кто бы не осердился за такія дерзкія и оскорбительныя слова? но Ермолинъ на это предложеніе отвѣчалъ Долгову: „ты пьянъ, купчишка, проспись прежде и потомъ прочитай билетъ, такъ будешь знать съ кѣмъ ты дѣло имѣешь“, и пошолъ со двора отъ Долгова.

Черезъ день послѣ сего происшествія Ермолины были, какъ выше изложено, выключены изъ службы.

Въ день торжественнаго вѣзда Государя въ Москву, въ субботу Ваин (Вербная суббота), всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ Еватеринославскаго кирасирскаго полка высочайше повелѣно никуда изъ квартиръ полка не отлучаться и чтобы никто изъ нихъ не смѣлъ видѣть гдѣ либо сію процессію высочайшаго вѣзда.

Митрополитъ Платонъ встрѣтилъ императора предъ Успенскимъ соборомъ, окруженный 200 или болѣе семинаристовъ, одѣтыхъ въ бѣлые стихари; они устилали путь вѣтвями (вербами) и пѣли: „осанна, благословенъ грядый во имя Господне!“ Императоръ Павелъ, прибывъ для вѣнчанія своего на царство, вѣхалъ въ Москву, когда Христосъ вѣхалъ въ Іерусалимъ. Возложилъ царскій вѣнецъ на главу, когда Исусъ Христосъ, Спаситель нашъ, воскресъ (Свѣтлое Христово воскресенье). По преставленіи, тѣло Его предано (землѣ) въ тотъ день, когда тѣло Христа во гробъ заключили (страстную пятницу).

## VIII.

1797 года 1-го апрѣля назначенъ день для священнаго вѣнчанія царскимъ вѣнцомъ и миропомазанія Государя, царствовать самодержавно въ царствѣ русскомъ. Сей святой день, его же сотвори Царь и Господь, какъ то сказано въ писаніи, не обошелъ вахтъ-парада! Цари русскіе, по обряду церкви, должны поститься семь дней предъ миропомазаніемъ и приобщаться Святымъ Христовымъ Тайнамъ, по выслушаніи литургіи. Цари муже-

скаго пола входятъ въ алтарь и непосредственно сами берутъ тѣло съ дискаса и изъ потира пьютъ кровь.

Въ приказѣ наканунѣ вахтъ-парадъ назначенъ въ 4 часа утра. Павелъ присутствовалъ на вахтъ-парадѣ. Въ караулъ вступилъ гвардіи Преображенскаго полка 1-й батальонъ, и флигельманъ, выбѣжавшій показать фронту приемы ружья, получилъ четыре удара палкою.

Въ Кремлѣ поставили всѣ полки гвардіи; долго о размѣщеніи войскъ хлопотали нѣмцы и русскіе; главную роль въ этой суматохѣ игралъ Аракчеевъ; установивъ полки, всѣ ворота Кремлевской крѣпости заперли, ключи взялъ комендантъ и когда все было уже готово къ шествію Павла I изъ дворца по Красному крыльцу въ Успенскій соборъ, прибѣжалъ флигель-адъютантъ Ратьковъ (гатчинское произведеніе), и объявилъ командиру Екатеринославскаго кирасирскаго полка, Гудовичу, волю Павла Петровича, чтобы насъ, т. е. офицеровъ, никого не было!

Не знали, что съ нами дѣлать, всѣ ворота Кремля заперты, ключи у коменданта, комендантъ во дворцѣ; придумали спрятать всѣхъ въ башню Тайницкихъ воротъ, куда насъ и погнали какъ стадо овецъ, а въ полку Екатеринославскомъ тогда состояло: полковниковъ 5, подполковниковъ 11, майоровъ 35, оберъ-офицеровъ 180. Насъ всѣхъ безъ исключенія въ башнѣ Тайницкихъ воротъ и затворили. Въ башенномъ заключеніи продержали насъ до окончанія церемоніи и выпустили часа въ три пополудни, когда государь изволилъ сѣсть за столъ въ Грановитой палатѣ на тронѣ кушать. Такимъ образомъ нами осуществилась пословица: „въ Римѣ быть, а папы не видалъ“. Мы въ Кремлѣ были, а церемоніи коронаціи и царя въ царскомъ вѣнцѣ не видали! Запереть ворота въ Кремлевской крѣпости—можно почестъ ибрюю осторожности, хотя и не было кого остерегаться, но запереть Екатеринославскаго полка офицеровъ въ башнѣ—не подходитъ ни подъ какое предположеніе! Если боялесь со стороны нашей возмущенія и нападенія, то всѣ мы составляли число 231 человекъ, а войскъ въ Кремлѣ подъ ружьемъ стояло 30 тысячъ человекъ. Сію премудрость разгадать трудно; конечно, она и останется навсегда неразгаданною!

Худое было для екатеринославскихъ офицеровъ время; каждый день, отправляясь на вахтъ-парадъ, каждый шелъ туда какъ на лоб-оен мѣсто, никто не былъ увѣренъ—воротится ли въ квартиру!

По окончаніи въ Кремлѣ всѣхъ обрядовъ, государь всю Святую недѣлю изволилъ изъ Успенскаго Собора подъ балдахиномъ, въ коронѣ, въ далматикѣ (стихарь дьяконскій) и въ порфирѣ, ходить каждый день по церквамъ и монастырямъ въ Кремлевской крѣпости. По окончаніи всѣхъ торжественныхъ ходовъ въ церкви и монастыри, которые впрочемъ не отнимали время къ продолженію выключекъ офицеровъ изъ службы, въ каждомъ высочайшемъ приказѣ читали длинные реестры именъ выключенныхъ; дворъ изъ Кремлевскаго дворца переѣхалъ въ Лефортовскій дворецъ, на-скоро передѣланный изъ купленнаго дома у графа Безбородко; Екатеринославскій полкъ все продолжалъ находиться въ опалѣ; при каждомъ вахтъ-парадѣ переводили насъ съ одного мѣста на другое; раза три и четыре случалось—и съ вахтъ-парада какъ недостойныхъ прогоняли.

Въ одинъ день, не упомяну числа, но день всегда незабвенный въ моей жизни, послѣ вахтъ-парада пошелъ дождь; всѣмъ дежурнымъ штабъ-офицерамъ и адъютантамъ для принятія пароля, который Павелъ Петровичъ самъ отдавалъ, было приказано собраться въ военную залу предъ кабинетомъ; всѣ собрались.

Павелъ вышелъ изъ своего кабинета, отдалъ пароль; казалось, все шло въ надлежащемъ и подлежащемъ порядкѣ, ничто сложностей не нарушало и Павелъ изволилъ шествовать во внутреннія комнаты; какъ вдругъ минуть черезъ пять двери опять открылись, гофъ-фурьеры запикали и онъ вступилъ въ залу и громко сиповатымъ голосомъ повелѣлъ:

— „Екатеринославскаго адъютанта сюда!“

Недалеко было меня искать—я былъ въ залѣ и сталъ предъ государемъ.

Павелъ Петровичъ подошелъ ко мнѣ очень близко и началъ меня щипать; сзади его, съ правой стороны, стоялъ в. к. Александръ Павловичъ, съ блѣднымъ лицомъ, съ лѣвой стороны стоялъ Аракчеевъ; щипаніе было повторено нѣсколько разовъ, отъ котораго брызгали у меня изъ глазъ слезы какъ горохъ. Очи Павла Петровича, казалось мнѣ, блистали какъ зажженные свѣчки, наконецъ онъ изволилъ повелѣвать мнѣ сими словами:

— „Скажите въ полку, а тамъ скажутъ далѣе, что я изъ васъ Потемкинскій духъ вышибу, я васъ туда заплю, куда воронъ костей вашихъ не занесетъ“.

Привѣтствіе—не вполнѣ радостное, но изустно мнѣ оглашенное въ присутствіи 200 или 300 офицеровъ!

Его величество, повторивъ высочайшее повелѣніе пять или шесть разовъ, продолжая щипаніе, изволилъ мнѣ сказать:

— „Извольте, сударь, отправиться въ полкъ!“

Съ этимъ словомъ я оставилъ правую ногу назадъ и повернулся лихо направо кругомъ; но какъ Павелъ Петровичъ стоялъ очень близко, то при поворотѣ я концомъ палаша весьма неприятно задѣлъ его по ногамъ.

Не сумѣю объяснить теперь, не умѣлъ и тогда, что со мною или, лучше сказать, что во мнѣ въ сію минуту дѣлалось! но милосердому Богу было угодно спасти меня въ этомъ случаѣ: я не оробѣлъ, твердо приступилъ правой ногой и пошелъ съ лѣвой ноги маршемъ по гефрейторски. Что же слышу, что сопровождаетъ вслѣдъ меня? Государь возглашаетъ—„бравый офицеръ! славный офицеръ!“

Слышать одобреніе, когда думаешь, что тебя поглотитъ земля,—это радованіе неизяснимо, его можно только чувствовать.

Послѣ сего событія мы поняли причину бѣдствія, постигшаго Ермолиныхъ! Конечно, г. Костылевъ рекомендовалъ офицеровъ Екатеринославскаго кирасирскаго полка предъ государемъ какъ людей худо намѣренныхъ и, къ дополненію сего, полкъ именовался прежде полкомъ вн. Потемкина-Таврическаго.

## IX.

Государь изъ Москвы изволилъ шествовать въ Казань. Генералу отъ инфантеріи Архарову, бывшему въ Москвѣ по случаю коронаціи, высочайше соизволилъ повелѣть сопровождать августѣйшую свою супругу императрицу въ Петербургъ.

Архаровъ, Ник. Петр., при вступленіи императрицы Екатерины на тронъ былъ сержантомъ гвардіи Преображенскаго полка и былъ въ числѣ вогорты, второю предводили братья Орловы; Алексѣй Орловъ былъ съ Архаровымъ въ связяхъ по свойству одинаковой наклонности къ развратной и буйной жизни.

Всегдашній пріютъ Орлова, Архарова и прочихъ товарищей былъ на Васильевскомъ островѣ въ третьей линіи—нѣмецкій трак-

тирь, гдѣ они собирались, шли, играли въ карты и биллиарды, улаживали и толковали какъ дѣлу быть.

Однажды поручикъ Швановичъ, играя на биллиардѣ съ Алексѣемъ Орловымъ, поссорился, Орловъ бросился на Швановича съ кулаками; Орловъ былъ голиафъ ростомъ и силенъ какъ Самсонъ; Швановичъ былъ въ сравненіи съ Орловымъ лилипутецъ, искалъ спасенія въ ногахъ своихъ. По всѣмъ линіямъ Васильева острова, посрединѣ, были прорыты каналы, сажень или нѣсколько менѣе въ ширину, которые существовали до царствованія Александра I-го и за вырытіе которыхъ въ означенную ширину Петръ I поблагодарилъ любимца своего Меншикова по бокамъ песочною дубиною; Петръ хотѣлъ островъ Васильевъ преобразовать въ Венецію, предполагая прорыть каналы судоходные. Блаженной памяти великій государь любилъ воду какъ гусь, любимецъ же его жаловалъ сушу.

Когда Петръ II, преемникъ державы послѣ Екаторины I-ой, послалъ свѣтлѣйшаго князя въ заточеніе въ Березовъ, его свѣтлость отъ Петербурга до нынѣшней Перми, въ то время села и желѣзнаго завода Егашихи, съ береговъ Невы до береговъ Камы, дневалъ и ночевалъ въ селахъ и деревняхъ, ему принадлежавшихъ! Меншиковъ понялъ, что государь повелѣлъ вырыть каналы посрединѣ линіи острова для осушенія болотистой почвы, но песочная дубина его величества доказала Меншикову его недоумѣніе.

Швановичъ, видѣвъ, что голиафъ Орловъ готовъ его схватить, не остановился на бой, по примѣру Давида, и чтобы увернуться отъ желѣзной длани Орлова, прыгнулъ на другую сторону канавы, голиафъ хотѣлъ также перескочить канаву, но, будучи пьянъ, не перескочилъ, а погрузился въ канавѣ по шею въ грязь; въ это время скудельный Швановичъ забылъ указъ великаго государя о томъ—лежащаго не бьютъ; повернулся назадъ, вытащилъ изъ ноженъ шпаженку и отрубилъ барахтавшемуся въ грязи Орлову конецъ носа и разрубилъ щеку.

Собутыльники и пріатели сердечные Орлова: Барятинскій, Тепловъ, Давыдовъ, Извозовъ, Мещеринъ, бѣжали вслѣдъ Орлова, чтобы остановить голиафа, боялись, что онъ, догнавъ Швановича, убьетъ съ одного раза лилипута, и нашли голиафа въ канавѣ, въ грязи, въ крови и конецъ носа виситъ на недо-



рубленной кожѣ! Вытащили молодцы друга изъ грязи, привели въ тотъ же трактиръ, изъ котораго голиафъ учинилъ побѣгъ; призванный цирюльникъ принялъ носъ, какъ умѣлъ, будущему побѣдителю турецкаго флота при Чесмѣ.

Мы знаемъ уже о повелѣннн Архарову сопровождать государыню императрицу въ Санктпетербургъ; возили и тогда скоро царей, но все не такъ скоро вихремъ, какъ нынѣ! Тогда цари имѣли еще возможность на пути своемъ видѣть что либо, нынѣ (1848 г.) быстрота ѣзды доведена до того, что не успѣешь верстовыхъ столбовъ рассмотреть! Медицинскій факультетъ давно уже готовъ подать протестъ вопреки быстрого сваванія, доказывая, что съ того времени, какъ начали быстро и безостановочно на дорогѣ свавать, возникла и необыкновенно размножилась каменная болѣзнь у обоого пола! Содержатели гостинницъ вопіють также: мальпосты, экстрапосты лишили ихъ пропитанія; никто изъ проезжающихъ не имѣетъ времени чашку чаю выпить, всѣ вылѣзають изъ кареты единственно по крайней необходимости и бѣгутъ прямо въ мѣсто потребности, не заглянувъ въ залу компаніи. Ямщики воють, что они раззорены до основанія, быстрая ѣзда какъ конскій падежъ морить ихъ лошадей, да какое до этого дѣла—почта скоро ходить!

Архаровъ, сопровождая императрицу, былъ помѣщенъ въ восьмишестной каретѣ ея величества.

Прости, Господи, прегрѣшенія раба твоего Николая, но этотъ Николай (Архаровъ) былъ хитрѣе самого бѣса. Ястребинные большіе его глаза, казалось, проникали землю. Онъ умѣлъ незамѣтнымъ образомъ склонить разговоръ о быломъ при вступленн Екатерины II на тронъ, возбудилъ любопытство, но какъ говорить, на всякаго хитреца бываетъ много простоты: Архаровъ не распознавалъ, что это было одно любопытство, и понавъ, подъ видомъ любопытства, скрывающіяся желанія—знать какъ дѣйствовать въ потребномъ случаѣ, желаніе имѣть примѣръ въ руководство, распространился, и какъ объяснилось послѣдствіемъ—распространился въ рассказѣ чрезъ-мѣръ наивно! Описывая блистательное время царствованія великой Екатерины, Архаровъ сказалъ, что „благословенные дни счастья, славы и благоденствія могутъ мгновенно возникнуть въ Россіи, слѣдуетъ только поступать по стопамъ въ Бозѣ почившей мудрой повелительницы Сѣвера“.

По возвращеніи государя изъ Казани, благовѣрная супруга его пересказала императору слышанное ею въ пути отъ Архарова.

Черезъ 24 часа было повелѣно Архарову отправиться на безвыѣздное его житье въ селѣ Разбѣгаевкѣ, Тамбовской губерніи, которое ему принадлежало.

Черезъ 7 мѣсяцевъ, братъ Николая, Иванъ Петровичъ Архаровъ, генералъ отъ инфантеріи и второй въ Москвѣ военный губернаторъ, неожиданно былъ подвергнутъ опалѣ царской.

Первый военный губернаторъ въ Москвѣ, генералъ-фельдмаршалъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, получилъ съ фельдегеремъ высочайшее его величества повелѣніе, лаконически и ясно изложенное: „генерала Архарова II, исключеннаго изъ службы, отправить въ 24 часа изъ Москвы въ Тамбовскую деревню, гдѣ находится братъ его“.

Ивану Петровичу также выѣздъ изъ села Разбѣгаевки былъ запрещенъ.

## X.

Въ 1799 году императоръ повелѣлъ собраться ста тысячамъ войскъ въ окрестности Москвы и въ началѣ мая мѣсяца прибылъ въ столицу для смотра собравшагося войска. Большая часть изъ призванныхъ полковъ должны были пройти 800, 700 верстъ до сборнаго мѣста; ни одного не было, которому не довелось измѣрить 500 верстъ; сія потѣха стоила миллионы не казнѣ, какъ у насъ привыкли говорить, но жителямъ, гдѣ проходило войско; по назначеніи маршрута, дневокъ и ночлеговъ, полки выступили съ мѣстъ ихъ пребыванія въ мартѣ мѣсяцѣ; это хотя немного знаетъ Россію, тотъ конечно вѣдаетъ, что на землѣ святой Руси въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ по дорогамъ проѣзда нѣтъ и потому вѣковая пословица на Руси существуетъ, что въ мартѣ воды и въ апрѣлѣ травы не бываетъ! Въ мартѣ нѣтъ воды, значитъ рѣки еще не вскрылись, сплава нѣтъ, а переправляться черезъ рѣки по льду опасно, ледъ уже не держитъ; въ апрѣлѣ нѣтъ травы, потому что вся почва земли превратится отъ постоянного таенія снѣговъ въ растворъ тѣста. Неоспоримымъ сему удостовѣреніемъ служатъ несчастные случаи во

время неурожаевъ хлѣба; въ одной губерніи народъ мретъ отъ голода, а въ другой губерніи, на разстояніи 200, 300 верстъ, не знаютъ что дѣлать съ избыткомъ хлѣба: нѣтъ требователя, нѣтъ потребителя на хлѣбъ, у всѣхъ его большой избытокъ (1848 г.). Покажется невѣроятнымъ, но это дѣйствительно есть правда, что земледѣлецъ имѣеть 3, 4 скирда хлѣба, т. е. 200, 300 четвертей зерномъ, отъ 10 до 26 коровъ, сотню или около того овецъ, а не имѣеть денегъ на покупку соли; не можетъ проѣхать по дорогѣ до мѣста, гдѣ продается соль. Представьте же себѣ бѣдствіе алополучныхъ обывателей, согнанныхъ со всѣхъ мѣстъ тысячами, устроить дорогу для прохода войскъ. Были случаи, въ которыхъ было необходимо разбирать артиллерію, т. е. снимать пушки съ лафетовъ, снимать колеса и всѣ принадлежности, орудія переносить на рукахъ; руки, дѣйствующія въ сихъ случаяхъ, были руки обывателей. Сколько ихъ (обывателей) погибло, изуродовано при этомъ—осталось покрыто неизвѣстностію, потому что обыватель не солдатъ и его не считаютъ (1799 г.) на Руси челоѣкомъ.

Наконецъ, собралось войско въ окружности Москвы благополучно.

Это благополучно должно разумѣть, что каждый полкъ, каждая рота артиллеріи пришла въ назначенное мѣсто въ опредѣленный срокъ по маршруту. Я былъ тогда инспекторскимъ адъютантомъ фельдмаршала и всей Россійской кавалеріи генералъ-инспектора графа Ивана Петровича Салтыкова II,—такъ сказать, должность моя по службѣ поставила меня въ довольно близкомъ разстояніи отъ Павла Петровича, а неожиданный случай приблизилъ меня еще болѣе къ нему.

Бригадъ-маіоръ (Иванъ Алексѣевичъ Образцовъ) при государѣ вдругъ занемогъ недугомъ, который нынѣ именуютъ холера, не азіятская морбусъ, а холера спорадическая.

Приказано фельдмаршалу: „графъ Иванъ Петровичъ, мой бригадъ-маіоръ заболѣлъ, не можетъ отправлять службы, дайте мнѣ, сударь, на время одного изъ вашихъ адъютантовъ для исправленія этой должности при мнѣ, да который у васъ изъ нихъ порасторопнѣе, поживнѣе; вы знаете, сударь, должность бригадъ-маіора не маловажная“.

Графъ представилъ меня, государь изволилъ долго смотрѣть

на меня съ особеннымъ вниманіемъ; мнѣ казалось, его величество искалъ въ памяти, гдѣ онъ видѣлъ мою фигуру, а я былъ гусь уже ощипанный. Много счастья и чести было для поручика кирасирскаго полка, но признаюсь, это счастье и честь охватили меня какъ морозъ по голому тѣлу, — я помнилъ еще живо событіе въ военной залѣ! Но да будетъ воля Божія! чему быть, то будетъ!

Я обратился въ начальнику военно-походной канцеляріи, генералъ-адъютанту графу Ливену, и просилъ его сіятельство разумить меня—въ чемъ состоитъ исправленіе возложенной на меня должности.

Графъ Ливенъ, конечно, самъ не зналъ въ чемъ состоитъ должность бригадъ-маіора,—отвѣчалъ:

— „Вы должны подносить государю императору суточные рапорты о состояніи войска“,—но отъ кого я буду получать рапорты и какимъ порядкомъ, о семъ ничего не объяснилъ, и въ заключеніе своей ермолифин его сіятельство изволилъ мнѣ сказать: „вы тамъ увидите“!

Выслушавъ разрѣшеніе отъ графа Ливена на мой вопросъ я видѣлъ себя стоящимъ на краю бездны, потому что я не зналъ моей должности и чрезъ это невѣдѣніе ежеминутно подвергался гнѣву государя! но милосердый Богъ сохранилъ меня.

Восемь дней продолжались маневры, я никакой должности не исправлялъ, государь ничего повелѣвать или поручать мнѣ не соизволялъ, рапортовъ суточныхъ о состояніи войска я не имѣлъ счастья подносить его величеству, потому что мнѣ никто во все время никакого свѣдѣнія о войскѣ не доставлялъ.

Совершилось уже 50 лѣтъ тому, какъ я былъ удостоенъ высокой чести исправлять должность бригадъ-маіора при особѣ его величества государя императора, и до сего часа не вѣдаю—въ чемъ состояли обязанности бригадъ-маіора.

## XI.

Павелъ Петровичъ не любилъ держать въ лагерѣ солдатъ, войска были всегда размѣщены на квартирахъ въ домахъ жителей. Какъ собралось около Москвы 100 тысячъ войска, то во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ Московскаго уѣзда жители были принуждены оставить дома свои, жить подъ открытымъ небомъ или скрываться въ лѣсахъ,—все было набито солдатами. По выходѣ войска, по окончаніи маневровъ, хозяева, возвратясь въ дома свои, нашли ихъ совершенно раззоренными, расхищенными, какъ то бывало во времена набѣговъ нагайскихъ татаръ.

Наканунѣ маневровъ Павелъ Петровичъ сказалъ:

— „Графъ Иванъ Петровичъ, послѣ вахтъ-парада поѣдемъ рекогносцировать непріятеля, да чтобы насъ не узнали—свиты не надо, вотъ вы, адъютантъ одинъ, гусара два, три, да рейткнехтъ—и довольно“.

Фельдмаршалъ приказалъ мнѣ и шефу московскихъ гусарскихъ эскадроновъ, князю Филиппу Семеновичу Жевахову, быть готовыми на отважное предпріятіе—рекогносцировать непріятеля. Послѣ вахтъ-парада отправились на Сокольническое поле, на которомъ въ старинѣ нашей православные цари русскіе потѣшались пускомъ на птицъ ясныхъ соволовъ.

Свиту составляли: фельдмаршалъ, я, адъютантъ его и исправляющій должность при государѣ бригадъ-маіора, шефъ гусарскаго эскадрона князь Жеваховъ, одинъ гусаръ и одинъ рейткнехтъ. На Сокольническое поле выѣхали по переулкамъ, по Лефортовской слободѣ и между огородами, не будучи замѣченными, и на Сокольничьемъ полѣ развѣзжали.

Надобно знать, что обширное Сокольничье поле окаймлено громадными селами: Преображенскимъ, Семеновскимъ и Измайловскимъ. Колыбель російской побѣдоносной арміи—Преображенское, гдѣ Петръ Первый съ любимцемъ своимъ, Лефортомъ, образовалъ первыхъ русскихъ солдатъ, по образцу войскъ въ Европѣ, и ввелъ военную подчиненность (дисциплину); нынѣ въ сихъ стрѣльцкихъ слободахъ ничего уже не знаютъ о Петрѣ, Лефортѣ и потѣшныхъ его солдатахъ; мѣсто стрѣльцовъ заняли ткачи; тридцать тысячъ человекъ, вмѣсто ружья, играютъ за ста-

номъ челнокомъ; но что удержалось отъ Петрова времени въ сихъ слободахъ? расколъ или, какъ называютъ, старовѣры. Стрѣльцы, первобытные жители слободъ Преображенской, Семеновской, Измайловской, были старовѣры и нынѣ въ сихъ слободахъ всѣ жители не слѣдуютъ уставамъ православной русской церкви, а выполняютъ обряды богослуженія по преданіямъ старовѣрческимъ; они не принадлежатъ всѣ одной сектѣ, нѣтъ! ихъ много и всѣ между собою разногласны, но съ церковью враждуютъ и препираются единодушно.

Павель Петровичъ уже болѣе часа гарцовалъ на широконъ раздолѣй поля Сокольничья, не будучи подозрѣваемъ со стороны непріятеля; но проѣзжающій полемъ житель слободы Преображенской узналъ фельдмаршала гр. Салтыкова и поспешилъ, во всю конную прыть, въ село: старовѣры любили фельдмаршала гр. Ивана Петровича. Онъ не допускалъ алчныхъ поповъ притѣснять старовѣровъ.

Многіе говорили о графѣ, что онъ простой, недалекого ума человекъ, плохой генералъ; это говорили приверженцы гр. П. А. Румянцова, но гр. Иванъ Петровичъ Салтыковъ доказалъ военные способности, находясь подъ начальствомъ того же Румянцова: фельдмаршалъ Румянцовъ оставилъ гр. Салтыкова съ десяти тысячнымъ отрядомъ прикрывать отступление всей арміи на Буджакѣ отъ натиска войскъ турецкихъ подъ предводительствомъ храбраго сераскира; гр. И. П. Салтыковъ отражалъ храбро нападенія многотысячной турецкой арміи и, давъ тѣмъ время российской арміи придти спокойно на назначенную позицію, совершилъ отступление, не потерявъ колеса отъ фуръ. Отступление гр. Салтыкова сравнивали тогда съ отступленіемъ греческаго полководца. Графъ отлично храбро сражался въ семилѣтнюю войну съ пруссаками, слылъ храбрымъ кавалерійскимъ генераломъ,—отъ него и Цитенъ, и Шверинъ палились. О способностяхъ фельдмаршала по части правительственной я могу сказать болѣе: я былъ соглядатаемъ его искусства управлять народомъ; графъ зналъ характеръ народа русскаго, умѣлъ говорить съ нимъ. Въ Москвѣ 80 тысячъ старообрядцевъ, т. е. старовѣровъ, не хотѣли именовать государя благочестивѣйшимъ; тогда (1799 г.) въ Россіи считали восемь милліоновъ старовѣровъ; не умѣй гр. Салтыковъ кроткимъ обхожденіемъ убѣдить

московскихъ старовѣровъ—какія бѣдственныя могли произойти отъ сего слѣдствія, а когда у восьми милліоновъ народа закружится голова, тогда нужно 16 милліоновъ народа, чтобы уничтожить это головокруженіе. Кстати должно здѣсь упомянуть о томъ, что всѣ старовѣры въ Россіи зажиточные люди, многіе между ними милліонеры; всѣ вообще лучшіе и исправные плательщики государственныхъ податей и несравненно съ прочими болѣе образованы и трезвы.

Не прошло получаса, какъ проѣхалъ чрезъ поле незнакомецъ, — изъ слободъ Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго бѣжало съ крикомъ „ура“ толпа въ нѣсколько тысячъ; проѣзжавшій далъ вѣсть, что государь изволилъ рыцарствовать на конѣ по чистому полю, и все, что сидѣло за станомъ, бросило челнокъ, побѣжало на поле, не думая объ одеждѣ, въ однихъ рубашкахъ, въ босовикахъ, большая часть голыми ногами, но у каждаго на головѣ черный ремень, чтобы удерживать волосы, не давая имъ разсыпаться на глаза и мѣшать въ работѣ. „Иванъ Петровичъ! сказалъ императоръ Павелъ, указывая на подбѣгающую толпу: это, сударь, бунтовщики! что это значитъ?“

Фельдмаршалъ твердо и громко отвѣчалъ: „это показываетъ вашему величеству пламенное желаніе народа видѣть своего государя, въ томъ отвѣчаю вамъ, государь, головою!“

— „Прикажите, сказалъ императоръ, указывая на меня и на князя Жевахова, прикажите имъ, сударь, остановить эту толпу“.

Фельдмаршалъ указалъ намъ рукой на толпу, приближавшуюся съ разныхъ сторонъ. Повторять повелѣнія не нужно было, мы его слышали. Кн. Жеваховъ, я, гусаръ поскакали на встрѣчу толпѣ, но тремъ всадникамъ нѣтъ никакой возможности остановить 20 или еще болѣе тысячъ человекъ, бѣгущихъ на встрѣчу съ крикомъ „ура“ изъ всей силы горла. Толпа насъ свернула и мы вмѣстѣ съ нею доѣхали до Павла Петровича. Народъ окружилъ батюшку-царя. Фельдмаршалъ, поднявъ трость, громко закричалъ:

— „Молчать, ребята, смирно, государь не жалуется ура!“

Вдругъ такъ все стихло, что если муха полетѣла, ее услышали бы. Государь тогда изволилъ попріосаниться, приподнялся на стременахъ и всемилоствѣйше изволилъ сказать: „спасибо

вамъ", толкнулъ шпорой вѣрнаго коня своего Фрипона и побѣжалъ курць-галономъ; толпа раздвинулась, поклонились въ поясъ царю, не пошевеливъ губъ.

Такимъ образомъ кончилось рекогносцированіе непріятеля. Павелъ Петровичъ возвратился въ Лефортовъ дворецъ, гдѣ и кушалъ.

На другой день, въ 4 часа утра, назначено начать маневры; голова первой полковой колонны Екатеринославскаго полка стояла въ 10 саженьяхъ отъ ограды сада Покровскаго дворца, гдѣ цесаревна, дочь Петра Великаго, Елизавета была возлегѣяна, гдѣ французъ докторъ Лестоуъ обработалъ планъ переворота въ правленіи Россійской имперіи, гдѣ малороссійскій казакъ Розумъ выработалъ себѣ титуло графское, санъ фельдмаршала, достоинство гетмана, многія тысячи душъ крестьянъ во владѣніе и на миллионы сокровищей, гдѣ даже воспріяло свое начало, скрываясь въ непроницаемомъ и непостижимомъ пространствѣ будущности, величіе повелителя маневровъ.

Относительно собственно самихъ маневровъ сказать нечего, они были скудны въ стратегіи, жалки въ тактикѣ и нигуда годны въ практикѣ! За оградю или просто за ветхимъ заборомъ въ саду дворца были выстроены мѣста для помѣщенія зрителей. Болѣе, гораздо болѣе тысячи дамъ и дѣвицъ, одна другой пригоже—тогда въ Москвѣ сохранилась и существовала еще древняя русская безъ примѣси красота—красавицы были чернооція, краснощекія, чернобровыя, здоровыя, занимали упомянутыя мѣста; за сими мѣстами въ аллеяхъ сотни столовъ стояли съ разными кушаньями, въ завтракъ подаваемыхъ.

Предъ мѣстами Павелъ Петровичъ на вѣрномъ конѣ Фрипонѣ, фельдмаршалъ, насъ два адъютанта и камеръ-пажъ Башиловъ, впоследствии тайный совѣтникъ, кавалеръ многихъ орденовъ, сенаторъ, главный начальникъ строительной въ Москвѣ комиссіи и староста цыганскаго табора. Моя должность состояла въ томъ—передать повелѣнія государя, сообщать приказанія фельдмаршала командирамъ полковъ. Я скакалъ на конѣ во всѣхъ направленіяхъ ежеминутно; Башиловъ, у котораго у длиннофалднаго камеръ-пажескаго мундира карманы были наполнены апельсинами, при произнесеніи государемъ его имени, Башиловъ—подавалъ его величеству апельсинъ; другая его обязанность была быть ширмою.



Маневры, начинавшіеся въ 4 часа утра, оканчивались въ 12 часовъ. Потомъ вся стотысячная армія проходила повзводно предъ государемъ церемональнымъ маршемъ; эта процессія продолжалась не менѣе трехъ часовъ.

Въ 6 часовъ пополудни было приказано всѣмъ генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ явиться въ Лефортовъ дворецъ на балъ, въ лагерной формѣ, т. е. кирасиры въ ботфортахъ и кирасахъ на груди, инфантеристамъ въ знакахъ и шарфахъ, какъ они были предъ фронтомъ. На балахъ ужаснѣйшее претерпѣли разрушеніе дамскія платья, многія возвращались съ бала въ полу-платьѣ, низъ одежды былъ весь разодранъ шпорами. На третьемъ балѣ Павелъ Петровичъ плѣнился красотою дочери сенатора Петра Васильевича Лопухина, Анны Петровны... Близкій человѣкъ, повѣренный во всѣхъ тайныхъ дѣлахъ и совѣтникъ, Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, начавшій служеніе брадобрѣемъ и кончившій поприще служенія оберъ-штабмейстеромъ (чинъ дѣйств. тайн. совѣтн.), съ титуломъ графскаго достоинства, съ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, былъ посланъ негоціаторомъ и полномочнымъ министромъ трактовать инициативно съ супругою Петра Васильевича, а мачихою Анны Петровны, Екатериною Николаевною, рожденною Щетневою (о приглашеніи Лопухина съ его фамиліею въ С.-Петербургъ). Негоціація продолжалась во все время маневровъ и прелиминарные пункты были не прежде подписаны, какъ за нѣсколько минутъ до отъѣзда его величества въ Казань. Въ минуты переговоровъ, до изъясненія согласія, для Петра Васильевича Лопухина были приготовлены двѣ участи: при согласіи — возведеніе въ княжеское достоинство, съ титуломъ свѣтлости, и милліонное богатство; при отказѣ — опала и путешествіе въ предѣлы восточной Сибири ловить соболей. Въ день отъѣзда Павла Петровича въ Казань, экипажъ его и всей его свиты стоялъ у крыльца; государь ожидалъ негоціатора съ ультиматумомъ — да или нѣтъ. Весь генералитетъ и всѣ штабъ- и оберъ-офицеры московскаго гарнизона толпились у подъѣзда. Я, пользуясь званіемъ адъютанта фельдмаршала и качествомъ исправляющаго должность бригадъ-маіора при его величествѣ, стоялъ на вышней площадкѣ крыльца; на этой-же площадкѣ ходилъ человѣкъ небольшого роста, портфель подъ мышкою, погруженный въ глубокую задумчивость, глаза

сверкали у него, какъ у волка въ ночное время—это былъ статсъ-секретарь его величества, Петръ Алексѣевичъ Обресковъ; онъ сопутствовалъ государю и долженъ былъ сидѣть въ каретѣ возлѣ царя и докладывать его величеству дѣла, въ производствѣ состоящія. Отвѣтъ рѣшительный Лопухинныхъ тревожилъ спокойствіе души Обрескова; ну, если негоціаторъ привезетъ не да, а нѣтъ! Тогда докладывать дѣла Павлу Петровичу—влюбленному страстно и прогнѣванному отказомъ, было идти по ножному лезвію. Всѣ знали, что съ разгнѣваннымъ Павломъ Петровичемъ встрѣчаться было страшно.

Минуть черезъ десять скачетъ карета во всю конскую прыть; Обресковъ ожидаетъ сидящаго въ каретѣ со страхомъ и надеждою; остановился экипажъ, вышелъ изъ кареты Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, вбѣжалъ на лѣстницу и съ восхищеніемъ, громко, сказалъ Обрескову: „все уладилъ, наша взяла“, и поспѣшилъ обрадовать пріятною вѣстію. Черезъ четверть часа послѣ радостнаго извѣстія Павелъ Петровичъ шествовалъ въ экипажу въ сопровожденіи фельдмаршала. Предъ тѣмъ, какъ сѣсть въ карету, обнялъ графа Салтыкова и сказалъ:

— „Иванъ Петровичъ, я, сударь, совершенно вами доволенъ; благодарю васъ и никогда не забуду вашей службы и усердія. Благодарю генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ за ихъ стараніе; я считаю себѣ большою честию командовать столь превосходною арміею“; сѣлъ въ карету, за государемъ взлѣзъ въ экипажъ Обресковъ и поскакали.

Видѣли Павла Петровича восхищеннаго отъ радости во всѣхъ отношеніяхъ; маневры исполнены во всемъ по его желанію; не видѣлъ государь ни малѣйшей ошибки..... Но проѣхавъ 172 версты отъ Москвы до губернскаго города Владиміра, Павелъ Петровичъ выключилъ изъ службы 32 штабъ и оберъ-офицеровъ за то, что они въ продолженіи маневровъ заболѣли и не могли въ послѣдніе два дня маневровъ быть въ строю. Что сказать о семъ дѣйствиіи?

А. М. Тургеневъ.

## ПОДЪ СЕВАСТОПОЛЕМЪ ВЪ 1853 — 1856 гг.

Записки и дневникъ бывшаго начальника артиллерійскихъ парковъ южной и крымской арміи, ген.-маіора Духонина.

† 1865 г. <sup>1)</sup>.

26 мая (1855 г.) 11 часовъ ночи. Сейчасъ пріѣхалъ изъ города отъ графа Сакена съ донесеніемъ въ князю Горчакову нашъ ординарецъ, гвардіи поручикъ Сергѣевъ, что генералъ Хрулевъ пошелъ на выручку редутовъ, взялъ Камчатку и бросился на Селенгинскій и Волинскій. Вотъ какъ описываетъ дѣло: страшный дымъ, висѣвшій на редутахъ, закрывалъ все кругомъ, такъ что на шагъ впереди ничего видѣть нельзя было. Французы, пользуясь этою лощиною, дошли до нашей траншеи, спустились въ нее и, прежде чѣмъ наши завидѣли, взошли уже на Волинскій въ числѣ 5 т. или 6 т. Нечаянность и непомѣрно большія силы (нашихъ было 600 человекъ) одолѣли; началась страшная рукопашная борьба штыками и прикладами. Не смотря на горсть защитниковъ, редутъ держался, пока пуля не поразила въ голову храбраго начальника 3-хъ сказанныхъ редутовъ—генерала Тимофѣева. Солдаты его очень любили; подняли и съ раненымъ генераломъ пробивались на штыки. Тогда французы обратились съ тѣми же силами на Селенгинскій—взяли его, пошли на Камчатку, но тамъ кромѣ прислуги при орудіяхъ не было никого, ибо генералъ

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVII, июль, стр. 87—124; августъ, стр. 255—288; сентябрь, стр. 445—460.

Тимофѣевъ всю бригаду свою, состоявшую изъ 1400 человекъ стянулъ на первые угрожаемые редуты; такъ взяли и Камчатку, причемъ едва не взяли въ плѣнъ адмирала Нахимова: онъ въ эту минуту шелъ траншеею на Камчатку и, встрѣтись съ французами, побѣжалъ къ Малахову кургану; французы бодро шли впередъ, но, встрѣченные картечью, много положили головъ своихъ и повернули на Килень-Балку, а часть, спустившись у Камчатки внизъ, пошла по берегу бухты, но тутъ подлетѣли пароходы. „Храбрый“, „Бессарабія“, „Владиміръ“ стали громить ихъ бомбами; изъ Килень-Балки они поднялись на гору и были встрѣчены полевой артиллеріею, такъ что отрядъ этотъ совершенно уничтожили. Между тѣмъ явился на Малаховъ курганъ Савенъ, собралъ 3 баталіона и послалъ генерала Хрулева выбивать французовъ изъ занятыхъ редутовъ; когда Камчатка была отбита и пошелъ Хрулевъ далѣе, графъ Савенъ послалъ ординарца Сержнutowскаго съ донесеніемъ къ князю Горчакову. Вотъ на какомъ эпизодѣ боя остановилось извѣстіе. Завтра узнаемъ болѣе, ибо Сержнutowскій опять поѣхалъ туда. Между тѣмъ князь Горчаковъ послалъ въ городъ другой полкъ—Одесскій—въ помощь. Во время бомбардированія 25 и 26 чиселъ убито 4 командира батареѣ.

27 мая. Инкерманъ. Привезенное ночью извѣстіе, что генералъ Хрулевъ, посланный выбивать французовъ изъ занятыхъ орудій, взялъ обратно Камчатку, не оправдалось. Офицеръ на телеграфѣ утромъ разсказывалъ, что Камчатка дѣйствительно 8 разъ переходила изъ рукъ въ руки, но осталась окончательно за неприятелемъ, оттого—прибавилъ офицеръ—что къ нимъ нѣсколько разъ подходило подкрѣпленіе, а наши сражались съ тѣмъ пришли. При этомъ офицеръ разсказалъ о взятіи 3-хъ редутовъ, въ 7 часовъ вечера 26 числа, слѣдующее: что французы, пользуясь дымомъ, подошли одновременно къ 3-мъ редутамъ разомъ; что съ ними была и кавалерія, которая спѣшилась и дружно, съ крикомъ ура! ударила на всѣ три редута—Селенгинскій, Волынский и Камчатскій; что на первыхъ двухъ редутахъ свалка была страшная, но съ Камчатки наши бѣжали, и что при этомъ много ихъ захватили въ плѣнъ. По занятіи редутовъ, одна часть французовъ бросилась на Малахову башню или курганъ, или Корниловскій редутъ, близъ бастіона № 5, но была встрѣчена картечью; не останавливаясь здѣсь, французы шли далѣе и заняли

валъ редута, но сбитые штыками были отброшены въ ровъ и провожаемы картечью. Другая половина и съ нею кавалерія спустились по Килень-Балкѣ къ бухтѣ и уже заняли половину моста, который чрезъ рукавъ бухты ведетъ къ Матросской слободѣ, но тутъ прискакала легкая батарея графа Тышневича, подошли также четыре парохода и стали истреблять ихъ картечью. Дѣйствіе было не долго; французы обратились въ бѣгство и, получивъ въ догонку 2 или 3 залпа картечью, скрылись въ лощинѣ. Будучи сегодня самъ на телеграфѣ и повѣряя рассказъ съ дѣломъ, т. е. рассматривая Камчатку, Килень-Балку, мостъ, которые явственно видны и простыми глазами, я совершенно убѣжденъ въ истинѣ. Не понятно только то—какъ дозволили неприятелю утвердиться въ Камчаткѣ и спуститься въ Килень-Балку, ибо противъ этихъ мѣстъ стоятъ три наши батареи на близкій пушечный выстрѣлъ: одна батарея внѣ города—по ту сторону бухты (это видъ съ телеграфа на Сѣверной сторонѣ), другіе два редута по эту сторону бухты. Особенно оба послѣдніе, не опасаясь за себя никакого нападенія, могли истребить нѣсколько тысячъ, и что же!—недостало зарядовъ; какъ это случилось—не могу понять, но сегодня я два раза былъ на телеграфѣ и обѣ батареи молчали.

Въ ночи сегодня надо ожидать большого сраженія, я смотрѣлъ въ трубу и видѣлъ густыя колонны французовъ, которыя занимали Селенгинскій, Волинскій и Камчатскій редуты; въ теченіи дня они соединили ихъ траншеями, перерыли, обратили боевые флаги противъ насъ. Удивляюсь, какъ это мы дозволили. Далѣе видѣлъ, что полка два нашей пѣхоты тянулись чрезъ мостъ къ батареѣ нашей, что по ту сторону бухты, внѣ города; замѣтивъ большія силы неприятеля, я тутъ же приказалъ офицеру дѣтъ знать главнокомандующему, тотчасъ написана записка и при мнѣ казакъ повезъ ее къ князю Горчакову. Цѣлую ночь на 27 и весь день сего числа и даже теперь, въ 9½, пальба со всѣхъ неприятельскихъ батарей не прекращалась, днемъ и теперь непрерывно одна за другою посылаются бомбы. О потерѣ нашей 25, 26 и 27 чиселъ еще ничего неизвѣстно.

11 часовъ ночи 27 мая. Сейчасъ привезено извѣстіе, что 25 мая вышло у насъ 900 человекъ, 26 убито на батареяхъ, въ городѣ 700, убитыхъ, раненыхъ и въ плѣнъ взятыхъ при потерѣ 3 редутовъ—2500 человекъ; сегодня убыль считаютъ то-

же до 900 человекъ, итого, въ 3 или въ 2½, дня, 5000 человекъ, да какихъ?—ликихъ, храбрыхъ (краса арміи) людей вышло изъ строя! Убито 2 полковыхъ командира (одинъ волынской полковникъ), 3 командира батарей на 3-хъ редутахъ и всѣ офицеры на батареяхъ; въ городѣ убили 3 командира, въ числѣ ихъ флотскіе: Соколовъ, Костомаровъ и другіе; тяжело ранены 3 командира; убитыхъ офицеровъ полагаютъ до 70. Потерю непріятеля считаютъ убитыми (кромѣ раненыхъ) 6 т. и съ ранеными полагаютъ наименѣе 8 т. или 9 т. Кромѣ того въ плѣнъ взято 4 офицера, 278 рядовыхъ и два полевыхъ орудія. На 3-хъ потерянныхъ редутахъ наши оставили до 40 орудій большого калибра.

28 мая. Цѣлую ночь и весь день бомбардировка не умолкала, наши батареи отвѣчаютъ живо и энергически. Днемъ происходила уборка тѣлъ. По переговорному флагу постановили 2-хъ часовое перемиріе. Всѣ собрались на главномъ побойщѣ 26 мая, редуты: Волынской, Селенгинскій и Камчатскій. Адъютантъ дежурнаго генерала Ушакова, капитанъ Поповъ, который былъ тамъ, говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ Канробера и Пелисье. „Какъ Канробера? спросилъ я,—вѣдь онъ уѣхалъ?“—Да! уѣхалъ и вернулся.—Далѣе говорилъ Поповъ, что на этомъ полѣ опредѣлить можно было потерю непріятельскую, она огромная, ибо около одного русскаго убитаго лежало 2, 3 и даже 4 убитыхъ француза. Нашъ уронъ въ дѣлѣ 26 числа полагаютъ 3 т., слѣдовательно безошибочно можно сказать, что у непріятеля погибло свыше 6 т., особенно ежели вспомнимъ, что весь ровъ на Малаховомъ курганѣ былъ заваленъ буквально въ плотную ихъ тѣлами, такъ что, если-бы французы прислали другія большія силы, то онѣ перешли-бы ровъ на тѣлахъ своихъ земляевоъ какъ по мосту, да въ счастью охоты у нихъ не было. Весь день 27 числа былъ посвященъ для вывоза убитыхъ французовъ.

По окончаніи перемирія заиграла та же музыка, опять посыпались на горахъ бомбы, ядра и ракеты, опять застонала земля и скрылся городъ отъ дыму. Къ ночи часовъ 8½, все утихло, но въ 9 часовъ вдругъ на бастіонъ № 3-го посыпалась страшная ружейная пальба и засверкало пламя—мы здѣсь на Инкерманѣ полагали, что идетъ общій штурмъ, и вдругъ чрезъ ¼ часа все утихло. Оказалось послѣ, что это была ложная тревога. На-

шимъ егерямъ показалось, что двигаются колонны французовъ, а вышелъ обманъ, послѣ того до свѣту продолжалась канонада.

29 мая. Съ утра и до поздней ночи канонада не умолкала, въ особенности разрѣшилась гроза около 11 часовъ утра. Въ это время я прїѣзжалъ изъ Инвермана въ городъ, выстрѣлы были учащенные, много бомбъ и ядеръ ложилось около кораблей нашихъ, которые по этой причинѣ перемѣнили свои мѣста. Около госпиталя стояли длинной шеренгой легко раненные, числомъ до 1500 человекъ, всѣ съ перевязанными головами и руками, ихъ отправляли отсюда въ Бахчи-сарай; подходя къ пристани бухты, я встрѣтилъ огромное судно съ убитыми, потонули 4 большія лодки, потомъ положили раненаго генерала Тимофѣева, онъ трудно и опасно боленъ. Докторъ Рудицкій, который пользуется его, говорить, что черезъ 5, а много 6 дней, онъ непременно умретъ. Сестра милосердія, которая за нимъ ходитъ, сказывала мнѣ, что онъ тревожится выстрѣлами и все посылаетъ деньщика узнать, что дѣлается на батареяхъ. Сегодня допрашивали на Инверманѣ двухъ зуавовъ перебѣжчиковъ; они объявили, что въ дѣлѣ 26 мая много погибло гвардейцевъ, которые только что прибыли и въ первый разъ были въ дѣлѣ, но дорого заплатились. Зуавы добавили, что всѣ ихъ солдаты очень рады этому, ибо гвардейцы очень много думали о себѣ и посмѣивались надъ линейною пѣхотою, что въ 9 мѣсяцевъ ничего не сдѣлали, а теперь своими головами заплатились за насмѣшки. Ровно въ 11 часовъ ночи открылась сильная ружейная пальба по всей линіи и длилась около 1/2 часа. Воздухъ былъ такъ густъ, что выстрѣлы не были слышны и только сверзавшее въ темнотѣ одно дымное, неугасяемое, пламя мелькало въ промежуткахъ; выстрѣловъ пушечныхъ также слышно не было, но бомбы летѣли непрерывно. Въ 11 1/2 часовъ слышалась, но глухо, пушечная пальба.

30 мая. Цѣлый день рѣдкая пальба, ночью бросались бомбы, но къ утру все стихло.

31 мая. До 10 часовъ мертвая тишина, кажется обѣ стороны устали и чувствуютъ нужду во взаимномъ отдыхѣ. Отъ 10 утра до 8 вечера рѣдкая и малая пальба, отъ 9 до 2-хъ утра было брошено съ обѣихъ сторонъ по нѣсколько бомбъ. Перебѣжчики объявили, что потеря неприятеля 25, 26, 27 и по 30 мая свыше 20 т. храбрыхъ и свѣжихъ солдатъ.

1 и 2 іюня. Инкерманъ. Днемъ слабая въ оба дни канонада, ночью пушено съ обѣихъ сторонъ нѣсколько бомбъ, одна изъ нихъ, около полуночи, зажгла дома въ городѣ и тѣмъ кончилось все.

3-го іюня. Инкерманъ. Въ 6 часовъ утра на бастионѣ № 3 былъ взрывъ нашего погребца, гдѣ хранились заряды; густое облако дыма и трескъ лопавшихся гранатъ сопровождали это дѣйствіе. Днемъ попрежнему малая пальба, ночью тоже. Сегодня былъ я на телеграфѣ, смотрѣлъ въ трубу и на непріятельскій лагерь и видѣлъ въ сборѣ до 15 т. пѣхоты съ артиллеріею. Тотчасъ по прибытіи въ лагерь, я сообщилъ о томъ генераламъ Липранди и Коцебу; въ 7½ часовъ вечера отправился въ Севастополь князь Горчаковъ съ частью своего штаба въ редутъ № 4-го на Сѣверной сторонѣ. Въ 11½ часовъ на батарее французской „Канробертъ“ взлетѣла ракета, — явный знакъ условленнаго сигнала; черезъ ¼ часа вся площадка предъ моею палаткою была полна любопытными: генералы Липранди, Сергнатовскій, Ушаковъ, Бухмѣрь, Крыжановскій; я и прежде смотрѣлъ въ оба глаза, но тишина была мертвая; но вдругъ ровно въ 12¼ часовъ пополуночи загрохотали батареи севастопольскія, сотнями полетѣли бомбы и сильная ружейная пальба окаймляла огненной струей всѣ изгибы наружнаго укрѣпленія города. Это былъ адъ страшнѣе, чѣмъ изверженіе Везувія, и вдругъ, о чудо! все замолкло, и опять та же тишина и тотъ же мракъ погрузили все въ спокойствіе. Долго стояли еще и ждали послѣдствій, но не было ни одного выстрѣла.

4 іюня. Инкерманъ. Сегодня утромъ узналъ я отъ адъютанта князя, молодого графа Сакена, что вчерашняя тревога была ложная; нѣсколько французскихъ колоннъ, залегшихъ въ траншеяхъ, дѣйствительно бросились и потомъ скрылись во мракѣ. Вѣдь въ дикой тревогѣ трудно начало, но если она ужъ началась, положимъ (какъ говорили, французы показались между 5 и 4 бастионами), то уже за однимъ выстрѣломъ послѣдовали тысячи и увлекли за собою всѣ наши батареи. Надо сказать, что всѣ полки и батареи были предувѣдомлены о возможности штурма въ ночь или съ разсвѣтомъ на 4 число; а потому очень понятно, что послѣ сигнальной ракеты всѣ были наготовѣ и стрѣляли ¼ часа напропалую. Извѣстно, что даже подѣхали два фре-



гата, „Владимиръ“ и еще какой-то, и тоже усердно сыпали съ своихъ бортовъ бомбами, ядрами. Такъ кончилась эта бесполезная ночь.

5 июня. Въ 3 часа утра разразилась ужасная гроза надъ бѣднымъ Севастополемъ, со всѣхъ батарей открылась жестокая бомбардировка, какой не видѣли ни 5 октября, ни въ дни свѣтлыхъ праздниковъ. По данному сигналу одновременно со всѣхъ батарей полетѣли на городъ: ядра 36 фунтовые и 3-хъ пудовые, бомбы 5 пудовыя, гранаты, брошенные павильономъ (изъ боченва), и ракеты; огонь былъ такъ частъ, что промежутковъ, казалось, не было никакихъ, и все это съ визгомъ и шумомъ лопалось въ воздухъ и сыпалось на городъ какъ градъ! Выше и ужаснѣе картины разрушенія нельзя было представить. Этотъ неожиданно разразившійся адъ всполюшилъ мирныхъ жителей, которые до сего дня, на зло привязанію выбраться и здравому разсудку—оставались въ городѣ; но тутъ при ужасномъ воплѣ женщинъ и дѣтей всѣ—кто въ чемъ былъ посреди ночи—высочили изъ домовъ и бросились въ бухтѣ; пароходы уже дымились, катера и шлюпки ждали несчастныхъ, приняли и повезли на Сѣверную сторону, гдѣ также хотя падали ядра, бомбы и ракеты, но уже не въ такомъ количествѣ. И такъ мирные жители бѣжали отъ огня, полки русскіе шли въ огонь; я говорю о подкрѣпленіи, которое только что переправилось на Южную сторону. Тихо и безмолвно шагали полки и качались штыки ихъ; въ ожиданіи штурма они шли на мѣста свои бодро, смѣло, съ удивительнымъ хладнокровіемъ, какъ будто на ученье. Князь Горчаковъ давно уже стоялъ на Библиотекѣ—самый высокій пунктъ въ городѣ—и смотрѣлъ на свержающіеся огни батарей и смерть, которая въ полномъ смыслѣ пировала въ эту минуту. Но и наши батареи были не безъ дѣла; живыми и мѣткими выстрѣлами онѣ нѣсколько непріятельскихъ батарей заставили умолкнуть. Такъ продолжался этотъ непримѣрный въ исторіи войнъ адъ или огонь съ обѣихъ сторонъ до поздней ночи, не умолкая и не ослабѣвая ни на минуту. Городъ буквально былъ засыпанъ бомбами и ракетами, но какъ всѣ дома каменные и полуразрушены, то и горѣть было нечему; однако-жъ случилось несчастье: одна бомба упала въ мастерскую, гдѣ готовились патроны и лежало до 1000 граватъ. Мгновенно патроны взлетѣли на воздухъ, а гранаты рвало исподволь, по мѣрѣ какъ прогоралъ пластырь (просмоленный

холстѣ), и къ ужасу внѣшнему присоединился ужасъ внутренній, тушить было некому; но къ счастью, что кончилось только этимъ, ибо рядомъ съ комнатою, гдѣ лежали патроны и гранаты, былъ складъ бомбъ и гранатъ въ нѣсколько тысячъ, но это осталось невредимо.

6 іюня. Наконецъ наступила грозная ночь на 6-е число, огонь непріятельскій замѣтно становился чаще и сильнѣе; бомбы и ракеты, описывая огненные радіусы, бороздили небо; всѣ батареи наши и непріятельскія извергали пламя и смерть кругомъ себя. Наконецъ, около 2-хъ часовъ ночи 6-го числа, какъ бы по условленному знаку, пальба вдругъ стала рѣже, рѣже и въ 2½ часа самъ умолкла. Темнота ночи и дымъ, стлавшійся по землѣ, скрывали предметы. Въ эту минуту войска французскія и англійскія назначенныя на штурмъ и лежавшія въ траншеяхъ вблизи нашихъ батарей—вышли, взяли лѣстницы, стали строиться; на нашихъ батареяхъ мертвая тишина, врага видѣли и стерегли, когда подойдетъ на картечный выстрѣлъ. Это благоразумное выжиданіе имѣло самый счастливый результатъ. Едва только колонны французскія и англійскія подбѣжали на вѣрный картечный выстрѣлъ, какъ загремѣли наши батареи и тысячи смертей посыпались на наступающихъ. Они оробѣли, остановились на минуту, но потомъ, воодушевленные вѣроятно офицерами, бросились на наши батареи. Когда картечь не могла уже истреблять налетѣвшую саранчу, открылся съ нашихъ окоповъ огонь ружейный, а потомъ стали работать штыками и прикладами; стало свѣтатъ и на всѣхъ пунктахъ непріятель былъ отбитъ совершенно. Но этимъ не кончилось; въ 4 часа, подъ картечнымъ огнемъ, французы и англичане вторично бросились на тѣ же окопы и опять закипѣлъ тотъ же бой и та же рѣзня. Нѣсколько тысячъ французовъ успѣли однако-же перебраться за окопъ, близъ Малахова Кургана, но всѣ заплатили жизнью и плѣномъ. Наконецъ въ 8 часовъ утромъ заиграли настоящее отступленіе и тутъ, у кого только были цѣлы ноги, уходилъ безъ оглядки, провожаемый штурмерными пулями и картечью изъ орудій. Всѣ лѣстницы, которыя принесли къ нашимъ окопамъ, остались у насъ. Такъ кончилась эта неожиданная бомбардировка, безпримѣрный по дерзости штурмъ и страшная рѣзня на окопахъ. Въ плѣнъ взято 3 штабъ-офицера, два французскихъ и одинъ англійскій, 40 оберъ-офицеровъ и

800 рядовыхъ; въ добычу достались всѣ лѣстницы и всѣ ружья отъ убитыхъ и раненыхъ на нашихъ окопахъ, числомъ до 4 т.

7 и 8 іюня. Штурмъ доставилъ всѣмъ отдыхъ; наши непріатели, кажется, утомились. 7 числа была уборка убитыхъ, болѣе 4 т. тѣлъ было вынесено изъ нашихъ окоповъ. Ночь прошла покойно.

9 іюня. Сегодня привели 6 перебѣжчиковъ съ Черной рѣчки; всѣ они сардинцы, люди молодые, отъ 20 до 25 лѣтъ. Изъ нихъ 2 кавалериста, 4 артиллериста. Они показали, что у французовъ однихъ раненыхъ и убитыхъ 7 т., у англичанъ 3 т.; но я полагаю болѣе.

10 іюня. День и ночь едва замѣтная пальба. Слава Богу, я радуюсь за нашу прислугу у орудіяхъ и бѣдную пѣхоту, которая ихъ прикрываетъ. Хотя одну—двѣ ночи уснули хорошо.

11 іюня. Сегодня я былъ на телеграфѣ; французы отнесли лагери свои далеко отъ батарей, теперь едва видны ихъ палатки. Въ 10 часовъ у насъ замѣтно въ лагерь движеніе съ Мекензиевой горы. Пришло донесеніе, что большія силы показались въ Байдарской долинь.

14 іюня. 12, 13 и 14 числа прошли въ обыкновенной пушечной перестрѣлкѣ, но французы по ночамъ работаютъ и наши батареи посылаютъ имъ бомбы. Сегодня разнесся слухъ, что 20 кораблей непріятельскихъ отплыли съ десантомъ неизвѣстно куда.

15-го іюня. Тоже слабая пальба днемъ, но съ 4-хъ часовъ пополудни и цѣлую ночь до утра 16-го была сильная и частая пушечная пальба съ бастіона № 1-го. Открыли, что французы устраиваютъ новую батарею, внизъ Килень-Балки, на берегу бухты, и по этой-то батарее и производился цѣлую ночь огонь. Если имъ удастся поставить орудія или мортирки, то флотъ нашъ будетъ въ большой опасности.

16-го іюня. Въ главной квартирѣ много хлопочуть—какія препятствія устроить противу вновь строющейся французской батареи; вооружаютъ батарею № 18-й мортирой и еще батареею литеры Н, чтобъ могли дѣйствовать по новой французской батарее.

21-го іюня. Сегодня взяли въ плѣнъ одного англійскаго инженеръ-поручика; онъ съ 15-ю человеками посланъ былъ осмотрѣть наши укрѣпленія, заблудился и наткнулся на нашъ секретъ, который, въ числѣ пяти человекъ, бросился на англичанъ, но кон-

вой убѣжалъ, а поручика привели; онъ показалъ, что Рогланъ умеръ и что дивизионный французскій генераль (фамилію забылъ), котораго назначили вмѣсто Пелисье, убитъ вчера въ траншеяхъ. Онъ осматривалъ свои работы и высунулъ голову, чтобы посмотрѣть на наши укрѣпленія, но въ это время штуцерная пуля поразила его наповаль.

22-го іюня. Цѣлая ночь прошла въ сильной пушечной канонадѣ съ нашихъ батареями; обстрѣливали вновь возводимое французами укрѣпленіе или батареи, на бывшей батарее Колокольцова или Тимофеева, а также стрѣляли по работамъ, производимымъ въ траншеяхъ.

23-го іюня. Цѣлый день очень слабая и рѣдкая пальба; ночь была тише и пущено въ городъ отъ непріятеля нѣсколько бомбъ.

24-го іюня. Сегодня князь Горчаковъ призывалъ генералъ-интенданта и далъ повелѣніе вывозить запасы хлѣба изъ Одессы, въпротивно и тамъ скоро загорится война.

Сегодня ожидаютъ штурма, а потому послано на всѣ батареи и въ городъ приказаніе приготовиться.

Перебѣжчики одинъ за другимъ говорятъ одно, что штурмъ назначенъ на зарѣ 7-го или 8-го числа іюля (25-го или 26-го іюня) и говорятъ, что на сей разъ штурмъ будетъ безъ бомбардировки. Показаніе ихъ подтвердили сегодня наши телеграфы, откуда явственно видѣли нѣсколько густыхъ колоннъ. Должно предполагать, что ночью, до восхода мѣсяца, подойдутъ къ городу, а на зарѣ 25-го поведутъ штурмъ.

25-го іюня. Цѣлую ночь, съ 24-го числа до утра, была сильная пальба по работамъ непріятельскимъ, но за то день 25-го прошелъ тихо—ни одного выстрѣла. Сегодня, приказомъ № 368, объявленъ высочайшій приказъ о производствѣ пособій защитникамъ Севастополя, на полученіе имъ столовыхъ: штабъ-офицерамъ по 210 руб., оберъ-офицерамъ по 140 р., начавъ выдачу помѣсячно съ 25-го іюня. Сегодня пресвященный Иннокентій совершилъ панихиду и службу на Сѣверной сторонѣ. Къ завтрашнему дню готовится для бывшаго Брянскаго полка большой обѣденный столъ отъ шефа ихъ, главнокомандующаго князя Горчакова.

26-го іюня. Цѣлый день тишина, ночью непрерывная пальба

по работамъ непріятельскимъ. По свѣдѣніямъ генерала Крыжановскаго, съ 7-го марта и по настоящее число, израсходовано пороха севастопольскими батареями 99,000 пудовъ.

27-го іюня. До 4-хъ часовъ тишина, потомъ малая канонада, ночью большой огонь со всѣхъ нашихъ батарей по работамъ непріятельскимъ. Въ ночи съ 26-го на 27-е число была вылазка изъ 60 человекъ охотниковъ и въ прикрытіи ихъ 120 человекъ пѣхоты. Дѣйствіе происходило между Малаховскимъ курганомъ и редутомъ Шварца.

Схватка была жаркая, напали врасплохъ, но встрѣтили 1,000 французовъ въ траншеяхъ. Однако-жь ночь, неизвѣстность силъ нашихъ и нечаянное нападеніе имѣли желаемое дѣйствіе. Французы бѣжали, ровъ ихъ былъ заваленъ тѣлами и потомъ засыпанъ; нашими сняты всѣ туры. Въ плѣнъ взято 2 офицера, одинъ тутъ-же умеръ, и 14 рядовыхъ; у насъ ранено 41, убитыхъ ни одного.

28-го іюня. Ночь на 28-е проведена въ сильной и непрерывной канонадѣ. Со всѣхъ нашихъ батарей, до самаго утра, стрѣляли по работамъ, въ особенности по новой батарее, которую завлаживаютъ французы при концѣ Килень-Балки надъ бухтою. Отъ 9-ти до 12-ти утра и потомъ отъ 3-хъ до 5-ти пополудни, непріатели сильно бомбардировали бастіоны № 4-го и 3-го и показались было большія колонны позади батарей непріятельскихъ, что совершенно видно было съ телеграфа; всѣ ожидали штурма; но въ 5 часовъ эти колонны повернули назадъ и пальба съ непріятельскихъ батарей умолкла. Въ 7<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часовъ привезли грустную новость изъ Севастополя, что герой Синопа, адмиралъ Нахимовъ, убитъ на валу штуцерною пулею, въ то время, какъ онъ взопелъ на валъ для осмотра позиціи непріятельской. Жаль, сто и тысячу разъ вспоминать всѣ о Нахимовѣ: гладно-кровавый, не суетливый и всегда первый въ опасности, онъ могъ оказать большую услугу при вторичномъ штурмѣ, тѣмъ болѣе, что матросы и полевая войска любили его за неустрашимость.

29-го и 30-го іюня. Обѣ ночи, начиная съ 9 вечера и до 5 и 6 утра, наши батареи просто ревели, стрѣлая по траншеямъ и работамъ непріятельскимъ; къ тому же и вѣтеръ былъ

съ юга, а потому всё выстрѣлы громко отзывались на высотахъ Инкермана.

1-го іюля. Ночь прошла столь-же безпокойно и грозно, какъ 29-го и 30-го числа; бомбы летѣли непрерывно, въ 10, 11, 12 и даже въ часъ ночи; я наблюдалъ огонь и онъ нисколько не ослабѣвалъ. День прошелъ также въ пальбѣ, но съ промежутками. Сегодня былъ я на телеграфѣ; еще за нѣсколько часовъ на немъ выставлено было два сигнала флагами и при мнѣ также два, всего 4 сигнала. Что это значитъ такое? Въмѣсто отвѣта мнѣ подали трубу и предложили смотрѣть на Камчатскій редуть. Смотрю: всё траншеи были набиты биткомъ французами, кромѣ того на самой Камчатѣ стояли двѣ огромныя колонны,—и это въ 250 саж. отъ Малахова вургана. Далѣе, на батареѣ Каткарта и Канробера, видны были вдали такія же скопища. Кромѣ сигналовъ, въ городъ послана записка къ Липранди, начальнику войскъ на Инкерманѣ. Въ 9 часовъ было спущено съ Лысой батареи 8 ракетъ. Что это значитъ?—увидимъ завтра. Не ложные-ли это знаки, чтобъ двѣ или три ночи утомить войска наши бдительностію и тогда уже идти на штурмъ. Еще новость: на всемъ флотѣ брамъ-стенги (третья и самыя высокія снасти) были спущены; морякъ на телеграфѣ сказалъ, что ихъ спускаютъ предъ началомъ битвы, потому что онѣ много бьютъ своей прислуги, если будутъ перебиты и должны упасть. По этой замѣткѣ, кажется, и флотъ готовится къ бомбардирадѣ.

4-го іюля. 2-го и 3-го числа ночью страшная пальба, днемъ обыкновенная, особеннаго ничего не было, а 4-го, отъ 10 до 12 ночи, была ужасная канонада и слышенъ былъ ружейный огонь, но что происходило тамъ—узнаемъ завтра. Сегодняшнюю ночь необыкновенно много пущено бомбъ съ обѣихъ сторонъ, такъ и крестятъ небо по всѣмъ направленіямъ.

5 іюля. Причина вчерашней ружейной пальбы была небольшая вылазка, кончилось благополучно; но и успѣха не было, въ плѣнъ взяты 1 писарь. Перебѣжчикъ сардинецъ говоритъ, что у нихъ 6 батарей, что войска боятся казаковъ, а прочее вздоръ.

5 и 6 іюля. Обѣ ночи ужасныя; непрерывная пальба и бросаніе бомбъ съ обѣихъ сторонъ и въ значительномъ числѣ. Въ оба эти дня было въ Севастополѣ три пожара, то есть сгорѣло

три дома, зажженные бомбами. Днемъ въ оба дни пальба умѣренная.

7 іюля. Сегодня днемъ французы жестоко бомбардировали бастионы № 5 и 4, что происходило отъ 12 до 6 часовъ, потомъ огонь нѣсколько утихъ. Въ лагерѣ непріятельскомъ происходило ученье примѣромъ штурма надъ учебнымъ редутомъ, а другія атаки колоннами, что явственно видно было съ телеграфа. Около 7½ вечера колонны ихъ стали выходить и идти прямо въ Килень-Балу. Съ 10 до 3-хъ утра происходила съ обѣихъ сторонъ канонада; было брошено много бомбъ.

8 іюля. Сегодня въ 7¼ часовъ утра французы взорвали большую мину предъ бастиономъ № 4; о послѣдствіи этого взрыва свѣдѣнія не собраны. Цѣлый день была замѣчательная пальба.

9 іюля. Цѣлая ночь, съ 8 на 9 и съ 9 на 10 число, прошла въ страшной пальбѣ; огонь длился до разсвѣта, потомъ отъ 5 до 7 спокойнѣе, а далѣе обыкновенный огонь.

10 іюля. Цѣлая ночь на 10 число, до 5 часовъ утра, прошла въ страшной пальбѣ, стрѣляли даже залпами, что неоднократно пробуждало меня; однако-жъ французы успѣли приблизиться траншеями въ Малахову кургану до 70 саж., за что Куртинной батарее и сдѣлано замѣчаніе. Отъ 4 до 6 пополудни видно съ англійской батареи, что немного далѣе Канробера брошено до 40 ракетъ въ городъ, на Сѣверную и на базаръ, но особаго вреда ракеты не причинили. По утру, передъ 4-мъ бастиономъ, взорвало другую мину. Въ 7¼ часовъ съ телеграфа дано знать, что показались колонны. Въ 10 часовъ изъ города было спущено 2 сигнальныя ракеты для сбора войскъ, съ Камчатки у непріятеля тоже подано 2 сигнала. Въ 11 часовъ Малаховъ курганъ и бастионы № 4 и 3 почти ¼ часа ярко сверкали огнемъ; слышна была ружейная пальба и до 50 бомбъ было брошено отъ насъ и непріятелей. Въ 11½ ружейный огонь прекратился и продолжается теперь только пушечная обыкновенная канонада и съ батарей.

11 и 12 іюля. Въ оба дни пальба днемъ хотя непрерывная, но обыкновенная; особыхъ случаевъ не было. При пусканіи ракетъ 10 числа убито на базарѣ (версть 5 отъ батареи) два солдата; одному оторвало ногу, отчего чрезъ часъ умеръ, другому

равета попала въ плечо, прошла въ бока и разорвала несчастнаго пополамъ; ранило обжогомъ трехъ женщинъ и двухъ мужчинъ.

14 іюля. Сегодня по дѣламъ службы былъ я въ Малаховомъ укрѣпленіи, осматрѣлъ всѣ батареи, обошелъ оборонительныя казармы, видѣлъ постановку орудій и всѣ склады зарядовъ и пороховые погреба. Потомъ осматривалъ раненыхъ. Жалость и страхъ овладѣваетъ сердцемъ, смотря на этихъ защитниковъ; досмотри за ранеными отличный, содержаніе тоже, но жалуются на докторовъ: рѣдко кто переноситъ ампутаціи, и рѣдкая рана—напримѣръ, палецъ прострѣленъ и прочее—чтобы залечивалась, но все рѣжутъ и пилятъ; больные очень недовольны тѣмъ. При этомъ видѣлъ флота капитана Жерве, извѣстнаго геройскою защитою своей батареи, названной его именемъ „Жерве“. Извѣстно, что французы атаковали батарею его страшными силами и прорвались (а онъ раненъ дня два). „Какъ же вы уцѣлѣли?“ спросилъ я.— Они пошли на меня съ 10 т., а у меня было прикрытія 700 человекъ. Разумѣется, прежде угостилъ ихъ картечью; разъ, два, три,—потомъ дали два залпа изъ ружей и наконецъ стали работать штыками, но не могли устоять мои 700 человекъ и отступили. Да не долго же тѣшились они этою удачей: чрезъ  $\frac{1}{2}$  часа болѣе 2 т. труповъ этихъ удалцовъ лежало около батареи, а остальные убирались какъ попало, и ста три легло во рву отъ штыковъ, да до 1000 отъ пуль, когда бѣжали къ своимъ батареямъ. Въ числѣ раненыхъ былъ одинъ унтеръ-лейтенантъ, пожилой человекъ и стоялъ на ногахъ. „А вы куда ранены?“ Командиръ форта, полковникъ Вунъ, отвѣчалъ за него, что онъ раненъ большимъ осколкомъ бомбы въ бокъ, „но вотъ чудо, прибавилъ онъ, ударъ такъ былъ силенъ, что согнулъ въ дугу бывший у него въ боковомъ карманѣ рубль серебряный, но ребра у него остались цѣлы“.— Ахъ, ваше превосходительство, сказалъ больной, ребра-то цѣлы, да очки, славныя, чудесныя очки, въ котормя я лѣтъ 10 смотрѣлъ, разбились при этомъ въ дребезги, не могу забыть о нихъ! — „Молитесь Богу, что бока цѣлы, если-бы осколокъ переломилъ ребро, то вамъ и очковъ тогда не было-бы нужно, потому что навѣрное отправились бы въ могилу; но теперь, когда Богъ поможетъ выздороветь, очки можно найти другія“.

Здѣсь показали мнѣ мѣсто, съ котораго громили англійскій флотъ 5 октября, когда непріятельскіе корабли стрѣляли по Кон-



стантинивскому форту съ боку и тыла. Удивительное смятеніе было во всемъ Севастополѣ послѣ сраженія при Альмѣ и думали, что уже все пропало; форты Михайловскій, Константиновскій, Павловскій и другіе было назначено подорвать. Сдѣланы погреба, подложены бочки и даже брошено было нѣсколько орудій въ бухту. Это говорилъ командиръ батареи, который назначенъ былъ тогда быть исполнителемъ; но Господь Богъ послѣ перваго испуга послалъ благоразуміе начальникамъ и тотъ, кто вчера отдалъ это приказаніе (адмиралъ Корниловъ), чрезъ два дня велѣлъ остановиться исполненіемъ и готовиться къ оборонѣ. Такою же жертвою (къ разрушенію) назначена была и батарея № 4, гдѣ стоитъ теперь 22 орудія. Тамъ, стыдно сказать, даже были уже сброшены пушки въ море, но послѣ ихъ вытащили. Далѣе разсказывалъ полковникъ В\*...., что со времени осады вышло изъ флота 400 офицеровъ разныхъ чиновъ; 200 изъ нихъ убиты на мѣстѣ или умерли отъ ранъ, а 200—лѣчатся теперь отъ нихъ, что круглымъ числомъ приносятъ на 2 перевязочные пункта ежедневно по 200 раненыхъ, не считая убитыхъ, которыхъ относятъ въ другое мѣсто; такъ что въ кругломъ счетѣ выбывшихъ изъ строя нижнихъ чиновъ надо полагать до 250 человекъ, кромѣ бомбардировокъ, а въ эти дни ежедневно выбывало отъ 1 до 2 и до 3 тысячъ. Ежели взять это въ соображеніе и посчитать кровавыя дѣла въ февралѣ 10—11, мартѣ 10, 12 и 25, въ апрѣлѣ 17, 19, 20, 25, въ маѣ 9, 10, 11, 12, 26 число, іюня 6 дня, то можно сказать, что со времени прибытія сюда князя Горчакова у насъ вышло изъ строя болѣе 50 т. человекъ. Это ужасно!

15 іюля. Отъ полуночи и до 4 утра происходила съ обѣихъ сторонъ батарей страшная, учащенная и непрерывная пальба, промежутки которой отличались частыми залпами. Громъ и гулъ выстрѣловъ былъ такъ великъ, что весь лагерь собрался смотрѣть на эту жарню, я также не спалъ до самой зари. Причина неизвестна, но говорятъ, что наши, стрѣляя по работамъ осаждающихъ, подали поводъ и непріятельскимъ батареямъ стрѣлять по насъ. Отъ 11 и до 2½ пополудни продолжалась столь же ожесточенная пальба; я навѣрное считалъ это началомъ бомбардировки. Предметомъ пораженія были Малаховъ курганъ и бастионы № 3 и 4; съ 4 часовъ и до сего времени, 10 часовъ, пальба обыкновенная.

16 и 17 іюля 1855 г. Въ оба дни—ночь и день непрерывная и неумолкаемая пальба изъ всѣхъ батарей, въ особенности по ночамъ отъ 10 вечера до 5 утра, это просто адъ; каждую ночь вскочишь раза два съ постели, выйдешь изъ палатки, воображая, что начался штурмъ, но тутъ идетъ обыкновенная учащенная рѣзня. Бомбы и букеты огненные изъ гранатъ непрерывно свѣтятся въ воздухѣ, какъ бы падающіе метеоры, потому лопаются и похищаютъ храбрыхъ изъ рядовъ прикрытія, хладнокровно и мужественно стоящихъ на мѣстахъ, въ ожиданіи внезапнаго нападенія. Отъ того и уронъ у насъ каждый день ужасный. Командиръ Михайловскаго укрѣпленія говорилъ мнѣ, что на два перевязочные пункта 1-го и 2-го отдѣленія приносятъ раненныхъ отъ 150 до 200 и 300 человѣкъ въ сутки, въ дни обыкновенные, такъ что, кромѣ сраженій, бывшихъ въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ, у насъ выбываетъ изъ строя: убитыхъ до 80, а раненыхъ до 225, всего свыше 300 человѣкъ въ сутки.

Л. Г. Духонинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

# ИЗЪ НОВѢЙШЕЙ ЛѢТОПИСИ СѢВЕРОЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Исторія плана распочтенія католицизма въ Западной Россіи.

1865 г.

1.

Протекло двадцать лѣтъ съ того времени, когда были созданы этотъ планъ нашей внутренней политики въ Западной Россіи; но и по сію пору о немъ можно говорить только какъ о «планѣ», а не какъ о совершенномъ уже «дѣлѣ». И по сію пору въ Западной Россіи осуществленіе этого плана все еще—для однихъ составляетъ *primum desiderium*, другіе видятъ въ немъ «невозможность» или «ненужность», или даже «опасность», и во всякомъ случаѣ успѣхъ этого дѣла пока равняется нулю. Даже можно сказать, что въ настоящее время планъ этотъ, послѣ 20-ти лѣтъ своего существованія, находится далѣе отъ своего осуществленія, чѣмъ онъ былъ въ самомъ началѣ.

Правда, еще недавно «лицо весьма компетентное по своему общественному положенію» въ сѣверо-западномъ краѣ, изъ Минска, завѣряло печатно, что «никакой уступки въ дѣлѣ употребленія русскаго языка въ дополнительномъ римско-католическомъ богослуженіи до сихъ поръ ни высшимъ правительствомъ, ни мѣстнымъ начальствомъ сдѣлано не было, вслѣдствіе чего богослуженіе это происходитъ на русскомъ языкѣ и повинѣ въ тѣхъ римско-католическихъ приходахъ, въ конхъ оно было введено нѣсколько лѣтъ назадъ», и что «исключеніе составляютъ только тѣ приходы, которые остаются вакантными вслѣдствіе выбитія священниковъ; но и эти послѣдніе довѣрены такимъ ксендзамъ, кои не употребляютъ въ богослуженіи польскаго языка». Патриотъ могъ умилиться, читая такое заявленіе. Но какъ-то шестипятивно чувствуется—гдѣ ложь и гдѣ правда. Потому редакція

«Руси», печатая это заявленіе (въ № 14, 1883), усумнилась въ немъ и поручила своему минскому корреспонденту провѣрить его. Оказалось, что минское «весьма компетентное по своему общественному положенію лицо» сказало неправду. Минскій корреспондентъ «Руси» пишетъ: «Ужели предполагають, что не найдется людей, близко знающихъ настоящее положеніе не только вопроса о русскомъ языкѣ въ костелахъ, но и вообще русскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, которыхъ русское чувство можетъ только лишь раздражаться подобнымъ маскированіемъ истины, и которые не стануть молчать?» Описавши далѣе преслѣдованія ксендзовъ, совершавшихъ свое богослуженіе на русскомъ языкѣ, онъ говоритъ въ заключеніе, что въ Минской губерніи «было много костеловъ, гдѣ прежде служили по русски, а теперь или за смертію ксендзовъ вовсе не служатъ, или служатъ по-польски. («Русь» № 16, 1883).

Такое же положеніе этого дѣла въ Минской губерніи представляется въ весьма обстоятельной статьѣ г. Гоера изъ Бобруйска, напечатанной въ № 2 «Руси» 1884 года. Почтенный авторъ ея говоритъ, что «въ прежнее время въ Минской губерніи изъ 52 римско-католическихъ костеловъ въ 38 совершалось богослуженіе по русски, а въ настоящее время дѣйствительно служатъ на русскомъ языкѣ только четыре ксендза, изъ которыхъ два переводятся въ Вильну, такъ что скоро на всю губернію останется только два ксендза, служащихъ по русски».

Но Минская губернія не есть вся западная Россія, и даже не весь сѣверо-западный край. Въ другихъ губерніяхъ этого края: Виленьской, Гродненской и Ковенской введеніе русскаго языка въ католическое богослуженіе не имѣло и такого эфемернаго успѣха.

Даже и въ Минской губерніи это введеніе не было полное, какое имѣлъ въ виду составитель этого плана. Обыкновенно подъ «дополнительнымъ богослуженіемъ» разумѣли молитву за государя, читаемую по окончаніи обѣдни; но авторъ плана разумѣлъ подъ этими словами все при католическомъ богослуженіи читаемое, поемое и говоримое не по латыни, то-есть разныя молитвы, гимны, проповѣдь и исповѣдь. Главнѣе же всего, авторъ плана имѣлъ въ виду дать западно-русскому католику на русскомъ языкѣ «молитвенникъ» — этотъ *vademesim* всякаго католика. Правда, въ Минской губерніи многіе ксендзы говорили проповѣди, исповѣдывали и совершали требы по-русски, но русскаго молитвенника еще до сихъ поръ нѣтъ, и въ рукахъ западно-русскаго католика все еще остается молитвенникъ польскій.

## II.

Самое происхождение этого плана пришло въ забвеніе. Но такъ какъ вѣрная и возможно полная исторія его необходима не только какъ исторія, но и какъ болѣе дѣйствительное средство для дальнѣйшаго осуществленія его, и такъ какъ планъ этотъ созданъ мною, — мнѣ принадлежитъ самая основная идея его — и вслѣдствіе того я внимательно слѣдилъ за судьбою его отъ самаго начала до послѣдняго времени, то я и принимаю на себя трудъ изложить здѣсь его исторію.

Обыкновенно относятъ начало этого плана ко времени графа Муравьева. Но это невѣрно. При графѣ Муравьевѣ еще не было этого плана. Идея располоченія католическаго богослуженія въ краѣ при немъ такъ же была невозможна, какъ невозможно одному и тому же человѣку, въ одно и то же время, идти по двумъ дорогамъ. Правда, религіозная политика графа Муравьева, какъ и настоящій планъ, исходила изъ той же точки отправления, — изъ факта тождественности въ краѣ католицизма и полонизма, и непоимѣрнаго давленія полонизованнымъ католицизмомъ русской народности, о чемъ самъ онъ говоритъ ясно въ своихъ «Запискахъ»; но такъ какъ графъ Муравьевъ былъ нѣкогда однимъ изъ болѣе вліятельныхъ дѣятелей «воссоединенія» тридцатыхъ годовъ, такъ какъ и «оракулъ» виленской религіозной политики шестидесятыхъ годовъ принадлежалъ къ той же «плеядѣ», то и теперь была пущена въ ходъ та-же мѣра, въ видѣ «обращеній» католиковъ къ православію, — обращеній цѣлыми деревнями и приходами, превратившихся въ какую-то оргію; такъ что наиболѣе пылкіе изъ тогдашнихъ виленскихъ «дѣятелей» не скрывали желанія и надежды «отбросить католицизмъ за Нѣманъ». Эта мѣра очевидно исключала возможность моего плана: человѣкъ, предложившій тогда примиреніе съ католицизмомъ, хотя бы даже подъ условіемъ располоченія его, былъ бы признанъ въ Вильнѣ человѣкомъ сомнительной политической благонадежности или помѣшаннымъ.

Планъ этотъ былъ созданъ при генераль-губернаторѣ К. П. Кауфманѣ. Но и тогда онъ долженъ былъ вытерпѣть ожесточенную борьбу съ людьми рутинны, а можетъ быть и худшихъ мотивовъ.

К. П. Кауфманъ прибылъ въ Вильну около половины 1865 года. Въ первые мѣсяцы его управленія продолжалась въ краѣ та-же манія «обращеній», какъ и при Муравьевѣ, съ тѣми же обращателями изъ военныхъ начальниковъ, акціонныхъ надзирателей, становыхъ, писарей

и подобн. — и тѣми же средствами: общаніями, угрозами и даже насиліемъ, что все впоследствии было со всею удовлетворительностію выяснено и доказано при разборѣ въ правительствующемъ сенатѣ дѣла гродненскаго крестьянина Малиновскаго и другихъ двадцати съ нимъ. (См. «Голосъ» 1880 г., № 283).

Я прибылъ въ Вильну въ томъ же 1865 году, въ мѣсяцѣ мартѣ, вызванный изъ Москвы попечителемъ виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловымъ для устройства виленской публичной бібліотеки изъ книгъ, оставшихся, въ количествѣ близь двухъсотъ тысячъ томовъ, послѣ закрытыхъ римско-католическихъ монастырей сѣверо-западнаго края.

Въ то время въ Вильнѣ всѣ занимались политикою, — мѣстною политикою, дѣлами края; всѣ принимали въ нихъ живое участіе, и штатскіе, и военные, и духовные, и ученые; говорили о политикѣ и въ кабинетѣ генераль-губернатора, и въ гостиной свѣтской барыни, и за общимъ столомъ въ гостинницѣ, и за стаканомъ кофе въ кофейной, и за кружкой пива у Желѣзной хатки (любимаго сборища виленскихъ русскихъ людей въ лѣтніе вечера). Нельзя вспомнить этого времени безъ удовольствія и удивленія, какъ люди, пріѣхавшіе изъ самыхъ различныхъ мѣстъ Россіи — изъ Вологды и Курска, Астрахани и Пскова, соединялись въ одну плотную семью, одушевленную однимъ желаніемъ — послужить по мѣрѣ силъ «русскому дѣлу». Выходя отъ моихъ бібліотечныхъ работъ въ книжномъ складѣ, я попадалъ на настоящую ярмарку, на которой въ это время главнымъ товаромъ были «обращенія». Одни умилялись отъ нихъ; другіе дѣлали глубокія соображенія о будущемъ; третьи съ циническою откровенностію рассказывали о своихъ «способахъ» обращеній. Какъ человекъ духовно-академическаго образованія, слѣдовательно хорошо знакомый съ свойствами религіозныхъ идей и характеромъ религіозной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ рѣшительный сторонникъ полной религіозной свободы въ государствѣ, исключающей всякія средства обращенія, кромѣ внутренняго убѣжденія, я не могъ не видѣть всей неразумности этихъ обращеній и не возмущаться ими. Какъ на эти «обращенія» смотрѣли потому нѣкоторые изъ лучшихъ людей здѣшняго православнаго высшаго духовенства — хорошо показываетъ отвѣтъ покойнаго митрополита Макарія. На предложеніе виленской гражданской власти — «изыскать средство къ удержанію обращенныхъ изъ католицизма въ православіе», онъ отвѣчалъ:

— «Такъ какъ обращали ихъ ваши чиновники, то пусть они же изыскиваютъ и средства къ удержанію ихъ».

Несомнѣнно, совершавшіяся въ это время въ сѣверо-западномъ краѣ «обращенія» были:

Во первыхъ, противны принципъ религіозной свободы, котораго никакое государство, претендующее на цивилизацію, не можетъ игнорировать.

Во вторыхъ, оскорбительны для самаго православія, какъ представляющія его лишеннымъ внутренней привлекающей силы, и потому будто бы вынужденнымъ дѣйствовать чрезъ столь недостойныя средства.

Въ третьихъ, не достигаютъ своей цѣли; напротивъ приводятъ къ результатамъ, диаметрально противоположнымъ тѣмъ, которые имѣлись въ виду.

Еще живя въ московской духовной академіи, между 1848 и 1852 годами, слѣдовательно въ періодъ весьма близкій къ «возсоединенію» 1839, я слышалъ отъ своихъ товарищей изъ сѣверо-западнаго края объ этомъ событіи рассказы, совершенно не похожіе на тѣ, которые налагаются въ исторіи событій 1839 года.

Прибывши въ Вильну, я услышалъ почти буквальное повтореніе ихъ отъ здѣшнихъ старожилонъ. Потомъ мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ содержаніе «отчета» изслѣдованія состоянія православныхъ приходонъ въ сѣверо-западномъ краѣ, особенно обращенныхъ изъ Уніи (о храмахъ, богослуженіи, духовенствѣ и прихожанахъ), исполненнаго по порученію Муравьева виленискимъ вице-губернаторомъ А. И. Полозовымъ и директоромъ народныхъ училищъ А. И. Садоковымъ. Этотъ важный документъ былъ препровожденъ Муравьевымъ къ митрополиту Симашкѣ, и въ настоящее время долженъ быть или въ его бумагахъ, или въ литовской консисторіи. Содержаніе его полезно знать всѣмъ желающимъ получить обстоятельныя свѣдѣнія объ истинномъ положеніи возсоединенныхъ приходонъ чрезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ «возсоединенія». И содержаніе этого документа таково, что способно отбить охоту къ «обращеніямъ» у всякаго, сколько-либо разумнаго и честнаго обращателя. Потомъ сдѣлались мнѣ извѣстными результаты такъ называемой «ловѣрочной комисіи», учрежденной въ Вильнѣ для разысканія причинъ разности въ количествѣ прихожанъ римско-католическихъ приходонъ, по отчетамъ ксендзовъ и отчетамъ гражданской администраціи: именно, почему въ первыхъ показывалось количество прихожанъ много болѣе, чѣмъ въ послѣднихъ? Причину этого «комисіи» нашла въ томъ обстоятельствѣ, что отчеты гражданской администраціи показывали количество полныхъ прихожанъ въ римско-католическихъ приходахъ, т. е. такихъ, которые были католиками и были записаны таковыми; а по отчетамъ приходскихъ ксендзовъ, кромѣ полныхъ католиковъ, значились и не полные, т. е.

такіе, которые, по убѣжденіямъ и церковной практикѣ, были католиками, а «записаны» были православными. Эти послѣдніе были изъ «возсоединенныхъ» уніатовъ и число ихъ было весьма велико. Истинность этого факта подтверждалась и предписаніемъ римско-католическимъ ксендзамъ не допускать къ исповѣди и причастію неизвѣстныхъ имъ лицъ, не удостовѣрившись изъ ихъ паспортовъ, что они не-православные,—предписаніе, очевидно, остававшееся мертвою буквою. Все это невольно порождало во мнѣ убѣжденіе, что если «возсоединеніе» 1830-хъ годовъ, считавшее въ числѣ своихъ дѣятелей людей несомнѣнно съ высокими умственными и нравственными качествами, принесло такіе жалкіе результаты, то чего же должно было ожидать отъ настоящихъ «обращеній», совершаемыхъ людьми, рѣшительно къ тому некомпетентными?

Въ четвертыхъ, насильственные или обманныя обращенія противны характеру религіозной жизни и свойствамъ человѣческаго духа. Если человѣкъ интеллигентнаго слоя съ нравственнымъ достоинствомъ, имѣющій кромѣ религіи своими воспитывающими факторами науку и искусство, если почувствуетъ недовольство своею старою религіею, то съ великимъ трудомъ, съ великою внутреннею борьбою переходитъ въ новую. Что же теперь сказать о человѣкѣ народа, для котораго религія есть все, который сживается съ своею религіею до полной нераздѣлимости, для котораго религія есть сущность всей жизни, для котораго обычай и обряды религіи его отцовъ и его дѣтства становятся второю природою? Попробуйте насильно оторвать его отъ этой религіи—и вы потрясете всю его духовную природу, разорвете всю его духовно-нравственную жизнь.

Въ пятыхъ, насильственные религіозныя обращенія въ западной Россіи страшно повредили здѣсь государственнымъ интересамъ. «Возсоединяя» западно-русскій народъ религіозно, мы отторгали его отъ Россіи политически и національно, вооружали его противъ нея, вызывали въ немъ ненависть и озлобленіе къ самому имени «русскаго». Можно быть совершенно уѣреннымъ, что любовь и благодарность къ русскому правительству въ западно-русскомъ населеніи за освобожденіе его отъ рабства и устройство его быта были сильно парализованы послѣдовавшими затѣмъ «обращеніями».

Все это не могло не отталкивать меня отъ практиковавшихся на моихъ глазахъ «обращеній», и для моего чувства отвращенія къ нимъ нуженъ былъ только благопріятный случай, чтобы высказаться наружу. Этотъ случай скоро представился.



## III.

Константинъ Петровичъ Кауфманъ, къ несчастію для русскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, пробылъ здѣсь не болѣе года. Потому многіе въ краѣ не имѣли времени достаточно узнать его умственныя и нравственныя качества, какъ человѣка и какъ администратора. Но онъ уже хорошо былъ извѣстенъ для людей, болѣе приближенныхъ къ нему. Это былъ человѣкъ высокаго патріотизма, не дѣлавшій компромиссовъ съ нравственнымъ чувствомъ, обширнаго образованія, гуманный, либеральный, позволявшій каждому «смыть свое сужденіе имѣть». Потому нерѣдко въ его присутствіи велись такіе разговоры, которыхъ нельзя было услышать при многихъ другихъ лицахъ, занимающихъ подобное же положеніе. И его гуманно-либеральному отношенію къ людямъ именно былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ нижеслѣдующій разговоръ у него за обѣдомъ въ одинъ изъ послѣднихъ мѣсяцевъ 1865 года.

Рѣчь шла объ «обращеніи» цѣлаго прихода (кажется Шумскаго). Всѣ восторгались успѣхомъ.

— Я васъ увѣряю, что мы скоро отбросимъ католицизмъ за Нѣманъ!—сказалъ А. В. Рачинскій (нынѣ покойный), игравшій въ это время въ Вильнѣ значительную роль, и имѣвшій въ виленскомъ русскомъ обществѣ многихъ поклонниковъ, которыхъ въ шутку называли «вице-Рачинскими»,—человѣкъ вообще отличный, но страдавшій ненавистію къ католицизму, доходившею въ немъ до фанатизма, монаманіи (его слова и дѣла въ этомъ отношеніи и по сію пору еще вспоминаются въ Вильнѣ).

Я сидѣлъ противъ Рачинскаго, и съ моего языка соскользнули слова: «Еще бабушка надвое сказала»...

— Что вы этимъ разумѣете?—рѣзко спросилъ меня Рачинскій.

— То, что мы или перебросимъ католицизмъ за Нѣманъ, или не перебросимъ. И всего вѣрнѣе—не перебросимъ.

— Но почему вы такъ говорите?—спросилъ Рачинскій.

— Потому что силъ не имѣемъ,—отвѣчалъ я.

— Силъ не имѣемъ! Силъ не имѣемъ!.. Такъ вотъ вы какой!...

Рачинскій досказалъ глазами то, что не смѣлъ высказать словами. Одобрительными, торжествующими улыбками сопровождали слова Рачинскаго сидѣвшіе тутъ же нѣсколько «обращателей»<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Я передаю здѣсь въ немногихъ словахъ только сущность разговора, который въ дѣйствительности былъ много продолжительнѣе.

Тутъ же сидѣлъ и Константинъ Петровичъ, несомнѣнно слышавшій разговоръ. Черезъ нѣсколько дней онъ пригласилъ меня въ кабинетъ, гдѣ обратился ко мнѣ съ такими словами:

— Я желалъ бы знать, на какомъ основаніи вы такъ говорили съ Рачинскимъ въ послѣдній разъ объ «обращеніяхъ»?

Я былъ увѣренъ, что при Муравьевѣ мои слова могли стоить мнѣ высылки изъ Вильны. Потому, чувствуя, что наступила критическая минута для тѣхъ принциповъ, которые были мнѣ дороги, я не сбавуясь высказалъ всѣ основанія,—которыя читатель уже прочелъ выше. Константинъ Петровичъ, внимательно выслушавши все, отвѣчалъ:

— «Сказанное вами все вѣрно. Но это нисколько не измѣняетъ дѣла. Мы не можемъ сойти съ пути, по которому шли, до тѣхъ поръ, пока предъ нами будетъ стоять въ краѣ ополеченный католицизмъ. Польско-католическая церковь есть единственное польское учрежденіе, вошедшее въ русское государство и враждующее съ нимъ. Польскій костелъ есть враждебная Россіи крѣпость, далеко врѣзавшаяся въ русскую національность и порабощающая ее. Я соглашаюсь, наше средство плохо, но мы не имѣемъ лучшаго».

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого разговора я представлялъ Константину Петровичу мою «Записку о введеніи русскаго языка въ римско-католическое богослуженіе въ Западной Россіи», какъ «лучшее средство» къ разрѣшенію западно-русскаго религіознаго затрудненія. Этимъ планомъ католицизмъ въ западной Россіи отдѣлялся отъ полонизма, расиолячивался, обезвреживался для русскаго государства и русской народности; потому онъ былъ болѣе рациональный, болѣе достойный и справедливый для нашей западно-русской религіозной политики.

Основанія этого плана были совершенно вѣрны. Русскому государству и русской народности былъ враждебенъ не католицизмъ самъ по себѣ, а полонизмъ, которымъ онъ былъ национализованъ въ западной Россіи. Католицизмъ, по своей сущности универсальный, облекается въ національность того или другого народа, содержащаго его. Такимъ образомъ является католицизмъ англійскій у англичанъ,—французскій у французовъ,—нѣмецкій у нѣмцевъ,—польскій у поляковъ. Но въ западной Россіи существуетъ нелѣпнѣйшая аномалія: коренной русскій народъ содержитъ польскій католицизмъ, съ польскимъ костеломъ, польскимъ ксендзомъ, польскимъ молитвенникомъ, съ польскими гимнами, проповѣдью, исповѣдью и всею церковною литературою. Происхожденіе этой аномаліи хорошо извѣстно: западно-русскій народъ былъ обращенъ изъ православія въ католицизмъ польскимъ духовенствомъ, во время польскаго владычества въ краѣ. Но должно

ли это навсегда оставаться такъ? Если невозможно снова возвратить этотъ народъ къ вѣрѣ его отцовъ (и въ невозможности этой убѣдится всякій, кто честно отнесется къ настоящему религіозному положенію края), то слѣдуетъ для западно-русскаго населенія католическаго исповѣданія распорядиться католицизмъ, создать русскую католическую церковь, съ русскимъ католическимъ священникомъ, русскимъ католическимъ молитвенникомъ, русскою проповѣдью, исповѣдью и всею церковною литературою. Этою мѣрою удовлетворено будетъ первѣйшее право западно-русскаго населенія — молиться на своемъ родномъ языкѣ, и вмѣстѣ достигнута важная государственная задача — охранить русскую народность западно-русскаго населенія отъ ополяченія, которое неудержимо совершалось и совершается посредствомъ польско-католическаго костела.

Примѣры этого ополяченія безчисленны. Изъ нихъ я укажу только на вѣкоторыя.

Разъ, гуляя въ окрестностяхъ Вильны, я зашелъ въ крестьянскую хату и разговорился съ ея хозяиномъ. Говорилъ онъ чистымъ русскимъ языкомъ, равно какъ его жена и дѣти. Прощаясь, я сказалъ: «очень радъ, что встрѣтился здѣсь съ русскимъ человѣкомъ!»

— Нѣтъ, баринъ, я не русскій, я полякъ.

— Но отъ чего-же вы полякъ?—спросилъ я. Вѣдь вы всё говорите по русски.

— Это ничего. Это—дома. А въ костелѣ мы молимся по-польски, мы вѣры польской.

Добрый человѣкъ былъ много правъ.

Въ другой разъ я разговорился съ крестьянкой. У нея въ рукахъ былъ польскій букварь.

— Это вамъ для чего? спросилъ я.

— Дѣтей учить,—отвѣчала крестьянка.

— Но вѣдь вы русская и дѣтей нужно учить по-русски,—сказалъ я.

— Нужно учить и по-польски. Мы польской вѣры, и наше набоженство (богослуженіе) писано по-польски,—отвѣчала крестьянка.— Не будутъ дѣти знать по-польски, не будутъ знать и набоженства. А это—худо.

И добрая женщина права.

Въ другой разъ я разговорился съ солдатикомъ, уроженцемъ сѣверо-западнаго края.

— Намъ, здѣшнимъ, худо,—говорилъ солдатикъ.—Солдаты изъ московскаго края учатся только русской грамотѣ, а мы должны учиться по-русски и по-польски.

— Но зачѣмъ же вамъ учиться по-польски?—спросилъ я.

— Затѣмъ, что наше набоженство польское. Мы польской вѣры. Какъ-же не умѣть читать своего молитвенника! Придешь въ деревню—засмѣютъ.

И солдатикъ совершенно правъ.

Въ ночь на Пасху я бродилъ между крестьянами, ожидавшими утренней службы около виленской «каведры» (римско-католическаго собора). Всѣ они говорили между собою по-русски (съ малымъ исключеніемъ для литовской рѣчи). А въ рукахъ ихъ были польскіе молитвенники и, вошедши въ храмъ, они слышали польскіе гимны и польскую проповѣдь.

Въ Троицынъ день я былъ въ Кальваріи (верстахъ въ семи отъ Вильны), сотни тысячъ сельскаго народа стекаются туда на богомолье. Всѣ эти сотни тысячъ, за небольшими исключеніями, говорили между собою по-русски. А молитвы читали и гимны пѣли по-польски.

Въ послѣдствіяхъ такой аномаліи нельзя сомнѣваться ни малѣйше. Языкъ есть главное выраженіе народности и главный проводникъ ея. Особенно же языкъ богослужебный. Особенно для простаго народа, для котораго церковь есть почти единственный культурный факторъ, богослужебный языкъ, какъ языкъ высшей жизненной сферы, получаетъ въ глазахъ народа высшій авторитетъ и освященіе, становится для него священнымъ языкомъ. Такимъ образомъ коренной русскій человекъ западной Россіи, говорящій въ своемъ обыкновенномъ быту по-русски, своимъ священнымъ языкомъ имѣетъ языкъ польскій. И человекъ этотъ рано или поздно сдѣлаетъ языкъ своей молитвы, гимна и проповѣди языкомъ всей своей жизни. А съ языкомъ этой національности войдутъ въ него ея идеи, чувства и стремленія,—и коренной русскій человекъ западной Россіи будетъ, такимъ образомъ, отчужденъ, оторванъ отъ родной національности, «ополяченъ».

Эта опасность ополяченія западно-русскаго населенія посредствомъ польско-католическаго костела увеличивается еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что польскій и русскій языки чрезвычайно близки другъ къ другу, что польская народность не только сосѣдняя съ русскою, но даже врѣзывается въ нее своимъ панствомъ, мѣшанствомъ и ксендзовствомъ, и что для польскихъ патріотовъ ополяченіе западно-русскаго народа является непремѣннымъ условіемъ возстановленія Польши, по извѣстному девизу: «безъ Литвы нѣтъ Польши».

Всѣ эти и приведенныя въ предшествующей главѣ основанія были изложены мною частію въ «Запискѣ», частію же въ кабинетной бесѣдѣ съ Константиномъ Петровичемъ, который, по окончаніи ея, сказалъ мнѣ:

— «Планъ вашъ совершенно вѣренъ. Я дамъ ему немедленное

движеніе. Спасибо вамъ. Вы добрую службу сослужили Русскому Государству!»

#### IV.

Въ Западной Россіи католическое богослуженіе никогда не совершалось по-русски. «Тысячи грамотъ и другихъ актовъ», писанныхъ по русски и русскими буквами въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и нынѣ хранящихся въ виленской публичной библиотекѣ, доказываютъ только то, что государственнымъ языкомъ въ княжествѣ былъ языкъ русскаго народа, составлявшаго не менѣе девяти десятыхъ всего числа его подданныхъ.

Изъ актовъ и грамотъ XVI и XVII столѣтій западной Россіи, писанныхъ по русски, никакъ нельзя заключать, что въ то время въ западной Россіи католическое богослуженіе совершалось по-русски. Нельзя заключать прежде всего потому, что до Брестской уніи въ 1594 году весь западно-русскій народъ былъ православный. Къ католицизму принадлежало только самое небольшое количество панства, начавшаго ренегатствовать отъ своей родной народности и тягнущагося къ ополяченію себя и въ немъ почитавшаго свою славу. Конечно, эти люди слушали польское богослуженіе. Вообще дѣла католицизма на Литвѣ при Сигизмундѣ II было не блестящи. Они улучшились при Сигизмундѣ III, при которомъ сильно начала разрастаться и унія. Но въ уніи, особенно ранней, богослуженіе было православное. Изъ уніи многие стали переходить въ католицизмъ: но въ него переходили опять-таки магнаты, шляхта и мѣщане. И богослужебный языкъ ихъ былъ польскій. Польскій языкъ и католицизмъ были неразрывны. Католицизмъ служилъ для поляковъ средствомъ къ ополяченію Литвы, и они слишкомъ хорошо понимали важность богослужебнаго языка въ этомъ отношеніи, чтобы дозволить замѣнить здѣсь польскій языкъ русскимъ. Истинность этого подтверждается и тѣмъ фактомъ, что во всей массѣ книгъ,—въ количествѣ двухъ сотъ тысячъ, или около,—полученныхъ послѣ закрытыхъ римско-католическихъ монастырей въ сѣверо-западномъ краѣ въ виленскую публичную библиотеку и разобранныхъ моими руками, я не нашелъ ни одного «Ритуала», ни одного «Молитвенника» этого исповѣданія на русскомъ языкѣ. Слѣдовательно ихъ не было.

Поляки не только не дозволяли переводить католическія богослужебныя книги съ польскаго языка на русскій, но даже православныя богослужебныя книги переводили съ церковно-славянскаго языка

на польскій. Такъ, я въ тѣхъ-же помонастырскихъ бібліотекахъ нашолъ православную литургію Златоустаго, напечатанную латинскими буквами, съ польскимъ переводомъ *en regard*. Изданіе XVII вѣка. Найдено не менѣе пяти экземпляровъ. Что же касается уніятскихъ богослужебныхъ книгъ послѣдняго періода, то мною была собрана въ бібліотекѣ цѣлая коллекція, наглядно показывавшая какъ въ этомъ богослуженіи церковно-славянскій языкъ постепенно былъ вытѣсненъ польскимъ.

Библія Скорины была напечатана за семьдесятъ лѣтъ до уніи, когда западная Россія еще была вся православною; слѣдовательно и переводъ назначался для православныхъ. И притомъ библія для католика есть только книга назиданія, а не богослужебная. Таковыми же были Евангеліе и Псалтирь, напечатанныя позднѣе въ Римѣ и предназначавшіяся, по всей вѣроятности, для уніатовъ. Кому же не извѣстно, что Римъ неохотно даетъ католикамъ-мірянамъ въ руки св. писаніе? А правило виленскаго католическаго собора о «народномъ языкѣ» есть только повтореніе таковаго-же правила Петроковскаго собора и Тридентскаго, и практически не имѣло никакого значенія. Поляки того времени также не признавали русскаго языка «*lingua vernaculâ*», какъ они не признаютъ его и теперь,—и тогда они имѣли менѣе побужденія къ тому, чѣмъ теперь. Тогда въ католическомъ костелѣ почитались величинами только магнаты, шляхтичи, мѣщанинъ, которые были поляки, или ополяченные; а народъ, свято сохранившій языкъ и національность своихъ отцовъ, хотя уже и лишенный изъ религіи, считался ничѣмъ, былъ «быдломъ», «хлопами»,—и для него ли польскій или ополяченный ксендзъ сталъ-бы говорить свою проповѣдь по русски? Съ своего амвона онъ созерцалъ только «ясновѣ-можныхъ»; имъ онъ говорилъ—на ихъ языкѣ. Истинность этого опять подтверждается тѣмъ фактомъ, что въ помонастырскихъ бібліотекахъ во всей громадной массѣ польскихъ католическихъ «казаній» (проповѣдей), я не нашолъ ни одного на языкѣ русскомъ, хотя находилъ цѣлыя книги проповѣдей даже на языкѣ жмудскомъ.

И оставался въ польско-католическомъ костелѣ западно-русскій народъ «быдломъ», «хлопами» до того времени, когда русскій государь избавилъ его отъ «хлопства», и возвратилъ ему достоинство и пражу «человѣка». На почвѣ этого-то великаго историческаго акта и возникла въ умѣ пишущаго сіе идея возвращенія западно-русскому народу его драгоцѣннѣйшаго права молиться на своемъ родномъ языкѣ, какой бы кто ни былъ вѣры,—идея, развившаяся въ планъ, который отвѣчаетъ и другой важной политической задачѣ: оградить западно-русскій народъ отъ ополяченія польско-католическимъ костеломъ.

## V.

Моя «Записка», представленная Константину Петровичу Кауфману, лежит как исходный пункт первую въ «Дѣлѣ объ изыятіи польскаго языка изъ римско-католическаго богослуженія въ сѣверо-западномъ краѣ», которое хранится въ управленіи виленскаго генералъ-губернатора. Ближайшимъ результатомъ ея было прекращеніе «обращеній». Становымъ приставамъ, акцизнымъ надзирателямъ, мировымъ посредникамъ и под. было внушено обратить свою дѣятельность на свои прямыя служебныя обязанности. «Обращенія» теперь явились ненужными съ политической точки. Для религіозной политики въ западной Россіи открытъ былъ новый путь.

Но этотъ путь былъ далеко еще не торнымъ, какъ показало послѣдующее. И первымъ «камнемъ преткновенія» на немъ явился виленскій православный митрополитъ Симашко. Когда сказалъ ему Константинъ Петровичъ объ этомъ планѣ, для чего онъ нарочно ѣздилъ къ нему, то Симашко рѣшительно не одобрилъ его. Я не знаю, въ какихъ именно словахъ было выражено это неодобреніе; но другимъ онъ говорилъ:

— «Планъ этотъ есть измышленіе непростительнаго легкомыслія».

Жаль, что высокопреосвященный не могъ, или не хотѣлъ, до этого времени довести своихъ «Записокъ»: вѣроятно въ нихъ онъ высказалъ бы свои причины неодобренія; а теперь оно является только голословнымъ. Тѣмъ не менѣе слова его тогда повторялись многими и сдѣлались въ Вильнѣ лозунгомъ цѣлаго полчища людей, объявившихъ плану войну. Чего только не было говорено противъ него, — и противъ автора его!.. Предводителемъ полчища былъ тотъ же А. В. Рачинскій со своими адъютантами — «вице-Рачинскими». Къ нимъ примыкала дѣлая толпа чиновниковъ-обращателей, которые уже успѣли войти во вкусъ своей игры и видѣли въ «обращеніяхъ» легкое средство для себя къ достиженію крестовъ, имѣній и повышеній.

Впрочемъ, что касается нерасположенія къ плану митрополита Симашки, то высокопреосвященный слишкомъ не любилъ «латинство», чтобы отнестись дружелюбно къ мѣрѣ, которая необходимо давала этому исповѣданію весьма широкое право гражданства въ Западной Россіи.

Изъ всѣхъ возраженій противъ этого плана (болѣе шокирующія изъ нихъ помѣщены въ моей статьѣ объ этомъ предметѣ въ «Вѣстникѣ Европы» за мартъ 1881; повторять же ихъ здѣсь не почитаю

умѣстнымъ) наиболѣе заслуживало вниманія опасеніе, что «введеніе русскаго языка въ римско-католическое богослуженіе соединено съ опасностію для православія», и что «большая образованность католическаго сельскаго духовенства, его ловкость и изворотливость, и большее великолѣпіе католическаго богослуженія сравнительно съ простотою сельскаго православнаго клира и убогостію православной сельской церковной утвари, при одномъ и томъ-же богослужебномъ языкѣ, будутъ дѣйствовать на сельскія населенія невыгодно для православія». Но прежде всего на это есть ясный и положительный отвѣтъ. Государство главнѣе всего должно имѣть въ виду государственные интересы. Нѣкогда польскій лезуитъ Скарга сказалъ въ проповѣди: «Пусть погибнетъ польское государство, только-бы стояла святая католическая вѣра!» Но я не думаю, чтобы у насъ нашлись свои Скарги, или чтобы они нашли столь же бессмысленную аудиторію.

Потомъ, эти опасенія—болѣе мечтательныя, чѣмъ дѣйствительныя. Въ Германіи, Франціи, Англіи существуютъ рядомъ католическіе и протестантскіе храмы, въ которыхъ богослуженіе совершается на одномъ и томъ-же отечественномъ языкѣ; и между тѣмъ мы не видимъ, чтобы то или другое исповѣданіе чрезъ это теряло или пріобрѣтало сколько-либо значительное число прозелитовъ. При томъ православное богослуженіе, по своему внутреннему содержанию, по своей повѣстности, значительно выше католическаго.

Но такъ или иначе, въ Вильнѣ образовалось, въ русскомъ кругу мѣнѣе, враждебное плану, и настолько сильное, что генераль-губернаторъ, не смотря на свое полное убѣжденіе въ его рациональности и настоятельности, долженъ былъ учредить комиссію для его обсужденія, въ которой оказались противниками плану всѣ члены за исключеніемъ предсѣдателя ея, А. П. Стороженко, бывшаго энергическимъ ратователемъ за это дѣло. Да еще изъ Москвы столь же энергически ратовали за него «Московскія Вѣдомости».

Но уже самого Константина Петровича Кауфмана «дни были сочтены» въ Вильнѣ. Мѣсто его занялъ графъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ. Новый генераль-губернаторъ своимъ свѣтлымъ умомъ вполне понялъ всю важность новаго плана.

— «Вы создали мѣру высшей государственной важности!»—сказалъ онъ мнѣ въ разговорѣ, къ которому онъ пригласилъ меня на открытіи виленской публичной бібліотеки лѣтомъ въ 1867 году.

И все свое огромное влияніе онъ употребилъ на то, чтобы привести этотъ планъ къ скорѣйшему осуществленію, не взирая на возраставшую оппозицію ему не только въ Вильнѣ, но и въ Петербургѣ—и все это въ русскихъ сферахъ! Когда покойный государь Але-



ксандръ II, въ томъ же году, проѣздомъ изъ-за границы, былъ въ Вильнѣ, графъ Барановъ лично докладывалъ ему о планѣ, и его величество изволилъ высказать свою волю, чтобы этотъ планъ немедленно былъ осуществленъ.

Извѣстiе объ этомъ быстро разнеслось по краю и произвело свое дѣйствiе. Агитировавшая противъ плана клика прiемирѣла. Повсюду, даже въ Вильнѣ, католическое духовенство стало высказывать свою готовность сообразоваться съ волею государя. Но особенную рѣшительность въ этомъ дѣлѣ высказало духовенство Минской губерни, въ числѣ котораго наиболѣе преданными и энергическими пионерами этого дѣла явились ксендзы: Сенчиковскiй, Коцеговичъ, Заусцинскiй, Макаревичъ, Олехневичъ, Потровскiй и Кулаковскiй. Эти достойные служители алтаря и патриоты, не дожидаясь дальнѣйшей организации этого дѣла, кромѣ выраженной воли государя, огласили свои костелы русскою проповѣдiю. Примѣру ихъ послѣдовали многiе другiе ксендзы, такъ что изъ 52 римско-католическихъ приходовъ Минской губерни въ 38 былъ употребляемъ въ проповѣди и, сколько можно, въ дополнительномъ богослуженiи русскiй языкъ.

Фактъ этотъ достоинъ вниманiя. Почему прежде всѣхъ другихъ мѣстностей планъ этотъ получилъ столь широкое осуществленiе въ Минской губерни? Обязано ли это явленiе большему патриотизму и пониманiю минскаго католическаго духовенства, видѣвшаго въ этомъ планѣ мѣру справедливости и разумности по отношенiю къ ихъ совершенно русской частвѣ, или характеру населенiя губерни—сплошь коренному русскому?

Иное мы видимъ въ виленскомъ католическомъ духовенствѣ. Въ Вильнѣ, какъ въ центрѣ гражданскаго правленiя края и мѣстопробыванiи администратора римско-католическихъ епархiй, можно было бы ожидать еще болѣе сильнаго движенiя въ пользу этого плана. Но здѣсь католическое духовенство сначала выѣзжало на «заявленiи готовности», а потомъ, съ прибытiемъ въ Вильну генерала Потапова, прямо встало во враждебное отношенiе къ этому плану. Первоначальною причиною этого явленiя, несомнѣнно, было нерасположенiе къ плану митрополита Симашки и его приближенныхъ, хорошо бывшее извѣстнымъ въ Вильнѣ. Потому католическое виленское духовенство или боялось, или показывало видъ, что боялось, идти наперекоръ столь могущественному человѣку; или, что всего вѣроятнѣе, оно скоро смекнуло, что планъ этотъ стоитъ не на прочной почвѣ, если въ числѣ противниковъ ему находился даже митрополитъ Симашко. Не мало вредяла ему и двуличность администратора Жилинскаго. Дѣйствуя по правилу—«и нашимъ, и вашимъ», онъ лавировалъ между русскою

и польскою стороною, выжидалъ, не высказывая своей инициативы, и только официально исполняя то, что ему предписывали официально же. Потому и въ настоящемъ дѣлѣ онъ выжидалъ послѣдняго формальнаго слова. Къ несчастію, это «послѣднее слово» сказалъ и Вильягъ не графъ Барановъ, скоро оставившій свой постъ, а генералъ Потаповъ, занявшій его мѣсто,—и сказалъ въ смыслѣ отрицательномъ.

Но въ началѣ не только многіе изъ католическаго духовенства сочувствовали этому плану, но и многіе изъ мѣстныхъ помѣщиковъ того же исповѣданія, которые, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ недавняго ужаснаго урока повстанія и его послѣдствій, видѣли, что нельзя идти противъ теченія жизни, нельзя воскресить умершаго, безмысленно жертвовать призраку имуществамъ, дѣтьми и всѣмъ благодеятельствомъ дома и края, и что должно искать новыхъ путей для новой жизни. Освѣщаемые исторіею, указывающею, что Литва никогда не была Польшею; что въ періодъ соединенія ея съ Польшею въ ней была огромная партія, ненавидѣвшая поляковъ и соединеніе съ ними; что прежде, чѣмъ Литва соединилась съ Польшею, она была Россіею, и что самое соединеніе ея съ Польшею было только первымъ актомъ соединенія Польши съ Россіею,—западною частію ея,—эти люди хотѣли, разъ навсегда, положить конецъ этой розни, питаніе которой было выгодно только для интригановъ, для людей, которымъ нечего терять въ потрясеніяхъ общественныхъ, для любителей «ловить рыбу въ мутной водѣ», или для полупомѣшанныхъ фанатиковъ, и которая во всякомъ случаѣ можетъ вести только къ новымъ повстаніямъ, къ новымъ раззореніямъ, ссылкамъ, казнямъ... Такъ какъ они видѣли, что вѣроятно эта рознь въ край питается польско-католическимъ костеломъ, поставленнымъ среди русскаго народа, то они и рѣшились присоединиться къ плану располоченія его, какъ къ единственному средству сохранить здѣсь католицизмъ и обезвредить его,—обратить его въ орудіа мятежа къ истинному его назначенію.

## VI.

Преемникъ графа Э. Т. Баранова—А. Л. Потаповъ былъ врагомъ плана, столь ненавистнаго полякамъ; потому было бы странно ожидать отъ него содѣйствія къ его осуществленію.

Тѣмъ не менѣе къ переводу на русскій языкъ было приступлено. Но дѣло это было поручено человѣку, заявлявшему себя, съ самаго начала, ярымъ противникомъ его. Притомъ для перевода былъ

выбранъ «Требникъ» (Rituale Sacramentorum), по которому ксендзъ совершаетъ «требы», слѣдовательно, такой родъ богослуженія, который наиболѣе рѣдко совершается; а «Молитвенникъ», наиболѣе важная книга для католика, по которой онъ молится ежедневно,—былъ оставленъ безъ перевода. Для самаго перевода «Требника» былъ приглашенъ человѣкъ, всего менѣе пригодный къ тому.

Когда въ началѣ 1870 года въ Вильнѣ выпелъ изъ печати «Требникъ» въ русскомъ переводѣ, и пошла молва о введеніи его въ употребленіе, виленскіе поляки-патріоты торжественно успокоивали своихъ словами: «Ниць не бендзе! Ниць не бендзе!» («Ничего не будетъ! Ничего не будетъ!»). Скоро потомъ заходила по городу исторія, какъ виленскіе ксендзы, собравшись въ «сакристіи» (ризницѣ) виленскаго римско-католическаго собора, изрекли проклятіе всякому, кто приметъ требникъ на русскомъ языкѣ, издѣвались надъ нимъ, плевали на него, рвали въ куски и топтали ногами... Наконецъ былъ сочиненъ «рафаѣловскій скандалъ». Въ этомъ же году, въ праздникъ Благовѣщенія, въ костелѣ св. Рафаила, что на Снипишкахъ, за обѣдней, при громадномъ стеченіи народа, ксендзъ, взошедши на амвонъ (мѣсто, съ котораго говорится проповѣдь) съ русскимъ требникомъ въ рукѣ, показавъ его народу и сказалъ, что «московское правительство повелѣваетъ совершать требы по этой книгѣ», но что «это противно святой католической вѣрѣ»; что «книга эта—схизматическая и достойна сожженія». При этихъ словахъ ксендзъ взявъ приготовленную заранее зажженную свѣчу и, зажегши на ней требникъ, державъ его горящимъ въ виду народа, и наконецъ бросилъ его на полъ подъ амвонъ, гдѣ затопталъ его ногами костельный служка.

Вотъ какія дѣла дѣлались въ Вильнѣ въ описываемое время. Еще наканунѣ въ Вильнѣ уже многіе знали, что будетъ публично сожженъ русскій требникъ рафаѣловскимъ ксендзомъ, и что скандалъ этотъ былъ улаженъ сообща ксендзами въ сакристіи каеэдры. Даже увѣрили, что онъ заранее былъ извѣстенъ мѣстной власти. Но несомнѣнно, рафаѣловскій ксендзъ Петровичъ былъ другомъ администратора Жилинскаго.

Послѣ «рафаѣловскаго скандала» виленскою администраціею не сдѣлано уже было ничего болѣе къ осуществленію этого плана, который съ разу былъ признанъ «неосуществимымъ», и «дѣло» о немъ было сдано въ архивъ, гдѣ оно и поконится, вѣроятно, до сихъ поръ. По крайней мѣрѣ оно было тамъ въ 1882 году, когда я просилъ и получилъ разрѣшеніе осмотрѣть его.

Неумѣло дѣйствовало въ вопросѣ о примѣненіи помянутаго плана и прежнее министерство внутреннихъ дѣлъ. Такъ, директоръ департа-

мента иностранных исповѣданій, г. Сиверсъ, въ своемъ изложеніи высочайшей резолюціи ввелъ такую оговорку: употребленіе русскаго языка въ католическомъ богослуженіи разрѣшается, «если прихожане того пожелаютъ», но было упущено изъ виду то, что въ католическихъ приходахъ, не только въ Бѣлороссіи, но и по всему свѣту, ксендзъ есть полный диктаторъ душъ и владыка совѣсти своихъ прихожанъ, и что они могутъ «пожелать» только того, чего пожелаетъ ихъ ксендзъ! Но смыслъ этой оговорки надлежащимъ образомъ поняла тогдашняя администрація сѣверо-западнаго края. Прежде всего высочайшее разрѣшеніе было объявлено въ латышскомъ приходѣ (въ Рѣжницкомъ уѣздѣ Витебской губерніи), гдѣ дѣйствительно совѣтъ не было русскихъ, и никто не понималъ по русски, и богослуженіе издавна совершалось на латышскомъ языкѣ. Когда здѣсь ксендзъ прочиталъ «бумагу» въ костелѣ съ амвона, и разъяснилъ, что ею повелѣвается служить по русски, то народъ пришелъ въ негодованіе, и съ ругательствами стащилъ ксендза съ амвона. Интрига торжествовала. «Значить, народъ не желаетъ богослуженія на русскомъ языкѣ». Та-же комедія была сыграна и на Жмуди. А до русскихъ приходовъ совѣтъ не доходили, какъ будто ихъ совѣтъ не существовало.

Впрочемъ, ксендзы пустили въ ходъ слѣдующій маневръ въ послѣднее время. Когда стала ходить въ край молва, что папа согласенъ на введеніе русскаго языка въ не-латинскую часть католическаго богослуженія въ приходахъ, населенныхъ русскими, тогда они стали убѣждать своихъ прихожанъ, коренныхъ русскихъ людей, что и «они — певные поляки» («чистые поляки»); что они «и въ костелѣ молятся по польски, и дома говорятъ по польски: только ихъ костельный языкъ—священный польскій, а домашній языкъ прѣстный польскій». Не правда ли—ловкій фокусъ? И въ дѣйствительности онъ не такъ смѣшонъ, какъ можетъ казаться. Въ сельскихъ населеніяхъ западной Россіи и Царства Польскаго русскій и польскій языки такъ близки одинъ къ другому (какъ они въ прежнее время были близки и въ обѣихъ литературахъ), что трудно опредѣлить, гдѣ кончается одинъ и начинается другой, особенно для людей, незнакомыхъ съ литературными языками. Потому въ этомъ дѣлѣ должна быть соблюдаема особенная зоркость, и однимъ изъ непремѣнныхъ условій его должно быть то, чтобы не было никакихъ «регулируваній» его изъ Петербурга, но чтобы оно всецѣло было предоставлено власти генералъ-губернатора, который одинъ въ немъ долженъ быть хозяиномъ и отвѣтчикомъ.

## VII.

Исходя из той мысли, что русское государство не может пренебрегать столь важною мѣрою, какъ изъясненный выше планъ, или «предоставлять ее времени», какъ тогда рекомендовали въ Вильнѣ мѣстные политики, усвоивавшіе уже образъ мыслей новаго генераль-губернатора, А. Л. Потапова, я полагаю, что пренебрегать этимъ планомъ для Россіи значило пренебрегать своею государственною дѣлостью, оставить огромную и важнѣйшую часть своей территоріи въ парализованномъ состояніи, позволять враждебной силѣ подрывать самый государственный базисъ съ этой стороны. Еще безсмысленнѣе было «предоставить это дѣло времени». Время за насъ ничего не сдѣлаетъ. Оно несомнѣнно принесетъ намъ только худое, если сами мы не будемъ ничего дѣлать, а враги наши безостановочно будутъ работать всѣми своими силами и средствами. Потому я рѣшился подать новую «Записку» генералу Потапову, въ которой я изложилъ, что именно слѣдовало сдѣлать, и предлагалъ къ тому свои услуги. Къ такому шагу особенно побудило меня слѣдующее обстоятельство.

Лѣтомъ того же 1870 года покойный профессоръ виленскаго университета г. Адамовичъ, горячій библіофилъ, сообщилъ мнѣ, что имѣющуюся въ виленской римско-католической семинаріи большую и прекрасную библіотеку, вслѣдствіе слабости ректора Т., раскрадывали жиды - книжники, особенно наиболѣе дерзкій изъ нихъ N. N., который уже успѣлъ разворовать большую и прекрасную библіотеку Н. Малиновскаго, заарестованную за долги и хранившуюся «подъ надзоромъ полиціи» въ кельяхъ бывшаго монастыря Босачекъ, ключъ отъ котораго былъ у жившаго тутъ-же полицейскаго солдата. Наворованныя книги жидъ N. N. передавалъ другому жиду изъ Львова, который нарочно прѣвзжалъ за ними въ Вильну. Чтобы спасти остатокъ католическо-семинарской библіотеки отъ расхищенія, г. Адамовичъ совѣтовалъ мнѣ исходатайствовать у начальства дозволеніе пересмотрѣть ее и выбрать изъ нея для публичной библіотеки книги, не относящіяся непосредственно къ семинарскому преподаванію. Я такъ и сдѣлалъ, и въ сентябрѣ того-же года получилъ разрѣшеніе генераль-губернатора на пересмотръ семинарской библіотеки и на выдѣленіе изъ нея книгъ, какія найду подходящими для публичной. Немедленно приступилъ къ работѣ. Депутатомъ отъ семинаріи при моихъ занятіяхъ въ библіотекѣ былъ назначенъ ректоромъ молодой ксендзъ (имя его, къ сожалѣнію, не могу припомнить). Скоро я сблизился съ нимъ. Это

былъ человѣкъ, воплощавшій въ себѣ идею лучшаго римско-католическаго ксендза, трезвый, тихій, обязательный, любившій книгу, много читавшій по русски, и хорошій музыкантъ, многіе часы моего отдыха отъ занятій, въ холодной библиотекѣ, во время зимы, услаждавшій свою игрою на мелодіонѣ (онъ жилъ близь самой библиотеки).

Въ это время въ Вильнѣ было еще свѣжо впечатлѣніе отъ безобразія ксендзовъ въ сакристіи и «рафа́ловскаго скандала». Зная о моемъ близкомъ отношеніи къ этому «плану», онъ при первомъ же знакомствѣ завелъ о немъ рѣчь, и я не мало былъ изумленъ и обрадованъ, когда онъ рѣзко высказалъ свое отвращеніе къ поступкамъ виленскихъ ксендзовъ въ каедрѣхъ и у «Рафа́ла», и свое твердое убѣжденіе, что виною всего этого былъ администраторъ Жилинскій и его кругъ; что вѣдь его найдется много ксендзовъ, которые съ радостію готовы осуществить этотъ планъ; что многіе изъ нихъ знаютъ хорошо русскій языкъ и могутъ говорить на немъ проповѣди; что это нисколько не противно римско-католическому канону; что, если захочетъ виленскій генераль-губернаторъ, то и здѣсь это дѣло пойдетъ также успѣшно, какъ въ Минской губерніи, и что онъ самъ со всею готовностію желаетъ примкнуть къ этому дѣлу. Достопочтенный ксендзъ, очевидно, предполагалъ, что я, какъ создавшій этотъ «планъ», имѣлъ значительное участіе и въ его осуществленіи. При этомъ онъ мнѣ показалъ не менѣе двадцати своихъ собственныхъ проповѣдей, писанныхъ на хорошемъ русскомъ языкѣ. Я не могъ оставить этого дѣла въ пренебреженіи, и въ мѣсяцѣ ноябрѣ того-же года представилъ генералу Потапову «Записку», въ которой, во 1-хъ, я указывалъ на молодого семинарскаго ксендза, какъ на человѣка, который могъ быть весьма полезенъ для этого дѣла; во 2-хъ, совѣтовалъ, не ограничиваясь «Требникомъ», немедленно издать на русскомъ языкѣ «Молитвенникъ»; потому что для нашего дѣла не столько важно то, чтобы ксендзъ совершалъ «требы» по русски, сколько то, что-бы русскій народъ молился по русски; въ 3-хъ, указывалъ на храмъ Босачекъ, какъ на самый подходящій для перваго опыта русскаго католическаго богослуженія въ Вильнѣ; потому что онъ уже былъ закрытымъ и находился въ вѣдѣніи виленской думы, и потому что вблизи его находились три рынка, на которые три раза въ недѣлю съѣзжается масса сельскаго народа на торгъ.

Холодно принята была моя «Записка» генераломъ Потаповымъ, при чемъ я не могъ не вспомнить о приемѣ К. П. Кауфмана и объ отношеніи къ этому дѣлу графа Э. Т. Баранова. Я вышелъ изъ генераль-губернаторскаго кабинета глубоко огорченный, не столько какъ человѣкъ, сколько какъ русскій человѣкъ.

Через нѣсколько мѣсяцевъ я былъ уволенъ изъ службы безъ всякаго объясненія мнѣ причины.

Даже былъ выпугиваемъ полиціею изъ Вильны. Но—не знаю къ счастью-ли для чего нибудь, и несомнѣнно къ великому несчастію для меня самого—я остался въ Вильнѣ....

Читатель, можетъ быть, подумаетъ, что, занимаясь политикою края, я не хорошо велъ мое прямое дѣло? Въ отвѣтъ на это я приведу здѣсь выписку изъ двухъ писемъ ко мнѣ бывшаго попечителя виленскаго учебнаго округа И. П. Корнилова, который самъ принималъ широкое участіе въ библиотечныхъ работахъ и у котораго, слѣдовательно, я работалъ на глазахъ. Автографы этихъ писемъ хранятся у меня. Оба они писаны послѣ удаленія меня изъ библиотеки. Первое отъ 26-го іюня 1871; въ немъ, между прочимъ, писано:

„Отдавая должную справедливость вашимъ трудамъ по устройству виленской публичной библиотеки, я вполнѣ сознаю, какъ вамъ тяжело, многоуважаемый Алексѣй Порфирьевичъ, разстаться, противъ воли, съ учрежденіемъ, которое вашими руками исторгнуто изъ полнѣйшаго хаоса и приводилось постепенно въ стройный систематическій порядокъ. Безъ васъ, я увѣренъ, мы бы не скоро еще выпутались изъ этой неурядицы. Васъ оторвали отъ дѣла, когда оно приближалось къ концу. Теперь остается только продолжать вашу работу. Вы управляли библиотекою во все мое время съ безукоризненною честностію. Потому мнѣ очень грустно, что вы такъ круто удалены и, такъ сказать, выброшены не съ благодарностію, а съ укоромъ изъ библиотеки, которая вами создана“.

Другое письмо писано одиннадцать лѣтъ спустя, 26 іюля 1882 г. Въ немъ, между прочимъ, сказано:

„Помню, какъ вы приняли отъ П. А. Безсонова громадную хаотическую груды книгъ, съ которыми онъ не зналъ какъ, сладить, и какъ вы тотчасъ умѣло и увѣренно повели знакомое вамъ дѣло. Я былъ свидѣтелемъ вашихъ настойчивыхъ трудовъ, и самъ иногда увлекался и помогалъ вамъ. Устройство прекрасной библиотеки изъ безобразнаго книжнаго хлама есть ваше дѣло и ваша неотъемлемая заслуга“.

## VIII.

Боюсь, что я неволью подвелъ подъ тотъ-же обухъ и бѣднаго семинарскаго ксендза, потому что съ 1871 г. я больше не встрѣчалъ его въ Вильнѣ. Подозрѣваю, что его «прибрали».

«Прибрали» и костель Босачекъ, на который я указывалъ въ «Запискѣ», какъ на первый римско-католическій храмъ въ Вильнѣ, который долженъ былъ огласиться русскою проповѣдію и гимномъ. Онъ былъ обреченъ на сломку и, подъ ауспичіями тогдашняго «лор-

да - мера» города Вильны, проданъ вмѣстѣ съ огромнымъ монастыремъ за ничтожную сумму еврею. Впрочемъ еврей тутъ былъ только для вида. Кирпичъ,—превосходный, могущій просуществовать еще по крайней мѣрѣ столько же вѣковъ, сколько просуществовалъ, и во всякомъ случаѣ долѣе того, изъ котораго построена часовня на Георгіевской скверѣ,—желѣзо, черный мраморъ, бутовый камень возили дѣлое лѣто къ одному именитому обывателю, выстроившему изъ этого матеріала нѣсколько домовъ; и до сего дня по Вильнѣ ходитъ слово, что дома его выстроены изъ «святыхъ кирпичей».

Вліянію моей «Записки» я приписываю и изданіе попечителемъ виленскаго учебнаго округа, г. Сергіевскимъ, римско-католическаго дѣтскаго молитвенника, подъ заглавіемъ: «Золотой Олтарикъ для юношества», издателемъ котораго былъ еврей С.

Въ январскомъ «Циркулярѣ по виленскому учебному округу» 1884 года напечатана копія съ отношенія высокопреосвященнаго Александра, архіепископа литовскаго, въ которомъ между прочимъ говорится, что «по распоряженію графа Муравьева молитвенникъ Золотой Олтарикъ былъ переведенъ однимъ изъ прелатовъ на русскій языкъ, напечатанъ въ значительномъ числѣ экземпляровъ и переданъ въ вѣдѣніе виленскаго учебнаго округа для распространенія», и что теперь онъ, высокопреосвященный Александръ, «проситъ попечителя о высылкѣ ему молитвенника «Золотой Олтарикъ» въ возможномъ количествѣ для разсылки по церквамъ съ цѣлію изыятія изъ употребленія польскихъ молитвенныхъ книгъ въ смѣшанныхъ по вѣроисповѣданіямъ семействахъ и бесплатной замѣны ихъ этимъ молитвословіемъ на русскомъ языкѣ». Прекрасная мѣра, вполне достойная высокаго патріотическаго чувства и христіанскаго миролюбія, которыя отличаютъ нашего глубоко-уважаемаго архипастыря и которыя смѣло можно рекомендовать его римско-католическому со-іерарху! Побуждаемый этими чувствами, высокопреосвященный собственною рукою подаетъ молитвенникъ чужого исповѣданія членамъ этого исповѣданія, чтобы только они молились на своемъ отечественномъ языкѣ. Люди высшаго религіознаго пониманія вполне оцѣняютъ этотъ поступокъ высокопреосвященнаго Александра. Но, къ сожалѣнію, его желаніе не можетъ быть исполнено виленскимъ учебнымъ округомъ немедленно, потому что такихъ молитвенниковъ у него нѣтъ. «Золотыхъ Олтариковъ»—два: одинъ—большой, для взрослыхъ, дѣйствительно весьма распространенный между римско-католическимъ сельскимъ населеніемъ края, и другой—маленькій, «для дѣтей». При графѣ Муравьевѣ ни тотъ, ни другой не былъ переведенъ на русскій языкъ, по той простой причинѣ, что при немъ не существовало еще самаго «плана». Малый же «Золо-



той Олтарику» былъ переведенъ не знаю кѣмъ и напечатанъ по распоряженію г. Сергіевскаго никакъ не раньше 1871 года, съ цѣлю, какъ тогда говорилось, распространять его между учениками по сельскимъ школамъ. Сколь велико было изданіе, сколько экземпляровъ было распространено, какъ долго они были распространяемы—достоверно я не знаю; но изъ того, что знаю, можно заключать, что все это дѣлалось болѣе для виду, чѣмъ съ какою либо серьезною цѣлю; пересмотръ книгъ учебнаго округа несомнѣнно дастъ точныя свѣдѣнія объ этой «мѣрѣ». Впрочемъ она—ложна въ самомъ своемъ основаніи, потому что нельзя допустить, чтобы отцы дозволили своимъ дѣтямъ молиться по книгѣ, на которую сами смотрѣли подозрительно.

А. Л. Потаповъ былъ уволенъ. Мѣсто его занялъ генералъ Альбединскій. Въ 1876 г. въ «Голосѣ» (№ 215) была напечатана корреспонденція изъ сѣверо-западнаго края, которая, говоря о неуспѣхѣ распорядка католицизма, всю вину слагала на ксендзовъ и помѣщиковъ. «Запротестовалъ ксендзъ, не подписался помѣщикъ, и дѣло оставлено безъ дальнѣйшаго хода. Скоро-ли же дождется многострадальный русскій народъ западнаго края благодѣянія молиться на своемъ родномъ языкѣ! Богъ въсть!..» Корреспонденція, очевидно, была писана по честному побужденію; но фактъ представленъ въ ней превратно. Не ксендзъ и не помѣщикъ были главными виновниками «заторможенія» плана, а тогдашняя мѣстная власть. Предполагая генерала Альбединскаго «дѣятелемъ» иного рода, я рѣшился «попытать счастья» и у него. Сначала послалъ къ нему по почтѣ письмо, въ которомъ, указывая на корреспонденцію «Голоса» и кратко излагая ходъ дѣла, я предлагалъ свои посильныя услуги для дальнѣйшаго веденія его. На мое письмо не было «ни отвѣта, ни привѣта». Но я не терялъ вѣры. Написалъ новую «Записку» и лично отправился во дворецъ. На мое представленіе генералъ Альбединскій бѣгло отвѣчалъ:

— «Хорошо, ваша записка будетъ рассмотрѣна!»—какъ будто я въ ней просилъ себѣ «ботаническій домъ» или Закретъ въ аренду. Не знаю, была ли моя записка «рассмотрѣна»; но результатовъ ея я не видѣлъ никакихъ. Я пробовалъ-было еще одно средство; но ничто не помогало. Обдумывая потомъ все это, я увѣдился, что иначе и быть не могло: каковы бы ни были личные идеи и таланты генерала Альбединскаго, онъ былъ плотно окруженъ лицами, несочувственно относящимися къ «плану распорядка католицизма».

Но вотъ и генералъ Альбединскій кончилъ свое пребываніе въ Вильнѣ. Мѣсто его занялъ графъ Тотлебенъ. Наученный опытомъ, я избралъ новый путь, чтобы еще разъ выдвинуть на видъ лежавшее у моего сердца дѣло. Выбравши матеріалъ изъ моихъ «записокъ» къ

генераламъ Потапову и Альбединскому, я составилъ изъ него статью, въ объемѣ, какой почиталъ наиболѣе подходящимъ, и послалъ ее въ началѣ 1881 года въ «Вѣстникъ Европы», гдѣ она въ томъ же году, въ мартовской книжкѣ, и была напечатана.

Дѣло осуществленія плана не мало не подвинулось. А между тѣмъ, кажется, вполне ясно, что всѣ напѣванія о «препятствіяхъ», о «невозможности» и под. мы должны отбросить. Планъ распояченія католицизма введеніемъ русскаго языка въ дополнительное римско-католическое богослуженіе остается главнѣйшимъ въ судьбахъ Западной Россіи и ея отношеніяхъ ко всему нашему отечеству. И русское правительство, какъ имѣло, такъ и теперь имѣетъ въ своемъ распоряженіи средства, вполне достаточныя къ осуществленію этой «важной государственной мѣры»: нужно только призвать къ этому умъ, знаніе, энергію и честное отношеніе къ дѣлу.

**А. П. Владиміровъ.**

Вильна,  
20-го мая 1884 г.

---

## АРЕСТЪ ГГ. КУЛИША И КОСТОМАРОВА,

по разсказу нѣмецкихъ газетъ,

въ 1847 г.

Въ виду воспоминаній, вызванныхъ смертію Н. И. Костомарова, мы думаемъ, будетъ не безынтереснымъ привести для русской публики выдержку изъ *Augsburger Allgemeine Zeitung* 1847 г. (№ 185, 4 июля) объ арестѣ покойнаго дѣятеля и друзей его по дѣлу о г. наз. «Кирилло-Меодіевскомъ братствѣ», тѣмъ болѣе, что эта выдержка—одно изъ немногихъ современныхъ случаю извѣстій о немъ.

Въ названномъ номерѣ знаменитой нѣмецкой газеты напечатана была въ рубрикѣ «Россія» корреспонденція, помѣченная: «Западно-прусская граница. Конецъ мая. Наказаніе панславистическихъ агитацій» (*Umtriebe*).—«Русскіе ученые и писатели позволили себѣ въ послѣднее время въ австрійскихъ провинціяхъ, съ славянскимъ населеніемъ, а именно въ Богеміи, распространять славянскія тенденціи, для осуществленія которыхъ они, кажется, долго уже дѣйствовали, между тѣмъ какъ пресвѣтлѣйшій императоръ Россіи, котораго политика искони была основана на началахъ строжайшей законности, вполне противенъ подобнымъ тенденціямъ, о которыхъ также не хотятъ знать и заграничныя славянскія племена. Австрійское правительство напало на слѣдъ этихъ тайныхъ агитацій и пожаловалось русскому, указавъ при этомъ и мѣста, гдѣ подобныя вещи происходятъ въ Богеміи. Тамъ былъ схваченъ извѣстный Кулеша (*Kulescha*), прежній приватъ-доцентъ русско-славянскаго языка въ петербургскомъ университетѣ, прибывшій, для усовершенствованія въ славянскихъ предметахъ, въ страны, населенныя славянскими племенами<sup>1)</sup>. Другіе

<sup>1)</sup> На самомъ дѣлѣ г. Кулишъ былъ арестованъ по дорогѣ въ Прагу, въ Варшавѣ, и, конечно, безъ всякаго участія въ дѣлѣ австрійскаго правительства.

заподозрѣнные, и между ними преподаватели кievскаго университета, схвачены тамъ-же и въ малороссійскихъ провинціяхъ и привезены какъ арестанты въ Петербургъ, гдѣ и до сихъ поръ заключены въ Петропавловской крѣпости и подвергнуты строгому слѣдствію, какъ злоумышленники противъ существующаго порядка. Этотъ урокъ, надѣмся, отниметь у русскихъ панславистовъ надолго охоту стремиться къ осуществленію ихъ мечтаній. Впрочемъ, все дѣло это облечено столь глубокою тайною, что о немъ ничего неизвѣстно, кромѣ неопредѣленныхъ слуховъ <sup>1)</sup>).

Не смотря на то, что въ вышеприведенной корреспонденціи нѣмецкой газеты детали дѣла представлены очень ошибочно, общій характеръ его переданъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ представленія, какія ходили о немъ въ русской публикѣ въ свое время и послѣ и какія, кажется, не исправляясь у многихъ и до сихъ поръ. Въ русской публикѣ дѣло Костомарова и друзей представлялось какъ дѣло малорусскаго сепаратизма, чуть не возстановленіе казацкой гетманщины,—между тѣмъ какъ въ нѣмецкой газетѣ оно изображается какъ «панславистическая агитація». Изъ опубликованныхъ въ послѣднее время записокъ заинтересованныхъ лицъ видно, что дѣйствительно дѣло это должно быть признано гораздо болѣе панславистическимъ, чѣмъ специально украинифильскимъ, и стремленія кружка Костомарова скорѣе всего могутъ быть названы украинскимъ панславизмомъ федералистическаго характера. Но надо сказать, что въ дѣлѣ этомъ до сихъ поръ еще есть много неяснаго, такъ какъ свидѣнія о немъ, до сихъ поръ опубликованныя, не только не полны, но кой чѣмъ даже противорѣчивы. Поэтому желательно было бы видѣть въ печати,—кромѣ показаній лицъ, близко участвовавшихъ въ немъ,—(напр. особенно младшихъ тогда участниковъ кирилло-меоодіевскаго кружка, какъ напр. гг. Пильчиковъ и Посяда, упоминаемые въ воспоминаніяхъ Костомарова),—еще и официальное дѣлопроизводство по данному случаю. Копія съ этого дѣлопроизводства должна быть, кромѣ Петербурга, въ Кіевѣ, Саратовѣ и другихъ мѣстахъ, куда были высланы участники. Намъ извѣстно, что въ 1864 г., во время печатанія въ только что основанномъ тогда «Кіевляннѣ» статей «Югозападный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе», авторъ этихъ статей,

<sup>1)</sup> Дальше корреспонденція рассказываетъ о крестьянскихъ волненіяхъ въ Вѣлоруссіи, приписывая ихъ „странствующимъ галицкимъ инсургентамъ“. Интересно, что и наше правительство опасалось отголосковъ въ Россіи галицкаго крестьянскаго движенія 1846 г., такъ что запретило проходъ въ Россію разнощниковъ, т. наз. „десарцевъ“.

В. Шульгинъ, рассчитывалъ привести въ нихъ и выдержки изъ дѣла вирилло-меодіевскаго братства, но не получилъ на то дозволенія генерала Анненкова, тогдашняго начальника юго-западнаго края. Генералъ Анненковъ тогда старался остановить задуманныя правительствомъ аграрныя мѣры въ пользу крестьянъ юго-западнаго края представленіями въ томъ смыслѣ, что польское возстаніе въ краѣ было движеніемъ очень слабымъ и польскія тенденціи гораздо менѣе опасны для русскаго государства, чѣмъ настроеніе украинскіихъ крестьянъ, къ которымъ прилаживаются сепаратисты, украиннофилы. Между прочимъ, генералъ Анненковъ, вмѣстѣ съ извѣстной партией въ кievскомъ университетѣ, во главѣ которой стоялъ ректоръ Иванишевъ, — воспрепятствовали выбору Костомарова на кафедрѣ русской исторіи въ Киевѣ (которая такъ и ваковала 10 лѣтъ). Понятно, почему генералу Анненкову неудобно было обнаруженіе документовъ, изъ которыхъ было бы ясно, что никакого гетманофильства и сепаратизма не было даже въ единственномъ украинскомъ кружкѣ, привлеченномъ къ правильному слѣдствію, конечно, не очень снисходительному. Такимъ образомъ, легенда о сепаратизмѣ украиннофильскомъ въ свое время не была опровергнута документально, но даже осложнилась легендою о порожденіи этого сепаратизма «польскою интригою». Эту легенду, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, сталъ поддерживать и самъ «Кіевлянинъ», который одно время готовъ былъ документально опровергнуть ее.

Теперь эта легенда много уже потеряла въ своемъ значеніи, но все еще держится, пораждая многія вредныя послѣдствія личныя, культурныя и политическія. Окончательно представить ее въ истинномъ свѣтѣ могло-бы напечатаніе подлиннаго дѣла о Костомаровѣ и друзьяхъ его, — и мы не видимъ никакого, самаго консервативнаго, серьезнаго интереса, который бы былъ противъ такого напечатанія.

В. Е. Ст—тъ.

# ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

въ письмахъ къ его брату Николаю Сергѣевичу,

1863—1878 гг.

1874 <sup>1)</sup>.

Парижъ, rue de Douai. Понедѣльникъ, 9 марта (25 февраля).

Любезный братъ, я третьяго дня получилъ твое письмо и если не тотчасъ отвѣчалъ, то причиною этому хлопоты по свадьбѣ моей милой Диди (дочери г-жи Виардо) <sup>2)</sup>, которая, наконецъ, благополучно совершилась третьяго дня. Слухи о моемъ нездоровьи лишены основанія; у меня былъ гриппъ—какъ у всѣхъ. Теперь я совсѣмъ поправился и черезъ мѣсяцъ собираюсь въ Россію, гдѣ, конечно, тебя увижу.

Вчера вдова Николая Ивановича Тургенева вмѣстѣ съ сыномъ уѣхали въ Россію хлопотать объ освобожденіи своего втораго сына отъ военной повинности. Она ищетъ купить квитанцію (рекрутскую) такъ какъ теперь уничтожено въ этомъ вопросѣ различіе сословій. Она-бы заплатила хорошія деньги. Можетъ быть у тебя есть таковая квитанція. Въ такомъ случаѣ дай знать въ Петербургъ: Hôtel de France, Альберту Николаевичу Т—ву, и приложи свой адресъ. Ты можешь сдѣлать въ одно и то-же время—и доброе дѣло, и хорошую афферу.

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVII, августъ, стр. 313—336; сентябрь, стр. 495—510.

<sup>2)</sup> Съ г. Шамеро. Клеодія Шамеро присутствовала на похоронахъ Тургенева 27 сентября 1883 года.

Парижъ. Пятница, 27 (15) марта.

Милый братъ Н. С., въ отвѣтъ на твои письма имѣю тебѣ сообщить, что Тургеневы достали квитанцію—правда, не за 25,000 р. (вмѣстѣ съ дешевыми сельдями), но за—впрочемъ весьма почтенную сумму—7,000 р. Ихъ надняхъ ждутъ обратно сюда.

На этотъ разъ не могу сообщить тебѣ утѣшительныхъ извѣстій о моемъ здоровьѣ. Двѣ недѣли тому назадъ у меня возобновилась подагра въ лѣвой ногѣ и до сихъ поръ меня сильно терзаеть. Но я все-таки не покидаю намѣренія черезъ мѣсяць отправиться въ Россію и надѣюсь увидѣть тебя до Карлсбада, куда я попаду въ началѣ іюля.

Парижъ. Четвергъ, 2 апрѣля (21 марта).

Любезный братъ, сообщенное тобою извѣстіе о присланныхъ 1000 франк. совершенно справедливо и объясняется такъ: пользуясь отсутствіемъ всякой литературной конвенціи между Россіей и Америкой, мои тамошніе надатели печатали переводы моихъ сочиненій, не платя мнѣ ни копейки; наконецъ, совѣсть ихъ заговорила и они мнѣ прислали, вмѣстѣ съ весьма лестнымъ письмомъ, эти 1000 фр.—въ видѣ вознагражденія, тѣмъ болѣе любезнаго, что никакой законъ ихъ къ этому не принуждалъ. Признаюсь, это было мнѣ очень пріятно. Вотъ и все. Изъ словъ твоихъ я могу заключить, что ты собираешься ѣхать въ Карлсбадъ ранѣе, чѣмъ я ожидалъ. Очень было бы жалко, если-бы я тебя не засталъ. Самъ я буду въ Карлсбадѣ въ началѣ іюля. Я не думаю, чтобы хорошо было начать леченіе въ Карлсбадѣ прежде 10 или 15 іюня.

С. Спасское Лутовиново. Воскресенье, 16 іюня.

Любезный братъ, со вчерашняго дня я въ постелѣ—у меня припадокъ подагры—въ колѣнѣ, вотъ что скверно. Признаюсь, я этого не ожидалъ, такъ какъ три мѣсяца тому назадъ я имѣлъ уже припадокъ въ Парижѣ. Родной воздухъ такъ на меня дѣйствуетъ. Вотъ третій разъ сряду у меня, въ Россіи, въ іюнѣ дѣлается подагра. Незвѣстно, сколько я проведу еще время въ Спасскомъ, но прошу тебя, если только тебѣ возможно это сдѣлать—купи мнѣ пару костылей (bequilles)—длинной они должны быть въ 2 аршина, а перекладина, за

которую берутся руками, въ 12 или 13 вершкахъ, отъ верху. Да еще возьми въ аптекъ на Тверскомъ бульварѣ:

1 fiole d'huile de Marrons b'Inde de Genevoix.

1 rouleau d'ouate iodée (Gichtwatte) de Vattison <sup>1)</sup>,

Такъ какъ мнѣ надо все это какъ можно скорѣе получить, то, если ты не найдешь съ кѣмъ послать или, если ты, по милости твоего нарыва (надѣюсь, впрочемъ, что онъ прорвался и уже не беспокоитъ тебя), самъ не собираешься въ наши края—то нельзя-ли послать всю эту благодать, въ видѣ багажа, на Мценскую станцію, а билетъ багажный въ письмѣ послать тоже въ Мценскъ на имя Никиты Алексѣевича Кишинскаго? Такимъ манеромъ, была бы для меня возможность получить все это послѣзавтра, такъ какъ письмо это ты получишь завтра рано.

Извини меня, что навязываю тебѣ эти хлопоты—но, ты самъ знаешь: нужда пляшетъ и т. д.

---

Болезнь Ивана Сергѣевича мучила его невыносимо и, при всемъ томъ въ письмахъ къ Я. П. Полонскому (отъ 16 мая<sup>2)</sup>) онъ смѣлся надъ своею подагрой.

... У меня былъ пріятель—у котораго была такая-же болѣзнь въ колѣнѣ; онъ пролежалъ одиннадцать мѣсяцевъ сряду и выздоровѣлъ; правда, онъ былъ—нѣмецъ.

— Рвеніе мое къ родинѣ эта штука несомнѣнно охладила: три раза сряду пріѣзжаю я сюда—и три раза уѣзжаю съ подагрой и всякій разъ въ сильнѣйшей прогрессіи...

---

Въ исходѣ іюля онъ уже выѣхалъ за границу; но, не докончивъ сезона въ Карлсбадѣ—возвратился въ Парижъ.

Bougival—(près Paris), maison Halgan, (Seine et Oise). Пятница, 28 (16) августа.

Милый братъ, пишу тебѣ на всякій случай въ Москву—хотя тебя вѣроятно теперь тамъ нѣту. Меня въ Карлсбадѣ снова схватила подагра—и я, бросивши леченіе, добрался—clorin-cloran<sup>3)</sup>—сюда и намѣренъ остаться здѣсь безвыѣдно до 15 (3) окт. Я еще хожу на костыляхъ; но мнѣ, словно, лучше. Что дальше будетъ?

Дай мнѣ знать о твоихъ намѣреніяхъ; за границу ты, вѣроятно, не поѣхалъ и не поѣдешь.

---

<sup>1)</sup> Одну стклянку масла индійскихъ каштановъ Женева—и 1 свертокъ іодистой ваты Ваттисона. Специфическія средства отъ подагры.

<sup>2)</sup> Первое собраніе писемъ, стр. 232.

<sup>3)</sup> Ковыляя.



Буживаль. Суббота, 10 октября (28 сентября).

Любезный братъ, твое письмо пришло ровно наканунѣ нашего переѣзда въ Парижъ (куда прошу тебя впередъ адресовать твои письма: Rue de Douai, 50 — (не 48)). Не могу сказать, что моя подагра оставила меня совсѣмъ въ покоѣ: у меня были еще два, хотя слабые—припадка и ноги до сихъ поръ болятъ и ноютъ, какъ у старика, такъ что мнѣ, напримѣръ, взобраться на лѣстницу стоять великаго труда. Видно, надобно примириться съ мыслью объ этой немощи.

Я радуюсь тому, что ты своимъ здоровьемъ доволенъ; тѣмъ лучше, если ты могъ обойтись безъ заграничной поѣздки.

Парижъ. 50, rue de Douai, Суббота, 31 (19) октября.

Любезный братъ, вотъ уже три недѣли какъ я переселился сюда изъ Буживала; хотя погода все еще стояла отличная, но моя комната въ Буживалѣ была нѣсколько сыра—а это, для подагрическаго человека, скверно. Моя несносная болѣзнь удаляется (плюю черезъ плечо трикратно, чтобы не сглазить), но на маверъ паренянь: отступая, «мещетъ въ меня стрѣлы». Впрочемъ, теперь, кажется, я скоро поправлюсь.

Зиму я проведу здѣсь, а весной—что Богъ дастъ.

Пожалуйста, сходи къ Салаеву и узнай, выслалъ-ли онъ мнѣ тѣ экземпляры полныхъ моихъ сочиненій, о которыхъ я ему писалъ. Получи также свой полный экземпляръ—всѣ 8 томовъ.

Спасибо за извѣстiе о Масловѣ; я ему написалъ. Мои здѣшние всѣ здоровы и благодарятъ тебя за память. Мы, вмѣстѣ съ Вiардо, купили загородный домъ въ Буживалѣ съ прекраснымъ паркомъ; дорого немного дали—за то отличное мѣстоположенiе. Надо будетъ тебѣ прiѣхать въ будущемъ году лѣтомъ и погостить у насъ.

Парижъ. Среда, 18 (6) ноября.

Любезный братъ, отвѣчаю на твое письмо отъ 28 октября (9 ноября). Что касается до Салаева и его оправданiй, то они не имѣютъ смысла: я не думалъ требовать аккуратности, какъ отъ логаримическихъ таблицъ; я желалъ—(и мое желанiе было очень умѣренное), чтобы новое изданiе, сдѣланное съ печатнаго, было бы, по крайней мѣрѣ, не хуже прежняго, самимъ Салаевымъ напечатаннаго. А вышло слѣдующее: въ старомъ изданiи было около 150 опеча-

токъ,—а въ новомъ слишкомъ 2,000. Салаевъ вздумалъ поэкономичать на корректурѣ: и эта *économie de bouts de chandelle* <sup>1)</sup> обрушится на его-же голову—да и на мою кстати.

Купили мы съ Вiардо очень красивую виллу, съ паркомъ, въ Буживалѣ—въ часовомъ разстояніи отъ Парижа, за 180.000 франковъ. Цѣна была-бы не высокая, но мы, *comme de jeunes étourdis* <sup>2)</sup>, купили домъ, не осмотрѣвъ его предварительно черезъ архитектора... и оказалось необходимыхъ поправокъ на 15,000 франковъ!! Я прибавилъ бы урокъ впередъ, если-бъ мы—во первыхъ, не были уже для этого слишкомъ стары, а во вторыхъ—если-бъ урокъ когда-нибудь чему-нибудь могъ послужить! Дѣло сдѣлано—не надо больше объ этомъ думать.

Парижъ. Понедѣльникъ, 28 (16) декабря.

Любезный братъ... Я сегодня только узналъ, что жена дяди Николая Николаевича недавно скончалась, растративъ всѣ деньги, которыми онъ получилъ отъ меня. Онъ теперь у себя въ деревнѣ—слѣпой, больной, одинокій; мнѣ его жаль—и я напишу ему письмо.

Здоровье мое порядочно. Недѣлю тому назадъ старшая дочь г-жи Вiардо—Claudie, родила дочку: роды были мучительные, даже опасные; но теперь, слава Богу, она поправилась—и, какъ говорится—*la mère et l'enfant se portent bien* <sup>3)</sup>.

Поздравляю тебя съ новымъ годомъ и отъ души желаю, чтобы къ тому времени всѣ твои недуги тебя покинули.

1875.

Парижъ. Четвергъ, 7 января 1875 г. (26 декабря 1874 г.).

(Письмо, посвященное подробностямъ о болѣзни Николая Сергѣевича и совѣтамъ ему о правильномъ леченіи, съ приложеніемъ—письменно посоветоваться съ парижскими знаменитыми докторами).

Парижъ. Суббота, 6 февраля (25 января).

Любезный братъ... Я немного необдуманно купилъ себѣ въ Буживалѣ дачу, затѣялъ постройки и т. д. Оказывается, что я хватилъ черезъ край моихъ средствъ. Можешь ты дать—разумѣется не иначе,

<sup>1)</sup> Экономія на свѣчныхъ огаркахъ.

<sup>2)</sup> Какъ молодые вѣтренники.

<sup>3)</sup> Мать и дитя здравствуютъ, находятся въ вожделѣнномъ здравіи.

какъ по годовому векселю и за проценты, десять тысячъ руб. сер.? Если можешь, ты меня весьма обяжешь,—а я, разумѣется, тебѣ черезъ годъ возвращу. Въ случаѣ твоего согласія, прошу сдѣлать это не мѣшкая и выслать мнѣ бумагу векселя (т. е. бланкъ) вмѣстѣ съ текстомъ. Получивъ его въ Москвѣ, ты мнѣ вышлешь деньги черезъ Ахенбаха. Не церемонься, пожалуйста, брать съ меня вексель и проценты: этимъ ты все таки мнѣ окажешь истинно братскую услугу.

Парижъ. Среда, 17 (5) февраля.

Любезный братъ, сейчасъ получилъ твое письмо и спѣшу поблагодарить тебя; общаніемъ ссудить мнѣ 10.000 р. сер. ты оказалъ мнѣ истинно братскую услугу. Срокъ моему платежу 13 (25) марта, т. е. съ небольшимъ черезъ мѣсяць; и такъ ты видишь, что тебѣ нельзя медлить высылкою мнѣ вексельнаго бланка, для того, чтобы я успѣлъ его здѣсь написать, выслать тебѣ въ Москву—и потомъ уже получить отъ тебя деньги. Пиши, пожалуйста, вексель на годъ—и, потомъ, высылая деньги, вычти проценты. Черезъ годъ у меня будетъ весь нужный капиталъ, чтобы заплатить тебѣ, а теперь говорю тебѣ еще разъ: спасибо.

Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы тебѣ присовѣтывали врачи Карлсбадъ, а не Виши; впервыя, я былъ бы съ тобою; а ввторыхъ, я считаю карлсбадскія воды гораздо дѣйствительнѣе: я пилъ и тѣ, и другія, и говорю по опыту. Изъ Карлсбада или изъ Виши ты долженъ потомъ непремѣнно пріѣхать во Францію и погостить у меня въ Буживалѣ. Заплатилъ я дорого—но мѣстоположеніе чудесное и воздухъ отличный.

Будь такъ добръ, съѣзди къ Салаеву или напиши ему отъ моего имени, чтобы онъ немедленно выслалъ три экземпляра новаго изданія моихъ сочиненій (изъ числа экземпляровъ, по контракту мнѣ принадлежащихъ) черезъ книжный магазинъ Черкесова или Базунова—Александрѣ Васильевичу Топорову, въ С.-Петербургѣ, на Сергіевской улицѣ, № 2. Я ему писалъ уже объ этомъ, но онъ либо забылъ, либо письмо мое до него не дошло.

Надѣюсь, что ты имѣешь одинъ экземпляръ этого послѣдняго изданія; если нѣтъ, то пожалуйста возьми себѣ у Салаева, все таки изъ моихъ экземпляровъ.

(Парижъ). Rue de Douai. Вторникъ, 2 марта (18 февраля).

Милый братъ, душевно благодарю тебя за твою истинно братскую услугу. Вексель мною отъ Ахенбаха сегодня же полученъ—и уже деньги отъ Ротшильда поступили сполна. Прилагаю при семъ росписку. Теперь я совершенно спокоенъ на счетъ постройки—и не теряю надежды привезти съ собою тебя изъ Карлсбада, для того, чтобы ты пожилъ съ нами и попользовался удивительнымъ воздухомъ, которымъ славится именно тотъ берегъ Сены, гдѣ находится нашъ паркъ. Я увѣренъ, что это окончательно возстановитъ и укрѣпитъ твое здоровье. Въ Карлсбадъ я выѣзжаю не ранѣе 15 (3) мая; полагаю, что и ты около того-же времени выѣдешь изъ Москвы, такъ что мы проведемъ въ Карлсбадѣ 6 недѣль вмѣстѣ.

Очень было-бы жаль, если-бы Салтыковъ <sup>1)</sup> дѣйствительно умеръ; до сихъ поръ говорили только о его болѣзни. Онъ, къ несчастію, не долговѣченъ: у него аневризъмъ сердца. Но чѣмъ позднѣе такой человѣкъ исчезнетъ съ земнаго поприща — тѣмъ лучше. Жаль его, очень жаль!

Теперь нельзя уже переимѣнить Салаевского изданія; но на будущее—это наука. Портретъ сдѣланъ въ Парижѣ; но точно вышелъ немного темень—хотя я, все таки, не считаю его дурнымъ.

Харламовъ (великій русскій живописецъ) пишетъ съ меня портретъ, который выйдетъ превосходный; какъ только онъ его кончитъ, съ него сдѣлаютъ нѣсколько большихъ фотографій—и одну изъ нихъ я непременно перешлю Ахенбаху, которому я давно это обѣщала.

Спасибо за распоряженіе о высылкѣ въ Петербургъ къ г. Топорову моихъ экземпляровъ.

Я напишу Кишинскому объ Афанасіи Зуевѣ; не понимаю, почему онъ не получаетъ пенсіона. Его надо будетъ современемъ помѣстить въ богадѣльню, какъ только откроется вакансія. Я былъ вынужденъ уменьшить нѣкоторые пенсіоны—j'en ayais un peu trop donné <sup>2)</sup>; по пенсіонъ Афанасія остался, помнится, цѣлымъ.

Мое здоровье недурно — хотя ноги, по временамъ, побаливаютъ.. Но съ этимъ надо помириться!

P. S. О Лобановыхъ я тоже напишу Кишинскому. Но прѣстроятъ всѣхъ невозможно!

<sup>1)</sup> Я надалаъ ихъ немножко черезчуръ.

<sup>2)</sup> Михаилъ Евграфовичъ, нашъ неподражаемый, гениальный сатирикъ, здравствующій и по нынѣ. Кѣмъ и съ какою цѣлю распускались эти легкіе слухи—неизвѣстно.

Весною 1875 года здоровье Ивана Сергѣевича настолько поправилось, что онъ имѣлъ возможность снова приняться за оставленные имъ литературныя занятія и велъ весьма дѣятельную переписку со своими петербургскими друзьями, первое мѣсто между которыми принадлежало Я. П. Полонскому. Ему, преимущественно, Тургеневъ высказывалъ искреннія свои мнѣнія о современныхъ писателяхъ и художникахъ, весьма часто—немногими словами характеризуя умственный складъ и талантъ съ поразительною мѣткостью. Такъ, осенью того же года, по поводу смерти графа А. К. Толстаго, онъ писалъ <sup>1)</sup>:

Толстаго мнѣ очень жаль: славный былъ человекъ; но какъ водится—какъ прежде были несправедливы къ нему—такъ теперь будутъ преувеличивать въ его пользу; уже давно извѣстно:

Les yeux sont ingrats et jaloux,  
La mémoire est reconnaissante <sup>2)</sup>!

Въ его «Драконѣ» (посвященномъ тебѣ, какъ вижу) есть отличные стихи; но вообще—поэзія Толстаго мнѣ довольно чужда—да и не мнѣ одному. Не смотря на это, я въ «Вѣстникѣ Европы» помѣщаю маленькую статью о немъ, довольно плохую.

Что касается до моихъ враговъ, то, душа моя, у кого ихъ нѣтъ, особенно если человекъ кое-что сдѣлалъ? Не безпокойся: дай намъ съ тобою умереть—посмотри, какъ насъ распишутъ въ газетахъ и журналахъ! Чудо <sup>3)</sup>!

Эти слова были вѣщими въ устахъ Ивана Сергѣевича

Парижъ. 50, rue de Douai. Воскресенье, 14 (2) марта.

Любезнѣйшій братъ, я получилъ отъ тебя два письма почти разомъ; въ втораго я могъ усмотрѣть, что ты получилъ мою росписку въ 10,000 р. с. Еще разъ благодарю тебя за услугу—и буду надѣяться, что ты сдержишь свое слово и посѣтишь меня въ Буживалѣ, въ новомъ моемъ домѣ, который ты мнѣ помогъ выстроить.

Берегъ Сены, на которомъ находится Буживаль, славится своимъ чистымъ воздухомъ (въ Буживалѣ никогда не было напр. холеры), мѣстоположеніе высокое, лѣсное, защищенное отъ холодныхъ вѣтровъ. Это, въ своемъ родѣ, какъ Лѣсной Корпусъ около Петербурга, только гораздо лучше Лѣснаго.

Мнѣ не совсѣмъ пріятно, что ты словно отлагаешь свою поѣздку въ Карлсбадъ, по той причинѣ, что много еще осталось у тебя дѣла.

<sup>1)</sup> Первое собраніе писемъ, стр. 246.

<sup>2)</sup> Глаза неблагодарны и завистливы, память—благодарна!

<sup>3)</sup> Письмо свое Иванъ Сергѣевичъ писалъ черезъ нѣсколько дней послѣ смерти графа А. К. Толстаго († 29 сентября).

Всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь. Одна умная дама сказала мнѣ однажды: *Ne tachez jamais de savoir ni le premier, ni le dernier mot d'aucune chose* <sup>1)</sup>—а главное твое дѣло теперь—здоровье. А то мы все собираемся привести все въ порядокъ, а тамъ уже жить—а жизнь-то пока уходитъ, да уходитъ. Пожалуйста, не пропускай мая мѣсяца.

На счетъ Маляревскаго тоже не безпокойся: никогда за *pleuverie* <sup>2)</sup> не послѣдовало удара—одно противорѣчить другому и если *pleuverie* его не унесла съ оника, такъ онъ навѣрное поправится.

Ты, вѣроятно, до поѣздки въ Карлсбадъ съѣздишь въ деревню. Побывай въ Спасскомъ или выпиши къ себѣ въ Тургенево Кишинскаго и пусть онъ тебѣ растолкуетъ хорошенько, какую операцію онъ намѣренъ предпринять съ перезалогомъ Баднаго. Ему Тульскій банкъ далъ 31,900—изъ коихъ онъ мнѣ выслалъ 15,500—а съ остальными 16,000 онъ что-то хочетъ предпринять, чтобы избѣгнуть жидовскихъ (11 !) процентовъ Тульского банка; я, признаюсь, ничего не смыслю въ банковыхъ и вообще въ финансовыхъ операціяхъ—но мнѣ кажется неслыханнымъ, чтобы подъ залогъ недвижимаго имѣнія, безо всякаго долгу—драли такіе проценты! Ломбардъ бывало бралъ 6% съ амортизаціей. Пожалуйста, душа моя, потолкуй объ этомъ съ Кишинскимъ, которому я вполне довѣряю и въ честности котораго я убѣжденъ (такъ ты ему и скажи); но я-бы хотѣлъ, чтобы онъ совѣтовался съ тобою.

Засимъ «отецъ русской беллетристики», духовные дѣти котораго частехонько заѣзжали ему въ рыло, дружески тебѣ кланяется и отъ души желаетъ тебѣ всего хорошаго на землѣ, начиная съ сердечнаго спокойствія и необходимой въ наши годы резиньяціи <sup>3)</sup>. Что дѣлать! Ни тебѣ, ни мнѣ не удалось обзавестись настоящимъ семействомъ. Я нашель вѣрныхъ и добрыхъ друзей; они могутъ быть и у тебя, да они и есть!

Парижъ, 50, rue de Douai. Суббота, 26 (14) марта.

Любезный братъ, я вижу, что съ тобою повторяются все тѣ-же болѣзненные припадки, какъ и со мною. Теперь ты безпокоишься о твоёмъ сердцѣ, а было время, и я то-же думалъ, что у меня тамъ плохо и даже нѣмецкіе доктора запрещали мнѣ всякій усиленный мо-

<sup>1)</sup> Никогда не старайтесь дознаваться ни въ чемъ ни перваго, ни послѣдняго слова.

<sup>2)</sup> Плевритъ—воспаленіе подреберной плевы.

<sup>3)</sup> Покорности жребію.

ціонъ и ставили, какъ лошади, заволоку на груди; къ счастью, извѣстный французскій врачъ Бульо разсвѣялъ всѣ мои опасенія, объявивъ мнѣ, что это во мнѣ гуляютъ ревматизмъ и подагра; точно то же дѣлается и съ тобою. Результатъ всего этого — извѣстная фраза: «Prenez soin ouis ')»!

Пріѣзжай въ Карлсбадъ. Постройка моя въ Буживалѣ подвигается быстро, благодаря хорошей погодѣ; надняхъ положить послѣднюю черепицу на крышѣ.

Парижъ. 50, rue de Douai. Суббота, 24 (12) апрѣля.

Любезный братъ, сейчасъ получилъ твое письмо и отвѣчаю. Сожалѣю о томъ, что твое здоровье опять какъ будто расклеивается — но радуюсь тому, что ты серьезно собираешься къ Карлсбадъ, который непременно тебѣ поможетъ. Мрачныя твои предчувствія меня не слишкомъ пугаютъ — ибо я, по собственному опыту, убѣдился, что предчувствія почти никогда не сбываются — и бѣда сваливается всегда неожиданно и вовсе не съ той стороны, откуда, казалось, ей слѣдовало свалиться. Будемъ надѣяться, что никакой бѣды не свалится. А ты пріѣзжай въ Карлсбадъ, гдѣ я буду находиться, начиная съ 1 іюня нов. ст.

Надѣюсь, что ты уже видѣлся съ Кишинскимъ и онъ объяснилъ тебѣ свою финансовую операцію съ Тульскимъ банкомъ и обществомъ поземельнаго кредита, въ которой я ничего не понимаю, по скудости своихъ финансовыхъ способностей — а вовсе не потому, чтобы я малѣйшимъ образомъ подозрѣвалъ его умѣніе — спѣшу прибавить.

Парижъ. 50, rue de Douai. Четвергъ, 20 (8) мая.

Милый братъ, твое письмо, отъ 2 (14) мая, застало меня еще здѣсь, но уже на отъѣздѣ. Черезъ 5 дней я отсюда выѣзжаю и съ 1-го іюня я въ Карлсбадѣ. Не теряю надежды тебя увидѣть тамъ, хотя ты все еще пишешь о необходимости окончить дѣла. Всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь, а здоровье важнѣе всего. Мнѣ очень жаль, что съ Маляревскимъ приключилась болѣзнь ....

P. S. Въ Карлсбадѣ я буду жить въ Koenig у. England, по-прежнему.

’) Возьмите моего медвѣдя.

24-го мая Тургеневъ былъ уже въ Карлсбадѣ, гдѣ располагалъ пробить до половины іюня, но возвратился въ Буживаль къ 10-му. Лечение не принесло ему ожидаемой пользы, хотя, по собственному сознанию Тургенева, ему пооблегчало. Внимательно слѣдя за русскими литературными новостями, онъ, въ письмахъ къ своимъ близкимъ знакомымъ, дѣлалъ имъ критическую оцѣнку, касаясь иногда личностей и самихъ авторовъ, сообщалъ и о своихъ трудахъ—прежнихъ и вновь задуманныхъ. Въ его письмѣ къ М. Е. Салтыкову (Щедрину), отъ 3-го января 1876 г. <sup>1)</sup>, особенно замѣчательны слѣдующія строки:

Скажу два слова и объ «Отцахъ и Дѣтяхъ», такъ какъ вы о нихъ говорили. Неужели вы полагаете, что все, въ чемъ вы меня упрекаете, не приходило мнѣ въ голову? Оттого мнѣ и не хотѣлось-бы исчезнуть съ лица земли, не кончивъ моего большаго романа, который, сколько мнѣ кажется, разъяснилъ-бы многія недоумѣнія, и самого меня поставилъ-бы такъ и тамъ, какъ и гдѣ мнѣ слѣдуетъ стоять. Не удивляюсь, впрочемъ, что Базаровъ остался для многихъ загадкой; я самъ не могу хорошенько себя представить, какъ я его написалъ. Тутъ былъ—не смѣйтесь пожалуйста—какой-то фатумъ; что-то сильнѣе самого автора; что-то независимое отъ него. Знаю одно: никакой предвзятой мысли, никакой тенденціи во мнѣ тогда не было <sup>2)</sup>; я писалъ наивно, словно самъ дивясь тому, что у меня выходило. Вы упоминаете объ учителѣ; но именно послѣ О. и Д. я болѣе чѣмъ когда-либо удалился отъ того круга, въ который собственно никогда вхожъ не былъ, и писать и трудиться для котораго почелъ-бы глупостью и позоромъ. Скажите по совѣсти, развѣ кому-нибудь можетъ быть обидно сравненіе его съ Базаровымъ? Не сами ли вы замѣчаете, что это самая симпатичная изъ всѣхъ моихъ фигуръ? «Тонкій, нѣкій запахъ» присочиненъ читателями; но я готовъ сознаться (и уже печатно сознался въ своихъ Воспоминаніяхъ), что я не имѣлъ права давать нашей реакціонной . . . . возможность ухватиться за кличку, за имя; писатель во мнѣ долженъ былъ принести эту жертву гражданину и потому я признаю справедливыми и отчужденіе отъ меня молодежи, и всяческія нареканія... Возникшій вопросъ былъ поважнѣе художественной правды—и я долженъ былъ это знать напередъ.

Мнѣ остается сказать еще разъ: подождите моего романа, а пока

<sup>1)</sup> См. Первое собраніе писемъ, стр. 278—279.

<sup>2)</sup> Вся моя повѣсть направлена противъ дворянства, какъ передоваго класса, писалъ Тургеневъ К. К. Случевскому, вскорѣ по напечатаніи «Отцовъ и дѣтей» (14-го апрѣля 1862 г.). Вообще любопытно сличить это письмо съ тѣмъ, изъ котораго мы приводимъ выдержку. (Первое собраніе и т. д., № 81, стр. 104—107).



не сердчайте на меня, что я, чтобы не отвыкнуть от пера, пишу легкія и незначительныя вещи... Кто знаетъ, мнѣ, быть можетъ, еще суждено зажечь сердца людей»...

1876.

С. Спасское. Суббота, 3 (15) іюня.

Любезный братъ, твое письмо пришло только вчера (6 дней шло—почта видно не спѣшитъ) и я отвѣчаю тебѣ немедленно. Во-первыхъ, благодарю тебя отъ души за согласіе на мою просьбу: узнаю въ немъ твою всегдашнюю братскую дружбу. Что касается до записей, даннѣхъ тобою—ихъ было двѣ: одна въ 50,000 моей дочери, другая—въ такой-же цифрѣ (если не ошибаюсь) г-жѣ Віардо. Первую я тебѣ возвратилъ и ты ее уничтожилъ, а другая, конечно, должна пойти въ счетъ тѣхъ 100,000 р., которые ты выплатишь ей, въ случаѣ моей смерти и унаслѣдованія тобой Спасскаго. Это разумѣлось само собою и я виноватъ только тѣмъ, что не упомянулъ (кстати, когда будешь мнѣ писать, напомни мнѣ, пожалуйста, какая была цифра г-жѣ Віардо: 50,000 фр. или 100,000), а деньги моей дочери предоставляю на совершенное твое благоусмотрѣніе; если найдешь возможнымъ, сдѣлай что-нибудь; но она ни словомъ не предувѣдомлена и не будетъ. *Je trouve, que j'ai déjà fait assez pour elle et son mari* <sup>1)</sup>.

Спасское я рѣшительно не продаю, а, напротивъ, отдаю въ аренду на 12 лѣтъ моему сосѣду А. М. Щепкину, владѣльцу Катушинцева, сыну извѣстнаго актера. Онъ отличнѣйшій человѣкъ и рекомендованъ мнѣ со всѣхъ сторонъ. Мы подписываемъ контрактъ сегодня-же во Мценскѣ. Аренда начинается съ 1-го января. Если-бы я вздумалъ (или мой наслѣдникъ) продать Спасское, то имѣю право это сдѣлать, заплативъ 3,500 руб. неустойки. Но я этимъ не удовлетворяюсь. *Je lui ferai (?) de faire demain dimanche une sorte de coup d'état et de renverser mon Abdul Asis M-r NN\*\*\*, qui s'est dévoilé comme un coquin et que j'ai pris la main dans le sac. Son contract avait heure à courir jusqu'au 1 avril de l'année prochaine — mais si je le laisse encore là—il me saignera à blanc* <sup>2)</sup> на прощаніе. Я его замѣняю сыномъ

<sup>1)</sup> Я нахожу, что я уже достаточно сдѣлалъ для нея и ея мужа.

<sup>2)</sup> Я (предполагаю) сдѣлать завтра, въ воскресенье, родъ государственнаго переворота и свергнуть моего Абдуль-Азиса, NN\*\*\*, оказавшагося мошен-

А. М. Щепкина, молодымъ, но очень дѣльнымъ человѣкомъ, который собственно и будетъ хозяйничать въ Спасскомъ отъ имени отца, а у меня только до новаго года для Спасскаго; а тамъ у него останутся на рукахъ только арендныя имѣнья (Танки, Казное). Не думаю, чтобы \*\*\* сталъ дѣлать затрудненія; во всякомъ случаѣ я рѣшился и не отступлю ни предъ какой мѣрой, чтобы избавиться отъ этого господина.

Изъ этого ты можешь заключить, что я еще не знаю навѣрное, когда я отсюда выѣду. Je suis pris par la patte <sup>1)</sup>). Меньше десяти дней или двухъ недѣль сдача длиться не можетъ. Впрочемъ, я здоровъ и работаю славно. Видѣлъ недавно всѣхъ твоихъ, которые тоже здоровы. Но вотъ der linkende Vote <sup>2)</sup>). У тебя, въ Тургеневѣ, вслѣдствіе страшной грозы съ ливнемъ, прорвало плотину и унесло много сѣна. У Сухотина, въ Петровскомъ, утонули мельникъ и его работникъ. Гроза эта была и здѣсь, въ Спасскомъ, третьяго дня, вечеромъ; я рѣдко выдвигалъ нѣчто болѣе сильное... Къ счастью еще, что граду не было, — а я все не теряю надежды увидѣть тебя въ Буживалѣ.

С. Спасское (Орловской губ., г. Мценскъ).  
Воскресенье, 20 іюня (2 іюля).

Милый братъ, я тебѣ недавно писалъ и вотъ пишу опять — но вотъ въ чемъ дѣло. Сегодня я отказалъ г. В. А. Кретову, который предлагалъ мнѣ 125,000 р. сер. за Спасское, съ его купчей. Я отказалъ, во 1-хъ, потому, что мнѣ какъ-то жутко продавать Спасское; во 2-хъ, потому, что г. Кретовъ весьма — баринъ; въ 3-хъ, потому, что я отдаю Спасское въ аренду моему сосѣду А. М. Щепкину. Но я подумалъ и обращаюсь къ тебѣ съ слѣдующей просьбой: если-бы я умеръ прежде тебя и ты унаслѣдовалъ-бы Спасское, то я полагаюсь на твою, всегда мнѣ доказанную, братскую дружбу и твердо надѣюсь, что ты тѣ сто тысячъ, которыя ты хотѣлъ записать мнѣ въ своемъ завѣщаніи, передашь немедля г-жѣ П. Віардо или, если и ея не будетъ, ея двумъ дочерямъ: Клавдіи и Маріаннѣ; одна продажа Спасскаго, за которое, по всѣмъ соображеніямъ, можно получить 150,000 р., тебя вознаградитъ съ лихвою, и если даже ты найдешь возможнымъ дать еще 10 или 15,000 моей дочери Полинѣ Брюэръ, то я тебѣ скажу загробное спасибо. (Вѣдь и другія имѣнія—Танки, Казное тебѣ

---

никомъ и котораго я поймалъ на дѣлѣ. Его контрактъ дѣйствителенъ до 1-го апрѣля будущаго года; но если я его еще оставлю тутъ, то онъ обертеть меня до чиста.

<sup>1)</sup> Я попалъ въ запканъ.

<sup>2)</sup> Печальная вѣсть.

тогда также достанутся). Успокой меня, пожалуйста, милый братъ, и напиши мнѣ, что, въ случаѣ унаслѣдованія тобою моего имѣнія послѣ моей кончины, ты исполнишь мою просьбу. Я надѣюсь еще пожить на свѣтѣ; но все-таки, кто можетъ знать, что съ нимъ завтра случится? Твой отвѣтъ застанетъ меня еще здѣсь, если ты поспѣшишь.

Надѣюсь, что твое леченіе подвигается успѣшно; надѣюсь увидѣться съ тобою въ Буживалѣ, а до тѣхъ поръ крѣпко тебя обнимаю.

P. S. Спасское мною заарендовано на 9 лѣтъ по 5000 р. въ годъ. Но владѣльцу, кто бы онъ ни былъ, предоставляется право продажи.

Bougival, les Frères Chalêt (Seine et Oise). Пятница, 21 (9) октября.

Милый братъ, вчера я получилъ твое письмо и очень порадовался, а то давно отъ тебя вѣсточка не было. Я вижу, ты здоровъ — а это главное: я тоже не могу пожаловаться. Черезъ двѣ недѣли мы перѣѣзжаемъ въ Парижъ; только въ Петербургъ я попаду не въ ноябрѣ мѣсяцѣ, какъ я предполагалъ, но въ началѣ января; и, конечно, мы тогда свидимся. Надѣюсь, что романъ мой <sup>1)</sup> будетъ напечатанъ въ январской книжкѣ «Вѣстника Европы»; надняхъ отправляю рукопись совсѣмъ оконченную и выправленную. У меня есть до тебя просьба, вотъ въ чемъ она состоитъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ (или скорѣй весной) вѣто г. М. Ивановъ, завѣдывающій двухкласснымъ училищемъ въ с. Лысковѣ (Нижегородской губерніи), просилъ у меня позволенія прислать на мое разсмотрѣніе свой рукописный романъ въ Парижъ; я, чтобы избавить его отъ лишннихъ расходовъ, написалъ ему, чтобы онъ доставилъ эту рукопись тебѣ въ Москву — и что ты мнѣ ее передашь. Какъ тебѣ извѣстно, мы съ тобой не увидѣлись. Самъ я совершенно позабылъ объ этомъ романѣ — и вотъ, онъ теперь требуетъ его отъ меня обратно, говоря, что онъ послалъ его къ тебѣ въ Москву, по данному мною адресу. Сдѣлай одолженіе, вели собрать у себя справки и, если такая рукопись окажется, отправь ее немедленно къ нему обратно; если же нѣтъ, то увѣдомь его для того, чтобы онъ могъ принять надлежащія мѣры къ ея отысканію.

То, что ты пишешь мнѣ о Салаевѣ, меня печалитъ; я бы не хотѣлъ потерять такого хорошаго издателя.

Война, дѣйствительно, кажется неизбежной. Но какъ быть съ нею?

---

<sup>1)</sup> Это была „Новь“, въ успѣхѣ которой Иванъ Сергѣевичъ, быть можетъ и не безъ основанія, сильно сомнѣвался. Ниже мы приведемъ его отзывъ объ этомъ романѣ въ отвѣтъ на критическія статьи, глубоко огорчившія Тургенева.

энтузіазма у насъ вдоволь — а денегъ нема. А вѣдь извѣстно, что деньги *c'est le nerf de la guerre* <sup>1)</sup>, ну ты, какъ нибудь, безъ верва.

Paris, 50. Rue de Douai. Четвергъ, 23 (11) ноября.

Милый братъ.... изъ заголовка ты можешь видѣть, что мы переѣхали сюда, но могли бы еще остаться въ деревнѣ, такъ какъ до снѣгъ поръ погода стоитъ теплая, а снѣгу и въ поминѣ нѣтъ. Здоровье мое порядочно; третьяго дня я отправилъ свою рукопись въ Петербургъ.

О войнѣ и мирѣ ничего не могу сказать положительнаго, такъ какъ *c'est vous qui êtes aux premières loges* <sup>2)</sup> и если вы ничего тамъ не знаете, то мы уже подавно. Въ послѣдніе дни какъ будто повѣяло вѣскольکو болѣе миромъ, и курсъ нашъ, упавшій до 295, возвысился до 300. Лично я продолжаю вѣрять въ войну. Нѣтъ сомнѣнія, что курсъ тогда упадетъ на 260 и ниже. Что дѣлать! терпѣніе.

Въ половинѣ января я, если буду живъ, непременно приѣду въ Петербургъ.

Paris, 50, Rue de Douai. Пятница, 8 декабря (27 ноября).

Любезный другъ, Николай Сергѣевичъ, отвѣчаю на твой запросъ. Ты счастливый человѣкъ, еще вѣришь журналамъ; между тѣмъ, какъ въ сущности, вотъ какъ надо дѣйствовать: всякому извѣстію, сообщаемому журналами, вѣрять мало; а если чуть что касается до Россіи — то не вѣрять вовсе. Я не только никакого вліянія не имѣю на дѣшныя журналы, да ни съ единымъ журналистомъ не знакомъ и ноги моей не бываетъ ни въ одной редакціи. Г-ну Кандизу *pour les besoins de sa thèse* <sup>3)</sup> нужно было взять два русскихъ имени; прежде они писывали: Stroganoff et Yarmoloff; теперь попалось мое имя и кн. Голицына: кто сей Голицынъ — никому неизвѣстно! Да и что за журналъ *l'Eclipse*, и что за хроникеръ? не тотъ ли, который, описывая одну русскую свадьбу, отличился слѣдующей фразой: *il y avait là toute la fleur des pois: le général Skriptchiktzkoï, le poète Xobol et le vieux boyard Tomskew* <sup>4)</sup>. Пьеса: Данишевы (*les Danicheff*) имѣла

<sup>1)</sup> Это нервъ войны. См. письмо (№ 241) къ Я. П. Полонскому. (Первое собраніе, стр. 303).

<sup>2)</sup> Вы занимаете лучшія мѣста; вамъ виднѣе.

<sup>3)</sup> На погребу его задачи.

<sup>4)</sup> Тамъ былъ самый цвѣтъ общества: генералъ Скрипчичевъ, поэтъ Ксоболю и старый бояринъ Томскевъ.

точно большой успѣхъ въ Одеонѣ; авторъ ея нѣкто г. Корвинъ-Крюковскій. Но она была вся передѣлана Александромъ Дюма-фисомъ; въ ней, между прочимъ, фигурировалъ великодушный кучеръ Оссинъ, который выражался слѣдующими фразами: *La pudeur de la vierge est comme une fleur délicate et pure, mais celle de la femme a je ne sais quoi d'auguste et de sacré!*<sup>1)</sup> и тутъ же прибавлялъ: *apportez un samouar!*<sup>2)</sup> и публика говорила: *Quelle couleur locale! Quelle étude profonde des moeurs russes!*<sup>3)</sup>.

Два русскихъ князя, которымъ будто-бы заказаны пьесы для двухъ театровъ, превращаются въ одного и то польскаго, Любомирскаго, который старается провести свой товаръ подъ крылышкомъ Сарду; впрочемъ, должно сознаться, что въ послѣднее время Россія вошла въ моду — и много квази русскихъ повѣстей и романовъ помѣщается всюду съ вышеизображенной *couleur locale*.

Здѣсь началъ ходить слухъ, что войны не будетъ; но мнѣ кажется, что весьма трудно ея избѣгнуть послѣ всѣхъ манифестацій и т. д. Радуюсь вѣроятности нашей встрѣчи зимой въ Петербургѣ или Москвѣ и дружески тебя обнимаю, любящій тебя братъ Ив. Тургеневъ.

Парижъ. 50, rue de Douai. Четвергъ, 21 (9) декабря.

Милый братъ, я понимаю твои сомнѣнія на счетъ моего авторства въ дѣлѣ «Крокета»; это совсѣмъ не по моей части и не въ моемъ духѣ. И, однако, представь! Эту штуку я точно написалъ или, вѣрнѣе, придумалъ, ночью, во время бессонницы, сидя въ вагонѣ Николаевской дороги и подъ вліяніемъ вычитанныхъ изъ газетъ болгарскихъ ужасовъ. Прибывъ въ Петербургъ, я даже хотѣлъ попытаться напечатать этотъ «Крокеть» въ «Новомъ Времени» — но цензура этому воспренятствовала, что не помѣшало этимъ виршамъ облетѣть всю Россію, быть читанными на вечерахъ у наслѣдника и переведенными на нѣмецкій, французскій, англійскій языки. Но это все пролетѣло вмѣстѣ съ добровольцами, Черняевымъ и прочими балаболками — и фактъ, что стихи эти еще читаются въ Москвѣ — свидѣтельствуетъ объ ея отсталости. Мнѣ этотъ «Крокеть» надоѣлъ порядкомъ: то и дѣло тычуть его мнѣ подъ носъ.

Я думаю, что нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что войны не будетъ. Le

<sup>1)</sup> Стыдливость дѣвственницы подобна нѣжному и чистому цвѣтку, но стыдливость женщины заключаетъ въ себѣ нѣчто величественное и святое.

<sup>2)</sup> Подайте самоваръ (т. е. самоваръ).

<sup>3)</sup> Какой мѣстный колоритъ! какое глубокое изученіе русскихъ нравовъ!

mot de la chose <sup>1)</sup>) повидному заключается въ томъ фактѣ (какъ-бы онъ удивилъ Екатерину и Суворова!), что у насъ меньше войска, чѣмъ у турокъ, и что оно хуже вооружено. Я полагалъ сперва, что трудно будетъ уложить волны расходившагося народнаго мора, но кажется онѣ укладываются сами собою e sempre bene.

Et pour le gouverne (на счетъ твоихъ жалобъ на дороговизну и дурныя дѣла) позволяю себѣ напомнить тебѣ анекдотъ о философскомъ французѣ: vous aurez toujours votre prusse-café! <sup>2)</sup>).

P. S. Въ концѣ января увидимся непременно.

---

Стихотвореніе «Крокетъ» было, въ двухъ редакціяхъ, впервые напечатано въ нашемъ изданіи (см. «Русская Старина» изд. 1883 г., т. XL, стр. 217 и 426). Хотя Иванъ Сергѣевичъ не находилъ въ немъ особенныхъ достоинствъ, однако-же успѣхъ «Крокета» его радовалъ. Это видно какъ изъ предыдущаго, такъ и изъ письма къ Я. П. Полонскому (отъ 17 сентября 1876 г.):

— Твое стихотвореніе не отличается особенною тождественностью <sup>3)</sup>; но вѣдь тутъ она не нужна, лишь-бы въ жилку попасть, какъ ты говоришь. Уже на что мой «Крокетъ» плохъ съ поэтической точки зрѣнія, а имѣлъ успѣхъ <sup>4)</sup>).

Ив. Тургеневъ.

---

<sup>1)</sup> Разгадка.

<sup>2)</sup> У васъ все таки будетъ рюмка ликеру.

<sup>3)</sup> Опечатка или описка: торжественностью?

<sup>4)</sup> Первое собраніе, № 238, стр. 299.

## ФИЛАРЕТЪ ДРОЗДОВЪ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ

по матеріаламъ, собраннымъ ред. „Русской Старины“.

1782 — 1867.

VI<sup>1)</sup>.

Въ Московской епархіи временъ архипастырства въ ней митрополита Филарета насчитывалась масса лицъ, уклонившихся отъ чистоты ученія православной церкви. Одни изъ нихъ принадлежали къ расколу, другіе пребывали въ сектантствѣ, третьи, наконецъ, хотя и считали себя вполне православными, но по невѣжеству придерживались разнаго рода суевѣрій. Изъ напечатанныхъ недавно матеріаловъ, почерпнутыхъ изъ архива московской духовной консисторіи, мы узнаемъ о существованіи въ предѣлахъ московской епархіи послѣдователей сектъ: духовныхъ братьевъ, жидовствующихъ, молоканъ, хлыстовъ, скопцовъ и под. Точно также въ тѣхъ же матеріалахъ находится много данныхъ, на основаніи которыхъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о тѣхъ видахъ, въ какихъ тогда выражались народныя суевѣрія въ предѣлахъ московской епархіи. Здѣсь, напримѣръ, мы встрѣчаемся съ существованіемъ колдуновъ, которые посредствомъ вычитыванія нелѣпныхъ молитвъ лечили у мужчинъ неспособность къ супружеской жизни; тутъ же мы получаемъ свѣдѣнія о существованіи въ Волоколамскомъ уѣздѣ особаго священнаго пруда,

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVI, июнь, стр. 559—590; т. XLVII, июль, стр. 1—26.

извѣстнаго въ народѣ подъ названіемъ Прощенаго, относительно котораго окрестные жители утверждали, будто вода его имѣетъ цѣлительное вліяніе на дѣтей или, по крайней мѣрѣ, доставляетъ возможность узнать — будетъ ли живо больное дитя или нѣтъ: въ первомъ случаѣ тотчасъ послѣ купанья получается облегченіе, а въ послѣднемъ рѣдко доносятъ живого ребенка до дому. Въ средѣ простого народа московской епархіи попадались лица, которыя принимали къ себѣ въ домъ разнаго рода больныхъ, читали надъ ними разнаго рода самоизмышленныя молитвы, помазывали елеемъ и, какъ ходила народная молва, такимъ образомъ испѣляли болѣзни. Наконецъ, являлись такія суевѣрныя лица, которыя выступали въ роли отчитывателей отъ злыхъ духовъ и под. Въ портфель редакціи „Русской Старины“ имѣются нѣкоторые документы, составленные митрополитомъ Филаретомъ или имъ вызванные, которые могутъ служить восполненіемъ матеріаловъ, напечатанныхъ недавно въ первомъ томѣ юбилейнаго Филаретовскаго Сборника. Вотъ эти документы <sup>1)</sup>:

## 1.

„Ваше превосходительство, милостивый государь! Изъ доходящихъ до меня по духовному управленію свѣдѣній открывается, что въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ приходѣ Скорбященской церкви, что на погостѣ Боровкахъ, существуетъ деревянная часовня, неизвѣстно когда и по какому случаю устроенная; внутри оной сдѣланъ иконостасъ и находится большой камень, обложенный мѣдною ризою со впадиной, на подобіе слѣда человѣческаго; камень сей прежде лежалъ, какъ сказываютъ, внѣ часовни и ничѣмъ обложенъ не былъ. Близъ часовни находятся два колодца и двѣ избы, гдѣ живутъ крестьянская вдова Александра Федорова и другая, неизвѣстно—женщина или дѣвица. Ключи отъ часовни находятся у вдовы Федоровой и она не только допускаетъ во всякое время посѣщающихъ, но и сама хаживала по деревнямъ и уговаривала крестьянъ приходить въ часовню.

Впадину на камнѣ называя стопой Господней, она раздаетъ изъ оной воду, доказывая, что отъ сей воды были чудесныя исцѣленія, каковыя приписываютъ также образу Успенія Божіей матери, находящемуся въ иконостасѣ часовни, отчего, особенно въ гѣтнее время, приходитъ много бо-

<sup>1)</sup> Всѣ помѣщаемыя въ этой главѣ документы получены редакціей „Русской Сины“ изъ Ростова, въ началѣ прошлаго 1884 года, отъ многоуважаемаго А. А. Титова, который приобрѣлъ ихъ покупкою чрезъ посредство П. С. Усова вмѣстѣ съ многочисленнымъ собраніемъ рукописей покойнаго П. И. Мельникова-Печерскаго.



мольцевъ. Пожертвованіями, дѣлаемыми въ часовню, крестьянка Федорова распоряжается сама; очевиднаго уклоненія отъ православія въ ней не приметно, только сказываютъ, что она при собраніяхъ что-то читаетъ, не зная сама грамотъ.

Довода о семъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, долгомъ поставлю просить, дабы, въ дополненіе означенныхъ свѣдѣній, благоволено было поручить благонадежному чиновнику, при депутатѣ съ духовной стороны, каковымъ для сего назначается благочинный села Темни, священникъ Іоаннъ Петровъ, спросить вдову Федорову и другую живущую съ ней, по какому праву завѣдываютъ онѣ часовнею; давно-ли часовня построена, кѣмъ и по какому случаю; отчего на камнѣ произошелъ звякъ, называемый ими стопою Господнею; кѣмъ, когда и почему камень, лежавшій внѣ часовни, перенесенъ въ часовню; приглашали-ли онѣ окрестныхъ жителей приходить въ часовню и по какой причинѣ сіе дѣлали?

Съ глубокимъ почтеніемъ и таковою же преданностію честь имѣю быть вашему превосходительству, милостиваго гсудара, покорнѣйшій слуга Филаретъ, м. московскій“.

30-го августа 1838 года.

Его превосходительству, г. московскому гражданскому губернатору, Василію Дмитріевичу Олсуфьеву.

## 2.

„Его высочородію, господину исправляющему должность московскаго гражданскаго губернатора, вице-губернатору и кавалеру Петру Петровичу Новосильцеву

отъ чиновника особыхъ порученій  
Кобылянскаго

Рапортъ.

Секретнымъ предписаніемъ вашего высочородія, отъ 8-го сентября, за № 1017, послѣдовавшимъ по отношенію московскаго митрополита Филарета, отъ 30-го минувшаго августа, за № 28, по коему предписано мнѣ отправиться въ Серпуховскій уѣздъ и, по выясненіемъ въ томъ отношеніи обстоятельствомъ, спросить при депутатѣ съ духовной стороны, священникъ села Темни Іоаннъ Петровъ, вдову Федорову и другую, живущую съ нею: по какому праву завѣдываетъ она часовнею; давно-ли часовня построена, кѣмъ и по какому случаю; отчего на камнѣ произошелъ слѣдъ, называемый ими ступнею Господнею; кѣмъ, когда и почему камень, лежавшій внѣ часовни, перенесенъ въ часовню; приглашала-ли она окрестныхъ жителей приходить въ часовню и по какой причинѣ сіе дѣлала?

Во исполненіе сего, отправляясь я въ Серпуховскій уѣздъ, въ приходъ Скорбящей церкви, что на погостѣ въ Боровкахъ, съ становымъ серпуховскимъ приставомъ, пригласивъ депутата, благочиннаго села Темни священника Іоанна Петрова; прибыли на погостъ, гдѣ узнали отъ священника, что часовня въ приходѣ Всѣхъ-Скорбященской церкви состоитъ въ Подольскомъ уѣздѣ, на границѣ Серпуховской, въ имѣніи княгини Юсуповой, между ея

деревни Ефимова и Богданова, истребовать отъ подольскаго исправника становаго пристава для содѣйствія его при семъ, и прибывъ таковой, я съ вышеписанными отправился на мѣсто часовни въ Подольскій уѣздъ, освидѣтельствовалъ оную; дѣйствительно найдено мною: камень полудикой лежить на правой сторонѣ, вѣсомъ пудовъ около 7-ми, обложенъ высеребреною ризою; въ серединѣ камня въ видѣ продолговатой ямы, похожей по ризѣ ступнею, углубленною въ 2 вершка, и палита въ аму вода; по свѣтлн ризы видно, что отъ древности на камнѣ сдѣлалась отбитая яма; но риза сама показывается видѣ ступни, длиною около 6-ти вершковъ, шириною около 3-хъ вершковъ; камень же ддины 1 аршинъ, ширины 14 вершковъ, толщиною около 8 вершк.; при часовнѣ колодезь съ обрубомъ, на немъ выстроена часовня деревянная съ крестомъ.

Живущая при часовнѣ вдова Александра Федорова показала, что она крестьянская жена, вдова сельца Тюженки помѣщицы княгини Юсуповой, живеть при часовнѣ Успенія Божіей матери, съ дозволенія вотчиннаго начальника, бывшаго бурмистра Макара Родионова, и по его приказу завѣдываетъ ею; а того-жъ уѣзда, села Васюнина, г-жи Чемезовой или Окунковой, крестьянинъ Иванъ Осиповъ, который былъ оной часовни попечитель; часовня же подъ моиѣмъ смотрѣніемъ не болѣе 6-ти лѣтъ, кѣмъ и по какому случаю прежде часовня существовала, какъ она, Федорова, такъ и крестьяне показали, что не знаютъ, а выстроена вновь около 10-ти лѣтъ, кѣмъ, — и того не знаютъ, какъ она, такъ и спрошенные крестьяне. И бурмистръ Ремезовъ подтвердилъ, что онъ, Ремезовъ, въ бурмистрахъ находится только четыре года, а до того времени жилъ въ Москвѣ въ работникахъ нѣсколько лѣтъ, а проживалъ на сѣнокосѣ, и то былъ не долго. У Федоровой проживала крестьянская жена, временно, больная, безполая, деревни Ярдовой, Подольскаго уѣзда, г. Хозикова, гдѣ и теперь жительство имѣеть у господина. Въ часовнѣ лежить камень, на коемъ впадина, называемая Федоровою стопою Божіей Матери, какъ Божія Матерь Успенія явилась и ступила на камень, чрезъ что сдѣлался знакъ; кто бы сіе видѣлъ, она того не знаетъ, ибо сіе было очень давно; она-же о семъ была слышана по описанію въ селѣ Рышковѣ, Калужской губерніи Боровскаго уѣзда, съ котораго описанія у ней имѣется копія, а кто ее писалъ, она, Федорова, того не знаетъ, ибо ей отдана была крестьяниномъ-попечителемъ Грачевымъ; камень же принесла въ часовню сама Федорова уже три года не съ большимъ; прежде оный лежалъ въ оградѣ при часовнѣ, отъ усердія; а какъ она имѣла свѣдѣніе изъ описанія, что ступня Богоматери на семъ камнѣ похожа могла быть дѣйствительной ступнѣ, то по болѣзни Федоровой, которою была одержима нѣсколько лѣтъ, о чемъ извѣстенъ, Подольскаго уѣзда, села Богоявленскаго, священникъ ея и духовникъ Алексѣй Ивановъ, она, Федорова, внявъ въ мысль, что ежели она тотъ камень перенесетъ въ часовню, отчего можетъ быть получить облегченіе въ болѣзни ея, она съ больною, сельца Порошина, крестьянскою дѣвкою Авдотьею, по отцѣ не помнитъ какъ зовутъ, перетасила вдвоемъ камень въ часовню, поставила на скамейку (которая была еще до нея), покрыла его пеленою, начала она молиться Божіей Матери Успенія Богородицы, помолвнвшись налила въ впадину камня воду, напилась ею и умылась и благодарить Бога она, Федорова, что чрезъ сіе получила облегченіе, такъ же и товарка ея Авдотья получила-ли отъ болѣзни облегченіе, она того утверждать не можетъ, а кажется получила, ибо теперь служатъ господамъ своимъ.

По поводу чего она, Федорова, окольнымъ крестьянамъ объявила о семъ, и когда кто приходитъ въ часовню просить Божию Матерь о исцѣленіи болѣзней ихъ, то она, Федорова, съ ними вмѣстѣ могла и просила Ее. Злстуняцу, о исцѣленіи болѣзней и читала наслышанныя молитвы и давала пить съ того камня воду, которая была ими освящаема села Бобровки и Боголюбленскимъ священникомъ, по случаю-приходящихъ богомольцевъ, гдѣ имъ по прошенію было водоосвященіе; то она, Федорова, ту воду смѣшивала, а буде перемерзнется, брала пзъ находящагося вблизи часовни святаго колодца, а ту воду лья на камень и предлагала пить богомольцамъ.

Риза-же на камень сдѣлана Федоровою пзъ усердія во исцѣленіе болѣзней ея. По близости часовни находится прудокъ съ струбомъ, огороженный плетнемъ; усердствующіе въ лѣтнее время купались, во исцѣленіе болѣзней. На святость колодца она, Федорова, по усердію выстроила маленькую часовню, пзъ котораго и воду брала, носила на камень; масло пзъ лампы предъ иконою Успенія Божіей Матери приходящихъ изъ усердія давала пить во исцѣленіе недуговъ, болѣзней; денегъ-же за сіе она, Федорова, у богомольцевъ не просила, а изъ усердія кто на свѣчи и масло положить или дать, то тѣмъ она и была довольна. Черную рясу монашескую носить Федорова по привычкѣ, жила она въ Никитскомъ монастырѣ у монахини-просвири Павлы Петровой, которая умерла, но куда—не помнитъ; жила-же у ней Федорова въ кельицахъ, помогала печь просвиры; но не бывъ въ силахъ вынести послушанія въ ономъ монастырѣ, по слабости ея здоровья, возвратилась въ домъ къ помѣщицѣ своей, въ деревню Ефимову, къ отцу Федору Сергѣеву.

Въ колодцѣ-же воду почитаетъ она, Федорова, святою потому, что исцѣлились больные, какъ-то: 1) сельца Тюфенки крестьянинъ Василій Федоровъ; 2) деревни Богдановой крестьянинъ Михайло Николаевъ; 3) деревни Тюфенки крестьянская жена Федосья Семенова и нѣкоторые другіе приходящіе получали исцѣленіе отъ болѣзней своихъ, которыхъ имена и мѣсто жительства ихъ Федорова не знаетъ.

По приведеніи къ присягѣ сиротена крестьянская дѣвка Авдотья Семенова. Она показала, что камень, лежавшій внѣ часовни, она съ Федоровою не вышла въ часовню и не знаетъ съ чего она, Федорова, сказала на нее; хотя и была больна назадъ тому 10 лѣтъ и лѣчилъ ее отъ болѣзней села Лесницова священникъ, читая надъ нею божественныя книги 6 недѣль, отчего получила облегченіе, а къ Федоровой до сего времени не ходила, а приходила назадъ тому недѣли три, и то ходила посмотреть и воды ея не пила.

Крестьяне Михайло Николаевъ, Федосья Семенова показали, что они были больны; но, пивши воду, исцѣленія не получили.

Серпуховскаго уѣзда, Скорбященской церкви, что на погостѣ Воробьяхъ, священникъ Николай Ивановъ Надеждинъ по священству объяснилъ, что онъ дѣйствительно въ настоящемъ году въ праздники совершалъ молебствія въ деревнѣ Богдановой, по желанію крестьянъ той-же деревни и прошенію вдовы Федоровой совершалъ молебствіе съ водоосвященіемъ въ часовнѣ съ державными иконами; а если при такомъ собраніи въ часовнѣ были больные, то онъ оныхъ не замѣтилъ. Подольскаго уѣзда, села Боголюбленскаго, священникъ Алексій Ивановъ по священству свѣдѣніемъ показалъ, что онъ дѣйствительно духовникъ вдовы Александры Федоровой, живущей возлѣ часовни; что въ часовню онъ приходилъ святить воду при всемъ собраніи, каковое бывало не только со стороны его прихожанъ и постороннихъ, когда

они брали на поля святыхъ иконы обносить изъ церкви; нездорова-же Федорова бываетъ часто по ея припадку; камень-же оный ей приказывалъ пзъ часовни вынести вонъ.

Какое удостоверение и обследованіе честь имѣю представить съ книжкою, представленною Федоровою, съ описью за шнуромъ и печатью моею; писанное на 12-ти листахъ также подлинное отношеніе митрополита Филарета за № 28 на благоразсмотрѣніе вашего высококордіа. Чиновникъ особыхъ порученій Кобылинскій“.

Сентября 17-го дня, 1838 года. № 250.

Митрополитъ Филареть, съ объясненіемъ обстоятельствъ сего дѣла, 13-го іюня 1839 года донесъ святѣйшему синоду, съ представленіемъ мнѣнія: „для прекращенія суевѣрія въ народѣ и предупрежденія неблагопріятныхъ отъ того послѣдствій: 1) часовню между деревнями Богдановой и Ефимовой, съ находящимся при ней дворомъ и строеніемъ уничтожить; 2) иконы и камень съ прочими принадлежностями передать въ церковь погоста Бобровки, и 3) крестьянку Федорову водворить въ домъ отца ея, крестьянина деревни Ефимовой, подъ надзоръ мѣстнаго полицейскаго начальства, дабы не осмѣливалась впредь разглашать никакихъ суевѣрій“. Святѣйшій синодъ, усматривая изъ дѣла, что 1) часовня между деревнями Богдановой и Ефимовой построена безъ особой надобности для православныхъ и безъ разрѣшенія духовнаго начальства, что 2) оглашаемая при сей часовнѣ крестьянкою Федоровою чудотворенія не подтверждены даже тѣми лицами, на которыхъ она, какъ на самихъ испѣленныхъ, ссылалась, и слѣдовательно, всѣ рассказы ея-же, Федоровой, происходили изъ самокорыстныхъ ея видовъ, что 3) дальнѣйшее существованіе той часовни, при такой о ней молвѣ, не можетъ быть допущено, поелику симъ уворенилось бы въ народѣ суевѣріе,—указомъ, отъ 14-го октября, предписалъ: мнѣніе епархіальнаго начальства привести въ должное исполненіе чрезъ начальника губерніи, съ надлежащею осторожностію противу нелѣпыхъ толковъ и смятеній въ народѣ. Что и приведено въ исполненіе, съ такимъ распоряженіемъ, между прочимъ: 1) икона Успенія Божіей Матери отдана въ Чудовскую ризницу, и 2) камень съ мнимою стопою Богоматери отданъ священнику московской за Серпуховскими воротами церкви для обращенія въ матеріалъ строившейся здѣсь церкви, и помѣщенъ, какъ донесъ священникъ, въ основную внутреннюю лѣстницы, ведущей въ верхнюю церковь \*)).

\*) „Юбилейный Сборникъ“ томъ I, стр. 216—217.

## 3.

„Ваше превосходительство, милостивый государь! Московской округи, Иоаннопредтечевской, что въ селѣ Братѣвѣ, церкви, священникъ Георгій Бударивцевъ донесъ мнѣ слѣдующее:

9-го числа сего іюля мѣсяца, въ воскресный день, къ божественной литургии пришли два неизвѣстныхъ человека въ храмъ; ставъ самовольно на правои клиросѣ, пѣли съ дьячкомъ, перебивая оного своимъ страннымъ пѣніемъ. Неизвѣстность сихъ людей и странный пѣвѣвъ ихъ невольно заставили его обратить на нихъ особенное вниманіе. Послѣ литургии, они пошли прямо въ домъ сосѣдній и вскорѣ послѣ того начали собираться въ оный изъ разныхъ домовъ вдовы и дѣвицы къ такому собранію; замѣтивъ сіе, онъ пошелъ въ домъ тотъ и нашелъ въ ономъ собраніе нѣсколькихъ вдовъ и дѣвицъ, которыя на вопросъ его, зачѣмъ они сюда сошлись, отвѣчали: посмотрѣть наставниковъ и послушать ихъ ученіе. Сдѣлавъ имъ замѣчаніе, что для сего у насъ есть храмъ Божій, онъ разослалъ всѣхъ по своимъ домамъ. Вскорѣ послѣ сего послышалось въ томъ домѣ пѣніе, что принудило священника войти вторично.

При семъ извѣіи дома она были завѣшены, предъ иконами горѣла лампада, за столомъ одинъ изъ пришельцевъ сидѣлъ, другой стоялъ, а по лавкамъ сидѣли вдовы и дѣвицы, которыхъ при маломъ свѣтѣ лампы различить не могъ изъ каковаго кто изъ нихъ дома; на столѣ увидѣлъ онъ книжку „Служба Успенія Божіей Матери“, при разсматриваніи которой нашелъ въ оной псалменную тетрадеку, съ заглавіемъ: „Уставъ православнымъ христіаномъ“. Разсматривая оный, священникъ сдѣлалъ замѣчаніе, кто имѣетъ далѣе право совершать свое служеніе; на что они отвѣтили, что мы учимъ не худому, доброду. На вопросъ, чьи они и откуда, одинъ назвалъ крестьянникомъ г-жи Муравьевой, а другой—крестьянникомъ деревни Кортина. Между прочимъ, они сказали: мы придемъ сюда скоро не двое, но пятьдесятъ человекъ, что привело священника въ опасеніе, отъ коего вынужденнымъ нашелся довести о всемъ случившемся. По нѣкоторымъ признакамъ догадываться можно не изъ тѣхъ-ли сектаторовъ сіи люди, которые недавно открыты въ Богородскомъ уѣздѣ.

По предосторожности противъ распространенія лжеученій, долгомъ поставлю довести о семъ до свѣдѣнія вашего превосходительства и просить, дабы благоволено было обратить законное вниманіе на означенныхъ людей, имѣютъ-ли они законные виды о своемъ званіи, отъ вышатаательства въ непринадлежащее имъ дѣло учительства ихъ удержать, и принять мѣры къ недолуженію скопнища, которымъ они угрожали, и о послѣдующемъ меня увѣдомить.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ, м. московскій“.

№ 25.

15-го іюля 1844 года.

Его превосходительству, г. московскому гражданскому губернатору,  
Ивану Васильевичу Капнисту.

## 4.

„Его превосходительству, господину московскому гражданскому губернатору, действительному статскому совѣтнику камергеру и кавалеру Ивану Васильевичу Капнисту.

Московского земскаго суда

Рапортъ.

Въ исполненіе предписанія вашего превосходительства, отъ 20-го сего іюля, за № 627, на имя здѣшняго исправника, земскій судъ снѣмъ честь имѣетъ довести, что для учиненія по оному дознанію, о двохъ неизвѣстныхъ людяхъ, бывшихъ въ Іоанно-Предтеченской церкви, 9-го сего-жъ іюля, въ воскресный день, при божественной литургіи, и пѣвшихъ съ дьячкомъ на клиросѣ, геребивая своимъ старшимъ напѣвомъ и о прочемъ, отправлялся по распоряженію сего суда старшій дворянскій засѣдатель Муратовъ, который по тому сдѣланному имъ на мѣстѣ, при удѣльномъ депутатѣ, дознанію, открылъ, что означенные бывшіе въ церкви люди есть крестьяне: 1-й Каширскаго уѣзда, г-жи Муравьевой, деревни Брюховой, Устинъ Гавриловъ Блюденовъ, а другой—Бронницкаго узда, княгини Голицыной, села Сивькова, Григорій Филиповъ, и по распросу изъ нихъ Блюденова оказалось, что онъ находился до 23-хъ-лѣтняго возраста въ православіи, потомъ присоединился къ старообрядческой вѣрѣ и въ оной находился восемь лѣтъ, а съ годъ тому назадъ оставилъ таковую и пребываетъ поврѣжнему въ православіи; съ 1843 года, въ августѣ мѣсяцѣ, предпринялъ стѣпанничество; не имѣя гасящаго мѣстопробыванія, занимается ученіемъ и наставленіемъ другихъ людей; присоединился къ собранію именующихся духовнымъ братствомъ, состоящимъ изъ многихъ лицъ, въ особенности вдовъ и дѣвицъ; каковое ученіе состоитъ въ томъ: не вступать въ брачную жизнь, удалаться забавъ и веселостей, жить въ братствѣ, имѣть всегдѣшніе посты, не ѣсть мяса и не пить вина; но только упражняться въ безпрестанной молитвѣ; братство ихъ состоитъ изъ большого числа людей, изъ коихъ старшій есть крестьянъ Григорій Луничъ, живущій Подольскаго уѣзда, въ деревнѣ Домодѣдовой, у котораго они всѣ находятся въ повиновеніи и послушаніи и принимаютъ отъ него совѣты; объ особыхъ скопищахъ, сборахъ, ученіи, обрядахъ, совершителяхъ ихъ обрядовъ, а также о главныхъ лицахъ ихъ братіи, на всѣ предлагаемые вопросы настоящихъ отвѣтовъ не далъ, объясняя, что онъ сіе почитаетъ противнымъ ученію ихъ, основанному на правилахъ св. отецъ. Изъ сего онъ, засѣдатель Муратовъ, замѣтитъ оное дѣло весьма важнымъ и затруднительнымъ вызывать на мѣсто слѣдствія по большому числу лицъ, прикосновенныхъ къ нему для воцѣненія, находящихся въ разныхъ отдаленныхъ мѣстахъ, не приступая къ дальнѣйшему слѣдованію, донесъ о томъ земскому суду на его распоряженіе, съ доставленіемъ двухъ свидѣній, данныхъ ему отъ священниковъ сельъ Братѣва и Борисова, показанія Устина Блюденова, объясненія удѣльнаго головы Федорова, отобранныхъ книгъ житія св. отецъ за сентябрь, октябрь и ноябрь мѣсяцы, печатаннаго въ Москвѣ, въ синодальной типографіи, 1840 года, 2-хъ канониковъ, печатанныхъ въ Кіевопечерской лаврѣ 1836 и 1840 годовъ, записки, писанной по уставу о смыслѣ разныхъ мѣстъ изъ священнаго писа-

нѣ, 2-хъ просфоръ, изъ средины которыхъ примѣтно вынута малая часть, двухъ ременныхъ четокъ, еще другой книги житія преподобныхъ отецъ нашихъ Симеона Христа-ради юродиваго и Иоанна Постника, печатанной въ кievопечерской типографіи 1842 года, въ коей вложены два ветхихъ писанныхъ листка изъ священнаго писанія, мѣднаго креста особаго формата, по видимому бывшаго съ мощами небольшого размѣра, и съ присовокупленіемъ, что крестьяне Блюденовъ и Филиповъ съ прочими остановлены и отданы имъ, засѣдателемъ, подъ строгій надзоръ сельскаго начальства въ селѣ Братѣевѣ, а для наблюденія за ними прѣставлены два казакъ.

Земскій судъ обстоятельно сіе честь имѣеть представить въ благоусмотрѣніе вашего превосходительства и осмѣливается покорнѣйше просить: не угодно-ли будетъ вашему превосходительству, по уваженію описываемыхъ въ рапортѣ засѣдателя Муратова причинъ, поручить, кому назначено будетъ, произведеніе настоящаго объ ономъ слѣдствія, причемъ прилагаетъ ученное имъ. Муратовымъ, дознаніе, со всѣми доставленными отъ него записками, книгами и просфорами на распоряженіе вашего превосходительства <sup>1)</sup>. Исправникъ Филиповъ“.

25-го іюля 1844 года.

№ 14766.

## 5.

„Ваше превосходительство, милостивый государь! До свѣдѣнія моего дошло, что послѣ слѣдствія, произведеннаго Московскою округою, въ селѣ Братѣевѣ, о бродягахъ-лжеучителяхъ, они остаются въ семь селѣ подъ карауломъ и каждодневно переводятся изъ одного дома въ другой по очереди, а сіе, поставляя ихъ въ сношеніе со всѣми семействами, даетъ имъ случай распространять свое лжеученіе. Посему долгомъ предосторожности признаю покорнѣйше просить ваше превосходительство о распоряженіи, чтобы оныя бродяги-лжеучители изъ Братѣева и отъ сообщенія съ семействами были устранены.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ, м. московскій“.

10-го августа 1844 года.

Его преем. Ивану Васильевичу Капанисту.

## VII.

Члены синода, всѣ безъ исключенія, крайне тяготились деспотизмомъ оберъ-прокурора, который кромѣ того имѣлъ, по словамъ Н. С. Лѣскова, одну слабость, попросту былъ „большимъ ругателемъ“ или любителемъ „крѣпкихъ“ словъ. Нуженъ былъ

<sup>1)</sup> Справ. «Юбилейный Сборникъ», томъ I, 639—641.

только удобный случай и члены синода готовы были взяться за дѣло сверженія съ себя ига Нечаева. Случай представился. Въ началѣ 1836 года, С. Д. Нечаевъ долженъ былъ взять продолжительный отпускъ для поѣздки въ Крымъ, гдѣ находилась на излеченіи его больная жена; но онъ не засталъ ея въ живыхъ, больная умерла до пріѣзда своего супруга. Во время отсутствія Нечаева, должность оберъ-прокурора исправлялъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, графъ Н. А. Протасовъ. Члены синода и воспользовались продолжительнымъ отсутствіемъ оберъ-прокурора для его удаленія, но за то страшно ошиблись въ выборѣ ему преемника. Члены синода упросили первенствующаго митрополита Серафима съѣздить къ государю съ докладомъ о замѣнѣ оберъ-прокурора, и при этомъ, по совѣту одного синодскаго чиновника, извѣстнаго духовнаго писателя, А. Н. Муравьева, государю указано было, какъ на самое подходящее лицо для занятія оберъ-прокурорской должности, на гусарскаго полковника графа Н. А. Протасова. Государь уважилъ ходатайство митрополита Серафима и назначилъ Протасова синодальнымъ оберъ-прокуроромъ. Прежній оберъ-прокуроръ получилъ новое назначеніе въ сенатъ, въ члены одного изъ московскихъ департаментовъ. Трудно объяснить себѣ, почему это выборъ синодальныхъ членовъ остановился ни на комъ другомъ, а именно на графѣ Протасовѣ. Во всякомъ случаѣ, одна рекомендація А. Н. Муравьева не могла подкупить синодаловъ въ пользу гусарскаго полковника. Много помогло Протасову выиграть во мнѣніи синодальныхъ владыкъ его іезуитское воспитаніе, благодаря которому онъ, напримѣръ, отлично умѣлъ притворяться, когда угодно и чѣмъ угодно, лишь бы только достигалась заранѣе поставленная цѣль. Нѣкоторые изъ современниковъ рассказывали, что графъ Протасовъ, во время исправленія оберъ-прокурорской должности въ отсутствіе Нечаева, сколько бы въ нему ни приносили протоколовъ, журналовъ и бумагъ св. синода и комиссій духовныхъ училищъ, очень скоро ихъ подписывалъ и что будто бы даже любилъ при этомъ хвастаться, говоря: „а что? за мною вѣдь нѣтъ остановки въ дѣлахъ; я скоро подписываю все и сдаю“. Потомъ, при нерѣдкихъ официальныхъ обѣдахъ въ покояхъ петербургскаго митрополита, онъ казался простымъ, добрымъ, внимательнымъ, даже предупредительнымъ человекомъ.



Вотъ подобнаго рода іезуитскій образъ дѣйствій гусарскаго полковника и ввелъ въ заблужденіе довѣрчивыхъ членовъ синода <sup>1)</sup>). Къ сожалѣнію, въ то время, когда направлялась интрига противъ Нечаева, завершившаяся назначеніемъ на его мѣсто гусарскаго полковника, — выдающагося члена синода, Филарета, митрополита московскаго, не было въ Петербургѣ. Невозможно сомнѣваться въ томъ, что Филаретъ не сталъ бы на сторону ходоцаевъ за Протасова, зная его какъ человѣка совершенно неподходящаго къ синодскимъ дѣламъ.

Какъ по характеру воспитанія, такъ и по характеру общественной дѣятельности новый оберъ-прокуроръ положительно не отвѣчалъ своему высочайшему назначенію. Протасовъ принадлежалъ къ знатной фамиліи, съ большимъ значеніемъ при дворѣ по своей матери и тещѣ, бывшихъ статсъ-дамами при государѣ Александрѣ I; онъ былъ лично любимъ императрицей, какъ отличный танцоръ. Главный недостатокъ новаго оберъ-прокурора скрывался въ характерѣ полученнаго имъ воспитанія. Извѣстно, что воспитаніемъ графа Протасова завѣдывалъ іезуитъ, который, конечно, сумѣлъ дать всему его міровоззрѣнію особую, не совсѣмъ подходящую для синодальнаго чиновника, окраску. Вліяніе хитраго іезуита отразилось на всемъ его характерѣ и на характерѣ его дѣятельности какъ синодальнаго оберъ-прокурора. Назначеніе Протасова, извѣстнаго свѣтскаго человѣка и танцора, человѣка безъ всякой научной подготовки и образовательнаго ценза, оберъ-прокуроромъ — изумило всю столицу. До того времени рѣшительно не допускали, чтобы онъ когда-нибудь могъ сдѣлаться оберъ-прокуроромъ синода.

Графъ Протасовъ съ восторгомъ принялъ извѣстіе о своемъ назначеніи на высокій постъ синодальнаго оберъ-прокурора. Рассказываютъ, что вскорѣ послѣ своего назначенія въ оберъ-прокуроры, онъ пріѣхалъ къ одному своему близко знакомому, генералъ-адъютанту Чичерину и, съ восторгомъ сообщая ему о своемъ назначеніи, говорилъ ему: „поздравь меня, я министръ, я архіерей, я чортъ знаетъ что“. „Одно послѣднее справедливо“, печально замѣтилъ кіевскій митрополитъ Филаретъ, когда переданныя слова графа Протасова распространились по городу и

<sup>1)</sup> Петерб. дух. акад. при графѣ Протасовѣ. „В. Евр.“ 1883, іюль, 127.

дошли до престарѣлаго кievскаго владыки <sup>1)</sup>). Какъ воспитанникъ іезуита, Протасовъ по тому уже самому не могъ быть хорошимъ радѣтелемъ интересовъ православной русской церкви. Но его положеніе въ данномъ случаѣ было такого рода, которое, въ силу необходимости, заставляло его, хотя бы то во имя приличія, казаться вѣрнымъ сыномъ православной церкви. И онъ, дѣйствительно, казался такимъ и постарался обставить себя какъ можно рельефнѣе и виднѣе декораціею православновѣрующаго. Въ этихъ цѣляхъ онъ устроилъ у себя домовую церковь. Само собою понятно, если бы устройство церкви исходило изъ однихъ только религіозныхъ побужденій, то она могла явиться у него гораздо ранѣе его оберъ-прокурорства, однако не явилась, просто потому, что тогда эта декорація представлялась еще ненужною. Обставивъ себя съ внѣшней стороны, какъ подобаеетъ истинному ревнителю православной церкви, Протасовъ тѣмъ самымъ обезопасилъ себя отъ крайне щекотливаго для него въ его положеніи обвиненія въ нерасположеніи къ православію и въ симпатіяхъ къ католицизму, которыя все-таки проскальзывали во всей его дѣятельности. Созданная Протасовымъ у себя обстановка православнаго вельможи дала ему возможность обвинять въ неправославіи самихъ архіереевъ, и притомъ, какъ увидимъ ниже, такихъ, которымъ онъ, строго говоря, не былъ достоинъ извуть сапогъ отъ ихъ ногъ.

Графъ Протасовъ не столько обладалъ большимъ умомъ, сколько твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ, но еще болѣе онъ отличался аристократическою заносчивостью и крайнимъ высокомеріемъ. Само собою понятно, что такой оберъ-прокуроръ не могъ быть послушнымъ исполнителемъ опредѣленной св. синода. Протасовъ и поставилъ себѣ цѣлю сдѣлаться полнымъ распорядителемъ православною церковію, быть настоящимъ министромъ церкви, а за синодомъ оставить одно только имя. Путь къ достиженію такой цѣли указалъ ему его предшественникъ, Нечаевъ. Протасовъ сразу началъ дѣйствовать еще рѣшительнѣе и настойчивѣе въ томъ-же направленіи. Положеніе его въ данномъ случаѣ представляло гораздо болѣе выгодъ, какими не могъ пользоваться его предшественникъ. Противъ него, какъ избран-

<sup>1)</sup> Письма архіеп. Платона костромскаго. „Душ. чтен.“ 1882, февр., 183.

ника самого синода, члены синода не могли ничего сдѣлать. Жалоба на него государю не могла имѣть мѣста, да и самъ государь, конечно, не обратилъ бы на нее вниманія. Однимъ словомъ, синодъ самъ заперъ для себя послѣдній выходъ изъ своего стѣсненнаго положенія, а смѣтливый оберъ-прокуроръ воспользовался такъ благопріятно сложившимися для него обстоятельствами для своихъ эгоистическихъ цѣлей.

Протасовъ вообще дѣйствовалъ круто, рѣшительно, безъ всякаго снисхожденія къ избравшимъ его православнымъ іерархамъ. Достиженію деспотическихъ стремленій оберъ-прокурора много содѣйствовали избранные имъ совѣтники, отъ которыхъ также вѣяло іезуитизмомъ. Главнымъ совѣтникомъ при оберъ-прокурорѣ и его правою рукою служилъ Константинъ Степановичъ Сербиновичъ. Личность Сербиновича, не смотря на то, что онъ игралъ очень видную роль въ церковныхъ дѣлахъ въ оберъ-прокурорство Протасова, какъ-то не легко поддается описанію. Онъ былъ еще болѣе поклонникъ католичества, чѣмъ его патронъ, Протасовъ. Онъ также принадлежалъ къ числу воспитанниковъ іезуитовъ и получилъ образованіе въ полоцкой іезуитской академіи, откуда и вышелъ со степенью кандидата въ 1817 году <sup>1)</sup>. По отзывамъ знавшихъ его современниковъ, онъ обладалъ большимъ умомъ, отличался, какъ и слѣдуетъ быть воспитаннику іезуитовъ, необыкновенною хитростію и всегда дѣйствовалъ скрытно подъ непроницаемымъ покровомъ. Для характеристики религиозныхъ убѣжденій Сербиновича достаточно привести слѣдующій рассказъ покойнаго профессора московской духовной академіи, П. С. Казанскаго. „Извѣстный археологъ, Н. П. Сахаровъ, рассказывалъ мнѣ,—говоритъ П. С. Казанскій,—что однажды, идя по Невскому проспекту съ Романовичемъ, зашли они въ Казанскій соборъ и увидѣли стоящаго на колѣняхъ предъ иконою Богоматери К. С. Сербиновича. Романовичъ, подойдя сзади, положилъ руку на плечо Сербиновича и сказалъ ему: какъ ты смѣешь здѣсь молиться? Развѣ мы не вмѣстѣ въ коллегіи іезуитовъ давали клятву оставаться навсегда вѣрными римской церкви? Съ ужасомъ отпрыгнулъ отъ него Сербиновичъ“ <sup>2)</sup>. Такой-то чело-

<sup>1)</sup> Официальная біографія К. С. Сербиновича, „Журн. Министер. Народн. Пров.“ 1875, апрѣль.

<sup>2)</sup> „Правосл. Обзорніе“ 1878 г., январь, 112 стр. Мысли и чувстваванія м. Физарета по поводу отобравія литографированнаго перевода св. писанія

вѣкъ сдѣлался совѣтникомъ оберъ-прокурора и помощникомъ въ его широкой дѣятельности. Какія короткія отношенія существовали между Протасовымъ и Сербиновичемъ могутъ нѣсколько показать и слѣдующія записочки перваго къ послѣднему, хотя нужно замѣтить, что имъ вообще не представлялось необходимости вести между собою переписку, и особенно интимную, такъ какъ они постоянно видѣлись между собою и имѣли полную возможность обсуждать и рѣшать дѣла на словахъ.

## 1.

„Его превосходительству Константину Степановичу Сербиновичу. Великій князь изволилъ написать на моей запискѣ: „Весьма любопытное событіе, если только все писанное точно справедливо“.

Такъ какъ докладъ возвратился, то мнѣ копій болѣе не нужны, но годятся послѣ для другихъ“.

## 2.

Пятница.

„Его превосходительству Константину Степановичу Сербиновичу. У меня будетъ завтра поутру генераль Головинъ, то прикажите прислать ко мнѣ всѣ бумаги, касающіяся новаго рижскаго дѣла. Я ему дамъ прочесть“.

## 3.

17-го марта.

„Константину Степановичу Сербиновичу (нужное).  
Прошу васъ покорно пріѣхать теперь ко мнѣ на короткое время. Мнѣ нужно съ вами переговорить о важномъ вопросѣ, для разрѣшенія коего я желаю знать ваше мнѣніе“.

Графъ Протасовъ тотчасъ-же по вступленіи своемъ въ должность оберъ-прокурора св. синода предпринялъ широкую реформу во всемъ синодальномъ управленіи. Цѣль всей реформы была одна—это возвышеніе оберъ-прокурора на одинъ уровень его съ постомъ—министра съ одной стороны, лишеніе синода всякой самостоятельности — съ другой. Прежде всего Протасовъ добился уничтоженія комисіи духовныхъ училищъ, гдѣ засѣдали члены синода. Вмѣсто нея создано было духовно-учебное управленіе,

на подобіе министерскаго департамента. Директоромъ духовно-учебнаго управленія назначили свѣтскаго человѣка, А. И. Карасевскаго. Для финансовой части учредили хозяйственное управление, тоже съ особымъ директоромъ; самый синодъ являлся какъ бы третьимъ департаментомъ. Но этого показалось мало. Такъ какъ при министрѣ полагается канцелярія, то и Протасовъ, въ погонѣ за министерскими прерогативами, въ канцелярію оберъ-прокурора переименовалъ отдѣленіе духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія и директоромъ своей канцеляріи назначилъ своего любимца, К. С. Сербиновича. При синодѣ существовала до графа Протасова своя канцелярія, находившаяся подъ его непосредственнымъ распоряженіемъ и составляла съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое. Чтобы побольше изолировать синодъ отъ его-же канцеляріи, учреждена была должность директора синодальной канцеляріи, находившагося въ полномъ распоряженіи оберъ-прокурора. Такимъ образомъ самый синодъ остался изолированнымъ отовсюду. Единственное лицо, чрезъ которое онъ сносился со внѣшнимъ міромъ, былъ оберъ-прокуроръ, который далеко не всегда дѣйствовалъ въ интересахъ синода и православной церкви. Наконецъ, что еще болѣе возвысило положеніе графа Протасова, какъ оберъ-прокурора, такъ это достигнутое имъ право личнаго доклада дѣлъ у государя. С. Д. Нечаевъ много хлопоталъ объ этомъ и совсѣмъ было устроилъ это дѣло, но не сумѣлъ держать себя при докладѣ. Протасовъ оказался въ данномъ случаѣ посчастливѣе своего предшественника.— Затѣмъ оберъ-прокуроръ сталъ дѣйствовать, какъ полный властелинъ церкви. Созданная Протасовымъ армія синодскихъ чиновниковъ представляла изъ себя послушное орудіе всѣхъ его деспотическихъ плановъ и затѣй. Отсюда, помимо оберъ-прокурора, самое чиновничество получило громадное вліяніе на ходъ и рѣшеніе синодальныхъ дѣлъ. Директора разныхъ подвѣдомственныхъ оберъ-прокурору учреждений держали себя гордо даже предъ членами синода, не говоря объ остальныхъ епархіальныхъ архіереяхъ. Графъ Протасовъ, въ видахъ усилія собственнаго, а не со стороны синода, надзора надъ епархіальными архіереями, возвысилъ должности секретарей консисторій и предоставилъ имъ право доносить прямо оберъ-прокурору о всемъ, что ни дѣлается въ епархіи. Епархіальные архіереи такимъ образомъ оказывались въ

положеніи поднадзорныхъ лицъ <sup>1)</sup>). Какую роль играло синодальное чиновничество при графѣ Протасовѣ, это до нѣкоторой степени можетъ свидѣтельствовать слѣдующее, находящееся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“, письмо чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ, А. Н. Муравьева, адресованное имъ на имя Протасова. Притомъ нужно замѣтить, что авторъ помѣщаемого ниже письма принадлежалъ къ числу почитателей духовнаго чина и противниковъ деспотической системы управленія синодальнаго оберъ-прокурора. Вотъ это письмо.

Москва, 25-го іюля 1837 г.

„Милостивый государь, графъ Николай Александровичъ! Возвратясь изъ моего путешествія, долгомъ поставляю представить вашему сіятельству мои замѣчанія о нѣкоторыхъ лицахъ и предметахъ, которые наиболѣе меня поразили, ибо я по всей дорогѣ старался какъ можно болѣе знакомиться съ людьми духовнаго званія, сколько краткость времени мнѣ сіе позволила. Я начну по порядку:

Не могу сказать ничего особеннаго объ архимандритѣ Арсеніи <sup>2)</sup>, недавно назначенномъ въ Новый Іерусалимъ; онъ простой, добрый старикъ, но кажется не въ состояніи поддерживать плч, лучше сказать, возстановить сію драгоценную для насъ обитель по св. палестинскимъ воспоминаніямъ, которая и нравственно, и наружно уже давно въ упадкѣ, такъ что даже вовсе не привлекаетъ къ себѣ богомольцевъ, не смотря на громкое имя и совершенное подобіе Іерусалима. Здѣсь бы нуженъ былъ иной человѣкъ.

Въ Троицкой лаврѣ, гдѣ я провелъ на праздникѣ два дня въ чрезвычайной суетѣ, я замѣтилъ однако-же съ большимъ утѣшеніемъ благочиніе и устройство, которыя завелъ тамъ намѣстникъ архимандритъ Антоній <sup>3)</sup>, человѣкъ весьма замѣчательный въ быту монашескомъ по своему собственно духовному образованію, полученному въ Соровскихъ лѣсахъ. Его ежедневная трапеза для нищихъ и больницъ, гдѣ самъ лечитъ, и богадѣльня, гдѣ всякій вечеръ читаетъ самъ правила всей братіи, по истинѣ заслуживаютъ вниманія. Въ семилѣтнее его управленіе Троицкая Лавра совершенно преобразовалась.

<sup>1)</sup> Воспоминанія Измайлова. „Странникъ“ 1882 г., сентябрь.

<sup>2)</sup> Арсеній Нагибинъ изъ синодальныхъ различихъ, 27-го іюня 1827 года, сдѣланъ архимандритомъ Высочаго Богородичнаго, у города Серпухова, монастыря. Въ 1828 году переведенъ въ московскій Златоустовъ монастырь; въ томъ-же году переведенъ изъ Златоустова въ Богоявленскій, а 19-го февраля 1837 г. переведенъ изъ Богоявленскаго монастыря въ Новый Іерусалимъ. Въ 1838 году—въ Новоголутвенъ, но въ монастырь не былъ; умеръ 27-го апрѣля 1843 года.

<sup>3)</sup> Известный намѣстникъ Троице-Сергіевой лавры (съ 1831 г.), духовникъ митрополита Фларета и самое довѣренное его лицо. Въ настоящее время издано три тома переписки митрополита Фларета съ Антоніемъ. Антоній умеръ въ 1877 году, 12-го мая.

Между учеными архимандритами первое мѣсто занимаетъ ректоръ академіи Филаретъ <sup>1)</sup>, молодой лѣтами, но весьма свѣдущій, скромный и постыжливый и умѣвшій внушить къ себѣ уваженіе. Прочіе-же ректоры семинаріи и два инспектора не произвели на меня никакого впечатлѣнія. На экзаменахъ мнѣ не удалось быть по случаю праздниковъ.

Тотчасъ по возвращеніи изъ лавры поѣхалъ я въ Воронежъ, а первую посетилъ Рязань въ отсутствіи архіерея <sup>2)</sup> и ректора. Архимандритъ Троицкаго монастыря, Геннадій <sup>3)</sup>, человекъ пріятный и обходительный, показывалъ мнѣ великолѣпный соборъ, гдѣ, въ совершенномъ забвеніи, находится гробъ его основателя, знаменитаго Стефана Яворскаго, можно сказать послѣдняго патріарха, которому столькимъ обязана церковь. Кстати о соборѣ: сдѣлайте милость, не позволяйте ломать верхняго яруса недооконченной колокольни и довершать ее въ искаженномъ вкусѣ. Этотъ прозѣтъ даль какой-то неопытный молодой архитекторъ; а зданіе крѣпко и можетъ вынести еще два яруса по плану, хранящемуся при соборѣ. Я говорилъ съ соборными и мнѣ кажется, что если отпустить тысячь 50 или 60, то, не ломая, можно довершить величественную колокольню, а снять ярусъ—будетъ совершенное безобразіе и лучше уже ее оставить неоконченною. Теперь мода все старое ломать. Такъ и у древняго архіерейскаго дома рязанскаго, который частью есть остатокъ великокняжескаго терема, отломали одно старинное наружное крыльцо, чтобы замѣнить его новымъ; въ этомъ погрѣшилъ преосв. кievскій <sup>4)</sup>, когда былъ рязанскимъ, и это весьма жаль, потому что все зданіе въ старинномъ вкусѣ.

Архимандритъ Геннадій, вмѣстѣ съ инспекторомъ семинаріи (соборнымъ протоіереемъ, человекомъ весьма ловкимъ въ обращеніи и, какъ кажется, омытнымъ), показывали мнѣ семинарію, довольно обширную, которую теперь освѣщаютъ внутри.

Я попалъ на внутренній экзамень историческій, младшаго класса, и нашелъ то-же, что и въ академіи, т. е. совершенное незнаніе первыхъ основаній церковной исторіи, даже соборовъ, которые учителя, ради извиненія, относили къ богословію, какъ будто можно относить число ихъ, время и лица къ догматамъ богословскимъ. Я воспользовался случаемъ, чтобы говорить сильно противъ сего упущенія и въ духѣ ученія, который угоденъ теперь св. синоду, равно и о неколебимости въ православіи и старинѣ.

<sup>1)</sup> Филаретъ Гумилевскій, извѣстный ученый историкъ, сначала архіепископъ харьковскій, затѣмъ черняговскій; умеръ 9-го августа 1866 г.

<sup>2)</sup> Муравьевъ былъ въ Рязани въ междухіерейство. Архіепископъ рязанскій, Евгенийъ Каванцевъ, 9-го мая 1837 г. былъ переведенъ въ Ярославль, а на его мѣсто, 15-го іюня того-же года, былъ переведенъ изъ Могилева архіепископъ Гавріилъ Городковъ; 10-го мая 1838 года Гавріилъ уволенъ на покой; умеръ 7-го апрѣля 1862 года въ Ольговѣ монастырѣ.

<sup>3)</sup> Геннадій Горнецкій, архимандритъ Троицкаго монастыря съ 1833 по 1837 годъ; 10-го августа 1837 г. переведенъ въ Боровскій Паанутіевъ монастырь, гдѣ и умеръ въ 1868 г.

<sup>4)</sup> Киевскій митрополитъ Филаретъ Амвросіевъ, умершій 21-го декабря 1837 года, архіепископомъ рязанскимъ былъ съ 12-го января 1825 года по 25-е февраля 1828 годъ.

Тѣмъ кончилось мое посѣщеніе Рязани. Консисторія же передвигается вновь и повѣстѣе втѣснена въ нижній ярусъ покоевъ архіерейскихъ, но не надолго. Я говорилъ секретарю о порядкѣ и ускореніи хода дѣлъ, какіе вы желаете видѣть повсемѣстно.

Въ Воронежѣ нашелъ я пресв. Антонія <sup>1)</sup>, служащаго литургію; онъ принялъ меня весьма ласково, но былъ самъ озабоченъ несприятною и соблазнительною исторіею архимандрита Теофила, который опять попалъ въ то-же нареканіе нечистоты нравственности, за какое былъ запрещенъ въ Могилевѣ. Пр. Антоній сперва по милосердію хотѣлъ замать молву и просилъ васъ только о его переводѣ, но теперь молва сія слишкомъ распространилась по всему городу, а произвести слѣдствіе о его нецѣломудріи въ такомъ мѣстѣ, какъ Воронежъ, слишкомъ непристойно для церкви. Пр. Антоній нарочно призывалъ при мнѣ Теофила, чтобы убѣждать его, но онъ отговаривался, что молва сія есть только слѣдствіе вражды, противъ него возбужденной, и которую онъ вполне заслужилъ. Признаюсь вамъ, что эта гадкая исторія отравила для меня впечатлѣніе, какое долженъ былъ произвести на меня Воронежъ, ибо я услышалъ ее въ первую минуту и слышалъ до послѣдней. Я не смѣлъ утаить сего передъ вами, но не хочу быть дальнѣйшимъ обличителемъ. Пр. Антоній любитъ васъ отъ всей души и радуется вамъ. Я ходилъ къ нему ежедневно въ теченіи пяти дней и пользовался его благосклонностію; но толпа поклонниковъ его одолеваетъ и не даетъ почти свободнаго часа, такъ что можно почти сказать, что онъ самъ какъ гробовой старецъ при мощахъ.

Теперь онъ нашелъ себѣ прекраснаго помощника въ новомъ ректорѣ Эльпидифорѣ <sup>2)</sup> и такъ имъ доволенъ, что даже говорилъ, что современемъ испроситъ его себѣ въ викаріи... И точно, сей архимандритъ заслуживаетъ такое о немъ мнѣніе своею ревностію, смиреніемъ и еще никто изъ его сверстниковъ столько мнѣ не нравился, да и братъ мой <sup>3)</sup> повторилъ мнѣ о немъ похвалы пр. Антонія.

Я засталъ опять въ семинаріи воронежской, какъ и въ рязанской, домашній, историческій экзаменъ, и при порядочныхъ отвѣтахъ въ исторіи гражданской и библейской нашелъ совершенное невѣжество въ церковной россійской. На мой вопросъ: „при комъ былъ первый патріархъ нашъ?“ мнѣ отвѣчали: „при Владимірѣ“. Я воспользовался симъ случаемъ, чтобы внушить ректору, учителямъ и ученикамъ всю важность нашей церковной исторіи и притомъ повторилъ еще полнѣе и сильнѣе то, что говорилъ въ семинаріи рязанской.

<sup>1)</sup> Антоній Смирницкій, 31-го января 1826 года хиротонисанный въ мѣстныя епархіи мѣстопопечерскіе во епископа воронежскаго, съ 31-го января 1832 года архіепископъ; умеръ 20-го декабря 1846 года.

<sup>2)</sup> Эльпидифоръ Бенедиктовъ, съ 1832 года архимандритъ Николаевскаго Бѣлгородскаго монастыря, съ 1837 г. архимандритъ Акатово-Александровскаго, въ Воронежѣ, монастыря. Со 2-го февраля 1843 г. викарій воронежскій, затѣмъ еп. каменецъ-подольскій. Съ 1848 года еп. харьковскій. Съ 1851 г. еп. вятскій, а съ 7-го января 1860 г. архіеп. тавричскій; 25-го мая того-же года уволенъ на покой, а 31-го мая скончался въ С.-Петербургѣ.

<sup>3)</sup> Николай Николаевичъ Муравьевъ-Карскій, жившій неподалеку, въ селѣ Скорняковѣ, Задонскаго уѣзда.



Весьма жаль отдавать зданіе, гдѣ помѣщается сія семинарія. Пр. Антоній о томъ сокрушается и проситъ васъ, чтобы по крайней мѣрѣ ускорили разрешить покушку мѣста, весьма приличнаго, противъ оконъ его монастыря, гдѣ въ выстроенныхъ уже домахъ можетъ отчасти и временно уже помѣститься часть семинаристовъ, хотя и дурно, пока будутъ строить. Цѣна домовъ возмѣщается до невѣроятности и если до сентября еще продлится сіе дѣло, то расходы умножатся, ибо хозяева новыхъ домовъ отдѣлываютъ ихъ для квартиръ прѣѣзжихъ по сосѣдству обители, а лучше сего мѣста и пространяе найти нельзя. Изъ послѣдняго рапорта о семъ предметѣ пр. Антонія, можно видѣть, какъ прилично и удобно мѣсто сіе и напротивъ его онъ строить предполагаетъ духовное училище, которое выведетъ изъ монастыря для помѣщенія братіи и расширенія консисторіи, стѣсняемой бурсою. Такимъ образомъ въ виду его будутъ всѣ учебныя заведенія. Многое бы еще сказать о Воронежѣ, но не все удобовѣстимо въ письмѣ.

Тулу я только что проѣзжалъ, но успѣлъ быть у пр. Дамаскина <sup>1)</sup> въ семинаріи, лучшей изъ всѣхъ, какія я видѣлъ, по своему зданію и удивительному положенію; ученики уже были всѣ раслушаны. Ректоръ, архимандритъ Нилъ, кажется, человѣкъ опытный, хотя и не старій; о немъ хорошо отзываются и бесѣда его прочна и основательна, сколько позволено судить по тому времени, которое я съ нимъ провелъ. Соборъ въ Тулѣ прекрасный, церкви оправляются отъ пожара.

Въ Калугѣ до такой степени стѣснены въ казенномъ домѣ архіерейскіе покои, семинарія, училище и консисторія, что я даже не понимаю, какъ могло все сіе до сихъ поръ существовать въ такомъ видѣ <sup>2)</sup>; нельзя требовать порядка отъ консисторіи, которая вся втѣснена въ двѣ комнаты и у коей архивъ въ холодныхъ чуланахъ, въ два аршина ширины. Секретарь, человѣкъ расторопный, жалуется на сіе стѣсненіе, да и точно, необходимо или купить особенный домъ для консисторіи, или сдѣлать по мнѣнію преосвященнаго <sup>3)</sup>. Онъ предлагаетъ отдать ему для подворія прекрасный вновь купленный домъ для училища, и это было бы хорошо, потому что домъ барскій, для архіерея можетъ оставаться въ томъ видѣ, какъ есть, а для училища надобно весь сломать; въ этомъ домѣ могла бы помѣститься и консисторія. А старые архіерейскіе покои, находясь въ связи съ семинарією, могли бы ее расширить; для училища же пристроить къ ней корпусъ на ту сумму, какая бы пошла для передѣлки новаго дома, а пр. Николай увѣряетъ, что за 40,000 можно бы устроить корпусъ, для котораго мѣсто весьма прилично. Если же не согласится комиссія уступить новаго дома архіерею, то все-таки необходимъ домъ для консисторіи.

<sup>1)</sup> Дамаскинъ Россовъ, 6-го ноября 1821г. изъ викаріевъ новгородскихъ былъ назначенъ епископомъ тульскимъ; 19-го декабря 1850 г. переведенъ въ Оловецъ архіепископомъ. 7-го февраля 1851 г. уволенъ на покой. Умеръ въ июль 1856 года.

<sup>2)</sup> Въ такомъ печальномъ видѣ калужскій архіерейскій домъ существовалъ до самаго послѣдняго времени. Только теперешній епископъ калужскій, пр. Владимиръ, исходатайствовалъ у синода суммъ на покушку новаго, болѣе приличнаго, архіерейскаго дома.

<sup>3)</sup> Николай Соколовъ, 2-го октября 1834 г. былъ переведенъ въ Калугу изъ викаріевъ московскихъ; умеръ 18-го сентября 1851 г.

Ректоръ, архимандритъ Макарій, не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія, ни дурнаго, ни хорошаго, но мнѣ непріятно и непріятно было видѣть инспекторомъ молодого мірянина, хотя и скромнаго человѣка, но съ виду походяго на службу; кажется, инспекторъ долженъ быть непремѣнно духовная особа, иначе не внушить нужнаго уваженія.

Наконецъ, скажу вамъ, что въ Боровскѣ, въ древнемъ знаменитомъ монастырѣ св. Пафнутія, я засталъ развалины; мнѣ казалось, что французы только что прошли изъ Малаго Ярославца; груда камней посреди города церковь Преподобнаго сломана, другую, теплую съ колокольней, хотѣли ломать не столько ради ветхости, сколько ради симметріи, да, кажется, пріевскій удержалъ проѣздомъ, а то бы начали по какому-то новому плану, утвержденному въ Петербургѣ. Древнюю паперть кругомъ главнаго собора сломали, сдѣлали новую, безобразную трапезу, съ боку припека. Намѣстника въ обители нѣтъ, судится въ Калугѣ; архимандрита нѣтъ <sup>1)</sup>, ректоръ, братъ безъ начальника безчинствуетъ <sup>2)</sup>; меня приняли за самозванца и не показали ни ризницы, ни бібліотеки. Ради Бога, призрите сію древнюю обитель и дайте ей настоящаго архимандрита, да хорошаго человѣка, а то пропадетъ совершенно, и не дозволяйте ломать стараго: жалость смотрѣть на сію обитель, а она можетъ служить примѣромъ, какъ пагубны ректоры для монастырей и что необходимо искоренить это зло, чтобы возстановить разоренныя ими обители. Кончаю слишкомъ длинное писмо. Я вчера только пріѣхалъ и еще не получилъ вашего отвѣта, вѣроятно онъ въ деревнѣ; пробуду здѣсь нѣсколько дней и напишу еще о Москвѣ, а теперь спѣшу отправить сіи дорожныя замѣтки.

Примите увѣреніе въ чувствахъ глубочайшаго уваженія и совершенной преданности, съ коими честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою А. Муравьевъ.

Прошу васъ покорнѣйше засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе преосвященному митрополиту Серафиму и Іонѣ <sup>3)</sup>.

Сейчасъ представлялся я его высочеству <sup>4)</sup>, и наследникъ мнѣ говорилъ, что хорошо бы обратитъ вниманіе на Колодскій монастырь <sup>5)</sup> (смоленской

<sup>1)</sup> Архимандритомъ Боровскаго Пафнутьева монастыря въ это время состоялъ Виталий Щепетевъ (съ 8-го іюня 1833 г.), который, по званію ректора с.-петербургской духовной академіи, постоянно жилъ въ Петербургѣ.

<sup>2)</sup> По другой и болѣе вѣрной редакціи нужно читать: бѣдствуетъ. Справ. «Русскій Архивъ» 1876 г., т. III.

<sup>3)</sup> Іона Васильевскій, изъ калужскихъ протоіереевъ, съ 1812 г. епископъ тавровскій, затѣмъ астраханскій, съ 1828 года митрополитъ грузинскій, умеръ въ Петербургѣ, живя на покой въ Невской лаврѣ, 22-го іюня 1849 года. Число вѣтъ. Исторія петерб. академіи, стр. 246—247.

<sup>4)</sup> Въ іюль 1837 года Москву посѣтилъ великій князь наследникъ Александръ Николаевичъ, который, подъ руководствомъ м. Филарета, осматривалъ нѣкоторые московскіе монастыри и былъ въ домѣ митрополита. Письмо Филарета къ Антонію, ч. I, 242.

<sup>5)</sup> Колодскій монастырь находится въ двадцати верстахъ отъ Можайска, по смоленской дорогѣ, въ Гжатскомъ уѣздѣ; третьеклассный. Въ 1837 году въ Колодскомъ монастырѣ не было настоятеля.

енархин, близъ Бородина), потому что онъ замѣчательнѣе исторически. А между тѣмъ я слышалъ отъ Жуковского, что наследника приняли тамъ очень дурно; какіе-то два монаха скитались раздѣтые по монастырю, а прочіе все разошлись куда-то, ибо пр. смоленскій <sup>1)</sup> не догадался сдѣлать распоряженіе. Колокольня такъ ветха, что наследникъ едва могъ взобраться, да и все тамъ въ упадѣ. Долгомъ поставлю довести о томъ сейчасъ же до свѣдѣнія вашего сіятельства“.

Созданный оберъ-прокуроромъ новый порядокъ церковнаго управленія, которымъ всё нити церковной администраціи сходились и исходили отъ оберъ-прокурора, самъ по себѣ открывалъ для него полное господство надъ синодальными дѣлами. Но оберъ-прокуроръ для того, чтобы не встрѣчать себѣ никакого противодѣйствія со стороны членовъ синода, всегда старался выбирать изъ нихъ самыхъ слабохарактерныхъ, тогда какъ архіереевъ, отличавшихся стойкимъ характеромъ и твердою волею, онъ путемъ самыхъ разнообразныхъ интригъ навсегда удалялъ изъ синода, а ихъ мѣста предоставлялъ людямъ болѣе покладистаго характера.

По свидѣтельству записокъ современниковъ, графъ Протасовъ болѣе или менѣе снисходительно относился къ одному только первенствующему члену синода, петербургскому митрополиту Серафиму, благодаря ходатайству котораго онъ и получилъ оберъ-прокурорство. Но и тутъ грубый солдатскій нравъ гусарскаго полковника не всегда удерживался въ границахъ умѣренности. Одинъ изъ засѣдавшихъ въ синодѣ при графѣ Протасовѣ архіереевъ передалъ слѣдующій отзывъ объ отношеніяхъ его къ митрополиту Серафиму:

„Владыку Серафима, рассказывалъ въ свое время этотъ епископъ, Протасовъ меньше всѣхъ обижалъ, но однажды, не знаю уже, что такое ему въ голову вступило, такой оскорбительный для чести старика намекъ сдѣлалъ, что тотъ только посмотрѣлъ на него, а когда ярый Протасовъ отвернулся, то владыко благословилъ его издалека и, вздохнувъ, сталъ подписывать бумаги. Все это происходило при чиновникахъ, которые держались одного Протасова, а на насъ совсѣмъ озвѣрѣли, но тутъ при этомъ случаѣ даже чиновникъ, который подписи пескомъ засыпалъ, окончивъ долж-

<sup>1)</sup> Въ то время епископомъ смоленскимъ былъ Тимоѣей, переведенный сюда 24-го февраля 1834 года изъ викаріевъ новгородскихъ; 26-го августа 1856 года смѣлованъ въ архіепископа; 16-го мая 1859 года уволенъ на покой; умеръ 24-го іюля 1862 года въ Ордынской пустынѣ.

ность, припалъ и поцѣловалъ у митрополита руку, какъ бы со слезами<sup>1)</sup>.

Вообще въ оберъ-прокурорство графа Протасова митрополитъ Серафимъ, отчасти подъ вліяніемъ крутыхъ дѣйствій оберъ-прокурора, а отчасти и по старости и дряхлости, не пользовался большимъ вліяніемъ на рѣшеніе дѣлъ въ синодѣ. А изъ другихъ постоянныхъ членовъ синода—Филаретъ, митрополитъ московскій, и Филаретъ, митрополитъ кievскій, на лѣто уѣзжали въ свои епархіи и значить не участвовали въ дѣлахъ синода; въ отсутствіе ихъ оберъ-прокуроръ что хотѣлъ, то и дѣлалъ. Однако Протасову сильно не нравилось и то, что оба Филарета, но особенно московскій, не хотѣли быть безгласными членами синода, а по возможности отстаивали свои права. Протасовъ повелѣлъ противъ обоихъ Филаретовъ, но особенно противъ московскаго, продолжительную интригу, которая, въ сожалѣнію, спустя пять лѣтъ, увѣнчалась успѣхомъ. Оберъ-прокуроръ отъ гусаръ не даромъ воспитывался у іезуита, у котораго онъ научился вести всевозможнаго рода интриги на основаніи извѣстнаго классическаго правила іезуитовъ: цѣль оправдываетъ средства. Съ членами синода, архіереями, вызывавшимися изъ епархій, оберъ-прокуроръ, если только они имѣли несчастье попасть въ нему въ немилость, распоряжался очень скоро и безъ особенныхъ хлопотъ и затрудненій. По интригѣ создавалось какое нибудь дѣло, касающееся епархій этого архіерея, которое потомъ раздувалось до послѣдней степени; а если не попадалось готоваго дѣла, за которое можно бы было ухватиться, то назначалась ревизія епархій, которая обыкновенно производилась чрезъ довѣреннаго оберъ-прокурорскаго чиновника (большею частію чрезъ А. И. Войцеховича)<sup>2)</sup>, и бѣднаго архіерея въ концѣ концовъ отправляли въ епархію, а тамъ, немного спустя, сдвигали на новую худшую епархію, а не то, смотря по милости оберъ-прокурорской, и совсѣмъ лишали епархій и ссылали на покой въ такіе монастыри,

<sup>1)</sup> „Истор. Вѣстникъ“ 1882 г., ноябрь. „Синодальныя персоны“. Н. С. Лѣскова, 399.

<sup>2)</sup> Ф. Ф. Исмаиловъ въ своихъ воспоминаніяхъ дѣлаетъ характеристику Войцеховича, въ которой онъ рисуетъ его, какъ человѣка искательнаго, вкрадчиваго и своекорыстнаго и хотя не изъ іезуитовъ, но „не меньше ихъ хитраго и сомнительной честности“. „Странникъ“ 1882, сентябрь, 82 стр.

гдѣ жизнь была, по мѣтвому выраженію Н. С. Мѣскова, хуже настоящей ссылки. И такіе примѣры бывали <sup>1)</sup>).

Болѣе хлопотъ представляли для оберъ-прокурора члены синода изъ бѣлаго духовенства — это императорскій духовникъ и главный священникъ арміи и флотовъ. Не смотря на ихъ низшую іерархическую степень, этихъ лицъ чрезвычайно трудно было удалить изъ синода, если они уже разъ туда попадали. Какъ постоянные жители столицы, для которыхъ, значить, не имѣло никакого значенія удаленіе въ епархію „для пользы службы“, и какъ люди болѣе или менѣе близкіе и извѣстные самому государю, они составляли предметъ постояннаго безпокойства для оберъ-прокурора. Помимо того, эти лица во время продолжительнаго пребыванія въ столицѣ составляли для себя большія связи при дворѣ, благодаря которымъ имъ не страшенъ казался и гусарскій полковникъ, засѣдавшій въ синодѣ. Но что болѣе всего вооружало Протасова противъ членовъ синода изъ бѣлаго духовенства, такъ это то, что они, особенно, напримѣръ, императорскій духовникъ, имѣли непосредственный доступъ къ государю, которымъ, вонечно, легко могли воспользоваться для противодѣйствія слишкомъ уже зазнавашагося полковника отъ гусаръ. Все это, конечно, отлично понималъ Протасовъ и старался обезопасить себя, сколько возможно, отъ неприятныхъ ему синодаловъ изъ бѣлаго духовенства. Такъ, онъ задумалъ совсѣмъ уничтожить постъ главнаго священника арміи и флота, который въ то время занималъ протопресвитеръ Василій Ивановичъ Кутневичъ, и вмѣсто него задумалъ создать новое званіе архіепископа арміи и флота. Мысль графа очень легко поддается объясненію: въ случаѣ неудачнаго выбора архіепископа арміи и флота отъ него легко можно было отдѣлаться, давъ ему какую нибудь епархію. На мѣсто Кутневича графъ проектировалъ назначить своего любимца, ректора петербургской духовной академіи—архимандрита Аѳанасія Дроздова. О направленной противъ себя интригѣ оберъ-прокурора своевременно

<sup>1)</sup> Исмаиловъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: „если кто изъ членовъ синода возвыситъ голосъ въ защиту своихъ правъ или заговоритъ вопреки желанію оберъ-прокурора, того сдвинутъ съ епархіи безъ суда и апелляціи, а если кто изъ канцелярскихъ чиновниковъ станетъ напротивъ синода, а не за синодъ—того или выгонятъ совсѣмъ со службы, или лишатъ права на всякую выслугу. „Странникъ“ 1882, Сентябрь, стр. 83.

узналъ и протопресвитеръ Кутневичъ. Предлогомъ къ удаленію его былъ оказавшійся у него недостатокъ въ переходящихъ суммахъ. Графъ Протасовъ поручилъ своему довѣренному чиновнику, А. И. Войцеховичу, обрѣзывать его книги. Кутневичъ просто сказалъ Войцеховичу: „да что вы тутъ стараетесь? У меня не достаетъ десяти тысячъ. Да будетъ воля Божія и начальства: я готовъ принять наказаніе“. Все это было доведено до свѣдѣнія государя, кажется, княземъ Гагариннымъ. Государь послалъ Кутневичу десять тысячъ для пополненія недочета, а когда, черезъ два-три дня, графъ Протасовъ представилъ докладъ, государь его уничтожилъ <sup>1)</sup>.

Много хлопотъ, и также къ счастью понапрасну, употребилъ оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ на то, чтобы не допустить въ члены синода и недавно умершаго императорскаго духовника, протопресвитера В. Б. Бажанова. „Зная благорасположеніе ко мнѣ всей императорской фамилии, такъ рассказываетъ объ этомъ самъ покойный протопресвитеръ въ своей автобіографіи, графъ Протасовъ опасался того, что въ случаѣ смерти духовника государя, протопресвитера Музовскаго, мѣсто его будетъ предоставлено мнѣ, а слѣдовательно я буду членомъ синода, вотъ этого-то ему никакъ и не хотѣлось. По неограниченному властолюбію, графъ Протасовъ желалъ непрекословно управлять синодомъ и сдѣлать его безгласнымъ и, пользуясь болѣзнію и преклонными лѣтами первенствующаго члена, митрополита Серафима, онъ достигъ этой цѣли, выславъ изъ синода, присками, кievскаго Филарета и московскаго Филарета. Со мною графъ Протасовъ имѣлъ также нѣсколько столкновеній, изъ которыхъ онъ увидѣлъ, что я безгласнымъ членомъ синода не могу быть и вотъ онъ, пользуясь связями съ высокопоставленными и близкими къ государю лицами, старался при удобномъ случаѣ распространять между ними понятіе обо мнѣ, какъ о человѣкѣ неуживчивомъ и самоуправномъ <sup>2)</sup>).

(Продолженіе слѣдуетъ).

<sup>1)</sup> Разказы изъ недавней старины. „Русскій Архивъ“, 1878 годъ, тетр. 12, 517 стр. Протопресвитеръ В. И. Кутневичъ былъ оберъ-священникомъ арміи и флота съ 1833 г. по 1864 г. Истор. очеркъ управленія духовенствомъ военнаго вѣдомства. Невзорова, приложеніе 1. — Барсовъ. Объ управленіи русскнхъ духовенствомъ.

<sup>2)</sup> Автобіографія Бажанова. „Истор. Вѣстникъ“, 1883 г., декабрь, 563.

## МЕРТВЫЯ ДУШИ ГОГОЛЯ.

Средняя черновая редакція четырехъ главъ первой части.

[Главы II, III, IV и V].

Въ апрѣлѣ 1883 года на страницахъ «Русской Старины» были помѣщены первоначальная редакція повѣсти Гоголя „Шинель“; и тогда же было обѣщано напечатать вполнѣ черновыя редакція другихъ произведеній Гоголя, хранящихся среди бумагъ знаменитаго живописца Иванова въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ. Въ настоящее время намъ удалось подробно ознакомиться съ двумя неполными редакціями первой части «Мертвыхъ душъ»: съ первоначальной черновой и бѣловой. Первая содержитъ отрывки слѣдующихъ главъ: II, VII, VIII, IX, X, XI; вторая—одной полной и трехъ не полныхъ главъ: VI, II, III и V<sup>1)</sup>.

Такъ какъ всѣ эти списки получаютъ особый интересъ по отношенію къ способу творчества Гоголя, то—ознакомивши читателей по напечатаннымъ черновымъ редакціямъ повѣсти «Шинель» съ способомъ его работы при самомъ началѣ писанія, мы не будемъ уже приводить здѣсь первоначальной редакціи поэмы. Несравненно любопытнѣе будетъ посмотрѣть, какъ много и значительно исправлялъ Гоголь даже бѣловую редакцію. Съ этою цѣлью мы и печатаемъ названный списокъ четырехъ главъ первой части „Мертвыхъ душъ“. Онѣ хотя и переписаны набѣло, но настолько перемараны, настолько испещрены вставками, сдѣланными то карандашемъ, то перомъ, и притомъ разными чернилами, что въ концѣ концовъ списокъ изъ бѣловаго превратился въ черновой. Многія, довольно большія, мѣста совсѣмъ вычеркнуты и на мѣсто ихъ вписаны другія...

Но, не смотря на всѣ исправленія, данный бѣловый списокъ все же далеко отъ печатной редакціи. Поэтому его вѣрнѣе будетъ назвать среднею черновою редакціей, отъ которой въ обѣ стороны, т. е. къ первоначальной и къ печатной—должны идти еще нѣсколько промежуточныхъ редакцій.

Данный бѣловый списокъ, или какъ мы назвали—средняя черновая редакція въ рукописи имѣетъ видъ тетрадки въ 8-ю долю листа съ сѣровато-

<sup>1)</sup> Рукописи помѣщаются въ Музеѣ подъ № 2205.

зеленой обложкой. Нѣкоторые листы изъ нея вырваны, почему первые три главы неполны. Во II и III-ей главахъ не достаетъ начала и конца; въ V-ой не достаетъ всей первой половины вплоть до разговора Чичикова съ Собакевичемъ о мертвыхъ душахъ. Только VI-я глава—которою оканчивается тетрадка—сохранилась цѣлкомъ. Въ рукописи она начинается нѣсколько раньше, т. е. тамъ, гдѣ въ печатной редакціи продолжается еще V-я глава. Она въ высшей степени любопытна по содержащимся въ ней нѣсколькимъ совсѣмъ новымъ, вполне законченнымъ, сценамъ, не вошедшимъ въ печатную редакцію.

Необходимо замѣтить, что довольно многія отдѣльныя слова въ предлагаемомъ текстѣ тождественны съ печатными, но здѣсь они оставлены, такъ какъ безъ нихъ не было бы связи въ приводимыхъ варьянтахъ. Многоточіями замѣнены здѣсь тѣ строки, которыя тождественны въ обозрѣваемой рукописи автора съ печатнымъ текстомъ, а потому нами опущены.

Для сличенія съ печатной редакціей мы пользовались изданіемъ Кулиша: «Сочиненія Гоголя» 1857 года, IV томъ.

Е. С. Некрасова.

## МЕРТВЫЯ ДУШИ, СОЧ. ГОГОЛЯ.

### ГЛАВА II.

.... Бабы, съ толстыми лицами и перевязанными грудями, смотрѣли изъ верхнихъ оконъ; изъ нижнихъ глядѣлъ теленокъ или высовывала слѣпую морду свою свинья. Виды извѣстные. На все это Чичиковъ не глядѣлъ вовсе: вопервыхъ, потому что такихъ видовъ на Руси не наберешься, а вовторыхъ, потому что онъ дѣйствительно былъ занятъ чѣмъ-то важнымъ. Лицо его имѣло всѣ признаки размышленія, и часто приставляемая рука ко лбу давала знать, что дѣло требовало нѣкоторой дѣятельности и увертливости ума. День—не смотря на то, что лѣто было на исходѣ—былъ еще довольно жарокъ, и онъ долженъ былъ нѣсколько разъ утирать платкомъ свой лобъ, на которомъ проступали крупныя капли пота, производимыя двойнымъ напряженіемъ—наружнымъ и внутреннимъ <sup>1)</sup>. Проѣхавши пятнадцатую версту,

Но и шестнадцатая верста мелькнула <sup>2)</sup> мимо, а деревни все еще не было видно. По сторонамъ было гладкое поле. Это заставило его, прищуря глаза, смотрѣть вдаль—не попадется ли гдѣ прохожій. И точно, замѣтилъ онъ въ концѣ до-

<sup>1)</sup> Въ рукописи все это мѣсто, начиная съ слова: «на», зачеркнуто.

<sup>2)</sup> Это слово зачеркнуто и замѣнено: «полетѣла».



роги, которая казалась совершенно отрѣзанною, двѣ движущіяся точки. Эти двѣ точки мало по малу, по мѣрѣ приближенія, обращались въ двухъ мужиковъ и, наконецъ, сдѣлались совершенными мужиками, когда поровнялись съ брычкой. Мужики были въ рубахахъ и несли на палкахъ свои сапоги и тулупы. На вопросъ: далека ли деревня Заманиловка? . . . . . и не было. Можетъ быть, мужикъ и болѣе еще бы пояснилъ, но Чичиковъ <sup>1)</sup> уже не слушалъ его и ѣхалъ далѣе. Проѣхавши двѣ версты . . . . . а каменнаго дома въ два этажа все еще не было видно. Наконецъ, когда проѣхали еще двѣ версты, высунулось вмѣстѣ съ горою одиноко бѣлѣвшее на ней строеніе, тогда какъ самая деревня еще скрывалась за едва замѣтною возвышенностью. Тутъ Чичиковъ и т. д.

Покатость горы, на которой онъ стоялъ, была одѣта подстриженными дерномъ, два или три куста сирени, да береза были раскинуты на ея небольшомъ пространствѣ. Пониже былъ прудъ, покрытый зеленью, что, впрочемъ, не въ диковинку въ англійскихъ садахъ русскыхъ помѣщиковъ. У подошвы этого возвышенія и частію по самому скату настроенныя вдоль и поперекъ сѣренькія русскія избы, которыя герой нашъ—неизвѣстно по какимъ причинамъ—въ ту же минуту считалъ и нашелъ болѣе двухъ сотъ. Нигдѣ ни деревца, все бревна, да бревна; внизу бѣжала по каменному дну тощая рѣчка <sup>2)</sup>. У пруда были замѣтны три <sup>3)</sup> бабы, которыя, стоя на деревянной жордочкѣ, шлепали по водѣ мокрымъ бѣльемъ. Двое мальчишекъ, поджавши рубашки, брели по немъ, разбрызгивая ногами воду съ такимъ спокойнымъ видомъ, какъ будто занимались дѣломъ <sup>4)</sup>.

Поодаль въ сторонѣ темнѣлъ сосновый лѣсъ. Погода въ это время очень кстати прислужилась къ пополненію этой картины. День былъ не то ясный, не то сѣрый. Облака убрали все небо клочками, и цвѣтъ его сдѣлался очень похожъ на цвѣтъ мундировъ нашихъ гарнизонныхъ солдатъ—этого живописнаго и мирнаго войска уѣздныхъ городовъ, довольно ядушаго кашу и въ воскресные дни пьянаго мертвецки. Скоро имъ показалось и этого мало и они заволокли его совершенно. Кричащій

<sup>1)</sup> Зачеркнуто и поставлено: «кучеръ».

<sup>2)</sup> Въ рукописи зачеркнуто слова, напечатанныя разрядкою.

<sup>3)</sup> Въ печатной редакціи сказано: «двѣ». (Соч. Гоголя 1856 г., IV т., 19 стр.)

<sup>4)</sup> Далѣе въ рукописи идетъ слѣдующее мѣсто: «лѣсъ сосновый темнѣлъ въ сторонѣ. Солнце, обливавшее яркимъ свѣтомъ своимъ бѣлыя стѣны господскаго дома, производило яркую противоположность въ сравненіи съ темными и закопченными крестьянскими избами».

Но всѣ эти строки зачеркнуты и вмѣсто нихъ вписано то, что далѣе слѣдуетъ въ текстѣ.

пѣтухъ, предвѣстникъ переменчивой погоды, еще болѣе наполнилъ эту картину. Самъ хозяинъ стоялъ на крыльцѣ, въ зеленомъ шалонивомъ сюртукѣ, приставивъ руку ко лбу въ видѣ зонтика надъ глазами, чтобы разсмотрѣть хорошенько экипажъ. По мѣрѣ того, какъ бричка подъѣзжала къ крыльцу, глаза его дѣлались веселѣе и улыбка раздвигалась болѣе и болѣе

. . . «Насилу вы таки вспомнили насъ».

Здѣсь авторъ просить у читателя извиненія за свою непростительную разсѣянность. Онъ совершенно не помнитъ, сказалъ ли онъ, что Чичикова звали Павломъ Ивановичемъ или нѣтъ <sup>1)</sup>.

Оба пріятели очень крѣпко поцѣловались . . .

но вотъ эти всѣ господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ виду очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядишься, увидишь много самыхъ неувловимыхъ особенностей.... О, это пытка для автора. Онъ долженъ надъ ними долго продумать, прежде чѣмъ примется за кисть.

Одинъ Богъ развѣ можетъ сказать какой былъ характеръ Манилова. На Руси, какъ и во всякомъ другомъ государствѣ, есть очень много такихъ людей, которыхъ обыкновенно называютъ: ни рыба, ни мясо. Можетъ быть къ этому разряду принадлежалъ и Маниловъ. Въ выраженіи лица его было что-то чрезвычайно сладкое и во всѣхъ приемахъ что-то заискивающее — расположенія и знакомства. Улыбался онъ очень пріятно и былъ недурень собою, блондинъ съ голубыми глазами . . . . . если коснешься его предмета. У всякаго человѣка есть какой-нибудь конекъ. Одинъ влюбленъ въ охоту, такъ что если бы деньги, то скупилъ бы, казалось, всѣхъ собакъ. Другой мастеръ лихо пообѣдать. Этому уже, кажется, отъ рожденія внушилъ Богъ страсть колотить ямщиковъ, станціоннаго зрителя; у того рука чешется заломить уголь бубновому тузу. Но Маниловъ не имѣлъ рѣшительно никакой страсти. Дома онъ говорилъ очень мало . . . . . Въ домѣ его вѣчно чегонибудь не доставало. Въ одной комнатѣ была у него прекрасная мебель, стоившая, безъ сомнѣнія, ему весьма не дешево. За то въ другой не было совершенно никакой, кромѣ развѣ какого-нибудь деревяннаго стула, вовсе не потому, чтобы онъ не считалъ нужнымъ, но потому единственно, что не успѣлъ еще завестись,—хотя уже болѣе 10 лѣтъ, какъ жилъ онъ въ своемъ домѣ. По этой же самой причинѣ вѣстѣ съ прекраснымъ бронзовымъ вызолоченнымъ и обдѣланнымъ въ перломутрѣ канделябромъ подавался на столъ какой-то гадкій, старый

<sup>1)</sup> Начиная и кончая разрядкой—все мѣсто въ рукописи зачеркнуто.

подсвѣчникъ. Его супруга съ своей стороны . . . Но о дамахъ я очень боюсь говорить, да притомъ мнѣ давно пора возвратиться къ нашимъ героямъ, которые стояли передъ дверью гостиной, взаимно упрашивая другъ друга пройти впередъ.

«Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь. Какъ можно для меня такое безпокойство <sup>1)</sup>. Пожалуйста, проходите.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ. Вы нанесете мнѣ чувствительнѣйшую обиду <sup>2)</sup>. Какъ можно, чтобы я такому пріятному гостю позволилъ пройти послѣ себя.

«Ахъ Воже мой, я не знаю, право, какъ отвѣчать мнѣ <sup>3)</sup>. Мнѣ право совѣстно, говорилъ Чичиковъ, выступая, наконецъ, впередъ, но нѣсколько бокомъ, какъ бы желая хоть по крайней мѣрѣ войти виѣстъ <sup>4)</sup>.

— Позвольте мнѣ вамъ представить жену мою,—сказалъ Маниловъ. «Душенька! Павелъ Ивановичъ!» прибавилъ онъ, обращаясь къ ней <sup>5)</sup>. Чичиковъ увидѣлъ точно даму, которую онъ совершенно было не примѣтилъ, раскланиваясь въ дверяхъ съ Маниловымъ, и которая приподнялась съ своего мѣста и оставила свою работу, бывшую у ней въ рукахъ. Дама была лѣтъ двадцати семи; одѣта она была, какъ обыкновенно онѣ одѣваются: платокъ, чепецъ, ленты, словомъ, дама <sup>6)</sup>. Чичиковъ подошелъ къ ручкѣ.

«Вы насъ очень обрадовали своимъ прїѣздомъ, сказала жена Манилова. Сдѣлайте милость, садитесь. Не прошло дня, чтобы мужъ мой не вспоминалъ о васъ.

— Вашъ мужъ, сударыня, очень далеко простираетъ доброту свою ко мнѣ, сказалъ Чичиковъ.

«Да, отвѣчалъ Маниловъ. Ужъ она бывало все спрашиваетъ меня: да что же твой прїятель не ѣдетъ? Погоди, душенька, прїѣдетъ. А вотъ вы, наконецъ, и удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ. Ужъ такое, право, доставили наслажденіе, прїятнѣйшій <sup>7)</sup> майскій день.

— О, помилуйте! никакъ не достоинъ такой чести. Какъ можно, чтобы я льстилъ себя надеждою, что мое посѣщеніе можетъ доставить

<sup>1)</sup> Зачеркнуто.

<sup>2)</sup> Зачеркнуто и замѣнено: „это обида“.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто.

<sup>4)</sup> Зачеркнуто и замѣнено: Проходите, сдѣлайте милость, проходите. Я послѣ, говорилъ Чичиковъ. „Нѣтъ, никакъ нельзя“. Наконецъ, оба прїятеля вошли въ дверь бокомъ и нѣсколько притиснули другъ друга.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто.

<sup>6)</sup> Зачеркнуто, начиная съ слова: „Дама“.

<sup>7)</sup> Зачеркнуто.

удовольствие. Другое дѣло, если-бъ я чтонибудь значилъ въ мірѣ <sup>1)</sup>, но ни громкаго имени не имѣю, ни даже ранга замѣтнаго, ни достоинства <sup>2)</sup>.....

«Вы все имѣете, прервалъ Маниловъ...

«Не правда ли, что предпочтительнѣйшій и прелюбезнѣйшій человекъ? прибавилъ Маниловъ.

— О, предпочтительнѣйшій! сказалъ Чичиковъ. Это, можно сказать, мой благодѣтель! Какъ онъ вошелъ въ свою должность и какъ поемаеъ ее!

— Это справедливо, совершенно справедливо—отвѣчалъ Чичиковъ. Что можетъ быть лучше какъ жить въ уединеніи, наслаждаться зрѣлищемъ природы, если упражнять умъ въ занятіяхъ высокихъ, которыя бы доставляли моральную пищу сердцу. Размышлять о чемънибудь или прочесть что-нибудь, господина Булгарина сочиненія <sup>3)</sup>.....

«И знаете, Павелъ Ивановичъ, сказалъ Маниловъ, сдѣлавши такую мину, что даже было нѣсколько приторно натошакъ, тогда чувствуешь какое-то эдакое духовное наслаждение.. Вотъ какъ, напримеръ, теперь случай доставилъ мнѣ счастье говорить съ вами и наслаждаться пріятнымъ вашимъ разговоромъ...

— О, помилуйте, какъ можно, чтобы я льстилъ себя такой надеждой, ничтожный человекъ и не имѣю вовсе такихъ достоинствъ, которыя бы могли мнѣ пріобрѣсть расположеніе <sup>4)</sup>.

«О, Павелъ Ивановичъ, я бы съ радостью отдалъ половину всего моего состоянія, чтобы имѣть часть тѣхъ достоинствъ, которыя имѣете вы .

Хозяйка сѣла за свою суповую чашку. Мужчины, пока <sup>5)</sup> выпивши по рюмкѣ водки, усѣлись такимъ образомъ, что Чичиковъ сѣлъ между хозяиномъ и хозяйкою.

«Менелай <sup>6)</sup>, сказалъ Маниловъ, обратившись къ старшему.

Чичиковъ поднялъ нѣсколько бровь, услышавъ такое страшное имя, но постарался тотъ же часъ привести лицо въ обыкновенное положеніе

— Умница, душенька! прибавилъ съ своей стороны Чичиковъ. Скажите однако-жь, продолжалъ онъ, обратившись съ нѣкоторымъ видомъ

<sup>1)</sup> Зачеркнуто, начиная съ словъ: „Какъ можно“.

<sup>2)</sup> Эти два слова зачеркнуты.

<sup>3)</sup> Всѣ строчки, начиная и кончая разрядкою, зачеркнуты, и вписано: „читать иногда книгу“.

<sup>4)</sup> Зачеркнуто и вписано: „и больше ничего“.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто.

<sup>6)</sup> Въ печатномъ: „Фемистоклюсъ“. (27 стр.).

изумленія къ Маняиловымъ. Въ такія гѣта и уже такія свѣдѣнія! Я долженъ вамъ сказать, что въ этомъ ребенкѣ будутъ большія способности

...Вотъ меньшей Алкивиадъ, тотъ не такъ быстръ, а этотъ сейчасъ, если что-нибудь замѣтитъ и обратитъ вниманіе <sup>1)</sup>. Я его прочу по дипломатической части

— Приятная комнатка, сказалъ Чичиковъ, окинувши ее глазами.

Между двумя окнами помѣщался письменный столъ, покрытый сафьяномъ. На немъ лежала какая-то книжка <sup>2)</sup> съ заложною закладкою . . . Но, должны сѣсть.

— Вы очень обязательны, говорилъ Чичиковъ, садясь въ кресло, и мнѣ право все равно, даже еще лучше на стулѣ <sup>3)</sup>..

— Это, я вамъ скажу, дѣйствительно, случается. Въ натурѣ такое множество странныхъ вещей. Но позвольте прежде одну просьбу... При этомъ словѣ Чичиковъ оглядѣлся вокругъ, какъ бы желая знать, не глядятъ ли кто откуда-нибудь... Какъ давно вы изволили подавать ревизскую сказку?..

— А не могу знать, объ этомъ нужно, я думаю, спросить прикащика. Эй, человекъ! позови прикащика!

— А какъ, напримѣръ, числомъ?

— Да, сколько числомъ? подхватилъ Маняиловъ.

— Да какъ сказать числомъ? Число неизвѣстное. Человекъ до 80 будетъ.

«Да, именно, сказалъ Маняиловъ, обратясь къ Чичикову. Я тоже предполагалъ. Большая смертность.

— Ты, пожалуйста, ихъ перечти, сказалъ Чичиковъ, подробный реестрикъ всѣхъ поименно.

«Да, всѣхъ, сказалъ Маняиловъ.

Прикащикъ сказалъ: «слушаю», и ушелъ.

Тутъ Чичиковъ ѣздилъ и вертѣлся минуты четыре на стулѣ. Наконецъ, досталъ изъ кармана платокъ, высморкался и потомъ опять положилъ его въ карманъ. Потомъ снова вѣнулъ и высморкался очень звучно, что онъ дѣлалъ весьма искусно, потомъ принялся складывать очень фигурно въ родѣ бумажника или записной книжки, потомъ

<sup>1)</sup> Зачеркнуто и вписано: „встрѣтитъ букашку, козявку, тотчасъ обратитъ вниманіе“.

<sup>2)</sup> Все зачеркнуто и вписано: „Въ комнатѣ было мебели немного: столъ и на немъ книжка“.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто и вписано: „Охъ, Боже, ужъ мнѣ такъ, право, совѣстно“.

вновь въ карманъ и началъ, наконецъ, такъ: «Не можете ли вы мнѣ продать кое-какихъ?» сказалъ Чичиковъ.

— Крестьянъ? Да вы хотите съ землей или безъ земли?

«Нѣтъ, къ чему земля? въ землѣ не состоитъ необходимость.

— Сколькихъ человекъ вы желаете имѣть, сказалъ Маниловъ, выпуская дымъ.

«Да всѣхъ тѣхъ, которые умерли.

— Какъ умерли?

«Я разумѣю, то есть, чтобы вы мнѣ продали умершихъ.

— Маниловъ чуть не выронилъ изъ рукъ трубки и смотрѣлъ на Чичикова. Прежде всего въ головѣ его пробѣжала мысль: не хотеть-ли гость пошутить. Но лицо Чичикова было рѣшительно серьезно. Потому подумалъ онъ, не спятилъ-ли онъ съ ума, но и этого не было замѣтно. Глаза Чичикова были ясны, и все было какъ слѣдуетъ довольно пристойно. Да и самъ онъ сидѣлъ съ умѣренностью и пріятностью, какъ сидитъ благонамѣренный чиновникъ. Находясь въ такомъ затруднительномъ недоумѣніи, онъ не нашелъ ничего другаго сдѣлать, какъ только выпустить изъ рта дымъ чрезвычайно тонкою струею.

«Итакъ, можете-ли вы уступить ихъ?

Но Маниловъ такъ сконфузился и опѣшилъ, что только смотрѣлъ на него и не могъ сказать ни одного слова.

«Итакъ, вы затрудняетесь?

— Я? нѣтъ, я ничуть, сказалъ Маниловъ; но я не могу постичь... извините моему невѣдѣнію. Не имѣя вашихъ положительныхъ свѣдѣній... объективныхъ... я могу ошибаться, вы извините, однако-жъ, меня, можетъ быть, все это не то, можетъ быть, вы это изволили выразиться такъ для красоты слога.

«Нѣтъ, я въ существѣ своемъ разумѣю, сказалъ Чичиковъ.

Никакъ не нашелся на это ничего сказать Маниловъ и совершенно растерялся. Ему казалось, еще необходимо сдѣлать одинъ вопросъ—какой вопросъ и какъ сдѣлать его сообразно съ приличіемъ, и въ какомъ родѣ? Кончилъ онъ, наконецъ, тѣмъ, что выпустилъ дымъ, но только уже не ртомъ, а черезъ носовое отверстіе.

«Такъ я бы съ своей стороны ужъ и купчую совершилъ бы, сказалъ Чичиковъ.

— Какъ! на мертвыя души купчую?!

«А, нѣтъ, сказалъ Чичиковъ, мы напишемъ такъ, какъ будто бы это были живыя. Я ужъ, видите, самъ служилъ и привыкъ дѣлать

по законамъ. Ужь это мой нравъ—отъ справедливости ни на шагъ; за правду и потерпѣлъ даже <sup>1)</sup>).

Маниловъ въ отвѣтъ принялся насасывать чубукъ такъ сильно, что онъ началъ, наконецъ, хрипѣть, какъ фаготъ. Казалось, какъ будто бы онъ желалъ вытянуть изъ него мѣнѣе

«... такъ не будетъ ли эта, такъ сказать, негодяя несоответствующею гражданскимъ постановленіямъ Россіи...

Тутъ лицо Манилова приняло такое глубокое и значительное выраженіе, что всякій въ ту же минуту принялъ бы его за министра <sup>2)</sup>).

«Нѣтъ, не будетъ, отвѣчалъ на это довольно просто Чичиковъ. Правительство въ такихъ дѣлахъ совершенно благонамѣренно и никакихъ съ своей стороны притѣсненій..... даже еще будетъ довольно, потому что получить казенныя пошліны.

— А, если будетъ довольно, это другое дѣло. Я противъ этого ничего, сказалъ Маниловъ и совершенно успокоился.

«Теперь намъ остается только условиться въ цѣнѣ и...

— Какъ, неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которыя въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать <sup>3)</sup>, окончили свое существованіе. Если ужъ вамъ пришло этакое, такъ сказать, фантастическое желаніе, то я съ большой охотой вамъ ихъ всё уступлю безъинтересно и купчую принимаю на свой счетъ.

«Благодѣтель мой! сказалъ Чичиковъ, схвативши обѣими своими руками руки Манилова и подпрыгнувши на стулѣ съ живостью, почти несвойственною для человѣка среднихъ лѣтъ, имѣющаго чинъ ни слишкомъ большой, ни слишкомъ малый.

— Рѣшительно не стоитъ благодарности, отвѣчалъ Маниловъ.— Мнѣ бы хотѣлось услужить въ чемъ-нибудь, гдѣ-бы можно точно доказать дружеское, этакъ сказать, влеченіе, магнетизмъ души; но умершія души—это въ нѣкоторомъ родѣ совершенная дрянь.

«Очень не дрянь, сказалъ Чичиковъ съ чѣмъ-то подобнымъ даже на вздохъ. Если-бъ вы знали, какую вы этимъ услугу оказали чело-вѣку безъ племени и роду. Да, дѣйствительно, чего не потерпѣлъ я, какихъ гоненій, какихъ преслѣдованій...

Маниловъ былъ совершенно тронутъ.

«Такъ купчую вы ужъ, пожалуйста, припасите поскорѣе, если

<sup>1)</sup> Вписано и потомъ зачеркнуто.

<sup>2)</sup> Зачеркнуто и наверху вписано: „какое еще никогда и не видано было на свѣтѣ; если-жъ и видано, то очень рѣдко“.

<sup>3)</sup> Вычеркнуто.

можно, продолжалъ Чичиковъ; да не дурно-бы, если-бы надвяхъ съѣздили въ городъ; а до того времени я буду васъ должевъ оставить, потому что у меня есть еще одно дѣльце.

Тутъ Чичиковъ взялъ шапку и отправился по угламъ отыскивать свою палку съ набалдашникомъ въ видѣ собачки.

— Какы! вы ўжь хотите ѣхать?! сказалъ Маниловъ, почти испугавшись... <sup>1)</sup>.

### ГЛАВА III.

«онъ надворный <sup>2)</sup> совѣтникъ». Такимъ образомъ разсуждая, лошадиный правитель вошелъ, наконецъ, въ чрезвычайныя отвлеченности. Если-бы Чичиковъ прислушивался, то онъ-бы узналъ очень много подробностей, относившихся лично къ нему, но мысли его такъ глубоко погрузились въ различныя смѣты и соображенія по поводу страннаго своего прожекта, что онъ былъ глухъ и нечувствителенъ ко всему. Наконецъ сильный ударъ грома заставилъ его очнуться и посмотреть вокругъ себя... Это заставило опустить сверху кожанныя занавѣски съ двумя круглыми окошечками для разсматриванія видовъ по дорогѣ и застегнуться кожею. Дождь продолжался ливнем <sup>3)</sup>. Цѣлая лужа набѣжала вдругъ сверхъ кожи, и свѣтлые дождевые волдыри спѣшно плыли, сталкивая и уничтожая другъ друга; вода стекала оттуда ему на ноги, между тѣмъ какъ брызги, прорывавшіяся въ отверстіе между занавѣсками и кожею, прохлаждали его животъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивался жилетъ и начинались панталоны <sup>4)</sup>. Это показалось Чичикову очень неприятнымъ, тѣмъ болѣе, что становилось темно, и время близилось къ ночи. Первымъ дѣломъ его было закричать Селифану ѣхать скорѣе... Услышавши крикъ <sup>5)</sup>, лошади пустились на рысяхъ. Самъ даже сѣрый съ широкимъ задомъ началъ подтягивать. Но самъ рѣчистый правитель <sup>6)</sup> никакъ не могъ припомнить—два или три поворота пробѣжалъ, до такой сте-

<sup>1)</sup> На этомъ обрывается вторая глава. Далѣе въ этой-же тетради слѣдуетъ III я,—только опять не сначала и даже не съ точки, а съ полуфразы: видно, что изъ тетради нѣсколько листовъ вырвано.

<sup>2)</sup> Въ печатномъ: „онъ скогѣвскій совѣтникъ“. (38 стр., изд. 57 г., т. IV)

<sup>3)</sup> Зачеркнуто.

<sup>4)</sup> Все это, начиная со слова: „цѣлая“, зачеркнуто.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто.

<sup>6)</sup> Зачеркнуто и вписано: „Но Селифанъ“.



пени былъ онъ занятъ своими наставленіями <sup>1)</sup>. Сообразивши всё обстоятельства и припомнивши нѣсколько дорогу, онъ смекнулъ, что, кажется, много было поворотовъ, которые онъ всё проѣхалъ мимо. Такъ какъ русскій человѣкъ въ рѣшительныя минуты всегда найдетъ чтò сдѣлать, не вдаваясь въ далекія разсужденія, то онъ тотъ-же часъ поворотилъ свою бричку на первую перекрестную дорогу направо и, прикрикнувши: «Эй, вы, други почтенные!» пустился въ галопъ, мало помышляя о томъ, куда приведетъ взятая имъ дорога . . . .

тащить бричку. Колеса, обращаясь, захватывали на свои ободья, тѣмъ далѣе, болѣе и болѣе грязи и, наконецъ, сдѣлались совершенно покрытыми ею какъ-будто толстымъ войлокомъ. Чичиковъ начиналъ сильно беспокоиться.

— Нѣтъ, баринъ, нигдѣ не видно. Послѣ чего Селифанъ, помахивая кнутомъ, затянулъ пѣсню, не пѣсню, а чортъ знаетъ, что такое <sup>2)</sup>. Что-то такое длинное, чему и конца не было. Начиналось оно почти такимъ образомъ: «Эй, вы, сердечные! мои любимые! Эй, вывозите! Вывозите, вывозите! пыхъ! пыхъ! Забубенные, вы! Ну, дѣтки, ну, разомъ! Ну-те, еще, еще. Эхъ, вы, сердечные <sup>3)</sup>, московскіе обыватели, толоконные пріятели <sup>4)</sup>. Ну, други! ну, разомъ, разутѣшники мои...» Много еще прилагательныхъ и новыхъ существительныхъ придавалъ. Это дѣлалось безъ большаго разбора, а что первое попадалось ему на языкъ. Такимъ образомъ дошло до того, что онъ началъ, наконецъ, называть ихъ секретарями. А между тѣмъ дождь и не думалъ переставать, но еще, какъ казалось, болѣе усиливался <sup>5)</sup>.

Чичиковъ вертѣлся въ своей бричкѣ, пересѣдая безпрестанно изъ угла въ уголь. Сидѣть ему было страшно неловко: куда ни выбиралъ онъ помѣстить себя, вездѣ было мокро. Въ ногахъ у него сдѣлалась совершенная ванна, такъ что ему стоило только раздѣться, и онъ могъ тутъ-же выкупаться. Дождевыя капли хлопали по затылку его картуза и сливались вдали въ однообразное урчанье. Колеса и копыта лошадиныя звякали медленно въ грязь.

«Что, Селифанъ, не видно-ли какой-нибудь деревушки?» сказалъ нетерпѣливо Чичиковъ.

— Не видно, баринъ, отвѣчалъ Селифанъ и, обратившись къ конямъ, одолжилъ ихъ довольно удачно кнутомъ, отъ чего они сдѣлали

<sup>1)</sup> Зачеркнуто.

<sup>2)</sup> Вычеркнуто.

<sup>3)</sup> Вычеркнуто.

<sup>4)</sup> Вписано карандашомъ.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто карандашомъ.

«РУССКАЯ СТАРИНА», ТОМЪ XLVIII, 1885 Г., ОКТЯБРЬ.

еще разъ усиліе пробѣжать на рысяхъ <sup>1)</sup>. Между тѣмъ Чичиковъ сталъ примѣчать, что бричка. . . Селифанъ лошадей, однако-жь, оставовилъ. Это было ему и не трудно, потому что иначе овѣ-бы и сами остановились: такъ овѣ были изнурены...

— Нѣтъ, баринъ, какъ можно, чтобы я былъ пьянъ! отвѣчалъ Селифанъ, — я знаю, что это нехорошее дѣло быть пьянымъ. Я такого дѣла не дѣлаю <sup>2)</sup>. Съ пріятелемъ поговорилъ, потому что съ хорошимъ человѣкомъ можно поговорить и закусить вмѣстѣ, въ томъ нѣтъ ничего худаго, закуска—не обидное дѣло. Съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить. А я совсѣмъ не пьянъ. Я знаю, что это нехорошее дѣло—быть пьянымъ.

«Погоди, я съ тобой послѣ расправлюсь», сказалъ промокшій насквозь Чичиковъ. «Поднимай, дуракъ, бричку! Что, дурачина, стоишь?» Сказавши это, онъ немедленно принялся съ своей стороны самъ поднимать ее. Селифанъ съ своей стороны уперся обѣими руками такъ крѣпко, что чуть не опрокинулъ ее на другой бокъ. Это заставило Чичикова закричать: «Стои! стои! все переломашь, скотина!» <sup>3)</sup>.

— Нѣтъ, баринъ, ничего не изломаю. Бричка крѣпкая, чего-жь бы ей изломаться? Она бричка крѣпкая, хорошая, московская бричка. Ей не можно наломаться. Она въ Москвѣ дѣлалась.

«Вотъ ты у меня поговоришь», говорилъ Чичиковъ, стиснувъ отъ досады зубы <sup>4)</sup>. Положеніе героя нашего было не завидно. На немъ было все мокро. Въ бричкѣ было тоже мокро. И какъ на бѣду ничего нельзя было предпринять. Оставаться на одномъ мѣстѣ было гадко; ѣхать тоже не было никакой возможности. Доставши изъ-подъ подушки небольшой коврикъ, который—не помню—кѣмъ-то былъ ему подаренъ,—кажется, какой-то дамой, онъ разостлалъ его сверхъ подушки и сидѣлъ нѣсколько минутъ въ нерѣшимости, слушая печальную музыку дождя <sup>5)</sup>. Одно только жалкое утѣшеніе ему оставалось: бранить Селифана.

«Нарѣзался же, мерзавецъ!» говорилъ онъ, сжимаясь кзѣзъ

<sup>1)</sup> Начиная съ слова: „Чичиковъ“ и кончая: „на рысяхъ“, все нѣсколько разъ переправлено, затѣмъ заразъ перечеркнуто чернилами.

<sup>2)</sup> Зачеркнуто.

<sup>3)</sup> Послѣ слова „Селифанъ“ все зачеркнуто и вписано сверху: „тоже упилился за нее обѣими руками, и хотя бричка уже была совершенно поставлена, но онъ пѣръ ее такъ крѣпко, что чуть не переверотилъ на другую сторону, такъ что баринъ долженъ былъ умѣрить его усердіе порядочнымъ ударомъ по рукѣ, примолвивши: „Переломашь, слотина!“

<sup>4)</sup> Начиная съ „нѣтъ“, все перечеркнуто чернилами.

<sup>5)</sup> Начиная съ „доставши“, перечеркнуто чернилами.

заявлю, котораго проняло холодомъ <sup>1)</sup>. «Толкомъ толковали тебѣ дорогу. Можно было, кажется, понять...»

— Да, что-жь, ваше благородіе, отвѣчалъ кучеръ, вѣдь я, кажется, хорошо ѣхалъ. Возьми, говорятъ, направо, — ну, я и взялъ направо. Я не поѣду, куда не слѣдуетъ <sup>2)</sup>. Я ужь разумѣю свое дѣло. Ужь скоро будетъ шестой годъ, какъ я ѣзжу съ вашею милостію; вы, вѣдь, меня взяли на козлы о Покровѣ—я помню.

«А что я тебѣ сказалъ въ послѣдній разъ, когда ты напился пьянъ? А, позабылъ? проиванесь Чичиковъ.

— Нѣтъ, ваше благородіе, какъ можно, чтобы я позабылъ! . . . . почему-жь не постычь?

На такое разсужденіе баринъ совершенно не нашолся, что отвѣчать. Ему сдѣлалось совершенно нестерпимымъ оставаться на одномъ мѣстѣ, и онъ, наконецъ, далъ повелѣніе полупьяному Селифану ѣхать. Въ этому побуждалъ его <sup>3)</sup> издали послышавшійся собачій лай. Онъ точно не обманулся; лай сдѣлался <sup>4)</sup>, наконецъ, явственнѣе, такъ что Селифанъ оборотился къ нему съ козель и сказалъ:

— Ваше благородіе, а ваше благородіе!

«Что тамъ? сурово возразилъ Чичиковъ.

— Оно, вѣрно, деревенька-то близко, потому...

«Пошелъ, дуракъ, я это и безъ тебя знаю.

Русскій возница имѣеть доброе чутье, вмѣсто глазъ . . . .

если-бы на Руси не было, вмѣсто швейцаровъ, лихихъ собакъ, которыя доложили о немъ такимъ звонкимъ и оглушительнымъ голосомъ, что онъ долженъ былъ, наконецъ, заткнуть себѣ пальцами уши <sup>5)</sup>. Къ этому присоединился еще и сѣрый конь, который такое поднялъ <sup>6)</sup> ржанье, какъ будто-бы увидѣлъ цѣлый табунъ лошадей <sup>7)</sup>. .

Свѣтъ мелькнулъ. . . дорожнымъ. ворота . . . Селифанъ съ своей стороны, какимъ-то страннымъ чутьемъ успѣлъ ихъ нащупать и принялся колотить въ нихъ обонми кулаками. На эту тревогу

<sup>1)</sup> Зачеркнуто карандашомъ.

<sup>2)</sup> Зачеркнуто чернилами.

<sup>3)</sup> Начиная съ: „ему“, зачеркнуто карандашомъ и вписано карандашомъ-же: „Но въ это время, казалось, какъ-будто судьба, наконецъ, надъ нимъ скакнулась“.

<sup>4)</sup> Зачеркнуто и вписано: „слышался“.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто и вписано: „поднесъ пальцы къ ушамъ своимъ“.

<sup>6)</sup> Зачеркнуто и вписано: „испустившій самое дикое и неистовое“.

<sup>7)</sup> Зачеркнуто; сверху вписано: „самыхъ близкихъ своихъ пріятелей“ и опять зачеркнуто.

вышла какая-то фигура, покрывшись армякомъ, и баринъ съ кучеромъ услышали хрипчивый бабій голосъ: «Кто тамъ стучитъ? чего расшодились?» . . въ подставленную бочку.

Собаки заливались всѣми возможными голосами: одинъ вылъ такъ усердно, какъ будто-бы за это получалъ, Богъ знаетъ, какое жалованье. Другой такъ на-скоро <sup>1)</sup> отхватывалъ, какъ пономарь, за нимъ слышенъ былъ дышкантъ, такой неугомонный, звонкій <sup>2)</sup>, что въ головѣ звенѣло; потомъ одинъ—вѣрно уже старый—лаялъ хрипло и басомъ <sup>3)</sup>, какъ генералъ передъ фронтомъ. Не шутя <sup>4)</sup>, можно было предположить <sup>5)</sup>, что въ этомъ оркестрѣ было болѣе ста музыкантовъ. Это могло-бы дать замѣтить Чичикову, что деревушка была порядочная. Но промокшій и иззябшій герой ни о чемъ не думалъ, какъ только о постели. Еще бричка не успѣла совершенно остановиться, какъ онъ уже соскочилъ на крыльцо. На крыльцо вышла опять какая-то женщина, нѣсколько помоложе прежней, но чрезвычайно на нее похожая, которая плачутся на убытки и неурожай и держатъ голову нѣсколько на бокъ.

«Извините, матушка, что побезпокоилъ васъ! сказалъ Чичиковъ.

— Ничего, ничего, сказала хозяйка. Въ какое-то время васъ, батюшка, Богъ принесъ! Сумятица и вьюга какая! Вамъ-бы съ дорой, батюшка, я знаю, что прилично закусить чего-нибудь, да пора-то ночная, ничего и приготовить нельзя...

«Благодарю, благодарю, матушка, отвѣчалъ Чичиковъ <sup>6)</sup>. Покалуйста, ни о чемъ не безпокойтесь, мнѣ больше <sup>7)</sup> постели ничего больше не нужно. А вотъ вы меня развѣ обяжете—когда <sup>8)</sup> скажете, далеко-ли живетъ помѣщикъ Собакевичъ?

— Нѣтъ, отецъ мой, не слышала такого имени. Такого здѣсь нѣтъ помѣщика .

— До города будетъ версть 60, а можетъ быть и болѣе. Я, право, такъ жалѣю, что ничего нѣтъ вамъ покушать. Не хотите-ли, батюшка, выпить чаю?

<sup>1)</sup> Зачеркнуто.

<sup>2)</sup> Зачеркнуто.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто и вписано: „все это покрывалъ густой басъ — видно, уже старикъ—потому что лаялъ такъ хрипло“.

<sup>4)</sup> Зачеркнуто; вписано: „навѣрное“.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто; вписано: „сказать“.

<sup>6)</sup> Вписано потомъ.

<sup>7)</sup> Зачеркнуто и вписано: „кромя“.

<sup>8)</sup> Вписано сверху карандашомъ.

«Благодарю, благодарю, матушка, приготовьте мнѣ только постель и больше ничего...

такъ изволилъ засалиться?

«Эхъ, матушка, слава Богу, что живъ остался. Опрокинулся вмѣстѣ съ бричкой на проклятой дорогѣ. Хорошо еще лошади не потаскали.

— Святители, какія страсти!.... Ну, вотъ тебѣ постель и готова, сказала хозяйка.—Прощайте, батюшка. Желаю вамъ спокойной ночи...

. никакъ не засыпала.

«Благодарю, благодарю! ничего не нужно. Прощайте, матушка, приятнаго сна вамъ желаю.

— Прощай, отецъ мой.

Хозяйка вышла; осталась только Фетинья. Чичиковъ поспѣшилъ разоблачиться и отдалъ верхнюю и нижнюю свою арматуру Фетинѣ, которая, пожелавъ ему, съ своей стороны, спокойной ночи, потащила эти мокрые доспѣхи.

... что заставило его очень крѣпко чихнуть. Между тѣмъ какъ дѣлный десятокъ мухъ жужжалъ надъ нимъ, высматривая, гдѣ покажутся мѣсто... Окинувшій взглядомъ комнату.

Чичиковъ, чтобы лучше заснуть, скинулъ даже съ себя рубашку, которая была тоже мокра. Выглянувшее лицо

. на что Чичиковъ сказалъ ему дурака. Выглянувши въ окно, онъ замѣтилъ, что крестьянскихъ дворовъ было немного. «Э, да у нея деревенька порядочная!» сказалъ самъ въ себѣ, «право, порядочная!» повторилъ онъ и принялся считать пальцемъ дворы, которыхъ оказалось болѣе тридцати. Это открытіе ему было очень приятно. Онъ тотъ же часъ заглянулъ въ щелочку . и скипидаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ выкушаете <sup>1)</sup> чайку? Вотъ въ этой фляжкѣ-то <sup>2)</sup> фруктовая, перегнанная на вишневья косточки.

«Не дурно, не дурно, матушка, выпью <sup>3)</sup> фруктовой . .

. онъ говорить совершенно на тотъ же ладъ съ миллионщикомъ и съ какимъ-нибудь кучеромъ <sup>4)</sup>. У насъ совсѣмъ другое: у насъ есть такіе искусники и <sup>5)</sup> мудрецы, которые съ помѣщикомъ, у котораго <sup>6)</sup> двѣсти душъ, будутъ говорить совершенно другимъ образомъ, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, а съ трехсотнымъ

<sup>1)</sup> Зачеркнуто; вписано: „прихлебнете“.

<sup>2)</sup> Зачеркнуто.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто; вписано: „хлебау и...“

<sup>4)</sup> Зачеркнуто; вписано: „мелкимъ табачнымъ торгашемъ“.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто.

<sup>6)</sup> Зачеркнуто; вписано: „нмѣющимъ“.

опять не такъ, какъ съ четырехсотнымъ; съ четырехсотнымъ не такъ, какъ съ пятисотнымъ,—и такимъ образомъ далѣе, восходя или нисходя до безконечно великихъ или малыхъ. Выберется, напримѣръ, иной правитель канцелярш, поглядишь на него, когда онъ среди своихъ подчиненныхъ, то есть <sup>1)</sup> въ своей канцелярш: что за важный видъ! Гордость и <sup>2)</sup> благородство такое въ лицѣ... какого, кажется... орелъ, совершенно орелъ! <sup>3)</sup> — выступаетъ плавно, мѣрно. Тотъ-же самый орелъ, какъ только вышелъ изъ комнаты и приближается къ кабинету своего начальства, куропаткой такой спѣшить съ бумагами подъ мышкой <sup>4)</sup>, что мочи нѣтъ. И такихъ мудрецовъ есть не мало. Иногда наткнешься на такого, что даже страхъ почувствуешь, особенно если при этомъ самъ еще робкаго десятка. Прометей, совершенный Прометей! гордости столько въ глазахъ, что возьми кисть, да и рисуй. Посмотришь на этого самаго Прометея въ другомъ мѣстѣ <sup>5)</sup> — узнать нельзя: муха! меньше даже мухи! уничтожился въ песчинку,

— Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго 80, сказала хозяйка: да то бѣда моя, что времена-то плохи. Вотъ <sup>6)</sup> прошлый годъ былъ такой неурожайный, что Боже упаси...

«Ну, однако-жъ, все еще слава Богу. Мужички на видъ такіе <sup>7)</sup> дюжіе, и набенки все почти новыя, восемьдесятъ душъ не лишняя вещь... А позвольте узнать фамилію вашу. Я, право, такъ захлопотался, прѣхалъ въ такое время и позабылъ совершенно спросить .

«Нѣтъ матушка, отвѣчалъ Чичиковъ. Я больше приватный человекъ <sup>8)</sup>, ѣзжу по своимъ надобностямъ по деревнямъ. Къ вамъ тоже имѣю дѣльце.

— А! такъ вы покупщикъ! какъ же жаль, что я продала медъ купцамъ такъ дешево, а вотъ ты бы, отецъ мой <sup>9)</sup>, у меня теперь вѣрно купилъ.

<sup>1)</sup> Зачеркнуто.

<sup>2)</sup> Вписано сверху.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто; вписано: „что просто бери кисть, да и рисуй. Прометей! совершенный Прометей! глядишь такимъ орломъ“.

<sup>4)</sup> Вписано потомъ.

<sup>5)</sup> Начиная съ: „И такихъ“, все зачеркнуто и вписано: „А попался ему бытъ съ тѣми, которые повыше его — Богъ знаетъ, что сдѣлается тогда съ Прометеємъ“.

<sup>6)</sup> Вписано потомъ.

<sup>7)</sup> Зачеркнуто.

<sup>8)</sup> Вписано потомъ и зачеркнуто.

<sup>9)</sup> Вписано потомъ.

«Нѣтъ, благодарю, матушка, я вовсе не меду хочу купить <sup>1)</sup>».

— Что-жъ другое? развѣ пеньку? Только и пеньки-то у меня теперь маловато. Полпуда всего.

«Ну, пеньки-то тоже не требуется. Я по другому случаю имѣю къ вамъ дѣло.»

— Что жъ такое? право, я ужъ не могу придумать <sup>2)</sup>».

«Много у васъ, матушка, умерло крестьянъ, числящихся по ревизіи?»

— Охъ, батюшка! 18 душъ! сказала старуха, вздохнувши. Такое мое несчастье! и умерли-то почти все люди взрослые, работники. Правда, хоть и народилось послѣ того болѣе <sup>3)</sup>, да что съ нихъ. Народъ еще малый. Такая, право, бѣда. А тутъ засѣдатель подѣхалъ съ повѣсткой, чтобы подушное уплачивать. Народъ мертвый—а плати, какъ за живаго человѣка. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ,—такой хорошій <sup>4)</sup> кузнецъ—и слесарное мастерство зналъ.

«Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?»

— Нѣтъ, не пожаръ. Богъ поберегъ отъ такого горя. Самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, черезчуръ вышелъ. Такъ только синій огонекъ пошелъ отъ него; весь истлѣлъ, истлѣлъ и почернѣлъ, какъ уголь, а такой былъ хорошій <sup>5)</sup> кузнецъ. И теперь такая бѣда моя—хотѣла было ѣхать въ городъ, не кому брички починить <sup>6)</sup>».

«Это, подлинно, несчастье. На все воля Божія, матушка. Противъ мудрости Божіей ничего мы не можемъ сказать. Уступите ихъ мнѣ, Настасья Петровна.»

— Кого, батюшка?

«Да этихъ-то, что умерли.»

— Да какъ же уступить ихъ, отецъ мой?

«Такъ, просто. Или, пожалуй, продайте! я вамъ что-нибудь дамъ за нихъ.»

— Да какъ же! Я, право, въ толкъ-то не возьму. Нечто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?

«Вотъ Боже сохрани! что я за нехристь такой? нѣтъ, вы только переведите ихъ мнѣ на бумагѣ такъ, какъ бы продали за живыхъ.»

<sup>1)</sup> Зачеркнуто; замѣнено: „мѣду мнѣ повамѣсть не нужно“.

<sup>2)</sup> Вычеркнуто карандашомъ.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто.

<sup>4)</sup> Зачеркнуто; замѣнено: „искусный“.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто; замѣнено: „искусный“.

<sup>6)</sup> Зачеркнуто; замѣнено: „лошадей подковать“.

— Да на что жь онѣ тебѣ? сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

«Это ужь мое дѣло.

— Да, вѣдь, онѣ жь мертвыя?

«Это я знаю, что мертвыя, потому-то я и беру ихъ, чтобы виѣсть съ этимъ и васъ избавить отъ хлопотъ. Я вамъ дамъ за нихъ деньги пятнадцать рублей ассигнаціями! Что-жь, матушка, задумались?»

— Право, не знаю, — произнесла хозяйка съ разстановкой. Никогда еще не продавала я мертвыхъ душъ.

«Эва бѣда—не продавали! Ну, а теперь продайте. Вѣдь вамъ онѣ нигуда ужь не годятся.

— Это правда. Да вѣдь все какъ-то мнѣ того... что того <sup>1)</sup>... что онѣ ужь мертвыя».

«Чего жь чудно <sup>2)</sup>. Вѣдь вамъ съ нихъ не доходъ собирать?

— Какой съ нихъ доходъ <sup>3)</sup>! Что ужь за доходъ съ мертвого человѣка?

«Ну, видите <sup>4)</sup>. И подушное за него вы платите, какъ за живаго.

— Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ — сказала старуха. Прошлаго года внесла болѣе полутораста, да засѣдателя подмаслила.

«Ну, видите, матушка. А теперь подумайте только хорошенько, теперъ вы вдругъ избавитесь отъ всѣхъ расходовъ. Я ужь тутъ <sup>5)</sup>, за все отвѣчаю, крѣпость совершу на свой счетъ, убытки всѣ, подушное и прочее... словомъ все ужь я плачу.

Здѣсь старуха опять <sup>6)</sup> задумалась. Она видѣла точно, что дѣло выгодное для нея, но съ другой стороны опасалась, чтобы какъ нибудь не обманулъ этотъ покупецъ.

«Такъ что-жь, матушка, по рукамъ что ли? говорилъ Чичиковъ.

— Право, отецъ мой, никогда еще не случилось мнѣ продавать мертвыхъ <sup>7)</sup>. Живыхъ-то я продаю. Вотъ и третьяго года протопопу двухъ дѣвокъ по сту рублей каждую.

«Ну, тогда продали живыхъ, а теперъ продайте мертвыхъ.

— Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ не влѣбучиться. Можетъ быть ты какъ нибудь, отецъ мой, меня обманываешь, онѣ больше стоятъ.

<sup>1)</sup> Зачеркнуто. Вписано: „меня то и затрудняетъ“.

<sup>2)</sup> Зачеркнуто. Вписано: „Что-жь тутъ затрудняться“?

<sup>3)</sup> Зачеркнуто. Вписано: „вѣстимо“.

<sup>4)</sup> Зачеркнуто.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто. Вписано: „засѣдателя подмасливать нечего, ибо я“.

<sup>6)</sup> Зачеркнуто. Вписано: „нѣсколько призадумалась“.

<sup>7)</sup> Зачеркнуто. Вписано: „покойниковъ“.



«Что жь онѣ стоять? Онѣ ничего не стоять! Вѣдь я вамъ даю за нихъ деньги — пятнадцать рублей ассигнаціями! Вы взгляните окомъ благоразумнаго человѣка—это почти по рублю за человѣка. Чтѣ ни говори, а пятнадцать рублей вещь не пустая. На дорогѣ вы ихъ не сыщете. Ну, признайтесь, почему вы продали медь?»

— Ей Богу продала.

«Ну, видите, такъ за то жь это медь. Вы собирали его, можетъ быть, около года. А мертвыя души вамъ Богъ самъ послалъ. Его была на то Божья воля. Вы ни чуть не трудились для нихъ <sup>1)</sup>. На то была Божья воля... А тутъ вы берете ни за что, даромъ, да не двѣнадцать, а пятнадцать, да и не серебромъ, а все синими ассигнаціями!

— Право, отвѣчала старуха. Мое такое вдове неопытное дѣло. Лучше жь я маленько повременю; не поѣдутъ ли купцы,—примѣнюсь немного <sup>2)</sup> къ дѣламъ.

«Помилуйте, матушка, что это вы говорите? Кто жь станетъ покупать ихъ. Неужто вы думаете, что найдется такой дуракъ. Вы ужь много продали всякой всячины, ну скажите по совѣсти, спрашивалъ ли у васъ ихъ ктонибудь?»

— Нѣтъ, батюшка, никто не спрашивалъ. Ты въ первой затѣялъ.

«Это вотъ самое и говорить довольно ясно <sup>3)</sup>, что ужь онѣ рѣшительно никому не годятся.

— А, можетъ, какънибудь въ хозяйствѣ подь случай понадобятся <sup>4)</sup>, выразила старуха, не прибравшая дать изъясненія своей нерѣшительности <sup>5)</sup>.

«Богъ съ вами, матушка <sup>6)</sup>! Что это вы? Вы вѣрно чегонибудь покушали <sup>7)</sup>? На что-жь онѣ понадобятся <sup>8)</sup>? Развѣ по ночамъ будутъ пугать воробьевъ въ вашемъ огородѣ.

— Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь, отецъ мой!

«На что жь другое онѣ годятся? Впрочемъ, я ихъ вѣдь и не беру съ собою. Богъ съ ними! Пусть онѣ вамъ остаются съ костями и со-

<sup>1)</sup> Зачеркнуто. Вписано: „дѣло не отъ міра сего. Вы здѣсь не прилагали съ своей стороны, такъ сказать, никакого труда“.

<sup>2)</sup> Вписано.

<sup>3)</sup> Вычеркнуто.

<sup>4)</sup> Зачеркнуто.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто. Вписано: „да и сама спохватилась, вспомнивши, что въ самомъ дѣлѣ проку съ нихъ мало“.

<sup>6)</sup> Зачеркнуто. Замѣнено: „мертвыя въ хозяйствѣ“.

<sup>7)</sup> Зачеркнуто. Вписано: „сказалъ Чичиковъ“.

<sup>8)</sup> Зачеркнуто.

всѣмъ. Весь переводъ, вѣдь, будетъ значиться только на бумагѣ. Желалъ бы я знать, какую пользу <sup>1)</sup> въ хозяйствѣ хотѣли вы получить отъ нихъ.

— Да ужъ, конечно, какая съ нихъ польза? отвѣчала старуха.

«Такъ что жъ? жаль вамъ ихъ что ли?»

— Да чего жъ жалѣть, вѣдь онѣ ужъ мертвыя.

«Такъ изъ чего жъ вы стоите за нихъ?»

— Да я жъ и не стою ни мало, чего жъ стоять за нихъ?»

«Ну, такъ отдавайте!»

— Какъ же продать? Я право не знаю. Дѣло такое...

«Да что жъ за дѣло? дѣло обыкновенное.»

— Все мнѣ сдается... Боюсь я, право, чтобы какъ нибудь не проторговаться. А что жъ вы переверотили чашку! Вѣдь это сквозникъ по 10 рублей фунтъ. Выкушайте, батюшка, чашечку. Я нарочно приготовила для васъ покрѣпче.

«Покорнѣйше благодарю. Я больше одной чашки не пью. Но мы однако жъ отдалились отъ предмета. Помните, матушка, разсудите хорошенько, къ чему вамъ здѣсь напрасно только слова терять. Въ самомъ дѣлѣ, какъ будто изъ чего нибудь добраго бьемся. Это просто людямъ на смѣхъ. Объ этакой дряни да столько толковъ <sup>2)</sup>».

— Да на что жъ онѣ вамъ нужны <sup>3)</sup>?

«Да что жъ съ ними дѣлать? Просто хочется, чтобы всякій народъ былъ у меня <sup>4)</sup>. Это совершенно не идущая сюда статья. Да и какое вамъ дѣло <sup>5)</sup>, на то покупщикъ, чтобы покупать вещь... пришла такая минута, что захотѣлось. Больше изъ челоуѣколюбія. Отдавайте, матушка, да и концы въ воду. Пятнадцать рублей положите въ сумочку, и преславное будетъ дѣло.»

— Ей Богу же, не знаю какъ мнѣ быть, отвѣчала старуха. Товаръ-то такой странный.

<sup>1)</sup> Зачеркнуто и вписано карандашемъ: „такъ что-жъ, матушка, задумались?“ или: „О чемъ же, Настасья Петровна, вы думаете? Или вновь затрунаетесь. Неужли въ самомъ дѣлѣ?“

<sup>2)</sup> Зачеркнуто и вписано наверху: „что вы толкуете такое? на чемъ здѣсь проторговаться? вѣдь эта вещь ужъ вовсе ничего незначущая. Это дрянъ— чтобы не сказать дурнаго слова. Сама посудите— для какого она употребленія“.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто и вписано. „А вы то сами что будете съ ними дѣлать, какъ купите?“

<sup>4)</sup> Трудно разобрать слово.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто и вписано: „изъ челоуѣколюбія больше... впрочемъ“.

«Да Богъ съ нимъ, какой бы ни былъ товаръ, да если выгодное дѣло, такъ что тутъ глядѣть, по боку его, да и дѣло съ концомъ. Подумайте только—ни хлопотъ, ничего. Засѣдатель прѣдетъ, а вы ему: «А зачѣмъ ты? пошелъ вонъ! Я знать ничего не знаю, я продала такому-то, ступай, съ нимъ возись!» Вотъ онъ и поѣхалъ дуракъ съ носомъ.

— Когда бъ то Богъ милосердный привелъ до этого, сказала старуха. «Какъ не привести? дѣло въ вашихъ рукахъ. Такъ давайте <sup>1)</sup>, матушка, по рукамъ!

Старуха опять задумалась.

— Когда бы то я скольконибудь была познающему <sup>2)</sup>. Право-жъ, я не прибегну-то, какъ мнѣ быть?.. Лучше я вамъ пеньку продамъ.

«Да что пенька? Пенька пенькою. Пенька не уйдетъ. Въ другой разъ прѣйду, заберу и пеньку, и все что ни есть. Такъ какъ же, матушка, отдавайте что ли?

— Право жъ, ты, отецъ мой, на меня въ такой распахъ-то попалъ.

«Помилуйте, матушка, я не разбойникъ, не съ ножомъ къ горлу пристаю, я прошу васъ по доброй волѣ. Не хотите, Богъ съ вами.

— Дай-то мнѣ время хоть пообдумать скольконибудь, можетъ быть попадется добрый человѣкъ, чтобы посоветоваться.

«Да о чемъ же здѣсь совѣтоваться, какъ будто дѣло ни вѣсть какое важное. Вѣдь вы сами согласны, что самый-то предметъ дрянъ <sup>3)</sup>.

— Не знаю, что сказать тебѣ. Товаръ-то такой странный. Ей Богу, меня раздумье беретъ—вѣдь дѣло-то совсѣмъ новое.

«Отчего же новое? да и не новое, не стоитъ затрудняться ни чуть. Не новое, вовсе не новое.

— А вы то сами что будете дѣлать съ ними?

«Да что-жъ съ ними дѣлать, сказалъ Чичиковъ... Да... хочется просто, чтобы всякаго рода былъ народъ... изъ человѣколюбія больше... Впрочемъ, это вовсе не относится къ дѣлу. Такъ говорите, матушка, ваше послѣднее слово, продаете аль нѣтъ?

— Боюсь я, право, чтобы какънибудь не проторговать, товаръ такой странный.

«Съ вами одинъ только чертъ можетъ сторговаться, Настасья Петровна, сказалъ Чичиковъ, потерявши терпѣние.

(Затѣмъ это все перечеркнуто, зачеркнуто и выброшено).

<sup>1)</sup> Вместо этого слова вписано: „что-жъ“?

<sup>2)</sup> Вся эта страница, начиная со словъ.—Да ужъ, конечно“... зачеркнуто нѣсколько разъ чернилами.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто и вписано карандашомъ.

«Послушайте, матушка, право, вамъ должно быть совѣстно. Развѣ продажа-та вамъ не выгодна что-ли?»

— Продажа-то выгодная, отвѣчала помѣщица.

«Ну, позвольте, позвольте, матушка, начнемъ по порядку. Предметъ этотъ, о которомъ я говорю, т. е. ревизскія души, и не души, потому что Богъ ихъ давно взялъ къ себѣ въ миръ лучшій, а можно сказать одни только пустыя имена. Вѣдь онѣ вамъ въ убытокъ, не такъ ли?»

— Охъ, отецъ мой, да ужъ въ какой убытокъ! Даже вспомнить страшно.

«Да, въ убытокъ дѣло. Теперь далѣе: а толку вы отъ нихъ никакого не имѣете?»

— Да ужъ, конечно, какой толкъ въ мертвомъ человѣкѣ.

«Почему жъ вы не соглашаетесь поскорѣе сбыть ихъ?»

— Охъ, отецъ мой, рада бы и душою и тѣломъ рада.

«Такъ отдавайте жъ! зачѣмъ вы меня такъ долго водите?»

— Такъ какъ же то опять и сбыть ихъ. Дѣло-то совсѣмъ новое <sup>1)</sup>.

«Чортъ его знаетъ, матушка, какими словами и говорить съ вами, сказалъ, наконецъ, Чичиковъ <sup>2)</sup>.

— Охъ, отецъ мой <sup>3)</sup>, Богъ съ нимъ. Зачѣмъ ты его помянулъ <sup>4)</sup>. Еще третьяго дня онъ мнѣ приснился окаянный. Вздумала было послѣ молитвы загадать на ночь на картахъ, да, вѣрно, въ наказаніе-то Богъ и послалъ. Такой гадкій привидѣлся, а рога большіе бычачьи!..

«Подѣломъ и приснился онъ вамъ <sup>5)</sup>. Я дивлюсь еще, что онъ вамъ одинъ привидѣлся <sup>6)</sup>, какъ вамъ они по дѣльмъ десяткамъ не снятся? Чортъ побери, право!

Извѣстно, что послѣ гаданья на ночь многимъ помѣщикамъ снятся чортъ. Причина этого до сихъ поръ еще не открыта, впрочемъ, помѣщицы, имѣющія болѣе ста душъ, уже не видятъ его.

«Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ... Вижу, бѣдная, безпомощная вдова убивается, терпитъ нужду. Но теперь Богомъ кля-

<sup>1)</sup> Зачеркнуто и вписано: „да, вѣдь, самъ ты посуди—дѣло-то совсѣмъ новое“. И затѣмъ, начиная со словъ (на стр. 187): „право-жъ ты, отецъ мой“... перечеркнуто и выкинуто.

<sup>2)</sup> Зачеркнуто и вписано чернилами: „ну, матушка, я вижу, что съ вами самъ чортъ не сладитъ! сказалъ Чичиковъ, выведенный изъ терпѣнья.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто и вписано: „не поминай его“.

<sup>4)</sup> Зачеркнуто.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто.

<sup>6)</sup> Зачеркнуто; вписано: „какъ“.

нусь, нога моя не будетъ больше у васъ, и если какой покупатель придетъ къ вамъ, то чтобы онъ околѣлъ прежде, чѣмъ взойдетъ въ вашу комнату.

— Ахъ, какія побранки-то гнешь ты, отецъ мой, сказала старуха, глядя на него почти со страхомъ.

«Да мочи нѣтъ съ вами <sup>1)</sup>. Хотѣлъ было заѣзжать къ вамъ всегда, покупать хозяйственные продукты, медь, пеньку и прочее, потому что я подряды разные... и съ казною тоже... Но теперь, признаюсь, я въ такое положеніе приведенъ...»

— Да что жъ ты, отецъ мой, такъ разсердился, сказала хозяйка.

Слова казна и подрядъ заставили старуху призадуматься (три строки такъ перечеркнуты, что нельзя разобрать)... а не думаетъ ли онъ, пользуясь ея незнаніемъ, выманить у нея товаръ, который можетъ быть теперь въ цѣнѣ и въ ходу. Боязнь, однако-жъ, утратить такого выгоднаго покупщика, который ведетъ подряды съ казною, наконецъ, одержала верхъ,—она, наконецъ, сказала <sup>2)</sup>:

— Чего-жъ ты, отецъ мой, такъ осерчался! сказала она голосомъ почти просительнымъ <sup>3)</sup>. Если-бъ я знала, что ты такой сердитый, я бы никакъ не прекословила тебѣ.

«Есть изъ-за чего сердиться? Изъ какойнибудь тряпки я стану сердиться <sup>4)</sup>. Да если вамъ ктонибудь половину дастъ той цѣны, которую я даю, то я сейчасъ же готовъ возвратитъ вамъ ихъ. Нашли добро! что онѣ золотыя, что-ли?»

— Да изволь, изволь, отецъ мой. Нечего съ тобой дѣлать. Такъ и быть, бери ихъ къ себѣ. Только, ей Богу, дѣло-то совсѣмъ новое. Я ужъ такъ только, чтобы тебя-то не гнѣвить.

Здѣсь нашъ герой отеръ потъ <sup>5)</sup>... (Далѣе вырванъ одинъ или два листочка и слѣдующая страница начинается такъ):

<sup>1)</sup> Зачеркнуто и вписано: „нельзя жъ, матушка: я не нахожусь, какъ съ вами быть. Въ коробъ не лѣзете, и короба не отдаете“.

<sup>2)</sup> Все, начиная съ слова „заставилъ“, вычеркнуто и замѣнено: „сказанное Чичиковымъ вскользь произвело надъ Настасьей Петровной большое дѣйствіе. Хотя ее съ одной стороны останавливала совершенная неизвѣстность дѣла, но съ другой стороны передъ ней стоялъ покупщикъ, который ведетъ подрядъ съ казною. Это обстоятельство, наконецъ, одержало верхъ и вотъ какинъ образомъ она сказала“. И затѣмъ все это снова перечеркнуто и выкинуто.

<sup>3)</sup> Вписано потому чернилами.

<sup>4)</sup> Вычеркнуто.

<sup>5)</sup> Вычеркнуто и вписано сперва карандашемъ, а потомъ чернилами: „Нечего съ тобой дѣлать, я готова тебѣ отдать за пятнадцать ассигнацій“.

котораго рисуютъ на картинкахъ, когда онъ дуешь въ спину, бокъ какому нибудь несчастному кораблю <sup>1)</sup>).

— А что жъ ты, отецъ мой, грибоквъ-то? сказала хозяйка <sup>2)</sup>).

«Поѣдимъ и грибоквъ, поѣдимъ, матушка, отвѣчалъ Чичиковъ, грибки хорошая вещь.

Засимъ придвинулся онъ къ тарелкѣ съ грибами. Грибки точно были недурны и послѣ написанія дѣловой бумаги показались очень вкусными <sup>3)</sup>).

— А блиноквъ? сказала хозяйка.

Въ отвѣтъ на это Чичиковъ свернулъ три блинка вмѣстѣ и, обмакнувши ихъ въ растопленное масло, отправилъ въ ротъ и вытеръ ротъ и руки салфеткою. Повторивши это раза четыре <sup>4)</sup>, онъ сказалъ, наконецъ: «Теперь я васъ прошу, Настасья Петровна, послать приказать моему кучеру, чтобы подавалъ бричку».

— Да, вѣдь еще рано, отецъ мой, сказала хозяйка. Можетъ быть пообѣдали бы у меня?

«Нѣтъ, матушка, пора! пожалуйста, прикажите.

Хозяйка приказала <sup>5)</sup> тутъ же дѣвкѣ принести еще тарелку съ блинами, пойти на кухню и сказать, чтобы давали бричку.

«А въ ожиданіи еще съѣмъ два блиночка горячихъ, сказалъ Чичиковъ. У васъ очень вкусные блины.

— Да, у меня-то ихъ вкусно <sup>6)</sup> пекутъ, да вотъ-то <sup>7)</sup> бѣда моя, что урожай-то былъ дурной. Мука-то такая, не авантажная. Ни дать, ни взять, какъ будто-бы черненькія мошки по ней.

«Нѣтъ, блинцы хороши, говорилъ Чичиковъ, вытирая руки и принимаясь за картузь свой. Итакъ, матушка, до свиданья. Желаю вамъ счастливо оставаться!

Только, пожалуйста, ужъ смотри на счетъ подрядовъ-то. Если случится мнѣ брать ржаной или гречневой или крупъ, или скотины битой—такъ ужъ, пожалуйста, не обидь меня. „Нѣтъ, нѣтъ, матушка, не обижу, говоритъ герфодъ нашъ и между тѣмъ отиралъ рукою потъ, который градомъ катился.

<sup>1)</sup> Все зачеркнуто.

<sup>2)</sup> Зачеркнуто и вписано: „Прошу покорно закусать грибоквъ“, сказала на это хозяйка.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто и замѣнено: „Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что на столѣ стояли уже и грибки, и блинны, и пышки, и пирожки, и еще что-то такое, что и отгадать было трудно. Онъ придвинулся къ грибоквамъ и нашель, что они были вкусны“.

<sup>4)</sup> Въ печатной редакціи: „три“ (55 стр.).

<sup>5)</sup> Зачеркнуто и замѣнено: „тутъ же дала повелѣніе“.

<sup>6)</sup> Зачеркнуто; вписано: „хорошо“.

<sup>7)</sup> Зачеркнуто.

— Да еще жъ не заложили.

«Заложать, матушка, заложать. У меня скоро закладываютъ.

— Прощайте, батюшка! добраго пути вамъ! говорила хозяйка, провожая его въ сѣни. Да не забудь меня, если что случится покупать, такъ, пожалуйста, ужъ прїѣзжайте.

«Прїѣду, прїѣду <sup>1)</sup>».

— Ужъ, пожалуйста, меня не забудьте.

«Не позабуду, не позабуду, матушка, говорилъ Чичиковъ, отпирая дверь, ведшую на крыльцо <sup>2)</sup>».

— А свиного сала не покупаете? сказала хозяйка.

«Почему не покупать?... Купимъ, купимъ, всего купимъ, и свиного сала купимъ, говорилъ Чичиковъ, выходя на крыльцо.

— Можетъ быть понадобится еще птичьихъ перьевъ? У меня къ Духову дню <sup>3)</sup> будутъ и птичьи перья.

«Хорошо, хорошо, говорилъ Чичиковъ <sup>4)</sup>».

— Вотъ видишь, отецъ мой, и бричка твоя еще неготова, — говорила хозяйка.

«Будетъ, будетъ готова. Расскажите только мнѣ, матушка, дорогу въ городъ.

— Не знаю, какъ бы тебѣ рассказать, чтобы опять какъ-нибудь не заблудился?

«Мнѣ бы только добраться до большой дороги.

— Какъ же бы это сдѣлать такъ? сказала хозяйка. Такъ-то рассказать мудрено, потому что много поворотовъ. Развѣ я тебѣ дамъ дѣвчонку, чтобы проводила. Вѣдь у тебя, я чай, есть мѣсто на козлахъ гдѣ бы сѣсть.

«О! помѣстится <sup>5)</sup>! сказалъ Чичиковъ.

— Пожалуй, я тебѣ дамъ дѣвчонку. Она у меня знаетъ дорогу, только ты смотри, не завези ея. У меня ужъ одну завезли купцы <sup>6)</sup>».

«Не беспокойтесь, матушка, мнѣ она не нужна.

Въ это время подъѣхала подъ крыльцо Чичикова бричка.

— Эй, Пелагея! сказала помѣщица стоявшей около крыльца дѣвчонкѣ лѣтъ одиннадцати въ пестромъ платьѣ изъ домашней выбойки и

<sup>1)</sup> Зачеркнуто и вписано: „Такъ ужъ, пожалуйста, не позабудьте на счетъ подрядовъ“. Не забуду, не забуду—говорилъ Чичиковъ въ сѣняхъ.

<sup>2)</sup> Все перечеркнуто и вышнито.

<sup>3)</sup> Въ печатной редакціи: „къ Филиппову посту“ (56 стр.).

<sup>4)</sup> Вписано потомъ чернилами.

<sup>5)</sup> Въ печатной редакціи: „Какъ же не быть?“ (56 стр.).

<sup>6)</sup> Въ печатной редакціи далѣе идетъ повѣствовательная форма и вставка о томъ, какъ Коробочка ушла глазами и мыслями въ хозяйство (57 стр.).

босыми ногами, которыя издали можно было принять за сапоги, до такой степени <sup>1)</sup> онѣ были крѣпко облѣплены свѣжею грязью. Покажешь барину дорогу.

Селифанъ помогъ дѣвчонкѣ влѣзть на козлы, которая, вставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью и потомъ уже взобралась на верхушку козелъ и сѣла возлѣ Селифана <sup>2)</sup>.

Селифанъ былъ во всю дорогу чрезвычайно серіозенъ и необыкновенно ревностенъ и внимателенъ къ своему дѣлу, что всегда случалось съ того, когда какъ-нибудь провинился или былъ пьянъ.

(На этомъ обрывается III глава. Четвертой совсѣмъ нѣтъ).

#### ГЛАВА V.

(Въ пятой главѣ вырвано все вплоть до послѣобѣденнаго разговора Чичикова съ Собакевичемъ).

«Чичиковъ тоже придвинулся съ своими креслами нѣсколько поближе и невольно кашлянулъ прежде начатія рѣчи, отдавши такимъ образомъ дань старой привычкѣ всѣхъ проповѣдниковъ: «Нельзя сказать»... Такимъ образомъ началъ Чичиковъ, чтобы та вещь <sup>3)</sup>, о которой я вамъ сейчасъ хочу предложить, была большой важности. Признаюсь, я даже опасаясь, чтобы вы какъ нибудь моей просьбы не почли даже безразсудной. Потому что точно, съ нѣкоторой стороны, она можетъ показаться отчасти <sup>4)</sup> странною. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ ревизскихъ сказкахъ—какъ вамъ извѣстно, числятся совершенно всѣ души, составляющія недвижимость владѣнія <sup>5)</sup>, не смотря на то, что между ними есть такія, которыя уже давно не существуютъ. По существующимъ положеніямъ нашего государства, въ силѣ и славѣ равнаго съ которымъ <sup>6)</sup>, можно сказать, нѣтъ другаго <sup>7)</sup> во всемірѣ, и иностранцы очень справедливо удивляются <sup>8)</sup>... Такъ по такимъ положеніямъ до подачи новой ревизской сказки подати за нихъ вносятся какъ за существующихъ. Тогда какъ онѣ между тѣмъ съ своей стороны не только никакой пользы, больше ничего

<sup>1)</sup> Зачеркнуто.

<sup>2)</sup> Въ печатной редакціи даѣе идетъ, какъ Чичиковъ сѣлъ въ бричку и и сказалъ: «А, теперь хорошо!» (57 стр.).

<sup>3)</sup> Зачеркнуто и измѣнено: «чтобы то, о которомъ»...

<sup>4)</sup> Зачеркнуто, поставлено: «нѣсколько».

<sup>5)</sup> Дальше идетъ: «хотя», но зачеркнуто.

<sup>6)</sup> Зачеркнуто и замѣнено: «равнаго которому въ силѣ и славѣ можно».

<sup>7)</sup> Вписано потомъ.

<sup>8)</sup> Вписано потомъ.



какъ одинъ только пустой звукъ <sup>1)</sup>, но даже убытки наносятъ владѣльцу <sup>2)</sup>. Чтобы доставить, можно сказать <sup>3)</sup>, за однимъ разомъ и вамъ пользу, и себѣ также кое-что <sup>4)</sup>, потому что я къ достойнымъ людямъ всегда чувствовалъ истинное уваженіе, я прошу васъ уступить этихъ несуществующихъ мнѣ. То есть перевести ихъ на мое имя такъ, какъ бы всѣхъ продали мнѣ <sup>5)</sup>.

Собакевичъ слушалъ съ тѣмъ же флегматическимъ видомъ и совершеннымъ безпристрастіемъ. Казалось, въ этомъ тѣлѣ вовсе не было души или, лучше сказать—она у него была, но вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. а какъ у безсмертнаго Кащейа гдѣ-то за горами и закрыта такую толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣшительно никакого потрясенія на поверхности его лица.

«Такъ можете вы меня удовлетворить въ этомъ отношеніи? ска-  
зать Чичиковъ, поглядывая на него съ нѣкоторою робостью.

— Вамъ нужно мертвыхъ душъ? произнесъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ Собакевичъ.

«Да, несуществующихъ, отвѣчалъ Чичиковъ. Такъ есть-ли у васъ такія?»

— Найдутся. Почему не быть? сказалъ Собакевичъ тѣмъ же без-  
страстнымъ голосомъ, но съ нѣкоторой разстановкой, какъ будто-бы въ это самое время онъ о чемъ-то размышлялъ.

«Въ такомъ случаѣ, если вы мнѣ рѣшили ихъ уступить, я говорю, впрочемъ <sup>6)</sup>, несправедливо: уступить, потому что кто же будетъ дѣлать предметомъ купли такое дѣло? Такъ если вы рѣшаетесь такъ меня несказанно одолжить, чтобы я всегда помнилъ ваши ласки... то въ такомъ случаѣ я, пожалуй, готовъ купчую на свой счетъ...»

— Да ужъ, конечно, купчая должна быть на счетъ покупателя, сказалъ Собакевичъ, смекнувшій между тѣмъ, что покупатель, безъ сомнѣнія, долженъ былъ имѣть какую-нибудь выгоду, рѣшаясь на такое приобрѣтеніе. Извольте, я вамъ продамъ и какъ съ человѣка знакомаго я съ васъ, пожалуй, возьму недорого.

«Чортъ бы тебя побралъ, подумалъ Чичиковъ про себя, со всего

<sup>1)</sup> Зачеркнуто и тотчасъ исправлено: «не только пользы, но даже убытки наносятъ».

<sup>2)</sup> Вписано потомъ.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто.

<sup>4)</sup> Зачеркнуто.

<sup>5)</sup> Въ печатной редакціи вся эта тирада передава отъ 3-го лица.

<sup>6)</sup> Дальше зачеркнуто: «уступить».

хочет содрать плеву. А по сколько вы бы взяли? сказалъ онъ вслухъ.

— Чтобы не запрашивать съ васъ лишняго и напрасно не торговаться съ вами—по сту рублей за штуку, сказалъ Собакевичъ.

«По сколько вы изволили сказать? произнесъ Чичиковъ, подумавшій, что онъ ослышался.

— По сту рублей за штуку, сказалъ Собакевичъ <sup>1)</sup>. Пожалуй, я вамъ даже сдѣлаю то уваженіе, что возьму серебромъ, вмѣсто ассигнацій.

«Какъ-же... сказалъ Чичиковъ, нѣсколько смутившись и остановился. Я полагаю, впрочемъ, что,—продолжалъ онъ <sup>2)</sup>, вамъ угодно было пошутить. Я не могу повѣрить, чтобы вы стали продавать, да еще и дорожиться за такую вещь, которая <sup>3)</sup>...

— Какая-жъ тутъ дороговизна? перервалъ Собакевичъ.

«Помилуйте, какъ же можно запросить вдругъ такую сумму <sup>4)</sup>...

— Сумма умѣренная, сказалъ Собакевичъ. А по сколько вы хотѣли дать?...

«Я признаюсь—говорилъ Чичиковъ—зная, что это вещь вовсе вышедшая изъ всякаго употребленія, никакъ не полагалъ, чтобы вы могли извлекать изъ нея какой-нибудь интересъ, и въ случаѣ—если бы вы уже не захотѣли быть такъ ко мнѣ добры и рѣшились пользоваться профитомъ, я предполагалъ, что по осьми гривенъ на душу очень достаточная цѣна <sup>5)</sup>.

— Какъ! по двугривенному за душу! вскричалъ Собакевичъ.

«Да, я полагаю, что это весьма достаточная цѣна, сказалъ Чичиковъ.

— Вѣдь, я вамъ продаю не лапти, сказалъ Собакевичъ.

«Однако-жъ, позвольте мнѣ тоже сказать, произнесъ Чичиковъ. Разсмотрите и мое положеніе: съ какой стати я буду платить за людей, уже <sup>6)</sup> не существующихъ, которые мнѣ принесутъ только расходъ и раззореніе?

— Такъ вы думаете, что я вамъ продамъ по двугривенному ревизскую душу?

«Помилуйте, какая-жъ она ревизская, она только на бумагѣ стоитъ ревизскою. Она въ раззоренье вамъ... Впрочемъ, чтобы съ вами не

<sup>1)</sup> Далѣе зачеркнуто: «впрочемъ».

<sup>2)</sup> Зачеркнуто.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто.

<sup>4)</sup> Далѣе зачеркнуто слово, которое нельзя разобрать.

<sup>5)</sup> Вписано потомъ. Прежде было: «очень достаточно».

<sup>6)</sup> Вписано потомъ.

спорить, даю по полтора рубли — и больше, право, не могу ничего прибавить.

— Ой, дадите больше, сказалъ Собакевичъ.

«Ей Богу, не могу, отвѣчалъ Чичиковъ.

— Дадите, дадите, я ужъ знаю, что дадите, сказалъ Собаксвичъ.

«Я вамъ не шутя говорю, что больше не могу дать <sup>1)</sup>.

— Такъ <sup>2)</sup> по скольку вы сказали? сказалъ Собакевичъ.

«По полтора рубли, отвѣчалъ Чичиковъ.

— Стыдно вамъ и говорить такую сумму. Вы торгуйтесь, говорите настоящую цѣну.

«Что-жъ мнѣ давать вамъ? Вѣдь самый-то предметъ ужъ рѣшительно не стоитъ никакого уваженія. Я и такъ вамъ даю столько, какъ не знаю, кто бы могъ дать <sup>3)</sup>. По полтинѣ прибавлю. Два рубли и больше ни копѣйки <sup>4)</sup>.

— Да чего вы скупитесь? сказалъ Собакевичъ. Право, не дорого. Вѣдь, иной мошенникъ обманетъ васъ: продать вамъ дрянъ, а не души; а у меня уже всё, что называется, какъ одинъ. И всё: то мастеровой, то другой какойнибудь тоже здоровый мужикъ. Вы разсмотрите хорошенько. Напримѣръ, каретникъ Михѣевъ больше никакихъ экипажей и не дѣлалъ, какъ только рессорные. И не то, что какъ бываетъ московская работа, что на одинъ часъ—прочность такая.. самъ и обобьетъ, и лакомъ покроетъ.

«Да что-жъ изъ этого? Вѣдь, его ужъ иѣтъ на свѣтѣ?

— А Авдѣевъ <sup>5)</sup> толстое брюхо, какъ прозвали его мужики!.. продолжалъ Собакевичъ, не обращая вниманія на слова Чичикова. Я голову прозакладую, если вы гдѣ сыщете такого мужика. Вѣдь, что за силаща была! Служи онъ въ гвардіи, ему бы, Богъ знаетъ, что дали: трехъ аршинъ съ половиною <sup>6)</sup> ростомъ!

«Да что-жъ изъ этого?

— А Парамонъ <sup>7)</sup>—кирпичникъ! могъ поставить печь въ какомъ угодно домѣ. Максимъ Телятниковъ—сапожникъ: что шиломъ кольнетъ, то и сапоги, что сапоги, то и спасибо—и хоть бы въ ротъ

<sup>1)</sup> Все зачеркнуто чернилами.

<sup>2)</sup> Зачеркнуто чернилами.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто карандашомъ.

<sup>4)</sup> Зачеркнуто карандашомъ.

<sup>5)</sup> Въ печатной редакціи «Пробка-Степанъ» (102 стр.)

<sup>6)</sup> Въ печатной редакціи: «съ верхкомъ» (102 стр.)

<sup>7)</sup> Въ печатной редакціи: «Милушкинъ» (102 стр.)

хмѣльнаго! А Мянйя Протрухнйя <sup>1)</sup>? Да этотъ мужикъ одинъ станеть за всѣхъ; въ Москвѣ торговаль. Одного оброку приносиль по пятисотъ рублей. Вотъ какой народъ. Это не то, что вамъ продать какой-нибудь Плюшкинъ.

«Да что-жь изъ этого? Вѣдь онѣ мертвыя, сказалъ Чичиковъ.

— Да, конечно, мертвыя, какъ бы не много опомнясь. Все однако-жь, не то, что у другихъ. Вѣдь, вы у другихъ что купите? Будутъ <sup>2)</sup> мухи, а не люди; а здѣсь, что ни человѣкъ, то <sup>3)</sup>...

«Да, вѣдь изъ нихъ же теперь никакого нельзя сдѣлать употребленія. Вѣдь, это просто мечта и больше ничего <sup>4)</sup>.

— Ну нѣтъ, не мечта. Я вамъ доложу, каковъ былъ Михѣевъ, такъ вы такихъ людей съ фонаремъ <sup>5)</sup> не сыщете. Машинища такая, что въ эту комнату не войдетъ. Нѣтъ, это не мечта! А въ плечицахъ у него была такая силища, какой нѣтъ у 7 лошадей. Хотѣлъ бы я знать, гдѣ въ другомъ мѣстѣ найдете такую мечту <sup>6)</sup>.

«Да <sup>7)</sup>, была силища, да теперь <sup>8)</sup> земля прибрала <sup>9)</sup>».

— Эхъ, какіе вы право! Да, вѣдь потому-то я и прошу съ васъ такъ дешево, что земля прибрала, а будь они живы, такъ я бы по тысячѣ за душу не продалъ, ей Богу, не продалъ бы <sup>10)</sup>!...

«Такъ <sup>11)</sup>, по два рублика отдавайте <sup>12)</sup> сказалъ Чичиковъ <sup>13)</sup>».

— Извольте, чтобы вы не претендовали на меня и не говорили <sup>14)</sup>, что дорого запрашиваю и не хочу сдѣлать вамъ никакого одолженія, извольте: по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнаціями. Право, такъ только для знакомства.

«Я, право <sup>15)</sup>, не понимаю, сказалъ Чичиковъ, какое вамъ удоволь-

<sup>1)</sup> Въ печатной ред. «Еремей Сорококопелхнйя» (102 стр.)

<sup>2)</sup> Это все зачеркнуто, а наверху вписано: «Впрочемъ, и то сказать, что изъ этихъ людей, которые числятся теперь живущими, что это за люди».

<sup>3)</sup> Зачеркнуто.

<sup>4)</sup> Зачеркнуто, а наверху вписано: «Да все таки по крайней мѣрѣ существуютъ. А это вѣдь мечта».

<sup>5)</sup> Зачеркнуто.

<sup>6)</sup> Въ печатной редакціи здѣсь вставлено о портретѣ Багратіона, къ которому оборачивается Собакевичъ (103 стр.)

<sup>7)</sup> Вычеркнуто.

<sup>8)</sup> Вычеркнуто.

<sup>9)</sup> Вся фраза вписана сбоку.

<sup>10)</sup> Вся фраза вписана сбоку.

<sup>11)</sup> Вычеркнуто.

<sup>12)</sup> Вычеркнуто.

<sup>13)</sup> Зачеркнуто и прибавлено: «въ отвѣтъ на это Чичиковъ».

<sup>14)</sup> Вычеркнуто.

<sup>15)</sup> Зачеркнуто.

ствіе заламливать такія цѣны. Вы знаете сами ихъ ничтожность. Кто ихъ у васъ купить? онѣ у васъ пропадутъ даромъ, правда, онѣ ужъ и безъ того пропали. Посудите сами—кому онѣ могутъ быть <sup>1)</sup> нужны?

— Да вотъ вы же ихъ покупаете, стало быть онѣ нужны.

«Ну я—другое дѣло»... сказалъ Чичиковъ, да и остановился, нѣсколько смѣшавшись. «Потому что мои особенныя отношенія, дѣла <sup>2)</sup> семейственныя <sup>3)</sup>»...

— Мнѣ не нужно знать, какія у васъ отношенія. Это ваше дѣло, а не мое. Вамъ понадобились души—я и продаю вамъ и, право, будете раскаяваться, что не купили.

«Помилуйте, побойтесь Бога, сказалъ Чичиковъ. Какъ же можно запрашивать по семидесяти рублей,—вы вѣрно позабыли, что онѣ мертвыя.

— Потому-то я вамъ и продаю такъ дешево, сказалъ Собакевичъ, что это уже мертвыя, а будь онѣ живыя, я бы вамъ ихъ по тысячѣ рублей не продалъ, ей Богу, не продалъ <sup>4)</sup>! Вѣдь что за народъ <sup>5)</sup>!

«Ваша воля, два рубля это самая послѣдняя цѣна, какую я только могу дать <sup>6)</sup>».

— Вы все свое: какъ два, да два <sup>7)</sup>. Какъ наладили на два, такъ не хотите съ нихъ и съѣхать. Вы давайте настоящую цѣну.

«Помилуйте, за что же давать? Впрочемъ, такъ и быть <sup>8)</sup>», полтину еще прибавляю.

— Ну, извольте, и я вамъ скажу тоже мое послѣднее слово: пятьдесятъ рублей! право убытокъ себѣ.

«Два съ половиною, больше ни копѣйки».

— Эй, будете раскаяваться <sup>9)</sup>, дешевле нигдѣ не купите такого хорошаго народа.

«О <sup>10)</sup>», будьте увѣрены, что куплю. Никто не станетъ дорожитьъ я

<sup>1)</sup> Все это зачеркнуто и на верху вписано: «На что онѣ? Кому онѣ».

<sup>2)</sup> Зачеркнуто, а наверху вписано: «отношенія».

<sup>3)</sup> Въ печатной редакціи это передано отъ 3-го лица (104 стр.).

<sup>4)</sup> Зачеркнуто все

<sup>5)</sup> Фраза вписана потомъ и зачеркнута.

<sup>6)</sup> Все зачеркнуто, а сверху вписано: „Больше ничего“.

<sup>7)</sup> Вычеркнуто. Сверху вписано: „Затвердила сорока Якова одно про всякаго“, какъ сказано и въ печатномъ (104 стр.).

<sup>8)</sup> Вычеркнуто.

<sup>9)</sup> Вычеркнуто.

<sup>10)</sup> Зачеркнуто.

изъ такого пустяка <sup>1)</sup>). Напротивъ, даже радъ будетъ отъ него отдѣлаться. Однако-жъ, знаете что? покупка такого рода не всегда позволительна, и если бы этакъ рассказалъ кто-нибудь, положимъ я или кто другой, то этакому человѣку можетъ даже неприятность случиться... И никакой не будетъ довѣренности касательно заключенія контрактовъ, ниже вступленія въ какія-нибудь выгодныя обязательства.

«Подлецъ! проговорилъ про себя, стиснувъ зубы, Чичиковъ, однако-жъ не показалъ вида, чтобы слова Собакевича произвели на него какое-нибудь впечатлѣнiе, и отвѣчалъ равнодушно: какъ вы себѣ хотите, я этого ничего не боюсь. Я души <sup>2)</sup> покупалъ вовсе не для какой-нибудь <sup>3)</sup> надобности, но просто для собственнаго удовольствiя <sup>4)</sup>... Впрочемъ, за ваши души я даю по три рубля <sup>5)</sup>). Не согласны—такъ прощайте.

— Тридцать пять ассигнаціями—и Богъ съ вами, берите ихъ себѣ.

«Нѣтъ, вы не хотите, какъ я вижу, продать, сказалъ Чичиковъ и взявъ въ руки шляпу, однако-жъ, оборотившись, прибавилъ еще полтину <sup>6)</sup>).

— А вы не хотите купить. Право, будете жалѣть.

«Прощайте! сказалъ Чичиковъ, подавая ему руку и уходя въ переднюю.

— Право, будете пѣнять на себя, хотите двадцать-пять.

«Нѣтъ, сказалъ Чичиковъ. Три рубля, больше—ни, ни. Я уже сказалъ разъ и не хочу отступить отъ своего слова; чтобы сдѣлать, однако-жъ, послѣднее вамъ снисхожденіе, дѣлаю надбавку по четверти; больше, хотя бы радъ былъ, не могу <sup>7)</sup>).

— Позвольте, позвольте, сказалъ Собакевичъ, взявши его за руку и ведя въ гостинную. Пожалуйте сюда, я вамъ что-то скажу.

«Зачѣмъ же вамъ изъ пустаго беспокоиться. Я уже вамъ (сказалъ) мое послѣднее слово.

— Позвольте, позвольте, говорилъ Собакевичъ, не выпуская его руки и наступивъ ему на ногу, потому что Чичиковъ позабылъ побережся.

<sup>1)</sup> Зачеркнуто; сверху вписано: „даже братъ, заламивать какой нибудь (опять зачеркнуто) пѣны за такой пустякъ“.

<sup>2)</sup> Зачеркнуто; сверху вписано: „это“.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто.

<sup>4)</sup> Зачеркнуто; сверху вписано: „единственно для удовольствiя только“.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто; наверху вписано потомъ: „два съ полтиною“.

<sup>6)</sup> Вписано потомъ и зачеркнуто.

<sup>7)</sup> Все зачеркнуто.

— Прощенія! я, кажется, васъ побезпоковль, сказалъ Собакевичъ, замѣтившій свою неосторожность. Пожалуйте, садитесь сюда. Онъ показалъ ему на кресло <sup>1)</sup>). Здѣсь онъ усадилъ его на кресло <sup>2)</sup> съ нѣкоторою даже <sup>3)</sup> ловкостью, какъ такой медвѣдь, который уже побывалъ въ искусныхъ рукахъ цыгана.

«Право, я напрасно только время трачу, говорилъ Чичиковъ, мнѣ нужно спѣшить.

— Посидите одну минуточку, говорилъ Собакевичъ, я вамъ сейчасъ скажу одно пріятное для васъ слово: Тутъ онъ приблизился къ нему ближе и началъ говорить такъ тихо, какъ будто по секрету: «Для васъ по 20 рублей. Ей Богу, изъ пріязни. Пусть хоть самъ потерплю, да вамъ по крайней мѣрѣ докажу мое почтеніе.

«Право, не могу. По три съ четверью, если хотите <sup>4)</sup>).

— По двадцати, сказалъ Собакевичъ.

«По три съ четвертью, сказалъ Чичиковъ <sup>5)</sup>).

— Такъ не даете по двадцати?

«Не могу, ей Богу, не могу <sup>6)</sup>).

Собакевичъ замолчалъ. Чичиковъ тоже замолчалъ. Цѣлыя двѣ минуты длилось молчаніе. Багратионъ съ орлинымъ носомъ глядѣлъ со стѣны чрезвычайно внимательно на эту покупку, и, какъ казалось, терялся въ догадкахъ на счетъ этого въ первый разъ случившагося?... <sup>7)</sup>).

— Какая-жъ будетъ ваша послѣдняя цѣна? сказалъ наконецъ Собакевичъ.

«Цѣна моя извѣстна вамъ: по три съ четвертью <sup>8)</sup>).

— Вы все, право <sup>9)</sup>), даете какъ будто за горохъ или за грибы. Это даже стыдно съ вашей стороны. Все-жъ таки человѣкъ, а если хотите—красненькую съ синенькою? <sup>10)</sup>).

«Помилюйте, какой же онъ человѣкъ? Это вамъ стыдно называть людьми прахъ.

<sup>1)</sup> Зачеркнуто.

<sup>2)</sup> Далѣе было „даже“ и зачеркнуто.

<sup>3)</sup> Вписано послѣ.

<sup>4)</sup> Все зачеркнуто и вписано: „Два съ полтиной“, сказалъ Чичиковъ.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто и вписано: „Не могу“.

<sup>6)</sup> Зачеркнуто.

<sup>7)</sup> Зачеркнуто.

<sup>8)</sup> Зачеркнуто; наверху вписано: „Два съ полтиной“.

<sup>9)</sup> Зачеркнуто.

<sup>10)</sup> Вписано потомъ.

— Ну, пятнадцать извольте, отдаю за пятнадцать <sup>1)</sup>).

«Ничего не могу дать больше трехъ съ четвертью <sup>2)</sup>).

— Съ вами, какъ я вижу, нельзя сойтиться, я съ своей стороны дѣлаю всякую уступку, а вы не хотите ничего прибавить <sup>3)</sup>).

Да прибавьте хоть по полтинѣ по крайней мѣрѣ, чтобы было по четыре гривны: три рубля <sup>4)</sup>).

«Ну, четверть, пожалуй, еще прибавлю, чтобы было по три съ полтиною.

— Да прибавьте что-нибудь существеннѣе, кто-жъ прибавляетъ по четверти.

«Не могу.

— Хоть бы по четыре дали для ровнаго счета.

«Что-жъ дѣлать <sup>5)</sup>).

Не могу.

— Ну, нечего съ вами дѣлать. Извольте, извольте! Такъ ужъ и быть, берите ихъ себѣ, сказалъ Собакевичъ. Убытокъ, ей Богу, убытокъ, да что прикажете дѣлать? Такой ужъ нравъ. Не могу, чтобы не доставить удовольствія ближнему. Гдѣ-же совершимъ купчую <sup>6)</sup>? Нужно будетъ совершить въ городѣ.

«Вы будете въ городѣ? спросилъ Чичиковъ.

— Пожалуй, могу побывать, сказалъ Собакевичъ. По милости Вышняго бричка есть, будетъ въ чемъ прѣхать.

«А какъ скоро полагаете вы <sup>7)</sup> быть въ городѣ?

— Для удовольствія вашего могу даже завтра прѣхать <sup>8)</sup>).

«Очень хорошо. Въ такомъ случаѣ мы завтра же и крѣпость совершимъ. Еще я хотѣлъ у васъ попросить объ одномъ: не можете-ли вы мнѣ дать небольшую выписочку, въ которой были-бы прописаны одни только имена душъ?»

— Съ большою готовностью, сказалъ Собакевичъ <sup>9)</sup>).

И, подошедши къ какой-то неуклюжей мебели въ видѣ бюро, котораго Чичиковъ вначалѣ было совсѣмъ не замѣтилъ, вынулъ оттуда лоскутокъ исписан-

<sup>1)</sup> Зачеркнуто.

<sup>2)</sup> Зачеркнуто; наверху вписано: „двухъ съ полтиною“.

<sup>3)</sup> Все зачеркнуто.

<sup>4)</sup> Вписано потомъ, прежде было: „по четыре равно“.

<sup>5)</sup> Все зачеркнуто.

<sup>6)</sup> Вычеркнуто, а сверху вписано: „Купчую однако-жъ, вѣдь“.

<sup>7)</sup> Вписано.

<sup>8)</sup> Переставлены слова: „прѣхать завтра“.

<sup>9)</sup> О томъ, когда ѣхать въ городъ для совершенія купчей и просьба о выпискѣ въ печатной редакціи переданы въ повѣствовательной формѣ (стр. 106).



вой бумаги и приписалъ тутъ же карандашомъ много разныхъ приписаній на счетъ званія и профессіи умершихъ лицъ <sup>1)</sup>. Послѣ чего подалъ ее Чичикову, сказавши: «Да, за это пріобрѣтеніе вы <sup>2)</sup> будете всегда благодарить».

Чичиковъ поблагодарилъ сквозь зубы и спряталъ записку въ карманъ.

— Теперь пожалуйста же задаточекъ, сказалъ Собакевичъ.

«Къ чему же вамъ теперь <sup>3)</sup> задаточекъ? Вы получите въ городѣ Я не взялъ съ собою денегъ. Десятирублевая, впрочемъ, есть.

— Что жъ десять! Дайте, по крайней мѣрѣ, хоть пятьдесятъ.

«Я васъ увѣряю, что нѣтъ.

— Какъ можно, чтобы не было! произнесъ равнодушно Собакевичъ. Деньги всегда есть у покупателя <sup>4)</sup>.

«Ну, пожалуй, вотъ вамъ еще пятнадцать. Итого двадцать пять. Пожалуйста только росписочку.

— Да на что вамъ росписочку?

«Все, знаете, лучше росписочку. Не равенъ часъ У меня вотъ онѣ въ рукѣ. Сейчасъ <sup>5)</sup>, какъ только напишите росписку, въ ту-же минуту ихъ и возьмете.

— Бумажка-то старенькая, произнесъ онъ, рассматривая одну изъ нихъ на свѣтъ. Немножко разорвана, ну, да ужъ ничего, между пріятелями нечего на это глядѣть. Очень радъ, что случай мнѣ представилъ такое пріятное <sup>6)</sup> знакомство. А женска пола не хотите?... Для знакомства по три рубля <sup>7)</sup> за штуку.

«Нѣтъ, благодарю. Въ женскомъ полѣ я не нуждаюсь» <sup>8)</sup>.

— Прошу и впредь не забывать. Если выберется свободный часикъ, пріѣзжайте пообѣдать, время провести. Можетъ быть, опять случится услужить чѣмъ-нибудь другъ другу <sup>9)</sup>.

<sup>1)</sup> Въ печатной редакціи сдѣлана вставка, какъ Чичиковъ смотрѣлъ на широкую спину Собакевича и т. д. (106 стр.).

<sup>2)</sup> Зачеркнуто.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто.

<sup>4)</sup> Зачеркнуто и вписано нѣтъ: „Я знаю, что у васъ денегъ столько, какъ у собаки блохъ“. Затѣмъ: столько, какъ — зачеркнуто и написано: „больше, чѣмъ у доброй дворянги блохъ“. Въ печатной редакціи это перелоано отъ 3-го лица (107 стр.).

<sup>5)</sup> Зачеркнуто.

<sup>6)</sup> Вписано сверху.

<sup>7)</sup> Въ печатной редакціи: „по рублю“ (109 стр.).

<sup>8)</sup> Въ печатной редакціи Чичиковъ говоритъ это въ два пріема.

<sup>9)</sup> Въ печатной редакціи далѣе идетъ продолженіе все той-же главы.

## ГЛАВА VI.

«Какъ-бы не такъ! Какъ разъ прѣйду, говорилъ Чичиковъ уже въ бричкѣ и выѣзжая со двора. По три <sup>1)</sup> съ полтиной содрать за душу! Бываютъ же этакіе бездѣльники! Пятьдесятъ разъ три рубля, это будетъ полтора ста, да пятьдесятъ полтинъ—двадцать пять; итого сто семьдесятъ пять рублей. О! это должна быть стараго гѣса кочерга. Протянулъ, думаю, порядочную лямку на свѣтъ. Вѣрно служилъ и <sup>2)</sup> въ казенной палатѣ и таскался по всѣмъ судамъ <sup>3)</sup>. Шуткали: сто семьдесятъ пять рублей! Вѣдь это легко сказать! и за что жь? Добро-бы было за что-нибудь существенное, а то за мечту... <sup>4)</sup>».

— А что, баринъ, куда прикажете ѣхать — въ городъ, аль нѣтъ? сказалъ въ это время, оборотившись къ нему, Селифанъ и тѣмъ самымъ заставилъ его придти въ себя.

«Куда ѣхать?» повторилъ Чичиковъ. «Постой, я тебѣ сейчасъ скажу». Тутъ онъ привсталъ <sup>5)</sup> и оглянулся назадъ. Домъ барскій былъ еще видѣнъ весь <sup>6)</sup>, на крыльцѣ стоялъ Собакевичъ и, какъ казалось, приглядывался, куда гость поѣдетъ.

«Подлецъ! до сихъ поръ еще стоитъ! сказалъ Чичиковъ самъ себя <sup>7)</sup> и велѣлъ Селифану отъѣхать нѣсколько подальше. Когда Селифанъ немного отъѣхалъ, Чичиковъ опять приподнялся поглядѣть. Отъ дома барскаго видна была одна только крыша, да трубы <sup>8)</sup>».

<sup>1)</sup> Въ печатной редакціи: „по два съ полтиною“ (108 стр.).

<sup>2)</sup> „И“ зачеркнуто и вписано сверху: „служилъ, служилъ, мерзавецъ“.

<sup>3)</sup> Последняя фраза зачеркнута и вписано сверху: „Это видно, я думаю даже, не былъ-ли и въ таможенѣ“.

<sup>4)</sup> Все, начиная съ: „Глава 6“, зачеркнуто и вписано другими чернилами. „Да, какъ-бы не такъ! думалъ про себя Чичиковъ, сѣвши въ бричку. По два съ полтиною содрать за мертвую душу. Вѣрно, былъ подлецъ частнымъ приставомъ, а послѣ, я думаю (зачеркнуто), служилъ и въ таможенѣ, а въ казенной палатѣ — это навѣрно. Это и по лицу видно. Да, должно бестія не послѣдняя. Стараго гѣса кочерга. Даже фракъ его такъ пахнетъ, какъ въ присутствіи“.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто со словъ: „А что, баринъ“ и вписано: „Онъ привсталъ нѣсколько“.

<sup>6)</sup> Зачеркнуто и дагѣ вписано „и“.

<sup>7)</sup> Разрядка зачеркнута, а сверху вписано: „проговорилъ онъ съ досадою“.

<sup>8)</sup> Зачеркнуто все, что стоитъ разрядкою, и вписано: „поворотивши къ крестьянскимъ избамъ, отъѣхать такимъ образомъ, чтобы экипажа нельзя было увидать съ господскаго двора. Ему хотѣлось спросить о дорогѣ къ Плюшкину, но не хотѣлось объ этомъ дать знать Собакевичу“.

«Послушай-ка, Селифанъ! сказалъ онъ, поѣзжай-ка теперь къ Плюшкину.

— Куда-жь къ нему поворотить—на-право или на-лѣво? спросилъ Селифанъ.

«Будто не знаешь дороги?

— Нѣтъ, баринъ, не знаю. Въ такой деревнѣ еще никогда не былъ, сказалъ Селифанъ <sup>1)</sup>).

«Да, вѣдь, это, дурачина <sup>2)</sup>, не деревня. Это — помѣщикъ. Вѣдь, ты къ нему знаешь дорогу? <sup>3)</sup>).

— Какъ милости вашей будетъ завгодно, сказалъ Селифанъ. Я-бы, то есть, съ большою охотою готовъ, какъ-бы былъ съ нимъ въ знакомствѣ... да лиха бѣда, что его милость-то совсѣмъ не видѣлъ.

Чичиковъ вспомнилъ, что Селифанъ точно не могъ знать дороги. Да и ему самому тоже <sup>4)</sup> Собакевичъ не объявилъ ея. Поглядѣвши вокругъ, онъ <sup>5)</sup> замѣтилъ мужика, который <sup>6)</sup> гдѣ-то подвѣлъ <sup>7)</sup> претолстое бревно и тащилъ его на плечѣ къ себѣ въ избу.

«Послушай-ка, борода, сказалъ Чичиковъ, когда <sup>8)</sup> онъ приближался къ нему и снялъ свою <sup>9)</sup> шляпу (нѣсколько словъ не разобрало) на серединѣ, какъ на солнечныхъ часахъ <sup>10)</sup>, скажи-ка <sup>11)</sup>), куда дорога къ Плюшкину?

Мужикъ, казалось, очень затруднился такимъ вопросомъ.

«Что, не знаешь?

— Нѣтъ, баринъ, не знаю.

«Какъ не знаешь?

— Ей Богу, баринъ, не знаю <sup>12)</sup>).

<sup>1)</sup> Зачеркнуто все со словъ: „Послушай-ка...“

<sup>2)</sup> Это слово вписано потомъ.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто со слова: „Да“ и внизу вписано: „Баринъ сказалъ кучеру, что онъ дуракъ, что это помѣщикъ, а не деревня, а дорогу онъ долженъ знать. Но скоро вспомнилъ самъ, что Селифану нельзя было знать“. Последнія слова снова зачеркнути и вписано: „тоже не откуда было проѣхать“.

<sup>4)</sup> Зачеркнуто все со словъ: „Какъ милости вашей...“

<sup>5)</sup> Вичеркнуто все, что написано разрядкою, и вписано: „Онъ выглядывалъ, не попадется-ли гдѣ мужикъ, и точно скоро...“

<sup>6)</sup> Далѣе вписано потомъ сверху: „попавши“.

<sup>7)</sup> Зачеркнуто.

<sup>8)</sup> Наверху вписано далѣе: «мужикъ».

<sup>9)</sup> Не разобрало одно слово.

<sup>10)</sup> Зачеркнуто и вписано: «эй, борода».

<sup>11)</sup> Зачеркнуто все со словъ: «послушай-ка!»

<sup>12)</sup> Все напечатанное разрядкою вписано потомъ.

«Тоть-то <sup>1)</sup>—как не знаешь: тотъ-то, что скушь. А скряга-то, Плюшкинъ-то, что скушь-то <sup>2)</sup>»?

— Знаю, знаю <sup>3)</sup>. А! заплатный, заплатный! вскрикнулъ мужикъ. Было имъ произнесено и существительное къ слову заплатный, да только оно такого рода, которое развѣ одному русскому мужику позволяется произносить. Въ свѣтскомъ же разговорѣ вовсе не употребительно <sup>4)</sup>. Всему свѣту извѣстно, что русскій народъ охотникъ давать свои имена и прозвища совершенно противоположныя тѣмъ, которыя даетъ при крещеніи попъ. Они бываютъ очень <sup>5)</sup> мѣткі и удачны <sup>6)</sup>, да въ свѣтскомъ разговорѣ вовсе <sup>7)</sup> неупотребительны. Впрочемъ, все зависить отъ привычки и оттого, какъ какое имя облодится. Кому, напримѣръ, не извѣстно, что у насъ люди, дослужившіеся первыхъ мѣстъ, такіе носятъ фамиліи, что въ первый разъ было совѣстно произнести ихъ при дамахъ. Однако-жь, теперь и дамы произносятъ ихъ, и ничего. А сами носящіе эти фамиліи даже производятъ ихъ теперь <sup>8)</sup> чуть не отъ Рюрика; между тѣмъ какъ, можетъ быть, ихъ же крѣпостной человекъ имъ прислужился <sup>9)</sup> въ этомъ <sup>10)</sup>. Такъ все на свѣтѣ, наконецъ, облагораживается.

— Эоть-то звѣстно, гдѣ живеть, говорилъ мужикъ, только вашей милости нужно будетъ маленько поворотить назадъ и проѣхать мимо господскихъ покоевъ.

«А нельзя ли такъ, чтобы не мимо господскихъ покоевъ?»

— Есть, пожалуй, другая дорога, немного будетъ повыше, только все господскихъ-то покоевъ будетъ немного видно.

<sup>1)</sup> Зачеркнуто.

<sup>2)</sup> Вся разрядка вписана потомъ наскоро.

<sup>3)</sup> Вписано потомъ наскоро.

<sup>4)</sup> Зачеркнуто все, что напечатано разрядкою, и сверху вписано другими чернилами: «Да мы ужъ лучше не произнесемъ это». Последнія слова зачеркнуты и замѣнены: «оставимъ въ покоѣ существительное».

<sup>5)</sup> Зачеркнуто.

<sup>6)</sup> Зачеркнуто.

<sup>7)</sup> Зачеркнуто.

<sup>8)</sup> Зачеркнуто и вписано: «а помещики этихъ фамилій, какъ бы не о нихъ рѣчь, ни чуть не конфузятся и производятъ ихъ отъ Рюрика».

<sup>9)</sup> Въ печатной редакціи эта мысль развита несравненно подробнѣе, сдѣлана большая прибавка о силѣ русскаго слова, о словахъ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, — чѣмъ собственно и заканчивается тамъ V-я глава. Въ рукописной же редакціи далѣе слѣдуютъ зачеркнутыя строки: «но слѣдуемъ за героями нашими и посмотримъ—какъ онъ поѣдетъ къ Плюшкину».

<sup>10)</sup> Въ печатной редакціи здѣсь начинается VI-я глава вставленнымъ лирическимъ мѣстомъ: «Прежде въ гѣта... (110 стр.).

«Ну, нечего дѣлать. Возьми ту дорогу, что повыше, сказала Чичиковъ Селифану,—и поѣзжай пошибче.

Селифанъ не заставилъ себѣ повторять въ другой разъ этого приказанія и, поворотивши назадъ, припустилъ лошадей во всю прыть.

Домъ точно былъ нѣсколько виднѣнъ. Онъ даже замѣтилъ, что Собакевичъ все еще стоялъ на крыльцѣ и, казалось, очень внимательно старался разсмотрѣть его брчку. Чичиковъ опять вспомнилъ о томъ, что далъ по три съ полтиной и внутренно потѣшилъ Собакевича мерзавцемъ.

Показавшаяся скоро деревня Плюшкина разсѣяла его досаду. Избъ было столько, что не перечестъ. Онѣ были—такое старье и ветхость, что можно было дивиться, какъ не попали въ тотъ музей древностей, который еще не такъ давно продавался въ Петербургѣ съ публичнаго торго вмѣстѣ съ вещами, при . .

Н. В. Гоголь.

Сообщ. Е. С. Нехрасова.

---

## ИЗЪ ДОМАШНЯГО АРХИВА НѢЛОВЫХЪ.

### I.

Письмо служилаго человѣка

1732 г.

Государь мой братецъ Филиппъ Перфильевичъ, благополучно здравствуй! Письмо ваше до рукъ моихъ чрезъ купца Гарнера отдано 25 дня августа исправно, изъ котораго выразумѣлъ, что вы—мазоръ, и буде правда—то вѣсь поздравляю, а ежели секундъ-мазоръ, то рука твоя неправа: знатно испльзъ чашу писано... А я здѣсь въ военной коллегіи въ томъ указѣ, что тебѣ бытъ въ секундъ-мазорахъ, и чтобъ не замедлить указу, много ходатайствовалъ и за работу подъячимъ пѣсколько далъ, а чтобъ настоящимъ мазоромъ,—такого указу и приговору не выдалъ. Пожалуй, объяви брату Гаврилу Степановичу: ево капитанство остановилось ни зачѣмъ другимъ, только что по репорталъ Скрипницинъ старѣе... И чрезъ мое прошеніе учиненъ приговоръ: вѣлно послать къ городу указъ, для чего оной Скрипницинъ обойденъ; и такой указъ посланъ, и вы извольте постараться, чтобъ сюда отъ города отвѣтствовали, а безъ того не дѣлають, а другіе никто еще изъ оставшихъ не явились. При семъ здравствуйте: слуга вашъ Иванъ Нѣловъ. С.-Петербургъ, сентября 3 дня 1732 году.

На адресъ: Государю моему брату Филиппу Перфильевичу Нѣлову — у города Архангельскаго.

### II.

Резолюція одного изъ архіереевъ

1758 г.

Прилагаемый при семъ въ современномъ спискѣ указъ 1758 года заключаетъ въ себѣ не безъинтересную архіерейскую резолюцію, характеризующую духовное убожество тогдашняго сельскаго духовенства—съ одной стороны, и суровое отношеніе къ нему епископской власти—съ другой. Малообразованный, подавленный житейскою нуждою, сельскій священникъ того времени,

какъ видно, не вполне сознавалъ высокую святость совершаемыхъ имъ священнодѣйствій; онъ нуждался въ наставленіи и вразумленіи, — и вмѣсто всего этого подвергался карѣ, которая, нисколько не улучшая его духовно-нравственной стороны, могла только ухудшить и безъ того неприглядную житейскую обстановку.

А. М.

Указъ ея имп. велич., самодержицы всероссійскія, изъ вологодской его преосвященства господина преосвященнѣйшаго Серапіона, епископа Вологодскаго и Бѣлозерскаго, духовной консисторіи, поповскому десятоначальнику <sup>1)</sup>, церкви Николая Чудотворца на Корнѣ, священнику Іоанну Андрееву. Сего мая 18-го дня 1758 года, Вологодскаго уѣзда, церкви Архангела Михаила, что поверхъ Вологды рѣки, о погрѣшности священника Семіона Θεоктистова, что онъ дерзнулъ содержать въ избѣ дароносный ковчегъ съ Божественными Тайнами, въ резолюціи, рукою его преосвященства писанной, изображено: «аще небо и небо небесъ недовольнѣ (по Соломону) величеству Божію во обитаніе и селеніе славы Его, всѣхъ Творца и Создателя—Господа, коими паче рукотворенные храмы, аще и освященные особливо-же Божественный престольный жертвенникъ—на то едино страхомъ Божіимъ съ крайнѣйшимъ благоговѣйствомъ освященъ, дабы отнюдь не на такомъ коемъ-же мѣстѣ, но на святомъ престолѣ, утаинствовавъ подъ видомъ хлѣба и вина пресвятымъ тѣломъ и пречестною кровію, Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ вселяемъ и сохраняемъ былъ. А поць окаянный Симеонъ, не внимая страшному такому величайшему таинству, дерзнулъ въ своей избѣ содержать дароносный ковчегъ съ Божественными Тайнами, которыя всепресвятая Христовы Тайны повелѣлъ оць, поць, отъ его, пастыря, вынести во святую церковь и поставить на святомъ престолѣ. Чего дабы и другіе попы отъ своего не богобоязненнаго безстрашія и крайняго невниманія чинить не дерзали,—послать во всю епархію указы чрезъ десятоначальники, а съ помянутаго попа Семіона Θεоктистова штрафа взять на соборную святую церковь за означенную погрѣшность пудъ воску, или (послать) на годъ въ Озерки—(въ) монастырь Свято-Николаевскій въ священнослуженіе».

Того ради тебѣ, по силѣ оной его преосвященства резолюціи, вѣдомства своего церковно-священникамъ для достожднаго исполненія сего указа роздать за рукою своею точныя копіи съ росписками, и тѣ росписки подать въ вологодскую духовную консисторію, и поповскому десятоначальнику, церкви Николая Чудотворца, что на Корнѣ, священнику Івану Андрееву о томъ вѣдать и учинить по сему ея императорскаго величества указу.

Секретарь Василій Вороновъ. Канцеляристъ Стефанъ Юрьевъ.

<sup>1)</sup> Т. е. благочинному.

## III.

Челобитная 1760 года.

Бьетъ челомъ подпоручика Апполона Степановича Соколова, Пошеховскаго уѣзду, Ухтомской волости, сельца Мачакова, служитель Леонтей Яковлевъ, а въ чемъ мое челобитье—тому слѣдуютъ пункты:

1) Домъ и деревни господина моего и съ нихъ сборъ всякихъ денежныхъ доходовъ поручены мнѣ, именованному, и съ нихъ собрано было мною денегъ 300 рублей, которые для отсылки и переводу къ господину моему въ Санктъ-Петербургъ, чрезъ Борисоглѣбской слободы купцовъ, поѣхалъ я, именованный, Ярославскаго уѣзду въ Борисоглѣбскую слободу; ѣдучи, въ пути увѣдомился, что присланъ изъ ярославской провинциальной канцеларіи копенетъ Алексѣй Шеннъ—для отказа собственного господина моего вологодскаго недвижимаго имѣнія—деревни Катаева, по челобитью мичмана Лукьяна Перфильева, сына Нѣлова. Возвратясь въ показанную деревню Катаево, нашедъ помянутого откащика Шенна и при немъ Лукьяна Нѣлова дворовыхъ людей и крестьянъ въ пятнадцать человѣкахъ, которому откащику, въ силу присланнаго изъ государственной вотчинной коллегіи указа, сталъ спорить, чтобъ то недвижимое вологодское господина моего имѣніе за него, Нѣлова, не отказывалъ, токмо оной откащикъ и при немъ означеннаго Нѣлова Вологодскаго уѣзду, сельца Кузьминскаго, дворовой человѣкъ Кузьма Абакумовъ съ товарищи, бывъ всѣ безобразно пьяны, растанувъ меня на полу, били плетью и пинками смертно, и брося въ подполье, имѣющееся на мнѣ платье и господскіе деньги и лошадь обравъ, привели меня въ Вологодской уѣздъ къ оному Лукьяну Нѣлову въ сельцо Олятино, гдѣ и содержанъ былъ 12 дней подъ карауломъ. А потомъ отослалъ меня въ Москву къ сыну своему, поручику Михаилу Нѣлову, и по привозѣ въ Москву, приказомъ оного Нѣлова держанъ же былъ подъ карауломъ недѣлю, и пакы отослалъ обратно къ отцу ево—Лукьяну Нѣлову, которой послалъ меня отъ себя въ показанную господина моего деревню Катаево, и въ той деревнѣ лошадей господина моего мнѣ отдалъ обратно, а отнятыхъ у меня господина моего, Нѣлова людьми, денегъ трехъсотъ рублей мнѣ не возвратили.

2) А понеже помянутой Лукьянъ Нѣловъ, вѣдая неправое учиненнѣе за себя недвижимому господина моего вологодскому имѣнію отказъ, съ отказу того недвижимого имѣнія крестьянъ приводитъ въ крайнее раззореніе и беретъ съ нихъ излишніе доходы и высматъ въ собственные свои деревни на работы, отчего не точию господинъ мой можетъ лишиться своихъ доходовъ, но и собираемыхъ въ казну вашего императорскаго величества податей тѣ крестьяне, за раззореніемъ ево, Нѣлова, платить будутъ не въ состояніи. И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое явочное челобитье въ вологодской провинциальной канцеларіи принявъ, впредь для вѣдома записать въ книгу, а о бою моемъ именованномъ и (о) увѣчѣ и объ отнятій у меня помянутого Нѣлова людьми 300 рублей денегъ—будетъ господинъ мой впредь бить челомъ, гдѣ надлежитъ. Къ той челобитной служитель Леонтей Яковлевъ руку приложилъ.

Сообщ. А. Ш. Мерцаловъ.



## Записка императора Николая I о военных дѣйствіяхъ на Кавказѣ

(около 1845 г.).

Кавказскій корпусъ временно усиленъ былъ 5-мъ корпусомъ, съ двойною цѣлью:

- 1) Исправить несчастія 1843 года.
- 2) Поразить скопища Шамиля и утвердиться въ занятыхъ областяхъ.

Затѣмъ все прочее принадлежитъ обыкновеннымъ обязанностямъ кавказскаго корпуса въ собственномъ его составѣ.

По ходу происходившаго въ походѣ сего года должно сознать, что ни та, ни другая цѣль вполнѣ не достигнута; не станемъ распространяться—отъ чего? Исполненное же ограничивается покореніемъ Акуши и Цудахара и устройствомъ перваго укрѣпленія на передовой чеченской линіи.

Осталось же исполнить все, что не додѣлано въ 1844 году, т. е.

- 1) Разбить, буде можно, скопища Шамиля.
- 2) Проникнуть въ центръ его владычества.
- 3) Въ немъ утвердиться.

Вотъ, по прежнимъ предположеніямъ, что должно сдѣлать еще въ теченіи будущаго похода.

Неоспоримо, что укрѣпить еще одинъ или два пункта на передовой чеченской линіи дѣло весьма полезное, въ видѣ окончательнаго покоренія Чечни, но ни для другаго чего; такъ и укрѣпленіе Гергебиля—первостепенной важности для упроченія нашихъ сообщеній въ занятомъ краѣ и для защиты его. То же должно сказать и про прочное занятіе Кара-Койсу и всего Сулака.

Но ни одною изъ сихъ мѣръ не достигается та цѣль, о которой выше упомянуто,—цѣль, которая единственно измѣняетъ присутствие

5-го корпуса на Кавказѣ; или, въ противномъ случаѣ, должно бы было согласиться оставить его на неопредѣленное время тамъ, гдѣ ему никакъ долѣе года оставаться нельзя.

Обращаюсь къ плану дѣйствій ген. Нейдгардта.

Главное возраженіе на оный въ томъ, что предназначается самурскому отряду дѣйствовать въ нѣдра горъ, для содѣйствія Дагестанскому и удаляя его значительно отъ настоящаго его назначенія—прикрытія Нижняго Дагестана. Находятъ тоже, что составъ чеченскаго отряда слишкомъ слабъ, чтобы надѣяться можно было съ достовѣрностію, что отрядъ сей не только былъ въ состояніи дѣйствовать наступательно, но даже докончить прочно Воздвиженское укрѣпленіе, и потому совершенно невозможно полагать, чтобы сей же отрядъ предпринять могъ строить новый фортъ.

Эти два замѣчанія отчасти могутъ быть справедливы, но отнюдь не доказываютъ, чтобы нельзя было обойти эти затрудненія. И вотъ какъ:

Идя твердо отъ мысли, что мы должны проникнуть въ горы, прѣмѣрно къ Андїи, какъ къ главному пункту,—должны и можемъ,—мнѣ кажется, что содѣйствіе самурскаго отряда для сего не нужно иначе, какъ сильною диверсіею къ Тилитли, или въ одно изъ обществъ южнѣе Аварїи.

Главные дѣйствія быть должны отъ Сѣвернаго Дагестана и отъ Чечни. Для того нужно, чтобы оба отряда были въ достаточной силѣ.

Полагаю, что самурскій отрядъ долженъ быть, кромѣ гарнизоновъ, въ 8 баталіоновъ.

Дагестанскій отрядъ въ 16 батал., кромѣ гарнизоновъ.

Наконецъ, чеченскій въ той же силѣ, 16 баталіоновъ.

Назрановскій и прочіе,—какъ предположено.

Поэтому будутъ въ 8-ми баталіонахъ самурскаго отряда 4 батал. князя Варшавскаго, 1 батал. Мингрельскаго, 3 батал. Минскаго.

Въ составѣ дагестанскаго отряда: 4 батал. Аншеронскаго, 9 батал. Волынскаго, Подольскаго и Житомирскаго, 3 батал. Куринскаго (16 баталіоновъ).

Въ составѣ чеченскаго отряда: 3 батал. Навагинскаго, 4 батал. князя Чернышева, 12 батал. 15-й дивизіи; изъ нихъ четыре для гарнизона въ Воздвиженскомъ, на время отдаленія отряда для дѣйствій (20 батал.).

За этимъ росписаніемъ, остаются свободными:

вся 13-я дивизія	12 бат.
весь Тенгинскій п.	4 »

Куринскаго п. . . . .	1 бат.
всѣ 5-е бат. 19-й и 20-й дивиз.	8 »
Грузинская гренад. бригада	8 »
Мингрельскаго полка .	2—(кромя находящихся въ Сухумѣ)
Тифлисскаго п. . . . .	4 бат.

---

Итого. 39 бат.

Изъ нихъ: Тенгинскій полкъ и 1-я бригада 13-й дивизіи на правомъ флангѣ (11 бат.); Литовскаго полка въ центрѣ (1 бат.); въ назрановскомъ отрядѣ 2 бат. литовскихъ и Виленскій полкъ (5 бат.); въ Куринскомъ укрѣпленіи 1 бат. Куринскаго полка (1 бат.); 5-е баталіоны Навагинскаго, князя Чернышева и Куринскаго полковъ—въ своихъ штабахъ или въ резервѣ (3 бат.); 5-й баталіонъ апшеронскій въ своемъ штабѣ (1 бат.); 5-е баталіоны кн. Варшавскаго, Мингрельскаго и Тифлисскаго въ своихъ штабахъ (3 бат.); Тифлисскаго полка 3 бат. въ лезгинскомъ отрядѣ (3 бат.) и одинъ бат. на Военно-Грузинской дорогѣ (1 бат.); Мингрельскаго п. 2 бат. въ Тифлисѣ и въ резервѣ (2 бат.). Кромя того, всѣ линейныя баталіоны на своихъ мѣстахъ.

При подобномъ раздѣленіи войскъ могутъ оба отряда, дагестанскій и чеченскій, двинуться одновременно къ Андіи искать скопища Шамиля и, буде можно, разбить его, взять Андію и истребить се гвѣздо и, ежели найдено будетъ удобнымъ, сейчасъ приступить дагестанскому отряду къ устройству укрѣпленія, а чеченскому возвратиться въ Воздвиженское, какъ для достройки его, такъ и для доставки въ дагестанскій отрядъ нужныхъ подвозовъ.

Когда укрѣпленіе въ Андіи будетъ доведено до желаемой степени, въ немъ остаются 6 баталіоновъ; 10-же идутъ обратно въ Евгеніевское и на пути, на нужныхъ мѣстахъ, строятъ укрѣпленные посты; можетъ быть придется то же сдѣлать и по дорогѣ къ Воздвиженскому.

Между тѣмъ, довершивъ работы въ Воздвиженскомъ, чеченскій отрядъ оставляетъ въ немъ 6 батал., а съ остальными 14-ю бат. переходитъ на новое мѣсто чеченской линіи и закладываетъ тамъ второе укрѣпленіе.

Полагать должно, что оно успѣетъ быть довершеннымъ до осени.

Въ это время самурекій отрядъ, кончивъ дѣйствіе въ горахъ, вѣроятно, обращенъ быть можетъ къ возведенію укрѣпленія при Гергебилѣ.

Подобными дѣйствіями достигнется несомнѣнно то, чего мы ожидать въ правѣ отъ данныхъ способовъ.

Всякое другое дѣйствіе повлечетъ насъ въ неисчисленныя затрудненія и продлитъ дѣло до безконечности.

Если признано будетъ необходимымъ оставить сильнѣе резервъ въ Темир-хан-шурѣ и на лѣвомъ флангѣ сунженской линіи, то можно будетъ изъ 16-ти бат. дагестанскаго отряда оставить Волинскій полкъ въ Темир-хан-шурѣ, а изъ чеченскаго отряда одинъ полкъ 15-й дивизіи на лѣвомъ флангѣ; тогда оба отряда останутся въ 13-ти бат. составѣ, собственно для дѣйствій; хотя бы весьма желательно было, чтобъ оба отряда оставались въ 16 бат.

Николай.

---

### Поправки и опечатки.

Въ сентябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1885 г., въ статьѣ Гр. Джаншіева: «Первыя страницы въ исторіи судебной реформы»—вкралось слѣдующія описки и опечатки:

На стр. 492 поименованъ профессоръ Н. И. Утинъ, читай: Борисъ Исаковичъ Утинъ, профессоръ с.-петербургскаго университета и императорскаго училища правовѣдѣнія, умеръ въ 1872 г. въ г. Цюрихѣ, погребенъ въ С.-Петербургѣ, въ Новодевичьемъ монастырѣ.

Яв. И. Утинъ.

Кромѣ указанной погрѣшности, въ той же статьѣ вкралось еще нѣсколько существенныхъ опечатокъ: стр. 496—въ спискѣ умершихъ показанъ С. И. Зарудный—выпѣ здравствующій.

- Николай Тимофѣевичъ Погуляевъ † въ 1859 г.
- 491. Напечатано—Ф. М. Жуковскій, читай: С. М. Жуковскій.
- 491. Напечатано: кн. И. С. Волконскій, читай—кн. М. С. Волковскій.
- 491. О. Квистъ, читай: О. И. Квистъ.

Г. Р.

## Князь И. О. Паскевичъ въ Царствѣ Польскомъ

въ 1846 г.

### I.

Всеподданнѣйшее его письмо Николаю I по поводу волненія въ Краковѣ 1846 г.

1846 года 19-го февраля (3-го марта), г. Варшава.

Всемилоствѣйшій Государь. Въ Царствѣ Польскомъ спокойно. Войска наши двигаются: сегодня должны быть подъ Краковымъ; я думаю, Краковъ сдастся безъ защиты. Странная претензія прусаковъ, чтобы нѣкъ генераль командовалъ въ Краковѣ, заставила меня послать ген.-ад. Ридигера, не такъ какъ командира отряда, а чтобы быть тамъ и наблюдать за происшествіями и, не отдаваясь въ команду, не брать оной. Главное разсужденіе мое въ томъ, что австрійцамъ скорѣе всего предложить имѣть команду, ибо бунтъ у нихъ въ Галиціи, а прусаки и мы должны, посему, быть въ ихъ распоряженіяхъ. При томъ ген. Ридигеръ, въ послѣднюю войну <sup>1)</sup>, тамъ командовалъ, знаетъ мѣстоположеніе, людей тамошнихъ и войну. Фонтонъ свѣтренничаль, предлагая команду. Безпрестанныя, такъ сказать, вспышки къ бунту въ Царствѣ Польскомъ сдѣлали то, что нужно было дать отдѣльнымъ воинскимъ начальникамъ, и даже ротнымъ командирамъ; въ кругу ихъ расположенія, власть брать кого хотятъ, и представлять за карауломъ. Преступниковъ необходимо казнить смертію и судить ихъ по полевому положенію. Это и выдачи большихъ суммъ для войскъ заставили меня просить объявить Польшу въ военномъ положеніи. Распоряженіе, которое даетъ теперь власть даже ротнымъ командирамъ,

---

<sup>1)</sup> 1831 года.

есть одно средство удержать неистовое дворянство и шляхту въ повиновеніи. Они, дворяне и шляхта, болѣе мѣсяца держать въ страхѣ хорошихъ и честныхъ гражданъ; тѣмъ же надобно и имъ отплатить за страхъ страхомъ. Надобно, чтобы онъ вечеромъ, засыпая, бояся ночью не быть взятымъ подъ караулъ; а какъ въ продолженіи дня дѣла его и слова почти всегда противузаконны, то онъ уснуть очень дурно. Такимъ образомъ, не годъ, не два, но три, четыре продержатъ ихъ въ страхѣ, и тогда возвысятся военные всѣ русскіе и честные граждане; а дворяне, шляхта и другіе, терпя всегдашнюю опасность, смирятся. Разумѣется, что нѣкоторыя изъятія личныя будутъ.

При семь имѣю счастье представить два отношенія эрцъ-герцога Фердинанда ко мнѣ. Положеніе дѣлъ въ Галиціи удивляетъ тѣмъ болѣе, что крестьяне тамъ горячо взялись и истребили въ началѣ бунта. Посылаю адъютанта моего, гр. Коновницына, для объясненій лично о галиційскомъ дѣлѣ. Замѣчательно, что жида въ сіе возмущеніе стрѣляли изъ оконъ въ Краковѣ, большое охлажденіе къ сему бунту показали; такъ что извѣстія самыя невѣрныя были во все время въ мѣстахъ, гдѣ бунтовщики были; а въ прежнюю войну почти каждый шагъ мы знали о бунтующихъ. Въ прокламаціи, жида, отъ бунтовщиковъ, названы братьями поляками-израильтянами.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и съ таковою же преданностію имѣю счастье быть и пр. князь Варшавскій, графъ Паскевичъ Эриванскій.

## II.

### Записка императора Николая по поводу волненія въ Краковѣ.

Новый бунтъ можетъ имѣть разныя послѣдствія:

1) Все кончится взытіемъ Кракова и разсѣяніемъ тамошнихъ шаекъ, чѣмъ утихнутъ попытки въ Галиціи.—2) Австрійцы усмирятъ бунтовщиковъ въ Галиціи.—3) Австрійцы будутъ изгнаны изъ Галиціи.—4) Австрійцы, послѣ своего изгнанія, вновь войдутъ и одолѣютъ бунтовщиковъ.—5) Бунтъ распространится на Венгрію; австрійцы одни не въ состояніи будутъ бороться и одолѣть оба бунта и призвать чужую помощь.

Мы должны усмирить Краковъ, во что бы то ни стало, и оставаться въ немъ, покуда обстоятельства не объяснятся совершенно. Но къ сторонѣ Галиціи только быть зрителями, но готовыми къ немедленному дѣйствию.

Ежели дѣла австрійцевъ сейчасъ не кончатся успѣшно, должно армию приводить на военное положеніе:

2-й корпусъ, какъ нынѣ стоитъ; 3-й уже почти на военномъ положеніи; 4-й, стягиваясь направо, ближе къ Кременцу; 1-й корпусъ тамъ—гдѣ есть. Но ежели 2-й и 4-й корпуса тронутся, то и 1-й долженъ перейти на ихъ квартиры, такъ чтобъ 1-я и 2-я дивизіи смѣнили 2-й корпусъ въ Литвѣ, а 3-я заняла Кіевъ. Рига должна остаться занятою, или однимъ полкомъ 2-го корпуса, или Гренадерскимъ полкомъ, до сбора и прихода резервн. баталіоновъ 1-го корпуса.

Ежели австрійцы будутъ изгнаны изъ Галиціи и, сверхъ того, дѣла ихъ примутъ дурной оборотъ, то должно сейчасъ 2-й корпусъ ввести въ Царство, дабы войска 3-го корпуса, вмѣстѣ съ 4-мъ корпусомъ, могли быть готовы къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Безсрочно отпускные, къ арміи приписанные, должны быть собраны сейчасъ, когда подтвердится извѣстіе о рѣшительной неудачѣ австрійцевъ. Тогда всѣ они должны быть собраны и зачислены не по нормальному росписанію, а къ тѣмъ корпусамъ, которые въ сихъ губерніяхъ или ближайшихъ расположены.

Гренадеры, гвардія и кавалерія на первый случай не собираются.

Ежели Австрія призоветъ насъ къ дѣйствію, участвовать въ ономъ должны 3-й и 4-й корпуса; 2-й занимаетъ Царство, а 1-й Литву и Кіевъ. Тогда же должны быть призваны къ сбору резервн. баталіоны, батареи и эскадроны войскъ, участвующихъ въ дѣйствіяхъ, и расположиться: баталіоны 3-й резервн. дивизіи на квартирахъ, занимавшихъ 1-мъ корпусомъ, а резервн. дивизіи 4-го корпуса въ Кіевѣ; артил. батареи при своихъ дивизіяхъ, а эскадроны въ воен. поселеніи, гдѣ, по росписанію, имъ назначено.

Тогда же долженъ послѣдовать дополнительный наборъ съ западной полосы, въ уравненіе съ восточной, не исключая и губерній, по неурожаю изъятыхъ отъ набора сего года. Рекруты сіи поступятъ предпочтительно въ собранные рез. баталіоны и эскадроны; остальные—въ мѣстные баталіоны внутренней стражи, въ запасъ къ резервнымъ.

Ежели обстоятельства политическія еще болѣе обратятся къ худшему, тогда 6-й корпусъ перейдетъ на квартиры, временно занятыя 1-мъ; резервныя дивизіи 1-го и 2-го корпусовъ равномерно должны собраться, и тогда всѣ 4 рез. дивизіи займутъ квартиры постоянного квартированія своихъ корпусовъ.

Гренадерскій, гвардейскій и резервный кавалерійскій корпуса не трогаются. Москва займется рез. дивизіею 6-го корпуса, которая для сего тоже должна быть собрана.

По приходѣ рез. дивизій на назначенныя имъ мѣста, рекруты, уже выбранныя и оставленные при баталіонахъ внутренней стражи, сдаются въ остальные резервныя дивизіи.

Н.

### III.

Письмо кн. И. О. Паскевича кн. М. С. Воронцову.

30-го апрѣля 1846 г., Варшава.

Благодарю васъ, любезный князь, за письмо ваше отъ 4-го (16-го) марта (1846 г.). Оно было мнѣ вдвойнѣ пріятно: и по старинной моей къ вамъ привязанности, и по интереснымъ дѣламъ вашимъ на Кавказѣ, за которыми я постоянно слѣдилъ съ особеннымъ любопытствомъ. Очень понимаю, что гражданскія занятія даютъ вамъ даже болѣе хлопотъ и безпокойствъ, чѣмъ военныя; но увѣренъ, что при вашихъ благихъ намѣреніяхъ и твердой волѣ вы успѣете сдѣлать много добра и для Кавказа, и для Россіи. Попріице предстоитъ вамъ обширное; мужайтесь! любезный князь, скажу вашими же словами: «будемъ дѣлать свое дѣло, остальное довершить Богъ». Вы многое уже сдѣлали: прошлагодня экспедиціи ваши, разчистка лѣсовъ въ Чечнѣ и за Алазанью, устройство новой линіи на Самурѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденіе мѣновыхъ дворовъ, конечно, произведутъ благотворное вліяніе на горцевъ и послѣдствія, при постоянномъ терпѣливомъ слѣдованіи той же системѣ, укажутъ горцамъ ихъ будущность.

Душевно радъ, что вы нашли хорошихъ исполнителей между военными и что мы встрѣтились въ мнѣніяхъ о князѣ Бебутовѣ <sup>1)</sup>. Я писалъ къ вамъ по этому дѣлу 25-го февраля съ генераломъ Коцебу; но можетъ быть вы еще не получили моего отзыва. Считаю генерала Бебутова человѣкомъ достойнымъ и видя, что онъ невинно подвергается взысканію, только по недоразумѣнію и въ такомъ дѣлѣ, которое лежитъ у меня на совѣсти, ибо князь Бебутовъ исполнялъ мои приказанія, я намѣренъ ходатайствовать за него у государя императора и прошу позволенія сослаться на вашъ о немъ лестный отзывъ.

Что же касается до вдовы Грибоѣдова, то когда вы, любезный князь, по уваженію ея разстроенныхъ обстоятельствъ, найдете воз-

<sup>1)</sup> Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ.



можнымъ что либо для нея сдѣлать, то это будетъ истинною для нея милостію.

Если, князь, ваше положеніе непріятно въ отношеніи къ горцамъ, по причинамъ географическимъ, вслѣдствіе которыхъ непріятель у васъ въ центрѣ и вы непрерывно должны быть готовы на всѣхъ пунктахъ, то мое положеніе здѣсь, по причинамъ совершенно противоположнымъ, нѣтъ также свои неудобства. Царство Польское такъ дурно окружено со стороны Пруссіи, Позена, Кракова и Галиціи, что всѣ попытки возмутителей въ Германіи непременно отзываются и въ Польшѣ; а всѣ интриги поляковъ, конечно, болѣе всего устремлены на Царство и Варшаву, которыя, по своему центральному положенію и по воспоминаніямъ историческимъ, для нихъ важнѣе всѣхъ прочихъ частей бывшей Польши.

Я вижу, до васъ, любезный князь, дошли слухи, что безпокойство въ Галиціи произведено такъ называемымъ коммунизмомъ. Но это движеніе есть только слѣдствіе, реакція неудавшихся попытокъ поляковъ, которые за коммунизмомъ стараются теперь скрыть намѣренія половизма. Позвольте вамъ для объясненія этого дѣла, которое я всегда видѣлъ здѣсь ближе, сообщить краткую записку, мною составленную.

Вы увидите, что первую причиною всѣхъ безпокойствъ въ Польшѣ суть Франція и Англія, которыя, давъ пристанище эмигрантамъ польскимъ, въ теченіе 15-ти лѣтъ оказываютъ имъ постоянно пособіе и всякаго рода участіе, поддерживаютъ въ полякахъ ихъ несбыточные желанія, ихъ надежды на сохраненіе національности польской и даже на дѣятельную матеріальную помощь со стороны западныхъ державъ.

Отсюда всѣ волненія и заговоры, которые въ послѣднія 15 лѣтъ непрерывно насъ тревожатъ. Ни Франція, ни Англія не дадутъ зажить этой язвѣ, равно вредной для всѣхъ монархическихъ державъ и особенно Россіи.

Другую причиною волненія умовъ есть пала римскій, который своимъ поведеніемъ, переимчивая, перетолковывая всѣ распоряженія и мѣры осторожности нашего правительства, дозволяя себѣ даже клевету,—возстановилъ католицизмъ противъ православія, западную Европу противъ восточной. Поляки же, не упуская ни одного случая, которыми могутъ воспользоваться, употребили религію какъ орудіе и уже не противъ одной Россіи, но противъ вообще всѣхъ монархическихъ началъ. Послѣднія событія, въ которыхъ католическое духовенство не только принимало участіе, но которыя оно приготвило и организовало, служатъ тому доказательствомъ.

Наконецъ, самое глѣздо заговоръ составляетъ эмиграція польская въ Парижѣ и Лондонѣ. Ни высшее дворянство, ни шляхта въ эмиграціи, кажется, ничего не забыли и ничему не научились. Съ одной стороны явное участіе Франціи и Англій питаетъ ихъ легкомысленныя, безумныя надежды; съ другой—они безпрестанными мятежническими вспышками стараются доказать, что не умерла еще национальность польская, что ихъ мечты не тщетны и, вызывая наказанія, тѣмъ поддерживаютъ къ себѣ участіе. Подобныя вспышки, заговоры, все равно, удачныя или нѣтъ, для нихъ сдѣлались простымъ расчетомъ. Сами они ничего не теряютъ, ибо въ минуту дѣйствительной опасности они уже скрылись; падутъ нѣсколько жертвъ ихъ легкомыслія или расчетовъ корыстныхъ. Но что же имъ до того? Они, стояшіе на челѣхъ предпріятія, не были исполнителями; ничего не рискуя, они знаютъ, что ихъ примутъ съ распростертыми объятіями въ обществахъ и имъ остается только собрать плоды съ подписныхъ баловъ и концертовъ.

Нынѣ, приготовивъ исподволь огромный заговоръ и покрывъ имъ какъ сѣтью все пространство бывшей Польши, они увѣрены были въ шляхтѣ, разночинцахъ и дворовыхъ людяхъ и рассчитывали на войска прусскія и въ особенности на ландверъ, такъ что поляки вѣрили уже, что 15 или 25 тысячъ ландвера идетъ на насъ и готовы перейти границу; равно они надѣялись и на австрійскія войска, въ Галиціи расположенныя, гдѣ, къ сожалѣнію, нынѣ стоятъ войска изъ галиціанъ и половина, обыкновенно, находится въ отпускахъ. На русскія войска они, къ счастью, даже и надеждъ не полагали.

Вмѣстѣ съ тѣмъ они надѣялись увлечь и простой народъ, посредствомъ духовенства, миллионами разсыпанныхъ прокламацій, возмутительныхъ брошюръ, учрежденія обществъ подъ разными благовидными предлогами и прочее.

Но здѣсь именно поляки ошиблись: войска къ нимъ не пристали; массы же народа вездѣ обратились противъ заговорщиковъ, вазали и убивали помѣщиковъ и даже духовныхъ. Въ восточной Галиціи это могло бы объясниться старинною ненавистью русина-мужика къ поляку-помѣщику, но убійства болѣе происходили въ западной Галиціи, гдѣ и народъ, и помѣщики одного племени и вѣры. Народъ не хотѣлъ дѣйствовать противъ правительства, потому что у него находить и пособіе, и защиту противъ обычныхъ угѣсненій помѣщиковъ. Австрійское правительство сначала, пока не имѣло достаточно войскъ, допустило это зло, чтобы отвратить другое, то есть бунтъ поляковъ, который, въ случаѣ распространенія, могъ бы повлечь за собою войну болѣе серьезную; поэтому оно въ началѣ даже поддерживало можетъ

быть крестьянъ, но теперь въ Галиціи собраны войска и поселяне обращаются мало по малу къ отправленію работъ.

Въ Царствѣ Польскомъ попытки мятежниковъ были незначительны, можетъ быть, потому что мы всегда къ нимъ приготовлены, такъ что когда начались безпокойства въ Краковѣ; я почти ничего не прибавилъ къ обыкновеннымъ мѣрамъ осторожности, а только ихъ усилилъ и наказалъ виновныхъ. Связавъ такимъ образомъ своихъ домашнихъ злоумышленниковъ, послалъ въ то же время одинъ отрядъ для занятія Кракова, а другой собралъ на границѣ Галиціи и предложилъ его на помощь эрцъ-герцогу Фердинанду. Надѣюсь, что спокойствіе нарушено не будетъ; но ни мало не скрываю отъ себя, что одинъ страхъ удерживаетъ поляковъ. Со стороны крестьянъ я также ничего не опасюсь; идеи коммунизма, о которыхъ такъ много говорятъ, повѣрты, къ нимъ не проникли. Въ мужикѣ, конечно, нетрудно возбудить сродную всякому бѣдному зависть къ богатому, желаніе владѣть землею и не платить податей; но въ этомъ движеніи нѣтъ характера политическаго. Такъ было въ Галиціи и такъ появилось было волненіе и у васъ на границѣ галиційской; но не въ смыслѣ коммунизма, а простое, занесенное изъ Галиціи, желаніе пограбить и порѣзать помѣщиковъ. Но когда приказано было одному полковнику объѣхать съ полсотнею казаковъ деревни и въ 20-ти изъ нихъ высѣчь болѣе дерзкихъ и когда вмѣстѣ съ тѣмъ арестованы были подозрительные и виновные помѣщики, то все успокоилось и пришло въ прежній порядокъ. Въ настоящемъ случаѣ поляки, никогда не упуская случая и пользуясь всѣмъ для своихъ замысловъ, думали употребить коммунизмъ орудіемъ и сами пали первою жертвою своихъ интригъ. Теперь онъ служить имъ ширмами, за которыми напрасно стараются они скрыть свои злоумышленія, хотя сами и налуганы мужиками, и бѣжали изъ деревень. Я изъ увѣрилъ однако, что наше правительство достаточно сильно для того, чтобы удержать и наказать безпорядки, отъ кого бы они ни происходили.

Дай Богъ, чтобы эти происшествія открыли глаза Пруссіи, Австріи и папѣ. Но вообразите, какъ опытъ мало научаетъ: урокъ, данный нѣмцамъ, не переѣнилъ поведенія прусскаго короля. Не смотря на то, что поляки замышляли вырѣзать всѣхъ не поляковъ и не католиковъ, намѣревались отравить гарнизоны въ Познани и даже больныхъ въ госпиталяхъ и взять прусскія крѣпости,—король прусскій все таки хочетъ обходиться съ ними какъ добрый отецъ, не наказываетъ, а увѣщаетъ. Я, признаюсь, принужденъ былъ преступниковъ повѣсить и думаю, что тѣмъ спасъ многихъ; увѣренъ, что и вы, любезный князь, на моемъ мѣстѣ и въ моихъ обстоятельствахъ также бы поступили.

Не могу не привести при этомъ нѣсколько словъ изъ письма князя Меттерниха, который говоритъ, что «въ нашъ вѣкъ удивляются, если что дѣлается согласно съ благоразуміемъ и здравымъ смысломъ».

О многомъ еще я бы желалъ поговорить съ вами, любезный князь, но боюсь—не слишкомъ ли длинно мое письмо, и спѣшу повторить вамъ изъявленіе моей истинной къ вамъ привязанности и уваженія. Князь Варшавскій.

Примѣчаніе. Упомянутая въ этомъ письмѣ записка князя Варшавскаго о положеніи дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, 1846 г., будетъ напечатана въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1885 г.

Сообщ. Ад. П. Верже.

### Письмо Ф. М. Достоевскаго къ брату

отъ 22-го февраля 1854 г.

Это обширное и въ высшей степени замѣчательное письмо, написанное знаменитымъ нашимъ писателемъ, спустя недѣлю по освобожденіи изъ «Мертваго дома» (острогъ ваторжниковъ), напечатано нами въ сентябрьской книгѣ «Русской Старины», изд. 1885 г., стр. 511—520, по копіи.

Вдова покойнаго Федора Михайловича, А. Г. Достоевская, весьма обязательно сообщила намъ нынѣ подлинникъ.

По сличеніи его съ нами изданною копіею, оказалось, что послѣдняя дословно вѣрна. Есть двѣ три описки въ копіи: предлогъ о, а въ подлинникѣ обѣ; въ копіи (стр. 517, строка 15-я снизу): прости ради Христа!—въ подлинникѣ: прости ради Христа! въ копіи (стр. 520, строка 3-я сверху): разцѣлю дѣтей,—въ подлинникѣ: разцѣлу дѣтей.

Подлинникъ писанъ на трехъ большихъ листахъ почтовой, отъ времени пожелтѣвшей, бумаги и писанъ очень четкимъ мелкимъ красивымъ почеркомъ Ф. М. Достоевскаго. Оригиналь былъ подаренъ его братомъ Аполону Николаевичу Майкову и у него хранился до весны 1885 г., когда онъ передалъ этотъ документъ А. Г. Достоевской.

Ред.

## ДЛЯ УКРАШЕНІЯ КОМНАТЪ.

Принимается подписка на facsimile съ оригинальныхъ въ панданъ

# НОВЫХЪ КАРТИНЪ

(РУССКОЙ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ).

„Серебряный лѣсъ“, картина изображаетъ зимнее утро, всѣ деревья, занесенныя снѣгомъ, отражаютъ серебрянымъ блескомъ.—„Ранняя весна“, картина изображаетъ полдень, за березовымъ лѣсомъ красуется свѣтло-голубоватое небо, около лѣсу виднѣется болото. Ориг. профессора А. Мещерскаго. Цѣна за одну карт. 3 р., за двѣ только 4 р., а также продолжается подписка: „Ночь на озерахъ“, картина изображаетъ лунную ночь и малую пристань.—„Утро на Финскомъ заливѣ“, картина изображаетъ туманное утро и нагрузку товара на пароходъ (ориг. художн. Лундъ). Цѣна за одну 2 р., за двѣ только 3 р. За пересылку двухъ или 4-хъ картинъ 60 к. Выйдутъ въ свѣтъ въ сентябрѣ м. с. г., а цѣною уже тогда будутъ вдвое дороже. А также выйдутъ готовыя новыя картины, уже вышедшія въ свѣтъ: „Передъ дождемъ“ (стадо овецъ у рѣчки на водопадѣ), ц. 8 р.; „Ясный день“ (сѣнокосъ въ деревнѣ), ц. 10 р.; „Обильный урожай“ (во ржи идетъ крестный ходъ), ц. 10 р.; „Вечеръ на хуторѣ“ (въ Малороссіи дѣвочка ведетъ слѣплаго бандуриста), ц. 10 р.; „Поездъ стоитъ 3 минуты“ (станція ж. д. и 2 локомотива), ц. 12 р. Пересылка на счетъ магазина.

Вышли въ свѣтъ вторымъ изданіемъ, съ дополнительными красками, ручн. лучш. оттиски: „Видъ Крыма“ (проф. Орловскаго), „Закатъ солнца“ (проф. Ю. Клевера), „Ночь на Невѣ“ (проф. Лагоріо), „Ледяной Ломъ“ (проф. Якобіа), „Елигимъ островъ“ (П. Куріоръ), цѣна за каждую по 5 р. „Русская лихая тройка“ (проф. Сверчковскаго), „Ночь на Дивлрт“ (Акад. Добровскаго), „Сосновый лѣсъ“ (проф. Клодтъ), „Черное море“ (проф. Лагоріо), „Ледоколъ“ (проф. Мещерскаго), „Березовая роща“ (проф. Клодтъ), „Лѣто въ деревнѣ“ (проф. Куріоръ), цѣна за каждую по 8 р. „Русалии“ (проф. К. Маковскаго), „Первый снѣгъ“ (проф. Ю. Клевера), цѣна за каждую по 10 р.; съ этихъ картинъ 2-го изданія гг. выписывающихъ не менѣе двухъ картинъ дѣлаемъ скидку 25 проц., и пересылку принимаемъ на свой счетъ.

Гг. желающіе получить картины въ рамкахъ, цѣна черн. полпров. 3 р. 75 к., 5 р., 6 р. 50 к. и 9 р. Золотымъ: 3 р. 75 к., 6 р. 50 к., 7 р. 50 к. и 12 р., скидка съ рамъ 20 проц. Ящики и упаковку принимаемъ за свой счетъ, а за пересылку съ рамами гг. покупатели сами платятъ на мѣстѣ съ пуда, по полученіи товара съ желѣзной дороги по квитанціи, которая своевременно вышлетса.

Во избѣжаніи недоразумѣній, гг. желающіе пріобрѣсти facsimile по орг. гвалу лучшаго исполненія: издатель ручается только за тѣ картины, за которыя будутъ адресоваться прямо въ фирму издателя, т. е. въ торговый домъ А. Тарочешникова, Спб., Невскій пр., д. 23 (противъ Казанскаго собора).

Прейсъ-куррантъ высылается бесплатно.

Въ книжномъ магазинѣ г. Цинзерлинга и у всѣхъ книгопродавцевъ по-  
ступило въ продажу второе изданіе роскошно изданной книги:

## „МАЛЕНЬКИМЪ ДѢТЯМЪ“

книга для чтенія. составила Елс. Мпх. Семейская,  
изданіе ред. „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Цѣна ДВА руб.

Книга въ роскошномъ переплетѣ, украшена портретомъ Е. И. В. Великой  
Княжны Ксєніи Александровны и многими гравюрами.

Содержаніе: Кукла, которую мнѣ очень хотѣлось имѣть. — Бабушка-  
внучка. — Виновать-ли Бьюты? — Трудъ. — Бабушка. — Дѣдушка. Стих. М. Ста-  
ковича. — Кто больше любилъ Маму. — Бѣлочка. — Дѣвочка и Мама. —  
Кролики. — Нарядница. — Самъ-себѣ-помогай. — Воробьи и кошка. — Дожди-  
вый день. — Коровушка. — Семья Прокла. Отрывокъ изъ стихотвор. П. А.  
Некрасова. — Ласточка. — Мама и Володя. — Попка. — Мама. Стихотвореніе  
П. К. — Все на пользу. Стихотвореніе П. К. — Забыта кукла. — Замятка. —  
Катя передъ праздникомъ Рождества Христова. Стихотвореніе П. К. —  
Кавризы. — Благодарность Богу. Стих. П. К. — Богъ вездѣ. — Растеніе. —  
Пора вставать. Стих. П. К. — Мальчикъ съ кошечкой. — Бабочка. Дѣтскія  
ручки. Стихотвореніе А. Н. Плещеева. — Мое новое пальто. — Всегда омаз-  
дываетъ ихъ. Стих. П. К. — Совѣтъ да любовь. — Жалоронокъ и его малютка. —  
Плохіе зубки. — Мальчикъ и птичка. Стихотв. А. Н. Плещеева. — Въ крестьян-  
ской семьѣ. Стихотвореніе С. Д. Дрожжина. — Прогулка въ лѣсу. — Зимой. —  
Любите порядокъ. — Что думала Мама. — Поларокъ Олѣ. — Настя. — Перезѣдъ  
на дачу. — Мартышка. — Дикая яблоня. — Чижикъ. — Птички. — Не желалъ обидѣ-  
ть. — Ландышъ. — Лѣсъ зимою. — Малиновка (легенда). — Дѣти и птичка. Сти-  
хотвореніе А. Н. Плещеева. — Ожиданіе брата. — Летучая мышь. — Прощай,  
няня. — Птичка. Стихотвореніе Я. П. Полонскаго. — Моя кукла и я. —  
Одинъ въ комнатѣ. — Кошка. — Къ дѣтямъ. Стихотвореніе А. С. Хомякова. —  
Маленькая фея. Сказка. — Весеннія воды. Стихотвореніе О. И. Тютчева. —  
Пчелка. — О насѣкомыхъ. — Ссора дѣтокъ. — Привѣтъ заблудка. Стихотвореніе.  
Подосиновникъ-грибокъ. — Дѣдушка Крыловъ. — Стрекоза и Муравей. Басня  
И. А. Крылова. — Чижъ и Голубь. Басня И. А. Крылова. — Вилку. — Ресни-  
новый мячъ. — Сирота. — Катя и Вася. — Нищенка. — Скажи мнѣ, мама дорогая.  
Стих. П. К. — Маленькій плакса. — Есть у маленькой шалуниш. Стихотв. П. К. —  
Слонъ. — Какъ живетъ Паша. — Дѣтскоюгоре. Стихотв. П. К. — Козочка. — Котикъ.  
Стих. П. К. — Новый годъ. — Нищета. Стихотв. И. С. Никитина. — Въ школу.  
Кромѣ того въ книгѣ помѣщены: отдѣльныя замѣтки, пословицы, поговорки, за-  
гадки, шарадки. Дѣтскія пѣсенки, переложенныя на музыку В. Кюнера и др.

Цѣна ДВА рубля.

## БУХГАЛТЕРІЯ

по двойной системѣ для самоучащихся, соч. Ѳ. Журова, въ двухъ  
частяхъ (2 книги, 520 стр.), съ 6 ю листами чертежей и таблицъ  
наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна 3 руб. Продается въ  
Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Вольфа, Карбасникова и др.; въ  
С.-Петербургѣ: у Стасюлевича, Суворина, Попова и др. Она одобрена  
министерствомъ народнаго просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: «Реко-  
мендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ въѣдства ми-  
нистерства народнаго просвѣщенія, какъ классное пособіе, полезное  
не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей».  
См. «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», 1876 г., кн. 10-я, стр. 103  
(такового одобренія и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не  
имѣетъ). Тамъ же продается краткая двойная бухгалтерія (68 стр.)  
Ѳ. Журова.

Цѣна 25 коп.

Адресующіеся за которою-либо книгою прямо къ автору: въ г. Шуу,  
Федору Гавриловичу Журову, — за пересылку не прилагаютъ.

словарь кавказских деятелей, как военных, так и гражданских, и до сих пор в него вошло более 300 лиц; словарь этот чрезвычайно полезен и для составления его потребовалось много времени; вообще же, чтобы иметь понятие о возрослости посвященного на это издание труда со стороны Кавказской Археологической Комиссии, каковая ответственна во единомъ Ад. П. Берге, необходимо замѣтить, что имъ, для изучения одного лишь девятилѣтняго періода управленія краемъ кн. Воронцовымъ, употреблено до сорока трехъ тысячъ дѣлъ, и эти дѣла относятся лишь къ гражданскому устройству Кавказа. Изъ массы этихъ дѣлъ и вывлечены, послѣ строгаго смотра, тѣ документы, каковыя полнотой и вошли въ рассматриваемый томъ кавказскихъ актовъ. Тѣ же заботливости о своемъ заданіи отличаетъ г. Берге и по отношенію къ вѣдѣности сего сборника, на что имъ уже много разъ замечать при обзорѣ предыдущихъ томовъ. Бумага очень хороша, шрифтъ для всякаго тона отливается заново, шпатель составленъ съ большимъ искусствомъ и изяществомъ, отпечатанные типографически замѣчательны по отчетливости исполненія. Очень хороши карты и планы, тѣмъ же при настоящемъ томѣ карты экспедиціи въ Дагго. Портреты, выполняемые талантливымъ рисовальщикомъ на миніа, г. Дюстердиномъ, составляютъ вполне художественное приложеніе къ этому изданію, при каждомъ томѣ котораго они и печатаются; такъ, при настоящемъ выйдѣ помѣщены превосходные портреты кн. М. С. Воронцова, его жены, — рожденной графини Браницкой, — католікоса Нареса и кн. В. О. Бегутова; портретъ сего послѣдняго также особенно хорошъ и помѣщенъ въ первый разъ.

Замѣтитъ нашу заботу уваженіемъ на то, что это изданіе, основанное въ 1864 году, подъ августѣйшимъ покровительствомъ вел. кн. Михаила Николаевича, просвѣщенномъ любезностью барона А. П. Николая, выходя въ поддержку и въ имѣвшемъ главнѣйшемъ участіи на Кавказѣ, кн. А. М. Додукова-Борсалова. Изданіе будетъ доведено г. Берге до момента окончатель-

наго завершенія Кавказа при в. к. Михаилѣ Николаевичѣ т. е. 21 мая 1824 г. М. С.

Мессинская невеста или братья ираги. Трагедія съ хорами, Шиллера. Переводъ К. Р. Сиб., 1845 г., въ м. М. Д., стр. 232.

Эта весьма изящно отпечатанная книжечка — задана въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, для немногихъ: — она представляетъ весьма заботливо исполненный трудъ, на который талантливый переводчикъ употребилъ, какъ видно изъ поэмъ въ концѣ книги, четыре года (1881—1885). Переводъ отличается точностью, отличающою въ переводившемъ большое знаніе обихъ языковъ, и несомнѣнно весьма полезна для разработкы языка, въ особенности же для молодежи, начинающей изучать произведенія великаго германскаго поэта, но по слабому знанію немецкаго языка не могушей обратиться прямо къ подлиннику. — Переводъ по своему значеству и, какъ мы замѣтили выше, точности, — напоминаетъ переводы Гейдича и Жуковскаго. Пожелаемъ, чтобы даровитый переводчикъ обратилъ свое вниманіе и на другія произведенія того же автора. М.

Русская историческая бібліографія за 1865—1876 гг. Сост. В. И. Межовъ. Т. V. Спб., 1885, стр. 378. Ц. 2 р. 50 к.

Въ этомъ томѣ вошли указанія по исторіи дипломатіи и войнъ; по исторіи искусствъ и вспомогательнымъ наукамъ для русской исторіи: генеалогіи, геральдикѣ, хронологіи, археологіи, палеографіи, нумизматикѣ и минерологіи. Такимъ образомъ трудъ одного изъ наиболее усердныхъ и настойчивыхъ бібліографовъ приходитъ къ концу (объяснено было 6 или 7 томовъ) и выходя послѣднихъ томовъ также, вѣроятно, не заставитъ себя долго ждать; но поэтому-то тѣмъ болѣе желательно и настоятельно необходимо получить отъ того же автора бібліографію за послѣдніе 10 лѣтъ (съ 1877), такъ какъ только тогда исследователю можетъ рассчитывать на полноту (конечно условную) своихъ розысканій, и только тогда предпринятая бібліографія не останется, по примѣру прежнихъ, однимъ изъ «опытовъ», которымъ не суждено было дойти до послѣднихъ лѣтъ. В. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

# „РУССКАЯ СТАРИНА“

1886 г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ив. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

*Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:*

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (85 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (15 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (50 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Селевскій**.



# РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ  
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестнадцатый.

НОЯБРЬ.

1885 годъ.

## СОДЕРЖАНИЕ.

- |  |     |  |     |                                 |  |
|--|-----|--|-----|---------------------------------|--|
| I. Таблица нацеларія въ царство-<br>ваніе Петра I. Очерки и рассказы<br>о подданныхъ дворянъ. Гл. IX—<br>X. Сообщ. Н. М. В. . . . .                      | 221 | IX. По поводу Меодіевскаго сбор-<br>ника. Сообщ. Д. П. Изюваевскій   | 410 |                                 |  |
| II. Густавъ IV и вол. княгиня Але-<br>ксандра Павловна въ 1797 г.<br>Материалы, касающіеся сватов-<br>ства Густава IV. Сообщ. А. А.<br>Чушкова . . . . . | 233 | X. В. А. Жуковскій: его женитьба.  | 428 |                                 |  |
| III. Записки Александра Михайловича<br>Тургенева. 1772—1863 гг. Гл.<br>XII—XVII. . . . .   | 247 | XI. М. С. Тургеневъ: четыре стихо-<br>творенія его, 1842—1844 гг.<br>Сообщ. А. В. Смирн — въ . . . . .   | 420 |                                 |  |
| IV. Михаилъ Александровичъ Фомъ-<br>Визинъ въ воспоминаніяхъ М. Д.<br>Францовой. . . . .   | 263 | XII. Въ училищѣ Правослѣдія, 1847—<br>1852 гг. Воспоминанія П. А.<br>Тютчева. Гл. I—III. . . . .   | 436 |                                 |  |
| V. Изъ исторіи желѣзно-дорожнаго<br>дѣла въ Россіи. Николаевская<br>дорога въ 1842—1852 гг. Гл. IV—<br>IX. Сообщ. А. П. Штукевбергъ                      | 309 | XIII. Материалы и замѣтки: А. П. Обо-<br>лянинъ (375). — Прокръ прот.<br>Лягушевича (377). — Дѣло А. Ф.<br>Лабзина (381). — Записка Ало-<br>ксандра I, 1824 г. (388). — Ца-<br>саревичъ Константинъ Павловичъ<br>въ 1825 г. (388). — Прошеніе<br>Кентара 1824 г. (392). — Писмо<br>г. и. Годовина, 1826 г. (394). —<br>Полцейскій списокъ 93 лицъ,<br>1827 г. (396). — Объявленіе адми-<br>ралтейскаго музея, 1829 г.<br>(401). — Раевскій и кн. М. С. Во-<br>ронцовъ въ 1828 г. (402). — Выпф.<br>Бухъ (432). — Поправка (431). | 350 | XIV. Библиографическій листокъ. |  |
| VI. М. И. Ф. Пасовичъ: его записка<br>о волжской смутѣ въ 1846 г.<br>Сообщ. Ал. П. Берже. . . . .  | 404 |  |     |                                 |  |
| VII. Гр. Инж. Инж. Муравьевъ-Амур-<br>скій. Торговля на Кяхтѣ. Сообщ.<br>Б. В. Струас . . . . .  | 337 |  |     |                                 |  |
| VIII. Адмиралъ И. Ф. Штумпъ † 1884 г.<br>Очеркъ. Сообщ. Н. Рейдигеръ   | 350 |  |     |                                 |  |

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Е. А. Жуковской, жены поэта В. А. Жуковского, гравировавъ худож. Н. И. Матюшинъ. — II. Списокъ съ собственноручнаго письма и стихотво-  
ренія М. Ю. Лермонтова.

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1886 г.

Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Для возобновленія подписку въ ноябрѣ 1885 г. на «Русскую Старину» изд. 1886 г. получить въ 1886 г. за одинъ руб. альбомъ портре-  
тотъ русскихъ дѣятелей, гравюры Паннелакера, Матюшина,  
Матте, Гречева и дру.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екаторинскій кавалъ, л. № 78.

1885.



Историко-статистическія свѣдѣнія о с.-петербургской епархіи. Изданіе сиб. епархіальн. историко-статистич. комитета. Выпуски VIII, IX и X. Стр. 518 + 534 + 410 (+ 40 + 185). Сиб. 1884 - 1885. Цѣна выпуску 2 р. сер.

Х-мъ томомъ закончилось настоящее изданіе. Благодаря поднятому вопросу объ устройствѣ и приведеніи въ извѣстность архивныхъ матеріаловъ, не разъ поднимавшемуся и въ литературу, и на нашихъ археологическихъ съѣздахъ, а также начавшейся съ прошлаго царствованія усиленной разработкѣ этихъ матеріаловъ и большей доступности къ нимъ, въ послѣдніи 20 лѣтъ въ разныхъ вѣдомствахъ и управленіяхъ шла болѣе или менѣе усиленная работа надъ описаніемъ и извлеченіемъ принадлежащихъ имъ архивовъ. Къ сожалѣнію, только некоторыя изъ этихъ учрежденій ограничились однимъ, двумя томами подобныхъ описаній и изданій и затѣмъ совершенно замолчали. Но къ числу болѣе дѣятельныхъ вѣдомствъ принадлежало, между прочимъ, духовное, издавшее уже нѣсколько томовъ «Описанія синодальнаго архива» и «Собранія постановленій и распоряженій по духовному вѣдомству», извлеченныхъ въ значительной степени изъ архивовъ. Въ то же время началась и разработка вѣстныхъ конвенторскихъ и церковныхъ архивовъ (петербургскихъ, екатеринославской, астраханской, там.-подольской и др. епархіи). Къ числу болѣе выдающихся трудовъ этого рода принадлежатъ и названное нами выше изданіе. Батъ трудъ коллективный, онъ не отличается равномерностью, но по собраннымъ даннымъ, основнымъ на архивахъ консисторіи и церковныхъ, на печатныхъ источникахъ, а также на массѣ весьма интереснхъ общен историческихъ фактовъ (такъ какъ издатели въ связи съ церковною жизнью постоянно касаются и выдающихся общественныхъ явленій), онъ вполне заслуживаетъ вниманія историка.

Что касается содержанія вышедшихъ томовъ, то въ нихъ излагаются: 1) исторія петербургской епархіи со времени перваго петербургскаго митрополита Гавриила (1770 года); 2) описаніе церквей, входящихъ въ уѣздахъ: Петербургскомъ,

Шлиссельбургскомъ, Царскосельскомъ, Новоладомскомъ, Лужскомъ, Петергофскомъ, Гдовскомъ, Нибургскомъ; 3) доволнительныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ петербургскихъ церквяхъ. Въ заключеніе помѣщается очеркъ дѣятельности комитета, который хотя существовалъ издавна (1854 г.), но первый выпускъ настоящаго изданія появился только въ 1869 г., благодаря тогдашнему секретарю комитета, прот. Д. П. Флоринскому, издавшему первые шесть выпусковъ этого труда.

При послѣднемъ томѣ описанія приложены: карта петерб. епархіи и указатели: аромовыхъ праздниковъ и мѣстностей, къ которымъ относится описаніе; но можно весьма пожелать, что комитетъ не считъ нужнымъ приложить указателя упоминаемыхъ въ немъ мѣстъ, важнаго не для однихъ практическихъ, но и для историческихъ справокъ.

Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. Александра Барсукова. Сиб. 1885. Стр. 284. Ц. 1 р.

Въ послѣднее время все чаще стали появляться сборники изслѣдованій и очерковъ, разсыпанныхъ въ разныхъ періодическихкихъ и учебныхъ изданіяхъ (по русской исторіи назовемъ: Д. И. Изюмайскаго, С. М. Соловьева, П. Е. Забѣлини, М. П. Семенова, Карновича, Есипова и др.). Такой способъ изданія очерковъ и изслѣдованій, часто сдѣлавшихся уже безграницескою рѣдкостью, можно вполне одобрить; они приносятъ двойную пользу: въ педагогическомъ отношеніи, облегчая возможность пользоваться ими для даннаго случая, и въ научномъ, напоминая о дѣятельности того или другаго изслѣдователя и внося въ нашу литературу иногда новыя данныя, вслѣдствіе переработки и дополненій прежняго матеріала. Во всякомъ случаѣ, въ нашей небогатой литературѣ изданіе подобныхъ сборниковъ вполне желательно, а иногда представляеть собою настоящій вкладъ. Къ числу подобныхъ пріятныхъ явленій можно отнести и вышедшіе надняхъ «Разсказы изъ русской исторіи» автора обширнаго изданія о родѣ Шереметевыхъ. Очерки эти составлены преимущественно по архивнымъ матеріаламъ и были первоначально

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

# „РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

## 1886 г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.


„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ выходить въ 1886 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Нѣсколько интересныхъ портретовъ для „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1886 года награвировано академикомъ И. П. Пожалостиннымъ и Ѡ. А. Мѣркинымъ на мѣди, И. И. Матюшнымъ на деревѣ, а также исполнено въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ помѣститъ на своихъ страницахъ въ 1886 г., между прочимъ, много данныхъ для исторіи минувшаго царствованія императора Александра II Освободителя.

12 книгъ, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1886 г. принимается для иностранцевъ исключительно въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга (Невскій пр., д. № 46), а въ Москвѣ—въ магазинѣ Мамонтова.

 Лица, возобновившія въ ноябрѣ 1885 г. подписку на «Русскую Старину» изд. 1886 г. получаютъ въ 1886 г. за одинъ рубль

### АЛЬБОМЪ ПОРТРЕТОВЪ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ,

гравированныхъ Паннемакеромъ, Матюшнымъ, Маттэ и Грачевымъ, послѣдніе трое лучшіе ученики Сѣрякова.

Это второе собраніе портретовъ, изданныхъ ред. журнала «Русская Старина».

Въ магазинѣ Цинзерлинга продается книга:  
**СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ СОДЕРЖАНІЯ СТА ВОСЬМИДЕСЯТИ КНИГЪ,**  
 составляющихъ историческій журналъ  
**„РУССКАЯ СТАРИНА“**

ВЪ ПЕРВЫЯ ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ЕЯ ИЗДАНІЯ:

**1870—1884 гг.,**

Спб., 8 д., 300 стр. изд. 1885 г., съ нѣсколькими гравирован. портретами и  
 снимками.

Цѣна три рубля съ пересылкою.

ОТЪ РЕДАКЦІИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ».

Подписчикамъ «Русской Старины» предоставляется получить за  
 весьма уменьшенную цѣну, именно за два руб. съ пересылкой, вмѣсто  
 объявленной цѣны 4 руб. 50 коп., обширное сочиненіе Ив. Ив. Ореуса:

**ОПИСАНІЕ ВЕНГЕРСКОЙ ВОЙНЫ**

1849 г.

съ приложеніемъ 14-ти картъ и плановъ.

Этотъ историческій трудъ (изд. въ 1880 г., въ б. 8 д. л., стр. 670)  
 составленъ почти исключительно по архивнымъ рукописнымъ матеріа-  
 ламъ и составляетъ весьма интересный вкладъ въ военно-историче-  
 скую отечественную литературу.

Цѣна для подписчиковъ «Русской Старины» вмѣсто назначен-  
 ной на эту книгу 4 р. 50 к.—всего два рубля съ пересылкою. Книга  
 эта имѣется въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ.

## ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ ЦИНЗЕРЛИНГА

(Спб., Невскій проспектъ, д. № 46)

можно получить слѣдующія изданія:

## „СЛОВО И ДѢЛО“

1700—1725 гг.

Тайная канцелярія при Петрѣ I-мъ.—Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста.—Камеръ-фрейлина Гамильтонъ.—Петръ Великій какъ юмористъ. Къ книгѣ приложены рисунки: изображеніе пытки виска на дыбѣ и навазаніе батогами въ Россіи. Изданіе третье, исправленное и пересмотрѣнное. Спб., 1885 г., въ 8 д., стр. VI+350. Цѣна два руб.


Примѣчаніе. Все второе изданіе этой книги разошлось сполна. Напечатано третье изданіе безъ перемѣнъ, кромѣ исправленія описокъ противъ подлинныхъ документовъ, каковыя описки и ошибки исправлены послѣ слѣченія съ подлинными бумагами. Цѣна третьему изданію книги „Слово и дѣло“ ДВА рубля.

## ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, АННА И ВИЛЛИМЪ МОНСЪ

1692—1724 гг.

съ приложеніемъ двухъ портретовъ—царицы Авдотьи Ѳеодоровны и Катерины Алексѣевны, и пяти рисунковъ: Нѣмецкая слобода (два рис.) и домъ Лефорта въ концѣ XVII вѣка въ Москвѣ; казнь стрельцовъ въ 1698 г.; казнь колесованіемъ въ Россіи при Петрѣ I.

Спб., 1884 г., въ 8 д., стр. IV+362. Цѣна 2 р. 50 к.

 Лица, подписавшіяся на „Русскую Старину“, изд. 1886 г. съ теченіемъ ноября и декабря мѣсяцевъ сего 1885 года—могутъ получить вышеназванныя книги по уменьшенной цѣнѣ, а именно—по 1 р. 50 к. за каждую книгу съ пересылкою.

# „РУССКАЯ СТАРИНА“

Изд. 1885 г.

съ портретами: въ Бозѣ почивающій имп. Александръ Николаевичъ въ бытность его наслѣдникомъ.—Ген.-ад. К. К. Мердеръ.—В. И. Назимовъ.—Н. А. Милютинъ.—К. Ф. Детловъ.—Архим. от. Игнатій.—Н. И. Пироговъ (въ гробу).—Н. И. Погребовъ.—М. И. Глинка.—А. И. Подолнскій.—Митрополитъ Филаретъ Московскій († 1867 г.).—Е. А. Жуковская (жена поэта).—Рисунки: Баязеть въ 1877 г.—Памятникъ на могилѣ строителя Казанскаго собора въ Спб.—Андрея Воронихина.

Содержаніе: Записки Алексн. Мих. Тургенева, 1772—1863 гг.;—Посмертныя записки Ник. Ив. Пирогова;—Записки К. К. Мердера, воспит. царя. Александръ Николаевича, 1824—1834 гг.;—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева;—Новгородскія воен. поселенія;—Открытие памятника на Бородинскомъ полѣ въ 1839 г., изъ воспом. А. И. Веригина;—Подъ Севастополемъ въ 1853—1856 гг., записки и дневникъ ген.-м. Л. Г. Духонина;—Славное Баязетское сраженіе въ 1877 г., очеркъ К. К. Гейнса;—Одна изъ предсмертныхъ записокъ П. Г. фонъ-Дервиза, 1881 г. и проч.

Исслѣдованія и очерки: Тайная канцелярія въ царств. Петра I, 1720—1724 гг.;—Артемія Петровичъ Воишской и его «конфиденты», очеркъ проф. Д. А. Корсакова;—Елизавета Петровна въ Ревелѣ въ 1746 г., очеркъ А. А. Чумикова;—Арсеній Мацѣвичъ, митр. ростовскій, въ ссылкѣ, 1767—1772 гг., очеркъ И. Я. Морозкина;—Филаретъ Дроздовъ, митр. Московскій, 1782—1867 гг.;—Свящ. Θεодосій Левницкій въ заточеніи въ Коневскомъ монастырѣ въ 1824—1827 гг.;—А. П. Ермоловъ въ письмахъ къ кн. М. С. Воронцову;—Троицко-Сергіева приморская пустынь, 1736—1885 гг., очеркъ;—Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перепискѣ имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Бунтъ на Сѣнной площади въ Спб. 22 іюня 1831 г.;—Холерный мѣсяцъ въ Спб., іюнь 1831 г., очерки;—Холера въ Малороссіи въ 1830—1831 гг., очеркъ Д. Д. Ахшарумова;—Изъ исторіи желѣзно-дор. дѣла въ Россіи, 1846—1856 гг., очеркъ А. А. Волгарярскаго;—Николаевская дорога между Петербургомъ и Москвою въ 1842—1852 гг., очеркъ А. И. Штуценберга;—Императоръ Николай I и кн. И. Ф. Паскевичъ въ 1845—1846 гг., записки и письма о волненіяхъ въ Краковѣ и положеніе дѣла въ Ц. Польскомъ;—Вопросъ о почивѣ крестьянскаго дѣла 20 ноября 1857 г.;—Крестьянское дѣло въ 1857—1860 гг., замѣтки Н. М. Колмакова;—Сказаніе о волненіи крестьянъ въ Кадеевѣ въ 1861 г., сообщ. А. М. Дренякинъ;—Императоръ Александръ II въ Курской губ. въ 1861 г., рассказъ Н. Давыдова;—К. Вл. Чевкинъ, 1855—1862 гг.;—Вл. Ив. Назимовъ;—Первыя страницы въ исторіи судебной реформы въ Россіи, 1862—1867 гг., очеркъ Г. Джаншиева;—Изъ новѣйшей гѣтописи сѣв.-зап. Россіи: Исторія плана распозначенія католицизма въ зап. Россіи, 1866 г., очеркъ А. П. Владимірова;—Гр. Эд. Ив. Тотлебенъ, П. В. Алабина;—Разговоръ имп. Наполеона III съ ген.-ад. Тотлебенемъ въ 1857 г., сообщ. Н. К. Шильдеръ;—Князь Викт. Ил. Васильчиковъ въ 1876 г.;—Экспедиція противъ ахаль-текинцевъ въ 1879—81 гг., статья В. Шаховскаго;—Кирилло-Меоедское тысячелѣтіе, 885—1885 гг., Д. И. Иловайскаго;—Остзейское дворянство и дворянская жалованная грамота, А. А. Чумикова;—Мраморный дворецъ, 1786—1885 гг.—Писатели: Д. В. Давыдовъ, — М. Ю. Лермонтовъ, — П. Н. Кудрявцевъ, — Н. В. Гоголь (Мертвая душа въ подлинной рукописи). — Ф. И. Тютчевъ, — графиня Евдокія Ростопчина, — Ф. М. Достоевскій, — Н. И. Пироговъ, — И. С. Тургеневъ, — Андрей Ив. Подолнскій, — С. Д. Дрожинъ, — гр. А. С. Уваровъ, — Н. И. Костомаровъ, — К. Д. Кавелинъ; — художники: А. Н. Воронихинъ, — М. И. Глинка, — А. С. Даргомыжскій — въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.



ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢВНА ЖУКОВСКАЯ,

рожд. Райтеръ,

СУПРУГА ПОВТА В. А. ЖУКОВСКАГО.





# ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА I.

Очерки и рассказы по подлиннымъ дѣламъ.

IX <sup>1)</sup>.

Пузинъ, Муравлевскій и Бѣжковъ

1722—1723 гг.

Съ 1720 г. по 1722 г. содержался въ московской оружейной палатѣ посадскій человѣкъ города Болхова Степанъ Суворовъ, «который приличился по дѣлу воровской клейменной гербовой бумаги». Въ мартѣ 1722 г. Суворовъ отданъ былъ «ради св. Пасхи, на росписку», болховскому посадскому человѣку Ивану Пузину «съ товарищи въ статіѣ, что ему, Суворову, въ той оружейной палатѣ ставиться по вся дни». Суворовъ воспользовался этимъ случаемъ и изъ Москвы бѣжалъ. Такъ какъ вскорѣ послѣ этого Суворовъ потребованъ былъ отъ поручителей въ оружейную палату, то Пузинъ и началъ его разыскивать. Чрезъ нѣсколько времени онъ случайно узналъ отъ одного болховскаго жителя, что бѣглець спокойно проживаетъ на своей родинѣ, въ г. Болховѣ, у матери. Пузинъ отправился туда, и мать Суворова рассказала ему, что изъ Москвы привезъ къ ней ея сына посадскій человѣкъ города Карачева Андреянъ Муравлевскій, который пробылъ у нихъ недѣли съ двѣ; потомъ однажды Муравлевскій взялъ съ собою Суворова и оба куда-то ушли. Послѣ этого Суворовъ болѣе не при-

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVII, августъ, стр. 185—208, сентябрь, стр. 347—364; т. XLVIII, октябрь, стр. 1—16.

ходилъ къ матери, онъ пропалъ безъ вѣсти. Выслушавъ все это, Пузинъ «пришелъ въ болховскую ратушу, для объявленія бурмистрамъ объ ономъ Муравлевскомъ, чтобъ его они, бурмистры, приказали комать; и какъ онъ, Пузинъ, въ ту ратушу пришелъ, и онаго Муравлевскаго усмотрѣлъ въ той-же ратушѣ,—и онъ-де, Пузинъ, въ той ратушѣ его, Муравлевскаго, поймавъ, закричалъ, и привелъ его передъ бурмистровъ и объявилъ, что есть-де за нимъ, Муравлевскимъ, царственное важное дѣло, чтобъ его съ нимъ, Пузинымъ, сковать по ногу и отослать въ Москву, куда надлежитъ». Бурмистры такъ и сдѣлали, хотя и не тотчасъ-же: почти черезъ мѣсяць, когда Суворовъ за городомъ найденъ былъ убитымъ, Пузина съ Муравлевскимъ, скованными, отправили въ московскій магистратъ, который препроводилъ ихъ въ оружейную палату.

Между тѣмъ, отъ матери Суворова поступило въ эту палату прошеніе, въ которомъ она заявила, что подозрѣваетъ Муравлевскаго въ убійствѣ своего сына. Палата отослала Пузина въ мануфактуръ-коллегію, такъ какъ она завѣдывала въ это время гербовой бумагой, а слѣдовательно и преступленіями по поддѣлкѣ этой бумаги; Муравлевскій-же оставленъ былъ при палатѣ и содержался подъ карауломъ.

Пробывъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, Муравлевскій пожелалъ исповѣдаться, и спросилъ священника. Священникъ церкви похвалы Богородицы, что на потѣшномъ дворѣ, Гаврило Федоровъ пришелъ въ Муравлевскому и исповѣдалъ его. Послѣ этой исповѣди Федоровъ отправился въ прав. сенатъ и просилъ, чтобы его отослали въ тайную канцелярію. Здѣсь попу Федоровъ заявилъ, что колодникъ оружейной палаты Андреянъ Муравлевскій на исповѣди ему, между прочимъ, сказалъ: «отецъ, объяви-де ты въ прав. сенатѣ обо мнѣ, что есть за мною важное е. и. в. великое дѣло, за которое-де дѣло и ты, отецъ, будешь отъ е. и. в. награжденъ; а какое важное великое дѣло е. и. в., того онъ, Андреянъ, ему, попу, не объявилъ, понеже онъ попу, его, Андреяна, о томъ не спрашивалъ».

Муравлевскаго вытребовали въ тайную канцелярію. На допросѣ онъ разсказалъ о томъ, какъ въ ратушѣ города Болхова Пузинъ «кричалъ и сказывалъ, что есть за нимъ, Андреяномъ, царственное важное дѣло»,—какъ ихъ обоихъ отправили въ московскій магистратъ и оружейную палату, въ которой просидѣлъ онъ, Муравлевскій, подъ карауломъ съ іюня мѣсяца по 6 число ноября, и тутъ объявилъ на исповѣди за собою «царственное важное дѣло. И за такимъ-де задержаніемъ онъ, Андреянъ, то царственное дѣло на исповѣди помянутому отцу своему духовному попу Гаврилу и показалъ, и приказалъ объявить въ правит. сенатѣ, чтобъ ему, Андреяну, отъ того ихъ

задержанія напрасно не умереть; а что-де онъ означенному отцу своему духовному говорилъ, что за которое-де дѣло и ты, отецъ, будешь отъ его и. в. награжденъ, и тѣ слова онъ, Андреянъ, говорилъ ему, попу, въ такую силу, что ежели-де вышешисанный болховитинъ Иванъ Пузинъ будетъ сыскавъ, и что какое дѣло покажетъ право, то-де можетъ быть, что за оное его, попово, объявленіе будетъ ему, попу, и награжденіе. Только-де онъ, Андреянъ, за собою и ни за кѣмъ его и. в. важнаго слова и дѣла не знаетъ».

Вслѣдствіе этого показанія тайная канцелярія сдѣлала запросъ магистрату и оружейной палатѣ, на какомъ основаніи они не отправили немедленно Пузина съ Муравлевскимъ въ тайную канцелярію или въ преображенскій приказъ; при этомъ предписывалось прислать Пузина въ канцелярію «въ самой скорости».

Въ своемъ отвѣтѣ магистратъ и палата прописали все то, что намъ уже извѣстно о Пузинѣ и Муравлевскомъ, въ заключеніи же говорится, что хотя Пузинъ и объявилъ за Муравлевскимъ «не малое е. и. в. дѣло»,—но это дѣло заключается «въ увозѣ съ Москвы и въ утайкѣ Суворова. И оный-де Пузинъ и Муравлевскій въ тайную канцелярію не отосланы того ради, что оный Пузинъ показалъ о поддѣлкѣ клеємъ гербовой бумаги».

Тайная канцелярія опредѣлила: «Карачевцу посадскому человѣку Андреяну Муравлевскому учинить наказанье, вмѣсто кнута, бить батоги нещадно, для того онъ, Муравлевскій, на исповѣди отцу своему духовному сказалъ, чтобъ онъ объявилъ о немъ въ правит. сенатѣ, что-де есть за нимъ важное его и. в. дѣло, за которое дѣло и онъ, отецъ, будетъ награжденъ отъ его и. в., а въ тайной канцеляріи онъ, Муравлевскій, разспросомъ показалъ, что за нимъ, Муравлевскимъ, его и. в. важнаго великаго дѣла нѣтъ, и ни за кѣмъ не вѣдаетъ; а царственное-де важное дѣло показалъ онъ для того, что есть за нимъ, Андреяномъ, царственное важное дѣло, и присланы-де они, Муравлевскій и Пузинъ, въ Москву въ магистратъ. А по справкѣ съ магистратомъ до нихъ, Муравлевскаго и Пузина, явилось дѣло о гербовой бумагѣ, чего ради и отосланы они въ оружейную палату; а онъ, Муравлевскій, то дѣло скрылъ, а показалъ на исповѣди отцу своему духовному лукавно, яко-бы есть за нимъ, Муравлевскимъ, важное его и. в. великое дѣло, за что будто и оный отецъ его духовный получить награжденіе; а означенное дѣло не великой важности, но партикулярное, т. е. розыскное о гербовой бумагѣ, и о таковыхъ дѣлахъ обыкновенно слѣдуется въ тѣхъ канцеляріяхъ, гдѣ такое дѣло въ вѣдомствѣ быть приличествуетъ. А онъ, Муравлевскій, на исповѣди скрытно и лукаво о немъ объявилъ, повидимому, не для важности того дѣла,

но какъ бы ему изъ задержанія свободу получить. Того ради оное наказанье ему и учинить, понеже о свободѣ своей долженъ былъ просить судей оружейной палаты, а буде-бы они, судьи, оное его прошеніе презрѣли, то надлежало ему подать доношеніе генералу-рекс-мейстеру, а не такъ лукавно ему вымышлять, какъ выше сего показано, и по учиненіи того наказанья, отослать его въ оружейную палату къ слѣдованію о помянутомъ дѣлѣ попрежнему».

Теперь дошла очередь до Пузина. Надобно замѣтить, что еще въ то время, какъ Пузинъ съ Муравлевскимъ содержались въ ратушѣ города Болхова, «онъ, Пузинъ, говорилъ при свидѣтеляхъ, что болховскій посадскій человекъ Петръ Бѣликовъ, сидя въ Болховѣ въ ратушѣ, сказалъ, что-де есть за нимъ е. и. в. слово и дѣло». Тогда же бурмистры потребовали отъ Бѣликова объясненія, которое въ видѣ доношенія и было имъ представлено. А въ доношеніи этомъ написано: «по многія-де времена въ невѣдѣніи своемъ и въ безпамятствѣ упивается онъ виномъ, и помрачимъ бываетъ умомъ, и въ помраченіи ума за людьми ганивался съ ножомъ наголо, и въ домѣ двери и замки ломалъ, и многажды въ зимнее время, выгнавъ на морозъ изъ избы жену и дѣтей своихъ босыхъ, ночевалъ одинъ, и людей зубами кусывалъ,—и города-де Болхова обыватели о такомъ его изумленіи многіе вѣдаютъ; и присмотря-де его изумленнаго жена его и болховскіе посадскіе люди просили того города Оптина монастыря архимандрита Лаврентія съ братіею, чтобъ его, Бѣликова, пока возвратится въ совершенный умъ, держать подъ началомъ, и по той-де ихъ просьбѣ въ томъ монастырѣ держать онъ въ чени и въ желѣзахъ двѣ недѣли; и когда-де онъ возвратился къ постоянному уму, и оный-де архимандритъ велѣлъ его освободить, и отпущенъ былъ въ домъ свой; а что-де онъ, Пузинъ, сказывалъ, будто онъ, Бѣликовъ, какъ-де держанъ былъ въ ратушѣ, сказывалъ за собою и. в. слово и дѣло, и за нимъ-де, Бѣликовымъ, е. и. в. слова и дѣла никакого нѣтъ и напередъ сего не бывало и ни за кѣмъ не вѣдаютъ».

О всѣхъ этихъ обстоятельствахъ чрезъ магистратъ было доведено до свѣдѣнія тайной канцеляріи, и послѣдняя опредѣлила: «послать въ Болховъ указъ, велѣть сыскать тамошними обывателями: суще-ли онъ, Бѣликовъ, въ такомъ безуміи бываетъ, и означенныя слова говорилъ онъ въ такомъ ли безуміи, или въ трезвомъ умѣ,—и тотъ сыскъ прислать въ тайную канцелярію».

Между тѣмъ въ канцеляріи Пузина стали допрашивать. Относительно Муравлевскаго Пузинъ показалъ, что за нимъ никакого другаго государева дѣла не знаетъ, кромѣ того, что онъ, Муравлевскій, сманилъ съ собою изъ Москвы Суворова, за котораго онъ, Пузинъ,

поручился передъ оружейною палатой, и при этомъ передалъ всё уже намъ извѣстныя обстоятельства этого событія. А о Бѣликовѣ говорилъ, что онъ «означенное его и. в. слово и дѣло за собою сказывалъ въ самомъ цѣломъ своемъ умѣ; понеже-де безумія за нимъ онъ, Пузинъ, никакого не знаетъ, и ни отъ кого не слыхалъ. И въ то-де время былъ онъ, Бѣликовъ, не пьянъ; а что-де онъ, Бѣликовъ, подалъ въ оной своей винѣ доношеніе, что будто онъ тѣ слова сказалъ въ пьянствѣ, и въ помраченіи ума своего, и то-де знатно дружа и нароя ему, Бѣликову, болховскіе бурмистры, а именно: Афанасій Бѣлоусовъ, Терентій Постѣевъ, которые ему, Бѣликову, свойственники, согласясь съ нимъ, Бѣликовымъ, то доношеніе велѣли ему, Бѣликову, подать, будто онъ безуменъ, чтобъ ему то къ винѣ не причлось».

Въ декабрѣ 1722 г. тайная канцелярія опредѣлила: «выписанному болховитину Ивану Пузину учинить наказанье, вмѣсто кнута, быть батоги нещадно, для того, что, будучи онъ въ Волховѣ въ ратушѣ, сказывалъ за карачевцомъ Андреяномъ Муравлевскимъ его и. в. царственное важное дѣло; а по слѣдствованію въ тайной канцеляріи то дѣло явилось не государственное, но партикулярное розыскное; того ради оное наказанье ему учинить, а по учиненнѣи того наказанья отослать его попрежнему, при промеморіи, въ главный магистратъ, понеже изъ магистрата въ тайную канцелярію показано, что до него, Пузина, касаются другія важныя дѣла».

Въ февралѣ 1723 г. присланъ былъ изъ Болхова о Бѣликовѣ «смыскъ, за руками духовнаго и мірскаго всякихъ чиновъ людей». Смыскъ этотъ подтвердилъ вышеприведенное призваніе Бѣликова, поданное ратушскимъ бурмистромъ. Такъ, напримѣръ, архимандритъ болховскаго Троицкаго Оптина монастыря Лаврентій съ инквизиторомъ и девятью монахами того монастыря засвидѣтельствовали, что «въ прошломъ-де 1722 году въ іюлѣ мѣсяцѣ означенный Бѣликовъ, по просьбѣ жены его и болховскаго посадскаго человѣка Сидора Боркова, за пьянство и за многое его безчинство въ томъ ихъ монастырѣ держался подѣ началомъ въ хлѣбнѣ недѣли съ двѣ и больше, да и напередъ того, при прежнемъ архимандритѣ Сергіи, въ томъ ихъ монастырѣ державался онъ, и во время Божественной службы, какъ приваживали его, Бѣликова, въ церковь на цѣпи, и онъ-де, Бѣликовъ, крикивалъ на архимандрита неистовыя слова, и по ономъ-де его изумленіи, по просьбѣ жены его и посадскаго человѣка Боркова, служили надъ нимъ молебное пѣніе, и какъ-де отъ косненія ума позвалъ онъ истину и, по приказу архимандрита, отпущенъ онъ, Бѣликовъ, попрежнему въ домъ свой; а послѣ-де того держанія въ домѣ своемъ или въ другихъ мѣстахъ онъ, Бѣликовъ, что чинилъ-ли, того они не

вѣдаютъ». Другіе показали, что Бѣликовъ «безпрестанно упивается виномъ и помрачимъ бываетъ умомъ, и кричить необычно и бросается на людей, и кусаетъ зубами, и бранить скверными словами, а временно и съ ножемъ гоняется».

Бѣликовъ освобожденъ былъ отъ всякой отвѣтственности, потому что, «хотя бы онъ, Бѣликовъ, и сущее слово и дѣло за собою пьяный сказалъ, но для безумія его за истину онаго принять невозможно».

---

## Х.

### Крестьянинъ Жогинъ и помѣщикъ Вешняковъ

1723 г.

Въ селѣ Сергіевскомъ, Московскаго уѣзда, принадлежащемъ стольнику Андрею Вешнякову, проживалъ крестьянинъ Григорій Жогинъ. Около 1710 г., по случаю набора, Жогинъ отданъ былъ своимъ помѣщикомъ въ рекруты и отправленъ въ Москву, въ Помѣстный приказъ. Отсюда онъ бѣжалъ и въ теченіи слишкомъ девяти лѣтъ скитался по разнымъ мѣстамъ Россіи: посѣтилъ Тверь, Нижній и Астрахань; нанимался въ работники «строить новоманерные струги», скрываясь «государевымъ человѣкомъ». «И потомъ,—разсказывалъ Жогинъ, какъ состоялся е. и. в. милосердый указъ, назадъ тому 3-й годъ, что велѣно бѣглымъ всѣмъ явиться, и онъ, Жогинъ, явился въ канцелярію на потѣшномъ дворѣ; и изъ той де канцеляріи данъ ему отъ службы свободный указъ, по которому велѣно ему въ означенной помѣщика его, Вешнякова, вотчинѣ жить попрежнему; и онъ-де, Вешняковъ, велѣлъ ему жить съ меньшимъ его, Жогина, братомъ,—а изъ отцовскаго изъ пожитку надѣла никакого ему, Жогину, не далъ,—и онъ-де, Жогинъ, о томъ ему, Вешнякову, билъ челомъ многожды, и онъ-де за то его бивалъ, и штрафныя деньги, которыя онъ, Жогинъ, у него, Вешнякова, на платежъ штрафу занялъ, на немъ, Жогинѣ, доправилъ, а именно—взялъ денегъ два рубля, да теляцу, да полторы четверти муки, и тѣмъ-де раззорилъ его въ конецъ». Кромѣ того помѣщикъ приказалъ Жогину поправить крышу на домѣ за 3 р.; а такъ какъ онъ не могъ выполнить этой работы за такую сумму и не имѣлъ денегъ, чтобы нанять другихъ людей, то и отправился въ Москву

на заработки. «И онъ, Вешняковъ, послѣ него жену его, Жогина, посадилъ на цѣпи и ноги сковалъ, и держалъ многое время, и моришь голодною смертью». И послѣ-де того задумалъ онъ, Жогинъ, чтобъ объявить и. в. на него, Вешнякова, и на жену его, и на сына, е. ва слово».

Во время проживанія въ Москвѣ Жогинъ шелъ однажды мимо церкви Троицы, что на рву, «и у той-де церкви стоялъ невѣдомо какой человекъ, и тотъ-де человекъ просилъ у него, Жогина, — нѣтъ ли-де у тебя какого письма писать? И онъ-де, Жогинъ, ему сказалъ, что надобно-де мнѣ написать письмо; и тотъ-де человекъ съ словъ его сталъ ему то письмо писать,—а въ томъ-де письмѣ сказалъ ему онъ, Жогинъ, написать словъ не много, а именно въ томъ письмѣ написано было тако: въ прошломъ-де 1720 г., въ октябрѣ мѣсяцѣ, какъ онъ, Жогинъ, явился на потѣшномъ дворѣ, и съ того двора шелъ съ нимъ стряпчій Матвѣй Ивановъ на кружало подъ пушки пить, и какъ-де они были противъ столба, гдѣ посаженъ на колъ Глѣбовъ и прочихъ головы поставлены, сталъ ему оный стряпчій говорить: вотъ-де и нашъ господинъ (Вешняковъ) такъ-де такъ увертѣлся, я-де пострадалъ не мало—тому, да другому за него билъ челомя, а честь мнѣ отъ него не больно велика; какъ-де почало царственное дѣло искаться и я-де почалъ боярынѣ (женѣ Вешнякова) говорить: какъ-де, Настасья Семеновна,—нѣтъ ли у васъ въ домѣ писемъ какихъ или платя, и боярыня-де про письма сказала: есть-де такія письма да въ Ростовѣ лежать въ сундукѣ; и онъ-де стряпчій молвилъ: какъ-де съ ними быть? и боярыня-де молвила: я-де и сама не знаю какъ быть, и онъ-де стряпчій молвилъ: развѣ-де въ Ростовъ мнѣ ѣхать? И поѣхалъ-де онъ, стряпчій, въ Ростовъ, и въ Ростовѣ сталъ на постояломъ дворѣ. Изъ двора-де помѣщика его, гдѣ онъ въ Ростовѣ стоялъ, сошелъ человекъ его, Федоръ Лопата, и онъ-де, стряпчій, ему, Федору, молвилъ: нѣтъ ли-де у боярина гостей? И онъ-де, Федоръ, сказалъ, что есть гости, и онъ-де стряпчій молвилъ: чтобъ-де онъ, бояринъ, гостей у себя ни часу не держалъ; и какъ-де гости съѣхали, и онъ-де, стряпчій, сталъ ему, боярину, говорить: нѣтъ ли-де у тебя какихъ писемъ? И бояринъ-де сказалъ, что есть-де,—и мы-де съ нимъ, бояриномъ, придумали тѣ письма въ печи сжечь, и сожгли; а какія тѣ письма, того онъ, стряпчій, ему, Жогину, не сказывалъ. И послѣ сожженія тѣхъ писемъ онъ, стряпчій, ему, боярину, молвилъ: нѣтъ ли-де у архіерея какихъ писемъ? (а у котораго-де архіерея, того онъ, стряпчій, не молвилъ); и бояринъ-де ему, стряпчему, молвилъ: развѣ-де вдвое моего есть, и бояринъ-де въ Ростовѣ къ архіерею на подворье ѣздилъ,—и взяли его, архіерея, къ Москвѣ, а на третій-де день и боярина взяли

къ Москвѣ-жъ. А кромѣ-де тѣхъ словъ въ письмѣ ничего не было написано. И то-де письмо оны, Жогинъ, хотѣлъ подать и. в., а не подалъ, что не получилъ времени, и въ 1722 г. усмотря его, Жогина, вышепомянутый Вешнякова стряпчій взялъ его и привелъ въ надворный судъ къ разспросу въ побѣгѣ отъ него, Вешнякова».

Здѣсь, содержась въ числѣ колодниковъ, Жогинъ «закричалъ, чтобы его взять за караулъ: есть-де до него дѣло е. п. в.,—и тотъ крестьянинъ Жогинъ сказалъ, чтобы взять письмо у колодника Огаркова, которое и взято, а въ немъ явствуется о царственномъ великомъ дѣлѣ, которое касается до Андрея Вешнякова, и до жены его, и до сына, и до людей». За всѣми этими лицами посланъ былъ изъ надворнаго суда «нотаріусъ съ солдатами». Когда они были представлены въ судъ, то ихъ, вмѣстѣ съ Жогинымъ, стряпчимъ Матвѣемъ Ивановымъ и колодникомъ Огарковымъ, препроводили въ тайную канцелярію.

Здѣсь прежде всѣхъ спрошенъ былъ Жогинъ. Разказавъ все, что передано нами выше, Жогинъ продолжалъ, что въ 1721 г. крестьянинъ Вешнякова Дмитрій Боровиковъ передавалъ ему слѣдующее: «назадъ-де тому лѣтъ съ десять ѣздилъ оны, Дмитрій, съ боярынею своею изъ Ростова въ Суздаль, въ монастырь, въ которомъ была бывшая царица; и изъ того-де монастыря взяли сундукъ съ платьемъ, а не знамо съ какимъ... Да въ прошломъ-де 1720 г. помѣщикъ его, Жогина, Андрей Вешняковъ, будучи въ Москвѣ въ домѣ своемъ, былъ сына своего Ивана палкою и пинками, за то, что оны, Иванъ, былъ съ нимъ, отцемъ, въ гостяхъ у дьяка Палехина и напился пьянъ, при которомъ бою оны, Иванъ, кричалъ караулъ и государево слово и дѣло и говорилъ отцу своему: я-де тебѣ безъ государева вѣдома 50 ударовъ дамъ, и про то-де вѣдаютъ всѣ дому его, Вешнякова, люди—мужескъ и женскъ полъ; и оны-де, Жогинъ, слышалъ о тѣхъ словахъ самъ, для того, что въ то время оны, Иванъ, отъ бою его, отцова, выбѣжалъ на дворъ и кричалъ то слово и дѣло». Къ этому своему показанію Жогинъ прибавилъ, что, при возвращеніи Вешнякова съ сыномъ изъ гостей отъ Палехина, съ ними былъ слуга ихъ Борисъ Козель, и въ время, какъ «Иванъ, сидя въ коляскѣ, кричалъ государево слово и дѣло, и для того оны, Козель, съ козловъ скочилъ, и потомъ уже опять сѣлъ, какъ оны, Иванъ, кричать пересталъ; а въ домѣ-де оны, Иванъ, кричалъ то дѣло и слово вторично».

Прежде, чѣмъ приступить къ допросу другихъ лицъ, опредѣлено было Жогина «въ пополненіе допросить: почему оны вѣдаютъ, что Борисъ Козель съ козель скочилъ и опять сѣлъ. <sup>1)</sup>».

<sup>1)</sup> Огвѣтилъ ли какъ нибудь на этотъ вопросъ Жогинъ—изъ дѣла не видно.



Стряпчій Вешнякова, Матвѣй Ивановъ Бартенева, показали, что, дѣйствительно, онъ говорилъ Жогину о томъ, какъ онъ, Бартенева, спрашивалъ въ Москвѣ свою помѣщницу, нѣтъ-ли у нея въ домѣ какихъ писемъ отъ Авраама Лопухина, на что Вешнякова отвѣчала отрицательно, прибавивъ, что такія письма есть у мужа въ Ростовѣ. Приѣхавъ въ этотъ городъ, Бартенева предложилъ тотъ же вопросъ и помѣщнику Вешнякову, который отвѣчалъ утвердительно.

«И въ то время—разсказывалъ стряпчій,—пошелъ онъ, помѣщикъ, къ бывшему архіерею Ростовскому и пришелъ въ домъ свой и сказывалъ ему, Бартенева: архіерей-де тужить, что писемъ у него много, а какія письма—того онъ, помѣщикъ, ему не сказалъ; и отпустилъ его, стряпчаго, въ Москву. И какъ-де онъ приѣхалъ на Ростовское озеро, и на дорогѣ-де наѣхалъ его, Бартенева, офицеръ съ солдаты и везъ съ собою бывшаго ростовскаго архіерея въ Москву, а послѣ-де того, спустя недѣлю, взяли въ Москву и помѣщика его и отвезли на генеральный дворъ». Наконецъ, Бартенева сознался и въ томъ, что онъ говорилъ Жогину объ избавленіи Вешнякова отъ смерти, «и то-де онъ говорилъ просто, для того, что иныхъ виновныхъ, до которыхъ въ то время дѣла касались, казнили, а помѣщика-де его только били батожемъ, а за какую вину, того онъ не вѣдаетъ, и мыслилъ-де онъ, что по тому дѣлу надъ нимъ, помѣщикомъ, милосердіе показано, а чтобы-де онъ, помѣщикъ, повиненъ былъ смерти, и такого-де дѣла за нимъ онъ не знаетъ».

Крестьянинъ Дмитрій Боровиковъ показалъ, что никогда, ни о чемъ не говорилъ съ Жогинимъ, въ Покровскій Суздальскій монастырь не ѣздилъ и какого-то сундука «съ платьемъ не бировалъ».

Прочія лица, на которыхъ сослался въ своемъ показаніи Жогинъ, всѣ, большею частію дворовые люди Вешнякова, отозвались незнаніемъ о тѣхъ обстоятельствахъ, о которыхъ заявлялъ Жогинъ. Они подтвердили только тотъ фактъ, что помѣщикъ ихъ «за непяпство сына своего Ивана плетью, тростью и по щекамъ бивалъ, и за волосы диралъ, а чтобы онъ, Иванъ, кричалъ за собою государево слово, того они не вѣдаютъ».

Служащій при надворномъ судѣ Сергѣй Огарковъ разсказалъ, что, во время пребыванія подъ стражей въ этомъ судѣ, Жогинъ передалъ ему какое-то письмо, которое онъ, Огарковъ, хранилъ у себя около трехъ сутокъ и потомъ отдалъ его капралу, присланному за нимъ отъ судей.

Помѣщикъ Андрей Вешняковъ показалъ <sup>1)</sup>, что въ 1718 г. при-

<sup>1)</sup> Упомянутыя въ показаніи Вешнякова обстоятельства, касающіяся жены и сына его, подтвердились показаніями этихъ двухъ лицъ.

ѣзжалъ къ нему стряпчій Бартеневъ и спрашивалъ, нѣтъ ли у него какихъ писемъ отъ Авр. Лопухина, на что онъ, Вешняковъ, отбѣчалъ, «что бывали-де у него его, Авраамовы, письма о деревенскихъ нуждахъ, а не о важныхъ дѣлахъ». Одни изъ этихъ писемъ Вешняковъ отдавалъ своимъ прикащикамъ, а другія «подъячимъ, у которыхъ до деревень Лопухина дѣла касались», нныя же «просто въ домъ его валялись, понеже къ храненію тѣхъ писемъ нужды ему никакой не было».

— «И того-де числа, какъ означенный его человекъ пріѣхалъ, — рассказывалъ далѣе Вешняковъ, — къ бывшему ростовскому епископу, растригѣ Демиду, онъ, Вешняковъ, ходилъ.... И какъ-де онъ у него, епископа, былъ и въ разговорахъ говорилъ ему, что пріѣхалъ-де къ нему, Андрею, съ Москвы человекъ его и говорилъ ему: нѣтъ-ли де у него, Авр. Лопухина, писемъ? И я-де ему сказалъ, что есть-де у меня письма о деревенскихъ нуждахъ; и онъ-де, епископъ, вздохнувъ, молвилъ: у меня-де есть Авр. Лопухина писемъ и много, да чтожь-де дѣлать, — воля-де Божія. И потомъ-де онъ, Андрей, отъ него, епископа, пошелъ въ домъ свой, и пришедъ, по тѣмъ его епископовымъ словамъ говорилъ онъ означенному человеку своему Бартеневу, что оный епископъ тужить, что у него писемъ много; и на другой день онаго человека онъ, Андрей, отпустилъ къ Москвѣ. А потомъ-де на третей недѣлѣ великаго поста, во вторникъ и его, Андрея, взяли и привезли къ Москвѣ на сѣзжій дворъ, въ мѣщанскую слободу... А въ прошлыхъ-де 1706 и 1707 годахъ онъ, Андрей, вѣдалъ въ Суздаль монастырскія вотчины, и въ то-де время къ бывшей царицѣ монахинѣ Еленѣ ходилъ онъ временно, для отдачи ей денегъ, опредѣленныхъ по указу изъ монастырскаго приказа, — также и въ господскіе праздники, и въ тезоименитство и. в.; а ходилъ-де онъ не одинъ, но при другихъ персонахъ; также и жена его, Андреева, къ ней, бывшей царицѣ, ходила жъ, — о чемъ-де онъ и прежде сего на генеральномъ дворѣ въ разпросѣ сказалъ ямянно и ничего-де онъ въ томъ разпросѣ не утаилъ». Затѣмъ Вешняковъ передалъ, что бывшая царица была кумою сына его и по этому случаю подарила женѣ «тѣлогрѣю камчатую»; крещеніе совершалось при посредствѣ попа Автѣпы и повивальной бабки, въ кельѣ бывшей царицы, «а какъ-то крещеніе было и при томъ изъ другихъ персонъ кто былъ-ли или нѣтъ, того онъ, Вешняковъ, не знаетъ; тѣлогрѣю же или камкою ова, бывшая царица, подарила жену какимъ образомъ, того онъ сказать не упомянуть. А что де онъ, Вешняковъ, къ бывшей царицѣ монахинѣ ходилъ, и за то-де по слѣдованію на генеральномъ дворѣ въ 1718 г. учинено ему было наказанье — бить батоги, и въ 1722 г. по

милосердому е. и. в. указу, каковъ состоялся для вѣчнаго мира съ короною шведскою о всѣхъ виновныхъ, означенная вина, по челобитью его, Андрееву, въ сенатѣ ему отпущена и въ подозрѣніи оставить его не вѣлено». Относительно же того обстоятельства, что Вешняковъ билъ своего сына Ивана за пьянство, и что послѣдній кричалъ въ это время государево слово, то онъ сознался, что, дѣйствительно, ѣхавши домой изъ гостей отъ дьяка Палехина, билъ своего сына по лицу до крови, «и онъ-де, Иванъ, говорилъ ему, Андрею, что-де ты изволишь по лицу меня бить; мнѣ-де завтра въ канцелярію ѣхать,— тамъ-де за мною государево дѣло, и мнѣ-де показаться будетъ съ разбитою рожкою невозможно. И какъ-де въ домъ свой онъ, Андрей, пріѣхалъ, то еще его, Ивана, сталъ бить тростью по лицу, и за волосы драть; и онъ-де, Иванъ, говорилъ передъ нимъ невѣжливо тѣ-жъ вышписанныя слова; и по утра-де, какъ онъ проспался, онъ, Андрей, за тѣ его, Ивановы, невѣжливыя слова и за пьянство билъ его въ хоромахъ плетью.—А при тѣхъ-де всѣхъ побояхъ онъ, Иванъ, государева слова и дѣла не говаривалъ, и караулъ не кричалъ, и такихъ словъ: я-де тебѣ безъ государева вѣдома дамъ 50 ударовъ—не говаривалъ». Въ заключеніе своего объясненія Вешняковъ добавилъ, что Жогинъ взвелъ на него съ семействомъ напраслину, «хотя отбыть отъ него крестьянства, да и для того: по приговору въ надворномъ судѣ за два его побѣга и за кражу велѣно ему учинить наказанье, и учиня, отдать ему въ крестьянство; и онъ-де, Жогинъ, за тѣмъ уже приговоромъ, вышписанное напрасное оклеветаніе на него, Андрея, на жену его и на сына показалъ, хотя отбыть какъ крестьянства, такъ и наказанія».

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ допроса Жогинъ повинился, что онъ «вышеозначенное все на помѣщика своего, и на жену его, и на сына, и на стряпчава Бартечева, и на людей поклепалъ напрасно отъ болѣзни своей, понеже въ ту его бытность, какъ онъ сидѣлъ въ надворномъ судѣ, также-де и какъ взять въ тайную канцелярію, была на немъ жестокая горячка и что говорилъ—не помнить».

Канцелярія тайныхъ дѣлъ 13 іюня 1723 г. опредѣлила: «Андреева крестьянина Вешнякова Григорія Жогина, о которомъ изъ московскаго надворнаго суда въ доношеніи показано, что онъ, Жогинъ, противъ челобитья его, Вешнякова, виновился въ двухъ побѣгахъ и въ кражѣ лошади, за что ему опредѣлено въ томъ судѣ учинить наказанье и отдать помѣщику въ крестьянство попрежнему, а не учинено затѣмъ, что онъ, Жогинъ, отбывая того наказанія, сказалъ за собою е. и. в. дѣло и показалъ на вышписаннаго Андрея и на сына его Ивана Вешняковыхъ объявленныя въ присланныхъ выпискахъ при-

чины, а видимо, что затѣялъ напрасно изъ злости, и прежде сего о вышеписанномъ онъ не доносилъ, а сталъ доносить спустя многое время, а по слѣдованію того не явилось, и за тотъ его ложный извѣтъ учинить ему, Жогину, наказанье—бить кнутомъ въ Москвѣ нещадно и послать на каторгу на 5 лѣтъ, чтобъ впредь другимъ чинить такъ было не повадно». Всѣ же лица, оговоренныя Жогиннымъ, были освобождены.

Въ то время, какъ Жогинъ выведенъ былъ на площадь для наказанія, онъ опять сказалъ за собою государево дѣло, вслѣдствіе чего вторично приведенъ былъ въ тайную канцелярію и «спрашиванъ: что онъ то государево дѣло знаетъ изъ трехъ ли пунктовъ?» Дѣло оказалось не столь важное. Изъ показаній Жогина и Вешнякова выяснилось, что въ 1701 г., по предписанію монастырскаго приказа, Вешняковъ былъ въ Устюгѣ Великомъ «для переноса монастырей и для сбора денегъ». Здѣсь купилъ онъ часовой старый станокъ, починилъ его, привезъ въ подмосковскую свою вотчину—Сергіевское, и поставилъ его съ часами на колокольню. Вотъ и все дѣло.

Жогину дано 50 ударовъ кнутомъ.

Н. М. В.

# ГУСТАВЪ IV И ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА

въ 1797 г.

Матеріалы, касающіеся сватовства короля Густава IV.

(Изъ шведскихъ источниковъ) <sup>1)</sup>.

1) О позднѣйшихъ переговорахъ о бракосочетаніи короля Густава IV Адольфа съ великой княжной Александрой Павловной.

2) О томъ, что, по достиженіи совершеннолѣтія Густава Адольфа и его вступленіи въ управленіе, было сдѣлано по вышесказанному дѣлу, — князя, представленнаго въ совѣтъ государственнымъ канцлеромъ Сварре и изложеннаго въ нижеслѣдующихъ двухъ докладахъ.

1) Всеподданнѣйшій докладъ.

Въ январѣ 1797 г.

Мнѣ кажется, что искренность и прямотуше объясненій, которыя соблагволили дать императоръ и императрица касательно религіознаго вопроса, дѣлають его болѣе вопросомъ совѣсти, какъ ихъ соб-

---

<sup>1)</sup> Въ „Русской Старинѣ“ над. 1874 г., томъ IX, стр. 277—300; 473—510, были напечатаны весьма интересныя матеріалы о сватовствѣ Густава IV за вел. княж. Александру Павловну, въ царствованіе Елизаветы II. Извѣстно, что этотъ эпизодъ—своимъ неудачнымъ исходомъ—имѣлъ роковое вліяніе на самую жизнь великой государыни. При ея преемникѣ переписка по поводу того же сватовства возобновилась, и хотя вновь не привела къ желаемому результату, но она имѣеть, неоспоримо, историческій интересъ и значеніе. За сообщеніе шведскихъ документовъ къ этой перепискѣ (въ переводѣ) приносимъ искреннюю признательность А. А. Чумикову. Ред.

ственной, такъ и молодой великой княжны, нежели покровомъ, под которымъ скрывается un orgueil de courtoise <sup>1)</sup>).

Откровенный характеръ императора, при той теплой дружбѣ, которую онъ повидимому питаетъ къ вашему королевскому величеству, полагаю, требуетъ равной откровенности также съ нашей стороны.

Если возможно успокоить его совѣсть и вполне убѣдить и удовлетворить его, то, кажется, болѣе ничего не должно было бы останавливать окончательное рѣшеніе какъ его самого, такъ и его супруги—не медлить ни минуты долѣе для скрѣпленія союза между двумя сердцами, союза, въ которомъ главную роль играетъ взаимное счастье и который будетъ содѣйствовать возникновенію и укрѣпленію на продолжительнѣйшее время благоденствія двухъ націй.

Такъ какъ религиозный вопросъ, повидимому, единственное препятствіе, за которое зацѣпляется это важное обстоятельство, то, чтобы уговориться съ августѣйшими родителями, слѣдуетъ дѣйствовать такими мѣрами, которыя соответствовали бы ихъ личному характеру, отличительною чертою котораго служить въ одинаковой степени нѣжность, искреннее, честное желаніе и добросовѣтность. Имѣя это въ виду, казалось бы, можно было изслѣдовать правовую сторону вопроса при свѣтѣ одного здраваго смысла и что рѣшеніе, полученное этимъ путемъ, будетъ несомнѣнно самое вѣрное, ибо соединить въ себѣ какъ истинные интересы государей и ихъ народовъ, такъ и будетъ соответствовать началамъ государственнаго права.

Отъ императора, какъ отъ государя просвѣщеннаго и уважающаго законъ, не можетъ ускользнуть обстоятельство—какъ важно сохранить чувство любви и преданности подданныхъ къ ихъ законному правительству. Но народная любовь исчезаетъ, по мѣрѣ того какъ закрадывается подозрѣніе, что члены королевскаго дома не принадлежатъ къ одной и той же религіи. Простой шведскій народъ, издавна отличающійся своей любовью къ королю, навѣрное не помирится съ мыслью видѣть въ своей землѣ королеву, которую, при всемъ къ ней уваженіи, можно заподозрѣть въ томъ, что она въ дѣлѣ вѣры придерживается не одинакого съ нимъ образа мыслей. Народъ непремѣнно потребуетъ, чтобы, водворившись въ его странѣ, она отрелася отъ убѣжденій, которыя не согласны съ его собственными, и онъ навѣрно забудетъ принять во вниманіе, что королева его, проведя свою юность въ странѣ, гдѣ господствуютъ иныя убѣжденія, основательность кото-

<sup>1)</sup> Высокомѣріе державы. Шведскій текстъ отличается устарѣвшими оборотами рѣчи и изобилуетъ французскими фразами, часто не переводимыми.

рытъ она въ томъ возрастѣ, когда покидала свое отечество, не въ состояніи была обсудить и испытать на опытѣ.

Народная любовь и уваженіе къ ея персонѣ должны такимъ образомъ истлѣть и, наконецъ, погаснуть, по мѣрѣ того какъ увеличатся опасеніе и подозрѣніе, что она современемъ можетъ повліять на убѣжденія любящаго ее супруга и легко совратить его. Наиболѣе многочисленный низшій классъ народа, наименѣе образованный, какъ повсюду, руководствуется предрасудками, отъ которыхъ освободиться сразу не дозволяетъ ему его невѣжество. Когда возникаетъ въ умѣхъ броженіе, то является множество недобрыхъ и злонамѣренныхъ людей, которые находятъ удовольствіе раздувать огонь и пользуются случаемъ сбивать съ толку другихъ. Слѣпую толпу, конечно, можно извинить, но исторія полна примѣрами подобнаго народнаго сумасбродства. Положимъ, что молодая великая княжна, достаточно разсудительная и осторожная, найдетъ средство держаться середины, но простой народъ истолкуетъ эти средства въ дурную сторону и даже запятнаетъ ихъ ненавистнымъ словомъ и насмѣшкой надъ святыней. Этотъ компромиссъ въ дѣлахъ вѣры можетъ раздражить толпу еще гораздо болѣе, чѣмъ допущеніе открытаго и свободнаго отпаденія ея (в. к.) собственнаго богослуженія. Супруга царя Петра, императрица Екатерина, вступившая послѣ него на престолъ, рождена и воспитана была въ лютеранской вѣрѣ. Большая часть принцессъ, которыя вступили послѣ нея въ русское императорское семейство, были также лютеранки; всѣ онѣ клялись исповѣдывать лютеранскую вѣру, и не смотря на то, для сохраненія мира и покоя въ государствѣ и исполненія своихъ новыхъ обязанностей, пожертвовали своимъ обязательствомъ. Спокойствіе ихъ совѣсти не мало этимъ не нарушалось. Въ этомъ отношеніи всегда въ императорскомъ домѣ царствовали миръ, любовь и безмятежность и то-же самое можно вполнѣ примѣнить также къ шведскому королевскому дому. Недавно въ боаѣ почившая императрица (Екатерина II), равно какъ и блаженной памяти родители вашего величества Густавъ III признали въ своихъ государствахъ свободу вѣроисповѣданія или такъ называемую свободу совѣсти (*tolérance*) <sup>1)</sup>.

Итакъ, первый наитруднѣйшій шагъ уже сдѣланъ. Не должны ли ихъ августѣйшіе преемники и сыновья идти далѣе и превзойти ихъ въ дѣлѣ воспитанія народа, тѣмъ паче, что они начали свое царствованіе въ тотъ вѣкъ, когда просвѣщенному и возвышенному уму пред-

<sup>1)</sup> При существованіи этой свободы совѣсти шведы требовали однако-жь, чтобы будущая королева отреллась отъ вѣры своихъ отцевъ! А. Ч.

ставляется возможность идти рука объ руку съ истинной вѣрой и страхомъ Божиимъ. Не впервые съверу просвѣщать міръ, на сѣверѣ сияетъ полярная звѣзда и къ сѣверному же полюсу обращена стрѣлка компаса.

Если-бы теперь оба правительства заявили другъ другу, что хотя релігиозный вопросъ нѣкоторое время и представлялъ затрудненіе для желаннаго брачнаго союза, долженствующаго соединить обѣ вѣтви Гольштинскаго дома, но что при ближайшемъ изслѣдованіи этигъ затрудненій обѣими сторонами признано, что вся рознь въ христіанскихъ релігіяхъ происходитъ отъ человѣческихъ страстей и невѣжества, въ самомъ же главномъ эти релігіи между собою совершенно согласны, затѣмъ, что на всѣ вѣроученія, вмѣстѣ взятыя, слѣдуетъ смотрѣть какъ на одну и ту-же христіанскую вѣру, господствующую въ цѣлой Европѣ,—и потому оба государя и согласились между собой, наконецъ, что на будущее время, при заключеніи брачныхъ союзовъ между шведской и русской вѣтвями Гольштинскаго дома, принцессы обязаны принимать релігію той страны, куда онѣ выдаются замужъ, и что на это не слѣдуетъ смотрѣть какъ на переѣзду нѣроисповѣданія, то вслѣдствіе такого соглашенія принцессы могли бы служить орудіемъ для сближенія обонхъ народовъ, такъ какъ устраненіе соперничества между релігіями способствуетъ къ укрѣпленію мира и спокойствія, какъ въ собственномъ государствѣ, такъ и остальныхъ частяхъ свѣта. Слѣдовало бы всѣмъ просвѣщеннымъ и знающимъ людямъ всѣхъ странъ усвоить себѣ таковыя принципы и цѣли, и чтобы въ то же время всѣ народы ихъ провозгласили и держались. И это такъ было бы, если бы только нашлись государя, которые дали возможность распространиться этимъ принципамъ. Такими государями могли бы быть король Швеціи и Павелъ, первый этого имени изъ державшихъ російскій скипетръ. Оба государя могли бы смѣло сказать: если наши предшественники имѣли власть разъединять народъ, исповѣдующій различную вѣру, то тѣмъ болѣе имѣемъ мы право соединить народъ вновь узами единомыслія.

Ежели русскій государь предъявлялъ свои требованія, руководимый до сихъ поръ только убѣжденіемъ своей совѣсти и, основываясь на принципахъ, позволилъ представить замѣчанія на нѣкоторыя статьи основныхъ законовъ Швеціи, которые были сообщены для свѣдѣнія его въ Бозѣ почившей матери, то эти замѣчанія не трудно опровергнуть немногими словами, но, кажется, еще болѣе необходимо исправить тѣ заблужденія совѣсти, которыя обнаружилъ онъ и его супруга въ разговорахъ съ генераломъ Клингспоромъ <sup>1)</sup>, разговорахъ проник-

<sup>1)</sup> Шведскій посланникъ при русскомъ дворѣ.



нутыхъ тономъ добросовѣстности (ton consciencieux). Въ такомъ же тонѣ осмѣлюсь всеподданнѣйше предложить дать имъ отвѣтъ. Чтобы совершенно убѣдить ихъ и сдѣлать все, что возможно для успокоенія ихъ совѣсти, встревоженной представленіемъ опасности отъ переменъ религіи, о клятвопреступленіи и т. п., необходимо, не смотря на наше нежеланіе, войти въ нѣкоторыя подробности.

Если съ русской стороны искренность относительно приведенныхъ религіозныхъ препятствій была нелицемѣрна, то вашему королевскому величеству надлежитъ отвѣчать подобною же искренностію и тогда въ результатъ окажется приобрѣтенное и усвоенное убѣжденіе въ ея основательности; въ противномъ же случаѣ въ состояніи раздраженія вопросъ будетъ безотлагательно рѣшенъ. Если же, противъ всякаго ожиданія, ссылка августѣйшихъ родителей на *partie religieuse* приведена лишь съ цѣлью лучше скрыть *la partie politique* (политическую сторону вопроса), въ которой можетъ быть скрывается или заключается попользованіе на приобрѣтеніе *préeminence de souvaine* (преимущество державы), чего всегда напрасно будутъ добиваться, если желаютъ выставить это преимущество, такъ могутъ въ проектированной деклараціи найти лучшее средство оградить *l'honneur des deux souvains* какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, даже въ такомъ случаѣ, если бы изъ этой деклараціи пожелали выпустить приведенные мотивы, которые могутъ обнаружить религіозное разномысліе въ такое время, когда еще не вездѣ у народа исчезли религіозные предразсудки, почему въ упомянутую декларацію и вошли одни лишь обязательства относительно совершенной взаимности, въ случаѣ какая-либо шведская принцесса сдѣлается членомъ, войдетъ въ императорское русское семейство или русская въ королевское шведское семейство.

## 2) Pro-memoria.

(3 мая 1797).

Когда дѣло объ августѣйшемъ бракѣ, къ сожалѣнію, получило такую огласку въ обоихъ государствахъ и всѣмъ сдѣлалось извѣстно заявленіе государей, по которому бракъ можетъ не иначе состояться какъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы великая княжна, по настоянію одной стороны, удержала греческое вѣроисповѣданіе, а другой,—еще съ большимъ правомъ, чтобы она приняла и исповѣдывала лютеранскій законъ, то, не смотря на то, что оба августѣйшіе монарха были проникнуты желаніемъ, чтобы бракъ состоялся ради благополучія своихъ народовъ, а также для радости и обоюдной пользы соб-

ственного дома, это ихъ желаніе не можетъ исполниться, пока они не пойдутъ другъ другу на встрѣчу и не уговорятся между собой о способахъ соглашенія относительно обязательствъ, которымъ должна будетъ подчиниться великая княжна (что должна будетъ оставить и что принять), такимъ образомъ, чтобы каждая сторона могла быть увѣрена, что она достигнула того, что имѣла въ виду и чтобы не казалось, что одна изъ нихъ подчинилась другой. Уступить другъ другу на иныхъ основаніяхъ запрещаетъ имъ по справедливости ихъ достоинство и народное мнѣніе, которое требуетъ отъ всякаго правителя, чтобы онъ сохранилъ за собой то почетное положеніе, которое онъ занимаетъ въ свѣтѣ. Точно такъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, такъ и въ подлежащемъ спорѣ, не можетъ не существовать какого-либо средства для его рѣшенія, если только обѣ стороны будутъ добиваться съ его искренностію.

Слѣдовательно, если только существуетъ *mezzo termine* (средній путь), то необходимо его поискать и предложить.

Но которая изъ двухъ сторонъ пожелаетъ принять на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ? Русскій кабинетъ можетъ возразить, что въ вѣкоторомъ отношеніи имъ уже сдѣланъ первый шагъ въ рескриптѣ ея величества императрицы къ вашему величеству, въ которомъ выражено желаніе, чтобы ваше величество соблагволили объяснить—что вы, собственно, разумѣете подъ свободой совѣсти по отношенію къ религіи, правиламъ которой вел. княжна должна будетъ слѣдовать. Со стороны же родителей положительно общано было, что вел. княжна во всѣхъ внѣшнихъ религіозныхъ лютеранскихъ обрядахъ, во всемъ томъ, что не возбуждаетъ сомнѣнія въ ея собственномъ вѣроисповѣданіи (*de doute ni de louche sur sa religion*), будетъ заодно съ своимъ супругомъ и государемъ: это были собственные слова письма императрицы. Эта придуманная оговорка требуетъ точнѣйшаго объясненія съ ихъ стороны, тѣмъ болѣе, что спрашивается: имѣли ли они поводъ требовать отъ вашего величества подобное объясненіе? Такое взаимное объясненіе, полагаю, имѣлось въ виду, когда ваше величество въ отвѣтномъ письмѣ къ императору выразили свое желаніе позволить вамъ лично объясниться по сему предмету, такъ какъ въ устномъ между обоими монархами разговорѣ ихъ обоюдныя намѣренія могли бы всего легче развиться и найти надлежащее выраженіе, и, читая въ сердцахъ другъ у друга, они бы въ тысячу разъ скорѣе согласились на счетъ этого предмета, чѣмъ посредствомъ своихъ уполномоченныхъ и письменныхъ переговоровъ, которые могутъ продлиться на цѣлыя недѣли и мѣсяцы.

Хотя императоръ въ томъ своемъ письмѣ не далъ положительнаго

отвѣта относительно предложеннаго свиданія, однако же въ разговорѣ съ генераломъ Клингспоромъ объявилъ, что не можетъ на него согласиться, потому что, по его мнѣнью, это свиданіе не приведетъ ни къ какому результату,—заявленіе, которое, скорѣе всего должно полагать, онъ проронилъ при его извѣстной вспыльчивости и нетерпѣннѣ, полагая, что питаемое имъ желаніе не можетъ быть осуществлено и окончательно рѣшено передъ его отъѣздомъ въ Москву. При всемъ томъ какъ императрица, такъ и графъ Безбородко, а равно и то лице, которое пользуется большимъ кредитомъ у императора и въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется его мыслями, дали генералу Клингспору явственно понять, что и по его отбытіи въ Швецію ему ничего не препятствуетъ поддерживать переписку и сношенія съ послѣднимъ лицомъ, хотя и не въ качествѣ официальнаго, но только частнаго лица.

Изъ этого можно усмотрѣть, что въ Россіи еще заботятся не выпускать изъ рукъ нить (*le fil de négociation*) переговоровъ, которыми столь интересуются оба двора и государства, и какой бы слабой ни казалась эта нить, она, полагаю, можетъ легко и безъ большаго труда быть скоро укрѣплена (удвоена), если только позаботиться, чтобы она внезапно и совершенно не порвалась, чего, какъ ваше королевское величество, безъ сомнѣнія, сами изволите усмотрѣть, въ виду множества вѣскихъ обстоятельствъ отнюдь не слѣдуетъ допускать.

Можетъ статься, при настоящемъ положеніи дѣла, въ тайнѣ желали, чтобы генералъ Клингспоръ лучше возвратился ко двору вашего в — ва, чѣмъ чтобы онъ не участвовалъ въ поѣздкѣ въ Москву. Но будучи приближенъ къ персонѣ вашего величества и наглядно изучивъ Россію, онъ посредствомъ устныхъ сообщеній о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, могъ принести пользу и не имѣя своего прежняго дипломатическаго характера. Конечно, не безъ цѣли дано ему было позволеніе писать; этимъ, по всему вѣроятію, желали оставить за собой желанный выходъ (*porte de sortie*), горя нетерпѣннѣмъ, наконецъ, устранить всѣ затрудненія и упорство, которыя, къ сожалѣнію, испытали въ желанномъ дѣлѣ,—если только встрѣтятъ со стороны вашего величества соотвѣтствующее благорасположеніе. Нѣкоторые выраженія послѣдняго письма императрицы всегда возбуждали во мнѣ мысль, что они употреблены лишь съ тою цѣлію, чтобы посредствомъ нѣкоторыхъ *termes compassés comme il faut* (сдержанныхъ, какъ слѣдуетъ уравнишенныхъ выраженій) спасти дѣло и имѣть возможность согласить обоюдныя претензіи, отстоять ихъ, не затрагивая ихъ щекотливыхъ сторонъ.

Повидимому, русскій дворъ, дѣйствуя въ духѣ соглашенія и съ

цѣлью найти средній путь (*mezzo termino*), уже сдѣлалъ первый шагъ въ письмѣ императрицы (Екатерины II), въ которомъ хотя и не положительно, но въ ясныхъ словахъ было выражено: «великая княжна, пожалуй, можетъ сдѣлаться лютеранкой», хотя она сама и ея супругъ въ виду того, что вся Россія знала о той важности (*éclat*), какую покойная императрица (Елизавета Петровна) придавала этому вопросу, не могли сохранить своей религіи. Но такъ какъ нынѣшняя императрица, мать великой княжны, вмѣстѣ съ своимъ супругомъ вполне согласны относительно содержанія этого письма, то смыслъ (*le sens*) онаго, какъ скоро онъ окажется яснымъ, долженъ удовлетворять болѣе, чѣмъ самыя выраженія. Вотъ на основаніи этого смысла и надлежало бы позаботиться какъ объ удовлетвореніи національныхъ требованій, такъ и о томъ, чтобъ монархи обѣихъ націй, пришедъ къ соглашенію, остались другъ другомъ довольны.

Ежели императрица писала, что ея дочь могла бы исполнять всѣ тѣ лютеранскіе религиозные обряды, которые не подвергаются сомнѣнію (*doute ou louché*) ея собственное вѣроисповѣданіе, то казалось бы, что это обѣщаніе содержитъ въ себѣ молчаливое согласіе (*tacite aveu*) на то, чтобы великая княжна, подобно лютеранкѣ, могла исполнять всѣ тѣ обряды, обычаи и церемоніи лютеранскаго вѣроисповѣданія, которые также находятся въ употребленіи въ ея собственномъ вѣроисповѣданіи; во всемъ же остальномъ поступать по своему желанію и предоставляется ей имѣть свою небольшую подвижную капеллу (*portative kapell*)<sup>1)</sup>, которая можетъ помѣщаться въ ея внутреннѣе покояхъ. Первая часть этого предложенія согласна съ условіемъ, поставленнымъ вашимъ величествомъ, съ условіемъ, отъ котораго нельзя отступить, а съ удержаніемъ его уничтожается, какъ нѣчто призрачное (*illusoire*), вся остальная часть предложенія, содержащая обѣщаніе вашего величества<sup>2)</sup>. Ибо если за упомянутымъ предложеніемъ должно естественно послѣдовать, въ такихъ же выраженіяхъ, какъ сдѣланная императрицей уступка, соответственное обѣщаніе вашего величества, то, кажется, можно быть увѣреннымъ, что русскій дворъ удовлетворится этимъ проектомъ и приметъ его.

Ибо въ общемъ его содержанія нашелъ императоръ именно то, чего онъ долженъ былъ искать, т. е. убѣжденіе, что въ словѣ капелла

<sup>1)</sup> Трудно рѣшить, что разумѣется подъ шведскимъ словомъ *kapell*—домовая ли церковь или только модельня.

<sup>2)</sup> Изъ этого можно заключить, что при первоначальныхъ переговорахъ о бракѣ король былъ согласенъ, чтобы великая княжна имѣла свою домашнюю церковь.

заключается именно то, чего онъ такъ горячо желалъ и что касательно ненарушимости вѣры своего народа онъ выказалъ заботу не менѣ своей покойной матери. Содержаніемъ этого предложенія, сдѣланнаго вашимъ величествомъ, оградилъ ваше величество какъ свою совесть, такъ и законъ, а равно и то, что предписывается религіей и честью, между тѣмъ какъ при иномъ содержаніи могло возникнуть съ одной стороны желаніе предписать то, что съ другой не могло быть съ полнымъ правомъ отвергнуто.

Но самыя выраженія предложенія должны прежде всего быть кратки и общи; указавъ на принципы, слѣдуетъ строго избѣгать всякихъ подробностей и не касаться частныхъ, которыми обѣимъ сторонамъ легко можно было бы увлечься и снова зацѣпить другъ друга. Можетъ статься все это именно и входило въ планы русскаго двора, какъ желанный выходъ (issue), какъ лучшее средство отдѣлаться отъ всего.

Мнѣ остается, съ всемілостивѣйшаго позволенія, подробнѣе объяснить весь ходъ дѣла и постараться доказать, что ваше величество, правая вышеприведенныя концессіи (уступки) августѣйшихъ родителей, ясно выраженныя въ собственномъ письмѣ императрицы, въ такомъ смыслѣ (sens), какъ я имѣлъ честь всеподданнѣйше предложить, и которому ихъ императорскія величества по справедливости не могли бы противорѣчить, достигли бы съ своей стороны всего того, что вашимъ величествомъ имѣлось въ виду: дѣйствовать сообразно предписаніямъ законовъ и религіи.

Чему лютеранинъ прежде всего обязанъ слѣдовать и что должны мы исполнять въ продолженіе всей нашей жизни соотвѣтственно съ нашей религіей? Мы слушаемъ божественное слово, мы поемъ Богу хвалу, мы ходимъ къ св. причастію съ крѣпкой вѣрой, что, ради нашего спасенія, мы вкушаемъ истинное тѣло и кровь Его Сына, мы гласно въ церкви исповѣдуемъ наши грѣхи, хотя, для успокоенія совѣсти, допускается, смотря по желанію, также тайная и одиночная исповѣдь.

Въ этомъ состоятъ всѣ наши внѣшнія обязанности и главнѣйшіе обряды; но точно также поступаютъ послѣдователи греческаго закона по отношенію ко всѣмъ поименованнымъ тремъ частямъ. И такъ какъ съ той стороны именно желаютъ, чтобы великая княжна исполняла обряды, принятыя и исполняемыя какъ въ томъ, такъ и въ другомъ законѣ, то значить, что она будетъ наблюдать то же, что и мы, вѣровать съ нами въ одно и то-же, однимъ словомъ превратится въ лютеранку. Но какъ согласовать съ нашимъ вѣрученіемъ допущеніе въ ея внутреннихъ покояхъ хотя только подвижной частной капеллы,

дозволеніемъ ей молиться въ ней отдѣльно отъ всѣхъ, что не совсѣмъ согласно съ нашимъ ученіемъ о спасеніи души? Какъ примирить съ нашей вѣрой подобную уступку? На это, по моему мнѣнію, можно дать такой отвѣтъ: хотя слово «капелла» и непріятно звучитъ въ нашихъ ушахъ и можетъ возбудить подозрѣніе, но, взвѣсивъ то, что великой княжнѣ останется совершать въ такъ называемой капеллѣ, мы легко можемъ убѣдиться, что *de facto* всѣ уступки и обѣщанія относительно сего, какъ мы уже сказали, не что иное, какъ одна иллюзія.

Всѣ ея дѣйствія въ этой капеллѣ ограничатся тѣмъ, что она можетъ въ ней молиться какому-либо святому. Иныхъ религіозныхъ актовъ сверхъ тѣхъ, въ которыхъ участвовала она сообща съ лютеранами и согласно ихъ обрядамъ, она въ ней совершать не можетъ. Къ этому почитанію (*vénération*) (святыхъ), а не поклоненію (*adoration*), которое отрицается всѣми здравомыслящими,—дѣйствію въ нѣкоторомъ смыслѣ похожему на простое почитаніе памяти всякаго великаго и знаменитаго человѣка, отличившагося великими добродѣтелями и примѣрною жизнью,—отнесутся, можетъ быть, съ большимъ сарказмомъ (*sarcasme*), чѣмъ оно заслуживаетъ. Затѣмъ, если и предположить, что вел. княжна не пожелаетъ измѣнить своему обычаю (что вѣроятно), то и это можно ей дозволить въ виду дарованной намъ свободы, дозволяющей руководствоваться собственной совѣстью, тѣмъ, во что кто вѣритъ и чѣмъ живетъ относительно тѣхъ религіозныхъ пунктовъ, которые необходимы для спасенія души и прямо не указаны и не предписаны церковью: право совѣсти, которое основано на естественномъ законѣ и столь глубоко въ человѣкѣ, что никто изъ насъ не въ состояніи сбросить съ себя.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что въ практикѣ между существенными обрядами обѣихъ церквей, какъ лютеранской, такъ и греческой, можно сказать, нѣтъ никакого различія; но тѣмъ болѣе обнаруживается оно въ ученіи о божественномъ исхожденіи третьяго лица отъ одного Отца, а не такъ какъ у насъ отъ Отца и Сына. Но вѣдь исхожденіе Св. Духа, какъ исповѣдуемъ Его мы, не было никогда принято всею христіанскою церковью. Этотъ догматъ былъ признавъ таковымъ лишь нѣкоторыми отдѣльными западными церквами. Фактъ этотъ есть историческая истина и сдѣлался извѣстнымъ не ранѣе IX-го столѣтія.

Что касается прочихъ догматовъ, то греки, также какъ и мы, вѣруютъ въ Троицу, а ученіе объ исхожденіи Св. Духа есть не болѣе, какъ умозрительный догматъ и онъ никоимъ образомъ не можетъ вліять на образъ жизни и исполненіе обязанностей истиннаго христіанина.

Какимъ-бы отвлеченнымъ (абстрактнымъ) ни казался религиозный предметъ совѣту, онъ имѣеть такую большую и дѣйствительную важность, что я не могу его обойти при настоящемъ обсужденіи вопроса. Обдумывая его, меня взяло сомнѣніе и потому я прибѣгнулъ къ совѣту болѣе меня свѣдущихъ и ученыхъ лицъ изъ высшаго духовенства вашего в — ва. Наши мнѣнія сошлись и я имѣю честь доложить о результатѣ нашихъ совѣщаній.

Какъ-бы то ни было, но имѣя въ виду заключительныя положенія и примѣняясь къ настоящей цѣли совѣта, мнѣ сдается, что то, что мы часто называемъ различіемъ въ религіяхъ, составляетъ не что иное, какъ различіе въ обрядахъ и что вел. княжна *ipso facto* сдѣлается лютеранкой, какъ скоро вашимъ в — воюмъ будетъ сдѣлано в русскомъ дворѣ принято предложеніе въ упомянутыхъ выраженіяхъ, что, по моему мнѣнію, не подлежитъ никакому сомнѣнію; но въ ту-же самую минуту, когда будутъ исполнены требованія шведскаго закона, будутъ также устранины и всѣ препятствія. Должно прежде всего согласиться относительно точнаго смысла предложеній, а не словъ, которыя, сравнительно со смысломъ, суть не что иное, какъ только одни пустые звуки.

Но если проектированное представленіе императору должно быть сдѣлано, то спрашивается—какимъ путемъ и съ помощію какихъ средствъ? Не слѣдуетъ-ли на представленныя объясненія смотрѣть какъ на первый шагъ, сдѣланный вашимъ в — воюмъ къ возобновленію переговоровъ, и не должно-ли это показаться противнымъ достоинству вашего в — ства; тѣмъ болѣе, что со стороны императора уже было однажды объявлено, что онъ считаетъ это дѣло совершенно законченнымъ, и потому слѣдовало ожидать почина къ желанному скорому сближенію съ русской стороны?

Но по моему мнѣнію этотъ починъ на половину, или близко къ тому, уже сдѣланъ посредникомъ, генераломъ Клингспоромъ, уполномоченнымъ писать и доставлять свѣдѣнія. Генералу Клингспору было обѣщано, что если его извѣстія дадутъ какой-либо къ тому поводъ, то уже не трудно будетъ опять навести императора на это дѣло. Личность, которая увѣряла въ томъ, пользуется большимъ вліяніемъ при русскомъ дворѣ и извѣстна своею осторожностію и знаніемъ дѣла и если-бы она не была увѣрена въ силѣ своего вліянія и успѣха своего ходатайства, то навѣрно не пошла-бы такъ далеко въ своихъ дѣйствіяхъ и словахъ, какъ она это сдѣлала. Мнѣ видится въ этихъ словахъ ясное доказательство того, какъ съ той стороны всегда сильно желали окончанія этого дѣла. Съ тѣми господами, которые тамъ правительствуютъ, не должно терять надежды; только нужно дать имъ время осилить первое свое движеніе и дать охладѣть ихъ жару.

Основываясь на этихъ данныхъ и характерѣ дѣйствительныхъ предложеній относительно возобновленія дѣла, я всеподданнѣйше осмѣлился-бы предложить, не теряя времени, ибо каждая минута дорога и дабы не могли возникнуть новыя затрудненія и предложенное могло быть съ пренебреженіемъ отвергнуто, поручить ген. Клингспору сдѣлать то, о чемъ его просили. Все то, что онъ получить на письмѣ, навѣрное дойдетъ до вашего в — ства, все-же то, что онъ самъ не напишетъ, будетъ имѣть только частный характеръ и, не компрометируя персону вашего в — ства, могло-бы совершенно удовлетворить нѣкоторыхъ лицъ другой стороны.

Напримѣръ, генералъ могъ-бы засвидѣтельствовать, что онъ по своемъ возвращеніи сюда нашелъ, что нѣжныя чувства, питаемая вашимъ в — вомъ къ вел. княжнѣ, ни въ чемъ не измѣнились и что ваше в — ство попрежнему продолжаете желать приближенія того часа, когда осуществится имѣющійся въ виду сердечный союзъ. Далѣе — о томъ трогательномъ интересѣ, съ которымъ ваше в — ство отнеслись къ извѣстіямъ, переданнымъ лично генераломъ, какъ объ особѣ вел. княжны, такъ и ея августѣйшихъ родителей и о прочихъ членахъ царской семьи; затѣмъ, о желаніи вашего в — ства, въ видахъ взаимнаго удовлетворенія, въ случаѣ состоится предположенное лѣтомъ свиданіе, объясниться съ императоромъ и т. д. Также о вышеупомянутыхъ средствахъ къ соглашенію, которыя ваше в — ство имѣло намѣреніе предложить и которыя могли-бы удовлетворить желанія обѣихъ сторонъ, ибо ваше в — ство не намѣревались отказываться отъ представленія объясненій, которыя могли послужить къ разумнѣю вашихъ мыслей относительно свободы совѣсти, которая по справедливости должна быть представлена вел. княжнѣ; наконецъ, что въ настоящее время ваше в — ство согласны, если представится къ тому поводъ, осуществить принятое намѣреніе и посѣтить лѣтомъ свою Финляндію, что на основаніи приличій, соблюдаемыхъ между царствующими особами, приблизившимися къ обоюднымъ границамъ своихъ государствъ, даетъ превосходный случай, такъ или иначе, свидѣться другъ съ другомъ и приблизиться къ тѣмъ дѣлямъ, къ которымъ они стремятся. Отвѣтъ на письмо генерала, примѣрно съ подобнымъ содержаніемъ, могъ бы достаточно обнаружить тѣ намѣренія, которыя еще можетъ имѣть императорскій дворъ, а генералу возможно было-бы изложить свои донесенія въ торжествующихъ (victorieux) выраженіяхъ, такъ чтобы исчезли всѣ несчастныя недоразумѣнія и сомнѣнія, которыя, вслѣдствіе нашептыванія враговъ, могли въ чемъ-либо измѣнить сердечныя чувства вашего в — ства къ вел. княжнѣ. Уничтоженіе этихъ недоразумѣній сказаннымъ способомъ, во всякомъ случаѣ, дѣло не маловажное. Короче,



нужно обождать отвѣта на подобное письмо; оно, можетъ, раскрыть многое и дать возможность принять дальнѣйшія необходимыя мѣры.

Всемиловѣйшій государь! доселѣ я позволялъ себѣ касаться только религіозной и гражданской (civila) стороны вопроса, мнѣ остается раз-смотреть его политическую сторону. Всемиловѣйше возложенная на меня вашимъ в—вомъ должность обязываетъ меня изложить это дѣло передъ вашимъ в—вомъ какъ повелѣваетъ мнѣ моя совѣсть и, какъ-бы передъ Богомъ, честно и съ полною откровенностію.

Ежели союзъ, скрѣпленный бракомъ съ вел. княжной, счастливо состоится, то мнѣ представляется, что счастье и благоденствіе государства будетъ на долгое время обезпечено; въ противномъ случаѣ мнѣ видится лишь крайняя опасность и, можетъ быть, паденіе его въ недалекомъ будущемъ уже опредѣлено. Ужасныя слова! но вашему в—ству не можетъ не быть извѣстнымъ—въ какое нынѣ тревожное состояніе и бѣдственное положеніе приведено государство. Мы окружены съ одной стороны сосѣдомъ, могущественнымъ на морѣ и на сушѣ, который можетъ считать себя вправе мстить за оскорбленіе (injure), нанесенное его собственной особѣ; съ другихъ сторонъ—сосѣдами, враждебно расположенными къ намъ и ревнивыми, дышащими вѣроломствомъ и помышляющими о завоеваніяхъ. И все это въ такое время, когда бѣольшая часть европейскихъ кабинетовъ, слѣдуя модѣ, притааетъ проекты округленія (projets d'arrondissement), руководствуется одной лишь корыстью и пренебрегаетъ идеями и принципами политическаго равновѣсія (balance politique).

Наконецъ, у государства нѣтъ ни одного союзника, на котораго можно было-бы опереться;—эпоха, равную которой едва-ли можно встрѣтить во всей шведской исторіи. Ваше в—ство приближаетесь къ явному разрыву (broutillegie) съ одной изъ южныхъ европейскихъ державъ, которая въ скоромъ времени не будетъ признавать никакого права и, управляясь слѣпымъ высокомеріемъ и бѣшенствомъ, грозитъ уничтожить нашу торговлю <sup>1)</sup>. Естественный соперникъ этого государства, Англія, повидимому, смотритъ на это съ удовольствіемъ (чтобы не сказать, что она содѣйствуетъ Франціи въ этомъ отношеніи); пораженная слѣпотой временныхъ конъектуръ, она дѣйствуетъ противъ собственныхъ здравыхъ и очевидныхъ интересовъ, состоящихъ въ томъ, чтобы поддержать насъ противъ могущества Россіи. Словомъ, нѣтъ кабинета, который позаботился-бы о насъ, или былъ къ намъ расположенъ; заботятся только о томъ, чтобы ихъ не трогали, тѣмъ паче, что они въ настоящее время не въ состояніи что-либо изъ-за насъ предпринять.

<sup>1)</sup> Рѣчь, очевидно, идетъ о революціонной Франціи.

При всемъ этомъ наши средства государственной обороны находятся въ самомъ плачевномъ состояніи: флотъ раззоренъ, финансы обременены долгами и вся система нашего возрожденія построена, по крайней мѣрѣ, на 20—30-лѣтнее продолженіе ничѣмъ ненарушаемаго мира.

Но что всего хуже, ко всему этому присоединяется еще не вполне надежный народный духъ (*esprit national*), далекій отъ единодушія и необходимаго патриотическаго энтузіазма (*enthousiasme patriotique*), который одинъ только можетъ сдѣлать народъ непобѣдимымъ, особенно въ настоящую минуту, когда онъ видитъ раскрытую пасть вооруженнаго и возмущеннаго сосѣда и когда можно отъ него ожидать рѣшенія нанести намъ внезапный ударъ (*coup de mains*), наконецъ, когда все зависитъ отъ минутнаго каприза тѣхъ господъ, въ чьихъ рукахъ находится кормило того государства. Какая безотрадная картина всего этого развертывается передъ нами! Но въ этой картинѣ изображено далеко не все. Потеря собственнаго вашего величества покоя, лишеніе законно и страстно желаемого счастья, — желанія отдохнуть подъ вечеръ мыслью и вознаградить себя за дневныя утомленія трудомъ и безпокойствомъ, — всѣ эти огорченія могутъ повліять на драгоценную жизнь вашего величества и сократить ее. А когда она преждевременно погаснетъ, мы, покинутые вѣрнопопдаанные вашего величества, должны будемъ воскликнуть: теперь все, все для насъ кончено! Итакъ, съ одной стороны вотъ какая опасность; какой же выходъ и избавленіе отъ оной представляется съ другой стороны?

Все зависитъ отъ одного слова. Разъ, бракъ съ великой княжной и союзъ съ ея дворомъ будетъ рѣшенъ — и всѣ тучи тотчасъ же разсѣются. Счастіе вашего величества, уже давно подготовленное, выразится на исполненныхъ радости и надежды лицахъ вашихъ подданныхъ; государство возвратится въ состояніе его стародавняго процвѣтанія и въ короткое время вновь обрѣтетъ свое прежнее значеніе; тогда какъ съ другой стороны всякое лишнее разсужденіе, уваженіе и соображеніе (*considération, égard, ménagement*) отодвинуть насъ назадъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ другими государствами, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ намъ слѣдуетъ быть подъ скипетромъ такого государя, который, подобно вашему величеству, вооруженъ столь великими и отличными достоинствами.

Перев. и сообщ. А. А. Чумиковъ.

# ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ТУРГЕНЕВА

1772—1863.

ХІІ <sup>1)</sup>.

Вмѣстѣ съ приказомъ, отданнымъ при паролѣ во Владимірѣ объ исключеніи 32 штабъ и оберъ-офицеровъ изъ службы, курьеръ привезъ высочайшій указъ правительствующему сенату о перемѣщеніи сенатора Лопухина присутствовать въ санктпетербургскихъ сената департаментахъ. Какъ сигнальная пушка въ крѣпостяхъ утромъ поднимаетъ на ноги сосланныхъ преступниковъ въ крѣпостныя работы, такъ всемилостивѣйшій высочайшій указъ сенату о перемѣщеніи сенатора Лопухина привелъ въ движеніе кареты и лица; всѣ свакали на Тверскую улицу, гдѣ жилъ Петръ Васильевичъ Лопухинъ, изъявить его превосходительству искреннѣйшее желаніе ему благополучнаго пути и вождельнаго здравія; поздравлять Лопухина съ перемѣщеніемъ нельзя, перемѣщеніе не есть ни повышеніе, ни производство; указано сидѣть въ томъ же сенатѣ, да на другомъ мѣстѣ. Кстати будетъ здѣсь сказано, не были съ визитомъ у Лопухина бояринъ генераль-аншефъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ; у супруги Лопухина, Екатерины Николаевны, не была супруга фельдмаршала, графиня Дарія Петровна Салтыкова, рожденная графиня Чернышева. Прочія всѣ спѣшили на Тверскую, даже и оберъ-камергеръ, вн. Александръ Михайловичъ Голицынъ. Примѣръ аристократическаго тона и

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVII, сентябрь, стр. 365—390; т. XLVIII, октябрь, стр. 55—92.

меланхоликъ Остерманъ сенаторъ, который часто сидящему подлѣ него чесалъ за ухомъ вмѣсто своего уха, и стонѣлъ вв. Иванъ Ивановичъ генераль-лейтенантъ Прозоровскій также прѣбъжалъ ударить челомъ будущему вскорѣ князю свѣтлѣйшему.

Къ супругѣ Лопухина возили со всѣхъ сторонъ чудотворныя иконы, Иверскую, Всѣхъ скорбящихъ, Утоленія печали, Возсканія погибшихъ, да прости, Господи! всѣхъ и не сочтешь; служили напутственные молебны, святили воду, овропляли Анну Петровну и заставляли ее ложиться на полъ и черезъ нее переносили святыя иконы, и вмѣстѣ съ этою благоговѣнною набожностію Екатерины Николаевны, она усерднѣйше служила богинѣ любви, по пословицѣ — у нея былъ мужъ наружи, да пять въ суиудѣхъ <sup>1)</sup>. постоянно при востребованіи всегда готовый къ услугамъ ея превосходительства былъ Федоръ Петровичъ Уваровъ, подполковникъ Екатеринославскаго кирасирскаго полка.

Его высокоблагородіе за личную и усердную службу получалъ *pour ses menus plaisirs* 100 руб. ассигн. въ мѣсяцъ; сенаторша нанимала ему экипажъ, карету съ 4 лошадями за 35 руб. ассигн. въ мѣсяцъ. Подумаешь, какъ было тогда все дешево; благословенныя были времена! Нынѣ маменьки берутъ для подготовленія дѣтей, не знаю къ чему, студентовъ, преимущественно происходящихъ изъ духовнаго званія, потому что у семинаристовъ латынь тверда и они латынь глубоко вперяютъ. Да такой дова латинистъ не вѣсть что стоитъ маменькѣ, а тогда, о благословенныя времена, подполковникъ стоялъ, и со всѣми экстраординарными расходами, тысячи двѣ руб. ассигн., что это — *misère!* да вишь подполковникъ, отъ него ни кутей, ни халтурой не воняетъ!

Духовенство пропѣло напутственныя молитвы, архіереи, архимандриты и духовный отецъ благословили, оставалось сѣсть въ карету и поѣхать во градъ св. Петра, но вдругъ возникло препятствіе: Екатерина Николаевна съ мѣста не хотѣла двинуться безъ Ф. П. Уварова! Ей толковали, ее вразумляли, что это невозможно, Уваровъ состоитъ на службѣ, уволить его въ отпускъ прежде никто не смѣетъ и въ такомъ случаѣ, если-бы свѣтъ разрушался. Нѣтъ! баба кричала: „я хочу, мнѣ обѣщано, связано, что все будетъ по моему, чего захочу“. Прежде мачиха убѣждала падчерицу согласиться, теперь пошло навыворотъ, падче-

<sup>1)</sup> Неразобрано слово.

рица не убѣждала мачиху, а просто сказала ей: „я хочу, чтобы вы сей-же часъ ѣхали со мною, не поѣдете—я ѣду одна, но подумайте, что тогда будетъ съ вами, когда я одна приѣду“, и приказала оберъ-полицеймейстеру, генераль-маіору П. Н. Кавелину:

— „Павель Нивитичъ, приважите, чтобы подали мой экипажъ!“

Кавелинъ, съ поклономъ чуть не до пола, доложилъ будущей свѣтлѣйшей княжнѣ: „все готово, ваше превосходительство“.

Екатерина Николаевна, увидѣвъ, что падчерица не шутить, бросилась въ ея объятія.

— „Нѣтъ, милая Анета, я съ тобой не разстанусь, ѣдемъ“, и вся компанія и господинъ полицеймейстеръ, и нащюкинскій дуракъ Иванушка присѣли кто на что попало; потомъ минуты черезъ двѣ три встали и молились святой иконѣ и поѣхали.

Маршрутъ путешествія Анны Петровны въ градъ св. Петра былъ такъ соображенъ, что прибытіе Павла Петровича послѣдовало черезъ день послѣ приѣзда Лопухиной. На третій день прибытія, высочайшимъ приказомъ при паролѣ, Екатеринославскаго кирасирскаго полка подполковникъ Уваровъ произведенъ въ полковника и переведенъ лейбъ-гвардіи въ конный полкъ.

Екатерина Николаевна Лопухина прислала Ф. П. Уварову тысячу руб. ассигн. на подъемъ, и его высочайшаго родіе, конечно, въ первый разъ въ жизни покатила въ Питеръ въ колясѣ; до этого участь его была ѣздить на перекладной телѣгѣ или на козлахъ подлѣ кучера, когда онъ состоялъ откомандированнымъ изъ Владимірскаго драгунскаго полка на безсѣнные ординарцы въ генералу графу Валеріану Зубову. Боже мой, подумаешь—какъ на свѣтѣ все превратно! Федоръ Петровичъ Уваровъ, ѣзжавшій подлѣ кучера на козлахъ экипажа, въ которомъ сидѣли генералъ его, графъ Валеріанъ Зубовъ, съ прелестною супругою своею Марією Федоровною, которую онъ взялъ у мужа ея Протопотоцкаго, которая будетъ по смерти Зубова супругою неотесаннаго болвана Уварова! нѣтъ, сего не довольно, все имѣніе Протопотоцкаго послѣ его смерти, вопреки законовъ русскихъ, статутовъ литовскихъ и укладовъ польскихъ, отдано Маріи Федоровнѣ, бывшей Протопотоцкаго женѣ, а она духовнымъ завѣщаніемъ передала огромное достояніе Протопотоцкаго послѣднему своему супругу болвану Уварову! Не напрасно изстари чтождествуетъ (sic) поговорка, что если счастье и въ кобылей головѣ угнѣздится, такъ и кобылей головѣ станутъ всѣ поклоняться.

Федоръ Петровичъ подтвердилъ или олицетворилъ эту поговорку; онъ былъ совершенная невѣжда и весьма небогатаго разсудка человѣкъ—ему вѣрили команду войскомъ; онъ не умѣлъ ѣздить на конѣ и всегда держался за ремень, прикрѣпленный къ передней лукѣ сѣдла—его считали знатомомъ кавалерійскаго дѣла; онъ вѣчно въ разговорахъ дичь поролъ—два императора, Павелъ и Александръ, дичь Уварова благосклонно слушали. Денисъ Давыдовъ остро и справедливо сказалъ про Уварова, что онъ „умничаетъ глупо, а дурачится умно!“.

Черезъ непродолжительное время по прибытіи сенатора и дочери ея, Анны Петровны—Петръ Васильевичъ Лопухинъ былъ возведенъ въ потомственное княжество російской имперіи, съ титуломъ свѣтлости.

Пришелъ, какъ говорятъ, новый годъ; въ это время, бывало, государи жаловали служащихъ чинами, орденами, что и государь императоръ Павелъ соизволилъ сдѣлать. Федоръ Петровичъ Уваровъ не былъ въ числѣ пожалованныхъ орденами; онъ незадолго предъ новымъ годомъ пожалованъ въ генераль-адъютанты и самъ назначеніемъ обошелъ болѣе 200 полковниковъ старше его по службѣ; но избалованный болванъ слѣпымъ счастіемъ явился къ Екаторинѣ Николаевнѣ въ пылу неудовольствія и требовалъ, чтобы она убѣдила падчерицу ходатайствовать о пожалованіи ему ордена св. Анны 1-го класса, какъ были прочіе награждены. Екаторина Николаевна была бы готова выполнить желанія Уварова, да, въ несчастію ея, она въ это время была съ Анною Петровною въ размолвѣ и хотѣла бы просить ее, да не смѣла; падчерица знала уже, что она можетъ сдѣлать, и матица боялась падчерицы, которую недавно за уши дирала. Уваровъ, выслушавъ отказъ Лопухиной, пришелъ въ бѣшенство, наговорилъ ей по драгунски привѣтствій, каковыхъ она отъ роду не слыхала, и уѣхалъ. Прошелъ день, прошелъ другой, прошелъ и третій, Уваровъ не ѣдетъ! Когда страсть овладѣетъ женщиной въ исходѣ лѣтъ, опредѣленныхъ женщиной быть женщиной, т. е. въ 40 и подъ 40 лѣтъ, тогда въ женщинахъ дѣлается ражъ и онѣ приходятъ въ бѣшенство, забываютъ всякое приличіе, стыдъ, оглашеніе и стремятся единственно къ наслажденію физическому!

Дочь заслуженнаго генераль-аншефа князя Мещерскаго, генераль-губернатора казанскаго, сожгла городъ Казань; княжна,

въ несчастію ея, имѣла связь съ лакеемъ, крѣпостнымъ слугою ея родителя; несчастный случай обнаружилъ ее свиданіе съ лакеемъ и такъ явно обнаружилъ, что на другой день объ этомъ свѣдалъ бы весь городъ; она любовнику своему даетъ денегъ и приказываетъ улучившихъ ихъ свиданіе угостить хорошенько въ кабацѣ, чтобы молчали. Любовникъ лакей приказаніе княжны готовъ былъ исполнить,—какой лакей вина не любитъ,—взялъ деньги и, пригласивъ молодцовъ, отправился въ кабацъ; княжна, чтобы покрыть навсегда неизвѣстностію свой проступокъ, заперла снаружи дверь кабака и сама зажгла съ четырехъ сторонъ кабацъ; въ это время былъ сильный вѣтеръ и городъ Казань представлялъ утромъ на другой день пространное пепелище.

Княгиня свѣтлѣйшая Лопухина возвышеннѣе, благороднѣе чувствовала вняжны Мещерской; Екатерина Николаевна не хотѣла ни сжечь, ни убить Уварова; быть можетъ, и потому не хотѣла, что не имѣла средствъ; она рѣшилась изъ мщенія или мучимая желаніемъ—отъ тоски отравить себя. Чтобы произвести сіе блажное намѣреніе въ исполненіе, ея свѣтлость изволила поѣхать въ каретѣ кататься по городу и на возвратномъ пути къ себѣ въ домъ приказала остановиться у аптеки близъ Полицейскаго моста. На мѣстѣ, гдѣ нынѣ (1848 г.) видѣнъ огромный, но уродливый домъ купца Котомина, стоялъ небольшой домикъ, выкрашенный зеленой краскою, надъ дверями входа была пригвозжена огромнаго размѣра вывѣска со львами, единорогами, неграми и надпись—аптека; тогда двуглаваго орла надъ аптеками не выставляли. Не помню имени аптекаря, но кудряваго аланже парика и огромнаго кошелька для волосъ, который въ насмѣшку называли челобитна, никогда не забуду. Г. аптекарь, разумѣется, былъ нѣмецъ, вальяжнаго сложенія, и славился познаніемъ въ приготовленіи лекарствъ; всѣ знатные вельможи и богатые люди брали лекарства у вальяжнаго аптекаря и онъ въ бархатномъ черномъ кафтанѣ французскаго покроя, золотого газета камзолѣ, черныхъ бархатныхъ съ золотыми шглифами (?) въ башмакахъ съ красными каблуками, съ огромными изъ стразовъ у башмаковъ пряжками и бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, представлялъ собою какое-то среднее созданіе между вельможи и ярмарочнаго гаера!

Княгиня приказала слугѣ вызвать аптекаря; вальяжный кухмистеръ латинской кухни выбѣжалъ и, держа въ рукахъ шелко-

вую, трехъугольную, миниатюрную шляпку, шаркалъ ногами по свѣгу, кланялся и говорилъ: „вашъ свѣтлость, каковой угодно лекарствъ, всяка готовъ“.

Княгиня объявила ему, что ей надобно мышьяку. Валяжный нѣмецъ вздрогнулъ, выпучилъ большіе сѣрые глаза и не зналъ, что отвѣчать ея свѣтлости. Мышьякъ—ядъ, а всѣ ядовитыя вещества строго воспрещено отпускать безъ рецепта докторсваго. Княгиня, замѣтивъ смущеніе валяжнаго аптекаря, сказала ему: „у меня въ кабинетѣ завелись мыши“. Аптекарь, кланяясь княгинѣ, отвѣчалъ: „исвольте, ваша свѣтлость, сейшасъ будетъ готовъ“, и минутъ черезъ 10 подалъ княгинѣ въ золотой бумажкѣ завернутый мышьякъ, съ надписью: „для мышь ея свѣтлости“.

Свѣтлѣйшая княгиня, возвратясь домой, изволила въ образной комнатѣ (у русскихъ боярынь возлѣ будуара, гдѣ онѣ наслаждаются сладострастіемъ, какъ землеродныя, всегда применута комнатка, уставленная образами, въ которой онѣ какотся и возносятся горѣ духомъ) долго молиться Богу, потомъ изволила раздѣться, приказала горничной служанкѣ принести карафинъ воды, рюмку и сказала, чтобы ее не беспокоили, что она хочетъ заснуть. Горничная вышла, затворила дверь въ почивальню, а княгиня высыпала порошокъ въ рюмку, налила воды и видно, что свѣтлѣйшей княгинѣ все еще хотѣлось жить, хотя она и рѣшилась умереть, какъ умирали въ древнія времена знаменитые въ Греціи философы; но княгиня спѣшила, порошокъ не размѣшала, вода была холодная; эти обстоятельства способствовали спасенію жизни княгини, когда дошло дѣло до врачебныхъ пособій.

Ядъ довольно сильно подѣйствовалъ, княгиня начала кричать, просить помощи; пришелъ князь, возвратившійся изъ правительствующаго сената, созвали табунъ медиковъ; князь довелъ до высочайшаго свѣдѣнія о приключившейся болѣзни ея свѣтлости. Присланъ лейбъ-медикъ (не упомяну имени врача, находившагося при особѣ его величества); повелѣно лейбъ-медику спѣшить на помощь страдавшей княгинѣ; сказано врачу: „исцѣли княгиню, не исцѣлишь — веляю тебя повѣсить!“ Повелѣніе краткое, но неизрѣченно сильное. Врачу казалось, что веревка уже саднитъ ему шею. Врачи не могли постигнуть болѣзни, симптомы являли отравленіе, да кому могло придти на мысль, что ея свѣтлость изволила заблагоразсудить прекратить



жизнь свою, пропустивъ въ утробу свою мышьякъ! Низкая, ползая идея умереть одинаковымъ образомъ съ погребной крысой! Но Еватерина Николаевна была во всѣхъ отношеніяхъ необразованная баба и всесовершенная невѣжда; она боялась Бога, боялась и сатаны! Ставила свѣчки предъ чудотворными иконами, клала земные поклоны и искала глазами въ церкви пригожихъ и плечистыхъ молодцовъ. Кричала, просила помощи, а не сознавалась въ томъ, что хлебнула мышьяку. Съ каждымъ вздохомъ княгини отъ жгучей боли, лейбъ-медикъ чувствовалъ лихорадочную дрожь во всемъ составѣ тѣла; дорога къ висѣлицѣ ежеминутно для него сокращалась и онъ, какъ искусный врачъ, подобно искусному мореходцу во время бури, умѣющему опредѣлить минуту кораблекрушенія, рассчитывалъ—сколько осталось часовъ княгинѣ и ему; но вдругъ все взяло другой оборотъ: въ сомнѣ врачей, одинъ изъ медиковъ увидѣлъ въ углу комнаты на столикѣ стаканъ, въ которомъ было еще немного воды, а на днѣ сосуда бѣлый отсадъ. Счастливый медикъ взялъ стаканъ, посмотрѣлъ его попристальнѣе, взялъ пальцемъ изъ стакана немного отсада и, помаковавъ на языкъ, закричалъ собратіи своей: „гг., вотъ отрава“, показывая на стаканъ. Всѣ эскулапы начали смаковать языкомъ отсадъ въ стаканѣ и всѣ вкупѣ повторили: „отрава, отрава, мышьякъ!“ Мгновенно обратились къ врачеваннымъ средствамъ противоядія; чело лейбъ-медика освѣжилось, какъ листокъ травы отъ первой упавшей на него капли росы; листокъ отъ капли еще не напитанъ, но уже нѣсколько увлажненъ, предрасположенъ къ воспріятію животворнаго вещества. Отуманенный разумъ лейбъ-медика обѣщаніемъ висѣлицы освѣжился надеждою исцѣлить страдавшую княгиню и онъ, воспрянувъ отъ унынія, началъ распорядиться методомъ врачеванія, а до открытія причины болѣзни лейбъ-медикъ сидѣлъ какъ темная ночь, въ углу, не вмѣшиваясь въ подаваніе помощи; онъ былъ а priori и а posteriori увѣренъ, что быть, какъ бычку, на веревочкѣ!

Княгинѣ скоро подали облегченіе въ недугѣ и чрезъ три, четыре часа медикъ вкупно обрадовалъ дворъ и городъ, что ея свѣтлость находится внѣ опасности и въ непродолжительномъ времени здравіе свѣтлѣйшей княгини будетъ совершенно восстановлено. Но съ открытіемъ мышьяка въ стаканѣ возникла сума-тоха въ домѣ свѣтлѣйшаго князя.

Поведѣно отыскать виновнаго, если бы онъ и подъ землею спрятался. Не отыщутъ,—всѣмъ обѣщанъ кнутъ и доживать вѣкъ въ Сибири! Нынѣ (1848 г.) страна сія притягиваетъ къ себѣ золотоносными россыпями, а тогда Сибирь отталкивала и ужасала всѣхъ холодомъ и дикостью дремучихъ непроходимыхъ гѣсовъ, въ которыхъ не ступила нога человѣка, если не отъ сотворенія міра, то уже вѣрно отъ времени стока водъ послѣ потопа. Полиція у насъ, православныхъ, всегда начинается свои дѣствія кулакомъ по рылу и палкой по спинѣ<sup>1)</sup>),—это есть вступленіе, первое привѣтствіе къ допросу, а засимъ слѣдуютъ плети разныхъ наименованій: кошки, съ загнутыми проволочными нахвостниками, придуманныя въ Бозѣ почившимъ герцогомъ курляндскимъ Бирономъ, плети генераль-полиціймейстера Татищева, въ царствованіе Елисаветы, подлинники Шварца и архаровки; этими архаровками сбѣвали на выпускъ; про нихъ говаривали, что архаровки только ерошатъ спину, а памяти не оставляютъ. Въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, начиная съ 6-го ноября 1796 года, архаровки висѣли спокойно на крючкѣ, ихъ въ дѣйствіе не употребляли. Полиція принялась за лакеевъ, кучеровъ, которые возили княгиню кататься, и скоро подробно узнали все, что княгиня изволила творить въ это время; разговоръ съ аптекаремъ, золотая бумажка, въ которой былъ запечатанъ порошокъ мышиный, все свидѣтельствовало о томъ, что княгиня злое снадобе получила отъ нѣмца, вальяжнаго аптекаря. Соколомъ полетѣлъ г. оберъ-полиціймейстеръ въ аптеку и едва переступилъ порогъ, бухнулъ вальяжнаго по скулѣ такъ ловко къ мѣсту, что огромный алонжъ парижъ аптекаря вышибенною ударомъ пудрою наполнилъ комнату, какъ вихрь наполняетъ пространство поднятымъ пескомъ съ земли.

Милліоны искръ сыпались еще предъ глазами нѣмца, какъ сильная длань шуйцы оберъ-полиціймейстера обласкала глѣбу скулу аптекаря такъ, что кудрявый парижъ вальяжнаго фармацевта принялъ элентическое наклоненіе къ западу; послѣ третьяго одолженія, повтореннаго кулакомъ г. оберъ-полиціймейстера съ правой стороны, произнесъ оберъ-полиціймейстеръ вопросъ аптекарю:

<sup>1)</sup> Писано въ 1843 году.

— „Ты, ракалія, отравилъ свѣтлѣйшую княгиню Лопухину?“

Это предварительное дѣйствіе предъ допросомъ на полицейскомъ ученomъ языкѣ именуется ошеломить съ перваго раза. Вальяжный аптекаръ, приведенный руководѣлемъ г. оберъ-полиціймейстера въ изступленіе отъ одолженій, оказанныхъ скуламъ, кровь стремилась въ центръ черепа, отъ испуга организмъ тѣла его пришелъ въ безпорядокъ и выпуклое пузо фармацевта, обтуптое камзолomъ золотого глаза, сильно колеблемое скорымъ дыханіемъ, представляло мерцаніе угасающаго пламени. Ошеломленный аптекаръ вспомнилъ тотчасъ о мышьякѣ, отпущенномъ княгинѣ, отвѣчалъ оберъ-полиціймейстеру:

— „Косбодинъ оберъ-полиціймейстеръ, не пей меня то смерть, пей меня то полофинъ смерть, пуду сказалъ правда какъ пыло“.

— Ну, говори, ракалія! произнесъ оберъ-полиціймейстеръ повелительнымъ голосомъ фармацевту.

Вальяжный разсказалъ допрощику все подробно о томъ, какъ княгиня подѣхала къ его аптекѣ, приказала его вызвать и потребовала порошокъ мышьяку для отравы мышей, что онъ не смѣлъ не отпустить мышьяку столь высокой особѣ, какъ свѣтлѣйшая княгиня, страшась недоувѣріемъ прогнѣвать ея свѣтлость. Тутъ спохватился г. оберъ-полиціймейстеръ и уразумѣлъ, что онъ ошеломилъ вальяжнаго фармацевта безъ наималѣйшаго къ тому повода.

Въ 1797 и послѣдующихъ трехъ годахъ мудрое узаконеніе мудрой законодательницы Сѣвера: „безъ суда никто да не накажется“, оставалось, по приказному выраженію, за силою, т. е. недѣйствительнымъ, равно какъ дарованная дворянству грамота, въ которой сказано: „отнынѣ да не накажется никогда на тѣлѣ дворянинъ русскій“, также была оставлена за силою; NN изволилъ юнкера конной гвардіи, князя Мустафина, бить въ два фухтеля (палаша) и если-бы благородный полковникъ Артемій Ивановъ Раевскій не воспрепятствовалъ, прибѣжавъ на мѣсто наказанія, NN, по врожденному челоувѣколюбію, отправилъ-бы Мустафина къ праотцамъ на лоно Авраамля! Мустафина сбили уже фухтелями съ ногъ....

Оберъ-полиціймейстеръ, чтобы не дать удалому своему подвигу огласки, приказалъ вальяжнаго нѣмца взять подъ стражу въ частный домъ, къ аптекѣ поставить караулъ съ приказаніемъ никого

изъ гезелей (помощники) изъ аптеки не выпускать, изволилъ по-скакать къ свѣтлѣйшему князю доложить объ открытіи, какииъ образомъ ядъ внесенъ въ домъ его свѣтлости и что онъ приказалъ аптекаря взять подъ стражу въ частный домъ. Князь зналъ уже подробно о всемъ событіи до розыска г. дѣятельнаго оберъ-полиціймейстера, приказалъ ту же минуту фармацевта освободить. Княжна Анна Петровна была увѣдомлена о причинѣ, побудившей мачиху покуситься на себяубійство, и когда Павелъ Петровичъ, получивъ отъ лейбъ-медика рапортъ о совершенной безопасности жизни свѣтлѣйшей княгини, соизволилъ поспѣшить передать лично радостную вѣсть княжнѣ, Анна Петровна пересказала о причинѣ происшествія....

Федоръ Петровичъ Уваровъ получилъ орденъ св. Анны 1-го класса.

Судьбы неисповѣдимы! какое сдѣленіе обстоятельствъ: чтобы на рамена Федора Петровича былъ возложенъ орденъ св. Анны, неужели было необходимо для сего событія біеніе по скуламъ и тревоженіе утробы вальжваго фармацевта?

### XIII.

Во все время моего адъютантства при фельдмаршалѣ, разумѣется, въ теченіи времени по 12-е число марта 1801 года, я смѣю сказать, ежедневно былъ соглядатаемъ бѣдствія, страданія, несчастія; не проходило дня, въ который фельдгегера не проводили-бы кого-либо въ ссылку въ Сибирь, въ заточеніе въ крѣпость, въ каторжную, въ крѣпостную работу, въ безъизвѣстныя. О безъизвѣстныхъ потребно объясненіе: безъизвѣстнаго везли въ закрытой кибиткѣ, зашитой рогожами, какъ тюки товарныя обшиваютъ, отправляя на ярмарку; чрезъ маленький прорѣзъ въ рогожѣ въ подвижной тюрмѣ заключенному подавали фунтъ хлѣба и давали пить разъ или два въ сутки; утоленіе жажды несчастнаго зависѣло отъ милосердія и состраданія господина фельдгегера, его сопровождавшаго; въ срединѣ кибитки было небольшое отверстіе для необходимой естественной надобности. Сопровождавшій фельдгегерь не зналъ кого везетъ, не видалъ арестанта; ему сдавали его зашитаго уже въ кибиткѣ. Подъ смертною казню

фельдъегерю запрещалось говорить съ заключеннымъ, равно какъ отвѣчать на всѣ его вопросы. Коменданту крѣпости, въ которой было назначено содержать арестанта, предписывали содержать его въ секретномъ номерѣ; инструкціею комендантамъ крѣпостей, единожды навсегда къ исполненію данной, было запрещено спрашивать таковыхъ арестантовъ кто они, было запрещено отвѣчать на ихъ вопросы; ихъ заключали въ мрачный номеръ каземата, въ который свѣтъ проходилъ чрезъ маленькое, вершка 3 въ евадратѣ, окошко сверху. При водвореніи въ сію могилу, на живого мертвеца надѣвали длинную рубашку; пищу и питье для продоленія его мученій подавали въ прорѣзанное отверстіе въ двери; пища состояла изъ 2 фунтовъ хлѣба, горшечка щей и кружки съ водою; по употребленіи пищи, горшекъ, въ которомъ были щи, служилъ заключенному ватерклономъ. По наполненіи его, равно какъ и опорожненную кружку, въ которой была вода, арестанту знаками было показано ставить на полку, придѣланную къ отверстію; языка для арестанта въ мірѣ не было, всѣ люди для него были нѣмы. Если арестантъ оставлялъ принесенную пищу и воду на полкѣ, тогда раздаватель пищи рапортовалъ коменданту. Комендантъ приходилъ освидѣтельствовать арестанта, узнать—живъ-ли онъ? но также не смѣлъ съ нимъ разговаривать или выслушивать его прошенія. Однако-же о приключившейся болѣзни заключенному, равно и о прекращеніи его жизни, рапортовали по командѣ, означая несчастнаго цифрой номера, въ которомъ содержался. *C'est pire que les oubliettes de Venise!* въ убліетахъ отверзался подъ ногами полъ (*garpe*), несчастный проваливался и колеса, съ ножами устроенные, будучи силою воды безпрестанно движимы, рѣвали тѣло человѣка въ мельчайшіе куски, какъ вермишель, и вода быстротою теченія все уносила.

Въ 1823 году я имѣлъ честь быть губернаторомъ одной въ Сибири губерніи и во мнѣ поступали еще отношенія о ссылѣхъ заключенныхъ подъ названіемъ неизвѣстныхъ! Горестно вспомнить, что форма предписаній о заключаемыхъ въ номера осталась безъ малѣйшей перемѣны. Вотъ что обнаружилось въ 1824 году, когда императоръ Александръ I прибылъ въ Оренбургъ. Его величество изволилъ всегда осматривать самъ больницы, рабочіе дома, гдѣ были устроены и тюремныя помѣщенія. Осматривая тюрьмы въ крѣпости, его величество изволилъ обратиться

съ вопросомъ къ военному генералъ-губернатору въ Оренбургѣ и начальнику отдѣльнаго корпуса, генералу отъ инфантеріи Эссену:

— „Ну, все ли я у тебя видѣлъ?“

— Вотъ одинъ номеръ неизвѣстнаго арестанта не изволили еще видѣть.

— „Что такое неизвѣстный, для меня нѣтъ неизвѣстнаго“, возразилъ государь и вмѣстѣ спросилъ Эссена—когда арестантъ присланъ и откуда.

Какъ генералъ Эссенъ никогда ничего не зналъ, начальникъ штаба корпуса доложилъ его величеству: арестантъ присланъ въ крѣпость при предписаніи бывшаго военнаго министра графа Аракчеева содержать его въ номерѣ неизвѣстныхъ; кто онъ таковъ—въ предписаніи не сказано, содержится 9 лѣтъ. Императоръ съ замѣтнымъ сожалѣніемъ изволилъ повелѣть сію минуту отворить номеръ.

— „Я хочу видѣть арестанта“.

Въ ту же секунду заскрипѣли ржавые ключъ въ замкѣ и петли двери на крючьяхъ и черезъ 9 лѣтъ могила живаго жертвеца въ первый разъ отверзлась! Слеза блеснула въ глазъ государя. Государь увидѣлъ въ узникѣ человѣка высокаго, стройнаго роста, лѣтъ за сорокъ отъ роду; онъ былъ истомленъ долгимъ отчужденіемъ отъ міра; мертвенная блѣдность господствовала на челѣ несчастнаго, но не разрушила, не исказила еще прекрасное расположеніе лица его; длинная черная борода простиралась до пояса. Александръ спросилъ узника:

— „Знаешь ли ты, кто я?“

— Знаю, отвѣчалъ узникъ, вы нашъ государь императоръ Александръ Павловичъ.

— „Зналъ ли ты о моемъ пріѣздѣ въ Оренбургъ?“

— Не зналъ. Совершилось уже девять лѣтъ, что я въ этой могилѣ и никого, кромѣ мышей, меня посѣщавшихъ, не видѣлъ

— „Кто ты таковъ?“

— Былъ я, отвѣчалъ узникъ, полковникъ службы вашего величества, командовалъ однимъ изъ ста резервныхъ баталіоновъ командированныхъ на работы въ Новгородскія военныя поселенія. Баталіонъ мой находился въ селѣ Грузинѣ для рытья канавъ, чтобы осушить низменныя мѣста и изъ болотъ сдѣлать сѣнокосы,

вырывать пни для очищенія полей подъ пашни, собирать камни что я теперь—не знаю!

— „Кто тебя послалъ сюда?“

— Также не знаю, по высочайшему ли повелѣнiю вашего величества или такъ было угодно военному министру графу Аракчееву. Подъ судомъ я никогда не былъ, служилъ во все время войны противъ французовъ, былъ награжденъ орденами 4-хъ степеней св. Равноап. Владимира съ бантомъ, св. Георгія Побѣдоносца и св. Анны 2-го класса.

— „Да расскажи мнѣ какъ это случилось, что происходило, когда тебя сюда отправляли?“

— Меня, отвѣчалъ арестантъ, потребовали рано утромъ къ графу; это было въ Грузинѣ, его сиятельство приказалъ меня арестовать, сняли съ меня мундиръ, отобрали ордена, надѣли солдатскую шинель; тройка курьерскихъ ожидала уже меня у крыльца; меня вывели, посадили на телѣгу, фельдъегерь сѣлъ послѣ меня и сказалъ ямщику: „валяй“, лошади понеслись со всѣхъ ногъ и чрезъ 5 сутокъ фельдъегерь сдалъ меня здѣсь коменданту, а комендантъ отвелъ меня въ этотъ номеръ, заперли эти двери, которыя чрезъ 9 лѣтъ, по высочайшему вашему величества повелѣнiю, сейчасъ въ первый разъ открылись!

Узникъ замолчалъ. Государь повелѣлъ помѣстить полковника въ комнатахъ крѣпостныхъ строенiй, дать ему по чину прислугу и 5 руб. асс. въ сутки столовыхъ денегъ. Еще повелѣлъ Эссену, со словъ арестанта, составить подробную записку и подать ее, того же вечера, его величеству.

Два разсказа были въ обществѣ о полковникѣ: подлые поклонники Аракчеева,—этотъ извергъ имѣлъ ихъ сотни, — разглашали, что полковникъ сосланъ за ослушанiе приказанiю начальства,—преступленiе важное въ военной службѣ, за него регламентомъ опредѣлена смерть; но прежде должно судить военнымъ судомъ преступника,—полковникъ не былъ отданъ подъ судъ! Люди благородно мыслящiе разсказывали, что Аракчеевъ приревновалъ его къ наложницѣ своей, Настасьѣ. Послѣдняя молва достовѣрнѣе первой.

## XIV.

Была-жила дама Шукалочиха, супруга Ивана Антоновича Пукалова—подрезной, какъ говорятъ, бестія! Иванъ Антоновичъ, царство ему небесное, не гной его косточки—воздмолся въ подъячизмѣ, насытился премудрости въ семинаріи, въ уваженіе превосходной способности крючкодѣйствовать скоро достигъ чиновности и избранъ членами святѣйшаго синода быть оберъ-секретаремъ святѣйшаго синода; въ сей должности, по существующему порядку формы, утвержденъ подписнымъ высочайшимъ указомъ. Антоновичу везло со всѣхъ сторонъ, да онъ былъ не промахъ парень, зналъ — фортуна — женщина, любить перемѣну, оборотится ко мнѣ спиною и я останусь просто оберъ-секретарь синода; конечно, сытный пріютъ, жирныхъ обѣдовъ не переѣшь, шампанскимъ хоть обливайся, да все я останусь въ орбитѣ строкулистовъ, а я по милости Божіей и всемилостивѣйшаго государя коллежскій совѣтникъ, по точной силѣ слова закона есмь лучший дворянинъ; мнѣ по всѣмъ правамъ слѣдуетъ быть бояриномъ, а боярину слѣдуетъ имѣть крестьянъ; безпомѣстный дворянинъ хуже бобыля, бобыль можетъ наняться въ работники, а дворянину это воспрещено закономъ; дворянину уѣздное казначейство плаката не выдаетъ! Правда, мнѣ подарили просителя семьи три, четыре крѣпостныхъ, да это плюѣ (плюѣ на подъяческомъ аргѣ значить—бездѣлица, малость). Такъ разсуждалъ Иванъ Антоновичъ и ухватилъ хитрый свой умъ въ зубы; во что бы то ни стало, говорилъ онъ себѣ, а буду помѣщикомъ! Благотворно вѣющее на него счастье подслушало Антоновича и взявъ попутный вѣтръ, надувая паруса ворабля, приноситъ благополучно въ гавань, такъ счастье толенуло ему въ лапы богатую добычу. Вдовствующая, богатая по мужу, дама прибѣгла вскакъ милостиваго покровительства г. оберъ-секретаря Пукалова; вотъ въ чемъ дѣло состояло. Дама, по несходству нравовъ съ возлюбленнымъ супругомъ, не могла жить даже подъ одною кровлею и они жили въ разныхъ домахъ, но въ одномъ городѣ; дама никакого достоинства не имѣла, у супруга было тысячи двѣ крѣпостныхъ христіанскихъ душъ. Онъ изъ великодушія или по тому



уваженію, что супруга носить его имя, давалъ ежегодно 12,000 руб. ей на содержаніе и они видали другъ друга въ публичныхъ собраніяхъ; кто не зналъ, что супруги живутъ розно, прозакладывалъ бы свою голову, что они живутъ какъ голубь съ голубкою. Увы! добрый, снисходительный супругъ умираетъ,—событіе обыкновенное, продолжающееся безостановочно семь тысячъ лѣтъ, да вотъ что было въ этомъ обыкновенномъ или естественномъ случаѣ необыкновеннаго, неестественнаго,—что по кончинѣ супруга у дамы оказалась прижитая имъ съ супругою дочь, какъ то утверждала дама супруга. Возникло со стороны законныхъ наслѣдниковъ къ имѣнію умершаго опроверженіе, процессъ; наслѣдники доказывали, что супруги послѣ бракосочетанія, которому совершилось уже 15 лѣтъ, не прожили 7 мѣсяцевъ вмѣстѣ съ супругомъ, а дѣвицѣ, называемой дочерью покойнаго, 13 годовъ отъ рожденія, и что по симъ яснымъ и никакому опроверженію неподверженнымъ доказательствамъ дѣвицу не слѣдуетъ призвать дочерью въ Божѣ почившаго супруга, что они узаконнаго права на выдѣлъ вдовѣ изъ имѣнія седьмой недвижимаго и четырнадцатой движимаго частей не прекословятъ, а требуютъ предоставить по закону имѣніе имъ, какъ прямымъ и единственнымъ по поколѣннородословной росписи наслѣдникамъ. Началось совѣщаніе у вдовы съ оберъ-секретаремъ и по зрѣломъ соображеніи Иванъ Антоновичъ бояринѣ сказалъ:

— „Извольте, сударыня, я возьмусь обладать дѣло, да только съ условіемъ“.

Обрадованная отзывомъ оберъ-секретаря вдова вскрикнула: батюшка, Иванъ Антоновичъ, готова сколько изволишь назначить, отецъ!

— „Нѣтъ, сударыня! возразилъ оберъ-секретарь, не этимъ пахнетъ“!

— Да что-же, отецъ, тебѣ угодно, скажи Бога ради, не томи души!

— „Выдайте за меня вашу дочь!“

Вдовствующая челобитчица пришла отъ предложенія въ смущеніе, не знала, что и какъ ему на это отвѣчать, наконецъ, сказала: да моя дочь еще ребенокъ, ей недавно минуло 13 лѣтъ.

— „Ну, сударыня, возразилъ оберъ-секретарь, какъ говорить пословица: „либо рыбку съѣсть или на гвоздь сѣсть!“ Какъ вамъ

угодно, безъ этого я не берусь обработать ваше дѣло. Рѣшайтесь скорѣе, пока и для меня есть возможность спустить дѣло ваше какъ по маслу. По стеченіи обстоятельствъ, для васъ совершенно чуждыхъ, и вамъ нѣтъ никакой надобности знать оныхъ, скажу вамъ, что теперь у меня всѣ три бороды въ горсти и я какъ хочу, такъ и поворочу, но вмѣстѣ съ этимъ скажу вамъ, продолжалъ Пукаловъ, что эта счастливая эпоха не долговременна: еще два, три засѣданія полнаго присутствія въ синодѣ и бороды выскользнутъ у меня изъ горсти, какъ щеглыта изъ западни; подумайте, сударыня, быть можетъ въ другой разъ и не будетъ возможности, надо ковать желѣзо пока оно горячо!"

Вдовствующая дама со вздохомъ спросила Ивана Антоновича: да что-жъ со мною будетъ, при чемъ я останусь?

Оберъ-секретарь, со всею важностью сана своего, отвѣчалъ просительницѣ:

— „Увѣрю васъ честію и всѣмъ, что свято на землѣ (какъ будто онъ зналъ, что такое есть честь и что свято на землѣ!), увѣрю васъ, сударыня, продолжалъ онъ, ваше положеніе ни въ чемъ на волосъ не измѣнится; дочь ваша, конечно, еще молода, мы ее побережемъ до совершеннолѣтія и до того времени я всегда готовъ къ услугамъ вашимъ, когда вамъ будетъ угодно!"

Соображеніе женщинъ быстро, какъ полетъ стрепета; вдова въ 45 приложила 4, итого вышла плюсъ 49 годовъ,—лѣта, въ которыхъ магнетизмъ женщины находится въ отрицательномъ состояніи, не привлекаетъ, а отталкиваетъ,—склонила немного голову, закрыла до половины глаза и, протянувъ руку Ивану Антоновичу, сказала: „согласна“. Черезъ семь дней Иванъ Антоновичъ былъ соединенъ законнымъ бракомъ съ дочерью вдовствующей дамы; въ то время не существовало рѣшительно положительнаго узаконенія о годности дѣвицъ къ сочетанію бракомъ; да если что и тождествовало о семъ въ номоканонахъ, да оберъ-секретаря святѣйшаго синода съ куклюю обвѣнчали-бы!

Вскорѣ по бракосочетаніи рѣшили процессъ вдовствующей дамы съ наслѣдниками мужа о наслѣдствѣ и признаніи дочери ея законною. Въ рѣшеніи сказано: „по видимости хотя казалось, что супруги N. N. жили въ разныхъ домахъ, но они жили въ одномъ городѣ; что ихъ видали въ общественныхъ собраніяхъ, во взаимно пріязненныхъ отношеніяхъ и деликатномъ обращеніи;

что въ метрикѣ церкви, въ приходѣ которой состоитъ домъ, гдѣ жительствоваала супруга покойнаго, рожденная ею дочь записана законнорожденною;—то, основываясь на сихъ ясныхъ доказательствахъ, святѣйшій синодъ не находитъ достаточныхъ причинъ къ непризнанію дочери ея законною.

Разительное сходство умозаключенія синода съ умозаключеніемъ индійцевъ.

Въ 1819 году въ Астрахани я былъ на пированіи у богатѣйшаго милліонера индійца Мугундаса Терендасовича, которое онъ далъ, можно сказать, всѣмъ жителямъ города, по случаю полученнаго радостнѣйшаго увѣдомленія отъ молодой его супруги, съ которою Мугундасъ Терендасовичъ не видался уже семь годовъ; супруга извѣщала милаго ей Мугундаса, что она, таковаго числа, видѣла его во снѣ, что они пошли въ прекрасный садъ на берегу Ганга и тамъ, въ восторгѣ и упоеніи сладостнѣйшихъ чувствъ, онъ, Мугундасъ, милый ея супругъ, нѣжно поцѣловалъ ее, и что слѣдствіемъ сего супружескаго поцѣлуя было разрѣшеніе ея отъ бремени сыномъ, котораго въ честь ему назвали Мугундасомъ!

Вотъ Иванъ Антоновичъ зажилъ паномъ (завель) щегольскойэкипажъ, началъ давать лакомые обѣды и представлять аристократа, временемъ созданнаго, могъ жить честно и въ довольствѣ. Премудро Соломонъ сказалъ: „не насытится око зрѣніемъ, а умъ богатствомъ“. Антоновичъ хотѣлъ больше стяжать богатства; фортуна всегда его баловала, онъ пожелалъ—и средство къ обогащенію на дворъ.

Два брата, богатые милліонщики, заводчики Баташевы жили въ добромъ согласіи; у каждаго достоянія было на многіе милліоны; умерли; одинъ оставилъ двухъ или трехъ сыновей, другой, женувшійся подъ старость, оставилъ одного сына въ дѣтствѣ еще; наследники перваго начали опровергать законное рожденіе малолѣтнаго, утверждая, что ихъ дядя, отецъ малолѣтнаго, никогда не былъ женатъ и поэтому все имѣніе послѣ дяди принадлежитъ, по праву наследства, имъ, какъ ближайшимъ и единственнымъ его наследникамъ. Въ старинѣ нашей говаривали: „помути, Боже, народъ, покорми насъ, воеводъ“. Нынѣ (1848 г.) и нѣтъ этой поговорки: а народу не лучше,—его мутятъ со всѣхъ сторонъ.

Процессъ Баташевыхъ—продолженіе процесса вдовствующей

дамы, его тещи; въ первомъ надобно было признать незаконную дочь законной, во второмъ — или Баташевскомъ — законнаго называть незаконнымъ. Бавшишь, какъ говорятъ азіятцы (подарокъ), посулень огромный, а дѣло на подъяческомъ арго щекотливо до такой степени — иглы подточить нельзя, даже запутать снова невозможно; что-же Иванъ Антоновичъ придумалъ? Онъ вытребовалъ въ синодъ изъ всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ дѣло по инстанціямъ проходило, всѣ производства и, отправляясь въ Москву по случаю коронаціи Александра I, — не умѣю сказать ради какой по службѣ надобности, — взялъ купно съ прочими канцелярскими бумагами и дѣло Баташева и, отъѣхавъ отъ Петербурга версть 400, подъ предлогомъ усталости, остановился ночлеговать, гдѣ сжегъ повозку, нагруженную дѣлами, и домъ крестьянина, для отвода подозрѣнія.

Но на сей разъ фортуна Пукалову обратилась спиною и онъ былъ отставленъ отъ службы навсегда.

Въ бездѣйствіи и неизвѣстности Пукаловъ оставался до возстанія Аракчеева изъ опалы; когда подъ Аустерлицомъ французы отняли у насъ почти всю артиллерію, тогда Аракчеевъ былъ назначенъ военнымъ министромъ и Иванъ Антоновичъ принятъ въ службу и въ непродолжительное время видѣли Пукалова уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ! Онъ былъ философъ — не знаю какой секты или, лучше сказать, секты, собственно имъ придуманной; онъ умъ и совѣсть считалъ товаромъ и продавалъ ихъ тому, кто больше даетъ денегъ; тѣло супруги также отпускалъ напрокатъ, да графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ абонировалъ тѣло г-жи Пукаловой на безсрочное время. Иванъ Антоновичъ, наконецъ, уклонился отъ службы по собственному желанію, но какъ абонемента тѣла супруги его продолжался, то онъ былъ у графа домашнимъ человѣкомъ, другомъ дома и занимался промышленностью — доставленіемъ желающимъ табуретовъ (табуретками Пукаловъ называлъ орденскія звѣзды) и миндалій (миндалами онъ называлъ медали) à prix fixe.

Табуретка стоила 10,000 руб., миндаля — 5,000 руб.

Анекдотъ: графъ Федоръ Васильевичъ Растопчинъ и графъ Аракчеевъ были приглашены къ императору кушать. За обѣдомъ Аракчеевъ началъ разговоръ о томъ, что у насъ пере-

велись вельможи, нѣтъ временщиковъ, что въ залахъ знатныхъ не толпятся. Растопчинъ, посмотрѣвъ на Змѣя Горынича,—такъ всѣ звали Аравчеева,—сказалъ:

— „Да, въ залахъ не толкутся, а есть дома, предъ которыми проѣзду нѣтъ. Третьяго дня вечеромъ везли меня по Фонтанкѣ отъ Симеоновскаго моста, вдругъ карета моя остановилась; я думалъ, что изломалось что либо у кареты, опустилъ стекло и спросилъ: для чего остановились? человекъ отвѣчаетъ: „каретами вся улица застановлена, а напротивъ, въ оставленномъ проѣздѣ, обозъ съ камнемъ идетъ, своротить некуда“. У кого-же такой большой сѣвдъ? спросилъ я. Стоявшіе вучера отвѣчали мнѣ: „у Пукалочихи, баринъ“. Признаюсь, никогда не слышалъ я о знатной боярынь Пукалочихѣ“.

Аравчеевъ закусилъ губу и оливковый цвѣтъ лица превратился въ багрово-желтый.

#### XIV.

Ужасно вспомнить! четыре года ожидать ежеминутно бѣдствія, быть во всегдашнемъ тревоженіи духа, не быть увѣреннымъ—правильны-ли, точны-ли даннымъ повелѣніямъ дѣйствія въ исполненіи, ибо все зависѣло отъ каприза, прихоти, какъ видимъ избалованнаго ребенка, который царапаетъ лицо кормилицѣ за то, что подаренная ему кукла не отвѣчаетъ на его лепетанье. Таковой быть хуже каторги—нѣтъ! несноснѣе смерти! Не хочется умереть, разстаться со свѣтомъ, да это бываетъ одинъ разъ—и все кончилось. Непроницаемая занавѣсъ опустилась и отдѣлила навсегда извѣстное отъ неизвѣстнаго. Въ утѣшеніе оставшимся на поприщѣ извѣстномъ поютъ громко: „идеже нѣсть болѣзни, печали и въздыханія, но жизнь безконечная“. Каждое утро, отъ генерала до прапорщика, всѣ, отправляясь на вахтъ-парадъ, шли какъ на лобное мѣсто. Никто не зналъ чтò его тамъ ожидаетъ. Ссылка въ Сибирь, заточеніе въ крѣпость, затвореніе и всегдашнее безмолвіе, какъ въ могилѣ, въ номерѣ неизвѣстныхъ.

Бывали награды и милости, щедро расточаемые на вахтъ-парадахъ, жаловали въ генералы за то, что громко, по нашему, про-

кричить командныя слова. Стая фельдъегерей и нѣсколько кибитокъ были при вахтъ-парадѣ въ готовности схватить несчастнаго и мчать его туда, куда воронъ и костей его не занестъ, — собственныя, изустно мнѣ сказанныя, слова Павломъ Петрови-чемъ въ Москвѣ, 1797 года, въ военной залѣ дворца въ Лефортовой слободѣ.

Прошло много лѣтъ послѣ ужаснаго четырехлѣтія; я, кочующая голова, приютился на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ Бѣлокаменной, въ томъ градѣ, гдѣ я въ первый разъ въ жизни моей заплакалъ.

Вижу на стѣнѣ дома г. Шипова у Никольскихъ воротъ преогромнѣйшую вывѣску, представляющую индѣйскую змѣю боа. Я вошелъ въ комнаты, гдѣ жительство имѣла змѣя боа, за рубль серебромъ. М-г français de nation officieusement помѣстилъ меня, по его мнѣнію, на лучшее, а по моему худшее мѣсто, съ котораго я видѣлъ отвратительнѣйшія дѣйствія алчнаго боа. Повѣрите-ли, какое сравненіе вдругъ въ мысль мнѣ, какъ изъ глубокой пропасти, вскочило, когда я увидалъ боа глотающаго живыхъ куръ, индѣекъ, козленковъ и барановъ. Вотъ такъ насть, сравнивалъ я, въ продолженіи 4 лѣтъ на вахтъ-парадахъ глотали (разные Аракчеевы и т. п. временщики).

При восшествіи на тронъ молодаго монарха Александра Павловича всѣ исключенные были приняты въ службу, заключенные въ заточеніе и сосланные въ Сибирь на житье или въ каторжную работу не по суду, а по особому повелѣнію въ прежнее царствованіе, которыхъ могли отыскать—освобождены и возвращены.

По списку извѣстныхъ считалось генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, также гражданской службы чиновниковъ—12 тысячъ душъ.

Слѣдовательно, въ продолженіи 4 лѣтъ несчастныхъ было по 3000 на годъ, каждый мѣсяць 250, каждый день 80 человѣкъ слишкомъ, 10 лицъ осталось—на части человѣка дѣлить нельзя.

## XV.

1801 года, марта 13-го числа, вмѣстѣ съ обнаруженіемъ манифеста о восшествіи на тронъ Александра, заскрипѣли всѣ затворы на заржавыхъ крюкахъ въ Петропавловской въ С.-Петербургѣ вѣрности и 900 человекъ увидѣли свѣтъ Божій, были возвращены обществу.

Я находился тогда инспекторскимъ адъютантомъ генераль-фельдмаршала, генераль-инспектора всей кавалеріи и военнаго губернатора въ первопрестольной столицѣ Москвѣ. Изъ шести состоявшихъ при фельдмаршалѣ остался одинъ я! Мѣсяца за три предъ кончиною царя почта привезла намъ всемилоостивѣйшій приказъ, отданный на вахтъ-парадѣ при паролѣ, въ которомъ безъ всякаго объясненія побудившихъ причинъ было сказано: исключаются изъ службы адъютанты генераль-фельдмаршала графа Салтыкова 2-го, подполковникъ Петровскій, майоръ Алексѣевъ, штабъ-ротмистръ Брокъ, поручики Ленъковскій и Петровскій.

Государь былъ въ гнѣвѣ на фельдмаршала, за что—объ этомъ гдѣдетъ Богъ, и дѣло будетъ разсмотрѣно на Асафатовой долиниѣ, гдѣ стануть всѣ на неумытныи судъ въ равномъ достоинствѣ.

Моя всегда была обязанность распечатывать куверты въ присутствіи фельдмаршала, прочитывать присланныя бумаги и отмѣчать на полѣ каждой приказанія его.

Когда я прочиталъ приказъ о выключеніи его адъютантовъ, фельдмаршалъ, улыбнувшись, сказалъ мнѣ:

— „Читай далѣе, не будетъ ли чего обо мнѣ и о тебѣ, быть можетъ *on nous a gardé pour la bonne bouche*“.

Что сказать о томъ, что генераль-интендантъ арміи, вк. Дмитрій Петровичъ Волконскій, чрезъ недѣлю выпросилъ у государя Павла Петровича старшимъ совѣтникомъ при гофъ-интендантѣ; московскій оберъ-полицеймейстеръ, генераль-майоръ Эртель, выпросилъ майора Алексѣева, съ пожалованіемъ въ чинъ подполковника, въ полицеймейстеры; Ленъковскій и Петровскій были опять опредѣлены, по представленію фельдмаршала, на службу гражданскую; товарищъ и другъ мой Федоръ Ивановичъ Брокъ,

родомъ прусаекъ, не захотѣлъ опять вступить на службу, говоря: „не хочу дѣль имѣть съ такими народами!“ Остался, по убѣжденію фельдмаршала и супруги его, графини Даріи Петровны, при единственномъ сынѣ ихъ, графѣ Петрѣ, менторомъ.

Фельдмаршалъ готовился къ принятію громовой опалы царской, (а потому) приказалъ шталмейстеру своему, маіору Никитѣ Ивановичу Захарову, приготовить экипажи дорожные и всю упряжь; фельдмаршалъ думалъ, что его сошлютъ жить въ деревняхъ своихъ и хотѣлъ отправиться на житье въ низовыя свои вотчины на Суру въ Симбирской губерніи; хотѣлъ ѣхать на своихъ лошадяхъ, да иначе не было бы возможно; для подъема его дома было потребно 350 лошадей. Въ двѣ недѣли экипажи и лошади у Захарова были въ такой готовности, что когда угодно было можно приказать запрягать лошадей.

Мнѣ добрый мой начальникъ сказалъ: „не горюй, выключать тебя, будь увѣренъ—я тебя не покину, приготовься со мною къ отъѣзду“.

Я благодарилъ графа за его милостивое благорасположеніе. Фельдмаршалъ, посмотрѣвъ пристально мнѣ въ глаза, сказалъ мнѣ съ миною на лицѣ, какой я у него во все время моеѣ бытности при немъ не видалъ:

— „Эта кутерьма долго существовать не можетъ!“

Слова замѣчательныя, скрижали исторіи.

Государь написалъ фельдмаршалу своеручно рескриптъ, въ которомъ императоръ всемилостивѣйше соизволялъ законически изложить высочайшую свою волю сими словами:

— „Господинъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-й. Дѣлаю вамъ послѣдній выговоръ!“ и болѣе ничего въ рескриптъ не было сказано. Кратко, но ясно.

Ровно шесть недѣль томились мы ожиданіемъ объявленія высочайшей воли.

Настала погода, называемая на святой Руси началомъ весны, такой поры, когда въ благословенномъ царствѣ русскомъ съ большимъ затрудненіемъ путешествуютъ по образу пѣшаго хожденія, а на повозкахъ, и колыми паче въ каретахъ, коляскахъ, ѣдутъ съ большою опасностью—коли не быть убитымъ до смерти, то быть изуродованнымъ. Фельдмаршалъ не одинъ разъ повторялъ:

— „Вотъ придется тащиться въ самую ростопись“.



Казалось, онъ негодовалъ на замедленіе опалы.

Высокихъ достоинствъ, высокаго ума и образованія, добрейшая женщина, супруга фельдмаршала графиня Дарья Петровна, рожденная графиня Чернышева, не переставала, какъ и прежде, съ самаго ея прибытія въ Москву, быть примѣромъ высокой нравственности, примѣромъ христіанской добродѣтели и простаго, но благороднѣйшаго и деликатнаго обращенія въ обществѣ. Каждый день обѣдало у графини 30—40 человекъ дамъ и мужчинъ, каждый вечеръ 80—100 человекъ обоего пола гостей наполняли залы фельдмаршала и ни одно лицо не оставляло хозяевъ безъ чувствъ искренняго уваженія и преданности. Если Всемогущему будетъ угодно продлить мнѣ жизнь еще на семьдесятъ три года, я никогда не перестану благословлять память въ Бозѣ почившей, никогда не вспоминаю о графинѣ безъ чувствъ благоговѣйнаго уваженія и чистѣйшей благодарности. Графиня сдѣлала для меня чего не могла сдѣлать моя родительница. Я имѣлъ счастье слышать въ разговорахъ сужденія графини Дарьи Петровны, изъ вонюхъ понялъ и уразумѣлъ, что можно быть отличнѣмъ кавалерійскимъ офицеромъ и быть невѣждою, неотесаннымъ болваномъ. Я могъ славно командовать на ученіи не только эскадрономъ, полкомъ, дивизіею, да пожалуй цѣлымъ корпусомъ; знаменитый Федоръ Петровичъ Уваровъ, поступивъ изъ реформированнаго Кинбургскаго драгунскаго въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, у меня учился и команднымъ словамъ, и маршировкѣ въ пѣшемъ строю, и приѣмамъ ружья въ эзерциціи, а Федоръ Петровичъ у насъ чуть чуть не попалъ въ Бунопарты!

Да будетъ на вѣки благословенна память твоя, благочестивая жена! Да повоюетъ душа твоя на лонѣ Авраамлѣ съ миромъ до радостнаго утра. Тебѣ одной, тебѣ обязанъ я благодарностью, что я отправился въ Геттингенъ; правда, время было уже утрачено, я былъ уже поврежденный сосудъ, но благодарю Создателя—вору невѣжества съ меня поскоблили и я возвратился изъ Германіи не свиньей, а похожимъ на человѣка.

15-го или 16-го числа марта, не упомяну твердо, утомленный докладомъ бумагъ фельдмаршалу, вышелъ я изъ кабинета и сѣлъ у окна на Большую Тверскую улицу и площадь предъ домомъ, главноначальствующимъ занимаемомъ; тогда, по высочайшему повелѣнію, домъ, гдѣ жилъ фельдмаршалъ, именовался Тверскимъ

дворцомъ и при домѣ, для содержанія его въ должной чистотѣ и исправности, былъ отряженъ гофъ-фурьеръ двора его императорскаго величества, но при немъ никакого штата не было. На дворѣ шли вмѣстѣ, и другъ друга смѣняя, дождь и снѣгъ; дуть вѣтеръ, на улицѣ собаки не было, одинъ часовой напротивъ дома устроенной гауптъ-вахты, державъ ружье по уставу, отъ дождя мокнулъ какъ фонарный столбъ; въ будку часовой войти не могъ: онѣ, по особому повелѣнью, такъ устроены, чтобы въ нее часовой войти не могъ. На что же будка? „Скажи враже, яѣ панъ каже!“

Вдругъ слышу вдали звонъ почтарскаго колокольчика; я взглянулъ въ окно, у подъѣзда остановились двое обшивней, изъ первыхъ, съ помощью фельдъегерей, выѣзжали два генерала, Анненскаго ордена 1-го класса ленты по мундиру, опоясаны шарфами. Одного я тотчасъ узналъ.

Это былъ года за два выгнанный изъ службы военной въ штатскую московскій оберъ-полицеймейстеръ Павелъ Никитичъ Каверинъ; за два три мѣсяца онъ укралъ у Бухвостова свору борзыхъ: Муругова кобеля, Налета и красноподпалую суку Занозу, знатныхъ собакъ,—первая была свора по всей садки. Иванъ Николаевичъ Кирсановъ давалъ Бухвостову сто душъ крестьянъ въ Бѣлоруссiи за свору. Дуралей не уступилъ, не хотѣлъ разстаться съ Налетомъ и Занозою! Сто душъ крестьянъ живыхъ, (не только) живыхъ по ревизскимъ сказкамъ, не то, отнюдь не то, какъ повѣствуетъ Гоголь о мертвыхъ душахъ, нѣтъ! Иванъ Николаевичъ Кирсановъ былъ человекъ благородный, на черное дѣло не способный, и вымѣненные сто душъ крестьянъ на Налета и Занозу перешли бы во владѣнiе позднѣйшаго потомства въ родѣ Бухвостовыхъ. Да что дѣлать, какъ говоритъ пословица: „дураковъ не орутъ, не сѣять, сами родятся“. Да Бухвостовъ и зналъ еще о томъ предварительно, что у него хотять украсть знаменитую свору: добрый другъ по собакамъ, собачникъ Иванъ Михайловичъ Волынской, не задолго отвозившiй въ Питеръ также лихую свору подвѣсть его сiятельству графу Ивану Павловичу Кутайсову, шепнулъ въ четырехъ глазахъ Бухвостову:

— „Николай Ивановичъ, держи ухо востро, а глаза возьми въ зубы; гр. Иванъ Павловичъ знаетъ о твоей сворѣ, при всѣхъ изволилъ сказать: ничего не пожалѣю, все для того сдѣлаю, кто мнѣ доставитъ Бухвостова свору: Налета, Муругова и Занозу!“

Бой, братъ, неровень, за черную суку Цыганку Скуратова Иванъ Павловичъ, знаешь, Дмитрія (Александр.) Бахметева въ Тамбовѣ въ губернаторы махнулъ! Бахметевъ дѣла на волосъ не смыслить, да у него есть секретарь Антонъ Семеновичъ Зміевъ, изъ духовнаго званія, доставляетъ Бахметеву 200 и болѣе тысячь рублей въ годъ доходу. А, каково? Правду сказать, Бахметевъ былъ на волосъ отъ смерти; молить ему Богу за Нефеда. Ахъ! тройку вороныхъ казанскихъ онъ добылъ ему, подлинно, какъ говорится, убить да уйтить! 60 верстъ въ 3 часа махнулъ Нефедъ! Лошади запомились, Бахметевъ выкинулъ Нефеду по 700 руб. за голову, да подарилъ сукна на кафтанъ и милютинской фабрики кушакъ съ золотомъ; да своя башка, братъ, не того стоитъ; какъ ты, а я своею за сибирское генераль-губернаторство не соглашусь рисковать! Нагони его Скуратовъ, — ну только и жилъ Бахметевъ!”

Николай Ивановичъ Бухвостовъ былъ женатъ, супруга его Екатерина Николаевна, рожденная Вердеревскихъ, воплощенный ангелъ красоты тѣлесной и рѣдкихъ добрыхъ качествъ душевныхъ женщина, не могла утѣшить тоскующаго супруга о потерѣ своры кобеля Муругова, Налета и суки, красноподпалой Занозы! Боже! неужели по Твоему промыслу на землѣ негодня, дураки обладаютъ сокровищами? Нѣтъ, люди сами тому виновны, Ты далъ человѣку часть божества Твоего—умъ и волю, послѣдняя въ человѣкѣ преобладала и сосудъ чистый осквернила грязью.

Другаго генерала я не узналъ, какъ онъ выгѣзалъ изъ саней; это былъ кн. Сергѣй Николаевичъ Долгорукій, прозванный въ обществѣ Каламбурчъ.

Отъ окна я поспѣшилъ въ кабинетъ фельдмаршала предвѣрять его о томъ, что видѣлъ, будучи въ полномъ увѣреніи, что судьба фельдмаршала, и вмѣстѣ съ ней моя, рѣшена: какой выпалъ изъ колеса билетъ, черный или сѣрый,—бѣлыхъ билетовъ въ то время изъ колеса не выпадало или очень рѣдко. Едва успѣлъ я доложить фельдмаршалу о прибытіи двухъ генераловъ, фельдмаршалъ хладнокровно, безъ наималѣйшаго безпокойства, отвѣчалъ мнѣ: „посмотримъ, что еще будетъ?“ какъ оба генерала, кн. Долгорукій и Каверинъ, вошли въ кабинетъ. Кн. Долгорукій поднесъ фельдмаршалу кувертъ и говорилъ:

— „Государь императоръ Александръ Павловичъ изволилъ мнѣ повелѣть вручить его величества рескриптъ“, и вмѣстѣ подавая фельдмаршалу печатный манифестъ о вступленіи на тронъ Александра, Долгорукій сказалъ: „императоръ Павелъ скончался!“

Фельдмаршалъ вскрылъ кувертъ, прочелъ рескриптъ, слеза навернулась на глазахъ и, оборотясь ко мнѣ, приказалъ, чтобы я сейчасъ привезъ къ нему оберъ-прокурора сената общаго департаментовъ собранія Щетнева (Лаврентій Николаевичъ, родной братъ кн. Екатерины Николаевны Лопухиной).

Я взялъ карету, привезшую внучатъ фельдмаршала, дѣтей тайнаго совѣтника Мятлева, и поскакалъ отыскивать Щетнева.

Было уже 10 часовъ утра. Въ сенатѣ Щетнева я не сыскалъ, а нашелъ въ ратгаузѣ, гдѣ онъ также присутствовалъ въ качествѣ перваго члена. Щетневъ былъ уже предваренъ о приѣздѣ Долгорукова и Каверина директоромъ камеральнаго департамента Барковымъ (Николай Александровичъ, дѣйств. стат. совѣтникъ), который послѣшилъ увѣдомить Щетнева о приѣздѣ двухъ генераловъ, но не могъ сказать ему о причинѣ ихъ прибытія. Я нашелъ Щетнева блѣднаго, лихорадка приводила тѣло его въ дрожь; какъ сильный крещенскій морозъ коверкаетъ солдатъ во фронтѣ при окрапленіи знамени освященною водою въ рѣкѣ. Когда я предложилъ Щетневу ѣхать со мною къ фельдмаршалу, пароксизмъ лихорадочный въ немъ учетверился и онъ едва могъ сказать мнѣ:

— „Извольте, ѣдемъ, повинуюсь!“

Фельдмаршалъ приказалъ Щетневу немедленно созвать 22-хъ сенаторовъ въ общее собраніе для выслушанія высочайшаго манифеста все милостивѣйшаго государя императора нашего Александра I о восшествіи его величества на прародительскій престолъ и принятіи присяги его величеству въ Успенскомъ соборѣ.

Императоръ Павелъ скончался.

Архіерею Серафиму (онъ былъ викаріемъ, высокопреосвященный митрополитъ жилъ всегда въ Вифаніи, построеномъ имъ монастырѣ, въ 60 верстахъ отъ Москвы и въ 5 верстахъ отъ Троицко-Сергіевой лавры) написалъ фельдмаршалъ увѣдомленіе о восшествіи и просилъ прибыть въ Успенскій соборъ привести сенатъ и народъ къ присягѣ на вѣрность службы и подданства его императорскому величеству императору Александру I.

Въ часъ пополудни фельдмаршалъ въ парадной каретѣ поѣхалъ въ сенатъ; свиту его составлялъ одинъ я; у него былъ я тогда одинъ адъютантъ. Тысячи народа окружали карету, всѣ шли шапки въ рукахъ.

По прибытіи въ сенатъ и объявленіи высочайшаго восшествія государя Александра Павловича на тронъ, фельдмаршалъ, въ сопровожденіи всѣхъ сенаторовъ, шелъ изъ сената въ соборъ пѣшкомъ. Народъ наполнилъ Кремль до того, что негдѣ было упасть лбюу. Въ соборномъ храмѣ съ большимъ трудомъ фельдмаршалъ и сенаторы могли дойти до амвона. По установленной формѣ при таковыхъ случаяхъ манифестъ читаетъ на амвонѣ правительствующаго общаго собранія департаментовъ оберъ-секретарь и какъ только оберъ-секретарь произнесъ слова: „судьбамъ Всевышняго было угодно прекратить жизнь любезнаго нашего родителя апоплексическимъ ударомъ“, весь народъ, въ церкви находившійся, положилъ на себя знаменіе креста....

## XVI.

Буду продолжать еще разсказъ о четырехъ-лѣтнемъ страданіи отечества. Злобѣ, мщенію, корыстолюбію, зависти, — словомъ, всѣмъ смертнымъ грѣхамъ врата были отверсты! всякому негѣпому, глупому доносу давали вѣру.

Екатерина II, отправляя своихъ губернаторовъ, изволила всегда изустно имъ приказывать: „не всякому слуху вѣрь, но ни единого не оставь безъ дознанія; не должно пренебрегать и ничтожнейшимъ врагомъ, дуракъ кинетъ въ рѣку камень, сотня умныхъ его не вытащитъ!“

Этому правилу не слѣдовали: какъ скоро доходилъ доносъ, фельдъегеря скакали по указанію, брали, вязали и везли, такъ сказать, прямо на лобное мѣсто. Мы никого не видали во все четырехъ-лѣтіе оправданнымъ и отпущеннымъ изъ Петербурга. Если не присылался фельдъегерь взять кого по назначенію, то присылали сыщика не для слѣдствія, а учинить розыскъ. Гг. розыскные мастера находили свои выгоды находить всегда виновными, а не оправдывать невинныхъ; за сысканіе виновныхъ ро-

зысныхъ мастеровъ награждали чинами и орденами; жажда казать тогда царствовала.

Въ царскихъ палатахъ учинилась пропаша. Украли двѣ или три иконы въ золотыхъ обладахъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями. Въ Москву былъ присланъ розыскной мастеръ, надворный совѣтникъ Щекатихинъ, человекъ извѣстный во всей Европѣ, быть можетъ и во всѣхъ частяхъ свѣта, если туда дошло сочиненіе г. Коцебу: *L'année mémorable de ma vie*. Г. Щекатихинъ отвозилъ г. Коцебу въ ссылку въ Сибирь.

Въ именномъ повелѣніи было сказано: „допустить надворн. совѣтника Щекатихина въ розыску, не стѣняя его ни въ чемъ въ дѣйствіяхъ, и придать ему, по его избранію, въ помощь полицейскихъ чиновниковъ“.

Щекатихинъ избралъ въ сотрудники московскаго полицеймейстера, колл. совѣтн. Петра Ивановича Давыдова. Не смѣю сказать о Давыдовѣ, что онъ былъ злой человекъ, нѣтъ! онъ мучилъ, тиранилъ людей, будучи увѣреннымъ, что онъ тѣмъ исполняетъ долгъ присяги и вѣрнопопданства. Онъ всегда говаривалъ:

— „Я цаловалъ крестъ и святое евангеліе на вѣрность великому государю. Провалюсь сквозь землю, а не измѣню“.

Началась потѣха. Давыдовъ по какому-то подозрѣнію пригнулъ къ розыску трехъ человекъ: двухъ мѣдныхъ мастеровъ и московскаго мѣщанина, торговавшаго на площади на рогожѣ разными старыми вещами. Быть можетъ мѣщанину случалось покупать вещи у носящихъ и краденныя. Въ пять, шесть дней, во второй допросъ, Щекатихинъ и Давыдовъ вырвали сознание у мѣдниковъ и мѣщанина, которые, чтобы избавиться мученій, говорили, что они виноваты. На вопросъ: гдѣ образа? отвѣчали, что похитители уѣхали съ повражею на Ростовскую ярмарку, надѣясь тамъ удобнѣе сбыть съ рукъ оклады и образа. Довольно! ихъ перестали тиранить, но предали сужденію по законамъ въ уголовной палатѣ! Что еще судить истерзаннаго человека? Палата приговорила ихъ наказать нещадно кнутомъ, вырѣзать ноздри и сослать въ ваторжную работу. Розыскной мастеръ Щекатихинъ поскакалъ въ Ростовъ отыскать и схватить похитителей; разумѣется, въ Ростовѣ на ярмаркѣ Щекатихинъ ни похитителей, ни похищеннаго не нашель, но начатымъ розыскомъ ярмарку разогналъ. Бѣлая часть богатыхъ торговцевъ съ ар-

марки уѣхали, торговое сословіе потерпѣло на милліоны убытковъ; потребители, искавшіе товары, остались безъ удовлетворенія и также потерпѣли большое разстройство въ промыслахъ и домоводствѣ.

Не знаю, чѣмъ былъ вознагражденъ за подвигъ герой Щекатихинъ, а Давыдову за усердное и ревностное содѣйствіе въ отысканіи похитителей объявлено благоволеніе.

Щекатихинъ изъ Ростова поскакалъ въ Тамбовъ, оттуда на Донъ, съ Дона въ Херсонъ и чрезъ три мѣсяца тщетныхъ поисковъ не отыскалъ похитителей. Въ скоромъ времени по возвращеніи розыскаго мастера открыто въ Петербургѣ, что похититель образцовъ былъ чухонецъ-дровнось во дворцѣ, котораго также не могли отыскать; онъ бѣжалъ въ Швецію.

Я укорялъ Давыдова въ семь злодѣяніи, но удостовѣрился въ томъ, что онъ дѣйствовалъ не соумышленно Щекатихину, въ чаяніи получить награду, а по убѣжденію, что онъ цаловаль крестъ на вѣрнопопданство.

— „Мы долго сѣкли вощками ихъ, говорилъ Давыдовъ, они, т. е. упомянутые три мнимыхъ преступника, не сознавались, да Щекатихинъ придумалъ свернуть имъ канатомъ голову въ утку; это дѣлается такъ: наложить на голову канатъ довольно толстый и, пропустивъ подъ канатъ воль, начнуть канатъ закручивать; ну, десяти минутъ ни одинъ не вытерпитъ, зареветь и кричить: „виновать Богу и государю, пустите душу на показаніе!“

## XVII.

Пріѣхалъ въ Москву симбирскій дворянинъ Алексѣй Емельяновичъ Столыпинъ, себя и дочерей своихъ показать, добрыхъ людей посмотриѣть, хлѣбомъ-солью, покормить и весело пожить; у дворянина былъ, изъ доморощенныхъ парней и дѣвокъ, домовый театръ—знатная потѣха. Послѣ, года черезъ три, какъ дворянинъ попробѣлся, казна его поистраслась, онъ всю стаю актеровъ и актрисъ продалъ въ Петровскому театру, поступившему въ то время въ вѣдѣніе и управленіе московскаго опекунскаго совѣта за долги содержателя, англійскаго жида Медокса, оказавшагося несостоятельнымъ въ платежѣ совѣту занятой подъ залогъ театра

суммы. Было человекъ десятковъ мужскаго и женскаго пола между актерами съ хорошими способностями и нѣкоторыя пьесы разгрывали превосходно! Кто у Столыпина, по выраженію военнаго арга полковника Скалозуба, актеровъ выломалъ — осталось загадкою.

Алексій Емельяновичъ, — не тѣмъ будь помянуть, царство ему небесное, не гной его косточки, — нигдѣ ничему не учился, о Мольерѣ и Расинѣ не слыхивалъ, съ молодыхъ дней бывалъ прой, забіякой, собутыльникомъ Алексѣю Орлову (гр. Алексій Григорьевичу), а подъ старость страдалъ отъ подагры, гемороа и лѣтомъ обувалъ ноги свои въ бархатные на байгѣ сапоги. Вотъ полнѣйшая біографія почившаго, — ни прибавить, ни убавить нечего.

На диво выкинулся человекъ! Иное дѣло, и нѣтъ въ томъ удивленія, что Емельяновичъ вѣдалъ приемы кулачныхъ бойцовъ, какъ ударить въ мѣсту (значить по артерной жилѣ на шеѣ), подъ никитки (въ лѣвый бокъ въ груди, близь сердца), земляныхъ послушать часовъ (ударъ по виску), рожество накрасить (разбить скулы, подбить глаза), краснаго пѣтуха (своротить носъ). Онъ былъ въ превосходной шволѣ у А. Гр. Орлова.

Какъ ему съ которой стороны навѣяло идею театр домашній сочинить! Онъ самъ въ театральномъ искусствѣ не звалъ ни уха, ни рыла! Дѣвицы, дочери его, почтенныя благородныя дамы; сложеніе дамъ елизаветинскаго вѣка, плечистыя, благообъятныя, благопріятныя! Бюстъ возвышенный опирался на твердомъ, массивномъ пьедесталѣ, но природа, наградившая ихъ щедро во всѣхъ отношеніяхъ, надѣлила дѣвицъ неграціознымъ длиннымъ носомъ; едва-ли не носъ былъ виновникомъ театральнаго заведенія въ домѣ г. Столыпина. Въ Симбирской отчинѣ проживая, дѣвицы боярышни изволили сами занимать высокія амплуа въ трагическихкихъ пьесахъ. Содержаніе театра г. Столыпину въ Симбирской его отчинѣ почти никакихъ необыкновенныхъ расходовъ не причиняло, бюджетъ прихода и расхода состоялъ въ равновѣсіи; актеры трагикки, солисты пѣвцы, актеры комикки служили по двумъ министерствамъ его дома; утромъ порскаютъ (съ собаками на охотѣ), вечеромъ комедію, трагедію, оперу играютъ. Это было благоразумно и хозяйственно соображено; солистъ Ганька такъ



гаркнетъ подъ опушкой, что изъ всякаго зараза <sup>1)</sup> не только зайца, да медвѣдя подыметъ; трагикъ Доронья приметъ и ловбо и смѣло арзамаскаго воеводу на рогатину (арзамаскимъ воеводой называютъ медвѣдя): онъ въ трагедіяхъ набилъ руку колотъ, даже закалываться. Первыя ампуа актрисъ занимали сѣвныя дѣвушки уборщицы; уборщицею называли дѣвушку, которую отдавали въ обученіе въ Москвѣ къ мадамъ содержательницѣ моднаго магазина, на Кузнецкомъ мосту, гдѣ дѣвушка всему научалась, но главная ея обязанность была изучить искусство умѣть одѣть боярышню по модѣ и къ лицу. Обучаться убирать волосы на головѣ отдавали благовременно мальчиковъ знаменитому артисту сего художества, парикмахеру г. Трегубова. Для обстановки пьесъ на сценѣ,—цѣлая фабрика коверная и самопрялокъ дѣвокъ безъ малаго сотни, выбирай любую. Гардеробъ, костюмы для царикъ и княженъ въ трагедіяхъ перешивались изъ робронъ боярышень; для костюмовъ актеровъ прикащика Еремича ежегодно на первой недѣлѣ поста посылали въ Москву, гдѣ онъ на толкучемъ рынкѣ скупалъ у торговокъ разныя платья, прибрѣтенныя торговками за дешево у промотавшихся щегольковъ въ сырную недѣлю. Этого еще недовольно; спекулятивный умъ извлекаетъ во всѣхъ случаяхъ пользу; при построеніи актрисамъ новой театральной аммуниці, обдержанныя преобразовали въ ризы священнику церкви села.

Одна изъ дѣвицъ дочерей Алексѣя Емельяновича, замѣтивъ въ зеркало на лицѣ расположеніе къ образованію морщинки, выслушала благосклонно генераль-маіора армянскаго племени и закона, Хастатова, и приняла предложеніе соединиться узами законнаго брака.

Боже мой! какой гвалтъ въ Москвѣ бѣлокаменной подняли заматорѣлыя княжны, графини и просто дворянскія дщери! кричатъ какъ бѣснующійся Ледрю-Ролень въ клубѣ коммунистовъ (1848 г.), кричатъ какъ благородной дѣвицѣ вступить въ супружество съ армяниномъ! Да знаетъ ли, несчастная, что у Арія на вселенскомъ соборѣ утроба лопнула! Да вѣдь она погубила свою душу! Какъ ее не остановили, не растолковали ей грѣха (тогда дамы не знали различія исповѣданія армянской церкви и ученія Арія); казалось—о чемъ было столь много беспокоиться заматорѣ-

<sup>1)</sup> Чаша, куца гѣса.

лымъ дѣвамъ благороднаго сословія? госпожа Хастатова въ супружествѣ была счастлива, генераль Хастатовъ былъ человѣкъ добрый, благонамѣренный, его любили въ обществѣ и она, супруга его, лучше всѣхъ заматорѣлыхъ княженъ и графинь вѣдала, что у супруга ея, ген. Хастатова, трещины на животѣ нѣтъ и всѣ части тѣла его состоятъ въ должномъ видѣ и надлежащей исправности! Заматорѣлыя дѣвы и боярыни, варакушки въ Москвѣ, страшные народы!

Екатерина, премудрая Екатерина, говаривала: „а что объ этомъ старыя дѣвы въ Москвѣ заговарять!“

И я чуть чуть не угодилъ подъ бѣлую ленту по милости заматорѣлой дѣвы!

Въ Москвѣ, на большой Ордынской улицѣ, стояли деревянныя длинныя хоромы со всѣми возможными вычурами, львами, единорогами въ гербѣ надъ воротами; словомъ, со всѣми принадлежностями околичностями барства. Въ хоромахъ жили двѣ сестры дѣвицы, дочери заслуженнаго героя генераль-аншефа Гринькова, конечно героя! въ тогдашнее время, вѣкъ Екатерины, генералы не выросли на вахтъ-парадѣ какъ шампіоны въ навозѣ.

Помню, какъ Петръ Дмитриевичъ Еропкинъ, генераль аншефъ Екатерининскаго времени, сказалъ генералу отъ инфантеріи Ивану Васильевичу Черткову въ благородномъ собраніи, который дозволилъ себѣ сказать Еропкину: „въ нашихъ чинахъ“; Еропкинъ, взглянувъ на Черткова пристально, сказалъ: „вы ошиблись генераль отъ инфантеріи, не въ нашихъ, а въ вашихъ чинахъ!“

Генераль Гриньковъ оставилъ большое достояніе дочерямъ; тогда голыхъ генераловъ не было; за службу отечеству цари награждали офицеровъ помѣстьями. Дѣвицы были очень хороши, слыли красавицами; къ ихъ несчастію, отецъ не успѣлъ дочерей выдать въ замужество, онѣ остались очень молоды; явилась толпа жениховъ достойныхъ и недостойныхъ; дѣвицы, будучи богаты, были черезъ чуръ разборчивы: одинъ казался имъ великъ, неловокъ въ танцахъ, неуклюжъ, другой былъ очень малъ какъ липуть, такимъ образомъ дожили они сначала до морщинъ, потомъ и до сѣдыхъ волосъ, но формы не теряли, бѣлили, румянили лицо, сурмили брови, лѣпили бархатныя мушки на щекахъ,

всегда волосы причесаны а ла вальерь, всегда въ желѣзномъ корсетѣ à la reine d'Angleterre, всегда ѣздили въ каретѣ семи-стекольной, раззолоченной, всегда цугомъ въ шорахъ и назади кареты торчали три лакея въ ливреѣ по гербу!

Вся часть города Москвы за рѣкою, называемая Замоскворѣчье, была назначена для помѣщенія на квартирахъ Екатеринославскаго кирасирскаго полка, и у дѣвиць Гриньковыхъ въ домѣ квартировали четыре кирасира. Все шло хорошо, все было спокойно, тихо, ничто порядкомъ не нарушало, да на бѣду православныхъ бываетъ въ году сырная недѣля, когда попъ, пастырь овецъ духовныхъ, и овцы, лакей и скороходъ и весь безъхвостыхъ родъ и ѣсть, и пьеть одинъ за пятерыхъ, у всѣхъ въ глазахъ двоится и сверху внизъ стремится!

Случился въ домѣ генеральскихъ дочекъ грѣхъ; лейбъ-кучеръ Агафонъ поѣлъ блинновъ съ припекой и простыхъ, а для сваренія мягкой пищи въ желудкѣ выпилъ царскаго безъ мѣры—и сатанѣ потѣха! Агафонъ съ кирасирами квартировавшими былъ пріятель, вмѣстѣ хаживали въ кабакъ, въ этотъ день ни съ того, ни съ другаго поссорились и подрались; сраженіе большое и малое, безъ числа крики, вопли, какъ речитативъ итальянской оперы безъ акомпанимента не бываетъ! Дошелъ гамъ, крикъ и вопль до слуха ихъ высокопревосходительства; у Агафона былъ свороченъ носъ какъ стоптанный подборъ у сапога и рожа вся была въ крови, а барышни готовы были ѣхать въ послѣдній маскарадъ, надобно на семь недѣль съ веселіемъ проститься; поднялась въ генеральскомъ домѣ бѣготня, конфузъ ужасный!

Барышни огорчены, расстроены, разгнѣвались, а пособить, исправить дѣло невозможно; Агафоновъ лыка не свяжетъ, пьянъ и носъ какъ башмакъ. Старшая сестра, дѣвица вспыльчиваго нрава, взбѣшенная препятствіемъ быть въ пропальномъ маскарадѣ, ожидала съ нетерпѣніемъ, какъ голодный воронъ крови, утра, когда проспится Агафонъ и выполощетъ ротъ (пополоскаты ротъ значить на арго пьяницъ опохмѣлиться, выпить чарку вина). Въ чистый понедѣльникъ, первый день первой недѣли великаго поста, въ 7 часовъ утра, дѣвица Гринькова изволила пріѣхать къ фельдмаршалу; моя была обязанность явиться графу въ 6 часу. Швейцаръ Бердышевъ, услышавъ на подѣздѣ хлопанье бича, увидѣвъ раззолоченную карету цугомъ, вбѣжалъ ко мнѣ въ предкабинетную комнату въ испугѣ и спрашиваетъ:

— „Александръ Михайловичъ, какъ изволите приказать: принять или отказать?“

— „Посмотри прежде кто пріѣхалъ, графъ еще не отпиралъ кабинета, Урвачевъ (камердинеръ фельдмаршала) не приходилъ еще позвать меня къ фельдмаршалу“.

Швейцаръ побѣжалъ на подъѣздъ и черезъ минуту опять вошелъ доложить: дочь генераль-аншефа Гринькова .по важному дѣлу.

— „Проси скорѣй“, и самъ пошелъ въ переднюю залу принять ея превосходительство.

Входитъ дама высокаго роста, корсетъ à la reine d'Angleterre стройно держалъ высокопревосходительное тѣло, лицо, искусѣвшимъ образомъ намалеванное, показывало, что ей не болѣе какъ подъ сорокъ лѣтъ; волосы подкрашены, брови насурмлены и на правой щекѣ бархатная мушка. Я почтительно поклонился ея высокопревосходительству, просилъ идти въ пріемную залу.

Вошедъ въ залу, она спросила меня: „вы адъютантъ Тургеневъ?“

— „Я, ваше высокопревосходительство“, отвѣчалъ я, и просилъ ее опуститься въ кресла.

— Я знала вашу матушку, танцевала на ея свадьбѣ, я была тогда еще ребенкомъ; здравствуетъ ли матушка ваша?

— „Давно уже скончалась“.

Въ отвѣтъ моему слову давно, замѣтилъ я, было ея высокопревосходительству непріятно; оно произвело на лицѣ ея кислую мину. Чтобы узнать о причинѣ ея прибытія, я сказалъ:

— „Ваше высокопр—во такъ рано беспокоили себя?“

— Ахъ, Боже мой, да дѣло важное, уголовное; ваши кирасиры...

Признаюсь, я самъ поморщился, услышавъ ваши кирасиры, подумалъ: вотъ пострѣлы, накутили тамъ, бѣда будетъ.

Тутъ ея высокопр—во изволила дать полную свободу устамъ, какъ мельницу прорвало! Минуты три, а много пять продолжался разговоръ и я подробное получилъ свѣдѣніе кто Агафонъ, какъ онъ напился до пьяна, какъ подрался съ кирасирами, даже о томъ, на которую сторону своротили Агафону носъ! Въ заключеніе монолога дѣвица Гринькова раза три повторила: „это уголовщина, это несносно!“

Въ эту минуту камердинеръ Урвачевъ позвалъ меня къ фельдмаршалу. Я поклонился ея высокопр—ву, сказалъ: „извините, сударыня, фельдмаршалъ приказалъ мнѣ“, и пошелъ въ кабинетъ. Графъ спросилъ меня: „что есть кто у насъ?“

— Для чистаго поведѣльника, ваше сіятельство, изволите увидѣть une précieuse de Molière, и рассказалъ фельдмаршалу, что выслушалъ въ рассказѣ ея высокопр — ва.

Графъ разсмѣялся и сказалъ:

— „Ну пусть ее сидитъ, скажи ей, что прошу поощрять, выиду принять ея высокопревосходительство“.

Я, исполнивъ приказаніе фельдмаршала, воротился въ кабинетъ докладывать графу поступившія бумаги.

Представьте себѣ прогнѣванную старую дѣву, которая съ семи часовъ утра до 12 часовъ была въ порывѣ яростнаго гнѣва, принуждена сидѣть спокойно и благочинно въ креслахъ. О, когда старыя дѣвы бывають восторжены яростью, тогда и сатана отбой барабанить. Она забыла своего лейбъ-кучера Агафона, забыла, что длинный его носъ сплюснуть, какъ растоптанный башмакъ, и всю желчь, мщеніе приготовила предъ фельдмаршаломъ излить на меня, совершенно невиннаго человѣка. Ея высокопрев — ву померещилось, что я не хотѣлъ доложить графу о ея приѣздѣ; Богъ знаетъ, что дѣвѣ лѣзло въ голову.

Въ 12 часовъ собирались у фельдмаршала: комендантъ Иванъ Крестяновичъ Гессе, оберъ-полиціймейстеръ, губернаторъ, прокуроръ, губернской архитектуры, генералы, начальники провіантскаго депо и комиссаріата и всегда толпа просителей.

Графъ вышелъ въ приемную, прямо подошелъ къ дамѣ, я, какъ и всегда, по долгу званія, за нимъ.

Ея высокопр — во начинаетъ приносить жалобу на меня.

— „Помилуй, графъ, защити меня, этотъ (указывая на меня) сорванецъ крайне меня разобидѣлъ наглостію, дерзостію; я дочь генераль-аншефа“.

Графъ, взглянувъ на меня, сказалъ: „Тургеневъ! ты что это, какъ ты смѣлъ?“

Я доложилъ фельдмаршалу, что мнѣ никогда на мысль не приходило оскорблять ея высокопревосходительство, что съ должнымъ уваженіемъ и вниманіемъ я выслушалъ рассказъ ея высокопревосходительства о дракѣ съ кирасирами кучера Агафона; въ

эту минуту меня позвали къ вашему сіятельству, я поклонился ея высокопр—ству и пошелъ къ вамъ въ кабинетъ. Агафонъ, да, кучеръ Агафонъ спасъ меня отъ непріятныхъ послѣдствій. Высокопревосходительная дѣва, услышавъ въ разсказѣ моемъ фельдмаршалу имя Агафона, вспомнила зачѣмъ она пріѣхала къ фельдмаршалу и начала съ жаромъ разсказывать подробно и энергически, какъ въ бою Агафону своротили на сторону носъ, что она была испугана, лишена удовольствія быть въ маскарадѣ, что съ нею сдѣлалось дурно!

Фельдмаршалъ отвѣчалъ ея высокопр — ву:

— „Успокойтесь, сударыня, кирасиръ прикажу наказать, а что касается до носа вашего кучера Агафона, вы знаете, сударыня, сраженіе безъ пролитія крови не бываетъ, *à la guerre comme à la guerre!*“ — и поклонился дѣвѣ.

Добрый и почтенный комендантъ Гессе, чтобы избавить фельдмаршала отъ разъярившейся гнѣвомъ дѣвы, доложилъ фельдмаршалу:

— „Ваше сіятельство, парадъ готовъ“.

Въ тогдашнее время вахтъ-парадъ могъ прекратить не только процессъ о расплюснутомъ носѣ кучера Агафона, но о чемъ вамъ угодно; вахтъ-парадъ готовъ—все оставь и маршируй на вахтъ-парадъ! Вахтъ-парадъ дѣло важное, государственное, кто толкъ въ этомъ знаетъ.

А. М. Тургеневъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

## МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

На страницахъ „Русской Старины“ многократно было упоминаемо о Михаилѣ Александровичѣ Фонѣ-Визинѣ (декабристѣ). Два мемуара изъ большаго собранія его рукописныхъ трудовъ были напечатаны на стр. этого-же изданія. Таковъ разсказъ изъ его воспоминаній: „Эпизодъ 1807 г.“ (см. „Русскую Старину“ изд. 1881 г., томъ XXXI, стр. 503—530) и его-же „Очерки русской исторіи IX—XVIII вв.“ (Русская Старина“ изд. 1884 г., томъ XIII, стр. 31—66, 281—302).

Михаилъ Александровичъ Фонѣ-Визинъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ представителей русскаго общества эпохи Александра I. Человѣкъ обширнаго образованія—онъ служилъ съ большимъ отличіемъ до генеральскаго чина на поляхъ битвъ, а затѣмъ сталъ въ ряды той части общества, которое пламенно желало улучшенія и преобразованія внутренняго строя Россіи.

Помѣщаемъ здѣсь воспоминаніе объ этомъ, вполне достопамятномъ, русскомъ дѣятелѣ,—воспоминаніе, принадлежащее лицу, весьма близко его знавшему.

Р е д.

### I.

Михаилъ Александровичъ былъ сынъ Александра Ивановича Фонѣ-Визина, родного брата извѣстнаго Дениса Ивановича фонѣ-Визина.

Отецъ Михаила Александровича женился на двоюродной сестрѣ своей, вслѣдствіе чего Мамоновы оспаривали законность этого брака, желая лишить дѣтей его права на наслѣдство Мамоновскаго огромнаго имѣнія, что и побудило Александра Ивановича помѣстить въ военную службу сына своего, Михаила Александровича, едва достигшаго 15-ти-лѣтняго возраста; и точно, за отличіе его по службѣ высочайше утверждены были права его на Мамоновское наслѣдство.

Михаилъ Александровичъ служилъ въ Измайловскомъ лейб-гвардіи полку и произведенъ въ офицеры подъ Аустерлицомъ въ 1805 году. Въ 1812 году онъ былъ адъютантомъ у начальника штаба, Алексѣя Петровича Ермолова, который особенно любилъ и уважалъ его, и даже въ своихъ Запискахъ упоминаетъ о немъ: „Какъ при Маломъ Ярославцѣ, пишетъ Ермоловъ, храбрые адъютанты мои—поручикъ Фонъ-Визинъ и артиллеріи поручикъ Поздѣевъ, чрезвычайно мнѣ способствовали всюду, куда ни посылалъ я ихъ, не менѣе вѣрилъ имъ, какъ самому себѣ“.

Во время кампаніи Михаилъ Александровичъ скоро дослужился до полковничьяго чина, такъ что въ 1813 году ему вѣрено было командованіе полкомъ. Въ 1814 году онъ находился въ авангардѣ въ городѣ Provins, гдѣ дивизионный командиръ назначилъ ночлегъ и велѣлъ дать отдыхъ солдатамъ, расположивъ ихъ по квартирамъ. Ночью маршалъ Удино (Oudino) напалъ врасплохъ на нашъ авангардъ; русскіе ударили тревогу и войско выступило, не успѣвши одѣться, съ однимъ оружіемъ въ рукахъ. Тутъ былъ взятъ въ плѣнъ весь отрядъ русскій, въ томъ числѣ и Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ и Константинъ Марковичъ Полторацкій. Французы сняли съ нихъ обувь и мундиры. Маршалъ же Удино, увидѣвъ плѣнныхъ, велѣлъ тотчасъ Фонъ-Визина снарядить одеждой и съ рекомендательнымъ письмомъ къ друзьямъ своимъ отправилъ его въ Парижъ, гдѣ онъ жаль на свободѣ и ласково былъ принятъ. Когда союзныя войска стали подходить къ Парижу, всѣхъ плѣнныхъ отправили въ Бретанію, въ городъ Марьягъ. Тамъ находились нѣсколько тысячъ плѣнныхъ русскихъ и австрійцевъ.

Между жителями было много роялистовъ; Фонъ-Визинъ, узнавъ отъ нихъ, что дѣло Наполеона проиграно, рѣшился поднять бѣлое знамя, уговоривши на это заранѣе всѣхъ русскихъ плѣнныхъ; они завладѣли арсеналомъ, обезоружили караулы и сдѣлались хозяевами въ городѣ, объявивъ его на военномъ положеніи. Австрійскіе офицеры побоялись принять участіе въ этомъ дѣлѣ, лишь одинъ изъ нихъ, славянинъ, уговорилъ австрійскихъ рядовыхъ пристать къ русскимъ. На подтвержденіе къ войску Наполеона шелъ, между другими войсками, вонно-егерскій полкъ, которому слѣдовало пройти чрезъ городъ. Фонъ-Визинъ согласился



на это подѣ однимъ условіемъ, чтобы полкъ прошелъ черезъ городъ обезоруженный, оружіе же на подводахъ слѣдовало за полкомъ.

По вступленіи союзниковъ въ Парижъ, государь Александръ Павловичъ очень сухо принялъ Фонъ-Визина, бывши недоволенъ его самоуправствомъ; но вслѣдъ затѣмъ Фонъ-Визинъ, будучи представленъ королю Людовику XVIII-му, былъ осыпанъ его ласками и удивился, встрѣтивъ во дворцѣ мушкетеровъ gris знакомаго герцога де-Брисакъ, который незадолго передъ тѣмъ былъ принятъ юнкеромъ въ Семеновскій полкъ.

Въ 1815 году Фонъ-Визинъ командовалъ полкомъ въ корпусѣ гр. Воронцова, командовавшаго оккупационнымъ русскимъ отрядомъ во Франціи въ теченіи трехъ лѣтъ. Возвратясь въ 1818 г. въ Россію, въ эпоху Аракчеевскаго владычества, онъ не могъ вывести новыхъ порядковъ и вышелъ въ отставку, но въ скоромъ времени гр. Петръ Александровичъ Толстой, который командовалъ корпусомъ въ Москвѣ, упросилъ Фонъ-Визина вновь поступить на службу и назначилъ его командиромъ Егерскаго полка, гдѣ онъ устроилъ на свой счетъ юнкерскую школу. Узнавъ объ этомъ, гр. Дибичъ, при посѣщеніи школы, до того былъ восхищенъ этимъ учрежденіемъ, что представилъ государю проесть объ учрежденіи для юнкеровъ казенныхъ школъ.

Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ такъ былъ любимъ и уважаемъ офицерами полка, что при выходѣ въ отставку офицеры поднесли ему на память золотую шпагу. Насколько-же онъ былъ обожаемъ солдатами за свое кроткое и человѣчное обхожденіе съ ними (у него въ полку запрещено было даже тѣлесное наказаніе), доказываетъ слѣдующій эпизодъ изъ его казенной жизни. Когда впоследствии образовалось тѣмъ-называемое тайное общество, Фонъ-Визинъ вступилъ въ него и принималъ въ немъ дѣятельное участіе; 14-го декабря 1825 г. онъ лично не былъ замѣпанъ въ дѣлѣ, будучи въ то время въ своей подмосковной деревнѣ Крюковѣ, теперешней Крюковской станціи по Ниволаевской желѣзной дорогѣ. Здѣсь онъ былъ арестованъ, увезенъ въ Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость.

Во время его заточенія въ крѣпости случилось однажды быть въ караулѣ солдатамъ того полка, которымъ онъ прежде командовалъ; во время его прогулки по берегу Невы, вокругъ крѣпости,

подъ конвоемъ этихъ солдатъ, они, рискуя жизнью, убѣждали и умоляли его воспользоваться свободой и бѣжать. Какъ онъ ни былъ тронутъ и пораженъ такою преданностію съ ихъ стороны, но, конечно, не согласился, ради своей свободы, подвергнуть ихъ наказанію и въ то же время ухудшить положеніе своихъ товарищей, которые послѣ его побѣга подверглись бы, конечно, еще болѣе строгому надзору.

## II.

Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ былъ женатъ на двоюродной своей племянницѣ Натальѣ Дмитріевнѣ Апухтиной (мать ея, Марья Павловна Апухтина, была рожденная Фонъ-Визина). Когда въ 1827 году онъ былъ сосланъ въ Сибирь, то у него осталось въ Россіи два сына, одному было три, а другому два года; они остались почти круглыми сиротами, потому что мать ихъ, Наталья Дмитріевна, — не смотря на то, что правительство всячески старалось отклонить ее отъ намѣренія ѣхать за мужемъ и предлагало ей даже разныя выгоды, если она останется, — послѣдовала за мужемъ на каторгу, годъ спустя послѣ ссылки его, когда устроила свои дѣла и передала двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ на полное попеченіе родному дядѣ ихъ, Ивану Александровичу Фонъ-Визину, который въ полномъ смыслѣ слова свято исполнилъ долгъ воспитателя дѣтей своего брата-изгнанника.

Замѣчательный былъ съ нею случай, коимъ Провидѣніе видимымъ образомъ указало ей на то, что ей слѣдовало ѣхать въ Сибирь въ мужу. Не имѣя въ продолженіе цѣлаго года никакого извѣстія о немъ (въ началѣ ссылнымъ не дозволялось писать въ роднымъ) и волнуемая постоянными совѣтами жандармскаго генерала Волкова отложить поѣздку свою хотя до тѣхъ поръ, пока не получитъ извѣстіе отъ мужа—живъ-ли онъ, она, по своему глубокому религіозному чувству, рѣшилась поѣхать помолиться къ преподобному Сергію въ Троицкую лавру и дѣйствовать уже потомъ такъ, какъ ей Богъ положить на сердце. Итакъ, она отправилась въ монастырь съ своей молодой кузиной

въ сопровожденіи одного слуги; посѣтивъ одного затворника, къ которому пошла вмѣстѣ съ своей кузиной и лакеемъ, она была поражена прозорливостію старца, который, при входѣ ея, прямо, безъ всякихъ вопросовъ, далъ ей крестикъ съ слѣдующими словами: „Отвези тому, къ кому ѣдешь“.

Эти немногія, но знаменательныя слова старца тотчасъ ее успокоили; она ясно поняла изъ нихъ, что мужъ ея живъ и она должна къ нему ѣхать; тѣмъ болѣе еще она увѣрилась въ прозорливость св. старца, что тотъ, обратившись тутъ-же къ молодой дѣвушкѣ, ея кузинѣ, желавшей очень выйти замужъ, также не дождавшись съ ея стороны вопроса, сказалъ ей: „въ настоящемъ году выйдешь замужъ“, что и сбылось потомъ въ точности. Лакею-же, сидѣвшему по его указанію вмѣстѣ съ господами, сдѣлалъ обличеніе, сказавъ:

— „На тебѣ лежитъ тяжкій грѣхъ—покайся въ немъ!“

Наталья Дмитріевна, вернувшись домой, узнала отъ людей, что однажды на исповѣди священникъ не разрѣшилъ этому человѣку приобщаться св. Тайнъ, но онъ, стыда ради человѣческаго, незамѣтно проскользнулъ между народомъ и приобщился самовольно св. Тайнъ, что его потомъ очень смущало и тяготило.

Насколько Михаилъ Александровичъ обожалъ жену свою, свидѣтельствуютъ тѣ записочки, писанныя на разныхъ лоскуткахъ оберточной бумаги, которыя онъ тайно пересылалъ ей, когда содержался первое время до рѣшенія суда въ Петропавловской крѣпости, въ Петербургѣ. Эти записочки, которыя я прилагаю здѣсь, сохранились у меня въ подлинникѣ.

Супруга Фонъ-Визина, Наталья Дмитріевна, сама по себѣ была женщина замѣчательная по уму и необыкновенно-твердой энергичной волѣ; будучи въ полномъ смыслѣ слова глубоко-религіозной, она съ юныхъ лѣтъ стремилась всегда къ служенію скорѣе Богу, нежели міру, такъ что въ юные годы она удалялась отъ всего мірскаго и желала вступить въ монастырь. Она была единственная дочь у родителей, красавица собой; родители, конечно, были очень противъ ея намѣренія идти въ монастырь, почему она и должна была уступить ихъ волѣ и выйти замужъ за Михаила Александровича, своего двоюроднаго дядю, котораго она всегда цѣнила и уважала за прекрасныя свойства души его и съ которымъ впослѣдствіи, пожертвовавъ родителями и дѣтьми,

раздѣляла всю изгнанныческую жизнь его въ Сибири и на каторгѣ. Своею глубокою религіозностію она имѣла огромное вліяніе на мужа, такъ что подъ ея вліяніемъ изъ человѣка равнодушнаго къ религіи—и онъ сдѣлался тоже горячо вѣрующимъ. Его прямая, чистая душа легко поддавалась всему возвышенному и прекрасному.

Въ Tobольскѣ прожили они 17 лѣтъ, постоянно всѣми любимые и уважаемые. Михаилъ Александровичъ былъ необыкновенно радушный хозяинъ, любилъ очень угощать, хотя самъ кушалъ очень немного, но первое удовольствіе его было накормить хорошимъ обѣдомъ. Прислуга въ Сибири вообще была изъ сосланныхъ по волѣ помѣщиковъ; иногда попадались изъ нихъ очень хорошіе люди. Михаилъ Александровичъ очень много читалъ, переводилъ, вообще всегда былъ занятъ, доволенъ и покоренъ Провидѣнію, почему всегда сохранялъ ясность и спокойствіе души. Обожалъ вообще дѣтей; своихъ живыхъ у нихъ въ Сибири не было, всѣ родившіяся тамъ дѣти тамъ же маленькими и умирали; онъ воспитывалъ чужихъ и любилъ ихъ не меньше, кажется, своихъ собственныхъ дѣтей.

Меня онъ любилъ съ дѣтства, какъ дочь. Знакомство родителей моихъ съ ними, перешедшее потомъ въ дружескія отношенія, началось въ Енисейскѣ; мнѣ тогда было лѣтъ пять, шесть. Отецъ мой, пріѣхавшій изъ Россіи на службу въ Сибирь, переведенъ былъ въ Енисейскъ въ то время, когда Фонъ-Визины были еще тамъ, потомъ нѣкоторое время мы прожили вмѣстѣ съ ними въ Красноярскѣ, а окончательно ужъ не разставались лѣтъ шестнадцать въ Tobольскѣ, гдѣ служилъ послѣднее время мой отецъ, такъ что все дѣтство и вся юность моя прошла подъ нѣжнымъ вліяніемъ этого достойнаго человѣка. Надо было испытать на себѣ, чтобъ вполне понять всю нѣжность, всю заботливость любящаго сердца М. А. Фонъ-Визина. До сихъ поръ я живо помню, какъ бывало почти каждый разъ, какъ я ѣхала на какое-нибудь торжество или балъ, онъ пріѣзжалъ самъ осмотрѣть мой туалетъ, а на другой день узнавать—насколько мнѣ было весело тамъ.

Вообще кружокъ такъ-называемыхъ декабристовъ въ Сибири былъ выходящій изъ ряда обыкновенныхъ. Это были все люди умные и образованные, прекрасно воспитанные, сохранившіе утонченную вѣжливость высшаго общества, въ которому они нѣ-

когда принадлежали, а вмѣстѣ съ тѣмъ, прошедши тяжелыя испытанія въ жизни и узнавъ всю превратность ея, у нихъ выработалась необыкновенная простота и добродушіе. Они относились ко всякому человѣку, цѣня въ немъ прежде всего человѣческое достоинство, почему и были чужды всякаго самолюбія. Всѣмъ было какъ-то хорошо и легко съ ними, никто, конечно, не сравнивалъ себя съ ними, отдавая имъ полное предпочтеніе; но никто также и не чувствовалъ себя униженнымъ передъ ними или подавленнымъ ихъ превосходствомъ. Ихъ умныя, серьезныя, а иногда и полныя остроты и игривости, бесѣды доставляли истинное наслажденіе.

### III.

Въ Тобольскѣ жизнь Фонь-Визинныхъ при родственныхъ и дружескихъ отношеніяхъ съ бывшимъ въ то время генераль-губернаторомъ, кн. Петромъ Дмитриевичемъ Горчаковымъ, была пріятно обставлена. Все лучшее общество служащихъ при князѣ Горчаковѣ стремилось познакомиться съ ними, а разъ познакомившись, не могло иначе относиться къ нимъ, какъ съ особеннымъ уваженіемъ.

Добродушное и ласковое обхожденіе Михаила Александровича привлекало всѣхъ къ нему; любящее сердце его никогда не относилось равнодушно къ страданію ближнихъ. Онъ всегда бывало сумѣетъ сказать слово участія и утѣшенія огорченному, не разбирая—кто-бы ни былъ страждущій и отъ чего бы ни страдалъ; никого не осуждалъ и никогда не помнилъ зла. Слѣдующій эпизодъ изъ ссыльной жизни Михаила Александровича ясно характеризуетъ доброту его сердца, не помниваго зла.

Когда послѣ шести лѣтъ, проведенныхъ въ Петровской тюрьмѣ, на ваторгѣ за Иркутскомъ, Михайль Александровичъ былъ переведенъ на поселеніе Красноярской губерніи въ городъ Енисейскъ, то грубыя и неразвитыя уѣздныя власти въ началѣ стали съ высокоуміемъ обращаться съ нимъ, требуя отъ него, какъ отъ ссыльнаго, безусловнаго повиновенія даже всѣмъ прихотямъ. Особенно невѣжественностію отличался бывший тогда окруж-

ной начальникъ Та—овъ, большой бутило; онъ былъ непосредственнымъ начальникомъ Михаила Александровича; получаемыя изъ Россіи письма не иначе получались, какъ чрезъ этого начальника, который прежде прочитывалъ ихъ самъ, а потомъ уже передавалъ—кому слѣдуетъ; но когда Михайль Александровичъ приходилъ къ нему за письмами, онъ не удостоивалъ даже подать ихъ ему, а просто указывалъ рукою на лежащія на столѣ пакеты, тотъ бралъ и уходилъ. Но вдругъ начальнику пришла фантазія звать его къ себѣ на свои пьяныя пирушки, и однажды, заввавши его къ себѣ, онъ наполнилъ его силою пьянымъ. Михайль Александровичъ положилъ не ходить больше къ нему, и когда въ слѣдующій разъ отказался отъ приглашенія, то начальникъ до того разсердился за это неповиновеніе, что потребовалъ его къ себѣ уже не какъ гостя, а какъ ссыльнаго поселенца; дѣлать было нечего, хотя противъ воли, а нужно было покориться начальству. Когда же Михайль Александровичъ пришелъ туда, то его связали и, грозя кандалами, опять вапюли силою и отпустили домой уже на другой день утромъ. Жена его, Наталья Дмитріевна, слабая, больная женщина, будучи беременна, и не зная что дѣлается съ мужемъ, всю ночь провела въ такой страшной тревогѣ, что чрезъ нѣсколько дней потомъ выкинула и чуть было не умерла. Фонъ-Визинь написали объ этомъ случаѣ въ Красноярскъ къ губернатору, прося его защиты отъ произвола уѣздной власти; губернаторъ, вонечно, понялъ ихъ положеніе, самъ пріѣхалъ въ Енисейскъ, сдѣлалъ строгій выговоръ окружному начальнику, самъ же проводилъ все свободное время своего пребыванія въ Енисейскѣ у Фонъ-Визинныхъ, что не мало удивляло уѣздныхъ властей, которыя по отъѣздѣ губернатора настолько перемѣнились, что вмѣсто прежней грубости стали ухаживать за ними.

Вскорѣ послѣ этого Фонъ-Визинныхъ перевели изъ Енисейска на жительство въ Красноярскъ, а чрезъ годъ, по ихъ личной просьбѣ, въ Тобольскъ, гдѣ жилъ въ то время, какъ я говорила выше, генераль-губернаторъ западной Сибири, кн. Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, пріѣзжаетъ въ Тобольскъ искать мѣста бывший окружной начальникъ Енисейска Та—овъ. Узнавъ о родствѣ Михаила Александровича съ кн. Горчаковымъ, онъ обратился къ нему съ просьбою похлопотать ему у князя о мѣстѣ. Михайль Александровичъ съ обычнымъ

своимъ добродушіемъ, забывая старое зло, хлопоталъ о немъ, и чрезъ его ходатайство тотъ получилъ мѣсто предсѣдателя казенной палаты въ Тобольскѣ, гдѣ потомъ и умеръ. Во время же продолжительной его болѣзни никто такъ часто не навѣщалъ больного, какъ тотъ же всегда добрый и любящій Михаилъ Александровичъ. Онъ никогда не жаловался на судьбу, старался принимать все пріятное и непріятное въ жизни какъ ниспосланное рукою Божіею; любимыя его слова при всякомъ скорбномъ посвѣщеніи были: „вѣрно такъ угодно Богу!“ За то и любили его всѣ безъ исключенія знавшіе его, уважали и дорого цѣнили его дружбу и вниманіе. Я увѣрена, что всѣ знавшіе его подтвердятъ мои слова.

Радужная внимательность и сердечная признательность за малѣйшую услугу были отличительными чертами его благороднаго характера; подъ его попеченіемъ жило пріятно и отрадно. Онъ относился одинаково внимательно къ самымъ пустяжнымъ мелочамъ жизни; бывало обо всемъ подумаетъ, чтобы было удобно и хорошо живущимъ у него.

Помню, какъ велика была его заботливость, когда мнѣ случилось поѣхать въ первый разъ изъ с. Марьино осматривать Москву; заранѣе были посланы всѣ распоряженія управляющему дома Ивана Александровича Фонъ-Визина, гдѣ я должна была остановиться, чтобы по пріѣздѣ не имѣть ни въ чемъ недостатка. Кромѣ старой няни и челоуѣка со мною былъ отправленъ изъ Марьино поварь, даже заказаны были самимъ Михаиломъ Александровичемъ обѣды на всю недѣлю, которую я намѣревалась провести въ Москвѣ. Я описываю всѣ эти подробности съ тою именно цѣлью, чтобы показать во всей полнотѣ—какъ велика была всегда заботливость о другихъ незабвеннаго Михаила Александровича...

---

## IV.

Возвращеніе на родину декабриста Михаила Александровича Фонъ-Визина, послѣ 25-лѣтняго страданія въ ссылки, состоялось далеко нерадостно, вслѣдствіе стеченія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о которыхъ я постараюсь передать подробно.

Много вынесено было и пережито имъ въ эти годы томительной борьбы и страха, смѣняемаго иногда надеждой увидѣть современемъ дорогихъ сердцу дѣтей своихъ и милого брата Ивана Александровича, къ которому онъ питалъ все время самую нѣжную дружбу и съ которымъ еженедѣльно переписывался въ продолженіе всѣхъ 25 лѣтъ ихъ разлуки. И вотъ, наконецъ, надежда на свиданіе готова была осуществиться, такъ какъ сыновья нѣкоторыхъ товарищей его, получивъ разрѣшеніе, пріѣзжали на свиданіе съ отцами въ Сибирь.

Оставалось только и дѣтямъ Михаила Александровича Фонъ-Визина сдѣлать то-же. Начали и они хлопотать о разрѣшеніи и все влонилось уже къ возможности скорого свиданія съ несчастными родителями. Но!... судьбы Божіи неисповѣдны! Несчастный отецъ лишенъ былъ этого счастья на землѣ. Старшій сынъ его вдругъ заболѣлъ, отправился въ Одессу лечиться и скончался тамъ на рукахъ однихъ своихъ друзей на 26 году жизни. Это было въ 1850 году.

Младшій же братъ его, Михайль Михайловичъ, юноша не особенно крѣпкаго здоровья, такъ былъ друженъ съ своимъ старшимъ братомъ, что не перенесъ его потери и чрезъ 8 мѣсяцевъ пріѣхалъ съ надломленнымъ уже здоровьемъ въ Одессу на могилу брата и испустилъ духъ въ той же семьѣ, гдѣ умеръ братъ его, и легъ въ одну могилу съ нимъ. Впослѣдствіи ихъ мать, возвратясь изъ Сибири, посѣтила могилу сыновей своихъ въ Одессѣ, поставила надъ нею великолѣпный, огромнаго размѣра, крестъ съ художественно отлитой изъ бронзы во весь ростъ страдальческой фигурой Спасителя. Трудно описать скорбь несчастныхъ родителей, когда до нихъ дошли въ Сибирь эти печальныя вѣсти. Каждый отецъ, каждая мать поймутъ это сердцемъ лучше всякаго описанія.



Никогда не изгладится изъ памяти моей почтенная фигура старика-отца, пораженнаго новымъ тяжкимъ горемъ въ минуту полученія извѣстія о смерти втораго и послѣдняго сына; онъ стоялъ на колѣняхъ, обративъ взоръ, полный слезъ, къ лику Спасителя, и могъ только прошептать: „Да будетъ воля Твоя святая, Господи! Вѣрно такъ угодно Господу“. Только одна религія и твердая вѣра могла поддержать ихъ въ этомъ тяжкомъ испытаніи.

Въ Россіи, на милой родинѣ, оставалось теперь одно лишь только дорогое сердцу существо, это горячо и пѣжно любимый братъ Фонь-Визина, Иванъ Александровичъ, который и сталъ просить разрѣшенія пріѣхать самому въ Сибирь на свиданіе съ несчастнымъ своимъ братомъ.

Получивъ позволеніе, онъ тотчасъ же пустился въ путь и пріѣхалъ въ Тобольскъ лѣтомъ 1852 года. Радость свиданія братьевъ послѣ такой многолѣтней разлуки была безпредѣльна! Иванъ Александровичъ прожилъ въ Тобольскѣ 6 недѣль, но спѣшилъ назадъ въ Россію, чтобъ хлопотать о возвращеніи изъ Сибири брата-изгнанника.

Вся зима прошла въ этихъ хлопотахъ и, наконецъ, чрезъ содѣйствіе вн. Алексѣя Федоровича Орлова онъ достигъ желаемаго.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1853 года императоромъ Николаемъ было подписано разрѣшеніе о возвращеніи изъ ссылки Михаила Александровича Фонь-Визина, въ началѣ-же марта, именно 3 числа, радостная вѣсть эта достигла, наконецъ, и дальнихъ странъ Сибири. Первою вѣстницею свободы Провидѣнію угодно было избрать меня. Письмо отъ брата Ивана Александровича съ вѣстью о свободѣ было переслано чрезъ моего отца, служившаго тогда въ Тобольскѣ прокуроромъ. Когда Фонь-Визины узнали изъ письма брата о дарованномъ имъ правѣ возвратиться на родину, то слезы радости полились изъ глазъ страдальцевъ и всѣхъ окружающихъ ихъ; упавъ на колѣни, они благодарили Всевышняго за дарованную имъ давно желанную свободу. Весь домъ, вся дворянъ собралась выразить полное сочувствіе къ ихъ радости и также проливала слезы умиленія, глядя на нихъ.

Однако, не смотря на все желаніе уѣхать скорѣе, они должны были отложить свой отъѣздъ изъ Сибири до мая мѣсяца. Время года не позволяло съ семействомъ пуститься въ такой дальній

путь; слабое же здоровье Ивана Александровича, отъ сильныхъ потрясеній душевныхъ и трудовъ по дѣлу о возвращеніи брата и отъ частыхъ разѣздовъ въ Петербургъ, не выдержало и онъ слегъ въ постель, такъ что вскорѣ за радостною вѣстью о свободѣ стали приходять тревожныя извѣстія о разстройствѣ здоровья Ивана Александровича. Первое время онъ еще самъ писалъ брату по обыкновенію каждую недѣлю, потомъ вдругъ больше недѣли не имѣли совсѣмъ писемъ отъ него, что заставило страшно встревожиться Михаила Александровича; какъ теперь помню, рано утромъ 9 апрѣля, сильно разстроенный онъ пріѣхалъ къ намъ и просилъ послать на почту, нѣтъ ли на имя моего отца письма къ нему отъ брата. Черезъ нѣсколько минутъ (мы жили рядомъ съ почтой) письмо было уже въ рукахъ Михаила Александровича. Я вошла въ то время въ комнату и невольно остановилась въ ужасѣ, увидѣвъ почтеннаго старика съ дрожащимъ въ рукахъ письмомъ. Слезы лились изъ глазъ его; я такъ и подумала, что онъ читаетъ извѣстіе о смерти брата; но, кончивъ письмо, онъ перекрестился съ словами:

— „Слава Богу, братъ еще живъ!“

Надежда на выздоровленіе брата хотя и осѣтила его, но, какъ будто подъ тяжестью грустнаго предчувствія, не ускользала совершенно.

Онъ тутъ-же рѣшился ѣхать въ Россію одинъ, не смотря ни на какую дорогу, и прямо отъ насъ поѣхалъ къ губернатору просить дозволенія на выѣздъ. Ровно чрезъ 5 дней, 15-го апрѣля 1853 года, въ великій четвергъ на страстной недѣлѣ, не смотря на страшную распутицу, этотъ 70-ти-лѣтній старецъ отправился одинъ, въ сопровожденіи жандарма, въ простой телѣгѣ на перекладныхъ, въ обратный далекій путь на родину. Любовь къ брату заставила пренебречь всѣми опасностями, могущими встрѣтиться на пути въ такое время года.

Всѣ товарищи, друзья и люди, искренно любившіе Михаила Александровича, собрались провожать его до берега Иртыша, въ трехъ верстахъ отъ Тобольска, до мѣста, называемаго Подъ-Чуваши. Съ замираніемъ сердца слѣдили всѣ, когда телѣга съ сѣдоками вѣхала на ледъ и покрылась до половины колесъ водою, образовавшеюся отъ таявшаго снѣга. Переѣхать Иртышъ было не безопасно; чѣмъ дальше удалялся Михаилъ Александро-

вичъ отъ холодныхъ странъ Сибири, тѣмъ опаснѣе становилось путешествіе.

Въ одномъ мѣстѣ, какъ онъ самъ рассказывалъ потомъ, ему опять пришлось переѣзжать Иртышъ. Никто не брался перевести, такъ какъ ледъ былъ уже тонокъ; тогда Михаилъ Александровичъ рѣшился перейти рѣку пѣшкомъ, и только что дошелъ до середины, какъ ледъ тронулся, и старикъ съ опасностію жизни, перескакивая со льдины на льдину, добрался, наконецъ, благополучно до противоположнаго берега. Такъ доѣхалъ онъ до Перми, не разъ подвергаясь опасности при переправахъ черезъ рѣки; въ Перми онъ сѣлъ уже на пароходъ, гдѣ хотя и отдыхалъ физически, но за то душевное безпокойство и предчувствіе о потерѣ брата томило его жестоко.

## V.

На другой день по пріѣздѣ Михаила Александровича въ Москву, вереница экипажей потянулась къ дому покойнаго брата его, на Малой Дмитріевкѣ, гдѣ онъ остановился. Толпа родныхъ и старыхъ друзей окружала его въ продолженіе цѣлаго дня. Но отраднѣе всего было для Михаила Александровича свиданіе въ Москвѣ со старикомъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, у котораго въ молодости онъ служилъ адъютантомъ. Ермоловъ, какъ только узналъ о возвращеніи Фонъ-Визина изъ Сибири, велѣлъ тотчасъ же дать ему знать о его пріѣздѣ въ Москву, и какъ только получилъ это извѣстіе, то явился самъ и весь день не оставлялъ Михаила Александровича. Такое дружеское вниманіе старика Ермолова очень тронуло и утѣшило Михаила Александровича; онъ часто потомъ съ любовію вспоминалъ объ участіи, оказанномъ ему въ то время Ермоловымъ.

Тяжело было одинокому, убитому горемъ, старику поселиться въ родовомъ своемъ имѣніи, селѣ Марьинѣ, (село Марьино, куда по волѣ императора Николая онъ былъ возвращенъ изъ ссылки, съ запрещеніемъ вѣзда въ столицу, родовое имѣніе Фонъ-Визинныхъ, находилось Московской губ., Бронницкаго уѣзда, въ 50-ти верстахъ отъ Москвы), гдѣ жили отцы и дѣды его, гдѣ все

когда-то кипѣло жизнію, общею съ нимъ, тогда какъ теперь онъ былъ одинокъ въ средѣ общества, совершенно чуждаго ему по взглядамъ, по понятіямъ. Все, что было дорого ему на родинѣ, лежало въ свѣжихъ могилахъ, а все дорогое и близкое по сердцу: жена, приемныя дѣти, товарищи, друзья, всѣ были далеко въ странѣ изгнанія, куда невольно летѣло его сердце. Онъ самъ въ послѣдствіи передавалъ мнѣ, какую муку сердечную пришлось ему вынести первое время по возвращеніи своемъ въ Россію.

Три дня спустя послѣ отъѣзда Михаила Александровича изъ Тобольска, въ день Пасхи, жена его, Наталья Дмитриевна, получила изъ Москвы извѣстіе о кончинѣ брата, Ивана Александровича, послѣдовавшей 6-го апрѣля 1853 г. Хоронили его 9-го числа, именно въ тотъ самый день, когда Михаилъ Александровичъ читалъ у насъ въ домѣ, въ Тобольскѣ, то письмо, которое заставило его рѣшиться ѣхать одному, чтобъ застать брата въ живыхъ.

Положеніе Натальи Дмитриевны было тоже ужасное по полученіи извѣстія о смерти Ивана Александровича. Страхъ за мужа, который привыкъ дѣлать съ нею всѣ горести и радости жизни, и боязнь за то, какъ онъ вынесетъ одинъ тяжелое горе, найдя вмѣсто брата лишь свѣжую могилу его, все это терзало ее жестоко. Она рѣшилась ѣхать при первой возможности, и дѣйствительно, уже 4-го мая 1853 года, рано утромъ, мы двинулись въ путь, въ сопровожденіи тоже жандарма, двухъ дѣтей-приемышей, старой няни, раздѣлявшей съ ними изгнанническую ихъ жизнь въ Сибири, прислуги и меня, которую Наталья Дмитриевна выпросила у отца моего изъ дружбы отпустить съ нею хоть на годъ въ Россію къ нимъ, для утѣшенія несчастнаго старика на родинѣ. Отецъ мой, зная хорошо, что Михаилъ Александровичъ съ дѣтства моего любилъ меня такъ горячо, какъ родную дочь, ничѣмъ больше не могъ доказать имъ свою дружбу въ минуту такого тяжелаго ихъ горя, какъ пожертвовавъ разлукою со мною, такъ какъ отецъ тоже очень любилъ меня, и мнѣ болѣе не суждено было увидѣть его здѣсь на землѣ. 4 мѣсяца спустя послѣ кончины Михаила Александровича, отецъ мой скончался въ Тобольскѣ, въ то время, какъ я была еще въ Россіи.

Наше трехнедѣльное путешествіе изъ Сибири было не лег-

вое. Разливъ рѣкъ былъ не малою помѣхою и мы останавливались отдыхать въ разныхъ городахъ по нѣскольку дней. Въ Казани пробыли дня три, также какъ и въ Екатеринбургѣ, который намъ очень понравился своею необыкновенною чистотою. Казань же поражала больше столичнымъ видомъ. Менѣе всего понравилась Пермь. Какою-то мрачною показалась она намъ, даже Кама настолько была бурна и непригѣтлива, что мы не рѣшились плыть водою, а поѣхали въ экипажахъ. Михаилъ Александровичъ, даже проѣздомъ останавливаясь пить чай на почтовыхъ станціяхъ, сумѣлъ оставить по себѣ добрую память. Во многихъ мѣстахъ намъ оказывали особенную услужливость станціонные смотрителя, узнавши, что нашъ кортежъ составлялъ семью того добраго и необыкновенно ласковаго господина, который говорилъ имъ, что скоро будетъ проѣзжать его семейство.

— „Что за простой и ласковый въ обхожденіи баринъ!— говорили они про него.—Рѣдко встрѣчали такихъ господъ, хоть и много проѣзжаетъ ихъ у насъ!“ Наконецъ, измученныя и усталыя, мы были рады дотащиться до Москвы, гдѣ надѣялись отдохнуть дня два, три. Но увы! намъ не дали даже вздохнуть спокойно, не только отдохнуть.

Рано утромъ, 26-го мая 1853 года, въѣхали мы въ Бѣлованную чрезъ Владимірскую заставу; велика показалась мнѣ Москва, пока мы добрались до Малой Дмитровки, въ домъ покойнаго Ивана Александровича Фонъ-Визина. Грустно сжималось сердце въ этой обширной, но пустынной для насъ столицѣ! Въ домѣ насъ ждали родные Наталья Дмитриевна, тетя ея, Александра Павловна Фонъ-Визина, и дядя ея, Сергій Павловичъ Фонъ-Визинъ, и другіе родные. Не прошло часа послѣ нашего пріѣзда, какъ явился чиновникъ отъ генераль-губернатора, гр. Загребскаго, прося насъ немедленно выѣхать изъ Москвы въ с. Марьино. Наталья Дмитриевна настолько была утомлена дальнимъ путешествіемъ, что просила позволить ей хоть ночевать въ Москвѣ. Пошли переговоры, ходатайства родныхъ; но ничто не помогло,—неумолимая власть не согласилась и на это, боясь, какъ мы узнали потомъ, чтобъ не было и къ ней такого-же съѣзда, какъ было при проѣздѣ Михаила Александровича чрезъ Москву. Итакъ, къ вечеру того же дня, мы выѣхали далѣе, въ сопровожденіи московскаго уже жандарма, въ полной формѣ возсѣдавшаго у насъ

на козлахъ. Сопровождавшій-же насъ изъ Тобольска жандармъ, не знаю по какимъ ужъ соображеніямъ власти, оставленъ былъ въ Москвѣ, тогда какъ Михаила Александровича жандармъ-сибирякъ проводилъ его прямо до с. Марьина. Намъ было очень жаль разставаться съ жандармомъ-сибирякомъ, сдѣлавшимъ съ нами трехнедѣльное путешествіе, тѣмъ болѣе, что человекъ онъ былъ прекрасный, и когда сталъ съ нами прощаться, то со слезами бросился въ ноги Натальѣ Дмитріевнѣ и обнимался при прощаніи съ нами по братски. Когда тронулся нашъ кортежъ, состоявшій изъ трехъ сибирскихъ тарантасовъ, изъ которыхъ выглядывали наши грустные лица, и вслѣдъ за ними двинулись кареты родныхъ, провожавшихъ насъ до Покровской заставы, то все это представляло зрѣлище скорѣе ссылаемыхъ, нежели возвращающихся на родину ссыльныхъ. Народъ останавливался и грустно смотрѣлъ намъ вслѣдъ.

Проѣхавши всю ночь, на другой день утромъ мы остановились въ Бронницахъ, съ тѣмъ, чтобы на могилѣ брата Ивана Александровича отслужить панихиду, и отправили въ это время гонца въ с. Марьино, отстоящее въ 2-хъ верстахъ отъ Бронницъ, предупредить Михаила Александровича, что мы ѣдемъ. Только что мы успѣли свернуть съ шоссе на проселокъ, какъ увидѣли вдали, чуть не бѣгущаго къ намъ на встрѣчу, Михаила Александровича; радость свиданія нашего была безгранична.

## VI.

Въ с. Марьинѣ Михаилъ Александровичъ прожилъ, по возвращеніи своемъ, ровно 11 мѣсяцевъ.

Душевныя потрясенія, сердечное горе, вынесенное хотя съ удивительною покорностію къ святой волѣ Всевышняго, повліяло разрушительно на его здоровье. Силы стали измѣнять ему; отсутствіе товарищей и задушевныхъ умныхъ бесѣдъ съ нимъ видимо было тягостно для него. Наталья-же Дмитріевна должна была большую часть времени посвящать на приведеніе въ порядокъ весьма разстроеннаго имѣнья, доставшагося ей по наследству отъ брата ея мужа, — Ивана Александровича Фонъ-Визина.

Пріѣзжали, впрочемъ, нѣсколько разъ въ Марьино старые товарищи Михаила Александровича, декабристы: Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ съ своею женою, рожденною графиней Кововницкою; баронъ Тизенгаузенъ съ сыновьями; родные товарища Бобрищева-Пушкнна и разные родные Фонь-Визинныхъ. Посѣщенію ихъ радушный хозяинъ всегда былъ очень радъ; ему отрадно было раздѣлить бесѣду съ людьми одного съ нимъ взгляда и образованія, тогда какъ тутъ, въ Марьинѣ, близъ маленькаго уѣзднаго города, пришлось ему вращаться болѣе съ людьми, совершенно чуждыми ему по духу и по воспитанію, сосѣдей-же, подходящихъ къ нему, почти нивого не было, такъ что большую часть дня ему приходилось дѣлить со мною.

Лѣтомъ мы съ нимъ много гуляли по любимымъ роднымъ его полямъ. Ему доставляло особенное удовольствіе рассказывать мнѣ про былыя времена; на примѣръ, про нашествіе французовъ въ 1812 году, причемъ онъ вспоминалъ разные эпизоды, касавшіеся лично его въ эту эпоху. На примѣръ, какъ однажды, будучи адъютантомъ Ермолова, онъ прискакалъ въ Марьино къ отцу своему, жившему тутъ съ семействомъ, сказать, что французы идутъ по этой дорогѣ и чтобъ они уѣзжали какъ можно скорѣе въ Рязань; какъ проводивши ихъ, онъ отправился самъ, не смотря на близость непріятеля, въ баню, которую любилъ, какъ русскій человекъ, страстно. Только что успѣлъ онъ выйти изъ бани, ему докладываютъ, что непріятель близко; онъ вышелъ на балконъ дома и, увидавъ дѣйствительно вдали приближающихся французовъ, скрылся отъ непріятеля переодѣтый, съ помощію обожавшихъ его крестьянъ, въ мужицкое платье и, встрѣтивъ нашу бригаду, шедшую въ Москвѣ, остановилъ ее, сказавъ, что Москва занята уже французами. Бригадный генералъ не повѣрилъ было его словамъ и не хотѣлъ измѣнить маршрута, даннаго ему начальствомъ. Тогда Михаилъ Александровичъ энергично возсталъ, взявъ всю отвѣтственность на себя, и далъ генералу письменный приказъ, какъ адъютантъ Ермолова, переимѣнить маршрутъ по случаю занятія столицы непріателемъ, чѣмъ и спасъ цѣлую бригаду отъ неминуемой смерти или плѣна. Всѣ эти рассказы развлекали его нѣсколько, но не настолько удовлетворяли, чтобъ не чувствовать своего одиночества и горя на родинѣ.

Неизлечимая болѣзнь закралась въ тѣло старика и проявля-

лась разными недугами, мучившими его не мало; такъ прошли лѣто и зима. Приближалась живительная весна и подавала большія надежды на обновленіе силъ и на успѣшную борьбу съ недугами, но неумолимая смерть подкараулила свою жертву какъ разъ въ то время, когда все въ природѣ возраждалось и давало всему жизнь и силу.

20-го апрѣля 1854 года былъ первый теплый, почти лѣтній день. Михаилъ Александровичъ, не смотря на то, что накануне бралъ ванну, упросилъ меня пойти съ нимъ гулять; хотя воздухъ былъ теплый, но дулъ довольно пронзительный вѣтеръ; весенній воздухъ показался ему весьма пріятенъ, и онъ находилъ, что давно уже не чувствовалъ себя такъ хорошо, почему и не хотѣлъ вернуться назадъ.

Послѣ двухчасовой прогулки, у него явился хорошій аппетитъ и онъ, забывъ о діетѣ, которую долго соблюдалъ передъ тѣмъ, покушалъ хорошо, былъ веселъ и доволенъ, много шутилъ, а послѣ обѣда, по обыкновенію, легъ на полчаса отдохнуть; вставъ же, почувствовалъ тошноту, сдѣлалась рвота, которая никого изъ насъ не испугала; мы отнесли это, конечно, къ простому разстройству желудка, уложили его въ постель, давъ домашнія средства противъ разстройства, и, успокоившись, разошлись на ночь по своимъ комнатамъ.

Ночью у него опять поднялась рвота и къ утру превратилась въ черную, какъ чернила; онъ былъ неузнаваемъ, лицо его осунулось и потемнѣло. Послали въ г. Бронницы за докторомъ, который, пріѣхавъ, осмотрѣлъ больного, покачалъ головою, сказавъ, что болѣзнь очень трудная и опасная. Дѣлали все, что только могло спасти больного, но болѣзнь брала верхъ и шла быстро; сдѣлалось разложеніе желчи.

Страданія были жестокия. Томительная жажда иссушала всю внутренность больного; удовлетворять-же ее не позволяла несносная рвота, начинавшаяся послѣ каждой ложки освѣжающей воды. Невыносимыя мученія продолжались ровно 10 дней; выписали было доктора изъ Москвы; но было уже поздно. Онъ нашелъ, что леченіе ведено было бронницкимъ врачомъ правильно, какъ слѣдуетъ; но что спасти страдальца съ самаго начала болѣзни не было возможности.

Я не покидала ни днемъ, ни ночью постели больного, кото-



рый во все время не терялъ памяти и сознанія; бодрость духа, остроуміе и какая-то дѣтская веселость не покидали его даже во время этого тяжкаго недуга.

Онъ лежалъ въ кабинетѣ, увѣшанномъ портретами предковъ своихъ; въ томъ числѣ былъ и портретъ его матери, смотря на котораго, онъ часто сталъ повторять, что скоро со всѣми ими увидится и умретъ въ этомъ-же кабинетѣ, гдѣ скончалась и его матушка.

Чтобы разогнать эти мрачныя мысли, мы рѣшились перевести его въ другую комнату. Онъ согласился и имѣлъ еще настолькоъ силы, что самъ перешелъ нѣсколько комнатъ и шутя говорилъ, что „онъ сталъ теперь точно выходецъ съ того свѣта“. Попросилъ подать ему зеркало, чтобъ, какъ говорилъ онъ, „запомнить свой образъ при томъ исчезновеніи, въ которое вступаю я теперь“.

Бывало, ночью, выйдя изъ забытѣя и видя меня постоянно около него, обернется ко мнѣ съ своими, всегда добрыми, нѣжными словами: „А вы все здѣсь еще, другъ мой? Измучилъ я васъ?“ — или, глядя меня по головѣ, скажетъ: „Какъ вы похудѣли, ухаживая за мной! Не знаю какъ и благодарить васъ за ваше нѣжное хожденіе за больнымъ старикомъ. И какъ долженъ благодарить Бога, что не тогда заболѣлъ я, когда пріѣхалъ сюда одинимъ! Что сталъ бы дѣлать я тогда безъ нѣжныхъ друзей?“

Онъ чувствовалъ и видѣлъ яснѣе насъ, что недугъ его смертельный. Слѣдующій разговоръ его со мною свидѣтельствуешь — насколько душа его была приготовлена къ смерти и переходу въ вѣчность.

Однажды, не задолго до его кончины, подавшись сильному горю при мысли о предстоящей скорой вѣчной разлукѣ съ нимъ, я глядѣла на умирающаго старца, лежавшаго въ забытѣи, и залилась слезами. Точно-ли онъ спалъ или такъ лежалъ, но вдругъ онъ ласково обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— „О чемъ вы плачете, другъ мой?“

Услыхавъ его вопросъ, я какъ-бы очнулась и старалась скорѣе скрыть слезы, чтобъ не испугать его, но онъ продолжалъ также тихо и внятно: „не плачьте, другъ мой, обо мнѣ, я готовъ предстать на судъ милосердаго Бога“ и, показывая рукою на стоявшую передъ нимъ икону Спасителя, продолжалъ:

— „Я молю только Господа, чтобъ Онъ послалъ ангела Своего отрѣшнить мирно душу мою отъ тѣла. Васъ же прошу, другъ мой, когда меня не будетъ здѣсь на землѣ, помолитесь обо мнѣ. Ваша молитва чистая дойдетъ до Господа и будетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ дружбы вашей ко мнѣ на землѣ“.

Я ужъ больше не могла сдерживать себя и просто зарыдала, припавъ къ его исхудалымъ рукамъ и цѣлуя ихъ. Любящему его сердцу видимо стало жаль меня и онъ сталъ успокаивать меня, говоря: „Не плачьте, другъ мой, Господь можетъ дать, что мы опять будемъ гулять вмѣстѣ съ вами по любимымъ полямъ“. Но, конечно, я хорошо чувствовала, что это одно лишь утѣшеніе съ его стороны. Вообще въ продолженіе всей болѣзни Михаила Александровича, всѣ съ большою любовію ухаживали за нимъ, никто не тяготился имъ, кажется, всякій былъ-бы радъ цѣлѣй вѣкъ ходить за такимъ вроткимъ и признательнымъ больнымъ, каковъ былъ онъ. Наталья Дмитріевнѣ, женѣ его, тяжело всѣмъ, конечно, было видѣть угасающую столь дорогую ей жизнь, и она съ трудомъ могла сдерживать въ присутствіи больного накопившуюся скорбь свою.

Наканунѣ кончины своей Михаилъ Александровичъ по утру попросилъ послать за священникомъ и святыми дарами, исповѣдывался, просилъ у всѣхъ прощенія и съ большимъ чувствомъ приобщился святыхъ Тайнъ. Потомъ, часъ спустя, по желанію крестьянъ, которые въ продолженіе всей болѣзни его постоянно толпились у дверей дома, узнавая о его здоровьи, сами крестьяне принесли чудотворную ихъ икону Скорбящей Божіей Матери и въ комнатѣ больного просили отъ себя отслужить молебенъ за его здравіе. Трогательная была картина, когда комната наполнилась крестьянами, молящимися о дорогомъ отходящемъ. Михаилъ Александровичъ самъ молился съ чувствомъ и видимо былъ тронутъ молитвами за него крестьянъ, которыхъ онъ очень любилъ. Они всегда имѣли къ нему прямой доступъ и онъ любилъ съ ними бесѣдовать о ихъ нуждахъ и много помогалъ имъ. По омованіи молебна съ обычнымъ своимъ добродушіемъ онъ прощался съ каждымъ изъ нихъ и благодарилъ ихъ за участіе и за любовь, выраженную ими къ нему. Отдохнувъ немного послѣ утомительнаго утра, онъ подозвалъ опять меня къ себѣ, посадилъ возлѣ себя на кровать и спросилъ:

— „Какой завтра день, почтовый? Вы будете писать въ Тобольскъ“? и, не давъ мнѣ отвѣтить, продолжалъ: „Теперь выслушайте мою послѣднюю просьбу: напишите и передайте, пожалуйста, всѣмъ друзьямъ моимъ и товарищамъ, назвавъ каждого по имени, послѣдній привѣтъ мой на землѣ. Вашему же батюшкѣ скажите особенное отъ меня спасибо за его дружбу и жертву его отпустить васъ ко мнѣ. Вѣдь я знаю—какъ она тяжела была ему, любящему васъ такъ горячо, какъ онъ любить“.

Отдохнувъ немного, онъ продолжалъ:

— „Другу же моему Ивану Дмитриевичу Ягушкину, кромя сердечнаго привѣта, передайте еще, что я сдержалъ данное ему слово при полученіи отъ него въ даръ въ Тобольскѣ этого одѣяла (онъ былъ покрытъ вязаннымъ одѣяломъ, подареннымъ ему Ягушкинымъ), обѣщая не разставаться съ нимъ до смерти. А вы сами видите—какъ близокъ я теперь къ ней“!...

День прошелъ спокойно; больной сталъ жаловаться только на боль въ раненой ногѣ.

Къ вечеру боль усилилась, а потомъ поражена была вся правая сторона и частію языкъ параличемъ. Докторъ велѣлъ поставить ногу въ горячую ванну; боль не унималась, а горячая ванна произвела только бредъ; кровь вся прилила къ головѣ, всю ночь онъ бредилъ и усиливался встать, но парализованная нога мѣшала ему.

Къ утру 30-го апрѣля (1854 г.) произошелъ сильнѣйшій упадокъ силъ съ выступившимъ холоднымъ крупнымъ потомъ; бредъ прошелъ, сознание вернулось къ больному и онъ сталъ видимо угасать; ему стали представляться какія-то видѣнія. Я принесла ему крестъ съ мощами и предложила читать за мною молитву „Да воскреснетъ Богъ“. Онъ видимо обрадовался, приложился съ благоговѣніемъ ко кресту, но едва могъ уже читать.

Послали за священникомъ, началось соборованіе масломъ, рука больного слабѣла и не могла уже держать свѣчу. Плачь и рыданіе наполнили комнату умирающаго; всѣ домашніе собрались помолиться объ отходящемъ, всѣми столь любимомъ, человѣкѣ.

По окончаніи соборованія священникъ предложилъ ему еще приобщиться святыхъ Тайнъ; онъ радостно выразилъ свое согла-

сіе и съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія принялъ Господа. Священникъ началъ читать отходную; во время чтенія оной Михаилъ Александровичъ отдалъ духъ свой въ руцѣ Божіи съ какою-то неземною радостною улыбкою, озарившею уста его.

Это было въ 4 часа пополудни 30 апрѣля 1854 года.

Миръ праху твоему, добрая, незабвенная, любящая душа!!!

Похороненъ Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ Московской губерніи въ городѣ Бронницахъ, при соборномъ храмѣ, въ томъ же склепѣ, гдѣ погребенъ и братъ его, Иванъ Александровичъ.

Хоронили его 4 мая, при огромномъ стеченіи народа, собравшагося со всѣхъ даже окрестныхъ деревень.

М. Д. Францова.

Замѣтки М. А. Фонъ-Визина въ заключеніи въ Петропавловской крѣпости

въ 1826 г.

Марта 17-го. Письма моего милого, сердечнаго друга—для сердца моего драгоценной памятникъ ея нѣжной любви ко мнѣ. О, Боже милосердый! повергаюсь предъ Тобою и съ сердечнымъ умиленіемъ приношу молитву благодаренія за неизрѣченныя Твои милости. Ты соединилъ меня съ моею милою подругою священными узами—Ты благословилъ взаимную любовь нашу, можетъ-ли быть земное счастье выше сего? Я люблю Наталью всѣми способностями души моей—любимъ ею—Ты, Господи, по великой Твоей благодати даровалъ намъ дѣтей. Есть-ли на свѣтѣ человѣкъ счастливѣе меня? Въ переходѣ, насъ постигшемъ, несчастій вижу праведное наказаніе за мои великія прегрѣшенія. Благословляю святую Десницу, карающую меня—покоряюсь святой волѣ Твоей,—Ты наказуешь, Ты и милуешь!

Тяжела разлука съ милыми сердцу—но Ты, Господи, соединишь меня съ ними и минута свиданія съ моею Натальею—минута счастливѣйшая въ жизни моей, съ избыткомъ вознаградитъ мнѣ всѣ горести и мученія разлуки. О, сколь Ты благъ и милосердъ, Господи—Ты ниспослалъ мнѣ лучъ утѣшительной надежды, услаждающій душу мою. О, Наталья! какъ я люблю тебя!

Наталино письмо отъ 5-го марта сильно потрясло душу мою: ужасная мысль вѣчной разлуки съ нею никогда не входила въ мое сердце—я содрогнулся. Источникъ слезъ облегчилъ меня и первое чувство мое было—сердечная молитва къ милосердому Богу, забывшему меня отъ величайшаго бѣдствія, какое можетъ постигнуть меня. Господи, сохрани и помилуй милыхъ сердцу моему—да не коснется къ нимъ несчастіе, молю Тебя обратить на меня все худо, которое могло бы съ ними случиться. Сохрани и помилуй ихъ. Всего на свѣтѣ дороже мнѣ Наталья, дѣти наши и братъ мой съ близкими ему. Господи, забави меня отъ несчастія пережить сихъ милыхъ сердцу моему.

18-го марта. Сумрачный день—и у меня на сердцѣ что-то жутко, какъ говоритъ моя Наталья. Сейчасъ былъ у меня докторъ—этотъ добрый человѣкъ имѣетъ даръ всегда разговорить меня и успокоить. Сегодня послѣ

обѣда обѣщаю себѣ удовольствіе писать къ моему сердечному другу и чтобы продолжать оное, задумалъ я начать писать къ ней дни за три до отправления письма. У меня былъ г-нъ М., онъ видѣлъ брата и съ удивленіемъ говорилъ о его душевномъ спокойствіи, твердомъ упованіи на Провидѣніе и пламенной вѣрѣ, которою чистая душа его исполнена. Бѣдной братъ былъ также боленъ, но теперь, благодареніе Всевышнему, здоровье его поправилось; я сердечно порадовался и подумалъ, что я, слабый человѣкъ, безпрестанно возпеваемый, никогда не достигну той степени нравственнаго совершенства, въ которой находится другъ мой братъ. Будущую недѣлю хотѣлъ я говѣть и въ жизни моей не былъ въ лучшемъ расположеніи души для исполненія сего священнаго долга — спрашивалъ, но мнѣ сказали, что сіе невозможно. Можетъ быть, Господь сподобитъ меня исполнить опытъ вмѣстѣ съ другомъ моимъ Натальей. Господи, Тебѣ все возможно. молю Тебя—возврати меня къ своимъ милымъ. Господи, благодарю Тебя, что Ты не лишаешь меня надежды соединиться съ ними. Эта сладостная надежда подкрѣпляетъ меня — Господи, не отними ея у меня.

Въ Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвы далъ обѣщаніе, благополучно возвратиться къ вамъ, друзья милые, послать 500 (руб.) на тюрьмы и столько же, по Натальному распоряженію, бѣднымъ всякаго званія.

26-го марта. Наслу написалъ къ моей Натальѣ. Съ 19-го всѣ дни валяюсь какъ пласть отъ лихорадки—какъ тѣлесной, такъ иногда и душевной. Авось письма отъ друга моего полетутъ, а Густавъ Ильичъ—на-врядъ.

25-го апрѣля. День для меня незабвенный—послѣ горестной продолжительной разлуки съ другомъ моимъ Натальей, я увидѣлъ ее и ошилъ душою—не помню, чтобы во все продолженіе моей жизни я имѣлъ столь сладостныя минуты, не смотря на то, что чувства наши были сковано присутствіемъ посторонняго человѣка. Господи, благодарю Тебя въ глубинѣ души моей!

31-го апрѣля. Сегодня свиданіе мое съ Натальей и надежда, которую она оживила, такъ расположили душу мою, что я почувствовалъ необходимость излить чувства мои—чувства радости—чувства безпредѣльной благодарности къ всеблагому Промыслу за всѣ благодѣянія, называемыя на меня. Несчастію моему обязанъ я тѣмъ, что въ первый разъ испыталъ я силу и сладость сердечной молитвы къ Богу. Въ продолженіе пяти мѣсяцевъ пребыванія моего въ стѣнахъ сихъ сколько разъ сердечною молитвою облегчалъ я скорбь мою—сколько разъ съ сокрушеннымъ сердцемъ приносилъ я поканіе въ грѣхахъ моихъ—съ какимъ пламеннымъ чувствомъ молился я о женѣ и дѣтяхъ и о братѣ моемъ. Господи, благодарю Тебя за испытаніе, которое Ты послалъ мнѣ, молю Тебя, да не изгладятся никогда въ души моей чувства сія, но да утвердятся и усилятся.

6-го мая. Приѣздъ друга моего въ Петерб. не только возвратилъ мнѣ спокойствіе душевное, но сдѣлалъ то, что сердце мое стало способно ощущать радость—сегодня ходилъ я гулять по берегу и по обыкновенію думалъ

о моемъ другѣ—вдругъ увидѣлъ яликъ и въ немъ двѣ дамы въ бѣлыхъ шляпахъ—сердце мое мнѣ сказало, что это была моя Наталья, я тотчасъ узналъ ее, хотя въ нѣкоторомъ разстояніи—она меня также и мы оба всѣмъ сердцемъ обрадовались сей счастливой встрѣчѣ—принимая оную благополучнымъ предзнаменованіемъ скорого соединенія съ моимъ другомъ. Съ сердцемъ, исполненнымъ радости, благодарю Господа—можетъ быть во всей крѣпости сегодня имѣть человѣка счастливѣе меня—я почти въ этомъ увѣренъ.

9-го мая. Вчера былъ у меня почтенный нашъ священникъ—и посѣщеніе его было какъ бы упрекъ моеѣ совѣсти, что по сіе время не послѣдовалъ совѣту моего друга Натальи, не покалася въ моихъ грѣхахъ и не приобщился святыхъ христовыхъ Тайнъ.

Едва священникъ отъ меня вышелъ, я почувствовалъ сильное желаніе исполнить священный долгъ и тотъ-же часъ написалъ письмо къ коменданту, прося его на сіе позволеніе. Завтра начну говѣть—прилежно читать слово Божіе—если мнѣ дадутъ книгу Новаго Завѣта, о чемъ я также просилъ. Какъ бы я былъ счастливъ, если бы почтенный священникъ посѣтилъ меня въ продолженіи недѣли и я могъ воспользоваться его духовною бесѣдою.

Господи! молю Тебя усердно—помоги мнѣ достойно приуготовить душу мою къ сему великому дѣйствию—прими чистое покаяніе въ моихъ великихъ прегрѣшеніяхъ и сподоби меня неосужденно причаститься святыхъ Твоихъ божественныхъ Тайнъ.

Передъ снѣмъ душа моя и мысли были разсѣяны ожиданіемъ рѣшенія судьбы моеѣ. Господи, удали отъ меня всѣ суетные помыслы и поддержи меня въ благомъ намѣреніи.

26-го мая. Прогулка сегодня была для меня счастлива—я видѣлъ моего друга Наталью, но возвратился въ тюрьму мою неутѣшенъ. Она мнѣ показала такъ худа и блѣдна, что я принялъ ее за Е. Ѡ., но послѣ по черному платью и по очкамъ узналъ моего безцѣннаго друга; въ разлукѣ съ ней я узналъ—сколь много люблю ее. Бѣдная грустите—я видѣлъ, что она плакала, и если несчастіе мое я сильнѣе чувствую, и иногда прихожу въ отчаяніе, такъ единственно за нее бѣдную, невинно страдающую. Къ большому моему прискорбію знаю я, что и она живетъ въ несносномъ принужденіи—я съ начала это предчувствовалъ и сожалѣлъ, что она переѣхала къ Г.... Если-бы она послушалась совѣту добраго человѣка и переѣхала бы на нанатую квартиру, то я увѣренъ, что была бы спокойнѣе и я также. Какъ благодаренъ я доброй милой Е. Ѡ., что она съ ней—по крайней мѣрѣ есть ей кому открыть горестную душу свою.

Тѣломъ я здоровъ—но душа унываетъ, надежда перестала улыбаться мнѣ и по горести Натальиной и по тому, что почтенный духовникъ мой, который былъ у меня сегодня, ничего не сказалъ мнѣ утѣшительнаго, заключаю, что несчастіе мое продолжится.

Господи! съ покорностью покоряюсь святой волѣ Твоей и готовъ на всѣ бѣдствія, но сохрани и успокой моего милаго друга, пошли душѣ ея утѣшеніе и утверди ея. Сохрани дѣтей нашихъ—Тебѣ, Господи, поручаю моихъ моихъ. Будь имъ покровителемъ—Ты, отецъ всѣхъ несчастныхъ. Господи, прими сіе моленіе недостойнаго раба Твоего, котораго Ты по правосудію Своему наказываешь за безчисленныя прегрѣшенія.

Благословляю десницу Твою, карающую меня. Г...а я всегда считалъ ужаснѣйшимъ деспотомъ, но не воображалъ себѣ, чтобы бѣдная моя Наталья когда нибудь могла быть жертвою его властолюбія, которое для друга моего должно быть тѣмъ тягостнѣе, что она привыкла къ свободѣ — признаюсь, мнѣ за нее и грустно, а болѣе досадно — съ нетерпѣніемъ жду извѣстій, что она освободилась отъ несноснаго ига, переживавъ къ себѣ — ежели же она на сіе не рѣшится, то какъ мнѣ ни грустно будетъ, напишу къ ней, чтобы она ѣхала къ дѣтямъ.

М. А. Фонъ-Визинъ.

Сообщ. М. Д. Францова.

---



# ИЗЪ ИСТОРИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАГО ДѢЛА ВЪ РОССИИ.

Николаевская дорога, между Петербургомъ и Москвою

въ 1842—1852 гг.

IV <sup>1)</sup>.

Главныя изысканія были окончены въ началѣ 1843 года и линія для проведенія С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги избрана и обозначена на мѣстѣ вѣхами и маяками. Она проходила по полямъ, лугамъ и болотамъ открыто, а чрезъ лѣса, особенно густые и трупобѣстные въ Новгородской и Тверской губерніяхъ, обозначалась правильными просѣками шириною въ 2 саж. Далекіе просвѣты этихъ просѣковъ сквозь темныя лѣса казались слѣдомъ новой идеи, которая пробивала себѣ путь отъ новой русской столицы къ старой, пролагая его, не смотря на всѣ преграды, или ловко ихъ обходя.

Линія эта, по собраніи всѣхъ топографическихъ свѣдѣній по ней самой и по ея сторонамъ,—была нанесена на карту, которая высочайше утверждена 14 апрѣля 1843 г., какъ гласитъ надпись на ней главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, графа Клейнмихеля.

Изъ этой карты мною, разумѣется съ сотрудниками, проложена <sup>1</sup> часть всего пути, именно отъ гор. Твери до р. Коломенецъ, какъ по избранію линіи, такъ и составленію самой карты, въ масштабѣ 4 версты въ дюймѣ. Карта эта потомъ замѣнена другою и объ отпечатанъ; послѣдняя отличается подробностью.

---

<sup>1)</sup> Первые три главы см. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1886 г., томъ XLVI, май, стр. 309—322.

По этой картѣ производство работъ распредѣлялось, по сѣверной и южной дирекціямъ, на участки; а именно, по сѣверной дирекціи, начиная отъ Петербурга:

1-й участокъ, включая столичную станцію со всѣми разѣздными пунктами, до Фарфороваго завода, на протяженіи  $4\frac{1}{2}$  верстъ.

2-й участокъ, отъ границы предъидущаго, за дер. Ушаки на 1 версту, на протяженіи 58 верстъ.

3-й участокъ, отъ границы предъидущаго, до с. Чудова, на протяженіи  $51\frac{1}{2}$  версты.

4-й участокъ, отъ с. Чудова до рѣки Мсты, на протяженіи 68 верстъ.

5-й участокъ, отъ р. Мсты до границы уѣздовъ Крестецкаго и Валдайскаго, на протяженіи 53 верстъ.

6-й участокъ, до р. Коломенецъ и границы южной дирекціи С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, на протяженіи 57 верстъ.

Далѣе, по южной дирекціи, гдѣ счетъ участковъ начинался отъ Москвы, а именно:

1-й участокъ, отъ станціи въ Москвѣ, включая ее, до дер. Журово, на протяженіи  $45\frac{1}{2}$  верстъ.

2-й участокъ, отъ границы предъидущаго до Яма Завидово и с. Спасскаго, на протяженіи  $54\frac{1}{2}$  верстъ.

3-й участокъ, отъ границы предъидущаго до р. Волги, на протяженіи 57 верстъ.

4-й участокъ, отъ р. Волги, до дер. Калашникова, на протяженіи 54 верстъ.

5-й участокъ, отъ границы предъидущаго до р. Цны у Вышняго Волочка, на протяженіи 54 верстъ.

6-й участокъ, отъ р. Цны до границы сѣверной дирекціи у р. Коломенецъ, на протяженіи 47 верстъ.

А всего протяженія по линіи предполагаемой желѣзной дороги:

По сѣверной дирекціи	292 версты
По южной дирекціи	312 верстъ

Вообще . . . 604 версты.

Кромѣ карты направленія желѣзной дороги, былъ поздне составленъ продольный профиль ея, по соединеніи нивелировокъ всѣхъ отдѣльных частей; профиль этотъ въ настоящее время имѣется также напечатанный въ двухъ видахъ, именно: сокращенный въ масштабъ— для горизонтальныхъ разстояній 1 верста въ  $\frac{1}{100}$  сажени и для вертикальныхъ отмѣтокъ 5 саж. въ  $\frac{1}{100}$  саж., а подробный въ мас-

штабѣ—для горизонтальныхъ разстояній 50 саж. въ 3 дюймахъ и для вертикальныхъ отмѣтокъ 100 саж. въ 3 дюймахъ.

Въ обоихъ чертежахъ вертикальныя отмѣтки высотъ отнесены къ ближайшему уровню моря или къ ординарному горизонту воды въ рѣкѣ Невѣ въ С.-Петербургѣ.

По этимъ профилямъ получается весьма опредѣленное понятіе о рельефѣ мѣстности, гдѣ должна была пройти желѣзная дорога, а также положеніе землянаго полотна подъ ней, которое, подчиняясь правильному продольному пролеганію и требуемымъ уклонамъ, рѣжетъ и заполняетъ природныя неровности почвы и поэтому проходить: то въ выемкахъ, то въ насыпяхъ, иногда сливаясь съ нею. Все это очень ясно видно на профилѣ, особенно по второму детальному чертежу, на которомъ показаны: отмѣтки высотъ, отнесенныя къ уровню моря какъ самой мѣстности, такъ и поверхности землянаго полотна желѣзной дороги, надъ которымъ рельсы возвышаются уже не болѣе какъ на  $2\frac{1}{2}$  до  $3\frac{1}{2}$  футъ—соотвѣтственно толщинѣ верхняго строенія дороги надъ полотномъ.

Можетъ быть будетъ нѣсколько скучно читать, но мы все-же полагаемъ необходимымъ изобразить описаніемъ топографическій очеркъ мѣстности, гдѣ проходитъ желѣзная дорога, а также и рельефъ, показывая въ замѣчательныхъ мѣстахъ отмѣтки возвышеній землянаго полотна и почвы, отнесенныя къ уровню моря, а для краткости эти отмѣтки мы будемъ показывать подъ названіемъ «отмѣтки высоты» и цифры въ саженяхъ ставить въ ( ), также нѣкоторыя отмѣтки выемокъ и насыпей.

Отъ Петербурга линія желѣзной дороги, относительно Московскаго шоссе, проходить слѣдующимъ образомъ:

На первыхъ 20 верстахъ между шоссе и Невюю, въ удаленіи отъ того и другой около 5 верстъ, оставляя шоссе съ правой стороны, а Неву съ лѣвой; при чемъ Нева послѣ 30 верстъ отходить, удаляясь, а шоссе сближается съ желѣзной дорогой до одной версты. При чемъ линія желѣзной дороги идетъ почти все прямо до станціи Чудово, гдѣ московское шоссе круто поворачиваетъ направо и удаляется къ городамъ: Новгороду, Крестцамъ и Валдаю и опять сближается съ линіею желѣзной дороги только у Вышняго Волочка, дѣлая этотъ обходъ на протяженіи 233 верстъ, съ 103 до 336 версты. Отъ Вышняго Волочка, московское шоссе опять удаляется вправо въ обходъ чрезъ Торжокъ до Твери, у которой желѣзная дорога пересѣкаетъ шоссе и оно переходитъ на лѣвую сторону желѣзной дороги.

У станціи Черная грязь (на шоссе) опять онѣ пересѣкаются и далѣе до Москвы шоссе остается съ правой стороны, находясь отъ са-

мой Твери въ разстояніи отъ линіи желѣзной дороги около 2 — 7 версть.

Вообще, чѣмъ болѣе линія желѣзной дороги удаляется отъ шоссе, тѣмъ мѣстность становится глуше и встрѣчаются большіе хвойные лѣса и болота; особенно лѣсиста мѣстность около Малой Вишеры и Окуловки и за Вышнимъ Волочкомъ до р. Любенки на 358 верстѣ. Орлы, олени, медвѣди, лоси и дикія козы здѣсь у себя дома и даже открытіе движенія желѣзной дороги не разогнало ихъ, и теперь въ 2—3 верстахъ отъ Окуловки, гдѣ была настоящая трущоба, залегаютъ медвѣди, а олени въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рельсовъ, слыша шумъ поѣздовъ, преспокойно щиплютъ листь съ деревьевъ,—такъ что сюда нерѣдко прѣзжаютъ охотники изъ Петербурга.

По губерніямъ линія желѣзной дороги проходитъ: по Петербургской на протяженіи 55 версть, по Новгородской — 254 версть, по Тверской—180 версть и по Московской на 115 версть, всего 604 версты; тутъ опять самая глухая мѣстность приходится на Новгородскую губ. и въ Тверской только одно весьма глухое мѣсто между Волочкомъ къ Спирову до р. Любенки на протяженіи 20 версть, гдѣ находится густой Ермоловскій лѣсъ съ Гуменскимъ болотомъ. Въ этомъ дремучемъ сосновомъ и еловомъ лѣсу, теперь уже почти совсѣмъ вырубленномъ, при прорубкѣ просѣки спугнули изъ гнѣзда двухъ молодыхъ орловъ, настоящей породы (*aigle royal*), которые были величиною съ индюка, и одинъ долго жилъ, въ большой, какъ будкѣ, клѣткѣ, у нижевера Петрава.

Самыя населенныя мѣстности оказались отъ г. Клина до Москвы и отъ Окуловской станціи до Березайской, вообще въ мѣстахъ гористыхъ,—разумѣется, въ сторонѣ отъ Окуловки, поодаль отъ желѣзной дороги, а не около самой станціи.

## У.

Относительно возвышенія и пониженія мѣстности и поверхности самаго полотна желѣзной дороги представляется слѣдующая характеристика, конечно, въ общихъ чертахъ.

Въ Петербургѣ С.-Петербургско-Московская желѣзная дорога начинается на столичной станціи у Знаменской площади около Лиговскаго канала, вдоль котораго, какъ извѣстно, проходитъ самое высоекое мѣсто въ С.-Петербургѣ. Здѣсь на станціи отмѣтка возвышенія полотна желѣзной дороги надъ уровнемъ моря выражается въ (4,77) саж. и столько-же самой почвы. Отъ Петербургской станціи до р.

Ижоры, нѣсколько далѣе Колпинской станціи — на протяженіи 26 версты мѣстность довольно ровная, съ незначительнымъ возвышеніемъ землянаго полотна; къ самой р. Ижорѣ возвышеніе почвы доходить до (6) саж. Вся эта мѣстность отъ Петербурга составляетъ vizменную древнюю дельту р. Невы, возвышенные берега которой рѣзко обозначаются и завершаются Пулковой горою.

Такимъ образомъ, съ 26<sup>1/2</sup> до 32 версты между Колпино и Сабляно по линіи желѣзной дороги мѣстность быстро возвышается и возвышеніе почвы и проектированнаго землянаго полотна дороги имѣть отмѣтку отъ (5) до (20) саж. и здѣсь находится извѣстная, впоследствии возведенная подъ полотно, высокая Степановская насыпь изъ шывучей глины, которая постепенно расплзалась, такъ что принуждены были ее поддержать присыпанными съ боковъ изъ земли-же контрфорсами. Высота этой насыпи надъ почвою доходить до 5 саж. и протяженіемъ 5<sup>1/2</sup> версты.

Поднявшись на эту высоту, мѣстность идетъ пологими волнами, все еще постепенно возвышаясь до 57 версты (считая вообще отъ Петербурга), гдѣ подъемъ надъ уровнемъ моря имѣть отмѣтку до (26) саж. и земляное полотно проходитъ почти все въ насыпи, возвышаясь надъ почвою около 1 саж.

Отсюда мѣстность начинаетъ понижаться волнами, постепенно спускаясь до р. Волхова, который пересѣкается на 118 верстѣ, и на 7<sup>1/2</sup> верстѣ за Чудовскую станцію; на этомъ протяженіи, по проекту, земляное полотно идетъ почти все въ насыпи, доходящей до р. Волхова до 3 саж. высоты, причемъ почва имѣть отмѣтку высоты до (9) сажень.

Пройдя долину р. Волхова до 124<sup>1/2</sup> версты, почва подымается и начинаются Валдайскія возвышенности, поднятыя на 137 верстѣ у станціи Гряды по отмѣткѣ на (24) саж., а земляное полотно проходить здѣсь частью въ насыпи незначительной вышины. Тутъ находятся переходы черезъ рѣки Большая и Малая Вишера <sup>1)</sup> и у послѣдней, при станціи 1 класса — Малая Вишера на 152 верстѣ, отмѣтка возвышенія почвы и землянаго полотна до (29) саж. Отъ р. Малой Вишеры до р. Мсты мѣстность болѣе возвышенная, съ пониженіемъ къ пересѣкаемымъ долинамъ рѣкъ; а полотно желѣзной дороги проходить большею частію въ незначительной насыпи, и мѣстами въ выемкахъ.

Отъ р. Малой Вишеры до р. Мсты мѣстность возвышается на 158

---

<sup>1)</sup> Обѣ рѣки, вытекавъ изъ болотъ, имѣютъ желтую воду, которую однако пьютъ на Мало-Вишерской станціи.

верстѣ до (35) саж. и увалами такъ идетъ до р. Мсты на 177 верстѣ; полотно желѣзной дороги проходить здѣсь попеременно въ значительныхъ выемкахъ и насыпяхъ. Мѣстность эта весьма пересѣченная и на 175 верстѣ переходъ черезъ глубокую долину р. Хубы. Долина самой р. Мсты на 177 верстѣ, находясь среди горъ; узка и глубока и врѣзалась такъ, что потомъ устроенный мостъ возвышается надъ рѣкою на 19 саж. и здѣсь полотно желѣзной дороги имѣть отмѣтку возвышенія надъ уровнемъ моря (34) саж., а почва (37) саж.

Отъ р. Мсты начинается къ С.-Петербургу крутой Веребьинскій подъемъ для перевала чрезъ Валдайскія горы. Подъемъ этотъ составляетъ одно изъ самыхъ трудныхъ мѣстъ для проложенія желѣзной дороги, такъ что здѣсь было невозможно удовлетворить требуемому условію, какъ приведено выше, чтобы уклонъ подъема не превосходилъ  $\frac{1}{100}$ , т. е. 1 саж. возвышенія на 100 саж. горизонтальнаго разстоянія; такъ что, не смотря на большія земляныя работы — выемки и насыпи, — принуждены были для проекта полотна ограничиться подъемомъ въ  $\frac{1}{100}$  или 0,08, каковой подъемъ проходить съ 178 до до 197 версты на протяженіи 19 верстѣ и полотно дороги имѣть отмѣтку возвышенія надъ уровнемъ моря внизу подъема (34) саж., а сверху (89) саж.

Устройство этого подъема было еще тѣмъ чрезвычайно затруднено, что на пути его встрѣтился весьма глубокій оврагъ, по дну котораго протекаетъ, параллельно р. Мстѣ, небольшая рѣчка Веребья, пересѣкающая линію желѣзной дороги слѣва направо и выдающая верстѣ 35 ниже у дер. Морозовицы въ р. Мсту. Чрезъ этотъ оврагъ потребовалось устроить, на 186 верстѣ, огромный Веребьинскій мостъ вышиною въ 24 саж.

Мостъ этотъ, построенный снизу на высоту 12 саж., на каменныхъ опорахъ, и къ верху на 12 саж., на деревянныхъ стойкахъ, съ перекрытіемъ пролетовъ въ 25 саж. деревянными фермами америкавской раскосной системы. Впоследствии, черезъ 30 лѣтъ, мостъ этотъ пришелъ въ ветхость, а также для достиженія болѣе пологого подъема, въ 1878—1881 годахъ, устроенъ обходъ по лѣвую сторону желѣзной дороги, съ цѣлью при этомъ перейти Веребьинскій оврагъ ближе къ вершинѣ его, тамъ, гдѣ онъ мельче, и чтобы удлиненіемъ пути его сдѣлать пологимъ, развѣвъ на большее протяженіе. Таковой обходъ начинается на 175 верстѣ и кончается на 187 верстѣ, обходя часть пути на протяженіи 12 верстѣ и удлинняя его противъ прямой линіи на 5 верстѣ, такъ что вся обходная часть желѣзной дороги имѣть протяженіе въ 17 верстѣ; а мостъ чрезъ Веребью замѣненъ каменною трубою отвѣстіемъ въ 3 саж. и длиною подѣ

насыпью при ея подошвѣ въ 50 саж., приче́мъ сама насыпь все-же имѣеть еще большую вышину въ 16 саж. Такова здѣсь горная трудная мѣстность.

Этотъ обходъ удлинилъ всю желѣзную дорогу, такъ что все ея протяженіе отъ Петербурга до Москвы теперь (съ 1881 г.) уже не 604, а 609 верстѣ; но при нашемъ описаніи, относящемся къ прежнему времени, мы сохранимъ старый счетъ верстѣ въ 604, какъ это показано на прежнихъ картѣ и профилѣ.

Эта обходная линія захватила собою еще, кромѣ Веребьянскаго, другой большой мостъ чрезъ р. Мсту, гдѣ, какъ извѣстно, старый мостъ сгорѣлъ въ 1868 году и вмѣсто его на уцѣлѣвшихъ каменныхъ устояхъ и быкахъ былъ сооруженъ временной мостъ, устроенный, по гениальной мысли Д. И. Журавскаго, безъ подмостковъ, которые при вышинѣ моста до 19 саж. потребовали-бы много времени и большихъ расходовъ. Новый постоянный Мстинскій мостъ (1881 г.), на обходной линіи, находится въ близкомъ разстояніи, около 100 саж., отъ стараго и построенъ желѣзный съ 5 пролетами по 35 саж., всего длиною 190 саж. и вышиною 21 саж., представляя собою грандіозное сооруженіе, рельсовые пути котораго выше, чѣмъ на старомъ мосту, на 2 сажени, въ видахъ болѣе пологой обходной линіи, которая имѣеть уклонъ въ 0,006.

Удлиненіе обхода потребовало постройки дополнительной малой станціи, которая названа «Новая Веребья».

Хотя описаніе всего этого выходитъ изъ періода нашей статьи, охватывающей время съ 1842 до 1852 года, но умолчаніе о такой капитальной перемѣнѣ было-бы также неловко.

Вся постройка обходной линіи съ новымъ Мстинскимъ мостомъ и Веребьянской трубой совершилась въ продолженіе 3 лѣтъ и движеніе по обходу открыто въ 1881 году.

Затѣмъ станемъ продолжать наше топографическое описаніе мѣстности отъ Веребьянскаго подъема, на которомъ весьма большая земляная работа и выемка болѣе 5 саж. глубины и насыпь до 2 $\frac{1}{2}$  саж. вышины и такъ далѣе до Торбинской станціи на 197 вер.

Далѣе рѣки Торбинки съ глубокой долиной предъ станціей этого имени характеръ мѣстности совершенно измѣняется, такъ какъ подъемъ прекращается и линія слѣдуетъ все по возвышенностямъ, но все-же по пересѣченной мѣстности съ большими насыпями до 5 саж. и постепеннымъ спускомъ къ 223 верстѣ къ озеру Боровно, гдѣ отмѣтка почвы (68) саж. и полотна (71) саж.; къ Угловской станціи опять подъемъ, такъ что за нею на 251 верстѣ отмѣтка почвы (97) и полотна (98) с.; потомъ спускъ къ р. Валдайкѣ и станціи этого имени, гдѣ на 265

верстѣ отмѣтка почвы (80) и полотна (84) саж., далѣе поднимается до высоты отмѣтки (89) саж. и полотно идетъ увалами до Бологова на 295 верстѣ, гдѣ отмѣтка почвы и полотна (81) саж. Тутъ коведъ сѣверной дирекціи при рѣкѣ Коломенецъ.

Но еще болѣе характеристика этой мѣстности отъ р. Торбинки состоитъ въ томъ, что по сторонамъ линіи дороги много ободенныхъ ею озеръ, главныя: Боровно и Пирось и въ концѣ Бологовское озеро длиною въ 7 верстѣ, гдѣ линія проходитъ здѣсь по перешейку между нимъ и озеромъ Змино, окруженнымъ топкимъ болотомъ. На этомъ перешейкѣ устроена потомъ Бологовская станція 1-го класса и мѣстность здѣсь къ Бологовскому озеру, окруженному горами и заселенному, весьма живописна.

Въ этой мѣстности, кромѣ ободенныхъ озеръ, встрѣчается много болотъ, которыя нельзя было миновать, и линія проходитъ чрезъ нихъ.

Отъ Бологова до р. Цны у Вышняго Волочка, на 336 верстѣ, такая-же мѣстность: по сторонамъ линіи дороги много болотъ и озеръ и на самой линіи дороги болота глубиною до 6 саж., а между ними мѣстность пересѣченная и полотно проходитъ понижаясь къ Вышнему Волочку и рѣкѣ Цнѣ съ отмѣтками почвы (68), полотна (71) саж., что соответствуетъ водораздѣлу Вышневолоцкой системы судоходства, гдѣ расходятся къ двумъ морямъ, Каспійскому и Балтійскому, рѣки Тверца и Цна и въ верховьяхъ ихъ находится, въ 4-хъ верстахъ отъ гор. Вышняго Волочка, питающее обѣ рѣки водохранилище съ большими запасомъ воды, занимающее площадь въ 64 квадр. версты.

Водоохранилище это имѣетъ свою исторію, основанное сподвижникомъ Петра Великаго—Сердюковымъ, который сперва тутъ имѣлъ пильный заводъ, а потомъ, взявъ на откупъ Вышневолоцкую систему судоходства, обратилъ его въ водохранилище, которое поэтому называется Заводскимъ.

Обращаясь нѣсколько назадъ къ Угловской станціи, именно, на 251 верстѣ отъ Петербурга и 353 верстѣ отъ Москвы находится высшая точка между обѣими столицами на полотнѣ желѣзной дороги, поднятая надъ уровнемъ моря на (98) саж. при возвышеніи здѣсь почвы на (97½) саж.; но это скорѣе можно считать между Петербургомъ и р. Волгою, къ которой окончательно подходятъ Валдайскія возвышенности, начинающіяся отъ р. Мсты на 177 верстѣ.

Если-же принять абсолютно до Москвы, то высшая точка находится много ближе къ послѣдней столицѣ, къ которой отъ р. Волги мѣстность опять сильно возвышается вровень съ Валдайскими горами <sup>1)</sup>,

<sup>1)</sup> Геологи принимаютъ, что и за Волгой продолжается все тотъ-же хребтъ Алаунскихъ горъ.



именно, 6 верстѣ не доходя до Брюковской станціи, въ 42 верстахъ отъ Москвы, на 562 верстѣ, гдѣ полотно дороги поднято, имѣя отиѣтку въ  $(101\frac{1}{2})$  саж., а поверхность почвы здѣсь имѣетъ отиѣтку  $(105\frac{1}{2})$  саж., такъ что высшая точка почвы между столицъ есть  $(105\frac{1}{2})$  саж.

Въ мѣстности отъ границы сѣверной и южной дирекціи у р. Коломенецъ съ 295 версты, гдѣ близко и с. Бологое, до Вышняго Волочка встрѣчается по сторонамъ линіи желѣзной дороги много больш., шихъ озеръ, которыя обращаютъ на себя особенное вниманіе; такъ главныя изъ нихъ: противъ с. Бологова по правую сторону, какъ сказано, близъ линіи, большое озеро Бологое и влѣво, въ разстояніи около 10 верстѣ къ сѣверу, за лѣсомъ, находится самое большое изъ здѣшнихъ озеръ—Бафтино, длиною 25 версты; на которомъ болѣе 100 острововъ и обиліе водныхъ птицъ для охоты. Около-же самой линіи у Зарѣченской станціи находятся: слѣва озеро Имоложье, а справа Находно и предъ Вышнимъ Волочкомъ слѣва озеро Мстино, сквозь которое протекаетъ р. Цна, получающая при выходѣ изъ озера названіе Мсты, которыя обѣ входятъ въ судоходную систему, и насыпь противъ озера Мстино находится приведенное выше справа заводское водохранилище; такъ что здѣсь линія дороги проходить по перешейкамъ между этими озерами и кромѣ того пересѣкаетъ глубокія болота, такъ достигая р. Цны у Волочка.

Переходъ чрезъ долину р. Цны по насыпи длиною 4 версты съ отиѣткою почвы (68) и полотна (71) саж. и р. Цна находится на 336 верстѣ.

Отъ Вышняго Волочка, именно отъ р. Цны, мѣстность совсѣмъ измѣняется; озеръ по сторонамъ линіи болѣе нѣтъ, и хотя также встрѣчается много болотъ вдоль р. Тверцы, пересѣкаемыхъ линіею желѣзной дороги, но всѣ они возвышенныя надъ рѣкою и составляютъ торфяники, которые со временемъ, съ истребленіемъ лѣсовъ, очень пригодятся.

У Осѣченской рѣчки и станціи, лежащей среди болотъ, на 351 верстѣ, отиѣтка возвышенія полотна желѣзной дороги  $(71\frac{1}{2})$  саж. и почвы (70) саж. и такое ровное мѣсто идетъ до 358 $\frac{1}{2}$  версты, гдѣ отиѣтка высоты землянаго полотна желѣзной дороги  $(71\frac{1}{2})$  саж., а почвы  $(73\frac{1}{2})$  саж. и полотно проходить въ насыпи чрезъ р. Осѣченку съ 347 до 360 версты, на протяженіи 13 верстѣ, при высотѣ насыпи до 2 саж. Въ концѣ здѣсь начинается отъ рѣчки Любенки подъемъ къ Спиrowsкой станціи, гдѣ на 365 верстѣ полотно поднято уже на (84) саж. въ значительной выемкѣ и затѣмъ, проходя по полямъ близъ рѣки Малой Тигаши, на самой Спиrowsкой станціи, полотно желѣзной дороги поднято на  $(80\frac{1}{2})$  саж., а почва слѣва (82) саж.

Впередъ отъ Спировской станціи мѣстность до рѣки Большой Тигамы понижается до 375 версты и отмѣтка полотна (78) саж., а почвы (76) саж. и отсюда идетъ подъемъ до 380 $\frac{1}{2}$  версты, гдѣ полотно поднято на (92 $\frac{3}{4}$  саж.) и потомъ спускъ; къ Калашниковской станціи полотно желѣзной дороги поднято на 388 вер. (88 саж.). Здѣсь отъ Вышневолоцкой станціи до р. Любенки много болотъ, а отъ этой рѣчки, чрезъ Спировскую станцію до Калашниковской, возвышенная мѣстность, идущая вверхъ и внизъ съ значительными волнами, такъ что потребовалось много земляныхъ работъ, и полотно врѣзается выемкою, особенно отъ р. Больш. Тигамы, гдѣ находится извѣстная Вашуринская выемка, въ чрезвычайно твердомъ и тяжеломъ грунтѣ, состоящемъ изъ коричневой песчанистой глины, вѣсь которой превосходить гранитъ, именно 1 куб. футъ вѣситъ до 5 пудовъ. Глубина выемки до 5 саж.

Отъ Калашниковской станціи съ 388 версты къ Волгѣ мѣстность постепенно понижается и слегка волнистая, не требовавшая большихъ земляныхъ работъ. Между Осташковской станціей и Кулицкой есть обширное болото Кулицкій мохъ и вблизи р. Кава, впадающей ниже въ рѣку Тверцу, на которой въ с. Кава (въ 1850 г.) деревянная церковь, построенная со временъ Петра Великаго, еще хорошо сохраняющаяся. У Осташковской станціи на 409 верстѣ отмѣтка возвышенія полотна (73 $\frac{1}{2}$ ) саж., у Кулицкой на 429 верстѣ—(64 $\frac{1}{2}$ ) саж. На 433 верстѣ переходъ чрезъ р. Тверцу и отмѣтка высоты полотна (62 $\frac{1}{2}$ ) саж. и впереди (58) саж., далѣе переходъ чрезъ р. Волгу на 444 верстѣ, отмѣтка высоты полотна на (59) саж., а почвы въ долины Волги на срединѣ (56) саж.

За Волгою на 445 верстѣ находится противъ гор. Твери, въ 1 верстѣ отъ нея, переходъ чрезъ р. Тьмаку, противъ Тверской станціи 1-го класса; полотно желѣзной дороги поднято здѣсь по отмѣткѣ на (59 $\frac{1}{2}$ ) саж.

Отъ Тверской станціи до Москвы мѣстность весьма гористая, не уступающая валдайскимъ возвышенностямъ, и переходить какъ-бы съ горы на гору, но за то мѣста безлѣсныя, открытыя и сухія, представляющія болѣе привѣтливую природу, нежели за Волочекъ къ Петербургу. Земляныя работы здѣсь весьма значительны—выемки глубиною до 7 саж. и насыпи вышиною до 5 саж. Глубокая долина р. Шоши на 489 верстѣ, гдѣ насыпь имѣетъ протяженіе 8 верстѣ и высоту 5 саж., отмѣтка полотна (55) саж., за Тверской станціей идетъ подъемъ полотна въ извѣстной Кольцовской выемкѣ, гдѣ линія проходитъ поворотомъ, и съ 455 до 460 версты полотно желѣзной дороги поднято при первой на (58 $\frac{1}{2}$ ) саж., а у второй—на (76 $\frac{1}{2}$ ) саж.,

затѣмъ опять спускъ къ Москвѣ и на 485 верстѣ отмѣтка возвышенія землянаго полотна ( $55\frac{1}{3}$ ) саж.

Отсюда идетъ подъемъ къ Клинской станціи и у ней на 515 верстѣ отмѣтка возвышенія полотна желѣзной дороги и почвы ( $63\frac{1}{2}$ ) саж., а у Клинской на 521 верстѣ—(72) саж.; отсюда опять подъемъ до 533 версты, гдѣ отмѣтка возвышенія полотна надъ уровнемъ моря ( $94\frac{1}{2}$ ) саж. Здѣсь вообще отъ Клина до Москвы мѣстность особенно пересѣченная и выемки безпрестанно смѣняются насыпями.

У станціи Подсолнечной на 544 верстѣ переваль и начинается спускъ и высшая отмѣтка подъема (89) саж. и, наконецъ, спускъ на 550 верстѣ, гдѣ отмѣтка возвышенія полотна (86) саж., далѣе подъемъ увалами до 552 версты, не доходя 6 верстѣ до Крюковской станціи, и отмѣтка полотна ( $101\frac{3}{4}$ ) саж., а почвы ( $105\frac{1}{2}$ ) саж.; затѣмъ, по спуску-же переходъ чрезъ р. Скородню на 578 верстѣ и продолжается спускъ съ нѣкоторымъ уваломъ до самой Москвы.

Возвышеніе землянаго полотна на Московской станціи (66,83) саж.; такимъ образомъ, взявъ отмѣтку полотна желѣзной дороги въ Петербургѣ на станціи—(4,77) саж., оказывается, что мѣсто у станціи въ Москвѣ выше такового въ Петербургѣ на ( $66,83-4,77$ ) = 62 сажень.

Въ Москвѣ-же, какъ извѣстно, высшее мѣсто у Красныхъ воротъ поднято надъ Москвой рѣчкой на 25 саж., а станція С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги поднята надъ нею около 4 саж., поэтому высшее мѣсто въ Москвѣ, относя въ уровню моря, поднято надъ таковымъ-же въ Петербургѣ около 83 саж.

На вопросъ: гдѣ находится самая высшая точка между столицъ по избранной линіи для желѣзной дороги, представляется слѣдующее:

По земляному полотну желѣзной дороги первая высшая точка находится на 4 версты далѣе Угловской станціи, именно на 251 верстѣ отъ Петербурга и на 353 верстѣ отъ Москвы, гдѣ отмѣтка почвы ( $97\frac{3}{4}$ ) саж. и полотна (98) саж., но эту высшую точку слѣдуетъ принять только между Петербургомъ или Невою и Волгою, гдѣ простираются Валдайскія возвышенности, съ ихъ отрогами и Подоліемъ, причемъ Волга на 444 верстѣ близъ Твери, при возвышеніи полотна надъ уровнемъ меженнихъ водъ Волги 6,37 саж.; отмѣтка полотна (59,06) саж. и стало быть отмѣтка уровня Волги надъ моремъ (52,7) сажень.

## VI.

Въ 1843 году лѣтомъ производились еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изысканія для обхода трудныхъ мѣстъ по избранію линіи, также—наблюденія за водами для постройки мостовъ; составлялись проекты и расчеты и заключались контракты на производство земляныхъ работъ, какъ самыхъ главныхъ по объему и къ которымъ слѣдовало прежде всего приступить, а равно и на мостахъ. На эти земляныя работы, по всему протяженію С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, былъ заключенъ одинъ общій контрактъ съ купцомъ Шарвиннымъ и его тремя компаніонами, купцами Кузминнымъ, Иконниковымъ и Ненюковымъ, но все дѣло велъ одинъ Иванъ Матвѣевъ Кузминъ, опытный и весьма дѣятельный подрядчикъ, производившій уже много работъ въ Новгородскомъ округѣ Путей сообщенія, съ своимъ сперва хозяиномъ, а потомъ компаніономъ — купцомъ Шарвиннымъ; И. М. Кузминъ былъ самъ уроженецъ изъ Яма Едрово; я упоминаю о немъ какъ о русскомъ человѣкѣ, который безъ образованія выработалъ изъ себя отличнаго дѣятеля и произвелъ на С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ самыя тяжкія работы и потерялъ при этомъ все состояніе. Онъ былъ высокаго роста, видной наружности, говорилъ плавно и красно, усвоивъ себѣ всѣ техническія выраженія строительнаго дѣла. Но взявъ на себя такія обширныя работы еще въ небывалыхъ у насъ размѣрахъ, И. М. Кузминъ прогадалъ и умеръ въ бѣдности, оставя въ наслѣдство своимъ компаніонамъ и семьѣ процессы, которые, сколько знаю, еще въ 1883 году не были окончены.

Много дѣла предстояло впереди, и графъ Петръ Андреевичъ обогатилъ строящуюся желѣзную дорогу личнымъ составомъ; такъ, къ начальникамъ дирекціи были назначены помощники въ сѣверную — подполковникъ Гергардъ и въ южную—подполковникъ Леодоръ Николаевичъ Загоскинъ (братъ извѣстнаго романиста). Еще почти весь выпускъ 1843 г. изъ института инженеровъ Путей сообщенія былъ назначенъ сюда, а именно по приказу 11-го мая 1843 года за № 193 въ сѣверную дирекцію 10 поручиковъ и въ южную дирекцію 14 поручиковъ. Я не привожу ихъ именъ, что сдѣлаю впоследствии со всѣми строителями вмѣстѣ; но скажу только, что изъ первыхъ оказался впоследствии выдающеюся личностью инженеръ Федоръ Антоновичъ Посенковскій, а изъ вторыхъ—Иванъ Федоровичъ Кенигъ.

Кромѣ того еще были назначены уже опытные инженеры: капитанъ П. А. Мейнгардъ, Алексѣевскій и П. А. Глазенапъ и поручикъ

К. И. Шерваль, впоследствии известный строитель Финляндской железной дороги, и Дмитрий Иванович Журавский, впоследствии знаменитый инженер-строитель Веребинского моста и возобновления шпица соборной колокольни Петропавловской крепости, съ замѣной деревянныхъ стропилъ желѣзными. Онъ же первый разработалъ по теоріи конструкцію многораскосныхъ мостовъ системы Гау или такъ называемой американской системы.

Въ 1844 году были назначены еще молодые инженеры выпуска этого года, по приказу 20 Іюня за № 194: въ сѣверную дирекцію 6 поручиковъ, въ томъ числѣ известные впоследствии оба брата Панаевы и Хржановскій, и въ южную 6 поручиковъ; по все инженеровъ было мало и по приказу того-же числа за № 195, по высочайшему повелѣнію, изъ института были назначены еще не исполнѣ окончившіе курсъ подпоручики: въ сѣверную и южную дирекціи по шести офицеровъ въ каждую.

Всѣ эти инженеры получили назначеніе начальниками дистанцій, на которыя дѣлились участки сѣверной и южной дирекцій дороги в протяженіе дистанцій было около 10 верстъ; кромѣ того, при постройкѣ большихъ мостовъ были назначены изъ инженеровъ особые производители работъ.

Начальники участковъ, распределенныхъ, какъ приведено выше, были назначены уже болѣе опытные инженеры, именно, въ сѣверную дирекцію, считая отъ Петербурга, 1-й участокъ—Гетункъ; 2-й участокъ—фонъ-дёръ-Паленъ; 3-й участокъ—Алексѣевскій; 4-й участокъ—Хржановскій; 5-й участокъ—Поссе; 6-й участокъ Семичовъ и въ южную, считая отъ Москвы: 1-й участокъ—В. А. Даненштернъ; 2-й участокъ—Богомолецъ; 3-й участокъ—Смоликовскій; 4-й участокъ—П. А. Мейнгардъ; 5-й участокъ—А. И. Штукенбергъ и 6-й участокъ—А. М. Гофмейстеръ.

Да не взыщутъ съ насъ, что мы приводимъ здѣсь имена дѣятелей сооруженія первой капитальной железной дороги въ Россіи. Но мнѣ кажется, имена эти слѣдуетъ спасти отъ забвенія, которое уже грозить имъ, такъ какъ всѣ они уже состарились или умерли, а потому по праву принадлежать «Русской Старинѣ».

Всѣмъ намъ графъ Петръ Андреевичъ обѣщалъ, по окончаніи сооружения дороги, въ томъ числѣ и себѣ, — поставить памятникъ, но, видно, не хватило матеріала, — все ушло на железную дорогу. Въ концѣ концовъ ограничился тѣмъ, что имена всѣхъ строителей вырѣзаны на мраморной доскѣ, поставленной въ церкви, построенной при железной дорогѣ на Любанской станціи.

Начальники дирекцій—сѣверной П. П. Мельниковъ и южной Н. О.

Крафтъ, чтобы быть въ центрѣ своихъ работъ, поселился: первый въ с. Чудовѣ, а второй въ гор. Твери. Постараемся привести ихъ характеристику, которая намъ болѣе извѣстна, относительно ближайшаго начальника—Н. О. Крафта.

Оба были весьма ученые и способные инженеры, но по характеру представляли двѣ противоположности. Отплывъ пріятелями въ Америку для изученія тамошнихъ желѣзныхъ дорогъ, они возвратились взаимными антагонистами,—представляя подобіе нашего двуглаваго орла, который, составляя одно общее, смотритъ обѣими головами въ разныя стороны,—что отразилось отчасти и на сотрудникахъ ихъ въ обѣихъ дирекціяхъ; инженеры той и другой не сближались, что порождало много оригинальнаго, но мало единства въ дѣйствіяхъ. Павелъ Петровичъ былъ вполнѣ свѣтскій человекъ, холостой, любитель общества, увлекательный говорунъ, но говорилъ скоро, монотонно; онъ приближалъ къ себѣ молодыхъ инженеровъ, отдавалъ имъ часто прямо приказанія помимо участковыхъ начальниковъ, что ставило послѣднихъ въ затрудненіе; Крафтъ, наоборотъ, дичился общества, былъ молчаливъ и очень застѣнчивъ,—говорилъ мало и съ особеннымъ удареніемъ, но иногда воодушевлялся и говорилъ съ жаромъ; онъ былъ лицомъ похожъ на Наполеона I-го и былъ этимъ очень занятъ; по работамъ онъ довѣрялъ начальникамъ участковъ, однако былъ очень мнителенъ. Но такая разность въ характерахъ обонхъ начальниковъ не помѣшала правильному ходу дѣла, по пословицѣ: «крайности сходятся».

Такъ, оба были умные, свѣдущіе люди, съ чистыми намѣреніями, умѣвшіе тѣмъ-же воодушевлять своихъ сотрудниковъ, и если въ чемъ можно замѣтить разницу, такъ это—что работы въ сѣверной дирекціи шли медленнѣе, нежели въ южной.

Мельниковъ жилъ въ Чудовѣ очень просто, на холостую ногу, а Крафтъ въ Твери совершенно уединенно,—чудакомъ, и кромѣ своихъ инженеровъ и чиновниковъ ни съ кѣмъ не знался. Всѣ высшіе губерскіе чины и аристократы наперерывъ хотѣли съ нимъ знакомиться, но онъ принималъ ихъ такъ сухо, даже не просилъ садиться и не подавалъ руки, такъ что всѣ скоро отъ него отъѣхали; а чтобы никто не могъ заглядывать къ нему въ окна, то въ кабинетѣ они были залесены сплошь свѣтло-зелеными обоями, такъ что трудно было понять—какъ могъ его ученый хозяинъ, много писавшій, здѣсь заниматься. Крафтъ былъ до того застѣнчивъ, что, какъ и самъ признавался, находясь въ большомъ обществѣ, даже своихъ подчиненныхъ, терялся и любилъ болѣе объясняться съ ними поодиночкѣ, и не сближался съ ними, во въ случаѣ надобности горой стоялъ за cadaго.

Оба были очень начитаны и П. М. Мельниковъ говорилъ бойко по англійски и по французски, а Крафтъ еще и по нѣмецки.

## VII.

Въ 1843 году, въ июнѣ мѣсяцѣ, было приступлено къ землянымъ работамъ отъ С.-Петербурга до Чудова и отъ Вышняго Волочка до Твери; а въ 1844 году еще на многихъ мѣстахъ по устройству полотна дороги, для котораго были приняты слѣдующія основанія:

1. Земляное полотно строить подѣ два рельсовыхъ пути и на станціяхъ, смотря по ихъ классу, устраивать площадки для боковыхъ путей.

2. Ширина землянаго полотна по поверхности была принята: для насыпей въ 31 футъ и для выемокъ, считая съ боковыми, при верхнемъ строеніи канавками въ 47 футъ; откосы въ выемкахъ и въ насыпяхъ называлось дѣлать не круче, какъ съ двойнымъ уклономъ, имѣя въ виду наши климатическія и мѣстныя условія, но впоследствии и при этомъ уклонѣ въ глинистыхъ грунтахъ образовывались мѣстами сплывы, такъ что откосы мѣстами приходилось уширять, придавая имъ еще болѣе пологіе уклоны, до тройнаго противъ высоты.

3) При выемкахъ, между верхнимъ ребромъ ихъ откосовъ и подошвой отвала или правильно складываемой изъ выемки земли, оставлять уступъ или берму шириною въ 5 саж., какъ для склада матеріала, такъ и для уменьшенія давленія сваливаемой землею; а въ насыпяхъ оставлять такую же берму шириною въ 3 саж. между нижнимъ ребромъ откоса насыпи и резервомъ или мѣстомъ, гдѣ вынимается земля для образованія самой насыпи. При насыпяхъ на торфяныхъ болотахъ, гдѣ годная для насыпи земля, глина или песокъ привозятся со стороны, такую берму оставлять, увеличивая ея ширину, между подошвою насыпи полотна и канавками по болоту.

4) Полотну дороги придать въ среднѣй въ поперечномъ сѣченіи подъемъ въ  $\frac{1}{2}$  фута вышиною.

5) Вообще для подвозки матеріаловъ и также удобства всѣхъ работъ по линіи желѣзной дороги устраивать вдоль полотна временную дорогу, на приведенной бермѣ при выемкахъ и при насыпяхъ, шириною въ 7 аршинъ, способами, смотря по мѣстности, на примѣръ: на болотахъ по лежнямъ изъ пластинной настилки; въ сырыхъ мѣстахъ изъ жердей или хвороста, вообще, съ мостиками чрезъ рѣчки и ручьи, что чрезвычайно облегчило и самый осмотръ, и наблюденіе за производствомъ работъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраивались подъѣзды

дороги съ московскаго шоссе; такъ что самъ графъ Петръ Андреевичъ проѣзжалъ по такимъ временнымъ дорогамъ въ своемъ вальжаномъ дормезѣ.

### VIII.

Въ ожиданіи большаго скопленія рабочихъ, особенное вниманіе графа Петра Андреевича было обращено, уже съ самаго приступа къ работамъ, на соблюденіе между ними порядка и на удобное положеніе этихъ труженниковъ, на хорошее продовольствіе и прирѣніе больныхъ. Съ этой цѣлю, по высочайшему повелѣнію, было учреждено, какъ значится въ приказѣ главноуправляющаго путями сообщенія, отъ 6-го апрѣля 1844 г. за № 120, особое полицейское управленіе при С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ, вообще, какъ въ приказѣ сказано: «для надзора, чтобы рабочіе были хорошо и удобно размѣщены, хорошо довольствовались свѣжей и сытной пищею въ достаточномъ количествѣ и больные прирѣніемъ».

Начальство надъ этимъ управленіемъ было ввѣрено генералъ-майору князю Вѣлосельскому-Вѣлосерскому и оно состояло въ сѣверной и южной дирекціяхъ изъ жандармской части, именно, было назначено: 2 штабъ-офицера, 6 оберъ-офицеровъ, 10 унтеръ-офицеровъ и 72 рядовыхъ, причѣмъ по этому управленію поставлено въ обязанность «не вводить никакой особой переписки, но личнымъ и бдительнымъ повсемѣстнымъ надзоромъ предупреждать всѣ непорядки и направлять все соотвѣтственно цѣли его учрежденія», а молча, читая между строкъ: за всѣми слѣдить.

Рабочіе были большею частію витебскіе, изъ Рѣжицы, и смоленскіе юханцы, весьма навывкшіе къ землянымъ работамъ. Имъ были построены, подъ названіемъ бараконъ, землянки, шалаши и кухни; въ избахъ приготовлены лазареты, а угодливые откупищики (тогда еще въ силѣ) не забыли о кабакахъ, которые, впрочемъ, дозволено было имѣть не ближе 1 версты отъ работъ, а дѣйствительныя въ этомъ отношеніи сосѣднія селенія стали пить болѣе, нежели рабочіе, которымъ было некогда, да и не на что, развѣ въ праздникъ подрядчикъ велить имъ выкатить даровую бочку зелена-вина.

Зашевелились рѣжовцы и юханцы; завизжали колесами тачки по катальнымъ доскамъ, застучали заступы и кирки, и взрытая почва земли пошла влодь и стала перемѣщаться съ одного мѣста на другое; полотно желѣзной дороги стало развѣртываться длинною лентою; насыпи росли все выше и выше, а выемки врѣзались въ землю все



лубже и глубже. Издали такія мѣста работъ были похожи на встревоженный муравейникъ, въ которомъ усердные насѣкомые копошатся, хлопчуть, напрягая силы; но въ каждомъ этомъ муравьѣ билось человеческое сердце, покорное судьбѣ муравья. Непогода не останавливала рабочихъ, развѣ на ночь и въ проливные дожди загоняли ихъ въ свои норы.

Такъ въ 1844 г., съ начала лѣта, земляныя работы уже были въ полномъ ходу во многихъ мѣстахъ дороги. Отъ графа Петра Андреевича безпрестанно и совершенно внезапно наѣзжали адъютанты и ссѣдомлялись на мѣстѣ—какъ идутъ работы и что дѣлаютъ инженеры.

Осенью того же года графъ Петръ Андреевичъ осматривалъ работы; уже одна вѣсть, что онъ пожалуетъ самолично, давала всѣмъ шпоры и производила горячку поспѣшности. Наконецъ, онъ явился и во мнѣ на большую Вазуринскую насыпь, между Спирово и Калашниково; обо всемъ подробно расспрашивалъ я главное торопилъ. Такъ онъ проѣхалъ въ Москву. Вотъ два его приказа по этому посъщенію работъ:

1) По осмотру работъ въ южной дирекціи отъ 24-го сентября 1844 г. за № 293. Москва.

«Я обозрѣлъ южную дирекцію С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги. Выборъ мѣстности подъ дорогу весьма удаченъ; направление ея удобно и правильно. Производство работъ въ отличномъ порядкѣ, устройствѣ и величественномъ видѣ! Въ нынѣшнемъ году все производство работъ обращено на мѣста труднѣйшія: для годовъ послѣдующихъ останутся работы мельчайшія. Въ нынѣшнемъ году должно произвестъ земляныхъ работъ до одного милліона куб. саж.; исполнено по настоящее время болѣе 600 т. кубич. саж. Мостовыя работы тоже начаты и я былъ не совсѣмъ доволенъ токмо мостомъ на Волгѣ, въ отношеніи отдѣлки гранита».

«Я не могу довольно похвалить начальника южной дирекціи, полковника Крафта. Распоряженія его благоразумны, а въ знаніи своего дѣла, усердіи и трудахъ онъ примѣрно замѣчательнъ. Я также видѣлъ на самыхъ работахъ и всѣхъ инженеровъ, въ вѣдѣніи его находящихся; всѣ они отчетливо исполняютъ свои обязанности и трудятся съ видимою охотою». Далѣе въ приказѣ отдана благодарность всѣмъ инженерамъ помянно. Затѣмъ текстъ приказа гласить:

«Полковнику Крафту стараться еще усилить работы нынѣшняго года и распорядиться производствомъ оныхъ въ теченіи зимы, тамъ, гдѣ оно возможно».

Вслѣдъ за этимъ, въ приказѣ отъ 30-го сентября 1844 г. за № 296, объявлено высочайшее благоволеніе по южной дирекціи, именно: на-

чальнику дирекціи полковнику Крафту, подполковнику Загоскину; майорамъ: Мейнгарду, гофмейстеру Даненштерну; капитанамъ Штукенбергу, Смоликовскому, Богомольцу, Глазенапу, Кольману, поручикамъ Антонову, Шернвалю, Шадевскому, Трубникову, Леонову, Беннславскому, Гейнриху, Кенигу, Фалевичу, Воробьеву, Румелю, Верховскому, Петрову, Ветлицкому, Веригѣ 3, Теснину, Лебедеву, Кусакову, Рехневскому, Косману, Оттъ 2; подпоручикамъ: Поливанову, Оттъ 1, Бузеневу 2, Валицкому, Вроневичу и Савицкому.

Мы здѣсь поименовали съ цѣлью, чтобы сдѣлать извѣстными имена всѣхъ инженеровъ, участвовавшихъ въ постройкѣ желѣзной дороги.

Теперь предложимъ приказъ графа Клейнмихеля, приведенный въ началѣ, отъ 24-го сентября за № 298: «признавая необходимымъ и полезнымъ для навывка открыть опытный путь желѣзной дороги по частямъ, я поручилъ полковнику Крафту представить соображеніе къ таковому началу, съ 1846 г., части отъ Москвы, а также между Тверью и Вышнимъ Волочкомъ».

Второй изъ нихъ былъ открытъ для движенія паровозовъ въ 1849 г.

Тутъ же въ приказѣ объявлена благодарность графа и полицейскому управленію за то, что оно много содѣйствовало успѣху работъ, и сказано: «рабочіе въ совершенномъ порядкѣ, размѣщены хорошо, ѣдятъ сытно и получаютъ отъ подрядчика плату исправно».

Далѣе въ приказѣ:

«Въ Москвѣ строится зданіе пассажирской станціи; успѣхомъ я доволенъ. Зданіе это въ нынѣшнемъ году будетъ подъ крышею съ желѣзными стропилами и желѣзными балками. Отъ архитектора Никитина требую лучшей и тщательнѣйшей кладки кирпича».

Очевидно, приказъ этотъ, какъ и прочіе, графомъ Клейнмихелемъ, писанъ былъ болѣе для публики, нежели для насъ, такъ какъ приказы его расходились тогда какъ газеты и публику очень занимали и нравились ей своимъ рѣзкимъ тономъ и составляли особую зубастую литературу.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что графъ Клейнмихель былъ увлеченъ требованіемъ чистой съ лица обтески гранита у мостовъ, хотя даже крестьяне, видѣвшіе наши работы, замѣчали, недоумѣвая: къ чему это нужно? и не разъ случалось отъ нихъ слышать: баринъ, пошто вы такъ шлифуете камень-то, вѣдь когда по «чугункѣ» поѣдутъ господа, никто этого съ верха не увидитъ, а время-то вѣдь сколько нужно для обработки, да и шлифовать-то даромъ никто не станетъ, а «держава-то»<sup>1)</sup> все та-же, хоть камень просто окопи съ лица!» Также конекъ

<sup>1)</sup> Подъ „державою“ разумѣется сила и прочность.

графа были: тонкіе швы въ кирпичной кладкѣ, что, пожалуй, красивѣе, но вредить прочности при слишкомъ тонкихъ прослойкахъ известково-ваго раствора. Даже изъ за этого крутобыстрый графъ поссорился съ знаменитымъ архитекторомъ К. А. Тономъ, который строилъ Петербургскій вокзалъ и наотрѣзъ отказался дѣлать кирпичную кладку съ тонкими швами и изъ-за этого отказался отъ работъ и былъ удаленъ отъ званія инспектора строящихся станціонныхъ зданій по всей желѣзной дорогѣ. Однако К. А. Тонъ успѣлъ нѣсколько разъ побывать у насъ на работахъ и дать намъ, строителямъ, много полезныхъ совѣтовъ, которые я высоко ставлю; такъ и въ бесѣдахъ съ нимъ—о томъ, какъ строить, я почерпалъ столько практическихъ свѣдѣній, что они были мнѣ очень полезны и всегда ихъ вспоминаю.

Возвращаясь опять къ кирпичной кладкѣ съ тонкими швами, замѣчу, что оно было особенно неумѣстно и вредно, такъ какъ пассажирскія и локомотивныя зданія на станціяхъ I и II класса у насъ строились со сводами и арками большихъ пролетовъ, производящихъ на стѣны большой распоръ и требующихъ отъ нихъ особенной устойчивости.

Въ 1847 году мѣсто К. А. Тона, какъ инспектора, заступилъ академикъ Желязевичъ, который былъ другаго тона и человѣкъ самъ очень тонкій, который стремился угождать могучему графу и за это пользовался его расположеніемъ и — поддерживалъ въ кирпичной кладкѣ тонкіе швы.

Послѣ южной дирекціи, подобный осмотръ работъ графомъ Петромъ Андреевичемъ послѣдовалъ и по сѣверной дирекціи и поэтому вышелъ его приказъ, отъ 14-го октября 1844 года, за № 310, гдѣ было сказано:

„Возвращаясь изъ Москвы, я направилъ путь мой къ работамъ сѣверной дирекціи С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги. Въ искусственномъ отношеніи все отлично, все благоразумно придумано; во всемъ видно знаніе дѣла инженеровъ, работами завѣдующихъ. Усердіе ихъ отъ знанія не отстаетъ; они сдѣлали все то, что данными средствами исполнить было можно, но подрядчикъ земляныхъ работъ не исправенъ; онъ имѣетъ на работахъ съ небольшимъ 10 тысячъ человѣкъ и въ числѣ ихъ много малолѣтнихъ, — тогда какъ долженъ былъ выставить болѣе, чѣмъ 20 тысячъ человѣкъ, и отъ него по 1-е октября отдѣлано земляныхъ работъ не 752 тысячи, а только 272 тысячи кубич. саж. Съ подрядчикомъ будетъ поступлено по закону“.

„Искренно благодарю начальника дирекціи, инженера-полковника Мельникова, за всѣ его распоряженія, за всю его неутомимую въ трудахъ дѣятельность. Благодарю также и всѣхъ его подчиненныхъ“.

Далѣе въ приказѣ:

„Полковнику Мельникову стараться непремѣнно усилить работы текущаго года и распорядиться производствомъ оныхъ въ теченіи вышней

зимы тамъ, гдѣ это возможно; причемъ обратить особенное вниманіе на мостовыя работы и наблюсти, чтобы подрядчики не потеряли зимняго времени, для сихъ сооруженій удобнаго. Представить соображеніе объ открытіи желѣзной дороги въ 1846 г. между С.-Петербургомъ и Сосинской пристави и дагѣ“.

„Объявляю благодарность полицейскому управленію и полковнику Фролову, по его заготовкамъ продовольствія для рабочихъ и распоряженію съ ними, по бездѣйствію подрядчика (земляныхъ работъ)“.

Въ приказѣ 16-го октября 1844 года, за № 311 и 312, объявлено высочайшее благоволеніе всѣмъ чинамъ сѣверной дирекціи.

Опять, чтобы сохранить имена всѣхъ трудившихся въ столь важномъ дѣлѣ, привожу фамиліи инженероѡвъ и сѣверной дирекціи.

Особо начальнику дирекціи—полковнику Мельникову.

Далѣе—подполковникамъ: Гергарду и Нордштейну; малорамъ: Кирнеру, Липину, Алексѣевскому; капитанамъ: фонъ-деръ-Палену, Семичеву, Геттунгу, Крутикову, Гравъ 1-му, Миклухъ, Шляндеру, Гравъ 2-му, Поссе; поручикамъ: Ангелю, Керсновскому, Полежаеву, Поплавскому, Вельцыну, Кляотскому, Казначееву, Перроту 2-му, фонъ-Шильдеру, Вержбовскому, Журавлеву, Довгарду, Мацневу, Садовскому, Хржановскому, Тенковичу, барону Черкасову, Шишкову, Панаеву 1-му, Панаеву 2-му; подпоручикамъ: Корбуту-Дошкевичу, Миккульскому, Губину, Ромейко, Зацвилюховскому и Шварцу.

Какъ видно изъ означенныхъ приказоѡвъ: №№ 193, 194, 310 и 311, 1844 года, при работахъ строящейся желѣзной дороги находилось тогда инженероѡвъ: въ южной дирекціи—36 человекъ и въ сѣверной дирекціи—40 человекъ.

По приказу 16-го октября 1844 года, за № 313, послѣдовало высочайшее повелѣніе о томъ, что «назначенное сперва временное полицейское управленіе строящейся желѣзной дороги не упразднить, и что оно оставляется на все время производства работъ до совершеннаго ихъ окончанія».

Было-бы слишкомъ однообразно описывать шагъ за шагомъ всѣ земляныя работы по устройству полотно желѣзной дороги, которыя продолжались даже и послѣ укладки рельсоѡвъ, такъ какъ отличіе отдѣланныя откосы не только въ выемкахъ, но и въ насыпяхъ, состоя большою частію изъ глины, хотя очень твердой въ нѣдрахъ земли, но при выходѣ наружу глина эта отъ вліянія мороза распучивалась и въ откосахъ во многихъ мѣстахъ образовались сплывы. При глубинѣ выемокъ до 8 и болѣе сажень и до такой-же предѣльной вышины насыпей, сплывы эти принимали громадныя размѣры, такъ что они даже заваливали уже уложенный рельсовый путь. Заграницей въ подобныхъ случаяхъ сплывшая земля снималась и замѣнялась камнемъ,

но у насъ способъ этотъ обходился-бы дорого, а потому примѣненъ другой, именно: въ сплывшихъ мѣстахъ откосовъ выемокъ была сдѣлана сплошная сръзка ихъ подъ болѣе пологимъ уклономъ,—вмѣсто двойнаго — тройной, съ уширеніемъ бермы при подошвѣ и устройствомъ второй бермы на высотѣ 2 сажень; при насыпяхъ была сдѣлана въ такихъ случаяхъ присыпка откоса подъ болѣе пологимъ уклономъ, также съ второй бермою или уступомъ, что радикально помогло, и сплывы совершенно прекратились.

Въ насыпяхъ сплывы происходили также отъ того, чтобы не терять зимняго времени,—овѣ возводились изъ мерзлой глины, которую нельзя было отдѣлять иначе, какъ комьями; но комья эти потомъ, оттаивая, производили въ насыпи движеніе и отъ него случались сплывы. Отстранялось это тѣмъ, что насыпи, гдѣ было можно, возводились изъ песку, но это не всегда было выгодно отъ чрезмѣрнаго увеличенія разстоянія подвозки.

Было-бы очень любопытно знать все количество земляныхъ работъ, которое потребовалось для устройства желѣзной дороги, такъ какъ онѣ были въ огромныхъ размѣрахъ для самаго полотна, какъ уже намекаютъ приведенные приказы графа Клейнмихеля, но къ этому нужно прибавить еще таковыя работы и для прокопанія канавъ, чтобы осушить столь наводненную вообще мѣстность на большей части прохода дороги. Для чего, особенно по болотамъ, прокапывались глубокія канавы, какъ вдоль полотна, такъ и отводныя въ сторону къ рѣкамъ и озерамъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ рукою данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ и замѣняемъ точныя свѣдѣнія по нашему соображенію. Глубокія продолжительныя выемки и высокія насыпи были очень значительны въ гористой мѣстности, какъ видно по приведеннымъ отлѣткамъ продольнаго профиля, и встрѣчались не только по Валдайской возвышенности, но особенно отъ Волги и все болѣе и болѣе къ Москвѣ.

На участкѣ, бывшемъ въ моемъ вѣдѣніи, отъ Вышняго-Волочка на половинѣ протяженія до Твери или 54 версты, земляныя работы простирались для выемокъ и насыпей—не самаго большого размѣра, около 5 саж. глубины и вышины полотна, до 500 тыс. куб. саж. и для канавъ—до 60 тыс. куб. саж.; но подъ Москвою то же количество работъ для полотна потребовалось на одной дистанціи протяженіемъ 10 верстъ.

Примѣняя это для всей дороги на протяженіи 604 версты, все количество земляныхъ работъ слѣдуетъ принять до 10 милліоновъ куб. сажень; при чемъ земляное полотно проходитъ въ выемкахъ на протяженіи 174 версты, въ насыпяхъ — 390 версты и ровно 40 версты въ томъ числѣ мосты.

При земляныхъ работахъ полотна никакихъ механическихъ приспособленій, какъ отвозки въ вагонахъ по рельсамъ, не употреблялось;

только работалъ въ Кузнецовской выемкѣ между Березайской и Валдайской станціями—механическій землекопъ, именно: силою паровой машины входилъ въ грунтъ одинъ большой черпакъ и, вынувъ изъ выемки объемъ около кубич. аршина земли, поворачивался и выбрасывалъ землю; но такой приборъ оказался неудобенъ, онъ часто ломался, попадая на камень, и потому былъ оставленъ.

При большихъ земляныхъ работахъ нигдѣ не попадали на каменные породы,—все глина и глина и песокъ разныхъ видовъ; только близъ Петербурга, подымаясь на высоты за р. Ижорою, встрѣтился плитнякъ. Изъ ископаемыхъ, сколько мнѣ извѣстно, между Волочкомъ и Тверью попадались зубы мамонта и носорога, а въ Кольцевской выемкѣ—амонитовыя раковины. У р. Любеники на 358 верстѣ оказалась прекрасная пластичная, красная глина и нашли въ лѣсу нѣсколько древнихъ колодцевъ бывшего селенія, обдѣланныхъ дубовыми досками, тогда какъ теперь дубовыхъ деревьевъ кругомъ нѣтъ и встрѣчаются только старые пни и побѣги; около Осѣченки, при копкѣ котлована подъ плотину на глубинѣ до 2 саж., нашли поваленный молодой дубъ даже съ желудями на вѣтвяхъ; болѣе по этому о другихъ частяхъ дороги свѣдѣній не имѣю.

Кромѣ земляныхъ работъ, при полотнѣ желѣзной дороги, производились еще работы другаго рода, именно: для укрѣпленія откосовъ, выемокъ и насыпей, посредствомъ обдерновки, моченіемъ камешъ и засѣвомъ луговыми травами, посыпая глинистые откосы черноземомъ.

Вообще земляныя работы полотна продолжались до 1849 года. Графъ Петръ Андреевичъ ежегодно ихъ осматривалъ и все торопилъ, приговаривая: именемъ государя императора приказываю вамъ докончить къ такому-то сроку, что иногда было невозможно по даннымъ средствамъ, и бѣда была тому, кто осмѣливался это прямо высказать. Дѣло шло медленно, такъ какъ плата по контракту Кузьмину была весьма умѣренная и рассчитана на обыкновенные грунты земли; но встрѣчались такіе, которые нужно было отбивать кирками и ломомъ, такъ что выставленные подрядчикомъ рабочіе не отработывали того, что слѣдовало; да и дожди лѣтомъ затрудняли работу въ глинѣ.

Санитарное состояніе рабочихъ—при такомъ скопленіи ихъ и такихъ условіяхъ тяжелой работы и помѣщеніи въ землянкахъ, которыя, какъ-бы ни были хороши, все-же не совсѣмъ предохраняли отъ непогоды—не могло быть удовлетворительно. Вслѣдствіе этого появлялся тифъ и лихорадка. Противъ чаянія, заболѣвали рабочіе люди болѣе на возвышенныхъ открытыхъ мѣстахъ, въ выемкахъ, гдѣ вѣтеръ продувалъ ихъ какъ въ трубѣ, и менѣе всего работавшіе на болотахъ и въ лѣсной мѣстности; но все же смертность была незначительная.

Прекрасное стихотвореніе Некрасова «Желѣзная дорога» рисуетъ кар-

тину через чурь утрированную. Желѣзная дорога дала заработокъ сотнямъ тысячъ людей, спасая ихъ тѣмъ отъ голода,—да и число жертвъ было такое-же, какъ при всѣхъ большихъ земляныхъ работахъ. Тѣни, преслѣдовавшія поѣзды, скорѣе напоминаютъ «Лѣснаго царя» (Erl-König) Гёте.

На линіи работъ были устроены снабженные всѣмъ нужнымъ лазареты и при каждомъ былъ медикъ и фельдшеръ. Такой лазаретъ былъ и на моемъ участкѣ въ Спировѣ.

Полицейское управленіе дороги или, вѣрнѣе, жандармское начальство сильно заботилось не только о тѣлесномъ, но и о духовномъ призрѣніи рабочихъ; даже въ Спировѣ была имъ поставлена походная церковь въ большой палаткѣ; а чтобы знали, что она жандармская, то на малыхъ дверяхъ, по сторонамъ царскихъ вратъ, на одной—на лѣвой, было изображено «всевидающее око», а на другой — правой, въ ту же величину «всеслышающее ухо», которое и въ палатки неусыпно работало, и доносы на инженеровъ и подрядчиковъ были нерѣдки и волновали круто-быстраго графа, а онъ, въ свою очередь, допекалъ то того, то другаго; но такъ, что неизвѣстно откуда налетала туча, такъ какъ жандармы всѣмъ очень любезно улыбались.

Князь Вѣлосельскій-Вѣлозерскій, по происхожденію Рюриковичъ,—какъ начальникъ полицейскаго управленія, тоже много хлопоталъ, разъѣзжая и осматривая мѣста, гдѣ располагались рабочіе. Онъ былъ пожилой, небольшого роста, сухощавый, генералъ (недавно произведенный), добрый человекъ, но большой чудакъ; такъ, напримѣръ, онъ признавалъ, какъ лучшее средство для сохраненія здоровья рабочихъ людей, пускать имъ кровь (старинная княжеская привычка, хотя инымъ способомъ) и для этого всегда возилъ съ собою фельдшера, и какъ только приближался къ кучкѣ рабочихъ, спрашивалъ ихъ: не нужно-ли кому «пустить кровь?» или выражался простонародно «метнуть руду?» и послѣ его убѣжденія всегда находились охотники, вѣроятно, желая угодить начальнику. Фельдшеръ усердно работалъ и довольный князь уѣзжалъ далѣе. Но бѣдный, посѣтивъ лазаретъ съ тифозными, самъ заболѣлъ и умеръ, кажется, въ Москвѣ.

Были и между инженерами чудаки; одинъ изъ выдающихся — помощникъ Крафта—Л. Н. Загоскинъ, болѣе поэтъ и музыкантъ, нежели инженеръ; онъ, по виду набожный, очень сильно вѣрилъ въ чѣрта и больше всего о немъ толковалъ, вездѣ находя ересь и влияние нечистой силы; доказывалъ даже по своей инженерной профессіи, что злой духъ имѣетъ нѣкоторый объемъ, приводя въ примѣръ, что у людей, одержимыхъ бѣсомъ, въ припадкѣ бѣснованія выступаютъ желваки, въ которыхъ именно и содержится чѣртъ, не смѣя выйти вонъ. Бю Леодору Николаевичу поддакивалъ, тотъ пользовался большимъ его расположеніемъ, а невѣрующимъ много отъ него доставалось на-

падковъ, такъ какъ онъ возстановлялъ своимъ наущеніемъ Н. О. Крафта, но, къ счастью, Крафтъ вѣрилъ больше въ добро, нежели въ зло, и всегда требовалъ формальныхъ доказательствъ на возводимыя нападки, но Загоскинъ никогда не могъ ихъ представить.

Загоскинъ жилъ въ Твери и постоянно возился съ монахами; разъ пригласилъ одного прокатиться въ вагонѣ по желѣзной дорогѣ, когда еще было пробное движеніе около Твери. На пути монахъ, любопытствуя, выглянулъ изъ окна вагона,—но тогда еще не были сняты всѣ вѣхи, обозначавшія ось дороги, и на бѣду одна вѣха наклонилась къ рельсамъ, по которымъ шелъ вагонъ, и какъ разъ монахъ наткнулся носомъ на эту злополучную вѣху, такъ что кончикъ преподобнаго носа былъ сорванъ и монахъ окровавленный откинулся въ вагонъ. Тутъ произошло уже другаго рода кровопусканіе, нежели дѣлалъ князь Бѣлосельскій—не къ добру! Событіе это разнеслось по городу и возбудило въ трусливыхъ ропотъ на желѣзную дорогу, а въ глазахъ другихъ—повредило репутацію монаха.

Впрочемъ, Л. И. Загоскинъ былъ человѣкъ безкорыстный и былъ хорошъ съ тѣми, кто видѣлъ въ немъ начальство, спрашивалъ у него совѣтовъ и разрѣшеній по работамъ, но, къ сожалѣнію, не умѣлъ съ толкомъ давать ни то, ни другое.

Выше всѣхъ ихъ возстаютъ предо мною фигура графа Петра Андреевича Клейнмихеля; тяжелъ онъ былъ для своихъ подчиненныхъ, личность другаго для него не существовала, но всегда у него впередъ было дѣло и достиженіе своихъ крайне-быстрыхъ намѣреній, направленныхъ къ пользѣ, которая не всегда была ясна. Это былъ стальной таранъ, который былъ нуженъ для державной воли государя, чтобы пробивать стѣну всѣхъ преградъ и затрудненій, противопоставляемыхъ нашею некретимостью, и что доказываютъ многія полезныя работы по вѣдомству путей сообщенія, которыя много лѣтъ откладывались и при немъ только исполнены. Теперь, когда его уже нѣтъ, можно привести, хотя въ мнѣіи, словами нашего поэта Пушкина: «Народовъ ненависть почла и лучъ безсмертія горитъ!» Современники говорили, что онъ былъ не государственный, а государевъ человѣкъ; но я того мнѣнія, что онъ былъ вмѣстѣ и то, и другое! Лицо у него было рѣзкое; круглыя сѣрые глаза, способныя мгновенно выражать гнѣвъ; онъ казался гораздо красивѣе, когда сердился, нежели когда былъ веселъ и улыбался, что, впрочемъ, рѣдко случалось. Онъ говорилъ отрывисто, что въ гнѣвѣ походило на рыканіе. Обладалъ большою памятью и легко усвоивался съ самыми трудными техническими вопросами. Какъ онъ ни былъ самоувѣренъ, но выслушивалъ возраженія, и когда замѣчалъ, что подчиненный робѣетъ, приговаривалъ: «вѣдь я говорю условно,—исполните насколько возможно».



Привожу анекдотъ о томъ, какъ его ненавидѣли въ публикѣ за его немилосердное обращеніе и за его манеру по пословицѣ: «гнѣтъ дугу, не парятъ—переломить, не тужить!» Его племянникъ, тоже генераль-адъютантъ, Н. А. Огаревъ, рассказывалъ мнѣ, много позже, что разъ онъ ѣхалъ въ вагонѣ по С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ и вдругъ слышитъ разговоръ двухъ купцовъ о графѣ Клейнмихелѣ, который привлекъ его вниманіе. Одинъ купецъ рассказывалъ другому про графа и многословно, и сильно его бранилъ; тогда Н. А. Огаревъ обратился къ нему съ вопросомъ: «скажите на милость, что вамъ сдѣлалъ худаго графъ Петръ Андреевичъ, когда такъ вы его браните?» и получилъ отъ осерчавшаго купца въ отвѣтъ: «да лично мнѣ ровно ничего, ваше превосходительство!», тогда Огаревъ спросилъ: «но скажите, видѣли-ли вы по крайней мѣрѣ когда-нибудь графа Клейнмихеля?» и опять получилъ отрицательный отвѣтъ; такъ за что-же вы ругаете графа, продолжалъ Огаревъ,—когда даже его совсѣмъ не знаете? «Помигуйте», отвѣчалъ, наконецъ, осерчавшій купецъ: «вѣдь и чорта, ваше превосходительство, никто не видалъ, а всѣ его ругаютъ!» Таковъ былъ отзывъ про дядюшку, приведшій въ изумленіе племянника.

Не могу умолчать при этомъ объ одной личности, весьма приближенной къ графу Петру Андреевичу, именно объ Апполонѣ Алексѣевичѣ Серебряковѣ, инженерномъ полковникѣ, состоявшемъ по особымъ порученіямъ при графѣ.

Весьма умный и дѣльный инженеръ, Апполонъ Алексѣевичъ былъ добрымъ гениемъ и громоотводомъ при строптивомъ графѣ, имѣвшемъ къ нему, какъ приближенному, большое довѣріе, которое онъ вполне заслуживалъ, какъ по своему знанію дѣла, такъ и по характеру, и особенному такту. Графъ часто посылалъ его съ большимъ полномочіемъ разбирать самыя трудныя дѣла и жалобы на инженеровъ и А. А. всегда умѣлъ такъ исполнять порученія, что графъ оставался доволенъ, дѣло разяснилось и никто не страдалъ, такъ какъ жалобы были большею частію по недоразумѣнію или даже по клеветѣ, зная придирчивый нравъ графа; но когда являлось положеніе безвыходное, тогда А. А. Серебряковъ представлялъ виновнаго, но заслуживающаго снисхожденія.

Графъ Петръ Андреевичъ любилъ регламентировать и при началѣ работъ издалъ книжку (къ сожалѣнію ее не имѣю), въ которой были подробно постановлены техническіе способы для устройства С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги; но многіе приемы оказались непримѣнными; такъ, напримѣръ, было назначено желѣзную дорогу по глубокимъ болотамъ строить на свайномъ ростверкѣ, что обошлось бы чрезвычайно дорого и со временемъ сгнившіе ростверки

потребовали бы совершеннаго переустройства; взамѣнъ этого на густыхъ болотахъ полотно устраивали на бревенчатомъ помостѣ, а въ жидкихъ насыпали до дна болота, пробивъ его кору, удача чего теперь вполне оправдалась (черезъ 35 лѣтъ). Книжка эта была бы теперь очень любопытнымъ документомъ тогдашнихъ «предрѣшеній».

Въ началѣ 1845 года герцогъ Лейхтенбергскій (мужъ в. к. Марія Николаевны), возвращаясь съ Урала, въ сопровожденіи К. В. Чевкина, тогда начальника штаба горныхъ инженеровъ, — обозрѣвалъ работы желѣзной дороги по всей линіи, слѣдуя отъ Москвы въ Петербургъ по нашей временной дорогѣ, вдоль землянаго полотна, котораго тогда уже много было сдѣлано. Проѣздъ былъ въ 2-хъ тарантасахъ, въ передовомъ ѣхалъ герцогъ съ начальникомъ дирекціи, — у меня въ участкѣ съ Крафтомъ, а во второмъ — генералъ Чевкинъ съ начальникомъ участка. На пути отъ Твери къ Волочку герцогу былъ устроенъ завтракъ въ открытомъ полѣ. Всѣ усѣлись за столъ и когда замѣтили, что онъ, поставленный прямо на землю, качается, то герцогъ вынулъ изъ кармана поданный ему исправникомъ рапортъ «о благополучіи уѣзда», сложилъ его въ нѣсколько разъ и самъ подложилъ подъ качавшуюся ножку стола, приговаривая: «утвердимъ благополучіемъ».

При осмотрѣ герцогомъ, строяшагося близъ Спировской станціи, моста черезъ р. Малую Тугаму, собралась толпа мужиковъ изъ сосѣднихъ деревень на подмости при мостѣ; но вдругъ подмости подломились и толпа полетѣла въ воду, безъ бѣды, но со смѣхомъ, такъ какъ рѣчка тутъ мелка и подмости были не высоки. Герцогъ, увидавъ это, воскликнулъ: «*Bouge là, le public s'écroule!*»

## IX.

Мосты по С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ строились на каменныхъ опорахъ, — устояхъ и рѣчныхъ быкахъ съ деревяннымъ верхнимъ строеніемъ надъ пролетами, такъ какъ желѣзные мосты не были еще тогда въ употребленіи. При малыхъ отверстіяхъ для пропуска воды строились каменные сводчатые и чугунныя трубы, а мостовыя отверстія болѣе 2 саж. до 4, перекрывались деревянными брусьями; но при мостовыхъ пролетахъ болѣе этого примѣнялась тогда заимствованная изъ Америки раскосная система, изобрѣтенія Гау, при которой фермы связываются изъ верхняго и нижняго деревянныхъ же поясовъ, распертыхъ раскосами, въ видѣ рѣшетки и стянутыхъ большими отвѣсными желѣзными стержнями и съ ѣздою или поверку, или понижу фермъ, смотря по высотѣ моста. Достоинства этой системы заключаются въ томъ, что фермы моста прямыя,

вмѣющія видъ огромной доски, поставленной на ребро и лежащей только концами на каменныхъ опорахъ,—не производя на нихъ никакого распора въ бока, какъ у арочныхъ мостовъ, что позволяетъ опоры эти дѣлать значительно тоньше, причѣмъ проѣзжее полотно на мосту не требуетъ замѣтнаго подъема. Кромѣ того, такіе мосты допускаютъ отверстія, подъ которыми протекаетъ рѣка, большой ширины, до 25 саж.; мосты эти еще тѣмъ хороши, что составныя ихъ деревянныя части, находясь всѣ на виду, дольше сохраняются отъ гнилости.

Было бы неумѣстно входить здѣсь въ техническія подробности по устройству мостовъ на этой дорогѣ, но скажу только, что время оправдало для нихъ избранную систему, такъ и самую постройку, и не было примѣра подмывовъ и обрушеній отъ несоотвѣтственныхъ размѣровъ отверстій и частей моста, что бывало на другихъ дорогахъ. Деревянныя части мостовъ простояли на С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ болѣе 35 лѣтъ безъ порчи; этому много способствовало употребленіе лучшаго рудоваго сосноваго лѣса и пропитаніе его предохранительнымъ составомъ по способу Пайна. Но остался (1885 г.) еще одинъ гигантскій мостъ чрезъ Волгу у Твери, гдѣ еще существуетъ деревянное верхнее строеніе, въ которомъ фермы по частямъ и балки уже нѣсколько разъ исправлялись.

Вообще мосты строились съ подряда по каждому участку особо, исключая большихъ мостовъ, которые строились отдѣльно, именно: чрезъ Волховъ, строитель инженеръ Граве, мостъ съ разводнымъ полотномъ для пропуска судовъ съ мачтами; чрезъ Веребье, строитель Д. М. Журавскій; чрезъ Мсту, строитель Крутиковъ; чрезъ Цну, строитель П. А. Глазенапъ; чрезъ Тверцу, строитель А. К. Кольманъ; чрезъ Волгу, строитель Антоновъ; чрезъ Сходню, строитель Бениславскій. Изъ этихъ мостовъ самый замѣчательный по высотѣ—чрезъ Веребью, составляющую глубокой оврагъ съ небольшою рѣчкой, въ которомъ снизу на высоту 12 саж. каменные быки, а выше на 12 саж. деревянныя сплоченныя стойки. Строитель этого моста извѣстный инженеръ Д. И. Журавскій, тогда молодой человѣкъ, первый вывелъ теорію многораскосныхъ американскихъ мостовъ системы Гау, по которой въ конструкціи фермъ сдѣлано цѣлесообразное усовершенствованіе.

Для постройки мостовъ матеріалы всѣ получали изъ окружающихъ мѣстъ. Отличный рудовой сосновый лѣсъ съ верховьевъ р. Цны и изъ Хотилоской роши, а для каменныхъ опоръ на облицовку гранитный камень изъ встрѣчаемыхъ въ обиліи на поляхъ до самой Волги большихъ валуновъ, иногда огромныхъ размѣровъ; такъ, около Вышняго Волочка, вся облицовка устоевъ одного мостика была сдѣлана

изъ одного такого валуна, величиною до 2-хъ куб. саж., расколовъ его на куски. Всѣ мосты въ южной дирекціи облицованы такимъ гранитомъ, но въ сѣверной не всѣ, а съ кирпичною кладкою наружу.

Каменная кладка опоръ производилась не на портуландскомъ цементѣ, который тогда хотя уже былъ въ употребленіи, однако обходился съ доставкою дорого, но на известковомъ растворѣ—гидравлически природномъ или приготовленномъ искусственно.

Для упроченія дерева на верхнемъ строеніи мостовъ оно пропитывалось, какъ сказано, предохранительнымъ составомъ по способу Пайна, для чего были выстроены особые аппараты на Мстѣ, другой въ Вышнемъ Волочкѣ и еще гдѣ-то. Въ этотъ аппаратъ дерево вкатывается на двухъ тележкахъ, по рельсамъ, въ желѣзный цилиндръ, длиною 8 саж. и вышиною 6 футъ, и послѣ герметически закупоривается; затѣмъ впускомъ пара и охлажденіемъ образуется въ цилиндрѣ безвоздушное пространство и пневматически вводились поочередно растворы: 1) желѣзнаго купороса, и потомъ 2) хлористаго кальция, что при химическомъ соединеніи ихъ образуетъ въ порахъ дерева сѣрно-кислую известь или гипсъ, именно составляющій, — какъ нерастворимое въ водѣ вещество, предохранительное средство противъ гнилости дерева.

Всѣхъ мостовъ по С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ, большихъ и малыхъ, и трубъ подъ дорогой 275, а именно: мостовъ—188; трубъ: чугунныхъ, отверстіемъ отъ  $\frac{1}{4}$  до 1 саж.—28, и каменныхъ со сводомъ, отверстіемъ отъ  $\frac{1}{2}$  до 5 саж.—59. Кромѣ того есть мосты путепроводные надъ желѣзной дорогой для переѣзда по пересѣкаемымъ обыкновеннымъ дорогамъ.

Вообще многому мы, инженеры, научились при всѣхъ этихъ работахъ подъ руководствомъ нашихъ опытныхъ инженеровъ Крафта и Мельникова и американскаго совѣщательнаго инженера Уистлера и архитектора К. А. Тона.

Въ 1845 г., какъ видно изъ приказа 9 сентября за № 184, графъ Петръ Андреевичъ осматривалъ въ іюлѣ мостъ черезъ Обводный каналъ, близъ Петербурга, подъ желѣзную дорогу и нашелъ, что постройка моста производится успѣшно. Гранитныя работы исполнены съ замѣчательной отдѣлкою; фермы моста изъ отличнаго сосноваго лѣса, и благодарилъ полковника Мельникова и производителя работъ капитана Гетунга и поручика Ангеля.

А. И. Штуценбергъ.

14 мая 1885 года.

(Окончаніе слѣдуетъ).

# ГР. НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ - АМУРСКІЙ.

Изъ воспоминаній о его дѣятельности.

Торговля на Кяхтѣ <sup>1)</sup>).

Въ статьяхъ моихъ о графѣ Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ-Амурскомъ, напечатанныхъ въ декабрьской книгѣ 1883 года журнала «Русская Старина» и въ июльской книгѣ 1884 года «Русскаго Вѣстника», я высказалъ, что Н. Н. Муравьевъ, предвидя какіе важные перемены и событія должны будутъ совершиться въ Китаѣ и что Россія должна быть подготовлена, чтобы идти имъ на встрѣчу, во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ по различнымъ частямъ управленія обширною Восточною Сибирью руководился этою возвышенною мыслию и во всѣхъ случаяхъ дѣйствовалъ такъ осмотрительно и въ то же время такъ подготовительно въ широкомъ смыслѣ слова, что этимъ несомнѣнно заслуживаетъ названіе замѣчательнаго и передоваго по времени государственнаго дѣятеля.

---

<sup>1)</sup> Статья эта получена редакціей „Русской Старины“ при слѣдующемъ письмѣ отъ В. В. Струве:

Спб., 1 сентября 1885 г.

„Милостивый государь Михаилъ Ивановичъ! Имѣя честь препроводить при семъ небольшую статью: „Воспоминанія о дѣятельности графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго“, „О торговлѣ на Кяхтѣ“, составленную мною на основаніи лично мнѣ принадлежащихъ и въ теченіи нынѣшняго гѣта еще полученныхъ отъ частныхъ лицъ данныхъ, убѣдительно прошу васъ не отказать мнѣ въ помѣщеніи ея въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ всѣми уважаемаго журнала вашего „Русская Старина“.

„При составленіи задуманной мною дѣльной, по возможности, біографіи этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, я, къ сожалѣнію, встрѣтилъ

Все мною высказанное я могу подтвердить многими данными, что и надѣюсь исполнить постепенно. Начну съ одной изъ отраслей восточно-сибирскаго управленія, на которую Муравьевъ, немедленно по прибытіи своемъ въ Иркутскъ, по важности ея, обратилъ зоркое вниманіе, побуждаемый къ тому свѣдѣніями, полученными имъ въ проѣздъ его черезъ Москву на пути въ дальнюю Сибирь, и представленною ему тогда же московскимъ купечествомъ копіею съ записки, поданной городскимъ головою Лепешкинымъ, отъ имени всего торгующаго на Кяхтѣ купечества, министру финансовъ Ѳ. П. Вронченко.

Въ январѣ 1848 г. я отправился впередъ въ Сибирь съ приказаніемъ дожидаться пріѣзда новаго генералъ-губернатора во вѣранный его управленію край въ Красноярскъ, въ ближайшемъ къ западной Сибири губернскомъ городѣ Восточной Сибири. По пріѣздѣ генерала Муравьева въ Красноярскъ, мнѣ немедленно было поручено вступить въ управленіе путевою канцеляріею генералъ-губернатора по гражданской части. Всѣ занятія по военной части были возложены на адъютанта командующаго войсками, въ Восточной Сибири расположенными, ротмистра Василя Михайловича Муравьева, съ которымъ я тутъ только познакомился, но вскорѣ сталъ съ нимъ въ самыя дружественныя, задушевыя отношенія. Тогда же я прочелъ съ величайшимъ интересомъ вышеупомянутую записку московскаго купечества и былъ свидѣтелемъ какъ Н. Н. Муравьевъ, еще въ Красноярскѣ, предварялъ своего адъютанта Вас. Мих. Муравьева, что по прибытіи въ Иркутскъ ему придется немедленно отправиться въ Кяхту для негласнаго и по возможности точнаго изслѣдованія всѣхъ изворотовъ торговли съ китайцами. Командировка эта и состоялась вскорѣ послѣ пріѣзда нашего въ Иркутскъ и Муравьевъ тогда же увѣдомилъ объ этомъ министра финансовъ конфиденціальнымъ письмомъ.

По возвращеніи адъютанта Муравьева изъ Кяхты и по соображеніи собранныхъ имъ данныхъ, генералъ Муравьевъ, въ письмѣ отъ 19

---

трудно преодолимыхъ препятствій, которыя во всякомъ случаѣ замедлятъ появленіе ея въ свѣтъ на неопредѣленное время.

А такъ какъ я уже не молодъ и едва-ли не единственный остался въ живыхъ изъ небольшого числа лицъ, на долю которыхъ выпалъ счастливый жребій съ самаго начала дѣятельности Н. Н. Муравьева въ Восточной Сибири работать подъ ближайшимъ его руководствомъ и познакомиться со всѣми отдѣлками его обширныхъ плановъ, то я считаю святою своею обязанностию, пока я еще могу, подѣлиться съ просвѣщенной публикою всѣмъ, что мнѣ извѣстно объ этомъ передовомъ труженникѣ, память о которомъ для меня слишкомъ дорога.

„Примите и пр. Б. Струве“.

мая 1848 г. къ Ѳ. П. Вронченко, указывая на представленную министру финансовъ московскими купцами и мануфактуристами записку съ предложениями объ устройствѣ кяхтинской торговли, заявлялъ, что онъ, затрудняясь еще высказать рѣшительное свое мнѣніе по вопросу о необходимости измѣненія правилъ 1800 года о кяхтинской торговлѣ, по кратковременности вступленія его въ управление Восточною Сибирью, тѣмъ не менѣе находитъ, что по мѣстному взгляду на этотъ предметъ столь важныя интересы отечественныхъ мануфактуръ и промышленности нельзя оставлять въ рукахъ и безответственномъ распоряженіи такихъ людей, у которыхъ они теперь находятся.

По существовавшимъ съ 1800 года для кяхтинскаго торгова правилъ, мѣна съ китайцами производилась исключительно товарами по цѣнамъ, назначавшимся предварительно, съ общаго согласія купечества, на основаніи ежегодно составляемаго положенія; покупка же или продажа товаровъ на деньги была строго запрещена. Московско-кахтинское купечество поданною г-ну министру финансовъ запискою ходатайствовало объ освобожденіи кяхтинской торговли отъ стѣснительной предварительной оцѣнки товаровъ по общественному положенію.

Для Муравьева не было тайною, что какъ государственный канцлеръ гр. К. В. Нессельроде, такъ и министръ финансовъ Ѳ. П. Вронченко положительно были тогда противъ измѣненія правилъ 1800 г. и поэтому онъ предвидѣлъ, что въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, ему предстоитъ тяжелая борьба, къ которой нужно явиться во всеоружіи и съ вѣскими подкрѣпленіями.

Въ виду этого Н. Н. Муравьевъ, въ письмѣ отъ 27 апрѣля 1849 г., изъ Иркутска, передъ самымъ своимъ выѣздомъ въ Камчатку, счелъ своею обязанностію вновь обратить вниманіе министра финансовъ Ѳ. П. Вронченко на неудовлетворительное положеніе кяхтинской торговли, указывая, что торговые наши интересы въ Китаѣ приняли невыгодный оборотъ и годъ отъ году будутъ клониться къ упадку, если мы не обратимся и сами къ новымъ направленіямъ и предпріятіямъ для поддержанія и распространенія ихъ. «Китайская имперія, пишетъ Муравьевъ, при всемъ желаніи своемъ сохранить вѣковую свою неподвижность, которая и для насъ была очень выгодна, получила, къ сожалѣнію <sup>1)</sup>, такой толчекъ отъ Англии, который по не-

---

<sup>1)</sup> Сожалѣніе относится, разумѣется, только къ тому обстоятельству, что Китай получилъ этотъ толчекъ отъ Англии, а не отъ Россіи, какъ бы слѣдовало ожидать при тѣхъ вѣковыхъ торговыхъ сношеніяхъ, которыя Россія имѣла съ Китаемъ.  
В. С.

волѣ заставляеть и насъ приходить здѣсь въ подвижность. Съ полною осторожностью и осмотрительностью, особенно къ сохраненію государственныхъ финансовыхъ выгодъ, приготавлиюсь я къ этому новому здѣсь порядку вещей, но не могу скрыть опасеній моихъ за успѣхъ различныхъ предположеній и соображеній моихъ, которыя уже не могутъ согласоваться съ прежнимъ порядкомъ вещей, если ваше высокопревосходительство не удостоите меня личнымъ вашимъ довѣріемъ.

Не взирая на письма Муравьева отъ 10 мая 1848 г. и 27 апрѣля 1849 г., которыми онъ надѣялся и Россію заставить придти въ подвижность по отношенію къ Китаю, и на ходатайство московско-кяхтинскаго купечества, дѣло это оставалось въ прежнемъ положеніи. Вслѣдствіе этого Муравьевъ, немедленно по возвращеніи своемъ изъ Камчатки въ ноябрѣ 1849 г., рѣшился представить свои соображенія о тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты безотлагательно, по его мнѣнію, хотя бы только для прекращенія тайнаго вывоза звонкой монеты въ Китай, въ ожиданіи возможности возобновить ходатайство объ измѣненіи прежняго порядка на Кяхтѣ, съ увѣренностью въ успѣхъ. Представляя о принятіи мѣръ строгости для предупрежденія тайнаго вывоза драгоценныхъ металловъ за китайскую границу, Муравьевъ имѣлъ только одну цѣль: на практикѣ доказать, что никакія мѣры строгости не въ состояніи прекратить это мнимо зло, составляющее въ существѣ необходимое условіе торговли, и что слѣдовательно единственнымъ средствомъ для поддержанія нашихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ долженъ быть признанъ свободный торгъ, такъ какъ прежній порядокъ по правиламъ 1800 года оказался уже окончательно несостоятельнымъ.

Въ 1850 году я былъ командированъ генераль-губернаторомъ Муравьевымъ изъ Иркутска въ С.-Петербургъ по различнымъ дѣламъ и между прочимъ имѣлъ порученіе, воспользовавшись моимъ знакомствомъ со многими московско-кяхтинскими фирмами, слѣдить за ходомъ и развитіемъ дѣлъ, касавшихся кяхтинскаго торговаго, что и дало мнѣ возможность въ подробности познакомиться съ этимъ вопросомъ, за разработкою котораго я и впослѣдствіи, до послѣдняго времени слѣдилъ съ величайшимъ вниманіемъ, состоя въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сибирскими купцами.

Здѣсь уместно будетъ заранѣе оговориться, чтобы разъяснить какая существенная разница была между взглядомъ московскаго купечества и Н. Н. Муравьева на вопросъ о свободѣ торговли на Кяхтѣ. Московскіе купцы и фабриканты считали для себя стѣснительнымъ и для торговаго вреднымъ установленный правилами 1800 года порядокъ



предварительнаго опредѣленія цѣнъ на товары, въ которыхъ мѣна товаровъ на товаръ ни подъ какимъ видомъ не разрѣшалась, и только въ этомъ отношеніи добивались свободы, отнюдь не допуская мысли о торгѣ на монету и кредитные билеты. Муравьевъ же, съ своей стороны, убѣжденный въ невозможности бороться съ контрабандою драгоцѣннымъ металломъ и денежными знаками, задумывалъ полное освобожденіе торговли на Кяхтѣ отъ всякихъ ограниченій, кромѣ, разумѣется, пошлинъ въ пользу казны.

По высочайшему повелѣнію, еще въ 1848 году, былъ учрежденъ въ Москвѣ комитетъ изъ торгующихъ на Кяхтѣ негоціантовъ и фабрикантовъ, подъ предсѣдательствомъ московскаго генераль-губернатора, для обсужденія вопроса объ устройствѣ кяхтинской торговли.

Разсмотрѣніе состоявшагося въ московскомъ комитетѣ заключенія, съ присовокупленіемъ къ нимъ мѣръ, предложенныхъ Муравьевымъ для предупрежденія вывоза драгоцѣнныхъ металловъ за китайскую границу, продолжалось, не смотря на важность дѣла, до 15 января 1851 года, значить, почти три года.

Высочайше утвержденное въ 15 день января 1851 года мнѣніе государственнаго совѣта о дополненіи и въ существѣ незначительномъ измѣненіи существовавшихъ тогда правилъ кяхтинскаго торговаго достоинно вниманія въ томъ отношеніи, что сколько до этого времени высшія административныя лица и мѣста какъ будто видимо и умышленно хотѣли игнорировать мѣстнаго главнаго начальника, столько настоящее, высочайше утвержденное, мнѣніе государственнаго совѣта доказываетъ, что въ этомъ отношеніи, съ начала 1851 года, послѣдовала замѣчательный поворотъ, ибо по всѣмъ предположеніямъ, которыя не требовали безотлагательнаго утвержденія и распоряженія, повелѣно было таковыя внести на разсмотрѣніе высшихъ правительственныхъ учрежденій непремѣнно черезъ посредство и съ мнѣніемъ генераль-губернатора Вост. Сибири, а относительно тѣхъ мѣръ, которыя разрѣшены этимъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, было повелѣно привести ихъ въ дѣйствіе въ видѣ опыта, съ возложеніемъ на генераль-губернатора Восточной Сибири обязанности, по истеченіи трехлѣтняго срока, сообразить послѣдствія упомянутыхъ мѣръ и сообщить свое заключеніе о нихъ министру финансовъ для дальнѣйшаго распоряженія. Этотъ благоприятный, для дѣлъ восточной Сибири и вмѣстѣ съ тѣмъ для общей государственной пользы, поворотъ можетъ быть только объясненъ пребываніемъ генераль-лейтенанта Муравьева тогда въ Петербургѣ и тѣми выраженіями личнаго довѣрія къ нему, которыхъ

его удостоивали государь императоръ Николай I и тогдашній цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Тогда же, въ бытность Муравьева въ Петербургѣ, въ числѣ другихъ значительныхъ преобразованій по Восточной Сибири состоялось, согласно его ходатайству, учрежденіе отдѣльнаго кяхтинскаго градоначальства и градоначальникомъ былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Романовичъ Ребиндеръ, человѣкъ пронзительнаго ума и послѣдовательнаго мышленія.

Неудовлетворительность изданныхъ въ 1851 году дополнительныхъ узаконеній о кяхтинской торговлѣ не замедлила проявиться во всей своей наготѣ. Въ ноябрѣ 1853 г., не дождавшись наступленія трехгодичнаго срока, въ теченіи котораго, въ видѣ опыта, назначено было дѣйствовать правиламъ 1851 года, генераль-губернаторъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьевъ, находясь въ Петербургѣ, сообщилъ министру финансовъ П. Ф. Брокъ, что по зрѣломъ обсужденіи, въ теченіи шести лѣтъ, порядка производства торговли нашей съ китайцами на Кяхтѣ, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что наступило время измѣнить правила, установленныя для сей торговли еще въ 1800 году, а именно: сдѣлать кяхтинскій торгъ свободнымъ для всѣхъ и каждаго на общихъ правилахъ внѣшней торговли Имперіи, не стѣняя онаго никакими исключеніями, ни рѣшительными совѣщаніями какого либо общества, ни какою либо общею разцѣнкою, и затѣмъ, въ отнѣну нынѣшнихъ таможенныхъ постановленій, разрѣшить на Кяхтѣ производство торговли иѣною или чистыми деньгами только въ монетѣ, а не въ пескѣ и слиткахъ, и даже кредитными билетами, столь охотно принимаемыми въ китайскомъ мѣстечкѣ Маймачэнахъ.

Этотъ новый порядокъ, по мнѣнію генераль-губернатора Муравьева, во 1-хъ, долженъ былъ устранивъ всѣ злоупотребленія, происходящія въ разцѣнкахъ по невѣжеству большей части тогдашняго нашего купечества, и всякое посягательство на контрабанду монетою, которою пользовались торговцы наиболѣе недобросовѣстные, во 2-хъ, онъ былъ современенъ нашему вѣву и обычаямъ даже китайцевъ, которые производили тогда уже со всѣми другими европейскими государствами и Америкою торгъ свободный для всѣхъ и каждаго, и, наконецъ, въ 3-хъ, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ онъ могъ указать намъ въ какой степени китайскія возмущенія собственно имѣли вліяніе на застой кяхтинской торговли. Къ тому же генераль-лейтенантъ Муравьевъ выражалъ свое убѣжденіе, что по тогдашнему положенію китайскаго правительства не предстояло никакой надобности предварительно

сноситься съ нимъ о предполагавшихся измѣненіяхъ въ порядкѣ нашего торга на Кяхтѣ, а достаточно только увѣдомить о томъ трибуналь, или пограничныхъ китайскихъ начальниковъ, чрезъ сибирское начальство.

Муравьевъ, разумѣется, не могъ иначе выразиться, какъ, что наступило время измѣнить правила, установленныя въ 1800 году для китайской торговли, потому что онъ не могъ и не хотѣлъ официально сознаться, что заявленія его, какъ главнаго мѣстнаго начальника, министру финансовъ объ этомъ вопросѣ не только не были приняты во вниманіе въ теченіи 6-ти лѣтъ, но что онъ, чтобы доказать полнѣйшую несостоятельность мѣръ строгости противъ контрабанды золотомъ и серебромъ, самъ даже былъ вынужденъ предложить еще временное усиленіе этихъ мѣръ и, наконецъ, потому что въ то время сошелъ въ могилу одинъ изъ главныхъ противниковъ системы свободной торговли на Кяхтѣ—*О. П. Вронченко*, а выразить это въ официальномъ представленіи было бы неудобно.

Тогда же, по высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ въ Петербургѣ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра финансовъ изъ свѣдущихъ по торговой части членовъ трехъ министерствъ: финансовъ, иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ для разсмотрѣнія вопросовъ, касающихся нашей азіатской торговли вообще и кяхтинской въ особенности.

Въ 1853 и 1854 годахъ торговля на Кяхтѣ совсѣмъ почти было остановилась и вымѣнъ чаевъ ограничился бы какими нибудь 20,000 мѣстъ, если бы не появилась у нашихъ купцовъ новая, неизвѣстная дотогѣ на Кяхтѣ, промѣнная статья: серебряныя и золотыя издѣлія по кяхтинскому тарифу дозволены были къ отпуску въ Китай, и при томъ беспошлинно, наравнѣ съ прочими отпускными товарами, но таковыхъ издѣлій до 1854 г. вовсе въ Кяхту не доставлялось, а съ этого времени эти издѣлія, въ особенности серебряныя, сдѣлались главною и почти единственною промѣнною статьею на Кяхтѣ. По всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ объ этомъ оборотѣ по кяхтинской торговлѣ, основанному на предшествовавшемъ соглашеніи съ генераломъ-губернаторомъ Муравьевымъ, состоялось 6 августа 1854 г. высочайшее повелѣніе, коимъ разрѣшено впредь до усмотрѣнія, для облегченія сбыта въ Китай нашихъ мануфактурныхъ и пушныхъ товаровъ, промѣнивать китайцамъ серебряныя и золотыя издѣлія въ совокупности съ другими товарами такъ, чтобы сіи издѣлія составляли по цѣнѣ не болѣе  $\frac{1}{3}$  мануфактурныхъ товаровъ и не болѣе по-

ловины товаровъ пушныхъ, вмѣстѣ съ серебряными надѣльями продаваемыхъ.

Представителемъ со стороны генералъ-губернатора Муравьева въ комитетѣ, высочайше учрежденномъ въ ноябрѣ 1853 года для обсужденія положенія нашей торговли съ Китаемъ, и защитникомъ его идеи о свободѣ торга на Кяхтѣ, послѣ знаменитаго перваго сплава по Амуру въ 1854 г., явился съ января 1855 г. бывший тогда кяхтинскій градоначальникъ Н. Р. Ребиндеръ, котораго Муравьевъ уполномочилъ лично доложить комитету и министру финансовъ обо всѣхъ предметахъ, касающихся до Кяхты. Для Ребиндера въ теченіи почти 4-хъ лѣтъ вопросъ о кяхтинской торговлѣ составлялъ главнѣйшее его занятіе и труды его преимущественно были направлены на развитіе и поддержаніе спорной кяхтинской торговли въ тогдашнемъ критическомъ положеніи Китая.

Еще въ августѣ 1853 года Н. Р. Ребиндеръ имѣлъ въ Троицко-Савскѣ (Кяхтѣ) многознаменательное дружеское свиданіе съ ургинскимъ амбанемъ Бэйсе, что составило въ то время важное событіе на нашей границѣ съ Китаемъ, такъ какъ это случилось въ первый разъ послѣ 200 лѣтнихъ сношеній русскихъ съ китайцами. Описание этого свиданія въ высшей степени интересно, какъ характеристика тогдашнихъ нашихъ отношеній къ властямъ Небесной имперіи и тѣмъ церемоній, съ которыми сопровождался этотъ, по европейскимъ понятіямъ, простой обрядъ обоюдной вѣжливости. Амбанъ Бэйсе прибылъ изъ Урги въ Маймачэны 19-го августа 1853 г. Удостоившись черезъ нашего пограничнаго комиссара, что амбанъ намѣренъ непременно имѣть въ Троицко-Савскѣ свиданіе съ русскимъ губернаторомъ (такъ называли китайцы кяхтинскаго градоначальника и это названіе было ему также присвоено въ официальныхъ сношеніяхъ), Н. Р. Ребиндеръ счелъ своею обязанностью предупредить его своею любезностью.

21-го августа, утромъ въ 12 часу, онъ отправился въ Маймачэны церемониально. Поѣздъ открывали 12 конныхъ казаковъ съ урядникомъ и хорунжимъ впереди. За ними шла, съ музыкою впереди, рота 12-го баталіона, по отдѣленіямъ, въ 6 рядовъ, а за нею ѣхалъ градоначальникъ въ 4-хъ-мѣстной каретѣ, запряженной на-уносъ четверней красивыхъ коней. По сторонамъ кареты ѣхали урядники. Поѣздъ замыкалъ взводъ конныхъ-же казаковъ. Черезъ Кяхтинскую слободу и китайскіе Маймачэны поѣздъ сопровождался громкимъ барабаннымъ боемъ и музыкою, что произвело большой эффектъ въ Маймачэнахъ, гдѣ китайцы и монголы съ глупымъ удивленіемъ смотрѣли на па-

радъ, храня молчаніе и соблюдая строгій порядокъ,—вещь необыкновенная у нихъ. Дѣйствительно, было имъ чему потѣшиться. Когда Ребиндеръ подъѣхалъ къ дзаргучеевскимъ воротамъ, казаки и рота баталіона были уже выстроены по лѣвую сторону во фронтъ; онъ поздоровался съ ними и громкое—«здравія желаю вашему превосходительству» потрясло сжатый, неподвижный воздухъ Китая. Въ узкомъ проулкѣ или, лучше сказать, галлерей, ведущей отъ воротъ къ дому дзаргучея, слѣдовавшіе съ градоначальникомъ штабъ- и оберъ-офицеры и гражданскіе чиновники въ мундирахъ построились по обѣ стороны и открыли шествіе. Достигнувъ дома, они стали во фронтъ, приложивъ руки къ каскамъ и шляпамъ. Градоначальникъ прошелъ чрезъ весь рядъ ихъ, опираясь на трость и кланяясь направо и налево. Все это происходило въ прямой перспективѣ противъ входныхъ дверей, у которыхъ съ внутренней стороны амбанъ ожидалъ приближенія русскаго губернатора. У самаго входа встрѣтили градоначальника комиссаръ, прибывшій заранѣе съ извѣстіемъ о его прибытіи, и маймаченскій дзаргучей, взявшій Ребиндера подъ руку, чтобы помочь подняться нѣсколько ступеней вверхъ. Переступивъ порогъ, Ребиндеръ былъ встрѣченъ амбанемъ весьма ласково. Большое спокойствіе и чувство достоинства выражались на лицѣ амбана, который родомъ монголь, княжескаго происхожденія, былъ по жевѣ родственникъ богдыхана. Когда кортежъ входилъ въ гостинную, то въ дверяхъ амбанъ какъ будто смѣшался, не зная дать-ли русскому губернатору шагъ впередъ. Ребиндеръ вывелъ его изъ затрудненія, взявъ его за руку и войдя въ гостинную съ нимъ въ одно время, такъ что равенство было сохранено. Въ гостинной Ребиндеръ занялъ, по манжурскому обычаю, мѣсто по лѣвую сторону, на которую перешли и бывшіе въ его свѣтѣ; старшимъ изъ нихъ, т. е. майорамъ, по китайскому понятію, были предложены стулья; они усѣлись на нихъ, но китайская свита продолжала стоять во все время аудіенціи.

Послѣ обыкновенныхъ распросовъ о здоровьѣ и о прочемъ, Ребиндеръ обратился къ амбаню съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

— «Не умѣю выразить вамъ, почтенный амбанъ Бэйсе, сколько я счастливъ, встрѣчая васъ здѣсь. Въ продолженіе почти 200 лѣтней дружбы Дайцинской имперіи съ Россією ни разу еще амбани не сходились съ губернаторами, по собственному побужденію, съ желаніемъ только личнымъ знакомствомъ, личною бесѣдою, еще болѣе скрѣпить дружескія отношенія, существующія между ними издавна. День свиданія нашего долженъ быть днемъ радостнымъ для меня и для васъ, ибо мы, какъ представители здѣсь правительствъ нашихъ, вполне можемъ

опѣнить послѣдствія онаго. Желаю, чтобы послѣдствія эти скорѣе отразились на взаимныхъ отношеніяхъ подданныхъ обонхъ государствъ, чтобы, по мѣрѣ утвержденія взаимнаго довѣрія свыше, исчезали и препятствія къ болѣе тѣсному сближенію ихъ между собою и чтобы въ скоромъ времени новый союзъ соединилъ оба государства на болѣе широкихъ началахъ. Желаю этого потому, что того-же желаютъ всѣ русскіе, привыкшіе видѣть въ китайцахъ не враговъ, а друзей своихъ».

Амбанъ съ своей стороны выразилъ тѣ же чувства и тѣ же желанія. Затѣмъ Ребиндеръ сталъ спрашивать его о разныхъ предметахъ, касающихся его лично, и разговоръ незамѣтно пришелъ опять къ дружескимъ отношеніямъ Россіи съ Китаемъ. Ребиндеръ воспользовался этимъ, чтобы доказать ему, что хотя они и основаны на трактатахъ, но далеко уже опередили смыслъ и цѣль ихъ, что въ настоящее время есть какъ бы противорѣчіе между существующими, какъ онъ сказалъ, дружескими отношеніями и буквальнымъ значеніемъ трактатовъ, ибо въ послѣднихъ говорится только о правѣ торговать въ Кяхтѣ, Цурухайту, а все остальное въ нихъ касается только разбоевъ и грабежей, какъ будто подданные обонхъ государствъ одни воры, разбойники и враги между собою. Теперь уже не то, и самый договоръ, заключенный о торговлѣ въ Или и Тарбагатаѣ, доказываетъ, что прежнія отношенія во многомъ измѣнились».

Амбанъ при этомъ улыбнулся ласково и видимо одобрилъ мысль русскаго губернатора. Ребиндеръ пошелъ далѣе, представивъ ему разницу между нами и европейцами на югѣ. «Мы, русскіе, говорилъ онъ, ограничены во всемъ, европейцамъ же на югѣ предоставлены большія торговыя выгоды, особенно англичанамъ; предоставляю однако самому амбану рѣшить по справедливости кто изъ насъ: русскіе или они заслуживаютъ болѣе вниманія китайскаго правительства?» Тогда амбанъ спросилъ Ребиндера, что онъ хочетъ этимъ сказать, — говорить ли онъ какъ губернаторъ, официально, и какихъ выгодъ требуетъ русское правительство? Ребиндеръ отвѣтилъ ему, что онъ не знаетъ чего можетъ желать и требовать правительство наше, ибо онъ не уполномоченъ имъ на это, но что онъ говоритъ какъ человѣкъ, какъ русскій, которому близки къ сердцу пользы и выгоды отечества его, что право выразить ему, амбану, личное его и общее всѣмъ русскимъ желаніе даютъ ему откровенность, съ какою амбанъ вступилъ въ бесѣду съ нимъ, а еще болѣе продолжительный миръ Россіи съ Китаемъ, не нарушенный ни разу въ теченіи 60 лѣтъ, и необходимость, для пользы того и другаго государства, въ расширеніи торговли, что возможно только при болѣе тѣсномъ сближеніи

китайцевъ и русскихъ между собою. Далѣе шла бесѣда о торговлѣ вообще. Когда Ребиндеръ сказалъ, между прочимъ: «жаль, что торговля остановилась», амбанъ замѣтилъ, что онъ только по приѣздѣ своемъ въ Маймачэны узналъ объ этомъ, и что если губернаторъ хочетъ, то онъ, амбанъ, прикажетъ своимъ расторговаться, лишь бы и онъ, губернаторъ, сдѣлалъ то же съ своей стороны; но Ребиндеръ отвѣчалъ—предоставимъ дѣло это самимъ купцамъ, которые лучше насъ понимаютъ свои выгоды. Амбанъ принялъ слова эти съ видимымъ удовольствіемъ и сказалъ: «совершенно справедливо, я съ вами однихъ мыслей».

Въ этомъ духѣ продолжался разговоръ около полчаса. Послѣ чего Ребиндеръ всталъ, желая удалиться, но былъ удержанъ амбанемъ. Онъ далъ знакъ и на блюдѣ вынесли подарокъ (китайскую чернильницу), который амбанъ просилъ Ребиндера принять отъ него въ знакъ признанія и на память. Затѣмъ, были обдарены всѣ прочія лица свиты градоначальника и онъ сталъ прощаться съ амбанемъ. Съ той и другой стороны было много любезностей и увѣренія, что день свиданія этого будетъ однимъ изъ счастливѣйшихъ въ жизни обоихъ сановниковъ, причемъ, между прочимъ, амбанъ извинялся, что не можетъ угостить губернатора театромъ и другими увеселеніями, потому что въ короткое время ничего не успѣли приготовить.

Возвращеніе послѣдовало тѣмъ-же порядкомъ. Китайцевъ занимало необычное зрѣлище. Монголы съ восторгомъ рассказывали о пышности и блескѣ поѣзда русскаго губернатора, о многочисленномъ войскѣ, о барабанномъ боѣ въ Маймачэнахъ и о множествѣ телѣгъ, т. е. экипажей; «видимо-невидимо», говорили они. Другіе, менѣе смѣтливые, вида войско, собранное у Кяхтинской заставы передъ поѣздомъ градоначальника въ Маймачэны, спрашивали купцовъ: что значить это войско; не будетъ-ли подериза, т. е. война, какъ они называли вымышленною междоусобицу въ Китаѣ. Появленіе кяхтинскаго градоначальника въ Маймачэнахъ и оживленная искренняя бесѣда съ амбанемъ произвели самое благоприятное впечатлѣніе на всѣхъ китайцевъ, манжуровъ и монголовъ.

22-го августа, въ 12 часовъ, изъ войскъ, въ Троицко-Савскѣ расположенныхъ, 1-я рота 12-го баталіона, болѣе полусотни казаковъ и 70 рядовыхъ съ унтеръ-офицерами инвалидной команды были выстроены въ двѣ линіи на площади отъ моста до дома градоначальника. У всѣхъ входныхъ дверей и въ прихожей стояли часовые, а гг. штабъ-и оберъ-офицеры и гражданскіе чиновники ожидали амбана въ комнатахъ, занимаемыхъ Ребиндеромъ. Въ гостиной находились небольшой диванъ и шесть стульевъ для высшихъ чиновниковъ амбана. Возлѣ го-

стинной въ кабинетѣ устроено было также особое сидѣніе для амбана и самого Ребиндера и повѣшенъ портретъ государя императора. За полчаса до амбана пріѣхалъ маймачэнскій дзаргучей съ извѣстіемъ о приближеніи его; явился, наконецъ, и онъ самъ, въ крытой будкѣ, везомой на рукахъ конными монголами, въ сопровожденіи многочисленной свиты и 110 воиновъ съ луками и стрѣлами. Когда амбанъ вѣхалъ въ рядъ нашего войска, ему была отдана честь при барабанномъ боѣ и звукахъ музыки. Смѣшеніе европейскаго и азіатскаго войскъ и толпа любопытнаго народа, собравшагося кругомъ, представляли прекрасное зрѣлище. У входныхъ дверей въ прихожей амбанъ былъ встрѣченъ градоначальникомъ. Размѣнявшись любезностями, оба сановника вмѣстѣ пошли въ гостинную, гдѣ по русскому обычаю амбанъ сѣлъ на диванъ по правую сторону.

Послѣ взаимныхъ вѣжливыхъ вопросовъ, Ребиндеръ обратилъ вниманіе амбана на всеобщее торжество и прекрасную погоду. «Повѣрьте, г. амбанъ, до пріѣзда вашего нѣсколько времени дожди шли постоянно, небо было мрачно; со вчерашняго же дня прояснѣло, солнце ярко свѣтитъ, само небо, кажется, радуется, что мы вмѣстѣ и дружественно ведемъ рѣчь; посмотрите на радостныя лица, насъ окружающія; всѣ понимаютъ, что въ эту минуту завязывается узелъ новыхъ лучшихъ отношеній между обоими государствами». Слова эти очень были пріятны амбаню, онъ взялъ руку Ребиндера и съ непритворнымъ чувствомъ пожалъ ее. Тутъ подали чай на серебряномъ подносѣ, въ такомъ-же чайникѣ и со всѣми прочими принадлежностями изъ серебра, чтобы блескомъ поразить амбана и китайцевъ. Наливши чаю, Ребиндеръ подавъ ему чашку и предложилъ папироску. Амбанъ закурилъ ее и похвалилъ. «Сань?» (хорошо, по-монгольски), спросилъ его Ребиндеръ. «А, такъ вы знаете нашъ языкъ?» возразилъ амбанъ.

— Нѣтъ, еще учусь и когда, столько узнаю языкъ, чтобы не краснѣя разговаривать на немъ съ такой важной особой, какъ вы, то мы побесѣдуемъ безъ толмачей.

Амбанъ обернулся къ Ребиндеру и живо спросилъ: «когда и гдѣ?»

— Когда, не знаю, отвѣтилъ Ребиндеръ, а гдѣ, такъ, пожалуй, въ Ургѣ, если мнѣ позволятъ васъ навѣстить въ вашемъ городѣ.— Амбанъ засмѣялся.

Послѣ того Ребиндеръ спросилъ амбана: «что богдыханъ никогда не выѣзжаетъ изъ Пекина или рѣдко?»

— Очень рѣдко, отвѣчалъ амбанъ, а вашъ императоръ какъ?

— «О! нашъ императоръ другое дѣло. Всякій годъ разъ, а иногда и по два, объѣзжаетъ онъ часть своихъ обширныхъ владѣній; все хочетъ



видѣть собственнымъ отеческимъ окомъ; оттого у насъ удивительный порядокъ и всё благоденствуютъ. Мало того, императоръ нерѣдко посѣщаетъ сосѣднихъ государей, а они его».

— Неужели? это совсѣмъ не согласно съ нашими обычаями.

— «Въ самомъ дѣлѣ! Частыя свиданія государей сдѣлали то, что всё государства въ Европѣ между собою въ мирѣ и въ такой тѣсной связи, что вся Европа представляетъ какъ-бы одно цѣлое. Такой союзъ даетъ имъ большое вліяніе и на государства другихъ частей свѣта; но кстати, хотите-ли, амбанъ, взглянуть на изображеніе въ картинѣ государя императора, вотъ въ той комнатѣ», и Ребиндеръ повелъ амбана въ кабинетъ, сдѣлавъ знакъ своимъ чиновникамъ, чтобы они не слѣдовали за ними. Они остановились и вмѣстѣ съ ними чиновники амбана, кромѣ дзаргучея. Амбанъ, увидѣвъ портретъ, остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стѣны и, казалось, съ благоговѣніемъ разсматривалъ черты русскаго монарха.

Затѣмъ, градоначальникъ посадилъ амбана на диванъ и сказалъ: «позвольте поговорить съ вами на-единѣ». Онъ посмотрѣлъ на Ребиндера, но потомъ сказалъ: «очень хорошо»; «нѣтъ, замѣтилъ ему Ребиндеръ, я желаю поговорить съ вами глазъ-на-глазъ». Онъ понялъ, сдѣлалъ знакъ своему дзаргучею, чтобы онъ вышелъ. Амбанъ и градоначальникъ остались вдвоемъ съ однимъ лишь русскимъ переводчикомъ.

Пока дзаргучей выходилъ изъ комнаты и двери въ гостинную заперлись, амбанъ съ вопрошающимъ видомъ смотрѣлъ на Ребиндера который началъ разговоръ, закуривши папирску и поподчивавши амбана.

Началось съ того, что Ребиндеръ старался доказать амбаню, что Россія и Китай, какъ сосѣднія государства, связаны обоюдными выгодами, что выгоды эти условливаются поддержаніемъ съ той и другой стороны добраго согласія и допущеніемъ всего, что можетъ способствовать распространенію торговли, съ чѣмъ онъ и согласился. Потомъ Ребиндеръ провелъ параллель между русскими и европейцами, торгующими съ Китаемъ на югѣ, и вывелъ изъ того, что послѣдніе имѣютъ болѣе выгодъ и преимуществъ и что въ особенности англичане пользуются положеніемъ своимъ во вредъ Россіи, водворяя съ моря въ наши западныя провинціи, тайнымъ образомъ и въ большомъ числѣ, чай, отъ чего терпитъ наша сухопутная торговля, и что если южный Китай, по своему положенію, омываемый съ юга морями, ближе связавъ въ торговомъ отношеніи съ европейцами, то, наоборотъ, съ сѣверной стороны онъ болѣе долженъ дорожить торговыми сношеніями съ Россіей, съ которою соприкасается отъ Тихаго океана до отдаленныхъ западныхъ предѣловъ, на весьма обширномъ

протяженіи, а тѣмъ болѣе со времени открытія торговли въ новыхъ пунктахъ на западѣ. На это амбанъ сказалъ, — что при каждомъ представленіи его богдыхану онъ всегда спрашиваетъ его о Россіи и всегда подтверждаетъ поддерживать миръ съ русскими.

— Вѣрю вамъ, г. амбанъ, говорилъ Ребиндеръ, но время уже не ограничиваться одними увѣреніями, пора доказать и на дѣлѣ, что русскіе, имѣющіе болѣе 150 лѣтъ самыя дружескія сношенія съ вами и не обнаружившіе ни разу покушеній, какія выказали, и особенно въ послѣднее время, англичане на югѣ, заслуживаютъ больше преимуществъ, нежели они; на дѣлѣ-же выходитъ совсѣмъ иное. До сихъ поръ наши сношенія ограничены, мы не смѣемъ переступить границы и слишкомъ отдалены отъ вашихъ рынковъ, чтобы знакомиться съ торговыми потребностями вашего государства, что во всякой торговлѣ необходимо знать.

Амбанъ, выслушавши Ребиндера со вниманіемъ, спросилъ: «чего-же желала-бы Россія».

— Положительно сказать—въ чемъ могутъ заключаться требованія нашего правительства—я не могу, отвѣтилъ Ребиндеръ,—но откровенность, съ какою мы начали бесѣду, позволяетъ мнѣ объяснить вамъ, что желанія русскихъ, понимающихъ лучше меня условія, при которыхъ возможно болѣе обширное развитіе торговыхъ сношеній изъ съ вашими подданными, клонятся къ тому, чтобы имъ позволено было по торговымъ дѣламъ ихъ ѣздить въ города, гдѣ сосредоточены операціи торгующихъ съ ними китайцевъ.

— «Да, сказалъ амбанъ, понимаю, что вы хотите сказать. Бывать вашимъ купцамъ въ нашихъ городахъ нужно для того, чтобы узнать вкусы и примѣняться къ потребностямъ нашихъ жителей. Я совершенно раздѣляю эту мысль, понимая, какія послѣдствія могли-бы произойти отъ того для обоюдныхъ выгодъ нашихъ, но вы знаете наши порядки, какъ ведутся у насъ въ Пекинѣ подобныя дѣла. Богдыханъ все рѣшаетъ, но въ совѣтѣ его есть много высшихъ чиновниковъ, между которыми не бываетъ согласія, когда дѣло коснется до нововведеній, ибо у насъ привыкли основываться на бывшихъ примѣрахъ, а потому, хотя я признаю средство сближенія, вами указанное, полезнымъ и возможнымъ, но едва-ли мое мнѣніе будетъ уважено».

Не продолжая разсужденій съ нимъ о возможности большаго сближенія русскихъ съ китайцами, Ребиндеръ повелъ разговоръ прямо къ цѣли.

— Вы съ такимъ дружескимъ вниманіемъ выслушали мысли мои, продолжалъ онъ, и съ такою откровенностью отвѣчали на нихъ, что я рѣшусь, не боясь сдѣлать нескромнаго шага, обратиться къ вамъ

съ вопросомъ — въ такомъ-ли дѣйствительно дурномъ положеніи находятся внутреннія дѣла ваши, какъ намъ описываютъ ихъ иностранныя газеты и агенты европейскихъ государствъ, слѣдяще съ большимъ вниманіемъ за всѣмъ, что происходитъ у васъ.

Сначала амбанъ замаялся, но послѣ нѣсколькихъ ласковыхъ словъ, выразившихъ довѣріе Ребиндера къ нему, какъ человѣку, далъ ему понять, что дѣйствительно положеніе дѣлъ внутри государства не совсемъ отрадное.

Считая неумѣстнымъ распространяться далѣе объ этомъ предметѣ, Ребиндеръ обратился къ торговлѣ.

— Какъ вамъ извѣстно, г. амбанъ Бэйсе, русскіе купцы доставляютъ вамъ въ большомъ количествѣ пушныя товары и еще въ большемъ—обработанныя издѣлія. Тѣ и другіе закупаются за годъ, за полтора, иногда и за два года впередъ. Если наши купцы, попрежнему, сдѣлаютъ закупки для будущихъ лѣтъ и привезутъ товары сюда изъ за 12,000 ли (6,000 верстъ), а чаевъ въ привозѣ не будетъ, то куда дѣвать имъ свои капиталы?—они должны будутъ обанкротиться, ибо цѣнность товаровъ, промѣниваемыхъ ими вашими купцами, простирается на многіе милліоны ланъ (съ небольшимъ 2 р. сер.). Говорю объ этомъ съ вами, г. амбанъ Бэйсе, потому, что обязанъ по званію своему ограждать выгоды русскихъ купцовъ и предупреждать ихъ тамъ, гдѣ грозятъ имъ очевидныя убытки, а потому прошу васъ сказать со всею откровенностью—можно-ли надѣяться, что мы будемъ имѣть чай?

— «Конечно, отвѣчалъ онъ, здѣсь ихъ уже очень много и еще новыя транспорты кирпичныхъ чаевъ понемногу подвигаются къ Кяхтѣ».

— Это такъ; на нынѣшній годъ мы обезпечены, замѣтилъ Ребиндеръ ему, но въ слѣдующіе годы не встрѣтимъ-ли мы недостатка въ нихъ, по случаю внутреннихъ безпорядковъ въ вашихъ юго-западныхъ провинціяхъ?

— «Разумѣется, сказалъ онъ, не будетъ въ привозѣ новыхъ чаевъ, пока будутъ продолжаться военныя дѣйствія, пока мятежники и самыя войска богдыхана не отдалятся отъ мѣстъ, черезъ которыя провозятся чай, ибо теперь дорога пресѣчена ими; впрочемъ, присовокупилъ онъ, надо надѣяться, что все это скоро прекратится». Видно было, что ему не хотѣлось болѣе говорить объ этомъ предметѣ.

Оживленная бесѣда, довѣріе къ Ребиндеру, высказанное амбанемъ словами, непритворно веселымъ выраженіемъ лица его и частымъ пожатіемъ руки своего собесѣдника, позволили Ребиндеру завести рѣчь и объ Амурѣ.

— Я говорилъ вамъ, г. амбанъ Бэйсе, что сѣверная часть Китая

связана общими интересами съ Россією и потому опасность, угрожающая съ сей стороны Россіи, не менѣ касается и вашего государства. Амуръ имѣеть въ этомъ отношеніи важное значеніе. И вотъ почему. Вы знаете, что въ 1689 году разграниченіе съ обѣихъ сторонъ состоялось на слияніи Шилки съ Аргунью, т. е. на истокѣ Амура; далѣе граница не опредѣлена, но сказано: «отсюда по водѣ до моря». На этомъ основаніи Россія хотя и считала земли на сѣверъ отъ Амура своими, но какъ онѣ были необитаемы и пустыны, то не обращала на нихъ вниманія; теперь-же, какъ извѣстно, есть уже по лѣвому берегу наши поселенія. Амуръ важенъ для Сибири и для Маньчуріи, но какъ онъ впадаетъ въ океанъ, то легко по немъ врагамъ нашимъ проникнуть внутрь съ морской стороны и угрожать и вамъ, и намъ общею опасностью. Въ чаюніи сего нашъ императоръ, узнавъ нѣсколько лѣтъ назадъ, что англійскія и американскія пароходныя и парусныя суда высматривали берега около Амура и устья этой рѣки, съ явнымъ намѣреніемъ завладѣть ими, повелѣлъ судамъ своимъ отправиться въ эти мѣста и высадить тамъ войска, которымъ въ устьѣ Амура и построена крѣпость. Посудите сами, какія послѣдствія угрожали бы Маньчуріи, если-бъ Амуромъ завладѣли американцы или англичане, ищущіе распространенія владычества своего гдѣ можно и пользующіеся для того слабою защитою всѣхъ мѣстъ, которыя по ихъ коммерческимъ соображеніямъ могутъ быть для нихъ выгодны. Разумѣется, они стали бы тѣснить васъ съ сѣвера, какъ уже давно дѣлаютъ съ юга, вы бы были тогда между тисковъ. И для Россіи утвержденіе американцевъ или англичанъ на Амурѣ имѣло бы важныя послѣдствія; она не могла бы спокойно владѣть землями своими на сѣверъ отъ рѣки и распространять тамъ поселенія. Слѣдовательно, и въ нашихъ и еще болѣе въ вашихъ интересахъ нужно на Амурѣ утвердить русскія силы, русское владычество, ибо мы имѣемъ для огражденія рѣки отъ постороннихъ покушеній флотъ и достаточныя матеріальныя средства; у васъ же ихъ нѣтъ, и потому, если попрежнему вы, и мы не укрѣпимся на берегахъ Амура или вы одни желали бы удержать ее за собою, то вы не успѣете оглянуться—какъ у васъ отнять ее и начнутся для васъ бѣдствія, которыхъ вы и не ожидали. Слѣдовательно, собственная ваша польза требуетъ, въ случаѣ переговоровъ объ Амурѣ, рѣшить этотъ вопросъ миролюбиво, признаніемъ Амура и права плаванія по немъ за нами. Такъ и будетъ, ибо нашъ императоръ, какъ бы ни былъ онъ одушевленъ желаніемъ сохранить съ вашимъ государемъ миръ и дружбу, въ отношеніи Амура ничего не можетъ уступить.

Амбанъ съ большимъ вниманіемъ слушалъ Ребиндера; при имени

американцевъ и англичанъ спросилъ—неужели они покушались завладѣть Амуромъ, потомъ задумался и вдругъ обратился къ Ребиндеру съ вопросомъ—«да какъ говорить трактатъ, не сказано ли тамъ—отъ Шилки и Аргунн по хребту и водамъ до Амура?»

Вопроса этого Ребиндеръ ожидалъ, ибо видѣлъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и потому, не обнаруживъ никакого замѣшательства, показалъ видъ будто забылъ и сталъ припоминать, потомъ сказалъ: кажется, точно упоминается въ трактатѣ о хребтѣ, но вотъ какъ идетъ хребетъ, и онъ показалъ амбаню на карту Китая. Сначала хребетъ идетъ къ сѣверо-востоку, потомъ направляется къ югу и достигаетъ Амура. Такимъ образомъ, по буквальному смыслу трактата, только малая часть Амура, между хребтомъ и соединеніемъ Шилки съ Аргунью, должна бы принадлежать вамъ, а остальная большая часть течения—русскимъ, но, спрашивается, стоитъ ли изъ-за такого малаго пространства спорить и нарушать миръ и тѣмъ паче, когда вы не въ состояніи даже удержать этой частички за собою, если-бъ государь нашъ рѣшился силою утвердить ее за Россією.

Амбанъ задумался. Помолчавъ нѣсколько, онъ спросилъ Ребиндера какъ бы съ озабоченнымъ видомъ: «скажите, губернаторъ, что же изъ всего разговора нашего могу я передать моему правительству».

— Г. амбанъ Бэйсе, повторяю вамъ еще разъ, отвѣтилъ Ребиндеръ, разговоръ нашъ былъ дружескій и не обязываетъ ни къ чему ни васъ, ни меня. Передайте правительству своему, что можете; я же обязанъ въ подробности донести обо всемъ своему правительству; такъ уже принято у насъ.

Тѣмъ кончилась бесѣда Ребиндера съ амбанемъ, продолжавшаяся два съ половиною часа. Онъ былъ утомленъ, но на лицѣ его выразилось совершенное удовольствіе. Уже не Ребиндеръ обращался къ нему съ привѣтствіями, а онъ къ Ребиндеру; нѣсколько разъ бралъ онъ Ребиндера за руку и выражалъ непритворнымъ образомъ удовольствіе, которое доставило ему знакомство съ нимъ, его откровенность, непринужденное его обхожденіе съ нимъ въ кабинетѣ, отличное отъ строгаго спокойствія и вниманія, съ какимъ онъ обращался съ нимъ въ присутствіи чиновниковъ свиты. Онъ нѣсколько разъ повторялъ о необходимости сохраненія дружбы между русскими и китайцами, присовокупивъ, что и дзаргучею онъ внушить поддерживать всячески доброе согласіе въ сношеніяхъ его съ комиссаромъ. Словомъ, они разстались друзьями. Передъ самымъ отъѣздомъ поднесли ему въ память отъ Ребиндера нѣсколько вещицъ, которыя онъ и принялъ съ благодарностью. По раздачѣ подарковъ чиновникамъ, при амбанѣ бывшимъ, онъ раскланялся, Ребиндеръ съ нимъ поцѣловался

въ присутствіи всей публики и этимъ заключилось вторичное и послѣднее свиданіе этихъ сановниковъ.

Амбанъ съ своей свитой на возвратномъ пути заѣзжалъ въ кяхтинскую церковь посмотреть вновь изготовляемый бронзовый иконостасъ. Богатство матеріаловъ, блескъ и роскошь украшеній чрезвычайно поразили его. Долго онъ любовался дѣлымъ и разсматривалъ во всей подробности всѣ части и принадлежности иконостаса, утварь и прочее. Не скрылась отъ вниманія амбана высокая степень совершенства искусствъ въ Россіи; особенно удивляли его механическіе инструменты въ рукахъ мастеровыхъ, установлявшихъ иконостасъ, и то, что они простые мужики. Тутъ онъ сдѣлалъ сравненіе съ искусствомъ китайцевъ и признался, что наши способы гораздо совершеннѣе. Колонны изъ чикойскаго мрамора также поразили его; при видѣ ихъ онъ сдѣлалъ замѣчаніе, что мы все умѣемъ находить и изъ всего извлекаемъ пользу, между тѣмъ какъ они и не знаютъ, что на берегахъ Чикоя, составляющаго границу, есть мраморъ. Когда комиссаръ показалъ престолъ и Царскія двери изъ кованнаго серебра, амбанъ не могъ довольно налюбоваться ими и сказалъ: «если уже частныя лица могутъ приносить въ жертву такія богатства, такъ что-же должно заключить о государственномъ богатствѣ Россіи?» Разсматривая образа и указывая на мелкія части каждаго рисунка, онъ прибавилъ—видио все въ вашей церкви основано на преданіи и освящено историческими воспоминаніями; потомъ, окинувъ взоромъ всю церковь, сказалъ комиссару: благодарю васъ, маоръ, за великія и прекрасныя вещи, мнѣ показанныя; онѣ навсегда останутся у меня въ памяти, я много видѣлъ произведеній искусствъ, но подобныхъ не встрѣчалъ. Тогда комиссаръ замѣтилъ ему, что это еще ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что можно видѣть въ Петербургѣ и Москвѣ и что онъ былъ бы счастливъ, если-бы могъ служить ему вмѣсто чичероне въ нашихъ столицахъ; амбанъ улыбнулся и отвѣчалъ, что онъ былъ бы очень радъ, ибо живо представляетъ себѣ, что должно быть тамъ, судя по тому, что онъ видѣлъ на краю Россіи.

При выходѣ изъ церкви онъ обратился снова къ комиссару, взялъ его за руку и просилъ поблагодарить губернатора за всѣ доставленныя ему удовольствія и всѣ рѣдкости, которыя онъ видѣлъ; все это останется, прибавилъ онъ, навсегда въ моей памяти; прощайте, маоръ, заключилъ онъ—извините, что я причинилъ вамъ въ продолженіе двухъ дней столько безпокойствъ.

На другой день, по принятому обычаю, амбанъ и градоначальникъ обмѣнялись подарками.

Посѣщеніе кяхтинскаго градоначальника амбанемъ породило много толковъ между китайцами.

Объ этомъ свиданіи Н. Р. Ребиндеръ сообщилъ Н. Н. Муравьеву въ Петербургѣ конфиденціальнымъ частнымъ письмомъ, полученнымъ именно въ то время, когда шли самыя оживленныя предварительныя совѣщанія по поводу предполагаемаго Муравьевымъ перваго сплава по Амуру, передъ разрывомъ съ Англіею и Франціею.

Послѣ этого небезцвѣтнаго отступленія возвращаюсь къ дальнѣйшему изложенію нашихъ торговыхъ дѣлъ на Кяхтѣ.

Главные три повода, которые были приводимы московскимъ купечествомъ противъ введенія свободной торговли на Кяхтѣ, были: а) что причиною неустройства кяхтинскаго торговаго организація онаго по правиламъ 1800 года и не самыя правила, по которымъ онъ производится, а уклоненіе отъ исполненія сихъ правилъ со стороны торгующихъ, побуждаемыхъ своекорыстіемъ и мелочными расчетами, поэтому опасно было бы измѣнять установленную правилами 1800 года систему торговаго дѣла съ такимъ народомъ, какъ китайцы, въ которыхъ въ высшей степени развитъ духъ общинный; б) что если разсматривать кяхтинскій торгъ въ связи съ благосостояніемъ нашей внутренней промышленности и въ отношеніи къ довольству, распространяемому имъ въ народѣ, то нельзя не признать, что обращеніе кяхтинскаго торговаго дѣла изъ мѣноваго въ покушное можетъ имѣть гибельныя послѣдствія какъ для сибирскаго звѣринаго и извознаго промысла, такъ въ особенности для мануфактурной производительности въ Россіи, и в) что введеніе свободной торговли было-бы противно содержанію акта или письменнаго знака, обмѣннаго въ 1792 году между русскими и китайскими правительствами. Таковая торговля могла бы быть допущена, если-бы китайское правительство предоставило торгующимъ съ нами сансинцамъ также неограниченную свободу сбывать свои чаи на Кяхтѣ по произволу каждаго, чего однако-жъ достигнуть весьма трудно и едва-ли возможно.

Противъ этихъ доводовъ кяхтинскій градоначальникъ Ребиндеръ, по порученію генераль-губернатора Муравьева, представилъ въ комитетъ слѣдующія опроверженія:

1) Русскіе и китайцы давно уже не въ тѣхъ между собою отношеніяхъ, въ которыхъ были прежде; прежняя недовѣрчивость ихъ другъ къ другу замѣнилась полнымъ довѣріемъ. Тѣ и другіе стремятся къ тому, чтобы имѣть дѣло между собою лично, а не цѣлымъ обществомъ. Маймачэнскій дзаргучей въ 1853 году откровенно высказалъ, что китайцы привозили бы на Кяхту ежегодно 240,000 ящичковъ и болѣе (вмѣсто обыкновеннаго привоза отъ 120,000 до 150,000 ящичковъ), если-бы ежегодныя положенія и промѣнныя цѣны не давали русскимъ купцамъ возможности, при каждомъ, часто неоснователь-

номъ, слухъ о привозѣ въ Маймачэны чаевъ въ большей противъ обыкновеннаго пропорціи, возвышать промѣнныя цѣны на свои товары, что и заставляетъ китайцевъ быть осторожнѣе, выдерживать цѣны на чай и умѣрять привозъ чаевъ для огражденія себя отъ убытковъ. Составленіе положеній заключало въ себѣ источникъ всѣхъ безпорядковъ, развившихся впоследствии на Кяхтѣ.

Общее уравненіе цѣнъ для каждаго производителя торга въ частности не могло быть справедливо, а потому торгующіе съ давнихъ поръ принуждены были прибѣгать къ отступленіямъ отъ положеній и придумывать для сего разныя уловки. Правила, несогласныя съ интересами торгующихъ, существовали съ 1840-хъ годовъ только уже номинально, въ сущности-же свобода торговли вошла въ свои права, только незаконными путями, и заградить ей эти пути никакихъ средствъ не представляется.

2) Разрѣшеніе выпуска золота и серебра за китайскую границу, безъ ограниченія количества, усилить вымѣнъ чаевъ на Кяхтѣ и притомъ съ значительною выгодною, что, въ свою очередь, повліяетъ на возможность продавать чай въ Россіи гораздо дешевле и этимъ самымъ представится единственное средство противодѣйствовать контрабандѣ кантонскими чаями, возстановится прежняя цифра государственныхъ доходовъ по сбору пошлинъ за ввозимый черезъ Кяхту чай и, наконецъ, поддержится наша прежняя торговая связь съ Китаемъ, прекращеніе которой было-бы неминуемымъ и самымъ пагубнымъ послѣдствіемъ сохраненія устарѣлаго порядка, т. е. если-бы мы пожалѣли отпустить туда 50 пудовъ золота изъ ежегодно добываемыхъ въ Россіи 1500 пудовъ. Наконецъ, опасеніе, что съ разрѣшеніемъ отпуска въ Китай звонкой монеты китайцы вовсе перестанутъ брать наши товары, представляется неосновательнымъ потому, во 1-хъ, что если въ Китаѣ существуетъ потребность на наши товары—а это несомнѣнно, такъ какъ наши отпускныя по кяхтинскому торгу статьи имѣютъ въ сѣверномъ Китаѣ сотни тысячъ потребителей, которые, конечно, не перестанутъ требовать нужныхъ для нихъ предметовъ, такъ называемыхъ ургинскихъ товаровъ, европейцы-же надѣляются южныя страны Китая своими издѣліями, которыя съ требуемыми на Кяхтѣ ничега общаго не имѣютъ—то они пойдутъ своимъ чередомъ, не смотря на дозволеніе покупать чай на деньги; если-же китайцы въ товарахъ нашихъ надобности не имѣютъ или торговлю оными находятъ невыгодною, то никакими насильственными мѣрами не возможно заставить ихъ принимать сіи товары въ обмѣнъ на свои произведенія.

3) Приведенныя третьимъ пунктомъ доводовъ затрудненія на дѣлѣ вовсе не существуютъ, ибо, во первыхъ, ни въ актѣ 1792 г., ни въ



трактатъ 1728 г., который понынѣ сохраняетъ свою силу, нѣтъ никакого постановленія о томъ—какъ производить мѣну китайцамъ и русскимъ, свободно-ли каждому по вольнымъ цѣнамъ, или-же токмо цѣлымъ обществомъ по обязательнымъ для всѣхъ промѣннымъ цѣнамъ, и во вторыхъ, сансинскіе купцы пользуются и всегда пользовались со стороны своего правительства полною свободою въ производствѣ кяхтинской мѣны; данная-же китайцамъ въ 1792 г. инструкция, давно уже ими несоблюдаемая, не имѣетъ никакой обязательной силы, а содержитъ въ себѣ только наставленіе въ видѣ совѣта, чтобы для извлеченія изъ кяхтинской мѣны наибольшихъ выгодъ китайскіе торговцы старались по общественнымъ между собою соглашеніямъ, сколь можно болѣе, возвышать цѣны на свои и понижать цѣны на русскіе товары.

Высочайше учрежденный комитетъ, по всѣмъ снмъ соображеніямъ, воплѣ соглашаясь съ мнѣніемъ генераль-губернатора Муравьева о необходимости разрѣшить на Кяхтѣ производство торговли по вольнымъ цѣнамъ, безъ всякаго ограниченія какими либо общественными положеніями и на звонкую монету, находилъ, однако, нужнымъ принять во вниманіе и особыя обстоятельства, какъ послѣдствія смутнаго положенія дѣлъ въ Китаѣ, затруднявшаго тамъ всѣ торговые обороты, и поэтому, признавая опаснымъ выпускъ монеты въ Китай безъ всякаго ограниченія, полагалъ на первый разъ, впредь до дальнѣйшаго усмотрѣнія, дозволить отпускъ туда монеты въ томъ же размѣрѣ и съ тѣмъ-же условіемъ—какъ допущенъ былъ въ 1854 г. промѣнъ на Кяхтѣ серебряныхъ и золотыхъ издѣлій. Руководствуясь вышеизложенными соображеніями и признавая всѣ эти разсужденія воплѣ основательными, тѣмъ болѣе, что они подтверждаются фактами, не подлежащими сомнѣнію, сибирскій комитетъ журналомъ, высочайше утвержденнымъ 1 августа 1855 г., разрѣшилъ промѣнъ товаровъ съ китайцами на Кяхтѣ производить по вольнымъ цѣнамъ безъ всякаго ограниченія какими либо общественными положеніями и отпускъ за границу черезъ Кяхту золотой монеты совокупно съ товарами, съ тѣмъ, чтобы цѣнность ея вмѣстѣ съ цѣною промѣниваемыхъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій составляла каждый разъ для каждаго торговца не болѣе одной трети цѣнности мануфактурныхъ и не болѣе одной половины цѣнности пушныхъ товаровъ, а относительно вызова за границу черезъ Кяхту серебряной монеты опредѣлилъ, что какъ высочайшимъ указомъ 29 декабря 1850 года, по случаю возникшаго тогда стремленія къ возвышенію цѣны на серебро, безусловно запрещенъ вывозъ таковой по всей имперіи вообще, т. е. какъ по границѣ европейской, такъ и по азіатской, то разрѣшить вывозъ ея черезъ одну Кяхту считаетъ неудобнымъ, доколѣ будетъ существовать означенное воспрещеніе.

Но вслѣдъ за симъ, 5 августа 1855 г., особымъ высочайшимъ повелѣніемъ, разрѣшенъ выпускъ чрезъ Кяхту и серебряной монеты иностраннаго чекана, съ тѣмъ же ограниченіемъ, какое было постановлено для золотой монеты и издѣлій изъ драгоцѣнныхъ металловъ.

Такимъ образомъ, возбужденный Муравьевымъ въ 1848 и 1849 годахъ вопросъ о необходимости новаго порядка вещей на Кяхтѣ, не согласующагося съ прежнимъ, въ принципѣ былъ разрѣшенъ настоящимъ постановленіемъ сибирскаго комитета, хотя и съ ограниченіями, которыхъ Муравьевъ не считалъ необходимыми, но тѣмъ не менѣе онъ достигъ, что Россія и съ этой стороны государственнаго развитія пришла въ подвижность по отношенію къ Китаю.

В. В. Струве.

## АДМИРАЛЪ НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ МѢТЛИНЪ

род. 1804 г., † 15 ноября 1884 г.

15-го ноября прошлаго 1884 года скончался адмиралъ, членъ государственнаго совѣта, Николай Ѳедоровичъ Мѣтлинъ.

Въ газетахъ появился самый краткій некрологъ умершаго, и что замѣчательнѣе всего, это то, что на Севастопольскомъ обѣдѣ, даваемомъ ежегодно въ январѣ мѣсяцѣ, наши обычные ораторы на этомъ обѣдѣ даже не вспомнили о человѣкѣ, принимавшемъ самое дѣятельное и полезное участіе въ грозные дни Севастопольской обороны.

Впрочемъ, подобная участь обычна для честныхъ, но замѣчательно скромныхъ дѣятелей, не бьющихъ на эффекты и кавъ-бы сторонящихся отъ всевозможныхъ восхваленій, но дѣло потомковъ, дѣло исторіи—сказать правдивое слово о подобныхъ личностяхъ.

Теперь, когда на дняхъ минуетъ первая годовщина послѣ смерти столь честнаго и заслуженнаго дѣятеля, какимъ былъ Н. Ѳ. Мѣтлинъ—лучшимъ воспоминаніемъ будетъ собраніе писемъ къ нему тѣхъ высокостоявшихъ въ русской іерархіи лицъ, которыя выражали въ нему чувства полнаго уваженія и пріязни, искренне цѣня его заслуги Государю и Отечеству.

Въ этихъ видахъ помѣщаемъ на стр. „Русской Старины“ до сихъ поръ неизданныя 40 собственноручныхъ писемъ и официальныхъ бумагъ такихъ замѣчательныхъ личностей по Севастопольской оборонѣ, каковы главнокомандующіе: князь Меншиковъ и князь М. Д. Горчаковъ, адмиралы Нахимовъ и Кор-

ниловъ, генераль-адъютанты: Остенъ-Сакенъ, Хомутовъ и Авненковъ, ясно характеризующихъ и рельефно обрисовывающихъ важную и полезную дѣятельность покойнаго адмирала Н. О. Мѣтлина.

Покойный адмиралъ Мѣтлинъ происходилъ изъ дворянъ Воронежской губерніи, родился 28 іюля 1804 года и, имѣя отъ рода 17 лѣтъ, былъ произведенъ въ мичманы.

Благодаря службѣ подъ начальствомъ знаменитыхъ адмираловъ Грейга, Рикорда и Лазарева, изъ молодого офицера выработался типъ честнаго, усерднаго, хладнокровнаго и строго-исполнительнаго моряка; однимъ словомъ—типъ тѣхъ людей, который достойно оцѣнивается только въ трудныя минуты жизни. Въ оберъ-офицерскихъ чинахъ Н. О. Мѣтлинъ командовалъ шкуною Гонецъ, люгеромъ Широкой, бригами Телемакъ и Оемистовъ, фрегатами Антополь и Браилловъ, вораблемъ Гавриилъ и 36 флотскимъ экипажемъ и въ 1849 году былъ произведенъ въ контръ-адмирала.

Во все это время, каждое судно, которымъ онъ командовалъ, и подчиненныя ему команды всегда отличались замѣчательною исправностію. Командуя судами, онъ былъ нѣсколько разъ въ перестрѣлкахъ съ горцами у восточнаго берега Кавказа, а въ Греческомъ архипелагѣ, въ 1831 году, въ эскадрѣ адмирала Рикорда былъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ противъ Идріотскихъ мятежниковъ. Въ одномъ изъ этихъ сраженій, въ глазахъ Н. О. Мѣтлина, былъ убитъ ядромъ его родной братъ, но нашъ юный капитанъ невозмутимо продолжалъ командовать судномъ и только послѣ окончанія сраженія подошелъ къ брату. Съ такимъ характеромъ и опытностію, подобный человекъ былъ-бы незамѣнимъ въ эпопеѣ борьбы Севастополя и имя его прогремѣло-бы на равнѣ съ именами Корнилова, Нахимова, Истомина и другихъ, но судьба рѣшила иначе.

Всегда во всемъ честный, аккуратный, всегда строгій къ себѣ и къ другимъ, Н. О. Мѣтлинъ былъ всегда далекъ отъ малѣйшаго искательства и подслуживанья.

Въ 1851 году необходимо было избрать новаго оберъ-интенданта Черноморскаго флота и портовъ. Неподкупная честность Н. О. Мѣтлина и его строгая бережливость всего казеннаго были хорошо извѣстны—и вотъ онъ былъ назначенъ на эту должность. Выборъ

былъ удаченъ. Честнѣе, аккуратнѣе и дѣятельнѣе трудно было найти человѣка, но должность эта была совершенно не по душѣ молодого адмирала, жаждавшаго боевой службы, а не канцелярско-хозяйственной. Вотъ почему, принявъ должность въ октябрѣ 1851 года, Н. Θ. Мѣтлинъ уже въ февралѣ слѣдующаго 1852 года просилъ уволить его по болѣзни вовсе отъ службы. Но и въ эти три—четыре мѣсяца Н. Θ. Мѣтлинъ успѣлъ сдѣлать многое и показать свою полезную дѣятельность. Отставка не была принята и замѣнена заграничнымъ отпускомъ для излеченія болѣзни, причемъ адмиралъ Берхъ, 17 апрѣля 1852 г. увѣдомилъ Н. Θ. Мѣтлина, что „государь императоръ во всемиловѣйшемъ вниманіи къ дѣятельнымъ и полезнымъ трудамъ вашимъ и желая сохранить васъ, для пользы службы, высочайше повелѣтъ соизволилъ: буде нѣтъ еще очевидной крайности въ отставкѣ, предложить в. ц. воспользоваться сначала отпускомъ, для возстановленія своихъ силъ, дабы потомъ вы снова могли заняться служебными дѣлами. За успѣшное же управленіе Черноморскимъ интендантствомъ, его величеству угодно было пожаловать васъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 3 степени“.

Въ это время, грозныя тучи восточной войны уже появились на политическомъ горизонтѣ, а въ слѣдующемъ 1853 году разразилась война.

Пробывъ заграницею четыре мѣсяца, Н. Θ. Мѣтлинъ возвратился въ Россію и такимъ образомъ Севастопольское побоище застало его въ Николаевѣ въ должности оберъ-интенданта Черноморскаго флота и портовъ.

Для характеристики дѣятельности Н. Θ. Мѣтлина по этой должности достаточно напомнить, что въ это время на югѣ Россіи дѣйствовали два интендантства: сухопутнаго вѣдомства и морскаго вѣдомства, причемъ морское интендантство не вызвало ни малѣйшихъ нареканій.

Необходимо замѣтить, что кромѣ должности оберъ-интенданта, на Н. Θ. Мѣтлина было возложено еще нѣсколько должностей и работъ, весьма сложныхъ и важныхъ, и все, до чего ни прикасалась дѣятельность молодого адмирала—все было исполнено скоро, экономно и хорошо.

Какъ истый морякъ, Н. Θ. Мѣтлинъ рвался въ Севастополь встать въ ряды его защитниковъ и, разумѣется, имя его прогрѣ-

мѣло бы наравнѣ съ именами его товарищей и друзей, но защита Севастополя много зависѣла отъ помощи, присылаемой изъ Николаева, поэтому такой энергичный, честный и неутомимый въ трудахъ человекъ, каковымъ былъ Н. Ѳ. Мѣтлинъ, необходимъ былъ въ Николаевѣ.

Какъ исполнилъ эту работу Н. Ѳ. Мѣтлинъ, работу трудную, невидную, но весьма важную, можно видѣть изъ приводимаго въ своемъ мѣстѣ далѣе письма къ нему командовавшаго войсками въ Севастополь, генераль-адъютанта Остенъ-Сакена, отъ 8 февраля 1855 г.

До высадки непріятеля въ Крыму неизвѣстно было гдѣ онъ высадится и потому Николаевъ былъ въ такой-же опасности, какъ и Севастополь. И послѣ высадки непріятеля въ Крыму можно было ожидать нападенія на Николаевъ, какъ на главный центръ управленія и складовъ Черноморскаго флота и портовъ.

Видя успѣхъ по интендантской части и зная, что Н. Ѳ. Мѣтлинъ рвется въ Севастополь, главнокомандующій князь Меншиковъ возложилъ на него еще должность начальника штаба Черноморскаго флота и портовъ, о чемъ и писалъ ему 8 апрѣля 1854 г., въ весьма лестныхъ выраженіяхъ (см. далѣе письмо кн. Меншикова).

Въ то же время, генераль-адъютантъ Корниловъ писалъ Н. Ѳ. Мѣтлину 8 апрѣля 1854 г.: „Душевно порадовался рѣшенію князя возложить на васъ должность офиціальнаго помощника адмирала Берга. Теперь считаю Николаевъ въ безопасности“. Подобныя письма и отъ главнокомандующаго, и отъ сослуживцевъ, разумѣется, лишили Н. Ѳ. Мѣтлина всякой надежды на честь и славу быть непосредственнымъ защитникомъ Севастополя.

Работа, павшая на Н. Ѳ. Мѣтлина, была огромная. Онъ работалъ буквально съ ранняго утра и до поздней ночи. Доставка провіанта, пороха, ядеръ, бомбъ, хлѣба, водки и всего необходимаго для обороны Севастополя; устройство госпиталей, формирование шести баталіоновъ, устройство укрѣпленій для защиты Николаева и наконецъ моста чрезъ рѣку Бугъ въ 140 сажень. Тутъ же являются требованія и изъ Одессы, Керчи и другихъ городовъ.

Приведенныя нами вслѣдъ за симъ письма, между прочимъ, непосредственныхъ и главнѣйшихъ вождей защитниковъ Севасто-

поля—заключаютъ въ себѣ, между разными драгоценными подробностями для исторіи Крымской войны, самые лестные отзывы о плодотворной и обширной дѣятельности Н. Θ. Мѣтлина.

Должно замѣтить вообще, что заслуги Н. Θ. Мѣтлина были вполне оцѣнены: въ 1852 году молодой адмиралъ имѣлъ только орденъ Владиміра 3 степени, а въ 1855 г. былъ назначенъ Николаевскимъ военнымъ губернаторомъ съ правами главнаго командира Черноморскаго флота, портовъ и Дунайской флотиліи, а въ слѣдующемъ 1856 году Н. Θ. Мѣтлинъ былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ управляющимъ морскимъ министерствомъ, въ которомъ тогда начался рядъ преобразованій.

Н. Θ. Мѣтлинъ управлялъ морскимъ министерствомъ съ 1857 по 1860 годъ, произведенъ въ адмиралы и назначенъ членомъ государственнаго совѣта, въ которомъ, съ обычнымъ ему усердіемъ и преданностью къ исполненію принятыхъ на себя обязанностей, участвовалъ въ трудахъ департамента государственной экономіи, членомъ котораго состоялъ едва-ли ни 20 лѣтъ.

Н. Θ. Мѣтлинъ былъ кавалеромъ всѣхъ Россійскихъ орденовъ, въ томъ числѣ и св. Андрея Первозваннаго, но не имѣлъ ни одного иностраннаго ордена.

Мѣтлинъ пользовался, до конца своей жизни, милостивымъ вниманіемъ государя императора; погребеніе достойнаго адмирала удостоили своимъ присутствіемъ оба августѣйшіе генералъ-адмирала и великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Тѣло покойнаго Н. Θ. Мѣтлина погребено въ С.-Петербургѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, и надъ могилою его поставленъ вдовою его, съ которой онъ прожилъ 23 года <sup>1)</sup>, изящный памятникъ, въ видѣ часовни, сдѣланной цѣликомъ изъ мрамора.

Н. Ридингеръ.

---

<sup>1)</sup> Н. Θ. Мѣтлинъ былъ женатъ на дочери ген.-майора Александрѣ Константиновнѣ Вендерской.

## Письма къ адмиралу Николаю Федоровичу Мѣтлину.

### I.

Кн. А. С. Меншиковъ.

Севастополь, 23-го ноября 1853 г.

На флотѣ столько поврежденій на новыхъ корабляхъ, въ рангоутѣ и въ корпусакъ старыхъ судовъ, что способы и наличіе готовыхъ предметовъ недостаточны къ исправленію своевременному боеваго состава флота. Усиленіе севастопольскихъ средствъ мастеровыми необходимо—переводомъ ли изъ Николаева, или наличными людьми, какъ признаете лучшимъ, и въ особенности скорѣйшимъ, предоставляю вашему усмотрѣнію, но прошу, безъ потери времени, распорядиться согласно съ надобностью.

Когда сочтете, почтенный Николай Федоровичъ, нужнымъ отнестись ко мнѣ, то прошу писать непосредственно записками, безъ всякихъ формальностей. Меншиковъ.

### II.

Кн. М. Д. Горчаковъ.

Кишеневъ, 8 января 1854 г.

М. г. Николай Федоровичъ, отъ души благодарю в. пр-во за готовность, вами изъявленную, принять дѣятельное участіе въ укрѣпленіи Николаева. Я прошу васъ именемъ отечества взять это важное дѣло близко къ сердцу. Я увѣренъ, что вы своевременно совершите его съ успѣхомъ. Если ходъ военныхъ дѣйствій приведетъ непріятеля къ Николаеву, то по всѣмъ вѣроятіямъ на васъ ляжетъ защита сего главнаго заведенія черноморскаго флота.

Оцѣняя исполнѣ духъ и возвышенныя чувства ваши, готовность вашу жертвовать всѣмъ для пользы великаго государя нашего, я увѣренъ, что вы про-



славьтесь на семь поприщѣ, точно также, какъ вице-адмиралъ Нахимовъ, столь геройски защищающій Севастополь.

Прошу покорнѣйше писать ко мнѣ какъ можно чаще.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. кн. Михаилъ Горчаковъ.

Визу собственноручная приписка князя:

„Для успѣшнѣйшаго возведенія укрѣпленій, кромѣ рабочихъ отъ войскъ и арестантовъ, требуйте и наряда людей отъ гражданского вѣдомства. Генералъ-адъютанту Анненкову дано по сему предписанію. Само собою разумѣется, что число подобныхъ рабочихъ надобно ограничивать, такъ что нарядъ ихъ не былъ слишкомъ обременителенъ для края. Прошу въ особенности увѣдомить меня въ какому времени вы полагаете, что укрѣпленія съ восточной стороны Николаева могутъ быть готовы“.

### III.

В. А. Корниловъ.

Севастополь, 17 февраля 1854 г.

Или вы не такъ поняли, или я не умѣлъ выразиться, но я нисколько не думалъ осуждать заботливость вашу о провизіи и сугаряхъ, а напротивъ тотчасъ-же принялся за это дѣло и надѣюсь вамъ скорѣ доставить отчетъ..... На уменьшеніе морскихъ партій трудно въ настоящее время надѣяться; линейный флотъ, т. е. корабли и фрегаты придется держать въ полномъ составѣ восточно, равно какъ и пароходы, и кромѣ того теперь снаряжаемъ транспорты, чтобы послать къ вамъ и мелкіе въ Азовское море, вѣдь на нихъ, хоть и въ ограниченномъ количествѣ, но придется дать провизію.

Какія распоряженія сдѣланы на счетъ дѣяствій донскаго начальства вы прочтете въ прилагаемой копіи съ отношенія князя къ генералу Хомутову.

Если вы находите полезнымъ употребить Шведднера, то препятствій быть не можетъ. Конечно, дѣло доставки антрацита для насъ теперь одно изъ самыхъ важныхъ.

Конечно, на снаряды слѣдуетъ также обратить самыя дѣятельныя мѣры. Прилагаю вамъ свѣдѣніе, составленное здѣсь о снарядахъ, итѣнныхъ въ Севастополь; цифра 36 ф. ядеръ весьма незначительна. Князь Меншиковъ приказалъ написать, чтобы на счетъ устройства сухопутныхъ транспортовъ и найма фуршиковъ было сдѣлано немедленно рѣшительное распоряженіе, что я и пишу главному командиру <sup>1)</sup>.

Для ускоренія пріема штуцеровъ и доставки въ Севастополь не пошлете

<sup>1)</sup> Пишется отъ самого князя.

ли вы особаго офицера? При нашемъ недостаткѣ въ абордажномъ оружіи эти штуцера были бы весьма полезны.

Я думаю также, какъ и вы, что при настоящемъ недостаткѣ обшивочной мѣди, канонирскія лодки обшивать не слѣдуетъ.

Преданный вамъ В. Корниловъ.

Исправленіе судовъ покуда идетъ благополучно; съ Кавказа возвратился корветъ Андромаха; нѣкоторыя изъ стопушечныхъ мачтъ имѣютъ годныя штуки.

Пароходъ Инверманъ можно готовить въ Таганрогъ; въ командиры надо прислать заботливаго офицера; если вы кого знаете, то напишите—тотчасъ назначу. Можетъ быть Дандри, бывший командиръ Еникале, къ этому годенъ; ему надо заслуживать, а его новороссійское вѣдомство представляло за особую дѣятельность.

#### IV.

Севастополь, 24 февраля 1854 г.

Вчера съ Загоранскимъ не успѣлъ писать къ вамъ. Надо было отправить длинное (письмо) Морицу Борисовичу на вопросъ его высылать ли Бессарабію и транспорты; тутъ же надо было сказать и о Дунайской флотиліи. Онъ, вѣроятно, дастъ вамъ читать это письмо, ибо я просилъ его мое писаніе никому кромя васъ до времени не сообщать; ниѣ кажется до вскрытія рѣкъ надо негласно готовиться, а потомъ, вдругъ избравъ удобное время, пустить и Николаевскій, и Дунайскій отряды; мы такъ намѣрены устроить съ здѣшними транспортами. На дняхъ отправляемъ въ Керчь: Арагу, Бугъ, Акерманъ, Лиманъ и Р....<sup>1)</sup> съ тѣмъ, чтобы они оставались на все лѣто въ Азовскомъ морѣ. Сухумъ-Кале и Кишиневъ неисправны; Ингуль и Кинбурнъ готовимъ брандерами для угощенія друзей въ случаѣ, если нами займутся или гдѣ выгодно расположатся. Де-Антуани (?) требуетъ матеріаловъ и провизіи—я провизіи не даю и на транспорты велѣлъ на двѣ недѣли, они тамъ въ Керчи найдутъ; напишите пожалуйста какіе еще транспорты вы полагаете прибавить для Азовскаго моря? и не послать ли туда пароходы Новороссійскаго вѣдомства. Верданскъ и Таганрогъ; они могутъ тамъ съ пользою быть и для нашего вѣдомства. Въ письмѣ къ Морицъ Борисовичу я написалъ для буксированія флотиліи можно употребить пароходы Турокъ и Инверманъ, но если послѣдній вы не найдете удобнымъ для сего назначить, то нельзя ли вытребовать Сулинъ или какойнибудь изъ Новороссійскихъ. Мы также готовимъ экспедицію большихъ транспортовъ подъ прикрытіемъ пароходовъ, пустимъ ее по первому отъ васъ сигналу, то есть по прибытіи Бессарабіи или пріѣздѣ курьера съ извѣстіемъ, что Лиманъ и Бугъ очистились. Провизія, антрицагъ и тяжести, кажется,

<sup>1)</sup> Не разобрано слово.

настроены. Проектъ контрактовъ взялъ читать князь; по коему можно надѣяться на успѣхъ; конечно, наемные транспорты выгоднѣе и Богъ да поможетъ намъ обойтись безъ казенныхъ, это будетъ и разореніе и врядъ ли вѣрнѣе. Посылается къ вамъ Пестичъ съ проектомъ укрѣпленій Буга; прошу принять это дѣло подъ ваше покровительство, безъ этого врядъ ли что устроится, а я опасаясь за Николаевъ; надо будетъ взять всѣ мѣры, чтобы не допустить экспедицію пароходовъ къ Попоной балкѣ, а если нельзя, то далѣе ее уже никакъ (?) даже можно въ узкомъ мѣстѣ за Керенной (?) затопить суда. Стоитъ прочесть исторію рѣчныхъ подвиговъ англичанъ въ Америкѣ въ 1812 году, когда не было у нихъ пароходовъ. Мы здѣсь по возможности укрѣпились и если бы подошли воюска, то можно бы смѣло ожидать какого угодно врага; вооружили всѣ команды, очистили арсеналъ, изъ писарей составили стрѣлковую команду и оказалась очень хороша. По мнѣнію кн. Меншикова пороку въ Измаилъ можно и не посылать; намъ здѣсь даютъ 5 тысячъ. Преданный вамъ В. Корниловъ.

Князь велѣлъ о Согѣ (транспортѣ) возобновить представленія.

#### V.

Севастополь, 3 марта 1854 г.

Посылаю вамъ Данета для командованія пар. Инкерманъ; онъ обнадѣживается, что будетъ служить вѣрой и правдой. Мы разграбили севавтопольскій арсеналъ, даже добрался до старинныхъ штуцеровъ, которые экипажи будутъ приходить въ порядокъ своими средствами. Хоть мнѣ и не вѣрится, чтобы къ намъ серьезно забрались, но готовиться надо.

Проектъ вашъ на счетъ перевозки антрацита кн. Меншиковъ апробовалъ совершенно и я о семъ съ этой-же почтой сообщаю главному командиру.

Здѣсь былъ Ивановъ и просилъ о рѣшеніи ему поставки 150 тыс. антрациту ранѣе 5 апрѣля. Онъ говорилъ, что вы его отправили сюда, а мы его отправляли къ вамъ.

На счетъ пороку 2 т. п. князю докладывалъ, онъ общалъ приказать Пихельштейну; на счетъ-же Измаила положительно воспрещаетъ туда посылать. 5 т. п. пороку для Севастополя у Пихельштейна здѣсь готовы и Столбинъ приметъ. Кубань мы поставили противъ георгиевскаго погреба и туда опорожнили.

Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ отряда Вукотина; къ нему посланы три парохода съ Панфиловымъ для совѣстнаго очищенія береговой линіи отъ нѣкоторыхъ мелкихъ фортовъ.

Уважающій и преданный вамъ В. Корниловъ.

## VI.

Севастополь, 11 марта 1854 г.

Вчера почта привезла представленіе ваше адм. Берку объ отиѣнѣ торговъ на доставку снарядовъ. Князь, по разсмотрѣніи вѣдомости о имѣющихся въ Севастополѣ, нашелъ, что этого добра у насъ на настоящій случай достаточно и потому рѣшилъ, чтобы поступить и съ снарядами подобно какъ общее присутствіе положило поступить съ желѣзомъ, то есть обождать результата торговъ.

Транспорты, назначаемые въ Азовское море, согласно вашего мнѣнія, остановлены, отправляясь только два: Арагга и Инкерманъ, и то потому, что надо было на нихъ послать артиллерию для укрѣпленія Керчи и Феодосіи. На счетъ обороны Николаева я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, что нужно при воздвигаемыхъ укрѣпленіяхъ начальство самостоятельное; я представлялъ это князю еще до отправленія Пестича и теперь опять говорилъ; надѣюсь, что что-нибудь будетъ сдѣлано. Конечно, мнѣ ѣхать невозможно, да и къ чему это будетъ безъ того, чтобы тамъ остаться.

О недостаткѣ у васъ пороху я также представлялъ вновь и князь предлагаетъ взять его изъ Херсона, на что и обѣщала написать Пихельштейну.

## VII.

Севастополь, 18 марта 1854 г.

Спѣшу написать вамъ нѣсколько строкъ по курьерской. Князь безпозволитъ, что если Бессарабія зайдетъ въ Николаевъ, то опоздаетъ сюда, ибо надо ожидать, что по случаю перехода нашихъ за Дунай союзники что-нибудь предпримутъ противъ нашихъ береговъ, наприимѣръ, всѣмъ флотомъ явятся предъ Севастополемъ, и потому поручилъ просить васъ Бессарабію и Эльбургу пустить какъ только освободятся отъ льда, предписавъ имъ наблюдать всевозможную осторожность; транспортъ мы готовимъ, но также пошлемъ, если это будетъ по силамъ.

Радуюсь успѣху вашихъ укрѣпленій, за войсками дѣло не станетъ. Кажется, въ вамъ маршируетъ вся 16 дивизія или, по крайней мѣрѣ, Николаевъ будетъ центральнымъ депо резервныхъ войскъ.

Сегодня отправлена Тамань въ Одессу съ плѣнными турками, надѣмся, что дойдетъ и возвратится. Насчетъ союзниковъ слухи разнорѣчивы, но самое достоверное, что не такъ легко дѣйствовать, какъ писать.

Уважающій и преданный вамъ В. Корниловъ.

## VIII.

Севастополь, 22 марта 1854 г.

Много благодаренъ за подробное письмо ваше отъ 13 марта; скоро придется намъ завидовать вамъ—до того вы обезопасите Николаевъ. Нашъ же Севастополь трудится, но все еще, покуда не подойдутъ войска, нельзя назвать его съ береговой стороны внѣ опасности, отъ значительнаго десанта, который грозятъ союзники; вся надежда на неспособное для десантовъ время и на то, что силы англо-французо-турокъ болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, къ тому еще имъ и кромѣ Крыма много заботъ.

Плотовой бонъ кажется будетъ непроходимъ для париходовъ или, по крайней мѣрѣ, потребуетъ жертвъ. Прокофьевъ мнѣ говорилъ, что его ставить угломъ; это хорошо; я гдѣ-то читалъ, что самые дѣйствительные боны, которые французы противопоставляли англійскимъ судамъ, была тѣ, которые ставились наискось, чтобы суда скользили. Батареи стоятъ далеконько, да что же дѣлать—нѣстьность такая; рѣка широка, впрочемъ надо надѣяться, что непріятель не рѣшится идти близко къ откелямъ.

Объ отпускѣ вамъ пороку писано въ Херсонъ. Кажется 900 пудовъ, съ тѣмъ, чтобы въ Измаилъ ни фунта. Князь приказалъ написать адм. Берку, чтобы не посылалъ до времени въ Измаилъ ни казацкихъ барказовъ, ни лодокъ, по случаю перехода нашими Дуная, что я и исполнилъ; вотъ вамъ и эту флотилію можно употребить въ дѣло. Перуна выводить не для чего. Шкуну можно когда справитесь съ рабочими, я объ этомъ пишу адм. Берку. Завтра или послѣ завтра отправляемъ къ вамъ пароходъ Грозный и 5 транспортовъ. Богъ да благословитъ ихъ плаваніе. Если дойдутъ благополучно, то можно нагрузить и ожидать благоприятнаго случая; по послѣднему извѣстію англичане объявили намъ войну.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ Бессарабіи и Эльборусъ; если Эльборусъ исправенъ, то онъ будетъ весьма полезенъ своимъ превосходнымъ ходомъ.

Ключниковъ объ остальномъ вамъ пишетъ, а я и боленъ, и усталъ. Преданный вамъ В. Корниловъ.

Вѣднаго Столбина здѣсь совершенно затормошили; потѣшите его, велите Ильну пособить ему мастеровыми. Онъ мнѣ сказалъ, что вы позволили ему подать именной списокъ, который и прилагаю. Прикажете Ильну или Иванову отрядить къ намъ хорошаго чертльщика станковъ съ курьеромъ. Князь насъ заганиваетъ съ разными этого рода задачами.

## IX.

Севастополь, 2-го апрѣля 1854 г

Слѣшу отправить курьера съ журналами общаго присутствія о сухопутныхъ транспортахъ и перевозкѣхъ тяжестей и съ резолюціями на нихъ князя Меншикова. При семъ посылаю и письмо это въ отвѣтъ на ваше отъ 29-го марта. Конечно, лучше транспорты съ подряда и свѣдѣнія Коланден и другикъ посланцевъ могутъ быть приняты къ свѣдѣнію. Транспортъ, кроми уже отправленныхъ Акерманъ и Арагва, мы болѣе не пошлемъ, а тѣ тамъ останутся и можете ими располагать, какъ заблагоразсудите.

Радуюсь, что работы на батареяхъ подвигаются, по крайней мѣрѣ будете обезпечены отъ флибустьерскаго набѣга.

Сегодня вечеромъ взошелъ Прутъ; Θεодосія попалъ на камень; жаль, что бы онъ воспользовался сѣвернымъ вѣтромъ, нынѣ дующимъ, равно какъ Эльборусъ, котораго ждемъ съ нетерпѣніемъ. Возвратные надлежитъ пускать съ осторожностью и лучше всѣ пять вмѣстѣ, увѣдомивъ заранѣе о ихъ готовности съ курьеромъ; можетъ быть выплеть конвой, если къ тому времени появятся непріятельскіе крейсера. Нельзя ли тѣ изъ транспортъ, которые безъ артиллеріи, вооружить, хотъ взять съ Ахиллеса или Меркурія. Тогда они могутъ бороться съ пароходами, разумѣю при вѣтрѣ и волненіи. Третьяго дня къ намъ подкрался на разсвѣтѣ англійскій пароходъ подъ австрійскимъ флагомъ и въ виду хотѣлъ похитить каботажное русское судно, но мы выслали два фрегата и бригъ; пароходы не имѣли паровъ и непріятель, отрубивъ буксиръ взятаго судна, едва спасся отъ нашихъ молодцовъ, однако успѣлъ съ судна снять шкипера и 4-хъ работниковъ, пятый спрятался въ трюмъ и тѣмъ спасся; если бы вѣтеръ не стихъ, то можетъ быть теперь бы мы хвалились другимъ Владиміромъ. Фрегатъ былъ близко, онъ пустилъ 5 бомбъ, упавшихъ возлѣ фрегатъ; наши пароходы были тоже на ходу.

Вы меня не вините, что хозяйственныя бумаги иногда задерживаются. Князь оставляетъ ихъ у себя, чтобы выскнуть.

Хорошо бы, если бы Инкерманъ прокрался съ надлежащею осторожностью, покуда свѣтлыя ночи, въ Керчь; онъ можетъ идти подъ берегомъ и скрываться и подъ Теляру (?) и въ Аки-Мечеть и такъ далѣе.

## X.

Севастополь, 5-го апрѣля 1854 г.

Вотъ до чего мы дошли,—нечестивый союзъ, пользуясь превосходствомъ паровыхъ судовъ своихъ, началъ пиратскую войну противъ нашего бѣднаго каботажа; удивляюсь, что Сакенъ не послалъ имъ сказать, что за взятія имъ 11 херсонскихъ лодокъ онъ арестовалъ 25 купеческихъ англійскихъ судовъ, находящихся въ Одесскомъ карантинѣ. Къ намъ послѣ угощенія, сдѣланнаго 31-го, никто изъ этихъ молодцовъ не появляется; вѣроятно, собираются съ силами.

Кажется, я извѣстилъ васъ о прибытіи сюда 2-го апрѣля транспорта Прутъ; если бы Феодосія не сѣла бы на мель, то и она была бы дома. Теперь обстоятельства переѣнились и кн. Меншиковъ утвердилъ слѣдующій планъ, который также, можетъ быть, измѣнится другими обстоятельствами, но безъ подвозу: такельжа и парусины для парусовъ и коекъ — мы пропадемъ. Гавріилъ и Уріилъ въ началѣ мая будутъ готовы, но нѣтъ имъ вантъ и другихъ необходимыхъ снастей. На флотъ требуется 6 тыс. коекъ и нѣтъ ни ключа парусины, конечно этому виноваты не мы; всякому извѣстно съ какими ничтожными средствами и какъ, можно сказать, славно Черноморское управленіе заключило прошлый годъ и даже на новую кампанію, выставивъ почти весь флотъ къ новымъ дѣйствіямъ. Планъ касательно транспортовъ составленъ такой:

Пар. Эльборусъ, испробовавъ нагрузить самымъ необходимымъ, т. е. такельжемъ и парусиной, отправить на прорывъ; если онъ только минуетъ Очаковъ, то я увѣренъ, что прилетитъ въ Севастополь благополучно; для привода его завтра отправляется К. Л. Поповъ. Транспорты нагрузить и содержать въ совершенной (готовности) за бономъ на Поповой балкѣ; для взятія ихъ, если обстоятельства позволятъ, прислать пароходы, но какъ только изготовите—увѣдомьте чрезъ курьера. В. Корниловъ.

Насчетъ сунутиныхъ транспортовъ князю показались нѣкоторыя мѣста неясны; мысли его какъ поступить съ этимъ торгомъ посланы адм. Берку. Князь недоволенъ остался врючкомъ Иванова въ поста....<sup>1)</sup> о оставкѣ 750 тыс. антрацита; онъ разрѣшилъ покупку 600 тыс., полагая въ 150 тыс. отказать.

---

<sup>1)</sup> Окончаніе слова не разобрано.

## XI.

Кн. А. С. МЕНШИКОВЪ.

Севастополь, 8-го апрѣля 1854 г.

Я предписываю съ сию вмѣстѣ, любезный Николай Федоровичъ, адм. Берку поручить вамъ сверхъ интендантства исполненіе должности начальника штаба въ Николаевѣ.

Убѣдительно прошу васъ не отклонять отъ себя этихъ обязанностей. Польза службы въ настоящихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ требуетъ личныхъ пожертвованій отъ сыновъ отечества, а Николаевское управленіе — всей обычной вамъ энергіи. Вамъ преданный Меншиковъ.

## XII.

В. А. Корниловъ.

Севастополь, 8-го апрѣля 1854 г.

Душевно порадовался рѣшенію князя на васъ возложить должность официального помощника адм. Берка. Теперь считаю Николаевъ въ безопасности.

Узнавъ о батареяхъ и готовомъ утощеніи, союзники не пойдутъ къ вамъ, это не съ херсонскими лодками; я даже увѣренъ, что присутствіе канонирскихъ лодокъ при пароходахъ въ Кинбурнѣ имъ не понравится. На счетъ снятія знаковъ при входѣ въ Лиманъ я отвѣчалъ Кумани (начальнику Гидрографическаго отдѣленія), такъ какъ онъ меня объ этомъ секретно спрашиваетъ. Конечно, надлежитъ все сдѣлать, чтобы затруднить плаваніе въ нашихъ водахъ, вѣдь самыми входами въ Лиманъ они намъ надѣлаютъ вредъ, ибо прервутъ водное сообщеніе съ Херсоною, доставку дѣсовъ и прочее.

Не знаю по какому случаю вы считаете Арагву и Акерманъ на пути въ Николаевъ; они были отправлены въ Керчь и туда уже давно доплыли; ихъ оставляемъ для Азовскаго моря, тамъ вы можете ими располагать.

Если Инкерманъ не считаете особенно необходимымъ въ Таганрогъ, то конечно лучше не посылать.



Транспорты пускай стоять готовые за бою у Поновой балки; обстоятельства укажутъ, что можно съ ними сдѣлать; впрочемъ, въ случаѣ ожиданія набѣга, такъ можетъ быть будетъ вѣрнѣ ихъ держать въ спискѣ.

Докладъ о водочныхъ подрядчикахъ здѣсь не являлся; на всякую бѣду я предупредилъ кн. Меншикова.

Кажется, все вамъ написалъ; фланбустеры къ намъ не являются, а мы готовы встрѣтить и Дундала, и Гамелина, и Канробера, и Роглана. Гавриалъ и Уриалъ также подвигаются, нуженъ только будетъ такелажъ и койки, на этихъ двухъ корабляхъ ни одной не осталось. Преданный вамъ В. Корниловъ.

### ХІІІ.

Севастополь, 10-го апрѣля 1854 г.

Сейчасъ получилъ письмо ваше отъ 8-го апрѣля съ лейтенантомъ Сталь. Спѣшу отвѣчать: привезенная тѣмъ же Сталь вѣсть о появленіи союзнаго флота у Одессы вамъ, конечно, была, извѣстна и вы, вѣроятно, берете мѣры на счетъ Николаева. Дай Богъ, чтобы эта туча не разразилась чѣмъ нибудь серьезно важнымъ, впрочемъ, надо было ожидать, что враги наши, наконецъ, что нибудь предпримутъ. О транспортахъ до лучшихъ временъ нечего и думать; по моему мнѣнію пускай стоять готовые, гдѣ найдете удобныиъ. Поповъ мнѣ пишетъ, что проба Эльборуса была неудачна, но что онъ имѣетъ надежду выйти въ воскресенье, т. е. завтра. Жаль, если онъ пустится не наладивъ всего; и во всякомъ случаѣ надлежитъ помнить, что непріятель не останется противъ Одессы безъ крейсеровъ у Севастополя и можетъ и Кивбурна, между же ихъ пароходовъ могутъ случиться и ходакн, которые Эльборусъ, при оброшеніи его двѣ и не совершенно исправной машинѣ, и настигнуть.

Понимаю вполнѣ, какъ вамъ тяжело переходы бумагъ нашего несчастнаго управленія, но что-же дѣлать, я въ этомъ не причиной и также на всякомъ шагѣ твержу себѣ, что теперь не время сѣтовать.

На счетъ вторичнаго оборота транспортовъ помолчимъ до лучшихъ временъ и, конечно, поступимъ согласно вашихъ указаній. Особенно мнѣю (?) сухопутную доставку, о которой рѣшеніе теперь посылають.

Касательно посланныхъ наставленій относительно обороны Кивбурскаго рейда лодками при пароходахъ, теперь это будетъ зависѣть отъ васъ, вамъ ближе обсудить какія мѣры приличны и достушны.

Мастеровыхъ, парусниковъ, шляпниковъ и лабораторную и арсенальную

роты князь разрѣшилъ прислать сюда, если не удастся моремъ, то сухимъ путемъ.

Затѣмъ прощайте, желаю счастья и благополучія. Теперь 9 часовъ, чрезъ три часа начнется праздникамъ праздникъ. Ночь темная, боюсь, чтобы флибустьеры не вздумали надѣлать тревоги. Буду брать возможные предосторожности; того и смотри, что польскіе руководители имъ не натвердили, что въ праздникъ здѣсь все пьяно и въ разбродѣ. Преданный вамъ В. Корниловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

## АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ОПОЧИНИНЪ

генералъ отъ артиллеріи.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» 25 мая 1885 г. помѣщенъ некрологъ Алексѣя Петровича Опочинина, въ которомъ изложена его боевая и служебная дѣятельность въ продолженіе всей 58-лѣтней службы въ Грузіи и на Кавказѣ. Но ничего не сказано о немъ какъ о человѣкѣ, заслуживающемъ полнаго вниманія по его прекраснымъ душевнымъ качествамъ. Я, какъ товарищъ и сослуживецъ его, постараюсь пополнить этотъ пробѣлъ.

Алексѣй Петровичъ, служа въ кавказской гренадерской артиллерійской бригадѣ въ легкой № 3 батареѣ, былъ общимъ любимцемъ общества офицеровъ всей бригады. Помню, какое общее было собогданованіе въ бригадѣ, когда получили извѣстіе, что онъ сильно раненъ въ правую сторону груди въ экспедиціи противу жаро-бѣлоканцевъ 15 октября 1830 года въ дѣлѣ при Закалатахъ, бывши еще молодымъ офицеромъ. Отъ этой раны Алексѣй Петровичъ въ продолженіе многихъ лѣтъ не владѣлъ правою рукою, носилъ ее на повязкѣ и не могъ ею писать, такъ что долженъ былъ подписывать бумаги лѣвою рукою. Хотя онъ довольно долго страдалъ отъ этой раны, но не унывалъ духомъ и былъ всегда душою общества: гдѣ былъ Алексѣй Петровичъ Опочининъ, тамъ всегда было весело.

При его умѣ, прекрасныхъ способностяхъ и необыкновенно сердечной добротѣ, онъ всегда относился къ товарищамъ своимъ съ душевною теплотою и, будучи старшимъ офицеромъ въ батареѣ, не оставлялъ молодыхъ своихъ товарищей добрыми совѣтами; вотъ почему онъ былъ любимъ всѣми офицерами, начиная со старшихъ до младшихъ включительно. Начальники любили его за усердное имъ исполненіе служебныхъ обязанностей, а подчиненные за ласковое обращеніе.

Увѣренъ, что ни одинъ изъ его товарищей и ни одинъ изъ его бывшихъ подчиненныхъ помолится за него Богу.

По прослуженіи моемъ въ кавказской гренадерской артиллерійской бригадѣ нѣсколькихъ лѣтъ, я былъ переведенъ съ Кавказа, но переписывался съ товарищами и имѣлъ свѣдѣнія о покойномъ Алексѣѣ Петровичѣ. При этомъ нелишнимъ считаю сказать, что онъ въ душѣ былъ поэтъ; помню, что по случаю полученной раны его товарищемъ, штабсъ-капитаномъ Пикаловымъ (вполнѣ достойнымъ офицеромъ), въ 1832 году въ экспедиціи противу чеченцевъ, онъ написалъ довольно интересное къ нему посланіе въ стихахъ.

Алексѣй Петровичъ былъ женатъ на княжнѣ Орбеліани, весьма симпатичной женщинѣ, которую онъ выучилъ русскому языку, когда она была его еще невѣстой и жила у своей родной сестры Сенковской, мужъ которой командовалъ тогда легкою № 3 батареею кавказской гренадерской артиллерійской бригады, въ которой служилъ Алексѣй Петровичъ.

Генералъ отъ артилеріи П. А. Вороновъ.

## МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ.

### I.

Письмо протоіерея Лятушевича съ прилож. записки о новомъ способѣ разотравивать непріятеля.

Августа 5 дня 1812 года.

Ваше сіятельство м. г.

Единственно къ вамъ, у кого благо и слава Россіи лежитъ всегда на сердцѣ, единственно къ вамъ, сіятельный графъ, относяся съ дѣломъ, устремленнымъ на пользу отечества.

По существу его почель нужнымъ взять всё возможные мнѣ осторожности, чтобъ третій никто не зналъ запечатаннаго въ семь конвертѣ, пока не изволите сами, кому должно, открыть.

Испрашивая извѣстія, что бумаги мои достигли вашей сіятельной особы, и поручая ихъ вашему благоразсмотрѣнію, а себя покровительству,

Имѣю честь быть и проч. Ижевскаго оружейнаго завода пророка-Илинскаго собора протоіерей Захарій Лятушевичъ.

Примѣчаніе. Кому адресовано было это письмо воинственнаго протоіерея—изъ дѣлъ не видно; есть основаніе предполагать, что получитель этого посланія былъ графъ Витгенштейнъ. Записка, приложенная къ письму, во всѣхъ отношеніяхъ курьезна и потому здѣсь помѣщается. Ред.

Новый способъ разотравивать непріятеля въ сраженіи.

Добрая вѣра, мужество и смыслъ на полѣ бранномъ, безъ сомнѣнія, суть первая средства къ пріобрѣтенію побѣды, но не рѣдко опредѣляли судьбу оружія и внезапные случаи, и неожиданныя обстоятельства. Такъ, Юлій Кесарь выигралъ Фарсальское сраженіе, повелѣвъ своимъ воинамъ поражать

въ лицо юныхъ патриціанъ Помпеевыхъ. Такъ, даже самый вѣтръ, стремящій на ряды противничьи оружейный дымъ, содѣйствуетъ къ важнымъ преимуществамъ надъ непріателемъ.

Когда дѣйствительность ружейной стрѣльбы зависитъ наипаче отъ ясности и точности взора, когда успѣхъ въ штыковой свадкѣ принадлежитъ при сутствію духа и непоколебимости, то сколь бы важно было непріателя по мѣстамъ печально ослабить, смутить и разстроить. И сіе дѣло, кажется, легко и удобно при нижеописанныхъ средствахъ.

Извѣстно, что услаенныя купоросныя и селитряныя кислоты, какъ-то—*oleum vitrioli et acidum vitrioli rectificatum, item aqua fortis precipitata et spiritus nitri fumans—et coet.*, дѣйствуютъ на тѣла разрушительнымъ образомъ. Сіи жидкости мгновенно жгутъ не только лице и руки, даже самое одѣваніе, коснувшись имъ; а глазамъ—поражая, истребляютъ ихъ и производятъ нестерпимую боль въ существѣ страдающемъ. Почему, если бѣ во время сраженія, наипаче во время преднамѣриваемой штыковой работы, когда непріатель бываетъ не въ далекомъ отстояніи, дѣйствовать на него сими жгущими веществами, особливо неожиданно, то смѣло полагать можно, что при пособіи такомъ быстрѣе и вѣрнѣе приведется онъ въ смятеніе, разстройство и плѣвъ, чѣмъ однимъ пулямъ и штыками.

Межъ тѣмъ язвы отъ сихъ разрушительныхъ веществъ, мгновенно обезоруживающихъ непріателя, сообразно челоуѣколюбивымъ чувствованіямъ, менѣе нагубны и смертоносны, нежели отъ раздробляющаго металла: поелюку бываютъ они только на наружности, хотя впрочемъ [боль и въ нихъ свачала ощутительнѣе, чѣмъ въ ранахъ отъ пуль.

Орудія, мѣющія въ непріателя сіи жгущія вещества, не могутъ быть сдѣланы удобнѣе, простѣе и дешевле, какъ въ видѣ заливательныхъ малыхъ трубъ или шприцовъ—особливо шприцовъ, которые и легки для носки, и дѣйствовать могутъ при устройствѣ саженой на семь.

Ежели инструменты сіи, наполненныя ждкими жидкостями, раздать въ первыхъ рядахъ двадцатому вонну, не лишая, впрочемъ, его и свойственнаго вооруженія, поелюку инструменты сіи, по истощаніи своемъ, легко, на подобіе колчана, кинуть за спину себѣ и дѣйствовать послѣ другимъ оружіемъ, то какое будетъ явленіе въ рядахъ непріательскихъ, когда бросятся ва нихъ межъ тѣмъ со штыками и когда, по приближеніи къ нимъ или напаче въ самой схваткѣ, жидкости сіи будутъ направляемы болѣе на лице и глаза противниковъ. Въмѣсто того, чтобъ имъ метить изъ ружей и дѣйствовать штыками, многіе изъ нихъ при чрезвычайной боли не увидать не только непріателей, но и своего оружія; и тогда можно будетъ брать ихъ въ плѣвъ, какъ слѣбныхъ курницъ: поелюку они и бѣжать куда также не въ состояніи; отчего выйдетъ невообразимая суматоха между пораженными.

На сей предметъ можно даже и нестроевыхъ людей, но нарочно приготовленный корюсъ новобранцевъ, ввести съ симъ снарядомъ въ передовыя шеренги и разбѣситъ каждаго изъ нихъ подлѣ двадцатаго челоуѣка во фронтѣ или разсыпать по подобію егерей, снабдивъ ихъ притомъ легкими бѣлыми оружіемъ.

Но вся важность и успѣхъ при семъ предиріятіи заключается въ невѣстности и неожиданности со стороны непріателей. Почему совершенно необходимо, изготовляя инструменты метательные и приучая солдатъ или новобранцевъ дѣйствовать ими цѣльно, распусить предварительно слухъ, что

сіе готовится для операций лекарскихъ, въ каковомъ смыслѣ и весьма прилично имъ считается по свойству непріятелей, горячкою и нечистотомъ страдающихъ, или можно выдвигать ихъ за инструменты, поливающіе песчаную землю, дабы не терпѣть безпокойства отъ пыли въ пути и во время сраженія. Но какъ дѣйствовать и метить сими инструментами искусства и привычки большія не надобно, то можно раздать ихъ по рядамъ двадцатому или двадцать пятому воину и предъ самымъ сраженіемъ, чтобъ непріятель не имѣлъ времени и случая въ принять противъ сего какія оборонительныя мѣры, которыя и могутъ состоять только въ вошеной тафтѣ, облегающей лицо, гдѣ противу глазъ вставляется стекло или слюда, что, однако, въ жаркое время и въ пылу сраженія сопряжено съ большими неудобствами и задыханіемъ; или развѣ еще не захочетъ непріятель сблизиться на то разстояніе, въ какомъ дѣйствовать можетъ сіе орудіе.

Инструменты влагометательныя, если дѣланы будутъ на подобіе шприцовъ, то они должны быть хрустальныя, не такъ скоро портятся отъ жидкостей. Но не дорожа прочностію, а временемъ можно отливать и оловянные, а наскоро употребить и обыкновенныя аптекарскія съ небольшою поправкою. Вообще же инструменты сіи устроить должно такимъ образомъ, что оба отверстия и верхній, и нижній завинчивались плотно крышками и заплывались воскомъ, дабы влажность никакъ не могла нечаянно вытечь. Для удобства въ пошеніи шесть, двигающій поршень, долженъ ввинчиваться, а къ самому цилиндру придѣлаться ушки, но чтобъ, когда будутъ давить поршень, не могла на спохъ назадъ пробиваться влажность и тѣмъ попортить дѣйствующихъ рукъ, для сего сзади придѣлывать двойное дно и вложить между днами натугъ губку, напштанную масломъ, которая отирала бы сырость, могущую быть на шесть при обратномъ его вытягиваніи. Впрочемъ, какъ и изъ чего лучше дѣлать сіи орудія—покажетъ самая практика; здѣсь предлагаются токмо первыя идеи.

Послѣку шприцы мещутъ влагу тѣмъ дагѣе, чѣмъ меньше содержатъ они въ себѣ жидкости и чѣмъ сильнѣе давятъ поршни, для сего орудія сіи не должны содержать въ себѣ влажности болѣе фунта, а потому для продолженія метательныхъ дѣйствій необходимо нужно имѣть при себѣ съ жидкою влажностію еще фляжки, вмѣщающія въ себѣ около трехъ фунтовъ, чего предовольно будетъ на каждую стычку. Фляжки сіи, металлическія или стекляныя, должны быть для удобства привѣшены къ боку и имѣть небольшое отверстие, затыкающееся пробкою, напштанною воскомъ, изъ которыхъ, когда надобно, въ одинъ мигъ можно натянуть шприцъ свой; но не худо имѣть при себѣ дѣлѣ и перчатки, натертыя масломъ или жиромъ.

Можно, кажется, дѣйствовать выгодно жидкими жидкостями съ батарей, когда на нихъ вблизи нападаетъ непріятель. Но въ семъ случаѣ должно употреблять уже не шприцы, а машины на подобіе одноручныхъ заливательныхъ трубъ, въ которыя вмѣщалось бы жидкости фунтовъ около десяти. Ихъ можно сдѣлать и со спускною самодавящею пружиною, дабы не отнять въ важное время какихъ нибудь рукъ отъ другихъ оборонительныхъ дѣйствій. Поставить же гдѣ такія машины и когда, и какъ ими дѣйствовать покажутъ обстоятельства. Сіи влагометательныя орудія голылись бы къ полезному употребленію и при крѣпостяхъ, и на корабляхъ или вообще военныхъ суднахъ; убытку значительнаго не будетъ, когда-бъ они во время свалки по выпороженіи своимъ и смялись, послѣку оловянное легко поправитъ или и вновь перелить безъ потери.

Жидкости же ѣдкія, какъ-то кислота купоросная и селитряная, въ настоящее время весьма не дороги; но таксі аптекарской olej vitrioli фунтъ 96 к., acidi vitrioli rectificati фунтъ 1 р. 92 к., aqua fortis precipitatis фунтъ 1 р. 20 к.

Сія жидкости, при взятыхъ мѣрахъ, могутъ обойтись казнѣ и дешево.

Не знаа движеній наѣздниковъ и вообще конницы, не могу утверждать—принесутъ-ли какую выгоду розданныя нѣкоторымъ изъ нихъ влагометательныя орудія; хотя извѣстно, что ѣдая жидкость, спрыснувшая непріятельскую лошадь, особливо въ глазъ, принудитъ ее сбить своего всадника, которому также можетъ достаться что нибудь изъ влаги на долю свою. И нельзя ли бы машины сія прикрѣплять къ сѣдамъ, и притомъ съ самодавящею пружиною, которую, когда нужно, тогда бѣ и спустить или остановить.

При всемъ томъ снарядъ, мечущій ѣдкія влаги, и въ дорогѣ, и въ домахъ, для защиты себя отъ воровъ и разбойниковъ и для обезоруженія ихъ, несравненно дѣйствительнѣе и удобнѣе, чѣмъ огнестрѣльные и другія бѣлыя орудія. поелику оны могутъ дѣйствовать и вдругъ на множество, и непрерывно.

Но желанный, совершенный успѣхъ отъ сихъ влагометателей, при всякихъ случаяхъ, возможенъ только тогда, когда непріятель совсѣмъ не ожидаетъ ихъ и не знаетъ; и потому на сраженіи употребить ихъ въ дѣло должно только въ генеральномъ, рѣшительномъ, — а съ несказанною выгодою—почти однажды.

Кажется мнѣ, что для ослѣпленія и смятенія непріятеля не худо бы къ ружьямъ прелъ штыковой свалкою прицѣплять и обыкновенныя бумажныя трубки, набитыя составомъ, мечущимъ, на подобіе фонтана, огненныя искры. Трубки сія такъ устроить, чтобъ въ одинъ мигъ прицѣпилися къ стволу и зажглись отъ послѣдняго выстрѣла, и тогда вдругъ кинутся на врага вмѣстѣ съ огнемъ и штыкомъ или пиккою.

Вотъ способъ вредить непріятелю, который мнѣ кажется новымъ и весьма дѣйствительнымъ и который, какъ скоро мелькнулъ въ мысли моей, любовь къ отечеству заставила меня обдумать и предложить.

Если способъ сей не можетъ быть одобренъ, то низайше прошу предать все сіе огню и забвенію, дабы не прослыть мнѣ глупымъ затѣйщикомъ или чтобъ кто нибудь не могъ изъ сихъ начертаній сдѣлать какого злоупотребленія.

Протоіерей Лятушевичъ.

1812 г.

Сообщ. Н. III.



## ДѢЛО А. Θ. ЛАВЗИНА

въ 1822 г.

Печальная исторія извѣстнаго Александра Фѣдоровича Лавзина, осмѣливагося предложить въ почетные любители академіи художествъ государева кучера Илью, наравнѣ съ первыми сановниками имперіи, графами: Гурьевымъ, Аракчеевымъ и Кочубеемъ, передана въ статьяхъ, появившихся объ этомъ эпизодѣ въ «Русскомъ Архивѣ» (1866 г.) и въ «Русской Старинѣ» (1872 г., т. V), не съ должною историческою точностію <sup>1)</sup>.

Укажемъ, напр., на грубую ошибку, встрѣчающуюся въ разсказѣ М. А. Дмитріева <sup>2)</sup> будто бы графъ Милорадовичъ сказалъ Лавзину, что государю угодно, чтобы онъ ѣхалъ къ Гурьеву и извинился. «Дѣло это оставалось безъ послѣдствій три дня, пока государь былъ въ Петербургѣ, но по отъѣздѣ его въ чужіе края <sup>3)</sup> вслѣдъ за нимъ послано было донесеніе о Лавзинѣ». Между тѣмъ, изъ помѣщаемой ниже подлинной переписки, производившейся по этому дѣлу, оказывается, что засѣданіе академіи художествъ, послужившее поводомъ къ неумѣстному заявленію А. Θ. Лавзина, состоялось 13-го сентября, а императоръ Александръ 26-го августа (7-го сентября) уже находился въ Вѣнѣ <sup>4)</sup>.

Также не выдерживаютъ исторической критики разсказы о томъ, что президентъ академіи, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, хотѣлъ забавиться отъ Лавзина какъ отъ безпокойнаго человѣка <sup>5)</sup>. На дѣлѣ же выходитъ противное и Оленинъ подвергся, даже послѣ выходи Лавзина, высочайшему стро-

---

<sup>1)</sup> Упрекъ этотъ не относится къ «Русской Старинѣ», ибо на ея страницахъ уже была восстановлена, по отношенію къ дѣлу Лавзина,—историческая точность, см. «Русск. Стар.» 1875 г., томъ XIV, стр. 291—296, сообщеніе Н. И. Стояновскаго—нѣсколько документовъ по предмету ссылки Лавзина.

<sup>2)</sup> «Воспоминанія о Лавзинѣ». «Русскій Архивъ» 1866 г., стр. 837.

<sup>3)</sup> На Веронскій конгрессъ.

<sup>4)</sup> Въ Верону государь прибылъ 4 (16) октября 1822 г.

<sup>5)</sup> «Русская Старина»: «Записки А. Л. Витберга» (1872 г., т. V): «президентъ Оленинъ, мимо министра просвѣщенія, донесъ чрезъ Аракчеева до государя сіе, давно показавши случая забавиться Лавзина, который былъ слышкомъ уменъ и твердъ».

жайшему выговору за то, что не умѣлъ въ семь случаевъ исполнить должнаго и оставилъ столь дерзкій поступокъ безъ донесенія начальству.

Н. III.

I.

Тайный совѣтникъ Оленинъ—графу М. А. Милорадовичу <sup>1)</sup>.

Мыза Приютино, 21 сентября 1823 г.

М. г. графъ Михаилъ Андреевичъ. Я цѣлыми сутками замедлилъ отвѣтомъ на почтенное письмо в. с., которое вы ко мнѣ и у меня въ домѣ изволили писать въ званіи с.-петербургскаго военнаго господина генераль-губернатора. Причина медленности моего отвѣта состоитъ единственно въ томъ, что вчерашній день назначенъ былъ женою моею къ помолвкѣ на дачѣ ея, Приютино, старшей дочери нашей, что вчера съ благословеніемъ Божиимъ исполнилось. Теперь, отдохнувъ отъ сей и радостной, и тяжелой для родителей церемоніи, я поспѣшаю донести вамъ письменно, милостивый государь, по требованію вашему, то, что в. с. изустно уже отъ меня слышали.

Дошедшіе до васъ слухи о словахъ, произнесенныхъ г. вице-президентомъ императорской академіи художествъ, дѣйств. ст. сов. А. О. Лабзинимъ, въ совѣтѣ сей академіи, бывшемъ вечеромъ въ среду 13-го числа сего сентября мѣсяца, о которомъ в. с. меня спрашивали въ прошлый понедѣльникъ въ русскомъ театрѣ, а потомъ сами изволили пожаловать ко мнѣ во вторникъ (19-го сентября) и въ подробности мнѣ объясняли вами слышанное по сему предмету — справедливо къ моему несчастью! Дѣло происходило точно такъ, какъ оно в. с. пересказано было неизвѣстнымъ мнѣ лицомъ, котораго имя вы не разсудили мнѣ сообщить. Итакъ, справедливо то, что когда я объявилъ совѣту о надлежащемъ выборѣ трехъ почетныхъ любителей, на каковыя мѣста въ привиллегіи, сей академіи данной, предписано помѣщать изъ знатнѣйшихъ особъ, и когда я выборъ сей предоставилъ общему согласію гг. членовъ академическаго совѣта, отказавшись самъ отъ сего выбора, то г. вице-президентъ Лабзинъ, не соглашаясь долго на утвержденіе предназначенныхъ совѣтомъ трехъ новыхъ особъ, а именно: графа Гурьева, графа Аракчеева, и особенно упорствуя въ выборѣ графа Кочубея, заключилъ свой споръ тѣмъ,

<sup>1)</sup> Письмо это было уже напечатано въ «Русской Старинѣ», но здѣсь печатается вновь по связи его съ слѣдующими дагѣе неизданными документами, «Р. С.» 1876 г., т. XIV, стр. 293.

Ред.

что если совѣтъ полагаетъ выбрать сихъ трехъ новыхъ членовъ по той причинѣ, что они имѣютъ доступъ къ высочайшей особѣ, то онъ (г. Лабзинъ) съ своей стороны предлагаетъ въ почетные любители такъ же близкую государю императору особу, а именно: государева кучера Илью.

Вотъ что в. с. извѣстно было помимо меня, и такъ какъ слышанное вами было совершенно справедливо и говорено г. Лабзиннымъ громко, въ присутствіи болѣе 20 гг. художниковъ, то я по совѣсти принужденнымъ нашелся подтвердить вамъ, по требованію вашему, истину вамъ сказаннаго, прибавя къ тому только, что какъ сіи слова были произнесены г. Лабзиннымъ въ присутственной комнатѣ при собраніи вышеупомянутыхъ гг. чиновниковъ или художниковъ, монимъ, такъ сказать, товарищамъ по службѣ въ академіи, то я, избѣгая неприятныхъ съ нимъ объясненій и уважая тяжкую его болѣзнь, рассудилъ этому дѣлу дать оборотъ не столь серьезный, сказавъ г. Лабзину, что я не премину извѣстить новозбранныхъ гг. членовъ въ почетные любители о чести, которую имъ сдѣлалъ Александръ Федоровичъ, предложеніемъ къ совмѣстному съ ними выбору—кучера Ильи. Сей неожиданный отвѣтъ мой произвелъ въ собраніи невольный общій смѣхъ, который привелъ г. Лабзина въ нѣкоторое негодованіе, ибо онъ съ сердцемъ отвѣчалъ мнѣ: «извольте имъ это сказывать, я ихъ не боюсь». Но, къ счастью, сямъ послѣднимъ порывомъ неприятное сіе волненіе (явленіе?) кончилось.

Объясняя вамъ, м. г., подробно, по требованію вашему, какъ г. военному генералъ-губернатору, какъ это дѣло было, затѣмъ имѣю честь быть съ отличнымъ почитаніемъ и таковою же преданностію в. с. покорѣйшій слуга Алексѣй Оленинъ.

## II.

Записка графа Милорадовича (С.-Петербургскаго военнаго ген.-губ.).

22-го сентября 1822 г.

Дошло до моего свѣдѣнія, что когда происходили въ академіи художествъ выборы въ почетные любители и когда предназначены были въ сіе званіе графъ Аракчеевъ, графъ Кочубей и графъ Гурьевъ, то вице-президентъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лабзинъ, отозвался, что «этихъ людей онъ не знаетъ и о достоинствахъ ихъ не слыхалъ». Когда же ему объясняли собравшіеся члены, что они на основаніи положенія выбираютъ сихъ лицъ, какъ знатнѣйшихъ, и что сіи лица

близки къ особѣ государя императора, то вице-президентъ Лабзинъ отозвался, «что ежели тѣ особы выбираются потому, что они близки къ особѣ государя императора, то онъ знаетъ одного человѣка, который гораздо ближе», и назвалъ кучера Илію. Такъ какъ сей поступокъ былъ въ публичномъ собраніи, въ присутствіи президента, то я и обратился къ нему, дабы узнать истину сего происшествія. Тайный совѣтникъ Оленинъ просилъ меня отнестись къ нему о семъ письменно. Я сіе сдѣлалъ. Между тѣмъ, когда я рассказывалъ ему все слышанное мною, то и онъ рассказалъ мнѣ слѣдующія происшествія: когда во исполненіе всевысочайшей воли объ уничтоженіи ма- сонскихъ ложъ онъ, какъ президентъ академіи, собралъ всѣхъ членовъ для дачи извѣстныхъ подписокъ, то вице-президентъ Лабзинъ пріѣхалъ въ собраніе при окончаніи уже чтенія всевысочайшаго указа. Президентъ хотѣлъ повторить сіе чтеніе, но Лабзинъ отозвался: «сей указъ мнѣ уже извѣстенъ и вотъ моя подписка». Потомъ сказалъ: «что тутъ хорошаго? Сегодня запретили логи, а завтра принудятъ въ оныя ходить. Ложи вреда не дѣлали, а тайныя общества и безъ ложъ есть, вотъ у Кошелева тайныя сѣзды. И князь Голицынъ туда ѣздитъ. Чертъ ихъ знаетъ, что они тамъ дѣлаютъ». Когда же тайный совѣтникъ Оленинъ собралъ членовъ академіи для совѣщанія о выборѣ почетныхъ любителей и когда назначены (были) къ сему графъ Аракчеевъ и графъ Гурьевъ, то Лабзинъ отозвался, что онъ этихъ людей не знаетъ и достоинства ихъ ему неизвѣстны, а когда назначали и графа Кочубея, то Лабзинъ отозвался: «Кочубей и двухъ копѣекъ не стоитъ. Сей человѣкъ надутый и ничего не значущій». Когда же собраны были всѣ члены академіи для назначеннаго выбора и предложены были къ избранію тѣ же лица, то Лабзинъ оспаривалъ, хотя ему объясняли, что сіи люди, какъ знатнѣйшіе чиновники, имѣя отличныя достоинства и бывъ близки къ особѣ государя императора, имѣютъ все право быть выбранными. По окончаніи выборовъ Лабзинъ объявилъ, что какъ всѣ члены выбрали вышеозначенныхъ лицъ потому, что они близки къ государю императору, то и онъ, Лабзинъ, какъ вице-президентъ, съ своей стороны предлагаетъ кучера Илію, который гораздо ближе къ особѣ государя императора, нежели выбранныя лица. Послѣ сего получилъ я письменный отзывъ тайнаго совѣтника Оленина, при семъ прилагаемый, въ которомъ однако же онъ упоминаетъ только объ одномъ послѣднемъ происшествіи.

## III.

Князь Ал. Ник. Голицыну.

Изъ Вероны, 20 октября 1822 г.

Усмотрѣвъ изъ донесенія с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора и отношенія къ нему президента академіи художествъ Оленина наглый поступокъ, учиненный въ полномъ собраніи вице-президентомъ оной, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Лабзинымъ, и какъ подобная дерзость терпима быть не можетъ, то я повелѣлъ указомъ, сего числа правительствующему сенату даннымъ, отставить его вовсе отъ службы, а с.-петербургскому военному генераль-губернатору—выслать его изъ столицы въ деревню, съ запрещеніемъ выѣзда изъ оной безъ особеннаго моего на то повелѣнія.

Равнымъ образомъ, съ крайнимъ удивленіемъ замѣтилъ я изъ самаго отзыва президента академіи художествъ, тайнаго совѣтника Оленина, шуточное возраженіе, имъ сдѣланное Лабзину, въ опроверженіе его дерзости,—тогда какъ слѣдовало, властію, ему присвоенною, укротить неприличное поведеніе Лабзина.

Вслѣдствіе чего повелѣваю вамъ, призвавъ г. президента академіи художествъ, сдѣлать ему строжайшій выговоръ какъ за таковой отвѣтъ, такъ и за то, что не умѣлъ въ семъ случаѣ исполнить должнаго и оставилъ столь дерзкій поступокъ безъ донесенія начальству <sup>1)</sup>).

## IV.

Кн. П. М. Волконскій—графу Милорадовичу.

Изъ Вероны, 20 октября 1822 г.

Государь императоръ, прочитавъ записку вашего сіятельства и отношеніе къ вамъ отъ президента академіи художествъ, тайнаго совѣтника Оленина, о нагломъ поступкѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лабзина, вашему сіятельству повелѣваетъ: г. Лабзина призвать къ себѣ и объявить ему, что столь наглое поведеніе терпимо быть не

<sup>1)</sup> Черновая бумага писана рукою князя Волконскаго, съ собственноручными поправками императора Александра; бѣловой отпущекъ этого документа напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., т. XIV, стр. 294—295.

можетъ; вслѣдствіе чего указомъ, сенату сего числа даннымъ, отставленъ отъ службы, а вамъ поручаетъ не медля выслать его изъ С.-Петербурга въ его деревню, буде имѣеть, о чемъ взять напередъ справку; если же не имѣеть никакого нигдѣ помѣстья, то, по сношенію вашему съ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, избрать одинъ изъ уѣздныхъ городовъ отдаленной губерніи для жительства его и отослать туда подъ особенный надзоръ, съ запрещеніемъ выѣзжать изъ онаго, безъ особаго на то высочайшаго разрѣшенія.

## V.

Всеподданнѣйшій рапортъ кн. А. Н. Голицына.

С.-Петербургъ, 10 ноября 1822 г.

Его императорскому величеству отъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія рапортъ.

Высочайшій вашего императорскаго величества рескриптъ, отъ 20 октября сего года изъ города Вероны, касательно отставки дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лавзина и о прочемъ, удостоясь получить 6 числа сего ноября ввечеру, на другой же день 7 числа не преминулъ я учинить должное по оному съ моей стороны исполненіе, для чего, призвавъ къ себѣ президента императорской академіи художествъ, тайнаго совѣтника Оленина, сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ, на точномъ основаніи вышеупомянутаго рескрипта. Оленинъ принялъ учиненное ему объявленіе съ тою покорною чувствительностію, съ каковою всякій вѣрноподанный видитъ и пріемлетъ гнѣвъ своего государя. Послѣ того прислалъ онъ ко мнѣ письмо, объясняющее его чувства, которое у сего въ подлинникъ долгомъ считаю представить в. величеству.

О такомъ исполненіи высокомонаршаго вашего повелѣнія имѣю счастье вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донести. Князь Александръ Голицынъ.

Помѣта. Рукою кн. Волконскаго написано: «получ. 25 ноября 1822 г.».

## VI.

Тайн. сов. Оленинъ—князю А. Н. Голицыну.

С.-Петербургъ, 7 ноября 1822 г.

М. г. князь Александръ Николаевичъ. Прїѣхавъ сейчасъ домой, я на силу могъ образумиться! И такъ, не удивляйтесь, милостивый государь, если я остался у васъ безмолвнымъ, по выслушаніи высочайшаго рескрипта о г. Лабзинѣ и о моемъ упущеніи по строгости службы. Гнѣвъ государя императора праведенъ, ибо государь справедливъ! Мнѣ, конечно, слѣдовало, прервавъ неумѣстную рѣчь г. Лабзина, вмѣсто обращенія оной въ шутку, записать его слова въ журналъ и донести вашему сіятельству; но я не рѣшился этого сдѣлать—истинно изъ единаго состраданія къ ближнему. Я подумалъ: «Лабзинъ наказанъ Богомъ тяжкою падучею болѣзнію! У него нѣтъ пристанища—безъ службы! и я составлю несчастье того человѣка, который меня почитаетъ своимъ врагомъ! Нѣтъ, лучше и этотъ крестъ я понесу на себѣ и не осрамлю академіи художествъ оглашеніемъ наглости, оказанной ея вице-президентомъ». Вотъ причины моего упущенія. Дерзкаго же слова г. Лабзина никто бы остановить не могъ, ибо оно имъ было вымолвлено совсѣмъ неожиданно! Я всеусердїйше прошу ваше сіятельство повергнуть повинную мою голову къ стопамъ справедливаго, но и милосердаго нашего государя. Тяжко быть подъ прещеніемъ царя послѣ почти сорокалѣтней безпорочной службы! Неужель государь до конца будетъ на меня гнѣваться? Вѣрря несчастную мою участь милостивому вашему ходатайству, имѣю честь быть съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію и проч. Алексѣй Оленинъ.

## VII.

Графъ Милорадовичъ—князю П. М. Волковскому.

С.-Петербургъ, 10 ноября 1822 г.

М. г. князь Петръ Михайловичъ. Дѣйствительному статскому совѣтнику Лабзину объявилъ я, что вслѣдствіе наглаго поведенія его, которое терпимо быть не можетъ, онъ указомъ, сенату даннымъ, отставленъ отъ службы и долженъ выѣхать изъ С.-Петербурга. А такъ какъ у него нигдѣ никакого помѣстья нѣтъ, то г. управляющій ми-

нистерствомъ внутреннихъ дѣлъ назначилъ мѣстопробываніе ему Симбирской губерніи уѣздный городъ Сенгилей. А какъ съ нимъ ѣдетъ жена его и необходимо нужно исправить экипажъ, то по сей оставокѣ я еще отсрочилъ на два дни высылку его.

Честъ имѣю быть и проч. М. Милорадовичъ.

Помята. Рукою кн. Волконскаго написано: «Получ. 25 ноября 1822 г.».

Сообщ. Н. III.

### Записка Александра I г.-ад. барону Дибичу.

8-го ноября 1824 г.

«Для поданія дѣятельныхъ пособій потерпѣвшимъ отъ наводненія 7-го ноября, и по случаю истребленія мостовъ и затрудненія сообщенія между частями города, подъ начальство спбургскаго военнаго ген.-губернатора гр. Милорадовича назначаются временными военными губернаторами: на Васильевскій островъ ген.-ад. Бенкендорфъ, на Петербургскую сторону—ген.-ад. Комаровскій, на Выборгскую—ген.-ад. Депрерадовичъ».

### ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ

въ 1825 г.

Письма его къ П. В. Голевищеву-Кутузову.

1-го апрѣля 1825 г. С.-Петербургъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1825 года директору московскаго кадетскаго корпуса, г.-м. Ушакову 3-му, инспекторъ классовъ корпуса, полковникъ Кобылецкій, наговорилъ въ совѣтѣ грубостей. Ушаковъ донесъ о томъ главному директору кадетскихъ корпусовъ, ген.-ад. Голевищеву-Кутузову, и, зная его къ себѣ нерасположеніе, въ то же время написалъ письмо къ начальнику главнаго штаба цесаревича Константина Павловича <sup>1)</sup>, г.-л.

<sup>1)</sup> Цесаревичъ былъ въ то время главнымъ начальникомъ кадетскихъ корпусовъ.



Курутѣ, приложивъ къ письму копію съ рапорта 'своего Кутузову. По докладу Куруты цесаревичъ предписалъ Кутузову арестовать Кобылецкаго на 8 дней, тогда какъ Кутузовъ, найдя, съ своей стороны, довесеніе Ушакова невразумительнымъ, не только не довелъ о происшествіи до свѣдѣнія цесаревича, но сдѣлалъ Ушакову замѣчаніе въ весьма жестко написанномъ предписаніи; по полученіи же предписанія цесаревича объ арестованіи Кобылецкаго, Кутузовъ написалъ его высочеству слѣдующее:

«Ваше и. высочество, милостивѣйшій государь цесаревичъ!

«Съ отправленною сегодня эстафетою, при рапортѣ моемъ за № 747, я имѣлъ счастье представить в. и. высочеству копію съ рапорта ко мнѣ генераль-маіора Ушакова 3-го и таковую же съ моего къ нему предписанія, касательно происшествія, случившагося въ свѣтѣ корпуса; но изъ отношенія ко мнѣ начальника главнаго штаба вашего высочества съ сокрушеннымъ сердцемъ вижу, что предписаніе мое несогласно съ послѣдовавшею волею вашего императорскаго высочества.

«Перечитывая нѣсколько разъ рапортъ генераль-маіора Ушакова 3-го и мое къ нему предписаніе, я со всею покорностію долгомъ поставляю доложить вашему высочеству, что и послѣ сего ни въ чемъ не признаю себя виновнымъ, но совершенно остаюсь убѣжденъ, что я дѣйствовалъ по всей справедливости; напротивъ того, нахожу, что генераль-маіоръ Ушаковъ, отступая неоднократно отъ моихъ предписаній и сносясь безъ моего вѣдѣнія съ разными лицами, что не безызвѣстно и вашему императорскому высочеству, наконецъ, простеръ дерзость свою даже до того, что осмѣлился о дѣлахъ по службѣ, мимо меня, утруждать ваше высочество, чѣмъ совершенно нарушилъ военную субординацію.

«Болѣе 30 лѣтъ, въ офицерскомъ чинѣ, нахожусь я въ службѣ его императорскаго величества, всегда и вездѣ (смѣло могу сказать) служилъ съ честію, и за долговременную безпорочную службу мою удостоился званія генераль-адъютанта и генераль-лейтенанта,—вмѣстѣ съ симъ дослужилъ и до уничтоженія отъ подчиненнаго. Не знаю, могу ли я быть терпимъ послѣ сего въ службѣ его императорскаго величества? но служить съ генераль-маіоромъ Ушаковымъ не могу; почему осмѣливаюсь просить милостиваго вашего предстательства объ увольненіи меня отъ званія главнаго директора корпусовъ. Желалъ было и надѣялся покончить остатки дней моихъ подъ лестнымъ начальствомъ вашего императорскаго высочества, но сколь ни убійственно для меня лишиться сего счастья, а съ симъ вмѣстѣ, можетъ быть, лишусь и милостей вашихъ, но сохраняю честь, которая для меня всего на свѣтѣ дороже. Въ заключеніе всего, какъ отецъ, по-

вергая себя къ стопамъ вашего императорскаго высочества, со слезами умоляю не лишить милостей сына моего».

Цесаревичъ отвѣчалъ Кутузову 10 апрѣля слѣдующимъ рескриптомъ:

«Павелъ Васильевичъ!

«Я получилъ письмо вашего превосходительства отъ 1-го сего апрѣля и на оное послѣдую вамъ отвѣтствовать, что директоръ московскаго кадетскаго корпуса, генераль-маіоръ Ушаковъ, довелъ до свѣдѣнія начальника главнаго штаба моего, генераль-лейтенанта Куруты, происшествіе, случившееся между нимъ и полковникомъ Кобылецкимъ, для доклада мнѣ, какъ о необыкновенномъ случаѣ, о какихъ дѣлаются прямо главному начальнику донесенія, на кое ему и далъ мое, чрезъ ваше превосходительство, разрѣшеніе. Но давши оное, я никакъ себѣ не воображалъ и не имѣлъ намѣренія, какъ вы въ письмѣ своемъ изъяснили, сдѣлать вамъ малѣйшую какую чрезъ то непріятность, совершенно не думая, чтобы вы приняли сіе съ такимъ огорченіемъ. Послѣ такового со стороны моей объясненія надѣюсь, что сіе будетъ достаточнымъ для васъ убѣжденіемъ, что я не имѣлъ никакого намѣренія сдѣлать вамъ непріятность, какъ вы въ письмѣ своемъ изъяснили, и потому надѣюсь, что сіе тѣмъ и кончится. Причемъ, съ моей стороны не могъ я также умолчать предъ вами, Павелъ Васильевичъ, что для меня весьма прискорбно и даже обидно было видѣть, что вы, объяснивъ о долговременной вашей службѣ, оканчиваете тѣмъ, что ежели по сему дѣлу я буду имѣть на васъ неудовольствіе, то просите не лишать моего расположенія сына вашего. Мнѣ уже самому отъ роду 46 лѣтъ, и я также служу 30, но увѣренъ, что никто не можетъ сказать, что если случилось у меня съ кѣмъ неудовольствіе, чтобы я мстилъ на родственникахъ, что совершенно есть для меня чуждо и противно моимъ мыслямъ. Что же касается до генераль-маіора Ушакова, то ежели ваше превосходительство имъ такъ недоволено, то совершенно отъ васъ зависитъ сдѣлать о немъ ко мнѣ надлежащее представленіе.

«Изъ уваженія моего къ вамъ я посылаю сіе письмо по нарочной эстафетѣ, которое будетъ вамъ новымъ доводомъ, какъ я еще съ молодости привыкъ васъ уважать, и буду ожидать на оное вашего увѣдомленія,—прося васъ, затѣмъ, принять повтореніе увѣренія всегдашняго моего къ вамъ особеннаго расположенія и уваженія. Константинъ цесаревичъ».

Получивъ этотъ рескриптъ, Кутузовъ написалъ его высочеству слѣдующее:

22 апрѣля 1825 г. С.-Петербургъ.

«Ваше императорское высочество, всемилостивѣйшій государь цесаревичъ!

«Сколь много былъ я огорченъ поступкомъ генераль-маіора Ушакова, столь тронуть, утѣшенъ и успокоенъ милостію и снисхожденіемъ, изъявленными въ рескриптѣ вашего императорскаго высочества!

«Я всегда зналъ доброе ваше сердце, государь цесаревичъ! простите, ежели въ письмѣ моемъ, писанномъ въ горькія минуты, иное заслужило справедливое осужденіе ваше; не отнесите къ сердцу того, въ чемъ виновно одно разстроенное воображеніе. Всѣмъ извѣстно, что даже тѣ, которые заслуживали справедливый гнѣвъ вашъ, испытали не мечь, но милость вашего императорскаго высочества. Еще повторяю, простите отцу, для котораго и призракъ несчастія, угрожающій сыну, могъ показаться существованіемъ.

«Пользуясь милостивымъ позволеніемъ в. и. в., я испросилъ, чрезъ г. начальника главнаго штаба его императорскаго величества, соизволенія государя императора на отъѣздъ въ Варшаву, по прибытіи куда буду имѣть счастье изустно повторить относительно генераль-маіора Ушакова то, о чемъ неоднократно вынужденъ былъ доносить.

«Примите, государь цесаревичъ, изъявленіе всѣхъ чувствій преданности и благодарности, коими сердце мое преисполнено» и проч. «Павель Годенищевъ-Кутузовъ».

На это цесаревичъ Константинъ Павловичъ отвѣчалъ отъ 1 мая 1825 г.

«Павель Васильевичъ.

«Имѣвъ удовольствіе получить письмо ко мнѣ вашего превосходительства минувшаго апрѣля отъ 22 числа и видя изъ онаго, что вы сдѣлали мнѣ новое по службѣ удовольствіе, я обращаюсь къ вамъ съ тѣмъ же повтореніемъ, что привыкну васъ уважать еще съ молодости, и еще съ камеръ-пажескаго званія, я всегда былъ увѣренъ во взаимномъ вашемъ ко мнѣ усердіи и никогда въ ономъ не сомнѣвался; содержаніе же сего письма ко мнѣ вашего снова удостовѣряетъ меня въ таковомъ моемъ мнѣніи и я повторяю то-же самое мое къ вамъ всегдашнее уваженіе, прошу ваше превосходительство принять въ томъ увѣреніе, равно какъ и въ особенномъ моемъ къ вамъ расположеніи. Константинъ цесаревичъ.

Сообщ. Н. Мельяницкій.

## Прошеніе Петра Амабля Кентара

(Pierre Amable Quintard) почтмейстера королевской почты въ Шель  
Нижне-Рейнскаго департамента въ Ельзасѣ.

### I.

27 февраля 1824 г.

[Переводъ съ французскаго]. Е. и в. великому Александру, императору всея Россіи.

В. и. в., соблаговолите, великій государь, простить смѣлый поступокъ француза, внушенный ему по истиннѣ божескимъ откровеніемъ.

18-го марта 1816 г., въ день особенно замѣчательный для меня въ этомъ случаѣ, такъ какъ въ это число празднуется память св. Александра, патрона в. и. в., я, Петръ Амабль Кентаръ, бывший въ то время почтмейстеромъ въ Руа, что въ Пикардіи, гуляя по дорогѣ, идущей въ Парижъ, въ полуверстѣ отъ города, нашелъ на дорогѣ небольшую очень простенькую коробку изъ картона, безъ всякой надписи, означавшей бы имя ея владѣльца, а въ ней русскій орденскій знакъ св. Анны 3-й степени, потерянный, вѣроятно, кѣмъ нибудь изъ вашихъ храбрыхъ воиновъ, проходившихъ по этой дорогѣ. Я поднялъ съ уваженіемъ этотъ почетный знакъ отличія и свято хранилъ его, какъ вещь, которую я высоко цѣню.

Удивительное совпаденіе обстоятельствъ, что этотъ высоко чтимый орденскій знакъ попалъ въ мои руки, именно, въ день тезоименитства в. в., не разъ внушало мнѣ съ тѣхъ поръ мысль осмѣлиться обратиться къ великому Александру съ всепокорнѣйшею просьбою даровать мнѣ разрѣшеніе носить на груди этотъ крестъ, попавшій въ мои руки по неисповѣдимому промыслу Божьему, какъ будто указывавшему мнѣ, что в. и. в. не откажете мнѣ въ этой особенной милости.

Если Господомъ суждено мнѣ это великое счастье, то я клянусь в. и. в. именемъ Господа съ честью носить этотъ крестъ рядомъ съ орденомъ, пожалованнымъ мнѣ возлюбленнымъ монархомъ нашимъ королемъ Людовикомъ XVIII, отцомъ и благодѣтелемъ своихъ подданныхъ.

Такъ какъ настоящее письмо будетъ получено въ драгоценный для меня день 18 марта 1824 г., то я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы вознести къ Господу Богу самыя искреннія молитвы мои и

прошу его ниспослать его на августѣйшую особу вашу всякія блага и сохранить на многія лѣта драгоцѣнную жизнь в. в. на благо его народа.

Да здравствуетъ во вѣки великій Александръ! Таковы будутъ мои пожеланія до послѣднихъ дней моей жизни.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга Кентаръ.

---

## II.

По приказанію императора Александра честолюбивому почтмейстеру отправленъ былъ нижеслѣдующій отвѣтъ.

Е. и. в. повелѣлъ мнѣ отвѣтить вамъ на ваше прошеніе отъ 27 февраля.

Въ прошеніе это вкрались ошибки, которыя необходимо исправить.

Во первыхъ, тизоненитство е. и. в., не смотря на утвержденіе грегорианскаго календаря, приходится не 16 марта, а 30 августа ст. ст.

Во вторыхъ, случайность, вслѣдствіе которой въ ваши руки попалъ крестъ св. Анны, отнюдь не даетъ вамъ права носить его, такъ какъ подобные знаки отличія даются здѣсь лишь въ награду за услуги, оказанныя государству.

По всему этому, милостивый государь, вы поймете безъ труда, что императору невозможно удовлетворить вашу просьбу.

---

### Всеподданнѣйшее письмо г.-м. Головина

о религіозныхъ его мнѣніяхъ и о возложеніи на него какого-либо порученія, при исполненіи коего онъ могъ бы имѣть случай заслужить монаршее вниманіе <sup>1)</sup>.

2 мая 1826 г.

В. и. в. всемилостивѣйшій государь.

Пользуясь высокомонаршимъ вашимъ позволеніемъ, дерзаю я письменно дополнить то, чего, при дарованіи мнѣ аудіенціи, частію не успѣлъ, а частію и не могъ изъяснить на словахъ, по природной застѣнчивости. Милостивое ко мнѣ вниманіе в. и. в. трогаетъ меня до глубины сердца, исполненнаго признательности за всѣ прежнія ваши ко мнѣ благодѣянія, такъ что я готовъ бы, цѣною всего собственнаго моего счастья, кунить благоденствіе ваше и всего царскаго дома вашего, призывая свидѣтелемъ Бога, что въ строкахъ сихъ нѣтъ ни лести, ни лукавства.

Имѣвъ счастье говорить откровенно передъ лицомъ вашимъ, государь, о живомъ познаніи Бога, чрезъ слово пророческое, о которомъ такъ много и ясно свидѣтельствуется въ св. писаніи, я радуюсь, что, исполнивъ долгъ мой, предоставляю Богу утвердить и возвысить дѣло свое, котораго міръ ни понять, ни уважить не можетъ, потому что оно есть камень преткновенія для разума человѣческаго. Кому болѣе васъ, государь, извѣстно, какъ мало я искалъ выставять на видъ обрѣтенное мною сокровище и сколь мало я выигралъ въ общемъ мнѣніи, какъ скоро знакомство мое и связь, на единомъ дружелюбн и простотѣ христіанской основанная, сдѣлались извѣстными. Въ семъ послѣднемъ отношеніи хотя я и успокоенъ монаршимъ вашимъ покровительствомъ, но меня не перестаетъ еще тревожить мысль, что между различными на мой счетъ заключеніями можетъ имѣть мѣсто и такое мнѣніе, что чрезъ новое знакомство мое, примѣнясь единственно къ богомолью и заботамъ о спасеніи души, я убѣгаю отъ сношенія съ людьми и отъ должностныхъ занятій. Итакъ, да по-

---

<sup>1)</sup> Печатаемое здѣсь письмо принадлежитъ тому самому г.-м. Головину (Евгенію Александровичу), который въ 1837 г. назначенъ былъ командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса и главноуправляющимъ гражданскою частью и пограничными дѣлами въ Грузіи, Армянской и Кавказской областяхъ, позже удостоился получить званіе ген.-адъютанта и дослужился до чина генерала отъ инфантеріи.

зволено мнѣ будетъ передъ вами, государь, вопреки такового мнѣнія, сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ я утверждаюсь въ вѣрѣ во Христа Спасителя, чрезъ вдохновенное слово, чрезъ него же укрѣпляюсь въ вѣрномъ служеніи царю земному и направляюсь къ усерднѣйшему и безкорыстнѣйшему исполненію моихъ обязанностей, въ томъ званіи, въ которомъ я поставленъ, ибо сіе же самое слово судить всѣ мои помышленія и обличаетъ духомъ сокровенныя чувства моего сердца. Окажите мнѣ милость, государь, и дайте мнѣ случай показать на самомъ дѣлѣ чистосердечную преданность мою къ вамъ, возложеніемъ на меня какого-нибудь порученія, которымъ бы я могъ заслужить манаршее вниманіе в. и. в. Это одно мое желаніе, съ которымъ я испрашивалъ новой аудіенціи.

Что же касается до дѣла, коего я въ нынѣшнія времена всеобщаго невѣрія и ложныхъ умствованій, сподобляя быть свидѣтелемъ передъ высокою особою вашею, то есть, что духъ Божій говоритъ устами человѣческими, то Господь, поборникъ истины и самихъ васъ, государь, призывающій къ себѣ могущественною рукою Своею, Самъ оправдаетъ его. Могъ ли бы я и осмѣлился бы передъ верховною властію, у которой жизнь моя, такъ сказать, остается въ залогѣ, легкомысленно утверждать то, въ чемъ я точно не убѣжденъ. Но что Богъ избираетъ нерѣдко на дѣло Свое орудія, въ глазахъ человѣческихъ самыя ничтожныя, то сіе составляетъ одинъ изъ коренныхъ догматовъ ученія христіанскаго, и есть ли кто увѣруетъ сему искренно, тотъ не есть еще ни фанатикъ, ни обольститель.

Простите, государь, откровенности и смѣлости моей: у меня, послѣ Бога, одна надежда на великодушіе ваше, предъ которымъ повергаю себя и судьбу мою.

Всемилоствѣннѣйшій государь и пр. Евгенийъ Головинъ.

---

Списокъ 93-хъ лицъ, обратившихъ на себя вниманіе высшей  
полиціи  
въ 1827 году <sup>1)</sup>.

Списокъ 93-хъ лицъ отогавныхъ чиновниковъ, обратившихъ на себя вниманіе высшей полиціи по предосудительному поведенію <sup>2)</sup>.

(Представленъ, при запискѣ д. с. с. фонъ-Фока 29-го августа 1827 г. гр. Дибичу).

1) Г.-м. Г... бергъ, путей сообщенія. Поведенія распутнаго, шатается по публичнымъ мѣстамъ и вретъ много.

2) Г.-м. Ланской, племянникъ министра, либеральничаетъ.

3) Г.-м. Великопольскій—старшина игроковъ.

*«Можно бы было подъ добрымъ предлогомъ выслать».*

4) Полк. К. . . . овъ—аферистъ, у котораго собираются распутные люди. Бывшій любовникъ г-жи Потемкиной.

5) Подполковникъ Эринаціусъ. Поведенія не трезваго, ходитъ по домамъ просить подавнїе.

6) Поручикъ Сирингъ. Дурнаго поведенія, нищаетъ по домамъ.  
*«Обоихъ выслать можно на жительство на мѣста родины съ запрещеніемъ выѣзда, но давъ содержаніе».*

7) Поручикъ Голубковъ, человекъ распутный.

8) Полк. Кашинцовъ, аферистъ.

9) Поручикъ кн. О—скій, пьяный и отчаянный, имѣетъ связь съ многими военными.

*«Гдѣ служилъ?»*

10) Майоръ Степановъ, картежникъ и пьяница.

11) } Два брата Мартыновы

12) } (Савва и Соломонъ) картежники.

<sup>1)</sup> Въ „Русскомъ Архивѣ“ помѣщены весьма характерные и далеко не всегда добрые отзывы гр. А. А. Закревскаго, какъ генералъ-губернатора московскаго, о различныхъ обывателяхъ сего города. Помѣщаемъ крайне лаконическія отмѣтки представителя высшей полиціи въ 1827 генер. Бенкендорфа и его помощника фонъ-Фока о различныхъ лицахъ петербургскаго общества. Этотъ списокъ свидѣтельствуетъ о томъ, что тревога, произведенная на правительство императора Николая событіями 14-го декаб. 1825 г., имѣла полное свое дѣйствіе еще въ 1827 году, отсюда и тѣ крутыя мѣры, которыми производилась „очистка общества“ отъ подозрительныхъ лицъ.

<sup>2)</sup> Напечатанные курсивомъ резолюція, помѣты и вопросы принадлежатъ императору Николаю Павловичу.



13) Майоръ Л . . гъ, ежедневно пьянъ и разбѣзжаетъ съ публичными дѣвками.

14) Подпоручикъ К\*\*\*, распутный враль; на содержаніи у актрисы Зубовой; очень дурень.

*«Выслать на жительство на родину безъ выезда».*

15) Лейтенантъ Б—нъ, самый распутный буянъ и имѣетъ связь съ фельдъегерями.

*«Тоже».*

16) Шт. кап. Кривидинъ былъ 14-го декабря на площади въ чужой шинели.

*«Гдѣ служилъ? Не изъ л.-в. Уланскаго полка?»*

17) Майоръ Фелькерзамъ. Покровитель распутной молодежи.

18) Бр. Фромгольдъ тоже.

19) Прапорщикъ Вульфъ развратнаго поведенія.

20) Майоръ Унишевскій выдавался за нашего агента. Женился на купчихѣ Кулаевой, нынѣ утѣхъ.

21) Кол. регистраторъ А—вичъ мотъ и обманщикъ.

22) Кол. асс. Гореглядъ стряпчій—плуть.

23) Кол. секр. Добровольскій тоже.

24) и 25) Два брата Яцкевичи тоже.

26) Яцыка тоже.

27) Сорокинъ тоже.

28) Губ. секр. Васильевъ тоже.

29) Тит. сов. С—въ составляетъ ложные документы.

*«Поймать на дѣль, если возможно».*

30) Кол. ассесоръ Севрюковъ стряпчій—плуть.

31) Губ. секр. Семеновъ тоже.

32) Прапорщикъ Лебедевъ тоже.

33) Васильевъ тоже.

34) Степановскій тоже.

35) Ваценко тоже, притомъ пьяница.

36) Кол. асс. А . . еньевъ тонкій плуть.

37) Называющійся польскимъ полковникомъ Дорошкевичъ, опубличкованный плуть, былъ уже высланъ раза два.

*«Выслать на мѣсто жительства».*

38) Капитанъ Соколовскій стряпчій—плуть.

39) Махницкій тоже.

40) Поручикъ Рязанинъ тоже.

41) Канинъ тоже.

42) Поручикъ Аренсъ стряпчій плуть.

43) Грязновъ тоже, притомъ распутень.

44) Поручикъ Миклашевскій, бывший адъютантомъ г-ла Сакена, либераль.

45) Полк. Мильгуновъ, большой и дерзкій либераль.

*«Гдѣ служилъ?»*

46) Маюръ Окуневъ игрокъ раз.

47) Отставной частный приставъ Львовъ покровитель распутства

48) Полк. Колошинъ, либераль.

*«Который?»*

49) Капитанъ Кардачи распутный.

50) Отст. офицеръ Васильевскій тоже.

51) Тит. сов. Томилинъ тоже.

52) Колл. секр. Владиміровъ тоже.

53) Кап. П—нъ тоже.

54) Тит. сов. Пл—въ ходатай-плуть.

55) Колл. асс. См—въ игрокъ.

56) Отст. офицеръ Шв—дъ распутень.

57) Подп. Давыдовъ, либераль.

*«Гдѣ служилъ?»*

58) Братья С—вы, дурные игроки, любятъ врать.

*«Одинъ вышлется за буйство».*

59) Отст. офицеръ О. . нянь—копія Никиты Муравьева.

*«Выслать на мѣсто родины».*

60) Братъ его, служащій въ корпусѣ Путей Сообщенія, дуракъ, вретъ то, что слышитъ отъ брата.

61) Отст. офицеръ Очкинъ дуракъ, вретъ.

62) Иллйчевскій болтунъ.

63) Маюръ Абсентовъ пьяный буянъ.

64) Шт. кап. Ш\*\*\* женатъ на публичной дѣвкѣ, пристанодержатель воровъ.

*«Если правда—поймать на дѣль».*

65) Шт.-кап. Шншмаревъ распутень.

66) Прапорщикъ Ташутинъ тоже.

67) Поручикъ Кутугинъ тоже.

68) Полковникъ Дудинъ поведенія сомнительнаго.

69) Полковникъ Сатинъ тоже.

70) Маюръ Бремеръ тоже.

71) Поручикъ Диринъ тоже.

72) Шт.-кап. Пастуховъ тоже.

73) Поручикъ Евстафѣевъ тоже.

74) — Палицынъ дурнаго поведенія.

75) — Палабинъ тоже.

76) — Рѣзановъ тоже.

- 77) Прапорщикъ Шафировъ тоже.  
 78) Капитанъ Соколовскій тоже.  
 79) — Костинъ тоже.  
 80) — Алексѣевъ тоже.  
 81) — Савельевъ тоже.  
 82) Отст. офицеръ Я. . овичъ плутъ перваго разбора.  
 83) Подполковникъ Н. . ловъ аферистъ, ростовщикъ, игрокъ, мошенникъ, опасный человѣкъ для общества.  
 «Гдѣ служилъ?»  
 84) Майоръ Болотниковъ игрокъ.  
 85) — Вашутинъ тоже.  
 86) Полк. Храповицкій аферистъ.  
 «Гдѣ служилъ?»  
 87) Колл. асс. П. . жевскій мошенникъ первой руки.  
 88) Подпоручикъ Бедаревъ распутень, проводитъ время съ цыганами.  
 89) Подполковникъ Ост — скій картежникъ, имѣетъ связь съ армянами.  
 90) Полковникъ Бутеневъ въ связи съ конными офицерами, пьетъ  
 91) Подполковникъ Сакеръ пьетъ и играетъ.  
 92) Кап.-лейт. Л—въ } дерзкіе  
 93) » С—въ } буяны.

#### Дополнительныя свѣдѣнія.

1) Г. М. В—скій, состоитъ по арміи и числится презусомъ въ ордонансъ-гаузѣ. Онъ извѣстный игрокъ, у котораго бывають большіе сѣзды игроковъ и не одинъ молодой человѣкъ лишился у него своего имѣнія. Онъ также извѣстенъ по дурному обращенію съ своими людьми.

2) Подполковникъ Н—въ. Около 14 лѣтъ въ отставкѣ. Онъ служилъ нѣкогда въ Казанскомъ кирасирскомъ полку, послѣ того въ ревельской таможи и, наконецъ, смотрителемъ госпиталей въ Петербургѣ. Нѣтъ порока, которому бы сей человѣкъ не былъ подверженъ, и не существуетъ обмана, не произведеннаго имъ въ дѣйствіе. Онъ злой ростовщикъ и мошенническій игрокъ. Онъ заманиваетъ къ себѣ молодыхъ людей и для лучшаго обольщенія приглашаетъ также дѣвушекъ. Весьма незадолго попалось въ руки высшей полиціи письмо молодой женщины, жалующей на своего мужа, 12-го класса, Иванова, который проводитъ время у Неелова и занимается, по наставленіямъ сего послѣдняго, приготовленіемъ фальшивыхъ картъ.

3) Шт.-к. Криницынъ служилъ л.-гв. въ Уланскомъ, жилъ 3 ч. 4 кв., имѣетъ связь со многими гвардейскими офицерами.

*«Тотъ ли, котораго я арестовалъ на Сенатской площади 14-го декабря?»*

4) Отст. полк. Х .. повицкій служилъ л. гв. въ Измайл. п., занимается перекупомъ векселей и другими денежными оборотами.

*«Тотъ ли, что вышелъ въ полковн. въ Финляндскій полкъ изъ капитановъ Измайловскаго?»*

5) Пор. кв. Об—ій служилъ въ Павловскомъ полку, весьма распутнаго поведенія, имѣеть большую связь съ кавалеристами и измайловскими офицерами.

*«Вовсе не знаю».*

6) Отст. поруч. или прапорщикъ К ыгинъ служилъ юнкеромъ въ Егерскомъ полку; ведетъ жизнь самую распутную и имѣеть связь съ непотребными женщинами. Знакомъ съ многими офицерами, конъ къ нему собираются для игры.

*«Былъ Караджкинъ, котораго вскользь помню».*

7) Полк. или подполк. Мильгуновъ, который обращаетъ на себя вниманіе высшей полиціи крайне свободными своими рѣчами, есть тотъ, который служилъ л.-гв. въ Драгунскомъ полку и былъ адъютантомъ у генерала Балцевича. Онъ до такой степени говорилъ дерзко, что его считали агентомъ полиціи.

8) Подп. или полк. Давыдовъ, замѣченный по связямъ съ извѣстными бунянами: Ганнибаломъ и Мордвиновымъ, служилъ въ 7 Егерскомъ полку.

*«Тотъ ли, что былъ въ Италіи и знакомъ Мих. Павл.»*

9) Замѣченный на спискахъ высшей полиціи, по связямъ съ государств. преступниками, Колошнинъ называется Петръ Ивановичъ, служилъ въ свитѣ и, какъ увѣряють, вступилъ опять въ ту же службу.

*«Правда ли?»*

10) Кол. секр. С—въ служилъ въ иностранномъ отдѣленіи, въ 1823 г. содержался въ тюрьмѣ за выдачу фальшиваго паспорта; былъ отреченъ отъ должности и находился подъ судомъ уголовной палаты Человѣкъ не трезвый и отчаянный.

*«Конченъ ли судъ?»*

11) Оленинъ отставной свитскій офицеръ, извѣстный либералъ и гопдеур, есть сынъ тайнаго совѣтника Оленина и проживалъ въ домѣ отца.

*«Слѣдовать за нимъ какъ можно ближе».*

12) Отставной поручикъ Щ—ъ ведетъ жизнь распутную; теперь въ связи съ состоящимъ по арміи подп. Гладковымъ. Проживаетъ въ домѣ матери. Объ уличеніи его въ пристанодержательствѣ безпаспортныхъ•будутъ взяты мѣры.

*«Гдѣ служилъ, т. е. въ которомъ полку?»*

Печатное объявленіе, находившееся нѣкогда въ бывшемъ адмиралтейскомъ музеумѣ въ С.-Петербургѣ

(въ 1829).

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ собиралъ, какъ извѣстно, коллекцію разныхъ любопытныхъ бумагъ <sup>1)</sup>. Императоры Александръ и Николай никогда не упускали случая сдѣлать удовольствіе цесаревичу присылкою подобнаго рода рѣдкостей, поэтому нижеслѣдующая „надпись директора музеума“ была препровождена въ Варшаву, по высочайшему повелѣнію, 2-го октября 1829 г. (г.-а. княземъ Меншиковымъ).

Надпись директора музеума.

Предсказано Почтенной публики позволяется стѣмъ ходить редкія вещи смотрѣть чтобы рукамъ нѣкшатся до вещей во первыхъ до мелницъ некасатся или домаделей нѣкшатся или Физическихъ инструментовъ или оружей дикихъ народовъ, вотъ подченѣйшія благоприятели отъ чего вышло разъ случившіяся нѣизвесной Господинъ взявшіи замоделъ руками во первыхъ у фрегата наносу устатуйчика руку атламали во вторыхъ усудна опорваши ковшни вотъ отъ чего стало пребережность.

---

<sup>1)</sup> См. «Русскую Старину» 1881 г.

## Столкновеніе отставнаго камергера Раевского съ княземъ М. С. Воронцовымъ

1828 г.

### I.

[Переводъ съ французскаго]. Скандальная исторія, случившаяся недавно въ Одессѣ, служить предметомъ всѣхъ городскихъ толковъ. Отставной камергеръ Раевскій, встрѣтившись съ графиней Воронцовой во время одной изъ ея загородныхъ прогулокъ, сталъ, какъ говорятъ, преслѣдовать ее своими любезностями. Супругъ ея, графъ Воронцовъ, счелъ долгомъ пожаловаться на это письменно, какъ частный человѣкъ, полиціймейстеру вѣреннаго ему города, угрожая въ то же время прибѣгнуть къ высшей власти, если онъ не будетъ удѣлительенъ. Полиціймейстеръ, отправившись къ Раевскому лично, получилъ слѣдующія строки въ отвѣтъ на просьбу графа Воронцова.

### II.

Г. одесскому полиціймейстеру отъ отст. камергера Раевского.

Вчерашняго числа вечеромъ вы изволили пріѣхать, чтобъ прочесть мнѣ просьбу, вамъ поданную графомъ Воронцовымъ, въ которой, какъ частный человѣкъ, онъ требуетъ отъ васъ защиты за мнимыя мои дерзости противъ почтеннѣйшей его супруги; въ случаѣ продолженія оныхъ е. с. угрожаетъ мнѣ прибѣгнуть къ высшей власти.

На сіе имѣю честь вамъ отвѣчать, что я ничего дерзкаго не могъ сказать ея сіятельству, и я не понимаю, что могло дать поводъ такой неблагодарности.

Мнѣ весьма прискорбно, что графъ Воронцовъ вмѣшиваетъ полицію въ семейственныя свои дѣла, и чрезъ то даетъ имъ столь неприятную гласность. Я покажу болѣе умѣренности и чувства приличія, не распространяясь далѣе о такомъ предметѣ. Что жъ касается до донесеній холопій его сіятельства, то оныя совершенно ложны.

## III.

Всеподданнѣйшее письмо ген. отъ кав. Раевского <sup>1)</sup>.

Кіевскоѣ губерніи. 12-го іюля 1828 года.

В. и. в. всемилостивѣйшій государь, графъ Воронцовъ извѣщаетъ меня письмомъ, что сынъ мой, по высочайшему вашему повелѣнію, высланъ изъ Одессы въ Полтаву, за разговоры его противъ правительства и военныхъ дѣйствій, оправдываясь предъ мною, что онъ сему не причиною.

Тридцать слишкомъ лѣтъ я знаю графа Воронцова.

Несчастная страсть моего сына къ графинѣ Воронцовой вовлекла его въ поступки неблагоразумные и онъ непростительно виноватъ предъ графинею.

Графу Воронцову нужно было удалить моего сына, по всей справедливости, что могъ онъ сдѣлать образомъ благороднымъ; графиня Бронницкая могла о семъ просить васъ для спокойствія семейнаго, но онъ не разсудилъ сего. Графъ Воронцовъ богатъ, военный генералъ-губернаторъ, можетъ деньгами и другими награжденіями найти кого донести и присягнуть въ чемъ угодно графу Воронцову.

Всемилоствѣйшій государь, сынъ мой не въ состояніи говорить ни мыслить противъ правительства, накажите его за его неблагоразуміе, но не по клеветѣ, на него взнесенной; первое можетъ его ввести въ разсудокъ, а послѣднее погубить—если же я обманулъ васъ, я преступникъ, накажите меня по винѣ моей!

Имѣю счастье быть и проч. Николай Раевскоѣ, генералъ отъ кавалеріи.

---

<sup>1)</sup> Знаменитый герой 1812 года—отецъ отставнаго камергера Раевского, по поводу столкновенія котораго съ кн. М. С. Воронцовымъ и было имъ (генераломъ Раевскимъ) написано это письмо.

## КНЯЗЬ И. Θ. ПАСКЕВИЧЪ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ

въ 1846 г.

IV').

Записка кн. Паскевича о польской смутѣ въ 1846 г.

Источникъ, откуда проистекають всё безпокойства въ разныхъ частяхъ бывшей Польши, есть, безъ сомнѣнія, польская эмиграція въ Парижѣ и Лондонѣ.

Эмиграція по цѣли раздѣлялась на двѣ партіи: демократическую и аристократическую.

Первая, такъ называемая демократическая, болѣе дѣятельная, безпокойная и дерзкая, состоитъ изъ лицъ средняго состоянія, часто не безъ способностей: докторовъ, литераторовъ, чиновниковъ, фабричныхъ. Замѣчательнѣе другихъ есть Делевель.

Партія сія не есть демократическая въ собственномъ смыслѣ. О массѣ народа, то есть о низшемъ классѣ, о поселянахъ она никогда не думала. Мыслию ея не была республика по образцу греческихъ или даже римской. Истинною ея цѣлю всегда есть и было уничтожить преимущества и власть высшаго класса, оставивъ аристокраціи одно только названіе, и захватить всю власть въ управленіи въ свои руки, то есть въ руки средняго класса, къ которому принадлежать всё лица отъ банкира до ремесленника включительно, все, что заключается между дворянствомъ и землепашцами. Массы же народа она думала употребить только какъ средство къ достиженію своей цѣли. Но народъ чувствовалъ, что при этомъ новомъ порядкѣ участь его не

---

\*) См. „Русскую Старину“ изд. 1836 г., т. XLVIII, октябрь, стр. 213—220: письмо кн. И. Θ. Паскевича — къ кн. М. С. Воронцову, приложеніемъ въ которомъ и служить настоящая записка.

Ред.



улучшилась бы; напротивъ, въ небольшомъ числѣ прямыхъ своихъ владѣтелей онъ часто видѣлъ покровителей, и повинованіе къ нимъ, основанное на почтеніи, передано было ему дѣдами и обратилось въ привязанность. Нынѣ это небольшое число замѣнилось новыми, гораздо большими по числу, людьми, которые, будучи ближе къ нему по происхожденію, стали сильнѣе тяготѣть надъ ними. Народъ не находить въ нихъ прежнихъ покровителей; нѣтъ уже прежней связи, на благодѣяніяхъ съ одной стороны и на благодарности съ другой основанной. Вотъ почему народъ не будетъ принадлежать къ обществамъ, такъ называемымъ демократическимъ.

Другая партія аристократическая, болѣе значительная по именамъ и богатствамъ, но менѣе дѣятельная, старалась только воспользоваться тѣмъ, что приготовить партія демократовъ. Главою ея по имени есть князь Адамъ Чарторижскій. Но какъ человекъ безъ характера, безъ энергіи, онъ далъ только имя свое и деньги. Руководителемъ же былъ графъ Владиславъ Замоискій.

Эмиграція, наученная неуспѣхомъ всѣхъ заговоровъ, съ 1831 года всегда открываемыхъ и наказываемыхъ, — эмиграція, соединивъ обѣ партіи, придумала другія средства. Не прибѣгая къ обыкновеннымъ частнымъ заговорамъ, тайнымъ обществамъ и пр., — она старалась устроить и приготовить одинъ общій заговоръ между всѣми одинаково мыслящими поляками. Для сего каждый посвященный въ замыслы обязанъ былъ только разговаривать съ окружающими и сосѣдями. Предметомъ разговоровъ были, разумѣется, воспоминанія, сожалѣнія, желанія, наконецъ, надежды.

Надежды безумныя, конечно, но были постоянно питаемы покровительствомъ Франціи и Англіи и не газетами, не частными людьми, но правительствами, которыя, находясь въ дружественныхъ сношеніяхъ или, по крайней мѣрѣ, въ мирѣ съ Австріею, Пруссіею и Россіею, — въ теченіи 15 лѣтъ покровительствуя эмиграціи польской и деньгами, и явнымъ участіемъ въ палатахъ, поддерживали, такъ называемую, національность польскую и, безпрестанно растравляя сію политическую язву, старались только дѣйствовать во вредъ державамъ монархическимъ и не дать изсякнуть источнику безпокойствъ и бунтовъ во всѣхъ частяхъ бывшей Польши.

Разрушительныя начала политики правительствъ Франціи и Англіи существуютъ давно; но до смерти прусскаго короля Фридриха Вильгельма III они не имѣли такого сильнаго вліянія. Къ несчастію, по смерти его, Пруссія, впустивъ къ себѣ эмигрантовъ польскихъ, дала имъ возможность ближе и сильнѣе дѣйствовать на Позень и Царство и возбудила въ нихъ надежды, что Пруссія отдѣлится отъ двухъ осталь-

ныхъ монархическихъ державъ и приблизится къ политикѣ французской и английской.

Австрія, при нынѣшнемъ императорѣ эрцъ-герцогѣ Людовикѣ, не показала энергіи, дозволивъ безпрепятственно развитію духа провинціального, и если порядокъ еще держится, то это благодаря силѣ еще прежней австрійской системы въ управленіи. Князь Метернихъ допускаетъ право пристанища (*droit d'asile*), но съ обязанностію надзора. Такимъ образомъ, преступники, законами на смерть осужденные, находятъ покровительство, пособіе, а надзоръ за нихъ поступками и проясками ввѣ государства есть только воображаемый.

Ободренная симъ послабленіемъ, эмиграція польская стала распространять свои дѣйствія.

Посвященные въ скрытныя намѣренія эмиграція должны были каждый избрать пятерыхъ изъ тѣхъ, кто раздѣлялъ ихъ образъ мыслей, такъ, однако, чтобы сія пятеро, не зная одинъ другаго, знали бы одного только ихъ принявшаго. Изъ сихъ пятерыхъ опять каждый на томъ же основаніи долженъ былъ набрать пятерыхъ и такъ далѣе.

Это названо было цѣпною системою. Выгоду сей системы они находили въ томъ, что, въ случаѣ открытія одного лица, можно по слѣдамъ его дойти выше до нѣсколькихъ только лицъ, а четыре пятыхъ всегда могли, по крайней мѣрѣ надолго, укрыться отъ розысканій. И дѣйствительно, сколько разъ ни были открываемы разные частные случаи, всегда мы были останавливаемы невѣдѣніемъ самихъ заговорщиковъ, которые, сознаваясь во всемъ, показывая образъ мыслей отца, братьевъ, къ заговору не принадлежавшихъ, не могли указать на другихъ, причастныхъ къ заговору, сами никого не зная кромѣ одного лица, въ замыслы мятежниковъ ихъ посвятившаго. Нить нашихъ розысканій прерывалась; а когда дѣлалось новое открытіе, то оказывалось, что оно имѣетъ связь съ прежними, связь часто неизвѣстную самимъ злоумышленникамъ. Такихъ примѣровъ можно насчитать нѣсколько.

На распространеніе цѣпи давалось время; требовалась только готовность дѣйствовать, когда придетъ срокъ. Между тѣмъ надежды поддерживались извѣстіями о присылкѣ оружія, участіи, помощи. Обязывался при томъ каждый по мѣрѣ возможности и самъ запасать оружіе, аммуницію, порохъ, лошадей.

На посвященныхъ возлагалось также дѣйствовать на массы народа обѣщаніемъ избавленія ихъ отъ барщины, раздачи имъ земель и освобожденія отъ платежа прежнихъ податей и повинностей.

Но главною пружиною вліянія на простой народъ и въ особен-

ности женщинъ было католическое духовенство, которое прибѣгло для того къ мѣрамъ преступнымъ и тайнство исповѣди употребляло какъ средство, именемъ Бога побуждая народъ къ возстанію. Въ Галиціи и Позевѣ, какъ извѣстно, оно не только участвовало, но приготовляло и устраивало бунтъ; въ Краковѣ монастыри служили складочнымъ мѣстомъ оружія и запасовъ. Въ Царствѣ, съ достовѣрностію сказать можно, духовенство католическое не лучше; но оно дѣйствуетъ болѣе скрытно и не такъ смѣло. Но съ того времени особенно, когда въ Пруссіи были извѣстныя исторіи епископовъ, и мы встрѣчаемъ уже болѣе явное противодѣйствіе, какъ въ дѣлахъ о бракахъ съ иновѣрцами, такъ и въ самыхъ заговорахъ, чему доказательствомъ служатъ епископы Скурковский и Гутковский и ксендзъ Сцегени. Изъ прокламаціи князя Чарторыжскаго ясно видно, какую роль духовные играли въ приготовленіяхъ къ бунту. Князь Чарторыжскій убѣждалъ помогать имъ переходить изъ одного мѣста въ другое, слушать ихъ науку о свободѣ, принесенную ими изъ Рима, быть у нихъ въ послушаніи и отъ нихъ ожидать указанія, когда наступитъ время поднять оружіе.

И послѣ этого папа римскій старается прикрыться личною собогѣзнованія и невѣдѣніа о поступкахъ духовенства. Забывъ благодарность, которою онъ обязанъ монархическимъ государствамъ, подержавшимъ престолъ папскій въ то время, когда не только власть его, но и христіанство, и всѣ религіозныя чувства исчезали, папа личнымъ какимъ-то расчетамъ жертвуетъ дѣломъ цѣлой религіи, думая управлять паствою не примѣромъ смиренія и покорности, истинно христіанскихъ добродѣтелей, но, стараясь съ Ламне и другими лжеучителями равенства, идти наравнѣ съ вѣкомъ. Опасаясь тагъ называемаго общественнаго мнѣнія и увлеченный духомъ нетерпимости къ восточной православной церкви, которую онъ явно называетъ ересью, папа допускаетъ своихъ клеветовъ разсѣвать повсюду сѣмена ихъ преступнаго ученія и когда оно начинаетъ нынѣ приносить свои кровавыя плоды, то ограничивается собогѣзнованіемъ и отзывается невѣдѣніемъ.

Въ приготовленіяхъ возмутителей прошло около двухъ лѣтъ. Свѣтъ заговора покрыла мало по малу все пространство бывшей Польши, которую заговорщики раздѣлили на 5 частей. Въ каждой части, въ каждомъ уѣздѣ и округѣ назначены были начальники и всѣмъ имъ дана была инструкція.

По сей инструкціи въ тотъ моментъ, когда бы наступило время дѣйствовать, всѣ единомыслящіе поляки должны были вооружиться и въ одну ночь, во всѣхъ пяти частяхъ Польши, вырѣзать отдѣльныя

военныя команды, главныя власти и, по слухамъ, всѣхъ не поляковъ и не католиковъ.

Совершивъ убійство, вооруженные должны были соединиться въ уѣздныхъ городахъ. Здѣсь встрѣтилъ бы ихъ начальникъ и раздѣлялъ на дѣйствующіе и резервные отряды. Первые изъ нихъ собрались бы въ назначенныхъ пунктахъ, сообразно составленной ими картѣ, а резервнымъ отрядамъ поручено было бы брать или блокировать крѣпости, дѣлая, впрочемъ, тамъ только попытку, гдѣ будутъ участники или единомышленники.

Таковы были намѣренія и средства эмиграціи и мятежниковъ.

Ихъ главныя надежды обращены были на Позенъ и на Краковъ. Они основывали ихъ на слабости правительства краковского и на множествѣ недовольныхъ вообще въ Пруссіи.

Къ счастью, въ Позенѣ случайно были сдѣланы нѣкоторыя открытія, которыя навели правительство на слѣды заговора.

Въ Краковѣ волненіе было такъ замѣтно, что резиденты трехъ державъ, не имѣя еще никакихъ положительныхъ свѣдѣній, по отзыву сената, что онъ не ручается за сохраненіе спокойствія, признали необходимымъ занять городъ небольшимъ австрійскимъ гарнизономъ.

Не смотря на то, бунтъ въ Краковѣ вспыхнулъ. Австрійскія войска выступили и мятежники старались учредить свое правленіе.

Вслѣдъ за тѣмъ они бросились въ Галицію; но здѣсь нашли противъ себя всѣхъ поселенъ.

Въ то же время они пробовали сдѣлать попытку и въ Царствѣ, напавъ на Седлце; но не имѣли никакого успѣха. Къ нимъ никто не присталъ и мужики связали бунтовщиковъ.

Причины сей неудачи были, кажется, слѣдующія:

Мятежники состояли изъ поляковъ: дворянъ, духовенства, мелкой шляхты, разночинцевъ и только малаго числа крестьянъ, увлеченныхъ страхомъ смерти или обѣщаніями и водкою; да и то малое число при первомъ случаѣ оставило бунтовщиковъ. Достаточно было увѣщанія австрійскаго окружнаго начальника въ одномъ маломъ городкѣ, чтобы всѣ крестьяне обратились противъ бунтовщиковъ и шляхты вообще, ибо, вѣроятно, мужики всегда находили у правительства защиту противъ обычныхъ утѣсненій помѣщиковъ. Ожесточеніе, съ которымъ поселеня рѣзали своихъ помѣщиковъ въ Галиціи, стараются представить слѣдствіемъ распространенія идей коммунизма; но кажется, что коммунизмъ служить въ этомъ случаѣ только ширмою, за которою хотѣли бы скрыться настоящіе виновники бунта, то есть шляхта польская. Въ волненіи крестьянъ не было идеи политической; въ немъ были только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старинная ненависть рус-

скаго къ поляку и вездѣ сродная, къ несчастію, всему человѣчеству, зависть бѣднаго къ богатому, мужика къ помѣщику, желаніе, которое увлечетъ вездѣ и едва ли не во всякое смутное время поселянна, желаніе владѣть землею и не платить податей.

Въ Позенѣ крестьяне польскіе очиншеванные, вопреки желанію помѣщиковъ, по распоряженію правительства, остаются поэтому равнодушными и не принимаютъ сторону бунтовщиковъ; на нѣмцевъ въ Пруссіи, по случаю волненія тамъ умовъ, поляки также, можетъ быть, надѣялись; но когда сдѣлались извѣстными намѣренія поляковъ—вырѣзать все, что не полякъ и не католикъ, когда при томъ открыты были покушенія ихъ отравить гарнизонъ въ г. Позенѣ и даже больныхъ въ госпиталяхъ, нѣмцы по необходимости отъ нихъ отдѣляются. Раздѣленіе сіе рѣзко уже обозначается въ Австріи и, вѣроятно, проявится и въ Пруссіи, если опыты чему либо научаетъ. Въ Позенѣ, однако, истинною причиною предупрежденія бунта было открытіе во время заговора и арестація нѣкоторыхъ виновныхъ.

Въ Царствѣ Польскомъ положеніе вещей другое. Здѣсь почти вездѣ одна кровь, вѣра и языкъ и у помѣщика, и у землепашца. Поэтому въ Царствѣ должно было ожидать, что поселяне будутъ противъ шляхты только въ пограничныхъ мѣстахъ Люблинской губерніи; но въ другихъ мѣстахъ, по всеѣмъ вѣроятностямъ, на опыты основаннымъ, народъ останется равнодушнымъ.

Въ послѣднихъ событіяхъ въ Седлцѣ, въ Августовѣ, въ Радомской губерніи мужики сами, однако, ловили бунтовщиковъ и связанныхъ представляли начальству; но сего нельзя приписать ненависти мужика къ помѣщику, по различію племени, а, можетъ быть, мѣрамъ покровительства и попеченій, которыя поселяне видятъ постоянно въ теченіи 15 лѣтъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ помѣщика они не ожидаютъ ничего кромѣ притѣсненія. Такъ, во время неурожая правительство разсрочиваетъ и слагаетъ имъ подати, даетъ работу, хлѣбъ, деньги и всегда прибѣжище въ обидахъ и нуждѣ.

Были еще другія причины, вслѣдствіе коихъ можно было ожидать въ Царствѣ болѣе серьезныхъ движеній злоумышленниковъ, именно: опасное сосѣдство Позена и Галиціи и важность Царства, и въ особенности Варшавы, во всеѣхъ преднамѣреніяхъ мятежниковъ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что Варшава будетъ всегда центромъ ихъ интригъ и услій какъ по географическому положенію, такъ и по воспоминаніямъ историческимъ.

По симъ причинамъ хотя я и могъ надѣяться на удержаніе злоумышленниковъ непрерывнымъ надзоромъ пятнадцати лѣтъ и на усмиреніе всякихъ покушеній силою оружія, но для сохраненія спо-

койствія въ краѣ призналъ я необходимымъ, по первому извѣстію о происшествіи въ Краковѣ и Седлцѣ, усилить мѣры обыкновенной осторожности, и вмѣстѣ съ тѣмъ послать отрядъ войскъ для занятія Кракова, если не прежде, то вмѣстѣ съ войсками двухъ другихъ покровительствующихъ державъ. Къ нему впослѣдствіи командированъ генералъ Ридигеръ, снабженный надлежащею на всѣ случаи инструкціею; другой же отрядъ войскъ собрать на галиційской границѣ и предложить эрцъ-герцогу Фердинанду вступленіе сего отряда въ Галицію въ его распоряженіе.

Исполненіе сихъ распоряженій произведено удовлетворительно: войска двигались быстро; гражданскіе мѣстные чиновники вели себя хорошо, виновные въ седлецкомъ бунтѣ, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, по высочайше дарованной имъ власти, наказаны смертію; другіе сосланы въ Сибирь и одинъ подвергнутъ тѣлесному наказанію.

Крестьяне, показавшіе преданность и представившіе бунтовщиковъ, награждены деньгами, медалями, избавленіемъ отъ рекрутской повинности. Другіе же, сосѣдніе съ Краковомъ и Галиціею, увлеченные примѣромъ и побуждаемые галиційскими поселянами, начали было буйствовать и отказываться исправлять работы; но мѣрами скорого, безотлагательнаго наказанія зачинщиковъ и внушеніями настоящаго ихъ долга повиновенія и преданности законной власти они усмирены и возвратились къ мирному исполненію своихъ обязанностей.

Такимъ образомъ явные и тайные злоумышленники были обузданы и спокойствіе въ Царствѣ, послѣ седлецкой попытки, было сохранено. Слѣдуя ручаться, что оно нарушено нынѣ не будетъ; но удерживаетъ Польшу только неусыпный надзоръ и страхъ наказанія, ибо нѣтъ сомнѣнія, что заговоръ распространенъ былъ по всѣмъ частямъ, нѣкогда Польшу составлявшимъ; въ Краковѣ ожидаемы были депутаты изъ няти частей, на которыя мятежники раздѣляли бывшую Польшу; на картѣ, ими составленной, черты доведены до Днѣпра; мѣста были розданы, начальники назначены; вездѣ и въ Позенѣ, и въ Галиціи затѣяло заговоръ дворянство польское, связанное родствомъ и съ нашими польскими помѣщиками въ Царствѣ и Имперіи. Одинакіе замыслы, одинакія мѣры существовали и приняты были вездѣ, равно какъ и въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, Литвѣ, Волынѣ и Подоліи; но только остаются еще не открытыми.

1846 г.

Кн. И. О. Паскевичъ.

Сообщ. Ад. П. Верже.

## ПО ПОВОДУ МЕЕОДИЕВСКАГО СБОРНИКА.

Послѣ своей замѣтки о «Кирилло - Мееодіевскомъ тысячелѣтіи» («Рус. Стар.» 1885 г., май) пришлось мнѣ познакомиться съ цѣлою новою литературою изслѣдованій, замѣтокъ и юбилейныхъ рѣчей, вызванныхъ снмъ тысячелѣтіемъ и посвященныхъ памяти славянскихъ первоучителей. Литература эта возникла преимущественно въ разсадникахъ нашего высшаго просвѣщенія; причемъ нѣкоторые университеты заявили себя богатствомъ своихъ научныхъ силъ на данномъ поприщѣ. Прискорбно было только то, что наша московская *alma mater*, наоборотъ, въ семь случаевъ подтвердила не мною однимъ замѣченный въ ней упадокъ исторической науки за послѣднее время. Исключеніе составляютъ нѣкоторые немногіе труды, собственно по русской исторіи и по исторіи русскаго права. По всеобщей же исторіи здѣсь встрѣчаемъ только кое-какія тощія по своему содержанію брошюры и журнальныя статьи <sup>1)</sup>. А по части славянской исторіи ровно ничего не встрѣчаемъ. Такая скудость особенно бросалась доселѣ въ глаза рядомъ съ блестящею обстановкой историческихъ кафедръ въ петербургскомъ университетѣ и съ ихъ обильными плодами (напр. цѣлая группа славистовъ и византистовъ). Петербургскому немногимъ чѣмъ уступаетъ въ этомъ отношеніи кievскій. Въ данномъ же случаѣ, т. е. въ ученыхъ поминкахъ Кирилло-Мееодіевскаго тысячелѣтія,

---

<sup>1)</sup> Въ родѣ «Послѣдній Варягъ» (Карль XII). Причемъ уже самое заглавіе есть историческая невѣрность: Варягами назывались наемники, состоявшіе въ иноземной службѣ; а Карль XII никогда таковымъ не былъ. Или разеужденіе на тему: удержится ли республика во Франціи; съ отвѣтомъ не особенно остроумнымъ (бабушка молъ на-двое сказала, съ одной стороны да, съ другой нѣтъ). Или «Ученіе о нравственности и социальная утопія Мабли» — статья, отличающаяся такимъ изложеніемъ, которое способно убить читателей всякій интересъ къ предмету.

Д. Я.

пальму первенства стяжалъ одинъ изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ, именно варшавскій, гдѣ по счастливому стеченію обстоятельствъ, оказалось въ настоящее время нѣсколько прекрасныхъ славистовъ. Изданный ими «Мееодіевскій юбилейный сборникъ» (подъ редакціей проф. Будиловича) представляетъ рядъ любопытныхъ изслѣдованій и статей, принадлежащихъ: Н. А. Лавровскому, А. С. Будиловичу, О. О. Первольфу, П. А. Кулаковскому, К. Я. Гроту и Э. Э. Зигелю.

Во главѣ сборника помѣщается разсужденіе достоуважаемаго ректора варшавскаго университета, Н. А. Лавровскаго: «Кирилль и Мееодій и начало христіанства въ Россіи». Эта небольшая по объему статья отличается ясностью историческаго представленія и строго логическою связью ея частей. Чтобы объяснить замѣчательное развитіе христіанскаго просвѣщенія и славянской письменности у Болгаръ время царя Симеона, а также на Руси время Ярослава I и митрополита Иллариона, авторъ не прибѣгаетъ къ тѣмъ натяжкамъ, которыми пробавляются въ подобныхъ вопросахъ норманисты и туранисты, а прямо указываетъ на естественное и единственно возможное основаніе, т. е. на продолжительную историческую подготовку обонхъ этихъ народовъ, всегда бывшихъ коренными Славянами и искони черпавшихъ начала гражданственности и христіанства изъ сосѣднихъ греческихъ источниковъ. Очевидно, почтенный авторъ менѣе всего заботится о томъ, что скажутъ на это петербургско-нѣмецкіе академики, и болѣе всего дорожитъ историческою правдою. Мы не будемъ разсматривать все содержаніе даннаго сборника, а сосредоточимъ свое вниманіе только на слѣдующей, наиболѣе капиталной, монографіи его, принадлежащей профессору Будиловичу и озаглавленной: «Нѣсколько мыслей о грекославянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Мееодія». Разсмотримъ эту монографію именно съ той стороны, которая была предметомъ нашихъ собственныхъ изысканій, т. е. со стороны вопроса о народностяхъ, такъ какъ, по нашему убѣжденію, безъ предварительной правильной установки этого вопроса и другія важныя стороны дѣятельности Кирилло-Мееодіевской никогда не получатъ надлежащаго освѣщенія.

Во первыхъ, авторъ настаиваетъ на какой-то греко-славянской народности Кирилла и Мееодія, которые будто бы «по происхожденію не были ни Греками, ни Славянами въ тѣсномъ смыслѣ» (стр. 3). По нашему крайнему разумѣнію они вышли изъ греческой семьи; это положеніе вытекаетъ изъ совокупности всѣхъ извѣстій. Если въ населеніе Солуни IX вѣка входилъ значительный элементъ славянскій, то естественно было тамъ знакомство съ этимъ языкомъ и въ греческихъ



семьяхъ. Извѣстные слова Михаила «селуняне вси чисто словенски бесѣдуютъ» можно понимать именно въ этомъ смыслѣ. А иначе Михаилъ III сказалъ бы братьямъ: «вы сами Славяне». Самое умолчаніе паннонскихъ житій о народности братьевъ можно понимать въ томъ же смыслѣ; если бы они не были чисто греческаго происхожденія, то едвали славянскіе авторы житій упустили бы случай указать на участіе славянской стихіи. Сомнительно, чтобъ къ VIII—IX вѣку въ Византійской имперіи уже произошло такое сліяніе Славянъ съ Греками, что можно прямо предположить въ высшей солунской администраціи господство греко-славянскаго этнологическаго типа и безъ дальнихъ околичностей отнести къ нему семью друнгарія Льва. Отдѣльные, хотя-бы и не рѣдкіе случаи, гдѣ Славяне дослуживались до высшихъ должностей, еще недостаточны для того, чтобы давать такое широкое распространеніе означенному типу въ высшихъ сферахъ имперіи уже въ то время. И люди другихъ народностей, напримѣръ Армяне, тоже часто являются византійскими сановниками и даже достигаютъ императорскаго престола. Затѣмъ, авторъ сильно преувеличиваетъ значеніе славянскаго элемента въ населеніи Опсикійской темы, расположенной вокругъ Малоазійскаго Олимпа. Мы согласны съ тѣмъ, что Олимпъ, въ монастыряхъ котораго нѣкоторое время пребывали братья, былъ Малоазійскій, а не Фессалійскій; но предполагать, что они тамъ были окружены «славянами-иноками, славянами-пастухами и славянскими селами» и такимъ образомъ не только не забыли, но еще болѣе усовершенствовались въ славянскомъ языкѣ и тѣснѣе приобщились славянской народности—это несомнѣнная натяжка (8—16). Самая же главная натяжка заключается въ такомъ сопоставленіи отчасти фактовъ, а болѣе предположеній и вѣроятностей, изъ котораго вытекаетъ заключеніе, будто братья за-долго до своей моравско-паннонской миссіи уже готовились къ ней усердно и систематически, почти сознательно; чего въ дѣйствительности, конечно, не было. Мало того, первыя миссіи Константина, арабская и хазарская, по данной монографіи, какъ бы имѣли свою главную цѣлью также славянскіе народы. Хотя относительно второй, т. е. хазарской, и можно это сказать отчасти; но вообще не слѣдуетъ преувеличивать славянскій ея характеръ и отклоняться отъ исторической точности, которая въ наукѣ должна быть прежде всего.

Г. Будловичъ, какъ и многіе ученые въ послѣднее время, не сомнѣвается въ извѣстіи паннонскаго житія о томъ, что во время путешествія въ Хазарію Константинъ Философъ въ Корсуни нашелъ евангеліе и псалтырь, написанныя русскими письменами, и обрѣлъ Русина, у котораго выучился этимъ письменамъ и самой рѣчи. Онъ откры-

венно и рѣшительно отрицаетъ «старую гипотезу о тождествѣ Руси съ Варягами», и въ данномъ извѣстїи видитъ убѣдительное свидѣтельство объ «очень раннемъ существованїи сильнаго русско-славянскаго государства между Днѣпромъ и Кубанью». Мало того, онъ думаетъ, что упомянутый «переводъ евангелїя и псалтыря былъ русско-славянскій» (27—29). Слѣдовательно, по отношенію къ исконному туземству и славянству Руси онъ, пожалуй, идетъ далѣе меня и тутъ же полемизуетъ съ мовимъ мнѣніемъ, по которому это былъ переводъ собственно болгарскій; «ибо—говоритъ онъ—составитель житїя назвалъ бы его болгарскимъ, а не русскимъ». Итакъ, съ этимъ положеніемъ связано наше наиболѣе крупное разногласіе. На немъ мы и остановимся.

Дѣло въ томъ, что почтенный профессоръ, отказываясь отъ норманской теорїи по вопросу о происхожденїи Руси, остается туранистомъ по вопросу о Гуннахъ и Болгарахъ. А эта туранская теорїя замѣтно спутываетъ нѣкоторыя его историческія представленїя и заставляетъ прибѣгать къ разнымъ натяжкамъ. Мои соображенїя о тѣсной связи начального русскаго христіанства съ раннимъ гунно-болгарскимъ, происходившей въ Ыриму, основаны на рядѣ историческихъ фактовъ, т. е. на достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствахъ. Напомню эти факты и вытекающїя изъ нихъ положенїя.

1. Прокопїй, византїйскій писатель VI столѣтїя, въ своемъ сочиненїи о Готской войнѣ говоритъ, что восточная часть Тавриды была занята варварами, преимущественно Гуннами (lib. IV, cap. 18). Въ другомъ мѣстѣ (о Персидской войнѣ) онъ опять упоминаетъ о Гуннахъ, обитавшихъ между Херсономъ и Боспоромъ (lib. I, cap. 12).

2. По извѣстію Теофана и Анастасїя, писателей VIII и IX вв., въ 528 году крестился въ Константинополѣ Гордасъ, князь Гунновъ, сосѣдникъ съ Боспоромъ, но по возвращенїи былъ убитъ возмущившимся народомъ. Спустя девяносто лѣтъ, по извѣстію патріарха Никифора, какой-то гуннскій князь изъ тѣхъ же странъ крестился въ Константинополѣ съ своими родственниками, боярами и ихъ женами. На сей разъ о возмущенїи противъ него вѣтъ рѣчи; слѣдовательно христіанство водворилось между Гуннами.

3. Сличенїе извѣстїй о Гуннахъ Прокопїя и Агаѳїя съ извѣстіями Теофана, Никифора и Анастасїя убѣждаетъ въ томъ, что Таврическо-Тамавскіе Гунны были вѣтви болгарской.

4. Свидѣтельство паннонскаго житїя св. Кирилла о Фульскомъ народцѣ уже крещенномъ, но сохранявшемъ языческіе обряды, изъ сопоставленїя всѣхъ обстоятельствъ лучше всего можетъ быть отнесено,

если не къ Таврическимъ Готамъ, то именно къ Таврическимъ Болгарамъ.

5. Извѣстія X вѣка, именно Константинъ Б. и Игоревъ договоръ, Таврическо-Таманскихъ Болгаръ называютъ Черными.

6. Извѣстія византійскихъ писателей о первомъ морскомъ походѣ Руси на Константинополь, въ 865 г., указываютъ на водвореніе ея около того времени на берегахъ Киммерійскаго Боспора, откуда она стала тѣснить Хазарь, освобождая отъ ихъ владычества Черныхъ Болгаръ.

7. Свидѣтельство патріарха Фотія въ его окружномъ посланіи 866 года о крещеніи Руссовъ несомнѣнно относится къ Руси Азовско-Черноморской или Таврическо-Таманской, т. е. утвердившейся въ странѣ Черныхъ Болгаръ и подвергшихся вмѣстѣ съ ними влиянію сосѣдняго Корсуня. Съ одной стороны, въ уставѣ императора Льва Философа (886—911 гг.) упоминается русская церковь рядомъ съ аланскою, а съ другой, въ Олеговомъ договорѣ 911 года еще не упоминается о крещеніи Руси Киевской.

8. Извѣстіе Льва Діакона о морскомъ походѣ Игоря на Константинополь прямо указываетъ на то, что эти военные походы предпринимались Руссами изъ Боспора Киммерійскаго. А Игоревъ договоръ съ Греками подтверждаетъ существованіе русскихъ владѣній на берегахъ этого Боспора и зависимость сосѣднихъ Черныхъ Болгаръ отъ русскихъ князей. Изъ того же договора видно, что христіанство уже утвердилось и въ Киевской Руси (слѣдовательно послѣ Таврической).

9. Владиміръ Киевскій крестился именно въ Корсунѣ, въ сосѣдствѣ своихъ таврическихъ или руссо-болгарскихъ владѣній. Онъ же за одно съ Греками окончательно уничтожилъ остатки хазарскаго владычества въ Тавридѣ.

10. Богослуженіе и переводъ св. писанія крещеная Русь получила не на собственномъ нарѣчій, а на такъ наз. церковно-славянскомъ, т. е. древне-болгарскомъ. Никакихъ собственно русскихъ равныхъ переводовъ мы не имѣемъ.

Оставляемъ въ сторонѣ другія свидѣтельства (напр. Амастрійской и Сурожской легенды, Таврическаго анонима и пр.) и разныя сопоставленія, которыми подтверждаются означенные факты. (Интересующихся отсылаемъ къ моимъ Розысканіямъ о началѣ Руси). На данныхъ основаніяхъ полагаю, что я имѣлъ достаточно права связать начало русскаго христіанства съ христіанствомъ и переводами св. Писанія у Болгаръ, и при томъ не Дунайскихъ, а Таврическихъ. Извѣстія о крещеніи сихъ послѣднихъ относятся къ VI и VII вв., а пер-

вья свидѣтельства о крещеніи Руси имѣемъ не ранѣе IX вѣка, и притомъ эти свидѣтельства относятся къ Руси не Кіевской, а также Азовско-Черноморской. Если Болгаре начали креститься гораздо ранѣе Руси, то естественно, что у нихъ ранѣе и появились начатки переводовъ и что Русь, когда дошла до нея очередь, воспользовалась этими переводами. Если-бы у нея уже были собственные переводы, то съ какой стати ей потомъ брать чужіе? И во всякомъ случаѣ собственные переводы не безъ борьбы уступили бы свое мѣсто чужимъ; а никакихъ намековъ на подобную борьбу мы не имѣемъ. Если потомъ въ переводахъ встрѣчаемъ руссизмы, также какъ сербизмы и словенизмы, то это уже слѣдствіе воздѣйствія народнаго языка; основа же все таки оставалась церковно-славянская, т. е. болгарская. Вотъ почему русскія евангеліе и псалтирь, найденныя Константиномъ въ Корсуни, мы отнесли къ началкамъ переводовъ собственно болгарскихъ. Почему же авторъ житія называлъ ихъ не болгарскими, а русскими, опять таки мы указывали на то, что Русь въ IX вѣкѣ полагаетъ начало особому русскому княженію (Тмутраканскому) на почвѣ собственно болгарской, и гдѣ она легко сливалась съ своими соплеменниками Гунно-Болгарами. Притомъ первое документальное извѣстіе о крещеніи таврической Руси относится именно къ той же эпохѣ миссіи Константина и патріаршества Фотія. Паннонское житіе написано послѣ того, никакъ не ранѣе конца IX вѣка, а можетъ быть и въ X-мъ, когда названіе Русь отчасти перешло и на Черныхъ Болгарь, какъ это явствуетъ особенно изъ арабскихъ писателей того времени, и когда православный славянскій обрядъ называется болгарскимъ или русскимъ (въ посланіи папы Іоанна XIII). Это сліяніе элементовъ болгарскаго и русскаго не ограничивалось Таврическо-Таманскою областью. Оно происходило и въ Приднѣпровьѣ, и на Волини, гдѣ также жили гуннскія племена, вошедшія въ составъ русскихъ княженій (Тиверцы, Угличи, Сѣверяне, Волянне). Болгарскіе переводы распространялись здѣсь тѣмъ легче, что языкъ ихъ былъ едва-ли не роднымъ языкомъ для мѣстнаго населенія. А такъ какъ эти княженія были уже русскими (по господствующему кіевско-княжескому дому и основной народности его дружинъ), то и здѣсь не легко было найти границы между языками славяно-русскимъ и славянско-болгарскимъ. (О томъ же наглядно свидѣтельствуетъ совмѣстное существованіе русскихъ и славянскихъ названій Днѣпровскихъ пороговъ).

Пока всѣ вышеуказанныя мною свидѣтельства и факты существуютъ въ полной силѣ, разумѣется, и мои выводы изъ нихъ остаются никѣмъ не опровергнуты. Г. Будиловичъ, держась туранской теоріи по

отношенію къ Гунно-Болгарамъ, неизбежно долженъ былъ прибѣгать къ разнымъ натяжкамъ и гаданіямъ, чтобы выпутываться изъ лабиринта противорѣчій. Поэтому онъ совсѣмъ игнорируетъ существованіе таврическихъ Гунно-Болгаръ и раннее ихъ крещеніе; а первоначальное процвѣтаніе у Славянъ письменности и христіанской культуры совершенно произвольно относитъ къ малоазійскимъ Славянамъ; причѣмъ умалчиваетъ о томъ, кто такое были эти Славяне, т. е. какой вѣтви и какимъ нарѣчіемъ они говорили. По историческимъ же свидѣтельствамъ это были колонисты, вышедшіе все изъ того-же болгарскаго племени. Отсюда у него славянскія письма, найденныя въ Корсуни, повидимому не играютъ роли въ дальнѣйшей дѣятельности Константина и Меодія, т. е. въ устроенной ими азбукѣ и въ ихъ славянскихъ переводахъ. Языкъ этихъ переводовъ совершенно гадательно, безъ всякихъ фактическихъ основаній, выводится изъ какого-то вымершаго языка пропонтидскихъ Славянъ въ соединеніи съ разговорною рѣчью славянскаго образованнаго общества въ Царьградѣ, съ тою рѣчью, которою Кириллъ и Меодій и ихъ споспѣшники будто-бы «бесѣдовали между собою въ Цареградѣ, Полихронѣ, подъ Олимпомъ» (77). Авторъ примыкаетъ къ старой догадкѣ Раковецкаго объ искусственномъ образованіи и смѣшанномъ діалектическомъ составѣ ц.-слав. языка (71). По моему крайнему разумѣнію, подобная догадка вполнѣ несостоятельна и не имѣетъ за себя никакой исторической аналогіи: книжный церковно-славянскій языкъ представляетъ такой живой и цѣльный организмъ, который искусственно и съ помощью разной смѣси никто сочинить не могъ. А какое именно болгаро-гуннское нарѣчіе выступило въ немъ на поприще церковной письменности, о томъ должны быть еще произведены болѣе тщательныя и разностороннія изслѣдованія.

Вотъ въ короткихъ словахъ главные пункты нашего разногласія съ почтеннымъ профессоромъ. Напрасно онъ сторонится отъ критическаго пересмотра туранской теоріи относительно народности Гунновъ и Болгаръ. Основаніямъ, на которыхъ она существовала, нѣтъ болѣе мѣста. Названіе Славяне есть позднѣйшее, до VI вѣка не встрѣчающееся и долгое время видовое, а не родовое. Такъ называемое безобразіе Гунновъ оказалось искусственной деформацией дѣтскихъ череповъ. Несовмѣстимость кочеваго быта съ прежнимъ понятіемъ о Славянахъ есть плодъ нѣкоторыхъ невѣрныхъ и предвзятыхъ представленій этого быта, явно противорѣчащихъ историческимъ свидѣтельствамъ. Личныя имена, пока не поддающіяся объясненіямъ изъ сла-

вянского языка, суть общее явленіе; точно также многія древнія имена Германцевъ, Литовцевъ, Мадьяръ, Турокъ и т. д. пока необъяснимы изъ ихъ родныхъ языковъ. Славянскую-же страву никто у Гунновъ не отниметь, не смотря на всѣ попытки. Точно также мистическое превращеніе мнимотурецкой орды Болгарь - завоевателей въ народность какого-то неизвѣстнаго и притомъ покореннаго славянскаго племени всегда останется историческимъ абсурдомъ. А такія фразы о Гуннахъ, какъ напримѣръ, Іордана: «гнусная, жалкая, почти не людская порода, съ языкомъ, едва похожимъ на человѣческій говоръ» — суть риторическая брань въ устахъ враговъ; эта брань при случаѣ въ томъ же родѣ повторяется о славянахъ и въ болѣе позднюю эпоху; такъ въ VIII вѣкѣ ихъ называютъ отвратительнѣйшимъ и гнуснѣйшимъ родомъ людей. (См. Эрбена *Regesta Diplomatica*. I, № 6). Но развѣ подобныя фразы могутъ смущать историческихъ изслѣдователей? Что же касается до ссылки на нѣкоторыя черты дикости и жестокости Гунновъ, яко-бы несогласныя съ характеромъ и нравами Славянъ, то здѣсь со стороны этнографовъ, кромѣ не совсѣмъ научныхъ приемовъ, часто обнаруживается весьма поверхностное знаніе славянскаго міра и недостатокъ тщательнаго разносторонняго его изученія; вслѣдствіе чего нерѣдко открываются факты, совершенно противные существующимъ представленіямъ. Для примѣра укажу на замѣтку «Какъ сажали въ старину людей старыхъ на лубокъ» («Кіев. Стар.» 1885 г., іюль), т. е. какъ немощныхъ стариковъ родные дѣти или внуки спускали въ какой нибудь глухой ровъ на голодную смерть. Но этотъ обычай, нѣсколько смягченный христіанствомъ, былъ только отголоскомъ глубокой древности, когда стариковъ просто убивали. Подобное тому встрѣчаемъ у древнихъ Массагетовъ и Скиновъ. Точно также существовавшій при московскомъ дворѣ обычай выдачи головою являлся только напоминаніемъ скинскихъ временъ, когда побѣжденный въ тяжбѣ выдавался головою своему противнику, а тотъ дѣйствительно отрубалъ ему голову и дѣлалъ изъ нея застольную чашу.

Русская историческая наука прежде всего должна бросить тенденціозныя мнѣнія о славянахъ, изучать ихъ безъ предвзятыхъ теорій и брать такими, какими они являются въ дѣйствительности.

Затѣмъ, вполне отдаю справедливость тѣмъ сторонамъ данной монографіи, которыя представляютъ дальнѣйшее движеніе науки въ обработкѣ нѣкоторыхъ доселѣ темныхъ и спорныхъ вопросовъ. Таковы въ особенности приведеніе въ болѣе очевидную связь миссіонерской дѣятельности солунскихъ братьевъ съ дѣятельностію патріарха Фотія (гл. V) и дѣльными разсужденія о латинскомъ элементѣ въ образова-

нѣи глаголицы; приче́мъ авторъ развиваетъ нѣкоторыя положенія Гейтлера и удачно полемизуетъ съ г. Ягиче́мъ и другими глаголицаташами, приписавшими Кириллу и Меоди́ю изобрѣтеніе глаголицы (стр. 50—70). Далѣе, у него въ бо́льшей степени, чѣ́мъ прежде, разъяснены политика на́шъ по отноше́нію къ славянскому богослуженію, съ виду противорѣчивая и непослѣдовательная, а въ сущности постоянно ему враждебная (84—90), а также неизмѣнная вѣрность архіепископа Меоди́а ученію и преданіямъ грековосточной церкви (гл. IX).

Д. И. Иловайскій.

Москва.

## ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

1842—1844 гг.

На страницахъ «Русской Старины» (см. «Русск. Стар.» изд. 1885 г., т. XLVII, августъ, стр. 307—312) мы уже указывали на существенный недостатокъ книги Стихотворенія И. С. Тургенева (Спб., 1885 г.), именно—на неполноту, и тамъ же привели одно стихотвореніе (Призваніе), не вошедшее въ сборникъ. Послѣ этого, чтобы слѣдующее второе изданіе (первое, кажется, почти все разошлось) было полнымъ (въ смыслѣ перепечатки всего напечатаннаго еще при жизни автора), необходимо помѣстить (кромѣ приведеннаго—«Призваніе») еще четыре слѣдующія стихотворенія: 1. Похищеніе («Отч. Зап.», т. XXI, 1842 г., отд. I, стр. 66—68, № 3); 2. Цвѣтокъ (ibid., т. XXIX, 1843 г., № 8, отд. I, стр. 296); 3. В. Н. Б. («Соврем.», т. 33, 1844, № 3, стр. 347 <sup>1)</sup>); 4. «Замѣтила ли ты...» (ibid., т. XXXIII, 1844, № 3, стр. 349).

Желательно, чтобы второе изданіе Стихотвореній И. С. Тургенева было сдѣлано болѣе заботливо, нежели первое (память къ великому писателю требуетъ полнаго вниманія); необходимо, чтобы стихотворенія были расположены въ хронологическомъ порядкѣ; чтобы не было пропусковъ и опечатокъ (всѣмъ извѣстно, какъ покойный не долюбивалъ послѣднія!); примѣчанія (въ первомъ изданіи) необходимо замѣнить чѣмъ нибудь болѣе соответственнымъ.

А. В. Смирн—въ.

---

<sup>1)</sup> Д. Д. Лыковъ, написавши — В. П. Б., вмѣсто В. Н. Б., дѣлаетъ догадку, что это стихотвореніе относится къ Василю Петровичу Боткину. Не знаемъ—насколько это вѣрно,—одно несомнѣнно: напечатано—В. Н. Б. Другая ошибка г. Лыкова въ томъ, что въ библиографич. указателѣ сочиненій



## I.

## Похищеніе.

Конь мой ржетъ и бьетъ конькомъ...  
 Мнѣ напомнилъ онъ о ней—  
 О блаженствѣ позабытомъ  
 Быстрыхъ, пламенныхъ очей.  
 Ахъ, пора, пора бывая!..  
 Мнѣ не спится... ночь глухая...  
 Душно мнѣ—и вскрикнулъ я:  
 „Эй! сѣдajte мнѣ коня!  
 Спите сами, если спится,  
 А мнѣ дома не сидится“.

Стали тучи надъ луною,  
 Дремлютъ блѣдыя поля;  
 Скачеть, скачеть предо мною  
 Тѣнь огромная моя.  
 Лѣсъ какъ-будто сномъ забылся—  
 Хоть бы листъ зашевелился..  
 Я на гриву дѣгъ лицомъ,  
 Осѣнилъ себя крестомъ,  
 Тихомолкомъ погѣваю,  
 Да бывое вспоминаю.

Вотъ и домикъ—стукъ въ окошко...  
 — Ты ли, милый?— „Встань, душа;  
 Поболтай со мной немножко  
 Какъ въ бывалые годѣ.  
 Если-жъ хочешь, молви слово:  
 Дома комната готова;  
 Ночь туманна и темна—  
 Лошадь добрая сильна;  
 Посмѣемся и поплачемъ—  
 Хоть поплачемъ, да ускачемъ!“

Дверь скрипнула... „Милый, милый,  
 Наконецъ вернулся ты!  
 Иль узналъ, что разлучили  
 Насъ съ тобою клеветы?  
 Я невинна...“—Ахъ, не знаю!

---

Тургенева („Истор. Вѣст.“ 1883 г.) онъ, какъ и покойный Хмыровъ, иногда грѣшитъ противъ истины: всѣ ссылки на тома „Совр—а“ невѣрны; есть и пропуски.

За тобой я приѣзжаю;  
 Ты виновна или нѣтъ —  
 Безъ тебя мнѣ тошнѣ свѣтъ...  
 И забыть тебя старался,  
 Думалъ, думалъ — да примчался.

Какъ она была прекрасна!..  
 Мы пустились въ дальній путь...  
 Какъ она склонилась страстно  
 Головой ко мнѣ на грудь!  
 Я берегъ ее такъ нѣжно —  
 Сердце билось такъ мятжно...  
 Все такъ тихо, чудно спать —  
 Лошадь весело бѣжать;  
 И, какъ вѣтра слабый ропотъ,  
 Млвилъ словъ я слышу шопотъ:

„Безъ тебя меня родные  
 Выдать замужъ собрались.  
 Я рыдала... Братья злые  
 Погубить меня влялись.  
 Какъ тебя я дождалась!  
 Жениха какъ я боялась!  
 Вдругъ привстанеть, да зѣвнѣтъ,  
 Бѣлымъ усомъ поведетъ,  
 Щеки толстыми надуетъ,  
 Подойдетъ, да подадуетъ...“

Я дыханьемъ грѣлъ ей руки,  
 Цаловалъ ее въ глаза:  
 „Позабудь былыя муки  
 И былаго жениха!  
 Разочтутся съ нимъ родные...  
 А усы его сѣдые  
 Срѣжу шашкою кривой  
 Виѣсть съ глупой головой!  
 Сторожъ — сторожъ, отворай-ка!  
 Къ вамъ приѣхала хозяйка“.

Т. Л. (И. Тургеневъ).

## II.

## ЦВѢТОКЪ.

Тебѣ случилось—въ роцѣ темной,  
Въ травѣ весенней, молодой,  
Найти цвѣтокъ простой и скромной?  
(Ты былъ одинъ—въ странѣ чужой).

Онъ ждетъ тебя—въ травѣ росистой  
Онъ одиноко расцвѣталъ...  
И для тебя свой запахъ чистой,  
Свой первый запахъ берегалъ.

И ты срываешь стебель зыбкой,  
Въ петлицу бережной рукой  
Вдѣваешь, съ медленной улыбкой,  
Цвѣтокъ, погубленный тобой.

И вотъ, идешь дорогой пыльной;  
Бругомъ—все поле сожжено,  
Струится съ неба жаръ обильной,  
А твой цвѣтокъ завялъ давно.

Онъ выросалъ въ тѣни спокойной,  
Питался утреннимъ дождемъ  
И былъ заѣденъ пылью знойной,  
Спаленъ полуденнымъ лучомъ.

Такъ что-жь? напрасно сожалѣнье!  
Знать онъ былъ созданъ для того,  
Чтобы побыть одно мгновенье  
Въ сосѣдствѣ сердца твоего.

1843.

Т. Л. (Ив. Тургеневъ).

## III.

В. Н. Б.

Когда въ весенній день, о ангелъ мой послушной,  
 Съ прогулки возвратясь, ко мнѣ приходишь ты—  
 И руку протянувъ, съ улыбкой простодушной,  
 Мнѣ подаешь мои любимые цвѣты;  
 Съ цвѣтами той руки тогда не разлучая,  
 Я радостно прижмусь губами къ нимъ и къ ней..  
 И пропиваюсь весь, безпечно отдыхая,  
 И запахомъ цвѣтовъ и близостью твоей.

Глажу на тонкой станъ, на дѣвственныя плечи,  
 Любуюсь тишиной большихъ и свѣтлыхъ глазъ  
 И слушаю твои младенческія рѣчи,  
 Какъ слушалъ вѣкогда я нянюшки рассказы.

Глажу тебѣ въ лицо съ отрадой сердцу новой—  
 И наглядѣться я тобою не могу..  
 И только для тебя въ душѣ моей суровой  
 И нѣжность, и любовь я свято берегу.

Т. Л. (Ив. Тургеневъ).

## IV.

Замѣтила ли ты, о другъ мой молчаливой,  
 О мой забытый другъ, о другъ моей весны,  
 Что въ каждомъ днѣ есть мигъ глубокой, боязливой  
 Почти внезапной тишины?

И въ этой тишинѣ есть что-то неземное,  
 Невыразимое... душа молчитъ и ждетъ:  
 Какъ будто въ этотъ мигъ все страстное, живое  
 О смерти вспомнить и замреть.

О если въ этотъ мигъ невольною тоскою  
Стѣснится грудь твоя и выступитъ слеза...  
Подумай, что стою я вновь передъ тобою,  
Что я гляжу тебѣ въ глаза.

Любовь погибшую ты вспомни безъ печали;  
Прошедшему, мой другъ, предаться не стыдись..  
Мы въ жизни хоть на мигъ другъ другу руки дали,  
Мы хоть на мигъ съ тобой сошлись.

1842.

Т. Л. (Ив. Тургеневъ).

Кромѣ стихотвореній, напечатанныхъ въ «Отеч.» Зап.» и Современникѣ», И. С. Тургеневъ написалъ еще одно, помѣщенное въ журналѣ «Слово» 1881 г.—Крокетъ въ Виндзорѣ; потомъ стихотвореніе Союзъ, вошедшее въ текстъ романа Новъ, и еще одно стихотвореніе— помѣщенное въ драматической пьесѣ. Сверхъ всего этого, Иванъ Сергѣевичъ, какъ думаютъ, въ сотрудничествѣ съ В. Г. Бѣлинскимъ, живя на дачѣ въ Парголово, въ 1844 г., написалъ и окончилъ одну поэму. Это послѣднее произведеніе въ полномъ видѣ едва-ли когда будетъ напечатано; начало (шесть октавъ) помѣщено въ сборникѣ — Стихотвореній И. С. Тургенева.

Содержаніе этой поэмы слишкомъ просто. Поэтъ поетъ про себя: жилъ онъ на дачѣ въ сосѣдствѣ съ однимъ семействомъ; сосѣдка «была ходячій пуховикъ», а сосѣдъ «былъ человекъ безпечный: онъ сытный столъ и доброе вино предпочиталъ» всему. Завязка рассказа-поэмы въ томъ, что поэтъ приволокнулся за сосѣдкой, та отвѣчала и... скоро надоѣла. Въ это время къ сосѣду пріѣхала золовка

Въ веснѣ, въ разгарѣ жизни молодой..  
О, Господи! Была подобно спѣлой,  
Душистой дынѣ, на степи родной  
Созрѣвшей въ жаркій день....

Станъ дѣвственныи, подъ тонкими бровями  
Глаза большіе, звонкій голосокъ;  
За молодыми, влажными губами  
Жемчужины—не зубки; свѣжиль щекъ  
Румянецъ, ямочки на нихъ; мѣстами  
Подъ бѣлой, тонкой кожицей жирокъ,—  
Все въ ней дышало силой и здоровьемъ!  
(Здоровьемъ, правда, нѣсколько коровинымъ).

Я началъ волочиться такъ ужасно,  
Какъ никогда ни прежде, ни потомъ  
Не волочяся! Даже слишкомъ страстно!

Ревнивая сосѣдка скоро догадалась,—она

.... злодѣйка наши шутки  
Пронюхала, какъ ни была глупа!

.... съ той поры не знали мы покоя  
.... Но тутъ, читатель мой,  
Ввести я долженъ новаго героя.  
И впрямь, то былъ не джигинный герой!  
До тонкости постигши тайны страв,  
Кадетина, служака записной,  
Какъ лестно выражался самъ Паскевичъ  
О немъ,—поручикъ Пантелей Губкевичъ.  
Его никто не вздумалъ бы ловеласомъ  
Назвать: огромный, грушевидный носъ  
Торчалъ среди лица, виномъ и квасомъ  
Раздутаго; онъ былъ рыжъ и косъ  
И говорилъ глухимъ и сильнымъ басомъ,—  
Ну, словомъ, настоящій малоросецъ;  
Я-бъ могъ сказать, что глупъ онъ былъ какъ меринъ.  
Но лошадь обижать я не намѣренъ  
Его-то къ намъ коварная судьбина  
Замчала! Я, признаться вамъ, о немъ  
Не думалъ или думалъ: вотъ скотина!

Не сватался поручикъ безобразный  
Пока за Сашей, да. Но стороною  
Онъ говорилъ о томъ, что къ жизни праздной  
Онъ чувствуетъ презрѣнїе; что съ женой  
Онъ былъ бы счастливъ ..

Поручикъ былъ принять у сосѣдей: сосѣдка явно мстила поэту за измѣну. Но и этотъ послѣднїй не дремалъ, зная, что свадьба Саши хотя и впереди, «но все же мѣшкать нечего надъ бездною», назначаетъ ей свиданіе у нея же въ комнатѣ.

..... Ночь была такая,  
Какой хотѣлъ я,—темная, глухая.

Сосѣдка слѣдила, и

вдругъ, о ужасъ! передъ нами  
Въ дверяхъ съ свѣчей явилась (сестра Саши).  
Со времени татарскаго нашествїа  
Такого не случалось происшествїа.

..... И крики, вопли, стоны,  
Какъ градъ, и градъ въ куриное ядро,  
Посыпались! Въ жару негодованья  
Всѣ женщины прїятныя созданья!

Тутъ и развязка.

Довольно!.. Можетъ быть, я васъ увлекъ  
И вамъ понравилась на мигъ картинность  
Разказа моего... Съ усталыхъ ногъ  
Сбиваю пыль... Дошелъ я до развязки  
Моей весьма не многословной сказки.

..... А Саша, господа,  
Вступила въ бракъ съ чиновникомъ. Зимю  
Я былъ у нихъ, обѣдалъ, точно, да!  
Она слыветъ прекрасною женою  
И недурна. Толстѣетъ, вотъ бѣда!  
Живутъ они на Воскресенской, въ пятомъ  
Этажѣ, въ номерѣ пятьсотъ-двадцатомъ.

(Ив. Тургеневъ).

Шарголово.  
1844.

Вся поэма состоитъ изъ 44 октавъ. Мы могли привести здѣсь только  
частицу и потому не отдѣляли октавы.

Сообщ. А. В. Смир—въ.

---

## ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.

### Его женитьба.

Помѣщая при настоящей книгѣ „Русской Старины“ портретъ Елисаветы Алексѣевны Жуковской, (рожд. Рейтернъ), жены поэта В. А. Жуковскаго, считаемъ умѣстнымъ напечатать письмо Василія Андреевича къ Александру Михайловичу Тургеневу, въ которомъ поэтъ описываетъ давнему и искреннему другу свой бракъ съ дѣвицею Рейтернъ. Это письмо мы беремъ изъ обширнаго собранія писемъ В. А. Жуковскаго къ А. М. Тургеневу, находящагося въ нашемъ распоряженіи.

Р е д.

1841 г., 12-го (24-го) октября.

Сейчасъ получилъ письмо твое, мой добрый, безцѣнный, всѣмъ сердцемъ любимый другъ и братъ, и распечаталъ его съ содроганіемъ виновной совѣсти; но прежде, нежели читать его, схватилъ въ руки перо, чтобы, при чтеніи, писать къ тебѣ и чтобы отъ того было сердцу легче. Я еще не написалъ къ тебѣ о томъ, что было со мною, къ тебѣ, который принималъ въ судьбѣ моей такое живое братское участіе, къ тебѣ, котораго люблю какъ вѣрнаго друга, уважаю какъ лучшаго и самаго чистаго изъ людей, какъ это могло случиться—пойми самъ; я не понимаю моей лѣни; и въ теперешнемъ случаѣ она кажется мнѣ чѣмъ-то чудовищнымъ. Одно только знай и, если можешь, прости меня, знай, что не проходило дня, въ который бы я о тебѣ не думалъ съ любовію, въ который бы не желалъ всѣмъ сердцемъ, чтобы ты былъ свидѣтелемъ моей семейной жизни. Итакъ, въ сторону письма.

До сихъ поръ я все твой, попрежнему, и на всю остальную жизнь. Послѣ этого предисловія можно приняться за чтеніе письма твоего, которое, я предчувствую, сильно подеретъ меня по сердцу, хотя сердце предъ тобой и не виновато—но руки, руки, канальи руки, никакъ не притянешь ихъ къ перу и бумагѣ. Стоитъ только разъ отложить и бѣда—съ мѣсяцъ не доберешься до начала письма. Итакъ, съ Богомъ,—начнемъ читать.

Прочиталъ—слава Богу! Мой Ермолафъ только грустить по мнѣ,



но не только не дѣлаешь мнѣ тяжкихъ упрековъ, но даже какъ будто извиняешь меня и почти находишь естественнымъ мое молчаніе. Благодарю тебя, душа моя. Теперь слѣдуетъ моя исторія. Въ продолженіе послѣднихъ пяти мѣсяцевъ увидишь, что я уже все испыталъ, и радость, и горе; за все благодареніе Богу! Это чувство стало душѣ моей знакомѣе; оно и на свѣтлые, и на темные дни здѣшней жизни наводить ясный горный блескъ, который даетъ имъ одно знаменованіе, хотя они между собою и несходны.

3-го мая покинулъ я Петербургъ, и въ назначенный день, 21-го мая, былъ уже вмѣстѣ съ невѣстою моею въ Капштатѣ близъ Штутгарда. Все уладилось неожиданно счастливымъ образомъ. Въ пять часовъ послѣ обѣда 21-го мая на горѣ Ротенбергѣ, близъ Капштата, въ церкви св. Екатерины совершился бракъ мой; совершился тихо, ничто не нарушило свѣтлости этой минуты; не было ни одного лица посторонняго; день былъ плѣнительно ясный и тихій; словомъ, важнѣйшая минута жизни далась мнѣ такъ, какъ только могъ я желать того. Обрядъ повторился въ Капштатѣ по образу лютеранскаго исповѣданія. И въ полночь изъ Капштата вмѣстѣ съ женою отправился я въ Вильдбадъ, удивленный городокъ въ долинѣ, гдѣ находится теплая вода. Отецъ, мать и сестра жены, единственные наши сопутники и свидѣтели нашего брака, поѣхали прямо въ Дюссельдорфъ. Въ Вильдбадѣ, никѣмъ незнаемый, совершенно отдѣляясь отъ посторонняго міра, я провелъ первыя двѣ недѣли моей семейной жизни; эти дни сроднили меня съ моею женою и я въ глубинѣ сердца узналъ, съ благодарностію къ Богу, что онъ послалъ мнѣ своего ангела въ спутники жизни для ея украшенія, для дарованія ей того, что ея прямое достоинство составляетъ. Эти двѣ недѣли заключаютъ въ себѣ in pace все мое будущее: обстоятельства могутъ переимѣниться, но характеръ жизни останется тотъ же. Изъ Вильдбада черезъ Гейдельбергъ и Франкфуртъ отправились мы въ Майнцъ, тамъ сѣли на пароходъ и возвратились въ Дюссельдорфъ, гдѣ уже былъ приготовленъ для насъ маленькій домикъ въ саду со всѣмъ нужнымъ для нашего смиреннаго хозяйства. Но все это было вчернѣ, надобно было все устроить удобнымъ и пріятнымъ образомъ для житья. Это заняло меня во все первое блаженное время моей семейной жизни. Я отложилъ всякую постороннюю заботу, отложилъ переписку (и къ в. князю написалъ не прежде, какъ черезъ три мѣсяца), чтобы заняться единственно тѣмъ, что было для меня такъ радостно и ново. Глядишь—анъ минуты часы и мѣсяцы пролетѣли, и я вдругъ очутился виноватымъ и передъ собою, и передъ друзьями въ забвеніи ихъ?.. нѣтъ, не въ забвеніи. Оно несогласно съ чистымъ чувствомъ счастья... но все виноватымъ много, много.

Въ теченіи лѣта навѣстила меня Авдотья Петровна (Елагина) и нашла еще мой маленькій домъ неустроеннымъ, всего на всего въ порядкѣ была одна горница и та не совсѣмъ; въ другихъ было все еще пусто и неуютно. Мнѣ этого было очень жаль; теперь все на мѣстѣ, свѣтло, удобно, красиво и порядочно. Желалъ бы, чтобъ кто нибудь изъ васъ взглянулъ на мою хижину и на мою милую хозяйку, которая также любитъ, чтобы въ домѣ и наружность была похожа на внутреннее счастье жильцовъ его. Авдотья Петровна погостила у насъ весьма недолго, ибо спѣшила въ Швальбахъ для Катн Мойеръ. Тамъ въ началѣ сентября новаго стилиа мы навѣстили ее съ женою; простясь съ нею, мы отправились въ Виллингсгаузенъ (Гессенъ - Кассельское владѣніе), гдѣ жена провела свое младенчество. Эта поѣздка останется мнѣ памятна, ибо она была эпохою, въ которую отуманилось мое свѣтлое, до сихъ поръ ничѣмъ не нарушенное, счастье. Въ Виллингсгаузенѣ увидѣлъ я, что жена беременна. Признаюсь, было ли это предчувствіе? не знаю, я какъ-то этому не обрадовался, болѣе испугался; ибо намъ надобно было ѣхать, а первые дни въ подобныхъ обстоятельствахъ требуютъ покоя. И это первое предсказательное чувство не обмануло меня. Черезъ недѣлю послѣ нашего возвращенія въ Дюссельдорфъ, бѣдная моя Елизавета выкинула. Богъ помиловалъ; теперь она, пролежавъ 10 дней въ постелѣ, снова на ногахъ и чувствуетъ себя здоровою; но я еще не пушу ее изъ дома и употребляю всевозможныя предосторожности. Потому горе, которое почувствовалъ я при потерѣ не младенца своего, а только одна надежда его имѣть, узналъ я что такое чувство отца. Были для меня минуты и глубокой грусти, и пѣжнаго состраданія, и томительнаго страха. Но взявъ все вмѣстѣ, могу только благодарить Бога—онъ горемъ знакомитъ съ собою и къ себѣ приближаетъ душу. Въ этомъ смыслѣ житейскія бѣды суть перлы жизни—вотъ тебѣ вкратцѣ, душа моя, описаніе послѣднихъ мѣсяцевъ моей жизни. Теперь все идетъ хорошо (благослови Богъ!); скоро, когда жена оправится совсѣмъ, примусь за работу. Теперь же ничего не дѣлаю, читать про себя и писать не могу, особливо при свѣчахъ, глаза шалить. Ей же также ничего не читаю, ибо всякое вниманіе еще для нея вредно. Такое *far niente* весьма тяжело, но какъ быть, терпѣніе! Терпѣніе есть главная необходимость для того, чтобъ совладать съ жизнію. Въ этомъ ежедневно увѣряюсь и стараюсь выучиться этой наукѣ, едва ли не самой трудной изъ всѣхъ прочихъ. Но прости, мой милый. Поцѣлуй за меня Ольгу! Вѣроятно, моя Авдотья Петровна уже въ Москвѣ. Покажи ей это письмо. А я скоро самъ буду къ ней писать. Не повѣришь, какъ мнѣ было грустно, когда по отъѣздѣ ея мнѣ пришло въ голову, что я не послалъ ни

тебѣ, ня Ольгѣ гостинца изъ Дюссельдорфа. Хотѣлъ велѣть себя вы-  
сѣчь. Прости, обнимаю тебя. Жена любить тебя и Ольгу и сама бы  
къ тебѣ написала, да еще руки не очень владѣютъ. Обними за нее  
Авдотью Петровну, скажи ей, что я радуюсь, Богъ знаетъ какъ, тому,  
что жена полюбила ее какъ сестру. Это теперь на вѣкъ. Но когда мы  
свидимся. У меня еще никакого плана нѣтъ для будущаго. Всего бы  
лучше желалъ купить имѣніе въ Лифляндіи. Если же не тамъ, то  
пріютиться въ Москвѣ. На всякій случай придумай за меня что ня-  
будь для Москвы. База, на коей можешь основать свой планъ, есть сіе:  
у меня есть капиталъ въ 120,000 руб. ассигн. Онъ положенъ въ ко-  
миссіи погашенія долговъ. Получаю съ него по 5 проц., слѣд. 6,000 руб.  
Остальное мое имущество временное, оно приковано къ моей жизни—  
13,000 руб. пенсіона и 18,000 оклада (квартирн., столов. и экипаж-  
ныя деньги).

(Приписка жены В. А. Жуковскаго):

*Jch wiederhole was mein Herzens-Mann Ihnen von mir gesagt, dass  
ich Sie und Ihr liebes Töchterchen von Herzen lieben und mich innig  
freuen w erde es musz mündlich zu betheuern. Elisabeth.*

Съ подлиннымъ вѣрно Жуковскій.

Я писалъ къ Е. Афанасьевнѣ о томъ, что случилось съ женою.  
Но еще не писалъ о томъ, что теперь; попроси Авдотью Петровну,  
чтобы увѣдомила ее о насъ, и чтобъ она на нашъ счетъ не беспо-  
коилась.

---

### Опечатка.

Въ сентябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1885 г. напечатана  
статья: „Первыя страницы въ исторіи судебной реформы въ Рос-  
сін“, 1862—1867 гг. Въ подлинъ автора—вкралась грубая опечатка, напеча-  
тано: Г. Джантиевъ, читай: Григорій Джаншиевъ.

---

## ИФЕРЪ (ФРИДРИХЪ) ВИНФЕЛЬДЪ БУХЪ

въ 1787—1811 гг.

Въ одной изъ газетъ, при описаніи внутренняго убранства Михайловскаго дворца въ старину—упоминается два раза имя дѣда моего, при чемъ въ текстѣ статьи авторъ называетъ его «датчаниномъ фонъ-Баухомъ», а въ примѣчаніи къ ней—«серебрянымъ мастеромъ Бухомъ, исправлявшимъ должность датскаго агента во время царствованія Екатерины II», добавляя, что «императрица одно время подозрѣвала его, что онъ сообщалъ ей разговоры въ Копенгагенъ».

Мнѣ неизвѣстно откуда авторъ почерпнулъ эти свѣдѣнія; но какъ они во многомъ невѣрны, то я рѣшаюсь возстановить истину, основываясь на хранящихся у меня документахъ и на воспоминавіяхъ о дѣдѣ моемъ современника его, извѣстнаго писателя Августа Коцебу.

Дѣдъ мой Иферъ Винфельдъ Бухъ (Iver Winfeldt Buch) родомъ изъ г. Драммена въ Норвегін, которая въ то время составляла часть датскаго королевства. Извѣстно, что въ Норвегін нѣтъ дворянства и вообще сословныхъ дѣленій и потому дѣдъ былъ просто гражданиномъ норвежскимъ и ни самъ онъ, ни потомство, которому суждено было водвориться въ Россіи, не могли предъявить въ новомъ отечествѣ родословныхъ пергаментовъ и фамльнаго герба.

Прибывъ въ Россію по торговымъ дѣламъ, онъ 30 мая 1787 года, рескриптомъ датско-норвежскаго короля Христіана VII, назначенъ королевскимъ придворнымъ агентомъ. Въ этомъ его званіи императрица Екатерина II просила его выписать изъ заграницы мастеровъ и устроить въ Петербургѣ, собственно для надобностей двора, фабрику золотыхъ и серебряныхъ издѣлій. Фабрика эта была учреждена дѣдомъ начально въ компаніи съ нѣкимъ Макаромъ Манычаровымъ, а въ 1790 году, какъ видно изъ акта 15 октября сего года, дѣдъ выплатилъ Манычарову 41,566 руб. 64 коп. и остался единственнымъ

собственникомъ фабрики. Изъ этого акта видно, что Вухъ былъ въ то время не только гофъ-агентомъ, но и юстиць-совѣтникомъ.

Коцебу, въ сочиненіи своемъ *Une année mémorable de la vie d'Auguste de Kotzebue, publiée par lui-même, Paris, 1802*, описывая отстроенный въ то время Михайловскій замокъ, говорить, что въ тронной залѣ «большая люстра въ четыре аршина съ четвертью вышины и восемь другихъ по три аршина съ половиною, всѣ изъ массивнаго матоваго и полированнаго серебра, отличной работы, были сдѣланы на фабрикѣ искуснаго и талантливаго Вуха, совѣтника Дани». Вотъ объ этихъ-то люстрахъ въ тронной залѣ составитель статьи «Старый Петербургъ» говорить, что ихъ «работалъ датчанинъ фонъ-Баухъ»; а описывая парадную императорскую спальню, г. М. И. П. говорить, что кровать отдѣлялась балюстрадаю изъ массивнаго серебра длиною въ 13 аршинъ, вѣсомъ въ 14 пудовъ, «которую работалъ серебряный мастеръ Вухъ, датскій агентъ». Балюстрада эта, какъ передавалъ мнѣ покойный отецъ, послѣ кончины императора Павла, пожертвована была государемъ Александромъ I въ Казанскій соборъ, гдѣ и понынѣ отдѣляетъ алтарь.

И. В. Вухъ, который, неизвѣстно на основаніи какого перевода, именовался между русскими Василиемъ Андреевичемъ, а между нѣмцами Фридрихомъ (Iver), названъ Коцебу совѣтникомъ Дани не совсѣмъ правильно. Изъ рескрипта за подписью того же короля Христиана VII, отъ 19 декабря 1800 г., видно, что придворный агентъ и консулъ въ Петербургѣ Iver Winfeldt Buch произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и что на основаніи датскаго закона 14 октября 1746 г. ему предоставлено старшинство и права третьяго класса. Документъ этотъ, писанный на датскомъ языкѣ, присланъ при собственноручномъ французскомъ письмѣ 23 декабря 1800 г. министра иностранныхъ дѣлъ графа Бернсторфа, который въ припискѣ извиняется, что по ошибкѣ канцеляріи, изготовлявшей патентъ, дѣдъ названъ въ немъ консуломъ <sup>1)</sup>.

Чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника послужилъ, конечно, поводомъ къ величанію дѣда фонъ-Вухомъ, хотя самъ онъ никогда не подписывался такимъ образомъ.

Что касается того, будто императрица Екатерина подозрѣвала Вуха, «что сообщаетъ ей разговоры въ Копенгагенѣ», то объ этомъ въ фамилыныхъ бумагахъ никакихъ намековъ не пмѣется; впрочемъ, дипломатическіе агенты, какъ извѣстно, обязаны доносить своимъ

---

<sup>1)</sup> По фамилынымъ преданіямъ дѣдъ былъ генеральнымъ консуломъ.

правительствамъ о всѣхъ инцидентахъ, а тѣмъ болѣе о разговорахъ съ ними высочайшихъ лицъ, при которыхъ акредитованы. Датское королевство въ концѣ XVIII вѣка имѣло не то значеніе, въ какое поставлено оно теперь; съ знаменитымъ министромъ графомъ Бернсторфомъ европейскіе кабинеты считались; одно имя его раздражало императора Павла.

И. В. Бухъ былъ женатъ на замѣчательной красавицѣ дѣвицѣ Доротеѣ Цеттелъ (Zöttel), отъ которой имѣлъ двухъ сыновей: Андрея Христиана, моего отца, родившагося 22 ноября 1776 года, и Давида, умершаго въ юношескомъ возрастѣ. По образованію своему,—которое было весьма солидное,—въ качествѣ иностранца и дипломатическаго агента, Бухъ былъ принятъ въ высшемъ кругѣ петербургскаго общества <sup>1)</sup>; онъ имѣлъ свой домъ <sup>2)</sup> и двѣ дачи на Аптекарскомъ островѣ. Состоя въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ генераломъ отъ артиллеріи Мелиссино, онъ успѣлъ оставшагося сына опредѣлить въ военную службу сержантомъ (13 мая 1792 г.) съ назначеніемъ почти одновременно (11 июня 1792 г.) флигель-адъютантомъ въ штабъ генерла Мелиссино <sup>3)</sup>. Изъ сохранившагося у меня указа объ отставкѣ отца моего, отъ 10 октября 1797 г. за № 41,842 <sup>4)</sup>, видно, что генераль Мелиссино чрезвычайно благоволилъ къ И. В. Буху; послѣ выпуска изъ артиллерійскаго кадетскаго корпуса, сынъ его, въ теченіи всего только шести мѣсяцевъ службы, получилъ слѣдующіе чины: штыкъ-юнкера 6 июля 1796 г., подпоручика 19 декабря 1796 г., поручика 11 января 1797 г. Всѣ эти отличія, щедро сыпавшіяся на моего отца, приписываю дружескимъ отношеніямъ Мелиссино къ дѣду, потому что отецъ былъ крайне слабого здоровья, постоянно болѣлъ и, по характеру своему, мало былъ способенъ къ служебному поприщу вообще, тѣмъ болѣе къ военному; онъ вышелъ въ отставку артиллеріи поручикомъ,

<sup>1)</sup> Между прочимъ онъ былъ членомъ англійскаго клуба съ 1803 по 1810 г., когда, по совѣту докторовъ, долженъ былъ оставить Петербургъ и переселиться въ Москву.

<sup>2)</sup> Домъ этотъ сохранился въ прежнемъ своемъ видѣ до сихъ поръ въ Большой Конюшенной, № 11. Въ немъ родился пишущій эти строки.

<sup>3)</sup> Флигель-адъютантами, въ то время, назывались личныя адъютанты, а генеральсь-адъютантами завѣдывавшіе дѣлопроизводствомъ въ штабахъ. Одновременно съ отцомъ моимъ былъ при Мелиссино генеральсь-адъютантомъ Клейнмихель (Андрей), отецъ извѣстнаго Петра Андреевича. Отецъ мой рассказывалъ, что мать этого Клейнмихеля, простая чухонка, являлась иногда въ штабъ для свиданія съ сыномъ и всегда выгонялась послѣднимъ.

<sup>4)</sup> Указъ изъ государственной военной коллегіи подписанъ: генераль-лейтенантомъ Зайцевымъ, генераль-маіорами Лиццано и графомъ Апраксинымъ и за оберъ-секретаря подполковникомъ Миловановымъ. К. В.

съ правомъ ношенія мундира, въ 1797 г., имѣя отъ роду невступно 21 годъ, и съ тѣхъ поръ уже болѣе въ службу не вступалъ, если не считать весьма кратковременныхъ причисленій: въ 1799 г. имепнымъ высочайшимъ указомъ 24 мая къ бывшему при императорскомъ кабинетѣ по разнымъ порученіямъ дѣйств. ст. сов. и архитектору Бренна и въ концѣ двадцатыхъ годовъ къ департаменту военныхъ поселеній. Первое изъ этихъ причисленій, продолжавшееся лишь до 1801 года, послѣдовало вслѣдствіе отношеній дѣда моего къ кабинету и къ главному строителю Михайловскаго дворца Бренна, а послѣднее по везапной любезности Петра Андреевича Клейнмихеля, страстно влюбившагося въ одну изъ моихъ двоюродныхъ сестеръ <sup>1)</sup>; съ отказомъ будущему графу руки кузины, отецъ лишился неожиданно предложенной Клейнмихелемъ синекуры.

Въ 1804 г. скончалась жена И. В. Буха; смерть ея повергла старика и въ особенности слабого здоровьемъ сына въ большое горе; они оба тотчасъ же отправились въ продолжительное путешествіе за границу, откуда возвратились въ Петербургъ въ 1806 г. Здѣсь вскорѣ отецъ мой женился на дѣвицѣ баронессѣ Еленѣ Егоровнѣ фонъ-Швахгеймъ <sup>2)</sup>, а въ 1810 г. дѣдъ, по совѣту врачей, съ семействомъ сына переѣхалъ на жительство въ Москву; впрочемъ, въ Москвѣ они прожили недолго и возвратились въ Петербургъ, гдѣ И. В. Бухъ скончался 9 августа 1811 года, имѣя отъ роду 62 года. Онъ погребенъ на Волковскомъ вѣмецкомъ кладбищѣ, гдѣ до сихъ поръ на надгробномъ памятникѣ читается слѣдующая надпись:

Sanft schlummert Er von Kindern und Enkeln beweint, der biedre, edle Menschenfreund. Zu früh ward Er Ihnen entrissen, lange werden bitter Tränen um Ihm fließen.

Константинъ Вухъ.

---

<sup>1)</sup> Александру Александровну Шкурину, вышедшую впоследствии замужъ за Константина Петровича Чечрина.

<sup>2)</sup> Бабка моя Елена Ермолаевна, по первому мужу баронесса Швахгеймъ, а по второму майорша Цейтенъ, была владѣтельницею Касковской вотчины, Ямбургскаго уѣзда. К. В.

# ВЪ УЧИЛИЩѢ ПРАВОВѢДѢНІЯ

въ 1847—1852 гт.

Воспоминанія по поводу 50-лѣтняго юбилея училища.

## I.

Исторіи учебныхъ заведеній, въ особенности издаваемые по какому либо случаю начальствомъ, знакомятъ съ внѣшнею жизнію заведеній, съ ихъ официальнымъ бытомъ, упуская изъ виду болѣе интересную внутреннюю жизнь, ихъ, такъ сказать, домашній бытъ. Свѣдѣнія объ этомъ послѣднемъ чаще всего встрѣчаются въ воспоминаніяхъ бывшихъ питомцевъ. Къ сожалѣнію, эти воспоминанія обыкновенно обхватываютъ очень короткій періодъ времени, да и весьма немного находится охотниковъ передать письму или печати свои личныя воспоминанія, сохранившіяся впечатлѣнія дѣтскаго или юношескаго возраста, а между тѣмъ воспоминанія эти не безынтересны какъ пополненіе и уясненіе внѣшней исторіи. Вотъ эти соображенія и предстоящее въ текущемъ году празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея училища правовѣдѣнія побудили меня взяться за перо и набросать свои личныя воспоминанія объ этомъ училищѣ, за время съ 1847 по 1852 годъ. Можетъ быть, они будутъ не безынтересны для бывшихъ воспитанниковъ правовѣдѣнія, какъ преданія не старины глубокой, но еще имъ памятной.

Въ началѣ августа 1847 г., вмѣстѣ съ другими воспитанниками пансіона покойнаго Эмме (куда я былъ помѣщенъ моимъ отцомъ въ маѣ мѣсяцѣ того года),—предназначавшимися къ по-



ступленію въ училище правовѣдвія, я чуть ли не ежедневно являлся на экзамены въ училище. Экзамены въ нѣсколько дней были окончены, и дня черезъ два или три, по окончаніи ихъ, въ пансіонѣ намъ объявили кто выдержалъ экзаменъ и принять, а кто провалился; въ числѣ принятыхъ оказался и я. Принятые, если не ошибаюсь, 16-го августа утромъ должны были явиться въ училище. Насталъ назначенный день и выдержавшіе экзаменъ начали около девяти часовъ утра собираться въ училищѣ; нѣкоторые явились въ сопровожденіи родныхъ, мы же, пансіонеры Эмме, прибыли сами. Всѣмъ поступившимъ сдѣлали переключку и насъ принялъ нашъ воспитатель, добрейшій Егоръ Ивановичъ Кайпшъ. Послѣ переключки насъ отвели въ спальню, гдѣ мы подверглись медицинскому осмотру, а затѣмъ цѣлое утро прошло въ распредѣленіи между нами коекъ или насъ по койкамъ. Въ двѣнадцать часовъ раздался звонокъ и все младшее отдѣленіе бѣгомъ бросилось въ столовую. Меня сбили съ ногъ и я скатился внизъ по лѣстницѣ, ведущей въ столовую. Это послужило мнѣ урокомъ на будущее время—идти въ числѣ послѣднихъ, пропустивъ впередъ всѣхъ стремившихся засѣсть за обѣденный столъ нѣсколькими минутами прежде другихъ. Въ то время, какъ и теперь, воспитанники училища раздѣлялись на два отдѣленія: старшее, состоявшее изъ питомцевъ первыхъ трехъ классовъ, и младшее—изъ питомцевъ четвертаго, пятаго, шестаго и седьмаго, самаго младшаго, класса. Распредѣленіе времени въ обоихъ отдѣленіяхъ было различное: старшее отдѣленіе вставало, обѣдало, ужинало и ложилось спать часомъ позже младшаго. Младшее отдѣленіе вставало въ 6 часовъ, обѣдало въ 12, ужинало въ 8 и ложилось спать въ 9. Классы, рекреационная зала и дортуары обоихъ отдѣленій были отдѣлены другъ отъ друга, такъ что воспитанники старшаго отдѣленія не смѣшивались съ воспитанниками младшаго, даже въ свободное отъ занятій время. Лазаретъ и церковь были общіе. Оба отдѣленія сходились только въ церкви.

Во время моего поступленія директоромъ училища состоялъ Семень Антоновичъ Пошманъ. Не помню, видалъ ли я его когда либо, такъ какъ въ это время онъ былъ боленъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ декабрѣ) умеръ. Должность директора, во время болѣзни Пошмана и до назначенія ему преемника, исправлялъ инспек-

торъ классовъ, Александръ Ивановичъ Кранихфельдъ. Завѣдываніе каждымъ классомъ поручалось особому воспитателю и, какъ я сказалъ, нашимъ былъ Егоръ Ивановичъ Кайпшъ. Воспитатель въ то время, вмѣстѣ съ своими питомцами, переходилъ изъ класса въ классъ и завѣдывалъ ими до самаго выпуска ихъ изъ училища. По выпускѣ же снова получалъ въ свое завѣдываніе младшій классъ, состоявшій изъ вновь поступившихъ воспитанниковъ. Жизнь новичка въ училищѣ, какъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ того времени, представляла нѣкотораго рода искусъ испытаніе. Къ новичку приставали воспитанники старшихъ классовъ, продѣлывали съ ними школьныя продѣлки, а иногда и били ихъ. Положеніе новичка, у котораго были братья или родственники въ училищѣ, было нѣсколько лучше, — въ немъ менѣе приставали, да и сама акклиматизація ихъ въ училищѣ совершалась легче. Жаловаться на тяжелое житье, на дурное обхожденіе старшихъ классовъ считалось если не бесполезнымъ, то во всякомъ случаѣ чѣмъ-то зазорнымъ. Что бы ни говорили противъ такого варварскаго обхожденія съ новичками, но оно имѣло и свою хорошую сторону: оно служило къ образованію характера и вынуждало создавать въ отношеніи къ товарищамъ такое положеніе, чтобы не нуждаться въ посторонней, внѣшней помощи. Воспитатели, по всей вѣроятности, знали о положеніи новичковъ, но не вмѣшивались въ отношенія товарищей между собою. Вообще жалобы товарищей другъ на друга были крайне рѣдки, а о доносахъ, наушничаніи и тому подобныхъ прелестьяхъ въ то время и помину не было. Но я уклонился нѣсколько отъ фактическаго изложенія о первыхъ дняхъ жизни въ училищѣ.

Первые дни прошли въ снятіи мѣрокъ для шитья форменной одежды, въ пригонѣ сапогъ, бѣлья и т. п., въ раздачѣ воспитателемъ тетрадей, перьевъ, учебныхъ книгъ, въ разъясненіи правилъ, установленныхъ для воспитанниковъ въ стѣнахъ училища и внѣ онаго. Въ ближайшій праздничный день насъ отпустили домой, но не въ форменномъ платьѣ, а въ партикулярномъ, приказавъ намъ явиться изъ отпуска въ девять часовъ вечера того же дня. Въ то время отпускали изъ училища по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ послѣ обѣдни, и только по особымъ ходатайствамъ родителей или родственниковъ дозволяло начальство

нѣкоторымъ уходить домой наканунѣ праздника или воскресенья. Дома можно было ночевать только въ случаѣ двухъ праздничныхъ дней, приходившихся въ ряду.

Въ будніе дни, если память не измѣняетъ мнѣ, время въ младшемъ отдѣленіи распредѣлялось такъ: воспитанники вставали въ 6 часовъ утра, ихъ будили дядьки и воспитатели. Помнится мнѣ одинъ воспитатель, имѣвшій обыкновеніе во время своего дежурства будить заспавшихся воспитанниковъ, стаскивая съ нихъ одѣяла и приговаривая: „mon cher, торопись спать, сейчасъ послѣдній звонокъ“, или другой, летавшій по дортуару и ударявшій ключами по желѣзнымъ койкамъ съ возгласомъ: *man gasch, man gasch . . .*, что означало *machen sie gasch!* Кайпшъ поднималъ воспитанниковъ выступая по срединѣ широкаго прохода между койками, съ возгласомъ на-распѣвъ: „вста-авайте, вста-авайте!“

Изъ спальни, въ половинѣ седьмаго, всѣ гурьбой отправлялись въ столовую; по пути одинъ напяливалъ куртку, другой затягивалъ запряжники, третій закрѣплялъ галстухъ и т. п. Общей молитвы не было: усмотрѣнію cadaго предоставлялось молиться какъ онъ знаетъ и сколько ему угодно, лишь бы въ полчаса онъ успѣлъ умыться, одѣться и однимъ словомъ, сдѣлать свой туалетъ. Утромъ въ столовой давался ржаной кофе и кипяченое молоко. Въ семь часовъ воспитанники отправлялись въ классъ готовить уроки, а въ девять часовъ начинались послѣдніе. Уроки были полуторачасовые и продолжались до двѣнадцати часовъ, съ перерывомъ въ десять минутъ. Послѣ обѣда начинались они съ двухъ часовъ и продолжались до пяти. Послѣ уроковъ давали по куску хлѣба съ масломъ. Воспитанники любили хлѣбъ съ масломъ помѣщать въ душникъ, находившійся въ классѣ. Хлѣбъ, пропитавшійся растопленнымъ масломъ, оказывался вкуснѣе, но за то нерѣдко изъ душника по стѣнкамъ текли потоки масла и образовывали жирныя пятна. Въ половинѣ седьмаго начинались вечерніе приготовленія уроковъ и продолжались до восьми часовъ; въ восемь шли ужинать, послѣ ужина въ спальню, а въ девять всѣ должны были ложиться спать. Во время приготовленія уроковъ,—что дѣлалось въ классѣ,—присутствовалъ воспитатель класса.

Въ обоихъ отдѣленіяхъ, въ теченіи дня, дежурили поочередно

по одному воспитателю; изъ нихъ одинъ оставался почевать въ училищѣ и располагался въ младшемъ отдѣленіи на особомъ креслѣ.

Я забылъ упомянуть, что утромъ, до начала уроковъ, посѣщалъ училище докторъ; помню его фигуру въ бѣломъ галстухѣ, вицъ-мундирѣ, съ шляпой стариннаго фасона. Къ нему воспитанники обращались за медицинскою помощью, состоявшею въ томъ, что дѣйствительно больныхъ онъ отправлялъ въ лазаретъ, жаловавшимся на кашель и мнимое страданіе груди онъ назначалъ красные порошки, а жаловавшимся на страданіе желудка—назначалъ, смотря по расположенію духа, касторовое масло или-же скоромное кушанье въ постные дни. Quasi-больнымъ, являвшимся въ поведѣльникъ, предлагался габеръ-супъ, очень невкусное блюдо по мнѣнію большинства воспитанниковъ. Относительно красныхъ порошковъ существовало у моихъ товарищей убѣжденіе, что это толченый кирпичъ и я только впоследствии узналъ, что это *sulfur auratum antimonii*. По средамъ и пятницамъ насъ круглый годъ угощали постнымъ кушаньемъ и часто давали манную кашу съ какимъ-то миндальнымъ запахомъ. Нѣкоторые воспитанники увѣряли, что запахъ происходитъ отъ *savon aux amandes amères*, прибавленнаго къ кашѣ. На эти-то постные дни приходился наибольшій процентъ жаловавшихся на страданіе желудкомъ.

Черезъ нѣсколько дней, когда форменная для насъ одежда была готова, намъ объявили, что прійдетъ его высочество принцъ Ольденбургскій, смотрѣть насъ. Въ назначенный день по училищу пронеслись слова: „его высочество“, насъ кой-какъ построили въ рекреационной залѣ, служившей корридоромъ передъ классами, построили, т. е. установили по линіи паркета; ранжиръ и ровненія вышли плохи. Явился передъ нами его высочество; его сопровождалъ, въ числѣ начальства, и нашъ воспитатель. Его высочество уже тогда былъ пожилыхъ лѣтъ, нѣсколько сутуловатъ, съ большимъ носомъ, рѣдкими рыжеватыми волосами и съ усами, торчавшими щетиной. На немъ былъ преображенскаго полка мундиръ. Его высочество особенно любилъ этотъ мундиръ и постоянно его носилъ, и я только разъ его видѣлъ въ формѣ стародубскаго кирасирскаго полка, котораго онъ состоялъ шефомъ. Его высочество считалъ своею обязанностью каждаго изъ насъ спросить о чемъ либо; меня, напримѣръ, спросилъ: не мои ли сестры воспитываются въ Смольномъ, не сынъ

ли я поэта? Не взирая на мои отрицательные отвѣты, его высочество эти вопросы задавалъ мнѣ во все время моего пребыванія въ училищѣ. Той-же участи подвергались и всѣ мои товарищи. Его высочество любилъ осматривать наше обмундированіе и постоянно заботился, чтобы не былъ тѣсенъ воротникъ, платье не давило грудь, не былъ туго перетянутъ запряжникъ и т. п. Во время пребыванія въ училищѣ, мы не могли цѣнить душевныхъ качествъ его высочества и только впоследствии, много лѣтъ спустя по выходѣ изъ училища, я узналъ сколько любви и участія къ ближнему скрывалось въ его высочествѣ и сколько тайнѣ онъ дѣлалъ добра, оказывая помощь всѣмъ тѣмъ, кто къ нему обращался. Вѣсть о его кончинѣ заставила многихъ пролить искреннія слезы сожалѣнія... Смотръ прошелъ, какъ и всегда, благополучно; его высочество уѣхалъ, какъ и всегда, довольный тѣмъ, что ему показывали въ училищѣ.

Послѣ смотра его высочества насъ стали увольнять въ отпуски въ форменной одеждѣ. Я помню маленькій казусъ, случившійся со мною въ первый же день, какъ только въ форменномъ платьѣ я отправился домой. Нашъ головной уборъ составляла трехуголка. Выйдя изъ училища, я около директорскаго подъѣзда столкнулся съ воспитателемъ, Алексѣемъ Симоновичемъ Андреевымъ; желая оказать ему почтеніе, я снялъ совсѣмъ трехуголку и тотчасъ-же, вмѣсто отвѣта на мой поклонъ, услышалъ: „государь мой, да гдѣ-же это видано, чтобы снимали трехуголки на улицѣ? Слѣдуетъ не снимать, а приложить къ кокардѣ руку“. Чтобы доказать, что наставленіе не пропало даромъ, я надѣлъ трехуголку, да, второпяхъ, кокардой на лѣвую сторону, и приложилъ къ ней руку. Опять послѣдовало новое замѣчаніе и уже на этотъ разъ Алексѣй Симоновичъ помучилъ меня, заставивъ разъ десять отдать честь. Отпустилъ же онъ меня съ наставленіемъ: „помни, сударь мой, какъ слѣдуетъ отдавать честь, да не попадайся великому князю Михаилу Павловичу“. Нужно замѣтить, что въ училищѣ господствовало вѣрованіе, что великій князь Михаилъ Павловичъ терпѣть не можетъ правовѣдовъ и за него не разъ доставалось намъ отъ начальства.

Помню, какъ то мой товарищъ, Шванебахъ, встрѣтившись съ великимъ княземъ Михайломъ Павловичемъ, не отдалъ ему чести; его высочество, отобравъ отъ Шванебаха билетъ, прика-

заль ему тотчасъ отправиться въ училище и обо всемъ доложить начальству. Злополучнаго Шванебаха начальство тотчасъ же посадило въ карцеръ, о чемъ мы узнали, явившись изъ отпуска въ назначенный часъ въ училище. И, отходя ко сну, долго разсуждали, что будетъ съ Шванебахомъ, отдѣляется ли онъ карцеромъ, или же его постигнетъ болѣе горькая участь—исключеніе. Мнѣнія по сему случаю были разнорѣчивы. Большинство, однако же, заснуло съ вѣрой, что дядя Шванебаха, состоявшій секретаремъ при нашемъ принцѣ, спасетъ племянника отъ бѣды. Дѣло кончилось тѣмъ, что Шванебаха выпустили изъ карцера, но изъ училища не исключили, а всѣмъ намъ строго на строго приказали не зѣвать на улицахъ, отдавать честь его высочеству, особамъ царской фамиліи (которыхъ мы знали только по портретамъ) и всѣмъ генераламъ.

Перейду теперь къ преподаванію и преподавателямъ.

## II.

Законъ Божій преподавалъ протоіерей Михаилъ Измаиловичъ Богословскій; онъ же преподавалъ въ IV классѣ логику, а въ III—психологію. Два низшіе класса на его урокахъ сходились вмѣстѣ; въ этихъ классахъ одинъ годъ преподавалась священная исторія ветхаго завѣта, а другой—новаго завѣта. На долю нашего класса выпало, если не ошибаюсь, изученіе сначала новаго завѣта, а затѣмъ, въ шестомъ классѣ, мы слушали ветхій завѣтъ. Богословскій обыкновенно полъ-урока спрашивалъ, а полъ-урока объяснялъ. Такъ какъ отъ соединенія двухъ классовъ число учениковъ доходило до сорока или до пятидесяти, то, въ видахъ контроля, онъ назначалъ мониторовъ. Мониторъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи пятерыхъ воспитанниковъ и былъ обязанъ передъ урокомъ ихъ выпросить, поставить имъ отмѣтки и при входѣ въ классъ Богословскаго подать ихъ ему. Былъ и я назначенъ мониторомъ, но пребывалъ въ семъ званіи недолго, очень недолго. Подъ моимъ вѣдѣніемъ, какъ монитора, находились отчаянные лѣнтяи. Какъ теперь помню, когда слѣдовало спросить ихъ урокъ, то первый, мой землякъ, Вельяминовъ, запротестовалъ и потребовалъ, въ надеждѣ—авось Богословскій не спроситъ, отмѣтки 9

(у насъ была двѣнадцатибальная система), за нимъ слѣдующій—10 и, наконецъ, грузинскій князь—12. Въ простотѣ сердечной и положившись на авось, я удовлетворилъ ихъ желанію. На бѣду, Богословскій спросилъ перваго князя; тотъ, что говорится, ни въ зубъ; за нимъ слѣдующаго—тотъ то же; на повѣрку оказалось, что всѣ, находившіеся подъ моимъ вѣдѣніемъ, урока не знаютъ. Вызываетъ Богословскій меня; я отвѣтилъ урокъ удовлетворительно. „Ну, зачѣмъ же ты наставилъ имъ такіа отгѣтки?“ — „Виновать, положился на ихъ совѣсть“. — „Ну, такъ стань-ка къ стѣнкѣ; мнѣ не нужны такіе мониторы, которые полагаются на совѣсть“. И сейчасъ-же былъ назначенъ другой мониторъ на мое мѣсто. Цѣлый урокъ я простоялъ у стѣнки и благословлялъ судьбу, что она избавила меня отъ мониторинга.

Въ пятomъ классѣ Богословскій преподавалъ объясненіе богослуженія и занимался съ нами переводами текстовъ, встрѣчающихся въ пространномъ катехизисѣ. Въ четвертомъ классѣ онъ не преподавалъ, а заставлялъ зубрить пространннй катехизисъ Филарета. Это дословное заучиваніе катехизиса было крайне обременительно и не по сердцу большинству воспитанниковъ. Какъ-то одинъ изъ воспитателей, нѣмецкаго происхожденія, въ разговорѣ съ Богословскимъ замѣтилъ, что воспитанники жаждутъ на то, что онъ заставляетъ задалбливать катехизисъ и не позволяетъ отвѣчать своими словами, а въ заключеніе спросилъ: „неужели-же это необходимо?“ Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, Богословскій поставилъ слѣдующую дилемму: „воспитанникъ своими словами не скажетъ лучше, чѣмъ изложено въ катехизисѣ, а хуже ему, Богословскому, не нужно“. Въ четвертомъ классѣ, какъ я замѣтилъ, Богословскій преподавалъ логику и я долженъ сознаться, что этотъ курсъ составленъ былъ прекрасно. Впослѣдствіи мнѣ попалась логика профессора Струве, для гимназій варшавскаго учебнаго округа, и она мнѣ сильно напомнила курсъ Богословскаго, съ тою разницею, что вторая часть логики (архитектоника) Богословскимъ излагалась гораздо пространнѣе.

Въ логикѣ Богословскаго меня поражали примѣры, въ родѣ слѣдующаго: вѣря въ сказанія Моисея, слѣдуетъ отвергнуть всѣ ученія геологовъ и другихъ ученыхъ и т. д. Казалось бы, что логика не должна касаться вѣрованій: изслѣдуя законы и формы мышленія, она не должна выходить изъ области положительнаго

знанія. Въ третьемъ классѣ Богословскій, по закону Божию, преподавалъ о инославныхъ и иновѣрческихъ вѣроисповѣданіяхъ. Читанія его по этому предмету были для меня въ высшей степени занимательны. Въ этомъ же классѣ онъ преподавалъ и психологію, но что это была за психологія—объ этомъ у меня исчезло всякое представленіе; помнится только, что она не была похожа на психологію настоящаго времени. Въ двухъ старшихъ классахъ преподавалась исторія церкви и каноническое право, о чемъ я не имѣю понятія, такъ какъ оставилъ училище будучи въ третьемъ классѣ.

Богословскій—человѣкъ ученый, удостоенный, за свою священную исторію, степени доктора богословія, былъ, какъ увѣряли, знаткомъ греческаго языка и вообще человѣкомъ отлично образованнымъ, но онъ поражалъ какъ бы презрѣніемъ къ образованію. Такъ, если ему случалось произносить французскую или нѣмецкую фразу, то онъ умышленно произносилъ ее съ убійственнымъ семинарскимъ акцентомъ; латинское слово *seu* выговаривалъ *севъ* и т. п. Имя бывшей и производившей въ то время въ Петербургѣ фуроръ артистки Рашель онъ произносилъ Рахиль, съ добавленіемъ „поганая“ или что-то въ этомъ родѣ. Воспитанники боялись Богословскаго и были убѣждены, что и само начальство, не исключая и принца, его побаивается; по ихъ мнѣнію, въ совѣтѣ училища Богословскій игралъ, такъ сказать, первую скрипку. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ—не знаю; во всякомъ случаѣ личность Богословскаго, очень замѣчательная, представляла много загадочнаго. Что Богословскій могъ имѣть на молодое поколѣніе вліяніе, это для меня несомнѣнно. Много лѣтъ по выходѣ изъ училища, я встрѣтился съ однимъ изъ болѣе юныхъ правовѣдовъ, который просто молился на Богословскаго и подъ его вліяніемъ сдѣлался религіознымъ фанатикомъ. Религіозный фанатизмъ и свелъ его преждевременно въ могилу.

Русскій языкъ въ двухъ низшихъ классахъ преподавалъ Ивановъ. Въ пятомъ классѣ онъ же преподавалъ реторику, а въ остальныхъ четырехъ высшихъ классахъ русскую словесность читалъ Георгіевскій. Ивановъ, кромѣ того, занималъ должность секретаря совѣта. Воспитанники, не знаю почему, называли его „Окунькомъ“. Ивановъ заставлялъ насъ зубрить грамматику сво-



его сочиненія; изъ ней я помню только эпиграфъ, взятый изъ Ломоносова: „тупа ораторія, косноязычна поэзія, непонятна философія безъ грамматики“. Много изданій выдержала грамматика Иванова, и во времена попечительства Витте въ Царствѣ Польскомъ была очень распространена въ варшавскомъ округѣ; что могли изъ нея вынести поляки—не знаю, они довольны были тѣмъ, что она не объемиста. Руководствомъ въ пятомъ классѣ служила книжка Георгіевскаго; изъ нея мы почерпали свѣдѣнія о гиперболахъ, синекдохахъ, метониміяхъ и тому подобныхъ прелестяхъ. Примѣры тамъ приводились изъ писателей допушкинской и пушкинской эпохи. Нѣкоторые изъ нихъ почему то замѣнялись другими. Между Ивановымъ и воспитанниками существовали хорошія отношенія.

Въ высшихъ классахъ я изучалъ россійскую словесность у Георгіевскаго, прозваннаго воспитанниками батинькой. Георгіевскій былъ наставникомъ Пушкина и сохранялъ до самой смерти должность профессора въ лицей и въ училищѣ правовѣдѣнія. Воспитанники училища должны были зубрить въ пятомъ классѣ, по его руководству, реторику, а затѣмъ, въ старшихъ классахъ, продолжать зубрежъ болѣе объемистаго сочиненія Георгіевскаго: „Руководство къ изученію русской словесности“. Творенія Георгіевскаго у насъ извѣстны были подъ именемъ „малая и большая чепуха“; въ лицей—подъ названіемъ „малой бутылки“ и „большой бутылки кислыхъ щей“. Въ классѣ у Георгіевскаго происходили безобразія невообразимыя. Тишина и порядокъ водворялись только тогда, когда батинька читалъ отрывки изъ писателей. Чтеніе имъ, на примѣръ, ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ или старосвѣтскихъ помѣщиковъ очень нравилось намъ; въ особенности батинька мастеръ былъ читать басни Крылова. Я помню фуроръ, произведенный имъ чтеніемъ басни „Пустынникъ и Медвѣдь“:—цѣлый классъ оралъ ему браво и бисъ, да такъ, что батинька вынужденъ былъ, для успокоенія класса, прочитать басню во второй разъ.

Батинька задавалъ намъ писать сочиненія на темы очень курьезныя и затѣмъ прочитывалъ ихъ въ классѣ самымъ курьезнымъ образомъ, такъ что авторъ самъ не узнавалъ своего сочиненія. Оцѣнку же онъ производилъ, т. е. выставялъ баллы, какъ полагали воспитанники, по длинѣ: столько-то аршинъ и столько-

то балловъ. Отвѣчали у батиньки не сходя съ мѣста и нѣкоторые пренахально раскрывали передъ собой книгу и считывали, что вызывало со стороны батиньки замѣчаніе:

— „Господинъ такой-то, да не справляйтесь съ книжицею“.

Не рѣдко батинька принимался усовѣщевать расходившагося шалуна, подзывалъ его къ каедрѣ, уговаривалъ остепениться, вести себя лучше и въ заключеніе прибавлялъ: „вѣдь и Пушкинъ былъ сначала ужасный школьникъ, а вѣдь какой изъ него вышелъ поэтъ!“ Иногда батинька пытался усовѣщевать цѣлый классъ и увѣрялъ, что у него въ лицѣ сидятъ такъ, что слышно какъ муха пролетитъ. По справкамъ оказывалось, что при подобныхъ же обстоятельствахъ въ лицѣ батинька заявлялъ: „а вотъ у меня въ правовѣдніи сидятъ такъ, что слышно какъ муха пролетитъ“. Иногда школяры устраивали батинькѣ бенефисы. Бенефисы бывали со звономъ и безъ онаго. Для бенефиса со звономъ отвинчивалась отъ душника мѣдная чашка и помѣщалась подъ возвышеніе, на которомъ стояла каедра; тамъ же закрѣплялась веревка, веревка продѣвалась чрезъ чашку и шла до самой скамьи, на которой сидѣлъ звонарь. Къ веревкѣ привязывалась головка чашки, служившая для прикрѣпленія ея къ стержню выдвижнаго душника; она-то, ударяя по чашкѣ, производила звонъ. Въ классъ приходилъ батинька и садился на каедру; нужно замѣтить, что онъ былъ эмфизематикъ и кашлялъ какъ изъ порожней бочки; какъ только начиналъ батинька кашлять, раздавался звонъ и такъ длилось цѣлый урокъ или до тѣхъ поръ, пока забава не надоѣдала самому звонильщику.

Бенефисы безъ звона заключались въ томъ, что встрѣчали батиньку или пѣніемъ „се женихъ грядетъ во полунощи“, или же пѣніемъ передѣлки тріолета, яко-бы сочиненнаго батинькой. Вотъ слова, напѣвавшіяся въ подобномъ случаѣ:

Какъ годъ тебѣ свершится,  
Опасенъ будешь ты сердцамъ;  
Не даромъ еміамъ на алтарѣ любви  
Прелестямъ твоимъ курится,  
и т. д.

Иногдаже воспитанники становились по пути къ каедрѣ въ два ряда и, отвѣшивая нижайшіе поклоны, препятствовали, на каждомъ шагу, двигаться батинькѣ къ каедрѣ. Батинька все

это сносилъ терпѣливо, никогда не жаловался начальству, не записывалъ провинившихся предъ нимъ школьничковъ въ журналъ. Удивляешься бывало и недоумѣваешь: доброта ли это души или что иное? Впрочемъ въ отмѣстку за школьничанье, едва-ли не батинька окрестилъ послѣднія свамьи прозвищемъ: запорожье; фактъ тотъ, что названіе это намъ сдѣлалось извѣстнымъ только въ четвертомъ классѣ.

Фигуру Георгіевскаго я живо помню до сихъ поръ. Это былъ старикъ средняго роста, цвѣтъ лица точно такой, какой византійскіе иконописцы изображаютъ на ликахъ святыхъ. Волосы подозрительно темнаго цвѣта, височки тщательно зачесаны впередъ. На обѣихъ сторонахъ головы по пробору. Часть волосъ отъ нихъ зачесана къ верху и загнута внутрь для прикрытія дефицита волосъ на темянной части, что придавало странный видъ передней части куафюры. Прическа эта напоминала бывшую когда-то, въ давнія времена, въ модѣ прическу *à la girafe*. Платье напоминало костюмъ элганта начала текущаго столѣтія, галстухъ громадный, двухъ-этажный, воротникъ виць-мундира на спинѣ и плечахъ круто-выгнутый, подложенъ былъ толстымъ картономъ или, какъ увѣряли воспитанники, бѣлою жестью. Рукава длинные, — изъ нихъ высовывались лишь концы пальцевъ, фалды заходили одна на другую. Жилетъ напоминалъ камзолъ, и брюки съ клапаномъ. Изъ бѣлья видѣлась только бѣлая манишка чуть-ли не съ брызжами. Однимъ словомъ, костюмъ, подобный батинькиному, рѣдко встрѣчался даже въ то время на комъ либо въ Петербургѣ, а теперь его и вовсе не видно, да и портные окончательно разучились кроить и шить подобные костюмы.

Латинскій языкъ въ трехъ низшихъ классахъ преподавалъ Михлеръ, а въ четырехъ старшихъ — профессоръ Шнейдеръ. Михлеръ представлялъ изъ себя толстенькую, кругленькую, небольшого роста, сѣденькую фигурку. Прозывали его воспитанники мартышкой. По поводу этого прозвища случился въ нашемъ классѣ такой казусъ: въ числѣ моихъ товарищей былъ Успенскій, очень маленькаго роста, ну, таковаго маленькаго роста, что могъ спрятаться въ ящикѣ школьнаго стола. Успенскій какъ-то запоздалъ на урокъ Михлера и, не подозрѣвая, что Михлеръ сидитъ на каедрѣ, входитъ въ классъ. Отворяя классную дверь, Успенскій громогласно возвѣстилъ классу:

— „Господа, Мартышка еще не пришла?“, и былъ крайне удивленъ, когда съ каеэды услышалъ въ отвѣтъ:

— „Ну, нѣтъ, ты ошибаешься, Мартышка тутъ какъ тутъ“.

При этомъ мнѣ припоминается еще казусъ, бывшій въ классѣ Михлера. На первомъ урокѣ, дѣлая переключку, доходитъ онъ до воспитанника по фамиліи Принцъ.

— „Вы какой принцъ?“ спрашиваетъ Михлеръ и получаетъ самый положительный отвѣтъ:

— Я не родственникъ его высочества, мой отецъ главный докторъ Павловскаго корпуса.

У Михлера занимались мы чтеніемъ басенъ Федра. Въ числѣ этихъ басенъ воспитанники выкопали басню подъ заглавіемъ: *Meretrix et juvenis* и не разъ приставали къ учителю—когда-же мы будемъ ее переводить, или: что значить слово *meretrix*? Михлеръ отдѣлывался на подобные вопросы словами: „ну, ты умей“, или: „лучше меня знаешь, что такое *meretrix*“. Для изученія грамматическихъ правилъ руководствомъ служила книга Кюннера, тогда еще не переведенная на русскій языкъ, и изъ этой книги мы должны были задалбливать правила и исключенія, а также дѣлать письменныя упражненія; это была чистая бѣда. Должно быть, въ то время начальство наше не было еще убѣждено въ томъ, что нельзя изучать чужой языкъ при помощи руководствъ, составленныхъ не на родномъ языкѣ.

Съ четвертаго класса начиналось преподаваніе латинскаго языка у профессора Шнейдера и оно имѣло совсѣмъ иной характеръ. На первомъ же урокѣ Шнейдеръ продиктовалъ намъ по русски біографію Плинія Младшаго, чьи письма мы должны были читать; біографію мы должны были перевести на латинскій языкъ; разборъ этихъ переводовъ, поправка ихъ и разныя комментаріи служили предметомъ нѣсколькихъ уроковъ. Затѣмъ, приступили къ чтенію самихъ писемъ; изъ нихъ Шнейдеръ выбиралъ наиболѣе интересныя, на примѣръ, письмо о гибели при изверженіи Везувія Плинія Старшаго; переписка съ Трояномъ о христіанахъ. Чтенія эти не были сухимъ переводомъ. Шнейдеръ пояснял ихъ разказами о разныхъ эпизодахъ римской жизни, о нравахъ римлянъ и т. п. Многое изъ разказовъ Шнейдера до сихъ поръ сохранилось въ моей памяти. У старика-профессора иногда показывались слезы при разказахъ о тяжеломъ положеніи рабовъ въ Римѣ, когда раба, за разбитіе вазы, бросали

на сѣденіе мурень. Многимъ, многимъ эти слезы казались смѣшными, но на меня подобные рассказы производили глубокое впечатлѣніе.

Со школьной свамьи изъ класса Шнейдера я попалъ въ Петербургскомъ университетѣ въ аудиторію Лапшина, считавшагося и знаткомъ, и отличнымъ преподавателемъ латинскаго языка. Но увь! какая громадная разница между преподаваніемъ Шнейдера и Лапшина! У послѣдняго я не замѣчалъ ни малѣйшаго поползновенія на разъясненіе древне-римскаго міра; все вниманіе его сосредоточивалось на словоудареніи и бѣда была сдѣлать ошибку противъ правилъ послѣдняго. Читалъ Лапшинъ съ натуралистами Салюстія и началъ съ того, отъ чего у Салюстія стоитъ *omnis homines qui...* а не *omnes*, какъ-бы слѣдовало быть по грамматикѣ Лапшина. Приводились различныя разъясненія нѣмецкихъ ученыхъ, не желавшихъ помириться съ тѣмъ, что Салюстій по ошибкѣ, а можетъ быть и переписчики по безграмотности поставили *omnis* вмѣсто *omnes*. Эти толки наводили на меня скуку и уныніе. У Лапшина на экзаменѣ бѣда была не знать или забыть значеніе слова, встрѣчающагося въ переводѣ. Правда, у него на экзаменѣ переводили только тѣ главы писателя, которыя были прочитаны съ нимъ въ теченіи года. У Шнейдера воспитанникъ четвертаго класса долженъ былъ переводить à l'usage ouvert того писателя, который читался въ теченіи года, и Шнейдеръ готовъ былъ сообщить значеніе неизвѣстныхъ воспитаннику словъ, сколько бы ихъ ни встрѣтилось въ переводѣ. Еще разъ повторяю, что преподаваніе Шнейдера сильно мнѣ врезалось въ память.

Обращаюсь къ Михлеру. Онъ какъ-то странно окончилъ свою карьеру. Мы возвратились съ каникулъ по переходѣ изъ пятаго въ четвертый классъ. Михлера уже не было въ училищѣ, онъ исчезъ. Преподаваніе латинскаго языка въ низшихъ классахъ перешло въ руки Носова; куда дѣвался Михлеръ—никто изъ насъ не зналъ; толки относительно его исчезновенія были разные; одни говорили, что онъ утонулъ на дачѣ, другіе—что на охотѣ въ лѣсу медвѣдь его задралъ... Какъ бы то ни было, онъ можетъ быть и утонулъ вслѣдствіе неосторожности, можетъ быть попалъ въ лапы медвѣдя, но можно положительно утверждать, что онъ не погибъ вслѣдствіе неблагонадежности въ волнахъ житейскаго моря.

## III.

Исторію преподавали въ училищѣ Налетовъ, Брутъ и Шульгинъ.

О первомъ сохранилось въ моей памяти прозвище, данное ему воспитанниками (крокодилъ), и страсть за ничтожнѣйшіе проступки записывать воспитанниковъ въ журналъ и ставить имъ дурныя отмѣтки, что влекло за собою лишеніе отпуска въ воскресный день. Въ праздничные дни наибольшее число воспитанниковъ оставалось безъ отпуска изъ-за Налетова. Налетовъ, бывало, поставитъ отмѣтку пять въ мѣсячную вѣдомость и получившій такую сидитъ безъ отпуска до тѣхъ поръ, пока не получитъ лучшей. Налетовъ, видимо, старался продержатъ получившаго неудовлетворительную отмѣтку подолже въ училищѣ. Просьбы переспросить, чтобы получить лучшую отмѣтку, на него не дѣйствовали...

Брутъ читалъ исторію въ пятомъ и четвертомъ классахъ. Это былъ небольшого роста, сѣдой, подслѣповатый, добрый старикъ, но читалъ лекціи убійственно; за то его никто не слушалъ. Воспитанники удостоивали вниманіемъ только лекцію его объ открытіи Америки или, вѣрнѣе сказать, ту часть ея, когда онъ рассказывалъ, что испанцы, плывшіе съ Христофоромъ Колумбомъ, увидавъ землю, кричали: „эѣ... земля, эѣ... берегъ!“

Въ трехъ старшихъ классахъ читалъ исторію Иванъ Петровичъ Шульгинъ, тайный совѣтникъ, являвшійся на лекціи разукрашенный звѣздами. Къ воспитанникамъ онъ обращался: „ну, мой милый“. На лекціяхъ плевался и немилосердно нюхалъ табакъ. Между воспитанниками ходила такая легенда о Шульгинѣ: во время оно Иванъ Петровичъ читалъ лекцію, плевалъ на кафедру, нюхая табакъ, просыпалъ его мимо носа и такую развелъ грязь на возвышеніи, на которомъ стояла кафедра, что, вслѣдъ за нимъ читавшій лекцію профессоръ Гриммъ въ этой грязи промочилъ ноги, получилъ простуду и отправился ad patres.

Должно отдать Шульгину справедливость, что онъ читалъ съ толкомъ, чувствомъ и разстановкой. Но исторія его не шла, если не ошибаюсь, далѣе начала текущаго столѣтія; во всякомъ слу-

чаѣ, она прерывалась на вѣнскомъ конгрессѣ. Замѣчательно, что въ училищѣ не было особой кафедры для русской исторіи: она входила въ курсы Брута и Шульгина.

Географію въ училищѣ преподавали Кайпшъ, нашъ воспитатель, и Вранкенъ, статскій совѣтникъ, прозванный воспитанниками Генераломъ. Въ седьмомъ классѣ Кайпшъ преподавалъ нѣчто претендовавшее на математическую географію. Что могли вынести его ученики, математическія свѣдѣнія коихъ не шли далѣе дробей—единому Господу извѣстно. Кайпшъ толковалъ и о системахъ Птолемея, Тихо-де-Браге и Коперника, но я полагаю, что едва-ли кто изъ моихъ товарищей постигалъ разницу между упомянутыми системами. Изъ всего курса у меня сохранилось въ памяти слово Альдебаранъ, да законъ Боде; болѣе я ничего не помню. Политическую географію проходили, если не ошибаюсь, по руководству Ободовскаго. Генераль Вранкенъ преподавалъ въ пятомъ классѣ географію Россіи, а въ четвертомъ—статистику Россіи. Генераль обижался, когда школьники увѣряли, что въ гербѣ Россійской имперіи, на груди двуглаваго орла, изображенъ драгунъ на бѣломъ конѣ... Статистика Вранкена вовсе не походила на ту статистику, съ которой мнѣ пришлось познакомиться впоследствии. Статистика Вранкена была нѣчто своеобразное, оригинальное, въ которой законъ большихъ чиселъ не имѣлъ приложенія; за то она представляла множество мнемоническихъ кундштюковъ. Я и теперь помню, какъ при посредствѣ фразы: адмиралъ Васильевъ пріѣхалъ изъ Выборга въ каретѣ въ Петербургъ на Рождество, заучивались названія петербургскихъ частей Петербурга.

Математику, т. е. ариметику, алгебру и геометрію (въ мое время тригонометрія не входила въ курсъ наукъ училища) преподавали Семеновъ, Андреевъ, а по оставленіи этимъ послѣднимъ училища — Дитрихсъ. Предметы эти считались воспитанниками трудными, а преподаватели ихъ—строгими. Семеновъ преподавалъ какъ-бы читая лекціи, не заботясь вовсе о томъ, какъ они будутъ усвоены воспитанниками. Упражнять насъ въ рѣшеніи задачъ онъ не любилъ. Иногда онъ гнѣвался за незнавіе урока и въ классѣ алгебры слышались его гнѣвные возгласы: „да не а, да не b, да не с“, и такъ доставалось всей французской азбукѣ, только потому, что слѣдовало сказать а со знакомъ.

Помню, какъ-то разъ, въ седьмомъ классѣ, мой землякъ, Вельминовъ, ухитрился во время урока налить Семенову въ перчатку чернилъ. По окончаніи урока, надѣвая перчатку, Семеновъ ощутилъ мокроту на рукѣ и слѣды чернилъ. Не помню хорошо, какъ удалось ему замѣтить виновнаго. Разсерженный мазнулъ раза два по фізіономіи школяра перчаткой и потащилъ къ дежурному воспитателю. Бывшій въ тотъ день дежурнымъ Каратаевъ попробовалъ успокоить Семенова тѣмъ, что высѣчемъ завтра виновнаго, на что послѣдовала просьба Семенова: „да нельзя-ли сейчасъ?“ Каратаевъ отдѣлался отъ Семенова замѣчаніемъ, что сейчасъ этого сдѣлать нельзя, сами знаете, воспитанники сейчасъ пойдутъ ко всенощной (дѣло было въ субботу), а завтра мы непременно выдеремъ... Между воспитанниками ходило преданіе, что однажды въ пятомъ классѣ сговорились задать бенефисъ Семенову. Входить въ классъ Семеновъ когда ламповщикъ зажигалъ лампы. При входѣ Семенова началось стучаніе ногами; Семеновъ посмотрѣлъ на воспитанниковъ и обратился къ нимъ со словами: „мессье, фи донкъ деванъ лэ жансъ“... Слова эти, сказанныя ломаннымъ французскимъ языкомъ, произвели свое дѣйствіе: тишина и порядокъ мигомъ водворились въ классъ и бенефисъ прекратился самъ собою.

И. А. Тютчевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



примант Дивнод по селам  
1996 край Дамбана село,  
Юно не Табисово писане! —  
но покая бием тидеам ео.  
Уффа! какь скусам емоим гора, да,  
То в стаме тугамови и водаи!..  
Куда ив зиданеи, красной вогоне  
какь ~~шаме~~ торгати передь рбаи;  
Ниде милова сменам — всесроби,  
Яков сидите кашуладей;  
Все удавченеи, и ково —  
А илме ии пошивеке лобосам <sup>тае</sup>!  
Доволенеи каидки слав собо  
Ие буркоходь в д ругам,  
И это у нас зобуи дучаю,  
Тео бер каидки укиа!....

— Ма какокеи в виднеи морт,  
Но ~~кво~~ подта обманеи?...  
А в роковоме ег просоме  
Великая дуам не похотуи.  
Чови: какь оно в небуи валеи;  
Тот рбаи хитри, скусам вилеи,  
Каше обманеи и ковкии дучаи,  
А не давидуеи какь презид,  
Ео ~~завоуданой~~ ~~адтат~~,  
но дучаи юшима вонкани. —

Ех прохотомъ лютисави  
 вавъ ети стии, и себрав  
 собравъ александрова, и не  
 лиху духу продолжать такия  
 образы — въ самое дит; нуръ  
 отъ него, поэзия думкасаи и вави,  
 но прохотомъ даванъ вави  
 и вавитикутъ изъ царства сира  
 каго носитъ брань, на неакоя  
 даванъ разбивекави челоко.  
 думкаи правдивою савкави;  
~~и вавитикутъ изъ царства сира~~  
 Своо бересии отъ земли,  
 и аранъ воздае то ениви;  
 Мило елауи ввравивави  
 себег итъ ноши дурои;  
 оав негодитъ елауи вави!  
 когае — и дави елауи вави! —

иав кажеши то ето недраоки  
 помауи отъ вавитикутъ отого  
 нисана ка нуркани вави. —  
 вавитикутъ и вави нисана  
 вави вави вави, то вави вави  
 нисана вави вави;

каждый наш украинский гражданин...

— проучит и просветит;

— но вам не надо у нас бежать,  
~~и~~ и отсюда — а доселе  
горь не поучиле оубтва —

отвѣдно — отнако и проучаю...

— и проучаю —

M. Serma —

метивши и вчув внахсаннѣ  
свое починеннѣ —

— описант чак Дилемнт.  
и сметивши, и зоборачаю.

у Давидовой Киев, там на  
заставе; она была у нас инт.  
директорат, — говд жанаев; —  
и писала не отдала и надмѣхѣ  
торгов. — решило слишкомъ  
большаго влияния къ обществу;  
надобно: — выходи, такимъ ман  
отъ въ краткѣ длѣннѣ попадаются

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1884 г.

СНИМОКЪ СЪ ПОДЛИННАГО ПИСЬМА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ДОВОЛЕНО ЦЕНЗУРОМ.  
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 29 ДЕКАБРЯ 1883 г.

ФОТОЛИТОГРАФИРОВАНО  
ВЪ ИСПИТАТЕЛИ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ.

## О ВОЗОВНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г.<sup>1)</sup>.

Памятникъ этотъ оканчивается отдѣлкой въ мастерской А. Н. Соколова (отливается вмѣ барельефъ). Такъ какъ подписка на возобновленіе сего памятника закончена, то мы считаемъ необходимымъ теперь же помѣстить здѣсь отчетъ о приходѣ и расходѣ собранной нами суммы.

Первая статья о могилѣ Волинскаго помѣщена въ „Русской Старинѣ“ въ маѣ 1883 г. Въ іюнѣ получено первое пожертвованіе на возобновленіе на могилѣ этого памятника (отъ М. И. Городецкаго и К. К. Миллера)—десять руб. Затѣмъ, какъ видно изъ печатанныхъ нами въ „Русской Старинѣ“ съ окт. 1883 г. по сентябрь 1885 г. списковъ, нижепоименованныя лица прислали на возобновленіе памятника пожертвованія:

Л. Ф. Абатуровъ — 10 р. (Спб.), Андриановы — 2 р. (Москва), П. А. А — въ—2 р., В. С. Балашовъ—25 р. (Спб.), П. П. Баресковъ — 3 р. (Спб.), Н. Л. Бенца—5 р. (Спб.), Ад. П. Берже—10 р. (Тифлисъ), Г. В. Бирюковъ—1 р. (ст. Ладожская, Кубанск. обл.), И. Н. Вожеряновъ — 3 р. (Спб.), Д. А. Булатовъ—10 р. (Ростовъ, Ярославской губ.), В. А. Васильевъ—9 р. (Полтавской губ.), А. П. Вахрушина—10 р. (Москва), С. П. Волосатова—1 р. (Саратовской губ.), Варгунявъ—50 р. (Спб.), г. Гаринъ—1 р. (Спб.), Еф. Гр. Гвоздиковъ—2 р. (Харьковъ), И. И. Глазуновъ — 150 р. (Спб.), В. Е. Головинъ—5 р. (Спб.), М. И. Городецкій 5 р.—(Спб.), В. А. Дашковъ—10 р. (Москва), И. И. Домонтовичъ—3 р. (Спб.), П. М. Еропкинь—25 р. (Тверь), Сергѣй Жегаловъ—5 р.; Г. А. Залюбовскій—1 р. (Екатеринославъ), Д. И. Ило-

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ, стр. 448; сентябрь, стр. 676; т. XLIV, октябрь, стр. 194; ноябрь, стр. 444; декабрь, стр. 624; изд. 1885 г., т. XLV, январь, стр. 244; февраль, стр. 477; мартъ, стр. 716; т. XLVI, апрѣль, стр. 228; май, стр. 448; іюнь, стр. 663; т. XLVII, іюль, стр. 184; сентябрь, стр. 466; т. XLVIII, октябрь, стр. 17.

вайскій—10 р. (Москва), В. С. Иконниковъ—10 р. (Кіевъ), Н. А. Кирилловичъ—5 р. (Новоалександрія), Н. П. Конопатовъ—200 р. (Москва), Ив. Котляревскій—20 р. (Екатеринбургъ), Д. А. Корсаковъ—20 р. (Казань), свящ. Н. Коровшевъ—5 р. (село Картоузъ), А. С. Ладинскій—2 р. (Спб.), Ломоносовъ—11 р. 25 к. (Спб.), П. К. Ловгиновъ—5 р. (Спб.), К. Е. Миллеръ—5 р. (Спб.), Т. М.—1 р. 60 к., И. Б. Назаровъ—10 р. (Майкопъ), А. Н. Никитинъ—5 р. (Спб.), В. Поповъ—3 р., М. И. Семевскій—140 р., С. П. Селифонтова (мать и опекуна малолѣтней Натальи Сергѣевны Селифонтовой, изъ рода Волынскаго)—1,000 р. (Спб.), И. А. Тарасевичъ—3 р. (г. Остроленка), П. Е. Татариновъ—34 р. (Спб.), Д. Д. Траскинъ—5 р. (Тамбовской губ.), В. Ф. Тхоржевскій—2 р. 40 к. (г. Петроковъ), П. В. Трачевскій, прот.—3 р. (г. Кронштадтъ), С. В. Унковскій—5 р. (Спб.), Илья Федоровскій—5 р. (г. Одесса), П. Х.—3 р., А. А. Чумиковъ—10 р. (г. Ревель), г. Шестаковъ—8 р., М. Н. Шляпинъ—1 р. (Перм. губ.), г. Шильдеръ—10 р. и г. Якушванъ—10 рублей.

А всего отъ пятидесяти четырехъ лицъ получено тысяча девятьсотъ руб. двадцать пять копѣекъ (1,900 р. 25 к.).

Изъ этой суммы произведенъ, по 1-е ноября 1885 г., расходъ:

Мастеру А. Н. Соколову за сооруженіе изъ бронзы памятника . . . . .	1,100 р.
Тимоею Вахрамову за буттовую плитку . . . . .	70 „
М. А. Щурупову для уплаты рабочимъ-каменщикамъ . . . . .	50 „

---

А всего израсходовано . 1,220 р  
Остается на лицо . 680 „ 25 к.

Изъ этой суммы, по окончаніи А. Н. Соколовымъ сооруженія памятника и постановки его на мѣсто, имѣютъ быть уплачены ему остальные по условію, съ нимъ заключенному, . . . 500 руб.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ  
В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная, собств. домъ, № 14.

Высылаетъ всѣ книги, кѣмъ-бы то ни было объявленныя,

МЕЖДУ ПРОЧИМЪ:

Исторія военного искусства въ средніе вѣка (V—XVI стол.) съ отдѣльнымъ атласомъ. Составилъ А. Пузыревскій. Двѣ части. 1884 г. 6 р., съ перес. 6 р. 60 коп.

Наполеонъ. Австро-французская война 1809 г. Лекціи по исторіи военного искусства, читанныя въ Николаевской академіи генеральнаго штаба профессоромъ академіи, генеральнаго штаба полковникомъ Н. Н. Сухотиннымъ. 1885 г. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 80 коп.

Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней, пособіе для изученія военной исторіи, составленный генералъ-маіоромъ Дубровиннымъ и Куропаткинымъ, полковниками: Гудимъ-Левковичемъ, Сухотиннымъ и Пузыревскимъ, подъ общей редакціей генералъ-лейтенанта Леера. Часть I. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р. 15 коп.

Жизнеописанія русскихъ военныхъ дѣятелей, издаваемыя подъ редакціей В. Н. Мамышева, будутъ выходить томами каждый изъ 4-хъ выпусковъ; каждый выпускъ будетъ содержать отъ 10 до 15 печатныхъ листовъ и не менѣе 3-хъ портретовъ.

1-й выпускъ оканчивается печатаніемъ и выйдетъ въ теченіи 1885 года. Каждый выпускъ будетъ высылаема подписчикамъ немедленно по выходѣ.

Подписка принимается на 1-й томъ 5 р., съ перес. 6 руб.

По выходѣ 4-го выпуска цѣна на 1-й томъ будетъ возвышена.

Материалы для исторіи крымской войны и обороны Севастополя. Сборникъ, издаваемый комитетомъ по устройству севастопольскаго музея, подъ редакцію Н. Дубровина. 5 выпусковъ, 1871—1874 гг., съ 20-ю портретами, 12 р. 50 к., съ перес. 14 руб.

Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Сост. В. А. Потто. Томъ 1 изъ 4 выпусковъ отъ начала войны до назначенія Ермолова. 1885 г. 6 р., съ перес. 7 руб.

Яковъ Петровичъ Баклановъ. Біографическій очеркъ В. Потто. Изданіе 2-е, 1885 г., съ портретомъ Я. П. Бакланова, по наброску художника Михѣшина и съ вѣтками М. Е. Малышева, гравированными Н. Г. Денисовскимъ, 1 р. 25 к.

Франко-нѣмецкая война 1870—1871 гг. Составлена военно-историческимъ отдѣленіемъ прусскаго генеральнаго штаба, съ картами, планами и приложеніями. Переводъ съ нѣмецкаго А. Риттера и П. Маслова.

Всѣ девять выпусковъ 16 р. 65 к., съ перес. 17 р. 65 коп.

Сраженіе при Верте 6-го августа 1870 г. Составилъ заслуженный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Г. А. Дееръ. Изд. 2-е, вновь пересмотрѣнное. 1885 г. 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 коп.

Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева. Изъ исторіи русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Ловча и Плевна. Двѣ части съ картою театра дѣйствій, съ большимъ планомъ окрестностей Плевны и 9-ю планами. Трудъ генеральнаго штаба генералъ-маіора Куропаткина. 1886 г. Цѣна за обѣ части 5 руб., съ перес. 5 р. 60 коп.

Трудъ этотъ исправленъ и значительно пополненъ указаніями, сообщенными участниками автору, на статьи его „Ловча, Плевна и Шейново“, помѣщавшіяся въ „Военномъ Сборникѣ“ въ 1881—1883 гг., а также свѣдѣніями заимствованными изъ рукописнаго перевода сочиненія на турецкомъ языкѣ о дѣйствіяхъ арміи Османа-паши подъ Плевною.

Переходъ черезъ Балканы отряда генералъ-адъютанта Гурко, зимою 1877 г. Составилъ А. Пузыревскій, 1881 г., съ картами 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Описаніе дѣйствій западнаго отряда дѣйствующей арміи подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Гурко, съ 25 декабря 1877 года до Филиппопольскаго боя включительно. А. Балъць. Съ планами. 1880 года. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг., бывшаго командира 1-й бригады болгарскаго ополченія, полковника де-Прерадовича 1881 г. Цѣна вмѣстѣ 1 р. 50 к.—1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 40 коп.

Мабулетскій отрядъ въ минувшую войну 1877—1878 гг. Воспоминанія офиц. Б. М. Колюбакина. 1885 г. 2 р., съ перес. 2 р. 25 коп.

Война въ Турименіи. Походъ Скобелева въ 1880—1881 гг. Сочиненіе Н. И. Гродекова:

Томъ I. Распроданъ.

Томъ II. Съ портретомъ Тымча-сардара, картами и планами. 1883 г. 2 р. 50 коп., съ перес. 3 руб.

Томъ III. Съ 5-ю политанажами, 2-мя чертежами и 15-ю планами. 1883 г. 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб.

Томъ IV. Съ двумя портретами, картами и планами. 1884 г. 2 р. 50 к. съ перес. 3 руб.

Скобелевъ. Личныя воспоминанія В. И. Немыровича-Данченко. 2-е дополненное изданіе. 1884 г., съ 5-ю портретами, 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб.



поштыцены въ «Древн. и Нов. Россіи», «Руссково Архивъ» и «Памятникахъ нов. руссково исторіи». Эти очерки слѣдующіе: «Иосафъ Ватурино» (вплоть изъ исторіи царств. Канцелярты Петровыи), «Учико Свасо-Евевнїева монастыря», «Князь Г. Г. Орловъ», «Гатчинскїи преданїи объ Орловѣ», «Батюшковъ и Опочинявъ» (слѣдствениое дѣло о говорени важныхъ злодѣйствев. словъ), «Шлясовскїе авантюристы».

Земскїе соборы древней Руси. В. Н. Латкина. Ист.-юридич. изслѣдованїе. Спб. 1885. 440 стр. Ц. 3 р.

Въ одной изъ предъидущихъ замѣтокъ нашъ приходилое говорить о «Матерїалахъ для исторїи земскихъ соборовъ», издаваемыхъ тѣи же авторами; надѣику появилось и самое изслѣдованїе, впервые представляющее полный историческїи обзоръ образованїа и развитїа этого замѣчательнаго явленїа древней Руси. Предшествовавшие изслѣдователя касались лишь отдѣльныхъ сторонъ предмета или представляли обще очерки, не имѣя въ виду исчерпать вопросъ вполне. Авторъ надался, напротивъ, специальною цѣлю изученїа земскихъ соборовъ; обратилъ вниманїе на нѣкоторыи данныи, оставшіиса нетронутыми предшествовавшими изслѣдователями, и сообщилъ новые матерїалы, о которыхъ мы упоминали. Въ своемъ изслѣдованїи онъ разсматриваетъ: соборы при Иванѣ IV; въ смутное время; при Мих. Феодоровичѣ; при Алексѣ Михайловичѣ, послѣдніе соборы; мнѣнїа о нихъ; организацию и компетенцию соборовъ. Рядомъ съ этимъ у автора идутъ очерки представительства у другихъ славянскихъ и западныхъ народовъ; литература предмета изучена имъ съ необходимою полнотою и обстоятельностью; сдѣлано освѣщенїе вопросовъ и даны необходимыи (иногда новые) точка зрѣнїа въ сомнительныхъ вопросахъ; тѣи же мѣсте, при вышшемъ состоянїи литературы матерїаловъ, самый вопросъ нельзя считать еще исчерпаннымъ и не требующимъ новыхъ розысканїи в изслѣдованїа; быть можетъ таково свойство уже самаго вопроса, заманчиваго по существу и важнаго по своимъ выводамъ. Къ книгѣ сданыи нѣкоторыи приложенїа: это документи о мѣтежѣ 1648 г.,

извѣщенїе изъ моск. арх. кн. юстиции, и актъ собора 1653 г. (о литовскихъ и малороссїйскихъ дѣлахъ), изъ москв. архива кн. иностранныхъ дѣлъ.

Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы, 1410 г. Соч. А. Борбашева. Спб., 1885. 165 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Исторїа Литвы все больше и больше обращаетъ на себя вниманїе нашихъ ученыхъ. Недавно, на страницахъ библ. листка, мы указали на новый трудъ въ этой области, скромно названный авторомъ — Замяткѣ на трудъ Н. П. Дашевскаго; в надѣику появилась снова книга, посвященная тому же предмету, заглавїе которой мы выписали выше. Сочиненїе это состоитъ изъ введенїа, въ которомъ сообщается краткое обзоранїе источнїковъ и пособїи, и пяти главъ. Первая глава посвящена очерку общаго строя Литвы, въ которомъ отвѣдено подобающее мѣсто руссково народности и указано значенїе Витовта въ общей судьбѣ этой страны. Остальными главами посвящены дѣятельности Витовта, преимущественно въ его отношенїахъ къ Нѣмецкому ордену, Польшѣ, Москвѣ и татарамъ. Въ значительной степени строемъ государства и этии отношенїаи опредѣлялась вся политика Витовта, который, по словамъ автора, старался создать внутреннюю силу великаго русско-литовскаго княжества уничтоженїемъ удѣловъ и уравненїемъ правъ всѣхъ подданныхъ безъ различїа народностей и вѣры и приобретаетъ перевѣсъ и высшее могущество надъ своими сосѣдями, никогда не допуская ихъ до совместныхъ враждебныхъ дѣйствїи противъ Литвы.

Въ концѣ книги приложены ряды критическихъ изслѣдованїи по разнымъ частнымъ вопросамъ, а именно: 1) о поставленїи Григорья Цычвала в митрополиты; 2) о крещенїи Витовта; 3) объ ошибочномъ мнѣнїи, будто Сяргейло былъ великимъ княземъ Литвы; 4) о грамотѣ Витовта Сявдрилло и Андрею Василло; 5) о князѣ Вугуадѣ; 6) о Подолїи.

Почти печатныхъ трудовъ, авторъ пользовался рукои. Публичной библїотеки, Румянцовскаго музея и Литовсково метрикою, хранящейся въ Сенатѣ. В. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

# „РУССКАЯ СТАРИНА“

1886 г.

СКМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

**Гг. Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

*Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:*

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.

„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.

„Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (81 экз.), съ портретами, 8 руб.

„Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (11 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.

„Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (49 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.

„Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.

„Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семеновскій**.

# РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ  
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Годъ шестнадцатый.

ДЕКАБРЬ.

1885 годъ

## СОДЕРЖАНИЕ.

- |   |   |
|---|---|
| I. Тайная канцелярія въ царство-<br>ваніе Петра I. (Окончаніе) . . . 455                                    | XI. Вѣщаница Проводѣвъ. 1847—<br>1852 гг. Воспоминанія по поводу<br>50-лѣтняго юбилея училища. Гл.<br>IV—VIII. Сообщ. И. А. Тютчевъ 663 |
| II. Записки Александра Михайловича<br>Тургенева. Гл. XVIII—XX . . . 473                                     | XII. Полоцкій надѣтскій корпусъ. Къ<br>его 50-л. юбилею, 1835—1885 гг. 697  |
| III. Филаретъ Дроздовъ, интродуцъ<br>висковскій. Гл. VIII—X . . . 487                                       | XIII. Родъ дворянъ Тьртовыхъ. Сообщ.<br>А. Тьртовъ . . . 679  |
| IV. Записки И. И. Мордера, воспита-<br>теля цесар. Александра Николае-<br>вича, 1824—1834. (Окончаніе). 503 | XIV. Севастополь въ 1854 г. Писма<br>къ Ник. Фед. Мѣтлину . . . 687   |
| V. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ,<br>1816—1852 гг. Сообщ. Ад. П.<br>Берже . . . 523                            | XV. Къ запискамъ отставнаго губер-<br>натора. Сообщ. Ф. Езiorанскій 705   |
| VI. Воспоминанія декабриста А. П. Бѣ-<br>лова. Часть вторая. Гл. X—XII 551                                  | XVI. П. В. Кукольникъ (633)—Е. П.<br>Барновичъ (716)—И. В. Калачовъ 714   |
| VII. Мертвыя души Гоголя въ подлин-<br>ной рукописи автора. Сообщ. Е. С.<br>Некрасова . . . 569             | XVII. Мн. Э. А. Блосельскій-Блосер-<br>скій † 1846 г. Сообщ. княгиня<br>Е. † Трубецкая . . . 720  |
| VIII. Подъ Севастополемъ въ 1855 г.<br>Записки ген.-м. А. Г. Духовина 591                                   | XVIII. Бой на Кушкѣ. П. † Горбуновъ 727а  |
| IX. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ въ<br>письмахъ къ его брату . . . 613  | XIX. „Русская Старина“ въ 1885 г.:<br>1. Обзоръ двѣнадцати книгъ.—<br>2. Собраники, 1870—1885 гг.—<br>3. Подписчики въ 1885 г. . . 727  |
| X. Николай Ивановичъ Ностомаровъ<br>въ 1875—1885 гг. Сообщ.<br>Д. Л. Мордовцевъ . . . 636                   | XX. Библиографическій листокъ (стр.<br>723 и на оберткѣ).   |

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Н. И. Ностомарова, гравир. на мѣди художн. Ф. А. Маркина.  
II. Указатель личнымъ именъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1885 г.

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1886 г.

Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Лица, подписавшіеся на «Русскую Старину» изд. 1886 г. въ теченіе  
декабря 1885 г. могутъ получить за одинъ руб. альбомъ гравюръ,  
изданій «Русской Старины» (второе собраніе).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1885.



XII-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1885 г.

Историческіе очерки. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. А. Н. Пыпина. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Сиб., 8. д. 1885 г., VIII + 643. Цѣна 4 р.

Извѣстное историческое изслѣдованіе нашего уважаемаго ученаго и публициста. Первое изданіе, вышедшее пятнадцать лѣтъ тому назадъ, давно уже разошлось; въ этотъ періодъ явилось множество новыхъ матеріаловъ въ исторіи эпохи Александра I и въ характеристикѣ какъ этого государя, такъ и дѣятелей его времени; со всѣмъ этимъ матеріаломъ, въ изобиліи явившимся на стр. между прочимъ, и «Русской Старинѣ» — почетный авторъ воспользовался съ обычнымъ ему искусствомъ, дополняя эти новыми данными свой трудъ. Исторія тайныхъ обществъ, столь подробно и интересно рассказанная г. Пыпинымъ, дополнена въ настоящемъ изданіи его труда любопытными документами, именно «Законоположеніемъ Союза Благодетствія». Книга отпечатана щегольски, какъ большая часть изданій преемственной типографіи г. Стасюлевича. Жаль, что къ книгѣ не приложены портреты хотя главнѣйшихъ дѣятелей эпохи Александра I, каковы: Строганова, Новосильцева, Кочубея, Румянцева, Сперанскаго; да пора бы явиться на свѣтъ Божій портретамъ Пестеля, Николая Тургенева, Рылѣева и проч. дѣятелей той интересной эпохи, — эти лица всецѣло уже отошли въ область исторіи. М. С.

Die Gewerbepolitik Russlands von Peter I — Katharina II (1682—1762). Von Sigism. von Ordega, Doctor der Staatswissenschaften. Tübingen, 1885. 189 S. Ц. 1 р. 50 к.

Въ этой небольшой книгѣ смато, но обстоятельно трактуется объ отношеніи русскаго законодательства къ промышленности; о состояніи и характерѣ послѣдней въ указанный періодъ. Авторъ пользовался Полн. Собр. законовъ, общими сочиненіями (Карамзина, Соловьева) и трудами, посвященными специально его вопросу (Семеновъ, Борсакъ, Дитятинъ, Толстой, Аристовъ, Вришлеръ и друг.). Общій выводъ автора тотъ, что со всту-

пленіемъ на престолъ Екатерины II закончился меркантильный періодъ въ исторіи русской промышленности, начавшейся съ Петра В.; съ Екатерины II начинается проникновеніе въ русское законодательство идей французской естественно-научно-экономической школы.

О московскомъ соборѣ 1681 — 1682 гг. Опытъ историческаго изслѣдованія Г. Воробьева. Сиб. 1885. 158 стр. Ц. 1 р.

Появленіе всякой книги, затрогивающей вопросъ о нашихъ соборахъ (земскихъ и церковныхъ), вызываетъ немалое вниманіе, хотя ими интересовался уже въ началѣ XIX вѣка таковой всеобъемлющій покровитель науки, какъ Румяновъ, успѣвшій и въ этомъ, еще мало разработанномъ тогда, уголивъ отечественной исторіи кое-что сдѣлать или напомнить. Тамъ же неже и по настоящее время многіе вопросы въ этой области остаются мало или вовсе неизслѣдованными. Къ числу такихъ вопросовъ въ частности принадлежитъ и соборъ 1681—1682 гг. Крѣткія свѣдѣнія о немъ помѣщены въ Собр. госуд. грамотъ и Антѣхъ историческихъ. Авторъ же воспользовался выписками изъ записей дѣлѣй собора, извлеченными изъ Моск. главнаго архива мин. иностр. дѣлъ, и матеріалами Импер. публичной бібліотеки, съ дополненіемъ, наконецъ, тѣми печатными источниками, какіе существуютъ въ литературѣ. Вотъ вопросы, которые рассматриваетъ авторъ въ послѣдовательномъ порядкѣ: 1) соборными опредѣленіями о раскольникахъ; 2) объ униженіи епископскихъ кафедръ; 3) о монастырскомъ благоустройствѣ; 4) о церковномъ благочиніи; 5) о нищихъ; 6) о присягѣ; 7) о вѣкоторыхъ обрядахъ. Предметы эти авторъ рассматриваетъ въ ихъ историческомъ развитіи, въ связи съ предшествовавшими постановленіями. Книжка снабжена обстоятельнымъ указателемъ.

1. Un nonce du pape en Moscovie. Préliminaires de la trêve de 1682, par le p. Pierling P. 1884. 2 фр. 50 с.

2. Le Saint-Siège, la Pologne et Moscou 1682—1687. Par le p. Pierling. S. I. P. 1885. 180. 2 фр. 50 с.

О. Пирамига заявилъ уже себя цѣлымъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

# „РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМЯСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1886 г.

ОЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ выходить въ 1886 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Нѣсколько интересныхъ портретовъ для „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1886 года награвировано академикомъ И. П. Пожалостиннымъ и Ѳ. А. Мѣркинымъ на мѣди, И. И. Матюшиннымъ на деревѣ, а также исполнено въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ помѣститъ на своихъ страницахъ въ 1886 г., между прочимъ, много данныхъ для исторіи минувшаго царствованія императора Александра II Освободителя.

12 книгъ, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1886 г. принимается для иногородныхъ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга (Невскій пр., д. № 46), а въ Москвѣ—въ магазинѣ Мамонтова.

Лица, возобновившія въ теченіи декабря 1885 г. подписку на „Русскую Старину“ изд. 1886 г., получаютъ въ 1886 г. за ОДИНЪ рубль съ пересылкою

## АЛЬБОМЪ ПОРТРЕТОВЪ РУССКИХЪ ДѢТЕЛЕЙ

большое собраніе гравюръ, исполненныхъ лучшими граверами.

Это второе собраніе портретовъ, изданныхъ ред. «Русской Старины». Цѣна книги 5 руб., но для помянутыхъ подписчиковъ на «Русскую Старину» изд. 1886 г. цѣна альбома ОДИНЪ рубль съ пересылкою.

Кромѣ того, подписчики на «Русскую Старину» 1886 г. (въ декабрѣ 1885 г.), имѣютъ право получить за уменьшенную цѣну «Историческіе очерки и рассказы» М. И. Семеваго: I. «Слово и дѣло», съ рисунками, цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.—II. «Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Вильямъ Монсъ», съ портретами и рисунками, цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Также могутъ получить за ДВА рубля (вмѣсто 4 р. 50 к.) «Описаніе Венгерской войны 1849 г.», соч. И. И. Ореуса, съ 14 планами и картами.

Въ магазинѣ Цинзерлинга продается книга:

**систематическая роспись содержанія ста восьмидесяти книгъ ,  
составляющихъ историческій журналъ  
„Русская Старина“**

**ВЪ ПЕРВЫЯ ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЬ ЕЯ ИЗДАНІЯ:**

**1870—1884 гг.,**

Спб., 8 д., 800 стр. изд. 1885 г., съ нѣсколькими гравирован. портретами и снимками.

Цѣна три рубля съ пересылкою.

**ОТЪ РЕДАКЦІИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ».**

Подписчикамъ «Русской Старины» предоставляется получить за весьма уменьшенную цѣну, именно за два руб. съ пересылкою, вмѣсто объявленной цѣны 4 руб. 50 коп., обширное сочиненіе Ив. Ив. Ореуса:

**ОПИСАНІЕ ВЕНГЕРСКОЙ ВОЙНЫ**

**1849 г.**

съ приложеніемъ 14-ти картъ и плановъ.

Этотъ историческій трудъ (изд. въ 1880 г., въ б. 8 д. л., стр. 670) составленъ почти исключительно по архивнымъ рукописнымъ матеріаламъ и составляетъ весьма интересный вкладъ въ военно-историческую отечественную литературу.

Цѣна для подписчиковъ «Русской Старины», вмѣсто назначенной на эту книгу 4 р. 50 к.—всего два рубля съ пересылкою. Книга эта имѣется въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ.

## ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ЦИНЗЕРЛИНГА

(Спб., Невскій проспектъ, д. № 46)

можно получить слѣдующія изданія:

## »СЛОВО И ДѢЛО!«

1700—1725 гг.

Тайная канцелярія при Петрѣ I-мъ.—Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста.—Камеръ-фрейлина Гамильтонъ.—Петръ Великій какъ юмористъ. Къ книгѣ приложены рисунки изображеніе пытки виска на дыбѣ и наказаніе батогами въ Россіи. Изданіе третье, исправленное и пересмотрѣнное. Спб., 1885 г., въ 8 д., стр. VI+350. Цѣна два руб.


Примѣчаніе. Все второе изданіе этой книги разошлось сплона. Напечатано третье изданіе безъ переимѣнъ, кромѣ исправленія описокъ противъ однихъ документовъ, каковыя описки и ошибки исправлены послѣ словенія съ подлинными бумагами. Цѣна третьему изданію книги „Слово и дѣло“ ДВА рубля.

## ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, АННА И ВІЛЛИМЪ МОИСѢ

1692—1724 гг.

съ приложеніемъ двухъ портретовъ—царицъ Авдотьи Феодоровны и Катерины Алексѣевны, и пяти рисунковъ: Нѣмецкая слобода (два рис.) и домъ Лефорта въ концѣ XVII вѣка въ Москвѣ; казнь стрѣльцовъ въ 1698 г.; казнь колесованіемъ въ Россіи при Петрѣ I.

Спб., 1884 г., въ 8 д., стр. IV+362. Цѣна 2 р. 50 к.

 Лица, подписавшіяся на „Русскую Старину“, изд. 1886 г. въ теченіи декабря мѣсяца сего 1885 года—могутъ получить выше-названныя книги по уменьшенной цѣнѣ, а именно—по 1 р. 50 к. за каждую книгу съ пересылкою.

# „РУССКАЯ СТАРИНА“

ИЗД. 1885 г.

съ портретами: въ Вozъ почивающій имп. Александръ Николаевичъ въ бытность его наследникомъ.—Ген.-ад. К. К. Мердеръ.—В. И. Назимовъ.—Н. А. Милютинъ.—Е. Ф. Детловъ.—Архим. от. Игнатій.—Н. И. Пироговъ (въ гробу).—Н. И. Погребовъ.—М. И. Глинка.—А. И. Подолинскій.—Н. И. Костомаровъ—Митрополитъ Филаретъ Московскій († 1867 г.).—Е. А. Жуковская (жена поэта).—Рисунки: Баязеть въ 1877 г.—Памятникъ на могилѣ строителя Казанскаго собора въ Спб.—Андрея Воронихина.

Содержаніе: Записки Алексн. Мих. Тургенева, 1772—1863 гг.;—Посмертныя зап. Ник. Ив. Пирогова;—Зап. К. К. Мердера, воспит. цесар. Александра Николаевича, 1824—1834 гг.;—Воспом. декабриста А. П. Блѣва;—М. А. Фонъ-Визинъ въ восп. М. Д. Францовой,—Новгор. воен. поселенія;—Открытие памятника на Бородинскомъ полѣ въ 1839 г., изъ воспом. А. И. Веригина;—Въ училищѣ правовѣдѣнія, 1847—1852 гг.;—Полодскій каз. корп., 1835—1885 гг.;—Подъ Севастополемъ въ 1853—1856 гг., зап. ген.-м. Л. Г. Духонина;—Славное Баязетское сидѣнье въ 1877 г., очеркъ К. К. Гейнса;—Одна изъ посмертныхъ записокъ П. Г. фонъ-Дервица, 1881 г. и проч.

Исслѣдованія и очерки: Тайная канцелярія въ царств. Петра I, 1720—1724 гг.;—Артемій Петровичъ Волынской и его «конфиденты», очеркъ проф. Д. А. Корсакова;—Елизавета Петровна въ Ревелѣ въ 1746 г., очеркъ А. А. Чумикова;—Арсеній Маѣвничъ, митр. ростовскій, въ смлѣтѣ, 1767—1772 гг. очеркъ И. Я. Морошкина;—Филаретъ Дроздовъ, митр. Московскій, 1782—1867 гг.;—Свящ. Феодосій Левидскій въ заточеніи въ Коневскомъ монастырѣ въ 1824—1827 гг.;—А. П. Ермоловъ въ письмахъ къ кн. М. С. Воронцову;—Троицко-Сергіева приморская пустынь, 1738—1826 гг., очеркъ;—Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перенискѣ имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Бунтъ на Сѣной площади въ Спб. 22 іюня 1831 г.;—Холерный мѣсяцъ въ Спб., іюнь 1831 г., очерки;—Холера въ Малороссіи въ 1830—1831 гг., очеркъ Д. Д. Ахшарумова;—Изъ исторіи желѣзно-дор. дѣла въ Россіи, 1846—1856 гг., очеркъ А. А. Вонлярларскаго;—Николаевская дорога между Петербургомъ и Москвою въ 1842—1852 гг., очеркъ А. И. Штукенберга;—Императоръ Николай I и кн. И. Ф. Паскевичъ въ 1845—1846 гг., записки и письма о волненіяхъ въ Краковѣ и положеніе дѣла въ Ц. Польскомъ;—Вопросъ о починѣ крестьянскаго дѣла 20 ноября 1857 г.;—Крестьянское дѣло въ 1857—1860 гг., замѣтки Н. М. Колмакова;—Сказаніе о волненіи крестьянъ въ Кандеевкѣ въ 1861 г., сообщ. А. М. Дренякинъ;—Императоръ Александръ II въ Курской губ. въ 1861 г., рассказъ Н. Давыдова;—К. Вл. Чевкинъ, 1855—1862 гг.;—Вл. Ив. Назимовъ;—Первыя странницы въ исторіи судебной реформы въ Россіи, 1862—1867 гг., очеркъ Г. Джаншиева;—Изъ новѣйшей глгописи сѣв.-зап. Россіи: Исторія плана распозначенія католицизма въ зап. Россіи, 1865 г., очеркъ А. П. Владимірова;—Гр. Эд. Ив. Тотлебенъ, П. В. Алабина;—Разговоръ имп. Наполеона III съ ген.-ад. Тотлебеномъ въ 1857 г., сообщ. Н. К. Шильдеръ;—Князь Викт. Ил. Васильчиковъ въ 1876 г.;—Экспедиція противъ алашъ-текинцевъ въ 1879—81 гг., статья В. Шаховскаго;—Кирилло-Меодіевское тысячелѣтіе, 885—1885 гг., Д. И. Иловайскаго;—Остзейское дворянство и дворянская жалованная грамота, А. А. Чумикова;—Мраморный дворецъ, 1785—1885 гг.—Писатели: Д. В. Давыдовъ,—В. А. Жуковскій,—М. Ю. Лермонтовъ,—П. Н. Куриядцевъ,—Н. В. Гоголь (Мертвыя души въ подлинной рукописи).—Ф. И. Тютчевъ,—графиня Евдокія Росточина,—Ф. М. Достоевскій,—Н. И. Пироговъ,—И. С. Тургеневъ,—Андрей Ив. Подолинскій,—С. Д. Дрожжнвъ,—гр. А. С. Уваровъ,—Н. И. Костомаровъ,—К. Д. Кавелинъ,—Н. В. Калачевъ,—Е. П. Карновичъ,—художники: А. Н. Воронихинъ,—М. И. Глинка,—А. С. Даргомыжскій—въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.



## ИМПЕРАТОРОКОЕ УЧИЛИЩЕ ПРАВОВѢДѢНІЯ

Записка графа М. М. Сперанскаго.

1835.

Въ своей книгѣ «Жизнь графа Сперанскаго» графъ М. А. Корфъ, между прочимъ, упоминаетъ, что письмо принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго отъ 26 октября 1834 года, въ которомъ онъ выражалъ свое намѣреніе учредить училище правовѣдѣнія и предлагалъ средства для его осуществленія, было передано императоромъ Николаемъ Сперанскому, съ слѣдующею надписью: «Благородныя чувства принца достойны уваженія. Прошу, прочитавъ, переговорить съ нимъ и мнѣ сообщить какъ ваши замѣчанія, такъ и то, что вами съ принцемъ условлено будетъ».

Составленные на этомъ основаніи, по обоюдному ихъ соглашенію, проекты устава и штата были рассмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ и утверждены Государемъ 29 мая 1835 г., а 5 декабря Сперанскій имѣлъ удовольствіе присутствовать при открытіи училища, помѣщеннаго именно въ томъ домѣ, въ которомъ самъ онъ, по возвращеніи изъ Сибири, снова былъ призванъ къ законодательнымъ работамъ. Кабинетъ Сперанскаго находился тамъ, гдѣ теперь устроена церковь училища.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, мы печатаемъ докладную записку графа Сперанскаго, поданную императору Николаю 24 января 1835 г. и въ которой онъ защищаетъ мысль объ учрежденіи училища правовѣдѣнія или, — какъ онъ выразился, — «спеціального училища для судебной части», въ полной увѣренности, что итомцы этого

заведенія, празднуя 5 декабря 1885 года пятидесятилѣтній юбилей своей alma mater, помянуть добрымъ словомъ и главнаго сотрудника принца Петра Георгіевича въ дѣлѣ ея учрежденія графа Михаила Михайловича Сперанскаго.

### О спеціальныхъ училищахъ.

Спеціальныя училища отличаются отъ общихъ тѣмъ: 1) что въ нихъ воспитываются и учатся, а въ общихъ только учатся; 2) въ спеціальныхъ учатся не только теоріи во всѣхъ пространствахъ науки, но и практикѣ и тѣмъ приготавливаются исключительно къ новому роду службы.

Для гражданской службы существуютъ у насъ слѣдующія спеціальныя главныя училища:

I. По министерству внутреннихъ дѣлъ: три медико-хирургическія академіи: с.-петербургская, московская, виленская.

II. По министерству финансовъ: горный институтъ, технологическій институтъ, лѣсной институтъ.

III. По управленію путей сообщенія: особенный институтъ.

IV. По министерству просвѣщенія: главный педагогическій и частныя педагогическіе институты при университетахъ.

V. Министерство юстиціи не имѣетъ никакого спеціальнаго института, кромѣ школы землемѣровъ. Между тѣмъ потребности его столько же важны и обширны, какъ и въ другихъ. Слѣдующія соображенія представляютъ се яснѣе:

Для судей вездѣ нужны способные и благовоспитанные дѣлопроизводители; у насъ они пужнѣе, нежели гдѣ нибудь: ибо у насъ нѣтъ и долго еще не будетъ ни ученыхъ судей, ни ученыхъ адвокатовъ. Судьи у насъ, въ нижнихъ и среднихъ мѣстахъ, избираются изъ дворянъ, болѣею частію военныхъ, а въ высшихъ опредѣляются изъ чиновъ, такъ же военныхъ и гражданскихъ. И нѣтъ причины измѣнять сей порядокъ, если-бы измѣнить его и было возможно. При добромъ дѣлопроизводителѣ

судья, избранный довѣріемъ сословія, съ здравымъ смысломъ и чистою совѣстію, хотя и безъ техническаго знанія, вообще можетъ быть полезнѣе, нежели судья простоученый. Но тотъ же избранный довѣріемъ судья, при худомъ производствѣ, будетъ прикрывать только собою его пристрастіе, или невѣжество.

Университеты наши не могутъ доставить судебной части добрыхъ дѣлопроизводителей, во первыхъ, потому, что тамъ студенты учатся, а не воспитываются; во вторыхъ, потому, что они выходятъ и въ военную и въ другіе роды службы, не были обязаны слѣдовать опредѣленному назначенію; то же можно сказать и о лицахъ; воспитанники ихъ, коихъ впрочемъ и число незначительно, расходятся по всѣмъ родамъ гражданской службы и рѣдко служатъ по судебной части.

Изъ сего видно, что учрежденіе спеціальнаго училища для судебной части, въ коемъ бы воспитанники теорію и практикою приготовлены были предпочтительно къ прохожденію сего рода службы, представляетъ неоспоримую пользу. Возраженіе, что сямъ уменьшится число учащихся въ университетѣ, не можетъ быть уважительно потому, что число воспитанниковъ сего училища, по самому составу его, полагается весьма ограниченнымъ: каждый годъ изъ него можетъ быть выпускаемо не болѣе какъ отъ 20 до 25-ти человѣкъ.

На подлинной помѣта рукою графа М. М. Сперанскаго:

„Представлено Е. И. В. 24 генв. 1835 года“.

Сообщ. Г. К. Рѣвинскій.

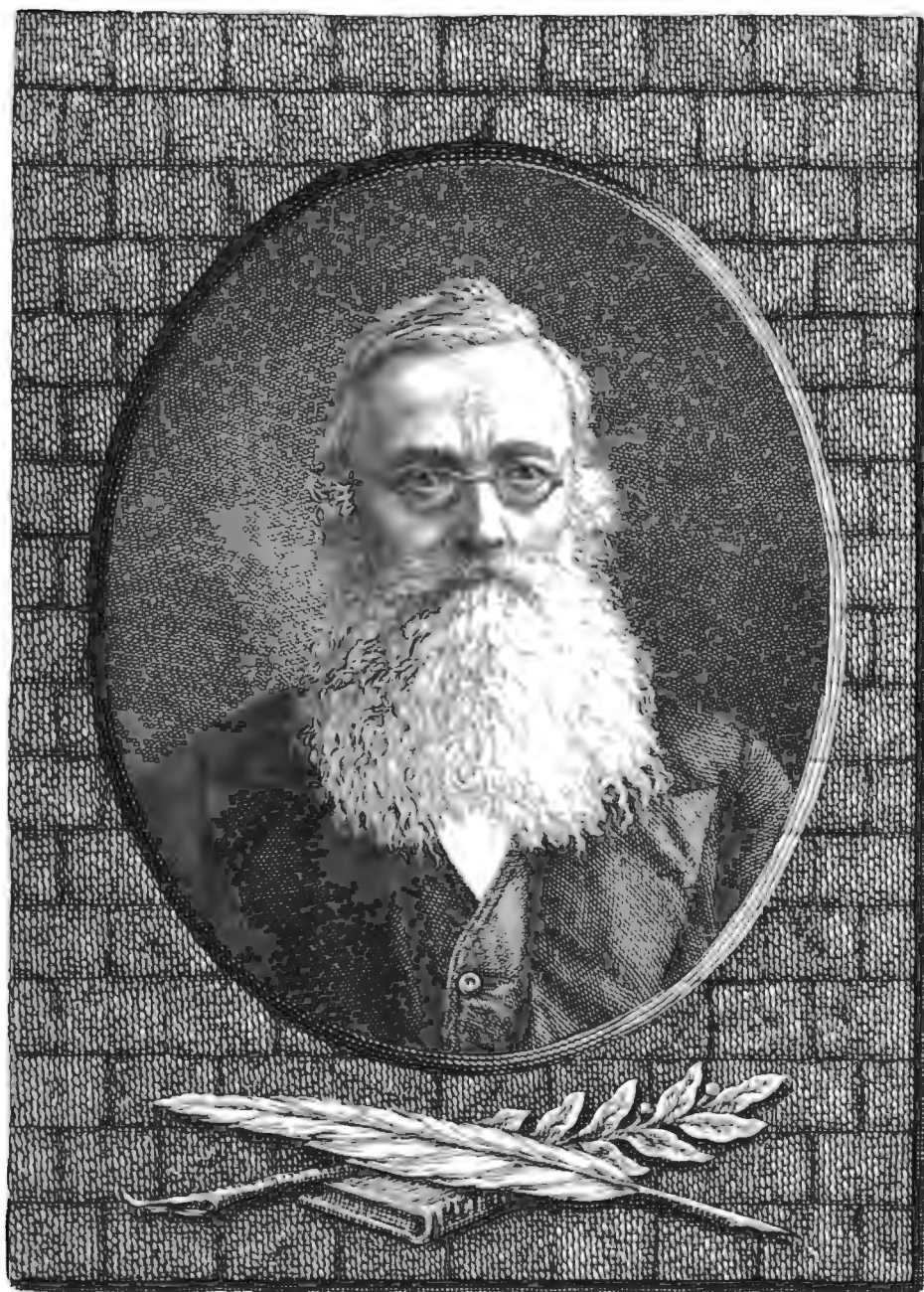
Созданное державною волею императора Николая Павловича по доброму почину принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и при сочувствіи и участіи знаменитаго гр. М. М. Сперанскаго—спеціальное училище по судебной части, т. е. императорское училище правовѣдѣнія, вполнѣ оправдало надежды на него возлагавшіяся: въ полу-вѣковое свое бытіе оно дало Россіи болѣе 1,100 превосходно образованныхъ и притомъ спеціально подготовленныхъ для судебной части

гражданскихъ дѣятелей<sup>1)</sup>). Они внесли собою духъ правды въ старыя судебныя учрежденія, ими обновился составъ канцелярій правительствующаго сената, а затѣмъ и самый сенатъ; изъ среды питомцевъ училища правовѣдѣнія явились сподвижники въ бозѣ почившаго императора Александра Николаевича въ его реформахъ по освобожденію крестьянъ и, въ особенности, въ созданіи «судебныхъ уставовъ» 1862—1864 гг. Наконецъ, тѣ-же правовѣды стали въ челѣ тѣхъ честныхъ, энергическихъ дѣятелей, которымъ принадлежитъ великая заслуга введенія въ жизнь русскаго народа славной судебной реформы незабвеннаго Государя-освободителя.

Ред.

---

<sup>1)</sup> Къ 1-му январю 1885 г. считалось выпущенными изъ училища правовѣдѣнія 1,151 чел., изъ нихъ состоитъ нынѣ (1885 г.) въ отставкѣ—166 чел., умерло—209 чел. и состоитъ на службѣ—776 чел. Въ этомъ числѣ: 11—статсъ-секретарей Его Императорскаго Величества, 11—членовъ государственнаго совѣта, 1—министръ, 1—товарищъ министра, 55—сенаторовъ, 3—почетныхъ опекуна.



*Н. Косицын*

род. 4-го мая 1817 г. † 7-го апреля 1886 г.



# ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА I.

Очерки и рассказы по подлиннымъ дѣламъ.

XI <sup>1)</sup>.

Народные толки о Петрѣ I

1721—1724 гг.

Въ селѣ Латашинѣ, тверскаго уѣзда, проживалъ церковникъ Ябедникъ, у котораго было два сына, Иванъ и Маркелль. Послѣ смерти отца братья переходили изъ одного мѣста въ другое и нигдѣ не могли ужитья. Изъ своего села они отправились въ вотчину Ивана Андреевича Толстаго и здѣсь пробыли около трехъ лѣтъ. Затѣмъ пошли въ Москву, «служили у крестовъ, у боярина Петра Васильевича Шереметева съ годъ съ небольшимъ»,—Иванъ священникомъ, а Маркелль дьячкомъ. Послѣ этого братья разстались и дальнѣйшая судьба ихъ представляется совершенно различною. Намъ предстоитъ обратить вниманіе на младшаго изъ нихъ, Маркелла.

Разставшись съ братомъ, Маркелль возвратился въ Тверскую епархію и постригся въ Николаевской пустыни подъ именемъ Макарія. Здѣсь прожилъ онъ года съ два и затѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ странствовалъ по разнымъ монастырямъ. Наконецъ, «въ 1715 году, онъ, Макарій, пришелъ въ Новгородъ, и опредѣлился въ Юрьевъ монастырь, и въ томъ же году ладожскому архіерею Аарону доносилъ Юрьева же монастыря на трехъ чернецовъ, на Θεогноста, на Сильверста и на Ирнарха въ томъ, что Θεогностъ называлъ себя царемъ, и будто-де царь ему въ ноги кланялся, и ногу-де его цѣловалъ, сущаго-де ради увѣренія, что-де онъ, Θεогностъ, прямо царь; да онъ же-де, Θεогностъ, своими руками и голову съ хлопца снялъ; а на

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVII, августъ, стр. 185—208, сентябрь, стр. 347—364; т. XLVIII, октябрь, стр. 1—16, ноябрь, стр. 221—232.

Сильверста говорилъ-де онъ, что не прямой царь, того ради, что табакъ пьеть,—еще бы онъ прямой царь, и онъ бы того самъ не дѣлалъ; на Ирнарха показывалъ, какъ на свидѣтеля въ помянутыхъ словахъ, понеже онъ въ то время въ оной кельѣ былъ; и какъ онъ, Макарій, началъ ихъ унимать, дабы они удержались отъ оныхъ словъ, и тотъ Ирнархъ говорилъ: какая-де диковинка, царя-де заочно и бранять; и тогда его, Макарія, они чернецы били и говорили: ты-де укашикомъ ставишься; и по тому его объявленію, Ааронъ, архіерей его, Макарія, за довось, а помянутыхъ трехъ чернецовъ за вышепоказанныя слова, билъ плетью, и взялъ у него, Макарія, его денегъ въ казну 40 рублей, и его, Макарія, держалъ въ Юрьевѣ монастырѣ семь мѣсяцевъ въ тюрьмѣ въ кандалахъ, а тѣхъ старцевъ учинилъ свободныхъ».

Послѣ семимѣсячнаго заключенія, Макарій изъ тюрьмы былъ освобожденъ; но изъ монастыря его не выпускали и содержали «яко бы подь карауломъ». Въ такомъ положеніи Макарій прожилъ до 1718 года. Въ этомъ году онъ отправился тайно въ Новгородъ, чтобы заявить о непристойныхъ словахъ, сказанныхъ монахомъ Θεогностомъ съ товарищами. Вскорѣ послѣ этого, преосвященному Аарону донесли что Макарій изъ монастыря бѣжалъ. Макарія поймали, привели въ архіерейскій Софійскій разрядъ «и держали за карауломъ на цѣпи двѣ недѣли,—и тутъ онъ, Макарій, объявилъ за собою государево слово». Вслѣдствіе этого Макарія отвели въ приказную палату.

Здѣсь на допросъ комиссара Ладыженскаго Макарій отвѣчалъ, что есть за нимъ государево слово «о хулѣ на великаго государя», произнесенной тремя монахами Юрьева монастыря. Послѣ этого приказный подъячій и стряпчій архіерейскаго дома стали уговаривать Макарія, чтобы онъ отказался отъ своего оговора; но Макарій на это не соглашался, «и за то его чрезъ двѣ недѣли въ приказной палатѣ утѣсняли цѣпями и колодками, и гладомъ морили»... Чрезъ нѣсколько времени Макарія опять убѣждали отречься отъ своего извѣта и «обѣщали ему за то учинить свободу безъ наказанія». Въ виду этого обѣщанія Макарій сообразилъ, что, освободившись изъ подь ареста, онъ будетъ имѣть полную возможность донести на упомянутыхъ монаховъ въ Петербургѣ; поэтому въ приказной палатѣ онъ заявилъ: «воля-де ваша и архіерейская; я-де вамъ противиться больше не могу». Написано было отъ лица Макарія доношеніе, что онъ «трехъ старцевъ поклепалъ напрасно». Но надежда Макарія не сбылась. «По взятіи того отъ него, Макарія, доношенія, архіерей монашескій съ него санъ снялъ, и вывели его на площадь, учинили ему наказанье—высѣкли кнутомъ; было ему 50 ударовъ, и сослали его въ Отенскій монастырь и велѣно держать въ кандалахъ за крѣпкимъ карауломъ въ хлѣбнѣ».

«Да въ той же хлѣбнѣ сидѣлъ за карауломъ крестьянскій сынъ



Григорій Семеновъ и говорилъ не поодно вслухъ такіа слова: «въ зимній-де Николинъ день, были у помѣщика его, у Новгородскаго, (который живетъ близъ Тихвина), у Петра Ивановича Качалова гости, и за обѣдомъ началъ тотъ Качаловъ подносить заздравную чашу за его ц. в., и между ихъ компанією дворянинъ (Петръ Мартьяновъ) говорилъ: я-де за его здоровье пить не хочу; и тотъ Качаловъ спросилъ: для чего? и тотъ-де дворянинъ молвилъ: того-де ради, что-де онъ не прямой царь и не русскаго роду; и тотъ-де Качаловъ онаго дворянина билъ плетью, и на цѣпи держалъ, и взялъ съ него взятки землею и деньгами, а сколько, тогда тотъ Семеновъ не выговорилъ, и за то онаго дворянина освободилъ»; и какъ онъ, Макаріій, услыша такіа слова, упросилъ, чтобъ его въ томъ же монастырѣ взяли на соборъ, и какъ былъ онъ на соборѣ объявилъ за собою государево слово».

Это было въ 1719 году. Макарія опять препроводили въ приказную палату, вмѣстѣ съ Семеновымъ. Здѣсь послѣдній повинился, что дѣйствительно, говорилъ Макарію о дворянинѣ Мартьяновѣ. Семеновъ отправленъ былъ въ Петербургъ. Макаріій просилъ Ладыженскаго, чтобы и его отослали вмѣстѣ съ Семеновымъ, такъ какъ онъ хочетъ донести на монаховъ Теогноста, Сильверста и Иринарха. Эта просьба Макарія не была уважена, но теперь рѣшено было допросить означенныхъ лицъ. Вызваны были старцы изъ монастыря въ приказную палату, гдѣ они и признались, что Макаріій донесъ на нихъ справедливо. «И за тѣ ихъ вины учинена имъ въ Новгородѣ торговая казнь—Теогносту языкъ урѣзанъ, а Сильверстъ и Иринархъ сѣчены кнутаомъ, и по учиненіи того Теогностъ посланъ въ Никандрову пустынь на обѣщаніе, а Сильверстъ и Иринархъ отосланы въ Юрьевъ же монастырь, и паки монашескимъ саномъ удостоены; а его, Макарія, архіерей Ааронъ, досадуя на него за то, что онъ противъ перваго своего доносу ему, архіерею, въ приказной палатѣ доказалъ ясно, велѣлъ его, Макарія, сослать въ Хутынъ монастырь, и держать въ хлѣбнѣхъ подъ крѣпкимъ карауломъ, того ради и сана ему, Макарію, монашескаго, паки противъ помянутыхъ обличившихся монахахъ, не дано».

«А въ прошломъ 1720 году въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, держался въ Хутынѣ монастырѣ въ той хлѣбнѣ, гдѣ онъ, Макаріій, сидѣлъ, того же Хутына монастыря подворенной бывшій пономарь Есимъ Ивановъ, который живетъ въ подмонастырной хутынской слободѣ (въ одномъ домѣ съ матерью и съ братомъ), и спрашивалъ его, Макарія, за что онъ держится, и онъ, Макаріій, про вышенисанное дѣло на трехъ чернецовъ ему, Есиму, сказывалъ подробно, для того, что оное уже публиковано, и на тѣ его, Макаріевы, слова тотъ Есимъ говорилъ: «малольде чего говорятъ, я-де слышалъ, что-де онъ не прямой царь, и ца-

ревнча-де убилъ своими руками, а прямаго-де царя давно вѣтъ, и называютъ-де еретикомъ, и оборотномъ, и сущимъ самымъ дьяволомъ, и для того-де его и нигдѣ-де убить не могутъ, вѣдаетъ своимъ нечистымъ духомъ, да онъ-же-де ѣсть младенческія сердца»; а такія-де слова тотъ Еонимъ ему, Макарію, говаривалъ время по два и по три, а при томъ никого, кромѣ ихъ двохъ, не было, а какъ онъ, Еонимъ, увидѣлъ у него, Макарія, отъ такихъ словъ слезы, и говорилъ: «ужо-де ты и на меня донесешь, я-де не запрюсь и скажу, отъ кого слышалъ».

Дѣйствительно, Макарій не замедлилъ снова объявить за собою государево слово. На этотъ разъ было исполнено давнишнее желаніе Макарія: изъ Новгорода его отпразднили въ юстицъ-коллегію, которая въ первыхъ числахъ января 1721 года и препроводила его въ тайную канцелярію.

Здѣсь Макарій на допросѣ разсказалъ все то, что изложено выше, не сообщивъ почти ничего новаго; только о разговорѣ своемъ съ пономаремъ Еонимомъ Ивановымъ прибавилъ, что Ивановъ хотѣлъ самъ въ Новгородѣ «закричать и сказать слово»; но онъ, Макарій, ему на это отсовѣтывалъ и говорилъ: «видишь ли какъ и онъ, Макарій, въ напраслину страждетъ; такъ-то-де и тебя здѣсь замучать, а донесешь-де въ Петербургѣ».

Тайная канцелярія распорядилась о высылкѣ изъ Хутынской слободы пономаря Еонима Иванова и затѣмъ навела справку о другихъ обстоятельствахъ, упоминаемыхъ въ показаніи Макарія.

При этомъ оказалось, что Семеновъ, дѣйствительно, говорилъ Макарію о непристойныхъ словахъ, сказанныхъ дворяниномъ Мартьяновымъ на пирушкѣ у Качалова; но только когда дѣло дошло до розыска, то Семеновъ сказалъ, что «о тѣхъ словахъ Мартьянова ему прислышалось, а подлинно говорилъ ли—не помнитъ, для того, что былъ въ то время пьянъ». Семенова наказали кнутомъ и освободили. Что же касается разсказа Макарія объ оговорѣ имъ трехъ монаховъ Юрѣва монастыря, Феогноста, Сильверста и Ирнарха, то и этотъ разсказъ вполне подтвердился справкою съ прежними дѣлами тайной канцеляріи. Такъ какъ эти два дѣла были уже рѣшены, то канцелярія опредѣлила вновь о нихъ «не слѣдовать».

Скоро присланъ былъ въ канцелярію и пономарь Еонимъ Ивановъ, который прежде всего заявилъ, что все, что о немъ передалъ Макарій, совершенно справедливо. Такимъ образомъ въ Макаріи болѣе надобности не предвидѣлось, и канцелярія отослала его въ св. синодъ со своимъ обычнымъ напутствіемъ, «чтобы о весьма важныхъ словахъ, о которыхъ онъ разспросомъ показалъ, никому не сказывалъ и разговоры о томъ ни съ кѣмъ не имѣлъ, опасаясь за то лишенія живота безъ пощады».

Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію слѣдственнаго дѣла, возбужденнаго Макаріемъ, расскажем кстати окончательную судьбу послѣдняго.

Сидя въ синодѣ подъ карауломъ, Макарій просилъ іеродіакона Іоанникія, растригу Осипа <sup>1)</sup>, чтобы онъ заявилъ, что есть за нимъ, Макаріемъ, е. и. в. слово. Іоанникій исполнилъ эту просьбу и Макарій вновь приведенъ былъ въ тайную канцелярію.

Здѣсь Макарій разсказалъ, что, вмѣстѣ съ попомъ Локоцкаго погоста, новгородскаго уѣзда, Ѳедоромъ Еениновымъ, онъ посланъ былъ изъ синода въ Соловецкій монастырь; съ ними же ѣхалъ и сынъ Ѳедора, Гаврила. Не доѣзжая Вологды, Макарій сталъ говорить правожавшему ихъ солдату, что онъ не имѣетъ права вести съ ними упомянутаго поповича, такъ какъ они, Макарій и попъ Ѳедоръ, посланы изъ синода «указомъ е. и. в.», а Гаврила бѣглець. На это Гаврило сказалъ Макарію: «какимъ-де ты императорскимъ указомъ ѣдешь,—чортъ-де тебя пожаловалъ, да дьяволъ, а не государь». Послѣ этого Макарій объявилъ за собою слово и дѣло. Макарія воротили въ синодъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Гаврила Ѳедорова. Отсюда Макарій бѣжалъ, но былъ пойманъ и вторично посаженъ подъ карауломъ при синодѣ. Во время «этого державія было ему, Макарію, великое утѣшеніе: комиссаръ Семенъ Дьяковъ многократно его билъ безъ жалости смертно, и велѣлъ посадить на цѣпь пятипудовую, и отослалъ въ колодничью избу». Здѣсь онъ опять просилъ Іоанникія донести, что «за нимъ, Макаріемъ, есть е. и. в. самое важное слово». Затѣмъ, чрезъ нѣсколько дней, «онъ, Макарій, съ горести своей говорилъ при колодникахъ вслухъ, что онъ въ тайной канцеляріи доносилъ о непристойныхъ словахъ про е. и. в.», и при этомъ кратко разсказалъ то, что уже намъ извѣстно. «А что онъ, Макарій, въ тайной канцеляріи при указѣ подъ страхомъ смерти подписался, дабы о томъ, о чемъ показалъ, ни съ кѣмъ ни говорить,—и въ томъ виновать».

По опредѣленію тайной канцеляріи, въ маѣ 1723 г. растрига Маркелль битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь на новыя желѣзные заводы «въ работу вѣчно до его смерти».

Черезъ годъ послѣ этого, а именно въ іюлѣ 1724 г., преображенскій приказъ спрашивалъ тайную канцелярію, что ей извѣстно о дьячкѣ села Ѳедова, Новоторжскаго уѣзда, вотчины князя Владиміра Долгорукова, Семенѣ Ефимовѣ и о монахѣ Макаріи,—«понеже нынѣ въ преображенскомъ приказѣ слѣдуется о нихъ же, Семенѣ и Макаріи, въ великомъ важномъ дѣлѣ». О Ефимовѣ тайная канцелярія не отвѣчала ничего, а о Макаріи сообщено то, что изложено выше.

<sup>1)</sup> См. выше разсказъ „Іеродіаконъ Іоанникій“ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1885 г., томъ XLVIII, октябрь, стр. 1—8.

Теперь обратимся къ изложенію дѣла по оговору Макарія.

Мы уже упомянули, что вскорѣ послѣ показанія Макарія, а именно 11 января 1721 г., приславъ былъ изъ Хутиной слободы въ тайную канцелярію пономарь Еенмъ Ивановъ. Послѣдній на допросѣ показалъ, что сказанныя имъ Макарію «непристойныя слова» слышалъ онъ отъ попа съ подворья Хутинскаго монастыря, Игнатія Иванова, и отъ дочери его духовной, Афимьи Исаковой, жены новгородскаго кузнеца Филиппа Акимова, который «и часы заводить»; у послѣднихъ есть сынъ, подъячій архіерейскаго разряда, Алексѣй Филиповъ.

Вытребовали всѣхъ этихъ лицъ и начался допросъ.

Пошъ Игнатій Ивановъ показалъ, что въ прошломъ году отъ Афимьи Исаковой онъ слышалъ такія слова: «въ Петербургѣ въ домѣ государева карлица родила младенца, а у того младенца былъ воспріемникомъ государь, и послѣ крестинъ изъ того младенца приказалъ государь вынуть сердце, и ѣли то сердце; прямого-де царя уже давно нѣтъ, какой-де это царь, что онъ младенческія сердца ѣсть, и другихъ заставляетъ и ѣли-де; да онъ же-де весь народъ обратилъ все по новому, бороды-де брѣютъ, и нѣмецкое платье носить, и все-де стало по новому, и знатно-де онъ оборотень, хотѣли-де его убить, да не могутъ убить. А стряпчіе, Сидоръ Лобановъ, да Петръ Мокѣевъ и еще пѣвчій новгородскаго архіерея Максимъ Грохоть, говорили ему, Игнатію: государя хотѣли убить, сперва Соковининъ и другіе, а потомъ Бикянь, и государь-де знаемъ своимъ счастьемъ, и увидавъ-де ихъ, казнилъ; да слышалъ-де онъ, что въ Петербургѣ государь собралъ въ сенатъ архіереевъ и другихъ многихъ людей, и говорилъ государь, чтобъ дать судъ на царевича, за непослушаніе его; и тогда-жь-де въ ту палату вшоль царевичъ и не снялъ шапки передъ государемъ, и сказалъ царевичъ: что-де мнѣ, государь батюшка, съ тобою судиться, я-де за-всегда передъ тобою виноватъ, и пошелъ-де царевичъ вонъ; и государь-де молвилъ: смотрите-де, отцы святія, такъ ли то дѣти отцовъ почитаютъ; и пріѣхавъ государь въ свой домъ, и царевича-де билъ дубиною, и отъ тѣхъ-де побой царевичъ и умеръ».

Вызвали оговоренныхъ Игнатіемъ лицъ: Лобанова, Мокѣева и Грохота; допросили ихъ. Всѣ трое заявили, что такихъ словъ, которыя показалъ на нихъ Игнатій, они ему не говорили. На очныхъ съ ними ставкахъ и самъ Игнатій признался, что упомянутыя слова слышалъ онъ въ Новгородѣ «въ ряду, отъ разныхъ чиновъ людей». Послѣ этого стряпчихъ и пѣвчаго освободили.

Призвали къ допросу Афимью Исакову, которая рассказала: «года-де тому съ два или съ три слышала она, Афимья, въ Новгородѣ, въ домѣ своемъ, отъ вдовы Акулины Григорьевой дочери, Васильевской жены, а какъ отчествомъ и прозваніемъ тотъ Василій — не знаетъ,

который бывалъ въ плотникахъ, такія слова: была-де она, Акулина, въ Петербургѣ, и слышала-де, что у государыни царицы Екатерины Алексѣевны забава такая,—когда-де карлицу стало мучить родами, и она-де, царица, собрала княженъ и боярынь, которымъ быть въ кумахъ, и какъ-де ту карлицу мучило, и тогда не спустили ея со стула, и отъ того-де ее замучило при всѣхъ родами, какъ-де ей не замучиться, что многихъ людей въ такое время набирають, и по нуждѣ-де замучилась, и о такихъ словахъ она, Афимья, попу Игнатію сказывала-ли—не помнить». Затѣмъ, во всемъ остальномъ, въ чемъ оговорилъ Игнатій, Афимья упорно запералась.

Мужъ Афимья, кузнецъ Филиппъ Акимовъ, подтвердивъ показаніе жены своей, добавилъ, что Акулина Афимьи передала еще, что-де «это не прямой царь, потому что какъ-де царица родила царевну, и тогда-де вмѣсто царевны подмѣнили его, а взяли-де его изъ Нѣмецкой слободы, того ради и вѣру нѣмецкую полюбилъ, а при тѣхъ-де словахъ другихъ нивого не было, кромѣ тѣхъ двухъ бабъ, да его третьяго».

Дана супругамъ очная ставка, на которой Афимья призналась, что такія слова, которыя добавилъ мужъ, она слышала-ли отъ Акулины—не помнить; Филиппъ же утверждалъ, что, конечно, слышала.

При столь разнорѣчивыхъ показаніяхъ, необходимо было всѣхъ этихъ лицъ отвести въ застѣнокъ и допросить «съ пристрастіемъ». Но предварительно нужно было снять священническій санъ съ попа Игнатія. Тайная канцелярія предписала объ этомъ митрополиту рязанскому и Игнатій немедленно лишень своего сана.

Афимью съ Игнатіемъ привели въ застѣнокъ и спрашивали.

«Баба Афимья на вискѣ говорила то жъ, что и въ прежнихъ ея разспросахъ показано, да сверхъ того пополнила: ей же, Афимьѣ, вдова Акулина, о которой выше упоминается, сказывала: въ Петербургѣ-де слышала та Акулина, какъ-де у государя въ домѣ карлицу мучило родами, и той-де карлицѣ не дали ходить по полу, какъ отъ того-де она не разродилась и умерла; и государь-де велѣлъ у ней животъ разрѣзать и посмотреть—отчего она не разродилась, и какъ разрѣзали и увидѣли-де, что ребенокъ очень великъ, отъ того-де не разродилась и умерла; и сожалѣя-де государь о той карлицѣ, приказалъ ее соборомъ погребсти; а потомъ были-де у государя гости въ пятничныи день, и тогда приготовлено было два стола кушанья: у государя скоромное, а у принцессы постное кушанье, и убоясь-де государя, всѣ сѣли за государевъ столъ и ѣли, а къ кронь-принцессѣ пошелъ одинъ дворянинъ старикъ, и увидя-де кронь-принцесса, что за столъ къ ней обѣдать не идутъ, и приказала-де кушанье собрать, и тогда же-де государь приказалъ поймать въ той палатѣ, гдѣ кушали, собачекъ, и отрѣзалъ у нихъ уши и велѣлъ въ сковородкѣ сва-

реть, и говорилъ: каково то-де ихъ ѣсть, и какъ ихъ сварили и привесли на столъ, и никто-де ихъ не ѣли, только-де одна ключница откушала ту похлебку, хлѣбнула одну ложку; и за то-де государь гнѣвался и хотѣлъ ее казнить,—но государыня-де царица упросила, и ее не казнили. Да она же, Афимья, Игнатью сказывала: прямого-де государя давно нѣтъ, этоть-де учинилъ брадобритіе и платье велѣлъ носить нѣмецкое, и все-де стало по новому; такія-де слова она, Афимья, слышала отъ Акулины и отъ раскольниковъ, отъ Гостихина прикащика отъ Якова, да отъ свояка его Ѡадѣя, да отъ плотника, а какъ зовутъ не знаетъ, и тѣ Яковъ и Ѡадѣй чьи дѣти и прозваніемъ—не помнить, и изъ Новгорода они бѣжали; а что-де государя убить не могутъ, и такія слова она, Афимья, отъ Акулины жъ слышала, и Игнатью сказывала, а что-де государь младенческаго сердца ѣсть, и еретикъ-де онъ и оборотень, и будто онъ знается съ нечистыми духи, такихъ словъ ова, Афимья, отъ Акулины и ни отъ кого не слышывала, и Игнатью не сказывала; а которыя-де слова на нее, Афимью, мужъ ея говорилъ: какъ-де царица родила царевну, и тогда-де вмѣсто царевны подмѣнили его, а взявъ-де его изъ Нѣмецкой слободы, того-де ради онъ и вѣру нѣмецкую полюбить, такія слова она, Афимья, слышала отъ Акулины, а никому о тѣхъ словахъ, также и вышенисанныхъ, съ другими не разговаривала, и никому не сказывала, кромѣ что распопѣ Игнатью, понеже онъ ей, Афимьѣ, былъ отецъ духовный».

Дано ей, Афимьѣ, пять ударовъ.

Игнатій «съ розыску» подтвердилъ показаніе Афимьи, кромѣ одного пункта, а именно: Афимья говорила, что она не передавала Игнатью, будто государь ѣсть младенческаго сердца, и еретикъ онъ, и оборотень, и знается съ нечистыми духами; Игнатій утверждалъ, что такія слова ему Афимья говорила. Привели къ Игнатью Бейма Иванова, который «въ улику распопѣ» говорилъ, что кромѣ словъ, слышанныхъ отъ Афимьи, Игнатій однажды назвалъ государя дьяволомъ. Игнатій же въ этомъ заперся.

Дано бывшему попу Игнатию 18 ударовъ.

Въ то время какъ производился допросъ всѣмъ этимъ лицамъ, розыскивалась оговоренная Афимьей и мужемъ ея новгородка Акулина Григорьева. Въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ искали ее въ Новгородѣ, Петербургѣ и Москвѣ, но всѣ поиски оставались безуспѣшными. Наконецъ, узнали, что въ Петербургѣ проживаетъ племянница Акулины, вдова Авдотья, которая и сообщила въ канцелярію, что тетка ея находится въ Нижнемъ, у купецкаго человѣка Ивана Рукавишникова. Немедленно послали за Акулиной лейбъ-гвардіи сержанта Алексѣя Мусина-Пушкина. Въ іюлѣ 1721 г. сержантъ явился въ тайную канцелярію и представилъ Акулину.

На допросѣ она рассказала, что трижды выходила замужъ и теперь вдовствуетъ седьмой годъ. Вскорѣ послѣ смерти послѣдняго мужа отправилась въ Петербургъ «для челобитья блаженныя памяти государини царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ на пѣвчаго ея высочества Ивана Колеса въ томъ, что онъ пасынка ея, Акулинина, Егора Васильева покололъ ножомъ до смерти, о чемъ и дѣло имѣлось въ преображенскомъ приказѣ». Однако же жаловаться на пѣвчаго Акулина не удалось времени, хотя и пробыла въ Петербургѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ это время она бывала въ разныхъ домахъ, исполняя кое-какія работы. Изъ Петербурга отправилась въ Новгородъ и поселилась у сына своего Ѳедора Терентьева. Черезъ нѣсколько времени Ѳедоръ разрубилъ себѣ ногу и Акулина поѣхала съ нимъ вторично въ Петербургъ для лѣченья. Скоро Ѳедоръ вылѣчился и уѣхалъ изъ Петербурга, а года черезъ полтора и сама Акулина отправилась въ Новгородъ, а отсюда въ Москву, гдѣ прожила около мѣсяца, и затѣмъ рѣшилась ѣхать въ Нижній, чтобы отыскать своего роднаго брата. Здѣсь и захватила Акулину посланный изъ тайной канцеляріи сержантъ.

Такое показаніе, конечно, не могло удовлетворить судей тайной канцеляріи и Акулинѣ предложены были «вопросные пункты изъ разспросныхъ рѣчей» Афирмы, мужа ея и распона Игнатія. На пункты эти Акулина отвѣчала, что Афирмѣ она говорила только о смерти отъ родовъ карлицы, каковыя слова слышала въ бытность свою въ Петербургѣ отъ дѣвки Дарьи; во всемъ-же прочемъ Акулина не призналась и утверждала, что ничего такого ни отъ кого не слыхала, ни Афирмѣ или кому другому никогда не говорила.

Даны были Акулинѣ съ означенными лицами очныя ставки, при чемъ обнаружено слѣдующее:

Акулина утверждала то, что сказано ею по вопроснымъ пунктамъ, т. е. запиралась во всемъ, кромѣ того, что передала Афирмѣ о смерти карлицы.

Афирмья говорила, что, дѣйствительно, она не все слышала отъ Акулины, а именно: что-де «она, Афирмья, съ розыску говорила: «прямаго-де царя давно нѣтъ, и государя-де убить не могутъ», такихъ словъ отъ Акулины не слыхивала, а о брадобритіи и о нѣмецкомъ платьѣ, и все-де стало по новому, отъ Акулины-ль слышала или отъ себя молвила, того не помнить, а въ розыску-то все говорила на себя по умамъ расповиннымъ и Ефимовой, не стерпя розыску».

Филиппъ Акимовъ показывалъ, что онъ отъ Акулины и отъ жены своей Афирмы «при разговорѣ ихъ двоихъ слышалъ, какъ онѣ говорили о тѣхъ словахъ, что въ его разспросѣ показано про подмѣну (Петра) и прочее; и въ томъ онъ себя утверждаетъ, и на тѣ ихъ слова, какъ онѣ, Акулина и Афирмья, межъ себя ввали, закричалъ на

нихъ и говорилъ: и при прежнихъ-де государяхъ бывало, блаженныя памяти при государѣ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ ходили подѣ Ригу, платье перемѣнили; и блаженныя памяти при государѣ царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ перемѣнено-жъ платье; а когда-де государь царь Петръ Алексѣевичъ началъ противъ шведовъ воевать, то-де и платье велѣлъ носить нѣмецкое, да и о томъ-де нѣтъ закону противности никакой, и онѣ-де, Акулина и Афимья, молвили: Богъ-де знаетъ, не знамо что, все-де стало не по старому».

Игнатій стоялъ сначала на томъ, что всѣ непристойныя слова онъ слышалъ отъ Акулины и отъ Афимьи, хотя послѣдняя и утверждала, что много кое-чего она ему вовсе не сказывала. Но потомъ Игнатій признался, что «де онъ съ розыску говорилъ, будто слышалъ отъ Афимьи—государь-де младенческія сердца ѣлъ и другихъ кормилъ, и еретикъ-де онъ потому, да и знаетса-де онъ съ нечистыми духи, которые ему сказываютъ, для того-де его и убить не могутъ, такихъ словъ отъ Афимьи не слыхивалъ, а въ розыску говорилъ не стерпя».

Вообще теперъ всѣ эти лица, кромѣ Акулины, ужасно путались въ своихъ показаніяхъ. Но и Акулину привели въ застѣнокъ.

«А съ розыску Акулина сказала то-жъ, что въ разпросѣ и въ очныхъ ставкахъ, и больше того ничего не убавила и не прибавила, и въ томъ утверждаетса».

Было Акулинѣ 11 ударовъ.

Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ не было никакого производства по настоящему дѣлу. Въ послѣднихъ числахъ ноября 1721 года, «во время съѣзда П. А. Толстаго, А. И. Ушакова и Г. Г. Скорнякова-Писарева», Акулина Григорьева въ тайную канцелярію была «привожена для разпросу паки и увѣщанія, чтобъ она по совѣсти себя въ томъ признала, и противъ показанныхъ на нее словъ отъ Афимьи Исаковой и отъ Филиппа Акимова объявила-бъ самую истину». Но Акулина стояла на прежнемъ своемъ показаніи. Тогда ее вторично привели въ застѣнокъ. А въ застѣнкѣ «съ трехъ подъемовъ на вискѣ говорила: изъ показанныхъ-де на нее Филиповыхъ и Афимьевыхъ словъ, въ чемъ она въ разпросахъ и розыску запералась, нынѣ въ томъ приносить повинную о нѣкоторыхъ словахъ; гдѣтъ тому съ семь была она, Акулина, въ Петербургѣ въ домѣ блаженныя памяти государыни царевны Натальи Алексѣевны пѣвчаго Ивана Савича, а прозванія его не знаетъ (у котораго дворъ былъ близъ Артиллерійской улицы, подлѣ комедій, а жена у него была Анна, Сергѣева дочь), и тогда пришедъ изъ другой каморки въ черную избу, гдѣ она, Акулина, была, человекъ въ тулупѣ, называли его дьякономъ, и держалъ кружку и по столу ея стучалъ, и просилъ пива, а тотъ человекъ волосомъ рыжъ, кудрявъ, а какъ его зовуть и отчество, и про-



звание—не знаетъ (а послѣ она, Акулина, слышала, что оному Ивану братъ), и братался онъ съ матерью своею Алексѣевною, а имени ея не знаетъ же, въ той каморкѣ, и она ему молвила: я-де на тебя побью челомъ государю; и онъ, дьяконъ, пришедъ къ нимъ въ черную избу, которая подлѣ той каморки, говорилъ: ты-де меня, растакая мать, родила, прямо-де вы судите, это-де не прямой царь; гдѣ-де ему прямо судить, а она, Акулина, тогда съ бабою Бѣлогородскою, Андреевною, а имени ея не знаетъ (которая тому-же Ивану тетка), лежали на печи и какъ-де помянутый Иванъ пришолъ въ ту избу, то онъ и замолчалъ, а слышаль-ли про то важное слово, того она, Акулина, не знаетъ; а жена его, Иванова, въ то время въ избѣ не была, а стояла на крыльцѣ и плакала о томъ, что она ключи потеряла, а про ссору того дьякова съ матерью она, Анна, была свѣдома; а другихъ въ той избѣ, кромѣ ихъ двухъ бабъ и того дьякона, никого не было; а нынѣ помянутый Иванъ и другой, что дьякономъ называли, гдѣ—того она не знаетъ; да она-жъ, Акулина, слышала отъ помянутаго-жъ Ивана въ домѣ его о смерти карлицыной, какъ она замучилась и у той карлицы животъ распорол и смотрѣли, отъ чего замучилась, и увидѣли, что ребенокъ великъ, а о младенческомъ сердцѣ онъ, Иванъ, тогда ничего не упоминалъ; да послѣ того времени, спустя года съ два, она-жъ, Акулина прѣбжала изъ Новгорода въ Петербургъ и въ домѣ помянутой-же комнаты служителя Василья Федорова, сына Арчаковского, у котораго жену зовутъ Пелагеею Ефимовою, и ходя она, Пелагея, по избѣ, говорила: Богъ-де знаетъ, не знамо-де, что все стало по новому: бороды брѣютъ, нѣмецкое платье носятъ, знатно, что у насъ царь или естъ, или нѣтъ; а при томъ была дѣвка ея Арина, а отечество и прозванія не знаетъ; да въ томъ же году она, Акулина, пошла изъ Петербурга въ мызу Лигово къ огороднику Прохору Медвѣдеву, за котораго она, Акулина, выдала сиротинку, и дорогою передъ нею шли незнаемые два человекъ: одинъ въ сѣромъ кафтанѣ, а другой—въ бѣломъ худомъ, и они, шедъ между собою говорили: прямиго-де царя у насъ давно нѣтъ; и какъ она, Акулина, прѣехала въ Новгородъ, бывъ въ домѣ Филиппа Акимова, жена его Афимья Исакова спрашивала ее, что-де въ Петербургѣ дѣлается? и она, Акулина, что слышала, вышеписанныя всѣ слова ей, Афимья, сказывала, и на тѣ ея слова Афимья что молвила-ль и Филиппъ при тѣхъ ихъ разговорахъ былъ-ли, того она, Акулина, конечно, не помнитъ; а въ первомъ раз просѣ она, Акулина, съ розыску о тѣхъ слышанныхъ словахъ, о которыхъ нынѣ вновь показала, не объявила отъ болѣзни своей, безпамятствомъ, и въ томъ виновата; а что на нее, Акулину, показали, будто отъ ней, Акулины слышали, Филиппъ разспросомъ, какъ-де царица родила царевну и тогда-де вмѣсто царевны подмѣнили его, а взяли-де его изъ нѣмецкой

слободы, для того-де и вѣру нѣмецкую полюбилъ,—Афимья съ розыску, государя-де убить не могутъ, и такихъ словъ она, Акулина, въ С.-Петербургѣ и нигдѣ ни отъ кого не слыхивала, и Филиппу и женѣ его Афимѣ не говаривала; а что слышала, о томъ нынѣ самую истину принесла и въ томъ утверждаетъ даже до смерти, что больше того ничего за собою и за другими не знаетъ».

Однако-же чрезъ нѣсколько дней какъ она, Акулина, въ болѣзнь къ смерти была, въ пополненіе объявила: «государя-де оборотнемъ называлъ царевны Натальи Алексѣевны пѣвчій Иванъ Петровъ (который умре), а о томъ сказывалъ ей сынъ ея Егоръ Васильевъ, а служилъ онъ въ томъ-же дворцѣ; а когда тѣ слова сынъ ея отъ Ивана Петрова и гдѣ слышалъ и при комъ, того она, Акулина, не знаетъ и отъ сына своего не слыхивала, и про вышеписанное слово она, Акулина, Афимѣ при другихъ словахъ въ Новгородѣ сказывала, а въ прежнихъ разспросахъ и съ розысковъ о томъ не объявила, затѣмъ, что тотъ ея сынъ при смерти ей завѣщалъ, дабы о томъ словѣ не сказывать, и что-де онъ Иванъ, его, Егора, покололъ, и въ томъ-де его съ тѣмъ Иваномъ въ будущемъ станеть судить Богъ; а сына-де ея оный Иванъ шпагою покололъ за то, какъ царевна Наталья Алексѣевна стала собираться изъ Петербурга въ Москву, и тотъ Иванъ началъ пожитки царевнины развозить, и онъ, Егоръ, ему молвилъ: я-де тебѣ не дамъ развозить, и такъ-де ты много наколесилъ, и онъ за то его и покололъ, отъ чего тотъ ея сынъ и умеръ; и что она, Акулина, въ разспросѣ 27-го дня минувшаго ноября показала, и то самая истина, а больше она ничего за собою и за другими не знаетъ, и о томъ нынѣ объявляетъ истину, какъ ей явиться по христіанской совѣсти въ будущемъ предъ Богомъ».

Допросъ Акулины, равно какъ и другихъ лицъ, производился въ Петербургѣ въ отсутствіе членовъ тайной канцеляріи секретаремъ ея Ив. Топильскимъ. Болѣзнь Акулины поставила секретаря въ затрудненіе и онъ, извѣщая объ этомъ Толстаго, находившагося въ Москвѣ, спрашивалъ, какъ ему въ настоящемъ случаѣ поступать?

Въ январѣ 1722 года Толстой писалъ Топольскому: «Новгородку Акулину Григорьеву вели лечить изъ аптеки съ прилежаніемъ, буде-же придетъ она къ самой смерти, то спроси ты ее именно о всемъ, сущая-ль то правда, что она на кого въ разспросахъ и съ розысковъ показала, изъясня ей для памяти, до каждаго касательно дѣла, порознь; и буде она скажетъ также, какъ въ разспросахъ ея и въ розыскахъ показано, то, записавъ имянно, вели спросить еще отцу ея духовному, дабы онъ ее увѣрилъ страхомъ суда Божія, сущая-ль то правда, что она тебѣ объявила, а о какихъ дѣлахъ ты ее именно спрашивалъ, о томъ-бы онъ, отецъ духовный, ее не спрашивалъ, только кратко спросилъ бы, что самую-ль правду она тебѣ сказала; буде же она и инаково какъ

скажетъ, то потому-жъ записать, и спросить у ней съ изъясненіемъ, для чего она такую рознь показала? и о томъ меня репортуй».

Вслѣдствіе этого Топильскій распорядился «смотреть за Акулиною накрѣпко; егда же ей въ болѣзни будетъ тяжело, тотчасъ-бы знать дали въ канцелярію». Затѣмъ призванъ былъ въ канцелярію лѣкарь Волверсъ, которому «объявленъ е. и. в. указъ», чтобъ онъ колодницу вдову Акулину лѣчилъ «съ прилежаніемъ неослабно, понеже до нея касается важное царственное дѣло». Однако-же Волверсъ не рѣшился лѣчить Акулину, такъ какъ она «весьма больна и умереть-де скоро». Призвали доктора Севастія, который подтверждалъ слова лѣкаря и сказалъ, что хотя ее и можно пользоваться, но «можетъ-де быть, что ей и лѣкарство дѣйствовать не будетъ». Перевели Акулину «изъ каменной казармы въ деревянную свѣтлицу» и стали содержать «въ добромъ присмотрѣ», давать лекарство и пищу по ея требованію, «довольную для лучшаго ей къ врачеванію пользы».

Не смотря, однако-жъ, на всѣ эти заботы, Акулина скоро «заболѣла жестоко и была къ смерти».

Топильскій пришелъ къ больной и началъ ее допрашивать, правду-ли она сказала въ прежнихъ показаніяхъ и не можетъ-ли сообщить чего-нибудь новаго? Акулина отвѣчала, что ея сказано все и больше прибавить ничего не можетъ.

Призванъ былъ священникъ Петропавловскаго собора Мина Григорьевъ для увѣщанія Акулины, который ее и увѣщевалъ «съ подтвержденіемъ отъ св. писанія и при томъ, увѣряя ее и запрещаая страхомъ суда Божія, говорилъ, чтобы она показала ему истину, что по дѣлу отъ нея показано все-ль то правда и не поклепала-ль въ чьмъ кого, тако-жъ не знаетъ-ли другихъ касающихся по тому-жъ дѣлу въ какихъ важностяхъ, которыхъ по нынѣшнее время отъ нея не показано? На что она, Акулина, съ клятвою сказала неоднократно, что на кого показано въ дѣлѣ, о чьмъ она сказала ноября 27-го дня до декабря 5-го дня 1721 года, то истинная правда, и стоитъ въ томъ даже до смерти; а болѣе того за другими ни за кѣмъ и за собою важности не знаетъ».

Черезъ четыре дня послѣ этого сержантъ, наблюдающій за Акулиной, донесъ Топильскому, что она «весьма больна и не говорить». Топильскій пришелъ къ Акулинѣ и «видя ее весьма болящую, едва языкъ у ней обращался», началъ снова допрашивать, правду-ли она показала въ прежнихъ отвѣтахъ? Акулина отвѣчала утвердительно. Пришелъ убѣждать Акулину и священникъ Мина, но и это убѣжденіе не вызвало никакого новаго признанія у подсудимой. Черезъ мѣсяцъ Акулина опять «заболѣла къ смерти»; опять призваны лѣкарь съ докторомъ для пользованія больной. А спустя мѣсяцъ, именно въ

половинѣ ноября 1722 г., къ Акулинѣ «посланъ Исаакіевскаго собора протоіерей Алексѣй Васильевъ и велѣно ему ее, Акулину, спросить подъ страхомъ суда Божія, какъ ей явиться въ будущемъ, во время втораго пришествія Христова, конечно-ль она въ тайной канцеляріи показала правду и нынѣ въ чемъ утверждается?» Протоіерей началъ усовѣщивать Акулину и она «съ клятвою сказала, о чемъ по дѣлу въ канцеляріи спрашивали, о томъ-де показала самую истину».

О всѣхъ этихъ обстоятельствахъ Топильскій донесъ въ Москву.

Между тѣмъ, какъ производилась вся эта процедура съ Акулиной, розыскивались оговоренныя ею лица въ Петербургѣ, Новгородѣ, Москвѣ, Архангельскѣ и въ другихъ мѣстахъ. Мало-по-малу всѣ они были найдены и представлены въ тайную канцелярію.

Анна Сергѣева Сахаровская показала, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ мужъ ея Иванъ Савинъ постригся въ одномъ изъ московскихъ монастырей въ монахи подъ именемъ Іустина,—а прежде онъ былъ пѣвчимъ при покойной царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. Мать ея мужа называется Авдотья Алексѣева и у ней еще было два сына, Петръ и Андреянъ, которые теперь тоже монахи. До постриженія въ монашество, Петръ былъ дьякономъ въ Москвѣ у церкви Живоначальныя Троицы, «что въ Сребренникахъ». Бывала у нихъ также и Акулина. Не рѣдко Петръ пріѣзжалъ къ брату, пьянствовалъ, моталъ деньги и часто бранился съ своею матерью; но чтобы во время этихъ ссоръ онъ говорилъ «непристойныя слова о е. и. в.», о которыхъ показала Акулина, «того она Анна не слыживала и не знаетъ».

Савинна монастыря іеродіаконъ Платонъ (Петръ Сахаровскій) объяснилъ, что Акулины онъ не знаетъ, въ бытность свою у брата въ Петербургѣ съ матерью не бранился, и «такихъ словъ, которыя показала на него баба Акулина, онъ не говаривалъ».

Мать Сахаровскаго, Авдотья Алексѣева, сказала, что она съ сыномъ своимъ Платономъ никогда никакой ссоры не имѣла.

Монахъ Іустинъ (Иванъ Сахаровскій) показалъ, что «карлица-де родами замучилась, и у ней животь разрѣзали, и младенца смотрѣли, и тотъ-де младенецъ великъ, и о томъ онъ, Іустинъ, Акулинѣ говорилъ».

Вдова Пелагея Арчаковская заявила, что она никакихъ разговоровъ никогда съ Акулиной не имѣла, хотя послѣдняя и бывала иногда у ея покойнаго мужа.

Всѣмъ этимъ лицамъ съ больной Акулиной даны были очныя ставки. Акулина утверждала, что Платонъ говорилъ: «это-де не прямой царь, гдѣ-де ему прямо судить». Слова эти слышала Авдотья Сергѣева, которой онѣ и были собственно сказаны. Мать и сынъ говорили, что ничего этого не было.

Вдова Пелагея Арчаковская сказала: «въ одно время, а зимою

или лѣтомъ—не помнитъ, токмо еще до кончины царевны Натальи Алексѣевны, оная Акулина въ домъ ихъ пришла, и она, Пелагея, спросила ее: гдѣ она была? и Акулина сказала: была-де у Ивана Сахаровскаго, и въ то-де время, немного помолчавъ, ей, Пелагеѣ, Акулина начала говорить: есть-ли-де у тебя государь? И она, Пелагея, ей сказала: есть-де, да и не токмо-де мнѣ одной, и всему государству государь, то-де мой государь, ты-де вѣдай про него, и Акулина-де, помолчавъ, паки ей говорила: нѣтъ-де у тебя государя, а есть-де, да не прямой, и она-де, Пелагея, на нее закричала, что она такія непристойныя слова говорить; и Акулина сказала: не кричи-де, что-де ты очень вѣрна; говорятъ-де и тайно, и явно, что не прямой; и она-де, Пелагея, спросила ее, Акулину, гдѣ она о томъ слышала, и Акулина сказала: слышала-де о томъ въ домъ Ивана Сахаровскаго, а отъ кого именно—не сказала, и она-де, Пелагея, паки ей говорила: бредите вы, бабы, такія непотребныя слова, нынѣ и явно бороды брѣютъ, да о томъ не говорить, и говорить не велятъ, а больше-де того съ нею, Акулиною, разговоръ она, Пелагея, не имѣла, и такихъ словъ, какъ Акулина показала на нее, Пелагею, яко-бы отъ ней, Пелагеи, тѣ слова вначалѣ были, конечно, не говаривала, и вышла отъ ней въ сѣни.

Акулина признала такое объясненіе справедливымъ, заявивъ, что такія непристойныя слова слышала она въ домъ Сахаровскаго, а на Арчаковскую показала неправильно, «въ безпамятствѣ».

Рѣшено было еще разъ дать очную ставку, въ застѣнкѣ, Афимья съ распопомъ Игнатѣемъ. Теперь Афимья заявила, что она ничего отъ Акулины не слышала, кромѣ того, что сказано ею о гостяхъ у государыни и о собачьихъ ухахъ.

«Разыскивано ею въ другой разъ; было ей 16 ударовъ». Но Афимья стояла на своемъ,—Игнатій утверждалъ, что всѣ непристойныя слова о государѣ онъ слышалъ отъ Афимьи, «и на тѣ Афимьины слова молвилъ про е. и. в.: нашимъ-де братомъ дьяволъ дѣйствуетъ».

Дано ему 15 ударовъ.

Привели Афимью съ Игнатѣемъ въ застѣнокъ въ третій разъ; было первой 20 ударовъ, а второму 16; но оба ничего не сказали новаго.

Уже давно наступилъ 1723 годъ; казалось, слѣдствіе должно было представляться выясненнымъ; однако же тайная канцелярія думала иначе: Афимью привели еще разъ въ застѣнокъ, дали ей 13 ударовъ, но ничего новаго не добились.

27-го мая состоялось опредѣленіе тайной канцеляріи, по которому были освобождены Анна Сергѣева, Авдотья Алексѣева и Платонъ Сахаровскій; вдову Пелагею Арчаковскую, за то, что она слышала отъ Акулины непристойныя слова и не доносила, повелѣно «бить ба-

тоги и освободить». Пономарю Ефиму Иванову «за вѣрное его доказаніе выдать десять рублей и освободить». Прочія же лица по этому «Новгородскому дѣлу» должны были содержаться «подъ карауломъ до изслѣдованія и указаго о нихъ рѣшенія».

Черезъ нѣсколько времени Афирью съ Игнатіемъ вновь привели въ застѣнокъ; туда же потребовали и Акулину. Допрашивали этихъ лицъ на очной ставкѣ, по они не заявили никакихъ новыхъ важныхъ словъ.

Въ августѣ Акулина и Афирья потребовали къ себѣ отца духовнаго; исповѣдывалъ и приобщалъ ихъ исаакіевскій протопопъ Алексій Васильевъ. На исповѣди подсудимыя ничего не открыли такого, о чемъ не было бы заявлено ими въ прежнихъ показаніяхъ.

Въ концѣ ноября состоялось опредѣленіе тайной канцеляріи: «распопѣ Игнатію объявить смерть, и исповѣдать, и приобщить св. таинъ, а при исповѣди спросить накрѣпко: суще ли онъ, Игнатій, на Афирью показываетъ истину, и на тѣхъ ли словахъ будетъ утверждаться, понеже она, Афирья, съ трехъ розысковъ запирается».

Объявили Игнатію смерть, исповѣдывали,—а на исповѣди онъ сказалъ, что правду объявить въ канцеляріи. Но вся правда состояла въ томъ, что когда онъ слышалъ отъ Афирьи непристойныя слова о е. и. в., и на слова эти сдѣлалъ замѣчаніе, что «нашимъ-де братомъ дьяволъ дѣйствуетъ», то въ это время «былъ онъ шумень», поэтому про себя онъ это сказалъ или про е. и. в., не помнить. Спросили Афирью «съ прещеніемъ лишеніемъ живота, въ чемъ она утверждается?» Афирья отвѣчала, что утверждается въ томъ, «какъ съ трехъ розысковъ сказала».

Подвели въ канцеляріи законъ: изъ воинскихъ артикуловъ пунктъ 90-й: «кто противъ его в. особы хулительными словами погрѣшить, его дѣйствія и намѣренія презирать, и непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, оный имѣть живота лишень быть, и отсѣченіемъ главы казненъ. Толкованіе: ибо его в. есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, посему и власть имѣть свои государства и земли, яко христіанской государь по своей волѣ и благомѣнню управлять, и яко-же о его в. самомъ въ ономъ артикулѣ помянуто, разумѣется, тако и о его в. цесарской супругѣ, и его царства наслѣдія».

Затѣмъ послѣдовало «мнѣніе» А. И. Ушакова. «Новгородской епархіи бывшаго попа, что нынѣ распопа, Игнатья Иванова, который въ бытность въ Новгородѣ, въ домѣ своемъ, про е. и. в. слышалъ весьма непристойныя важныя слова отъ бабы Афирьи Исаковой, на которыя и самъ онъ, Игнатьевъ, про е. и. в. говорилъ весьма злыя непристойныя слова, и въ томъ съ розысковъ винился, и по увѣщанію отца духовнаго, декабря 18 дня 1723 года, онъ, Игнатій, сказалъ,

что означенныя слова (какъ въ той повинной показано имянно) отъ бабы Афимьи слышалъ, и ежели о томъ довести гдѣ надлежало, но и самъ непристойныя-жъ слова про его и. в. говорилъ же, и за то ему, Игнатью, учинить смертную казнь—отсѣчь голову; а при смерти спрашивать его, Игнатья, еще: о вышеписанныхъ непристойныхъ словахъ, и на чемъ будетъ утверждаться, тому и вѣрить, однако же о томъ требовать совѣта отъ П. А. Толстаго, и о томъ къ нему писать.—17 генваря 1724 года».

П. А. Толстой на это отвѣчалъ: «Государь мой, Андрей Ивановичъ! Письмо ваше, моего государя, отъ 20-го сего генваря получилъ я вчерашняго числа въ цѣлости, за которое и за увѣдомленіе въ ономъ благодарствую, и симъ моимъ отвѣтствую: со мнѣніемъ вашимъ, государь мой, по Новгородскому дѣлу я весьма согласуюсь, и что распопа Игнатій при смерти скажетъ—на томъ можно утвердиться, и потому его послѣднему допросу и бабамъ указъ учинить, чего будутъ достойны, и тѣмъ оное дѣло окончить. Паки вамъ, мой государь, съ великою моею радостію благодарствую, что изволилъ меня пидулкою увѣдомить объ указѣ и. в., что въ тайную канцелярію вновь дѣла и колодниковъ принимать не велѣно, и прежнія важныя дѣла рѣшать, а оставшія съ подъячими отослать въ сенатъ; того ради васъ, моего государя, прилежно прошу оный е. в. указъ немедленно исполнить, а важныхъ дѣлъ въ тайной канцеляріи, сколько я могу упомянуть, видится нынѣ только что помянутое Новгородское дѣло, да другое Санина, о которомъ, чаю, надлежитъ доложить и. в., понеже изволилъ е. в. мнѣ повелѣть, чтобъ Санина казнить умедлить для того, что е. в. изволилъ имѣть намѣреніе самъ его, Санина, видѣть, о чемъ я, мой государь, тогда-жъ вашей милости сказывалъ. А кромѣ сихъ иныхъ важныхъ дѣлъ въ тайной канцеляріи я не помню, и все сіе полагаю на мудрое, государь, ваше разсужденіе; токмо прошу, чтобъ изволили вы потрудиться, и немедленно сіе совершить, и которыя важныя дѣла рѣшатся и останутся у насъ, тѣ, мнится мнѣ, надлежитъ положить въ архивъ, къ прежнимъ тайной канцеляріи важнымъ дѣламъ, а прочія, съ подлинною описью, отослать въ сенатъ, въ чемъ можно уповать на искусство г. Топильскаго, что по приказу вашему все исправить добрымъ порядкомъ, и что изволишь о семъ учинить, прошу, государь мой, меня о томъ увѣдомить; впрочемъ, всегда пребываю вашего превосходительства покорный слуга Петръ Толстой».

Послѣ этого тайная канцелярія опредѣлила—отсѣчь Игнатью голову, что и было исполнено 27 февраля 1724 года.

Въ тотъ же день изъ уложенія выписана 19 ст. II главы: «Будетъ кто свѣдавъ или услыша на ц. в. въ какихъ людяхъ скопъ и

заговоръ, или иной какой злой умыселъ, а государю и его государевымъ боярамъ и ближнимъ людямъ, и въ городахъ воеводамъ, и приказнымъ людямъ про то неизвѣстно, а государю про то будетъ вѣдомо, что онъ про такое дѣло вѣдалъ, а не извѣстилъ, и същется про то дѣ-прямъ, и его за то казнити смертію, безъ всякія пощады».

«Баба Акулина! Въ прошлыхъ годахъ, въ бытность ты свою въ Петербургѣ и въ Новгородѣ слышала отъ разныхъ чиновъ людей про е. и. в. весьма непристойныя, злыя, важныя слова, которыя сказывала ты новгородкѣ бабѣ Афимьѣ, въ чемъ ты, Акулина, въ разспросахъ и съ розысковъ винилась, что такія злыя слова слышала, а нигдѣ о томъ не донесла, да еще и къ тому сама разглашала, что многіе, чрезъ твои зловредныя разглашенія, извѣстились, о чемъ не точію-бы разглашать (кромѣ настоящаго доношенія), но и мыслить, къ разговору здравой человѣческой совѣсти, невозможно. И е. и. в. указалъ: за вышеписанную твою весьма важную вину, по уложенію 2-й гл. 19-й ст., и по воинскому 20 артикулу, учинить тебѣ, Акулинѣ, смертную казнь, — отсѣчь голову».

«А ты баба Афимья! Вышеписанныя зловредныя слова отъ Акулины слышала, и потому-жъ нигдѣ не доносила, да на тебя-жъ, Афимья, бывший пономарь Еенимъ Ивановъ показалъ: какія ты вышеписанныя непристойныя злыя слова, слышанныя отъ Акулины, говорила съ распопою Игнатѣемъ, онъ, Ефимъ, слышалъ, да мужъ твой, Афимьянъ, Филиппъ Акимовъ (который умре 31 января 1723 года), показалъ, что ты нѣкоторыя непристойныя важныя слова съ Акулиною говорила, а вышеписанный распопъ Игнатій Ивановъ (который казненъ 27 февраля сего 1724 года) съ розысковъ и по объявленію ему смерти, по увѣщанію отца духовнаго, и при учиненіи ему экзекуціи, говорилъ вышеписанныя непристойныя важныя слова, конечно, отъ тебя слышалъ, и самъ на твои слова говорилъ, а ты, Афимья, когда еще я Акулины было не сыскано, въ то время съ перваго розыска въ вышеписанныхъ непристойныхъ словахъ винилась, что отъ Акулины слышала и Игнатію сказывала, а потомъ съ розысковъ же въ томъ запыралась, однако-жъ тѣмъ твоимъ словамъ вѣрить не велѣно, понеже Еенимъ и Акулина и нынѣ стоятъ въ томъ, что Акулина тебѣ сказывала, а Еенимъ слышалъ, а мужъ твой, Афимьянъ, и распопа Игнатій и померли въ томъ, что отъ тебя означенныя слова слышали-жъ; и е. и. в. указалъ за вышеписанную твою вину казнити тебя смертію, — отсѣчь голову».

По совершеніи надъ Афимьею и Акулиною казни, А. И. Ушаковъ донесъ о томъ П. А. Толстому, прибавивъ: «и тако то Новгородское дѣло сямъ совершенное окончаніе воспріяло».

Н. М. В.



# ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ТУРГЕНЕВА

1772—1863.

XVIII').

Я началъ разсказъ о прибытіи въ древнюю столицу, Богомъ спасаемый градъ Москву Бѣлокаменную, симбирскаго дворянина, богатаго, это правда, но не то, что на святой Руси въ старинѣ нашей называли бояринъ. Алексѣй Емельяновичъ былъ хлѣб-соль, звалъ къ себѣ хлѣбъ-соль кушать и пѣсенокъ послушать; каждую недѣлю доморощенная и организованная группа крѣпостныхъ актеровъ ломала, потѣхи ради Алексѣя Емельяновича и всей почтеннѣйшей ассамблеи—трагедію, оперу, комедь; и сказать правду, безъ ласкательства, комедь ломали превосходно.

Помню, почтенная публика тогда жаловала пьесу: „Нину или отъ любви сумасшедшую“ (la Folle par amour). У Столынина на театрѣ Ниной всѣ знатоки тогдашняго времени восхищались. Нина была ростомъ не много чѣмъ поменѣе флавговаго гвардейскаго гренадера; черные длинные на головѣ волосы, большіе черные глаза, безъ преумноженія—величиной въ полтинникъ. Да, надобно было видѣть какъ Нина выворачивала глаза, чудо! Когда она узнавала возлюбленнаго по жилету, который она выпила шелками и ему подарила, какъ бывало выпялить очи на любез-

---

') См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVII, сентябрь, стр. 365—390, т. XLVIII, октябрь, стр. 55—82, ноябрь, стр. 247—282.

наго да вскрикнуть: „это онъ!“ — такъ боярыни вздрогнуть, а кавалеры приударять въ ладони, застучать ногами, хоть вонъ бѣги. Страстные любители эффекта крикивали: бисъ, бисъ.

По окончаніи театра слѣдовалъ балъ; какъ же мнѣ не быть на балѣ; я имѣлъ честь быть инспекторскимъ адъютантомъ фельдмаршала, — фигура не простая; мы, адъютанты, были, конечно, не по уваженію собственно нашихъ достоинствъ, но во уваженіе фельдмаршала, всѣми приняты радушно. Фельдмаршалу были всѣ, всѣ сословія душою преданы, исполнены чувствомъ живѣйшей, неограниченной благодарности; въ продолженіе ужаснаго быта ни одного человѣка не было въ Москвѣ оскорбленнаго, никто не былъ сосланъ ни въ Сибирь, ни въ заточеніе въ крѣпость. Это было чудомъ въ тогдашнюю эпоху. Изъ всѣхъ губерній, отдаленныхъ отъ столицы, дворянство спѣшило приютиться въ Москвѣ, будучи увѣреннымъ найти, во всякомъ случаѣ, въ графѣ Иванѣ Петровичѣ благороднѣйшаго начальника, милостиваго покровителя и благодѣтеля. Общество дворянскаго сословія необыкновенно увеличилось, въ дворянскомъ собраніи было болѣе шести тысячъ членовъ. Менѣе 4,000 человѣкъ въ собраніи еженедѣльно во вторникъ не бывало. Въ продолженіе зимы, начиная съ послѣдней половины ноября, каждый день бывало 40 — 50 баловъ дворянскихъ. 1,300 человѣкъ музыкантовъ, принадлежащихъ дворянамъ, каждая сутки играли въ разныхъ домахъ бальную музыку.

Вотъ я на балѣ у почтеннѣйшаго Алексѣя Емельяновича блаженствую. Я былъ тогда страстно влюбленъ, ну, такъ влюбленъ, какъ нельзя болѣе быть влюбленнымъ. Предметъ любви моей, ахъ! была прелестная женщина, ангелъ красоты. Она благосклонно слушала меня, милостиво была ко мнѣ расположена, я съ нею танцевалъ двѣ мазурки со всѣми польскими грасами! Словомъ, былъ въ восторгѣ чувствъ моихъ.

Тогда свиданіе было сопряжено съ большими затрудненіями, не то, что нынѣ! Объ эмансипаціи дамы наши тогда не имѣли понятія, даже слово эмансипаціонъ не было употребительнымъ въ разговорѣ. Тогда не только ночью, да и днемъ дамы и дѣвицы по улицамъ одѣвъ не бѣгивали: если и шла дама или дѣвица пѣшкомъ, ее сопровождалъ всегда служитель; правда, тогда не было у насъ тротуаровъ, за то жены и дочери наши не слыхали того,

что нынѣ на тротуарахъ, и особенно вечеркомъ, слышать. О, просвѣщеніе! о, эмансипація! нынѣ все такъ обдуманно, придумано, такъ устроено, приспособлено, на всякомъ шагу готовы удобства, возможность! Все такъ прилажено, соглашено, соображено, иглы не подточишь! Напримѣръ, *soutiguère*, что можетъ быть простѣе, невиннѣе сего ремесла? да въ магазинѣ два входа, одинъ съ улицы, другой со двора, и особая есть комната для примѣриванія корсета. *Café restaurant avec chambres closes* (кофейный домъ съ отдѣльными комнатами), кондитерскія *avec un cabinet pour jaser* (съ кабинетомъ поболтать). Даже не было особыхъ бань для одного, для двоихъ,—ужасное господствовало невѣжество въ нашу безэмансипаціонную эпоху!

Я былъ счастливъ на балѣ у Алексѣя Емельяновича, но, какъ говорить у восточныхъ народовъ пословица, радость и печаль—близнецы. Только что я кончилъ мазурку съ обожаемою мною дамою, офиціантъ увѣдомилъ меня о присланномъ за мною ординарцѣ. Я вышелъ въ прихожую комнату, гусарь-ординарецъ сказалъ мнѣ:

— „Ваше благородіе, генералъ - фельдмаршалъ васъ требуетъ“.

Дѣлать нечего, хоть не радъ, да будь готовъ; взялъ шляпу, надѣлъ въ португекю шапку, сѣлъ въ карету и чрезъ четверть часа стоялъ у фельдмаршала въ кабинетѣ. Проходя аванзалы, я замѣтилъ въ первой двухъ фельдъегерей, дремавшихъ на стульяхъ; подумалъ: это по милости этихъ господъ меня утащили съ бала.

Фельдмаршалъ отдалъ мнѣ бумагу и сказалъ: „прочти“.

Я прочиталъ повелѣніе, лаконически изложенное:

— „Доставленныхъ фельдъегерями арестантовъ наказать въ тайной канцеляріи нещадно плетми и содержать въ тюрьмѣ каждаго особо“.

## XIX.

Я вышелъ изъ кабинета, разбудилъ дремавшихъ фельдъегерей, надѣлъ ботфорты, карету оставилъ, а велѣлъ подать дежурныя сани (это сдѣлано потому, что возвратившихся изъ командировки фельдъегерей о всѣхъ мелочахъ разспрашивали и мнѣ была бы великая бѣда, если бы я не надѣлъ ботфорты и поѣхалъ бы въ каретѣ, а фельдъегеря о семъ донесли бы).

На дворѣ стояло 5 кибитокъ, у каждой было по 2 человека полиц. драгунъ, въ каждой кибиткѣ былъ арестантъ, кибитки были закрыты рогожами и завязаны крѣпко веревками.

И, сказавъ фельдъегерямъ: „гг., слѣдуйте за мною“, сѣлъ въ сани, за мною тронулся весь транспортъ. Ѣхать было недалеко, съ Тверской на Лубянку, гдѣ противъ Никольскихъ воротъ Китай-города, чрезъ улицу противъ церкви, называемой Гребенской Божіей матери, стоитъ огромное уродливое зданіе, именуемое Троицкое подворье. Здѣсь помѣщалась тайная канцелярія и жилъ начальникъ тайной канцеляріи, дѣйств. статскій совѣтъ. Владиміръ Михайловичъ Черединъ. Великій постникъ, читавшій всегда въ церкви апостоль, а дома трюдь постную и четьмннею. Ворота въ семъ зданіи день и ночь были всегда заперты большими желѣзными запорами и желѣзными, сверхъ сего, всякими замками. Полчаса или болѣе стучали мы въ желѣзныя ворота, наконецъ, внутри за воротами голосъ гвардіана спросилъ: „кто стучитъ?“

Я отвѣчалъ гвардіану: „доложи его превосходительству (Чередину): адъютантъ генераль-фельдмаршала Тургеневъ приславъ по именному его императорскаго величества повелѣнію“.

Чрезъ нѣсколько минутъ освѣтились комнаты Чередина, за скрипѣли на крюкахъ желѣзныя ворота и 5 кибитокъ вѣхали во дворъ. Его превосходительство Владиміръ Михайловичъ стоялъ на пространномъ рундукѣ крыльца, три гвардіана держали фонари съ зажженными свѣчами, а человекъ двадцать гвардіановъ стояли по обѣ стороны въ ожиданіи начальническаго приказанія.

Черединъ спросилъ меня: „вы сдаете привезенныхъ?“

Я отвѣчалъ: „нѣтъ, я ихъ и не видалъ еще, вотъ два фельдъегеря, ихъ въ Москву доставившіе, они вамъ ихъ сдадутъ“.

Черединъ важно прокомандовалъ: „гвардіяны, въ дѣлу!“

Гвардіяны двинулись въ кибиткамъ, въ мигъ отвязали рожи и вытащили изъ каждой по одному человѣку. Онъ въ полголоса спросилъ фельдъегерей:

— „Кто они таковы?“

Фельдъегеря отвѣчали:

— „Намъ неизвѣстно, ваше пр—во“.

— „Понимаю-съ, понимаю“, сказалъ Черединъ и, обратясь ко мнѣ: „дѣло предлежитъ глубочайшей тайнѣ и розысканію!“

Я молчалъ; онъ приказалъ гвардіянамъ вести предъ собою арестантовъ въ приемную, мнѣ и фельдъегерямъ сказалъ: „прошу со мною вверхъ“, т. е. въ ту же приемную. По крутой, подъ навѣсомъ сводовъ, лѣстницѣ взошли арестанты, а за ними Черединъ, я и фельдъегеря въ приемную залу. Онъ осматривалъ арестантовъ, пересчиталъ ихъ и спросилъ фельдъегерей: „всѣ ли арестанты на лицо?“

Фельдъегеря отвѣчали: „должны быть всѣ, намъ сдали завязанныя кибитки, сказали, чтобы мы какъ можно скорѣе везли арестантовъ въ Москву, не сказавъ—сколько ихъ, ни кто они; ваше превосходительство изволите знать, намъ запрещено говорить съ арестантами, строжайше запрещено о чемъ бы то ни было ихъ спрашивать, не позволять никому подходить къ нимъ! Мы сами теперь только, какъ вы изволили приказать вытащить ихъ изъ кибитокъ, увидали арестантовъ!“

Черединъ, помолчавъ минуты три, со вздохомъ произнесъ слова: „сугубая небрежность! какъ не приложить меморіи о числѣ арестантовъ! до званія ихъ мнѣ нѣтъ надобности, а счетъ, сколько отправлено, необходимъ“.

Обратясь ко мнѣ, сказалъ: „въ присутствіи вашемъ, г. адъютантъ, и доставившихъ арестантовъ о сичевомъ происшествіи слѣдуетъ составить протоколъ“, и приказалъ гвардіяну: „секретаря сюда!“

Я и фельдъегеря, вступивъ на широкій дворъ Троицкаго подворья, были какъ чужи въ западнѣ; желѣзныя ворота за нами ту же минуту опять заржали, засосы заложили и большими висячими замками заменили.

Мы, т. е. я, фельдъегеря, ямщики, могли исчезнуть, пропасть безъ вѣсти въ семь жерлѣ ада! Черединъ не былъ никому под-

чиненъ, никому не былъ обязанъ отвѣтственностію, кромѣ вышшаго начальства тайной канцеляріи, а гдѣ и въ комъ это начальство было сосредоточено, объ этомъ никто, кромѣ Чередина, не вѣдалъ. Его превосходительство подавалъ фельдмаршалу еженедѣльно рапортъ о числѣ арестантовъ, не означая ни званія ихъ, ни того—какому сословію они принадлежать; о многихъ онъ самъ не зналъ кто подъ запорами содержится въ мрачной, тѣсной тюрьмѣ! Собака въ канурѣ несравненно счастливѣе жила: у нея не былъ отнятъ свѣтъ Божій.

Пришелъ секретарь, составили протоколъ (procès verbal), въ которомъ ничего не было опущено: часъ, минута доставленія къ нему арестантовъ, что ихъ при вскрытіи повозокъ оказалось пять человѣкъ, но, при повелѣніи, о числѣ ихъ меморіи не приложено. Какая на комъ изъ арестантовъ была одежда и что по обыску на нихъ ничего не оказалось. Въ продолженіе составленія протокола гвардіяны подпарывали подкладку одежды арестантовъ, какъ свѣжуютъ мясники заколотыхъ барановъ. Строгулицъ не дописалъ еще протокола, какъ арестанты стояли предъ Черединымъ въ одеждѣ праотца Адама, когда Богъ сотворилъ его.

По исполненіи сего, по системѣ тайной канцеляріи, обряда, его превосходительство изволилъ приступить къ сочиненію правешаго листа фельдъегерямъ, т. е. росписки въ томъ, что они арестантовъ доставили. Въ семь правешномъ листѣ было изложено подробнѣйшее описаніе, что кибитки при осмотрѣ оказались благонадежно запакованными, дыръ и отверстій въ кибиткахъ не было, на арестантахъ, кромѣ одежды, ничего, какъ-то: карандаша, перочиннаго ножа, бумаги, не было. Прочитавъ сей листъ, г. Черединъ сказалъ фельдъегерямъ:

— „Прошу въ полученіи расписаться“.

Когда они расписались, онъ, вручивъ имъ листъ, сказалъ:

— „Вы теперъ, господа, свободны; вахмистръ, выпроводи гг. фельдъегерей и повозки со двора“.

Я также началъ откланиваться.

Владиміръ Михайловичъ взялъ меня за руку съ важнымъ видомъ, мѣрнымъ шагомъ отвелъ меня на другой конецъ комнаты и сказалъ въ полголоса:

— „Васъ я не могу и не долженъ выпустить“.

Меня какъ снѣгомъ осыпало. Я отвѣчалъ Чередину:

— Да я не арестантъ.

„Я не смѣю и подумать о семъ“, отвѣчалъ мнѣ оберъ-палачъ, присовокупивъ весьма не кстати увѣреніе въ искреннемъ его уваженіи и почтеніи, „да по разуму (особаго) повелѣнія, вы должны быть свидѣтелемъ экзекуціи“.

— Почему, Владиміръ Михайловичъ? сказалъ я, — въ повелѣніи сказано: наказать въ тайной канцеляріи; вы здѣсь главный начальникъ, вы и исполняете повелѣнное, а я — адъютантъ фельд-маршала, мнѣ какое до того дѣло? мнѣ приказано доставить къ вамъ арестантовъ и передать вамъ (особое) повелѣніе; я все выполнилъ, что мнѣ приказано, — и повелѣніе, и арестанты въ вашихъ рукахъ.

— Да сказано: наказать нещадно, кто же будетъ тому свидѣтелемъ, что они были дѣйствительно нещадно наказаны?

— Да мнѣ какое дѣло до наказанія?

Черединъ возразилъ мнѣ: „молодой человекъ, не упрямясь, въ нашемъ монастырѣ и генераль-фельдмаршалъ устава нашего переимѣнить не посмѣетъ, да мы и не послушаемъ его приказаній; не упрямясь, дѣлай, что велятъ; подамъ рапортъ, тогда будетъ поздно, а хочешь, не хочешь — при экзекуціи будешь, отсюда не вырвешься!“

— „Вахмистръ, къ дѣлу!“

Съ этимъ команднымъ словомъ двое арестантовъ были привязаны по рукамъ и по ногамъ къ кольцамъ, уврѣпленнымъ винтами къ полу, и началась экзекуція. Въ часъ времени Черединъ такъ нещадно злополучныхъ наказалъ, что ни одинъ не могъ стоять на ногахъ! По окончаніи пытки, Черединъ, съ веселою миною, съ улыбкою сказалъ мнѣ:

— „Прошу доложить его сіятельству, г. генераль-фельдмаршалу, что (особое) повелѣніе исполнено по долгу присяги во всей точности“.

Кто будетъ читать рассказъ мой, да будетъ совершенно въ томъ увѣренъ, что въ немъ нѣтъ ни на волосъ поэзіи, ни одной черты пристрастія, — что я видѣлъ, какъ понималъ, такъ и передаю.

## XX.

Я отбылъ четырьмя царямъ, т. е. находился на службѣ въ четыре царствованія. Въ Россіи это значитъ четыре вѣка: каждое царствованіе измѣняетъ быть всего государства во всѣхъ отношеніяхъ...

Вѣкъ Екатерины II: непрерывная цѣпь побѣдъ надъ врагомъ, до сего страшнымъ въ Европѣ, заставила признать мужество россіянъ у всѣхъ народовъ, и славѣ военной, непобѣдимой арміи Екатерины не было равной. Первенство на горизонтѣ политическомъ: слово повелительницы сѣвера рѣшало судьбу царей и народовъ! Мудрые и благотворные законы и учрежденія водворили въ имперіи благоденствіе, спокойствіе, увѣренность, изобиліе и полное, никѣмъ, никому пререкаемое, наслажденіе плодовъ труда своего; неприкосновенность собственности, благоразумное и необременительное распоряженіе государственныхъ податей приволали сердца подданныхъ Екатеринѣ искреннѣйшею, чистою и неограниченною любовью. Въ чертогахъ богатаго и въ хижинѣ земледѣльца Екатерина была равно любима искренно; имя ея приносили съ благоговѣніемъ, называя всегда императрицу: матушка, всемиловитая государыня.

Краткій, но жестокостію незабвенный, періодъ 1796—1801 гг. былъ ужаснѣйшій ураганъ, все ниспровергшій и обратившій все дномъ вверхъ.

Вѣкъ Александра сначала былъ подобенъ благотворнымъ лучамъ солнца, которые, при благораствореніи воздуха весной, все въ природѣ согрѣваютъ, живутъ и оплодотворяютъ, но середина его вѣка была темна, не ознаменована твердостью духа; непостоянство и малодушіе, казалось, были соврожденными его качествами! Вдругъ, неожиданно, къ удивленію цѣлаго свѣта, послѣ унизительнаго и постыднаго покорства, какъ бы пробужденный силою электризма отъ дремоты, Александръ явилъ себя непоколебимымъ и рѣшился быть или не быть! Съ помощью Божіею одолѣлъ притѣснителя, свергнулъ иго рабства, тяготившее народы Европы, возстановилъ царей и царства, и впалъ попрежнему въ дремоту и бездѣйствіе.

Исторія—неумолимый судія событій—на страницѣ (начала



царствованія Александра Павловича) сыщеть еще къ смягченію, къ снисхожденію относительно его личности достаточно основательныхъ доказательствъ . . . . Но ставъ царемъ, судією посреди царей, Александръ предался (апатіи) и ввѣрилъ правленіе обширнѣйшаго своего государства Аракчееву, человѣку-невѣждѣ, дышащему злобою и ненавистію, котораго, кромѣ гнуснѣйшихъ льстецовъ, никто терпѣть не могъ, не произносилъ безъ презрѣнія имя его. Народъ, да и во всѣхъ сословіяхъ общества, Аракчеева называли змѣемъ-горынычемъ! Въ извиненіе сего ни словъ, ни доказательствъ не сыщется.

Я живу (1848 г.) съ пятимъ поколѣніемъ, вижу шестое приближающимся къ совершеннolѣтію; перемѣны или, лучше сказать, превращенія, совершившіяся въ теченіи сего времени, весь бытъ и характеръ во всѣхъ орбитахъ сословія до того исказили, испровергли, изуродовали, что уже черты нѣтъ быта русскаго! Мнѣ приходитъ нерѣдко въ мысли, что я чужеземецъ въ моемъ отечествѣ. Нынѣ славнѣйшій геометръ не произведетъ вѣрнаго или вовсе никакого измѣренія; починнаго пункта нѣтъ! Все зыблется, трясется и измѣняется, потому что нѣтъ положительно опредѣленнаго пункта, съ котораго смотрѣли бы на предметы и дѣйствія. Благодареніе не знаю чему или кому, нынѣ всѣ смотрятъ на предметы и дѣйствія съ разныхъ пунктовъ, т. е. каждый по произволу смотритъ на предметъ! Такимъ образомъ общество существовать благоденственно не можетъ. Условія органическія, непреложныя всенепремѣнно должны быть всѣми въ обществѣ исполняемы; безъ этого не будетъ возможно различить чернаго отъ бѣлаго. Если въ настоящее время мы еще не въ семь положеніи, то шестое поколѣніе, коли Богъ благословитъ мнѣ видѣть его совершеннolѣтіе, добьется премудрости—не знать различія между тѣмъ, что черно и что бѣло!

Видимъ—во всѣхъ браздахъ правленія стремятся все подчинить единообразію. Эта система противуестественна: извѣстно, природа не имѣетъ ничего единообразнаго, двѣ капли воды не единообразны, хотя исходятъ изъ одного источника, ниспадають чрезъ одно отверстіе. Въ дѣйствіяхъ механическихъ человѣка единообразіе приноситъ пользу и удобства, и то не во всѣхъ случаяхъ. Отъ ноги разъ два!—весьма полезно, потребно и благовидно, потому что это дѣйствіе есть просто механическое, не

терпеть и не должно допускать ни соображенія и, вольтми паче, разсужденія. Есть даже механическія дѣйствія, которыя не терпятъ единообразія, не могутъ быть исполнены или причиняютъ вредъ, будучи подчинены неуклонно системѣ единообразія.

Фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, проживая въ прекрасномъ, богатомъ своемъ имѣніи Чечельникѣ и занимаясь непосредственно самъ сельскимъ хозяйствомъ. по привычкѣ въ продолженіе десятковъ лѣтъ видѣть нѣсколько тысячъ человекъ дѣйствующихъ, движущихся единообразно по данному знаку, приказалъ косить траву на обширныхъ степяхъ своего имѣнія по флигельману, какъ солдаты во фронтѣ исполняютъ по знаку флигельмана приемы ружья, повороты. Фельдмаршалъ любилъ дѣятельность; долговременное его прохожденіе на службѣ образовало въ немъ необходимую потребность дѣятельности; графъ не считалъ никакого занятія унижительнымъ, недостойнымъ вниманія; его сіят—во изволилъ самъ опредѣлить размѣръ косцовъ одному отъ другого, выравнять линію косцовъ, а на малоросійскомъ діалектѣ косарей, и началось кошеніе травы по флигельману; ряды подрѣзанной травы ложились, какъ по веревкѣ, въ прямой линіи, да косари зацѣпляли косами другъ друга по ногамъ. Графъ долго изволилъ заниматься введеніемъ единообразія травокошенія, но дѣло не шло, какъ хотѣлось графу; послѣ каждаго укуса по дюжинѣ и болѣе бывало косарей съ подрѣзанными ногами. Къ счастію косарей, графъ былъ призванъ принять начальство надъ войскомъ и краемъ въ Закавказьѣ; его сіят—во, съ его желѣзною волею, не отсталъ бы отъ системы единообразія травокошенія и, наконецъ, былъ бы принужденъ выстроить пространную больницю для изуродованныхъ косарей.

При единообразіи нѣтъ мѣста соревнованію, нѣтъ мѣста дѣйствію ума, нѣтъ разсужденія! Силу духа, исшедшую отъ Бога, остановить въ дѣйствіяхъ никакая сила не можетъ! Одна вѣра въ Бога и Его святой законъ можетъ эту силу поставить въ предѣлахъ пути, указаннаго ей Богочеловѣкомъ! Не дѣлай того другому, чего не хочешь, чтобы тебѣ то дѣляли.

## XXI.

О несчастномъ, но невинномъ пасторѣ.

Я, если не полные шесть вѣковъ, то, конечно, близко того, дворянинъ русскій; люблю безъ ограниченія Русь, мою родину; монархизмъ есть моя природа, онъ мнѣ соврожденъ, я не могу отдѣлиться отъ него; люблю Русь, но не менѣе люблю правду. Слушаніе, въ продолженіе безъ малаго семи годовъ, разнкалиберныхъ ермолифій (умствование) въ Германіи не разъединило меня съ Русью, научило меня понимать человѣка, знать его назначеніе и дѣйствовать правомѣрно, безпристрастно.

Благодарю Бога, подавшаго мнѣ случай сѣсть на скамью студента въ Геттингенскомъ университетѣ, въ 25 лѣтъ отъ рожденія моего, а не въ шестнадцать, и послѣ того, какъ говорится, когда я уже, предварительно сему событію, прошелъ сквозь огонь и воду. Сословіе дворянъ остзейскихъ губерній, т. е. Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, несравненно стоитъ выше въ образованіи сословія дворянъ русскихъ (1848 г.). Лучшіе офицеры російской арміи—дворяне упомянутыхъ остзейскихъ губерній (!?); всѣ они получили образованіе въ дерптскомъ и заграничныхъ университетахъ; слѣдовательно, образованіе въ кадетскихъ корпусахъ не достигаетъ цѣли своего назначенія, когда получившіе образованіе въ университетахъ стоятъ не только на одной линіи съ получившими образованіе въ училищѣ, котораго цѣль есть приуготовлять молодыхъ людей на военное поприще, стоятъ на службѣ выше ихъ. Остзейскіе дворяне сохранили въ себѣ духъ и бытъ предковъ своихъ рыцарей; они, исполнивъ обязанность дворянина, прослуживъ нѣсколько лѣтъ, возвращаются доживать дни въ помѣстья свои; занимаясь прилежно устройствомъ хозяйства въ лѣтніе мѣсяцы, они не хотѣли проводить въ праздности суровое и жестокое время зимы, хотѣли обогащать умъ познаніями полезными, идти съ вѣкомъ, не отставать, проживая въ своемъ замкѣ. Не знаю имени почтеннаго дворянина, подавшаго мысль завести во многихъ киршпилляхъ (киршпиль—приходъ, а слово въ слово — шпиль церковный) бібліотеки; для сего дворяне, по взаимному согласію, опредѣлили отдѣлять ежегодно изъ доходовъ своихъ по нѣсколько талеровъ. Храненіе книгъ, порядокъ вы-

дачи книгъ для чтенія изъ библіотекъ и самое приобрѣтеніе оныхъ, выборъ и выписку изъ заграницы ввѣрили сельскимъ священникамъ, т. е. пасторамъ кирхшпиля .

Въ пасторѣ лютеранскомъ вы видите чловѣка образованнаго, чловѣка высокой учености и примѣрнаго благонравія; его всегда принимаютъ съ отличнымъ уваженіемъ въ лучшемъ обществѣ; пасторъ всегдашній собесѣдникъ дворянина. У насъ сельскій попъ въ обществѣ дворянскаго сословія принимается по долгу его званія, для исправленія требъ въ дни праздничные со вѣстомъ и священной водою; онъ никогда не бываетъ собесѣдникомъ дворянину<sup>1)</sup>. У дворянъ молодыхъ, даже и пожилыхъ, бѣловолосыхъ, сельскій попъ занимаетъ (неподобающее для духовнаго лица мѣсто). Духовенство составляетъ въ Россіи особенную касту: нельзя, не будучи духовнаго происхожденія, быть попомъ, діакономъ, даже церковнослужителемъ, и какъ все бѣлое духовенство безусловно подчинено епархіальному архіерею, который самъ не можетъ достигнуть сана архіерейскаго не бывъ отраслью духовной касты, но къ удивленію всегда (??) бываетъ суровымъ притѣснителемъ (?) поповъ<sup>2)</sup>

Судите же—каковы были попы (въ началѣ XIX вѣка). Александръ Павловичъ пожелалъ облагородить, возвысить санъ священника, и обратилъ вниманіе на преобразование епархіальныхъ семинарій; намѣреніе высокое, благоразумно соображенное съ цѣлью имѣть образованныхъ священниковъ, первыхъ и пріимыхъ образователей народа, учителей закона Божія, блюстителей чистоты вѣры и примѣра нравственности,—да чѣмъ начали преобразование? Семинаристы до преобразования были одѣты въ длинныя свиты, какія еще видимъ на послушникахъ. Длинно растили волосы на головѣ, они готовили себя поступить служенію церкви. Семинаристамъ обрѣзали волосы на военный манеръ, одѣли въ сюртуки, а студентовъ во фраки и, въ дополненіе сей бѣды, предоставили имъ, по окончаніи курса въ духовной академіи, выходить въ свѣтское званіе. Большая часть студентовъ академіи, лучшихъ,

<sup>1)</sup> Писано въ 1848 году.

<sup>2)</sup> Все это относится къ давно прошедшему времени, все это измѣнилось, и указываемыя здѣсь злоупотребленія, конечно, давно уже не имѣютъ мѣста

перешли въ свѣтское званіе и поступили на службу по гражданскому вѣдомству; второстепенные, одаренные посредственно силою разсудка, по снятіи съ нихъ вывѣски, т. е. длиннополой свиты, и обстриженіи волосъ, которые ихъ уклоняли, удерживали отъ кутежей, ринулись въ трактиры <sup>1)</sup>

Но я обѣщаль разсказать о несчастномъ пасторѣ (Зейдерѣ) <sup>2)</sup>.

Императоръ Павелъ повелѣлъ опредѣлить цензора книгъ въ Ригѣ, должно понимать—для просмотрѣнія и разбора книгъ, привозимыхъ изъ заграницы; эта мѣра весьма благоразумная: сочиненіе развратнаго, злаго человѣка болѣе причинить въ государствѣ вреда, нежели 500 тыс. войска вторгнувшася врага въ предѣлы. Наполеонъ привелъ въ Россію 600 тыс. воиновъ, гдѣ они Большая (часть), нѣтъ, почти всѣ приведенные 600 тыс. человѣкъ оставили кости свои на землѣ русской, а видимъ-ли нынѣ слѣды сего нашествія двенадцати языкъ? Не вѣкъ прошелъ послѣ сего событія, только 37 лѣтъ! (писано въ 1848 г.).

Цензоромъ въ Ригѣ былъ опредѣленъ г. Туманскій. Какъ въ эту эпоху изъ заграницы не привозили, или и привозили, да мало, книгъ въ Россію, а г. Туманскій хотѣлъ отличиться дѣятельностью, усердіемъ, заработать награжденіе производствомъ въ высшій чинъ или получить орденъ,—кинулся рыть и пересматривать библіотеки при кирхшпиляхъ; по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ осмотра книгъ въ библіотекахъ, онъ нашелъ какую-то книгу запрещенную, которая была въ библіотекѣ съ давняго времени, напечатанную на французскомъ языкѣ и которую едва ли кто читалъ или очень немногіе въ обществѣ содержателей библіотеки. Въ Остзейскихъ губерніяхъ дворяне говорятъ и читаютъ на нѣмецкомъ діалектѣ. Г. Туманскій началъ тормозить почтеннаго пастора (Зейдера) спросами, запросами—это книгу

<sup>1)</sup> Вновь повторяемъ, что всѣ эти замѣчанія относятся къ давно прошедшей старинѣ, къ началу XIX в., да и то сильно преувеличены.

<sup>2)</sup> Мы приводимъ здѣсь этотъ разсказъ о страданіяхъ извѣстнаго пастора Зейдера—потому, чтобъ показать—въ какомъ видѣ этотъ разсказъ сохранился въ памяти его современниковъ, но весь этотъ эпизодъ извѣстенъ читателямъ «Русской Старинѣ» во всѣхъ подробностяхъ, такъ какъ былъ уже напечатанъ нами по подлиннымъ документамъ и по запискамъ самого страдальца пастора Зейдера. См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 463—490; томъ XXII, стр. 117—156; изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 148—149; изд. 1882 г., томъ XXXIII, стр. 206—211 и проч. Ред.

выписалъ? какъ она поступила въ библіотеку? кто бралъ ее для чтенія? забросалъ пастора кучею запросовъ, писанныхъ на русскомъ языкѣ и въ надлежащей формѣ. Пасторъ не зналъ русскаго языка, не могъ удовлетворить требованія ревностнаго цензора. Г. Туманскій молчаніе пастора счелъ пренебреженіемъ и ослушаніемъ (особому) повелѣнію,—донесъ въ Петербургъ; пастора привезли въ столицу; генераль-прокуроръ сената, Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ, объявилъ указъ, повелѣвающій пастора (Зейдера), наказавъ нещадно кнутомъ, предать суду по законамъ въ уголовной палатѣ. Чего же еще хотѣли?....

А. М. Тургеневъ.

# ФИЛАРЕТЪ ДРОЗДОВЪ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ

по матеріаламъ, собраннымъ ред. „Русской Старины“,

1782 — 1867.

VIII<sup>1)</sup>.

Графъ Протасовъ сильно не долюбивалъ монашество и во все время своего оберъ-прокурорства при каждомъ удобномъ случаѣ старался ограничивать его права и стѣснять его внутреннюю жизнь. Между современниками находились лица, которые понимали одностороннее отношеніе оберъ-прокурора и къ монашеству и вообще слишкомъ деспотическое, забивающее, ко всему православному духовенству, и старались тѣмъ или другимъ способомъ напоминать ему о томъ.

Въ бумагахъ редакціи „Русской Старины“ имѣется выписка изъ одного анонимнаго письма, полученнаго графомъ Протасовымъ въ 1838 или 1839 году, т. е. вскорѣ послѣ вступленія его въ должность оберъ-прокурора. Неизвѣстный авторъ пишетъ: „Двѣ главныя язвы въ духовномъ вѣдомствѣ: 1-е, недостаточное уваженіе и 2-е, крайняя бѣдность“.

„Способы излечить ихъ по возможности: 1) учредить въ каж-

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVI, июнь, стр. 559—590; т. XLVII, июль, стр. 1—26; т. XLVIII, октябрь, стр. 143—166.

дой духовной академіи бурсы для 30 или 40 дворянскихъ дѣтей, по физическимъ недостаткамъ неспособныхъ къ вступленію въ корпусъ и пр. 2) Возвысить штаты такъ, чтобы содержаніе духовенства было по возможности удовлетворительно. Теперь монахъ получаетъ отъ 17 р. до 20 р. въ годъ, чѣмъ бы чернорабочій не могъ прожить и мѣсяць при самомъ грубомъ содержаніи, что особенно нужно въ западныхъ губерніяхъ. Мудрено привлечь православному архіерею въ свое согласіе когонибудь, когда этотъ архіерей, какъ мастеровой, принужденъ брать плату за потребу и со всѣмъ тѣмъ живетъ какъ нищій, рядомъ съ латинскимъ епископомъ, получающимъ тысячу полтора ста дохода, какъ напр. въ Самогитіи. 3) Монашество, необходимое въ восточной церкви, ибо на немъ основана высшая наша іерархія, требуетъ значительнаго преобразованія для вѣрнаго исполненія своего предназначенія въ теперешнемъ составѣ нашего гражданскаго общества. Нужно побудить дѣятельность духовенства на исправленіе нравственнаго положенія народа и твердить монаху, что вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Монаховъ слѣдовало-бы отряжать въ совѣстные и уголовные суды для увѣщанія и утѣшенія обвиненныхъ, посылать при каждой партіи ссыльныхъ, да проповѣдуютъ имъ слово Божіе и да возвратятъ заблудшія овцы на путь истины. Монастыри нужно хранить какъ зеницу ока; для руки не искусной—они лишнее орудіе, въ годину бѣдствія (а кто отъ нихъ свободенъ) въ рукѣ твердой и просвѣщенной—это сильное орудіе. Для блага государства необходимо въ каждой губерніи имѣть по одному женскому монастырю, возложивъ на монахинь призрѣніе сиротъ, успокоеніе старости и, что всего важнѣе, воспитаніе дѣвицъ. Обученіе простаго народа грамотѣ должно быть дѣломъ монашества“.



## IX.

Въ великую заслугу Протасову ставятъ воссоединеніе уніатовъ съ православною церковію, совершившееся въ мартѣ 1839 года. Дѣйствительно, судя по официальнымъ документамъ, какіе сочинялись въ канцеляріи оберъ-прокурора подъ диктовку хитраго ея директора К. С. Сербиновича, можно подумать, что оберъ-прокуроръ и его наперсникъ всею душею преданы были дѣлу воссоединенія уніатовъ, но этого на самомъ дѣлѣ не было. Въ данномъ случаѣ злой рокъ жестоко посмѣялся надъ симпатіями Протасова и Сербиновича къ римско-католической церкви и заставилъ ихъ работать какъ разъ во вредъ и сильный ущербъ той церкви, къ которой тяготѣли ихъ сердца. Почти все уніатское дѣло вынесъ на своихъ плечахъ министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудовъ. Въ январѣ 1837 года явился указъ о завѣдываніи всѣми дѣлами греко-унитскаго исповѣданія оберъ-прокурору св. синода, тогда какъ до этого времени оно находилось въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ. Благодаря этому распоряженію, Блудовъ теперь сходилъ со сцены, а на его мѣсто выступалъ графъ Протасовъ. „Мы достовѣрно знаемъ, говоритъ извѣстный историкъ и специалистъ уніатскаго дѣла, покойный о. М. Я. Морозкинъ, что Блудовъ съ грустію и даже скорбію передавалъ дѣло унитское въ руки Протасова: онъ почиталъ себя организаторомъ этого дѣла, счастливымъ вождемъ его, ему хотѣлось бы быть и вершителемъ его судебъ; но вотъ теперь, когда оно уже такъ счастливо приближалось къ концу, другому счастливцу, не оравшему и не сѣвавшему, предоставляется пожинать плоды, возвращенные и взлѣдѣянные постороннею рукою. Блудовъ, въ откровенной бесѣдѣ съ однимъ изъ довѣренныхъ ему лицъ, сравнивалъ себя по этому случаю съ Кутузовымъ послѣ Смоленскаго сраженія. „Со мною поступили, любезнѣйшій А. С., говорилъ онъ, такъ, какъ если-бы у Кутузова отобрали и отняли званіе главнокомандующаго русскими войсками послѣ Смоленскаго сраженія и какъ-бы

въ наказаніе за ту побѣду, которую онъ одержалъ надъ французскими войсками въ этомъ сраженіи“. Дѣйствительно, ему тяжело было быть зрителемъ конца того дѣла, которое совершалось, двигалось и пришло къ концу его усиліями. Онъ думалъ, что останется дѣятелемъ и главою этого дѣла до самаго конца его, будетъ принимать главное участіе въ немъ и послѣ введенія его въ кругъ совѣщаній духовныхъ лицъ; но съ 1837 года роль Блудова въ унитскомъ дѣлѣ дѣлается второстепенною, все значеніе переходитъ къ Протасову, хотя послѣдній входилъ въ чужой трудъ, былъ простымъ механическимъ работникомъ въ этомъ дѣлѣ. Значеніе Протасова въ унитскомъ дѣлѣ создано помимо его намѣреній, само собою, самымъ постомъ Протасова и церковнымъ характеромъ унитскаго дѣла<sup>1)</sup>.

Протасовъ, поднося государю докладъ синода о принятіи греко-унитской церкви въ нѣдра православія, предпослалъ ему свой (сочиненный К. С. Сербиновичемъ) всеподданнѣйшій докладъ. „За особенное счастье поставляю, писалъ онъ здѣсь отъ своего имени, хотя и выражался буквально словами творенія Сербиновича, представить при семъ вашему императорскому величеству докладъ св. синода и синодальное постановленіе о принятіи греко-унитской церкви подъ сѣнь православія. Унія въ Россіи существовала въ продолженіе 243 лѣтъ: началась въ 1596 г. соборнымъ актомъ Брестскимъ и кончилась въ 1839 г. актомъ Полоцкимъ.

„Такимъ образомъ милосердый Богъ, благодѣющій Россіи и вложившій въ сердце вашего величества великую мысль о возвращеніи на лоно истинной церкви и отечества дѣтей ихъ, нѣкогда отторженныхъ насиліемъ, вѣнчаетъ нынѣ полнымъ успѣхомъ сіе исполненное предпріятіе, столь-же важное въ политическомъ, сколько и въ религіозномъ смыслѣ, которое займетъ блестящую страницу въ лѣтописяхъ имперіи и въ исторіи славнаго и по истинѣ русскаго царствованія вашего императорскаго величества.

---

<sup>1)</sup> „Вѣстникъ Европы“ 1872 г., августъ, 537—538. Возсоединеніе уни, М. Я. Моршанна.

„Пріимите, всемилостивѣйшій государь, съ свойственною вамъ милостію, въ избыткѣ радости излившіяся изъ сердца строки сіи, какъ изъявленіе вѣрноподданническаго чувства, которое при семъ событіи должно одушевлять каждаго сына отечества и которое при имени вашего величества отзовется громкимъ отголоскомъ въ благословіяхъ позднѣйшаго потомства. Графъ Протасовъ“<sup>1)</sup>).

Восхваляя въ такихъ высокопарныхъ выраженіяхъ совершившееся безъ его дѣйствительнаго участія дѣло воссоединенія, графъ Протасовъ, конечно, дѣйствовалъ здѣсь не безъ задней цѣли: по случаю уничтоженія уніи онъ получилъ орденъ Анны 1 степени.

Въ дѣлѣ воссоединенія уніатовъ наравнѣ съ другими членами синода принималъ дѣятельное участіе и московскій митрополитъ Филаретъ. Начало дѣятельности митрополита Филарета по уніатскому дѣлу восходитъ въ довольно раннему времени. Такъ, еще при князѣ А. Н. Голицынѣ и подъ его предсѣдательствомъ учрежденъ былъ секретный комитетъ, состоявшій изъ московскаго митрополита Филарета, синодальнаго оберъ-прокурора князя Меццерскаго и князя Кочубея и имѣвшій свою цѣлюю обращеніе уніатовъ въ православіе. По случаю воссоединенія уніатовъ митрополитъ Филаретъ получилъ орденъ св. Владиміра 1 степени.

## Х.

Представленная довольно подробная характеристика дѣятельности оберъ-прокурора графа Протасова яснѣе всего показываетъ, сколько она заключала поводовъ для борьбы и особенно для борьбы съ такимъ сильнымъ и вліятельнымъ членомъ синода, каковъ былъ митрополитъ московскій Филаретъ.

И, дѣйствительно, у митрополита Филарета рано начались столкновенія съ Протасовымъ. Вскорѣ по вступленіи своемъ въ

---

<sup>1)</sup> Въ бумагахъ редакціи „Русской Старинѣ“ нѣтъ черновой набросокъ этого документа, писанный рукою К. С. Сербиновича.

должность оберъ-прокурора, графъ Протасовъ посѣтилъ здѣшнюю духовную академію и остался крайне недоволенъ ею. Въ одно изъ ближайшихъ засѣданій синода оберъ-прокуроръ изложилъ предъ синодальными членами о результатахъ своей побѣдки въ академію, представивъ ее въ самомъ отвратительномъ видѣ и совѣтуя немедленно смѣнить настоящаго ея ректора, архимандрита Виталія Щепетева. Члены синода вступились за ректора академіи и, только ради уступки оберъ-прокурору, дали обѣщаніе при первой открывшейся архіерейской вакансіи смѣнить его, сдѣлавъ его епископомъ. Но графъ Протасовъ предлагалъ синодальнымъ членамъ, по удаленіи его отъ ректорства, просто послать его въ какой-нибудь монастырь, какъ человѣка ненадежнаго и вполнѣ неспособнаго къ занятію епископской катедры. Услышавъ отъ оберъ-прокурора такой приговоръ объ архимандритѣ Виталіи, московскій митрополитъ Филаретъ, какъ тогда рассказывали, всталъ съ своего мѣста и, обратившись къ образу, сказалъ: „только во времена гоненій на церковь людей, подобныхъ отцу ректору здѣшней академіи, считаютъ неспособными къ занятію епископскихъ катедръ“. Слова эти были такъ неожиданны и рѣзки, произнесены съ тѣмъ умѣньемъ придавать вѣсь каждому слову, которымъ вообще отличался митрополитъ Филаретъ, что графъ Протасовъ не рѣшился пока продолжать состязаніе съ такимъ грознымъ противникомъ. Насколько переданный фактъ достоверенъ — неизвѣстно, но несомнѣнно здѣсь то, что Филаретъ дѣйствительно находился на сторонѣ защитниковъ Виталія. Такъ можно утверждать на основаніи того, что онъ тотчасъ-же взялъ его къ себѣ въ викаріи <sup>1)</sup>.

Графъ Протасовъ задумалъ реформу духовно-учебныхъ заведеній. Въ этихъ цѣляхъ онъ вмѣсто комиссіи духовныхъ училищъ учредилъ духовно-учебное управленіе, которое, по его мысли, должно было стоять въ исключительной зависимости отъ оберъ-прокурора, внѣ подчиненія синоду. Однако, московскій митрополитъ помѣшалъ вполнѣ осуществиться планамъ оберъ-проку-

---

<sup>1)</sup> Виталій 27 іюня 1837 былъ хиротонисанъ во епископа Дмитровскаго, а 14 ноября 1842 г. переведенъ епископомъ въ Кострому; 11 августа 1845 г. уволенъ на покой; умеръ 20 янв. 1846 г.

рора. Филаретъ счумѣлъ отстоять право контроля св. синода надъ распоряженіями духовно-учебнаго управленія. Точно также, благодаря противодѣйствию московскаго митрополита, задуманная оберъ-прокуроромъ реформа всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній коснулась только, главнымъ образомъ, однѣхъ семинарій <sup>1)</sup>.

Кромѣ самаго крайняго деспотизма графъ Протасовъ, какъ оберъ-прокуроръ, заявилъ себя проведеніемъ въ русскую церковную жизнь разнаго рода взглядовъ и воззрѣній, которыя прямо отзывались католичествомъ. Такъ, вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность, новый оберъ-прокуроръ заявилъ свои стремленія, направленные къ усиленію въ церкви значенія церковнаго преданія, даже въ ущербъ св. писанія; съ этою цѣлю Протасовъ отыскалъ въ синодѣ такъ называемыя патріаршія грамоты и поручилъ перевести ихъ московскому митрополиту съ тѣмъ, чтобы потомъ издать ихъ. Филаретъ, занимаясь переводомъ грамотъ, замѣтилъ въ нихъ влияніе латинскаго ученія, въ особенности по отношенію къ проводимому въ нихъ взгляду о не дозволеніи всякому читать св. писаніе, такъ что переводчикъ счелъ необходимымъ опустить одинъ изъ вопросовъ о священномъ писаніи <sup>2)</sup>. Въ видахъ расширенія значенія въ церкви церковнаго преданія введена была, по предложенію графа, въ кругъ преподаваемыхъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ предметовъ патристика для подробнѣйшаго ознакомленія съ святоотеческими твореніями. Въ удовлетвореніе католическимъ симпатіямъ оберъ-прокурора въ число преподаваемыхъ въ духовныхъ заведеніяхъ предметовъ внесено было православное исповѣданіе Петра Могилы, въ которомъ также находились отдѣлы, составленные по латинскимъ образцамъ <sup>3)</sup>.

Наконецъ, латинствующій оберъ-прокуроръ вздумалъ наложить

<sup>1)</sup> Мысли и чувствованія митрополита Филарета по дѣлу отобравія литографированнаго перевода книгъ ветхаго завета, статья П. С. Казанскаго. „Прав. Обзорѣніе“ 1878 г., янв., 110—112.

<sup>2)</sup> Воспоминанія Филарета. „Пр. Обзоръ“. 1868, августъ. т. XXVI, стр. 529. Письма Филарета къ Муравьеву, 44—45, 69, 72—75.

<sup>3)</sup> Подробнѣе см. въ статьѣ И. Корсунскаго: О подвигахъ митрополита Филарета въ дѣлѣ перевода библіи на русскій языкъ. Юбилейный Сборникъ, т. II, 215—667.

руку и на православный катихизисъ, уже потерпѣвшій одно испытаніе въ 1824 году. Въ угоду католическимъ взглядамъ, которые слишкомъ расширяютъ значеніе церковнаго преданія, даже въ ущербъ св. писанію, Протасовъ сталъ настаивать на томъ, чтобы существующій катихизисъ былъ передѣланъ въ излюбленномъ имъ направленіи. Онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы проведенная въ составленныхъ м. Филаретомъ катихизисахъ мысль о предпочтительномъ значеніи св. писанія предъ преданіемъ была исправлена въ смыслѣ подходящемъ къ латинскому ученію. Кроме того, Протасовъ, по усерднымъ внушеніямъ одного довѣреннаго чиновника изъ унитовъ (К. С. Сербиновича) и потому сочувствовавшаго болѣе латинскому согласію, чѣмъ православной церкви, настаивалъ чтобы въ катихизисѣ было упомянуто о предупредѣленіи и о церковныхъ заповѣдяхъ. Митрополитъ Филаретъ возражалъ ему, что ученіе о предупредѣленіи составляетъ предметъ богословскій, а церковныя заповѣди, какъ заповѣди человѣческія, излишни и не встаетъ при заповѣдяхъ Божіихъ. Но оберъ-прокуроръ продолжалъ убѣждать синодъ поручить московскому митрополиту не только внести въ катихизисъ указанные имъ дополненія, а еще откинуть начало о естественномъ познаніи Бога изъ видимой природы. Но церковныя заповѣди всетаки не вошли въ катихизисъ. Сушковъ рассказываетъ по этому поводу слѣдующее: „въ церковныхъ заповѣдяхъ говорится, между прочимъ, о чтеніи молитвою праздниковъ, о строгомъ соблюденіи постовъ, объ удаленіи отъ зрѣлищъ и т. под. Графъ испугался человѣческихъ заповѣдей пуще синайскихъ скрижалей и отказался отъ нихъ, сказавъ: „да вѣдь этакъ мнѣ должно будетъ все это защищать“<sup>1)</sup>. Послѣ того оберъ-прокуроръ пересталъ настаивать на внесеніи церковныхъ заповѣдей въ катихизисъ; противъ внесенія, кромѣ самого Филарета, были митрополиты Серафимъ и Евгеній. Такимъ образомъ заповѣди церковныя не были внесены въ печатныя изданія катихизиса Филарета, но остальные добавленія, требуемыя графомъ Протасовымъ, внесены. Въ такомъ видѣ пространнѣйшій катихизисъ вышелъ изъ печати въ 1839 году. Впрочемъ, къ чести имени митрополита Филарета скажемъ мы словами одного

<sup>1)</sup> Сушковъ. Записки о жизни митрополита Филарета, 117—118.

спеціального изслѣдователя судьбы катихизисовъ, И. Корсунскаго, что „не столько требованія оберъ-прокурора, сколько болѣе серьезныя нужды церкви русской побудили великаго святителя къ пополненію своего катихизиса такими пунктами ученія, какъ, напр., ученіе о предопредѣленіи, о промыслѣ Божіемъ; полнота содержанія катихизиса изданія 1839 года, при краткости изложенія его, такова, что онъ въ этомъ изданіи своемъ, по справедливости, заслуживаетъ названія сокращеннаго богословія; требованія оберъ-прокурора были только вѣдшимъ побужденіемъ и поводомъ къ тому, что совершилось подъ вліяніемъ болѣе серьезныхъ соображеній и требованій, и не оберъ-прокуроръ съ своею канцелярією, а высокопросвѣщенные духовною мудростію іерархи-члены св. синода держали высшую цензуру катихизиса по составленіи его“. Съ 1839 года и по нынѣ пространный катихизисъ митрополита Филарета служитъ единственною книгою, имѣющею столь обширное и домашнее, и учебное, и церковное употребленіе <sup>1)</sup>. Наконецъ, катихизисъ Филарета у насъ получилъ значеніе до извѣстной степени символической книги. Онъ, какъ образецъ православнаго вѣроученія, переведенъ на языки: греческій, нѣмецкій, грузинскій, арабскій и др.

Дѣйствуя въ духѣ латинства, графъ Протасовъ сдѣлалъ даже такое предложеніе синоду: „утвердить исключительное, церковное и учебное, общественное и домашнее употребленіе славянской библии церковнымъ авторитетомъ, подобно тому, какъ это сдѣлано въ римско-католической церкви относительно Вульгаты“. Митрополитъ Филаретъ возсталъ противъ этого предложенія латинствующаго оберъ-прокурора, и только благодаря настойчивости Филарета оно не получило примѣненія на практикѣ русской церкви. Вообще оберъ-прокуроръ ни отъ кого изъ членовъ синода не встрѣчалъ такого сильнаго противодѣйствія, какъ отъ митрополита московскаго. Само собою понятно, что все это возбуждало въ немъ сильнѣйшее чувство неприязни противъ него и стремленіе дать ему почувствовать, наконецъ, свою силу. Графъ изыскивалъ всевозможные случаи и поводы для того, чтобы при-

<sup>1)</sup> Юбилейный Сборникъ, т. II, 775—789.

драться къ пенавистному ему московскому митрополиту и такъ или иначе унизить его. Такой случай властолюбивый оберъ-прокуроръ, наконецъ, подыскалъ. Въ 1842 году св. синодъ занимало сложное и громкое дѣло протоіерея Павскаго, вызванное его литографированнымъ переводомъ свящ. писанія ветхаго завета на русскій языкъ. Оберъ-прокуроръ поставилъ дѣло о литографированномъ переводѣ чисто судебнымъ порядкомъ: расслѣдовавъ путемъ допросовъ, сколько въ какую академію выслано было экземпляровъ литографированнаго перевода—это для того только, чтобы подкопаться подъ московскаго митрополита, директоръ духовно-учебнаго управленія, Карасевскій, доискался, что въ московскую академію послано семьдесятъ экземпляровъ, а въ казанскую—двадцать. При этомъ Карасевскій въ своемъ донесеніи оберъ-прокурору не прошелъ молчаніемъ того, что какою-то пѣвчій московскаго митрополита взялъ для себя экземпляръ перевода. По настоянію графа Протасова въ синодѣ, 13-го—18-го февраля, состоялось опредѣленіе о производствѣ строжайшаго по дѣлу переводовъ слѣдствія. Митрополитъ московскій въ литографированномъ переводѣ Павскаго видѣлъ одну изъ попытокъ сдѣлать чтеніе св. писанія общепонятнымъ и общедоступнымъ. Самымъ законнымъ и правильнымъ удовлетвореніемъ подобнаго рода стремленія могло служить, по взгляду Филарета, изданіе одобреннаго св. синодомъ перевода св. писанія на русскій языкъ. Но Филаретъ также отлично зналъ и то, что противъ мысли о переводѣ возставалъ оберъ-прокуроръ и митрополитъ Серафимъ, и потому подобнаго рода попытку заранѣе считалъ безуспѣшною. Но все-таки для того, чтобы хоть сколько нибудь помочь общецерковному благу, онъ вступилъ въ близкія и частыя сношенія съ кievскимъ митрополитомъ, Филаретомъ Амфитеатровымъ. Въ частной, домашней, чисто дружеской бесѣдѣ оба митрополита пришли къ тому заключенію, что, не ожидая новаго перевода библіи, можно, по крайней мѣрѣ, при изданіи славянской библіи, тамъ, гдѣ нужно присовокупить толкованіе, въ другомъ мѣстѣ непонятное слово и неправильное выраженіе, замѣнить словомъ болѣе понятнымъ, и под. Оберъ-прокуроръ чрезъ своихъ агентовъ узналъ о предметѣ частныхъ разсужденій обоихъ Филаретовъ и вздумалъ воспользоваться ими для своихъ цѣлей. Онъ предста-



вился самымъ невиннымъ человѣкомъ и попросилъ обоихъ митрополитовъ письменно изложить свои мысли, съ тѣмъ, какъ онъ увѣрялъ ихъ, чтобы ближе познакомиться съ ихъ предположеніями. Прежде всего оберъ-прокуроръ поручилъ изложить свои мысли московскому митрополиту. Послѣдній, не подозрѣвая никакой интриги, очень скоро исполнилъ порученіе. Получивъ отъ митрополита Филарета записку, Протасовъ счелъ нужнымъ, въ своихъ цѣляхъ, сообщить содержаніе ея митрополиту Серафиму, въ то время, за болѣзнію, рѣдко являвшемуся въ присутствіе синода. Оберъ-прокуроръ приказалъ въ своей канцеляріи написать отъ имени митрополита Серафима опроверженіе на записку Филарета московскаго. Опроверженіе написано было въ формѣ отношенія митрополита Серафима къ оберъ-прокурору <sup>1)</sup> и подложено къ подписи митрополита, который и подписалъ его своею поумертвою рукою <sup>2)</sup>. Получивъ въ свои руки такія противорѣчивыя бумаги, оберъ-прокуроръ сообщилъ о нихъ синоду и немедленно доложилъ о нихъ государю, представивъ ему дѣло въ самомъ преувеличенномъ видѣ, утверждая, что въ средѣ членовъ синода открылось большое разногласіе, которое произошло притомъ по одному изъ важнѣйшихъ церковныхъ вопросовъ. Оберъ-прокуроръ до невозможности преувеличилъ разногласіе между членами синода и доказывалъ, что мнѣніе, проводимое обоими митрополитами, московскимъ и кievскимъ, очень легко можетъ породить расколъ. Государь объявилъ дряхлому митрополиту Серафиму высочайшую благодарность, а митрополитовъ московскаго и кievскаго уволилъ безвозвратно на епархіи, какъ нарушителей церковнаго мира <sup>3)</sup>. Графъ Протасовъ торжествовалъ. Прощаясь съ нимъ предъ отъѣздомъ въ Москву, митрополитъ Филаретъ прямо замѣтилъ ему, что „такъ вести дѣло нельзя и опасно“. — „Что-жь, вы развѣ не вернетесь въ синодъ?“ возразилъ графъ. — „Прикажетъ государь, — отвѣтилъ на это Филаретъ, — не могу ослушаться, а

---

Отношеніе митрополита Серафима, напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878, № 12.

<sup>1)</sup> Письма къ Антонію. Ч. II, 20—31.

<sup>2)</sup> „Русск. Арх.“ 1878, № 12. Рассказы изъ недавней старины, 516.

самъ по себѣ не вернулся бы“. Чтобы понять настоящій смыслъ предложеннаго графомъ митрополиту вопроса, нужно припомнить только, что графъ уже зналъ о намѣреніи государя—никогда болѣе не вызывать митрополита Филарета въ синодъ. Предложенный оберъ-прокуроромъ вопросъ въ его устахъ былъ не болѣе, какъ ѣдой насмѣшкой надъ Филаретомъ <sup>1)</sup>).

Уѣзжая въ Москву и прощаясь съ братіей Троицеваго, въ Петербургѣ, подворья, митрополитъ Филаретъ плакалъ. Дѣйствительно, на него сильно подѣйствовалъ возмутительный образъ дѣйствій оберъ-прокурора—до того сильно, что онъ готовъ былъ удалиться на покой. „Итакъ, люди,—скажемъ мы словами покойнаго профессора московской духовной академіи, П. С. Казанскаго,—вмѣшавшіеся не въ свое дѣло, которыхъ не жаль было метлою смести съ занимаемаго ими мѣста, мужа, замѣнить котораго, можетъ быть, не найдутся способные ни въ одно столѣтіе, едва не принудили отказаться отъ должности“ <sup>2)</sup>).

Однако властолюбивый оберъ-прокуроръ, сломивъ такимъ постыднымъ образомъ противодѣйствіе митрополита Филарета въ дѣлахъ синодскихъ, все-таки не оставилъ его въ покоѣ. Прискорбно даже и говорить, что графъ Протасовъ, въ 1844 году, въ отсутствіе Филарета, на петербургскомъ Троицкомъ подворьѣ сдѣлалъ обыскъ сундуковъ владыки для дознанія того—„не заперты-ли въ сундуки ереси“ <sup>3)</sup>).

Послѣ удаленія митрополитовъ кievскаго и московскаго изъ синода, графъ Протасовъ сталъ полнымъ распорядителемъ православной церкви въ Россіи. Митрополитъ Серафимъ, по отзыву нѣкоторыхъ современниковъ, не имѣлъ ровно никакого значенія. О немъ прямо выражались, что онъ нуль для синода <sup>4)</sup>, тогда какъ Протасова называли прямо патриархомъ въ солдатскомъ мундирѣ. Одинъ изъ засѣдавшихъ въ то время архіереевъ сдѣлалъ слѣдующій отзывъ о своемъ положеніи: „Протасовъ насъ

<sup>1)</sup> Подробнѣе о борьбѣ Протасова съ м. Филаретомъ можно читать въ статьѣ Корсунскаго: О подвигахъ м. Филарета въ дѣлѣ перевода библіи на русскій языкъ. „Юбилейный Сборникъ“, т. II.

<sup>2)</sup> „Прав. Обзоръ“ 1878 г., январь, 117.

<sup>3)</sup> Письма митрополита Филарета къ Антонію, ч. II, 132 стр.

<sup>4)</sup> Записки Пальмера о русской церкви. „Странникъ“ 1883 г., май, 66 стр.

забралъ въ руки по военному, сразу, и такъ забралъ, такъ забралъ, что просто голоса поднимать не смѣли; какъ былъ гусарь, такъ имъ и остался, и сонмомъ архіерейскимъ какъ эскадрономъ на ученія командовалъ, а за глаза поносилъ всѣхъ предъ чиновниками самыми кавалерскими словами. Онъ зналъ, что онъ избранникъ, и какъ бывало разохлится, то и кричитъ про насъ заочно: „пустъ-ва сунутся на меня жаловаться, я имъ клобуки-то намну!“ Да никто и не думалъ на него жаловаться, потому что нельзя—сами выбрали, да признаться—духу ни у кого не стало: очень забралъ <sup>1)</sup>“. Другой современникъ, извѣстный ученый Филаретъ Гумилевскій, бывшій въ сорововыхъ годахъ на чредѣ священнослуженія въ Петербургѣ, обрисовываетъ хотя въ болѣе спокойномъ тонѣ, но за то еще въ болѣе мрачныхъ чертахъ, забитое положеніе синодальныхъ членовъ въ оберъ-прокурорство Протасова. „Вы пишете съ сожалѣніемъ, такъ выражался Филаретъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ другу своему А. В. Горскому, о молчаніи нашихъ генераловъ, т. е. членовъ синода. Ахъ, другъ мой! Если бы вы посмотрѣли здѣсь на положеніе нашихъ генераловъ, вы бы пролили слезы о нихъ, таково положеніе ихъ! Дѣла въ такомъ положеніи, что едва можно бываетъ по временамъ дѣлать отраженіе натисковъ. Иначе приходится только встрѣчать пули въ бокъ и лобъ и стоять не морщась. Да, точно таковы дѣла. О вылазкахъ или наступательныхъ дѣйствіяхъ и думать нельзя. Вамъ извѣстны мои прежнія мысли и чувствованія; извѣстно, какъ иногда терзалась душа моя неразсудительная мыслями о бездѣйствіи генераловъ. Теперь вижу, что надобно молить Господа, дабы далъ имъ твердость и рѣшимость выдерживать осаду. Силы истощены, средства отобраны; осталось одно—упованіе на Господа Иисуса. Когда бы Господь, благоволившій пострадать за насъ, не лишилъ за наши грѣхи и той милости, чтобы сохранялась твердость оставаться въ оборонительномъ положеніи, когда нападенія столько жестоки и столько часты, а средствъ нѣтъ <sup>2)</sup>“.

<sup>1)</sup> „Историческій Вѣстникъ“ 1882 г., ноябрь, 399. Н. С. Лѣсковъ: синодальныя персоны.

<sup>2)</sup> Прибавленія къ тв. св. отецъ 1883 г., кн. 1, 255.

Въ оберъ-прокурорство графа Протасова синодъ лишенъ былъ возможности имѣть прямое и дѣятельное участіе въ такихъ исключительно церковныхъ вопросахъ, какъ, на примѣръ, принатіе въ православіе латышей и эстовъ, которые толпами рвались въ православіе, но которыхъ, по командѣ свѣтскихъ начальниковъ, гнали отъ себя православные епископы и духовенство. „Синодъ, говоритъ извѣстный знатокъ латышскаго дѣла сорововыхъ годовъ Ю. Ѳ. Самаринъ, былъ въ сторонѣ; вопросы, прямо до него касавшіеся, когда они требовали новыхъ законодательныхъ мѣръ, возбуждались, обсуживались и разрѣшались помимо его; съ нимъ даже рѣдко совѣтовались, предоставляя ему только примѣненіе правилъ, безъ его содѣйствія изданныхъ, и онъ, повидимому, находилъ это естественнымъ, по крайней мѣрѣ, не протестовалъ противъ страннаго безучастія, на которое онъ былъ осужденъ“<sup>1)</sup>.

Графъ Протасовъ обращался къ синоду и намѣренно указывалъ на его авторитетъ тогда, когда хотѣлъ обдѣлать какое нибудь незаконное дѣло. Онъ нерѣдко свои незаконныя дѣйствія прикрывалъ авторитетомъ синода, чѣмъ еще болѣе ронялъ его въ общественномъ мнѣніи. Одинъ изъ служившихъ въ синодѣ при Протасовѣ чиновниковъ въ своихъ запискахъ пишетъ: „если по какому нибудь дѣлу, зависящему въ рѣшеніи отъ оберъ-прокурора или его департаментовъ, хотѣли поступить въ ущербъ правдѣ, то такое дѣло предлагалось на разрѣшеніе св. синоду, на случай—не удастся ли исторгнуть у него резолюцію, согласно своему желанію, а самимъ стать правыми; если же не удавалось, то приготовленное по противной резолюціи опредѣленіе останавливалось директоромъ синодальной канцеляріи надолго, чтобы члены синода данную ими резолюцію забыли, и тогда уже составлялся протоколъ вновь, съ резолюціею по желанію, который члены, запамятававъ прежнюю свою резолюцію, безпрекословно подписывали; эта іезуитская мапера оставалась въ употребленіи....“<sup>2)</sup>.

Въ январѣ 1843 г. умеръ митрополитъ Серафимъ.

<sup>1)</sup> „Русск. Архивъ“ 1869 г., №№ 7 и 8. Православные латыши въ 1841 и 1842 гг. Истор. очеркъ Ю. Ѳ. Самарина.

<sup>2)</sup> „Странички“ 1883 г., апрѣль, 721 стр. Воспоминанія Ф. Ф. Исмаилова.

Оберъ-прокуроръ задался дѣлю возвести на его мѣсто такого человѣка, который не могъ бы мѣшать его деспотизму. И онъ достигъ своей дѣли вполнѣ. Преемникомъ Серафима назначенъ былъ архіепископъ варшавскій Антоній Рафальскій, ничѣмъ незаслужившій такой чести сравнительно со многими другими современными ему іерархами русской церкви. Антоній происходилъ изъ вдовыхъ священниковъ, не имѣлъ академическаго образованія, изъ намѣстниковъ Почаевской лавры въ 1834 году былъ хиротонисанъ въ епископа варшавскаго, а въ 1840 году получилъ архіепископство. Когда графъ Протасовъ объявилъ въ синодѣ высочайшее повелѣніе о назначеніи Антонія петербургскимъ митрополитомъ, члены синода крайне изумились, не смотря на то, что они при Протасовѣ вообще были приучены ко всякаго рода неожиданностямъ. Антоній былъ человѣкъ большой, что дѣлало его совершенно безгласнымъ членомъ синода. Подъ вліяніемъ внушеній оберъ-прокурора, митрополитъ Антоній крайне грубо и безтактно отнесся къ московскому митрополиту Филарету. При вступленіи Антонія на кафедру с.-петербургской митрополіи, Филаретъ послалъ ему братское привѣтственное письмо, но Антоній не отвѣчалъ ему, также, какъ и на всѣ другія его письма <sup>1)</sup>.

Митрополитъ Антоній умеръ 16 ноября 1848 г. Преемникъ Антонія, митрополитъ Никаноръ Клементьевскій, бывшій ученикомъ и потомъ подчиненнымъ митрополита Филарета, какъ первенствующій членъ синода, также не обладалъ достаточною силою воли и твердостью голоса предъ энергическимъ оберъ-прокуроромъ, а равнымъ образомъ онъ не отличался и административными способностями. Митрополитъ Никаноръ былъ послушнымъ орудіемъ Протасова, подъ вліяніемъ котораго онъ поставилъ себя, особенно въ первые годы своего митрополитства, въ натянутыя отношенія къ митрополиту Филарету. На привѣтственное письмо Филарета Никаноръ долгое время даже не отвѣчалъ, но потомъ одумался и написалъ отвѣтъ <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Письма М. Филарета къ архимандриту Антонію, ч. II, 112—113

<sup>2)</sup> Письма м. Филарета къ Муравьеву, 294. Письма м. Филарета къ архимандриту Антонію, часть III, № 845, стр. 123.

Само собою понятно, что при враждебно настроенныхъ первенствующихъ членахъ синода и оберъ-прокурорѣ митрополиту Филарету трудно было не только проводить свои взгляды въ синодѣ, но для него нерѣдко встрѣчались затрудненія даже по епархіальному управленію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

## ЗАПИСКИ К. К. МЕРДЕРА,

ВОСПИТАТЕЛЯ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,

1824—1834 гг.

1832 г. <sup>1)</sup>.

23-го іюня. Четвергъ. Великій князь занимался снятіемъ вида съ котеджа, со стороны моста; онъ готовитъ этотъ рисунокъ въ подарокъ государю императору ко дню его тезоименитства. Дождь шелъ по крайней мѣрѣ разъ двадцать впродолженіи дня и вступленіе кадетъ еще отложено на завтрашній день.

24-го іюня. Пятница. Великій князь употребилъ все утро на оцѣнку рисунка, который думаетъ поднести государю императору.

Обѣдали въ часъ, въ 2 часа поѣхали въ Стрѣльну, гдѣ великій князь всталъ на свое мѣсто, въ ряды баталіона 1-го кадетскаго корпуса, съ которымъ пришелъ въ 3 часа съ половиною къ Петергофской заставѣ. Въ 6 часовъ изволили прибыть государь императоръ и е. выс. Михаилъ Павловичъ и проѣхали по фронту; тогда вся колонна двинулась и вошла въ ворота котеджа, гдѣ проходила мимо

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLV, февраль, стр. 339—364; мартъ, стр. 527—554; т. XLVI, апрѣль, стр. 87—106; май, стр. 265—280; іюнь, стр. 481—510; т. XLVII, іюль, стр. 27—44; августъ, стр. 223—238; сентябрь, стр. 429—444.

ея вел. Въ 8 часовъ вступили въ лагерь; послѣ зари, около 9 часовъ, мы вернулись къ себѣ и легли спать.

25-го іюня. Суббота. Я былъ въ Царскомъ селѣ, чтобы видѣть мою жену, разрѣшившуюся отъ бремени сыномъ. Вернувшись въ 7 часовъ, я узналъ, что е. выс. присутствовали при разводѣ и былъ приглашенъ на большой обѣдъ. Вечеромъ великій князь долженъ былъ быть на балу и потому онъ легъ отдохнуть; я засталъ его спящимъ. На балу онъ танцевалъ нѣсколько кадрили и мазурку. Послѣ ужина мы возвратились къ себѣ въ часъ ночи.

26-го іюня. Воскресенье. Дождь шелъ цѣлый день и мы успѣли сдѣлать только небольшую прогулку пѣшкомъ. Великій князь писалъ письма къ нхъ выс. и читалъ Сегюра.

27-го іюня. Понедѣльникъ. Дождь шелъ цѣлый день, мы ѣздили въ лагерь на ученье, которое было отказано. Великій князь началъ снимать видъ котеджа, который думаетъ поднести въ подарокъ ея вел. государынѣ императрицѣ въ день ея рожденія.

28-го іюня. Вторникъ. Утромъ е. выс. рисовалъ; послѣ обѣда былъ на ученьи 1-го кадетскаго корпуса, а вечеромъ отъ 7 до 9 мы катались верхомъ и заѣзжали къ кадетамъ, переведеннымъ въ англійскій дворецъ, по случаю сырости въ лагерь.

29-го іюня. Среда. Утромъ его выс. окончили свой рисунокъ. Великій князь былъ приглашенъ къ ея величеству на собственную дачу къ завтраку. Его радость была чрезвычайна, когда онъ узналъ, что пароходъ Ижора посланъ въ Ревель за нхъ выс. великими княжнами. Послѣ обѣда отъ 4 до 6 его выс. былъ на ученьи съ баталіономъ 1 кадетскаго корпуса, а отъ 6 до 8 присутствовалъ при репетиціи развода кавалергардскаго полка и готовился подѣхать на ординарци къ ея велнч. Онъ желалъ сопровождать ея в. императрицу во время ея вечерней прогулки верхомъ и просилъ на то позволеніе у ея вел.; вмѣсто того, чтобы мнѣ просто сказать, что онъ испросилъ у ея в. позволеніе за нею слѣдовать, онъ былъ неоткровененъ въ отношеніи ко мнѣ и сказалъ мнѣ, что императрица сама отъ себя пригласила его. Я представилъ ему неосновательность его поведенія и объявилъ, что ему никогда не удастся достигнуть цѣли, употребляя со мною скрытность.

30-го іюня. Четвергъ. По приказанію государя императора ве-



ликій князь долженъ завтрашній день вступить въ караулъ, потому е. выс. былъ на репетиціи развода, бывшей въ присутствіи е. выс. великаго князя Михаила Павловича, который остался совершенно доволенъ государемъ наслѣдникомъ, исполнившимъ обязанности свои безошибочно.

Въ 12 часовъ великій князь Александръ Николаевичъ, переодѣвшись, всталъ въ ряды баталіона 1 кадетскаго корпуса, которому государь императоръ производилъ смотръ. Гг. кадеты учились прекрасно и е. в. изъявилъ имъ совершенное удовольствіе. Вечеромъ весь дворъ собрался въ большой дворецъ, чтобы принести поздравленія государынѣ императрицѣ; послѣ цѣлованія руки былъ танцевальный вечеръ.

Ея велич. совершенно осталась довольна рисункомъ, поднесеннымъ наслѣдникомъ; день проведенъ въ постоянныхъ развлеченияхъ, какъ и предшествовавшіе дни.

1-го іюля. Пятница. Въ 8 часовъ утра великій князь имѣлъ величайшую радость видѣть сестрицъ своихъ, прибывшихъ въ Петергофъ изъ Ревеля; это путешествіе совершено ими въ 21 часъ.

Государь императоръ объявилъ совершенное свое удовольствіе великому князю, вступившему въ караулъ съ кавалергардами, и произвелъ его въ чинъ ротмистра.

Былъ большой обѣдъ, на которомъ наслѣдникъ присутствовалъ. Вечеромъ въ Монплезиръ, на открытомъ воздухѣ, былъ спектакль, а потомъ въ домѣ балъ, на которомъ мы оставались до полуночи.

Великій князь былъ весьма доволенъ днемъ, но я думалъ, что полученный чинъ ему болѣе доставитъ удовольствія.

2-го іюля. Суббота. Великій князь былъ на застрѣльщикьемъ ученѣ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и на смотре 1 полка военно-учебныхъ заведеній.

Въ 5 часовъ поѣхали на пароходѣ на Елагинъ; на пути были достигнуты проливнымъ дождемъ.

3-го іюля. Воскресенье. Мы смотрѣли громадный блокъ гранита, предназначенный для Александровской колонны. Основаніе имѣетъ 14 футовъ въ діаметръ, а вышина 84 фута; онъ вѣситъ 50,000 пудовъ. Послѣ того ѣздили смотрѣть двухъ сфинксовъ, привезенныхъ изъ Египта г. Муравьевымъ.

Вечеромъ было большое гулянье на Елагиномъ островѣ; наслѣдникъ слѣдовалъ за государемъ императоромъ верхомъ.

4-го іюля. Понедѣльникъ. Его высочество ѣздилъ со мною въ казармы лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, смотрѣть раненныхъ въ числѣ 528 человекъ, прибывшихъ изъ Царства Польскаго. Большая часть изъ нихъ принадлежать къ числу охотниковъ, бывшихъ на штурмѣ Варшавы. Воинственныя лица этихъ храбрыхъ сіяли еще геройскимъ огнемъ, даровавшимъ имъ побѣду въ рѣшительную минуту. Государь наслѣдникъ говорилъ почти съ каждымъ и сказалъ имъ, что онъ весьма доволенъ лично знать столь храбрыхъ защитниковъ отечества. Прощаясь съ ними, онъ изъявлялъ желаніе, чтобы каждому выдали по рублю.

Вечеромъ мы возвратились на пароходѣ въ Петергофъ.

5-го іюля. Вторникъ. Утромъ было баталіонное ученье, а вечеромъ полковое; его выс. находился на томъ и другомъ въ качествѣ застрѣльщика въ 1 взводѣ.

6-го іюля. Среда. Въ 5 часовъ мы поѣхали въ Красное село; пріѣхавъ туда въ 7 часовъ, мы застали государя спящимъ; въ ожиданіи его пробужденія, мы прошли къ е. выс. принцу Ольденбургскому. Отъ 9 до 11 часовъ великій князь находился на ученіи гвардейской конной артиллеріи, стрѣлявшей въ цѣль. Государь императоръ приказать изволилъ е. выс. встать передъ гвардейской казачьей батареей; онъ разговаривалъ съ гг. офицерами о неудобствахъ привязыванія шинелей на чемоданы, расположенные позади сѣдла.

Великій князь обѣдалъ у е. выс. принца Ольденбургскаго, принявшаго насъ съ радостью и угостившаго насъ на славу. Въ 6 часовъ мы возвратились въ Петергофъ и гуляли съ нѣмъ выс. великими князьями.

7-го іюля. Четвергъ. Государь императоръ лично училъ оба полка военно-учебныхъ заведеній и остался ими весьма, весьма доволенъ.

Въ 12 часовъ нѣмъ выс. великія княжны снова уѣхали въ Ревель на пароходѣ Ижора. Вечеромъ государь сдѣлалъ тревогу; менѣе чѣмъ въ 10 минутъ всѣ баталіоны были построены въ колонны къ атакѣ и е. в. маневрировать изволилъ до 10 часовъ. Государь императоръ изъявлялъ свое благоволеніе за порядокъ и точность, съ коими исполнялись движенія.

8-го іюля. Пятница. Все утро шелъ дождь; великому князю пришла мысль сдѣлать картину исторіи среднихъ вѣковъ, но, предпри-

нявъ эту работу вяло, онъ только потерялъ время. Мы ѣздили къ ея выс. великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ въ Ораніенбаумъ.

Послѣ обѣда у е. выс. было нѣсколько молодыхъ людей, съ которыми онъ игралъ въ бары.

9-го іюля. Суббота. Великій князь былъ на ученьи съ 1 кадетскимъ корпусомъ; онъ въ первый разъ командовалъ взводомъ за офицера и исполнилъ обязанность свою довольно хорошо. Вернувшись къ себѣ, его выс. писалъ письмо къ г. Жуковскому; я сдѣлалъ ему замѣчаніе на его дурной почеркъ, это ему не понравилось и онъ отвѣчалъ мнѣ неприличнымъ образомъ; тогда я приказалъ ему переписать письмо и въ то же время объявилъ, что на будущее время я прикажу г. Рейнгольду занимать его чистописаніемъ; видя, что дѣло становится серьезнымъ, онъ почувствовалъ свою вину и просилъ извиненія.

10-го іюля. Воскресенье. Мы были у развода, потомъ у обѣдни, а въ 3 часа великій князь былъ у государя императора, во время представленія англійскаго посланника лорда Дюргама. Былъ большой обѣдъ, а вечеромъ балъ, на которомъ мы находились.

11-го іюля. Понедѣльникъ. Принеся поздравленія ихъ вел. по случаю тезоименитства ея выс. Ольги Николаевны, мы были у обѣдни. Обѣдали въ котеджѣ. Вечеромъ въ кадетскомъ лагерѣ была тревога и маневры, продолжавшіеся до 10 часовъ. Государь императоръ изъявилъ свое благоволеніе за быстроту, съ которою военно-учебныя заведенія выстроились, и за правильность, съ которою исполняли различныя построенія.

12-го іюля. Вторникъ. Мы сопровождали ихъ вел. въ С.-Петербургъ на пароходѣ Ижора, чтобы присутствовать при выгрузкѣ большаго монолита.

Вечеромъ, едва возвратившись въ Петергофъ, уѣхали въ Красное село, гдѣ присутствовали при зарѣ.

13-го іюля. Среда. Великій князь присутствовалъ при ученіи 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, а вечеромъ при зарѣ.

14-го іюля. Четвергъ. Утромъ были на ученіи 2-хъ гвардейскихъ кавалерійскихъ дивизій. Великій князь былъ въ мундирѣ кирасирскаго имени е. выс. полка.

Вечеромъ былъ при зарѣ.

15-го іюля. Пятница. Мы присутствовали при ученіи 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Въ Швейцарскомъ домѣ на Дудергофѣ былъ семейный обѣдъ. Вечеромъ была при зарѣ; она была исполнена всѣми музыкантами и барабанщиками 6 пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ, что составляло почти баталіонъ.

16-го іюля. Суббота. Были большіе маневры, исполненные всѣми войсками гвардіи, подъ начальствомъ самого государя императора. Весь гвардейскій корпусъ, въ сомкнутыхъ колоннахъ, находился у подножія Дудергофа въ долинѣ. Въ 8 часовъ артиллеріи приказано было встать на позицію на правомъ берегу озера, находящагося противъ фабрикантской; не смотря на пальбу, понтоны были наведены и легкая артиллерія проскала въ карьеръ по мосту и за нею четыре полка кирасиръ, чтобы заставить отступить непріятеля съ противоположнаго берега. Движеніе это представило великолѣпнѣйшую картину. Вообще весь маневръ былъ исполненъ и веденъ съ замѣчательнымъ знаніемъ дѣла.

Обѣдали на Дудергофѣ въ маленькомъ обществѣ. Всѣ генералы были приглашены къ чаю въ Швейцарскій домикъ. Музыканты и барабанщики шести полковъ играли зарю, сигналъ коей былъ данъ залпомъ изъ 24 орудій.

17-го іюля. Воскресенье. Обѣдню служили въ лагерѣ, въ присутствіи ихъ величества, въ 9 часовъ утра; его выс. присутствовалъ на оной.

Великій князь желалъ ѣхать со мною въ Царское село. Онъ обѣдалъ у моей жены. Послѣ обѣда гуляли въ паркѣ, были на Дѣтскомъ островѣ и на башнѣ. Великій князь былъ очень веселъ и доволенъ. Въ 8 часовъ мы пріѣхали въ Петергофъ.

18-го іюля. Понедѣльникъ. Утромъ было аванпостное ученіе, а послѣ обѣда баталіонное восьмирядное ученіе; его выс. командовалъ 1 взводомъ. Онъ дѣлалъ нѣсколько ошибокъ единственно по недостатку практикн. Великій князь получалъ въ подарокъ отъ г. Мантейфеля, главнаго лѣсничаго въ Курляндіи, три своры борзыхъ, необыкновенно малаго росту, и одну лагавую собаку.

19-го іюля. Вторникъ. Утромъ было аванпостное ученіе, а послѣ обѣда восьмирядное баталіонное ученіе. Великій князь командовалъ

1-мъ дивизиономъ; за недостаткомъ практики е. выс. дѣлалъ ошибки.

Снимали планъ Александрін съ г. Коллинсомъ. Вечеромъ были на охотѣ съ маленькими собаками, но она не удалась.

20-го іюля. Среда. Великій князь командовалъ 1-мъ дивизиономъ на восьмирядномъ ученьи. Потомъ продолжали снимать планъ съ Александрін.

21-го іюля. Четвергъ. Въ 11 часовъ великій князь находился въ рядахъ баталіона 1-го кадетскаго корпуса; со всѣми военно-учебными заведеніями отправился на собственную дачу, откуда начался маневръ; непріятеля преслѣдовали до Стрѣльны, послѣ чего отрядъ остановился и потомъ вернулся назадъ и занялъ дачу доктора Голове, гдѣ провелъ ночь на бивуахѣ. Великій князь былъ очень счастливъ, что могъ лежать на соломѣ на чистомъ воздухѣ; онъ нѣсколько разъ пробовалъ заснуть, но всякій разъ его будили веселые товарищи, говорившіе и смѣявшіеся вокругъ него. Ночью отъ 2 до 4 часовъ великій князь былъ на часахъ и, исполняя должность унтеръ-офицера, разставлялъ ведеты.

22-го іюля. Пятница. Въ 9 часовъ государь императоръ послалъ за великимъ княземъ, чтобы присутствовать при обѣдни по случаю дня тезоименитства великой княжны Маріи Николаевны. Во время завтрака у ея вел. пили за здоровье е. в. короля прусскаго, по случаю дня его рожденія. Вечеромъ у ея величества было собраніе.

23-го іюля. Суббота. На Бабьемъ полѣ были маневры. Мы провели нѣсколько часовъ въ деревнѣ Тепелово, сильной позиціи, избранной кн. Меншиковымъ, командовавшимъ нарвскимъ корпусомъ и атакованнымъ повгородскимъ корпусомъ, шедшимъ на помощь Петербургу, подъ предводительствомъ е. выс. великаго князя Михаила Павловича. Государыня императрица съ дамами и весь дипломатическій корпусъ находились въ той же деревнѣ. Вечеромъ былъ французскій спектакль; театръ былъ устроенъ въ одной изъ залъ дворца.

24-го іюля. Воскресенье. Церковный парадъ. Морскими кадетами сдѣланъ десантъ, — тревога въ кадетскомъ лагерѣ, чтобы отразить десантъ. Вечеромъ спектакль и балъ. Великій князь оставался на балу до 11 часовъ.

25-го іюля. Понедѣльникъ. Большіе маневры на высотахъ Бабій говъ. Великій князь находился во фронтѣ въ рядахъ баталіона 1-го кадетскаго корпуса.

Маневры продолжались пять часовъ и великій князь все время былъ пѣшкомъ.

26-го іюля. Вторникъ. Большой обѣдъ для всѣхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ гвардейскаго корпуса; великій князь на ономъ присутствовалъ.

27-го іюля. Среда. Была обѣдня по случаю дня рожденія е. выс. великаго князя Николая Николаевича. Государь императоръ, въ сопровожденіи государя наслѣдника, генераль-адмирала и нѣсколькихъ ген.-адъют. дѣлалъ смотръ находящемуся на рейдѣ въ Кронштадтѣ флоту. Всего было 49 судовъ, въ числѣ коихъ находилось 16 линейныхъ кораблей. Мы были на четырехъ корабляхъ и двухъ фрегатахъ; все на нихъ въ лучшемъ состояніи.

28-го іюля. Четвергъ. Дождь шелъ всю ночь и смотръ флота былъ отъязанъ. Вечеромъ былъ маленькій фейерверкъ.

29-го іюля. Пятница. Погода превосходная, во все гѣто такой не было. Ихъ вел., въ сопровожденіи ихъ выс. государя наслѣдника и генераль-адмирала и всего двора, изволили быть на смотру флота. Возвращаясь изъ Кронштадта, обѣдали на пароходѣ Ижора.

30-го іюля. Суббота. Его выс. наслѣдникъ командовалъ 1-мъ взводомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, на бывшемъ сегодня парадѣ, въ Красномъ селѣ. Онъ исполнилъ свою обязанность какъ нельзя лучше. Къ обѣду онъ былъ приглашенъ къ принцу Ольденбургскому. Я поѣхалъ въ Царское село, а г. Юрьевичъ отвезъ великаго князя и его товарищей въ Петергофъ.

31-го іюля. Воскресенье. Каскадная гора была взята штурмомъ кадетами всѣхъ корпусовъ; первые три, достигнувшіе вершины горы, получили отъ государыни императрицы въ подарокъ на память перстни и печати. Обѣдали въ Монплезира.

Вечеромъ прибывали знамя, назначаемое для 2-го баталіона лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, пили чай въ Монплезира, послѣ чего на-

слѣдникъ прощался съ дядей своимъ, принцемъ Вильгельмомъ прусскимъ, который далъ е. выс. на память цѣпочку къ часамъ изъ платины.

1-го августа. Понедѣльникъ. Большой парадъ по случаю освященія воды, во время коего было освящено знамя Литовскаго полка, представленнаго въ первый разъ государю императору въ 3-хъ баталіонномъ составѣ. Вечеромъ государыня императрица приказала мнѣ велѣть приготовить для кадетъ въ котеджѣ чай и фрукты. Около 7 часовъ собралось до 200 молодыхъ людей, чтобы играть съ ихъ "мс. великими князьями Александромъ и Константиномъ Николаевичами. Всѣ эти господа были угощены, а послѣ 8 часовъ уволены.

2-го августа. Вторникъ. Сегодня начались уроки у насъ. Военно-учебныя заведенія выступили изъ лагеря; государь наслѣдникъ, въ 6 часовъ вечера, къ нимъ присоединился и проводилъ ихъ до дачи г. Мятлева. Дождь шелъ и дорога была чрезвычайно грязна.

3-го августа. Среда. День проведенъ тихо. Учились хорошо у всѣхъ гг. учителей. Вечеромъ катались верхомъ.

4-го августа. Четвергъ. Прекрасный день.

5-го августа. Пятница. По окончаніи уроковъ и отобѣдавъ мы уѣхали на Елагинъ, въ экипажѣ. Ихъ вел. туда поѣхали на пароходѣ.

6-го августа. Суббота. По принесеніи поздравленій ихъ вел. великій князь получилъ приказаніе отъ государя императора объявить е. выс. принцу Ольденбургскому, что онъ произведенъ въ чинъ генераль-маіора. Это извѣстіе принесло большую радость великому князю и онъ поспѣшилъ раздѣлить ее съ своимъ любезнымъ двоюроднымъ братцемъ.

Пріѣхавъ на Литейную, мы нашли Преображенскій полкъ уже выстроеннымъ вдоль Сергіевской. Великій князь, проходя по фронту, здоровался съ каждымъ взводомъ и, подойдя къ 3-му баталіону, которымъ командовалъ принцъ Ольденбургскій, онъ поцѣловалъ его и поздравилъ съ производствомъ. Мы присутствовали при обѣдѣ и парадѣ; обѣдали въ Таврическомъ дворцѣ. Вечеромъ е. выс. игралъ съ маленькими кадетами Морскаго корпуса, пріѣхавшими на своей яхтѣ на Елагинъ.

7-го августа. Воскресенье. Великій князь бесѣдовалъ съ г. Павскимъ объ обязанностяхъ истиннаго христіанина. Послѣ обѣдни ихъ величества объявили мнѣ, что они берутъ на себя привезти великаго князя въ Царское Село, и что я могу ѣхать впередъ. Я воспользовался снѣгъ позволеніемъ.

Ихъ вел. прибыли только въ 5 часовъ. Послѣ обѣда е. выс. игралъ на башнѣ съ своими товарищами: Лонгиновыми, Лобановыми и конне дѣтьми, до 8 часовъ. Стрѣляли изъ ружей, а потомъ брали штурмомъ башню, валѣзая на валъ.

8-го августа. Понедѣльникъ. Государь императоръ въ ночь уѣхалъ въ Порховъ инспектировать третью баталію полковъ гренадерскаго корпуса. Великій князь и его товарищи занимались въ классахъ съ похвальнымъ прилежаніемъ.

9-го августа. Вторникъ. Поведеніе и ученіе великаго князя были весьма хороши.

10-го августа. Среда. Государь императоръ возвратился въ Царское Село въ вождѣльнномъ здравіи.

11-го августа. Четвергъ.	} Прекрасные дни во всѣхъ отношеніяхъ.
12-го августа. Пятница.	

13-го августа. Суббота. Всю недѣлю великій князь занимался во время уроковъ и въ приготовительные часы съ большимъ прилежаніемъ. Поведеніемъ его я былъ бы доволенъ, если бы не приходилось дѣлать ему нѣсколько разъ замѣчаній насчетъ неумѣстныхъ шутокъ.

14-го августа. Воскресенье. Обѣдня, разводъ, послѣ чего мы были на охотѣ, но которая не была счастлива.

Великій князь поздравлялъ е. выс. принца Ольденбургскаго, по случаю дня его рожденія, и подарилъ ему шпагу, на клинкѣ коей надпись: «Любовь, Дѣятельность, Твердость и Упованіе». Великій князь обѣдалъ за большимъ столомъ. Вечеромъ игралъ на башнѣ: штурмовали валъ, лазали по лѣстницамъ и безъ оныхъ, и сдѣлали 11 выстрѣловъ изъ пушекъ по случаю дня рожденія принца Ольденбургскаго.



15-го августа. Понедѣльникъ. Уроки шли прекрасно, поведеніемъ былъ я доволенъ, но все таки были шутки и буффонства.

16-го августа. Вторникъ. Хорошій день.

17-го августа. Среда. Мы ѣздили на волчью охоту, за нѣсколько верстъ отъ деревни Федоровское. Дождь шелъ все время и мы промокли до костей, но это не помѣшало веселиться по причинѣ новости забавы.

Великій князь очень горячится на охотѣ; когда онъ увидалъ, что собаки погнались за волкомъ, онъ не могъ удержаться и пустился верхомъ въ погоню.

Урокъ г. Коллинса былъ послѣ обѣда. Я не могъ требовать, чтобы послѣ такой усталости урокъ былъ хорошъ.

18-го августа. Четвергъ. Радость видѣть великихъ княженъ была велика и искренна. Ихъ выс. очень выросли; трудно было бы имъ сдѣлаться любезиѣе и милѣе, чѣмъ онѣ есть. Великая княжна Марія Николаевна много рассказывала подробностей о пребываніи и путешествіи въ Ревелѣ; для нея это неисчерпаемый источникъ любезныхъ, пріятныхъ разговоровъ.

19-го августа. Пятница. Въ исполненіи собственныхъ занятій для г. Плетнева е. выс. показали непростительную безпечность, онъ не можетъ привыкнуть исполнять добросовѣстно долгъ свой. Лѣнь его одолеваетъ во всемъ, препятствуетъ въ особенности углубляться въ работу; когда должно начать занятіе, онъ колеблется, робѣетъ и не знаетъ какъ приняться <sup>1)</sup>).

20-го августа. Суббота. Великій князь не хорошо приготовилъ урокъ для г. Юрьевича. Е. выс. и его товарищи получили дурныя отмѣтки и государь императоръ приказалъ мнѣ на будущей недѣлѣ ихъ на охоту не водить, дабы они не имѣли развлеченія.

---

<sup>1)</sup> Почтенный воспитатель до того былъ преданъ своему августѣйшему питомцу, такъ близко принималъ къ сердцу все, что до него относилось, что, самъ того не замѣчая, невольно преувеличивалъ замѣчаемые въ немъ недостатки. Впрочемъ, что Мердеръ въ своихъ укоризнахъ невольно увлекается и преувеличиваетъ, это видно изъ его же дневника, въ который онъ внесъ массу «прекрасныхъ во всѣхъ отношеніяхъ дней».

Наказанія этого не ожидали, и я замѣтилъ, что оно произвело сильное дѣйствіе на всѣхъ трехъ.

— «Исполняйте обязанности ваши добросовѣстно и вы увидите—какъ вы будете довольны, а слѣдовательно и счастливы».

Великій князь мнѣ не отвѣчалъ, но мнѣ казалось, что я видѣлъ на лицѣ его рѣшеніе слѣдовать на будущее время моему совѣту.

21-го августа. Воскресенье. Прошедшая недѣля по журнальнымъ отиѣткамъ оказалась весьма хороша, и потому я взялъ на себя смѣлость просить государя императора о помилованіи е. выс. и его товарищей, такъ какъ, по нашимъ постановленіямъ, они наказанія не заслужили.

— «Я замѣтилъ, сказалъ мнѣ государь, что Александръ показываетъ вообще мало усердія къ военнымъ наукамъ; я хочу, чтобъ онъ зналъ, что я буду непреклоненъ, если замѣчу въ немъ нерадивость по этимъ предметамъ; онъ долженъ быть военный въ душѣ, безъ чего онъ будетъ потерянъ въ нашемъ вѣкѣ; мнѣ казалось, продолжалъ государь, что я замѣтилъ, что онъ любитъ однѣ только мелочныя подробности военнаго дѣла».

«В. в., отвѣтилъ я, могу честию увѣрить васъ, что дѣлаю все, что могу, чтобы сдѣлать его рыцаремъ безъ страха и упрека, и что стараюсь ему дать понять, что нужно, чтобы сдѣлаться великимъ полководцемъ, быть прежде всего добродѣтельнымъ и чтобъ достигнуть этого—нужно быть хорошо образованнымъ. Великій князь понимаетъ очень хорошо, что значить быть военнымъ въ настоящемъ смыслѣ слова; я почти убѣжденъ, что онъ понимаетъ уже, что солдаты только тѣмъ преданы, которые ихъ ведутъ на бой и на побѣду, которые съ ними дѣлаютъ ихъ опасности, и что напрасно ожидали бы, чтобъ они могли привязаться къ тѣмъ, которыхъ они видятъ только на парадахъ и на трудныхъ ученіяхъ ружейными приемами. Если в. в. замѣтитъ изволили, что онъ занимается мелочами, я полагаю, что это только происходитъ отъ его возраста и по представляющимся ему случаямъ (можно) видѣть, что у насъ обращаютъ болѣе вниманія на мелочи въ военныхъ службѣ, чѣмъ на предметы истинно важные. Онъ видитъ только парады, это его веселитъ; думаютъ, что онъ это занятіе любитъ—я его же осуждаютъ. Мнѣ остается просить милости у в. в., чтобы вы сами увѣрились въ томъ, что я сказалъ, заставить однажды говорить самого великаго князя объ этомъ предметѣ».

— «Я вамъ вѣрю и имѣю полную довѣренность ко всему вами сказанному, сказалъ мнѣ государь, но хотѣлось бы мнѣ скорѣе видѣть

ого занимающіяся этимъ дѣломъ, какъ я имъ занимался въ его лѣта».

Болѣе ничего я не говорилъ и, поклонившись . . .

Ея выс. великая княжна Марія Николаевна и е. выс. великій князь Александръ Николаевичъ были воспріемниками отъ купели сына моего Ивана.

22-го августа. Понедѣльникъ. Была обѣдня, къ которой прѣхало много народу изъ города; послѣ обѣдни разводъ. Великая княжна Марія Николаевна дѣлала на Дѣтскомъ островѣ завтракъ для кн. Василія Долгорукова и фл.-адъют. Литке, сопровождавшихъ ея выс. въ Ревель. Великія княжны угощали прекрасно и были чрезвычайно любезны; катали г. Литке въ маленькой лодкѣ; кн. Долгорукій, будучи слишкомъ толстъ, не могъ имѣть этой чести, потому что былъ бы слишкомъ тяжелъ для лодки.

Вечеромъ былъ балъ; великій князь удалился въ свои покои рано.

23-го августа. Вторникъ. Проснувшись, великій князь жаловался на головную боль; я совѣтовалъ ему снова лечь. Г. Крейтонъ нашель, что у него жаръ, и далъ ему (лекарство), послѣ чего больной спалъ 5 часовъ и къ вечеру былъ совершенно здоровъ.

24-го августа. Среда. Прекрасный день.

25-го августа. Четвергъ. Весьма хорошій день. Великій князь готовился явиться на ординарцы завтрашняго числа къ государю императору. Онъ не держалъ довольно спокойно лѣвый локоть и его лошадь не могла держать приличныхъ аллюровъ; великій князь утверждалъ, что вина лошади; чтобы доказать ему противное, я просилъ ген. Арсговена попробовать лошадь, и оказалось, что она шла прекрасно.

26-го августа. Пятница. По случаю дурной погоды разводъ былъ отказанъ и государь наследникъ на ординарцы не подъѣзжалъ. Г-нъ Арсеневъ прибылъ изъ путешествія, сдѣланнаго имъ во внутрення губерніи Россіи, для собранія матеріаловъ для статистики, которую онъ пишетъ для великаго князя по приказанію государя императора.

Находясь на Бородинскомъ полѣ, онъ былъ въ церкви, сооружен-

ной иждивеніемъ г-жи Тучковой, въ той батареѣ, въ которой она полагаетъ, что супругъ ея былъ убитъ. Г-жа Тучкова, показывая г. Арсеньеву церковь, взяла съ алтаря образъ Спасителя, бросилась на колѣна, обратилась къ г. Арсеньеву, умоляя его передать оный е. выс. государю наслѣднику въ знакъ посылаемаго ею благословенія.

27-го августа. Суббота. Прекрасный день; по журналу эта неделя оказалась отличною.

28-го августа. Воскресенье. Мы охотились съ маленькими собачками въ паркѣ. Вечеромъ великій князь игралъ на башнѣ, а потомъ былъ на вечерѣ у государыни императрицы, гдѣ оставался позже 10-ти часовъ.

29-го августа. Понедѣльникъ. Въ 5 часовъ пополудни отправились мы въ Петербургъ, гдѣ расположились въ Зимнемъ дворцѣ; его выс. ѣздилъ съ государемъ императоромъ въ новый театръ, построенный на мѣстѣ Малаго, близъ Анничкова дворца; онъ обошелъ съ его вел. всѣ ряды ложъ, а потомъ, помѣстившись въ императорской ложѣ, смотрѣлъ дивертиссементъ.

— «Декорации очень хороши, что же касается до танцевъ, то я нахожу, что они всегда одни и тѣ же, и это меня нисколько не забавляетъ».

Государь императоръ очень благодарилъ архитектора России; великій князь его тоже поздравлялъ съ успѣхомъ.

30-го августа. Вторникъ. Въ 7<sup>1/2</sup> часовъ его выс. принимать изволилъ гг. офицеровъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка; въ 8 часовъ поѣхалъ въ церковь сего полка, гдѣ присутствовалъ при молебнѣ. Вернувшись къ себѣ, принималъ поздравленія отъ нѣкоторыхъ лицъ, послѣ чего пошелъ къ ихъ имп. вел. Наслѣдникъ получилъ въ подарокъ отъ государя императора полную парадную форму лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, а отъ государыни императрицы—мундиры кавалергардскаго полка и нѣсколько оружія турецкихъ. Великія княжны подарили шляпу и бѣлый султанъ.

Около 11-ти часовъ поѣхали въ Невскій, гдѣ присутствовали при обѣднѣ. Въ 2 часа ихъ вел., его выс. наслѣдникъ, его выс. великій князь Михайлъ Павловичъ, ихъ выс. великія княжны: Марія, Ольга и Александра Николаевны и весь дворъ поѣхали смотрѣть

поднятіе Александровской колонны и постановку оной на пьедесталь. Государь императоръ поѣхалъ верхомъ со всей свитой, а государыня императрица въ парадной каретѣ съ ихъ выс. великими княжнами. Члены государственнаго совѣта, министры, сенаторы, генералы, дворъ, дипломатическій корпусъ — занимали платформу, и огромное стеченіе зрителей занимало—всѣ окна Зимняго дворца, министерства иностранныхъ дѣлъ, министерства финансовъ и зданіе генеральнаго штаба, и покрывало площадь и даже кровли зданій, откуда можно было видѣть платформу. Церемонія продолжалась часъ и три четверти и окончилась съ полнымъ успѣхомъ; погода была превосходная.

Его выс. наслѣдникъ обѣдалъ съ ихъ величествами *en famille*. Вечеромъ у императрицы былъ танцевальный вечеръ; великій князь оставался до 12-го часа.

31-го августа. Среда. У его выс. были всѣ уроки по росписанію и гг. учителя были весьма довольны имъ. Великій князь былъ на открытіи Большаго театра съ ихъ величествами. Давали: «Пожарскій», трагедію Крюковского.

Мнѣ казалось, что великій князь не понималъ красоту стиховъ, коими наполнена эта пьеса. Дивертиссементъ, испанскій праздникъ, его также не забавлялъ. Государь императоръ выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ разныя губервіи; его вел. приходилъ прощаться къ наслѣднику въ 12 часовъ ночи.

— «Береги моихъ дѣтей и старайся болѣе не худѣть», сказалъ мнѣ государь милостиво, поцѣловавъ меня.

1-го сентября. Четвергъ. По окончаніи уроковъ и отобѣдавъ въ Зимнемъ дворцѣ, мы уѣхали на Елагинъ. Ея вел. императрица каталась въ коляскѣ съ ихъ выс. великими княжнами и государемъ наслѣдникомъ.

2-го сентября. Пятница.	} Прекрасные дни во всѣхъ отноше-
3-го сентября. Суббота.	

4-го сентября. Воскресенье. Его выс. завтракалъ съ великими княжнами у князя В. Долгорукова, оберъ-штальмейстера двора, на его хорошенькой дачѣ, близъ Каменноостровскаго моста.

Вечеромъ былъ большой фейерверкъ, данный принцемъ Ольденбург-

скимъ въ честь тезоименитства великаго князя Александра Николаевича.

Его выс. былъ очень тронутъ этимъ вниманіемъ и благодарилъ нѣсколько разъ принца.

5-го сентября. Понедѣльникъ. По случаю кавалергардскаго полковаго праздника сей полкъ прибылъ къ параду на Елагинъ; онъ былъ выстроенъ перпендикулярно къ фасаду дворца, на большомъ лугу, такъ что правый флангъ примыкалъ къ большому дубу. Великій князь командовалъ первымъ взводомъ, который одинъ былъ съ ружьями и передъ которымъ поставлены были штандарты. Государыня императрица, сопровождаемая ихъ выс. великими княжнами: Марією, Ольгою и Александрю Николаевными, проѣхала вдоль фронта въ коляскѣ, послѣ чего полкъ проходилъ церемоніальнымъ маршемъ по взводно передъ ея вел. и выстроился противъ дворца въ густую эскадронную колонну справа. Служили молебенъ на большомъ крыльцѣ дворца. По окончаніи молебна полкъ еще разъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ мимо ея вел., потомъ великій князь отнесъ штандарты. Всѣ гг. офицеры имѣли честь цѣловать руку своего шефа, пригласившаго ихъ къ завтраку. Въ 5 часовъ мы оставили Елагинъ; въ 7 часовъ прибыли въ Царское село.

6-го сентября. Вторникъ. } Прекрасные дни.

7-го сентября. Среда. } Великій князь писалъ письмо къ государю императору.

8-го сентября. Четвергъ. Поведеніемъ и ученіемъ его выс. гг. учителя и я были совершенно довольны.

9-го сентября. Пятница. Уроки были по обыкновенію, за исключеніемъ лекціи г. Павскаго, во время которой мы были у обѣда. Его выс. наслѣдникъ доставилъ большое удовольствіе брату своему, великому князю Константину Николаевичу, подаривъ ему мундиръ казачьяго линейнаго войска съ полнымъ вооруженіемъ.

Въ 3 часа я почувствовалъ сильное біеніе сердца; мнѣ пустили кровь и я принужденъ былъ не выходить изъ моей комнаты.

10-го сентября. Суббота. Нездоровье мое послужило мнѣ новымъ доказательствомъ привязанности великаго князя ко мнѣ; видя меня

слабымъ и страдающимъ, онъ заливался слезами и только силой могли его отвести отъ моей постели.

11-го сентября. Воскресенье. Я чувствовалъ себя лучше, но долженъ былъ оставаться въ моей комнатѣ. Его выс. ходилъ на охоту съ маленькими собачками; охота была не совсѣмъ удачна. Онъ приходилъ очень часто справляться о моемъ здоровьѣ и очень радвался, видя меня гуляющимъ по комнатѣ.

12-го сентября. Понедѣльникъ. Ночью въ 4 часа я почувствовалъ снова весьма сильное биеіе сердца, и какъ никакія средства не могли уменьшить его, принуждены были пустить кровь, но этотъ разъ такъ, что мнѣ сдѣлалось дурно. Великій князь былъ неутѣшенъ, видя, что меня переносили изъ его комнатъ въ квартиру, занимаемую моимъ семействомъ; я самъ не могъ удержаться отъ слезъ. Его выс. навѣщалъ меня ежедневно по нѣскольку разъ въ день, и осypалъ меня всевозможными ласками. Во все время, что я принужденъ былъ оставаться въ моей комнатѣ, поведеніе и прилежаніе его выс. были примѣры. Г-нъ Юрьевичъ и всѣ гг. учителя аттестовали его отлично.

20-го сентября. Вторникъ. Великій князь поѣхалъ въ городъ въ 9 часовъ утра. Такимъ образомъ, онъ потерялъ только урокъ отъ 8 до 9 часовъ.

Я прибылъ въ Петербургъ около 4 часовъ пополудни.

30-го сентября. Пятница. Въ теченіи послѣднихъ десяти дней я оставался первые три дня въ комнатахъ, занимаемыхъ моимъ семействомъ, а послѣдніе семь—провелъ въ спальной комнатѣ его выс. и частью въ учебной. Все это время великій князь занимался у всѣхъ гг. учителей съ большимъ прилежаніемъ, и поведеніе его было похвально. Государь императоръ возвратился въ Петербургъ изъ своего путешествія 24-го сего мѣсяца и я имѣлъ удовольствіе дать его вел. лучшее засвидѣтельствованіе о поведеніи и ученіи великаго князя.

1-го октября. Суббота. Сегодняшній день и вся недѣля прошли безъ малѣйшаго упрека, какъ въ отношеніи ученія, такъ и поведенія его выс. Какъ новое доказательство доброты сердца великаго князя я могъ бы привести его нетерпѣніе видѣть дѣтей моихъ, находящихся уже нѣсколько дней въ Пажескомъ корпусѣ. Онъ поминутно справлялся объ ихъ пріѣздѣ и, видя ихъ пріѣхавшими, осypалъ ласками.

2-го октября. Воскресенье. День проведенъ, какъ мы всегда проводимъ воскресенье. Государь императоръ сообщилъ мнѣ быстрый обзоръ плана военныхъ наукъ для его выс. государя наследника.

Генералъ Верзилинъ, командиръ кавказской казачьей линіи, уѣзжая къ мѣсту назначенія, представлялся его выс. атаману всѣхъ казаковъ.

3-го октября.	Понедѣльникъ.	} Весьма хорошіе дни.
4-го	Вторникъ.	
5-го	Среда.	} Отличныя дни.
6-го	Четвергъ.	
7-го	Пятница.	
8-го	Суббота.	

Вся эта недѣля была отличная. Его выс. былъ весьма внимателенъ во время уроковъ и прилеженъ во время собственныхъ занятій. Перемена, замѣченная мною въ Александрѣ Николаевичѣ съ 3-го августа, т. е. со времени начала ученія, меня восхищаетъ. Его уроки всегда прекрасно приготовлены и всѣ учителя совершенно довольны.

9-го октября. Воскресенье. День проведенъ какъ обыкновенно. Утромъ собственные занятія, бесѣда съ г. Павскимъ и чтеніе въ библіи 1-й книги Моисея. Обѣдня и большая прогулка пѣшкомъ. Вечеромъ было нѣсколько молодыхъ людей; играли въ большіе залы въ жгуты и другія игры, въ которыхъ участвовалъ, нѣкоторое время, государь императоръ. Поведеніе е. выс. было прекрасно.

10-го октября.	Понедѣльникъ.	} Прекрасныя дни.
11-го	— Вторникъ.	
12-го	— Среда.	

13-го — Четвергъ. Поведеніемъ е. выс. я былъ чрезвычайно доволенъ въ продолженіе всего дня. Послѣ 9 часовъ вечера великій князь пошелъ съ рапортомъ къ государю императору, но не былъ принятъ по случаю нездоровья ея величества. Въ 9 съ половиною ча-



совъ, услыхавъ голосъ англичанки г-жи Коссовской, е. выс. догадался, что она пришла сообщить намъ хорошія вѣсти и, дѣйствительно, она намъ объявила счастливое разрѣшеніе отъ бремени государыни императрицы великимъ княземъ, названнымъ Михаиломъ. Нѣсколько минутъ спустя, мы услышали голосъ императора, шедшаго объявить намъ свое счастье; е. величество сіялъ счастьемъ; мы раздѣляли его радость отъ всего сердца.

Великій князь долженъ былъ встать и идти къ маленькому брату, котораго нашелъ въ ваннѣ, въ рукахъ г-жи Гессе. Радость и пушечные выстрѣлы долго не давали уснуть его высочеству.

14-го октября. Пятница. Въ 10 часовъ былъ молебенъ въ придворной церкви, по случаю счастливаго разрѣшенія отъ бремени государыни императрицы. Въ 2 часа е. выс. сопровождалъ государя императора въ крѣпость, гдѣ присутствовали при панихидѣ объ успокоеніи души въ Божѣ почившей государыни императрицы Маріи Теодоровны.

15-го октября. Суббота. Въ 2 часа былъ большой выходъ и божественная литургія въ присутствіи государя императора и ихъ выс. наслѣдника и е. выс. великаго князя Михаила Павловича. Е. выс. великій князь Михаилъ Николаевичъ назначенъ шефомъ конногренадерскаго полка и записанъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ и въ гвардейскую конную артиллерию.

16-го октября. Воскресенье. Утро проведено по обыкновенію, какъ всегда проводимъ воскресенье. Къ обѣду были приглашены нѣкоторые пажы, а къ 6 часамъ были созваны: Нессельроде, Кочубей, Влудовъ, Апраксинъ, Шуваловы; забавлялись различно, стояли въ караулѣ и представляли шарады въ дѣйствіяхъ. Поведеніе е. выс. было похвально.

17-го октября.	Поведѣльникъ.	} Прекрасные дни.
18-го	— Вторникъ.	
19-го	— Среда.	
20-го	— Четвергъ.	
21-го	— Пятница.	

22-го октября. Суббота. Прекрасный день. Въ продолженіе всей недѣли великій князь учился весьма прилежно и поведеніе его было неукоризненно. Онъ писалъ письмо къ Василью Андреевичу Жуковскому, исполненное чувствъ.

23-го октября. Воскресенье. Утро прошло въ обыкновенныхъ воскресныхъ запятыхъ. За обѣдомъ у е. выс. было 20 молодыхъ людей изъ разныхъ кадетскихъ корпусовъ, съ которыми онъ очень веселился. Стояли въ караулѣ, карауломъ командовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, а государь императоръ исполнялъ должность барабанщика. Въ остальную часть вечера играли въ жгуты и другія игры.

К. К. Мердеръ.

---

## АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ

въ его письмахъ къ кн. М. С. Воронцову <sup>1)</sup>.

1816—1852.

Дружескія отношенія между А. П. Ермоловымъ и кн. М. С. Воронцовымъ установились еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ эпоху нашихъ войнъ противъ Наполеона, и продолжались до половины 1850-хъ годовъ. Состоя въ разныхъ частяхъ русской арміи, они находились въ самой интимной перепискѣ, въ которой, между прочимъ, не послѣднюю роль играла женщина, встрѣчающаяся въ каждомъ почти письмѣ подъ названіемъ злодѣйки или черныхъ глазъ. Рядомъ съ ней говорится всегда о другой женщинѣ, титулуемой вѣдьмой, надо полагать, родственница первой. Но кто именно скрывается подъ этими эпитетами—остается невѣстнымъ. Видно только, что злодѣйка—женщина замужняя и что кн. Воронцовъ былъ къ ней равнодушенъ, но что особеннаго сближенія между ними не послѣдовало.

Алексѣй Петровичъ вообще высоко цѣнилъ кн. Воронцова, столько-же за его военныя достоинства, сколько и за душевныя качества. Въ письмахъ своихъ онъ называлъ его всегда: лучшимъ изъ людей, другомъ и любезнымъ братомъ. „Сколько разъ, пишетъ Ермоловъ въ одномъ письмѣ, завидовалъ твоимъ свойствамъ; мнѣ жаль, но у меня нѣтъ сердца рѣдкаго Воронцова. Говорю какъ предъ Богомъ правду“.

Обращаясь собственно къ Воронцову, позволяю себѣ думать, что расположеніе его къ Ермолову было, по крайней мѣрѣ впоследствии, менѣе чисто сердечное. Да оно и понятно. Съ одной стороны высокое аристократическое происхожденіе, богатство и связи, а съ другой—бѣдное дворянство и нерасположеніе къ себѣ лицъ государственныхъ и высшаго круга—такіе элементы, которые никогда не могли сблизить двухъ знаменитыхъ и видныхъ дѣятелей царствованія императора Александра I. Какъ бы то ни было, но Алексѣй Петровичъ вѣрно хранилъ дружбу къ Воронцову, чему краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ помѣщаемыя ниже сего письма его. Впоследствии, т. е. послѣ оставленія кн. Воронцовымъ Кавказа, Ермоловъ разочаровался въ своемъ другѣ, котораго пережилъ нѣсколькими годами.

Ад. Верше.

<sup>1)</sup> Напечатано съ сохраненіемъ орфографіи подлинниковъ.

## I.

3-е іюня (1813 или 1814 г.)—Аугъ.

Васаргинъ, великой посолъ, засталъ меня уже на походѣ. Я иду съ фрагментами бывшаго нѣкогда моего корпуса. Больно быть такъ розбиту нѣмцами, а паче Барклаеми! что дѣлать, братъ любезнѣйшій, терплю потому, что русской душою, но, мнѣ кажется, есть черта, которую терпѣннѣе переходя, дѣлается подлостію. Я почти уже стою на ней или, кажется мнѣ, что она не далѣе Рейна. Я его не перехожу въ теперешнемъ моемъ мѣстѣ, развѣ понудятъ къ тому обстоятельства чрезвычайныя. Увѣряютъ, что государь увидитъ нашъ лѣвой флангъ въ Гейдельбергѣ. Я очень радъ. Церемоній дѣлать не буду и скажу, что у меня на душѣ: жаль, что не весь корпусъ нашъ будетъ подъ глазами его. Все, что слышалъ о другихъ войскахъ, меня-бы не страшило. Кажется, и намъ ничто не помѣшало имѣть свои части въ добромъ порядкѣ. Вотъ, братъ любезнѣйшій, есть время и для службы, и для того, что мило сердцу. Ты говоришь, что черныя глаза всегда въ памяти. Со мною точно тоже обстоятельство. Никогда со времени отсутствія не грустилъ я столько о злодѣйкѣ, какъ все это время отдохновенія. Не ужели, рѣдкой братъ, другъ любезнѣйшій, и въ семь случаевъ есть между нами сходство? Для меня оно во всякомъ отношеніи безцѣнно и льститъ весьма. Никогда злодѣйка не имѣла такой власти надъ сердцемъ моимъ; прежде господствовала къ службѣ страсть, теперь—обида горькая утушила ея и всѣ чувства мои одной ей принадлежать.

Я ту же имѣлъ мысль, что лучше было велѣть мнѣ отправиться къ гренадерскому корпусу и потомъ отдать всю, кому угодно, теперешнюю мою команду. Я не утаю предъ государемъ обиду мою и хоти теперь же перестать служить я готовъ!

Не понимаю, почему не должны покидать меня всѣ непріятности и оскорбленія. Проклятая нѣмецкая шайка меня вся ненавидитъ и я безъ сумнѣнія не уклонюсь отъ непрерывныхъ обидъ. Одно утѣшеніе—быть у Ланжерона въ командѣ... на письмо мое отвѣчали изъ гл. кварт., что Ламбертъ, будучи произведенъ за Городечно, меня старѣе, что фелдмаршалъ никакой не можетъ предложить мнѣ другой команды, какъ гренадерскій корпусъ. Я просилъ дать мнѣ какую-нибудь, которою-бы графъ Ламбертъ не могъ распорядить по произволу, какъ своимъ депо. Не знаю, что скажетъ свиданіе съ государемъ.

Мы такъ въ противныя разходимся стороны, что нѣтъ надежды

видится. Я не могу отлучиться, ибо, грозять, смотрю въ Гейдельбергъ. Маршрутъ мой слѣдующій: 3-е—Аубъ; 4-е—Мергенштеймъ и растагъ; 6-е—Адельсгеймъ; 7-е—Некар-Эльцъ и растагъ; 9-е—Гейдельбергъ, и 10-е—Мангеймъ.

Вы идете гораздо правѣе и до соединенія за Рейномъ простится надобно. Но что я говорю о соединеніи,—я, которой долженъ командовать резервомъ резервовъ. Если весь корпусъ Ник. Ник. Раевского въ резервѣ, то я могу готовиться къ параду въ Парижѣ, не иначе.

Отъ вѣдъмы ни слова; не понимаю, что значить? не могу думать, чтобы не было писемъ, но вѣрно смыскать насъ не умѣютъ. Я писалъ въ Эйкштетъ, чтобы прислали письма въ Мангеймъ. Если что до васъ касающееся будетъ, тотчасъ пришлю.

Хорошъ Засъ. Славной полководецъ! но сколько вождей и его хуже. Ему за порядокъ вѣрно ни слова. Когда нѣмецъ можетъ быть неприятель сердцу нѣмца?

Прощай, братъ любезнѣйшій, товарищъ, которому подобнаго я имѣть не буду. Жаль, что не допустили доказать, что въ службѣ можетъ связь дружеская и единоплемяннѣ. Храбрымъ вашимъ товарищамъ мой усерднѣйшій поклонъ; все, что окружаетъ меня, подобно мнѣ, любить васъ безъ памяти.

Вѣрный по гробъ А. Ермоловъ.

## II.

Юня 1 дня 1816.—С.-Петербургъ.

Два уже отъ тебя курьера, пріѣхавшихъ при мнѣ, и отъ брата любезнаго, рѣдкаго изъ человѣковъ, нѣтъ ни строки. Забываешь стараго товарища!

Письмо сіе пишу я къ тебѣ послѣднее изъ Россіи. Недѣля чрезъ двѣ надѣюсь отсюда отправиться. Въ Тифлисѣ остановлюсь нѣкоторое время и пускаюсь далѣе. Тамъ грозитъ мнѣ весьма продолжительное пребываніе, ибо если нужно мнѣ будетъ прислать сюда раза два за разрѣшеніемъ, то по образъ дѣлъ сдѣшнихъ, то-есть по скорости, съ каковою они производятся, надобно по крайнѣй мѣрѣ годъ времени, считая отдаленность пути. Странно тебѣ, живущему во Франціи, будетъ получать письма изъ Тегерана. Другой на мѣстѣ моемъ собственно pour la gareté du fait писалъ бы, мнѣ позволишь то дѣлать по душевному удовольствію.

Сдѣсь живу я мѣсяцъ и голова какъ въ чаду; дѣла встрѣчаются,

о которыхъ понятія не имѣю и въ меня всѣлилось отчаяніе, что я не исправлю порученій такъ успѣшно, какъ ожидаютъ. Признаюсь тебѣ, что путешествіе въ Персію уступилъ бы я охотно другому. Одна польза, которой отъ того ожидать смѣю, что будучи уже назначенъ начальникомъ въ Грузію, не мѣшаетъ познакомиться съ сосѣдственнымъ народомъ и узнать землю ихъ и, буде возможно, способъ ихъ.

Грузія, о которой любишь ты всегда говорить, много представляетъ мнѣ занятій. Со времени кончины славнаго князя Цицианова, которой всѣмъ можетъ быть образцомъ и которому не было тамъ не только равныхъ, ниже подобныхъ, предѣстники мои оставили мнѣ много труда.

Мнѣ запрещено помышлять о войнѣ и я чувствую того справедливость; позволена одна война съ мошенниками, которыя грабятъ тамъ безъ памяти и въ отчаяніе приводятъ народы, вотъ чего я болѣе всего боюсь.

Ты у насъ, любезный братъ, молодецъ, а Арсеній увѣряетъ, что сверхъ того пишешь новые законы во Франціи, но и тебѣ не легко бы было сладить съ гражданскими кровопролитіями въ Грузіи, а меня со всемъ съ ума сводить управленіе.

Арсеній нашъ заболѣлъ, однако-же это не мѣшаетъ ему хлопотать о награжденіи знаменитаго еврея медалью. Судя по участию, которое онъ принимаетъ въ справедливомъ воздаяніи отличныхъ заслугъ его, надобно думать, что онъ когда нибудь имѣлъ опыты его способностей. И я помню, что видалъ его скитающагося по длиннымъ коридорамъ квартиры нашей въ Нюренбергѣ. Помнится мнѣ, что провождалъ онъ тебя въ ночныхъ твоихъ экспедиціяхъ.

Пора тебѣ, любезный братъ, прекратить сіи подвиги. Не ужели во Франціи надобно прибѣгать къ тѣмъ же способамъ? Сочини новую тактику. Прекрасной полъ во Франціи стоятъ трудовъ. Прощай черныя глаза! не хочешь ли ты и со стороны постоянства быть чудеснымъ человѣкомъ. Оставь намъ хотя одну слабую сторону. И безъ того мы уже божимся тобою.

Случается въ разговорахъ между людьми тебѣ короткими, что если разсуждаемъ о комъ, то чтобы высокое дать понятіе, говоримъ: этого и Михайлъ нескоро проникнетъ. Конецъ однако-же всегда тотъ, что брата Михайлу никто не проведетъ.

Арсеній показывалъ мнѣ письмо, въ которомъ ты бранишь несправедливость генеральскаго списка. Для тебя въ немъ нѣтъ старшинства; знаемъ, братъ Михайлъ, что тебѣ не помѣшаетъ порядокъ, но спасибо, что ты вступился за бѣднаго стараго служиваго Гурьева. У этихъ бѣдняковъ безъ протекціи одна надежда доброй начальни-

Ты мучишь Арсенья Желтухинымъ, а мнѣ не смѣешь упрекнуть, развѣ я тебѣ не сформировалъ Свечина. Что можешь сказать вопрѣки его. Малой хоть куда! Послужить, въ карты ли поиграть. Но сіе послѣднее достоинство я засталъ уже прежде моего съ нимъ знакомства. Не знаю почему ты опрокинулся на Юшкова. Онъ презрительной рыцарь и право хорошо командовалъ полкомъ.

Вижуся часто довольно съ любезнымъ Никою Михайловичемъ, которой совсемъ не дипломатъ. Но однако-же онъ точно такой же аккуратъ, какъ и ты. Ужасная твоя аккуратность доставила ему топографію твоего погребка съ означеніемъ номеровъ винъ и между ими есть нѣкоторыя, что онъ и понюхать не даетъ намъ, а предлагаетъ какія то подозрительныя и съ короткими пробками. Мы на васъ воплемъ ко господу винъ! Прощай. Любящій вѣчно Ермоловъ.

У тебя въ корпусѣ служить въ артиллеріи Гедеоновъ. Прикажи доставить ему приложенное у сего письмо.

### III.

Тифлисъ, геввара 10-го дня 1817.

Любезный братъ, Михаилъ, редкой изъ человѣковъ! вчера получилъ письмо твое отъ 4 (16) октября.—Какъ гора свалила у меня съ плѣчь, ибо ты увидилъ, что шутка, заключавшаяся въ прежнихъ моихъ письмахъ, была безъ всякаго намѣренія врѣда. Не понимаю какъ прежде ты не хотелъ того замѣтить. Можно ли такимъ образомъ врѣдять кому нибудь, не только тебѣ. Не потерпѣлъ бы то Арсеній, который тебѣ добрый и вѣрный пріятель; а онъ писалъ одно и то же. Признаюсь тебѣ, что неприятно мнѣ было одно мѣсто въ прежнемъ письмѣ твоёмъ. Вотъ настоящіе слова: «легко и не разсмотрѣвши меня судишь и публично хулишь». Если бы я могъ сдѣлать первое, то всеконечно послѣдняго не умѣю. Въ этомъ даже непріатели меня оправдаютъ, которыхъ не люблю я хулить, а просто ругаю безъ церемоній. Въ отношеніи къ тебѣ, съ которымъ общались мы всегдашнюю одинъ другому дружбу, что могло вызвать меня на подобной поступокъ? Ты еще меня не знаешь. Но довольно, обратимся къ другому.

Я здѣсь живу очень щастливо. Нѣтъ никакихъ развѣченій. Вѣчная работа! Досѣль потому безплодная, что скорый мой въ Персію отъѣздъ препятствуетъ ваяться за дѣло порядочно. Пріѣду назадъ, и если меня потерпятъ здѣсь, надѣюсь, что нибудь сдѣлать. Надобна истинная любовь къ пользѣ отечества своего, чтобы рѣшиться жить

долго между народамъ, каковъ сдѣшній. Я не вижу ни признательности къ правленію, устроивающему благо его, ни приверженности къ государю, столько для него милосердому. Исключая небольшое число служащихъ военныхъ, прочіе не стоятъ тѣмъ попеченій, которые о нихъ имѣютъ. Давно ли былъ бунтъ въ пользу царевича, которому глупостію и подлостію нѣтъ равнаго. Завтра большая часть Грузинъ будетъ за него, если легковѣрному и не смысленному сдѣшнему дворянству чуть обстоятельства покажутся благоприятными. Словомъ,—этотъ народъ не созданъ для кроткаго правленія Александра, для него надобень скиптръ желѣзный. Прочіе сдѣсь народы гораздо лучше. Они знаютъ свое невѣжество. Не въ претензіи быть людьми. Ихъ такъ разумѣешь и по мѣрѣ того терпѣливо ожидаешь ихъ образованіе. Оно тогда только возметъ свое дѣйствіе, когда въ ханствѣхъ введено будетъ руссійское правительство и истребятся ханы, въ пользу которыхъ даны чрезвычайно выгодные трактаты, въ началѣ вырванные у насъ необходимостію, въ продолженіи времени утвержденные слабостію и неспособностію начальствовавшихъ сдѣсь послѣ князя Цицанова, человѣка единственнаго! Графъ Гудовичъ—гордѣйшій изъ всѣхъ скотовъ и по ненависти къ князю Цицанову вмѣнилъ себѣ въ долгъ дѣлать все вопрѣки его предначертаній, принялъ обѣнца изъ Персіи и сдѣлалъ ханомъ Шекинскимъ.—Ханъ карабагской, болѣзненной и бездѣтной человѣкъ, не оставилъ по себѣ наслѣдника; Ртищевъ, созданіе совершенствомъ неспособности отличное, опредѣлялъ ему наслѣдника Джафар-Кули-агу, который обжалъ въ Персію, несъ противъ насъ оружіе и, подведя Персидскіе войска, истребилъ нашъ одинъ баталіонъ. Ртищевъ посмалъ къ нему въ Персію, согласилъ возвратится, простилъ его преступленіе и имянемъ Государя назначивалъ наслѣдникомъ ханства.—Вотъ двѣ прекраснѣйшія и богатѣйшія провинціи, потеряныя на долго для Россіи. Если-бы только одна глупость начальниковъ была причиною, но тутъ вмѣшались гораздо гнуснѣйшія причины. Ртищевъ былъ человѣкъ добрыхъ весьма свойствъ и намѣреній, но мерзавка жена, распутная и корыстолюбивая; окружающіе, мошенники и явные грабители, управляли имъ самовластно, и онъ, слабая и можетъ быть и не совсемъ невинная тварь, допустилъ ужасные распутства. Вотъ, любезнѣйшій другъ, безпорядки, которыя предлежатъ мнѣ исправлять, тогда какъ ни способъ, ни способностей не имѣю. Сдѣсь надобно другаго князя Цицанова, которому я удивляюсь и котораго послѣ смерти почувствовали сдѣсь цѣну. Но земля вообще чудесная изобиліемъ и сокрываетъ большія сокровища, которые ждуть, чтобы коснулася ихъ искусная рука.



Въ нынѣшнемъ году предоставлено свободное изкопаніе рудъ, которыя до сего времени были въ большой накладъ казнѣ. Появились свинцовыя руды, которымъ нѣтъ въ свѣтѣ подобныхъ богатствомъ. На примѣръ изъ пуда камня или матеріи достаютъ 30 и 32 фунта свинцу и 6 и до 7 золотниковъ серебра.

Военная сдѣсь часть въ ужаснѣйшемъ разстройствѣ, лучшихъ начальниковъ не стало. Котляревской, единственной человѣкъ, за ранами не могъ прѣхзть, подалъ даже прозьбу въ отставку, но его не отпустили. Лисаневича, славнаго и храбраго офицера, ты подговорилъ, а онъ мнѣ далъ слово послужить со мною года два. Мнѣ бы онъ большимъ былъ пособіемъ, совершенно зная землю и нашихъ соудей. Мнѣ сдѣсь не много помощниковъ.

Въ Персію я ѣду не прежде конца февраля или въ началѣ марта; тамъ собираются большія силы, для того думаю, чтобы при переговорахъ сохранить уваженіе; впрочемъ, узнать не лзя: политика въ красномъ мундирѣ много тамъ дѣйствуетъ. Трудно узнать точныя намѣренія правительства, никакой постоянной политической системы не имѣющаго. Шахъ, роскошной и распутной человѣкъ, желаетъ дожить конца въ сластолюбіи, но на него дѣйствуютъ внушенія; корыстолюбивымъ вельможамъ война даетъ въ руки большія сокровища; увидимъ, что будетъ. Изъ Тегерана непременно пишу къ тебѣ. Прощай, любезный и рѣдкой братъ.—Извини если длинно письмо. Ты желалъ, чтобы я обо всемъ писалъ.—Прощай! люблю тебя душевно. Надѣюсь на твое разположеніе и дружбу, когда меня узнаешь болѣе.

Душевно преданный А. Ермоловъ.

Ты называешься прислать мнѣ книгъ, то сдѣлай дружбу пришли *Précis des évènements militaires par Dumas*; не забудь вновь вышедшихъ двухъ книгъ его, если вышла *L'histoire de l'Arménie par Cirbied*, такъ мнѣ ее назвали, пришли.

Благодарю за экстракты писемъ Сабанѣва и Бенкендорфа. Перваго мнѣніе чрезвычайно мнѣ гѣстно, какъ славнаго офицера и человѣка достойнѣйшаго, но оно происходитъ отъ разположенія его ко мнѣ. Послѣдняго благодарю за дѣлаемую мнѣ честь, но онъ со всемъ меня не знаетъ, и мало даже знакомъ со мною.

Злодѣйка гдѣ—не знаю, разлука уже не огорчаетъ, ибо и надежды нѣтъ когда либо видѣть. Помню однако-же сколько начиналъ я имѣть къ ней привязанности.

Черные глаза, я слышалъ, прекраснѣйшая какъ ангелъ. Ты легко можешь съ нею видѣться.—Можешь быть щастливъ, судя по началу. Какая различная со мною участь!

## IV.

Февраля 24-го дня 1817 г.—Тифлисъ.

Писмы твои, любезнѣйшій братъ графъ Михаилъ Семеновичъ, отъ 4-го (16-го) декабря и 5-го (17-го) генваря, получилъ въ одно время. Сие самое объясняетъ мнѣ отчего мои къ тебѣ не доходятъ порядочно, хотя, впрочемъ, къ тебѣ каждый мѣсяцъ отправляются обратно твои курьеры. — Благодаря газетѣ, она извѣстила тебя, что я обѣдалъ у Ртищева. До сего времени, кажется, нечего другаго и сказать обо мнѣ, я лучшаго ничего еще не сдѣлалъ. Хорошо еще, что не пишутъ въ газетахъ когда обѣдаю у себя дома, въ томъ только бы и заключалось описаніе жизни моей. Кажется, мнѣ не лѣзя и тебѣ ничего сдѣлать, о чемъ бы не тотчасъ всѣму свѣту дано было извѣстіе. Твое положеніе несравненно пріятнѣе моего: въ странѣ просвѣщеннѣйшей, между отличнѣйшими людьми нынѣшняго времени, въ вихрѣ происшествій, обращающихъ общее всѣхъ вниманіе, въ маломъ числѣ избранныхъ ты поставленъ на видъ не однимъ твоимъ соотчичамъ, но и всѣмъ другимъ, и всѣмъ отличныя способности твои сдѣлаютъ тебя извѣстнымъ. Представь за снѣмъ какая блистательная ожидаетъ тебя перспектива. Усмотри разницу моего положенія. Я въ странѣ дикой, непросвѣщенной, которой бытіе, кажется, основано на всѣхъ родахъ безпутствъ и безпорядковъ. Образование народовъ принадлежитъ вѣкамъ, не жизни человѣка. Если бы на мѣстѣ моемъ былъ Геній и тотъ ничего не могъ бы успѣть, развѣ начертать путь и дать законы движенію его наслѣдниковъ, и тогда между сдѣшнимъ народомъ, закоренелымъ въ грубомъ невѣжествѣ, имѣющемъ всѣ гнуснѣйшіе свойства, развѣ бы поздные потомки увидѣли плоды.—Но гдѣ Гевіи и гдѣ наслѣдники объемлюще виды и намѣренія своихъ предмѣстниковъ; рѣдки подобные примѣры и между царей, которые даютъ отчетъ народамъ въ своихъ дѣяніяхъ. И такъ людямъ обыкновеннымъ, каковъ, между прочимъ, и я, предстантъ одинъ трудъ быть немного лучше предмѣстника или такъ поступать, чтобы не быть чрезвычайно хуже наслѣдника, ибо если сей послѣдній не Геній, то всеконечно не много превосходитъ быть можетъ.—И такъ, всѣ подвиги мои состоятъ въ томъ, что какомунибудь князю грузинской крови помѣшать дѣлать злодѣйства, которые въ понятіи его о чести, о правахъ человѣка суть дѣйствія, ознаменовывающіе высокое его происхождение; возпрѣпятъ какомунибудь хану по произволу его рѣзать носы и уши, который въ образѣ мыслей своихъ не допускаетъ существованіе власти, естъя

она не сопровождается изстребленіемъ и кровопролитіемъ, — вотъ въ чемъ состоятъ главнѣйшія мои теперь завіятія, и я начинаю думать, что надобенъ великой героизмъ, чтобы трудится о пользахъ народа, котораго отличительное свойство есть неблагодарность, который не знаетъ щастія принадлежать Россіи и измѣнялъ ей многократно и еще измѣнять готовъ. Я, не взирая на то, начинаю по малу приниматься за порядокъ. Онъ сдѣсь весьма не знакомъ, глупымъ головамъ кажется дикимъ, ропщутъ по не многу, меня не любятъ очень. Но я когда что приказалъ, требую исполненія. Сдѣсь послѣ каждаго приказанія есть привычка трактовать объ уступкѣ и испытывается не лъзя ли нѣсколько не послушать. Помню князя Цицанова названіе Армяшки. Вотъ родъ людей, буде людьми назвать пристойно, самый презрительный, у котораго Богъ свои выгоды и никакихъ въ отношеніи къ другимъ обязанностей. Европа не должна гнушаться жидами, они удобно покоряются порядку и при строгомъ наблюденіи не болѣе могутъ дѣлать вредъ, какъ Армяшки, во всемъ съ худой стороны имъ подобныя. — Терзаютъ меня ханствы, стыдящіе насъ своимъ бытіемъ. Управление хавами есть изображеніе первоначальнаго образованія обществъ. Вотъ образецъ всего нелѣпаго, злодѣйскаго самовластиа и всѣхъ распутствъ, уничижающихъ человѣчество. — Когда возвращусь изъ Персіи введу переищу въ образъ ихъ управленія. Ханъ карабагской какъ доброй, хотя слабой чловѣкъ, по щастію болѣзненный и бездѣтный, не будетъ уже имѣть наслѣдника и, конечно, послѣ него не бывать тамъ ханству. Шекинскаго владѣнія ханъ ужасная и злая тварь, еще молодъ и недавно женился на прекрасной и молодой женщинѣ. Каналья заведетъ кучу дѣтей и множества наслѣдниковъ не переждешь. Я намѣренъ не терять время во ожиданіяхъ. Богатое и изобильное владѣніе его будетъ Россійскимъ округомъ, и вскорѣ по моемъ изъ Персіи возвращеніи. Подобныя дѣла надо производить рѣшительно и не спрашивать повѣленій. Я сдѣлаю опытъ, который безъ сумнѣнія и правительству понравится. — Ты, конечно, помнишь Мустафа-хана ширванскаго. Этотъ по истиннѣ молодецъ. Подвластные его имъ довольны, безпокойствъ начальству нѣтъ, въ землѣ похвальное устройство и я сыскалъ его ко мнѣ довѣренность. Съ нимъ буду умѣть ладить. Прощай! вѣрь истинной дружбѣ почитающаго тебя всею душею. А. Ермоловъ.

## V.

5-го ноября 1817 г.—Тифлисъ.

Я возвратился изъ Персіи въ шесть мѣсяцевъ отсутствія моего изъ Грузіи. Не могъ я самъ ожидать того, и еще менѣе другіе; а потому и различны были заключенія на счетъ скорости до того времени, какъ пріѣхалъ отъ меня курьеръ. — Щастье мое не оставило меня и въ семь совершенно новомъ для меня порученіи.

Дѣла кончили я совсѣмъ сходно съ нашимъ желаніемъ. Персіяне не довольно хорошо знали насъ и не имѣли къ намъ довѣренности. Иноземцы, живущіе у нихъ, не имѣли выгоды представлять насъ въ настоящемъ видѣ, дабы не впустить имъ желанія сблизиться съ нами и утвердить пріязненныя сношенія, въ какомомъ предположеніи теряли они могущество своего вліянія.—Они не только не опровергали ивнія, весьма невыгодно для насъ распространившагося, напротивъ, старались придать ему видъ основательности. Изъ всѣхъ иноземцевъ, посѣтившихъ Персію, дѣйствіе французовъ было болѣе открытое. Наполеонъ искалъ вредить Россіи всѣми образами и Персію потому старался возбудить противъ насъ; прислалъ мошенниковъ, которымъ удобно было пользоваться тогдашнимъ нашимъ съ Персією несогласіемъ и они, изтолковавъ неудачныя войны наши въ Европѣ, глумясь персіянъ увѣрили, что они могутъ быть намъ опасными. Французы не имѣли однако же насъ главнѣйшею цѣлью своихъ занятій и персидскимъ войскамъ старались дать образованіе для того, чтобы обратить ихъ на Индію. Я, будучи въ Персіи, узналъ отъ верховнаго визиря, что было уже условіе ввести французскія войска и Персіа обязывалась присоединить свои, и пріуготовлены были даже маршруты. Генераль Гарданъ не былъ довольно терпѣливъ, не умѣлъ перенести прибытія англичанъ, взбѣсился и уѣхалъ. Тотъ же визирь признался, что они дали болѣе денегъ, нежели французы, и потому къ нимъ расположился шахъ, человекъ скупой до крайности.

Англичанъ первыя старанія были отвлечь вниманіе персіянъ отъ Индіи и для того надобно было изобрѣсти *erouvantail*. Они указали на насъ, и всё употребили усилія пріуготовленную французамъ недовѣрчивость укрѣпить внушеніемъ боязни.—Намъ приписали намѣренія завоеваній и уничтоженіе Персіи междуусобными войнами и выдали себя за единственныхъ спасителей ихъ.—Предложили учрежденіе регулярныхъ войскъ и тѣмъ болѣе сдѣлались необходимыми. Персіяне по глупости не видятъ, что это не для огражденія ихъ, но

чтобы имѣть средство продать выгодною цѣною самое гадкое свое сукно и бракъ изъ оружія. И въ то время, какъ заводятъ они литейные дома, арсеналы, строятъ крѣпости, тогда же всё употребляютъ мѣры отдалить персіянъ отъ заведенія своихъ суконныхъ, шелковыхъ и бумажныхъ фабрикъ. Не дають имъ средствъ вычищать сахаръ, которой имѣють они въ изобиліи, и ежегодно привозятъ онаго изъ Индіи на миліонъ червонцевъ. Словомъ, овладѣли совершенно торговлею и, придавъ поступкамъ своимъ наружности почтенныя, всё дѣйствія свои учреждаютъ на правилахъ растовщиковъ, то-есть, на законахъ чести, свойственныхъ купеческимъ націямъ. Сему всеобщему стремленію къ чести уступили и военные ихъ люди. Они служатъ въ Персіи не по одному повиновенію къ воли правительства своего, но за получаемыя отъ персіянъ деньги по контракту и на опредѣленное число годовъ.

Это самой бѣдной торгъ, производимый англичанами, и въ которомъ не достигнуть они монополіи, ибо много совѣстниковъ и весьма мало глупыхъ земель какъ Персія, гдѣ вѣрятъ военнымъ ихъ талантамъ, и за ничтожныя ихъ способности платятъ чрезвычайную цѣну. Весьма страшнымъ казалось мнѣ видѣть офицеровъ англическихъ при фронтѣ персидскихъ войскъ, когда они выставлены были для встрѣчи моея, какъ посла. Они, по крайней мѣрѣ, должны были снять мундиры своей націи, обязаны будучи ихъ не безчестить. Я видалъ ихъ командующими внутреннимъ у наслѣдника карауломъ; видалъ ихъ въ угожденіе ему въ овчинныхъ персидскихъ шапкахъ. У персіянъ не имѣють они стула и сидятъ сложа ноги на коврѣ; входятъ обутыми не смѣють, но снимають обувь и въ однихъ входятъ чулкахъ или надѣвають красныя чулки по этикету персидскому; въ то же самое время и въ ихъ присутствіи каждый изъ офицеровъ моихъ ничего того не соблюдалъ, но мнѣ не трудно было отдалить сіе требованіе. Слѣдовательно, господа купцы честь свою положили въ курсъ и, конечно, выгодный. Не знаю, не положить ли и тѣлесное наказаніе въ цѣну, но случиться можетъ, ибо персіяне начинаютъ раскрывать глаза. что они не столько опасны, и что за оскорбленіе ихъ, лишь бы торговля отъ того не потерпѣла, купцы не вступятся.

Извини, любезный братъ, что я занялъ тебя недостойнымъ предметомъ, но вина моя болѣе въ томъ, что я имѣю странное о чести понятіе и по оному оскорбляетъ меня нарушение ея. О Персіи могъ бы я ничего тебѣ не говорить, ибо есть множество сочиненій, довольно обстоятельно о ней разсуждающихъ. Последнее изъ таковыхъ извѣстное путешествіе Малькольма; но какъ въ Персіи и малѣйшее время дѣлаетъ во всемъ примѣрную разницу, то я тебѣ скажу то, что, по

кратковременному моему тамъ пребыванію, самимъ мною и нѣкоторыми изъ моихъ товарищей замѣчено.

Персія вообще по пространству своему населена мало. Богатѣйшія и многочислѣннѣйшія области ея лежатъ къ границамъ нашимъ и по берегамъ Каспійскаго моря. Во многихъ мѣстахъ земля такого свойства, что производить ничего не можетъ, и причиною тому недостатокъ водъ и народонаселенія. Промышленности почти нѣтъ, и потому торговля ничтожная. Изъ мертвить неувѣренность въ собственности. Въ государствѣ нѣтъ удобныхъ сообщений, ни дорогъ, ни судоходныхъ рѣкъ, и единственный способъ транспортированія — верблюды и лошаки. Все сіе препятствуетъ торговлѣ, имѣющей нужду въ скорыхъ оборотахъ произведеній земли и издѣлій. Образа правленія определеннаго нѣтъ. Власть шаха безпредѣльна, по свойствамъ ихъ болѣе или мѣнѣе тягостная для народа. Нынѣшній шахъ скупъ до чрезмѣрности и любитъ собирать деньги. Грабительство сдѣлалось необходимою. Надобно имѣть деньги, чтобы дѣлать ему подарки; безъ нихъ нѣтъ милости шахской, нѣтъ покровительства вельможъ, нѣтъ уваженія равныхъ. Деньгами приобретаются мѣста, почести и преимуществъ. ими заглаждаются преступленія и получается право дѣлать новыя. Законовъ нѣтъ, понятія о чести нѣтъ, обязанности различныхъ состояній государства неизвѣстны; права, имъ приличествующіе, не определены. Вѣра злодѣйская, послабляющая страсти, гонящая просвѣщеніе. Невѣжество народа стоитъ на колѣнахъ предъ изступленнымъ духовенствомъ, и сіе даетъ закону истолкованіе по произволу или каковоо полезно правительству, всегда съ нимъ единодушному и взаимными преступленіями соединенному.

Народъ вообще удобенъ принять образованіе; покорливъ, терпѣливъ, воздерженъ и спокойно принимаетъ новыя установленія. Надобно царствованіе одного шаха, который бы отрекся отъ права на жизнь и покорилъ бы ея законамъ; чтобы слабого оградилъ противъ сильнаго, слѣдовательно обезпечилъ собственность, и все вообще изъ персіянъ сдѣлать возможно. Аббас-мирза, второй сынъ шаха, назначенный наслѣдникомъ, подаетъ большія надежды къ устроенію Персіи. Пребываніе при немъ иностранцевъ дало ему нѣкоторое образованіе и онъ имѣетъ несравненно обширнѣйшія понятія предъ прочими братьями. Лучшаго сердца, гораздо кротчайшихъ свойствъ, но всеѣмъ тѣмъ персіяннинъ, и иногда вырываются черты, достойныя злодѣя. Отъ законовъ природы уклониться невозможно, и это одна зависимость, которую признаютъ властелины Персіи.

Послѣ смерти Надир-шаха долгое время внутреннія войны раз-

дирали Персію, и вни́шній шахъ, воспользовавшись утомленіемъ народа, а паче во время Ага Мамед-хана, удобно соединилъ подъ власть свою, и 20 лѣтъ царствуетъ покойно; смерть его вновь повергнетъ Персію въ междоусобіе. Старшій сынъ, несправедливо удаленный наслѣдства, питаетъ къ брату своему вражду неугасимую. Въ государствѣ извѣстны разныя партіи, и все готово къ жестокому кровопролитію. Думать надобно, что успѣхъ будетъ со стороны наслѣдника, ибо онъ не перестаетъ усиливать свои войска, которыя будучи устроены по-европейски, имѣютъ большія преимущества и всегда въ готовности; а у брата его войска постоянныхъ нѣтъ и прежде, нежели собрать ихъ можетъ, подвергнется такой опасности, которая охладитъ его сообщниковъ и даже отвлечь можетъ. Я видѣлъ регулярныя войска Персіи. Артиллерія въ весьма хорошемъ порядкѣ; мнѣ показывали практическое ея ученіе; и у насъ не всѣ такъ хорошо приучены. Мнѣ представляли ученія баталіона пѣхоты; я мало видѣлъ иностранныхъ войска лучше выученныхъ, а въ Грузіи всѣ мои вообще хуже ихъ въ ученіи. Появились крѣпости по образу европейскихкихъ; завелись лѣтныя дворы, снабжаютъ арсеналы, разрабатываются рудники и прочее. Со временемъ будетъ работа моимъ наслѣдникамъ; развѣ внутренніе безпорядки похоронятъ всѣ успѣхи сихъ заведеній, что весьма правдоподобно. Персія, населенная народами воинственными, можетъ поставить сильныя ополченія противъ внѣшнихъ непріятелей и положеніемъ своимъ сохранять большія выгоды для обороны. Самыя тѣ же причины внутренняго безпокойства дѣлаютъ опаснымъ. Природа почти каждую изъ большихъ областей оградилъ цѣпями горъ и положила твердыя предѣлы. Почти каждую населила народомъ, особенныя свойства имѣющимъ, которыя правительство должно было различать въ правахъ и преимуществахъ, и потому не обладаетъ одинаковою ихъ приверженностію и между ими посѣяло зависть. Въ Персіи примѣры возмущенія дѣлаютъ большой развратъ, ибо свѣжи въ памяти произшествія, утверждающія въ возможности освободиться отъ власти и зависимости.

Недовольные всегда выжидаютъ, чтобы народъ возмущившійся или пріобрѣлъ успѣхи, или усилился нашими, либо внѣшними пособиями, и тогда разпространяется пламя и возгарается война. Теперь бунтуетъ область хорасанская, богатая и многолюдная, и авганцы, непріятели непримиримые, имъ способствуютъ, и еслибъ не миръ и дружба съ нами, уже многіе послѣдовали бы ихъ примѣру.

Не докончилъ, ибо совѣстно и тебя занимать вздоромъ, и мнѣ

персіане наскучили, чтобы долѣе говорить о нихъ. Прощай, впередъ буду писать, какъ я былъ принятъ и какую важную разыгрывалъ я фарсу.

## VI.

30-го ноября 1817 г.—Тифлисъ.

Я писалъ къ тебѣ съ первымъ фельдъ-егеремъ по приѣздѣ изъ Персіи, и вкратцѣ сообщилъ то понятіе, каковое имѣю я вообще о семъ малоизвѣстномъ государствѣ; теперь скажу о томъ, что собственно до меня касается, и какъ я былъ тамъ принятъ. При первомъ шагѣ моемъ зналъ я, что буду имѣть дѣло съ людьми несносной надменности и гордости, и что снисходительность и умѣренность наша никогда не относятся къ свойствамъ нашего правительства, но къ слабости и потому къ уваженію ихъ. Предмѣстникъ мой чрезмѣрными угожденіями наиболѣе утвердилъ ихъ въ сей мыслѣ. Итакъ, я начерталъ себѣ планъ поведенія, котораго они совсѣмъ не ожидали. Я при самомъ началѣ показалъ себя столько гордымъ, что они примѣра подобной гордости не видывали. Съ первымъ должень я былъ встрѣтиться сардаремъ эриванскимъ, человѣкомъ знатнымъ и по власти, ему данной, и по расположенію къ нему шаха, какъ соплеменнику, ибо они оба изъ народа каджаровъ. Ему казалось несомнѣнно выѣхать ко мнѣ на встрѣчу; я потребовалъ настоятельно, объявивши, что я приѣду въ Эривань, и во время моего тамъ пребыванія въ отношеніяхъ моихъ не буду признавать его за начальника, а адресуюсь къ старшему по немъ и тѣмъ истолкую народу—какъ я его разумѣю. Надобно замѣтить, что народъ имъ недоволенъ, и что онъ его остерегается. Сардарь выѣхалъ на встрѣчу и я, по выѣздѣ изъ Эривани, оказалъ ему всякое уваженіе. Далѣе до Тавриза никто не допустилъ сдѣлать себѣ напоминовенія. Въ Тавриздѣ сдѣлана была великолѣпнѣйшая встрѣча, всѣ войска разположены были не доѣзжая до города, знатнѣйшіе чиновники и даже визирь были высланы на встрѣчу. На другой день всѣ и каймакамъ сдѣлали мнѣ посѣщеніе и потомъ былъ я у наследника. Мнѣ стороною сдѣлано было внушеніе, что въ Персіи существуетъ этикетъ надѣвать красные чулки, которому покорялись всѣ до меня бывшіе послы, и самихъ англичанъ не исключая.



Я отвѣчалъ, что я сего не сдѣлаю, ибо хорошо весьма чувствую, что я посолъ державы Россійской и, что болѣе, сосѣдственной. Аббас-мирза выдумалъ преглупый способъ, чтобы не позволить мнѣ войти въ сапогахъ въ комнату, принять меня на дворѣ внутреннемъ своего дома, стоя самъ на ногахъ подъ навѣсомъ, къ стѣнѣ придѣланномъ. Я не показавъ неудовольствія, ѣздилъ съ нимъ потомъ на ученіе, въ загородной его домъ; но когда, предъ выѣздомъ моимъ изъ Тавриза, пригласилъ онъ меня съ собою на прогулку за городъ, я отвѣчалъ, что быть не могу, ибо рано завтра выѣзжаю, а что не прошу прощальной аудіенціи потому, что будучи принять на дворѣ, я не разумѣлъ себя посломъ, а его сыномъ шаха, но пріятно мнѣ было познакомиться съ нимъ какъ съ любезнымъ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ знакомство могъ бы я сдѣлать и въ конюшнѣ, если бы мы были охотники до лошадей. Не столько оскорбилъ я его отвѣтомъ, какъ обидно ему было, что я не пріѣхалъ по приглашенію и отправляюсь не откланиваясь, и что народъ увидитъ, что смѣютъ наследника не уважать до такой степени. Употреблены были всѣ со стороны его средства, чтобы дать сему лучшую наружность, употреблены были просьбы; но я отказалъ, и въ 5 часовъ по-утру выѣхалъ съ однимъ адъютантомъ, оставя всю свиту, ибо для оной не успѣли такъ рано приготовить лошадей, а одному изъ совѣтниковъ приказалъ идти къ нему и объяснить мое неудовольствіе. Каймакамъ, наставникъ Аббас-мирзы, воспитывавшій его съ ребячества, и теперь имъ управляющій, изъ сендовъ, человѣкъ самой гнуснѣйшей и черной души, употреблялъ всю свою хитрость, чтобы удержать меня, но я безъ церемоніи послалъ ему сказать, что онъ величайшій изъ подлецовъ и что я его презираю. Надобно замѣтить, что онъ вторымъ чиновникъ въ государствѣ!

Шаху послано было донесеніе, что я человѣкъ чрезвычайно гордый, характера ужаснѣйшаго и всѣ случаи изыскивающій къ раздору, словомъ сказать, звѣрь. Отъ шаха былъ присланъ ко мнѣ на встрѣчу одинъ изъ министровъ, его любимецъ, подъ видомъ будто-бы сократить мнѣ время бесѣдою своею до его въ Султанію пріѣзда, а между тѣмъ поручено ему было развѣдать о провинціяхъ, которыхъ посолъ персидскій требовалъ возвращенія, можно ли надѣяться получить ихъ. Ему дана была довѣренность вступить со мною въ переговоры. Я не принявъ полной мочи, отвѣтствуя, что, не имѣя отъ шаха аудіенціи, я ни съ кѣмъ не вхожу въ разсужденіе о дѣлахъ, но что, уважая его и желая сыскать его дружбу, я буду говорить съ нимъ, какъ съ пріятелемъ обо всемъ томъ, о чемъ не могу сказать ему, какъ министру;

и въ такихъ отношеніяхъ пробыли мы три недѣли, въ одномъ живучи лагерѣ и никакихъ другихъ занятій не имѣя. Меня стращали войною, сильными Персін ополченіями и прочею глупостію. Я дѣлалъ то же съ своей стороны; споры были горячіе. Наконецъ, удостовѣрились, что я дать ни которой изъ провинцій не намѣренъ; итакъ, шагъ былъ предупрежденъ. Онъ пріѣхалъ, и вскорѣ я имѣлъ аудіенцію и принять былъ самымъ пріятнѣйшимъ образомъ съ изъявленіемъ возможнаго уваженія. Испытаны были всѣ средства склонить меня къ уступкѣ земель, но бесполезно; наконецъ, должно было со мною согласиться, ибо не смѣли надѣяться оружіемъ возвратить оныя, хотя англичане, образованіемъ на европейскую ногу войскъ, внушили въ нихъ большую довѣренность къ своимъ средствамъ. Ты не можешь вообразить, любезный графъ Михайло Семеновичъ, какое ужасное нашелъ я въ министрахъ невѣжество, и съ которыми тѣмъ труднѣе мнѣ было бороться, что англичане, въ мнѣніи ихъ желая сохранить первенство, объ насъ не передали имъ настоящаго понятія, и они Россію почитали державою едва Персін равною. Одна кампанія 1812 года могла имъ нѣкоторое дать къ намъ уваженіе, но и та въ глазахъ ихъ чрезвычайно обезображена; войну же 1818 и послѣдующихъ годовъ англичане взяли на свой щетъ и всѣ успѣхи безъ изключенія себѣ приписали. Я долженъ былъ начать вразумлять ихъ съ первыхъ элементовъ и въ людяхъ въ такой необразованности всегда трудно изрѣчить дѣйствіе перваго впечатлѣнія; но, наконецъ, не безъ шума, не безъ угрозъ истолковалъ я имъ, что россійскій государь не въ состояніи ничего пожелать, чего бы онъ не могъ исполнить; что я одинъ изъ начальниковъ малѣйшей государства части, но что въ рукахъ моихъ способы не только произвести въ Персін внутреннюю войну, но указать прамѣйшій къ престолу путь и наименовать шаха, которому не трудно достигнуть наго, ибо царствующій нынѣ не болѣе имѣетъ на то права. Высланный на встрѣчу ко мнѣ министръ, о которомъ сказалъ я выше, былъ одинъ, который побоялся истину моихъ словъ и, будучи въ особенной у шаха довѣренности, сколько могъ я замѣтить, способствовалъ разсѣять вкоренившееся на щетъ наше невѣжество. Безъ его представленій не такъ скоро могъ бы я привести къ окончанію дѣла мон, и не имѣлъ бы утѣшенія видѣть перемены о насъ мнѣнія. Не болѣе какъ въ три недѣли времени кончилъ я дѣла мон, изъ конкъ о нѣкоторыхъ поручилъ мнѣ шахъ свестись съ Аббас-мирзою, какъ управляющимъ и областями, и дѣлами пограничными. Потомъ давали мнѣ пресмѣшныя праздники, фейерверкъ и другія увеселенія. У шаха я такъ часто бывалъ, какъ никто изъ иностранныхъ пословъ, и онъ

имѣлъ ко мнѣ особенное благорасположеніе. Во все время пребыванія моего любимая рѣчь бывала обо мнѣ. При свиданіи мы размѣнивались удивительными привѣтствіями, и какъ уже онъ прислушался къ лести азіятской, то европейская ему чрезвычайно нравилась и онъ утверждалъ замѣчаніе мое, что царей рѣдко весьма она оскорбляетъ.

Шахъ, по всеобщему удивленію, вопреки древняго обыкновенія, говорилъ всякій разъ со мною о дѣлахъ, и министры, не обыкшіе видѣть человѣка, смѣло говорящаго предъ шахомъ, трепетали, чтобы когда нибудь не принесть жалобы на нихъ, или не сказалъ моего на нихъ неудовольствія. Я въ такой былъ у него довѣренности, что по обычаю персидскому могъ бы попросить носъ, уши или глаза котораго нибудь изъ нихъ, и трудно было бы отказать мнѣ въ томъ. Шахъ не одинъ разъ признавался въ моемъ присутствіи, что ему сдѣлано было несправедливое обо мнѣ донесеніе, и что онъ во мнѣ находитъ человѣка, которому ни минуты не остановился онъ ввѣрить собственные интересы. Я выѣхалъ изъ Султанію осыпанный ласками всѣхъ вельможъ, всѣхъ окружающихъ шаха, и съ чувствами къ нему уваженія, ибо нашелъ его весьма кроткимъ, добросердечнымъ, умнымъ и благонамѣреннымъ. Въ Султанію не было со мною ниже тѣни неудовольствія. Всѣмъ чиновникамъ моимъ оказано самое обязательное вниманіе и уваженіе, и не было человѣка во всемъ лагерѣ, въ которомъ считалось по крайней мѣрѣ 60 т. человѣкъ, чтобы съ удовольствіемъ видѣлъ отъѣздъ нашъ. Шахъ въ ознаменованіе благорасположенія своего къ русскимъ, всѣмъ чиновникамъ посольства далъ знаки своего ордена Льва и Солнца различныхъ степеней, и мнѣ первый классъ онаго съ фирманами при каждомъ самыми лестными.

О проѣздѣ моемъ чрезъ Тавризь на возвратномъ пути скажу я тебѣ послѣ, теперь усталъ смертельно. О персіанахъ и похвала утомительна, а въ Тавризь не обо всемъ сказать оную должно.

## VII.

Октября 20-го—Сунжа.

Любезный и рѣдкій братъ. Письмо послѣднее твое получилъ, благодарю за книги. Martin много весьма любопытнаго говорить объ Арменіи, особливо, что до географіи оной касается. Мнѣ пріятно было прочесть и другія книжки, въ которыхъ справедливо говорится о славномъ Циціановѣ. Но истинѣ, послѣ смерти его не было ему подоб-

наго. Не знаю, долго ли еще не найдемъ таковаго, но за теперешнее время, то-есть за себя, скажу предъ олтарею чести, что я далеко съ нимъ не сравнюся. Каждое дѣйствіе его въ здѣшней землѣ удивительно, а если взглянуть на малые средства, которыми онъ распоряжалъ, многое казаться должно непонятнымъ. Ты лучше другихъ судить можешь, бывши свидѣтелемъ дѣлъ его. Отъ старика Дельпоццо знаю я, какъ онъ любилъ тебя, и ты все право имѣешь хвастать, что служилъ подъ начальствомъ сего необыкновеннаго человека. Меня бѣситъ, что я никого при себѣ не имѣю, кто бы могъ описать время его здѣсь начальствованія, но думаю, что и матеріаловъ для того достаточныхъ не найдется. Я нашелъ здѣсь архивъ въ безчестномъ безпорядкѣ: многія бумаги растеряны, сгнили, стравлены мышами. Трудолюбивой мой Наумовъ собралъ, что осталось; теперь онъ въ совершеннѣйшемъ устройствѣ: разобралъ по содержанію бумагъ, по годамъ и все въ переицетѣ. Одного недостаетъ, чтобы въ семъ видѣ былъ онъ тотчасъ послѣ смерти Циціанова.

Ты меня упрекаешь, что я тебя не извѣстилъ о переходѣ чрезъ Терекъ. Не только при самомъ началѣ предпріятія, ниже теперь по прошествіи пяти мѣсяцовъ, ничего нельзя еще сказать хорошаго. Съ начала прибытія моего на Сунжу, потребовалъ я отъ чеченцовъ выдачи нашихъ плѣнныхъ и чтобы не принимали къ себѣ дезертировъ, требовалъ также аманатовъ. Напередъ зналъ я, что не согласятся на выдачу плѣнныхъ, особливо бѣглыхъ, изъ коихъ есть перемѣнившие вѣру и оженившіеся. Чеченцы всѣ вооружились, заняли гѣса и дороги, и главнѣйшій пунктъ, знаменитый нашими потерями, называемый Хан-кале. Въ помощь къ нимъ пришли толпы довольно многочисленныя лезгинъ и тогда вмѣстѣ одинъ разъ подходили къ лагерю, и одинъ разъ выступили противъ транспорта, идущаго съ Терека. Въ обоихъ случаяхъ имѣли они потерю малозначущую, ибо бѣгутъ самымъ подлѣйшимъ образомъ и артиллерія рѣдко имѣетъ случай дѣйствовать порядочно.

Лезгинны, прибывши съ небольшимъ мѣсяцъ, отправились обратно въ дома свои, отзываясь, что не могутъ сносить жаркаго лѣтняго времени, но справедливая причина была та, что не нашли они добычи, въ надеждѣ на которую они изъ горъ приходили. Чеченцы послѣ того не смѣли появляться на сей сторонѣ Сунжи и ограничились нападеніемъ на оплошныя пикеты казаковъ или на посылаемыхъ изъ лагеря людей. Одинъ только разъ дрались весьма смѣло въ гѣсу, который намъ рубить надобно было. Между тѣмъ, нѣкоторыя изъ деревень, лежащихъ на лѣвомъ берегу Сунжи, за вѣроломство и мошенничество

наказаны, и въ сихъ случаяхъ удалось убить болѣе нѣсколько людей и женъ, нежели въ сраженіяхъ, ибо не столько всегда удобно бѣгство. Въ продолженіи сего времени построилась весьма порядочная крѣпостца, противъ самаго Хан-кале, въ 6-ти верстахъ отъ онаго, и по близости лучшихъ дорогъ, въ Чечню идущихъ. Я назвалъ ея Грозною. Такимъ образомъ, по теченію Сунжи отъ Владикавказа въ 30-ти верстахъ имѣемъ мы редуть въ Назранѣ, гдѣ, попеченіемъ благороднѣйшаго старика Дельпоццо, выселены изъ горъ Ингуши почти въ тыщачу семействъ. Оттуда въ 30 верстахъ, близъ селенія Чеченскаго Казах-кичу, въ прошломъ году построена крѣпостца Преградной Стань. Отъ оной до Грозной около 45 верстъ незанятаго пространства по причинѣ недостатка средствъ, ибо столько мало у меня на линіи войскъ и столько повсюду много безпокойствъ, что я, собравъ вмѣстѣ семь только баталіоновъ, долженъ былъ въ то число привести изъ Грузіи два баталіона, одинъ изъ Дагестана, и выпросилъ изъ Крыма 8-й Егерской полкъ, изъ коего находились два баталіона. Будущій годъ, если особенныя не воспрепятствуютъ обстоятельства, на промежуткѣ, о которомъ сказалъ я выше, учредится крѣпостца и потомъ между всѣми ими укрѣпленные коммуникаціонныя посты и Сунжа составятъ линію, которая прежде была по Тереку и заключала въ себѣ большія для насъ невыгоды. Въ будущемъ году самъ я намѣренъ заняться построеніемъ крѣпостцы въ Андреевскія деревнѣ, и со временемъ протянуть линію отъ Сунжи чрезъ Аксаевскія владѣнія, Андреевскія и по рѣкѣ Сулаку, дабы закрыть порочной лѣвой флангъ прежней линіи и городъ Кизляръ, единственный своею промышленностію и пользою, казнѣ приносящую. Не знаю, дадутъ ли мнѣ на сіе средства, ибо съ войсками, которыя я имѣю, не лзя за то приняться. Впрочемъ, не моя вина, если на предложенія мои не согласятся, моя обязанность представить правительству мое мнѣніе; его дѣло поправить погрѣшности и, опровергая оное, сказать—почему не хорошо и что лучшаго дѣлать должно.

Теперь, объяснивъ тебѣ, что дѣлалось на Сунжѣ, скажу, что происходитъ въ Дагестанѣ. Въ началѣ лѣта шамхаль Тарковской, челоувѣкъ вѣрный государю, и удмій Баракайтахской, близкимъ родствомъ связанный съ шамхаломъ, и одинъ изъ величайшихъ мошениковъ и вѣроломнѣйшихъ людей, прислали ко мнѣ множество жалобъ, что лезгины и извѣстный сильный акушинскій народъ готовятся напасть на нихъ за то, что чрезъ владѣнія ихъ даютъ они свободный проходъ нашимъ войскамъ и, давая пособіе подводами, пріучаютъ русскихъ къ требованію нѣкоторыхъ повинностей. Какъ подданныхъ Рос-

снѣ долженъ я былъ оградить отъ опасности, и хотя ни малѣйшихъ не имѣлъ къ тому средствъ, рѣшился однако-же собрать изъ Дагестана два баталіона пѣхоты съ шестью орудіями артиллеріи и отправилъ съ ними г.-м. Пестеля на рѣку Бугамъ, за одинъ маршъ впередъ Дербента. Ему приказано было показывать готовность идти впередъ и распущенъ былъ слухъ о запасахъ провіанта для войскъ, идущихъ съ линіи. Народъ акушинской, сильный и гордый воспоминаніями славы своей, когда предводимый отцомъ бѣглаго Ших - Алы-хана покоряющъ Ширванъ, оставилъ намѣреніе напасть на шамхала, но собрался вмѣстѣ и, желая отдалить г.-м. Пестеля, обратился на него. Аварской ханъ, имѣющій чинъ генераль-маіора и 5 т. рублей серебромъ пенсіона, братъ его родной, извѣстной мошенникъ, и самый удмей, просившій нашей защиты, тайно акушинцамъ содѣйствуютъ. Владѣнія удмея явно обнаружились противъ насъ и просили акушинцовъ притти къ нимъ на помощь. Башлы, славный городъ каракайтатской, первый приступилъ къ тому, но г.-м. Пестель предупредилъ соединеніе ихъ и 1000 человекъ пѣхоты испуганные Башлы занявъ безъ выстрѣла, взявъ аманатовъ отъ жителей и укрѣпился въ замкѣ, лежащемъ въ городѣ. Теперь акушинцы вмѣстѣ съ сосѣдними народами и съ лезгинами болѣе нежели въ 20 т. человекъ, идутъ атаковать г.-м. Пестеля, отъ котораго имѣю я о семъ извѣстіе, равно и съ другихъ сторонъ, съ тою только разностию, что силы болѣе гораздо увеличены.

Изъ всего того ожидаю я, что они придуть къ городу Башлы, постараются, сколько возможно болѣе, выказать свои силы, пострѣляютъ изъ далека, ибо къ пушкамъ не любятъ приближаться, и потомъ по причинѣ и погоды, и потому, что затруднительно продовольствіе для многочисленной сволочи, разойдутся по домамъ. Будущею весной, еслии чуть возможно мнѣ будетъ, я прѣду развѣдаться съ мошенниками въ собственныя ихъ жилища и тутъ будетъ конецъ и удмеяскому достоинству, а жители богатой земли сей, и намъ необходимо нужной, отдохнуть подъ милосердымъ правленіемъ императора отъ злодѣйской власти, ихъ утѣсняющей.

Письмо сіе пишу въ нѣсколько пріемовъ, а потому скажу далѣе о Пестелѣ, еслии получу отъ него извѣстіе.

## VIII.

Октября 25-го.—Сунжа.

Отъ Пестеля не получаю ничего, но изъ Тарку есть извѣстiе, что жители города сего разсѣялись, боясь собравшихся лезгинъ, и что все владѣнiе шамхала взбунтовало и соединилось съ оными, что сообщенiе съ Пестелемъ прервано и мои къ нему предписанiя не достигаютъ. Мятежники прислали возбудить противъ насъ жителей деревень, принадлежащихъ владѣльцамъ андреевскимъ. Я, дабы удержать силъ послѣднихъ, рѣшился идти къ нимъ и завтра выступаю. Со мною идетъ пять весьма не полныхъ батальоновъ пѣхоты, въ числѣ коихъ новосформированной 8-й Егерской полкъ, прибывшій ко мнѣ изъ Крыма и не выдавшій неприятеля. Идутъ 360 едва движущихся козаковъ, но идутъ 15 орудiй артиллерiи, составляющей главнѣйшую мою силу. Дальнѣйшее движенiе мое зависѣть будетъ отъ извѣстiй, которыя получу отъ Пестеля.

Октября 30-е пришелъ я въ Андреевскую деревню и отовсюду есть слухи, что Пестель былъ атакованъ, дрался два дни съ раду и вышелъ изъ Башлы, что въ ближайшiя здѣсь деревни привезены убитые лезгины. Недоброжелательствующiе намъ весьма увеличиваютъ нашу потерю.

## IX.

Октября 31 дня.

Давши отдыхъ войскамъ, нынѣшнiй день я иду въ Тарку, дабы движенiемъ симъ отвлечь собравшихся мятежниковъ и не допустить идти на Кубу, какъ они намѣреваются, и гдѣ нѣтъ у меня войскъ, которыми бы удержать было ихъ можно.

## X.

18-го ноября.

Шатаясь долгое время, наконецъ, въ свободную минуту опишу я тебѣ все случившееся со мною: не доходя трехъ часовъ пути до Тарку, остановился я у одного селенiя, откуда идетъ дорога, довольно свободная, во владѣнiя всѣхъ возмущившихся противъ насъ мошенниковъ;

начались дожди проливные и я принужденъ былъ, оставя всё выгоды моего направленія, итти въ Тарку, дабы войска разположить на квартирахъ и снабдить себя провіантомъ, котораго мало уже у меня оставалось. Въ Тарку прожилъ я девять дней, ибо казалось, что самое небо далѣе меня не допускало, проливая на насъ дожди ужаснѣйшіе; наконецъ, выступилъ въ горы прямо къ столицѣ аварскаго хана, генераль-маюра и подлѣйшаго измѣнника. Въ трудномъ весьма дефиле встрѣченъ я имъ былъ съ довольномъ числомъ мятежниковъ. Было уже поздно, люди устали отъ перехода и обозъ мой весьма растянуть. День сей кончился нѣсколькими выстрѣлами изъ пушекъ и слабымъ ружейнымъ огнемъ; непріятель остался на вершинѣ горы въ торжествѣ, что не далъ намъ дороги; разположась лагеремъ, въ десять часовъ вечера, послалъ я одинъ баталіонъ Кабардинскаго полка въ обходъ на гору и онъ такъ удачно подкрался, что нашелъ непріятеля въ совершенной неосторожности у огня въ разныхъ забавахъ. Запъ изъ ружей и ура разсѣяли мошенниковъ и съ того времени всаглись между ими трепеть, ибо по справедливости нигдѣ уже удобнѣе остановитъ насъ было невозможно. Болѣе сутокъ употребилъ я, чтобы помятая съ артиллерією на гору, и селеніе Паравулъ, столицу и мѣсто рожденія хана аварскаго, нашелъ совершенно оставленную жителями. На другой день пошелъ я въ селеніе Дженгутай, принадлежащее брату его, молодому человѣку, владѣющему большимъ округомъ, и которой болѣе всѣхъ способствовалъ къ возмущенію противъ насъ Дагестана. Здѣсь нашелъ я мятежниковъ въ большомъ собраніи, въ крѣпкой позиціи, защищенной окопами. Послѣ нѣкоторой перестрѣлки окопы взяты были штыками, но непріятель не могъ имѣть большаго урона, ибо и артиллерія наша мало дѣйствовала, и во время сраженія столько густой распространился туманъ, что непріятель могъ спастись бѣгствомъ, почти не преслѣдуемый по причинѣ темноты. Селеніе Дженгутай и въ 3-хъ верстахъ отъ него другое того же имени—оба прекраснѣйшія и лучшія, нежели многія изъ уѣздныхъ нашихъ городовъ—приказалъ я разорить совершенно. Послѣ сего всё возмущившіяся владѣнія шамхала, всё брата аварскаго хана и нѣкоторыя изъ селеній, ему самому принадлежащихъ, покорились и прислали старшинъ просить помилованія. Шамхаль во все время остался вѣрнымъ и былъ съ войсками нашими при Пестегѣ; въ вознагражденіе его изъ владѣній аварскаго хана, брата его, и еще одного мошенника далъ я ему въ управленіе четыре большіхъ городка съ селеніями, составляющими болѣе четырехъ тысячъ семействъ. Сверхъ того изъ остальныхъ составляю особенный небольшой уѣздъ, никому



не принадлежащій, кромѣ императора, намѣревался въ послѣдствіи имѣть тутъ военную дорогу съ линіи въ Дербентъ и кратчайшую, и несравненно удобнѣйшую. Такимъ образомъ, кончивъ дѣла здѣшней страны, возвращаюсь я на линію, дабы успокоить войска, которые уже семь мѣсяцовъ на бивакахъ, и здѣсь по близости къ горамъ уже зима порядочная. Въ бытность мою въ Тарку получилъ я отъ Пестеля рапортъ, что лезгины въ числѣ болѣе 15 т. человекъ атаковали его въ Башлы и что 10 т, сверхъ того, ожидая послѣдствій дѣла, готовы были броситься на Кубинскую провинцію. Пестель занималъ замокъ и часть домовъ, прилежащихъ къ нему, которые приготовилъ онъ къ оборонѣ; съ нимъ было двѣ тысячи пѣхоты и 6 орудій, конницы Аслан-хана кюринскаго и нашей кубинской слишкомъ 500 человекъ. Три дни лезгины дрались упорно и жители Башлы, измѣнивъ данной присягѣ, присоединились къ нимъ и впустили ихъ въ дома свои; тогда Пестель, не имѣя сообщенія съ Дербентомъ и опасаясь недостатка въ провіантѣ и снарядахъ и видя сверхъ того, что непріятель началъ окружать замокъ окопами, выступилъ ночью изъ Башлы. На дорогѣ два раза безуспѣшно напалъ на него непріятель; но съ большимъ прогнанъ урономъ и Пестель благополучно пришелъ на прежній при рѣкѣ Бугамѣ лагерь, гдѣ атаковать его непріятель не рѣшился. Потеря съ нашей стороны по образу здѣшней войны необыкновенная, ибо съ убитыми и ранеными простирается до 370 человекъ; непріятель, а паче измѣнники селенія Башлы потерпѣли ужасно. Теперь по предписанію моему Пестель выступилъ изъ Дербента для совершеннѣйшаго разоренія Башлы и прочихъ селеній взбунтовавшаго владѣнія каракайтагскаго уцмیا.

Въ будущемъ году пойду я наказать акушинской народъ, сильнѣйшій въ Дагестанѣ и наиболѣе намъ враждебный, и послѣ того вся сія страна будетъ совершенно спокойна и лучше многихъ другихъ повиноваться. Здѣсь не такъ легко; я кончу какъ теперешній разъ, но кончу непремѣнно.

Вотъ, любезнѣйшій братъ, вѣрнѣйшее тебѣ описаніе всего здѣсь происшедшаго и даже частію моихъ впредь предпріятій. Не думаю, чтобы могъ ты упрекнуть, что не пишу къ тебѣ обстоятельно и обо всемъ.

Теперь позволю отнестись съ собственною моею прозвобю, состоящею въ слѣдующемъ: у меня на Сунжѣ былъ м-г Jaubert, извѣстный человекъ, бывшій при французскомъ посольствѣ въ Персію и теперь по препорученію правительства находящійся въ Россіи; я получилъ отъ него въ подарокъ нѣкоторые инструменты и сказалъ ему, что въ

подарокъ жемѣ его пошлю ямаль. Теперь оную при семъ отправляю и прошу ей доставить, естлибы даже и выступилъ ты изъ Франція съ корпусомъ. Сдѣлай одолженіе, не откажи сего, ибо иначе нѣтъ мнѣ способа ея доставить и болѣе всего стыдно не сдержать даннаго мною г-ну Jaubert слова. Прощай и сохрани мнѣ дружбу свою, которой я истинную цѣну знаю. Вѣрный Ермоловъ.

## XI.

20-го ноября.

Сей часъ доносить Пестель, что по распоряженію моему, выступивъ вторично изъ Дербента, разорилъ онъ до основанія городъ Ваши, для защиты кою весь Дагестанъ вооружался. Я самъ находился отъ онаго въ восьми часахъ пути, дабы отвлечь вниманіе акушинцовъ и дать ему безпрятственно довершить истребленіе. Такимъ образомъ, гордые и равно глупые дагестанцы видятъ всѣ усилія свои безплодными и ужасъ царствуетъ повсемѣстный. Я завтра возвращаюсь на линію:

30-е ноября перешолъ я обратно Терекъ благополучно.  
Прощай, вѣрный Ермоловъ.

## XII.

12-го іюля 1826 г. Тифлисъ.

Любезнѣйшій братъ Михаилъ Семеновичъ! Искренно благодарю за письма, въ которыхъ вижу прежнее дружеское расположеніе. Любопытно описаніе занятій твоихъ и прекраснѣйшей страны, тобою управляемой. Слышу отъ посѣщающихъ насъ о перемѣнахъ, которыя ты тамъ сдѣлалъ, и радуюсь, что возобновляешь вниманіе, которое начинается охладѣвать при твоёмъ предмѣстникѣ. Жалѣть надобно, что смутныя обстоятельства въ землѣ сосѣдней, уничтожая торговлю, слѣдовательно богатства края, лишаютъ тебя большихъ средствъ.

Вижу изъ несносныхъ пустыней рождающуюся Бессарабію; превращая ея въ землю населенную, прекрасную, благоустроенную, ты справедливо приобрѣтешь имя творца оной. Долженъ бы я завидовать сему, ибо здѣсь какія бы ни сдѣлались улучшенія, могутъ они отнестись къ началамъ, положеннымъ большимъ рядомъ моихъ предмѣстниковъ и даже къ самому времени, которое страна сія находится подъ владычествомъ Россіи.

Явны будутъ труды твои, ибо собственно положеніе земли въ отношеніи къ сосѣдственнымъ и Одесса, торговлею своею оживляющая полуденныя области Россіи, привлекаютъ множество свидѣтелей оныхъ, но отъ Грузіи отгоняетъ всѣхъ ужасъ и разсѣиваемая на счетъ ея молва. Кажется, мы, русскіе, противъ ея въ заговорѣ, ибо нѣтъ мерзостей, которыхъ бы о ней не рассказывали. Кто посѣщаетъ ея? Или пробѣгающій изъ Индіи англичанинъ, который, конечно, не найдетъ ничего достойнаго вниманія послѣ богатствъ Индіи, ея ужаснаго населенія, изобилія, важныхъ заведеній и обширныхъ предпріятій правительства, частныхъ огромныхъ имуществъ и капиталовъ, всё преодолѣвающихъ. Посѣщаютъ миссіонеры, отыскивающіе жидовъ для перекрещенія или заводящіе школы для обученія азіятцевъ европейскимъ языкамъ, дабы въ послѣдствіи изъяснить преимущества нашего закона предъ мусульманскимъ. Прійдетъ ученый, посѣщающій Востокъ для изысканій сходства персидскаго языка съ датскимъ, дабы опредѣлить, который изъ двухъ народовъ первенствующій и давшій бытіе другому? Иверія въ древности не знаменита и едва ли была она лучше того, что теперь, а потому всякой спѣшитъ далѣе отыскивать сокровища Востока. Итакъ, что объ насъ вы узнаете или изъ календаря о существованіи нашемъ!

Я замѣтилъ, что у насъ обращается вниманіе на начальника, которому поручаются провинціи въ управленіе, а на самыя провинціи нѣтъ оваго. Завтра будетъ здѣсь знатный человекъ начальникомъ, сильный связями, и зашумятъ похвалы о Грузіи; всё будетъ въ ней хорошо, всё перемѣнилось,—слѣдовательно онъ сдѣлалъ сіе превращеніе и съ какою магическою скоростію, ибо вчера еще оуждали не-сносную Грузію. Надобны звучныя имена для начальниковъ,—имена, подобныя моему, оскорбляютъ слухъ, ибо не находятся въ спискѣ знатныхъ, изъ коихъ, естественно, призываются къ занятію верховныхъ мѣстъ.

Ты въ письмѣ своемъ упоминалъ о непріятеляхъ, которыхъ нѣтъ, и что ихъ гораздо болѣе, нежели у меня.

Долженъ я, по истинѣ, чувствовать многія преимущества твои, то въ семь случаевъ я не хочу уступить тебѣ и, конечно, не покажусь дерзкимъ. Ты проѣхалъ Москву, эхо Петербурга, теперь ты въ семь послѣднемъ, какія достойнѣйшія могу набрать доказательства справедливости словъ моихъ? Произнеси имя мое и услышишь ли голосъ, защищающій въ шумѣ порицателей?

Положимъ, что непріятелей число у насъ равное, но возможно ли допустить равное число доброжелательствующихъ? На твоей сторонѣ

преимущества происхожденія, имени, ознаменованнаго важными заслугами предковъ, средствъ, доставляющихъ связи и способы утверждать ихъ, и даже множество приверженцевъ. Мнѣ отказаны всё сіи выгоды!!!

Восхищаешь ты меня описаніемъ Крыма, пролагаемой новой дороги въ предлестнѣйшую часть оного. Ты знаешь Грузію и согласишься, что мало мѣстъ, подобныхъ красотою полуденному берегу Крыма. Все, что близко къ морю, у насъ самое худое. Въ отдаленія отъ моря Кабарда и черныя, такъ называемыя, горы, точно составляютъ чрезвычайно красивую сторону, соединяющую все, что пріятно, съ величественною природою Кавказа. Ты вѣрно не въ томъ смыслѣ, какъ я, принимаешь предложеніе доставить мнѣ не большую дачу на полуденномъ берегу. Я просто принимаю за величайшее одолженіе и съ такою деликатностію сдѣланное, которая можетъ быть одному тебѣ свойственною. Избери по своему вкусу, но если только что прикажешь построить или завести садъ, то чтобы было по моимъ средствамъ, то-есть, чтобы было самое умѣренное и даже нѣсколько скудное.

Слышу, что ты на долго ѣдишь въ Англию, увѣдомь. Посылалъ письмо Мазаровича съ примѣчаніями его на холеру. Вѣрь душевной приверженности моей, которая всегда одинакова и вѣчная. Алексѣй Ермоловъ.

### XIII.

Москва, 10-го января 1852 г.

Почтенный князь Михаилъ Семеновичъ! Нечего пожелать тебѣ съ новымъ годомъ, развѣ нѣсколько болѣе времени для отдохновенія. Безъ сумнѣнія, должны были встрѣтить тебя, по возвращеніи твоёмъ, многія занятія, ибо послѣ письма съ Бѣлою рѣчки я ни строки твоей не имѣю.

Булгаковъ, по порученію твоему, давалъ мнѣ читать письмо твое о Хажди-Мурадѣ. Воображаю, сколько это досадно и можетъ быть вредно Шамилю. Одинъ изъ лучшихъ его набовъ, человекъ предприимчивый, имѣющій приверженцевъ, заставить его быть осторожнымъ и онъ, конечно, удержать залогомъ жену его и семейство. Власть, съ которою управляетъ Шамиль, долговременная борьба, хотя весьма невыгодная, доказываютъ, что онъ человекъ необыкновенно умный.

На мѣстѣ его другой будетъ предприимчивѣе, побудитъ горцевъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, обѣщавая большія выгоды въ случаѣ успѣха. Двѣ или три неудачи съ чувствительнымъ уровнемъ не только потрясутъ, но могутъ даже разрушить власть имама. Потерянная къ нему довѣренность можетъ уничтожить и самое его существованіе. Для этого надобно быть Дашель-бекомъ; онъ сядетъ на русской штыкъ и съ нимъ исчезнетъ безобразное имамство! Этого я ожидаю и можетъ случиться въ непродолжительномъ весьма времени. Ты, конечно, смѣешься надо мною, что я не скорѣе ожидаю этого отъ дѣйствія прямо оружія нашего. Я не буду противорѣчить тебѣ, но, конечно, весьма много способствуетъ тому жестокая власть Шамиля, давно замѣтившая съ кирою фанатизмъ религіозный.

Перейду къ другому предмету: къ слухамъ. Вскорѣ ожидается юбилей военнаго министра. Къ нему присоединится твой юбилей и говорятъ, что приготавливаются два фельдмаршальскіе жезла. Это согласно съ общимъ ожиданіемъ и, если изрѣдка слышится разсужденіе, оно тебя не касается.

Тебѣ подносится какъ принадлежащее.

Сюда вскорѣ ожидается генераль Рeadъ, котораго, не знаю на какомъ основаніи, выдаютъ подъ названіемъ твоего помощника. Не думаю, чтобы ты имѣлъ въ такомъ нужду, и ты можешь дѣлать ихъ изъ подчиненныхъ, во множествѣ отлично способныхъ и, конечно, болѣе знакомыхъ со страной и обстоятельствами. Впрочемъ, можетъ быть это было собственное твое желаніе, а если нѣтъ, то, конечно, князь Паскевичъ участвовалъ въ его назначеніи.

Не видывалъ я Слѣпцова, но какъ жалѣлъ я о потерѣ храбраго! Горько пасть молодцу отъ пули подлаго чеченца. Не одну можемъ мы считать подобную утрату. Ты лучше многихъ знаешь это, служа на Кавказѣ во время славнаго Циціанова, котораго дѣла, по мѣрѣ ничтожныхъ средствъ, кажутся невозможными. Имя, данное ставицѣ, есть награда, за которую надобно пасть на колѣна предъ императоромъ. Это сотворить не одного Слѣпцова въ послѣдствіи.

Вижу двухъ твоихъ здѣсь адъютантовъ женихами. Оба достойные молодые люди, но, кажется, не мало способствуетъ имъ то, что они служатъ при тебѣ. Магическая сила имени!

Это даетъ мнѣ мысль напомнить о собственномъ предложеніи твоимъ взять въ адъютанты моего Клавдія, вмѣсто Виктора, которому ты сдѣлалъ счастье переводомъ въ гвардію. Я привнесъ искреннюю благодарность за Клавдія и послѣ того спрашивалъ (давно уже), можетъ ли онъ надѣяться имѣть эту честь. Ты не отвѣчалъ мнѣ ни

слова и я боюсь не перемѣнилъ ли ты намѣренія. Черезъ двѣ недѣли онъ отправляется къ своему мѣсту и какая бы ни была судьба его, совсѣмъ тѣмъ нѣтъ лучше службы, какъ на Кавказѣ, подъ лестнымъ твоимъ начальствомъ.

Отвѣчай мнѣ по этому предмету что нибудь, ни мало себя не стѣсняя. Не менѣе я буду преданнымъ тебѣ и почитать тебя безпредѣльно. Ермоловъ.

Сообщ. Ад. П. Верше.

---

# ВОСПОМИНАНІЯ ДЕКАВРИСТА А. П. ВЪЛЯЕВА

О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАНОМЪ СЪ 1803 ГОДА.

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

### X <sup>1)</sup>.

Первое плаваніе нашего парохода „Самара“.

Отсюда я поѣхалъ къ брату въ Балахну, выбранную нами для постройки (парохода), гдѣ уже началась работа и шла весьма успѣшно. Братъ поручилъ мнѣ принять и отправить уже полную машину, которую уже доставили въ Тверь. Мнѣ опять пришлось ѣхать въ Москву, такъ что почти весь этотъ (1849 г.) годъ я провелъ въ разъѣздахъ. Въ Москвѣ я опять остановился у Саенныхъ, съѣздивъ въ Тверь, принявъ машину и отправивъ ее въ Балахну, куда и возвратился, ѣхавъ до Нижняго въ мальшость, а оттуда на санихъ уже послѣднимъ путемъ. Тутъ я пробылъ весну и лѣто 1849 г. Машина была поставлена на пароходъ и мы, пригласивъ балахнинское общество, сдѣлали пробу. Въ концѣ лѣта мы уже готовы отплыли въ Нижній-Новгородъ, гдѣ намъ сейчасъ же стали давать грузъ въ Астрахань, а какъ до конца ярмарки времени оставалось довольно много, времени свободного съ половиною августа до 10 сентября, то пароходъ подрядили идти въ Пермь, за

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXIX, сентябрь, стр. 1—42; декабрь, стр. 823—850. Изд. 1881 г., т. XXX, январь, стр. 1—26; мартъ, стр. 487—518; апрѣль, стр. 799—838; томъ XXXI, июль, стр. 327—370; томъ XXXII, сентябрь, стр. 1—46; октябрь, стр. 251—286; декабрь, стр. 679—704. Изд. 1884 г., т. XLII, апрѣль, стр. 67—86; май, стр. 303—324. Изд. 1885 г., т. XLV, мартъ, стр. 653—670.

пришедшими чаями, и мы, конечно, воспользовались этимъ случаемъ. Братъ назначилъ срокъ его возвращенія 10 сентября и меня просилъ принимать армянскіе грузы. Я съ парохода переселился въ гостиницу, а онъ ушелъ въ Пермь.

Время приѣмки грузовъ на баржу было для меня очень интересно, хотя и хлопотливо. Надо условливаться въ цѣнѣ, вести счетъ мѣстамъ, вѣсу товаровъ, все это записывать и все это совершать на самой пристани, гдѣ и обѣдалъ, и пилъ кофе, и только къ вечеру возвращался въ гостиницу на вечерній чай и отдыхъ. Время летѣло быстро; прошелъ августъ и наступило 10 сентября, а парохода нашего все нѣтъ, какъ нѣтъ. Армяне начинаютъ приставать ко мнѣ съ претензіями, и я рѣшаюсь пуститься сплавомъ по теченію рѣки, на встрѣчу ожидаемому пароходу. Тутъ также шли дни за днями, а парохода нѣтъ. На баржѣ была одна носовая, а другая кормовая каюты; я занялъ носовую и уже сидѣлъ въ ней, не показываясь на верхъ, гдѣ при первой встрѣчѣ съ складчиками меня осаждали жалобами о замедленіи парохода, выражали опасенія, что съ пароходомъ что нибудь случилось, что они будутъ раззорены, не успѣвъ доставить своихъ грузовъ въ Тифлисъ, куда они назначались. 17 сентября, въ день именины сестры моей, пошелъ снѣгъ, что крайне меня испугало перспективой равней зны, такъ что я самъ былъ въ отчаяніи. Тутъ еще стали ходитъ слухи, что на Камѣ морозъ и пошелъ ледъ, такъ что мученія, мнѣсенныя мною въ этой коммерческой экспедиціи, выше всякаго описанія. Я уже готовъ былъ нанять пароходъ. Кромѣ нашего былъ одинъ только пароходъ Волга Волжскаго общества. Чтобы на первыхъ порахъ не сокрушить нашу репутацію и чтобы поступить честно и добросовѣстно, я рѣшился съ однимъ кладчикомъ ѣхать берегомъ обратно въ Нижній и нанять пароходъ Волгу вести нашу баржу. Онъ стоялъ, готовясь уже къ зимовкѣ. Ёду къ управляющему, но тотъ отказывается за позднимъ временемъ; я просилъ, убѣждалъ, и, наконецъ, онъ согласился, но предложилъ самыя тяжелыя условія: вести баржу только до Камы за 1,500 р., а если пароходъ придетъ раньше, то я долженъ уплатить тѣ-же 1,500 р.; условія жестокия, но нечего было дѣлать и я, къ несчастію, рѣшился. Къ несчастію говорю, потому что не сдѣлали мы и половины пути, какъ на другой день вечеромъ, только что Волга остановилась на ночлегъ, я слышу вдали шумъ пароходныхъ колесъ, затѣмъ вижу два фонаря красный и синій; нѣтъ уже сомнѣнія, что это былъ пароходъ,—но какой пароходъ? другихъ не было на Волгѣ, значитъ нашъ—и, дѣйствительно, то былъ нашъ пароходъ. Увидѣвъ свою баржу, онъ сталъ на якорь. Я сейчасъ бросился въ шлюпку и переѣхалъ на свой пароходъ къ брату. Встрѣча наша была



очень пріятна, такъ какъ всё опасенія мои кончились, но за то пріятность эта была вскорѣ подавлена уплатой 1,500 р. изъ первыхъ заработковъ парохода.

Итакъ, мы отправились въ Астрахань. Въ Самарѣ успѣли только обнять сестеръ и друзей, прокатить на пароходѣ самарское общество и пустились далѣе. По мѣрѣ того, какъ подвигались отъ Саратова, все становилось теплѣе, а за Царицыномъ снова наступило лѣто. Блестательно исполнивъ взятое обязательство, «Самара»,—такъ назвали мы пароходъ, потому что тутъ составилось наше товарищество, и выкрасили его бѣлой краской въ соотвѣтствіе нашей фамилии,—вдругъ приобрѣлъ огромную славу между торгующимъ людомъ. Тѣ изъ кладчиковъ, которые жили въ Астрахани, честили и угощали насъ, приглашая къ себѣ въ домъ, и вообще этотъ первый опытъ много способствовалъ тому, что рыбные торговцы вскорѣ нагрузили баржу рыбой и икрой въ Саратовъ, куда пришли 8 ноября, въ день Михаила Архангела, и служили благодарственный молебенъ Господу. При обратномъ плаваніи изъ Астрахани, пароходныя колеса уже пробивали ледъ, впрочемъ, большаго препятствія не представлявшій по своей тонкости. Пароходъ былъ введенъ въ бухту у подошвы такъ называемой Соколовой горы, и мы тутъ же наняли квартиру. Устроивъ мастерскую и принявъ всё мѣры къ будущему плаванью, прозимовали въ Саратовѣ.

Зимой мы съ братомъ поѣхали къ сестрѣ, въ ихъ имѣніе Блашинку. Въ этотъ прѣздъ мы узнали, что въ 10 верстахъ отъ нихъ, въ имѣніи Кривцовой, с. Репьевкѣ, былъ управляющимъ нашъ минусинскій окружной начальникъ, но въ то же время и добрый другъ нашъ и непосредственный начальникъ насъ, смиренныхъ поселенцевъ въ Сибири, А. К. Кузьминъ, которому, какъ я упоминалъ, доставилъ это мѣсто товарищъ нашъ С. И. Кривцовъ, жившій въ Мунусинскѣ на поселеніи. Онъ былъ опекуномъ малолѣтнихъ племянника и племянницы. Узнавъ объ этомъ, мы тотчасъ же собрались къ нему и наша встрѣча была намъ радостна и пріятна. Полномочный начальникъ округа и безправные поселенцы, безъ всякой тогда надежды на возвращеніе на родину, мы встрѣчаемся именно на родинѣ: онъ, вмѣсто губернаторства, смиреннымъ управляющимъ частнаго имѣнія, а мы—учредителями и управляющими пароходнымъ дѣломъ на Волгѣ. Къ довершенію этого радостнаго свиданія, передъ нами стояли двѣ сибирскія ученицы наши; старшая была прехорошенькая и премилая дѣвушка съ прекрасными черными глазами; меньшая, хотя уступала ей въ красотѣ, но все таки была премилая дѣвушка, такъ что мы провели самый пріятный вечеръ. Повидавшись и наговорившись вдоволь,

въ надеждѣ частаго свиданія, мыбы, конечно, уѣхали, но подышшая страшная мятель удержала насъ на ночь и еще на слѣдующій день и тѣмъ усугубила наше наслажденіе провести между ними еще день. Мы и потомъ бывали у нихъ съ зятемъ и его братомъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ опять случилась мятель, но такъ какъ тогда уже стояли вешки, то мы поѣхали, и А. К. далъ намъ провожатаго, котораго доѣхавъ до оврага, мы отпустили, въ надеждѣ, что за оврагомъ оставалось версты три и кучера хорошо знали дорогу. Но, спустившись въ оврагъ, мы потеряли дорогу и рѣшили не рисковать и возвратиться назадъ въ Репьевку; выѣхавъ обратно по прежней дорогѣ, мы увидѣли вешку, но слѣдующихъ за нею уже не видали и потому долго плутали. Мы втроемъ были въ повозкѣ, а братъ зятя въ савязѣ. Вѣтеръ дулъ сильно, одинъ крутящійся снѣгъ бѣлой завѣсой покрывалъ все, такъ что и братъ зятя перешелъ къ намъ въ повозку, чтобы отъ взаимной теплоты не такъ легко было замерзнуть. Такимъ образомъ, бродя наудачу по степи почти всю ночь, наконецъ, услышали лай собакъ. Прислушиваясь, мы поѣхали на этотъ лай и выѣхали въ какой-то поселокъ, гдѣ избы были занесены до крышъ и только прорытой тропинкой можно было спуститься къ двери. Мы стали стучать и намъ отворили дверь въ хижину и засвѣтили лучину, отъ которой немилосердно ѣло глаза, но мы были рады и дыму, освободившись изъ страшной пасти степнаго саратовскаго дракона, называемаго мятелью или пургой, поглащающаго столько жертвъ ежегодно.

Въ избѣ были свинья съ дюжиною поросятъ и теленокъ, но мы и въ этой хрюкающей и блеющей компаніи были рады растянуться, укрывшись шубами, и подремать до разсвѣта. Ночь казалась безконечною, хотя, посмотрѣвъ на часы, увидѣли только пять часовъ, а выѣхали мы въ 6 часовъ вечера; таковы поѣздки зимой въ степныя губерніяхъ.

Пробывъ у сестры до марта 1850 г., мы уѣхали въ Саратовъ готовить пароходъ къ новому плаванію, заручившись грузами еще до нашей поѣздки въ деревню.

Наступила весна 1850 года и пароходъ нашъ, взявъ полный грузъ хлѣба, отплылъ въ Рыбинскъ. Весна на пароходѣ чрезвычайно пріятна: разнообразіе береговъ, мѣстами покрытыхъ лѣсомъ, мѣстами засѣянными полями и работающимъ людомъ, мѣстами чистенькими и красивыми деревнями и селами, благоухающій весенній воздухъ, самый шумъ колесъ и работающаго поршня, все это пріятно настраиваетъ пассажира. Для управляющихъ же движеніемъ эти прелести плаванія нѣсколько уменьшаются, такъ какъ для нихъ оно требуетъ постоянной бдительности, вниманія, изученія мелей, перекатовъ, фарватеровъ, что

особенно тревожить капитана въ межень или малую воду. Весной, когда Волга въ разливѣ, вездѣ проходъ безопасный, но за то сильная быстрота воды замедляетъ ходъ и удваиваетъ усиліе машины подняемъ пара. Изъ Рыбинска пароходъ нашъ прошелъ въ Самару, гдѣ, взявши грузъ, прошелъ въ Нижній. Изъ Нижняго взялъ грузъ въ Казань, а оттуда прошелъ въ Саратовъ за своею другою баржею, которая тамъ грузилась. Взявъ грузъ въ Астрахани, а чтобы не терять времени на ожиданіе, онъ взялъ какое-то судно доставить въ Симбирскъ, а оттуда прошелъ въ Самару, захватилъ сестеръ, отправлявшихся въ Симбирскъ. Провожаемые нашими добрыми друзьями и товарищами предпріятія, торжествующими при видѣ успѣховъ парохода и значительныхъ ожидаемыхъ выгодъ, мы отплыли.

Это плаваніе наше было очень пріятное; почти вся наша семья была тутъ. Утренній и вечерній чай при общемъ веселомъ настроеніи нашемъ былъ самымъ пріятнымъ временемъ, соединявшимъ насъ всѣхъ, такъ какъ день и особенно ночь раздѣляли насъ: нужно было за всѣмъ наблюдать, регулировать равномерность топки и проч. Красоты природы, громадная и величественная рѣка, восхитительные виды на живописныя горы между Самарой и Симбирскомъ, успѣхъ самаго предпріятія, все это вмѣстѣ взятое дѣлало насъ въ эти минуты вполне счастливыми. Но какъ въ плаваніи и въ путешествіяхъ на лошадяхъ тогдашняго времени, какъ и нынѣ на желѣзныхъ дорогахъ, случаются несчастія, болѣе или менѣе важныя по послѣдствіямъ, то и съ нами случались невзгоды. Не говоря о черекатахъ и временныхъ на нихъ остановкахъ, перегрузкахъ и нагрузкахъ, все это обыкновенные случаи, всегда повторяющіеся въ плаваніи, но случались и другія неудачи. Такъ, въ одно изъ плаваній съ сестрами къ Нижнему была тихая, чудная ночь. Свѣтила полная луна во всемъ своемъ блескѣ, отражаясь въ водѣ иногда тихой, а иногда рябившей отъ тихаго дуновенія вѣтерка и въ ней трепещущей. Всѣ мы сидѣли на скамьяхъ балкона, гдѣ находится колесо штурвала, движущаго руль. Нѣкоторые изъ сестеръ ушли въ каюту, а именно сестра В., уложившая спать своего сына. Посреди веселаго говора, иногда веселаго смѣха, полныя спокойствія и беззаботности, подъ шумъ равномерно работающаго поршня, похожаго на вздохъ какого нибудь водянаго чудовища, подъ аккомпаниментъ водопаднаго шума колесъ, вдругъ слышимъ мы, что лодманъ закричалъ прожѣрять глубину, которая стала уменьшаться, что замѣтно для опытнаго глаза, скомандовалъ уменьшить ходъ, но въ тотъ же моментъ пароходъ нашъ потащился по мели, неожиданно образовавшейся большой водой, и остановился. Баржа же, бывъ на покой водѣ, приближалась со всею скоростію, данною ей

пароходомъ. Водоливъ, заправляющій баржей, не успѣлъ бросить съ кормы якорь, и она вѣззалась носомъ въ корму парохода (а въ баржѣ лежало до 70 т. пудовъ); послѣдовалъ ударъ, отъ котораго едва можно было устоять на ногахъ, ужасный трескъ, какъ будто все рушится; руль разомяло и движеніе остановилось. Какой ужасъ овладѣлъ дамами, всѣ уже думали, что мы идемъ ко дну; одна изъ нихъ, ушедшая въ каюту укладывать ребенка, въ это время молилась Богу, на сонъ грядущій, упала, а потомъ стала ощупывать—нѣтъ ли уже воды въ каютѣ, схватила ребенка и бросилась на верхъ. Тутъ я сбѣжалъ въ каюту и успокоилъ ихъ.

На пароходѣ всегда имѣются разные мастеровые: кузнецы, плотники и походная наковальня съ мѣхомъ, а потому руль былъ починенъ, а также поврежденія отъ удара, и мы поплыли далѣе. Въ Свияжскѣ, на берегу Волги, стояли наши дрова. Какъ только пароходъ пришелъ, явились рабочіе, для нагрузки дровъ заблаговременно наняты. Пока продолжалась нагрузка, мы услышали благовѣсть въ монастырѣ, бывшемъ отъ дровяной пристани верстахъ въ двухъ. Мы пожелали идти ко всенощной, и всѣ потянулись лѣсомъ, который идетъ вплотъ до монастыря. Мы пришли къ половинѣ, къ чтенію каензгъ, когда всѣ монахи сидятъ на скамейкахъ. Басовой и теноровый хоръ ихъ былъ очень гармониченъ; тихое пѣніе «аллилуія», когда всѣ они встаютъ съ своихъ мѣстъ, и «хвалите имя Господне» возбуждало сладостное и благоговѣйное чувство, такъ какъ семья наша съ ранней юности была религіозна. Послѣ евангелія и «Воскресеніе Христово видѣвши» мы пошли обратно къ пароходу, зайдя на источникъ, явившійся по молитвѣ св. Макарія, когда онъ возвращался изъ Орды и остановился здѣсь. Приплывъ въ Симбирскъ и оставивъ тамъ сестеръ, мы пошли въ Нижній, гдѣ, сдавши грузъ, братъ повелъ еще какому-то баржу въ Симбирскъ, откуда, взявъ опять сестеръ, долженъ былъ сейчасъ идти въ Нижній на ярмарку, которую очень хотѣлось видѣть сестрамъ. Здѣсь я остался вторично принимать армянскій грузъ, но, по жадности къ выгодамъ компаніи, братъ мой взялъ еще какому-то кладъ и запоздалъ. Оставшись набирать грузъ въ Астрахани, я успѣлъ въ этомъ, сверхъ ожиданія, чему много способствовала прошлогодняя доставка армянскаго груза, съ значительнымъ убыткомъ для насъ самихъ. Тутъ повторилась та-же операція, что и прошлаго года: нагрузка и счетъ мѣстъ, внесеніе ихъ въ списки, число и вѣсъ съ провозной цѣной; но это дѣлалось днемъ, а вечеромъ я ходилъ по ярмаркѣ съ знакомыми, между которыми былъ нижегородскій полиціймейстеръ полковникъ З. В., прекраснѣйшій человѣкъ. Впрочемъ, славный ярмарочный домъ былъ великолѣпно освѣщенъ, тамъ играла музыка, огром-

ная публика двигалась массою по всѣмъ направленіямъ, между которой выдавалось нѣсколько прелестныхъ женскихъ головокъ, между ними нѣкоторыя изъ нашихъ барышень, съ которыми мы познакомились во время построения парохода. Такимъ образомъ время нагрузки проходило очень разнообразно и приятно между дѣломъ и развлеченіемъ.

Но и въ этотъ годъ для меня повторились тѣ же мученія, какъ и прошлый, по причинѣ запозданія парохода, и съ тѣми же самыми армянами, съ прибавленіемъ еще новыхъ. Такъ какъ ярмарка кончилась, а пароходъ не приходилъ, то я, прождавъ его дня три, четыре, рѣшился опять идти, пуститься съ баржей сплавомъ. Мы плыли дня три, четыре; хотя мнѣ это замедленіе парохода, и было очень неприятно, но я все же зналъ, что онъ на Волгѣ, а не въ Камѣ, все еще намъ незнакомой, и тутъ все же можно было узнать, почему онъ такъ долго не возвращается. Когда уже четвертый день склонялся къ вечеру, я, подъ предлогомъ узнать что нибудь отъ пришедшихъ снизу судовъ на пристани «Работки», сѣлъ въ шлюпку и поѣхалъ на берегъ, взявъ съ собою прикащика, хорошо знакомаго въ Волгой, такъ какъ я въ вѣтергѣвнн своемъ рѣшился плыть внизъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣчу пароходъ, хотя бы мнѣ пришлось доплыть до Самары.

Начало смеркаться, когда мы отвалили отъ берега; легкая шлюпка, четверо сильныхъ гребцовъ и мы плыли очень быстро; встрѣчались расшивы, двигавшіяся бичевой съ запряженными въ ляжку бурлаками, проскользали рыбацкія лодки. Мы спрашивали у тѣхъ и другихъ и никто ничего не зналъ о нашемъ пароходѣ. По берегамъ зажглись огни; на Волгѣ стало темно, сыро и мрачно, кой-гдѣ слышался какой-то шумъ воды какъ будто отъ колесъ и я уже началъ утѣшаться, но потомъ оказалось, что это гдѣ-то работала мельница, и опять плывемъ дальше. Я воображалъ себѣ, какъ бранили меня кладчики, узнавъ, что я ускользнулъ отъ нихъ и что имъ некого болѣе пилить. А мы все плыли и плыли, проходили мимо расшивъ, уже стоявшихъ на якорѣ для ночлега, на которыхъ видѣлись огни варившихъ кашу бурлаковъ. Иногда покажется какой нибудь рыбацкій огонекъ и я уже принимаю его за пароходные фонари, но обольщеніе скоро пропадало. Но, наконецъ, часовъ около 10, я думаю, мы услышали какой-то металлическій стукъ какъ бы молотка; плывемъ далѣе, обозначается во тьмѣ что-то бѣлое (пароходъ «Самара» по фамиліи нашей былъ окрашенъ бѣлой краской); уже нѣтъ сомнѣнія, что это нашъ пароходъ. Раздается окликъ: кто гребетъ? Отвѣчаю: съ самарской баржи. Тутъ-то являюся фонари на кожухѣ, подъ колесами, гдѣ что-то чинилось; у борта показался братъ, вокругъ знакомыя фигуры, изъ каюты бѣгутъ сестры, прыгаетъ козломъ мальчишка Коля, племян-

никъ, и мы всё спускаемся въ каюту, гдѣ на столѣ кипитъ самоваръ. Съ обѣда ничего не ѣвшій, прозябшій отъ ночнаго плаванія, съ какиѣмъ удовольствіемъ или, лучше сказать, наслажденіемъ я выпилъ нѣсколько стакановъ чаю и выкурилъ трубку, другую! Начались разпросы, отъ меня упреки брату, объясненія, и оказалось, что братъ еще куда-то бѣгалъ, конечно, за хорошій говорарь, и отъ того запоздалъ. Ну, да теперь всё опасенія кончились. Баржа плыла своимъ чередомъ и утромъ мы были встрѣчены пальбой изъ ружей обрадованныхъ армянъ; пробѣжали мимо нихъ въ Нижній, гдѣ высадили сестеръ, и тотчасъ же возвратились къ баржѣ, взяли ее на буксиръ и пустились внизъ по матушкѣ по Волгѣ въ Астрахань. Въ Астрахани мы сошлись съ однимъ моимъ товарищемъ по одному выпуску, генераломъ Костыговымъ, который служилъ тамъ. Мы, конечно, встрѣтились какъ товарищи и друзья; у него было много дѣтей, изъ коихъ нѣсколько служили офицерами на Каспійской флотиліи. Это для насъ съ братомъ была большая отрада встрѣтить здѣсь товарища, такъ родственно, радушно насъ принявшаго, познакомиться съ его милой, умной женой и ихъ дѣтьми. Пока мы ожидали грузовъ рыбы, мы каждый вечеръ проводили у нихъ; познакомились также со многими астраханскими домами, и все время проводили очень пріятно.

Кромѣ этого радужнаго гостепрѣимства и дружбы, я считаю себя еще должникомъ моего благороднаго и великодушнаго товарища, обязаннымъ всегдашней благодарностью за великую услугу, впоследствии имъ мнѣ оказанную. Я не могъ вполне вознаградить за его обязательное содѣйствіе мнѣ по отводу земли, мною купленной, и я всегда буду сохранять въ душѣ моей благодарную память о немъ. Нагрузивъ рыбу, мы прокатили на пароходѣ своихъ милыхъ и добрыхъ знакомыхъ и пустились въ Саратовъ. Время было позднее и бурное; а поднимаясь къ сѣверу, мы начали уже встрѣчать сало и въ концѣ ноября бросили якорь въ Саратовѣ. Въ эту зиму, прѣхавши къ сестрѣ, я узналъ, что добрѣйшій мивусинскій другъ нашъ, бывшій окружной начальникъ, умеръ, и Кривцовъ предложилъ мнѣ занять его мѣсто управляющаго, о чемъ сообщилъ сестрѣ; почему я, оставивъ пароходъ, простился съ братомъ и поѣхалъ къ сестрѣ, а отъ нея въ имѣніе.

## XI.

## Первый опытъ управления имѣніемъ.

Имѣніе Кривцовыхъ называлось с. Репьевка, съ деревнями въ 12 тыс. десятинъ и 1,500 душъ крестьянъ, Саратовской губерніи, Балашовскаго уѣзда. Послѣ смерти управляющаго имъ завѣдывалъ бурмистръ, грамотный и довольно развитой дворовый человекъ, очень хорошій, умный и опытный хозяинъ. Я, конечно, не рѣшился по самолюбію слѣдовать какимъ нибудь агрономическимъ фантазіямъ въ новомъ для меня дѣлѣ, но прежде сталъ присматриваться и изучать крѣпостной порядокъ барщинскихъ работъ, чтобы кромѣ трехъ дней, издавна заведенныхъ, не нашлось ни одного часу лишняго, стараясь только идти съ самаго начала, и учился этому русскому хозяйству. Затѣмъ, увидѣвъ незавидное состояніе крестьянъ, я ввелъ вспомогательную запашку и посѣвъ пшеницы, чтобы изъ доходовъ поддерживать обѣдѣвшія семьи по какимъ-либо несчастіямъ, какъ-то: надежемъ лошадей, коровъ и тому подобныхъ бѣдствій. Попробовалъ уваживать для пробы частицу пахатной земли овечьимъ вмѣстѣ со скотскимъ навозомъ, но результатомъ было то, что рожь была такъ сильна, что вся легла, и, конечно, послѣ этого опыта я его уже не повторялъ, такъ какъ превосходная земля не требовала удобрения. Опекунъ, Р. И. Кривцовъ, былъ отличный хозяинъ и, конечно, очень благодѣтельный владѣтель, но державшійся рутиннаго крѣпостнаго порядка, который мнѣ былъ не по сердцу. Я надѣялся, что, какъ съ декабристомъ, можно будетъ намъ сообща сдѣлать многія улучшенія и облегченія для крестьянъ. Это удалось мнѣ только отчасти, такъ какъ я черезъ полтора года отказался. Особенно мнѣ не нравился сборъ съ крестьянскихъ дворовъ куръ, яицъ, холста и проч.; я представлялъ ему объ отгнѣннѣ этого сбора, но онъ на это не согласился, такъ какъ имѣніе не принадлежало ему и онъ не считалъ себя въ правѣ измѣнять въ немъ порядки. Вспомогательная запашка моя, имъ одобренная, принесла хорошіе плоды: составилъ капиталецъ, который впоследствии, какъ я слышалъ, много увеличилъ благосостояніе крестьянъ. Я представлялъ ему о возобновленіи развалившихся домовъ, и получилъ разрѣшеніе исполнить. Конечно, въ полтора года я не могъ и не сумѣлъ бы много сдѣлать для нашихъ труженниковъ, но не знаю за что, думаю, за одни попытки улучшить ихъ бытъ я приобрѣлъ ихъ любовь, такъ что много времени спустя я имѣлъ утѣшеніе узнать, что они вспоминали меня съ любовью,—такъ сильно чувство признатель-

ности въ этихъ простыхъ христіанскихъ сердцахъ, что и малѣйшее желаніе имъ добра проникаетъ въ глубину ихъ сердца. Мнѣ даже совѣстно вспоминать, что передъ отъѣздомъ моимъ, ѣхавши домой съ поля, я встрѣтилъ большую толпу женщинъ, окончившихъ работу; я остановился и сказалъ имъ: «ну, милыя, прощайте, я завтра уѣзжаю!» Изъ толпы слышу: «прощай, А. П., дай тебѣ Богъ здоровья», и нѣсколько голосовъ произнесли: «жалко разставаться съ тобой, такъ жалко, какъ душѣ съ тѣломъ». Не говорю уже, какъ мнѣ отрадно было слышать эти слова, такъ что слезы навернулись у меня на глазахъ! И что же! какое благодѣяніе сдѣлалъ я имъ? Ровно никакого, а они полюбили меня, за то только, что въ праздники никто нигде не былъ употребляемъ, что законные дни работы были строго наблюдаемы и лишняго ничего отъ нихъ не требовалось. Какъ мало требуется этотъ великодушный народъ, но и этого малаго онъ не имѣетъ!

Съ другой стороны, эти полтора года въ Репьевкѣ были для меня самымъ пріятнымъ временемъ. Въ 10 верстахъ отъ меня была Блюшинка, гдѣ это время жила сестра съ мужемъ и дѣтьми, моими племянницами, а старшія сестры мои, по возвращеніи изъ Симбирска, отъ сестры пріѣхали также ко мнѣ, и жили почти все лѣто, племянницы и ихъ семейство также подолгу гостили у меня. Мѣстоположеніе Репьевки очень хорошевыя, много мѣстъ для гулянья, живописная рѣчка Тамала пробѣгаетъ возлѣ дома, огромный прудъ при мукомольной мельницѣ близъ самой усадьбы, при домѣ большой садъ. Ко мнѣ пріѣзжали также наши добрые и сердечные друзья, Варвара Вас., а также Н. В. М. съ племянницами Арнольди; я ихъ звалъ къ своимъ именинамъ пріѣхать къ намъ и съ дѣвцами Арнольди, о которыхъ я упоминалъ при поѣздкѣ нашей къ роднымъ и изъ которыхъ одна мнѣ особенно нравилась. Въ имѣніи были превосходные мастеровые, и я заказалъ къ ихъ пріѣзду построить лодку для катанья по пруду, который подходилъ почти къ дому. Домъ управляющаго былъ хотя безъ претензій и мебель была по старинѣ крѣпкая, кожаная или ситцевая, диваны, внутри которыхъ ставились ловушки для мышей, во множествѣ тутъ жившихъ, но все же домъ былъ большой и просторный. У меня жили сестры, гостили племянницы, а иногда пріѣзжала и сестра съ мужемъ, и мнѣ уже не нужно было хлопотать со столомъ и опасаться какихъ нибудь неустройствъ съ пріѣдомъ гостей; старшая сестра была отличная хозяйка и заведывала всѣмъ; всего у насъ было вдоволь. Къ 30 августа, моимъ именинамъ, обѣщали пріѣхать наши добрые друзья Надежда и Варвара Васильевны, обѣщавшая привезти племянницъ Арнольди. Наступило время пріѣзда моихъ дорогихъ гостей, котораго я ждалъ съ нетерпѣніемъ; наступилъ



день прѣзда. Дорога, по которой онѣ должны были прѣхать, шла въ гору, и я не отходилъ отъ окна, пока, наконецъ, увидалъ вдалекѣ экипажи. Мой вороной конь былъ готовъ, я сѣлъ на него и поѣхалъ имъ навстрѣчу. Заглянувъ въ карету, которая для меня остановилась, я увидѣлъ милыя и дорогія лица Варв. Вас. и Над. Вас., а изъ дѣвицъ, вмѣсто ожидаемыхъ сестрицъ, сидѣли въ каретѣ тоже молодыя, милыя, хотя не такъ красивыя и не такъ близкія намъ дѣвицы отъ другаго брата. Одна изъ нихъ прекрасно пѣла, другая играла на роялѣ. Конечно, я не показавъ моего разочарованія, галопировалъ около кареты, перекидывалъ къ нимъ кой-какія, можетъ быть и пошлыя любезности, переѣзжалъ отъ одного экипажа къ другому и соскочилъ у крыльца, чтобы подать руку дамамъ.

Тогда обѣдали по деревенски въ 3 часа, а потому, скоро закусивъ разныхъ разностей, сѣли за столъ. Хотя домъ мой былъ домъ холостаго человѣка, но хозяйничали у меня сестры мои, поваръ былъ хорошій и обѣдъ былъ вкусный, полный, хотя и не изысканный. Послѣ обѣда всѣ разошлись по саду, качались на качеляхъ, а я, между тѣмъ, приготовилъ лодку, отправилъ телѣгу съ самоваромъ и разными печеньями въ лѣсъ къ рѣднику, куда мы должны были приплыть. Рѣдникъ былъ замѣчательнъ по чрезвычайному обилію воды. Онъ стремительно вырывался изъ горы, струя котораго была толщиною въ вершка въ три. Мѣстность на горѣ, гдѣ мы расположились пить чай, была осѣняема большими деревьями, а подъ горой протекала рѣка, по которой мы должны были приплыть. Я усадилъ своихъ дамъ и дѣвицъ въ шлюпку, самъ сѣлъ на руль и въ качествѣ капитана отдалъ приказъ, чтобы всѣ сидѣли недвижимо, такъ какъ самодѣльная лодка была очень качая и малѣйшее нарушеніе баланса могло ее опрокинуть. Молодые пассажиры спрашивали: «г. капитанъ, можно ли наплянуть? что дѣлать, если захочется чихнуть?» Отвѣтъ былъ: воздерживаться до крайности, иначе мы всѣ будемъ купаться волей-неволей. Все это сопровождалось веселымъ звонкимъ хохотомъ, особенно, когда гребцы наши, сыновья Над. Вас., вызвавшіеся сѣсть въ весла, вытирали потъ, текущій съ головы ихъ. Они страшно измучились, но грести было необходимо, чтобы добраться до мѣста. На носу сидѣлъ чело вѣкъ, который отъ времени до времени замѣнялъ одного изъ гребцовъ, выбившагося изъ силъ. Путешествіе было преприятное и превеселое, да и можетъ ли быть иначе среди милой, оживленной молодости! Не желавшія плыть болѣе робкія изъ дамъ прѣехали на мѣсто гулянья въ экипажахъ, въ особенности отличались трусостью сестра моя, Жукова и Над. Вас. Съ мѣста гулянья всѣ возвратились въ экипажахъ. Такъ окончилось наше гулянье, оставившее во всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе.

Лѣто это въ моей холостой и неосѣдлой жизни не было для меня очень пріятно; ко мнѣ пріѣхалъ познакомиться со мной сосѣдъ мой, полковникъ Л. А. Сумароковъ, съ которымъ потомъ мы были друзьями до самой его преждевременной несчастной смерти: онъ упалъ съ таратайки, переломилъ ногу и отъ антонова огня умеръ. Близкимъ сосѣдомъ былъ также кн. М. Г. Голицынъ (Горбатый); въ 20-ти верстахъ въ своемъ имѣніи жила Ек. Ф. Кривцова, сестра нашего товарища декабриста Фед. Фед. Ватковскаго, вдова безногаго Кривцова, бывшаго губернатора воронежскаго. Дочь ея была замужемъ за Ватюшковымъ,—личность, извѣстная всѣмъ по многообразной и плодотворной дѣятельности своей. Съ Екат. Фед., умной, кроткой и добродѣтельной дамой, по общности нашихъ религіозныхъ убѣжденій, мы очень сблизились, и это сосѣдство было для меня истинной отрадой и утѣшеніемъ. Если случалось не видѣться долго, то она иногда писала мнѣ и я къ ней, и письма ея я берегу и теперь. Имѣніе ея, Любичи, достойно упоминанія по его устройству, изящнымъ постройкамъ, огромному тѣпстому саду. Все это было, такъ сказать, создано мужемъ ея, Ник. Ив. Кривцовымъ, потому что тутъ, какъ мнѣ рассказывали, была голая степь, а теперь это былъ чудный садъ, который онъ сами насадили, выростили и наслаждались его тѣнью, тогда какъ для этого нужны многія десятилѣтія. Все въ этомъ имѣніи показывало сколько ума, вкуса, знанія и дѣятельности было въ этомъ человѣкѣ. Все тамъ было устроено отчетливо, разумно и изящно. Обсерваторія, имъ выстроенная, съ высокой, красной башней, напоминала шпиль мавританскихъ башенъ; систематически расположенныя постройки для церковнослужителей, оранжереи, зимній садъ, соединяющій съ прекраснымъ, обширнымъ домомъ маленькую домовую церковь, прелестной архитектуры и съ большимъ вкусомъ украшенную; однимъ словомъ, это было очаровательное мѣстечко. Въ то время, когда я бывалъ тамъ, оно уже было очень уединенно; у нихъ была одна дочь, которой тогда не было. Жила одна Екат. Фед. и гостила или, можно сказать, жила съ ней Над. Ал., вдова другаго брата, нашего товарища, съ которымъ мнѣ пришлось сидѣть въ одной куртинѣ Петропавловской крѣпости; только одна стѣна раздѣляла насъ, кажется, близко, но мы никогда не видались съ ними. Между этими двумя дамами я проводилъ пріятнѣйшіе дни моего пребыванія и управленія въ Репьевкѣ. Она была очень умна, мила, хороша собой и время, проведенное мною между ними, никогда не изгладится изъ моей памяти. Мужъ ея, Ник. Ив., былъ извѣстный атеистъ, но, конечно, не убѣжденный, какъ всѣ атеисты; его лучше назвать скептикомъ. Онъ никогда не говѣлъ, отвергалъ все религіозное, и думаю, что жизнь Ек. Фед., искренней и доброй

христіанки, не была легка. Она давала мнѣ читать разныя его замѣтки, писанныя на французскомъ языкѣ, а также и по русски, образцоваго слога и краснорѣчія, изъ которыхъ я и увидѣлъ не столько проповѣдь невѣрія, сколько сомнѣнія, пытливость, желаніе проникнуть въ то, что сокрыто для умовъ гордыхъ и открыто простой вѣрѣ и смиренію, и открыто такъ ясно, хотя и таинственно, что смиренно вѣрующій въ живаго Бога и Его откровеніе уже не поколеблется. Тутъ онъ задавалъ себѣ вопросъ: чѣмъ будемъ мы послѣ нашей смерти? цѣткомъ ли, распустившимся на нашей могилѣ, или ангелами, летающими въ безконечномъ пространствѣ небесъ. Я не помню всѣхъ подробностей этихъ блестящихъ по слогу страницъ; вѣроятно, послѣ смерти Екат. Фед. все перешло къ дочери, но помню только то, что меня особенно поразило—это шаткость, неустойчивость всѣхъ мысленій въ людяхъ, рутинно слѣдующихъ безотчетному и безлогичному отрицанію. Откровеніе Божіе дано человѣку, какъ разумному, созвательному, мыслящему существу, руководствомъ къ вѣчности, а безъ вѣры въ откровеніе одинъ мракъ былъ бы удѣломъ человѣка на землѣ, что было бы недостойно Всеблагаго Бога, его сотворившаго разумнымъ и свободнымъ.

Въ с. Паникѣ былъ священникъ, выходившій изъ ряда обыкновенныхъ сельскихъ священниковъ, по широтѣ своего взгляда на религію вообще, какъ и на внутреннее дѣйствіе ея на человѣка. Онъ своею ревностію и добродѣтелями достигъ того, что самыя нравы и привычки его прихода измѣнились. Въ Паникѣ, гдѣ онъ священствовалъ, каждому проѣзжающему въ праздники было замѣтно благотворное вліяніе пастыря. Тамъ не увидишь, бывало, никакихъ оргій, ни ругательствъ, ни пьяныхъ; крестьяне всѣ въ праздничныхъ одеждахъ, скромно гуляютъ по улицамъ или сидятъ на завалинкахъ и ведутъ бесѣды. Я сколько разъ былъ пораженъ этою особенностью, и уже потомъ мнѣ объяснили это рѣдкое явленіе нашихъ деревень. Екат. Фед. была его духовная дочь, которой совѣсть, вѣру и любовь къ Богу онъ узналъ, потому, когда она по немощи не могла говѣть въ церкви, онъ пріобщалъ ее дома. Ник. Ив., видя это, говоритъ: «вотъ такъ пріобщиться и я бы желалъ», и затѣмъ обращается къ самому священнику и говоритъ ему: «не можете ли вы, батюшка, пріобщить и меня, такъ какъ вы это дѣлаете для жены?» Священникъ отвѣчалъ ему: «жена ваша вѣрующая христіанка, которой совѣсть, исповѣданіе и усердіе мнѣ извѣстны, а вамъ я не могу дать Божественныхъ Тайнъ иначе, какъ чтобы вы публично въ церкви исповѣдывали вашу вѣру въ Бога и искупленіе Его кровью». Конечно, онъ по гордости ума своего не сдѣлалъ этого, но не могъ отказать въ уваженіи этому священнику. По своему уму, ха-

рактору, образованности Ник. Ив. былъ человекъ увлекательный, а потому въ его время многие изъ знакомыхъ, его посѣщавшихъ, были заражены его идеями, и одинъ изъ нашихъ друзей былъ въ числѣ ихъ, но Господь похитилъ его отъ гибели; передъ смертью онъ обратился и умеръ христіаниномъ. Много говорили тогда о его девизѣ, который будто бы онъ велѣлъ вырѣзать на своей могилѣ по латыни: «ничему не вѣрю и ничего не боюсь!» Но оказалось, что это было его девизомъ на перстнѣ съ его гербомъ. Похороненъ онъ близъ села и съ дороги виднѣтъ памятникъ надъ его могилой въ видѣ какого-то мавзолея. Онъ былъ большой англоманъ и все въ домѣ носило печать этого англоманства. Домъ его былъ копией, конечно, въ меньшемъ объемѣ, съ замковъ англійскихъ лордовъ: комнаты наверху, назначенныя для пріѣзжихъ, имѣли до мельчайшихъ подробностей всѣ удобства и полный комфортъ, въ приемныхъ комнатахъ были развѣшены прекрасныя гравюры изъ англійской жизни, какъ-то: скачки, бѣга, уженіе рыбы въ разныхъ видахъ. Однимъ словомъ, все въ его жизни, привычкахъ, въ идеяхъ, въ прежней государственной службѣ показывало въ немъ своеобразную и весьма интересную выдающуюся личность.

## XII.

### Женитьба.

На другой годъ я оставилъ Ревельку, — 1858-й годъ проплавалъ на пароходѣ, а возвратившись изъ Астрахани, зимовалъ въ Саратовѣ, гдѣ внезапно, хотя не надолго, окончилась моя холостая жизнь. Я уже упоминалъ, что въ Саратовѣ губ. почтмейстеромъ былъ нашъ морякъ В. Онъ былъ женатъ на дочери бывшаго управляющаго палатой государственныхъ имуществъ; она умерла холерой въ Нижнемъ Новгородѣ. Тестъ его съ семействомъ, пріѣзжая въ Саратовъ, останавливался у него, а такъ какъ я каждый день бывалъ у него, то мы и познакомились. Съ нимъ пріѣзжали всегда его дочери, обѣ хорошенькія собой, но старшая была много красивѣе; высокая ростомъ, стройная, съ черными огненными глазами, черными какъ смоль волосами, живая и веселая—мнѣ нравилась больше. Такъ какъ, преимущественно, я ей оказывалъ вниманіе и больше говорилъ съ нею, то оказалось, что и я произвелъ на нее благоприятное впечатлѣніе, но о женитьбѣ я еще, конечно, и не думалъ. Однажды В. гово-

рить мнѣ: «что это вы не женитесь?»—Оттого, говорю, что мнѣ уже много за сорокъ, и оттого, что я ничего не имѣю, кто же пойдетъ за меня и какъ жить?—«А нравится вамъ сестра Настенька?» спросилъ онъ.—Да, она мнѣ очень понравилась, но что же изъ этого?—«Ну, вотъ вамъ и невѣста, она не откажетъ».—Вы думаете?—«Навѣрно. За ней будетъ капиталецъ, можете на него обонимъ вамъ приобрести состояніе».—Если вы думаете, неудачи не будетъ, я, пожалуй, рѣшился бы.—«Теперь еще живо пріятное впечатлѣніе въ ней и въ васъ, не откладывайте».—Посоветовавшись съ братомъ, не долго думая, я вечеромъ же иду къ нимъ. Они жили въ большомъ домѣ на главной улицѣ, близъ почтамта. Звоню, отворяютъ... Дома ли? Говорятъ: «дома». Вхожу, она меня встрѣчаетъ такъ привѣтливо, такъ мило, что рѣшимость моя возрасла еще болѣе. Посидѣвши съ отцомъ, мы съ нею вышли въ залу; въ разговорахъ, въ которыхъ, конечно, играли роль вещи пріятныя, имѣющія свойство проникать въ сердце, если оно не закупорено и уже бьется сочувствіемъ, я, наконецъ, сказалъ: Н. А., вы съ перваго взгляда завладѣли моимъ сердцемъ и если-бы я осмѣлился предложить вамъ мое преданное и вѣрное сердце, а также и руку, то что бы вы мнѣ отвѣчали на это?—«Очень благодарю васъ за ваши чувства и за честь, мнѣ оказываемую, но я не завишу отъ себя, у меня есть отецъ и я должна прежде просить его разрѣшенія».—О, я только хотѣлъ прежде знать ваше согласіе, а тогда, конечно, буду и у него просить вашей руки. Но вы-то сами что скажете мнѣ?—«Я согласна», сказала она вспыхнувъ, и слезы показались на ея глазахъ. Тогда я поцѣловалъ ея руку и уже объ руку съ нею вошли мы къ отцу и просили благословить насъ, если онъ не имѣетъ ничего противъ этого самъ. Онъ всталъ и сказалъ: «если дочь моя избрала васъ, то и я также избираю и вручаю ее вамъ, сдѣлайте ея счастье». Помолился Богу вмѣстѣ съ нами и благословилъ. Затѣмъ прибавилъ: «хотя за дочью я не могу дать много, но все же она будетъ имѣть свое состояніе».

Всѣмъ женатымъ и замужнимъ хорошо извѣстна эта пріятная эпоха въ человѣческой жизни. Рука объ руку, безпрестанно сжимаемую или лобызаемую, провели мы вечеръ. Былъ уже февраль мѣсяць, скоро приближалась масляница и постъ, а свадьбу намъ хотѣлось сыграть до поста, почему они уѣхали въ деревню приготовляться къ ней, а я долженъ былъ пріѣхать дня за два передъ свадьбой. Дорогой я почему-то замѣшкался и не пріѣхалъ въ тотъ часъ, въ который она меня ждала; тутъ-то обнаружился весь ея пылкій характеръ. Она встрѣтила меня съ выговоромъ, что ждала меня еще утромъ, а теперь уже вечеръ; сестра же ея рассказала, что она весь день проплакала, думая, что я ее обманулъ. За то тѣмъ пріятнѣе было при-

миреніе. Въ живости ея характера было много дѣтскаго, хотя ей уже было 26 лѣтъ. Она прыгала, танцевала, конечно, это дѣлалось все наверху въ ихъ комнатахъ, и даже позволяла цѣловать себя, уже не сомнѣваясь теперь, что на третій день свадьба, и она будетъ моею на вѣки. На другой день стали собираться гости: наканунѣ родственники, а къ самому вѣнчанію близкіе знакомые. У нея шаферомъ былъ молодой человекъ А. Н. Минхъ, съ отцомъ котораго я былъ коротко знакомъ. Мнѣ назначили посаженною матерью ея двоюродную сестру, красавицу Ел. Ал. Лаж., жену брата писателя; а посаженнымъ отцомъ— ихъ близкій знакомый и сосѣдь. Вѣнчаніе состоялось 26 января въ ихъ церкви Θεодоровской Божьей матери; невѣста въ своемъ подвѣнечномъ платьѣ съ покрываломъ и вѣнкомъ была очаровательна. За вѣнчаніемъ послѣдовало обычное осыпаніе хмелемъ, встрѣча съ образами, поздравленія. Обѣдъ былъ часа въ три, послѣобѣденное время прошло быстро; молодежи было много и очень милой; въ числѣ подругъ ея была двоюродная сестра Н. А. Х., для которой день свадьбы ея сестры былъ рѣшеніемъ ея участи. Братъ мой ей очень понравился, даже, можно сказать, болѣе, чѣмъ понравился. Такъ какъ сестры были очень дружны, то моя жена сейчасъ узнала о ея страсти и, конечно, была причиною того, что въ тотъ же годъ и братъ женился. Вечеромъ былъ балъ въ полномъ смыслѣ. Между гостями была другая красавица, 16-ти лѣтняя дѣвица У. и сестра ея, кн. Д., тоже прекрасная собой. Было очень весело, оживленно, молодая моя танцевала очень много, я же прошелся съ ней только одинъ польскій. Свадебный день былъ завершёнъ обычнымъ ужиномъ съ тостами, поздравленіями и пожеланіями, и въ 2 часа почи всѣ разъѣхались и все умолкло.

И вотъ благими судьбами Всевышняго я женатъ. Что когда-то, еще въ мечтахъ юности, я представлялъ себѣ вѣнцомъ счастья,—совершилось! Гдѣ эти 20 слишкомъ лѣтъ тюрьмы, пустынной жизни въ степяхъ и городкахъ Сибири? гдѣ эта 7-лѣтняя кавказская лямка, воспоминаемая съ такимъ наслажденіемъ? Все это пролетѣло теперь, осталось далеко, но осталось въ душѣ съ самымъ отраднымъ чувствомъ, вѣдь поется же: «что прошло, то будетъ мило». Возлѣ меня прелестная, молодая жена, любовь которой безпредѣльна, не смотря на мои слишкомъ 45 лѣтъ. Правда, состоянія пока ни у нея, ни у меня нисколько, но что за бѣда! Мы объ этомъ и не думали. Въ Саратовѣ мы наняли хорошенькую, маленькую квартиру, комнату въ шесть. Съ нами поселилась старушка Н. Ан., ея тетушка, дсбрѣйшая, милая и любящая, даже, скажу, праведная по своимъ добродѣтелямъ и любящая Богу. У насъ былъ экипажъ съ прекрасною вороною лошадейю, при-

сланною отцемъ, двѣ горничныхъ, человекъ Андрей, приговоренный мною, когда я грузилъ товарами баржу; онъ жилъ въ гостиницѣ и оказался прекраснѣйшимъ, преданнѣйшимъ человекѣмъ. Начало моеи самостоятельной дѣятельности была снятая мною, черезъ посредство И. М. В., половина почтовой Саратовской станціи, которая давала рублей около 40 или 50 дохода въ мѣсяць. Весной онъ же, И. М., предложилъ занять у него 3,000 р., чтобы начать дровяную операцію. Я поѣхалъ вверхъ по Волгѣ, подрядилъ и сплавилъ дрова къ Чебоксарамъ, между Казанью и Нижнимъ, сложилъ ихъ на берегу для продажи на пароходы, которые теперь умножились, компаніи Кавказъ и Меркурій. Но эта операція, хотя и дала пользу вначалѣ, но кончилась неудачно. Необыкновенное повышеніе воды въ Волгѣ разнесло часть нашихъ дровъ, ближайшихъ къ берегу, и мы потеряли тотъ доходъ, какой по дѣламъ должны были имѣть, все же съ долгомъ мы расплатились. И какъ Господь никогда не оставляетъ вѣрующихъ въ Него, предающихъ себя въ Его Святую и благую волю, то Онъ уже готовилъ намъ вознагражденіе за постигшее насъ несчастіе.

Вечеромъ, когда мы сидѣли въ гостинной, жена и тетюшка работали, прѣзжаетъ ко мнѣ жандармъ отъ вице-губернатора Андреева и подаетъ записку. Въ запискѣ онъ мнѣ пишетъ, что Л. К. Нарышкинъ, за обѣдомъ у губернатора, спрашивалъ у нихъ, не знаютъ ли они когонибудь въ управляющіе его имѣніемъ, такъ какъ г. Кругликовъ отказался отъ управленія и уѣзжаетъ. Оба они указали на меня, назвавъ мою фамилію. Онъ спросилъ, не тотъ ли это Бѣляевъ, который воспитывался у Долгоруковыхъ и потомъ былъ замѣшанъ въ 14 декабря. Ему сказали, что это тотъ самый. «Я зналъ его еще въ Петербургѣ, когда былъ въ лицѣ; нельзя ли меня съ нимъ познакомиться?» Вице-губернаторъ послалъ записку, написавъ его адресъ, и просилъ меня отъ его имени къ нему прѣхать. Въ назначенный день я поѣхалъ къ нему и онъ, поговоривъ со мной о минувшихъ временахъ, о нашемъ несчастномъ провсшествіи, о сибирскомъ хозяйствѣ и о Репьевѣ, спросилъ: «не хотите ли вы занять у меня мѣсто управляющаго? прежній, съ которымъ я расстаюсь съ большимъ сожалѣніемъ, уѣзжаетъ». Я поблагодарилъ его за предложеніе, и, конечно, согласился. Онъ въ то время ѣхалъ за Волгу, гдѣ у него было отъ 30 до 40 т. десятинъ, и просилъ меня прѣхать въ октябрѣ въ имѣніе, чтобы принять его, и что онъ самъ въ это время будетъ въ Падлахъ. Онъ въ Саратовѣ былъ у насъ, познакомился съ женой, которая отпустила съ нимъ за Волгу ея домашняго приготовленія водичу, и она ему такъ понравилась, что онъ взялъ съ собой въ Петербургъ рецентъ какъ ее дѣлать.

Наша жизнь въ Саратовѣ была очень пріятна; насъ непрерывно посѣщали родные и знакомые, такъ что наша молодая жизнь была полна и пріятна. Жена моя оказалась хорошей хозяйкой. Все у насъ было очень прилично; убранство комнатъ, очень хорошая мебель, прислуга, повара очень порядочные, такъ что никому и въ голову не могло придти, что мы не богаты. Между знакомыми былъ въ это время пріѣхавшій съ Кавказа коротко знакомый инженеръ, тогда еще капитанъ, а теперь генералъ Опридовъ - Шахматовъ, товарищъ по гвардейскому экипажу. Когда проходилъ мимо Саратова нашъ пароходъ, мы всегда видѣлись съ братомъ и радовались съ нимъ успѣху нашего пароходнаго предпріятія. Братъ уже плавалъ съ женой, обвѣчавшись въ тотъ же годъ и въ той же церкви, въ имѣніи отца моей жены, роднаго дяди ея сестры. Въ этотъ приходъ парохода жена моя вздумала отправиться на немъ въ Нижній къ своей старшей сестрѣ, жившей у своей тетки. Но это путешествіе ея кончилось очень несчастливо: у нея сдѣлалось воспаленіе легкихъ и она возвратилась домой. Ничего не зная и не ожидая, я вдругъ въ 9 часовъ вечера слышу звонокъ; выхожу и вижу, что ее уже несутъ на рукахъ. Я былъ страшно пораженъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ; ее положили на постель, колотья были очень сильныя, такъ что она стонала. Послалъ лошадь за докторомъ, вѣтъ дома, за другимъ—тоже, но, наконецъ, какой-то благодѣтельный врачъ, вѣроятно, не проводившій вечера и ночи за картамъ, пріѣхалъ. Тогда при воспаленіяхъ въ легкихъ первое средство было кровопусканіе; ей тотчасъ пустили кровь и она осталась жива. И. М. Вукотичъ уѣзжалъ въ Петербургъ и предложилъ намъ для поправленія здоровья жены моей на лѣто занять его дачу. Она была расположена близъ города и потому мнѣ было очень удобно ходить на станцію каждое утро. На дачѣ у него былъ прекрасный домъ, окруженный терасами и балконами, пропасть цвѣтовъ, огромный тѣнистый садъ для гулянья съ одной стороны, а на другой—молодой фруктовый. Два лѣтнихъ мѣсяца, пока его не было, мы провели на дачѣ, а потомъ переѣхали на нашу городскую квартиру и жили до самаго отъѣзда въ имѣніе Нарышкина. Но прежде я поѣхалъ одинъ, чтобы принять имѣніе, передавъ брату почтовую станцію.

А. П. Бѣлковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



## МЕРТВЫЯ ДУШИ ГОГОЛЯ.

Средняя черновая редакція четырехъ главъ первой части.

[Главы II, III, V, VI и VIII].

Глава VI <sup>1)</sup>.

[Окончаніе].

Показавшаяся скоро деревня Плюшкина разсѣяла его (Чичкова) досаду. Избъ было столько, что не перечесть. Онѣ были такое старье и ветхость, что можно было дивиться, какъ не попали въ тотъ музей древностей, который еще не такъ давно продавался въ Петербургѣ съ публичнаго торга вмѣстѣ съ вещами, принадлежавшими Петру Первому, на которыя, однако-жъ, покупатели глядѣли сомнительно <sup>2)</sup>. Крыши на нихъ просвѣчивали, какъ рѣшето, и воробы пролетали ихъ напролетъ, впрочемъ, дыры были такой величины, что, кажется, и вороны могли пробраться. Кажется, сами хозяева разобрали съ нихъ драпицы на разныя свои потребности, рассуждая,—и весьма справедливо, что и безъ крыши въ избѣ можно также заснуть, забравшись на палаты, а днемъ не бабиться же весь день въ избѣ <sup>3)</sup>, когда есть просторъ.

. Окна въ избенкахъ были, какъ водится, безъ стеколъ, нныя

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., томъ XLVIII, октябрь, стр. 167—205.

<sup>2)</sup> Начиная со словъ: „Такъ все на свѣтѣ“... зачеркнуто и, вмѣсто него, вписано карандашемъ то предельное лирическое отступленіе, которымъ начинается VI глава.

<sup>3)</sup> Все со слова: „Крыши“... зачеркнуто и замѣнено тѣмъ, что стоитъ въ печатной редакціи.

изъ нихъ были заткнуты тряпкою или зипуномъ. Балкончики подъ крышами съ перилами и рѣзными украшеніями, неизвѣстно для какой причины дѣлающимися. Огромный рядъ скирдъ сѣна стоялъ въ сторонѣ. По виду онъ казался очень лежалымъ, потому что цвѣтомъ былъ похожъ больше на старый кирпичъ, чѣмъ на сѣно, и на верхушкахъ ихъ росла всякая дрянь. Сѣно и хлѣбъ были, безъ сомнѣнія, господскіе, потому что у мужиковъ они бы не залежались такъ долго. Скоро и господскій домъ выглянулъ какимъ-то сутуловатымъ инвалидомъ съ мезонинномъ и высокою крышкою. Одна труба уже развалилась. Дождь и время отвалили во многихъ мѣстахъ со стѣнъ штукатурку и произвели на нихъ множество большихъ пятенъ, изъ которыхъ одно было нѣсколько похоже на Европу; кое-гдѣ торчала штукатурочная рѣшетка. Изъ оконъ только два глядѣли на дворъ. Прочія были заставлены ставнями. Эти два окна съ своей стороны тоже были нѣсколько подслѣповаты <sup>1)</sup>. На одномъ изъ нихъ былъ наклеенъ треугольникъ изъ синей сахарной бумаги <sup>2)</sup>. Дворъ, однако-жъ, былъ обнесенъ довольно крѣпкой оградой, которая, можетъ, когда-нибудь была выкрашена краскою, но такъ какъ хозяинъ не думалъ вовсе объ ея поновленіи, то прислужился другой неугомонный живописецъ, который расписываетъ весь родъ человѣческій и что ни есть на свѣтѣ и въ томъ числѣ мужскія и женскія лица, ни мало не заботясь о томъ, нужно ли это или нѣтъ и довольны ли его кистью или не довольны <sup>3)</sup>. Хозяинъ <sup>4)</sup> этотъ былъ—время. Оно покрыло ограду зеленою плѣсенью, какою обыкновенно покрываетъ старое дерево. Ворота, также въ нѣсколькихъ мѣстахъ полинявшія, были растворены; но кажется <sup>5)</sup>—потому только, что въ это время въѣзжал телѣга <sup>6)</sup> съ грузомъ, накрытымъ рогожею; въ другое время должны были запираться наглухо. На нихъ Чичиковъ замѣтилъ желѣзныя засовы и замкъ въ пудъ вѣсомъ. Возлѣ ряда кладовыхъ, похожихъ на гостинный дворъ въ уѣздномъ городкѣ, стояла какая-то фигура, неизвѣстно какого пола <sup>7)</sup>, вздорившая съ мужикомъ, прѣхавшимъ на телѣгѣ. Чичиковъ долго не могъ разобрать—была ли это баба, или

<sup>1)</sup> Оба слова вставлены вмѣсто: „не очень здоровы“.

<sup>2)</sup> Въ печатной редакціи далѣе идетъ описаніе сада Плюшкина.

<sup>3)</sup> Начиная со слова: „неугомонный“... все зачеркнуто и вписано: „хозяйинъ, который хозяйничаетъ и распоряжается на этомъ свѣтѣ съ незамысловатыхъ временъ“.

<sup>4)</sup> Прежде было: „живописецъ“.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто.

<sup>6)</sup> Прежде было: „какая-то телѣга“.

<sup>7)</sup> Слова, напечатанныя разрядкою, вычеркнуты.

мужикъ. На ней было какое-то платье невѣдомой матеріи, весьма похожее на женскій капотъ. На головѣ колпакъ такой точно, какъ носятъ деревенскія дворовыя бабы. Только голосъ показался ему нѣсколько толстымъ. «Ой, баба!» произнесъ онъ про себя, все еще сомнѣваясь<sup>1)</sup>. «Ой, нѣтъ! да, баба, точно баба, сказалъ онъ, разсмотрѣвши поближе. Фигура съ своей стороны остановилась тоже, глядя на него. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку. . . .

«. . . а что вамъ угодно?

— Есть дѣло.

«Идите въ комнаты, сказала ключница и показала ему спину, запачканную мукою, а пониже ея—большую прорѣху въ своемъ капотѣ. Герой нашъ вступилъ въ сѣни и прежде всего ударился довольно крѣпко о какой-то острый уголь: это заставило его идти осторожно и ощупывать всякую вещь. Ноги его чувствовали подъ собою какія-то мягкія кучи—зола-ли, песку-ли, онъ этого не могъ разобрать, и радъ былъ, какъ будто Богъ знаетъ чему, когда, наконецъ, напелъ дверь. Когда онъ отворилъ ее, ему показалось, что онъ вошелъ въ мелочную лавочку. Противъ него стоялъ шкафъ съ графинчиками и другимъ стекломъ, старыми бумагами, чашками, высохшимъ лимономъ до такой степени, что онъ больше былъ похожъ на лѣсной орѣхъ, нежели на лимонъ. Въ этомъ же самомъ шкафу лежала ручка отъ креселъ и молитвенникъ,—все это было за стекломъ и заперто<sup>2)</sup>. Возлѣ шкафа стояло бюро, на которомъ лежало нѣсколько записокъ ученическихъ и писанныхъ очень часто и накрытыхъ каменнымъ пресомъ съ ячкомъ. Около нихъ лежали щетки, которыя, казалось, однѣ только были въ употребленіи. Сбоку было окно, на которомъ валялось нѣсколько книгъ въ старомъ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ и календарь въ бумажной оберткѣ, похожей на тѣ обои, которыми обклеиваются перегородки, гдѣ живутъ унтеръ-офицерскія жены<sup>3)</sup> или въ комнатахъ на станціяхъ для скрѣпленія станціоннаго зрителя отъ взоровъ пробѣгающихъ путешественниковъ. Тутъ-же стояла рюмочка съ какой-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ. Тутъ-же лежалъ небольшой кусочекъ сургуча, два пера, запачканныхъ чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ; зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ еще ковырялъ въ зубахъ своихъ прежде нашествія на Москву французовъ. На полу<sup>4)</sup>

<sup>1)</sup> Напечатанное разрядкою вписано вмѣсто словъ: „подѣзжая ближе“.

<sup>2)</sup> Напечатанное разрядкою вписано потомъ.

<sup>3)</sup> Напечатанное разрядкою зачеркнуто.

<sup>4)</sup> Оба слова зачеркнуты, а остальная часть фразы вписана потомъ.

въ углу лежала цѣлая куча, но чего—этого Чичиковъ не могъ разобрать. На всемъ этомъ лежало пыли и паутины такое множество, что руки того, который притрогивался къ нимъ, дѣлались похожими на перчатки. Пауки бѣгали изъ угла въ уголь по всему этому добру и хлопотали также свободно и непринужденно, какъ въ собственномъ хозяйствѣ. Не успѣлъ Чичиковъ окинуть глазомъ <sup>1)</sup> весь этотъ хламъ, какъ отворилась боковая дверь и вошла та же самая ключница, которую онъ встрѣтилъ на дворѣ. Но здѣсь герой нашъ замѣтилъ, что это скорѣе былъ ключникъ, чѣмъ <sup>2)</sup> ключница, ибо ключница бороды не брѣветъ, а этотъ, напротивъ того—брилъ и притомъ, какъ казалось, довольно рѣдко, потому что подбородокъ и часть щекъ были очень похожи на густую сапожную щетку. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣніемъ, что хочетъ сказать ему этотъ ключникъ. Ключникъ тоже съ своей стороны ожидалъ рѣчи отъ Чичикова. Наконецъ, прѣвзаймъ гость нашъ, ожидая напрасно, рѣшился, наконецъ, спросить такими словами:

«Что-жь, баринъ?

«... Эхвал а вѣдь хозяйинъ-то я».

Чичиковъ поневолѣ отступилъ нѣсколько назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякихъ чудъ, молодцовъ, но этакого онъ никогда еще не видывалъ. Лицо его имѣло въ себѣ мало замѣчательнаго. Въ молодости оно было, можетъ быть, такое-же, какъ обыкновенно бываетъ у помѣщиковъ, живущихъ въ дальнихъ захолустьяхъ Руси, куда разъ въ годъ прѣбываетъ разносчикъ, и то не съ книгами, а съ ситцемъ. Или выразиться другими словами: оно было одно изъ числа тѣхъ лицъ, при обработкѣ которыхъ натура—какъ мы уже имѣли случай разъ замѣтить,—не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ-то: буравчиковъ и прочаго <sup>3)</sup>. Впрочемъ, морщины начали уже нѣсколько смягчать его грубое выраженіе. Маленькіе глаза глядѣли изъ-подъ посѣдѣвшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувшись до половины изъ норъ, онѣ осторожно озираются, не сидитъ-ли гдѣ старый воръ—котъ, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Глаза этого хозяина, котораго Чичиковъ принялъ—было сначала за ключника, открывались и закрывались поминутно, какъ-будто ихъ что-то дергало. Всего замѣчательнѣе былъ его костюмъ. Можно было догадываться, что на немъ былъ халатъ. Но изъ чего онъ былъ состряпанъ, изъ какого матеріала—это была совершенная загадка.

<sup>1)</sup> Прежде было: „взглядомъ“ и зачеркнуто.

<sup>2)</sup> Прежде было: „вежели“ и зачеркнуто.

<sup>3)</sup> Все, начиная со слова: „Или“, зачеркнуто.

Еще на спинѣ и на бокахъ были кое-какія примѣты бумажной матеріи; но обшлага, отвороты и переднія полы, казалось, были сдѣланы изъ юхты, до такой степени они были замаслены и залакированы. И самый-то халатъ какъ-то такъ странно былъ устроенъ, что сзади было не двѣ, а четыре полы, изъ которыхъ охлопьями висѣла хлопчатая бумага, сдѣлавшаяся отъ пыли и времени сѣрою. Правый рукавъ былъ просто заплатанъ суконнымъ лоскуткомъ для крѣпости, а на шеѣ былъ навязанъ—чулокъ-ли, или подвязка, или набрюшникъ, только не галстукъ. Однимъ словомъ, если-бы Чичиковъ встрѣтилъ этого молодца гдѣ-нибудь возлѣ церкви или на улицѣ—его бы первымъ движеніемъ было засунуть руку въ карманъ съ тѣмъ, чтобы вынуть мѣдный грошъ. Но это былъ помѣщикъ, да и <sup>1)</sup> какой помѣщикъ! Владѣтель 800 <sup>2)</sup> душъ крестьянъ. Попробовалъ-бы читатель поискать, у кого изъ помѣщиковъ въ округности было столько хлѣба, сѣна, муки? У кого кладовыя были больше набиты пенькою, холстомъ, медомъ и всѣми домашними произведеніями. Если-бы кто заглянулъ на его рабочій дворъ, гдѣ подъ крытыми сараями лежали цѣлыя сотни колесъ, бочекъ, ведеръ и прочаго, которыя никогда еще не употреблялись <sup>3)</sup>, ему показалось бы, что онъ пришелъ на ярмарку или, по крайней мѣрѣ, на рынокъ въ большомъ городѣ. Этнхъ всѣхъ произведеній стало бы съ излишкомъ на пять <sup>4)</sup> такихъ имѣній, какое было Плюшкина. Но человѣка трудно чѣмъ-нибудь накормить <sup>5)</sup>. Не довольствуясь этимъ, Плюшкинъ каждый день ходилъ по улицамъ своей деревни, тщательно заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладки.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ самый дѣятельный полицеймейстеръ на деревнѣ и послѣ него рѣшительно уже ничего не оставалось на улицахъ. Не зачѣмъ было и мести ихъ <sup>6)</sup>. Какой-то офицеръ Изюмскаго гусарскаго полка, что-ли, потерялъ на дорогѣ <sup>7)</sup> шпору. Шпора эта отправилась въ извѣстную <sup>8)</sup> кучу. Если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись, у колодца оставляла ведро, онъ утаскивалъ и ведро.

<sup>1)</sup> Прежде было: „еще“ и зачеркнуто.

<sup>2)</sup> Въ печатной редакціи стоить: „1,000 душъ“ (117 стр. Изд. 1857 г.).

<sup>3)</sup> Эти слова вписаны потомъ.

<sup>4)</sup> Въ печатной редакціи: „на два“ (119 стр.).

<sup>5)</sup> Въѣсто этой фразы прежде было: „но чрезвычайно трудно чѣмъ-нибудь насытить человѣка. Но человѣка какъ ни корми, ему все хочется больше“. Все зачеркнуто.

<sup>6)</sup> Начиная со словъ „это былъ“,—вся фраза вписана потомъ.

<sup>7)</sup> Все со словъ: „какой-то“, вписано въѣсто: „проезжалъ офицеръ и бросилъ на дорогѣ“...

<sup>8)</sup> Прежде было: „туда же, въ ту же“.

Впрочемъ, если примѣтившій мужикъ тутъ-же уличалъ его, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь. Но когда эта вещь уже попала въ кучу, онъ божился, что она куплена имъ тогда-то

Почти къ каждому обѣду приносилъ утокъ или тетерекъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что никто больше въ цѣломъ домѣ ея не ѣлъ.

На антресоляхъ тоже жила его компатріотка—наставница двухъ дѣвицъ, которая, впрочемъ, нѣсколько странно была устроена: была совершенно ровная снизу до верху, безъ всякой талии. Такихъ французенокъ нѣтъ во Франціи. По крайней мѣрѣ мнѣ не случалось видывать. За обѣдъ не садилось меньше десяти человекъ и почти столько-же подавалось блюдъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ.

..... Александра Степановна знала, что отецъ не любитъ офицеровъ по странному предубѣжденію, что будто военные должны быть картежники и мотишки. Папинька <sup>1)</sup> послалъ ей на дорогу проклятіе и уже не заботился о ней больше. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ его стала замѣтно обнаруживаться скупость. Сверкнувшая въ жесткихъ <sup>2)</sup> волосахъ его сѣдина—вѣрная ея подруга—помогла ей еще болѣе развиться.

Сынъ, будучи отправленъ въ губернской городъ въ палату съ тѣмъ, чтобы тамъ узнать существенную и дѣльную службу, вмѣсто этого опредѣлился въ полкъ и написалъ къ отцу уже по своему опредѣленію, прося у него денегъ на обмундировку. Очень естественно, что онъ получилъ на это шипъ. Наконецъ, послѣдняя дочь, остававшаяся съ нимъ, умерла. Старикъ остался совершенно одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣльцемъ своихъ богатствъ.

Сѣно и хлѣбъ гнили; въ скрдахахъ и копнахъ можно было смѣло разводить капусту, потому что это былъ чистый навозъ. Мука въ подвалахъ обратилась въ камень и ее нужно было рубить; къ пенькѣ, холсту, коврамъ, сукнамъ, которыми были нагружены кладовыя, страшно было приступиться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкафу графинчикъ съ остаткомъ прошлогодней настойки, которую онъ намѣтилъ небольшимъ значкомъ, чтобы тотчасъ можно было узнать, если бы кто вздумалъ воровскимъ образомъ выпить; или баночка съ какимъ-нибудь декоктомъ, который онъ иногда пилъ. Въ хозяйствѣ доходъ собирался по-прежнему: столько-же оброку долженъ былъ при-

<sup>1)</sup> Прежде было: „хозяинъ“.

<sup>2)</sup> Это слово введено послѣ.

несть мужикъ, такое-же количество нитокъ должна была напрясть баба, столько-же полотна наткать ткачиха. Все это помѣщалось прежнимъ порядкомъ въ его кладовыя и по-прежнему все это гнило. Все равно какъ-бы кто вздумалъ сыпать деньги въ дырявый кошелекъ или затопить каминою комнату. Но старый скряга скорѣе-бы согласился отправиться въ петлю, нежели дать что-нибудь изъ этого своимъ крестьянамъ или даже продать за меньшую цѣну. Александра Степановна какъ-то прѣбжала раза два съ мальчикомъ—сыномъ, пытаюсь, нельзя-ли чего получить. Потому что хотя съ штабъ-ротмистромъ можно очень весело прожить первыя двѣ недѣли послѣ брака, но потомъ уже не такъ весело, особливо, если у штабъ-ротмистра только и всего, что казенное жалованье. Хотя гдѣ-то въ водевилѣ и говорится, что русскій мужъ, при томъ военный, есть кладъ или что-то другое (ужъ не помню что такое) для жены. Плюшкинъ, однако, ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговницу .

. Итакъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ. Должно, однако-жъ, сказать, что такіе кощени попадаются на Руси довольно рѣдко, и они бываютъ тѣмъ разительнѣе, что возгѣ нихъ же въ сосѣдствѣ живеть какой-нибудь гусарь-гуляка, который задесть въ своей деревнѣ каждую недѣлю балы съ музыкою или заводитъ домашній театръ изъ крѣпостныхъ актеровъ и танцовщицъ.

Чичиковъ еще разъ остановился, не зная, какимъ образомъ лучше приступить и какого рода разговоръ начать. «Я прѣхалъ, сказалъ онъ,—минуту подумавши—съ тѣмъ, чтобы имѣть честь съ вами познакомиться лично. Наслышавшись о вашей . . .» Тутъ онъ остановился, не зная, о чемъ-бы лучше сказать—наслышался. Онъ хотѣлъ-было сказать: о вашей добродѣтели, но чувствовалъ, что это уже слишкомъ, да и врядъ-ли было кстати, и потому рѣшился вмѣсто слова «добродѣтели» употребить: экономіи. «Наслышавшись о вашей экономіи, продолжалъ онъ, я прѣхалъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе лично»<sup>1)</sup>. На это Плюшкинъ пробормоталъ что-то сквозь губы, потому что зубовъ у него не было. Неизвѣстно, что пробормоталъ онъ. Но должно думать, что смыслъ этихъ несвязныхъ словъ былъ слѣдующій: «Чортъ-бы побралъ тебя съ твоимъ почтеніемъ». Но такъ какъ гостепримство у насъ въ такой сильной степени, что даже и скряга не въ состояніи преступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ же гораздо внятнѣе: «Прошу покоряѣйше садиться. Я давненько не вижу гостей, продолжалъ онъ: да, признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Ужъ такой неприличный обычай: ѣздить другъ къ

<sup>1)</sup> Рѣчь Чичикова въ печатной редакціи передана отъ 3-го лица (121 стр.).

другу. Въ хозяйствѣ-то упущенія, да упущенія... да и лошадей-то ихъ корми сѣномъ... Я давно ужъ пообѣдалъ. А кухня-то у меня такая, что какъ начнешь топить, того и гляди пожару надѣлаешь».

Да, подумалъ про себя Чичиковъ, хорошо, что я пріѣхалъ пообѣдавши.

«Того смотри, что на старости лѣтъ придется взвалить суму на плечи, да и пошелъ по міру.

— Миѣ, однако-жъ, сказывали, произнесъ Чичиковъ, что у васъ 800 душъ.

«А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ. Онъ пересмѣшникъ, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ, баюють, 800 душъ, а поди-ка, посчитай—и пяти сотъ не найдешь. Въ послѣдніе три года проклятая-то горячка перемороза у меня большой кушъ мужиковъ.

— Что вы говорите? вскрикнулъ Чичиковъ, едва могшій скрыть свою радость: и не на шутку—умерло довольно народу?

«Да, свесли многихъ.

«Это бы еще и слава Богу, сказалъ Плюшкинъ, да лихъ-то, что съ того-то времени до 120 наберется.

— Вправду?

«Старъ я, батюшка, чтобы лгать. Седьмой десятокъ живу.

— Какое, однако-жъ, безпримѣрное несчастіе, сказалъ Чичиковъ. Я всѣмъ сердцемъ о васъ соболѣзную.

«Да; но, вѣдь, соболѣзнованіе-то въ карманъ не положишь. Возгъ меня тоже съ недавнихъ поръ живетъ какой-то капитанъ. Чортъ его знаетъ, откуда онъ взялся. Называется родственникомъ, а все родство на десятокъ киселѣ вода. Говорить: дядюшка, дядюшка! и въ руку цѣлуетъ. А какъ начнетъ соболѣзновать—вой такой подыметь, что береги уши,—и самъ съ лица такой красный—я думаю, что пѣвнику-то придерживается. Служилъ въ офицерахъ,—видно, продуря въ картишки или театральная комедіянтка выманила денежки.

— Мое соболѣзнованіе вовсе не такого рода, сказалъ Чичиковъ. Я до такой степени сокрушенъ душою, видя такого почтеннаго человѣка, рѣдкаго, можно сказать, гражданина, въ такой большой нуждѣ, что готовъ лучше самъ пострадать. Переведите на мое имя всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые у васъ умерли, я буду за нихъ платить всѣ подати.

Плюшкинъ вытаращилъ глаза на Чичикова и не зналъ, какъ истолковать себѣ такое великодушіе. «Да вы, батюшка, не служили-ли въ военной службѣ?» сказалъ онъ, наконецъ.

— Нѣтъ, сказалъ Чичиковъ. Я служилъ по статской.



«По статской? повторилъ Плюшкинъ. Да, вѣдь, какъ-же?... вѣдь это вамъ-то самимъ въ убытокъ.

— Для удовольствія вашего я готовъ потерпѣть, отвѣчалъ Чичиковъ.

«Ахъ, батюшка! ахъ, благодѣтель мой!» вскрикнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости, что изъ носа у него въ видѣ кофея пошелъ табакъ и что полы его халата, раскрывшись, показали исподнюю одежду, не весьма приличную для разсматриванія даже въ новомъ и крѣпкомъ видѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ, въ какомъ она находилась у Плюшкина. «Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Боже ты мой! Вѣдь, это вы мнѣ такое доставили одолженіе!... Вѣчно буду вашимъ богомольцемъ, батюшка». Тутъ опъ остановился. Радость, которая на время осѣнила было его деревянное лицо, исчезла, — оно приняло опять заботливое выраженіе. Онъ даже утеръ платкомъ табакъ и закрылъ обѣими полами своего халата неприличный спектакль. «Все это, однако-жъ, батюшка, началъ онъ такимъ образомъ, требуетъ-то издержекъ. Нужно совершить купчую. Приказные такіе безсовѣстные... Прежде, бывало, дашь полтину мѣди или мѣшокъ муки, а теперь пошлешь на цѣлую подводу крупъ, овса, да еще и синей бумажкой не отдѣлаешься. Такое сребролюбіе. Я не знаю, батюшка, какъ священники-то наши не обращаютъ на это никакого вниманія. Сказаль-бы проповѣдь въ церкви, можеть-бы покаяться. Вѣдь, что ни говори, а противъ слова-то Божія не устоишь.

— Чтобы доказать вамъ мое почтеніе, я беру на себя всѣ издержки по купчей, сказалъ Чичиковъ.

Услыхавши это, Плюшкинъ заключилъ, что гость его рѣшительно глупъ, что онъ только прикидывается, будто служилъ по статской службѣ, но, вѣрно, былъ въ офицерахъ, задавалъ пирушки и волочился за комедиятками. При всемъ томъ онъ не могъ скрыть своей радости. «Богъ васъ, батюшка, утѣшитъ за это и дѣтушкамъ вашимъ пошлетъ всякое добро», говорилъ онъ, не заботясь о томъ, что у Чичикова ихъ не было: «да чтобы подъ старость-то вашу были вамъ въ потѣху<sup>1)</sup>. Эй, Прощка, Прощка!» закричалъ Плюшкинъ, подошедши къ окну, постучалъ въ стекло пальцами. Черезъ минуту было слышно, что кто-то вбѣжалъ въ попыхахъ въ сѣни.

Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Весьма любопытно было на это глядѣть изъ окна, особенно во время мороза, когда вся дворня дѣлала такіе высокіе скачки, какіе врядъ-ли когда-нибудь удавалось выдѣлывать самому бойкому балетному танцовщику.

<sup>1)</sup> Въ печатной редакціи рѣчь Плюшкина передана отъ 3-го лица.

... «Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что-ли, чешется? Ты выслушай прежде. Сухарь я, чай, сверху немного попортился, такъ пусть соскоблить его ножомъ, да не бросаетъ крохъ, а свесетъ ихъ въ курятникъ. Да, смотри, не входи ты въ кладовую, не то я тебя вспрысну, да и больно вспрысну березовымъ-то вѣвникомъ, знаешь, чтобы для вкуса-то, чтобы лучше-то аппетитъ былъ. Вотъ ты теперь слишкомъ скоръ на ноги, такъ чтобы прыть-то укоротить, чтобы не бѣгалъ такъ шибко. Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ буду изъ окна-то глядѣть.

«Имъ никакъ нельзя довѣрять, продолжалъ Плюшкинъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался изъ комнаты вмѣстѣ съ своими сапогами. Засимъ, онъ началъ и на Чичикова по-сматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія ему стали казаться очень сомнительными, и онъ подумалъ про себя такимъ образомъ: «можетъ быть онъ, однако-жъ, только хвастунъ, какъ бывають всё эти мотишки: навреть, навреть, чтобы только что-нибудь говорить, а потомъ и уѣдетъ. И потому изъ предосторожности я вмѣстѣ желая нѣсколько испытать его, онъ обратился къ нему съ сими словами: хорошо, батюшка, если-бы намъ купчую-то совершить по-скорѣе; вѣдь, въ человѣкѣ-то не увѣрешь, Богъ располагаетъ: сегодня живъ, а завтра Богъ вѣсть.

— О, конечно, гораздо лучше поскорѣе—если вамъ угодно—я готовъ сегодня же.

Такая готовность нѣсколько успокоила Плюшкина. «Здѣсь у меня гдѣ-то была, говорилъ онъ, приближаясь къ шкафу съ ключами, вѣсточка, но изъ самой лучшей французской водки, если только кто не выпилъ,—у меня народъ такіе воры. Вотъ она.

Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ. Старый скряга подошелъ съ этимъ графинчикомъ къ окну и взялъ извѣстную уже, полагаю, читателю рюмку, накрытую пакетомъ письма. Долго выбиралъ онъ, куда-бы слить бывшую въ ней жидкость. Въ какую фляжку ни заглядывалъ онъ, вездѣ была на днѣ какая-нибудь дрянь, которую жаль было выбросить за окно. Наконецъ, онъ подошелъ къ бывшей въ углу кучѣ и вытащилъ оттуда какой-то черепокъ горшка. При этомъ дѣйствіи пошелъ такой запахъ отъ старыхъ сапогъ и еще чего-то, котораго нарушилъ покой Плюшкинъ, что Чичиковъ чихнулъ. Вытерши черепокъ, Плюшкинъ слилъ туда бывшую въ рюмкѣ жидкость. «Это очень хорошая настойка, говорилъ онъ, проклятыя мухи только никакъ не отдираются... видно того... нужно всполоснуть. У меня былъ еще гдѣ-то кусокъ московской конченой колбасы»... Но Чичиковъ, догадываясь,

какого рода была эта московская колбаса, послѣшилъ заблаговременно отказаться,—чѣмъ Плюшкинъ, какъ казалось, не оскорбился.

«А водочки, батюшка, по крайней мѣрѣ, водочки-то выпейте. Вѣдь, это хорошая, право, еще покойница дѣлала. Мошенница моя ключница совсѣмъ было ее забросила и даже не закупила, каналья. Козявки и всякая дрянь нападали-было, но я весь сорь-то повынулъ и теперь вотъ чистенькая. Я вамъ налью рюмочку.

— Нѣтъ, покорнѣйше благодарю! Пожалуйста, не беспокойтесь—говорилъ Чичиковъ. Я пилъ и ѣлъ сегодня довольно.

«Пили ужъ и ѣли? сказалъ Плюшкинъ. Да, конечно, хорошаго общества человекъ и не ѣсть, а сытъ бываетъ. А какъ этакой-то ворюшка . . . такъ ты его сколько ни корми, а онъ все будетъ голоденъ. Вотъ хоть въ примѣръ-то взять и капитана, который называетъ себя моимъ родственникомъ, а я ему совсѣмъ не родственникъ. «Дайте-ка, дядюшка—говорить, чего-нибудь поѣсть». И такой прожорливый; я, чай, ему-то у себя совсѣмъ нечего ѣсть, въ картишки, вѣрно, все спустилъ. Да, батюшка, вотъ какова-то у меня плохая память! вѣдь, вамъ, я знаю, нуженъ маленькій реестрикъ этихъ-то тупеядцевъ, которые у меня умерли?

— Да, не душно, сказалъ Чичиковъ.

«Какъ-же, я ихъ всѣхъ записывалъ. У меня здѣсь и записочка...»

Тутъ онъ подошелъ къ бюро и показалъ ту же самую прорѣху въ своемъ халатѣ пониже спины, которую Чичиковъ могъ разсматривать сколько душѣ хотѣлось. Плюшкинъ рылся въ своихъ записочкахъ очень долго и, наконецъ, еще болѣе поворотился къ нему спиною, какъ бы желая скрыть—чѣмъ былъ занятъ. Чичиковъ, поднявшись на цыпочки, посмотрѣлъ ему черезъ плечо, и увидѣлъ, что онъ приписывалъ свѣтлыми чернилами еще нѣсколько именъ, которыя, вѣроятно, были имъ прежде позабыты. Подавая ихъ сюда! подумалъ про себя герой нашъ.

«Вотъ записочка, сказалъ Плюшкинъ, подавая маленькій лоскуточекъ бумажки, на которомъ были имъ уписаны имена 125 ревизскихъ душъ такъ тѣсно, что едва можно было читать. — Позвольте, батюшка, сказалъ Плюшкинъ. Вѣдь вотъ еще одно обстоятельство очень—какъ говорится—шекотливое: вѣдь, я думаю, что купчую-то нужно заявить въ городѣ?..

— Да, вамъ нужно будетъ приѣхать, на нѣсколько часовъ—сказалъ Чичиковъ.

«Въ томъ-то и бѣда, я—признаться сказать—ужъ давно не выѣзжалъ изъ дома. Въ городѣ-то квартиры такъ дороги. Да и домъ-то

какъ оставить! хорошо у васъ люди хорошіе, а вѣдь у меня то воръ, то мошенникъ. Въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить.

— Въ такомъ случаѣ, если не хотите сами ѣхать, кому-нибудь поручите. Дайте мнѣ довѣренность, или не имѣете-ли кого-нибудь изъ знакомыхъ въ городѣ.

«Ахъ, батюшка! какъ не имѣть—имѣю. Вѣдь знакомъ самъ предсѣдатель. . . . . Такъ не лучше-ли будетъ, какъ я къ нему напишу письмо?»

— И прекрасно, сказалъ Чвчиковъ.

«Какъ-же хорошо, что вы мнѣ напомнили-то! сказалъ Плюшкинъ. Какъ-же! въ школѣ были пріятели». И на этомъ деревянномъ лицѣ выразилось не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства. Явленіе, подобное появленію на поверхности воды утопающаго человѣка, который вынырнулъ и мелькнулъ спиной еще одинъ разъ, чтобы погрузиться уже на вѣки. «У меня гдѣ-то была, говорилъ Плюшкинъ, приближаясь къ бюро и перерывая бумаги,—у меня гдѣ-то была четверка чистой бумаги; люди у меня такіе негодные . . . . . такіе негодные. . . . . Да здѣсь ея нѣтъ». Онъ вытащилъ нѣсколько листовъ чистой бумаги и началъ перелистывать и перешушывать каждый листъ, желая знать —не запала-ли туда какимъ-нибудь (образомъ) четверка. Нѣсколько разъ уже хотѣлъ онъ отодрать новый поллистъ, но ш какъ не могъ на это рѣшиться. Наконецъ, началъ онъ кричать громкимъ голосомъ: «Мавра! Мавра!» На этотъ зовъ явилась женщина среднихъ лѣтъ съ тарелкою въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь о которомъ читатель уже знаетъ. И между повелителемъ и его рабой произошелъ слѣдующій разговоръ:

«Куда ты дѣла, разбойница, четверку бумаги?»

— Эй Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку.

«Украла, украла! Вотъ я по глазамъ-то твоимъ вижу, что ты ее подтибрила . . . . . . . . . . . Врешь ты, я тебя знаю. Ты отнесла своему пономаренку. Онъ читаетъ псалтырь и маракуеть. Такъ ты, вѣрно, ему-то и снесла.

— Да пономаренокъ-то, если захочетъ, достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка. У него ея побольше вашего.

«Вотъ, погоди, какъ придетъ-то страшный судъ,—Богъ за все тебя вспрыснетъ . . . . . да, воровка, больно вспрыснетъ. Да въ огонь-то тебя засадятъ. Вотъ какъ припекутъ-то тебя черти, такъ ты покаешься, желѣзными-то рогатинами тебя припекутъ.

— А что-жь, коли я неповинна въ этомъ. Ужь скорѣе въ другой какой бабьей слабости . А я скажу: не за что, ей Богу не за что— не крада четверки.

«А сургучь-то изъ пакета зачѣмъ выдрала?»

— Да печатку вы изволили сами своими же руками выдрать ее, при мнѣ и положили въ ящичекъ-то, что въ бюрѣ.

Плюшкинъ выдвинулъ ящикъ, и Чичиковъ увидѣлъ множество лежавшихъ тамъ налѣпленныхъ сургучомъ оттисковъ, которые онъ тщательно выдираетъ изъ cadaго попадавшаго ему въ руки письменнаго конверта и складывалъ въ особенную кучку.

— Да вотъ она <sup>1)</sup> лежитъ сверху, сказала Мавра. Всегда напрасливой попрекаете.

«Ну вотъ ужъ и занозилась!.. Экая зубастая! Ей одно только слово скажи, а она ужъ и десять. Поди-ка, принеси огоньку запечатать письмо! Да постой ты, я знаю, дура, схватишь тотчасъ салную свѣчку,— сало, вѣдь, дѣло слабое, топкое, сгоритъ, да больше и ничего нѣтъ, только что убытокъ, а ты принеси мнѣ лучину.

Мавра ушла; Плюшкинъ рѣшилъ, наконецъ, отодрать поллиста бумаги. Когда поллистъ былъ отодранъ, онъ долго его еще разсматривалъ, поднося къ окошку. Затѣмъ вытаскилъ оловянную чернильницу съ какою-то залѣсневѣлою жидкостью и множествомъ мухъ, обратившихся на днѣ чернильницы въ совершенный «пломбудиный». Сжавши губы на крѣпко, онъ началъ писать. Ему, однако-жь, было весьма-весьма трудно управиться съ своею рукою, которая дрожала и ходила по бумагѣ, какъ ртуть. Онъ долженъ былъ ее безпрестанно придерживать, какъ добраго жеребца, закусивши губу губою-же, вмѣсто зубовъ. Усмиривъ немного прыть ея, онъ пошелъ писать шрифтомъ, болѣе похожимъ на музыкальныя ноты, нежели на буквы.

«Можетъ быть, вы, сказалъ Плюшкинъ, когда довелъ, наконецъ, дѣло до конца,—знаете какого-нибудь своего пріятеля, которому бы понадобились бѣглыя души. У меня еще съ восьмьсотого года числятся въ бѣгахъ. Правда, что когда зять дѣлалъ выправку, оказалась большая часть умершею, а о другихъ-то и слуха не было; но вѣдь, онъ человекъ военный, мастеръ только рассказывать, да притопывать шпорой... а если-бы похлопотать по судамъ. Я по бѣдности своей не имѣю оказіи, а на охотника такъ это и очень было бы заманчиво.

— Такъ у васъ и бѣглыя? сказалъ Чичиковъ съ участіемъ и под-

<sup>1)</sup> Въ печатной редакціи сказанное относится до четверки бумаги (128 стр.).

вигая свой стулъ ближе къ Плюшкину. А сколько будетъ числомъ таковыхъ крестьянъ?

«Тоже десятковъ до семи наберется.

— Нѣтъ?

«Ей Богу! У меня, что годъ, то бѣгутъ нѣсколько семей. Народъ-то, знаете, негодный, да и къ тому-жь отъ праздности привычку-то завелъ такую, чтобъ только трескаться, да трескаться. А у меня-то ѣсть, конечно, нечего: я и самъ человѣкъ бѣдный . . . Да такъ вотъ онъ теперь гуляетъ по свѣту. Я бы за нихъ и недорого взялъ. Еслибы кто далъ за всѣхъ 300 рублей, я бы съ удовольствіемъ ему уступилъ. А для добраго человѣка былъ бы и очень наживной-то кусочекъ. Отыщись только десять душъ, такъ вотъ ужъ у него въ карманѣ почти на пять тысячъ. Потому что вѣдь теперь, если покупать ревизскую душу, никакъ не залатишь менѣе пятака или четырехъ сотенъ. Такъ посовѣтуйте-ка вашему пріятелю—а?»

Этимъ мы воспользуемся и сами, подумалъ про себя Чичиковъ, и потомъ сказалъ громко: «Я долженъ вамъ сказать, что это будетъ совершенно напрасный трудъ, потому что врядъ ли гдѣ найдется такой человѣкъ, который бы рѣшился взять даже даромъ ваши души, ибо одніе надержки уже стоятъ болѣе, нежели сами души. Но еслибы эти крестьяне, о которыхъ вы изволите упомянуть, всѣ находились въ живыхъ, и еслибы даже отыскиваніе ихъ не было сопряжено ни съ какими затрудненіями, то и тогда никто бы ихъ у васъ не купилъ, ибо извѣстно, что такое бѣглый человѣкъ: какой прокъ съ него? только развѣ что пьяница! Его поймаютъ съ великими издержками, а онъ на другой день опять дернетъ въ поле. Еслибы я былъ сколько-нибудь богатъ, я бы ихъ купилъ и то съ тѣмъ только, чтобы доказать вамъ мое почтеніе. Но что-жь, если я и могу что-нибудь дать, то это такая бездѣлица, что не стоитъ и говорить.

«А сколько бы вы дали за нихъ? спросилъ Плюшкинъ, устремивъ на него пристально свои тускло-желтоватые глаза.

«Ну, мнѣ, признаюсь, совѣстно и говорить: это такая малость. Впрочемъ, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, говорить пословица. Я бы далъ по 30 коп. на душу.

— А какъ вы покупаете—на чистыя? спросилъ Плюшкинъ.

«Да, сейчасъ деньги.

— Только, батюшка, ради нищеты-то моей, ужъ дали-бы хоть по тридцати-пяти на душу, — право, вѣдь, это вамъ-то небольшой счетъ составить.

«Повѣрьте, почтеннѣйшій, что еслибы я былъ богатъ, я бы вамъ

не только по пяти сотъ на душу, по семи сотъ готовъ... что я говорю— по семи сотъ? по тысячѣ, не колеблясь ни мало, заплатилъ бы. Вы бы сказали мнѣ: я меньше не могу взять за душу, какъ по пяти сотъ, а я-бы сказалъ: нѣтъ, извольте тысячу, хотя эти души и не стоятъ; но для того, чтобы вамъ доказать мое расположеніе — я готовъ; готовъ потерпѣть, но доставить вамъ удовольствіе и тутъ-же, не сходя съ мѣста, вынулъ бы изъ кармана деньги и далъ бы вамъ по тысячѣ и еще даже бумажками. Но что-жъ дѣлать? не могу, не имѣю достатковъ.

— Ну, батюшка, хоть по двѣ копѣечки-то прибавьте. Вѣдь, это вамъ всего на всего, можетъ быть, придется рубль съ пяти-алтыннымъ.

«По двѣ копѣечки—извольте, готовъ, сказалъ Чичиковъ. Сколько ихъ у васъ? Вы сказали, кажется, семьдесятъ?»

— Нѣтъ, батюшка, семьдесятъ-пять <sup>1)</sup>, сказалъ Плюшкинъ.

«Да, или семьдесятъ-пять. Тридцать два раза 75? Это будетъ... это будетъ 22 рубля. Да, такъ и выходитъ: я вамъ дамъ пятнадцать рублей бумажками и семь серебромъ.»

Плюшкинъ взялъ счетъ и повѣрилъ сначала одинъ разъ, а потомъ и другой, а послѣ этого еще долго повѣрялъ губами. «Такъ, батюшка, такъ. Только дайте ужъ бумажекъ на всѣ двадцать. Съ меня-то все требуютъ бумажками.»

«Извольте, извольте, говорилъ Чичиковъ. Я вамъ всегда готовъ служить всѣмъ, чѣмъ могу. Онъ вынулъ изъ кармана бумажекъ и далъ Плюшкину двѣ красныя ассигнаціи и полтинникъ, которые (Плюшкинъ) взялъ въ обѣ горсти и несъ ихъ такъ же осторожно, какъ чело­вѣкъ благочестивый несетъ просвиру. Подошедши къ бюро, онъ переглядѣлъ ихъ еще разъ и уложилъ тоже съ чрезвычайной осторожностью, какъ укладываютъ слишкомъ спѣлый персикъ, въ одинъ изъ ящиковъ своего бюро, гдѣ, вѣрно, имъ суждено быть погребенными до тѣхъ поръ, покажѣтъ отецъ Карпъ и отецъ Поликарпъ (два священника той деревни) не погребутъ его самого, къ неописанной радости зятя и дочери, а можетъ быть, отчасти и капитана, который приписывался къ нему въ родственники. Спрятавши деньги, Плюшкинъ сѣлъ и уже, казалось, больше не могъ найти материн, о чемъ говорить.

«А что? вы собираетесь ѣхать? сказалъ онъ.»

Этотъ вопросъ напомнилъ Чичикову, что въ самомъ дѣлѣ ему не

<sup>1)</sup> Въ печатной редакціи: „семьдесятъ-восемь“ (130 стр.).

зачѣмъ было болѣе оставаться. «Да, мнѣ пора», прозвнесъ онъ, валившись за шляпу.

— А чайку-то?

«Покорнѣйше благодарю. Пусть когда-нибудь въ другой разъ.

— Какъ-же? А я приказалъ-то наставить самоваръ. Я, признаться сказать, самъ не пью чаю. Куда мнѣ употреблять такой дорогой напитокъ, и цѣна-то на сахаръ поднялась такая немилосердная <sup>1)</sup>. Эй, Прошка! не нужно самовара. Сухарь снеси Маврѣ — слыши! пусть опять его положить на то же мѣсто или нѣтъ, подай его сюда! Я уже отвесу самъ. Прощайте, батюшка, да благословить васъ Богъ. А письмо-то къ предсѣдателю вы отдайте, да пусть прочтеть, — онъ мой старый знакомый. Вѣдь, мы съ нимъ однокорытники, по заборамъ лазили. Прощайте, батюшка! Вѣкъ не забуду вашей услуги, порадовали старика.

Онъ проводилъ Чичикова на крыльцо и проводилъ глазами его экипажъ за ворота. Послѣ чего велѣлъ ворота тотъ-же часъ запереть. Потомъ обошелъ кладовыя съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, на своихъ-ли мѣстахъ сторожа, которые стояли на всѣхъ углахъ, хлопая <sup>2)</sup> деревянными лопатками въ пустой боченокъ, вмѣсто <sup>3)</sup> чугунной доски. Послѣ того заглянулъ въ кухню, гдѣ подъ видомъ того, чтобы попробовать хорошо-ли ѣдятъ его люди, наѣлся препорядочно щей съ кашей.

Но герой нашъ и безъ часовъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Покупка ему казалась такъ выгодною, что онъ чуть не смѣялся, хотя передъ нимъ были только поля, да дорога, въ которыхъ, какъ извѣстно, ничего нѣтъ смѣшнаго <sup>4)</sup>. Даже непріятное свиданіе съ Ноадревымъ и отчасти жидовскій поступокъ Собакевича вышли у него изъ памяти. Онъ всю почти дорогу свисталъ и наигрывалъ трубами совершенно такъ, какъ-будто бы игралъ на трубѣ.

Громъ и прыжки дали Чичикову замѣтить, что онъ вѣхалъ на мостовую. Фонари еще не зажгались, только кое-гдѣ на-

<sup>1)</sup> Въ рукописи, начиная со словъ: „Куда“ — все зачеркнуто и вписано: „Напитокъ дорогой, а цѣна на сахаръ поднялась немилосердная“.

<sup>2)</sup> Въ печатной редакціи сказано: „золота“ (131 стр.).

<sup>3)</sup> Въ печатной редакціи сказано: „на мѣсто“ (id.).

<sup>4)</sup> Вся фраза, начиная со словъ: „что онъ“, вписана вмѣсто: „казалась очень выгодною, и онъ вѣхалъ, глядя на весь міръ весьма довольными глазами“.



чались освѣщаться окна домовъ, а въ переулкахъ и закоулкахъ происходили сцены и разговоры, неразлучные съ этимъ временемъ во всѣхъ значительныхъ <sup>1)</sup> городахъ, особенно <sup>2)</sup> гдѣ много солдатъ, извозчиковъ.

Онъ даже не замѣчалъ по временамъ попадавшихся тоненькихъ чиновниковъ съ тросточками, которые, вѣроятно, сдѣлавши прогулку за городъ, возвращались домой къ своимъ хозяйкамъ, у которыхъ имѣли квартиру и столъ. Изрѣдка только доходили до слуха какія-то, какъ казалось, женскія восклицанія: «Врешь, пьяница, я никогда не позволяла ему такого грубиянства». Или: «Ты не дерись, невѣжа, а ступай въ часть — тамъ я тебѣ докажу». Впрочемъ, такія слова можно слышать и въ столицахъ, когда доведеть случай проходить мимо мѣстъ, въ сосѣдствѣ которыхъ есть близко кабакъ <sup>3)</sup>.

Наконецъ, бричка, сдѣлавши порядочный скачокъ, опустилась какъ будто въ яму въ ворота гостиницы и трактирный слуга, тотъ самый, котораго читатель видѣлъ въ первой главѣ, вышелъ на встрѣчу со свѣчей въ рукѣ и началъ изъяснять свою радость частыми поклонами.

«Долго изволили погулять, сказалъ онъ, подсаживая его одною рукою подъ руку на лѣстницу, а другою освѣщая дорогу.

— Да, сказалъ Чичиковъ, когда взошелъ на лѣстницу: ну, а ты здоровъ?

«Слава Богу-съ», отвѣчалъ половой, поклонившись за это шесть разъ <sup>4)</sup>.

— Ну, все-ли у васъ благополучно?

«Все, слава Богу. Вчера прѣехали два прѣбжиге: одинъ поручикъ <sup>5)</sup>, занялъ 16-й номеръ.

— Хорошо.

«Не извѣстно какой-то изъ Рязани. Лошади гнѣдые и на кучерѣ бобровая шапка.

— Хорошо, хорошо, веди себя и впередъ хорошо, сказалъ Чичиковъ, вошедши въ свой номеръ и кинувшись въ кресла, которыя такъ

<sup>1)</sup> Въ рукописи зачеркнуто.

<sup>2)</sup> Зачеркнуто.

<sup>3)</sup> Это слово зачеркнуто.

<sup>4)</sup> Эти слова вписаны вмѣсто слѣдующихъ словъ: „отсчитавши за это чуть не 15 поклоновъ разомъ“.

<sup>5)</sup> Далѣе зачеркнуто: „изъ Ярославля“.

были устроены, что давали себя чувствовать рѣшительно всѣмъ частямъ тѣла. Но герой нашъ такъ усталъ послѣ своей поѣздки и такую чувствовалъ наклонность къ дремотѣ, что еслибы даже кто-нибудь подложилъ подъ него нѣсколько <sup>1)</sup> желѣзныхъ гвоздей, онъ бы <sup>2)</sup> и тогда не рѣшился встать съ кресель. Потребовавши себѣ самый легкій ужинъ, состоявшій только изъ солонны и поросенка, онъ тотъ-же часъ раздѣлся и заснулъ такимъ-же крѣпкимъ сномъ, какъ спятъ всѣ тѣ господа, которые не имѣютъ ни гемороа, ни блохъ, ни даже <sup>3)</sup> слишкомъ большихъ умственныхъ способностей.

Примѣчаніе. Среди другихъ бумагъ Гоголя, хранившихся въ папкахъ А. А. Иванова, удалось найти еще одинъ листокъ, какъ видно, вырванный изъ той же бѣловой тетрадки. Онъ содержитъ два совсѣмъ неизвѣстныхъ отрывка изъ VIII-ой главы, выпущенныхъ въ послѣдующихъ редакціяхъ. Приводимъ оба отрывка дѣликомъ, безъ всякихъ пропусковъ.

Ш. Н.

#### ГЛАВА VIII <sup>4)</sup>.

Какимъ образомъ—извѣстно одному Богу—всѣ до послѣдняго въ городѣ узнали, что Чичиковъ накупилъ кучу имѣній. Въ городѣ М., какъ и вообще въ нашихъ городахъ, не было ни клубовъ, ни кафе. Эту должность занимали или присутственныя мѣста, куда предсѣдатель иногда приказывалъ принести закуску изъ селедки, икры и бутылки вина, и гдѣ, между прочимъ, было страшное множество блохъ; или почта, куда навѣдывались за деньгами и посылками, а чаще потому, что почтмейстеръ былъ словоохотливъ и умѣлъ съ такимъ искусствомъ распространиться даже о томъ, какъ лѣчилъ себя отъ жабы сушеной фигой,—что нельзя было его наслушаться; или, наконецъ, въ воскресные дни соборная церковь, гдѣ богомольныя супруги городскихъ садовниковъ любили поднимать между собой страшный говоръ, приводившій въ совершенное отчаяніе дьячка, который, будучи человекъ

<sup>1)</sup> Зачеркнуто.

<sup>2)</sup> Зачеркнуто.

<sup>3)</sup> Зачеркнуто.

<sup>4)</sup> Отдѣльный листочекъ въ четвертку, сложенный въ два раза. (№ р. 2205).

чаюточный, къ величайшему горю, осужденъ былъ видѣть ничтожность своихъ легкихъ заглушить попотъ ихъ высокоблагородій. Предметъ всѣхъ этихъ разговоровъ—были сдѣланныя нашимъ героемъ закупки... «Вотъ славное дѣло имѣть денюжки! Что захотѣлъ, то и есть», говорили такіе, которые не были горазды сказать ничего другаго. Другіе говорили, что предпріятіе невѣрное, что покупать крестьянъ на выводъ—есть рискъ; одно уже переселеніе влечетъ неминуемыя издержки, ибо много значить переѣзжа мѣста, климата, привычекъ; что здоровье крестьянъ должно неминуемо подвергнуться опасности, ибо въ губерніяхъ южныхъ водятся такія ужасныя лихорадки, которыя дѣлаются совершенно неизлѣчимыми. На это предсѣдатель замѣтилъ, что русскому человѣку подобное обстоятельство рѣшительно ничего не значить; что пошлн его хоть въ Камчатку, да дай только теплыя рукавицы, онъ раза два, три ими похлопаетъ, потомъ топоръ въ руки и начнетъ ладить набу<sup>4</sup> такъ, какъ-бы и здѣсь. Другіе возражали и на это — и весьма дѣльно, сопровождая свое возраженіе желаніемъ ухватить за пуговицу фрака или за петлю, что и до нынѣ еще дѣлается въ нѣкоторыхъ губерніяхъ: «мужикъ-то, Иванъ Гавриловичъ, мужикъ-то больно не надеженъ», говорили они. «Вѣдь, за каждымъ изъ нихъ водится какое-нибудь художество: то воръ, то праздношатайка».

«Но, позвольте вамъ доложить, прибавлялъ другой: губернія-то южныя, вѣдь, будутъ лучше сѣверныхъ. Вѣдь, зерно-то самъ десять, а мужику и трудиться нечего».

Наконецъ, четвертые говорили просто: «Экъ, Павелъ Ивановичъ-то нашъ каковъ! Кушъ-то, кушъ какой сторговалъ!» Одно только было то, на счетъ чего говорили всѣ согласно: т. е. что Чичиковъ былъ ни чуть не меньше, какъ милліонщикъ.

Уваженіе къ нашему другу возрасло до-нельзя. Встрѣчаясь съ нимъ иначе и не говорили, какъ только: «Ватюшка, Павелъ Ивановичъ! сколько лѣтъ, сколько зимъ мы съ вами не видались, позабывъ <sup>1)</sup>, что накануне просидѣли до пѣтуховъ за вистомъ. На улицѣ, въ которой онъ жилъ, начали безпрестанно попадаться квартальные благородной наружности и каждый день заставляли подметать подъ его окнами пыль, такъ что герой нашъ даже кашлялъ отъ ихъ услугъ. Онъ такую приобрѣлъ съ этихъ поръ народность, что иначе и не называли его, какъ Павломъ Ивановичемъ, какъ-будто фамилія у него

<sup>1)</sup> Вписано вмѣсто: „не смотря на то“.

вовсе не было. И часто жандармъ при развѣдѣ, провозгласивши <sup>1)</sup>

своимъ подбородкомъ, который былъ совершенно круглый. Онъ говорилъ часто своимъ пріятелямъ и знакомымъ: «Вотъ посмотрите, какой у меня подбородокъ, совсѣмъ круглый, какъ-будто яблоко». Скоро послѣ бритья онъ имѣлъ также обыкновеніе гладить себя рукою по щекѣ, любуясь ея гладкостью и мягкостью. Мысль о томъ, что онъ сдѣлалъ эти побѣды своею красотою, ему была не неприятна, хотя онъ и находился въ чрезвычайномъ безпокойствѣ отъ преслѣдованій, и потому очень естественно, что онъ, наконецъ, обратился совершенно къ туалету—какъ бы показаться болѣе интереснымъ на вечеринкѣ.

Много поэтовъ широкихъ, кистью глубокихъ и великихъ, занимались описаніемъ убранства и костюма своихъ героевъ. Въ старину Гомеръ, позже Сервантесъ, Вальтеръ - Скоттъ и Пушкинъ любили живописать туалеты. Очень знаю, что читателю хотѣлось бы страшно видѣть, какъ Чичиковъ надѣнетъ фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой и станетъ умываться. Но просто не хочу говорить объ этомъ. Я теперь рѣшительно безъ всякихъ чиновъ и церемоній. Было время, когда и я—не смотря на неповоротливость—глядѣлъ въ глаза <sup>2)</sup>, старался угадывать желаніе тѣхъ, съ которыми мы привыкли быть до приторности учтивыми. А теперь, какъ унесло меня море изъ нашей пространной имперіи, все благоговѣніе, которое питалось въ душѣ къ разнымъ правителямъ канцелярій и многимъ другимъ достойнымъ людямъ <sup>3)</sup>, испарилось совершенно. Теперь я кланяться не умѣю. Я состарѣлся <sup>4)</sup>, нѣтъ той гибкости въ костяхъ, которую сохраняютъ въ своемъ хребтѣ до глубокой старости многіе дѣльные и дѣловые люди. Я упрямя, не хочу видѣть тѣхъ фізіономій, на которыя—плевать! не смотря на всѣ ихъ декорации, какъ бы онѣ ловко ни шаркали ногою <sup>5)</sup>. Кому не говорю дружескаго «ты», тотъ не подходитъ ко мнѣ! Поэтому самому читающій меня не долженъ, обижаться, если я съ нимъ запросто и скажу ему «ты». Первый пріятель автора есть его читатель. Словомъ «вы» называютъ всѣхъ

<sup>1)</sup> На этомъ обрывается первый отрывокъ. На третьей страницѣ второй отрывокъ начинается съ полуфразы.

<sup>2)</sup> Зачеркнуто.

<sup>3)</sup> Вписано вѣсто: „министрамъ“.

<sup>4)</sup> Зачеркнуто.

<sup>5)</sup> Зачеркнуто и вписано: „которымъ мнѣ не нравятся“.

подлецовъ <sup>1)</sup>), отправляютъ ли они должность низкихъ доносчиковъ, или уже выбрались въ люди и начинаютъ даже производить подлый <sup>2)</sup> родъ свой отъ древнихъ фамилій,—ихъ всѣхъ называютъ «Вы». Но если разсмотрѣть это «вы» въ микроскопъ, то можно видѣть, что это «Вы» есть ни что другое, какъ чистая оплеуха.

Итакъ, будь лучше «ты», нежели «вы», веселый и прямодушный читатель мой, я съ тобою совершенно безъ чиновъ, и вмѣсто того, чтобы рассказывать, какъ герой нашъ одѣвался, беру тебя за руку и веду прямо на балъ къ губернатору, хотя, можетъ быть, тебѣ и некогда, и давно уже пора идти въ департаментъ; или ждутъ тебя на разводѣ и бригадный командиръ распекаетъ тебя заочно; или можетъ быть, любезный другъ, ты и самъ уже бригадный командиръ, завелся брюхомъ, величиною въ самоваръ, въ которомъ варятъ кадетамъ чай, и готовишься покрикивать передъ фронтомъ, такъ что будутъ дребезжать окна на площади. Не смотря на все это, беру тебя за руку и веду на балъ. Что-жъ дѣлать? таковы преимущества автора. Конечно, тебя немножко пораспекутъ. Но автору всегда лестная честь когда за него кого-нибудь пощелкаютъ <sup>3)</sup>).

Очень хорошіе бывають иногда ридикюли у купчихъ, у многихъ помѣщицъ, живущихъ въ разныхъ уѣздахъ и губерніяхъ. Они шиваются изъ лоскутковъ въ видѣ треугольниковъ. Купчиха шьетъ ихъ <sup>4)</sup>, изъ всѣхъ возможныхъ ситцевъ, какіе только были проданы въ лавкѣ мужа купчихи. Помѣщицы же достаютъ у своихъ пріятельницъ и берутъ съ нихъ заранѣе обѣщаніе прислать, когда тѣ будутъ дѣлать себѣ новое платье, лоскутокъ ситца. Изъ этихъ лоскутковъ строится ридикюль. И на этотъ ридикюль былъ похожъ балъ, особенно при первомъ на него взглядѣ.

Не любилъ вообще никакихъ баловъ ни теперь, ни прежде этотъ авторъ, который пишетъ эти строки. Но разсматривать въ первые полчаса <sup>5)</sup> новыя лица — это всегда доставляло пріятное занятіе, гораздо даже пріятнѣе, чѣмъ <sup>6)</sup>

<sup>1)</sup> Зачеркнуто.

<sup>2)</sup> Зачеркнуто.

<sup>3)</sup> Дальнѣйшія строки слѣдуютъ въ рукописи непосредственно.

<sup>4)</sup> Вписано потомъ.

<sup>5)</sup> Далѣе пропущено слово по неразборчивости.

<sup>6)</sup> Все разрядкомъ напечатанное — зачеркнуто, а сверху вписано: „Разсматривать въ первые полчаса появляющіяся на балъ лица такъ же пріятно, какъ перевертывать листки альбома: на каждой страницѣ разнообразіе“.

перевертывать листки альбома. И въ самомъ дѣлѣ, какихъ нѣтъ лицъ на свѣтѣ! что ни рожа, то ужъ, вѣрно, на другую не похожа. У того исправляетъ должность <sup>1)</sup> командира носъ, у другаго—губы; у третьяго—щеки, распространившія свои владѣнія даже на счетъ глазъ и самого даже носа, который черезъ то не больше жилетной пуговицы; у этого подбородокъ такой длинный, что онъ ежеминутно долженъ закрывать его платкомъ, чтобы не оплевать. А сколько есть такихъ, которые похожи совсѣмъ не на людей! <sup>2)</sup>. Этотъ—совершенная собака во фракѣ, такъ что дивишься, зачѣмъ онъ носить въ рукѣ палку; кажется, что первый встрѣчный выхватить <sup>3)</sup>.

Н. В. Гоголь.

Сообщ. Е. С. Некрасова.

---

<sup>1)</sup> Прежде было: „играетъ роль“.

<sup>2)</sup> Вписано потомъ.

<sup>3)</sup> На этомъ обрывается исписанный листокъ.

## ПОДЪ СЕВАСТОПОЛЕМЪ ВЪ 1853—1856 гг.

Записки и дневникъ бывшаго начальника артиллерійскихъ парковъ южной и крымской арміи, ген.-маіора Духонина.

† 1865 г.').

18 іюля (1855 г.). Сегодня противу 4 бастіона французы взорвали мину, гдѣ намѣрены строить новые ложементы, такъ показываютъ они, но какъ устроить Господь Богъ—увидимъ. По случаю дошедшихъ до главнокомандующаго извѣстій, что англо-французы подъѣзжаютъ лодками близво къ берегу моря <sup>2)</sup> и даже одинъ разъ высадилось ихъ человекъ 20, приказалъ на ночь становить на то мѣсто полевые батарейныя орудія. Офицеръ, бывшій вчера тамъ, говоритъ, что лишь только выстрѣлили разъ по приближавшемуся пароходу англійскому, тотъ тотчасъ повернулъ назадъ и присоединился къ эскадрѣ.

19 іюля. Цѣлая ночь съ 18 на 19 до 6 утра проведена въ страшной пальбѣ: бомбы, гранаты - букеты бросались непрерывно цѣлый день, и теперь, 11 часовъ ночи, пальба на батареяхъ не прекращалась и не слабѣла; бѣдный Севастополь, какъ грозный великанъ, на котораго напали сотни, тысячи дѣтей, отбивался безъ усталы, и теперь батареи его гремятъ и вторятъ горами. Говорятъ, что съ прибытіемъ 4 и 5 дивизіи и 17 т.

---

1) См „Русскую Старину“ изд. 1855 г., т. XLVII, іюль, стр. 87—124; августъ, стр. 255—288; сентябрь, стр. 445—460; т. XLVIII, октябрь, стр. 83—98.

2) При впаденіи рѣки Вальбекъ, версты 4 отъ Севастополя.

ополченія, главнокомандующій хочетъ рѣшиться на какое-то серьезное дѣло, оно пока въ секретѣ; одно ходить по лагерю, что пойдемъ въ городъ. Слава тебѣ, Господи, и ниспошли намъ успѣхи для блага отечества.

20 іюля. Цѣлую ночь и день 20 числа лилъ ужасный дождь, но пальба со всѣхъ батарей ни на минуту не умолкала, въ особенности ночью съ 19 на 20 стрѣляли учащеннымъ огнемъ до 6 утра; наибольшая пальба была съ нашихъ батарей, непріатели отвѣчали рѣдко — говорятъ, что траншеи ихъ, гдѣ прячутся войска отъ выстрѣловъ, были полны водою.

21 іюля. Сегодня противу обыкновеннаго огонь былъ слабѣе, обѣ стороны стрѣляли изрѣдка, на одной батареѣ французской противу нашей „Маякъ“ былъ взорванъ пороховой погребъ. Теперь, въ 11 часъ, идетъ опять большая пальба; бомбы съ обѣихъ сторонъ летать сотнями и наиболѣе отъ насъ; замѣтно, что у непріателя мало снарядовъ.

Съ 22 по 29 іюля. Дни эти такъ однообразны неумолимою пальбой, въ особенности въ ночное время, что описывать подневно значить повторять одно и то-же; но надо замѣтить, что съ 24 числа приготовленія къ сраженію идутъ дѣятельно. 24-го учрежденъ складъ артиллерійскихъ боевыхъ зарядовъ и патроновъ въ Оторкоѣ—на Бельбекѣ, куда на первый разъ сложено 9 т. зарядовъ, 2 т. перевезено сюда и 1½ м. патроновъ и сигнальных ракеты; въ 30 или 31 числу будетъ сложено тамъ-же еще болѣе ½ м. патроновъ и до 7 т. зарядовъ. Съ 24 по 27 и 28 числа происходили совѣщанія у главнокомандующаго на Инверманѣ, Мевензіевой горѣ и въ Севастополѣ. Все готовится къ 1 числу августа; помоги, Господь, правому дѣлу и не дай восторжествовать нечестію. 24 числа прибыла на Бельбекъ 5 дивизія, 26—артиллерія; надняхъ приходитъ 4 дивизія и 17 дружинъ ополченія. Въ числѣ перебѣжчиковъ явился вчера, 27 числа, офицеръ сардинской службы; онъ разсказалъ многія новости, наприимѣръ, что наши татары горами приходятъ къ намъ работать и получаютъ пѣшіе ¼ рубля, конные 1 рубль въ сутки, а что дѣлаютъ наши казаки? Вотъ слѣдствіе уступки Байдарской долины. Пока Чургунскій мостъ и долина были подъ наблюденіемъ казаковъ, татары не смѣли ходить, а теперь безнаказанный проходъ для всѣхъ



шпіоновъ. Кромѣ того, какъ показалъ офицеръ сардинской службы,—кавалерія французская покосила и сняла до былинки траву съ долины, перевезла ее въ Камышевую бухту и сама убралась туда-же; офицеръ говоритъ, что изъ 15 т. сардинцевъ, прибывшихъ сюда въ маѣ, теперь едва-ли есть подъ ружьемъ 10 т., болѣе 2 т. рядовыхъ, 2 генерала и 10 офицеровъ умерло у нихъ холерою; а теперь до 3 т. больныхъ лихорадками, которая такъ злокачественна для нихъ, что изъ заболѣвшихъ почти никто не возвращается въ ряды; много солдатъ погибло отъ холеры у англичанъ, французовъ и турокъ, и лихорадки также между ними свирѣпствуютъ.

28 іюля. Ночь тихая, на небѣ сверкаетъ молнія, а на батареяхъ свѣтлыя полосы огня, бомбы летятъ сотнями и грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ вторится въ горахъ. Вездѣ адъ, смерть и картина ужаса! Господи! когда это все кончится? Дня три назадъ граната убила наповаль одну изъ сестеръ милосердія, нѣкую Прасковію, а сегодня, говорятъ, ранили другую. Вотъ истинныя труженицы, посвятившія жизнь свою для блага человѣчества! Не даромъ солдаты ихъ называютъ ангелами-хранителями. Въ образѣ служителя за раненымъ, онѣ дѣйствительно есть что-то выше земнаго,—такъ кажется она больному.

29 іюля. Въ ночь съ 28 на 29 число французы вооружили батарею въ 80 саженьяхъ противъ 6-го бастіона, и сегодня, 29-го, открыли огонь; выстрѣлы ложатся вдоль Никольской улицы на площадь. Генералъ Ушаковъ говоритъ, что дѣйствіе этихъ орудій такъ ужасно, что сообщеніе этой части съ другими прервано. Кромѣ адеръ, которыя рикошетіруютъ вдоль улицы, пули свистать тысячами, только отъ 5 до 6 часовъ утра стрѣльба или рѣдка, или вовсе прекращается, но за то остальные 23 часа, особенно ночью, огонь адевей и уже много, много легло на этомъ мѣстѣ храбрыхъ солдатъ нашихъ и жителей.

Когда кончится эта рѣзня? Въ эту минуту всѣ батареи освѣщаются огнями и извергаютъ смерть. Бомбы летаютъ съ обѣихъ сторонъ по 1, 2, а иногда и по три вдругъ; гулъ и громъ не умолкаютъ и это каждую ночь до утра, и съ утра до ночи. Сегодня на Сѣверной сторонѣ—въ редутѣ № 4—происходило четвертое совѣщаніе о взаимномъ дѣйствіи войскъ севастопольскаго

гарнизона съ войсками на Чургунѣ. Пошли, Господь, усилѣ правому дѣлу противу замысла враговъ.

30 и 31 іюля. Ночи и дни непрерывная пальба, въ особенности ночью, но изъ предѣловъ обыкновеннаго не выходило.

1 и 2 августа. Были два взрыва передъ бастіонами № 4 и 3, но вреда причинено мало; пальба обыкновенная, но число убитыхъ и раненыхъ 30, 31 іюля и 1 и 2 августа сравнительно съ прежними днями увеличилось и доходило до 400 человекъ.

4 августа. Поздно вечеромъ 3-го числа выступили съ высотъ Инвермана къ Мекензіевой горѣ полки Азовскій и Одесскій, мои добрые сосѣди по бивакамъ; раньше ихъ пошла туда-же 12 дивизія; я выѣхалъ въ 7 часовъ и ночевалъ—въ ночи съ 3 на 4—въ Оторвой, верстахъ 10 отъ Мекензіевой горы, куда того же числа пришли всѣ мои парки; въ ночи отдано приказаніе дѣлать заряды подвижнымъ паркамъ, а два летучіе—№ 9 и 4—выступили. Первый на Мекензіеву гору, второй съ войсками на Мокрую логовину по дорогѣ къ Шуки. Рано утромъ, около 5 часовъ утра, послышалась канонада пушечная на Мекензіевой горѣ; часу въ девятомъ выстрѣлы стали чаще и наконецъ слились въ одинъ общій гулъ. Въ это время получилъ я записку о присылкѣ какъ можно болѣе патроновъ. Командировавъ отъ каждаго парка по 300 т. патроновъ, я поѣхалъ и самъ туда. Желаніе видѣть своими глазами что происходитъ на мѣстѣ сраженія битвы, которая рѣшила судьбу Севастополя, увлекало мое любопытство. По мѣрѣ приближенія къ мѣсту дѣйствія, сердце мое сжималось и болѣло, а особенно когда увидѣлъ перваго, потомъ втораго, 10 20, 100 и толпы раненыхъ, которые таянулись одиночкой сами не зная куда. Всѣ они были перемазаны, у однихъ головы, у другихъ руки; раненыхъ въ ноги везли на телѣгахъ; всѣ они были безъ ружей и амуниціи.—„Что, служивый, тамъ дѣлается?“, спрашивалъ я нѣсколькихъ.—„Не хорошо, ваше высокоблагородіе, крѣпко палать французы!“ Наконецъ, выѣхалъ я на гору, откуда по высотамъ расходятся дороги и идутъ зигзагами внизъ; по обѣимъ сторонамъ дорогъ внизу лежала долина, а впереди ея Черная рѣчка, гдѣ кипѣлъ кровопролитный бой. Это было часъ пополудни, я спускался внизъ по правой сторонѣ, раненые пѣшіе и въ повозкахъ тяну-

лись нескончаемой вереницей; вдругъ встрѣчается на полу-горѣ докторъ Одессаго полка Вальтеръ; онъ по сосѣдству лечилъ на Ингерманѣ моихъ писарей и я часто видѣлся съ нимъ у полковника Скюдери командира Одессаго полка.— „Что, докторъ, скажете добраго о сраженіи, которое, кажется, длится, ибо выстрѣлы страшно гремѣли въ горахъ“. — „Что? не хорошо, генераль! Нашъ добрый уважаемый Скюдери убитъ!“ — „Какъ убитъ?“ — „Да принесли еще живаго, но тутъ же и умеръ. Мало этого, всѣ командиры прочихъ полковъ 12, 5 и 9 дивизій, ихъ баталіоны, всѣ легли, корпусный генераль Реадъ, начальникъ штаба генераль Веймарнъ, генераль-адъютантъ Вревскій— всѣ убиты, и наши отступаютъ; хотите видѣть: вотъ съ этой горки все какъ на ладони“. Мы взяли вправо отъ дороги на холмъ, съ него на гору и оттуда представилась ужасная картина.... Около моста происходила страшная свалка, непріятель хотѣлъ преградить и штыковая работа длилась болѣе часа. Орудія наши гремѣли, но видно было много убитыхъ лошадей изъ-подъ пушекъ; одни, снявшись съ позиціи, тащились парокъ, другія въ 3 лошади, но все шло въ порядкѣ и бѣготни не было. Главная причина неудачи—ранняя смерть Реада и его начальника штаба, Веймарна, ибо они знали планъ диспозиціи, войска же подвигъ свой совершили какъ назначено; не смотря на перекрестный съ трехъ сторонъ пушечный и штуцерный огонь—взяли главную батарею.

9 августа. Днемъ пальба обыкновенная, но ночью въ 9 часовъ началась адская трескотня, всѣ батареи наши и непріятельскія были въ огнѣ, огонь ружейный длился 1½ часа, всѣ ожидали штурма.

10 августа. Тревога вчерашняго числа была ложная, гѣхотѣ нашей показалось, что изъ траншей выступили 2 колонны французовъ. Охранявшій Малаховъ курганъ командиръ Елецкаго полка—полковникъ Хитровъ,—приказалъ сдѣлать залпъ; этого сигнала было достаточно, чтобы поднять на ноги всю гѣхоту и пальба ружейная и пушечная закипѣла на всѣхъ батареяхъ, французы отвѣчали тѣмъ же и даже упустили время сигнала для призыва резервовъ. Но, слава Богу, чрезъ 1½ или 2 часа, тревога кончилась и продолжалась до утра 10-го пальба обыкновенная. При этой канонадѣ убитъ и полковникъ Хитровъ, моло-

дой человекъ, прїѣхавшій сюда изъ гвардіи „за отличіе“; ему снесло ядромъ голову; кромѣ того, вышло изъ строя по всѣмъ вергамъ убитыми и ранеными офицеровъ 11, нижнихъ чиновъ до 550 человекъ.

12 августа. Днемъ, вечеръ и до 11-ти часовъ ночи, французы бомбардировали 3 и 5 бастионы, а потому канонада съ обѣихъ сторонъ была страшная; въ ночь съ 11 на 12-е число французы противу № 2 бастиона подвинулись сами на 15 сажень. Въ 12½ часовъ ночи вдругъ заревѣли всѣ батареи адскихъ огнемъ и послышалась частая ружейная пальба. Страшно было глядѣть съ Инвермана на этотъ убійственный огонь, на батареи онъ не переставалъ сверкать, а потомъ ружейная пальба казалась сплошною, такъ часты были выстрѣлы. Въ 2 часа ружейная прекратилась, но канонада длилась до 6 часовъ утра; а просто уснуть не могъ отъ переката и грома выстрѣловъ.

13 августа. Днемъ пальба обыкновенная, но съ 4 пополудни и до 8 вечера бастионы № 5, 4 и 3 были бомбардируемы. Съ 8 до 10 (когда пишу) опять обыкновенная, т. е. канонада частая, непрерывная, бомбы бросаются безъ остановки, но все обыкновенныя причиною вчерашней тревоги были двѣ небольшія вылазки съ нашей стороны.

14 августа. Французы очень близко подошли сапами противу № 2 и 5 бастионовъ, можно сказать лѣзутъ въ амбразуры—будетъ большая бѣда. Верки наши много разрушены и, будучи такъ близки къ непріятелю, остаются не починены. Госпитали на Сѣверной окончательно упраздняютъ. Всѣ дорогія вещи изъ церкви госпитальной также вывезены.

15 августа. Отъ 2-хъ до 7 вечера было бомбардированіе бастионовъ № 2 и 5 и частей № 4, пальба адская. Офицеръ на телеграфѣ объявилъ, что у непріятелей 12 мортирныхъ батарей, каждая отъ 3-хъ до 4-хъ мортиръ; каждая изъ нихъ дѣлаетъ въ часъ 32 выстрѣла, слѣдственно 12 батарей могутъ бросить 384 бомбы въ одинъ часъ, а сколько въ часъ будетъ пущено ядеръ и гранатъ съ другихъ батарей! Безъ преувеличенія можно сказать, что съ 1 августа, въ особенности съ 4-го, непріятель выпускаетъ снарядовъ, бомбъ, ядеръ и гранатъ въ сутки примѣрно до 10 т. Гдѣ они берутъ такую массу снарядовъ—неизвѣстно.

Только этимъ числомъ убійственныхъ снарядовъ можно объяснить непомѣрную убыль гарнизона Севастополя. Г. П. говоритъ, что съ 1 по 5 августа у насъ убыло до 2 т.; съ 5 по 10 до 5½ т., съ 10 по 15 свыше 3 т. Съ 1 августа по 15 вышло изъ строя 3 штабъ-и 24 оберъ-офицера собственно въ Севастополѣ.

16, 17, 18 и 19 августа. Въ ночи съ 16 на 17 число, въ 1½ часъ пополуночи, на Камчаткѣ произошелъ взрывъ порохово-ваго погреба, французы, пользуясь мѣстностію (высокаго холма), утредили тамъ главный складъ въ 2000 пудъ пороха, углубивъ погребъ на нѣсколько сажень въ землю, и сдѣлали каменный сводъ; но роковая 5 пудовая бомба, брошенная съ Малахова кургана, пробила сводъ и 2000 пудъ взлетѣли на воздухъ! Гулъ такъ былъ оглушителенъ и силенъ, что даже постель моя подскочила, точно какъ-бы залпъ изъ 1000 орудій. Накинувъ шинель, я выбѣжалъ на дворъ. Пальба была обыкновенная, какъ и всегда, но надъ Камчаткой стоялъ черный огромнаго объема столбъ дыма. Полная луна, свѣтившая въ это время, дала возможность видѣть это грозное явленіе.

По показанію перебѣжчиковъ тутъ много погибло народа. Одни говорятъ: 2 генерала, 12 офицеровъ и 500 нижнихъ чиновъ; другіе показали, что 8 офицеровъ и 200 человѣкъ; бывшіе въ ближнихъ траншеяхъ и на самой батарее всѣ взлетѣли на воздухъ! Во всякомъ случаѣ, бомба эта принесла имъ чувствительный ущербъ. Но за то и они жестоко мстятъ намъ, бомбардировка идетъ теперь каждый день и преимущественно противъ нашего лѣваго фланга; верки Малаховой башни и № 2 бастіона почти разрушены, а ровъ—между этими укрѣпленіями—засыпанъ на половину. Летучія сапы подведены къ Малахову на 20 сажень, а къ № 2 бастіону на 15 сажень. Чѣмъ это кончится—знаеть одинъ Господь; но по здравому разсудку дѣла наши очень плохи и потеря въ людяхъ необыкновенная: отъ 500 до 700 и болѣе человѣвъ храбрыхъ выносятся изъ фронта.

20, 21, 22, 23 и 24 августа. Всѣ 5 дней усиленная бомбардировка, съ 3-хъ часовъ пополудни и всю ночь до 6 утра. Потеря наша въ эти дни по 700 человѣкъ въ сутки. Городъ совсѣмъ разрушенъ, на южной нѣтъ уже домовъ цѣлыхъ, въ которыхъ-бы можно жить; 5, 6 и много 10 домовъ, а то всѣ разва-

лены. Сегодня, 24-го, въ 5 часовъ утра, французы открыли адскую бомбардировку противу праваго фланга города. Залпы ихъ батарей были такъ часты какъ батальный огонь изъ ружей, трескотня была страшная; но и наши батареи дѣйствовали отлично: въ 8 часовъ утра уже половина непріятельскихъ орудій были подбиты и не дѣйствовали, отчего съ 8 часовъ бомбардировка стала слабѣть. Съ 12 часовъ пополудни и до 7 вечера производилась бомбардировка лѣваго фланга и также ужасно разрушительная. Въ 6¼ часовъ я былъ на телеграфѣ, городъ горѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, офицеръ говоритъ, что сегодня (24) пущено бомбъ и гранатъ до 50 т. снарядовъ.

25 и 26 августа. Съ 5 часовъ утра и до 3-хъ пополудни, по всѣмъ веркамъ боевой Севастопольской линіи происходила страшная бомбардировка, также какъ и вчера; батареи непріятельскія стрѣляли залпами, такъ часто, что промежутковъ нѣмкихъ не было: бомбы, гранаты, ядра и ракеты сыпались градомъ и надъ Севастополемъ былъ огненный дождь. Наши батареи отвѣчали живо, быстро и также неумолкаемою канонадой. Слѣдствіемъ этого побоища были три пожара—два въ городѣ; загли въ 10-й разъ пустое строеніе бывшаго госпиталя и каку-то мазанку; на бухтѣ загли 74-хъ пушечный фрегатъ и потомъ бомбы сыпались на эту бухту, но къ счастью всѣ пали въ воду и большаго ущерба не сдѣлано. Къ стыду моряковъ нашихъ дали сгорѣть фрегату до тла: двѣ, три дыры прорубить топорокъ—судно пошло-бы въ воду; а это было очень легко: фрегатъ загли въ 1 часъ пополудни и только въ 2¼ пали мачты, слѣдовательно 1½ часа, пока горѣли снасти, довольно времени, чтобъ успѣть прорубить или просвѣрлить двѣ, три дыры, но ни у кого не стало присутствія духа. Три боевыя лодки вертѣлись около фрегата 2 или 3 часа и ушли. Видно, что великаго другаго Нахимова не осталось болѣе на фрегатѣ. Теперь 8 часовъ, но фрегатъ горитъ еще. Отъ 3-хъ до 5 вечера была глубокая тишина, дымъ надъ городомъ разлетѣлся и снова загорѣли (?) дома. Всѣ благодарили Бога за этотъ отдыхъ, въ особенности войска, которымъ буквально нѣтъ безопаснаго мѣста. Но вдругъ, въ 5 часовъ вечера, по сигналу, открылась вторая бомбардировка и сопровождалась тѣми же неумолкаемыми залпами; наши батареи

снова освѣтились огнемъ и пошла адская потѣха смерти. Черезъ 10 минутъ городъ уже покрытъ былъ дымомъ; въ 8 часамъ бомбардировка обратилась въ ванонаду; но бомбы и ракеты летѣли на городъ сотнями, и теперь, при темнотѣ ночной, можно даже считать ихъ. Сейчасъ зажгли опять что-то на корабельной; по собраннымъ свѣдѣнiямъ 24 и 25 убыло изъ фронта нижнихъ чиновъ 3100.

Говоря о сегодняшнемъ днѣ, я забылъ сказать главное: что 25 числа была бомбардировка сильнѣе 24-го и болѣе 26-го. Всѣ 24 часа отъ 5 утра 25 до утра 26-го залпы батарей не умолкали, страшно глядѣть было и слушать оглушительный ревъ соединенныхъ и неумолкаемыхъ залповъ изъ 600 орудiй непріятельскихъ большого калибра.

27 августа. Съ ранняго утра и до 11<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часовъ продолжалась та-же живая бомбардировка, но съ большею энергіею, нежели какъ было 24, 25 и 26 числа; ровно въ 11<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часовъ непріятель повелъ колонны на штурмъ. Я смотрѣлъ на штурмъ съ батарей сѣвернаго укрѣпленiя. До 2-хъ часовъ всѣ линiи верховъ отбивались со славою. Отъ 2-хъ до 4-хъ<sup>1)</sup>, французы овладѣли первою линiею укрѣпленiй Малахова кургана и Шварцеваго редута; но изъ редута Шварца, чрезъ <sup>1</sup>/<sub>4</sub> часа по занятiи, пѣхота и ополченцы выбили ихъ штыками, причемъ взято въ плѣнъ 1 генералъ, 2 полковника и 111 рядовыхъ. Генерала и 2-хъ полковниковъ самъ видѣлъ; генералъ высокаго, вершковъ въ 8 или 9, роста, лѣтъ 40 отъ роду, съ двумя крестами, одинъ почетнаго легiона, къ сожалѣнiю забылъ спросить фамилію. Генералъ былъ командиръ № 41 полка, и оба полковника № 42 полка. Я оставался на сѣверной до 6 часовъ и во все время ружейная перестрѣлка не умолкала, и теперь въ 9 часовъ продолжается попрежнему; но что сдѣлали наши полки — неизвѣстно; равномерно неизвѣстно еще какъ кончились дѣла на бастионахъ № 4, 5 и 3, которые также были атакованы; днемъ свѣдѣнiя о томъ не было, и о дѣлѣ при Шварцъ-редутѣ узналъ отъ офицера Ш. К., который привелъ плѣнныхъ генерала и полковни-

---

<sup>1)</sup> Въ 4 часа пополудни была зажжена мина давно уже приготовленная на Малаховомъ курганѣ и зажжена по сигналу генерала Тотлебена съ Сѣвернаго укрѣпленiя, когда массы французовъ показались на этомъ мѣстѣ; при чемъ взлетѣло ихъ на воздухъ наименѣе до 1500 человекъ.

зовъ. Раненые на Малаховомъ курганѣ говорятъ, что и тамъ плѣнныхъ множество, но некому вести, а дѣйствующихъ войскъ не хотятъ отрывать. Убыль съ нашей стороны, по словамъ офицера, доставившаго плѣнныхъ: раненъ храбрый генераль Хрулевъ, этимъ объясняютъ занятіе французами 1-й линіи укрѣпленія Малахова кургана, иначе генераль этотъ давно бы выбилъ ихъ штыками; послѣ ночи занялъ мѣсто генераль Мартинау—тому оторвало руку; флигель-адъютантъ Воейковъ, который повелъ колонну выбивать французовъ—раненъ штуцерною пулею въ животъ; флота капитанъ-лейтенанту Коцебу — на батарее № 18 оторвало ногу. Вотъ все, что узналъ на Сѣверной до 6 часовъ вечера. Раненыхъ у насъ множество; сколько числится—не могу опредѣлить, но вѣрно то, что съ 2 часовъ пополудни и до 6 часовъ вечера легко раненые, послѣ перевязки, потянулись одиночвой непрерывно, вромѣ того проѣхали съ ними до 100 тяжело раненыхъ, по 5 и 6 на повозкѣ, которые не могли идти. Среднимъ числомъ можно положить (сколько я видѣлъ ихъ) легко раненыхъ, до 6 ч. вечера, было не менѣе 3 т. человекъ. Странный случай: въ то время, когда колонны французскія шли на штурмъ, на батареяхъ № 17 и № 18 и на батареѣ, такъ называемой, англійской (русской), которыя могли бить ихъ продольно въ бокъ, на этихъ батареяхъ недоставало зарядовъ и они все время были празными зрителями: такой же несчастный случай и съ тѣми же батареями былъ 26 мая, когда непріятель занялъ у насъ Камчатку и они могли бы бить ихъ въ тылъ. Съ большою похвалою дѣйствовали пароходы: Св. Владиміръ, Бессарабія и Ельборусъ, они попеременно стрѣляли чрезъ Килень-Балку по французскимъ колоннамъ.

28 августа. Какое грустное утро! Въ ночи съ 27 на 28 число войска очистили городъ, перешли къ мосту на Сѣверную сторону ниѣмъ не тревожимые; но за то все, что составляло досегѣ честь и гордость военную: пушки, лафеты, даже заряды, все оставили въ городѣ, а флотъ, который еще вчера развивалъ флагъ свой,—потопленъ.

Главнокомандующій приказалъ, правда, что бы пороховые склады и заряды были взорваны, лафеты попорчены, орудія заклепаны, но какъ приказаніе это пришло на батареи въ 6½ часовъ вечера, а въ 7 часовъ войска стали отступать, то, къ стыду нашему, все было брошено въ цѣлости. Кое-гдѣ взорвали заряды



и обманули князя, доложивъ, что весь порохъ и заряды взлетѣли на воздухъ, у орудій отбиты цапфы и станки попорчены. Но докладчики были льстецы и трусы, дѣйствуя только въ угожденіе князю, а въ сущности станки, платформы, орудія крѣпостныя на морскихъ и высокихъ лафетахъ и всѣ мортиры оставлены непріятелю въ цѣлости. Я видѣлъ командировъ, которые, рассказывая о томъ, плакали, что они вынуждены были бросить часть своихъ орудій — безъ всякой порчи; ибо отступление было такое слѣпшное, что чрезъ  $\frac{1}{4}$  часа послѣ отданія приказа осталась при орудіяхъ одна прислуга; пѣхота ее бросила и ушла; тогда прислуга, начальники и офицеры батареи бросили свои орудія и также ушли, ибо безразсудно было оставаться далѣе. Въ этой поспѣшности бросили было и легкую полевую артиллерію, но потомъ велѣно было топить, и 91 орудіе полевыхъ съ лафетами и зарядными ящиками пошли на дно бухты! Не понимаю, какъ привели такую безразсудную мысль въ исполненіе! Иное дѣло топить артиллерію подбитую и попорченную, у которой ни прислуги, ни лошадей нѣтъ; а то, напротивъ, были батареи, которыя потопили свои лафеты съ орудіями и зарядными ящиками и вернулись чрезъ мостъ съ одними передками! Такого сраму еще не видала русская артиллерія! Иное дѣло, если-бы непріятель преслѣдовалъ по пятамъ и не было-бы лошадей на чемъ увезти, тогда каждый пойметъ, что артиллерія брошена по необходимости. А то преслѣдованія не было никакого и никакая вражья пуля или ядро не мѣшали отступленію, и непріятели едва показались только 29 числа, и то на оконечности города. Итакъ, что же рѣшило бросить или затопить такъ поспѣшно полевую артиллерію, имѣя лошадей, прислугу и 50 т. армію въ прикрытіи. Для чего утопили 91 полевое орудіе? Думаю—что сегодня со стыда никто не сознается, но исторія найдетъ виновныхъ. Кромѣ 91 орудія полевой артиллеріи оставлено непріятелямъ 36 мортиръ и, страшно выговорить, около 1900 крѣпостныхъ пушекъ.

29 августа. Уронъ нашъ 27 августа ужасный; говорятъ, что однихъ раненыхъ до 10 т., а убитыхъ еще и до сихъ поръ не знаютъ, но полагаютъ до 3 т.; объ офицерахъ до сихъ поръ нѣтъ счета; изъ генераловъ, кромѣ прежде поименованныхъ, убитъ генераль-маіоръ Юферовъ, Бусау съ 300 рядовыхъ взять въ

плѣнъ. Раненыхъ множество и въ числѣ ихъ начальникъ 9 дивизіи, генераль-лейтенантъ Лисенко.

3 сентября. По свѣдѣніямъ оказывается, что, по отступленіи русскихъ отъ Севастополя, нѣсколько лодокъ съ матросами отвалили и переправились въ городъ, подъ предлогомъ забрать забытое имущество, и теперь морской офицеръ рассказывалъ мнѣ, что около 200 человекъ матросовъ не воротились и что многие изъ нихъ были поведенія подозрительнаго, почему полагать должно, что всѣ они были перебѣжчики и измѣнники отечеству<sup>1)</sup>. Этимъ объясняется—отчего нѣкоторыя мины вовсе не взорваны. Напримеръ, подъ Николаевскимъ фортомъ, который командуетъ бухтою, были подложены двѣ мины, въ срединѣ, со стороны бухты, и двѣ по краямъ, со стороны города, и потомъ фортъ былъ зажженъ. Что же вышло? взлетѣла на воздухъ только одна крайняя часть, а всѣ стѣны форта остались невредимы. Вѣроятно, матросы извѣстили французовъ и тѣ успѣли предупредить взрывъ.

Сегодня видѣлся со мной генераль Павловъ, начальникъ 11-й пѣхотной дивизіи, который съ дивизіею своею защищалъ бастионъ № 4 и говорилъ, что на этотъ бастионъ вели атаку одни англичане, что два раза вривались они въ городъ и владѣли батареями, и два раза были выбиваемы штыками. Не смотря на это, англичане атаквали бастионъ въ 3-й разъ и тутъ болѣе 1½ часа былъ чисто рукопашный бой, т. е. дрались штыками и прикладами; но въ этой свалкѣ, говоритъ Павловъ, я взялъ послѣдній баталіонъ изъ резерва и ударилъ имъ въ оба фланга; этотъ ударъ былъ рѣшительный, англичане дрогнули и побѣжали, но пока добрались до рва батарей—всѣ легли костями и мало, мало кто изъ нихъ воротился къ своимъ. Замѣчательно, прибавилъ Павловъ, что во всѣ 3 раза, какъ нападали англичане на бастионъ № 3-го, двѣ французскія колонны до 8 т. стояли за рвомъ, имѣя ружье къ ногѣ и только были зрителями, не принимая никакого участія. Когда отбили англичанъ послѣ третьяго нападенія, говорятъ

<sup>1)</sup> На всѣ подобныя замѣтки должно смотрѣть какъ на слухи, слишкомъ поспѣшно занесенныя современникомъ въ его дневникъ, между тѣмъ и въ брасывать ихъ при печатаніи дневника не приходится, такъ какъ они, т. е. слухи и толки, имѣютъ свой интересъ и значеніе, характеризуютъ настроеніе умовъ, — что бродило въ арміи, что ее занимало и омушало. Историкъ же, конечно, отнесется съ крайнею осмотрительностью къ такимъ записямъ.

Ред.

Павловъ, я началъ сомнѣваться за успѣхъ дѣла, ожидая 4-го приступа, ибо войска мои, послѣ 6-ти часоваго боя, совершенно измучились, но я обошелъ ряды, ободрилъ ихъ держаться и лечь востями всѣмъ, но не отдать бастіона; солдаты крикнули „ура!“ и закричали: „не отдадимъ!“ Въ это время съ бѣгствомъ англичанъ отступили и французскія колонны, и всѣ вздохнули свободно. Г. Павловъ говоритъ, что число убитыхъ англичанъ на бастіонѣ № 3 онъ считаетъ свыше 5 т. человѣкъ, а нашихъ 1340. Все пространство на  $\frac{1}{4}$  версты буквально было завалено тѣлами англичанъ.

Вчера похоронили умершаго отъ ранъ начальниа 9 пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта Лисенко, а сегодня флигель-адъютанта гвардіи ротмистра Воейкова. Оба ранены на штурмъ Севастополя и умерли въ одинъ день—1-го сентября. Воейковъ чудный, красивый мужчина, вѣжливъ, мягкій, умный и любимый всѣми; Воейковъ (Платонъ Александровичъ) много и много общалъ въ будущемъ.

7 сентября. Нашъ уронъ въ день штурма 27 числа до сихъ поръ въ неизвѣстности. Достоверно извѣстно, что убитъ генераль-маіоръ Юферовъ, ранены: генераль-лейтенантъ Хрулевъ, Мартинау, генераль Зуровъ, начальникъ 9 пѣхотной дивизіи Лисенко, флигель-адъютантъ Воейковъ, послѣдніе два уже умерли, и генераль фонъ-Бусау взятъ въ плѣнъ. Сколько же убито и ранено штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ—достоверно неизвѣстно. Но если вѣрить собственнымъ глазамъ, то мимо той высоты Сѣвернаго укрѣпленія, гдѣ я 7 часовъ сряду находился во время штурма, легко раненыхъ прошло мимо меня по одиночѣвъ свыше 4 т. человѣкъ. Эти несчастные шли сами не зная куда и длинная вереница отъ моста до Сѣвернаго укрѣпленія и даже до лагерей къ госпиталямъ чернѣлась какъ лента. Я многихъ останавливалъ и спрашивалъ—кто съ каковаго бастіона, много ли у насъ и у непріятеля убитыхъ, то всѣ единогласно съ разныхъ бастіоновъ говорили почти одно и то-же: то убитыхъ у насъ много, но что непріятелей „тѣма-тѣмушая и счегу нѣтъ, просто грудами лежать“, вотъ ихъ слава! Кромѣ легко раненыхъ, которые шли пѣшкомъ, много везли тяжело раненыхъ по 4, 5 и по 6 на повозкѣ; такихъ повозокъ прошло до 6-ти часовъ

вечера около 250, а быть может болѣе. Вообще думаютъ, что всѣхъ раненыхъ у насъ до 10 т., а убитыхъ свыше 3 т. человекъ.

8 сентября. Еще о сдачѣ Севастополя. Извѣстно, что штурмъ неприятелей былъ отбитъ на всѣхъ батареяхъ и бастіонахъ, кромѣ Малахова кургана, и отбитъ, какъ извѣстно, со славою; на бастіонъ № 2 было двѣ атаки и обѣ отражены съ большимъ урономъ, на бастіонъ № 3 три атаки и были три раза отброшены со стыдомъ; также удачно было отбито нѣсколько атакъ съ бастіона № 4, съ батареи Жерве, редута Шварца и прочихъ. Почему же не устояли тѣ-же русскіе штыки на Малаховомъ курганѣ. Очевидцы и участники въ этомъ дѣлѣ излагаютъ слѣдующія причины:

1-е, что начальствующій на курганѣ генераль-маіоръ Бусау и вся бригада его пѣхоты спали въ это время. Будучи подъ страшнымъ огнемъ впродолженіи 23, 24, 25, 26 чиселъ до 8 часовъ утра 27-го, генераль, да и солдаты думали, что сегодня будетъ то-же, что вчера, то есть, что штурма не будетъ и что, проведя ночь подъ ружьемъ (ибо штурма ожидали ночью), г. Бусау и солдаты его легли спать. Французы же, назначивъ 11 часовъ утра — минута штурма въ 10<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часовъ, открыли изъ ложементовъ (въ 60 шагахъ) такой ужасный штуцерной огонь, что, говоря буквально, пули летали такъ густо, какъ саранча. Разумѣется, что при такомъ огнѣ прислуга при орудіяхъ, которая еще бодрствовала, спряталась подъ брустверъ; даже минутъ 5 или 10 по прекращеніи штуцернаго огня не смѣли взглянуть — что дѣлается у неприятеля, и эти минуты были роковыми. Французы по данному сигналу, ровно въ 11 часовъ, высочили изъ ложементовъ и траншей, и пользуясь 5 минутами молчанія батарей, выстроились и бѣглымъ шагомъ пошли на штурмъ; сонный ф.-Бусау высочилъ безъ сапогъ, пѣхота не могла опомниться отъ сна, кто хватился за ружье чужое, кто кричалъ въ ружье! и прежде чѣмъ водворился въ бригадѣ Бусау какой либо порядокъ, французы безъ выстрѣла напали на толпу и стали колотъ и разстрѣливать; большая часть пѣхоты побѣжала въ беспорядкѣ, ибо почти первыми выстрѣлами неприятеля были убиты полковые и баталіонные командиры и большая часть офицеровъ. Генераль-маіоръ Юферовъ, стоявшій съ бригадою на ближайшей батарее, повелъ бригаду въ штыки, но тѣми же французами, которые истребили бригаду ф.-Бусау, когда сталъ пробиваться назадъ,

убить. Прибывшій на эту свалку генералъ-лейтенантъ Хрулевъ былъ раненъ въ руку, такъ что чрезъ часть времени на Малаховомъ курганѣ было полное ликованіе французовъ и самое постыдное (?) пораженіе русскихъ.

2-е. Непостижимое упорство генерала Тотлебена сдѣлать передовое укрѣпленіе Малаховскаго кургана съ горжею, сколько не представляли ему и друзья, и люди дѣльные, что въ случаѣ, если французы ворвутся въ редутъ, наши не имѣютъ куда выйти и должны всѣ достаться въ плѣнъ, а непріятель, завладѣвъ укрѣпленіемъ, имѣетъ готовый ровъ и валъ, обращенный къ городу, для защиты себя отъ внезапнаго нападенія. Предсказаніе это исполнилось вполнѣ, ибо непріятель, бомбардируя Малаховъ курганъ съ 5 августа и до 8 утра 27 числа день и ночь, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, засыпалъ совершенно ровъ, обращенный къ непріятелю, такъ что въ послѣдніе два дня и лафеты были до половины спрятаны въ землѣ и не было возможности наводить орудій; а починить валъ (котораго 27 числа не существовало) не было возможности, подъ градомъ лопающихся бомбъ и гранатъ съ утра до ночи и отъ ночи до утра. Слѣдствіемъ этого было, что съ фронта, откуда непріятель могъ ворваться, не было уже рва и препятствія—все засыпано; а сзади—къ сторонѣ города—ровъ и валъ были въ цѣлости. Слѣдствіемъ этого препятствія къ выходу нашихъ войскъ въ случаѣ неустойки было то, что сонная пѣхота ф.-Бусау оробѣла, бросилась чрезъ ровъ или спускалась въ оный и потомъ подымалась на верхъ, и при этомъ жестоко была перебита, а ф.-Бусау и часть его пѣхоты, не успѣвшіе бѣжать, были взяты въ плѣнъ.

3-е. Эта горжа или ровъ съ высоты позади имѣла ту еще несчастную идею, что солдаты думали, будто это была намѣна и, въ самый моментъ опасности кургану, потеряли довѣріе къ начальству. Личные свидѣтели говорятъ, что одинъ полковой командиръ, желая воодушевить бѣглецовъ, остановилъ ихъ, сказалъ краткое слово и крикнулъ: „впередъ! за мной, ребята!“ и что 6 или 10 добрыхъ солдатъ бросились за командиромъ поля и всѣ легли на штыкахъ французовъ, а полкъ не тронулся съ мѣста. Молодой мичманъ Панфиловъ, который былъ на батарее, также обратился къ нимъ, когда батарея была занята непріа-

телемъ, чтобъ шли съ нимъ „отбить пушки“. „Вишь какой умиръ, ступай самъ!“ а когда Панфиловъ сталъ стращать ихъ судомъ и называть ихъ трусами—солдаты бросились и закололи вину.

24 сентября. Давно уже носится темный слухъ, что около Евпаторіи (кажется 13 сентября) нашихъ порядкомъ поволокли. Теперь оказывается, что отрядъ, стоявшій тамъ, изъ легкой кавалеріи былъ до того оплошенъ, что не посылали даже разъѣздовъ. Дѣла подъ Севастополемъ были имъ защитою, они болѣе  $\frac{1}{2}$  годъ (7 мѣсяцевъ) просто спали отъ бездѣйствія, полагая, что всегда такъ будетъ. Что же вышло? англичане и французы, сдѣлавши высадку, напали на нихъ, застали совершенно врасплохъ, разогнали какъ овецъ и взяли 6 орудій конной № 19 батареи.

27 сентября. Господь Богъ, конечно, прогнѣвался на насъ грѣшныхъ, что посылаетъ слѣпоту на всѣ послѣднія дѣйствія наши въ Крыму. Битва 4 августа потеряна отъ безпорядка, а собирались и толковали около 10 дней; Севастополь оставилъ съ безславіемъ (?); дѣло подъ Евпаторіею постыдное; а теперь взятіе Таганрога являетъ примѣръ необъясненной безпечности! Известно, что Таганрогу угрожала большая опасность: городъ безъ защиты ни одной пушки и ни одной роты пѣхоты, только 1 и 2 сотни казаковъ охраняли его. Наконецъ, присылаютъ 4 дружины означенія до 5 т. ратниковъ; мирные граждане ожили духомъ; вдругъ на другой день показался флотъ непріятельскій. Ударили тревогу, всѣ кричатъ къ ружью, зовутъ ратниковъ, а тѣ? Кто повѣрять изъ русскихъ? ратники пришли безъ ружей съ одними топорами. Разумѣется, дружинный командиръ скомандовалъ отступление и они ушли и городъ заняли даромъ; спрашивается — неужели о томъ никто не зналъ, что у ратниковъ нѣтъ ружей? а выходитъ такъ. Вотъ до какого униженія доведена теперь армія!

7 октября. Сегодня былъ я въ Орто Королсѣ, тамъ узналъ я, что два дня тому назадъ курьеръ привезъ печальное извѣстіе о паденіи Кинбурна и Очакова. Англо-французскій флотъ атаковалъ прежде Кинбурнъ и бомбардировалъ; защищали до крайности, наконецъ, когда бомбы и ядра истребили почти весь гарнизонъ, такъ что осталось только 200 человѣкъ въ живыхъ—гарнизонъ сдался. Очаковскій же гарнизонъ, видя истребленіе Кинбурна, самъ подорвалъ крѣпость и вышелъ. Такимъ образомъ, двѣ эти крѣпости пали въ теченіи 2-хъ сутокъ.

11 октября, Симферополь. Сегодня къ сторонѣ Евпаторіи происходило большое сраженіе; болѣе 8 часовъ выстрѣлы не умолкали; еще никто не знаетъ здѣсь о послѣдствіяхъ, но видно, что дѣла наши худы, ибо весь 2-й корпусъ съ позиціи на Альмѣ потянулся къ Евпаторіи поздно вечеромъ. Сегодня встрѣтилъ генераль-лейтенанта Попова, начальника 7 пѣхотной резервной дивизіи, онъ идетъ къ Феодосіи, говорить, что ожидаютъ и туда высадки и дѣла большого.

14-го октября, Бахчисарай. Генераль Крыжановскій рассказываетъ, что, 11-го октября, когда пришло донесеніе въ Орто-Королесъ, къ князю Горчакову, о томъ, что французы вышли изъ Евпаторіи и сильно напираютъ на Симферополь, князь Горчаковъ созвалъ всѣхъ генераловъ, вышелъ изъ кабинета и сказалъ: „Господа! извольте двигать ваши войска!“ — „Куда прикажете, ваше сіятельство?“ спросилъ начальникъ штаба его, генераль Коцебу. — „Извольте двигать войска, говорю вамъ, теперь, сейчасъ, сію минуту“, повторилъ князь Горчаковъ; но всѣ стояли въ ожиданіи рѣшенія: куда? Наконецъ, онъ приказалъ двинуть къ Евпаторіи весь 2-й корпусъ съ Альмы. Какъ жаль видѣть таковой недостатокъ въ главнокомандующемъ, котораго всѣ болѣе чѣмъ любятъ за его доброту и готовы по истинѣ идти на смерть, если онъ прикажетъ.

20-го декабря, Бахчисарай. Вчера разнеслась въ главной квартирѣ вѣсть, что, вечеромъ 19-го, князь получилъ телеграфическую депешу изъ Петербурга, въ которой Государь Императоръ, извѣщая его о смерти фельдмаршала князя Варшавскаго, назначилъ князя Горчакова намѣстникомъ Царства Польскаго и требуетъ для совѣщанія въ Петербургъ.

Вмѣсто его главнокомандующимъ крымской арміи назначенъ генераль-адъютантъ Лидерсъ. Странно, что извѣстіе это велѣно держать въ секретѣ, между тѣмъ, не прошло сутокъ и вся главная квартира знаетъ объ этомъ.

Жаль мнѣ князя Горчакова, онъ многихъ осыпалъ милостями, много и много сдѣлалъ добра и никому зла. Трудился для арміи неусыпно, заботился о нуждахъ подчиненныхъ ему войскъ и былъ истиннымъ благодѣтелемъ бѣдныхъ офицеровъ.

21-го декабря, Бахчисарай. Сегодня обѣдалъ я у князя

Горчакова; въ числѣ гостей случайно была одна дама, начальница сестеръ милосердія, генеральша Дурново; послѣ обѣда и кофе, когда уѣхала г-жа Дурново, князь сказалъ: „теперь можно курить сигары“; тотчасъ человекъ подалъ свѣчу, сигары, князь закурилъ и началъ говорить о турецкой войнѣ 1828 года. Когда рассказывалъ объ одномъ событіи, я припомнилъ ему, что этому прошло уже около 28 лѣтъ, почти половину нашей жизни; князь на минуту задумался и потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ весьма замѣчательныя слова: „Да, любезный другъ, дѣйствительно, это давно было; вижу, что мы оба состарѣлись и что намъ пора уступить мѣста свои другому поколѣнію“. Что хотѣлъ сказать князь этимъ выраженіемъ—не знаю, но видно было, что голова его занята была этою мыслию.

30-го и 31-го декабря. Оба эти дня я обѣдалъ у князя Горчакова. Столъ, противъ обыкновенія, далеко расширился на друзей, приходившихъ провести послѣдніе дни съ княземъ. Въ обыкновенные дни столъ накрывался по длинѣ зала на 20 и на 24 osoby, а теперь расширился по сторонамъ. Въ оба послѣдніе дня обѣдало каждый разъ отъ 36 до 40 особъ, и въ этомъ числѣ генералъ Лидерсъ и Сухозанетъ, и всѣ три главнокомандующіе—такое сближеніе рѣдко случается.

Въ оба эти дня князь необыкновенно какъ часто шутилъ со мною, въ особенности это замѣтно было 30-го числа; князь, обратясь ко мнѣ, говорить: „ну что, любезный другъ, Л. Г., устарѣли мы съ тобою?“ Ласковый тонъ, дружеское обращеніе и самое искреннее сочувствіе ко мнѣ князя неволью заставили посмотрѣть на меня всѣхъ, кто обѣдалъ у князя впереди со мною, ибо князь всѣхъ называетъ просто по фамиліямъ и только меня одного по имени и отчеству; а потому, при словѣ „Л. Г.“ генералъ Лидерсъ промѣрилъ меня глазами отъ головы до пояса, сколько видно было меня изъ-за стола, какъ бы желая познаться: кто такой Л. Г.; то-же сдѣлали и особы меньшаго званія, ибо это событіе было для всѣхъ любопытно; генералъ-же Сухозанетъ, который знаетъ меня лично и сидѣлъ отъ меня только черезъ одну особу, тихо повернулъ лицо свое нагнѣво (ко мнѣ), улыбнулся (какъ бы отъ удивленія, что я попалъ въ такую честь) и спросилъ князя: „А вы давно, ваше сіятельство,



знакомы съ генераломъ Д.? — „Какъ же!“ отвѣчалъ князь, „это мой старыи товарищъ по войнѣ 1828 и 1829 годовъ, и началъ подробно разсказывать, какъ онъ былъ въ чумѣ, какъ я кормилъ его, заботился о немъ“, и прочее, и потомъ, какъ бы въ укоръ Сухозанету, прибавилъ князь: „да, ваше превосходительство, случай обыкновенный, а такихъ людей, какъ мой любезный другъ Л. Г., мало!“ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „не правда-ли?“ Я привсталъ, поклонился вмѣсто отвѣта и сѣлъ на мѣсто. Въ предшествующіе дни я искалъ случая поблагодарить князя за ласки и особое вниманіе, которое постоянно, въ теченіи 2½ лѣтъ, оказывалъ ко мнѣ; но желалъ захватить одного, чтобы могъ, не стѣсняясь чужимъ присутствіемъ, высказать мои чувства; но, какъ нарочно, въ часы до обѣда менѣе 5 или 6 особъ не было въ его кабинетѣ, а послѣ обѣда онъ уходилъ постоянно отдыхать. Такъ наступило 30-е декабря; князь, выкуривъ свою сигару послѣ обѣда, собирался уже идти на отдыхъ въ кабинетъ. Генералъ Лидерсъ раскланялся и ушелъ, Сухозанетъ сдѣлалъ тоже, ушли и другіе, остался только генералъ Ушаковъ и сталъ что-то въ полголоса докладывавъ князю, я слышалъ и остановился у дверей, съ сожалѣніемъ, что, можетъ быть, князь уйдетъ и я не успѣю поблагодарить его, какъ хотѣло мое сердце; вдругъ рождается у меня мысль войти къ нему въ кабинетъ, когда пойдетъ на отдыхъ; я караюлю выхода Ушакова и лишь только онъ прошелъ мимо меня—я тотчасъ въ спальню князя. „Что скажете, любезнѣйшій?“ спросилъ князь очень ласково.—„Ахъ, ваше сіятельство! я искалъ случая благодарить васъ, сказать вамъ, какъ душа моя сильно чувствуетъ ваше благодѣяніе, которое такъ постоянно мнѣ оказываете. Простите, князь, что я осмѣлился нарушить вашъ покой и войти въ вашу спальню“. Кажется, князь ожидалъ услышать отъ меня какую либо просьбу, но, увидѣвъ искреннее изліяніе чувствъ благодарности души простой и признательной, онъ схватилъ меня за плечи, сталъ цѣловать и сказалъ съ особымъ ласковымъ выраженіемъ: „Знаю, знаю, другъ мой, что ты меня любишь, благодарю тебя за дружбу, но мы завтра еще съ тобою увидимся—приходи обѣдать“. Тутъ я поцѣловалъ его въ плечо, поклонился и ушелъ.

Въ общей залѣ было еще до 20 особъ изъ обѣдающей моло-

дежи, которые курили папирсы и говорили; „зачѣмъ васъ възвѣзавъ въ спальню?“ спросили нѣкоторые; „это мой секретъ“, отвѣчалъ я, и ушелъ домой.

22-го апрѣля 1856. Сего числа я былъ у генерала Крыжановскаго, онъ только что воротился наканунѣ изъ Керчи, куда ѣздилъ по заключеніи мира, чтобъ узнать, что произошло во время войны съ его имѣніемъ. Для поясненія этого надо сказать, что родители Крыжановскаго, керченскіе жители, имѣли въ городѣ два дома, а за городомъ дачу и землю, гдѣ росли ихъ виноградники и фруКТовые сады, тамъ-же въ Керчи, гдѣ жили и умерли отецъ, мать, сестра и братъ генерала Крыжановскаго; вотъ что онъ говорилъ о Керчи: имѣніе его разграблено и сожжено; виноградники и фруКТовыя деревья вырублены; дома въ городѣ опустошены и обращены въ развалины; даже тѣла покойниковъ: матери, родной сестры и брата выкинуты изъ гробовъ и кости разбросаны, а на могилахъ ихъ виднѣются только пустыя ямки. Крыжановскій говоритъ, что на всѣхъ могилахъ его родныхъ были памятники, всѣ они сброшены, разбиты и поломаны, но могила отца, кромѣ сброшеннаго монумента, осталась цѣла. Причиною того было не великодушіе варваровъ, но невозможность добраться до гроба, ибо склепъ отца, гдѣ положены брошенные его останки, былъ заложень 8-ю плитами въ цѣлаго камня, огромной толщины и длины. Образованные варвары, которые такъ громко толкуютъ о просвѣщеніи и цивилизаціи, сняли три ряда этихъ камней, четвертый повалили и, увидѣвши 5-ю преграду, бросили могилу. На прочихъ могилахъ, гдѣ было 2, 3 или 4 камня, тѣла ограблены и выброшены. Такъ поступили со всѣми могилами и цѣлое кладбище было изрито. По заключеніи мира, жители выкопали одну свѣжую и новую могилу и снесли туда разбросанныя кости разныхъ покойниковъ и вторично предали землѣ церковнымъ порядкомъ. При этомъ г. Крыжановскій разсказалъ происшествіе, которое много надѣлало шуму. Дней за 15 предъ его пріѣздомъ, уже по заключеніи мира, умерла дѣвица одного богатаго греческаго дома. Ее похоронили великолѣпно, но на другой день нашли могилу разрытою, покойница-дѣвушка была ограблена и брошена. Родители принесли жалобу англійскому генералу, тотъ сожалѣлъ,

приказалъ нарядить слѣдствіе и увѣрилъ, что виновные будутъ отысканы и наказаны. Тогда родители стали просить позволенія во 2-й разъ похоронить ее по обряду христіанскому; генералъ англійскій согласился и просилъ даже исполнить этотъ долгъ, увѣряя, что кладбище будетъ охраняемо теперь часовыми. Богатый грекъ купилъ новый гробъ, во 2-й разъ одѣлъ покойницу какъ слѣдовало, а священникъ во 2-й разъ предалъ ее землѣ, какъ слѣдовало. Но что же вышло послѣ вторыхъ похоронъ? во второй разъ тѣло ограбили и выбросили, ибо часовыхъ не было. Тутъ городъ весь къ англійскому генералу съ жалобою, стали разслѣдовать, но, о ужасъ и стыдъ челоуѣчества 1856 года—покойницу нашли послѣ этого распятою на ея крестѣ. Тутъ варварство, изувѣрство и святотатство очевидно—до омерзѣнія. Не понимаю, какая месть побуждала распинателя. Крыжановскій говоритъ, что всѣ жители приписываютъ это неслыханное звѣрство англичанамъ. Турецкій паша, главнокомандующій турецкихъ войскъ въ Керчи, съ которымъ г. Крыжановскій познакомился, говорилъ ему: „мнѣ жаль, что нѣкоторые изъ керченскихъ жителей приписываютъ это злодѣяніе туркамъ, но завѣрите вашихъ добрыхъ гражданъ, что быть способнымъ къ жестокостямъ надъ убитымъ непріателемъ, тотчасъ послѣ дѣла, никогда ни одинъ турокъ, даже за милліонъ золота, не рѣшится раскопать могилы, ибо это воспрещаетъ законъ Магомета. Тутъ прибавилъ паша: что люди отдали землѣ, то уже не принадлежитъ суду, а тѣмъ болѣе мести людской. Итакъ,—прибавилъ паша, всѣ эти беззаконія, къ стыду нашему, дѣлають союзники мои—англичане. Турки мои не разъ даже видѣли ихъ гнусную работу. Теперь я молчу и сношу это безчестіе отъ васъ, но, клянусь честію турва, генераль,—сказалъ паша въ гнѣвѣ Крыжановскому,—что, когда возвращусь въ Константинополь и отдѣлаюсь отъ этихъ друзей-англичанъ, я всѣ ихъ безбожныя дѣла, въ Керчи произведенныя, напечатаю въ константинопольскомъ журналѣ и вы, генераль, тогда, конечно, повѣрите мнѣ то, что я вамъ теперъ рассказывалъ“.

Кто бы подумалъ, что это разбойники-зажигатели и грабители англичане, которые не считали грѣхомъ разрывать могилы, грабить тѣла покойниковъ и разбрасывать ихъ кости; что эти

изверги вздумали просить нашего государя (во всѣхъ газетахъ напечатано), чтобы памятники, которые они поставили своимъ покойникамъ подъ Севастополемъ, были цѣлы. Выше этой насмѣшки я ничего не знаю, жаль, что добрый нашъ государь не знаетъ еще, какъ друзья эти поступали въ Керчи.

Л. Г. Духонинъ.

1853—1856 гг.

К О Н Е Ц Ъ .

# ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

въ письмахъ къ его брату Николаю Сергѣвичу,

1863—1878 гг.

1877 г. <sup>1)</sup>).

Появленіе «Нови» въ январьской книжкѣ «Вѣстника Европы» было событіемъ достопамятнымъ въ жизни Ивана Сергѣевича. Это былъ его послѣдній романъ, судьба котораго весьма его занимала, что онъ и высказывалъ близкимъ своимъ знакомымъ по окончаніи «Нови», въ своихъ къ нимъ письмахъ. Приводимъ изъ нихъ выдержки.

— На свое здоровье я пожаловаться не могу и оканчиваю теперь переписку моего романа. Не о «лаврахъ» я мечтаю—а о томъ, чтобы не слишкомъ сильно треснуться фізіономіей въ грязь. А, впрочемъ, будь что будетъ <sup>2)</sup>).

— Мой романъ переписанъ, конченъ, отправленъ на прочтеніе и судъ къ П. В. Анненкову въ Баденъ-Баденъ—и какъ только вернется оттуда, поѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ будетъ печататься въ «Вѣстникѣ Европы», начиная съ января, и гдѣ придется ему, вѣроятно, выслушать: «судъ глупца и смѣхъ толпы холодной». Что изъ него вышло—неизвѣстно; намѣренія были хорошія,—но каково исполненіе? Все это я теперь скоро узнаю <sup>3)</sup>).

— Рукопись моего романа отправилась третьяго дня въ Петербургъ, если не встрѣтятся затрудненія, явится въ январьскомъ № «В. Е.».

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XLVII, августъ, стр. 313—336; сентябрь, стр. 495—510; т. XLVIII, октябрь, стр. 126—142.

<sup>2)</sup> Первое собраніе писемъ, письмо М. Е. Салтыкову, № 239, стр. 301.

<sup>3)</sup> Тамъ-же, Я. П. Полонскому, № 241, стр. 303.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что если за «Отцовъ и Дѣтей» меня били палками, за «Новь» меня будутъ лупить бровнами—и точно также съ обѣихъ сторонъ. А не то, пожалуй, если война будетъ—и совѣтъ говорить не стануть. Думаю, что все это съ меня сойдетъ, какъ съ гуся вода <sup>1)</sup>).

— Я-бы очень желалъ знать твое мнѣніе на счетъ «Нови»—хотя полнаго впечатлѣнія мой романъ, вслѣдствіе его раздробленія, произвести не можетъ; напр., въ этой первой части, Соломинъ—главное лицо, едва очерченъ. Но ужъ этому горю помочь нельзя. Не сомнѣваюсь въ томъ, что меня, какъ говорится, отщелкаютъ на обѣ юрки; но интересно знать—какое будетъ окончательное мнѣніе публики. А, впрочемъ, тоже, какъ говорится: отзвонишь—и съ колокольни долой! <sup>2)</sup>).

... Я начиналъ думать, что неуспѣхъ «Нови» (первой части), в которомъ я былъ извѣщенъ съ различныхъ сторонъ, такъ вышелъ великъ, что ты по дружбѣ своей ко мнѣ не рѣшался писать. Со многими изъ твоихъ замѣчаній я вполне согласенъ (особенно съ неуспѣшностью главы о Омушкѣ и Оммушкѣ,—это былъ мой капризъ,—и вспомнилъ такую старенькую чету, которую зналъ когда-то)—прошу только тебя приостановить твое окончательное сужденіе до появленія второй части. Я всячески старался убѣдить Стасюлевича не дробить романа, но, къ сожалѣнію—не успѣлъ. Ты находишь, что въ «Нови» чувствуется напряженіе, излишняя головная работа и нѣкоторыя робость... можетъ быть; замѣчу только одно, что ни одно изъ моихъ большихъ произведеній не писалось такъ скоро-легко (въ 3 мѣсяца)—и съ меньшимъ количествомъ помарокъ. Вотъ, послѣ этого и суди (идея у меня дома вертѣлась въ головѣ; я нѣсколько разъ принимался за исполненіе—но, наконецъ, написалъ всю штуку, какъ говорится, съ плеча). И выходитъ, что ничего нельзя знать впередъ.

— Во всякомъ случаѣ—и какое-бы ни сложилось рѣшительное мнѣніе публики—это уже, конечно, моя послѣдняя работа. Довольно!

— Я взялъ букву С. для означенія города, какъ взялъ-бы А. Б.—или даже X; и нисколько не думалъ ни о Симбирскѣ, ни о Саратовѣ.

— Ты говоришь, молодые люди не дочерчены,—къ Маркелову и Нежданову я не зналъ-бы что прибавить; а главное лицо романа, Соломинъ—только является во второй части.

— Но все это—«не суть важно» <sup>3)</sup>).

<sup>1)</sup> Первое собр. Я. П. Полонскому, № 242, стр. 304—306.

<sup>2)</sup> Тамъ-же, № 246, стр. 309—310 (отъ 30 декабря 1876 г.).

<sup>3)</sup> Первое собр., № 247, стр. 310—311. Я. П. Полонскому отъ 22 января 1877.

— Было время, что я просилъ у тебя позволенія не говорить болѣе о Чернышевѣ—того-же самого прошу я теперь на счетъ «Нови». Какая-бы ни была ея окончательная судьба—это мой послѣдній, самостоятельный литературный трудъ; это рѣшеніе мое безповоротно: мое имя уже не явится болѣе. Я-бы могъ желать, чтобы мое послѣднее слово встрѣтило болѣе снисходительный пріемъ; но что оно послѣднее, въ этомъ ты также мало можешь сомнѣваться, какъ... ну, хоть какъ въ моей дружбѣ къ тебѣ. И разговаривать больше объ этомъ нечего! <sup>1)</sup>.

— Благодарю тебя за твой отзывъ о 2-й части моего романа и вообще о всей «Нови»; меня это тѣмъ болѣе порадовало, что я никогда не подвергался такому единодушному норицацію въ журналахъ. Впрочемъ, это уже для меня теперь дѣло прошлое—такъ какъ я твердо рѣшился болѣе не писать, и положить перо, которое служило мнѣ болѣе 30 лѣтъ; пора въ отставку, къ ветеранамъ <sup>2)</sup>.

Возвращаемся въ письмамъ въ брату.

Парижъ. 50, rue de Douai. Среда, 24 (12) января.

Милый братъ, я, дѣйствительно, собирался пріѣхать къ январю въ Петербургъ—но дѣла приняли такой оборотъ, что раньше конца февраля я туда не поѣду. Полагаю однако, что въ этотъ срокъ пріѣду непременно. И, конечно, тебя тогда уважу, либо въ Петербургѣ, либо въ Москвѣ. Душевно благодарю тебя за согласіе продлить еще на годъ уплату моего долга. Съ сегодняшней-же почтой пишу Стасюлевичу (издателю «Вѣстника Европы», у него лежатъ мои деньги)—чтобы онъ высылалъ тебѣ проценты, которые, если я не ошибаюсь—составляютъ по 9% съ 15,000 р.—1,350 р. Пожалуйста извѣсти меня о полученіи. Этотъ графъ Бѣлинскій, который тебя интригуетъ—простой жуликъ, который даже не сумѣлъ продержаться нѣкоторое время. Онъ и ко мнѣ забѣгалъ (конечно, не называя себя графомъ, а напротивъ родственникомъ Виссаріона Бѣлинскаго; я его спросилъ: дворянинъ-ли онъ? «Конечно», отвѣчалъ онъ мнѣ съ гордостью; въ такомъ случаѣ вы не можете быть родственникомъ критика—тотъ происходилъ изъ духовнаго званія). Но онъ былъ такъ глупъ, что я немедленно его раскусилъ—и только удивляюсь, какъ другіе—правда немногіе—могли ему повѣрить.

Такъ какъ войны теперь, вѣроятно, не будетъ, so wird alles in das

<sup>1)</sup> Тамъ-же, № 348, стр. 312, отъ 18 февраля.

<sup>2)</sup> Первое собр., № 249. И. И. Маслову (отъ 5 марта, стр. 314).

alte Geleise kommen <sup>1)</sup>). Результатъ: Турція съ конституціей—а мы все безъ оной. Но дѣла должны поправиться. Очень радуюсь тому, что ты, повидимому, здоровъ; въ наши годы—это главное.

Prag. Суббота, 10 февраля (29 января).

Милый братъ, получилъ я твое письмо съ газетной вырѣзкой, Тебѣ теперь уже, вѣроятно, извѣстно, что первая часть «Нови» успѣвъ имѣла слабый; посмотримъ, что покажетъ вторая часть. Во всякомъ случаѣ полагаю, что пора мнѣ подать въ литературную отставку.

Стасюлевичъ мнѣ пишетъ, что онъ давно отправилъ къ тебѣ отъ моего имени—1,350 р. сер.—и удивляется, что ты его еще не увѣдомилъ—что меня также удивляетъ, зная твою аккуратность. Пожалуйста, увѣдомь его и меня.

Въ Россію я, все-таки, приѣду—trotz alledem <sup>2)</sup>), и до весны, хоти не могу сказать съ совершенною достовѣрностью—въ какое именно число. Мнѣ нужно быть въ Россіи по денежнымъ дѣламъ.

P. S. Лѣтнія мои намѣренія слѣдующія: 6 недѣль въ Карлсбадѣ, остальное время въ Вуживалѣ.

Prag. Понедѣльникъ, 7-го (19-го) марта.

Милый братъ, мнѣ сдается, что я довольно часто писалъ тебѣ въ послѣднее время — а въ послѣднемъ твоемъ письмѣ отъ 1-го (13-го) марта ты жалелся на мое молчаніе и освѣдомляешься о моемъ здоровьѣ. Оно недурно, хотя въ послѣднее время я довольно сильно страдалъ флюсомъ и невралгическими головными болями; но это въ сущности не важно, а подагра меня только легонько пощипывала.

Что-же касается до присланнаго тобою вырѣзка съ критической статьей о моемъ романѣ, то я изъ него ничего не узналъ новаго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, какъ ты пишешь, «Новь» провалилася; и я начинаю думать, что эта участь ея—заслуженная. Нельзя же предположить, чтобы всѣ журналы вступили въ нѣкоторый заговоръ противъ меня; скорѣе должно сознаться, что я ошибся: взявъ трудъ не по силамъ и упалъ подъ его тяжестью. Дѣйствительно, нельзя писать о Россіи, не живя въ ней. Было бы лучше, если-бъ я нѣсколько лѣтъ тому назадъ замолчалъ; но, во всякомъ случаѣ, этотъ послѣдній

<sup>1)</sup> Все войдетъ въ прежнюю колею.

<sup>2)</sup> Не смотря ни на что.



урокъ для меня не пройдетъ даромъ: литературная моя карьера прекращается навсегда и мое имя уже не явится ни подъ какимъ самостоятельнымъ трудомъ. Это не совсѣмъ легко, жизнь впереди представляется нѣсколько пустою; но надо уметь, какъ говорится, чорту въ глаза посмотреть или, пожалуй — правдѣ. Дидро гдѣ-то сказалъ, что «avant sa mort l'homme suit plusieurs fois son propre convoi<sup>1)</sup>»; вотъ и мнѣ пришлось прогуляться за собственнымъ литературнымъ гробомъ. Принцу себѣ какое нибудь другое занятіе; а тамъ придетъ окончательная старость... И ежедневныя мелкія заботы о сохраненіи жизни и т. п. поглотятъ всѣ остальные интересы.

Въ Россію я, все-таки, приѣду передъ Карлсбадомъ, т. е. въ самомъ началѣ мая—или даже въ концѣ апрѣля.

Paris. Пятница, 9-го марта (25-го февраля).

Любезный другъ и братъ, благодарю за присылку журнальныхъ вырѣзокъ и рисунка, который, впрочемъ, дѣйствительно не очень казистъ. Что же касается до моего романа, въ которомъ ты принимаешь такое родственное участіе—то вѣтъ сомнѣнія, что никогда еще меня такъ дружно не бранили; передъ критикой онъ потерпѣлъ совершенное фiasco; какое о немъ мнѣніе публики—это неизвѣстно, да и узнать трудно; оно окажется, когда Салаевъ издастъ отдѣльное изданіе; если его покупать не стануть, ну, значить, дѣло дрянь! А впрочемъ повторяю: отзвонилъ—и съ колокольни долой. Кстати, мнѣ Стасюлевичъ отвалилъ не 425 р. за листъ, а цѣлыхъ 500, впрочемъ, по собственной доброй волѣ—ибо я просилъ всего 400.

А мы здѣсь всѣ (также, какъ тамъ у васъ) сидимъ у моря и ждемъ погоды. Генераль Игнатьевъ вчера приѣхалъ сюда. Говорять, онъ имѣетъ порученье добиться хоть какого-нибудь отвѣта на Горчаковский запросъ; а то ужъ очень обидно,—и для такой державы, какъ Россія, проглотить эту пиалюю немисливо. Боюсь я: qu'on nous mettera au pied du mur<sup>2)</sup> и что волей-неволей мы начнемъ войну.

<sup>1)</sup> До своей смерти человѣку приходится много разъ слѣдовать за собственнымъ похороннымъ шествіемъ.

<sup>2)</sup> Что насъ припрутъ къ стѣнѣ, доведутъ до крайности.

Парижъ. Воскресенье, 11-го марта (27-го февраля).

Любезный братъ, сегодня получилъ я твое письмо и такъ какъ я, при великолѣпнѣйшей погодѣ, сижу дома съ огромнымъ флосомъ, то пользуюсь симъ досугомъ, чтобы немедленно отвѣчать тебѣ на твой запросъ, который столь интересуетъ г-жу Маляревскую (кстати, поклонись ей отъ меня, а также и ея мужу). Процессъ Патти неизбежно кончится такъ, какъ всѣ процессы этого рода—*séparation de bien et de corps* <sup>1)</sup>, т. е. каждый будетъ жить особь статью и дѣлать, что ему пожелается (только не вступать въ бракъ), и это будетъ тѣмъ легче, что у Патти нѣтъ дѣтей — и поэтому суду не придется опредѣлять съ кѣмъ изъ родителей оставлять ихъ—что составляетъ главное затрудненіе подобныхъ процессовъ. И судъ, не дожидаясь формальнаго рѣшенія, уже разрѣшилъ ей дѣйствовать самостоятельно—такъ-же какъ и Николини, и они уже вдвоемъ дебютировали въ Вѣнѣ и преспокойно поютъ себѣ въ «Сомнамбулѣ»: «ah, perche, perche <sup>2)</sup>! А если-бъ маркизъ Ко и мадамъ Николини заотѣли—они бы съ своей стороны могли запѣть дуэты: *Perche po? perche po* <sup>3)</sup>? И все обстоитъ благополучно и благопотребно—что и требовалось доказать.

Я все собираюсь—правда, медленно—выѣхать отсюда и непременно застану тебя еще въ Москвѣ. Генераль Игнатьевъ здѣсь хлопочетъ о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ отвѣчали намъ, а то ужъ очень безцеремонно. Но, вѣроятно, намъ даже не отвѣтятъ — и мы запѣвши въ свою очередь: «ah, perche, perche... было огородь гордиться и добровольцевъ посылать» — отыдемъ съ Богомъ восвоися.

Парижъ. Понедѣльникъ, 2 (14) мая.

Любезный другъ и братъ, сейчасъ получилъ твое письмо отъ 26 апрѣля (8 мая) и никоимъ образомъ не могу понять, какъ это ты—два мѣсяца не получалъ отъ меня письма! Мнѣ кажется, я, по крайней мѣрѣ, 3 раза писалъ къ тебѣ въ теченіи этого времени и еще недавно отправилъ къ тебѣ письмо! Все это какъ нибудь потомъ объяснится. А о себѣ скажу тебѣ, что твое послѣднее письмо застало меня здѣсь только вслѣдствіе неприятнаго для меня обстоятельства: третьяго дня я долженъ быть отсюда выѣхать, а вотъ уже 8 дней какъ лежу въ постели, недвижимъ какъ пласть, по милости подагры, которая поселилась у меня разомъ въ обѣихъ ногахъ. Долго-ли это продолжится — не вѣдаю, а потому не вѣдаю также, когда я выѣду въ Россію. Поѣду—увѣдомлю.

<sup>1)</sup> Раздѣлъ имуществомъ и собственною личностью.

<sup>2)</sup> Ахъ зачѣмъ, зачѣмъ!

<sup>3)</sup> Почему нѣтъ, почему нѣтъ!

Присланный тобою вырѣзокъ изъ газеты показываетъ только то опьяненіе самопожертвованія, которое обуяло Россію; дай Богъ, чтобы изъ этого вышло чтонибудь полезное и прочное! пока я предвижу невзгоды.

Съ другой стороны, многіе получаютъ выгоды. Вотъ — четверть пшеницы въ Ельцѣ вскочила въ 18 руб. сер.! У тебя, кажется, много хлѣба непроданнаго: вотъ моментъ не зѣвать.

По всей вѣроятности, настоящая война продолжится два года; надо все это взѣять въ соображеніе. Впрочемъ, ты человѣкъ предусмотрительный.

22 мая Иванъ Сергѣевичъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ располагалъ пробыть лишь 8 дней, но, вслѣдствіе простуды и несносныхъ подагрическихъ припадковъ, оставался до конца іюня. Въ этотъ періодъ времени, кромѣ малозначущихъ записокъ, онъ написалъ слѣдующія два письма, любопытныя въ біографическомъ отношеніи:

С.-Петербургъ, Большая Конюшенная, домъ Петропавловской церкви, у г-жи Булье. Пятница, 18 (30) іюня.

Милый братъ, свалившійся на меня кирпичъ, въ видѣ подагры, тѣмъ въ особенности мнѣ чувствителенъ, что лишилъ меня возможности тебя видѣть и имѣть съ тобою объясненіе, которое теперь придется дѣлать на бумагѣ, да еще не зная навѣрное, находишься-ли ты еще въ Москвѣ или уже уѣхалъ въ деревню? (Послѣднее я готовъ заключить изъ того факта, что до сихъ поръ не пересланы мнѣ письма на мое имя, которыя должны находиться въ твоемъ домѣ и которыя я просилъ тебя немедленно велѣть выслать сюда, когда я тебя извѣщалъ о постигшей меня болѣзни. Впрочемъ, ту же убѣдительную просьбу повторяю и теперь). Какъ-бы то ни было, беру перо и излагаю вкратцѣ то, о чемъ я хотѣлъ съ тобою говорить.

Тебѣ не безызвѣстно, что въ послѣднее время дѣла мои приняли оборотъ довольно неблагоприятный. Прогнанный мною управляющій укралъ у меня около 25 тысячъ руб. сер., а, главное, зять мой, мужъ моей дочери, до послѣдняго сантима просадилъ приданое моей дочери — и, вѣроятно, въ скоромъ времени принужденъ будетъ объявить себя банкротомъ, такъ что дочь моя и все ея семейство очутятся на моихъ рукахъ и я долженъ буду заботиться объ ихъ пропитаніи. Уже теперь я имъ выдаю пенсіонъ въ 4000 фр.

Прибавь къ этому, что я уже не могу рассчитывать болѣе на литературные заработки — такъ какъ при окончательномъ охлажденіи публики къ моимъ трудамъ я нахожу болѣе приличнымъ прекратить

нѣ. Не надо также забывать и то, что такъ какъ я живу большою частью за-границей, то пониженіе курса, коему скорого конца и предвидѣть нельзя—не можетъ не отразиться печальною убылью въ моихъ доходахъ. Изъ всего этого выходитъ: *die schönen Tage von Arranjuez sind längst vorüber* <sup>1)</sup>. Но къ чему веду я всю эту матерію, спросишь ты меня?

А вотъ къ чему.

Ты былъ такъ добръ, что въ своемъ завѣщаніи оставилъ мнѣ 100,000 р. сер. Это, съ твоей стороны, тѣмъ великодушнѣе, что отъ меня ты вѣдь копѣйки не получишь, въ случаѣ моей смерти. Сверхъ того, ты мнѣ далъ въ займы 15,000 р. сер. Не могу не скрыть передъ тобою, что уплата 9% мнѣ, въ теперешнее тѣсное время, отягонительна, и потому не захочешь-ли ты довершить твое доброе дѣло и не отнесешь-ли эти 15,000 къ пожертвованной тобою суммѣ? или, говоря точнѣе: вмѣсто тѣхъ 100,000 р. не запишешь-ли въ завѣщаніи 85,000 р., такъ какъ я уже получилъ изъ нихъ 15,000 р.? Ты черезъ это лишишься выплачиваемыхъ мною процентовъ, но мнѣ это будетъ облегченіе великое, такъ какъ я именно эту сумму процентовъ употреблю на пенсіонъ разоренной моею дочерью. Напиши мнѣ два слова въ отвѣтъ и я буду знать, готовить-ли мнѣ къ будущему году эти 1,350 р. сер. процентовъ или нѣтъ.

У меня была даже болѣе дерзновенная мысль: при личномъ свиданіи я хотѣлъ тебя просить эти 15,000, которыя взяты мною заранѣе изъ тѣхъ 100,000, возвысить до 20,000, т. е. я было желалъ получить теперь 5,000 руб., а въ завѣщаніи чтобы всего осталось 80,000. Но это, конечно, мечта; хотя меня-бы это окончательно поставило на ноги. Ты знаешь, что я не сребролюбецъ и что, конечно, не способенъ ни на одинъ мигъ рассчитывать на твою смерть, тѣмъ болѣе, что, при малой разницѣ лѣтъ между нами и при плохомъ моемъ здоровьѣ, шансы между нами равны; но все-же мнѣ пріятно было-бы думать, что подобная мысль тѣмъ менѣе можетъ въ тебѣ зародиться, чѣмъ менѣе сумма, которую мнѣ приходится ожидать. Дай Богъ, тебѣ прожить сто лѣтъ!

Уфъ! Довольно... вотъ я тебѣ все и высказалъ.

Мнѣ сегодня легче и я начинаю пробовать ходить съ костылями, но раньше конца будущей недѣли нечего и думать о выѣздѣ. Повторяю мою просьбу о письмахъ и объ отвѣтѣ. Крѣпко обнимаю тебя и не сомнѣваюсь, что ты не будешь сердиться на меня за мою откровенность, на которую прошу отвѣчать таковою-же.

<sup>1)</sup> «Прекрасные дни въ Аранжуэцѣ давно прошли», изъ «Дон-Карлоса» Шиллера.

С.-Петербургъ. Четвергъ, 23-го юня.

Милый братъ, я получилъ твое письмо изъ деревни передъ самымъ моимъ отъездомъ въ Парижъ и очень опечалился, узнавъ о твоёмъ нездоровьи; только какія-же это подагрическія извы? Я въ первый разъ слышу о такой болѣзни. Мнѣ кажется, тебѣ-бы благо-разумнѣе всего было отправиться посоветоваться и полечиться за границу. Низкій курсъ и прочія неприятности не могутъ-же тебя останавливать: слава Богу, состояніе твое такое, что ты совершенно можешь не обращать на это никакого вниманія. А то, помилуй! здоровье ты свое потеряешь—для чего и для кого? Въ наши года этимъ пренебрегать не слѣдуетъ. Вотъ Некрасовъ не поспешилъ заплатить 7,000 р. сер. Вилльроту за то, чтобы онъ прѣхалъ изъ Вѣны его оперировать. Слава Богу, ты не въ положеніи Некрасова; но я только для этого тебѣ это говорю, чтобы ты принялъ всё нужныя мѣры для восстановления своего здоровья—не стѣсняясь рѣшительно ничѣмъ. Извини, что я говорю тебѣ такъ откровенно: мнѣ бы хотѣлось видѣть тебя не только совсѣмъ здоровымъ, но и наслаждающимся жизнью.

Моя подагра нѣсколько поутомянулась, такъ что я могу ухватъ, хоть сапога надѣть не могу.

Изъ Парижа напишу тебѣ. Хотя ты не легкокъ на подъемъ, а я все-таки тебѣ напоминаю, что въ моемъ chalet есть комната, совершенно сухая, обитая кретономъ и со всѣми удобствами, которая называется «chambre de mon frère» и ждетъ тебя.

Bougival, les Frères chalet.  
Воскресенье, 17 (5) сентабра.

Любезный братъ, великое удовольствіе доставило мнѣ твое собственноручное письмо, изъ котораго я могъ убѣдиться, что твое здоровье поправилось, послѣ такой тяжелой и мучительной болѣзни! Прими мое искреннее поздравленіе.

Я все-таки продолжаю думать, что тебѣ не худо было-бы прѣхать зимою въ Парижъ, посоветоваться съ докторами. Съ тѣхъ поръ, какъ я поступилъ на руки д-ра Сэ и принимаю его новооткрытое лекарство (Salicylate de Soude) мнѣ значительно лучше. C'est un spécifique contre le rhumatisme et la goutte <sup>1)</sup>. Впрочемъ, живу здѣсь чрезвычайно уединенно и стараюсь никого не видѣть. При теперешнемъ ужасномъ положеніи нашихъ дѣлъ, въ предвидѣніи новыхъ неизбежныхъ катастрофъ, русскому приличнѣе всего спрятаться въ нору, если онъ не можетъ оказать дѣятельную помощь своей родинѣ. А что я могу сдѣлать?

<sup>1)</sup> Это специфическое средство отъ ревматизма и отъ подагры.

Bougival. Пятница, 5 октября (24 сентября).

Любезный братъ, изъ послѣдняго твоего письма (отъ 12-го (24-го) сентября) я узналъ съ великимъ удовольствіемъ, что здоровье твое значительно поправилось. Полагаю, что ты недолго останешься въ деревнѣ—и все не теряю надежды увидѣть тебя зимою въ Парижѣ. Не могу скрыть отъ тебя, что не мало подивился твоей фразѣ: «я такъ и умру, не поживя ни одного дня въ свое удовольствіе». И это ты говоришь по поводу того, что я наслаждаюсь европейскою осенью, а ты нѣтъ. Душа моя, да кто-же тебѣ мѣшаетъ! Средства у тебя на это за- глаза. Мнѣ-бы очень хотѣлось, чтобы ты хоть для того прѣхалъ въ Парижъ, чтобы посоветоваться съ д-мъ Сэ; я убѣжденъ, что *Salicilate de Soude* также-бы тебѣ помогъ, какъ и мнѣ. А что твой докторъ даже не слыхивалъ имени этого лекарства—это только доказываетъ *une fois de plus* <sup>1)</sup>—какъ мы отстали и отстаемъ отъ всѣхъ другихъ народовъ на всѣхъ поприщахъ: обладаютъ-же турки лучшими ружьями, чѣмъ мы! Но объ этомъ лучше не говорить!

Книга г. Венгерова появилась года два тому назадъ и онъ мнѣ ее прислалъ. Его совѣты мнѣ продолжать мою литературную дѣятельность очень лестны, но слѣдовать я имъ не буду. Съ позволенія сказать, у меня уже не даже на музу.

У меня въ Спасскомъ дѣйствительно гоститъ сочинительша: «Безъ вины виноватыхъ», настоящее имя которой Елена Ивановна Бларамбергъ. Она очень хорошая дѣвушка и большая пріятельница Луизы Гериттъ, дочери г-на Влардо.

Мы переѣдемъ въ Парижъ около 8-го (20-го) октября. Поклоняюсь отъ меня всѣмъ твоимъ и, въ особенности, Маляревскому, которому я искренне обязанъ за его тщательный уходъ за тобою. Онъ, несомнѣнно, предавший тебѣ человекъ.

Парижъ, 50, Rue de Douai. Среда, 7-го ноября (26-го октября).

Любезный братъ, получилъ я твое писемцо съ тремя вырѣзками. Больше всего меня интересовали извѣстія о твоёмъ здоровьи; по всему видно, что дѣло подвигается къ лучшему, чему я отъ души радуюсь; а волосы выростутъ скоро—объ этомъ не безпокойся. Домъ у тебя въ Тургеневѣ теплый и ты въ немъ удобно встрѣтишь зиму. Кстати—поздравляю тебя съ днемъ твоего рожденія: 61 годъ! Мы съ тобой

<sup>1)</sup> Одинъ лишній разъ.

давно созрѣли; будемъ надѣяться, что не скоро еще свалимся съ вѣтки, какъ переспѣлый плодъ.

Побѣду подъ Карсомъ мы одержали хорошую, благодаря прибытію генерала Обручева котораго до сихъ поръ держали въ сторонѣ, яко-бы «краснаго»; но, по свойственной намъ распущенности и вялости, мы не умѣли извлечь всей возможной пользы изъ нашей побѣды; какой-нибудь Мольтке давно-бы уже завладѣлъ и Эрзерумомъ, и Карсомъ. Но мы ограничились только тѣмъ, что, противно всѣмъ статутамъ, (роздали награды), которыя даются только за побѣду, за которою послѣдовалъ выгодный миръ. Затѣянная нами война кончится не ранѣе будущей осени; въ этомъ ты можешь быть увѣренъ.

Яблочковъ, нашъ соотечественникъ, дѣйствительно изобрѣлъ нѣчто новое въ дѣлѣ освѣщенія; пока только его способъ нѣсколько дорогъ. Если ему удастся его удешевить, то предстоитъ цѣлый переворотъ въ фабрикаціи газа, а ему — нажить миллионы. Въ Парижѣ-же онъ прибылъ потому, что только здѣсь нашелъ капиталистовъ, которые согласились рискнуть и ссудили его деньгами, необходимыми для опытовъ, изысканій и проч.

Такъ какъ ты интересуешься переводами моей, столь единодушно обруганной, «Нови», то могу тебѣ сказать, что до сихъ поръ она уже появилась на слѣдующихъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ (четыре разныхъ перевода!), англійскомъ, итальянскомъ, шведскомъ, польскомъ чешскомъ, сербскомъ и венгерскомъ.

Здоровье мое продолжаетъ быть удовлетворительнымъ, благодаря Salicylate; въ половинѣ декабря думаю выѣхать въ Россію и, конечно, на этотъ разъ увижу тебя.

Paris. Вторникъ, 4-го декабря (23-го ноября).

Любезный братъ, спѣшу отвѣтить на твои два письма. Сдѣлаю это вкратцѣ потому, что вотъ уже три недѣли, какъ лежу въ постели по милости подагры. А Salicylate? спросишь ты, измѣнилъ ли хуже Базена. Правда, я самъ виноватъ: промочилъ себѣ ноги; какъ-бы то ни было, ты, вотъ, ходишь еще на костыляхъ, а я, пока, и мечтать о нихъ не дерзаю. Остается одно: терпѣніе! Плавь, разумѣется, всѣ мои лопнули и я даже стараюсь не заглядывать въ будущее. На счетъ 200 р. сер. прошу тебя прислать прилагаемую записку къ Н. А. Щепкину и онъ немедленно удовлетворитъ тебя.

Я рѣшился было попросить тебя о перенесеніи моего долга въ ту сумму, которую ты самъ назначилъ мнѣ въ завѣщаніи — подъ вліяніемъ раззоренія моей дочери ея мужемъ, поглотившемъ ея приданое

(она теперь у меня на рукахъ), и въ той мысли, что ты человекъ, обладающій значительными капиталами. Но какъ изъ твоего письма я долженъ заключить, что ты находишься въ положеніи стѣсненномъ, то я беру свое слово назадъ и, какъ говорится, *je ferai feu des quatre pieds* <sup>1)</sup>, чтобы уплатить тебѣ тѣ 9%, которые ты берешь съ меня за столь обязательно ссуженную мнѣ сумму денегъ.

Что касается до г. Чадаева, то я уже распорядился объ отсрочкѣ платежа 4,000 р. сер. и написалъ объ этомъ Н. А. Щепкину. Не сомнѣваюсь въ его честности и сочувствую его положенію; но, странно, что онъ не позаботился прислать мнѣ порагѣе свое письмо, которое попало въ мои руки въ самый день, когда слѣдовало платить деньги.

Какъ и всѣ русскіе, я порадовался взятію Карса; это очень блестящее дѣло. Но война отъ этого не прекратится; раньше будущей зимы нечего и думать о мирѣ, а до тѣхъ поръ сдены, которыхъ ты былъ свидѣтелемъ въ деревнѣ, повторятся сотни разъ — и какое разоренье насъ ожидаетъ въ концѣ концовъ! За симъ, пожмемъ, какъ бы, крѣпко руки другъ другу и до свиданія — *sur? quomodo? quando?* <sup>2)</sup>, какъ гласитъ латинская грамматика.

Paris. Вторникъ, 11-го декабря (30-го ноября).

Любезный братъ, сейчасъ получилъ твое письмо съ извѣстіемъ о кончинѣ Варвары Григорьевны. Смерть неразборчива: лучше-бы ей было убрать ея блажнаго братца. Точно также она-бы очень хорошо сдѣлала, похеривъ здѣшняго президента Макмагона, который во всѣхъ парахъ гонитъ Францію къ гибели. Да куда! сто лѣтъ прожить!

Мое здоровье поправляется, только очень медленно. Я еще изъ комнаты не выходилъ и двигаюсь съ мѣста на мѣсто посредствомъ двухъ костылей. Что касается до твоей упорной ранки, то я зналъ, такія раны часто излечиваются посредствомъ *compresses chaufées*. Если ты этого еще не пробовалъ, то попробуй: повредить оно, во всякомъ случаѣ, не можетъ.

Сегодня пришло извѣстіе о взятіи Шлевны; это большой шагъ впередъ къ заключенію выгоднаго мира и уравниваетъ печальное впечатлѣніе нашего пораженія подъ Еленой.

<sup>1)</sup> Пользу изъ кожи вонъ.

<sup>2)</sup> Затѣмъ, какимъ образомъ, когда?



Paris. Среда, 22-го (10-го) декабря.

Любезный братъ, получилъ твои два письмаца и отвѣчаю. Сообщенныя тобою извѣстія я уже зналъ, такъ какъ получаю здѣсь русскія газеты («Новое Время», «Голосъ», «Московскія Вѣдомости» и «Сѣверный Вѣстникъ»), но мнѣ пріятно было видѣть твое вниманіе, а также и твои патріотическія чувства. Что касается до моего здоровья, то оно поправляется, хотя весьма медленно; вчера я въ первый разъ попробовалъ выѣхать, что оказалось дѣломъ не легкимъ: ноги совсѣмъ еще слабы и плохи. Очень былъ радъ узнать, что тебѣ лучше и рана заживаетъ.

Вырѣзки изъ газетъ о надписи на домѣ Доре и Луврскихъ картинахъ—пуффы! Надо-же гг. корреспондентамъ, отъ времени до времени, что нибудь выдумывать.

Сочувствую неприяностямъ, которымъ ты подвергаешься по случаю военно-конной и другихъ повинностей; но не могу не напомнить тебѣ извѣстнаго анекдота о французѣ съ его café и pousse-café. Здѣсь, какъ тебѣ извѣстно, произошла коренная перемена въ правительствѣ и, кажется, на этотъ годъ Франція застрахована отъ всякихъ катастрофъ. Что же касается до нашихъ дѣлъ, то едва-ли они достигнутъ благополучнаго разрѣшенія раньше лѣта, особенно если, какъ того слѣдуетъ ожидать, Англія объявитъ намъ войну. Надо запастись твердостью и выждать... «*Chi dura—vincet!*»<sup>1)</sup>, говорятъ итальянцы.

---

1878 г.

Новый годъ начался для Ивана Сергѣевича при самыхъ печальныхъ обстоятельствахъ... «Здоровье мое поправилось», писалъ онъ Я. П. Полонскому<sup>2)</sup>, «подагра почти покинула меня, но нравственно я, хуже чѣмъ калѣка—я совсѣмъ старикъ; ко всему охладѣлъ и только воспоминанія о прежнихъ друзьяхъ и временахъ немного шевелятъ меня. Узналъ вчера о смерти Некрассава и предался горестнымъ размышленіямъ—не о немъ одномъ».

«Послѣдняя недѣля была не для меня одного недѣлею смерти: я потерялъ нѣсколько лицъ, связанныхъ съ моею прошедшею жизнію».

---

<sup>1)</sup> Кто твердо держится — побѣждаетъ.

<sup>2)</sup> Первое собр., № 263, стр. 326, 327. 2-го и 11-го января 1878 г.

«Ты знаешь мое мнѣніе о Некрасовѣ, и потому говорить о немъ не стану. Пускай молодежь носится съ нимъ. Оно даже полезно, такъ какъ въ концѣ концовъ тѣ струны, которыя его поваля (если только можно такъ выразиться) заставляютъ звенѣть — струны хорошия. Но когда г. Скабичевскій, обращаясь къ той-же молодежи, говорить ей, что она права, ставя Некрасова выше Пушкина и Лермонтова, и говорить это «не обвинуясь», я съ трудомъ удерживаю негодование и только повторяю стихи Шиллера.

Ich sah des Rumes schönste Kränze  
Auf der gemeinen Stirn entweiht...<sup>1)</sup>

«Ты пеняешь мнѣ на мое молчаніе», писалъ онъ черезъ три мѣсяца тому-же лицу<sup>2)</sup>, «и спрашиваешь, что съ тобой? Да въ томъ-то и штука, другъ мой, что ничего со мною, и самъ я—ничего и жизнь моя—ничего; и не о чемъ писать, и сообщать нечего».

Въ апрѣлѣ съ Иваномъ Сергѣевичемъ былъ сильнѣйшій припадокъ недуга; физическія страданія много способствовали пущему упадку энергіи и усилению апатіи...

«Твои пени на счетъ моего литературнаго молчанія (писалъ онъ Я. П. Полонскому<sup>3)</sup>) очень дружественны и милы, но сущность дѣла не мѣняютъ. Чтобы писать — особенно теперь — надо жить въ Россіи; жить я тамъ постоянно не могу; егдо: писать не слѣдуетъ. А что теперь слышатся голоса, которые объ этомъ яко-бы сожалѣютъ — это тоже ничего не значить; попробуй я черкнуть строку—тѣ-же самые голоса завопятъ: «вишь, старый фразеръ, не выдержалъ!» Вообще мнѣ слѣдуетъ теперь держаться подалеже отъ литературы. Вонъ, говорятъ, сыновья Пушкина собираются ѣхать въ Парижъ бить меня за напечатаніе писемъ ихъ отца. Пускай они, по крайней мѣрѣ, начнутъ съ собственной сестры, которая мнѣ это разрѣшила»<sup>4)</sup>.

Переписка съ братомъ не могла приносить Ивану Сергѣевичу ни малѣйшей отрады: нескончаемыя бесѣды о болѣзняхъ обоихъ братьевъ, о денежныхъ расчетахъ—такова была, какъ увидимъ, ихъ сущность. Но и въ нихъ врожденный юморъ Тургенева иногда искрился яркими блесками; Иванъ Сергѣевичъ, будучи боленъ самъ, находилъ слова утѣшенія и ободренія для своего больного, скужающаго, недовольнаго брата.

<sup>1)</sup> Я видѣлъ какъ осквернялись прекраснѣйшіе вѣнки славы, осѣняя сами обмытые лбы...

<sup>2)</sup> Первое собр., № 265, стр. 328 (отъ 1-го марта).

<sup>3)</sup> Первое собр., № 266, стр. 329—330.

<sup>4)</sup> Сообщенныя дочерью А. С. Пушкина, графиней Мерецбергъ, письма были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы».

Paris. Вторникъ, 3 (15) января.

Любезный братъ, получилъ я отъ тебя письмо (отъ 28 декабря 1877 года) и спѣшу отвѣчать. Огорчаетъ меня извѣстiе, что рана на твоей ступнѣ все не заживаетъ, и полагаю, что тутъ отчасти виновать твой деревенскiй докторъ. Отчего ты не переѣдешь хоть въ Москву? При теперешнихъ порядкахъ на желѣзныхъ дорогахъ можно это сдѣлать со всяческимъ удобствомъ. Мои ноги поправились, хотя все еще слабы и дряблы; однако, со вчерашняго числа я надѣлъ сапоги. Ты извѣщаешь меня о кончинѣ дяди Николая Николаевича; тебѣ, конечно, нѣтъ особенныхъ причинъ горевать о немъ, но я, вспомянувъ прошедшее, особенно давно прошедшее, поскорбѣлъ... Ты знаешь, какъ сильно я любилъ его въ дѣтствѣ—а это никогда не проходить...

Истекшая недѣля была вообще для меня недѣлей похоронной; я узналъ о смерти дяди, Гринвальда, потомъ Некрасова... Эти лица разнымъ образомъ, но были связаны съ моимъ прошлымъ... Et l'on fait involontairement un retour sur soi même <sup>1)</sup>!

Перейдя 50 лѣтъ, жизнь каждаго человѣка становится чѣмъ-то въ родѣ Плевны: смерть ее осаждаетъ—и человѣку приходится бороться и защищаться отъ почти ежедневныхъ приступовъ, пока...

Но будемъ надѣяться, что наша капитуляція еще не слишкомъ близка.

Правда и то, что иныхъ индивидуумовъ смерть, какъ будто, нарочно забываетъ. Что-бы ей стоило, напр., прибрать дурака, злаго дурака Гурьева, которому чуть не 8-й десятокъ пошелъ. Поль Вiардо сдѣлался отличнымъ скрипачемъ (ему 20<sup>1/2</sup> л.)—и онъ уже началъ свою карьеру.

Повторяю тебѣ мой совѣтъ: не застрявай въ деревнѣ. Въ такихъ хроническихъ язвахъ перемѣна воздуха иногда дѣйствуетъ спасительно.

Paris. Четвергъ, 12 (24) января.

Любезный братъ, сию минуту получилъ твое письмо отъ 5 (17) января. Я радъ, что извѣстiе о кончинѣ дяди оказалось ложнымъ, хотя при его годахъ (83 года) долго оно запоздать не можетъ. Извѣстiе о твоей незаживающей ранѣ меня, напротивъ, опечалило. Я все-таки того мнѣнія, что тебѣ надо посовѣтываться съ дѣльными врачами. Примѣръ Некрасова тутъ нисколько не идетъ къ дѣлу; тотъ былъ

<sup>1)</sup> И невольно обращаешься на себя самого.

болень неизлечимою болѣзнію—и докторъ, продлившій на 7 мѣсяцевъ его жизнь, все-таки сдѣлалъ чудо; тебя вовсе не предстоитъ спасать отъ смерти—а посредствомъ врачебнаго искусства помочь тебѣ. Искусство это существуетъ несомнѣнно; а вотъ судьбы, отъ которой, будто-бы, нельзя уйти, никто не выдалъ—да и врядъ-ли кто можетъ себя представить, что это за птица. А потому я все-таки повторяю свой regain <sup>1)</sup>: обратись къ хорошему доктору. Что же касается до писемъ Пушкина и т. д., то я удивляюсь, какъ ты—старинный журнальный чтець—еще не убѣдился въ необходимости слѣдующаго правила.

«Изъ всякаго журнальнаго извѣстія о какойнибудь личности — одну половину слѣдуетъ выкидывать тотчасъ, какъ совершенное вранье, а второй половинѣ, какъ пустой болтовнѣ—тоже не вѣрять».

Съ какой стати я стану издавать Пушкинскія письма по французски? Какому французу они нужны? Откуда я возьму деньги, чтобы покупать ихъ у гр. Меренбергъ? Дѣло, просто, слѣдующее: редація «Вѣстника Европы» купила у дочери Пушкина письма ея отца къ ея матери и печатаетъ ихъ въ своемъ журналѣ. А дочь Пушкина попросила меня быть ихъ издателемъ (что я считаю для себя большою честью), т. е. написать предисловіе и выключить изъ писемъ то, что не годится для печати. Все это я исполнилъ и если бы ты получалъ «Вѣстникъ Европы» (что ты напрасно не дѣлаешь), ты-бы увидѣлъ въ первомъ-же номерѣ половину этихъ очень интересныхъ писемъ.

Пушкинъ оставилъ двухъ сыновей и двухъ дочерей,

Удивительнѣй всего то, что младшая ея дочь, оставшаяся полугодовымъ ребенкомъ послѣ его смерти (эта самая гр—ня Меренбергъ), какъ двѣ капли воды на него похожа! А онъ подозрѣвалъ жену. Старшая дочь была замужемъ за ген. Гартунгомъ, который застрѣлился въ присутственномъ мѣстѣ въ Москвѣ.

Paris. Четвергъ, (26 января) 7 февраля.

Любезный братъ, обращаюсь къ тебѣ съ просьбой, исполненіемъ которой ты мнѣ сдѣлаешь большое удовольствіе.

Тебѣ извѣстно, что вслѣдствіе затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ я нахожусь, мнѣ было-бы тяжело заплатить тебѣ проценты (въ нынѣшнемъ году) съ должныхъ мною тебѣ 15,000 руб. (1,350 р.). Вотъ что я тебѣ предлагаю. У меня въ Петербургѣ (и

<sup>1)</sup> Припѣвъ.

магазинѣ Беггрова) находится большая картина извѣстнаго французскаго живописца Бланшара. Онъ представляетъ нагую женщину (во весь ростъ), лежащую на богатомъ ложѣ и смотрящую на маленькую ручную змѣйку, которая вѣется около ея руки. Картина эта на выставкѣ 1874 года получила вторую медаль и заплочена мною 6,000 фр., что, по тогдашнему курсу (рубль въ 3 франка 50 сант.), составляло слишкомъ 1,700 руб. Я бы очень былъ тебѣ благодаренъ, если-бы ты согласился взать ее въ уплату процентовъ нынѣшняго года. Могу тебя увѣрить, что эта картина въ своемъ родѣ *chef d'oeuvre* и нисколько не неприлична; напротивъ—она въ твоемъ московскомъ домѣ произвела-бы прекрасный эффектъ—на мѣстѣ той огромной хромо-литографіи, которая, помнится, виситъ тамъ. Беггровъ взялся ее продать за 1,500 р., но въ теперешнее—или въ бывшее—военное время никто не думалъ тратиться на художественныя произведенія. Принятіемъ моего предложенія ты-бы оказалъ мнѣ великую услугу; но я твердо убѣжденъ, *que vous ne ferez pas une mauvaise affaire* <sup>1)</sup>. Когда я покупалъ эту картину, всѣ ее цѣнили въ 10.000 фр. Если ты согласишься, дай мнѣ знать, и я немедленно напишу Беггрову, чтобы онъ отправилъ эту картину къ тебѣ въ московскій домъ. Дай мнѣ знать также о твоемъ здоровьѣ—и намѣренъ-ли ты всю зиму остаться въ деревнѣ. Мнѣ, съ нѣкоторыхъ поръ, гораздо лучше—и я теперь хожу почти какъ всѣ люди. Война едва-ли возобновится и есть нѣкоторая надежда на измѣненіе къ лучшему положенія нашихъ дѣлъ.

Paris. Суббота, 23 (11) февраля.

Любезный братъ, нѣсколько дней тому назадъ я получилъ отъ Н. А. Щепкина письмо, въ которомъ онъ увѣдомилъ меня о томъ, что ты сообщилъ ему о должныхъ мною тебѣ 15,000 р. и объ уплатѣ процентовъ; а вчера пришло отъ тебя письмо, въ которомъ ты отказываешься отъ принятія моей картины въ зачетъ 1,300 р. Разуmѣется, мнѣ на это сказать нечего; но такъ какъ ты самъ предложилъ мнѣ, въ виду стѣсненныхъ моихъ обстоятельствъ, разсрочить уплату этой суммы, то я сегодня-же отдалъ Щепкину приказаніе свезти къ тебѣ 500 руб., а остальные 850 р. будутъ выплачены тебѣ частями, или цѣликомъ до 15 іюля нынѣшняго года. Сожалѣю, что не могу удовлетворить тебя немедленно—и надѣюсь, что ты не будешь слишкомъ претендовать на меня: сила солому ломить. Прибавлю нѣсколько

<sup>1)</sup> Вы не останетесь въ убыткѣ.

словъ. Ты, конечно, ноялъ, что я предложилъ тебѣ эту сдѣлку съ картиной послѣ долгихъ колебаній: меня необходимость вынудила.

Я полагалъ, что ты въ это вступишь. По собственной неосторожности, а главное вслѣдствіе сдѣланнаго между нами раздѣла, (тогдашняя низкая оцѣнка лѣсовъ, которые почти всё тебѣ достались и продажа которыхъ принесла тебѣ такія выгоды и пр.) — ты теперь, говоря безъ преувеличенія — въ 5 или 6 разъ богаче меня; вотъ, я и подумалъ, что ты не откажешься принести эту жертву, которая, въ концѣ концовъ, не могла превзойти нѣсколькихъ сотъ рублей. Картину я отослалъ на продажу въ Петербургъ, потому что она была слишкомъ громадна для моихъ маленькихъ комнатъ, и я надѣялся сбыть ее выгоднѣй въ Петербургѣ; но я ошибся въ расчетѣ, не принявъ въ соображеніе войны, и т. д. Если-бы не банкротство моего зятя, которое поглотило всё 150,000 фр., данныхъ въ приданое за мою дочь, я-бы, конечно, не рѣшился прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ. Но теперь уже сожалѣть поздно — и надо постараться извернуться. Я рѣшился продать всю мою коллекцію картинъ здѣсь съ аукциона: мнѣ онѣ стоили 50,000 фр., а я едва-ли выручу 25; но вѣдь продавъ же я свой домъ въ Баденѣ за 100,000 фр., а онъ мнѣ стоилъ 160 т. Одно утѣшеніе — довольно, впрочемъ, плохое: я уже теперь вступаю въ старъ, что едва-ли успѣю въ будущемъ надѣлать много глупостей. Кусокъ хлѣба до конца жизни будетъ.

Позволь мнѣ сдѣлать тебѣ одно послѣднее замѣчаніе. Изъ писемъ твоихъ я вижу, что ты разнымъ лицамъ даешь деньги подъ залоги и, вѣроятно, за высокіе проценты. Мнѣ-бы не слѣдовало пенять на это — такъ какъ я самъ получилъ деньги отъ тебя — и, давай безъ залога... Но, воля твоя, какъ-то странно видѣть человека съ твоимъ именованіемъ предающимся такимъ спекуляціямъ. Изъ всѣхъ привилегій дворянства, которыя, слава Богу, исчезли, только и осталась, что поговорка: Noblesse oblige. Отдаваніе денегъ подъ векселъ и т. д. какъ-то плохо вяжется съ этимъ. Пожалуйста, не сердись на меня за эту откровенность — и бросимъ этотъ разговоръ.

Въ твоей рапортѣ, рисунокъ которой ты прилагаешь, несправедливо мѣстоположеніе на ступнѣ: она мѣшаетъ тебѣ свободно ходить и носить сапогъ. Но папа Пій IX, который скончался 86 лѣтъ отъ роду съ 50-ти лѣтняго возраста носилъ двѣ раны на икрѣ ноги и наслаждался совершеннымъ здоровьемъ. Это не должно мѣшать тебѣ постараться объ ея окончательномъ закрытіи, которое, вѣроятно, не замедлитъ послѣдовать: я только привелъ этотъ примѣръ въ видѣ нѣкотораго утѣшенія.

Здоровье мое недурно; я простудился надняхъ и лишился временно голоса — но это не важно.

Желаю тебѣ всего хорошаго, кланяюсь твоимъ и обнимаю тебя.

Въ тотъ-же день Иванъ Сергѣевичъ писалъ Николаю Александровичу Щепкину слѣдующее письмо, подъ вліяніемъ обиды, нанесенной ему слишкомъ бережливымъ и чрезчуръ аккуратнымъ въ денежныхъ дѣлахъ братомъ-займодавцемъ:

1) Николай Сергѣевичъ дѣйствительно ссудилъ мнѣ 15,000 р. сер. по 9% въ годъ, что составляетъ 1,300 р. <sup>1)</sup>. Эти деньги я обязанъ ему внести въ февралѣ. При теперешнемъ положеніи это мнѣ отяготительно и я просилъ Николая Сергѣевича о разсрочкѣ, на которую онъ согласился. И потому прошу васъ взять либо изъ арендной суммы вашего батюшки, либо изъ казенскихъ денегъ 500 (пятьсотъ) рублей серебромъ, которые вы доставите Н. С. (я его объ этомъ предупредилъ); а остальные 850 р. я выплачу ему до 15 іюля. Такъ вы ему и скажите. А какія у васъ окажутся свободныя деньги—перешлите мнѣ.

2) Вслѣдствіе небольшой суммы, пожертвованной Ник. Сергѣевичемъ при основаніи больницы, онъ имѣетъ право помѣщать въ ней двухъ богадѣльцевъ; сколько я помню, одинъ уже помѣщенъ имъ; въ такомъ случаѣ вы можете принять другаго. Если-же помѣщены имъ уже двое—то третій можетъ поступить только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ платилъ за его содержаніе.

Остальные два пункта касаются аренды Каднаго и нѣкоторыхъ порученій.

Paris. Суббота, 6 апрѣля (25 марта).

Любезный братъ, я нѣсколько позамѣшкалъ отвѣтомъ на твое послѣднее письмо,—хотѣлъ сообщить тебѣ что нибудь успокоительное на счетъ нашихъ восточныхъ дѣлъ, да видно этого не дожدهшься. Войны съ Англіей намъ не миновать, и чѣмъ мы будемъ больше мѣшкать—тѣмъ хуже. Ей слишкомъ выгодно и сподручно воевать съ нами и никакія уступки съ нашей стороны ее не удовлетворять. Для насъ это будетъ нѣчто въ родѣ раззоренія, но надо умѣть чорту въ глаза смотрѣть.

Лично мнѣ было-бы пріятно, чтобы разрывъ—неизбѣжный—не произошелъ раньше двухъ недѣль: въ субботу 20 апрѣля продаются съ аукціона всѣ мои картины—и хотя я напередъ знаю, что много на нихъ потеряю, но въ случаѣ войны онѣ пойдутъ почти что за даромъ—дѣлать нечего!

Я удивляюсь, почему ты остановился именно на исторіи de M-r Nikolaitis poète russe? Этакихъ утокъ ежедневно появляются десятки;

<sup>1)</sup> Очевидная описка, слѣдуетъ быть 1,350 р.

онѣ большею частью придумываются господами репортерами, получающими 50 сантимовъ за строку. Вся правда въ этой утѣ состоитъ въ томъ, что нѣкто *Jacquot, parisien pur-sang* <sup>1)</sup>, выдалъ себя за графа Снявина и надулъ одного ювелира на нѣсколько тысячъ франковъ. Завтра такой-же Жако выдастъ себя за лорда Тичборна—и тоже попробуетъ надуть когонибудь, благо порода *des badauds* <sup>2)</sup> не перевелась; послѣ завтра это будетъ *duc de Serra Merdosa*, а тамъ—баронъ *von-Grossmann et sic in infinitum* <sup>3)</sup>. Вотъ и будетъ чѣмъ шутиться репортерамъ.

Радуюсь, что ты рѣшаешься прекращать ссуды подъ залоги. Отчего не извлекать пользы изъ своихъ денегъ? Да эта манера какъ-то зорна. Теперь-же такъ легко найти вѣрныя бумаги, приносящія 6 и даже 7 процентовъ.

Мнѣ очень досадно, что твоя нога все еще тебя мучитъ; не можешь ли представить, какъ это не заживить ранку? Воля твоя, я на твою мѣсть при первой-же возможности поѣхалъ-бы на какия-нибудь извѣстныя, въ этихъ случаяхъ, воды—въ Крейцнахъ, напримѣръ.

Ив. Тургеневъ.

<sup>1)</sup> Жако—чистокровный парижанинъ.

<sup>2)</sup> Ротозѣвъ.

<sup>3)</sup> И такъ—до безконечности (правильнѣе—*ad infinitum*).



## ПАВЕЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КУКОЛЬНИКЪ

† 1884 г.

Скончавшійся въ 1884 году въ г. Вильнѣ престарѣлый писатель, имя котораго стоитъ въ заголовкѣ этихъ строкъ, былъ близко знакомъ мнѣ по соединявшей его дружбѣ съ покойными родителями монахи. Записку здѣсь нѣкоторыя, хорошо извѣстныя мнѣ, данныя изъ его жизни, въ дополненіе къ немногимъ сообщеннымъ о немъ въ печати свѣдѣніямъ по поводу его смерти.

Павелъ Васильевичъ Кукольникъ родился еще въ концѣ прошлаго столѣтія и получилъ свое образованіе въ С.-Петербургѣ, куда отецъ его — по происхожденію словакъ — переселился на жительство съ семействомъ. Онъ былъ роднымъ братомъ весьма популярнаго въ свое время писателя Нестора Кукольника, автора многихъ историческихъ повѣстей и драматическихъ произведеній патріотическаго содержанія. Притыкая въ 1820-хъ гг. къ той идеѣ знаменитыхъ русскихъ людей, къ которой принадлежалъ его братъ и въ средѣ которой находились друзья послѣдняго — Глинка и Брюловъ, П. В. Кукольникъ, не выдѣляясь особеннымъ творчествомъ своего дарованія, успѣлъ, однако, приобрести себѣ нѣкоторую извѣстность въ литературѣ своими превосходными переводами польскихъ писателей, въ особенности же поэтовъ Кондратовича-Сырокомли и Одынца, и этой скромною извѣстностью своею онъ настолько дорожилъ, что сильно негодовалъ, если, думая сдѣлать ему пріятное, упоминали, для полноты опредѣленія, рядомъ съ его именемъ болѣе извѣстное въ литературѣ имя его брата. Подобнаго рода комментарій къ своему имени онъ находилъ неумѣстнымъ и считалъ свое самостоятельное значеніе въ литературѣ достаточно упроченнымъ.

Но не въ одномъ только этомъ фактѣ выражалась своеобразность покойнаго писателя. По странной причудливости своего характера онъ, словно, вѣчно находился въ противорѣчій съ самимъ собой, считая лучшія свои произведенія — худшими, а худшія — лучшими.

Ничѣмъ, бывало, нельзя было болѣе угодить ему, какъ попросивъ его про-

читать его поэму „Иуда“, изданную имъ отдѣльной книгой. Почтенный писатель приходилъ тогда въ необычайный пафосъ и съ жаромъ декламировалъ свое ничѣмъ особеннымъ не отличавшееся и крайне растянутое стихотворное произведеніе. А между тѣмъ изъ массы написаннаго имъ, какъ въ прозѣ, такъ и въ поэзи, попадались вещи несомнѣннаго достоинства и заслуживающія полнаго уваженія. Только такой особенноти его характера слѣдуетъ, между прочимъ, приписывать и то достойное сожалѣнія обстоятельство, что написанная имъ Исторія Великаго Княжества Литовскаго не сдѣлалась достоинствомъ печати и осталась неизвѣстною для публики. Будучи сначала учителемъ всеобщей и отечественной исторіи въ виленской гимназіи, а затѣмъ занимаемая долгое время касседру того же предмета въ виленскомъ университетѣ до самаго закрытія послѣдняго, П. В. Кукольникъ былъ глубокимъ знаткомъ своей спеціальности вообще и въ частности исторіи края, въ которую провелъ большую часть своей жизни. Онъ въ совершенствѣ изучилъ всѣ особенности страны, зналъ ее вдоль и поперекъ, пользовался неизданнымъ матеріаломъ, рылся въ частныхъ, ему одному доступныхъ, архивахъ и вложилъ въ свой капитальный трудъ всѣ добытыя имъ долготѣнною ученою дѣятельностью свѣдѣнія и познанія. Но, какъ уже сказано, въ авторской дѣятельности его отражалась вся субъективность его нрава, вслѣдствіе чего его Исторія Литы не суждено было появиться въ свѣтъ, такъ какъ онъ никогда не хотѣлъ признавать за нею неоспоримаго ея достоинства и ни подъ какими видами не соглашался отпечатать ее.

Вотъ все, что имѣе известно о его литературной дѣятельности.

Что касается до частной его жизни, то о ней слѣдуетъ замѣтить, что популярноть его въ Вильнѣ, какъ между русскими, такъ и между поляками и евреями, была громадна. Кто не зналъ изъ жителей этого города его типичной фигуры, всегда облеченной въ виць-мундиръ министерства вроднаго просвѣщенія, въ узкія штаны со штричками, въ стоячій высокій галстухъ, съ зачесанными на виски волосами и съ неизмѣнною сигарой во рту! Но не въ одномъ лишь внѣшнемъ видѣ и старофасонномъ костюмѣ заключалась его популярноть: она крылась гораздо глубже... Онъ былъ истинно доброй души человекъ, христіанинъ въ широкомъ значеніи этого слова, готовый всегда подѣлиться съ нуждающимся, безъ различія его національности, вслѣдствіе чѣмъ только позволяли ему его ограниченныя средства, и это располагало къ нему всѣхъ, кто его зналъ.

По закрытіи виленскаго университета, П. В. Кукольникъ служилъ долгое время цензоромъ въ Вильнѣ, а за нѣсколько лѣтъ передъ смертію оставилъ вовсе службу, жилъ получаемою имъ небольшою пенсіей, не бросая пера до конца жизни, овдовѣлъ и умеръ на рукахъ одной сиротливой дамы, дальнѣйшей знакомой его семейства, посвятившей себя присмотру немощнаго старца. Онъ умеръ на 90 году жизни.

Прибавлю, въ заключеніе къ этому небольшому воспоминанію моему о покойномъ писателѣ, одинъ сохранившійся въ памяти моей небезынтересный эпизодъ изъ его жизни. То было еще въ молодые годы его, когда онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Несторомъ Васильевичемъ, проживалъ въ Петербургѣ. Однажды, когда у нихъ по обыкновенію собрался небольшой кружокъ близкихъ знакомыхъ, состоявшій изъ лучшихъ того времени писателей и художниковъ, Павелъ Васильевичъ, никогда ни о чемъ гладнокровно не говорившій, затѣялъ по поводу чего-то горячій споръ. Хорошо знавшіе и изучившіе его привычки друзья его стали возражать ему, больше, впрочемъ, для того, чтобы посягаться надъ нимъ и подразнить его. Выведенный изъ терпѣнія изъ шутивыми насмѣшками, покойный писатель, ходившій быстрыми шагами по комнатѣ, вдругъ остановился на ходу и оборвалъ споръ, назвавъ всѣхъ ихъ дураками...

„Стой и не шевелись!“ вскрикнулъ неожиданно, обращаясь къ нему, находившійся при этомъ Брюловъ, и, схвативъ палитру и кисти, гениальный художникъ быстро набросалъ тутъ же, на всегда имѣвшемся для него наготовѣ полотнѣ, типичную фигуру П. В. Кукольника.

Я часто засматривался на этотъ замѣчательный портретъ, висѣвшій всегда на видномъ мѣстѣ въ квартирѣ своего оригинала. Мастерскою кистью отдѣлано лицо покойнаго писателя и нѣсколькими бойкими штрихами набросана по поясъ его остальная недоконченная фигура, въ халатѣ, съ заложенными за спину руками. Какъ живой выглядываетъ онъ изъ рамки и, насмѣшливо улыбаясь, смотритъ на зрителя. Было бы очень жаль, если бы этотъ превосходный набросокъ нашего бессмертнаго художника, написанный имъ, такъ сказать, экспромтомъ, подъ напѣтомъ минутнаго вдохновенія, пропалъ безслѣдно для роднаго искусства.

Анатолій Е—овъ.

# НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ

въ послѣдніа десять лѣтъ его жизни.

1875—1885.

## I.

Первый годъ послѣднаго десятилѣтія былъ роковымъ въ жизни нашего даровитаго историка, но въ то-же время и счастливымъ его годомъ.

Въ началѣ 1875 года Костомаровъ—какъ мы уже и говорили объ этомъ—перенесъ тяжкую болѣзнь, которая едва не свела его въ могилу. Врачи говорили, что это былъ тифъ, и это мнѣніе утвердилось въ обществѣ и осталось въ печати. Но извѣстный въ то время въ Петербургѣ даровитый врачъ Н. А. Бѣлоголовый, вмѣстѣ съ другими врачами присутствовавшій при консультаціяхъ у постели больного историка, утверждалъ тогда при мнѣ и при другихъ гостяхъ Г. З. Елисеева, что у Костомарова былъ не тифъ, а особаго рода мозговой ударъ, которому бываютъ подвержены нѣкоторые субъекты, называемые имъ «мозговиками», и при этомъ говорилъ, что онъ и себя причисляетъ къ «мозговикамъ», и что мозговой ударъ оставляетъ послѣ себя непоправимые слѣды на умственной сторонѣ перенесшаго ударъ.

— Теперь ужъ у Костомарова голова будетъ не та, что была прежде: живого творчества въ ней уже много поубавится, доказывалъ г. Бѣлоголовый; это будетъ не тотъ Костомаровъ.

Но почтенный врачъ не зналъ обстоятельствъ жизни покойнаго историка. У меня есть основанія предполагать, что въ 1875 году у Костомарова былъ уже второй мозговой ударъ, а первый поразилъ

его еще въ 1870 году. Объ этомъ первомъ ударѣ у меня сохранилось свидѣтельство самого пострадавшаго—это письмо его ко мнѣ отъ 31-го октября 1870 года, начинающееся словами: «я трохн дуба не давъ», т. е. «я едва не протянулъ ноги»,—гдѣ прямо онъ говоритъ о страшномъ головномъ ударѣ, поразившемъ его въ сентябрѣ, въ Петербургѣ, послѣ благополучнаго пребыванія на южномъ берегу Крыма <sup>1)</sup>.

Что и послѣ перваго удара почтенный историкъ былъ уже не тотъ, какимъ всѣ знали его до 1870 года, — это нѣсколько выяснено было мною въ приведенной въ сноскѣ статьѣ моей — «Историческія поминки». Это же утверждаетъ и вдова покойнаго историка, А. Л. Костомарова, которая говоритъ, что, увидѣвъ въ Кіевѣ, въ 1873 году, своего бывшаго жениха послѣ 26-лѣтней разлуки; она хотя сразу узнала его голосъ изъ другой комнаты, но, присмотрѣвшись потомъ къ нему ближе, нашла, что въ немъ чего-то недостаетъ отъ прежняго, что что-то онъ утратилъ изъ себя, и что утрата эта была не результатъ времени и долголѣтней разлуки, а результатъ чего-то другого, чего она тогда понять не могла. Послѣ уже она поняла и это.

Насколько же роковымъ былъ ударъ 1875 г., это я, надѣюсь, сумѣю пояснить фактами какъ изъ моихъ личныхъ наблюденій надъ жизнью покойнаго историка и друга, такъ и положительными свидѣтельствами лица, самаго къ нему близкаго, заботлива и свято оберегавшаго покой и здоровье даровитаго историка въ это именно послѣднее десятилѣтіе его жизни—это А. Л. Костомарова.

Но не въ этомъ только отношеніи 1875 годъ былъ роковымъ для покойнаго историка: въ этомъ году онъ лишился матери, съ которою онъ жилъ неразлучно всю жизнь и которая, при крайней непрактичности и неумѣлости почтеннаго историка помочь себѣ въ домашней, обыденной жизни, при его крайней разсѣянности и растеряшествѣ, когда онъ самъ не умѣлъ завязать себѣ галстука или достать платокъ изъ кармана,—всю жизнь была для него заботливою, а подчасъ и ворчливою нянькою. Когда Костомаровъ, пораженный тифомъ или мозговымъ ударомъ, въ безпамятствѣ лежалъ въ одной комнатѣ, въ другой, убитая болѣзнію сына, въ такомъ же безпамятствѣ умирала его мать. 1-го марта ея не стало. Больной историкъ, конечно, и не подозрѣвалъ, что за стѣной у него лежитъ холодный трупъ матери, который тихонько и былъ вынесенъ на кладбище.

Больной остался въ своей квартирѣ одинъ, на попомощіи своихъ друзей, въ особенности Н. И. Катенина, который жилъ изъ двери

<sup>1)</sup> Письмо это напечатано мною въ юньской кн. „Русской Старины“. изд. 1886 г. въ статьѣ „Историческія поминки по Костомаровѣ“. Д. М.

въ дверь съ Костомаровымъ и неотлучно находился при немъ, пока не прѣехала изъ Малороссіи его бывшая (въ 1847 году) невѣста, Алина Леонтьевна Крагельская, впоследствии Кисель, въ то время уже овдовѣвшая.

Для интересующихся всѣми обстоятельствами жизни покойнаго историка я считаю необходимымъ выяснить то обстоятельство, почему Костомаровъ не женился на дѣвицѣ Крагельской, съ которою был помолвленъ въ 1847 году. Костомаровъ, какъ извѣстно, былъ арестованъ въ Кіевѣ въ 1847 году, наканунѣ или за день до свадьбы, и отправленъ былъ въ Петербургъ, въ Петропавловскую крѣпость. Мать его, а равно и невѣста съ своею матерью тотчасъ же и сами вѣхали въ Петербургъ вслѣдъ за арестованнымъ. Они нашли его ужъ въ крѣпости, куда и были допущены для свиданія. При прощальномъ свиданіи Костомаровъ и дѣвица Крагельская повторили обѣданный ими другъ другу еще въ Кіевѣ — соединиться бракомъ по окончаніи срока ареста перваго. Но оказалось, что теперь мать невѣсты была уже противъ этого брака: ей не хотѣлось связывать судьбу дочери съ судьбою яко-бы преступника. Такимъ образомъ, когда они возвращались съ послѣдняго свиданія изъ крѣпости и переѣзжали въ яликъ черезъ Неву, г-жа Крагельская ясно и опредѣленно высказавъ дочери, что теперь она не отдастъ ее за Костомарова, и когда г-вуха возразила, что кромѣ него она ни за кого не пойдетъ замуж и что рано или поздно она надѣется бѣть женою того, съ кѣмъ связана обручальнымъ кольцомъ, — мать взяла у нея это кольцо и сказала: «не надѣйся! — надежда есть удѣлъ дураковъ», — да съ этими словами и бросила кольцо въ Неву.

Въ такомъ приблизительно видѣ рассказано было мнѣ это обстоятельство самою г-жею Костомаровою нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Можетъ быть, я и ошибаюсь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частяхъ рассказа, но въ общемъ дѣло было такъ, какъ я рассказалъ здѣсь.

Такъ какъ обстоятельства свиданія затѣмъ бывшихъ жениха и невѣсты черезъ двадцать-шесть лѣтъ въ Кіевѣ, въ 1873 и потомъ въ 1874 годахъ, а равно по прѣздѣ г-жи Кисель въ Петербургъ къ больному историкѣ въ 1875 году, мною уже сообщены въ «Русской Старинѣ», въ статьѣ «Историческія поминки», то этихъ обстоятельствъ я уже и не буду касаться здѣсь.

Такимъ образомъ уходъ за больнымъ, а потомъ и за выздоравливающимъ, историкомъ съ 27 февраля 1875 года отъ друзей перешелъ всецѣло въ женщины, когда-то ему близкой — къ г-жѣ Кисель.

Костомаровъ выздоравливалъ медленно. Онъ ничего еще не зналъ о томъ, что мать его умерла. Когда онъ иногда спрашивалъ о ней,

то ему говорили, что Татьяна Петровна была тоже больна и что и теперь еще не выздоровѣла; а такъ какъ уходъ за ней былъ не удобенъ здѣсь, гдѣ находился другой больной, самъ онъ, то старушку будто бы перевезли на время въ семейство художника Н. Н. Ге, хорошаго пріятеля Костомарова. Только уже впоследствии рѣшились сообщить ему, и то съ разными предосторожностями, печальную истину, которая страшно поразила его, тѣмъ болѣе, что какъ разъ передъ своею болѣзью и болѣзью матери онъ сдѣлалъ послѣдней очень бурную сцену, свидѣтельницей которой была Н. А. Бѣлозерская, и потому впоследствии часто упрекала себя въ томъ, что будто бы онъ убилъ мать своимъ бурнымъ характеромъ. Но старушка, которой было уже подлѣ 80 лѣтъ, умерла просто отъ своей неосторожности: въ хлопотахъ около заболѣвшаго сына она простудилась и, что называется, сгорѣла въ два дня.

Вотъ почему, начиная 1875 годомъ свою, такъ сказать, поминальную повѣсть о послѣднемъ періодѣ жизни покойнаго историка, я называлъ этотъ годъ роковымъ:—роковымъ онъ оказался двоякимъ. Съ одной стороны—потеря здоровья и утрата лучшихъ творческихъ силъ своего таланта, съ другой—потеря единственно близкаго на землѣ существа,—все это было уже и непоправимо, и безвозвратно.

Счастливымъ же этотъ роковой годъ въ жизни почтеннаго историка я называлъ потому, что, не явись къ нему на помощь его бывшая невѣста, онъ остался бы совершенно одинокимъ на свѣтѣ, ибо у него со смертью матери не оставалось никого изъ родныхъ, и ему, человѣку подлѣ 60 лѣтъ, трудно, даже невозможно было бы оставаться безъ заботъ о немъ близкаго ему лица, потому что кто же могъ бы замѣнить ему мать и ея хозяйственныя и материнскія заботы о больномъ старикѣ, совершенно не умѣвшемъ обойтись безъ посторонней помощи даже при отысканіи себѣ носового платка въ комодѣ или при закуриваніи трубки? Замѣнить всѣ эти заботы матери могла только жена. И хотя раньше, при жизни Татьяны Петровны, когда покойный, послѣ встрѣчи съ г-жею Кисель, заговорилъ о томъ, что желалъ бы жениться на ней,—я жестоко напалъ на него за это и издѣвался надъ нимъ, о чемъ и упомянулъ въ статьѣ «Историческія поминки», однако теперь я прямо уже настаивалъ на томъ, чтобы онъ женился на г-жѣ Кисель, тѣмъ болѣе, что, познакомившись съ нею и узнавъ ее ближе, я нашелъ, да и всѣ это находили, что это—въ высшей степени добрая, благородная и рѣдко умная женщина, которая такъ быстро вошла въ ученые интересы своего мужа, такъ скоро сумѣла стать въ курсъ его работъ, что сдѣлалась для

него не только нянькою, но и помощникомъ въ работахъ, его секретаремъ, его чтицей и совѣтникомъ въ ученыхъ трудахъ.

Правъ поэтому былъ М. И. Семеновскій, который, навѣстивъ вдову покойнаго историка послѣ его смерти, отнесся къ ней съ такими словами:

— «Мы всѣ глубоко цѣнимъ ваши заботы о нашемъ незабвенномъ историкѣ: вашими заботами вы сохранили намъ его еще на десять лѣтъ».

Что самъ покойный историкъ считалъ свою супругу «совѣтникомъ въ ученыхъ трудахъ», можно судить отчасти по слѣдующему обстоятельству. Осенью 1877 года я, по просьбѣ издателя книги «Наши дѣятели», написалъ коротенькую биографію Костомарова, и такъ какъ я желалъ, чтобы она вышла вполне точною, то и переслалъ ее, въ рукописи, въ Москву, гдѣ въ то время почтенный историкъ работалъ въ архивахъ для исторіи Мазени. Онъ прочиталъ мой очеркъ и возвратилъ мнѣ, не сдѣлавъ почти никакихъ поправокъ. Но такъ какъ въ очеркѣ этомъ мною о супругѣ историка было, между прочимъ, сказано: «такимъ образомъ, черезъ 28 лѣтъ послѣ помолвки она стала служить престарѣлому историкъ и въ качествѣ друга и помощника въ его ученыхъ трудахъ, и въ качествѣ чтеца и секретаря»,—то г-жа Костомарова въ своей припискѣ къ письму мужа пояснила мнѣ: «въ сказаніи обо мнѣ я смѣло вычеркнула слово «совѣтника»: Николай Ивановичъ не послушалъ моего совѣта и просьбы не называть меня «помощникомъ въ его ученыхъ трудахъ». Какъ я ни доказывала ему, что «помощь въ ученыхъ трудахъ» только и состоитъ въ чтеніи, да секретарствѣ—онъ не позволилъ вычеркнуть этого».

Послѣ, впрочемъ, я покажу, насколько важны были для слабѣшаго въ творчествѣ историка серьезные совѣты его супруги.

Въ концѣ апрѣля 1875 года Костомаровъ, уже значительно оправившійся послѣ болѣзни, и г-жа Кисель, уже не разлучавшаяся съ нимъ въ качествѣ стараго друга и чтеца, собрались ѣхать въ Малороссію для восстановления утраченныхъ во время болѣзни силъ историка. Тогда друзья и почитатели послѣдняго, желая почтить его привѣтомъ по случаю выздоровленія и пожелать добраго пути, устроили по подпискѣ обѣдъ у Палкина. Обѣдъ вышелъ необыкновенно оживленный и сердечный. Г-жу Кисель упростили сѣсть на почетномъ мѣстѣ—рядомъ съ чествуемымъ нами старымъ другомъ ея. Послѣ обѣда хоръ, состоявшій изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ, подъ управленіемъ г-на Лисенка и при участіи гг. Майбороды, Русова и др., исполнилъ нѣсколько украинскихъ народныхъ пѣсенъ и притомъ необыкновенно удачно. Отъ этого музыкальнаго прощанья съ нашимъ историкомъ у меня очень живо сохранилось въ памяти одно



обстоятельство. М. М. Стасюлевичъ, въ числѣ прочихъ гостей присутствовавшій на обѣдѣ, съ необыкновеннымъ вниманіемъ слушалъ пѣніе хора, особенно нѣкоторыхъ наиболѣе симпатичныхъ пѣсь, и я замѣтилъ у него на глазахъ слезы.

— Нравится вамъ это, Михаилъ Матвѣевичъ? спросилъ я его.

— Необыкновенно!—Я ничего болѣе задушевнаго не слыхалъ... Я зналъ доселѣ разные нѣмецкіе «зингфрейны» и проч., но ничего подобнаго не слыхалъ, и если-бъ я умеръ, не слыхавъ вотъ этого, и если бъ меня на томъ свѣтѣ спросили, есть ли что-либо подобное въ Россіи—я бы сказалъ жестокою ложь, сказавъ, что въ Россіи нѣтъ ничего такого.

Скоро Костомаровъ и г-жа Кисель уѣхали въ Малороссію, а въ маѣ я получилъ извѣстіе, что 9 мая, въ день именинъ историка, они обвѣнчались въ деревенской церкви села Дѣдовецъ, подъ Прилуками, въ родовомъ имѣніи г-жи Кисель. Вѣнчалъ ихъ сельскій священникъ, отецъ Петръ. При обрядѣ вѣнчанія присутствовали сосѣди и друзья г-жи Кисель—А. П. и М. П. Савченки.

## II.

Жизнь въ деревнѣ значительно поправила здоровье почтеннаго историка, такъ что онъ воротился въ Петербургъ довольно бодримъ; но, говоря вообще, прежняго Костомарова уже не было.

Осенью онъ возобновилъ свои прерванныя на время историческія работы, но прежняго огня въ немъ уже не замѣчалось: оставалась прежняя горячность, превращавшаяся иногда въ старческую рьяность, но молодого огня уже не было.

Однажды, въ одинъ изъ вторниковъ, возвращались мы отъ нашего почтеннаго бытописателя съ проф. Д. А. Корсаковымъ и заговорили о томъ, надъ чѣмъ въ то время работалъ Николай Ивановичъ,—о «Руинѣ» именно, для которой онъ тогда собиралъ матеріалы.

— Надъ «Руиной» работаетъ, замѣтилъ г. Корсаковъ съ сожалѣніемъ,—а не ясно ли вамъ, что онъ самъ становится руиной?

Мы попрежнему продолжали съ нимъ часто видѣться. По обычаю я продолжалъ обѣдать у Костомаровыхъ по воскресеньямъ и праздникамъ, а послѣ обѣда мы, старше друзья, отправлялись обыкновенно гудать по «Трагическому проспекту». Такъ мы называли Большой проспектъ Васильевского острова, потому что часто, въ праздничные дни, были свидѣтелями трагическихъ, а больше комическихъ сценъ,

совершавшихся на этомъ проспектѣ между пьяными: тотъ кричитъ городского, этотъ, выйдя изъ кабака, гдѣ онъ слышалъ о совершившемся тогда герцеговинскомъ возстаніи, вызывалъ на бой всю Турцію.

Подъ вліяніемъ этихъ воинственныхъ криковъ, а навпаче въ силу газетной горячки, почтенный историкъ то-и-дѣло повторялъ: «пойду въ усташа! — уйду къ герцеговинцамъ!» Но я останавливалъ его воинственный пылъ тѣмъ соображеніемъ, что въ горахъ Герцеговины онъ растеряетъ свои огромные калоши — «човны» и промочитъ ноги; что турки возьмутъ его въ плѣнъ и не будутъ давать ему носовыхъ платковъ, которые были всегда слабымъ мѣстомъ историка, и что, всего ужаснѣе — станутъ кормить его горькимъ масломъ, изъ-за котораго у насъ съ нимъ чуть-ли не каждый обѣдъ возгоралась междуусобная война: страшно избалованный матерью, а потомъ женою, онъ за обѣдомъ почти постоянно капризничалъ, придирался ко всякому блюду — то онъ не видалъ, какъ рѣзали послѣ рынка курицу, и потому подозрѣвалъ, что курица была не живая, то не видѣлъ, какъ убивали сига или ершей, или судака, и потому доказывалъ, что рыба была неживою куплена, — за что я жесточайшимъ образомъ выкидывался на своего стараго друга и, вступая въ союзъ прежде съ Татьяной Петровной, а послѣ съ Алиной Леонтьевной, доказывалъ ему, что сигъ или судакъ — не Димитрій Донской и не Сусанинъ, чтобы ихъ сводить съ пьедестала, и что курица — не варяги, чтобы заподозрить ея происхождение и т. п. — и только эти доводы побуждали капризнаго старика, который въ концѣ такой схватки всегда заливался дѣтскимъ смѣхомъ. Но въ особенности онъ воевалъ изъ-за масла, всегда подозрѣвая, что оно горькое, тогда какъ ему были всегда отъ Серапина, сливочное и самое снѣжее.

Только перспективою горькаго масла я и охлаждалъ воинственный пылъ стараго драгуна.

Въ началѣ 1876 года семейство мое переѣхало ко мнѣ изъ Саратова въ Петербургъ, и вотъ какъ почтенный историкъ извѣщаетъ меня, въ качествѣ «ростовскаго 2-й гильдіи купца», о намѣреніи вѣстить насъ:

„Паче всѣхъ человѣкъ грѣшнѣйшій рабъ божій Николай приноситъ вамъ глубочайшаго уваженія именитому ростовскому купцу, коммерціи совѣтнику и разнымъ орденовъ російскихъ кавалеру, и обѣщаетъ, надѣвши на носѣ свои величайшіе сапогъ, пребыти купно съ супружанцею своею и юною ея дочерью въ жилище его степенства въ среду вечеру сушу, до того же времени принести мысленнѣе поклоненіе именитому ростовскому купцу и его внукамъ дѣтемъ и внукамъ, ихъ же да сохранитъ Господь въ вожделѣнномъ здравіи и благополучіи всегда нынѣ и присно и во вѣки аминь“.

„Аще же ростовскій именитый купецъ благоизволитъ вспомануть еще вторникъ, тогда сотворитъ намъ веселіе велие“.

Въ 1876 году, какъ извѣстно, возгорѣлась сербская война, и русскіе добровольцы волною хлынули въ Сербію, подъ знамена Черняева. Во всѣхъ сердцахъ вспыхнули какія-то ожиданія. Костомаровъ очень сожалѣлъ объ участи Гольдштейна, Ерошенко, Левашова, которыхъ онъ зналъ лично, и осуждалъ многое въ этой шумихѣ, стоившей столькожъ кровавыхъ жертвъ.

Лѣтомъ Костомаровы уѣхали въ Малороссію, а оттуда въ Одессу. Оттуда Костомаровъ писалъ мнѣ 3-го августа:

„Купецъ! Здравствуйте. Я соскучился, долго не бесѣдовавши съ вами. Находимся въ Одессѣ. Алигъ Леонтьевнѣ вѣдѣли купаться въ Длманѣ ради ревматизма, который переноситъ она въ пальцахъ, а я полощусь въ волнахъ Чернаго моря. Что вы подѣлываете? Какъ поживаете, кого ругаете? Что Наталья Никандровна и ея дочка и ея супругъ? Уѣхали-ли они въ Варшаву или еще пребываютъ въ Петербургѣ? Если послѣднее, то поклонитесь имъ усердно отъ насъ обонхъ. Скучаю безъ опредѣленнаго дѣла и рвусь душею отсюда. Жара нестерпимая! Вспоминаю о благословенномъ климатѣ Петербурга и его окрестностей. Нѣтъ для меня тяжелѣе наказанія, какъ жить въ тепломъ враѣ“.

„Напишите намъ, адресуя въ Петербургскую гостиницу № 7“.

„По возвращеніи думаю, если глаза дозволятъ, пробить нѣсколько времени въ Москвѣ и заняться въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ историческими документами о гетманствѣ Мазены. Постараюсь привезти вамъ угостить спотыкачемъ“<sup>1)</sup>.

„Алига Леонтьевна передаетъ вамъ свое искреннѣйшее, сердечное, глубокое уваженіе. Что у васъ новаго? Напишите“.

Упоминаемая въ письмѣ дочка Первольфовъ очень занимала почтеннаго историка. Ей было тогда четыре года, и она очень любила «переглядываться съ старенькимъ Костомарушкой».

— Ну, давай, Костомарушка,—кто кого переглядить. И, конечно, побѣждала старика:—у! какой старый! какой смѣшной!

Воротились Костомаровы изъ Москвы 31-го октября. Почтенный историкъ привѣтствовалъ меня слѣдующимъ стихотворнымъ посланіемъ на манеръ Тредьяковскаго:

Вѣщатель истины, добра рачитель,  
Безозглой жи разумный обличитель,  
Достойный гражданинъ и нѣжный чадъ отецъ,  
Ростовскій гильдія второй купецъ!

По возвращеніи нашемъ простираемъ гласъ  
Къ вамъ и просимъ посѣтить насъ.

На это посланіе я отвѣчалъ такою-же тредьяковщиной:

Честнѣйшій генералъ, хотя и безъ звѣзды, въ столицу возвратился.  
Узнавъ про то, купецъ ростовскій чуть не удавился

<sup>1)</sup> „Спотыкачъ“—это старая малороссійская водка, „стерка“.

Отъ радости толпкой, таѣъ что ногъ  
 Вчера поднять не могъ,  
 Чтобъ хотя ползкомъ на островъ дотащиться  
 И въ радостныхъ слезахъ, какъ въ морѣ, утопиться;  
 Сегодня жъ вечеромъ потщится  
 Въ девятую линію явиться,  
 Чтобъ генералу поклониться  
 И зракомъ генеральскимъ насладиться,  
 А изъ прелестныхъ ручекъ генеральши и чайку напиться.

Выше я упомянулъ о томъ, какъ головной ударъ 1870 года и роковая болѣзнь 1875 г., будь то тифъ или, по увѣренію г. Бѣлоголоваго, мозговой ударъ, губительно подѣйствовали и на здоровье даровитаго историка, и на самое творчество его, въ которомъ онъ, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, не находилъ себѣ соперника, равнаго по силамъ и по яркости таланта, по художественности изложенія и по жизненности выводимыхъ имъ историческихъ лицъ. Но онъ, конечно, сначала не сознавалъ этого. Сознали другіе.

Въ описываемое мною время Николай Ивановичъ трудился надъ окончаніемъ «Руины», которая обнимала собою три гетманства—Бруховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича. Изъ архивовъ извлекалъ снѣ массу новыхъ матеріаловъ и все это уложилъ въ рамки своего объемистаго труда.

Трудъ конченъ. Однажды и прихожу къ нимъ въ воскресенье, и Алина Леонтьевна тихонько выражаетъ мнѣ свое сожалѣніе и опасеніе:

— Николай Ивановичъ кончилъ свою «Руину» и уже отослалъ къ г. Стасюлевичу. Когда я переписывала ее, то мнѣ казалось, что это—совсѣмъ незаконченный трудъ—совсѣмъ недоделанный. Нигдѣ концовъ нѣтъ—ни одно гетманство, кажется, не кончено. Я говорила объ этомъ Николаю Ивановичу, но онъ отозвался, что «я, говорить—сорокъ лѣтъ работаю — слава Богу, научился писать». Я замѣтила ему, что въ работѣ недостаетъ освѣщенія, прежней яркости, жизненности, а онъ говоритъ, что «то была риторика прежде, фразы, а мнѣ нужны факты...»

Николай Ивановичъ услышалъ нашъ разговоръ и сталъ горячиться.

— Прежде у меня была шумиха, риторика, а теперь я фразъ терпѣть не могу!

— Но этой риторикой вы завоевали себѣ имя, славу; за эту риторикую васъ на-расквату брали редакторы, издатели, а теперь не совсѣмъ.

— Къ чорту фразы! къ чорту риторикѣ!—Намъ нужны факты и факты!

— Кирпичи! кирпичи! горячился я: кирпичи, которые вы осуждали и осмѣивали въ Срезневскомъ, въ Никитскомъ, въ Соловьевѣ.

— А теперь не осуждаю!—тогда я былъ глупъ, фразеры!

Прошла недѣля. Въ продолженіе ея и рѣчи не было о «Руинѣ». Являясь по обыновенію въ воскресенье. Другъ мой глядитъ нѣсколько скучно.

— Ну что?—какъ здравствуете? спрашиваю.

— Да что! — чортъ меня не беретъ! — совсѣмъ ослѣплъ — ничего не вижу.

— Ну, тотъ еще не слѣплъ, кто въ архивахъ роется.

Но дѣло не въ глазахъ. Оказывается, что Стасюлевичъ возвратитъ рукопись—не печатаетъ.

— Что таѣ?—почему?

— Да говорить, что статья безъ конца—ни одна характеристика не кончена—одинъ перечень фактовъ.

— А что!—не то-же ли вамъ говорила бариня?—А вы наладили одно: риторика! фразы! къ чорту риторикѣ! — Вотъ вамъ ваши кирпичи что надѣлали.

— Ну что жъ!—и глупъ—я разучился писать... Чортъ меня не беретъ!—Если-бъ я не былъ такой трусъ и подлець, я бы давно съ собою покончилъ.

— Зачѣмъ же?—еще успеете—время и само покончить съ вами.

— Что жъ мнѣ дѣлать!—Возьму и сожгу все.

— Напрасно. Лучше послушайтесь добраго совѣта.

Совѣтъ былъ выслушанъ, забраванный трудъ исправленъ и оконченъ для печати. Въ 1879 году «Руина» была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы».

### III.

1877 годъ болѣе другихъ остался въ моей памяти. Предыдущій годъ представлялъ что-то порывистое, горячее, когда вся Россія, казалось, жила одними нервами, ежедневно волнуя себя телеграммами, истинный смыслъ которыхъ выяснился только впоследствии, составивъ у всѣхъ на душѣ какое-то тяжелое чувство....

Но «Трагическій проспектъ» этого не понималъ. Въ праздники онъ бурлилъ страшно, какъ бурлила и кричала вся «улица» (подъ «улицей» я разумѣю и нѣкую фракцію печати), и она докричалась до того, что Турція была объявлена война.

Близость войны особенно чуялась на «Трагическомъ проспектѣ», и чуялась задолго до манифеста, такъ что въ это время гулять по этой *via tragica* было особенно интересно, и почтенный историкъ придирался ко всякому случаю, чтобъ только залучить меня въ себя на островъ, а потомъ, вечеромъ, надѣвъ свои величайшія «кляши» (калоши), отправляться со мною на «Трагическій проспектъ».

Вотъ, напр., одно изъ писемъ, въ которомъ почтенный историкъ старается прельстить меня перспективою гулянья среди кривовъ: «городовой!—съ меня шапку сбили!—Надежда!»...

„Достопочтеннѣйшій и драгоцѣннѣйшій ростовскій купецъ! Вчера я не пожаловалъ, хотя обѣщалъ. Дай Богъ, чтобъ этому причиною было какое-нибудь случайное, не вредное для васъ обстоятельство, но сохрани Богъ, если этому причиною богъвнъ. Извѣстите. Мы, какъ сами знаете, прилагаемъ къ вамъ (*sic*) сердечное участіе и готовы оказать всякое зависящее отъ насъ содѣйствіе.

„Если будете здоровы, непременно пожалуйте въ день недѣльный, тѣмъ болѣе, что это—недѣля мясопустная, и есть надежда на чрезвычайное, не въ счетъ абонементна даваемое представленіе на Трагическомъ проспектѣ“.

Работая этою весною (раннею) въ московскихъ архивахъ надъ «Мазепинькою», онъ и тамъ не забываетъ «Трагическаго проспекта», и, между прочимъ, пишетъ мнѣ оттуда:

„Мы воротимся въ Лазареву субботу, если что-нибудь необычное не задержитъ, а въ Вербное воскресенье, я надѣюсь, купецъ сдѣлаетъ намъ одолженіе: пожалуетъ къ намъ обѣдать, а послѣ обѣда совершимъ прогулку по «Трагическому проспекту“.

„Отзовитесь. Какъ поживаете? Какъ писанною бумагою торгуете? И я такой товарищъ приготавливаю. Мазепиньку въ оборотъ пуцую“,

Лѣтомъ этого года Костомаровы жили на дачѣ, на Черной рѣчкѣ, на дачѣ Шрейберъ. Тамъ нашъ историкъ работалъ надъ своимъ «Холуемъ», котораго въ печати переименовали въ «Холопа». Кромя меня и Кожанчикова, чаще другихъ пріѣзжали на дачу П. П. Чубинскій, недавно тогда переселившійся изъ Малороссіи въ Петербургъ, А. И. Стренинъ и Ф. П. Нероновъ, не говоря уже о Неслуховскихъ, которые наѣзжали туда изъ Павловска. Нѣсколько дней гостилъ у нихъ и И. У. Палимпсестовъ.

Въ ненастные дни мы читали на дачѣ Шекспира, а въ хорошіе гуляли по Строгоновскому парку или ловили мухъ, которыхъ и бросали на растерзаніе наукамъ. Эта забава очень нравилась почтенному историку: «а то мухи мѣшаютъ мнѣ «Холуемъ» заниматься».

Осенью Костомаровъ снова уѣхалъ въ Москву заниматься своимъ «Мазепинькою».

«Оттуда, 7-го октября 1877 года, онъ пишетъ мнѣ:

„Достойный уваженія купецъ! Занимался въ архивѣ министерства юстиціи, я съ собогъзнованіемъ сердца часто помышляю о васъ и о вашихъ прекрасныхъ трудахъ,—съ собогъзнованіемъ, говорю, помышляю оттого, что эти самые труды ваши были бы несравненно выше и прекраснѣе, если-бъ вы, подобно мнѣ, обратили ваше купеческое вниманіе на сію неоцѣнную хранительницу памятниконъ прошедшей жизни. Вы не можете себѣ представить—какое это сокровище и чего здѣсь нѣтъ для всякаго, кто бы желалъ освоиться съ бывшою Русью! Для нашей „Понизовой вольницы“ здѣсь бездонное море новыхъ, неизвѣстныхъ для васъ матеріаловъ. А „Ванька Капня“? Вамъ бы и всякому другому не слѣдовало за него и браться, не понявшаи здѣшняго архива По крайней мѣрѣ здѣсь хранятся прямо къ нему относящіяся дѣла, какихъ вы и не знаете <sup>1)</sup>. А Разбойный Приказъ, потомъ переименованный въ Смыской! Какая масса всевозможнѣйшихъ романовъ или, правильнѣе—источниковъ для романовъ, драмъ, трагедій, комедій и пр., и пр. Вотъ гдѣ изучать народную жизнь во всѣхъ ея подробностяхъ! Вамъ, купецъ, непременно нужно взять когда нибудь командировку, пріѣхать въ Бѣлокаменную, прожить здѣсь мѣсяца два-три и заниматься изо дня въ день въ архивѣ, управляемомъ нашимъ общимъ пріятелемъ, Н. В. Калачевымъ, такимъ превосходнымъ хозяиномъ... Я пользуюсь его адхивнымъ гостепримствомъ до отвалу. Здѣсь нѣтъ никакихъ стѣсненій, — приходи хоть съ солнечнымъ восходомъ и уходи тогда, когда дѣлается темно. Полная свобода. Хотя написано и вывѣшено на стѣнѣ: „курить воспрещено“, но на это никто не обращаетъ вниманія: се воно тільки такъ пишеться, а воно брехня. Вамъ было бы сподручно поселиться у Клавдія Никандровича (Паскалова—мой пасынокъ), не было бы вамъ ни скучно, ни неудобно, и пріобрѣли бы вы такъ много, что ваши послѣдующія сочиненія не отличались бы тою фельетонностію, въ какой васъ часто укоряютъ не безъ справедливости. Мнѣ кажется, что вы обладаете безцѣннымъ талантомъ, но нерѣдко терпите отъ недостатка подлѣ рукою ученаго матеріала, а вотъ здѣсь-то вы бы нашли его въ большомъ изобиліи.

„Возвращаю вамъ мою біографію <sup>2)</sup>. Я сдѣлалъ нѣсколько поправокъ. Отчего вамъ кажется необъяснимымъ „мое упрямство“, выказанное по поводу публичныхъ лекцій въ думѣ?.. Я вамъ объяснялъ его не разъ. Между публичными лекціями и вечеромъ, на которомъ читалъ Павловъ, не было ничего общаго; молодежь придралась къ этому въ желаніи имѣть поводъ сдѣлать либеральную демонстрацію правительству и насъ хотѣла употребить безсмысленнымъ орудіемъ для этой цѣли. Я не хотѣлъ этого—вотъ и причина. Она очень объяснима.

„Будьте здоровы, благополучны, веселы! Незабаромъ придетъ часъ, повернемось додому, тоді уцѣять будемъ хоать укуні но Трагичному проспекту и заходить до Прохорова побрехать трішки.

„Смиренный старецъ Николай, иже въ архивѣ по вся дни выну, поминаай дни древнїе Мазепи и клеветръ его“.

<sup>1)</sup> Нѣтъ, я ихъ зналъ, когда писалъ своего «Ваньку Капня», ибо ихъ издалъ Г. В. Есиповъ.

<sup>2)</sup> О ней я упоминалъ выше: она вошла въ изданіе г-на Баумана—«Наши дѣтели».

Относительно упоминаемаго въ письмѣ «упрагства» необходимо поясненіе. Указавъ въ помянутой выше краткой біографіи Николая Ивановича на причины извѣстной «думской исторіи», я добавилъ, что послѣ того, какъ пострадалъ за свое чтеніе профессоръ П. В. Павловъ, и когда другіе профессора—Шипинъ, Спасовичъ, Кавелинъ, Утинъ и Стасюлевичъ—отказались читать и просили о томъ же Николая Ивановича, зная, что въ противномъ случаѣ произойдутъ между молодежью серьезные беспорядки и демонстраціи, отъ которыхъ пострадаетъ эта же молодежь,—я добавилъ, что меня удивляетъ непонятное для меня «упрагство» почтеннаго историка идти наперекоръ рѣшенію своихъ товарищей-профессоровъ и желанію студентовъ. По моему мнѣнію, не будь этого «упрагства»—не было бы и присворенія во всѣхъ отношеніяхъ «думской исторіи».

У покойнаго археолога В. А. Прохорова почтенный историкъ оставляя археологическіе споры о Петрѣ и о византийско-московскомъ стилѣ, любилъ таки «побрехать» не «трѣшки», а здѣрово.

Къ вышеприведенному письму супруга почтеннаго историка написала:

„По полученіи вашего письма (съ краткой біографіей Костомарова) Николай Ивановичъ не могъ тотчасъ заняться своей біографіей; два вечера подъ рѣзъ у насъ были гости до часу пополуночи; днемъ же онъ съ такой горячей летитъ къ Никитѣ-мученику, къ своему Мазепиньки, что съ трудомъ уговорю его выпить чаю и сдѣлать глазную душу. Вчера мы были вечеромъ одни и вотъ ваше дружеское сказаніе о моемъ балованномъ, но сердечно васъ любящемъ старикѣ просмотрѣно и вамъ возвращается. Въ сказаніи обо мнѣ смѣло вычеркнула слово „совѣтника“—и т. д., что приведено раньше.... Мы оба соскучились за вами; нѣтъ дня, чтобы не вспомнили и не поговорили о нашемъ дорогомъ „купецѣ“, но какъ придетъ воскресенье—Ник. Ив. не идетъ въ архивъ, занимается дома, перечитываетъ и исправляетъ написанное за будніе дни,—и вотъ, приходитъ петербургскій обѣденный часъ (здѣсь въ будніе дни мы обѣдаемъ около 6 часовъ, Ник. Ив. возвращается изъ архива около 5 ч.) и онъ со вздохомъ говоритъ мнѣ: „не придетъ къ вамъ купецъ. Какъ ощущаю я, что мнѣ недостаетъ купца—люблю я его ужъ очень!“

Въ высшей степени интересно письмо А. Л. Костомаровой. отъ того же 7-го октября 1877 года, показывающее съ какою лихорадочною горячностью старый историкъ занимался своимъ «Мазепинькой»:

„Сегодня утромъ я послала вамъ наше со старикомъ посланіе и вашу тетрадку. Перечитывала оную тетрадку вслухъ Николаю Ивановичу вчера вечеромъ, я остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ вы пишете, что Н. И. поступилъ въ московскій университетъ, а потомъ въ харьковскій—и говорю дѣловито: „какъ же это? развѣ, въ самомъ дѣлѣ, ты прежде поступалъ въ московскій университетъ?“ А онъ говоритъ проворно: „да, въ московскій!“ А я ему: „почему же ты въ своей автобіографіи продиетовалъ мнѣ, что прямо поступилъ въ харьковскій, а въ московскомъ слушалъ лекціи лишь по окончаніи



курса въ харьковскомъ? А мнѣ мени: „да такъ продиктовалъ, а теперь говорю, что въ московскій поступалъ—та й годі!“ Я такъ и услышалъ.

„Примите въ соображеніе, что Н. И., рано вставши, торопится одѣться и бѣжить порядочный конецъ къ Финнову за калачами, прибѣгаетъ домой въ 8<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часовъ утра и застаётъ уже нашъ номеръ убранннмъ и самоваръ на столѣ; на скорую руку пьетъ чай и, не закуривая даже папирски, принимаетъ глазную душу, послѣ которой обязанъ полъ-часа не выходить, и въ эти-то полъ-часа курить стоя, пока я одѣну его и обчищу, надѣлю его носовыми платками, стальными перьями, записной книжкой, очками и пр.—и вотъ полъ-часа прошло—онъ бѣжить, я въ догонку по корридору натягиваю ему пальто, онъ вырывается: пора въ архивъ, благо тамъ не опредѣлены часы для занятій—пускаютъ чуть не съ восхожденіемъ солнца и можно сидѣть до заката. Итакъ, мое старье въ 9<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часовъ уже летитъ на извозникѣ въ далекій архивъ, гдѣ, не отрываясь даже для куренія богомерзкой табаки, работаетъ иногда сидя, а то больше и стоя, до 4<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часовъ пополудни. Выбѣгаетъ, ловитъ извозника и является ко мнѣ въ 5 часовъ; не раздѣвается и застаётъ меня уже въ шляпѣ: идемъ къ Патрикѣеву обѣдать; но какъ тамъ кушанье надо заказывать, то ждемъ около часа, пока приготовить, и читаемъ газеты и телеграммы; въ 6 обѣдаемъ, а въ 6<sup>1</sup>/<sub>2</sub>, возвращаемся въ Лоскутную. Понятно, что онъ утомленъ и ему хочется прилечь, что онъ иногда и дѣлаетъ; но какъ къ 7 часамъ обменовенно является кто-нибудь изъ знакомыхъ, какъ это было два вечера по полученіи вашего письма, то вчера онъ не захотѣлъ прилечь, не захотѣлъ откладывать исполненія по вашему письму и попросилъ меня читать составленную вами біографію и дописывать по его диктовкѣ. Вотъ и оказалась ошибка: онъ, бѣдняга, не спалъ и не дремалъ, но былъ утомленъ и, поважно, „сбредхавъ“. Сегодня за обѣдомъ у Патрикѣева онъ мнѣ говоритъ: „а вѣдь я спуталъ въ біографіи; ты права: сначала я поступилъ въ харьковскій университетъ и окончилъ его со степенью кандидата; послѣ поступилъ въ драгуны, и уже послѣ драгунской службы мнѣ захотѣлось снова слушать лекціи—харьковскія меня не удовлетворили, и я, со степенью кандидата, поѣхалъ въ Москву и записался вольнослушающимъ студентомъ, гдѣ и слушалъ Погодина и Каченовскаго“. Итакъ, добрыйшій Давидъ Луквичъ, потрудитесь исправить въ біографіи Н. И. мѣсто, гдѣ вкралась ошибка, о которой онъ хотѣлъ сейчасъ по возвращеніи отъ Патрикѣевского обѣда писать вамъ. Но вотъ и сегодня едва сѣлъ, и я, облачивъ его простыней, стала дѣлать ему снова душу на утомленные глаза, какъ стучится въ дверь посѣтитель. „Войдите“, говорю я, не имѣя возможности двинуться: въ одной рукѣ стаканъ съ водою и сифономъ, въ другой—полоскабельная чашка, чтобы вода стекла съ лица. Входитъ П. И. Мельниковъ<sup>1)</sup> и проситъ ѣхать въ экстренное засѣданіе археологическаго общества, вызванное извѣстіемъ о трехдневномъ пѣніи Иловайскаго у поляковъ въ Галиціи. На это засѣданіе—закрытое, безъ публики—Н. И. былъ приглашенъ съ утра письменно, а тутъ Мельниковъ словесно проситъ; поболтали полчаса и поѣхали, а я въ догонку Н. И. сообщила, что сама извѣщу васъ о томъ, какъ онъ вчера прозѣвалъ ошибку въ университетахъ, чтобы вы услыли поправить. Простите за болтовню!“

<sup>1)</sup> Известный Андрей Печерскій.

Выше я сказалъ, что лѣтомъ этого года Костомаровъ написалъ своего «Холуя», вполнѣдствіи, изъ деликатности, по просьбѣ г. Суворина, переименованнаго въ «Холопа». Въ этомъ же году вѣкто г. Полежаевъ задумалъ издавать новый журналъ: «Историческую бібліотеку», и обратился ко мнѣ съ просьбою—дать что-либо для его журнала. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пожелалъ узнать—нѣтъ ли чего-нибудь новаго у Костомарова. Я сказалъ, что недавно имъ написанъ «Холуй». Г. Полежаевъ пожелалъ приобрести его и просилъ рекомендаціи къ Костомарову. Я рекомендовалъ. Начались переговоры, купля и продажа. Объ этихъ переговорахъ мнѣ и пишетъ почтенный историкъ изъ Москвы, 18-го октября. Я привожу это письмо, какъ страничку изъ литературно-издательской жизни.

„Господинъ именитый ростовскій купецъ! Паки привѣтъ вамъ! Продолжаю ежодневно отыскивать источниковъ для Мазепы, хотя продолжительность и неустанность занятій одними и тѣмъ же начинаетъ меня утомлять, такъ что я, по возвращеніи, едва ли буду находить на Василія Міофагомъ!).

\*) Василіемъ Васильевичемъ Міофоговымъ я называлъ Ваську, любимаго юнаго нашего почтеннаго историка. Я даже часто писалъ на его имя письма: „его милучеству, Василію Васильевичу Міофогову, въ квартирѣ пров. Костомаровъ“. Письмоносецъ догадывался—кому адресовались письма, и передавая письмо тельвѣку Костомарова, съ улыбкой говорилъ: „письмо Васькѣ, господину Міофогову“. Кто не зналъ лично покойнаго историка, тотъ не можетъ себя представить, какимъ онъ проявлялся въ обыденной жизни. Расскажу здѣсь одинъ случай, въ которомъ ютъ Васька игралъ важную роль. У Костомарова была птичка въ клеткѣ, кажется—чижъ. Историкъ очень оберегалъ своего маленькаго питомца отъ котей Васьки. Но, однажды, ютъ добрался до бѣдной птички и задралъ ее. Огорченный историкъ назначилъ судъ надъ Васькой—судъ присяжныхъ. Самъ историкъ выступилъ въ роли прокурора, я—въ роли защитника, Н. А. Базоверегал—въ качествѣ судьи, а ея дѣти и старушка мать Костомарова—это присяжные (старушка мать, впрочемъ, сказала, что „Николай дурить“—и ушла къ себѣ). Дядя Василій былъ судебнымъ приставомъ. Зала суда—кабинетъ историка. Прежде всего въ залу притащили Ваську, привязаннаго къ клеткѣ, въ которой залали порушкія отъ задраннаго имъ чижа. Потомъ Василій возвыстился: „судъ влетъ!“—судъ вошелъ. Костомаровъ, послѣ прочтенія обвинительнаго акта, серьезно началъ говорить свою рѣчь, и такъ увлекся, что сказалъ, дѣйствительно, прекрасную рѣчь, подкрѣпивъ ее учеными цитатами о значеніи кошки въ Египтѣ, въ Римѣ, указавъ на законъ борьбы за существованіе и пр. Обвиненіе вышло подавляющее. Тогда я въ свою очередь сказалъ защитительную рѣчь: я говорилъ, что подсудимый—жертва окружающей его среды; что обвинитель—самъ не развратилъ подсудимаго: подсудимый видѣлъ, какъ обвинитель женился „Послѣдними годами Рвачи Посполитой“ и доказывалъ, что слабый долженъ быть жертвою сильнаго, что Россія должна была пожать Польшу и т. д.—и подсудимый, сѣдѣя ученію обвинителя и своего господина, пожать птичку и т. д. Присяжные рѣшили: „виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія“. Однако, Васька, сокручи-

а скорѣе на Василя-Постника. Даромъ, что столь въ Патрикѣевскомъ трактирѣ нельзя обвинить въ недостаткѣ питательности.

„Насчетъ Полежаева, если вы его увидите, потрудитесь передать ему слѣдующее: если мы не сошлись по поводу „Холуа“, то занесло это единственно отъ него, а не отъ меня. Обдумавши его предложеніе, я черезъ два часа послѣ его визита написалъ ему согласіе, но ему угодно было отступить отъ тѣхъ условій, которыя онъ самъ мнѣ предложилъ: при свиданіи со мною онъ предлагалъ, давъ мнѣ въ задатокъ нѣсколько сотъ рублей, оставить рукопись у меня до моего возвращенія изъ Москвы и до полной уплаты имъ всей условленной суммы гонорара, но въ своемъ письменномъ отвѣтѣ, присланномъ мнѣ чуть ли не черезъ два дня, г. Полежаевъ заявилъ необходимость получить прежде всего рукопись для просмотра и въ случаѣ, если онъ ее признаетъ достойною напечатанія въ своемъ журналѣ, хранить ее у себя, выдавши мнѣ впередъ всею 300 руб., а остальную сумму гонорара, что предлагалъ прежде доставить мнѣ черезъ мѣсяцъ, по возвращеніи моемъ изъ Москвы, откладывая до генваря, обѣщая уплатить по напечатаніи—и это измѣненіе условія оправдывалъ тѣмъ, что послѣ свиданія со мною успѣлъ войти въ какія-то инныя соглашенія. Хотя я не считаю себя такимъ великимъ авторитетомъ, чтобы мои сочиненія принимались на вѣру ради одного моего имени, но если ему угодно было почтить меня такого рода довѣріемъ, то во всякомъ случаѣ не деликатно было послѣ показывать недостатокъ такого довѣрія. Я отказалъ ему потому, что, выѣзжая на продолжительное время изъ столицы, считалъ неумѣстнымъ оставить сочиненіе въ чужихъ, и притомъ мнѣ неизвѣстныхъ, рукахъ. Если ко мнѣ оказали недовѣріе послѣ заявленія полнѣйшаго довѣрія, то само собою разумѣется, что и я не могъ имѣть къ этому господину довѣрія. Я считалъ между нами дѣло поконченнымъ и не предвидѣлъ возможности возобновить съ нимъ сношенія по этой части, о чемъ категорически и заявилъ ему письменно. Поэтому меня не мало удивило, что г. Полежаевъ, въ своемъ объявленіи объ изданіи „Исторической библіотеки“, помѣстивъ мое имя въ числѣ сотрудниковъ. Изъ вашего письма я увидалъ, что онъ желаетъ получить того же „Холуа“ и проситъ меня никому не продавать, кромѣ ему. Я не отрекаюсь наотрѣзъ отъ помѣщенія „Холуа“ въ его „Исторической библіотекѣ“, но не могу обязываться никому не продавать его до новыхъ переговоровъ съ нимъ, потому что, согласитесь, если онъ разъ уже измѣнилъ свое слово, то можетъ измѣнить и въ другой разъ, и заявить еще какія-нибудь новыя условія. Мой „Холуа“ можетъ быть отданнымъ въ „Историческую библіотеку“ только тогда, когда бы я получалъ впередъ, при отдачѣ рукописи, двѣ тысячи руб.

„Но такъ какъ вы, г. купецъ, извѣстили меня о переданномъ вамъ чрезъ Шубинскаго желаніи продать моего „Холуа“ Суворину, а вслѣдъ затѣмъ такого же содержанія письмо получилъ я и отъ г. Шубинскаго, то не считая себя ни въ чемъ связаннымъ по отношенію къ г. Полежаеву, я готовъ

---

ишь сидѣть на-привязи, обовлялся до того, что мы даже испугались его злобныхъ мучавій, и когда онъ началъ метаться по комнатамъ, таская за собою клятку и готовый выпарапать намъ глаза, мы избавились отъ него только тѣмъ, что отворили дверь на лестницу. . . . Васью съ клятвой едва поймали городовые; „это котъ генерала Костомарова“, говорили они.

Д. М.

отдать „Холуя“ и Суворину. Для меня тутъ что ни погъ, то батько: кто мнѣ прежде двѣ тысячи рублей привезетъ сполна, тотъ и получить рукопись. Да благословитъ васъ Господь Богъ Израилевъ. Соскучился за вами, господинъ купецъ! Думаемъ съ бабою возвратиться въ первыхъ числахъ ноября. Алина Л. вамъ передаетъ свое глубочайшее почтеніе и привѣтъ.

„Вашъ глубоко уважающій и сердечно преданный, смиренный и чаше всѣхъ человекъ оказавшійся старецъ Николай, ниже въ первопрестольнѣй Москвѣ“.

Бѣдный «Холуй»! Его, дѣйствительно, продавали, какъ продавали нѣкогда и настоящихъ, живыхъ, не сочиненныхъ «холуевъ».

Наконецъ «Холуй» проданъ. Но переписка о немъ еще не прерывается. 22-го октября «старецъ Николай» пишетъ мнѣ:

„Господинъ купецъ! Сейчасъ получилъ я отъ Шубинскаго извѣстіе, что онъ продалъ моего „Холуя“ Суворину за двѣ тысячи пятьсотъ рублей. Слава Богу! Но отъ Суворина я еще телеграммы не получаю. А Шубинскій писалъ, что она ко мнѣ будетъ. Вотъ уже нѣсколько дней я сталъ терпѣть сильную головную боль, и катарръ увеличился. Чувствую, что постоянны шестидневныя занятія, по шести часовъ въ день, не разгибаюсь, наконецъ, меня утомляютъ и надламываютъ. Не придется, какъ я было сталъ предно лагать, за этимъ прїѣздомъ покончить съ предварительною работою по сбору матеріаловъ для Мазени; дѣтъ шесть еще остается, а за цѣлый годъ 1699-й не отыскалъ бумагъ. Въ архивѣ юстиціи, негдѣ правды дѣтъ; безалаборщина таки порядочная. Скоро возвращусь и тотчасъ извѣщу купца, чтобъ имѣть удовольствіе погулять вмѣстѣ съ нимъ по Трагическому проспекту. Здѣсь погода омерзительнѣйшая, слякоть и скользота, особенно по утрамъ, такъ какъ Москва, сія блескомъ православія, уступаетъ Петрову и радизу въ освѣщеніи улицъ земными средствами.“

„Алина Л. вамъ свидѣтельствуетъ глубочайшее уваженіе.“

„Вашъ по гробъ живота преданный душевно старецъ Николай, чаше всѣхъ человекъ грѣшнѣйшій“.

Пріписка: „Не успѣлъ отправить на почтутэтого письма, получилъ телеграмму отъ Суворина“.

#### IV.

Хотя я выше сказала, что 1877 годъ и зимній сезонъ 1877—1878 гг. былъ нѣсколько оживленнѣе другихъ лѣтъ послѣдняго десятилѣтія въ жизни нашего историка, однако нельзя было не видѣть, что лично онъ шелъ шибко не только на убыль, но и къ концу. По зимамъ его сталъ душить нестерпимый кашель, силы его замѣтно убывали и хотя онъ попрежнему любилъ много ходить пѣшкомъ, хотя по утрамъ и бродилъ къ Филипову за калачами, а къ Серпинину—за сливками, однако, что жъ это было за хожденіе! И въ походѣ старца, и во всей его фигурѣ видна была уже драхлость. Да

и гулянья наши по Трагическому проспекту — что ужь за гулянья! одна слава.

— Се азъ, великій денми старецъ, граду, скажетъ бывало,—и мы «поградемъ».

— Тебу, брате, тебу...

— Вижу, брате, что течешь, только плохо.

— Нозъ мои изнемогостъ суть и ладвія наполнишася поруганіа.

«Дотечеть» такимъ образомъ до первой скамейки и сядеть покурить «богомерзкой табаки», а я, не желая забыть, брожу взадъ и впередъ. Весь Трагическій проспектъ постоянно видѣлъ насъ неразлучными. Разъ даже одинъ извозчикъ, каретный, держалъ пари съ другими извозчиками на дюжину пива, доказывая, что мы родные братья, и проигралъ.

— Ишь ты аказія!—прошибся маленько... А словно бы братья.

Эту зиму въ Петербургѣ жилъ П. П. Чубинскій, одинъ изъ учениковъ покойнаго историка, и присутствіе этого необыкновенно симпатичнаго и живого украинца очень оживляло весь нашъ украинскій кружокъ. Чубинскій умѣлъ сплотить всѣхъ, оживить, и мы всѣ охотно собирались у него. У Чубинскаго и почтенный историкъ оживалъ, особенно когда бывало запоютъ хоромъ, подъ управленіемъ А. А. Архангельскаго, русскія и украинскія пѣсни. Чубинскій устраивалъ даже малороссійскую «кутью», и какъ рѣдкій знатокъ народнаго быта и археологія, обстановку придавалъ этой обрядовой «кутьѣ» чисто-народную. Тутъ пѣли, конечно, и «Щедрый вечеръ», и въ исполненіи этой обрядовой пѣсни особенно былъ неподражаемъ молодой художникъ Мартыновичъ или Мартыненко, такъ рано потерянный для искусства.

Въ этотъ сезонъ особенно оживленны были и «Тарасовы рововины» — чествованіе памяти Шевченка въ годовщину его смерти, устроенное въ клубѣ художниковъ.

Но, повторяю, при всемъ этомъ оживленіи, на всѣхъ этихъ собраніяхъ Костомаровъ смотрѣлъ уже тѣнью бывшаго Костомарова и съ нимъ обращались уже почтительно, какъ съ рельевами, но самъ онъ мало проявлялъ себя: то кашель его мучилъ, то жаловался на глаза—«слѣпну», то головныя боли не давали ему покоя.

Поэтому и рѣшено было весною пораньше увести его въ Малороссію.

10-го мая 1878 года «старецъ Николай» ужь писалъ мнѣ изъ Дѣдовецъ подъ Прилуками:

„Господиъ ростовскій именитый купецъ! Изъ края малороссійскаго отъѣзжаю къ вашему столенству и начну съ того, что здѣсь такъ хорошо, такъ прекрасно, что невольно пожагѣешь только объ одномъ: не достаетъ досто-

почтеннаго купца, чтобы подѣлиться вмѣстѣ съ нимъ впечатлѣніями, возбуждаемыми праздничнымъ торжествомъ весенней сельской природы. Май; и весь въ зелени и въ цвѣтѣ, громадные хлопья цвѣточнаго снѣга покрываютъ вершины вишенъ, яблонь, грушъ и терна, въ воздухѣ живительная теплота, кругомъ хороше поютъ соловьи, кукуютъ зозули, кричатъ иволги, спѣвають дѣвчата, квакають лягушки, празднество въ полномъ разгарѣ:

Und Freud und Warm  
Aus jeder Brust:  
O Erd', o Sonn,  
O Glück, o Lust!

„Повторяю: одного недостаетъ — именитаго ростовскаго купца, чтобы дѣлиться съ нимъ полною чашею жизненнаго празднества природы!

„Передъ своимъ отъѣздомъ прочиталъ я возраженіе противъ себя Карновича и статью, приложенную какъ бы къ его возраженію. Мысль обоихъ авторовъ, моихъ противниковъ, та, что бывшая война не имѣла отголоска въ народномъ чувствѣ и народъ русскій не только не желалъ ея, не только не сочувствовалъ, но тяготился ею...

„О несмысленные петербургскіе либералы! Вмѣсто того, чтобы, сидя въ столицѣ, замышлять о русскомъ народѣ свои предположенія, поѣхали бы вы по широкой Руси и прислушались бы къ народному суду надъ современными событіями: должны были бы вы заговорить совѣсть своею! Вообразите, купецъ, мое удивленіе: я услышалъ здѣсь такое, чего никакъ не ожидалъ и во отношенію къ чему стоялъ точти такъ-же, какъ Карновичъ ко мнѣ.

„Народъ, именно народъ, сочувствуетъ дѣлу освобожденія не только крестьянъ на Востокѣ, но славянъ, сознавая ихъ братьями по роду, и сочувствуетъ до страсти и готовности ко всевозможному самопожертвованію: это въ сонной Малороссіи! И въ то же время этотъ народъ буквально бьется за своего царя и увѣренъ въ томъ, что онъ предпринялъ освободить народы, соединенные съ нимъ узами вѣры и происхожденія. Что касается до интеллигенціи или культурнаго класса, то, сколько я могъ замѣтить, онъ еще непривѣтливѣе къ славяновосточному вопросу, чѣмъ петербургскіе Карновичи съ братією. Но вѣдь между интеллигентнымъ классомъ и народомъ страшная бездна различія, еще едва ли не болѣе глубокая въ Малороссіи, чѣмъ въ Великооссіи. Я говорю вамъ истину и, признаюсь, удивляюсь не мало тому, что говорю. Увѣряю, мнѣ и во снѣ не снилось увидѣть такое строеніе въ народѣ! Это, однако, говорить о немъ всѣ здѣшніе, даже и тѣ, что сами не скрываютъ своихъ убѣжденій противоположнаго пошиба.

„Невольню скажешь вмѣстѣ съ Шевченкомъ:

Отъ и читай...  
И йми ты нмъ віры!  
Дурный, дурный, а ще битый,  
На квітокъ повіривъ  
Москалеві!“....

Эго письмо очень важное, болѣе важное, чѣмъ можетъ показаться иному, и требуетъ поясненія.

«Возраженіе» Е. П. Карновича и другого противника, имени котораго

раго почтенный историкъ не упоминаетъ—это двѣ статьи, появившіяся въ апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1878 годъ, одна—г. Карновича: «Отвѣтъ гг. Бѣлову, Костомарову и Миллеру», другая—г-на С. К.—о: «Г. Костомаровъ объ исторической задачѣ». Дѣло въ томъ, что, по окончаніи послѣдней русско-турецкой войны, въ «Отечеств. Записк.» напечатана была статья г. Карновича—«Объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига», въ которой авторъ, между прочимъ, доказывалъ, что онъ не видитъ въ исторіи стародавней Москвы самостоятельнаго возникновенія идея объ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига и находитъ только извѣстія о приносѣ ея туда представителями западной Европы, а потому и пришелъ къ заключенію, что уломанутое освобожденіе «не составляло нашей исторической задачи», а шилось, какъ будущій зипунъ, на совершенно иной подкладкѣ.

На эту статью ополчились разомъ четыре поборника «исторической задачи»: В. П. Буренинъ, Е. А. Бѣловъ, Н. И. Костомаровъ и О. Ф. Миллеръ. Они думали видѣть въ исторіи эту «задачу». Я помню даже одинъ изъ вторниковъ, когда гости почтеннаго историка разбились на два лагеря: одни защищали идею «исторической задачи» русскаго народа на Востокѣ, другіе говорили, что подъ освободительной яко-бы подкладкой кроется то, что когда-то было девизомъ думнаго дьяка Алмаза Иванова: «а какъ будете-де подъ нами, и вамъ того жалованья не будетъ».

На эти-то четыре возраженія и отвѣчали гг. Карновичъ и С. К.—о.

Одно я могу теперь сказать по поводу вышеприведеннаго письма: искренно ли выражали свои чувства украинцы, говоря съ паномъ, пріѣхавшимъ изъ «самой столиці»? Вѣдь хохла съ москалями вообще очень, очень неискренни.

Не менѣе важна, въ біографическомъ отношеніи, приписка къ послѣднему письму:

„Складывая это письмо и надписывая конвертъ—пишетъ г-жа Костомарова—не могу не сказать вамъ хотя нѣсколько словъ, добрыйшій, многочтимый мною Давидъ Лукачъ. Скажу, во-первыхъ, что Н. И. былъ плохъ и слабъ въ дорогѣ и я убѣдила его позвать къ себѣ въ Москвѣ доктора Божова, который нашелъ кашель Н. И. весьма серьезнымъ и одно легкое пострадавшимъ, вслѣдствіе чего рѣшительно запретилъ возвращаться на гѣто въ Питеръ и его окрестности. Лекарства, назначенныя Н—ю И—чу Божовымъ, и, конечно, болѣе всего неподобный воздухъ съ душевстой, мягкой теплотой значительно подерѣшили мое старье: Н. И. загорѣлъ и повеселѣлъ. Дѣлюсь съ вами, дорогой и добрый другъ нашъ, этою радостію“.

Уже въ 1878 году, значить, роковая болѣзнь гнѣздилась въ легкихъ покойнаго историка.

Насколько однако весна 1878 года и воздухъ Малороссіи оживили упавшую было бодрость духа и физическія силы почтеннаго ученаго, можно видѣть изъ письма его отъ 24 мая:

„Безподобнѣйшій и безцѣннѣйшій купецъ! Я получилъ письмо ваше. Чтобы такъ сдѣлать для насъ великое одоуженіе: пріѣхать бы сюда, и отсюда воротились бы вмѣстѣ. Мы бы уже воротились теперь, но Анна Леонтьевна принимать стала соленныя ванны и это продолжится еще не равнѣ, но и не позже мѣсяца. Вы бы въ трудахъ своихъ не понесли утраты. Здѣсь занимается романомъ изъ смутнаго времени <sup>1)</sup> могли бы еще лучше, чѣмъ въ Петербѣ. Нужно же и необходимо вамъ отдохнуть хоть немного лѣтомъ, чтобы набрать новыхъ силъ! Теперь же вамъ было бы и подручно пріѣхать вмѣстѣ съ Солею, которую мать выписываетъ къ себѣ на каникулы. Сдѣлайте такъ мой безцѣнный купецъ. Ахъ, какая бы радость была, какое счастье! Прим. сотворите благо сіе. Вы дачи себѣ не наняваете, живете въ духотѣ и сырости города: помилуйте, пощадите свое здоровье! Рѣшитесь и сдѣлайте такъ, безцѣнный купецъ, а отпускъ на какихъ-нибудь 28 дней вы, конечно, можете взять безъ вреда себѣ по службѣ. А здѣсь клубника уже поспѣваетъ и можно въ окно лѣзуть. Сомя отпущена будетъ 1, 2 или 3 іюня. Впрочемъ, если бы и сами рѣшились ѣхать, то можете найти путь на Нѣжинъ, а въ Нѣжинѣ можно спросить у желѣзнодорожныхъ служителей тарантасовъ наемныхъ и достигнуть до Прилуки и до Дѣдовецъ, которыя отстоятъ отъ Прилуки четыре версты. А ѣдучи, захватите въ Петербургѣ ящикъ крѣпкихъ сигаръ Lods у Фейка въ 18 или 15 р. сотня, потому что привезенныя мною уже и исхотѣ. Божественный купецъ! обрадуйте насъ согласіемъ на наше сердечное приглашеніе“.

Жизнь въ Дѣдовцахъ не ограничивалась однако только наслажденіемъ красотами природы и вдыханіемъ въ больныя легкія благодушнаго воздуха Украины. Каждый день почтенный историкъ работалъ по четыре часа. Онъ диктовалъ свою автобіографію. Объ этомъ, между прочимъ, писала мнѣ его достойная супруга:

„Только вчера мы получили ваше письмо, многоуважаемый и многолюбимый нами Давидъ Лукичъ, и мы рѣшились выразить вамъ то, о чемъ думали съ самаго пріѣзда сюда. Не прошло дня, чтобы мы не вспомнили о васъ и не потолковали о томъ, какъ бы отраднѣе было для насъ, если бы мы дышали здѣсь однимъ съ вами воздухомъ. Комната покойная, непроходная, годится для вашего уединенія; когда вдохновеніе позоветъ васъ туда—мы не будемъ развлекать, потому что дорожимъ вашими трудами, да и сами съ Н. И. пишемъ часа по четыре въ день: онъ диктуетъ, а я пишу. Крошечной искренней радости имѣть васъ у себя недѣнь, не два, а мѣсяцъ, намъ обилие просто досадно сознавать, что въ лучшее время года вы сидите въ Петербѣ, гуляете по мостовымъ, вдыхаете пыль и городскія миазмы. Дѣдовцы—скромный уголокъ, незатѣливый, но куда ни погляди, что-то манитъ васъ къ себѣ— и это не лично мое только мнѣніе, а вырывается это у каждого, кто сюда заглянетъ. Конечно, Дѣдовцы утратили многое по поводу моего выѣзда

<sup>1)</sup> Я писалъ тогда „Дмитрія“.



на житье въ Питеръ, уже чувствуется какое-то запустѣніе, но все же нельзя сравнивать ихъ съ петербургскими дачами: здѣсь жизнь, а тамъ декорация дѣланная.

„Пріѣжайте, просимъ, кланяемся земно! Николай Ив. вспомнилъ, что и Соню мы ждемъ въ первыхъ числахъ іюня и радъ бы васъ встрѣтить въ одно время потому, что тогда вы навѣрное нашли-бы экипажъ для переезда отъ желѣзной дороги къ намъ. Я уже давно написала Соню, чтобы она присоединилась къ смолянкамъ, ѣдущимъ на каникулы въ наши мѣста“... и т. д.

Хотя и дальнѣйшія подробности письма нѣкоторымъ образомъ касаются, такъ-сказать, бытовой обстановки послѣдняго десятилѣтія жизни нашего историка, однако я не рѣшаюсь удлинять ими мое сказаніе.

Въ половинѣ 1870-хъ годовъ въ Прагѣ вышло полное изданіе произведеній Шевченка. Къ этому изданію нѣкоторые изъ близко знавшихъ покойнаго поэта присоединили свои воспоминанія о Тарасѣ Григорьевичѣ, въ томъ числѣ и Костомаровъ. Въ 1878 году, въ бытность послѣдняго въ Дѣдовцахъ, нѣкоторые земляки обратилсъ ко мнѣ съ просьбою—написать Николаю Ивановичу и просить у него позволенія на перепечатку того, что дано было имъ для пражскаго изданія Шевченка. Я написалъ.

Въ отвѣтъ на это я получилъ слѣдующее письмо отъ 19 іюня:

„Почтеннѣйшій купецъ! Я не имѣю ничего противъ перепечатки о Шевченкѣ того, что я послалъ для пражскаго изданія, если оно напечатано въ томъ видѣ какъ я послалъ. Но я не видаю пражскаго изданія: говорятъ, что въ немъ помѣщены Шевченковыя такія творенія, о существованіи которыхъ на землѣ—я обязанъ не знать. Ничто и никто не поручится мнѣ, что и то, что послано мною отъ моего имени, напечатано въ томъ видѣ, какъ я написалъ. Поэтому дать оффиціальное, имѣющее юридическое значеніе, согласіе на перепечатку отъ моего имени о Шевченкѣ съ пражскаго изданія могу я только тогда, когда увижу пражское изданіе и увѣрюсь, что напечатанное тамъ подъ моимъ именемъ дѣйствительно сохранено въ первоначальномъ видѣ“.

Далѣе Костомаровъ сообщаетъ мнѣ о неудачной попыткѣ разыскать у потомковъ [нѣжинскихъ и] прилуцкихъ полковниковъ Горленковъ оставшіяся отъ ихъ историческихъ предковъ какія-либо важныя для исторіи Малороссіи бумаги:

„Живучи здѣсь по сосѣдству, познакомился я съ наследниками угасшей фамиліи Горленковъ и перебиралъ ихъ домашній архивъ, но не смотря на множество старыхъ бумагъ, сохранившихся у нихъ съ примѣрнымъ уваженіемъ къ старинѣ, не нашелъ я почти ничего важнаго ни для бытовой, ни тѣмъ паче для былевой исторіи, тѣмъ болѣе, что, какъ оказывается, имѣнія, конфискованныя у прилуцкаго полковника за участіе съ Мазепою, не были возвращены, но достались боковой линіи рода. Скоро возвращусь и съ радостію великою увижу драгоцѣннѣйшаго Данила Лукяча, почтеннѣйшаго изъ почтенныхъ купцовъ. Еще разъ зѣло сожалѣю, что не удалось васъ затянуть сюда, чтобы погулять вмѣстѣ на сельской свадьбѣ. Соловьи перестали пѣть,

хотя очень недавно. Дѣто, какъ думать надобно, не будетъ соответствовать веснѣ. Засуха уже начинается; пыль нестерпимая, такъ что скоро будетъ желаніе не изъ города въ деревню, а изъ деревни спастись отъ жары, духоты и прочихъ неудобствъ. Какъ-то вы, купецъ, поживаете и много ли написали вашего повѣствованія? Жалѣю, что вашихъ „Идеалистовъ и реалистовъ“ я не видалъ, кромѣ немногихъ номеровъ начала. потому что сюда „Новаго Времени“ не выписывалъ. А очень любопытно мнѣ будетъ посмотреть, какъ-то вы вывели на свѣтъ божій старухъ нашихъ знакомцевъ? Съ другими моими болѣе старыми знаками—ворами смутнаго времени, вы надѣюсь, расправитесь съ немалымъ искусствомъ, вамъ вполне прирожденнымъ. Я теперь одного боюсь: чтобы купецъ, увлекшись успѣхомъ на иприщѣ исторической беллетристики, вполне достойнымъ, не испортилъ себя скорописательствомъ и не забылъ извѣстнаго избитаго правила Горациа“.

Правда, «скариписательство»—мой прирожденный грѣхъ, а такъ какъ у меня нѣтъ Мецената, который бы кормилъ меня, какъ онъ кормилъ Горациа, то я и не держался непримѣнимаго въ наше время гораціанскаго абсурда:

*Nono pretere in anno...*

Г-жа Костомарова съ своей стороны приписываетъ, между прочимъ:

„Теперь скоро уже возвратимся въ Питеръ: мой бѣлый медвѣдь зарычалъ отъ зноя—и хотя ѣдитъ ежедневно купаться въ Удаѣ, но по дорогѣ пылитъ и онъ говоритъ, что надо бѣжать отъ пыли изъ деревни въ городъ, словно въ городахъ нѣтъ пыли. Соня пріѣхала къ намъ благополучно, бѣгаетъ въ хѣсамъ и ярамъ и сегодня приглашаетъ Николая Ивановича идти въ 1174, чтобы всенародно вырвать закрутку, которую будто-бы завернула мое существо: трогать закрутку нельзя—всего тебя перевернуть! Съ 23 въ 24 іюня Ник. Изъ съ Софей и Маріей Петровной Савченко пойдутъ, вѣроятно, ночью смотреть на народное игрище—прыганье черезъ огонь: это всегда дѣлаютъ въ ночь на Ивана Купала“.

## V.

Въ Петербургъ возвратились Костомаровы 24 іюля, а черезъ нѣсколько уже опять были въ Москвѣ, гдѣ «бѣлый медвѣдь» уже не рычалъ, ибо попалъ въ свою стихію—въ архивы.

25-го сентабря онъ писалъ мнѣ оттуда:

„Добродѣтельѣйшій, именитѣйшій купецъ! Здравствуйте! А о насъ вы можете знать, и мы божію милостію живемъ, Богъ по грѣхамъ терпитъ. Каждодневно съ утра отправляюсь за сливками и калачами, а напившись съ ними чаю, иду или ѣду въ одинъ изъ архивовъ. Итакъ, дни бѣгутъ одинъ за другимъ. Было бы хорошо и былъ бы я всѣмъ доволенъ, если-бы не безпокоила меня окая скорбь, которая не допускаетъ меня заниматься своимъ дѣломъ такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось. Разбираю матеріалы для исторіи Гетманщины въ періодъ правленія Самойловича. Когда кончу—Богъ про то знаетъ“.

потому что тѣмъ глубже въ гѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Придется, кажется, загнѣтъ въ чашу Бѣлгородскаго приказа, вѣдавшаго слободскіе полки, а въ эти дѣла нѣкто еще и не лезилъ, исключая можетъ быть какого-нибудь Головинскаго, котораго сочиненіе о Слободскомъ козачествѣ, напечатанное въ 1864 году, во всѣхъ московскихъ книжныхъ лавкахъ я не могъ найти. Такъ, Москва читающая и обрусивающая мало интересуется бытописаніемъ частей Россіи“.

Далѣе слѣдуютъ частныя вопросы и пожеланія. Ожидая, что я поѣду въ Саратовъ, Костомаровъ проситъ, чтобы я остановился у нихъ въ Лоскутной, разспрашиваетъ о моихъ работахъ и подписываетъ письмо видимо подъ вліяніемъ тѣхъ архивныхъ документовъ, которые въ то время интересовали его: «Николай Костомаровъ рукою власною». Спрашиваетъ о новостяхъ, проситъ кланяться С. Н. Шубинскому «и всѣмъ—прибавляетъ—общимъ нашимъ знакомымъ, имена которыхъ не перечисляю, чтобы не уподобиться читающему синодикъ діакону».

Изъ Москвы Костомаровъ ѣздилъ къ Сергію, но не занимался тамъ, а просто чтобы разсѣяться отъ хандры, которая все чаще и чаще посѣщала его, о чемъ и пишетъ мнѣ изъ Москвы г-жа Костомарова:

„Мы стоимъ по маленьку—и причины все тѣ же: то вздыхаемъ о покойницѣ матушкѣ, то о глазахъ, а для разнообразія—о желудкѣ и о томъ, что повсюду дурной запахъ, для изгнанія коего сидимъ съ утра до ночи при открытыхъ окнахъ (это въ концѣ сентября-то!); когда же отъ чрезмѣрной прохлады начинаетъ возмущаться мой ревматизмъ, тогда начинаемъ совѣщаться о закрытіи дѣлаго окна и можно ли оставить половину открытымъ или только форточку. Разумѣется, все это происходитъ съ утра, до отбытія въ архивъ, и по возвращеніи изъ онаго. Были мы у Сергія въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, ночевали тамъ въ номерѣ гостинницы, находящейся въ полномъ владѣніи клоповъ, были разъ въ театрѣ, давали „Укрошеніе строптивой“ Шекспира, былъ Н. И. у Иловайскаго и Писемскаго, и оба они провели вечеръ у насъ; бываемъ у Гатцуковъ и Тихонравовыхъ—вотъ и пробѣжалъ мѣсяцъ!“

Возвратились Костомаровы изъ Москвы въ началѣ ноября.

18-го ноября 1878 года исполнилось 35 лѣтъ со дня смерти одного изъ первыхъ украинскихъ писателей, который значительно ранѣе всѣхъ русскихъ писателей сказалъ въ печати искренно-доброе слово о народѣ и показалъ его не въ карикатурномъ, а въ правдиво-симпатичномъ освѣщеніи: это—Г. О. Квитка-Основьяненко. Поэтому въ нашемъ кружкѣ возникла мысль—почтить память этого благороднаго украинца, и для этого рѣшено было устроить обѣдъ по подпискѣ, въ ресторанѣ Палеяна. На предпоследнемъ вторникѣ у Костомаровыхъ на меня, на Г. П. Данилевскаго и на П. П. Чубинскаго кружкомъ нашимъ возложено было распорядительство какъ по устройству обѣда,

такъ и по приглашенію къ этому чествованію лицъ, которыя пожелали бы къ намъ присоединиться.

На приглашеніе наше откликнулись: В. А. Прохоровъ, Д. Г. Лебединцевъ, от. Стефанъ Опатовичъ, М. П. Старицкій, Г. С. Вашкевичъ, П. А. Гайдебуровъ, Ф. П. Нероновъ, г. Дьяконовъ, г. Валеньюкъ, А. Г. Тиша-Тишинскій, А. Н. Пыпинъ, А. Н. Савичъ, г. Маркевичъ, г. Шапошниковъ, В. В. Чуйко, г. Безверхій, А. Л. Боровиковскій, В. М. Жемчужниковъ, Н. Н. Каразинъ, г. Гольманъ, И. С. Лисъевъ, А. И. Рубецъ, В. П. Гаевскій, г. Богуславскій, г. Зыгинцевъ и др.

Нѣкоторые изъ непоименованныхъ выше почитателей памяти покойнаго украинскаго писателя выразили письменно свое сожалѣніе: томъ, что они по разнымъ причинамъ не могутъ присутствовать на обѣдѣ, но заочно присоединяются къ нашему собранію. Генералъ Драгомировъ, выразивъ въ письмѣ ко мнѣ такое же сожалѣніе, пояснилъ, что 18 ноября, въ день битвы при Синопѣ въ 1853 году, онъ обязательно долженъ присутствовать на синопскомъ обѣдѣ, что однако же не мѣшаетъ ему: «душою находиться въ вашемъ почтенномъ обществѣ».

Равнымъ образомъ и И. И. Срезневскій на приглашеніе мое отъчалъ: «Усердно благодарю за приглашеніе принять участіе въ отнынѣ должнаго почитанія Г. Ф. Квиткѣ-Основьяненкѣ, котораго я чтилъ при жизни, будучи близокъ къ нему съ юности (съ 1830 года), и не менѣе чту черезъ 35 лѣтъ по его смерти. Къ сожалѣнію, на обѣдѣ быть не могу, хотя бы и очень желалъ быть въ вашемъ добромъ кружкѣ, а чтобы не остаться совершенно постороннимъ въ дѣлѣ, близкомъ моему сердцу, я написалъ Н. И. Костомарову, какъ тому, съ которымъ вмѣстѣ мы не разъ бывали у Г. Ф.—а, то, что сказала мнѣ о немъ память моего сердца, написалъ для сообщенія на вашемъ обѣдѣ. Если не найдете лишнимъ, то переговорите объ этомъ съ Николаемъ Ивановичемъ».

Не мало мнѣ было хлопотъ съ этимъ обѣдомъ. Нашъ почтенный историкъ, съ каждымъ годомъ чувствуя упадокъ силъ и творчества, съ каждымъ годомъ становился капризнее и раздражительнее. Алина Леонтьевна, при такомъ душевномъ состояніи своего супруга, который изъ-за всякаго пустяка «рычалъ бѣлымъ медвѣдемъ»,—была совершенно мученица: то онъ призывалъ смерть изъ-за того, что трубка туго курится или чубуекъ не хорошо прочищенъ, или сигару самъ же закурилъ не съ того конца («ослѣви! къ чорту все!»); то корилъ ее дворянскимъ происхожденіемъ за то, что она старалась одѣть его потеплѣе, чтобы старикъ не простудился: «дворянскія примхи!—а му-

жикъ—не знаю простуды»,—а самъ кашляетъ на весь домъ, съ страшною мокротою:— «это нервы, а не простуда!» (у мужика-то нервы...). Но за обѣдомъ онъ всегда сражался со мной. Едва, бывало, въ 4 часа съ сладенькой улыбкой провозгласить: «купецъ! водку пить!»—и едва мы выпьемъ по рюмкѣ, такъ сейчасъ же у насъ начинается война изъ-за всякаго слова. Изъ оборонительнаго положенія я перехожу въ наступательное, указываю ему на прогнворѣчія его поступковъ съ словами,—и когда капризный старикъ, весь багровый, колотитъ себя въ грудь, еще болѣе противорѣчить себѣ, и пойманный на этомъ, кричить: «я солгалъ! я умышленно лгу!» Поражаемый моими насмѣшками, онъ не выдерживалъ и вопилъ: «вы опять шкилюете надо мной!—я этого терпѣть не могу!» А я ему: «а я терпѣть не могу вашихъ капризовъ, и потому шкилюю надъ вами».—«Нѣтъ, купецъ (смѣется уже),—спрячьте стрѣлы вашего остроумія въ колчанъ молчанія». А я ему: «а вы вложите ядра вашихъ капризовъ въ дуло приличія». Смѣется и тутъ же признается, что ему очень полезно сердиться за обѣдомъ, что когда онъ капризничаетъ, то у него является аппетитъ.

Эти-то воинственные наклонности почтеннаго старца и стали тревожить г-жу Костомарову наканунѣ квинтинскаго обѣда. Ну, а если старикъ въ обществѣ почитателей Квинки, за обѣдомъ, вспомнить свое драгунство? И вотъ она пишетъ мнѣ:

„По многимъ причинамъ я не могу быть завтра на обѣдѣ у Палкина, а сталося такъ, что приходится безпокоить васъ усерднѣйшею просьбою. Сегодня за утреннимъ чаемъ Николай Ивановичъ сказалъ мнѣ съ нѣкоторымъ жаромъ, что въ прошедшій вторникъ кто-то изъ нашихъ дорогихъ гостей (но не помнитъ кто именно) выразилъ желаніе усадить его на первомъ мѣстѣ за обѣдомъ въ честь Квинки, на что онъ не успѣлъ возразить потому, что кто-то обратился къ нему съ рѣчью о другомъ предметѣ. Вотъ онъ сегодня уже заявляетъ мнѣ, что если его станутъ усаживать на „почетное“ мѣсто, „выставлятъ“ (къ-въ онъ выражается), то дружескій характеръ обѣда и бесѣды будетъ для него потерянъ и онъ не ручается, что сдержитъ обычную свою раздражительность, которая у него является всякій разъ, какъ только его „выставляютъ“ или говорятъ ему любезности<sup>1)</sup> А мы съ вами, дорогой Давидъ Лукичъ, по опыту знаемъ, что раздражительность и духъ противорѣчія возбуждаются у Николая Ивановича болѣе всего за обѣдомъ, послѣ рюмки водки. Будьте же такъ добры и свисходительны къ нему—устройте такъ, чтобы не усаживали его на „почетное мѣсто“ и не „вынуждали“ его (какъ онъ выражается) играть роль или говорить рѣчи. Я увѣрена, что если къ нему не будутъ обращаться съ такими просьбами, то онъ самъ воодушевится и прочтеть или скажетъ слово, которое, разумѣется, будетъ теплѣе, если вылетѣтъ по его собственному влеченію, а не по приглашенію. Мнѣ бы

<sup>1)</sup> Замѣчу кстати. Эта раздражительность явилась у него только въ послѣднее время, а прежде бывало, когда ему говорили „любезности“, онъ самъ сознавался: „это намъ—точно котъ сметаной по губамъ“. Д. М.

очень хотѣлось, чтобы мое старье было панчкой за обѣдомъ и потому не откажите устранить отъ него предположенное однимъ изъ нашихъ вторичныхъ гостей президенства за обѣдомъ завтра у Палкина“.

Обѣдъ вполнѣ удался, и чествованіе достойной памяти всѣмъ до рогаго автора «Конотопской вѣдьмы», «Солдатскаго портрета» и другихъ безсмертныхъ на Украинѣ произведеній отличалось самою теплою задушевностью. Прочитано было письмо къ Костомарову Срезневскаго, которое вызвало рукоплесканія. Изъ рѣчей, сказанныхъ за обѣдомъ, особенно симпатична была рѣчь Г. П. Данилевскаго. Такъ какъ онъ сообщилъ, что въ это же время и въ Харьковѣ чествуется память Квитки, то тутъ же составлена была пріѣзженная телеграмма на имя Харьковскаго уѣзднаго предводителя дворянства Н. Е. Ковалевскаго, слѣдующаго содержанія:

„Раздѣляя виѣсть съ вами настоящій праздникъ чествованія дорогой намъ памяти Григорія Федоровича Квитки, мы, собравшіеся въ дружескомъ кружкѣ почитатели памяти покойнаго, шлемъ харьковскимъ таковымъ же почитателямъ нашъ сердечный пріѣтъ и горячее пожеланіе успѣха нашей народной литературѣ среди другихъ родственныхъ ей славянскихъ литературъ. Николай Костомаровъ—отъ всѣхъ собравшихся“.

Но маленькая стычка у насъ все таки вышла за обѣдомъ. Я сидѣлъ рядомъ съ Костомаровымъ. По другую сторону его сидѣли Жемчужниковъ и Неронозъ. Когда говорились рѣчи, то я замѣтилъ своему сосѣду, что все это очень мило и симпатично, но желательно было бы, чтобы хоть чья нибудь рѣчь стала на почву практичности по отношенію къ будущему украинской письменности. Это понравилось старику, и онъ началъ просить меня сказать такую именно рѣчь.

— Скажите! скажите, пожалуйста, дорогой купчикъ.

Я всталъ, позвонилъ въ стаканъ. Все притихло.

— Мм. гг.! началъ я: почтенный сосѣдъ мой Николай Ивановичъ Костомаровъ, просилъ меня сказать слово...

— Я васъ не просилъ! громко воскликнулъ старикъ...

Всѣ засмѣялись. Но я все таки сказалъ свою рѣчь и награжденъ былъ аплодисментами, число которыхъ любезно приумножилъ и мой воинственный сосѣдъ.

Этимъ я кончаю 1878 годъ,—годъ ветлянской чумы.

Д. Д. Мордовцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

## ВЪ УЧИЛИЩѢ ПРАВОВѢДѢНІЯ

въ 1847—1852 гт.

Воспоминанія по поводу 50-лѣтняго юбилея училища.

### IV<sup>1)</sup>.

Андреевъ занималъ должность воспитателя и преподавалъ геометрію. При появленіи въ классъ Андреева, воспитанники ловко подмѣчали: можно-ли избавиться отъ урока и провести урочное время въ пустой болтовнѣ или нѣтъ. Если первое возможно, то кто либо сообщалъ Андрееву, что такой-то часовой мастеръ, живущій тамъ-то, изобрѣлъ, какъ говорятъ, *perpetuum mobile* и урокъ проходилъ въ разсужденіяхъ о *perpetuum mobile*. Обыкновенно эти разсужденія начинались словами: „да возможно-ли это дѣло, сударь ты мой? Я говорю, что это невозможно“... Затѣмъ, въ числѣ аргументовъ противъ *perpetuum mobile* приводился и герцогъ Лейхтенбергскій, пославшій Андреева куда-то изслѣдовать *quasi perpetuum mobile*, и знакомство Андреева съ Монжемъ и много другихъ вещей... всего не упомяну. Андреевъ оставилъ службу въ училищѣ вслѣдствіе назначенія на должность директора карточной экспедиціи. Въ училищѣ Андреевъ не имѣлъ орденовъ на шеѣ; прошелъ годъ послѣ оставленія имъ училища и онъ явился на нашъ храмовой праздникъ въ мундирѣ учрежденій императрицы Маріи Θεодоровны, съ орденомъ Анны на шеѣ. Воспитанники подмѣтили это и говорили промежь себя, что Андрееву пожалованъ орденъ за изобрѣтеніе имъ новаго бубноваго туза.

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVIII, ноябрь, стр. 436—452.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1885 г., ТОМЪ XLVIII, ДЕКАБРЬ.

Дитрихсъ носилъ мундиръ гвардейской пѣшей артиллеріи и занималъ должность воспитателя; по оставленіи Андреевымъ училища, онъ получилъ уроки геометріи. Мнѣ удалось въ четвертомъ классѣ быть его ученикомъ. Преподавалъ онъ ясно и очень недурно чертилъ, и мнѣ остается рѣшительно непонятнымъ, почему мои товарищи находили его преподаваніе неудовлетворительнымъ, неяснымъ и непонятнымъ. Неужели-же потому, что большинству воспитанниковъ Дитрихсъ былъ не симпатиченъ?

Въ двухъ низшихъ классахъ училища, т. е. въ седьмомъ и шестомъ, преподавалась еще технологія. Въ самомъ низшемъ классѣ она преподавалась на нѣмецкомъ языкѣ, а въ слѣдующемъ—на французскомъ. Преподавалъ ея воспитатель Лустоно, по прозванію Великій Технологъ. Для чего она преподавалась—Богъ вѣсть; говорили намъ, что въ видахъ практическаго ознакомленія съ новыми языками; но эта фантазія на дѣлѣ оказывалась неосуществимою. Технологія эта вовсе не была похожа на настоящую технологію; изъ двухгодичнаго курса ея ровно ничего не оставалось въ головахъ воспитанниковъ. Помню, что Лустоно говорилъ: бываютъ *harte und weiche Seife*, что *die Lichter werden entweder gezogen oder gegossen*—это изъ нѣмецкой технологіи. Изъ французской, кажется, только и осталось въ моихъ головахъ, что нѣмецкіе *Nudeln* соотвѣтствуютъ итальянскимъ *macaroni*, и что эти послѣдніе охотно глотаютъ неаполитанскіе *lazzaroni*... Болѣе ничего не помню.

Французскій языкъ преподавали нѣсколько преподавателей. Въ двухъ низшихъ классахъ я учился у Гальяръ-де-Баввара, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ воспитателемъ. О немъ помню, что это былъ хотя сѣдой, но *un bon gaillard*, и болѣе ничего. Въ пятомъ классѣ французскую литературу преподавалъ Бераръ. Monsieur Бераръ игралъ видную роль въ училищѣ. Во время моего поступленія онъ уже былъ главнымъ воспитателемъ въ приготовительномъ пансіонѣ. Въ бытность воспитателемъ училища, Бераръ пользовался расположеніемъ директора Пошмана и чуть-ли не былъ его правой рукой по воспитательной части. Сохранялось преданіе, что когда попадался въ какой либо провинности воспитанникъ, то Пошманъ, въ присутствіи Берара, обращался обыкновенно къ виновному съ такою рѣчью: „Вашъ батюшка—почтенный человекъ, ваша матушка—всѣми уважаема!



дама, а вы—мальчишка, дворникъ. Monsieur Berard, faites lui donner des verges“, и Berard являлся экзекуторомъ приказаній начальника. Бераръ имѣлъ одно преимущество предъ другими преподавателями французскаго языка: онъ, кажется, порядочно зналъ русскій языкъ. На урокахъ Бераръ преусердно рассказывалъ о трубадурахъ, о томъ, что старыи французскій языкъ близокъ къ латинскому и что на югѣ Франціи, въ Провансѣ, до сихъ поръ говорятъ языкомъ, схожимъ съ старофранцузскимъ и итальянскимъ. Бераръ или, какъ его называли воспитанники, Трубадуръ выслужилъ пенсію и отправился во Францію дожидать свой вѣкъ на русскія деньги. Берара, какъ воспитателя, я не знаю, но мнѣ помнится, по рассказамъ другихъ, что Трубадуръ любилъ продавать своимъ питомцамъ гребенки, щеточки, мыло и т. п.

Изъ преподавателей французскаго языка я вовсе не помню Алъе, но помню графа Сюзора. Сей графъ явился въ Россію послѣ революціи 1849 года; петербургское общество приняло его съ распростертыми объятіями, какъ несчастную жертву революціи, пострадавшую за вѣрность монархическому началу. Сюзоръ съ большимъ успѣхомъ читалъ публичныя лекціи и затѣмъ получилъ уроки въ весьма многихъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ объяснялъ, какъ нѣмцы расточительны на слова: тамъ, гдѣ французъ употребить три слова, нѣмецъ ихъ поставить не менѣе пяти; напримѣръ, французъ говоритъ: je viendrai demain, нѣмецъ-же—Ich werde Morgen zu Ihnen kommen.

Нѣмецкій языкъ преподавали: въ низшихъ классахъ Томсенъ, а въ старшихъ—Шнерингъ. Томсенъ не пользовался симпатіей своихъ учениковъ. Шнерингъ представлялъ разительную противоположность съ Томсеномъ. Жаль, что Шнерингъ по русски ничего не зналъ. Получилъ онъ образованіе въ дерптскомъ университетѣ; говорили, что онъ готовился быть пасторомъ, но полученный, вслѣдствіе дуэли, шрамъ на щекѣ послужилъ ему препятствіемъ сдѣлать духовную карьеру,—онъ сдѣлался воспитателемъ и преподавателемъ. Шнерингъ, человекъ высоко образованный и честныхъ убѣжденій, былъ совершенно безупреченъ въ глазахъ воспитанниковъ.

Были еще преподаватели англійскаго языка: Христоферзенъ, Бушманъ и Варрандъ. Первый пробылъ недолго въ училищѣ;

воспитанники говорили, что онъ отправился въ Австралію съ сапогами или съ воробьями, не помню навѣрное съ чѣмъ; Бушманнъ тоже куда-то исчезъ.

Чистописаніе преподавалось только въ двухъ низшихъ классахъ. Преподавалъ его Шредерсъ и, не знаю почему, онъ заставлялъ на урокахъ писать то титуль, употребляемый на прошеніяхъ на Высочайшее имя, то докладныя записки и т. п. Любилъ Шредерсъ награждать каллиграфовъ похвальными листами разныхъ сортовъ. Одинъ изъ моихъ товарищей, написавшій заголовокъ для росписанія уроковъ, пользовался особымъ почетомъ у Шредерса. Сколько мнѣ помнится, Шредерсъ обладалъ особымъ тактомъ въ обращеніи съ воспитанниками и они держали себя въ отношеніи къ нему весьма прилично.

Въ этомъ отношеніи учитель рисованія, Морозовъ, представлялъ совершенную противоположность каллиграфу. У Морозова на урокъ воспитанники школьничали до безобразія и глумились надъ художникомъ, сколько имъ было угодно. Увѣряли, что онъ вмѣсто оригиналь говоритъ огригиналь, вмѣсто резинка—рзалка и т. п.

Къ числу преподавателей искусствъ слѣдуетъ отнести учителей: пѣнія—Ламакина, танцованія—Огюста Пуаро и гимнастики—Лопунта. Изъ этихъ преподавателей только учитель пѣнія пользовался громкою извѣстностію. Не очень давно (годъ тому назадъ) скончавшійся, Ламакинъ извѣстенъ и какъ дирижеръ капеллы графа Шереметева, и какъ композиторъ.

## V.

Сохранились въ моей памяти воспоминанія о преподаваніи другихъ предметовъ въ высшихъ классахъ. Чтобы не повторяться я не буду говорить о преподавателяхъ и преподаваніи тѣхъ предметовъ, о которыхъ упоминалъ. Начну по порядку. Въ шестомъ классѣ преподавались тѣ же предметы, что и въ седьмомъ въ пятомъ же, кромѣ упомянутыхъ, преподавались Семеновичъ зоологія и физика. Курсъ зоологіи былъ довольно систематиченъ но безсодержателенъ. Мнѣ пришлось, по оставленіи училища, слушать зоологію въ университетѣ и я долженъ сознаться, что предварительное знакомство съ этимъ предметомъ въ училищѣ об-

залось бесполезнымъ и излишнимъ. Между воспитанниками Семеновъ считался строгимъ преподавателемъ и у него разъ на репетиціи по зоологіи, какъ говорили, случился слѣдующій казусъ. Вызываетъ Семеновъ воспитанника, прозывавшагося тумбой. Тумба хочетъ отказаться отвѣчать, сосѣдъ толкаетъ подъ бокъ и шепчетъ: не отказывайся, подскажу... Въ головѣ тумбы мелькнуло соображеніе: откажусь, навѣрное Семеновъ поставитъ нуль или единицу, а при помощи сосѣда, можетъ быть, удастся заработать шестерочку... Встаетъ тумба. „Ну-съ, что вы скажете о костяхъ?“ спрашиваетъ Семеновъ. Сосѣдъ подсказываетъ, а тумба за нимъ повторяетъ: „кости бываютъ длинныя, толстыя, круглыя“ и т. д., все въ такомъ же родѣ. Семеновъ, потерявъ терпѣніе, спрашиваетъ: „да гдѣ же мозгъ?“ Суфлеръ подсказываетъ, а за нимъ и тумба повторяетъ: „въ глоткѣ“. — „Да вы его, господинъ, совсѣмъ проглотили, садитесь“, произноситъ Семеновъ и ставитъ отмѣтку въ журналъ.

Курсъ физики Семенова былъ тоже довольно курьезенъ; онъ дѣлился на статику, динамику, гидро- и аэростатику, гидро- и аэродинамику. Опыты производились рѣдко, изъ нихъ воспитанники выносили, что есть какая-то Атвудова машина и что опыты съ нею были неудачны не только въ настоящемъ году, но и въ прошломъ, въ позашагломъ и т. д. По словамъ преподавателя, магдебургскія полушарія такъ плотно удерживаются одно съ другимъ, что ихъ въ Магдебургѣ нельзя было разобщить даже при помощи лошадей, а у насъ оказалось, что Володька или Сашка ихъ разнимали безъ особыхъ усилій. Когда же мы обратили на это обстоятельство вниманіе преподавателя, то въ наше утѣшеніе услышали замѣчаніе: „то было въ Магдебургѣ, а то у насъ“. Нужно замѣтить, что каждый отдѣлъ курса Семенова представлялъ перечень перенумерованныхъ якобы законовъ природы; поэтому, на репетиціяхъ предлагались вопросы въ родѣ слѣдующихъ: „скажите изъ гидростатики законъ номеръ пятый“, или: „изъ аэродинамики законъ номеръ третій“ и т. п. Что выносили воспитанники изъ такого преподаванія—я себѣ представить не могу. Когда мнѣ пришлось готовиться ко вступительному экзамену въ университетъ, по руководству Ленца, то физика показала мнѣ наукой совершенно новой, незнакомой.

Въ четвертомъ классѣ оканчивалось изученіе математики, физики, а изъ естественныхъ наукъ преподавалась ботаника и

минералогія. Когда я былъ въ низшихъ классахъ, въ число предметовъ, преподаваемыхъ въ четвертомъ классѣ входила пропедевтика права. Ее преподавалъ профессоръ Штекгардтъ на нѣмецкомъ языкѣ. Штекгардтъ былъ небольшого роста, худощавъ и носилъ парикъ. Сидя на кафедрѣ, стоявшей у стѣны, и читая лекцію, онъ имѣлъ привычку раскачиваться взадъ и впередъ. Воспитанники изловчились въ стѣну вколачивать гвоздь, такъ, чтобы при покачиваніяхъ профессора парикъ зацѣплялся за гвоздь и обнажалась безволосая голова нѣмецкаго ученаго. Руководствомъ служила довольно объемистая книга, изданная Штекгардтомъ. Штекгардтъ умеръ въ бытность мою чуть ли не въ шестомъ классѣ. Преподаваніе пропедевтики было уничтожено, въ замѣнъ ея введена энциклопедія законовѣдѣнія, но не въ четвертомъ классѣ, а въ третьемъ, и для преподаванія ея приглашенъ профессоръ Неволинъ, тогдашняя знаменитость юридическаго міра.

Физику, т. е. ученіе о свѣтѣ, теплотѣ, магнетизмѣ и электричествѣ, а равно ботанику и минералогію мнѣ пришлось изучать у Постельса; на изученіе этихъ предметовъ полагалось два часа въ недѣлю. Чему можно научиться въ такой короткій срокъ изъ этихъ предметовъ—едвали могъ удовлетворительно объяснить самъ преподаватель. Постельсъ не принадлежалъ къ числу учурядныхъ преподавателей: онъ когда-то совершилъ кругосвѣтное плаваніе, если не ошибаюсь, вмѣстѣ съ Литве, въ концѣ двадцатыхъ годовъ. Въ результатъ явилось великолѣпное изданіе о водоросляхъ, собранныхъ во время плаванія. Правда, что обработкою ихъ занимался академикъ Рупрехтъ, а участіе Постельса заключалось въ доставленіи матеріала и въ составленіи превосходныхъ рисунковъ. Кромѣ того, Постельсъ изъ своего путешествія вывезъ богатый матеріалъ для ботаническихъ трудовъ профессора и академика Бонгардта.

По видимому, быть коллекторомъ и поставщикомъ матеріала для трудовъ ученыхъ не великая заслуга, тѣмъ не менѣе за эту дѣятельность Рупрехтъ окрестилъ цѣлый родъ водорослей именемъ Постельса (*Postelsia*).

Преподаваніе Постельса не лишено было курьезовъ. Показывая дѣйствіе магнита, онъ сравнилъ магнитъ съ головою, а волоса съ опилками, что подало поводъ воспитанникамъ прозвать Постельса, являвшагося на уроки съ всклопоченными во-

лосами, „Голова магнитъ, а волоса опилки“. Одинъ изъ моихъ товарищей пародировалъ довольно удачно Постельса, предлагающаго воспитаннику разсказать теорію топки печей. Вся суть разсказа заключалась въ томъ, что воспитанникъ говорилъ: положить дровъ, отереть вьюшки и т. п. А Постельсъ перебывалъ его на каждомъ словѣ, словами: „рано, мой милый“, пока воспитанникъ не начиналъ съ того, что слѣдуетъ приказать дворнику наколотъ дровъ, уложить ихъ предъ печкой, приготовить оволо нихъ растопку и т. д., все въ тавомъ же родѣ. Многіе помнятъ, вѣроятно, объясненіе Постельса вреднаго дѣйствія на человѣка паровъ, выдѣляемыхъ растеніями въ ночное время. „Представьте себѣ, говорилъ Постельсъ, садовникъ легъ на ночь спать въ оранжереѣ, и чтобы вы думали?—утромъ онъ проснулся мертвымъ“. Помню одну швольную продѣлку на ренетиціи у Постельса. Имѣлъ онъ обыкновеніе вызывать заразъ тронхъ и отправлять ихъ на каедру, а самъ садился на скамейку. Вызвалъ онъ въ числѣ тронхъ слышшаго за знатока физики и, вообще, естественныхъ наукъ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ Постельсъ предлагаетъ слѣдующій: что сдѣлается съ мѣднымъ купоросомъ, если его положить въ печь? Знатеъ естествознанія шолотомъ подсказываетъ: „жареный купоросъ“, сосѣди подхватываютъ его отвѣтъ и орутъ изо всей мочи—жареный купоросъ. Взрывъ хохота цѣлаго класса послѣдовалъ за этимъ отвѣтомъ и удивленное покачиваніе головой со стороны Постельса.

## VI.

Во второй половинѣ 1851 гражданскаго года я перешелъ въ старшее отдѣленіе, въ третій классъ.

Въ этомъ классѣ, кромѣ Закона Божія, изъ общеобразовательныхъ предметовъ преподавались разныя словесности, психологія и исторія; изъ специальныхъ же—энциклопедія законовѣдвія Неволиннымъ, — онъ же читалъ и исторію русскаго законодательства,—государственное право—Палибиннымъ, остзейское право—Геншельдтомъ и исторія римскаго права—Шнейдеромъ.

Лекціи Неволина было утомительно слушать; онъ читалъ тихо, какъ бы разсуждая самъ съ собою и себѣ подъ носъ. Государственное право Палибина представляло какое-то извлеченіе изъ

первыхъ трехъ томовъ свода законовъ. Начиналось оно словами: „императоръ всероссійскій есть монархъ самодержавный, неограниченный, повиноваться коему не токмо за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ“. Порядокъ дѣлопроизводства въ сенатѣ, по словамъ Палибина, воспитанникъ училища долженъ такъ твердо знать, чтобы безошибочно отвѣтить спросомъ на вопросъ: въ какой департаментъ направить дѣло изъ такою-то губерніи. Курсъ Палибина, можетъ быть и очень полезный, мнѣ казался не наукой, а какимъ-то сборомъ свѣдѣній, совершенно лишенныхъ научнаго характера.

О курсѣ Геншельдта, остзейское право, у меня не осталось никакихъ воспоминаній, кромѣ того, что читался онъ на нѣмецкомъ языкѣ. Съ исторіей римскаго права я очень мало ознакомился; едва-ли не все время моего пребыванія въ третьемъ классѣ посвящено было источникамъ римскаго права. Шнейдеръ былъ знатокъ римскаго права, хотя, можетъ быть, принадлежалъ къ старой школѣ.

Изъ другихъ профессоровъ училища у меня сохранились кое-какія воспоминанія о весьма немногихъ. Помню я профессора судебной медицины Александра Петровича Загорскаго. Слѣ знаменитаго въ свое время анатома, Загорскій занималъ кафедру физиологій въ медико-хирургической академіи. И если онъ на пользу науки не пролилъ ни одной капли крови животнаго, то, тѣмъ не менѣе, для громаднаго большинства своихъ слушателей, онъ принадлежалъ къ самымъ симпатичнымъ, дорогимъ личностямъ. Мнѣ онъ казался человѣкомъ рѣдкой души, къ которому трудно не привязаться, если удастся съ нимъ свести знакомство. Помню его публичныя лекціи, въ залѣ медицинскаго совѣта, о магнетизмѣ, месмеризмѣ и т. п. явленіяхъ. О нихъ ходили въ то время самыя разнорѣчивыя толки, и для натуралиста, который, по выраженію Кутурги, можетъ знать только то, что видѣлъ его глазъ или до чего коснулась его рука, онѣ, можетъ быть, и были не-удовлетворительны, но я ихъ слушалъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Ихъ слабыя научныя стороны выкупались изящностью и простотою изложенія.

Когда я поступалъ въ училище, въ немъ преподавалась политическая экономія и, сколько мнѣ помнится, многіе воспитанники высоко ставили преподавателя ея — Уткина. Впоследствии

преподаваніе политической экономіи было изгнано изъ училища, чуть-ли не за фразу, найденную въ запискахъ Уткина, что трудъ свободнаго человѣка гораздо производительнѣе труда крѣпостнаго.

Сохранилось у меня воспоминаніе о преподавателѣ межевыхъ законовъ Малиновскомъ—это былъ своего рода антикъ. Я не былъ его слушателемъ, но, по рассказамъ товарищей, у него въ классѣ творилось не мало чудачествъ. Воспитанники съ нимъ были на ты, и нахально требовали выставленія извѣстныхъ отмітовъ. Къ экзамену онъ раздавалъ каждому по извѣстному вопросу; воспитанникъ былъ обязанъ выучить только свой вопросъ, а имѣть какое либо понятіе по остальнымъ частямъ предмета предоставлялось его доброй волѣ. Какъ сходили благополучно подобныя продѣлки—рѣшительно непонятно.

Въ училищѣ были преподаватели уголовного права, гражданскаго права, законовъ о финансахъ, судопроизводства, но я о нихъ умалчиваю, такъ какъ незнаю ни съ ихъ дѣятельностью, ни съ ихъ характеромъ. Товарищи говорили, что профессоръ уголовного права, прозванный ими Фейербахомъ, а служителемъ при классахъ—Фивербакомъ, имѣлъ елабость выражаться крайне вычурно; фразы въ родѣ слѣдующей: „настоящее, порожденное прошедшимъ, чреватое будущимъ“—встрѣчались безпрерывно въ его лекціяхъ.

Перехожу къ лицамъ, собственно говоря, воспитывавшимъ насъ.

## VII.

Во главѣ училища, а равно и воспитательнаго персонала, стоялъ директоръ. Во время моего поступленія эту должность занималъ Пошманъ, умершій въ декабрѣ мѣсяцѣ 1847 года. О дѣятельности его я ничего не могу сказать, такъ какъ онъ былъ постоянно боленъ и должность директора исправлялъ инспекторъ классовъ Кранихфельдъ. Исправленіе этимъ послѣднимъ должности продолжалось до назначенія новаго директора князя Н. С. Голицына. Кранихфельдъ, сознавая, что онъ, какъ говорится, калифъ на часъ, ничѣмъ не ознаменовалъ свое исполненіе должности директора, все шло по заведенному Пошманомъ порядку. Кранихфельдъ довольно рѣдко появлялся къ намъ и, право, трудно сказать — пользовался ли онъ любовью воспитанниковъ и имѣлъ

ли на нихъ вліяніе. Кранихфельдъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ профессоромъ училища, но не пользовался репутаціей знатока дѣла, какъ, на примѣръ, Неволинъ или Шнейдеръ.

Вскорѣ послѣ смерти Пошмана назначенъ былъ новый директоръ — князь Н. С. Голицынъ. Вступилъ онъ въ должность съ некоторою торжественностью, если не ошибаюсь, въ февралѣ 1848 года. Обрядъ, такъ сказать, инсталляціи совершилъ самъ принцъ Ольденбургскій. Было это чуть ли не въ воскресенье: насть ввели въ залу старшаго отдѣленія, явились принцъ и князь Голицынъ. Принцъ прочелъ рѣчь, таковую же за нимъ князь Голицынъ, печатные экземпляры рѣчей тотчасъ-же были намъ рѣданы. Затѣмъ отправились мы въ церковь, передъ обѣдней, какъ кажется, отслужили молебенъ, а послѣ обѣдни разошлись мы въ домамъ. Многіе уходили, раздумывая надъ вопросомъ — каковъ-то будетъ новый директоръ? Другіе же занялись рѣшеніемъ вопроса изъ какихъ онъ Голицыныхъ, куликовъ или рябчиковъ. Всѣ занимавшіеся этимъ послѣднимъ рѣшили единогласно, что онъ въ куликовъ, окрестили его прозвищемъ Куликъ и другаго названія ему не было между нами.

Князь Н. С. Голицынъ промѣнялъ, поступая въ училище, пиджакъ генеральнаго штаба на мундиръ министерства юстиціи, коблицыны эполеты на бѣлые невыразимые съ золотымъ лампасомъ. До назначенія директоромъ училища онъ былъ профессоромъ военной академіи. Въ училищѣ онъ оставался директоромъ не долго, года полтора или два, не помню хорошенько. Судя по воспоминаніямъ князя Н. С. Голицына, помѣщеннымъ въ „Русской Старинѣ“, онъ расстался съ училищемъ безъ сожалѣнія. Училище въ свою очередь, отнеслось къ его удаленію индифферентно... И все это есть результатъ крупнаго недоразумѣнія. Появленію князя Н. С. Голицына въ училищѣ предшествовала молва, что новый директоръ не только человѣкъ отлично образованный, но ученый знатокъ военной исторіи и притомъ человѣкъ добрый. Школьники увѣряли, что князь очень ученъ и специалистъ по артиллеріи и потопа, что въ настоящее время онъ занимается изслѣдованіемъ надъ артиллерійскимъ вооруженіемъ Ноева ковчега и опасается, что строгая цензура наложитъ на его изслѣдованіе свое гетто. Когда же имъ возражали, что въ тѣ отдаленныя времена артиллеріи не было, они выставляли на видъ метательные снаряды, п-



раны и разныя стѣнобойныя машины и увѣряли, что сами видали въ курсахъ артиллеріи статьи и рисунки подобныхъ снарядовъ. Когда же имъ говорили: „помилуй, какая-же это артиллерія?“ они отдѣлывались тѣмъ, что это слѣды артиллеріи у древнихъ, такъ сказать, артиллерія въ зародышѣ. Но я нѣсколько уклонился отъ разсказа о новомъ директорѣ. Едва-ли ни главнымъ источникомъ недоразумѣнія между княземъ и воспитанниками училища было то, что князь не понималъ воспитанниковъ и полагалъ, что къ нимъ можетъ быть приложенъ тотъ образъ дѣйствій начальства, каковой имѣлъ мѣсто въ военной академіи. Кромѣ того, князь, кажется, былъ предубѣжденъ противъ училища: онъ явился къ намъ съ предвзятой мыслью, что училище—распущенное заведеніе и его слѣдуетъ, какъ выражались люди того времени, подтянуть. Князь упустилъ изъ виду, что воспитанники училища все-таки школьники, о которыхъ Кайшъ мѣтко выражался: „sunt pueri, pueri, puerilia tractant“. Въ училищѣ князь не встрѣтилъ хоть сколько нибудь серьезной оппозиціи, но онъ непрерывно наталкивался на мелкія школьныя продѣлки, которыя, по-видимому, его раздражали. То подерутся классы младшаго отдѣленія между собою, то освистятъ воспитателя, что на школьномъ жаргонѣ называлось задать бенефисъ, то заявятъ неудовольствіе на ужинъ, причѣмъ перебьютъ нѣсколько тарелокъ, разбросаютъ по столовой картофель и т. п. Крупныхъ, такъ называемыхъ, исторій при князѣ Н. С. Голицынѣ была одна. Въ моей памяти сохранилось воспоминаніе только объ одномъ казусѣ, выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ и имѣвшемъ мѣсто въ мою бытность въ училищѣ. Это—внезапное исчезновеніе воспитанниковъ Бѣликовича и Гагарина. Говорили, что Бѣликовичъ и князь Гагаринъ вывезены были, ночью, изъ училища по распоряженію третьяго отдѣленія. Попались они, какъ были убѣждены воспитанники, вслѣдствіе доноса одного изъ ихъ товарищей. Этого-то господина начальство, при первомъ удобномъ случаѣ, спланило изъ училища. Повторяю, что я смутно помню этотъ случай, и только на основаніи увѣреній бывшихъ правовѣдовъ отношу его ко времени директорства князя Н. С. Голицына.

По словамъ бывшихъ воспитанниковъ училища, Бѣликовичъ былъ разжалованъ въ рядовые и отправленъ въ оренбургскій округъ, гдѣ убитъ при штурмѣ какой-то крѣпости, а князь

Гагаринъ—рядовымъ на Кавказъ; тамъ онъ выслужился въ офицеры, въ послѣдствіи былъ у кого-то адъютантомъ и произведенъ въ генералы.

Мелкихъ исторій при князѣ Н. С. Голицынѣ, въ училищѣ, была масса: пожалуется-ли воспитатель на замѣченный имъ безпорядокъ или на заданный ему бенефисъ, князь тотчасъ-же начнетъ производить слѣдствіе, доискиваться зачинщиковъ. Поташутъ въ бібліотеку къ допросу одного, тотъ навретъ съ три короба, смотришь—тащутъ другаго, и такъ перетаскаютъ чуть не полкасса, а въ результатѣ выйдетъ, что гора родила мышь. Благодареніе Богу, меня не таскали ни въ допросамъ, ни въ слѣдствіямъ. Помню, что было слѣдствіе *monstre*, перетаскали къ допросу чуть-ли не половину младшаго отдѣленія, т. е. безъ малаго сотню воспитанниковъ; допрошенныхъ помѣщали въ лазаретъ. Слово слѣдствіе это длилось нѣсколько дней и прозвано было воспитанниками инквизиціей. По какому случаю возникла инквизиція—не помню, но помню, что между воспитанниками ходила масса нелѣпыхъ и курьезныхъ толковъ объ инквизиціи. Иногда слѣдствія оказывались распекандіей со стороны его высочества. Въ такихъ случаяхъ насъ выстраивали въ залѣ, являлся принцъ, съ нахмуреной фізіономіей, и начиналъ свою рѣчь: „Мальчишки, шелома, что вы надѣлали? да дойди это до свѣдѣнія его величества, бѣда вамъ будетъ—всѣмъ сѣрыя шинели“, и т. д. Слушая подобныя распекандіи, у меня слагалось убѣжденіе, что добрый принцъ не можетъ и не умѣетъ сердиться. Въ то время мы не въ состояніи были оцѣнить высокихъ качествъ души нашего принца и не понимали, что его высочество могъ служить всякому образцомъ высокой христіанской любви къ ближнему. Хотя и часты были слѣдствія во время директорства князя Н. С. Голицына и не разъ мы получали реприманды отъ его высочества, тѣмъ не менѣ истинная причина оставленія Н. С. Голицынымъ должности директора намъ была неизвѣстна. Фактъ тотъ, что, однажды, князь изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ переименованъ былъ въ полковники и снова надѣлъ мундиръ генеральнаго штаба. Съ выходомъ князя Н. С. Голицына, въ училищѣ настало время, прозванное воспитанниками междуцарствіемъ <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Князь Н. С. Голицынъ, глубокоуважаемый и нынѣ старѣйшій изъ оставшихся въ живыхъ профессоровъ военной академіи, въ своихъ интерес-

Временно вступилъ въ управленіе училищемъ адъютантъ его высочества принца Ольденбургскаго, полковникъ Сергѣй Ивановичъ Мальцевъ. Свое управленіе училищемъ онъ ознаменовалъ тѣмъ, что воспитанника третьяго класса перевелъ въ младшее отдѣленіе, въ четвертый классъ, затѣмъ высѣкъ, и по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, перевелъ его опять въ третій классъ. Это единственный подвигъ Мальцева, сохранившійся въ моей памяти; за что и про что высѣли воспитанника, о которомъ идетъ рѣчь, рѣшительно не помню. Междуцарствіе окончилось назначеніемъ на должность директора училища генераль-маіора Языкова, какъ кажется, въ февралѣ 1850 года.

### VIII.

Языкову суждено было долго занимать мѣсто директора училища. Онъ вступилъ въ должность довольно оригинально. Дежурный воспитатель построилъ насъ въ залѣ, чтобы идти къ обѣду въ столовую; едва мы успѣли построиться, какъ предъ нами явился генераль средняго роста, не очень молодой, въ мундирѣ по армейской пѣхотѣ состоящаго, съ георгиевскимъ офицерскимъ крестомъ, съ орденами на шеѣ, но безъ звѣздъ на груди. Генераль объявилъ: „я вашъ директоръ; государь приказалъ васъ забрать въ руки; мы знаемъ, батенька, эти штуки“, повернулся на одной ногѣ, прихлопнулъ шпорой и полетѣлъ дальше. Воспитанники остались въ недоумѣніи и не знали—что сей сонъ значить. Языковъ въ мое время отличался необычайною суетливостью. Въ какое бы время ни пріѣхалъ въ училище принцъ, Языковъ бѣжитъ за нимъ въ догонку и на-право, и на-лѣво сыплетъ вопросы: гдѣ его высочество, гдѣ его высочество?

Въ обращеніи Языкова съ воспитанниками было много оригинальнаго; такъ, онъ объяснялъ, что передъ срокомъ явки изъ

---

ныхъ Запискахъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», коснулся и времени пребыванія своего на посту директора училища правовѣдѣнія. — Отсылаемъ читателя въ Запискамъ князя Николая Сергѣевича, см. «Русскую Старину» изд. 1883 г., т. XXXVII, стр. 409—428, 703—712. Ред.

отпуска въ училище воспитанника должна трясти лихорадка за часъ или за полчаса, смотря по разстоянію, и къ этому прибавлялъ: все это штучки. Помню, церковь училищную посѣщала сестра одного воспитанника, молоденькая и прехорошенькая; ее мы называли Бабетой. Разъ какъ-то одинъ изъ моихъ товарищей, стоя въ церкви, непрерывно оглядывался назадъ. Языковъ замѣтилъ это, подлетаетъ къ нему съ словами: „такой-то, успокойтесь, какъ только Бабета появится, я вамъ немедленно доложу“. Помнится мнѣ, однажды, въ мискѣ со щами, на одномъ столѣ, во время обѣда, озялся тараканъ. Сидѣвшіе около миски съ тараканомъ подняли ропотъ, заявили воспитателю жалобу на беспорядокъ въ кухнѣ. Случился въ это время какъ разъ въ столовой Языковъ. „Господа, тѣмъ вы недовольны? началъ онъ свою рѣчь къ воспитанникамъ, недовольны тѣмъ, что попалъ во щи тараканъ; экая бѣда? Знайте, что тараканъ есть звѣрь, который водится всюду въ Россіи. И что бы было, еслибы въ Россіи вдругъ исчезли всѣ тараканы, клопы и блохи, такъ что ихъ не было бы возможности ни за какія деньги розыскать ни на почтовыхъ станціяхъ, ни въ гостиницахъ, ни на постоялыхъ дворахъ“. Языковъ говорилъ долго и все въ такомъ же духѣ. Рѣчь Языкова вслѣдъ затѣмъ была произведена однимъ изъ моихъ товарищей и озаглавлена: „Застольная рѣчь російскаго генерала о тараканѣ“.

Управленіе училищемъ, вскорѣ по вступленіи Языкова въ должность, ознаменовалось многими нововведеніями. Языковъ уничтожилъ ужинъ; ввелъ для младшаго отдѣленія въ 11 часовъ, а для старшаго въ 12 часовъ изъ 2-хъ блюдъ завтракъ; уроки кончались до обѣда, обѣдъ давали намъ въ 4 часа, а старшему отдѣленію въ 5 часовъ. Вечеромъ, въ 8 часовъ, младшему отдѣленію, а въ 9 часовъ старшему давали чай, послѣ чаю позлагалась рекреція. При Языковѣ введены были общія утреннія и вечернія молитвы. Воспитанники начали попарно и въ порядкѣ ходить въ столовую, и вообще онъ много слѣлалъ въ видахъ порядка и внѣшняго благоустройства.

Въ началѣ управленія училищемъ Языкова произошли большія переменны въ личномъ составѣ служащихъ: инспекторъ классовъ Кранихфельдъ оставилъ эту должность, сохранивъ за собою профессуру; на должность инспектора опредѣленъ фонъ-Рейтцъ, бывшій когда-то профессоромъ въ дерптскомъ университетѣ и

составившій себѣ извѣстность въ наукѣ. По случаю назначенія Рейтца я слышалъ такой анекдотъ. Нужно замѣтить, что между училищемъ правовѣдѣнія и Александровскимъ лицеемъ существовала своего рода rivalité. Назначеніемъ на должность Рейтца Языковъ повсюду и всѣмъ хвастался, а въ одномъ обществѣ онъ зашелъ такъ далеко, что торжественно объявилъ, что лицей не можетъ тягаться съ училищемъ; „и въ лицей Броневскій, говорилъ Языковъ—д.. и больше ничего, инспектору ему же подъ пару; положимъ, я не Богъ вѣсть что, да за то у меня инспекторъ Рейтцъ,—голова, доложу вамъ;—въ этомъ-то и вся штука.“

Рейтцъ былъ прекраснѣйшій человекъ; у меня сохранилось о немъ самое пріятное воспоминаніе и вотъ по какому случаю. Перешелъ я въ третій классъ въ первомъ десяткѣ, мнѣ подмогли отличныя отмѣтки изъ математики и естественныхъ наукъ. Въ третьемъ классѣ преподаваемые предметы меня вовсе не занимали; я ничего не дѣлалъ, надѣясь какъ нибудь подготовиться къ экзамену и съ грѣхомъ пополамъ перевалить въ слѣдующій классъ. Очень естественно, что я очутился въ третьемъ классѣ въ числѣ послѣднихъ воспитанниковъ. Эти обстоятельства не ускользнули отъ вниманія Рейтца и въ одинъ прекрасный день я получилъ, чрезъ воспитателя, приглашеніе въ такомъ-то часу пожаловать въ бібліотеку къ инспектору.

Въ назначенный часъ являюсь въ бібліотеку, кромѣ меня и Рейтца въ ней ни души. Рейтцъ встрѣтилъ меня самымъ дружественнымъ образомъ: „я пригласилъ васъ сюда, сказалъ онъ, не за тѣмъ, чтобы дѣлать вамъ выговоры, упреки, а для того, чтобы вмѣстѣ обсудить ваше положеніе и дать вамъ добрый совѣтъ.“ Рейтцъ находилъ, что я не лишенъ способностей, не лѣнтяй и если ничего не дѣлаю, то, вѣроятно, потому, что не имѣю склонности къ юридическимъ наукамъ; въ такомъ случаѣ онъ находилъ мнѣ лучше всего перейти въ университетъ. „Конечно, тамъ вы, вѣроятно, запишетесь не на юридическій или филологическій факультетъ, а на физико-математическій или медицинскій. Средства матеріальныя вамъ позволяютъ сдѣлать такой переходъ, вы вѣдь своекоштный“... И долго бесѣдовалъ со мной Рейтцъ на счетъ перемѣны заведенія и на счетъ будущей карьеры. Я поблагодарилъ Рейтца за участіе въ моей судьбѣ, какъ умѣлъ, и вышелъ изъ бібліотеки съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлаться натуралистомъ.

Мнѣ стоило много хлопотъ уговорить отца взять меня изъ училища и согласиться на мое поступленіе въ университетъ. Въ январѣ 1852 года я оставилъ училище, а въ августѣ того же года состоялъ въ числѣ первокурсниковъ петербургскаго университета по разряду естественныхъ наукъ. Хорошо ли, дурно ли я сдѣлалъ, послушавшись совѣта Рейтца, трудно сказать, но за его теплое участіе я ему благодаренъ до сихъ поръ. И только разъ въ жизни пожалѣлъ я, что я не юристъ, это—когда вводились новые судебные уставы.

Рейтцъ пробылъ на службѣ въ училищѣ недолго, его мѣсто занялъ Витте; перемѣна эта совершилась уже по выходѣ моемъ изъ училища. Рейтца, я полагаю, любили воспитанники за его снисходительность и мягкое обхожденіе. Многимъ, наиболѣе способнымъ, онъ помогалъ своими совѣтами, литературными указаціями, ознакомленіемъ съ научными методами и т. п. Рейтцъ вѣдь былъ настоящій нѣмецкій Gelehrter.

И. А. Тютчевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

## ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА О РОДѢ ДВОРЯНЪ ТЫРТОВЫХЪ.

Въ память предковъ и въ назиданіе потомкамъ <sup>1)</sup>.

Родъ Тыртовыхъ принадлежитъ къ старинному дворянскому роду, имѣвшему помѣстья въ Тверской и Псковской губерніяхъ.

Въ Исторіи государства російскаго, въ главѣ о покореніи Новгорода Іоанномъ III, подъ 1488 годомъ, Карамзинъ говоритъ, что намѣстникъ новгородскій, Яковъ Захарьевичъ, казнилъ и повѣсилъ многихъ житыхъ людей, которые хотѣли убить его, и прислалъ въ Москву болѣе восьми тысячъ бояръ, именитыхъ гражданъ и купцовъ, получившихъ земли въ Владимірѣ, Муромѣ, Нижнемъ, Переяславлѣ, Юрьевѣ и др. мѣстахъ; а на ихъ земли, въ Новгородъ, послали москвитянъ, людей служилыхъ и гостей <sup>2)</sup>. О фактѣ этомъ говоритъ и С. М. Соловьевъ въ своей Исторіи Россіи (т. V, стр. 47). Въ числѣ посланныхъ въ Новгородъ московскихъ служилыхъ людей, Карамзинъ, въ примѣчаніи къ этому извѣстію, упоминаетъ слѣдующія семейства: Янышевы, Барановы, Тыртовы, Щербинины, Нелединскіе, Назимовы, Бѣлосельскіе, Одинцовы, Чернышевы, Саблуковы, Калакальцовы, Муравьевы и др., всего 47 семействъ, отъ которыхъ и возымѣли начало эти дворянскія фамиліи <sup>3)</sup>. О значеніи, какое имѣло для Новгорода это перемѣщеніе людей, Карамзинъ далѣе говоритъ: „Симъ переселеніемъ былъ на вѣки усмирень Новгородъ. Остался трупъ: душа исчезла; иные жители, иные обычаи и нравы, свойственные самодержавію“. Такимъ образомъ, предки наши, въ концѣ XV и въ XVI столѣтіяхъ, въ числѣ прочихъ, невѣдомо для себя, послужили великому дѣлу объединенія Россіи и усиленія самодержавія.

---

<sup>1)</sup> Помѣщаемъ настоящую записку какъ матеріалъ для родословія одной изъ старинныхъ, коренныхъ дворянскихъ русскихъ фамилій.

Ред.

<sup>2)</sup> Исторія государства російскаго Карамзина. Изд. Смирдина 1852 г. Т. VI, стр. 140—141.

<sup>3)</sup> Ключъ или алфавитный указатель къ Исторіи государства російскаго Карамзина. Изд. Эйверлинга, стр. 237 и др. по алфавиту этихъ фамилій.

Въ родословной поколѣнной росписи, находящейся въ дѣлахъ тверскаго дворянскаго депутатскаго собранія, значится, что предокъ нашъ, Василій Матвѣевичъ Тыртовъ, жившій во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII столѣтій, за царскую службу пожалованъ былъ помѣстьемъ, что видно изъ данной вотчиннаго департамента 1793 года декабря 20 о дачахъ предковъ нашихъ, въ которой значится, что по писцовымъ новоторжскимъ  $\frac{7194}{1626}$  и  $\frac{7185}{1627}$  года книгажъ состояло по Торжку, въ Упервицкой волости, за Василіемъ Матвѣевичемъ сыномъ Тыртовымъ въ помѣстьѣ деревни Голубино и Мартыново съ пустошами, и то помѣстьѣ писано за нимъ по государственной грамотѣ  $\frac{7181}{1613}$  года.

Далѣе, въ этой данной говорится, что „сіе Васильево имѣніе въ  $\frac{7177}{1669}$  году дано сыну Ѳедору Меньшому Тыртову, а въ  $\frac{7158}{1650}$  дано братьямъ его роднымъ, Ѳедору Большому и Ивану Тыртову. Послѣ Ѳедора Большаго въ  $\frac{7186}{1678}$  году дано дѣтямъ его, Василію, Михайлѣ и Агею, а въ  $\frac{7186}{1678}$  году Михайло, Агей, Данила, Петръ, Прокофій и Иванъ имѣніе межъ себя раздѣлили, сверхъ сего недвижимаго нѣкоторые изъ нихъ получили другія сѣдѣ дачи въ окладъ, и за которыми что назначено писано особо, а въ 1715 году Михайла Ѳедоровъ сынъ Тыртовъ имѣніе свое отдалъ сыну своему Миرونъ (родному прапрадѣду моему), за коимъ оное въ 1716 году отказать опредѣлено; а послѣ Агея Тыртова дано имѣніе въ 1726 году сыну его, Петру Тыртову; наконецъ, Миронъ Тыртовъ раздѣлялъ въ 1743 году недвижимое имѣніе дѣтямъ своимъ, Андрею и Ивану (родному прадѣду моему) Тыртовымъ, и сей послѣдній просилъ въ 1765 году, чтобы то отцовское недвижимое имѣніе за нимъ справить и отказать“.

Иванъ Мироновичъ Тыртовъ имѣлъ двухъ сыновей: Александръ (родной дѣдъ мой) и Якова. Александръ Ивановичъ жилъ во вновь устроенной Миронѣ Михайловичемъ усадьбѣ „Миронезжѣ“, а Яковъ Ивановичъ — въ Лукинѣ (Голубинѣ) при деревнѣ Мартыново. Обѣ усадьбы находились вѣрстахъ въ 25 другъ отъ друга въ Новоторжскомъ уѣздѣ; первое — въ Мариинской волости на большомъ московскомъ трактѣ, а второе — въ Упервицкой волости, на трактѣ изъ Торжка на Старицу, Ржевъ и Смоленскъ. Этому Якову Ивановичу Тыртову и принадлежали рескрипты ниже напечатанные. Имѣ и братьямъ своимъ Яковъ Ивановичъ приходился двоюроднымъ дѣдомъ; онъ умеръ бездѣтнымъ и, кажется, даже не былъ женатъ. Братъ его, Александръ Ивановичъ (родной нашъ дѣдъ), былъ женатъ на Еленѣ Карповнѣ урожденной Свѣчинной, и жилъ, какъ сказано выше, въ Миронезжѣ; онъ умеръ въ 1833 году, раздѣливъ свое недвижимое имѣніе тремъ своимъ сыновьямъ: Петру, Евгенію и Ивану.

Петръ Александровичъ Тыртовъ, отецъ нашъ, вышелъ въ офицеры изъ 2-го кадетскаго корпуса въ 1814 году, служилъ до 1835 года въ кон-



ной артиллеріи, а затѣмъ, выйдя въ отставку, жилъ въ родовомъ своемъ имѣніи „Миронезье“ и служилъ въ разныхъ должностяхъ по выборамъ дворянства; послѣдняя занимаемая имъ должность была должность предсѣдателя тверской уголовной палаты. Отца нашего знали не только въ уѣздѣ, но и во всей губерніи за высоко-честнаго и хорошаго человѣка и хозяина. Онъ умеръ въ 1862 году, отказавшись уже отъ службы и окончательно поселившись въ деревнѣ. Петръ Александровичъ былъ женатъ на Елизаветѣ Петровнѣ Панафидиной, дочери осташковскаго помѣщика Петра Егоровича Панафидина, который женатъ былъ на Александрѣ Николаевнѣ Сеславинѣ, двоюродной сестрѣ знаменитаго партизана 12 года полковника Сеславина. Родъ Панафидиныхъ находился въ свойствѣ съ родомъ князей Шаховскихъ и Голвачевыхъ; а родной братъ нашей бабушки Александры Николаевны Панафидиной, Григорій Николаевичъ Сеславинъ, былъ женатъ на Аннѣ Егоровнѣ Семейской († 1876 года).

Отецъ нашъ былъ весьма серьезный, строгій и обстоятельный человѣкъ; семейная его жизнь (съ 1825—1846 г.) была образцомъ даже въ старое время, когда семейныя узы были гораздо прочнѣе и семья, какъ гражданское звено, стояла тверже, чѣмъ теперь. Это былъ достойнѣйшій русскій дворянинъ и семьянинъ въ самомъ высокомъ значеніи.

Евгеній Александровичъ жилъ въ имѣніи „Лукино“ (Голубинѣ) и занимался хозяйствомъ: онъ не былъ женатъ и вся жизнь его протекла въ кругу семьи брата и нашего отца Петра Александровича, съ которымъ онъ былъ очень друженъ и дѣтей котораго любилъ всей душой; это былъ самый близкій нашъ родной, котораго мы всѣ чрезвычайно любили за его доброту и кроткій нравъ; онъ умеръ въ 1850 году и со смертію его имѣніе (Лукино и деревня Мартыново) перешло къ нашему отцу.

Второй братъ Петра Александровича, Иванъ Александровичъ, оставялъ по себѣ двухъ сыновей, Виктора и Александра, воспитывавшихся въ 1-мъ московскомъ корпусѣ между 1835—1841 годовъ и служившихъ потомъ въ артиллеріи; оба они давно умерли и родовое имъ имѣніе продано въ чужія руки.

Имѣніе, доставшееся отцу нашему отъ брата его Евгенія Александровича (усадьба Лукино и деревня Мартыново), по освобожденіи крестьянъ, было продано крестьянамъ, такъ что изъ стародѣдовскаго родового имѣнія Тыртовыхъ въ Тверской губерніи остается за нами помѣстье „Миронезье“, въ которомъ всѣ мы, дѣти Петра Александровича, выросли и съ которымъ связаны у насъ самыя отрадныя воспоминанія дѣтства и молодости.

Изъ многочисленнаго семейства Петра Александровича (11 сыновей и 2 дочери) остались теперь въ живыхъ сыновья: Николай, Алексѣй, Павелъ, Сергѣй, Александръ и Константинъ и двѣ дочери. Имѣніе наше „Миронезье“, по смерти отца, остается въ нераздѣльномъ нашемъ владѣніи и въ немъ жи-

веть, поддерживая все какъ было въ старину, незамужняя наша сестра. Долго ли продержится это дворянское гнѣздо, бывшее около 300 лѣтъ въ родѣ Тыртовыхъ!

Гербъ нашъ напечатанъ въ гербовникѣ (1-е отдѣленіе, листъ 93) и изображаетъ слѣдующее: въ щитѣ, нѣбющемъ голубое поле, видна вылетающая съ лѣвой стороны изъ облакъ серебряная стрѣла; внизу оной изображены три серебряныя звѣзды и золотой левъ, идущій по землѣ въ правую сторону. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ шлемомъ съ дворянскою на немъ короною.

Внизу подъ описаніемъ герба напечатано: „фамилія Тыртовыхъ имѣи российскому престолу служили дворянскія службы въ разныхъ чинахъ и званьяхъ были отъ государей въ <sup>7186</sup><sub>1637</sub> и другихъ годахъ помѣстьями“.

Кромѣ рода тверскихъ Тыртовыхъ, есть Тыртовы въ Псковской губерніи, происшедшіе несомнѣнно отъ переселенной въ 1488 году изъ Московскаго великаго княжества на земли новгородскія, вмѣстѣ съ другими служилыми людьми, семья Тыртовыхъ, какъ объ этомъ сказано выше. Гербъ у насъ одинъ и тотъ же. Находятся ли эти псковскіе Тыртовы въ какомънибудь родственномъ отношеніи къ предку нашему Василю Матвѣевичу, отъ котораго начинается наша поколѣбная роспись, мнѣ неизвѣстно.

Между прочимъ, въ древнихъ актахъ, извлеченныхъ изъ земскихъ книгъ воеводства Полоцкаго, изданныхъ витебскимъ статистическимъ комитетомъ (выпускъ III, стр. 219), есть описаніе границы велижской, усвятской, невельской и красногорской, великаго княжества Литовскаго, съ землями подарства Московскаго Великими Луками, Заволочьемъ, Опочкою и пригородами псковскими, учиненное посланами московскими и польскими въ 1648 году, въ которомъ нѣсколько разъ упоминается о великолужцкой землѣ помѣстья Тыртовыхъ.

Такъ, на стр. 273, указано помѣстье Федота Алексѣева сына Тыртова деревни Маличьева и „Якова Степанова сына Тыртова деревни, что были отцомъ его, пустоши Таракановой, Грешино то-жъ“; на стр. 275: „въ дуба тою же дорогою, которою ѣздить изъ Невельской деревни Пятоничева въ Лудкій уѣздъ въ Алексѣеву Тыртова деревню Королеву“, и далѣе: „въ березы налѣво старою дорогою, мимо Алексѣевского помѣстья Тыртова деревни Королевой, и мимо Невельской пустоши Липовья“; на стр. 279: „въ лотомъ мимо маховины Чистика, который съ лудской стороны Афанасиевскаго помѣстья Тыртова, пустоши Бобожевой и между Невельской дер. Пахомовой“ и т. д.; на стр. 280: „отъ рѣчки Жуковки до этой рѣчки Чирно межѣ двѣ версты; направо земля и лѣсъ и всякія угоды царскаго величества, Лудскаго уѣзда, Раменскаго стана, Федота Степанова Тыртова помѣстья, пустоши, что были деревни Матвѣевой, да пустоши Бобожевой, что была въ порожникъ земляхъ; а налѣво земля королевскаго величества, Невельскаго уѣзда, Пуповскаго стана, деревни Пахомовой“.

Весьма вѣроятно, что это тѣ помѣстья, которыя предки наши, вмѣстѣ съ прочими московскими служилыми людьми, получили въ новгородскихъ земляхъ. А что это были за люди и какъ они крѣпко стояли за царское дѣло, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа Соловьева.

Лѣтомъ 1566 года, во время войны съ Польшею изъ-за Ливоніи, царь Іоаннъ IV велѣлъ собрать духовенство, бояръ, окольныхчыхъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и проч. и, между прочимъ, помѣщиковъ съ западныхъ литовскихъ границъ, Торопецкихъ и Лудскихъ, какъ людей, которымъ болѣе другихъ знакомы мѣстные отношенія, и предложилъ собору этому обсудить условія, на которыя хочетъ онъ мириться съ королемъ польскимъ, и спрашивалъ ихъ совѣта. Вотъ что отвѣчали послѣдніе, не смотря на то, что раззореніе и опустошеніе, съ какими велась войны того времени, больше всего грозили имъ, какъ владѣльцамъ пограничныхъ съ Литвою земель:

„Мы, холопи государевы, за одну десятину земли Полоцкаго и Оверницкаго цовѣтовъ головы положимъ, чѣмъ намъ въ Полоцкѣ помереть запертымъ; мы, холопи государскіе, теперь на коняхъ сидимъ, и за государя съ коня помереть; государя нашего передъ королемъ правда; какъ государь нашъ Ливонской земли не воевалъ, тогда король не ужѣлъ вступаться, а теперь вступается. По нашему: за ливонскіе города государю стоять крѣпко, а мы, холопи его, на государево дѣло готовы“. (Исторія Соловьева. Т. VI, изд. 2, стр. 266—267).

Остальные выборные отвѣчали въ тошъ же смыслѣ, и война продолжалась...

Съ такимъ-то людьми царство русское росло и крѣпло, не смотря на всѣ временныя неудачи и невзгоды. Миръ праху вашему, славные ратоборцы земли русской!

Алексѣй Тыртовъ,

Генер.-маіоръ, директоръ полоцкаго кад. корпуса.

Г. Полоцкъ.

15-го ноября 1883 г.

## Высочайшіе рескрипты Якову Ивановичу Тыртову.

Императоръ Павелъ.

## I.

С.-Петербургъ. Января 16 дня 1797 года.

Господину полковнику Тыртову. Съ получения сего немедленно и въѣзъ и ступить на назначенныя Московскому мушкетерскому полку непремѣнныя кибитки въ городъ Константиновъ. Павелъ.

Помѣта: Получено февраля 17 1797 года.

## II.

Петергофъ. Юля 13 дня 1798 года.

Господинъ генераль-маіоръ Тыртовъ! Повелѣваю вамъ съ полученыи сего выстуя съ вѣренныиъ вамъ полкомъ, слѣдовать чрезъ мѣста, въ примѣномъ маршрутѣ означенныя, до Брестъ-Литовска, гдѣ и ожидайте дальнѣшнѣе отъ меня повелѣній. Пребывая къ вамъ благосклонный. Павелъ.

Помѣта: Получено 19<sup>го</sup> юля 1798 года.

## III.

Петергофъ. Юля 29 дня 1799 года.

Господинъ генераль-маіоръ Тыртовъ! Отличные подвиги и храбрость, оказанныя вами при пораженіиъ французовъ у рѣки Требіо, удостоились нашего благоволенія, въ изъявленіе коего всемилостивѣйше жалуюеъ васъ кавалеромъ ордена св. Анны втораго класса, коего знаки, у сего препровождаю, возлагаемъ возложить на себя оныя. Пребывая къ вамъ благосклонный. Павелъ.

## IV.

Въ городѣ Гатчинѣ. Сентября 18 дня 1799 года.

Господинъ генераль-лейтенантъ Тыртовъ! Отличная ваша храбрость при пораженіи французовъ подъ Новя, гдѣ вы ударили на непріятельскую линію штыками и разстроили ее, когда вторая надвинулась оную подкрѣпить, то вы и вторично атаковали, — приобретаеъ вамъ монаршее наше благоволеніе, въ изъявленіе котораго жалую васъ кавалеромъ ордена нашего святаго Анны 1<sup>го</sup> класса.

класса, коего знаки, при семъ доставляя, повелѣваемъ вамъ возложить на себя. Удостоверены мы, впрочемъ, что вы, получая сіе со стороны нашей ободреніе, потщитесь продолженіемъ службы вашей вѣнше удостоиться монаршаго нашего благоволенія. Пребывая къ вамъ благосклонный. Павелъ.

Помѣта: Получено ноября 16 числа 1799 года.

Императоръ Александръ I.

К.

Въ С.-Петербургѣ. Сентября 12 дня 1812 года

Господину генераль-лейтенанту Тыртову. Согласно представленію вашему, назначенныхъ вами въ тверскую военную силу полковыми начальниками, генераль-майоровъ Баклановскаго и Загряжскаго, дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ—Подторацкаго и князя Шаховскаго, полковника Долгополова и подполковника Балтина, я утверждаю въ семъ званіи. Александръ.

Министръ полиціи А. Балашовъ.

Помѣта: Сентября 21 дня 1812 года.

VI.

С.-Петербургъ. Октября 29 дня 1812 года.

Командующему тверскимъ ополченіемъ, господину генераль-лейтенанту Тыртову. Предписавъ 24-го октября генераль-адъютанту моему, г. Кутузову, пути, по коиѣ долженъ онъ съ корпусомъ, ему вѣреннымъ, предпринять движеніе, я тогда же велѣлъ ему и тверское ополченіе подвинуть въ Сычевку. Нынѣ, давъ направленіе упомянутому корпусу въ г. Бѣлый, я повелѣваю вамъ слѣдовать туда съ вѣреннымъ вамъ ополченіемъ немедленно и, буде можно, то прямо изъ Старницы, не заходя въ Зубцовъ, а ежели въ прямой линіи нѣтъ дорогъ, то на Зубцовъ, и по прибытіи въ Бѣлый, ожидать дальнѣйшаго себѣ назначенія отъ генераль-адъютанта Кутузова. Александръ.

Помѣта: Получено октября 31-го.

## VII.

Франція. Вандевръ. Января 22 дня 1814 года.

Командующему тверскимъ ополченіемъ.

Съ покореніемъ Данцига и съ переходомъ дѣйствующихъ армій за Рейкъ, призналъ я нужнымъ распустить по домамъ тверское ополченіе. Въ домашніе тѣхъ наставленій, кои получите вы отъ мѣстнаго начальства, въ особенную обязанность и отвѣтственность вашу поставляю сбереженіе въ пути людей, и потому повелѣваю вамъ:

1) Не выступать въ Тверскую губернію иначе, какъ чтобы непремѣнно люди имѣли на себѣ исправную одежду и обувь. Дорогою тоже имѣть попеченіе о нихъ, исправаяя что нужно изъ экстраординарной суммы, какъ отпущена вамъ будетъ;

2) Продовольствіе воиновъ въ пути и призрѣніе больныхъ составятъ должны особенную заботу вашу;

3) Строгий порядокъ и дисциплина да соблюдутся во ввѣренномъ мнѣ ополченіи по самое то время, какъ каждый воинъ вступитъ въ свое семейство, и

4) Предъ выступленіемъ донесите мнѣ о числѣ людей, какое отправлено будетъ съ мѣста и какое количество останется въ командировкахъ и посталяхъ; равно, какое число людей получено вами было при начальномъ вступленіи изъ губерніи; а по прибытіи въ свою губернію, сколько распущено будетъ по домамъ, а особенно, сколько гдѣ по дорогѣ останется въ госпиталяхъ и умретъ. Донесенія сія адресовать мнѣ въ собственныя руки, дабы ближе видѣть я могъ, до какой степени простиралось попеченіе ваше о воинахъ. Александръ.

Помѣта: Получено февраля 27-го числа.

Примѣчаніе: По поводу сего послѣдняго рескрипта необходимо замѣтить, что въ соч. М. И. Богдановича: «Исторія отечественной войны 1812 г.» во II-мъ томѣ помѣщены интересныя свѣдѣнія о тверскомъ ополченіи того времени. Тверское дворянство собрало въ августѣ 1812 г. 12,366 пѣшихъ и 666 конныхъ воиновъ; изъ нихъ было сформировано пять пѣшихъ и одинъ конный полкъ; кромѣ того, былъ одинъ баталіонъ изъ крестьянъ удѣльных. Начальникомъ всего этого ополченія былъ избранъ генер.-лейт. Тыртовъ. Достоянно вниманія, что недостаткомъ вообще оружія былъ такъ великъ, что Тверское дворянство снабдило своихъ ополченцевъ только пиками. Дворянство, купцы и граждане Тверской губерніи пожертвовали на свое земское ополченіе деньгами и припасами до 2 милл. руб.

Что касается до устройства ополченія, то, по отзыву историка Богдановича, оно было довольно хорошо, въ подтвержденіе чего онъ приводитъ нѣкоторыя изъ наставленій и приказовъ генерала Тыртова, начальника того ополченія.

А. Т.

# СЕВАСТОПОЛЬ ВЪ 1854 ГОДУ

Письма его защитниковъ къ Н. Ѳ. Мѣтлину.

XIV<sup>1)</sup>.

В. А. Корниловъ.

Севастополь, 16-го апрѣля 1854 г.

Спѣшу отправить вамъ извѣщеніе, что вчера вышедшій отъ насъ пар. Владиміръ далъ знать, что противъ Евпаторіи увидѣлъ непріятельскій флотъ (18 кораблей, 7 пароходовъ); во весь день мы видѣли только дымъ одного парохода, вѣроятно, гнавагося за Владиміремъ, который къ вечеру исчезъ. Сегодня по утру дано знать чрезъ казака, что непріятель стоялъ въ Козловѣ<sup>2)</sup>. а теперь онъ у насъ въ виду: по маневрамъ его надо полагать, что онъ желаетъ пробыть нѣкоторое время у нашихъ береговъ, и потому если Эльборусъ не отправился, то лучше обождать. Пріятели, конечно, походятъ да и удалятся, малыхъ же крейсеровъ оставить не рѣшатся. Затѣмъ, прощайте, мы цѣлые часы проводимъ на телеграфѣхъ, еще не привыкши къ зрѣлищу чужихъ кораблей у входа въ Севастополь; съ нетерпѣніемъ ждемъ (извѣстій) о дѣйствіяхъ союзниковъ въ Одессѣ; не понимаю, отчего такъ долго никого нѣтъ. Преданный вамъ В. Корниловъ.

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVIII, ноябрь, стр. 359—374.

<sup>2)</sup> Евпаторію мѣстные жители зовутъ: Козловъ.

А. П.

## XV.

Севастополь, 19-го апрѣля 1854 г.

Теперь только удосужился отвѣчать вамъ на письмо ваше отъ 14-го апрѣля. Начну съ того, что эти дни меня наиболѣе тревожило; какъ случилось, что Эльборусъ неисправенъ; вотъ 4-й день, что армада Филиппа II насъ не покидаетъ, хотя вреда не дѣлаетъ, напротивъ, доставляетъ удовольствіе любопытнымъ и обильную пищу бульварнымъ критикамъ, но все такъ приходилось быть на *qui vive*. Вчера Владиміръ разстроилъ общее спокойствіе, т. е. и союзниковъ, и наше, бывъ посланъ для приведенія въ извѣстность числа удалившихся судовъ,—такъ подошелъ близко, что навлекъ погоню, и такъ какъ ему показалось, что можетъ съ преслѣдователями шутить, то и пошелъ къ Лукуллу, такъ что когда повернулъ въ Севастополь, то англо-французскіе пароходы, гнавшіеся изъ-за Херсонеса, его отрѣзывали; надо было нашимъ затопить лечи; эта мѣра не замедлила привести все въ порядокъ, союзники тотчасъ привели къ вѣтру <sup>1)</sup>. Сегодня опять повторилось при высылкѣ Одессы, но Одесса не ввела насъ въ расходъ угля, а у нихъ 4-хъ заставилъ поднять паръ. Теперь вся армада удаляется къ W., вѣроятно, набрали матеріаловъ для газетъ. Впрочемъ, 17-го они очень близко подходили, и особенно винтовой пароходъ, корабль Агамемнонъ подъ флагомъ извѣстнаго Ланса, это было въ виду 19 кораблей, фрегатовъ и 9 пароходовъ предъ Севастополемъ. Они заглядывали въ Бьпаторію, откуда похитили пьянаго таможеннаго чиновника, выѣзжавшаго ихъ осмотрѣть, и три каботажныхъ судна. Объ Одессѣ мы конечно все подробно знаемъ; хорошо бы было съ этикъ же курьеровъ, которому князь велѣлъ отправить порученную ему бумагу къ генералу Сабану, выписать чрезъ Рыкачева англійскія ракеты и бомбы, по одной штукѣ разныхъ калибровъ, для осмотра въ лабораторіи. Криднеръ увѣрялъ, что они бросили много разрывныхъ отъ удара, но что они не разрывались.

Также любопытно бы было осмотрѣть, не потонуло ли какихъ снарядовъ съ затопленными на пересылкѣ двумя ракетными барказами; это могъ бы сдѣлать Фродовъ.

Я надѣюсь, что вы получили письмо мое съ лейтен. фанъ-деръ-Флитомъ во-время, чтобы задержать Эльборусъ. Пускай поочистится горизонтъ, тогда мы извѣстимъ васъ съ нарочнымъ, равно какъ и о транспортахъ. Напишите Попову, чтобы въ случаѣ встрѣчи непріятельскихъ купцовъ, вышедшихъ изъ нашихъ портовъ, не трогать, на это есть объявленіе министерства финансовъ.

<sup>1)</sup> Привели къ вѣтру, привели отъ берега:—морское выраженіе. А. П.



Я очень доволенъ буду, если вы употребите Берлинскаго для провода судовъ, тогда можно прогнать настоящихъ лоцъ-мейстеровъ.

Совершенно согласенъ, что Турокъ для эскадры у Кинбурна не годится; я не полагалъ, что онъ такъ глубоко сидитъ. Неудачная проба Эльборуса меня не удивляетъ; это было причиною, что я боялся къ вамъ послать Владимира, надо своихъ механиковъ. Грушно, а думаешь, что наемные дѣлаютъ нарочно.

О передачѣ провизіи береговой линіи князь, кажется, хочетъ, чтобы ее приняли; находить, что надо побережъ царскія деньги. Я передалъ бумагу полковнику Вуншу <sup>1)</sup>, который у его свѣтлости этими дѣлами занимается.

Сигналовъ между Николаевскихъ батарей не получалъ, и потому ничего сказать не могу. Знаю только, что у васъ не струсать при теперешнемъ начальникѣ и потому не только за одни мачтовые суда, но и за весь Николаевъ совершенно спокоенъ. Порядокъ, принятый по штабу, совершенно одобряю. Вамъ преданный В. Корниловъ.

## XVI.

Севастополь, 22-го апрѣля 1854 г.

Вчера получилъ письмецо ваше отъ 19-го и также отъ Попова, который сильно порывается прорѣзать англо-французскую блокаду, но, нѣтъ кажется, благоразуміе требуетъ переждать. Какойнибудь случай съ Эльборусомъ (вѣдь Поповъ не безсмертенъ) и непріятель доставитъ возможность заглушить безславіе, лежащее теперь на Дундасѣ и Гамленѣ за Одессу, а намъ Эльборусъ не необходимъ, мы даже нашли возможность вооружить Гавріила и Уріила безъ подвова, разумѣется, старьемъ, но можно будетъ стоять въ Севастополѣ и грозить союзной армадѣ; армада эта не перестаетъ блокировать насъ. Одно время я думалъ, что они пустились вдоль южнаго берега, но вчера опять въ полномъ числѣ появились отъ W.,—а три большихъ парохода составляютъ цѣпь до Евпаторіи. Сегодня продолжаютъ быть въ виду, но въ отдаленіи.

Транспортамъ ничего не остается, какъ ожидать благоприятныхъ обстоятельствъ. Очень радъ, что по оборонѣ все у васъ приведено въ такой (порядокъ?); видно, что врядъ будетъ покушеніе отъ непріятеля, который, кажется, бережетъ свои силы.

Рабочія команды, вами предназначенныя въ Севастополь, стправьте, какъ признаете удобнѣе. Мартына князь (Меншиковъ) не жаляетъ сюда.

Бомбъ Лехнера болѣе того числа, которое уже у васъ заготовлено, намъ не понадобится; вчера мы пробовали присланныя изъ Петербурга, которыя не

<sup>1)</sup> Испр. должность нач. штаба и интендантъ.

менѣе удачны, чѣмъ Лехнера, но не требуютъ никакихъ приспособленій, а дѣло все заключается въ изготовленіи деревянной трубки по самому простому плану. На счетъ ружей я не знаю, что будете дѣлать, за что мы Штофрегена наградимъ такими огромными деньгами. Нельзя ли поторопѣть дѣло по заготовкѣ машинъ у Мальцова. Желательно бы было попытаться. Если Попову нечего дѣлать въ Николаевѣ, то можно прислать сюда; впрочемъ, я надѣюсь, что союзники скоро утомятся блокадой.

## XVII.

Севастополь, 25-го апрѣля 1854 г.

Пишу вамъ нѣсколько словъ, во первыхъ, чтобъ извѣстить васъ, что союзные флоты не покидаютъ Севастопольскихъ водъ; вчера пароходы подошли къ Балаклавѣ и мы принуждены были туда прокатиться; между тѣмъ они ушли, напугавъ греческій баталіонъ. Князь покуда не разрѣшаетъ выйдти Элбуруса. Надѣюсь, что тѣсная блокада скоро ослабитъ. Оборона наша проводится въ самое удовлетворительное положеніе; завтра будетъ освѣщенъ 8 пушекъ. Башни выстроены Волоховымъ на Сѣверной сторонѣ. Херсонскій полуостровъ набитъ войскомъ.

Балбекская коса занята также цѣлою армейскою бригадою, остается ждаль изготовленія 2-хъ кораблей и тогда, съ 14 кораблями и 7 фрегатами можно будетъ отважиться на что нибудь. За матросами дѣло не станетъ; сегодня пришло до 400 человекъ, и до 15-го мая соберется до 2 тыс. молодыхъ матросовъ, которые смотрятъ весьма развязно, и общаются дополнителанды съ излишкомъ; хлопотите только о провизіи. Двигаянъ мнѣ говорил, что водки очень мало, всего на 10 дней; надо будетъ обратиться къ откупу; буде подрядчикъ не подвезетъ. Не пришлете ли юнкеровъ сухимъ путемъ, иль бы приличнѣе было быть на корабляхъ. Поповъ, если не увѣлать, пускай еще подождетъ; я все надѣюсь, что скоро его разрѣшатъ идти моремъ. Преданный вамъ В. Корниловъ.

Насчетъ недостатка пороха въ Николаевѣ я хорошенько не понимаю, вѣд херсонскому артиллерійскому начальству велѣно отпустить 900 пуд. или это мало? Я писалъ кап. 1 ранга Чигирь <sup>1)</sup>, чтобы не задерживать вольныхъ матросовъ въ Николаевѣ въ (числѣ) 430; они всѣ должны идти сюда 430, и безъ того бездна рекрутъ.

Князь поручилъ просить васъ приказать попытаться сдѣлать въ Николаевской лабораторіи нѣсколько ракетъ, по образцу англійскихъ, и испытать ихъ на станкѣ, Арказомъ затѣяномъ; задайте-ка эту задачу какому нибудь Ин-

<sup>1)</sup> Деж. шт.-оф. въ Николаевѣ.

нову или другому лаборанту. Мальцово дѣло возвращено съ надписью князя, которою оно, къ большому моему сожалѣнію, опять отсрочено. Но что же дѣлать, такова, вѣроятно, судьба развитія этой, по моему важной для Россіи, промышленности. Здѣсь вообще оказываются весьма неудовлетворительными выпускные ватерпланги корабельныхъ бранспойтовъ, сочатся какъ рѣшето, между тѣмъ, мы, на случай брандеровъ и закиганій, ставимъ на ногу корабельными пожарными команды. Я велѣлъ Авдѣеву представить, что найдетъ нужнымъ, и, вѣроятно, Ключниковъ вамъ объ этомъ пишетъ; не сочтете-ли нужнымъ списать Витворга.

У насъ строятъ въ госпиталѣ баню; для нея дѣлаютъ разныя вещи въ Николаевскомъ адмиралтействѣ; баня—предметъ для больныхъ важный и хотѣлось бы кончить; справьтесь и напишите мнѣ, что вы находите возможнымъ сдѣлать и переслать и что лучше сдѣлать здѣсь; для послѣдняго надлежитъ переслать чертежи, ибо здѣсь копій не оставлено; сейчасъ получилъ письмо ваше отъ 26-го съ Воеводскимъ; о нарядѣ для парусовъ не успѣлъ еще сказать Ключникову, и сейчасъ пошлю; на резервную артиллерійскую бригаду не располагайте; князь часть беретъ сюда. Не назначите-ли вы на батареи нашихъ рекрутъ? это для нихъ полезнѣе гусинаго шага. Бумага Горчакова объ углахъ передана вамъ съ тѣмъ, чтобы вы написали представленіе о невозможности черноморскому интендантству принять на себя дунайскіе угольные расходы. Насчетъ другихъ статей я бы полагалъ вамъ написать докладную записку кн. Меншикову. Затѣмъ, прощайте, писать болѣе некогда. Преданный В. Корниловъ.

## XVIII.

Севастополь, 29-го апрѣля 1854 г.

Князь разрѣшилъ отправить Попова на Эльбурсъ въ неизвѣстную экспедицію, о которой мы съ нимъ условились и о которой онъ вамъ расскажетъ лично. Дай Богъ, въ добрый часъ!

Опасеніе херсонскаго губернатора главнокомандующій не раздѣляетъ, и весьма былъ удивленъ покушенію на днѣпровскія гирля. Съ Поповымъ отправляется бумага къ Ильинскому, чтобы онъ не заваливалъ этотъ источникъ днѣпровской жизни, прачемъ, кажется, ему разрѣшится укрѣплять берега, какъ пожелаетъ; но только не порта навигаціи по рѣкѣ.

Вообще у насъ какъ будто ударились въ другую крайность: до сихъ поръ всюду царствовала непонятная безпечность, а теперь все пустилось на самыя сумасбродныя планы; вообразите, что поперегъ наружнаго керчинскаго фарватера, противъ Павлогской батареи, топятъ 34 судна, въ томъ числѣ кавказскіе транспорты; удивляясь, что оставляютъ пароходы, а то и ихъ бы слѣдо-

вало на фарватерѣ затопить. Слава Дундасу, что отличился въ Одессѣ, а то не такія бы нѣры начали брать! Поповъ вамъ расскажетъ о посѣщеніи союзными кораблями и пароходами Керчи и Феодосіи, и тутъ было видно, что они съ крайней осторожностью подходятъ подъ батареи, да и не могутъ быть иначе, вѣдь надо же думать о сохраненіи судовъ, особенно машинъ, исправленіе которыхъ въ Константинополѣ, вѣроятно, болѣе чѣмъ затруднительно.

Плавающая батарея, для постановленія на правомъ флангѣ бона, придется, по моему мнѣнію, оборону Николаева въ совершенно удовлетворительное состояніе, такъ что батарея на хуторѣ Дмитріева будетъ уже роскошь.

Одно мѣсто, которое, мнѣ кажется, слѣдуетъ оградить отъ ракетъ—то спасское адмиралтейство; предполагаю, что союзники, видя невозможность добраться до Поповой балки, вздумаютъ высадить десантъ на правый берегъ, чтобы, занявъ Варваровку, сжечь что можно своими ракетами. Тогда небольшая батарея, у Сулаго фонтана, будетъ весьма кстати. Къ ней можно присоединить и имѣющія у васъ полевые орудія.

Князь Меншиковъ поручилъ передать вамъ его разрѣшеніе отпустить, буде найдутся, орудія съ принадлежностью для вооруженія батарей въ херсонскихъ гирлязъ. Попову поручено условиться съ г.-м. Ильинскимъ—гдѣ, какъ и какія батареи поставить.

Насчетъ ружей, имѣемыхъ въ херсонскомъ арсеналѣ для вооруженія нашихъ рабочихъ командъ, то князь Меншиковъ признаетъ излишнимъ, полагая, что у васъ будетъ достаточно сухопутныхъ войскъ. Если потребуется въ Іерусалимѣ офицеръ, для указанія какъ обращаться съ вооруженными дубами<sup>1)</sup>, то можно командировать кого нибудь изъ рабочихъ, служившихъ прежде въ артиллеріи, или даже флотскаго, въ родѣ лейтенанта Липскаго; пожалуй, возьмите изъ военно-судной комиссіи.

## XIX.

Севастополь, 5-го мая 1854 г.

О Мартынѣ я поручилъ Попову сказать вамъ, что присылка его свѣдѣній зависитъ отъ васъ, и что узнавъ, что здѣсь нѣтъ порядочнаго подмастерья, я считаю ее весьма полезною. За бомбы Лехнера будемъ весьма много благодарны, хотя и пробуемъ петербургскаго изобрѣтателя. Кроме того Пестичъ трудится надъ разложеніемъ французской ударной бомбы и англійской ракеты большаго калибра, прибывшихъ изъ Одессы. Первая сложна и затѣйлива до смѣлу, вторая также не разрывалась, хотя и предназначалась разливать лаву, и входятъ все это: не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ.

<sup>1)</sup> Дубы—родъ мѣстныхъ судовъ.

Касательно дунайскаго снабженія, записка Кочовскаго вамъ будетъ служить отвѣтомъ. Юнкеровъ отправляйте, какъ сочтете удобнѣе, конечно, лучше на долгихъ; надо только съ ними прислать и ихъ офицеровъ, по назначенію Стеценкова.

Снятіе 200 пудовъ пороха съ Кинбурна князя встревожило такъ, что онъ посылаетъ отсюда, опасаясь, что вы скоро не отдадите, хотя я представлялъ ему, что по вашему же письму морской порохъ ожидается въ маѣ. Онъ недоволенъ Поповымъ за самовольное употребленіе послѣднихъ имени князя. Скажите нашему Кокрену, чтобы онъ этого впредь не дѣлалъ.

О горькой участи рекрутъ я предвѣрялъ при самомъ распоряженіи о соединеніи ихъ въ Николаевъ, но меня не хотѣли слушать, твердя, что на это есть непремѣнная воля государя. Теперь ничего болѣе не остается дѣлать—какъ, до обѣщаннаго ихъ поступленія въ свои экипажи, употреблять на земляныя николаевскія работы и для прислуги у батарей, разумѣется, доколѣ сіе возможно, не ослабляя рекрутскіе классы. По приѣзду балтійскаго флота, назначается Алексѣевъ начальникомъ запасныхъ рекрутскихъ ротъ обѣихъ дивизій, а капитанъ-лейтенанты Сусловъ и Бертье Делягарди—его помощниками, по каждой дивизіи отдѣльно; когда они прибудутъ къ мѣсту назначенія, надо будетъ возложить на нихъ ихъ должность, не отстраняя, однако, отъ наблюденія за правильностью фронтовыхъ ученій—Юхарина, ибо главная цѣль сбора рекрутъ въ Николаевъ—это присутствіе тамъ учебнаго морскаго экипажа.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ сухопутнаго транспорта; у насъ такъ нуждаются въ такалажѣ, что я начинаю прекращать разныя (?) на эскадрѣ ученья; на транспорты же надѣяться не смѣю; странно лишиться вдругъ такого драгоценнаго груза, ибо крейсерство союзниковъ продолжается. Сегодня, какъ только туманъ немного прочистился, подходили на видъ Севастополя два большіе парохода; весь-ли флотъ насъ блокируетъ, увѣриться трудно; горизонтъ весьма рѣдко прочищается, а послѣдніе три дня далѣе маяка ничего не видѣли, и въ морѣ (туманъ) стоитъ какъ стѣна. Меня начинаетъ беспокоить Поповъ, если онъ выйдетъ, при туманѣ легко набрести на сильнаго непріятеля и трудно попасть въ свой портъ, особенно съ компасами Эльборуса. Конечно, важно пугнуть ихъ въ тылу, но не менѣе важно сохранить суда наши до благопріятнаго времени въ цѣлости.

О включеніи предлагаемыхъ вамъ условій, при приѣмѣ провизіи отъ сухопутнаго вѣдомства, будетъ сдѣлано (распоряженіе), когда получится представленіе адмирала Берха.

Мы въ бѣдственномъ положеніи насчетъ корабельныхъ бранспойтовъ, я сегодня пробовалъ на кораблѣ Ягудингъ—рѣшительно не беретъ. Направляю на это Авдѣва, но, кажется, дефектъ въ шлангахъ; не сдѣлать-ли чего Витвортъ? Преданный вамъ В. Корниловъ.

## XX.

Севастополь, 10-го мая 1854 г.

Отправляю курьера болѣе для того, чтобы васъ успокоить насчетъ Эльборуса. Онъ доплылъ благополучно; 6-го на разсвѣтѣ, при густомъ туманѣ, вышелъ на рейдъ; къ Сизополю и Пендеракли не пускали, ибо ходъ былъ плохой, не болѣе 8 узловъ; вѣроятно, опять какія нибудь бѣды въ воздушныхъ насосахъ или паровыхъ трубахъ; теперь его осматриваютъ. Наканунѣ приходъ Эльборуса, при прочистившемся туманѣ, подходили къ Севастополю два английскихъ парохода, такъ что надо благодарить Бога за Эльборусъ.

8-го я выходилъ посмотрѣть—нѣтъ-ли судовъ, но кажется, что союзники наскучило блокировать насъ. Туманъ помѣшалъ удалиться отъ порта, но кажется, что мы болѣе не подѣ карауломъ. Сегодня задулъ NW и, наконецъ, послѣ многихъ недѣль чистый горизонтъ и лѣтнее небо. Къ вечеру повѣстия какой-то парусный бригъ.

Новаго ничего, кромѣ новой глупости Серебрякова; вздумалъ отправить 140 балаклавецъ и больныхъ изъ Новороссійска въ Керчь на греческихъ бригахъ; ихъ и взяли англичане. Отряду Лангса изъ 2-хъ винтовыхъ кораблей и 4 пароходовъ очень понравился Геленджикъ, нами очищенный; онъ туда заходилъ, косѣтивъ Θεодосію, Керчь и Анапу и созывая тамъ гордыхъ того и смотри, что изберутъ Геленджикъ пунктомъ для направленія дѣйствій своихъ на Новороссійскъ и Анапу.

У насъ готовится Гавриилъ къ выходу изъ Дона, а за нимъ послѣдуетъ Гавриилъ (sic). Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ перваго <sup>1)</sup> . . . . транспорта и съ нимъ такелажа, въ которомъ сильно нуждаемся, также будетъ-ли у насъ уголь-антрацитъ? нельзя не выказывать признаковъ жизни, а всякое разведеніе пара уменьшаетъ нѣзримый запасъ.

Прощайте, желаю вамъ здоровья, преданный вамъ В. Корниловъ.

<sup>1)</sup> Не разобрано слово.

## XXI.

Севастополь, 12-го мая 1854 г.

Опять отправляю къ вамъ неугомоннаго Попова. Онъ охотится перетасить въ Николаевъ пар. Андія съ котлами Еникале, и кромѣ того, съ помощью механика практической гавани Денисова, осмотрѣть машину Тигра, дабы заготовить заранѣе для нея проектъ парохода.

Поповъ расскажетъ вамъ, что у насъ происходитъ и что на этой недѣлѣ готовятъ корабль Гавріилъ къ выводу изъ докозъ, мнѣ же остается только отвѣчать на ваше (письмо) отъ 8-го мая.

О семействахъ отправляемыхъ сюда мастеровъ князю докладывалъ и будемъ ждать представленій адмирала Берха.

Бранспойтами, сколько съумѣемъ, займемся; я со своей стороны читаю лекціи командирамъ, и пишу приказы, но вѣдь вы знаете, на бѣломъ свѣтѣ говорить, что у всякаго свой царь въ головѣ, а у иныхъ и никакого нѣтъ. Отправивъ юнкеровъ, вамъ предстоитъ другая забота—отправить штурманскихъ учениковъ; о нихъ хлопочетъ Монгомери, да и нельзя ему по многимъ причинамъ отказать. О телеграфахъ главное имѣемъ въ виду скорость и такъ какъ самое вѣрное и легкое держаться уже существовавшей системы, то и поручено было генералу Монгомери безъ промедленія приняться за это устройство, не пускаясь въ изобрѣтеніе. Впрочемъ, если у васъ для механизма что нибудь придумаютъ лучшее, то князь разрѣшилъ сдѣлать, съ тѣмъ, однако, чтобы не подать повода г. Монгомери сослаться при промедленіи на адмиралтейство.

Насчетъ азовскихъ подводовъ, нашими и кавказскими транспортами, буду писать Вульфъ; боюсь только, что кавказскихъ Серебряковъ не дастъ. Вы вѣдь знаете этого армянскаго Соломона. Пять лодокъ и пароходовъ я бы полагалъ начать безъ ожиданія разрѣшенія; я никакъ не полагалъ, что на пароходъ вы найдете матеріалъ. Пароходъ, мнѣ кажется, надо бы строить по плану Прута; у Коршикова<sup>1)</sup> есть всѣ детали, вѣдь онъ его и строилъ; много, значить—не давать нашимъ молодцамъ слишкомъ мудрствовать. Не полете-ли Александра на короткое время къ Мальцову; этотъ господинъ желаетъ открыть постройку желѣзныхъ пароходовъ; весьма желательно способствовать развитію этого полезнаго для Россіи дѣла.

Насчетъ угля для дунайскихъ портовъ, князь полагаетъ не вмешиваться. Пускай себѣ сами заготавливаютъ, какъ знаютъ. Доставка дѣса сухимъ путемъ

<sup>1)</sup> Офицеръ корпуса инженеровъ.

будеть послѣдняя крайность; мнѣ кажется, можно будетъ провести наши транспорты; пускай они будутъ у васъ на-готовѣ, такъ, чтобы по первому отъ насъ извѣстiю можно бы было ихъ вашими пароходами вывести къ Очакову, а наши бы подхватили ихъ и повлекли бы сюда.

Прошлаго года я хлопоталъ о подколесныхъ клинхатъ на одинъ бортъ, и было рѣшено, чтобы заготовить ихъ въ Николаевѣ, но это, кажется, не выполнено; если такъ, то нельзя-ли сдѣлать ихъ здѣсь?

Преданный вамъ В. Корниловъ.

(Продолженiе слѣдуетъ).



# ПОЛОЦКІЙ КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ

1835—1885.

## I.

6-го декабря 1885 года минеть полвѣка со дня основанія Полоцкаго кадетскаго корпуса.

Въ этотъ день, конечно, многочисленныя питомцы этого учебнаго заведенія, разсѣянные по всему лицу земли русской, вспомнить о немъ и, конечно, каждый постарается помянуть добромъ то гнѣздо, въ которомъ протекло нѣсколько лѣтъ юношеской жизни каждаго изъ нихъ.

Въ суровую эпоху возникъ этотъ корпусъ и суровы были для него первыя десятилѣтія. То было время царствованія императора Николая Павловича, когда считали и возможнымъ, и необходимымъ съ самаго нѣжнаго ранняго возраста готовить дѣтей къ самой суровой будущности и готовить ихъ притомъ, независимо отъ природныхъ стремленій, непремѣнно къ военной службѣ. Строгость и жестокость въ обращеніи; неизмѣнность правила: «всякая вина должна быть виновата»; требованіе самой строгой дисциплины; сопоставленіе подростка съ настоящимъ служакою и одинаковая, поэтому, мѣрка, пригоняемая какъ къ ребенку, такъ и къ взрослому человѣку,—вотъ та обстановка, среди которой закалялась русская дворянская молодежь въ кадетскихъ корпусахъ 1830—1840 годовъ.

Воспитатели въ томъ смыслѣ, какъ стали понимать руководителей кадетъ съ начала 1860-хъ годовъ, это высокое, почтенное и крайне важное званіе, — въ то время не существовали, по крайней мѣрѣ въ кадетскихъ корпусахъ ихъ замѣняли офицеры, взятые, большею частію, изъ армейскихъ полковъ, сами прошедшіе школу еще болѣе суровую, чѣмъ та, которую проходили ввѣренные имъ питомцы.

Учителей хорошихъ, въ особенности въ провинціальныхъ городахъ,

а слѣдовательно въ Полоцкѣ, найти было невозможно, а привлечь изъ столицъ мѣшало довольно ничтожное вознагражденіе за трудъ. Наконецъ, во главу учебныхъ заведеній не всегда ставились люди, дѣйствительно призванные, подготовленные и стоящіе, по своему умственному и нравственному развитію, на той высотѣ, на которой, казалось бы, они должны были бы стоять, получая подъ свое непосредственное вѣдѣніе учебно-воспитательныя заведенія съ 400 и болѣе воспитанниковъ.

Вотъ темная сторона первыхъ десятилѣтій въ полувѣковомъ существованіи Полоцкаго кадетскаго корпуса.

Недостатки его за указанное время общи съ недостатками другихъ провинціальныхъ кадетскихъ корпусовъ 1830—1840 годовъ.

Но не теперь, въ виду юбилея полувѣковаго бытія сего учебнаго заведенія, вспоминать темныя стороны прошедшаго. Не только возможно, но и должно остановиться на свѣтлыхъ сторонахъ; найти ихъ весьма легко въ исторіи сего учебнаго заведенія, за послѣднія 20—25 лѣтъ, когда оно заняло вполне подобающее мѣсто, благодаря гуманнымъ и великимъ реформамъ какъ въ дѣлѣ обновленія всего внутренняго строя русскаго общества, такъ и въ дѣлѣ военно-общественнаго воспитанія, по отношенію къ которому реформы совершилъ императоръ Александръ II съ своимъ вполне достойнымъ сподвижникомъ и помощникомъ, военнымъ министромъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Милютинимъ, и не менѣе достойнымъ ближайшимъ руководителемъ кадетскихъ корпусовъ (военныхъ гимназій), Н. В. Исаковымъ; были однако свѣтлыя стороны и въ первомъ періодѣ Полоцкаго кадетскаго корпуса. Начать съ того, что подъ сѣнію этого заведенія получило образованіе среднее и, такъ сказать, мелкое помѣстное дворянство. Семья этихъ дворянъ не были надѣлены большими матеріальными средствами. Дать воспитаніе дѣтямъ являлось дѣломъ труднымъ, а между тѣмъ распущенность жизни въ самый разгаръ крѣпостнаго права не могла не дѣйствовать глупо и творно на подростящее дворянское поколѣніе. И вотъ, изъ этого семейства Полоцкій кадетскій корпусъ собираетъ подъ свою сѣню юныхъ помѣщиковъ дворянъ; встрѣчаетъ ихъ сурово; сплачиваетъ въ одну массу; даетъ образованіе; вырабатываетъ изъ нихъ будущія служакъ-офицеровъ; приучаетъ къ самой строгой, точной исполнителности; приучаетъ къ суровой нищѣ и къ самому строгому исполненію своего долга.

## II.

Пишущій эти строки провелъ въ стѣнахъ монументальнаго зданія Полоцкаго кадетскаго корпуса (обширное зданіе бывшаго іезуитскаго коллегіума) четыре года, съ августа 1847 по августъ мѣсяць 1852 г.

Предъ умственнымъ взоромъ нашимъ проходитъ вереница начальниковъ, наставниковъ и ближайшихъ непосредственныхъ блюстителей поведенія полочанъ-кадетъ,—ихъ ротные командиры и офицеры. Какъ живой стоитъ передъ нами директоръ корпуса Федоръ Максимовичъ Ореусъ,—человѣкъ, случайно попавшій на постъ директора корпуса прямо съ поста офицера, завѣдывавшаго хозяйствомъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ; это былъ человѣкъ не злой, даже старавшійся до нѣкоторой степени смягчать ту, можно сказать, жестокость наказанія, которая была въ правахъ того времени.

Вотъ подлѣ него худая, высокая фигура инспектора корпуса Василія Михайловича Бруевича, если не ошибаемся, обязаннаго своимъ мѣстомъ исключительно тому, что въ 1826 г. онъ былъ дѣлопроизводителемъ въ верховной комисіи надъ декабристами, также едва ли подготовленный къ занятію мѣста руководителя воспитанія, но человѣкъ въ высшей степени добросовѣстный въ исполненіи своихъ обязанностей и постепенно съ годами смягчавшійся даже въ тѣхъ строгихъ, чтобы не сказать жестокихъ, мѣропріятіяхъ, какія онъ принималъ къ тому, чтобы побудить своихъ питомцевъ учиться и учиться хорошо.

А вотъ и группа учителей, въ большинствѣ, если взглянуть на нихъ съ нынѣшней точки зрѣнія, довольно плохихъ, но нѣкоторыхъ нельзя не помянуть вполне добрымъ словомъ.

Вотъ протоіерей Прянишниковъ, видной, представительной наружности, въ высшей степени хорошо отирававшій церковныя требы въ громаднѣйшемъ соборѣ при кадетскомъ корпусѣ (бывшій до изгнанія іезуитовъ католическій костель). Бѣдняга, преподавая законъ Божій, не достигалъ большихъ успѣховъ только потому, что былъ скованъ велѣннымъ, тогда существовавшимъ, правиломъ заставлять воспитанниковъ не только слово въ слово, но едва-ли не буква въ букву задалбливать катихизисъ митрополита Филарета.

Вотъ учитель исторіи, незабвенный для насъ Арсеній Васильевичъ Скворцовъ, года два тому назадъ оочившій сномъ смерти. Съ глубокою благодарностью вспоминаемъ мы этого наставника, съ признательностью вспоминаемъ о томъ увлеченіи, съ которымъ онъ отдавался

своему предмету, забывая, что передъ нимъ сидятъ не болѣе какъ дѣти 13—14 лѣтъ, пускавшійся въ большія и крайне интересны подробности при передачѣ событій изъ исторіи Греціи, Рима, Египта, изъ древней исторіи и среднихъ вѣковъ. Записки, которыя составлял А. В. Скворцовъ, литографировались и были весьма объемистымъ почтеннымъ трудомъ, особенно при недостаткѣ тогда хорошихъ учебниковъ и руководствъ по отдѣлу исторіи.

А вотъ подлѣ него математикъ Кайгардовъ, изучившій свой предметъ по мѣрѣ того, какъ онъ старался обучать ему своихъ юныхъ слушателей. Это былъ типъ самаго добросовѣстнаго и усерднаго учителя и весьма многіе изъ полочанъ обязаны ему тѣмъ, что могли впоследствии продолжать свое образованіе въ высшихъ специальныхъ заведеніяхъ, каковы артиллерійская академія, инженерная и т. д.

Симпатичный образъ поднимается въ нашемъ воспоминаніи въ лицѣ преподавателя французскаго языка monsieur Тальмана, швейцарца по происхожденію, совершенно не владѣвшаго русскимъ языкомъ, но искренно и горячо привязавшагося къ Россіи и любившаго своихъ юныхъ воспитанниковъ. Эта фигура тѣмъ симпатичнѣе, что подлѣ нея въ нашей памяти воскресаетъ преподаватель тому же французскому языку въ низшихъ классахъ Полоцкаго корпуса—человѣкъ, весьма грубый, не образованный и не воспитанный. То былъ нѣкто Маринъ, какъ рассказывали тогда, отставной барабанщикъ великой арміи Наполеона.

Нѣмецкому языку обучалъ нѣкто г. Вольфъ, ни мало не обладавшій способностью привлечь къ своему, впрочемъ, всегда нелюбимому въ кадетскихъ корпусахъ, предмету.

Географія преподавалась однимъ изъ питомцевъ педагогическаго института, учителемъ Соколовымъ, человѣкомъ даровитымъ, хорошо знавшимъ свой предметъ и умѣвшимъ довольно хорошо его излагать, когда только лѣнь и похмелье (а учитель предавался отъ времени до времени у себя на дому лютому запою) не мѣшали ему въ этомъ дѣлѣ. Вечера, когда имъ овладѣвала апатія, онъ обыкновенно садился на кафедру, гдѣ уже воспитанники подкладывали ему романы для чтенія. Онъ разрѣшалъ кадетамъ во время урока заниматься, но не отвѣчать на уроки. Заниматься—это значило оставаться на своихъ скамейкахъ,

\*) Въ низшихъ классахъ Полоцкаго корпуса въ наше время преподавалъ математику Яковлевъ, офицеръ крайне некрасивой наружности, знавшій свой предметъ, но отличавшійся, въ противоположность Кайгардову, особенно данно горячимъ нравомъ. Онъ бѣсновался и кидалъ въ кадетъ, при ихъ отпѣвахъ, мѣломъ, и всѣмъ что попадало подъ руку.

тщательно закрывшись громадными картами, наклеенными на деревянные рамы, сидѣть за ними пританцовывая и ждать, когда барабанъ прекратитъ эту оригинальную лекцію гробоваго молчанія.

Русскій языкъ преподавался Григоріемъ Васильевичемъ Смирновымъ. То была фигура громоздкая, словообразная, медленно двигавшаяся, человекъ по природѣ добрый, но въ преподаваніи, сколько могу припомнить, весьма неумѣлый: задалбливаніе грамматики Греча, съ указаніемъ отсюда и досюда, ни къ чему доброму не приводило, и 16—18 лѣтніе юноши, переходя изъ Полоцкаго кадетскаго корпуса въ Дворянскій полкъ въ Петербургъ, гдѣ оканчивалась ихъ подготовка въ офицеры, не въ состояніи были осилить ни правильнаго употребленія знаковъ препинанія, ни, въ особенности, правилъ употребленія злополучнѣйшей изъ буквъ русской азбуки, буквы ѣ. Объ этой буквѣ ѣ — гдѣ ее ставить и куда не втискивать, была даже издана въ то время цѣлая книжка однофамильцемъ Григорія Васильевича Смирнова, Кирилломъ Васильевичемъ Смирновымъ, подобно ему, учителемъ русскаго языка, но не въ Полоцкомъ корпусѣ, а въ Дворянскомъ полку.

Въ распоряженіи Григорія Васильевича Смирнова была обширная бібліотека въ такъ называемомъ «музеумѣ» Полоцкаго кадетскаго корпуса, о которомъ носилась легенда, что во время іезуитовъ этотъ «музеумъ» совмѣщалъ въ себѣ множество, дѣйствительно, интересныхъ диковинокъ въ научномъ и художественномъ отношеніи. Мы не можемъ припомнить, чтобы Григорій Васильевичъ Смирновъ умѣлъ руководить и въ выборѣ книгъ для чтенія вѣрнѣйшихъ ему питомцевъ. Все, что только можно сказать въ оправданіе его, это то, что самый выборъ книгъ въ то время для чтенія юношества былъ довольно скуденъ. Мы лично, впрочемъ, съ признательностью вспоминаемъ о томъ, что Г. В. Смирновъ весьма охотно давалъ намъ читать самый лучший въ то время журналъ «Бібліотеку для чтенія», а потомъ «Современникъ» (1847—1852 гг.).

Плоховато шли физика и естественная исторія. И тотъ, и другой предметы преподавались, за недостаткомъ специалистовъ-учителей, старшимъ докторомъ Полоцкаго кадетскаго корпуса, добрѣйшимъ толстякомъ Алексѣемъ Петровичемъ Григорьевымъ; но за то на своемъ посту, т. е. въ кадетскомъ лазаретѣ, толстякъ Григорьевъ былъ рѣшительно на своемъ мѣстѣ: то былъ самый добрый, самый рачительный и притомъ весьма свѣдущій практикъ-докторъ, — ничего не жалѣвшій для своихъ больныхъ. Кадеты, дѣйствительно, понавъ въ лазаретъ, находили самый заботливый, вполне отческій уходъ со стороны Алексѣя Петровича, и многіе больные кадеты были обязаны своею жизнью и сохраненіемъ своего здоровья этому достойному, доброму и вполне знающему свое дѣло медику.

Вотъ и вся почти группа учителей въ четырехъ общихъ классахъ Полоцкаго кадетскаго корпуса за наше время, т. е. съ 1847 до 1852 года.

### III.

Въ средѣ ближайшихъ руководителей и блюстителей кадетскаго поведенія самое слово воспитатель тогда не существовало; мы вспоминаемъ лишь немногихъ, которые отличались гуманностью, справедливостью къ молодежи и которые старались привлекать кадетъ къ тому, чтобы они любили науку и занимались ею не изъ страха только, таковы были: Анфинагенъ Матвѣевичъ Мастыга, человекъ много читавшій, затѣмъ, артиллеристъ Захарченко, Глинскій, добрейшій, благороднѣйшій воспитатель Александръ Петровичъ Порто, все семейство котораго—отецъ, мать, братья—пользовались всеобщимъ въ городѣ уваженіемъ.

Баталіонный командиръ Забусовъ, человекъ по натурѣ своей во все не злой, считалъ своимъ долгомъ напускать на себя чрезвычайную суровость, почему и обращался съ провинившимися кадетами крайне жестоко; затѣмъ, изъ ротныхъ командировъ и офицеровъ: Кобринъ, Тульничѣвъ, П. Г. Хоменко, Бондыревъ и нѣкоторые другіе полагали, что розга есть самое основное, руководящее начало всего кадетскаго воспитанія и немилосердно всыпали десятки, сотни ударовъ въ подроставшихъ юношей...

### IV.

Мы начали съ того, что хотѣлось-бы помянуть мѣсто своего воспитанія отъ 10 до 15 лѣтъ самымъ добрымъ и теплымъ словомъ, между тѣмъ, съ нашихъ устъ срываются какъ-бы нѣкоторыя укорины; но нѣтъ, укорять не за что: то было такое время, когда и гражданскія учебныя заведенія, въ особенности въ провинціи, не могли похвастать ни своими директорами и инспекторами, ни своими учителями, ни учебными пособиями. Лучшее въ прошедшемъ быту Полоцкаго кадетскаго корпуса состояло все-таки, повторяемъ, въ томъ, что подъ свою сѣнь онъ собиралъ юношей изъ семей, въ средѣ которыхъ многіе—по недостатку-ли средствъ или по недостатку руководителей—могли-бы скоро завязнуть въ тинѣ крѣпостнаго быта. Корпусъ все-же давалъ

образование, формировалъ характеръ, приучалъ къ исполненію своего долга, корпусъ внушалъ любовь къ отечеству и, дѣйствительно, настолько сильно, что въ воображеніи подроставшаго въ его стѣнахъ поколѣнія выше, сильнѣе, могущественнѣе Россіи ничего не существовало. Корпусъ прямо служилъ своей задачѣ, видѣря любовь къ военному дѣлу, впрочемъ, въ томъ, весьма несовершенномъ, видѣ, въ какомъ оно тогда существовало; затѣмъ, корпусъ спланивалъ своихъ питомцевъ въ одну дружескую, товарищескую семью, члены которой и впослѣдствіи на всѣхъ путяхъ своей жизни готовы были стоять другъ за друга и помогать другъ другу.

Съ 1849 года, именно послѣ кончины великаго князя Михаила Павловича, во главѣ военно-учебныхъ заведеній былъ поставленъ цесаревичъ великій князь Александръ Николаевичъ, гуманный, просвѣщенный питомецъ незабвеннаго Жуковского, и тотъ-же Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, дѣйствовавшій въ одномъ направленіи при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, совершенно измѣнился подъ благотворнымъ вліяніемъ мягкой души цесаревича и великаго князя Александра Николаевича. Въ корпусахъ стали вводиться значительныя преобразованія; науки получали все большее и большее значеніе и въ стѣнахъ этихъ учебныхъ заведеній явились, дѣйствительно, наставники и воспитатели юношества; такимъ образомъ кадетскіе корпуса, а въ томъ числѣ и Полоцкій корпусъ, стали выпускать изъ своихъ стѣнъ не только честныхъ, бравыхъ, самоотверженныхъ офицеровъ, но и образованныхъ гражданъ земли русской.

Не въ обѣлой замѣткѣ указывать на заслуги кадетскихъ корпусовъ для Россіи, но мы съ чувствомъ глубокаго уваженія къ Полоцкому кадетскому корпусу должны сказать, что изъ семьи кадетъ-полочанъ вышло множество вполне достойныхъ и воиновъ, и гражданъ нашего отечества, стяжавшихъ себѣ самое доброе и славное имя на различныхъ поприщахъ государственнаго и общественнаго служенія, а также на поприщѣ наукъ; очень многіе изъ нихъ кровію своею запечатлѣли преданность отечеству и державнымъ представителямъ верховной власти въ Россіи.

## V.

Полвѣка — довольно большой періодъ въ жизни человѣчества; въ полвѣка много видоизмѣнилось: цѣлыя государства рухнули, новыя образовались, самый строй идей круто видоизмѣнялся по нѣсколько разъ...

Оглядываясь на прошедшее, мы съ вѣрой и надеждой смотримъ на будущее.

Пусть не повторится суровое прошедшее, пусть не повторятся и нувшіе недостатки, но пусть развивается подъ благотворною стѣнъ исполнѣ гуманныхъ идей то великое святое дѣло, служить которому предназначено, въ ряду другихъ учебно-воспитательныхъ заведеній Россіи, и Полоцкому кадетскому корпусу, т. е. грядущее поколѣніе ея питомцевъ, вспоминая время своего пребыванія въ стѣнахъ этого заведенія, да увидитъ въ своемъ прошедшемъ только одно свѣтлое, одно доброе... а какъ счастливъ тотъ, кто изъ наилучшаго періода своей жизни, изъ періода юношескихъ лѣтъ, можетъ вспомнить только доброе, только свѣтлое.

И такъ, привѣтъ вамъ, наши предшественники полочане-кадеты наши товарищи по воспитанію и наши преемники по пребыванію въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ!

Съ полною искренностью присоединяемся мы къ горячимъ пожеланіямъ его многочисленныхъ питомцевъ, разсѣянныхъ по необъятной Россіи, пожеланіямъ добраго и хорошаго въ дальнѣйшемъ преуспѣніи этого учебнаго заведенія <sup>1)</sup>).

---

<sup>1)</sup> Мы еще возвратимся въ Полоцкому кадетскому корпусу въ одной изъ ближайшихъ книгъ нашего изданія, благодаря интереснымъ воспоминаніямъ сообщеннымъ намъ однимъ изъ бывшихъ его воспитанниковъ. Ред.



## КЪ ЗАПИСКАМЪ ОТСТАВНОГО ГУБЕРНАТОРА

1866.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г. іюнь и августъ, нѣкто отставной губернаторъ, бывшій начальникомъ одной изъ губерній въ Царствѣ Польскомъ въ 1866 году, между прочими разказами помѣстилъ сказаніе о столкновеніи своемъ съ мѣстнымъ польскимъ прокуроромъ. По этому поводу я, нижеподписавшійся, бывшій тѣмъ самымъ прокуроромъ, считаю необходимымъ опровергнуть тѣ ошибки и невѣрности въ изложеніи сего эпизода, которыя дають совершенно другую окраску всему событію <sup>1)</sup>).

Начиная съ февраля мѣсяца 1862 г. по время здѣсь описываемаго приключеніи, я состоялъ на службѣ въ городѣ Калишѣ, въ должности прокурора при мѣстномъ гражданскомъ трибуналѣ.

Судебныя вѣдомства нынѣшняго варшавскаго судебного округа были въ то время, т. е. въ 1866 году, отдѣльныя для гражданскихъ, отдѣльныя для уголовныхъ дѣлъ; мѣста эти, а равно и лица, входившія въ составъ одной изъ этихъ отраслей судебной власти, были другъ отъ друга совсѣмъ независимы, и не имѣли въ дѣйствіяхъ мѣсть и лицъ другой такой же отрасли никакого участія. Я былъ прокуроромъ при калишскомъ гражданскомъ трибуналѣ; слѣдовательно, на ходъ уголовныхъ дѣлъ и вообще въ Калишѣ не могъ имѣть никакого вліянія. Производить оное при мѣстномъ судѣ исправительной полиціи былъ тогда въ правѣ лишь подпрокураторъ (помощникъ прокурора при уголовномъ судѣ въ Варшавѣ) Д\*\*\*. Если-бы затѣмъ, вслѣдствіе заключеній лица

---

<sup>1)</sup> Возраженіе это на Записки, явившіяся въ „Русской Старинѣ“ 1884 г., получено нами только въ августѣ 1885 г. Не смотря на столь позднее получеіе этой замѣтки, мы, вѣрные правилу—давать мѣсто возраженіямъ и объясненіямъ, вынуждаемымъ тѣмъ, что появляется въ „Русской Старинѣ“—печатаетъ сообщеніе г. Езіоранскаго съ опущеніемъ лишь нѣкоторыхъ разсужденій, но сохранивъ все фактическое содержаніе статьи. Ред.

прокурорскаго надзора, исправительный судъ (но ни въ какомъ случаѣ гражданскій трибуналъ), посредствомъ фиктивныхъ приговоровъ способствовалъ повстанцамъ, прибывающимъ въ предѣлы Царства Польскаго изъ Пруссіи, въ высылкѣ ихъ за границу подъ конвоемъ, назначеннымъ отъ мѣстной власти, — если-бы въ частности прокуроръ далъ съ этою цѣлью заключеніе о присужденіи какого-то познанскаго дворянина Нирвольскаго, за минувшую кражу хомута, къ семидневному аресту и удаленію за границу, исполненному вслѣдствіе сего уѣзднымъ начальникомъ Баковичемъ (ошибочно авторомъ записокъ названнымъ Бокаловичемъ), о чемъ мнѣ вовсе неизвѣстно, то эти заключенія могли быть сдѣланы не мною, какъ это утверждаетъ авторъ записокъ, а исключительно подпрокураторомъ Д\*\*\*, и отъ него лишь г. врем. губернаторъ могъ требовать перечня вѣдущихся въ Калишѣ уголовныхъ дѣлъ. Если-бы онъ потребовалъ такого перечня отъ меня, то я вѣрно не отвѣчалъ бы ему такъ, какъ это показано въ запискахъ, а объяснял бы кругъ моихъ дѣйствій и представлялъ, что это не мое дѣло. Поэтому и немислимо, чтобы г. врем. губернаторъ настаивалъ о присланіи перечня и даже сдѣлалъ письменное о томъ требованіе.

Званіе прокурора при гражданскомъ трибуналѣ, по чину и окладу званья, не было въ то время такъ значительно, какъ нынѣ санъ прокурора при окружномъ судѣ варшавскаго судебного округа, но кругъ дѣйствій его по гражданской части, былъ точно тотъ же самый.

Исполняя сію должность въ Калишѣ, съ требованіемъ военной помощи судебнымъ взысканіямъ, я обращался какъ къ прежнимъ военнымъ начальникамъ, напр. къ генералу Бельгарду, такъ и къ г. врем. губернатору и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнявшему должность военнаго начальника въ Калишѣ, князю Щ. на польскомъ языкѣ, на томъ основаніи, что это было высочайше дарованное и до той поры, даже приказомъ высшаго начальства, неотнятое право всѣхъ судебныхъ мѣстъ въ Царствѣ Польскомъ, ибо приказъ тѣмъ же мѣстамъ состоявшимъ при нихъ прокурорамъ вести переписку съ русскими военными и правительственными властями на русскомъ языкѣ изданъ былъ наистинномъ въ Царствѣ Польскомъ и объявленъ главнымъ директоромъ правительственной комиссіи юстиціи только въ концѣ 1866 г. или въ началѣ 1867 г. Упомянутые отзывы мои были первоначально удовлетворяемы даже и тѣмъ временнымъ калишскимъ губернаторомъ, на статью котораго я нынѣ возражалъ. Только 16-го (28-го) августа 1866 г. одинъ изъ такихъ отзывовъ я получилъ назадъ, и при немъ письмо, не имѣвшее, кромѣ номера журнала, никакого другаго признака официальной переписки, слѣдующаго содержанія:

„М. Г. На основаніи ст. 16 гл. II высочайше утвержденнаго устава о службѣ гражданской въ Царствѣ Польскомъ, знаніе русскаго языка обязательно для всѣхъ чиновниковъ Царства, почему, возвращая при семъ отзывъ

вашъ отъ 13-го (25-го) августа за № 2525, имѣю честь покорѣйше просить прислать мнѣ таковой на русскомъ языкѣ. Князь N. N. "

№ 2199, 12-го августа 1866 г.

Его высокоблагородію г. Езіоранскому, королевскому прокурору Варшавской губерніи въ Калишѣ.

Въ отвѣтъ на это письмо я послалъ его сіятельству на польскомъ языкѣ, здѣсь въ переводѣ приводимое, официальное объясненіе:

Королевскій прокураторъ при гражданскомъ трибуналѣ Варшавской губерніи въ Калишѣ.

16-го (28-го) августа 1866 г., № 2578.

Его сіятельству господину калишскому временному губернатору князю N. N.

„Вслѣдствіе отношенія отъ 12-го августа 1866 г. № 2199, имѣю честь в. с. представить, что такъ какъ я вступилъ въ государственную службу въ 1837 году, то я обладаю знаніемъ русскаго языка въ той мѣрѣ, какъ это отъ должностныхъ лицъ того разряда требовалось постановленіемъ совѣта управленія Царства Польскаго отъ 23-го декабря 1835 г. (4-го января 1836 г.), помѣщеннымъ въ томѣ 17 на стр. 408 Дневника законовъ; поэтому всѣ отзывы правительственныхъ мѣстъ, писанные на этомъ языкѣ, я исполняю, не требуя ихъ перевода, но вести переписку на русскомъ языкѣ я не въ правѣ, пока мною не будетъ получено приказа отъ надлежащаго начальства, именно же отъ правительственной комиссіи юстиціи, въ виду того, что въ 34 ст. всеимпоствѣйше Царству Польскому дарованнаго основнаго закона объявлено, что: „всѣ правительственныя и судебныя въ Царствѣ Польскомъ дѣла производятся на языкѣ польскомъ“ (т. 14 стр. 315 Дневн. законовъ); уставъ же этотъ никакимъ другимъ закономъ до сихъ поръ не отмѣненъ и не измѣненъ. Слѣдовательно, помимо усердной воли удовлетворять всѣмъ желаніямъ в. с., особенно же изложеннымъ въ столь пріятливомъ тонѣ, я принужденъ просить васъ, м. г., дабы вы приказать изволили перевести на русскій языкъ какъ прилагаемый здѣсь отзывъ мой отъ 13-го (25-го) августа сего года № 2555, такъ и настоящій отвѣтъ, въ собственной своей канцеляріи; ибо не сомнѣваюсь, что способное къ этому лицо находится въ той же канцеляріи, между же подчиненными мнѣ чиновниками переводчика нѣтъ, Ф. Езіоранскій. Секретарь Голянский“.

Слѣдующаго затѣмъ дня, одинъ изъ чиновниковъ губ. правленія пригласилъ меня на 3-й часъ пополудни сего же дня къ господину временному губернатору. Такимъ образомъ я заставленъ былъ въ первый разъ явиться въ квартирѣ кн. N. N. не на публичной аудіенціи. На другой день послѣ его прибытія въ Калишъ, и быть можетъ раза два въ табельные дни, я былъ у него, одѣтый въ парадное платье, виѣстѣ съ цѣлымъ составомъ гражданского трибунала и другихъ мѣстныхъ правительственныхъ мѣстъ; но кромя того госпо-

дина временнаго губернатора вовсе и не видалъ. Слѣдовательно, я одинъ изъ первыхъ калишскихъ чиновниковъ былъ у него съ визитомъ, украшенный орденомъ св. Анны на шеѣ; но я сказалъ ему, что родился въ Гродненской губерніи и воспитывался въ харьковскомъ университетѣ, и не я велъ съ его сіятельствомъ разговоръ, приведенный въ его запискахъ, чего доказательства, между прочимъ, можетъ быть мой служебный аттестатъ, по которому я родился въ Сѣдлецкой губерніи и кончилъ науки въ 1836 году въ одной изъ варшавскихъ 8-ми классовыхъ гимназій, равно то обстоятельство, что приписываніе себѣ несвоего происхожденія и образованія не могло-бы со стороны моей никакой цѣли, и наоборотъ, противорѣчило-бы, вѣроятно образомъ, изложеннымъ въ моемъ отзывѣ къ г. губернатору мыслямъ.

Приглашенію политическаго и военнаго начальника губерніи удовлетворить я считалъ нужнымъ. Итакъ, 17-го (29-го) августа 1866 г., ровно въ три часа пополудни, въ видѣ-мундирномъ фракѣ, я явился въ кабинетъ его сіятельства. Тутъ я сперва нашолъ лишь незнакомое мнѣ тогда лицо въ гражданскомъ платьѣ, какъ узналъ впоследствии—начальника канцеляріи губернскаго правленія; но въ минуту затѣмъ вошелъ самъ господинъ временный губернаторъ. Я обратился къ нему съ французскою рѣчью, единственно потому, что желалъ быть понимаемъ, по русски же вести разговоръ я не былъ въ состояніи, ибо тогда прошло уже 30 лѣтъ со времени окончанія мною гимназіи и во весь этотъ періодъ мнѣ не приходилось никогда говорить по русски. Въ продолженіе разговора я даже пробовалъ говорить по русски, но проба не оказалась столь удачною, что я болѣе не повторялъ ея. Назвавъ себя и сказавъ, что являюсь по приглашенію, сообщенному мнѣ чиновникомъ канцеляріи его сіятельства. Господинъ врем. губернаторъ отвѣчалъ по русски, что онъ хотѣлъ узнать—насколько у меня есть знаніе русскаго языка и потому просить меня сѣсть и писать по его диктовкѣ. Полагая, что, по принципу, я не долженъ отказать этому требованію, я взялся исполнить его, но едва по первымъ словамъ увидѣлъ, что дѣло идетъ о прошеніи съ моей стороны извиненія за вышеприведенный мой отвѣтъ и обѣщаніи, что буду впредъ съ госп. губернаторомъ вести переписку на русскомъ языкѣ, я всталъ и сказалъ, что такого заявленія я написать не могу, а такъ какъ его сіятельство въ совершенной пробы могъ узнать—въ какой мѣрѣ я способенъ писать по русски, то прошу позволить мнѣ удалиться.

— „Погоди, голубчикъ“, отвѣчалъ губернаторъ „прежде того я тебѣ покажу, что ты мнѣ написалъ“.—И приказавъ подать себѣ мой отвѣтъ, онъ сталъ читать его въ переводѣ и окорочивать по частямъ; уже названіе письма его отношеніемъ вызвало со стороны его строгій для меня упрекъ. Вдругъ, нечаянно спросилъ онъ меня—какого я чина, повидимому, съ тою цѣлью, чтобы показать—какая пропасть между мною и его служебнымъ положеніемъ. Узнавъ, что я 6-го класса, онъ остановился, не продолжая рѣчи въ этомъ направ-

леніи, и, возвращаясь къ прежнему, сказалъ, что письмо его не отношеніе, а приказъ. Въ отвѣтъ на это я сказалъ, что касательно моихъ служебныхъ дѣйствій я получаю приказы лишь отъ главнаго директора, председательствующаго въ правительственной комиссіи юстиціи. Притомъ я отступилъ шагъ назадъ и поднялъ нѣсколько глаза. Этотъ невольный жестъ губернаторъ, признавая для себя обиднымъ, сказалъ, что, повидимому, я мятежникъ, и что, очевидно, ему вѣрно указывали на меня какъ на вожака польскихъ пановъ въ этой странѣ, приводящаго ихъ къ участію въ возстаніи, что онъ не замедлитъ ближе провѣрить это и сдѣлать изъ имѣющихъ собраться справокъ надлежащее употребленіе<sup>1)</sup>. Большое также неудовольствіе высказалъ г. губернаторъ по поводу ссылки моей на 34 ст. основнаго закона. „Я тебѣ покажу, голубчикъ“ (этимъ нѣжнымъ эпитетомъ онъ удостоилъ меня затѣмъ еще нѣсколько разъ), „я тебѣ покажу“, сказалъ онъ, „основной законъ“. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ спросилъ меня онъ—признаю-ли я за нимъ или нѣтъ власть давать себѣ приказы въ качествѣ политическаго чиновника губерніи? Конечно, я не отказывалъ ему въ этомъ правѣ, но прибавилъ, что порядокъ веденія официальной переписки и употребленія въ ней того или другаго языка опредѣлены высочайшею властью и высшими ея органами, почему безъ положительнаго ихъ распоряженія я не считаю себя вправе измѣнить оныя; если же его сіятельство полагаетъ, что я не правъ, то пусть ему угодно будетъ отнестись къ главному директору правительственной комиссіи юстиціи. „Что мнѣ твой главный директоръ!“ отвѣчалъ съ пренебреженіемъ г. губернаторъ. „Ты исполни мой приказъ, а донеси своему директору, что былъ къ тому принужденъ; если же того не исполнишь, то увѣряю тебя, что и мѣсяца не останешься въ Калишѣ; я же твоихъ требованій удовлетворять не буду, доколѣ ты ихъ писать не будешь на русскомъ языкѣ“. На это мнѣ нечего было отвѣчать. Другія выраженія моего отношенія отъ 16-го августа дали г. губернатору поводъ къ упрекамъ, что я позволяю себѣ шутить надъ нимъ. Въ заключеніе же онъ сказалъ, что такъ какъ надъ собою шутить онъ не позволитъ, то посадитъ меня подъ арестъ; и вдругъ, обратившись къ начальнику канцеляріи, далъ ему соответственное распоряженіе. Исполненіе того наказанія я отворотилъ отъ себя, представивши г. губернатору; что таковое могло бы вредно подѣй-

<sup>1)</sup> Очевидно, что изслѣдованіе въ этомъ направленіи не было успѣшно, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что не было-бы пропущено, иваче я не получилъ бы повышенія по должности и, вполнѣдствіи, чина статскаго совѣтника. Предмѣстникъ г. губернатора, генералъ Бельгардъ, строго также смотрѣлъ за благонадежностію мѣстныхъ судебныхъ лицъ и, вслѣдствіе представленнаго имъ мнѣнія, нѣсколько изъ нихъ, между прочими председатель трибунала В., по простому подозрѣнію въ сочувствіи къ возстанію, были переведены на должности въ другія отдаленныя мѣста. Былъ бы я тѣмъ, тѣмъ меня представили г. губернатору, онъ не нашелъ бы меня въ Калишѣ.      Ф. Я.

ствовать на тогдашнее состояніе здоровья жены моей, и общавъ явиться слѣдующаго дня въ канцелярію его сіятельства для подчиненія его распоряженію. Просьбу мою, позволить мнѣ удалиться, г. губернаторъ привалъ, но простился со мною такимъ образомъ, какъ это дѣлали въ бывшее время нынѣ, мнящіе себя высокими, сановники, удаляя изъ своего присутствія одного изъ самыхъ низшихъ своихъ подчиненныхъ, котораго изобличали въ мошенничество. Я сумѣлъ овладѣть собою, помня съ одной стороны, что поступокъ г. губернатора обижаетъ не меня, съ другой, что я представитель монарха и орудій той власти, которой главною задачею предупреждать самоуправство. Потому поклонившись г. губернатору съ почтеніемъ, но и съ достоинствомъ, я оставилъ его кабинетъ.

Я не успѣлъ еще въ передней надѣть верхняго платья, когда вышелъ ко мнѣ г. губернаторъ и предложилъ мнѣ перейти сейчасъ въ его канцелярію для составленія со мною начальникомъ канцеляріи надлежащаго протокола.

Въ канцеляріи, подойдя къ столу, при которомъ уже сидѣлъ г. начальникъ канцеляріи, я просилъ его написать вступительную формулу протокола и вопросъ, которымъ имѣетъ мнѣ учиниться, заявляя, что объясненіе я напишу самъ. Послѣ двухъ, трехъ минутъ, такъ какъ мнѣ не было сдѣлано по сему предложенію, я просилъ позволить мнѣ сѣсть. Согласившись на это, начальникъ канцеляріи сталъ писать, что, повидимому, шло ему не очень успѣшно, ибо прошло еще минутъ десять, а я не дождался предложенія себѣ вопроса. Между тѣмъ, вошелъ г. губернаторъ и приблизился къ мѣсту совершающаго со мною дѣйствія. Вставъ, я просилъ и получилъ позволеніе сѣсть.

Послѣ минуты хожденія по канцеляріи, г. губернаторъ удалилъ начальника и, занявши его мѣсто, сталъ разговаривать со мною уже по французски и не въ томъ тонѣ, какъ прежде, но какъ благосклонный человѣкъ обращается къ стоящему на томъ же самомъ интеллектуальномъ уровнѣ лицу.— „Я удивляюсь, сказалъ онъ, что поляки вообще, а вы въ особенности, ищете славы, добываясь какого-то мученичества. Я уже предупредилъ васъ, что, въ случаѣ дальнѣйшаго со стороны вашей прекословія, вы не останетесь въ Калишѣ; увѣряю васъ вторично, что это не минуетъ васъ<sup>1)</sup>. На что вамъ подвергаться этой неприятности? Послушайте моего совѣта и учинитесь моему требованію“.— „Ваше сіятельство“, отвѣчалъ я въ томъ же тонѣ: „могу увѣрить, что не съ цѣлью искать отсюда какой либо празной хвалы, а лишь по глубочайшему убѣжденію, что иначе мнѣ поступить нельзя, я не удовлетворяю вашимъ желаніямъ, и что вслѣдъ за полученіемъ приказа отъ надлежащаго моего начальства буду вести переписку на рус-

<sup>1)</sup> Последствія показали, что губернаторъ былъ правъ, но не потому, что была признана моя вина, а потому что политика правительства не позволяла удержать низшее по званію должностное лицо въ мѣстѣ пребыванія высшаго, при настоящихъ между обоими отношеніяхъ.

комъ языкѣ, ибо повиноваться правительству, въ установленномъ порядкѣ, считаю первую и главнѣйшую обязанностію каждаго должностнаго лица“. Послѣ нѣкоторыхъ еще объясненій губернаторъ объявилъ мнѣ, что протоколъ со мною составленъ уже не будетъ, предложилъ еще разъ послушать его совѣта и принять въ соображеніе ожидающія меня въ противномъ случаѣ послѣдствія, и затѣмъ отпустилъ меня домой. Спустя полчаса родилась моя младшая дочь. Лишь только я убѣдился, что для жены моей опасность миновала, я немедленно написалъ рапортъ къ главному директору правительственной комиссіи юстиціи, описывая подробно случившееся происшествіе и прося исходатайствовать для меня удовлетвореніе за нанесенное мнѣ оскорбленіе и защитить меня отъ дальнѣйшихъ подобнаго рода со стороны г. губернатора вспышекъ. Къ рапорту я приложилъ коніи приведенной въ этомъ предметѣ переписки и отправилъ все эстафетомъ. На другой день, въ 9 часовъ утра, согласно данному наканунѣ обѣщанію, я явился къ г. губернатору, но этого вторичнаго свиданія подробно описывать уже не стану. Забѣчу только, что послѣ безуспѣшныхъ усилій склонить меня угрозами или убѣжденіемъ къ повиновенію ему, г. губернаторъ простился со мною опять съ вѣжливостью, знакомую мнѣ по опыту вчерашняго дня. О томъ новомъ оскорбленіи я также немедленно послалъ рапортъ главному директору комиссіи юстиціи.

Здѣсь мимоходомъ упомяну, что, отправивъ два эти рапорта, я, ожидая отъ нихъ послѣдствій, оставался неотлучно въ Калишѣ и исполнялъ свои обязанности; поэтому и объяснить себѣ не могу—какимъ чудомъ пришлось господину губернатору видѣть меня собственными глазами, черезъ нѣсколько дней, на улицѣ въ Варшавѣ, какъ онъ это рассказывалъ въ своихъ запискахъ, идущаго подъ руку съ калишскимъ уѣзднымъ начальникомъ Баковичемъ. Но, собственно говоря, я этому удивляться не долженъ, если г. губернаторъ, возвращаясь послѣ аудіенціи у графа намѣстника изъ королевскаго замка на краковскомъ предмѣстіи въ англійскую гостиницу, находившуюся въ то время и находящуюся до сихъ поръ по Вержбовой улицѣ, могъ встрѣтить меня и Баковича по дорогѣ, на Новомъ свѣтѣ, что каждому знающему расположеніе этихъ улицъ покажется неразрѣшимой загадкою.

Есть въ запискахъ „русскаго губернатора въ Польшѣ“ еще одно, чему удивляться нужно.

Понятно, что назначенное въ администраторы, безъ предшествующаго приготовления, военное лицо не знало круга дѣйствій судебныхъ мѣстъ и лицъ; понятно также, что авторъ, описывающій приключенія, происшедшія восемнадцать лѣтъ тому назадъ, могъ забыть свѣдѣнія, полученныя своевременно; но допустить нельзя, чтобы начальнику губерніи, намѣревавшемуся искать въ гражданскомъ трибуналѣ слѣдовъ злоупотребленій по уголовнымъ дѣламъ, лица, которымъ бы онъ давалъ это порученіе, не представили всей несообразности такого намѣренія, не разъяснили, что эти слѣды могли бы найтись лишь въ

дѣлахъ суда исправительной полиціи, и не съумѣли въ томъ убѣдить его; чтобы, слѣдовательно, просмотръ съ этою цѣлью былъ дѣйствительно совершивъ и гражданскомъ трибуналѣ. Въ виду того я уже не нахожу надобности представлять болѣе доказательствъ тому, что если просмотръ въ судѣ исправительной полиціи и имѣлъ мѣсто, о чемъ, повторяю, мнѣ вовсе неизвѣстно, то не могло случиться, чтобы я пришелъ къ господину губернатору и спросилъ его: „дѣйствительно-ли по его приказанію майоръ В. К....я, мѣстный уѣздный военный начальникъ, нарушилъ святость законовъ, воровавшись съ пьяными казаками въ трибуналъ, разметавъ всѣ дѣла и захвативъ какія-то бумаги, причеъ бросилъ въ лицо почтеннѣйшему и всѣми уважаемому президенту какой-то клочекъ (росписку во взятіи бумагъ); чтобы въ это время майоръ В. вошелъ и положилъ г. губернатору на столъ захваченныя имъ бумаги, которыя г. губернаторъ предложилъ мнѣ для осмотра, я же заявилъ, что могъ бы только совершить протоколъ о томъ, что эти бумаги видѣлъ у г. губернатора и столѣ; чтобы по этому поводу г. губернаторъ предложилъ мнѣ сѣсть и считать себя насильно задержаннымъ, послѣ чего показавъ мнѣ бумагу, подписанную мною о томъ, что по приговору суда г. Бокаловичъ имѣетъ проводить Нирвольскаго за границу; чтобы имѣли мѣсто другіе приведенныя авторомъ записокъ между нимъ и мною разговоры, чтобы, наконецъ, во время его пребыванія, буде въ канцеляріи, буде въ кабинетѣ г. губернатора, возмѣ тамъ какой-то капитанъ С. и принесъ показанія чиновниковъ трибунала, свидѣтельствовавшихъ, что прокуроръ Евіоранскій приказавъ доложить суду Нирвольскаго не въ очередь и немедленно.

Слѣдующія свѣдѣнія мнѣ частью сообщены высокопоставленнымъ лицомъ почерпнувшимъ оныя изъ самаго источника, частью же я получилъ таковыя изъ официальныхъ бумагъ, во время переѣзда въ Ломжу, о которыхъ упомяну ниже.

Получивъ 18-го (30-го) августа 1866 г. первый рапортъ мой, главный директоръ комиссіи юстиціи составилъ тотчасъ докладную записку и представилъ ее лично графу Бергу. Въ этомъ докладѣ главный директоръ изложилъ мнѣніе, что если донесеніе мое вѣрно, то г. калишскій губернаторъ, принимая моего официального отношенія на польскомъ языкѣ, поступилъ вопреки многократныхъ распоряженій графа наместника, коими русскимъ военнымъ и правительственнымъ мѣстамъ вѣщено въ обязанность не отказывать польскимъ судебнымъ властямъ въ принятіи присылаемыхъ ими бумагъ, писанныхъ на польскомъ языкѣ, и удовлетворенія по онымъ, и что крокъ тотъ онъ оскорбилъ меня несправедливо; но такъ какъ это донесеніе одной лишь изъ заинтересованныхъ сторонъ, то онъ, главный директоръ, имѣетъ честь предложить—не угодно ли было бы его сіятельству распорядиться о разслѣдованіи происшедшаго между тѣмъ же временнымъ губернаторомъ и дарскимъ прокуроромъ при гражданскомъ трибуналѣ въ Калишѣ столкновенія. Вслѣд-



ствіе сего г. врем. губернатору телеграмною сообщенъ былъ приказъ явиться, и онъ немедленно явился къ графу намѣстнику, который, выслушавъ его объясненіе, сдѣлалъ ему, особенно по поводу его со мною поступка, внушеніе. Что же касается меня, то канцелярія намѣстника сообщила главному директору правительственной комисіи юстиціи, что графъ намѣстникъ послѣ представленія ему доклада того же директора и объясненія калишскаго временнаго губернатора, признавши производство разслѣдованія, по отношенію къ происшедшему между тѣмъ губернаторомъ и прокуроромъ въ Калишѣ Езіоранскимъ столкновенію, несовмѣстнымъ со значеніемъ губернатора, какъ начальника губерніи и пользующагося полнымъ довѣріемъ правительства, приказалъ перевести Езіоранскаго на равное тому мѣсто, какое онъ занимаетъ въ Калишѣ. Вслѣдствіе того, въ концѣ октября мѣсяца 1866 г., я переведенъ былъ, въ должности прокурора при гражданскомъ трибуналѣ, изъ Калиша въ Ломжу и оставался тамъ слишкомъ два года, далеко отъ семьи моей, ожидая надлежащее мнѣ повышеніе по должности, которое лишь по недостаткѣ ваканціи не могло послѣдовать раньше. Вотъ истинный ходъ всего происшествія.

Феликсъ Езіоранскій,  
статскій совѣтникъ, б. апелляціонный судья, пексіо неръ

Варшава.

1 (13) мая 1885 г.

## НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КАЛАЧОВЪ

† 25-го октября 1885 г.

Смерть неожиданно сразила одного изъ трудолюбивѣйшихъ русскихъ ученыхъ, — 25-го октября 1885 г. не стало Н. В. Калачова. «Довольно произнести это имя», — пишетъ въ газетѣ «Новости» ректоръ с.-петербургскаго университета, профессоръ Н. Е. Андреевскій, — «чтобы понятна была незамѣнимая для науки утрата, соединяемая съ свѣжею могилею Н. В. Калачова».

«Профессоръ, историкъ, археологъ, сенаторъ, академикъ—Николай Васильевичъ Калачовъ на всѣхъ этихъ многообразныхъ и трудныхъ поприщахъ явилъ доблести, дающіяся столь немногимъ, только избраннымъ».

«Съ 1846 года, изданіемъ своей магистерской диссертацин, капитальнаго труда по исторіи русскаго права («Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія «Русской Правды»), онъ началъ свои работы въ области права, исторіи и археологін, которыхъ не покидалъ до самой смерти; имъ составлены и изданы многіе томы, цѣлая бібліотека, и все — дѣльное, цѣнное, много двинушекю нашу науку».

«Въ разработкѣ архивовъ (государственнаго совѣта, сената, министерства юстиціи, котораго онъ былъ директоромъ), въ собираніи документовъ и ихъ изданіи Калачовъ не зналъ ни усталости, ни отдыха. Какъ бы обрекли себя на эту вѣчную службу Россіи, онъ вербовалъ на святое для него архивное дѣло всѣхъ, съ кѣмъ сталкивала его сорокалѣтняя научная дѣятельность, и

отъ его неутомимой энергiи не могли устоять весьма многие: хорошія силы наберобваны имъ для великаго научнаго служенiя историческому дѣлу Россiи.

«Въ сентябрѣ 1885 г. торопился онъ изъ Москвы въ Саратовъ, чтобы открыть тамъ архивную ученую комиссію, и открылъ бы, такъ какъ и работниковъ, и энергiи было достаточно, но съ злымъ недугомъ не удалось побороться. Не доѣхавъ до Саратова, Калачовъ принужденъ былъ внезапною болѣзною остановиться въ своемъ имѣнiи, Сердобскаго уѣзда (при селѣ Волконщино), и здѣсь, 25-го октября, на 66 году, навсегда замолкла его трудовая, энергическая жизнь».

Въ одной изъ слѣдующихъ книгъ «Русской Старины» мы надѣемся возвратиться еще къ этой замѣчательной личности, тяжкую утрату которой русская историческая наука еще долго, долго будетъ чувствовать; профессоръ И. Е. Андреевскій предполагаетъ помѣстить на стр. «Русской Старины» свой очеркъ: «Н. В. Калачовъ — юристъ-историкъ и учредитель Археологическаго Института».

Ред.

## ЕВГЕНІЙ ПЕТРОВИЧЪ КАРНОВИЧЪ

† 25 октября 1885 г.

Въ тотъ же день, какъ умеръ Н. В. Калачевъ, не стало Евгенія Петровича Карновича.

Въ сборникѣ автографовъ русскихъ дѣятелей, — альбомѣ, принадлежащемъ редакціи «Русской Старины» — покойный, съ обычно ему шутивостью внесъ слѣдующія строки:

— «Карновичъ, Евгенийъ, Петровъ сынъ, — родился близь Ярославля, въ селѣ Лупандинѣ, 28-го октября 1824 года, въ среду, въ 11½ часовъ вечера. Замѣчательныхъ произведеній за собою не имѣеть. Скончался въ . Погребенъ въ

(Альбомъ автографовъ, принад. „Рус. Стар.“, т. I, стр. 125).

Не думали мы, что намъ доведется вписать въ эту записку (кстати замѣтимъ — исправляющую ошибки газетныхъ некрологовъ Карновича относительно мѣста и времени его рожденія), вписать роковыя слова, что уважаемый нашъ сотрудникъ уже умеръ. Онъ скончался 25 октября въ Спб. и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ. Съ обычно ему скромностью Евгенийъ Петровичъ отрицалъ, что «замѣчательныхъ произведеній за собою не имѣеть», но вся его литературная дѣятельность была, по истинѣ, замѣчательна: въ теченіи болѣе тридцати лѣтъ онъ прослужилъ на трудномъ поприщѣ русскаго писателя безъ пятна, безъ упрека. Трудился онъ въ самыхъ разнообразныхъ родахъ литературы: онъ былъ и романистомъ, и критикомъ, издателемъ и комментаторомъ историческихъ и юри-

дическихъ матеріаловъ, и публицистомъ, и редакторомъ журнала, и изслѣдователемъ въ области статистическихъ изысканій, и, наконецъ,—и это самое замѣчательное,—составителемъ длиннаго ряда историческихъ монографій и очерковъ.

Этотъ послѣдній родъ трудовъ былъ излюбленнымъ Е. П. Карновича, и намъ кажется, только нужда въ матеріальныхъ средствахъ вынуждала его измѣнять этому роду трудовъ и браться за составленіе историческихъ хроникъ-романовъ.

Приводимъ нѣсколько данныхъ для біографіи покойнаго, явившихся въ его некрологахъ («Новое Время»):

Евгеній Петровичъ Карновичъ происходилъ изъ старинной русской дворянской фамиліи; его отецъ былъ богатый ярославскій помѣщикъ. Получивъ превосходное домашнее воспитаніе, Карновичъ доковчилъ свое образованіе въ петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, откуда былъ выпущенъ въ 1844 году. Такъ какъ въ это время дѣла его отца совершенно разстроились, то онъ былъ вынужденъ принять предложенное ему мѣсто учителя греческаго языка въ калужской гимназіи. Но педагогическая дѣятельность пришлась не по характеру Карновича, и онъ вскорѣ промѣнялъ ее на служебную, поступивъ чиновникомъ въ канцелярію виленскаго генераль-губернатора. Здѣсь его выдающіяся способности обратили на себя вниманіе генераль-губернатора Бибикова, который сдѣлалъ его правителемъ канцеляріи. Занимая эту должность нѣсколько лѣтъ, Карновичъ пользовался общимъ уваженіемъ и любовью за свою неподкупную честность, доступность и готовность оказать услугу и помощь каждому въ немъ нуждавшемуся. Въ 1859 году онъ женился, вышелъ по семейнымъ обстоятельствамъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ, гдѣ всецѣло посвятилъ себя литературѣ. И до конца его жизни литературный трудъ составлялъ для него единственное средство къ существованію. Съ 1860 года въ разныхъ журналахъ и газетахъ начали появляться его статьи публицистическія, юридическія, историческія, критическія и беллетристическія. Статей этихъ, въ теченіи 25 лѣтъ, написано имъ множество. Энциклопедически образованный, свободно владѣя языками: латинскимъ, греческимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, италіянскимъ и польскимъ, и притомъ обладая способностью работать необыкновенно быстро, онъ легко справлялся со всякой работой. Съ 1865 года Карновичъ былъ постояннымъ сотрудникомъ «Голоса», гдѣ писалъ преимущественно статьи по внутреннимъ воп-

росамъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ онъ редактировалъ въ то время «Биржевыя Вѣдомости», а въ 1881 и 1882 г. — журналъ «Отголоски». Въ послѣднее время Карновичъ отдался почти исключительно исторической литературѣ и печаталъ свои историческія статьи, романы и повѣсти въ «Историческомъ Вѣстникѣ», «Недѣлѣ», «Русской Мысли» и «Нови». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занималъ должность директора тюремнаго комитета, за службу въ которомъ былъ произведенъ въ 1883 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

«Всѣ литературные труды Карновича, при популярности изложенія, отличаются крайнею добросовѣстностью и тщательнымъ изученіемъ источниковъ. Неумолимый работникъ, онъ проводилъ цѣлыя дни за конторкой и умеръ, можно сказать, съ перомъ въ рукѣ потому что еще за часъ до поразившаго его мозгового удара писалъ срочную статью. Отдыхъ его заключался въ чтеніи; онъ внимательно слѣдилъ за русской и иностранной литературой и изъ каждой прочитанной имъ книги дѣлалъ обширныя выписки, которыя замѣняли ему библиотеку и служили для справокъ. Карновичъ много сдѣлалъ для популяризаціи русской науки, и плодотворно и честно потрудился на пользу общества. Какъ въ своихъ произведеніяхъ, такъ и въ частной жизни онъ былъ всегда искрененъ и прямодушенъ. Безукоризненное благородство, рѣдкая доброта, теплыя отношенія ко всему, что трогало его прекрасное сердце, были отличительными свойствами этого почтеннаго литературнаго дѣятеля и образцоваго челоуѣка. Въ лицѣ Карновича и русская литература и русское общество понесли чувствительную и достойную глубокаго сожалѣнія потерю».

Редакція «Русской Старины», всецѣло раздѣляя вышеприведенный отзывъ объ опочившемъ братѣ по литературной дѣятельности, каковой отзывъ не можетъ не повторить каждый, кто только нѣсколько удовольствіе быть знакомымъ съ Е. П. Карновичемъ, долгомъ считаетъ съ чувствомъ признательности къ его памяти сказать, что въ Евгени Петровичѣ мы всегда находили самаго добροжелательнаго и усерднаго сотрудника, друга и помощника для нашего изданія, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда къ нему обращались. А первое время, при началѣ нашего изданія, мы обращались къ нему довольно часто. Такимъ образомъ, Е. П. Карновичу принадлежитъ первый обзоръ историческихъ монографій, очерковъ и матеріаловъ, явившихся въ «Русской Старинѣ», — то было обзорѣніе, имъ составленное.

перваго грехлѣтія «Русской Старины» (1870—1872 гг.), см. въ нашемъ журналѣ, изд. 1873 г., томъ VII, стр. 1—23.

Перу Карновича принадлежатъ, между прочимъ, слѣдующія историческія монографіи и сообщенія, помѣщенныя въ «Русской Старинѣ»:

„Герцогиня Вингстонъ и дѣло объ имѣніи ея въ Россіи“, 1777—1798 гг. «Р. С.» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 79—108.

„Марія Терезія Угрюмова, авантюристка при дворѣ Станислава Понятовскаго, послѣдняго короля Польскаго, 1782—1786 гг.“. «Р. С.» 1874 г., томъ XI, стр. 558—571.

„Русскій помѣщикъ въ концѣ XVIII-го вѣка“. «Р. С.» 1876 г., томъ XVI, стр. 566.

„Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, 1779—1831 гг. Историко-біографическій очеркъ“. Обширный трудъ, составленный Карновичемъ почти исключительно по неизданнымъ матеріаламъ, собраннымъ ред. „Русской Старины“. См. «Р. С.» изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 217—254, 361—388, 539—557; томъ XX, стр. 77—100, 367—392; изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 1—28, 237—264, 367—384.

„О новомъ изданіи полнаго собранія законовъ россійской имперіи“. «Р. С.» 1874 г., томъ X, стр. 206—410.

„Архимандритъ Фотій, настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря. Біографическій очеркъ по его бумагамъ (принадлежащимъ ред. „Русской Старины“), 1792—1838 гг.“. «Р. С.» 1875 г., томъ XIII, стр. 301—332, 459—489.

Подъ ближайшимъ и весьма обязательнымъ наблюденіемъ Е. П. Карновича были составлены къ первымъ годамъ изданія „Русской Старины“ алфавитные въ ней указатели.

Многія историческія монографіи Е. П. Карновича въ послѣдніе годы изданы А. С. Суворинимъ въ отдѣльныхъ книгахъ, и всѣ онѣ положительно составляютъ весьма полезный и всегда интересный вкладъ въ литературу отечественной исторіи, объемля событія и дѣятели послѣднихъ трехъ столѣтій.

Вотъ нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ изданій соч. Е. П. Карновича:  
Историческіе очерки и рассказы. Спб., въ 8 д. I т.

Придворное кружево. Истор. повѣсть. Спб., 1884 г., въ 6. 8 д.

Самозванна дѣти, истор. повѣсть. Спб., 1880 г., (Изъ временъ Екатерины II).—Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX стол. (Истор. очерки). Спб., 1884 г.—Любовь и корона (истор. романъ). Спб., 1883 г.—Замѣчательныя богатства въ Россіи. I томъ.—Русская исторія XVIII в. (рукопись) и проч.

Ред.

## Князь Эсперъ Александровичъ Бѣлосельскій-Бѣлозерскій

род. 27 дек. 1802 г. † 1846 г.

Въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины», изд. 1885 г. въ статьѣ г. Штукенберга: «Изъ исторіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи» помѣщенъ грубо-ошибочный отзывъ о моемъ отцѣ, князѣ Бѣлосельскомъ-Бѣлозерскомъ, и, между прочимъ, заявлено—будто бы онъ состоялъ начальникомъ полицейскаго управления (см. «Русскую Старину» изд. 1885 г., томъ XLVIII, стр. 331).

Такъ какъ отецъ мой никогда не служилъ въ полицейскомъ вѣдомствѣ, то я, для возстановленія истины, считаю необходимымъ печатать слѣдующую замѣтку въ опроверженіе отзыва г. Штукенберга.

Князь Эсперъ Александровичъ Бѣлосельскій-Бѣлозерскій (род. 1802 г.) сынъ весьма извѣстнаго въ свое время мецената и ревнителя художествъ и наукъ князя Александра Михайловича и супруги его княгини Анны Григорьевны, рожденной Козяцкой,—родился въ Спб., въ извѣстномъ дворцѣ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ у Аничкова моста. Потерявъ мужа, княжна Анна Григорьевна отвезла сына въ Москву, гдѣ и помѣстила его для образованія въ славную въ то время школу (въ послѣдствіе школа) колоновожатыхъ Н. Муравьева. Здѣсь кн. Эсперъ получилъ образованіе, соотвѣтствующее самымъ либеральнымъ началамъ, которыми впоследствии и руководился всю свою жизнь. Не смотря на то, что онъ былъ единственнымъ наследникомъ огромнаго состоянія, онъ поступилъ въ военную службу, въ лейб-гвардіи гусарскій полкъ и 16 лѣтъ былъ уже офицеромъ; въ 1828—1829 гг. онъ участвовалъ въ турецкой войнѣ, а въ послѣдствіи въ Кавказской войнѣ.

Состоя въ званіи флигель-адъютанта, князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій находился подъ начальствомъ славнаго генералъ-адъютанта Граббе



въ сраженіи при Валеріяѣ, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія. Князь Эсперъ Александровичъ былъ женатъ на падчерицѣ графа Бенвендорфа, дѣвицѣ Е. П. Бибиковой. Находясь, такимъ образомъ, въ родственныхъ отношеніяхъ съ графомъ, онъ, однако, никогда не сочувствовалъ ему въ учрежденіи жандармскаго корпуса.

Еще при жизни матери своей, князь Эсперъ Александровичъ принялъ въ управленіе ея имѣнія и занялся ихъ устройствомъ. Ему обязанъ знаменитый Катавскій заводъ своимъ настоящимъ устройствомъ, воздвигнутымъ послѣ пожара; а заводскіе рабочіе благословляютъ имя его и до сихъ поръ за возведеніе для нихъ жилыхъ домовъ изъ кирпича и вообще за ихъ настоящее благоустройство. Онъ былъ хорошій и гуманный помѣщикъ, добрый отецъ и семьянинъ. Щедрость его извѣстна была, въ свое время, въ Петербургѣ. Будучи въ душѣ поэтомъ и любя живопись, онъ поддерживалъ и поощрялъ молодыхъ людей на этомъ поприщѣ.

Въ чинѣ генераль-маіора свиты его императорскаго величества, онъ былъ назначенъ состоять при министерствѣ путей сообщенія и командированъ для ревизіи лазаретовъ Николаевской желѣзной дороги. Исполняя съ самоотверженіемъ возложенное на него порученіе, онъ лично посѣщалъ баракы больныхъ рабочихъ, зараженныхъ тифомъ, утѣшалъ словомъ и дѣломъ заболѣвшихъ, принималъ зависящія мѣры къ прекращенію эпидеміи, улучшалъ помѣщенія на свои средства, которыя не щадилъ для нуждъ народа, за что и пользовался ихъ благословеніемъ, и, наконецъ, самъ палъ отъ этой болѣзни, исполняя свято свой долгъ. Никогда онъ чудакомъ, какъ пишетъ г. Штукенбергъ, не былъ и никакихъ тѣхъ средствъ, о которыхъ говоритъ авторъ, въ родѣ кровопусканія, народу не предлагалъ.

Князь Эсперъ Александровичъ умеръ въ 1846 г., едва доѣхавши до Москвы, въ своемъ домѣ на Тверской. Докторъ Оверъ, знаменитость того времени, лечилъ его; только одинъ пріятель его, полковникъ Ильинъ, былъ въ то время при немъ, и на рукахъ его онъ скончался.

Мать моя и я, получивъ извѣстіе о его болѣзни, тотчасъ же отправились въ Москву, и здѣсь, подъѣзжая къ дому, мы увидали толпу народа, изъ чего догадались о его кончинѣ. Онъ похороненъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи «Лялово», въ храмѣ, имъ самимъ выстроенномъ, и на мѣстѣ, имъ самимъ еще при жизни для того избранномъ. Прекрасная гробница изъ чернаго мрамора воздвигнута надъ его прахомъ. Общая скорбь его родныхъ и благодѣтельственныхъ имъ крестьянъ, любовь друзей и всѣхъ, знавшихъ его, сопровождали въ жилище смерти. Онъ оставилъ послѣ себя много поэтическихъ стихотвореній и прекрасную картинную галерею.

Дорогая память пострадавшаго отца, не смотря на то, что около 40 лѣтъ прошло со времени его кончины, волнуетъ мое сердце и естественно, что отзывъ въ статьѣ г. Штукенберга, едва-ли знакомаго съ моимъ отцемъ, не могъ не вызвать чувства моего негодованія за ошибочное описаніе автора, оскорбляющаго прахъ того, который палъ жертвою своего долга.

Еще два слова: судя по описанію наружности моего отца, какое приводитъ г. Штукенбергъ, онъ не имѣлъ о ней ни малѣйшаго понятія: на имѣющемся у меня портретѣ князя Эспера Александровича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго онъ представленъ красавцемъ.

Княгиня Елизавета Трубецкая,  
рожденная княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская.

12-го ноября 1885 г.

### Исторія фамиліи кн. Трубецкихъ.

Древняя и весьма развѣтлившаяся фамилія князей Трубецкихъ—до сихъ поръ не имѣла возможно полной и обстоятельной исторіи этого дома. Между тѣмъ въ виду того, что нѣкоторые изъ князей Трубецкихъ, занимали видные посты въ ряду государственныхъ дѣятелей Россіи, и стяжали славу то на ратномъ полѣ, то на поприщѣ гражданской дѣятельности, то въ качествѣ лицъ близкихъ къ государямъ, исторія этой фамиліи представляетъ довольно значительный интересъ. Исходя изъ этой мысли княгиня Е. Э. Трубецкая—въ послѣдніе годы приступила къ составленію этого труда и онъ уже частью печатается (на французскомъ языкѣ) въ Парижѣ, украшенный портретами, картами и родосл. таблицами.

Приглашаемъ тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые имѣютъ какіе-либо документы къ исторіи фамиліи князей Трубецкихъ сообщать таковыя автору исторіи этого дома въ С.-Петербургъ, княгинѣ Е. Э. Трубецкой, Фонтанки, д. 32. Ред.

# БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

## Замѣтки о новыхъ книгахъ.

Исторія первобытной христіанской проповѣди до IV-го вѣка. Соч. І. И. Барсова. Сиб., 1886 г., 6. 8 д., стр. III + 371 + 30. Ц. 2 р. 50 к.

Этотъ трудъ профессора сиб. духовной академіи составляетъ часть его чтеній по исторіи христіанской проповѣди въ академіи, книга предназначена служить руководствомъ по исторіи христіанской проповѣди для изучающихъ этотъ предметъ; ромѣ того авторъ имѣлъ и другую цѣль—именно сдѣлать свое изслѣдованіе кнѣгой для чтенія въ обществѣ, которому, по праведному замѣчанію г. Барсова, въ настоящее время присущъ интересъ къ первобытному христіанству вообще и въ частности къ первобытной проповѣди. Это срывъ на русскомъ языкѣ опытъ методическаго изложенія исторіи проповѣди. Изслѣдъ за общимъ и довольно обширнымъ введеніемъ въ курсъ исторіи христіанской проповѣди, составитель книги рассматриваетъ слѣдующіе предметы: Проповѣдь и ученіе о проповѣди Иисуса Христа (первоиспованіи христіанскаго учительства).—Иессіонерская проповѣдь св. апостоловъ ихъ ученіе о ней.—Внутреннее церковное учительство при апостолахъ и въ вѣкъ постольскій.—Проповѣдь въ церкви Восточной въ вѣкъ мужей апостольскихъ до Григена (70—250 гг.).—Проповѣдь на Западѣ въ вѣкъ мужей апостольскихъ до Кипріана (70—250 гг.).—Фактическая исторія проповѣди II вѣка.—Исторія проповѣди въ III вѣкѣ на Востоку.—Состояніе проповѣди на Западѣ съ половины III вѣка отъ Кипріана до Илорія, 250—350 гг.).—Фактическая исторія проповѣди III вѣка.

Весь этотъ трудъ является весьма инте-

реснымъ для общества и существенно необходимымъ для лицъ изучающихъ сей предметъ, въ виду предстоящаго имъ пастверскаго служенія въ средѣ духовенства.

Вазлика императора Константина въ св. градѣ Іерусалимѣ. По поводу русскихъ раскоповъ близъ храма Гроба Господня изслѣд. В. П. Мансурова, съ 14-ю чертежами. Москва, изд. 1885 г., въ 6. 8 д., стр. VII + 200. Цѣна 4 руб. 50 к. съ пересылкою. Продается въ пользу Св. Гроба Господня.

Осенью 1884 г. почтенный составитель этой книги въ шестой разъ посетилъ святую землю и провелъ въ Іерусалимѣ 6½ мѣсяцевъ. Но В. П. Мансуровъ гораздо ранѣе весьма близко изучилъ этотъ городъ и все его священные достопримечательности: почти тридцать лѣтъ тому назадъ, въ 1857 году, онъ былъ главнымъ исполнителемъ высочайшихъ предначертаній покойнаго государя Александра II и непосредственнымъ указаній е. и. в. великаго князя Константина Николаевича относительно учрежденія и устройства русскихъ заведеній для приходящихъ на поклоненіе святынямъ Христовымъ русскихъ богомольцевъ. Великій князь былъ весьма энергическій въ то время двигатель этого дѣла и его императорскому высочеству русское дѣло въ Іерусалимѣ чрезвычайно много обязано. Доброе и святое дѣло, начатое незабвеннымъ монархомъ и его августѣйшимъ братомъ, разрослось весьма значительно; въ 1860 году русскихъ богомольцевъ было въ Іерусалимѣ 600—700 человекъ, въ 1883 г. оно дошло до 1,883 ч. Русскія заведенія (пріюты и проч.) стали тѣсны, образовался цѣлый новый городъ,

въ которомъ только и слышится русскій говоръ.... Съ 1857 г. В. П. Мансуровъ былъ поставленъ въ самыя близкія отношенія съ дѣломъ Іерусалимскимъ. Весьма понятно поэтому, какъ долженъ быть интересенъ трудъ, вышедшій такимъ знаковымъ этикъ дѣлъ. И действительно, онъ очень интересенъ. Авторъ раздѣлялъ его на двѣ части: въ первой онъ подробно и чрезвычайно обстоятельно излагаетъ дѣятельность тѣхъ русскихъ людей, которые служили Іерусалимскому дѣлу, причѣмъ шагъ за шагомъ разоблачаетъ ошибки, аврившіяся въ «Сборникъ», изданный основаннымъ въ 1882 году Палестинскимъ русскимъ обществомъ, при изложеніи исторіи русскихъ заведеній и производства археологическихъ изысканій на русскомъ участкѣ земли близъ Гроба Господня.

Вторая часть книги посвящена археологическому изслѣдованію по поводу развалинъ, сооруженій императора Константина Великаго вокругъ святаго Гроба Господня и критическому разбору проекта археолога г. Шниа, относительно реставраціи этихъ сооруженій,—проекта, усвоеннаго вышеупомянутымъ Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ.

Не смотря на специальный характеръ настоящаго труда В. П. Мансурова, онъ, повторяемъ, читается съ большимъ интересомъ и, вѣтъ на малѣйшаго сомнѣнія, обратитъ на себя вниманіе весьма многихъ лицъ, и между прочими лицъ ученыхъ, которые интересуются Палестиною.

Книга издана превосходно, чертежи исполнены весьма тщательно и служатъ важнымъ пособіемъ при чтеніи текста.

Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива академіи наукъ. Графа Д. А. Толстаго. Спб. 1885 г.

Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива академіи наукъ. Графа Д. А. Толстаго. Спб. 1885 г.

Мы съ живѣйшимъ любопытствомъ прочитаемъ эти историческія монографіи г. президента академіи наукъ. Въ довольно ста-

томъ объемѣ онѣ представляютъ множество интересныхъ и до сихъ поръ либо вовсе неизвѣстныхъ, либо мало извѣстныхъ фактовъ. Благодаря этимъ трудамъ, исторія академической гимназій (открыта въ 1726 г.), этого въ высшей степени своеобразнаго, особенно въ первой половинѣ XVIII вѣка, учебнаго заведенія, выдвинута весьма рельежно; ея ректора (между прочимъ, гр. Толстой приводитъ нѣсколько новыхъ чертъ для характеристика М. В. Ломоносова), ея учителя, ея ученики, ирѣдко собираемые подъ ея сѣнь изъ дѣтей солдатъ, мастеровыхъ и крѣпостныхъ слугъ разныхъ петербургскихъ баръ, отношенія гимназій къ академіи, къ обществу, характеристика и значеніе наиболее замѣтныхъ питомцевъ гимназій, внутренній въ ней распорядокъ при каждомъ новомъ ректорѣ,—все это очерчено вполнѣ ярко и по матеріаламъ, до сихъ поръ неизданнымъ. А такъ какъ съ этимъ выстъзъ стоящая монографія гр. Д. А. Толстаго даетъ богатый матеріалъ для исторіи общественнаго образованія въ С.-Петербурѣ въ XVIII вѣкѣ, то отсюда понятенъ тотъ общій интересъ, который заключается въ этихъ изслѣдованіяхъ.

Многія наши высшія и среднія учебныя заведенія имѣютъ свои исторіи онѣ изданы въ разное время и по поводу разныхъ юбилеевъ существованія этихъ заведеній, но громаднѣе большинство этихъ исторій, ирѣдко при значительномъ объемѣ, весьма бѣдно и блѣдно по содержанію. Разсмотрѣванныя монографіи гр. Д. А. Толстаго могутъ служить на будущее время образцомъ для исторій учебныхъ заведеній: при небольшомъ, сравнительно, объемѣ, авторъ даетъ богатый матеріалъ и проводитъ весьма длинный періодъ исторію учебного заведенія, давая ему окраску совершенно той эпохи, въ которой оно существовало.

Связь какія тяжелыя условія для существованія проходила академическая гимназія видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго: еще въ 1749 году, т. е. 23 года послѣ открытія гимназій, академическая кнѣ-

лрія, въ виду недостатка учениковъ, просила о наборѣ таковыхъ изъ гарнизонной школы; въ 1750 году безуспѣшно возобновлено было ходатайство объ освобожденіи бѣдныхъ учениковъ гимназій отъ платы мостовыхъ денегъ за проходъ чрезъ Невскій мостъ. Внутренніе распорядки въ ней платили дань своему времени; въ 1752 году конректоръ гимназій, Штенгеръ, увачилъ учениковъ, при наказаніи ихъ палкою, такъ что несчастные по нѣскольку недѣль были больны, а одному — съ глазомъ оного подшибъ опасно; помѣщеніе гимназій, еще въ 1764 году, было ужасно: въ окнахъ не было стеколъ, двери весьма ветхи, котормя ни запереть, ни затворить не можно — такъ доносилъ ректоръ Крашениниковъ; въ средѣ учениковъ гимназій, на ряду съ малолѣтними, обучались юности 20—25 лѣтъ! 23-го октября 1767 г. гимназисты подожгли домъ гимназій. Ученики вообще отличались крайнею грубостью нравовъ, а наказанія ихъ соответствовали грубости поступковъ: еще въ 1769 году каждый надзиратель гимназій имѣлъ право наказывать ея питомцевъ розгами. Съ 1770-хъ годовъ, со времени Бакмейстера, вторично назначеннаго инспекторомъ гимназій, начинаются въ ней реформы довольно существенныя... Авторъ, заканчивая очеркъ исторіи гимназій, дѣлаетъ обобщенія изложеннымъ имъ фактамъ, причемъ вполне справедливо замѣчаетъ, что, «не смотря на всю неустраиваемость гимназій, она принесла все-таки пользу русскому юношеству, приготовивъ нѣсколькихъ ученыхъ и даровитыхъ административныхъ дѣятелей, и доставивъ нѣкоторое образованіе многимъ сотнямъ обучающихся въ ней учениковъ. Въ исторіи просвѣщенія Россіи академическая гимназія имѣетъ несомнѣнное значеніе, какъ первая учрежденная въ имперіи гимназія. Не менѣе интересна и другая вышеназванная монографія гр. Толстаго. При учрежденіи академіи наукъ, вызванные изъ за границы ученые обываны были читать лекціи въ учреждавшемся тогда же при академіи университетѣ. Такимъ образомъ, онъ возникъ въ 1725 году. Вы-

званы были замѣчательные ученые и профессоры, выписаны были адъюнкты, довелось на первое время выписать и слушателей для возникшаго университета изъ за границы, ибо въ Россіи не нашлось учебныхъ заведеній для подготовки таковыхъ и не могло найтись слушателей университетскаго преподаванія, притомъ еще на чуждомъ языкѣ. Въ 1725—1731 гг. не было въ академическомъ университетѣ российской націи студентовъ... Вообще исторія этого учрежденія, пересаженнаго на русскую, ни мало не подготовленную, въ первой четверти XVIII вѣка, для университета почву весьма интересна; только въ 1738 году найдено было, что нѣкоторые ученики гимназій въ состояніи слушать профессорскія лекціи, почему и открыто было чтеніе лекцій, которыя читались публично, т. е. и для постороннихъ слушателей; но дѣло настолько шло плохо, вслѣдствіе нераднія профессоровъ изъ иностранцевъ-академиковъ, что уже въ 1743 году акад. совѣтникъ Нартовъ представлялъ сенату, что профессоры публичныхъ лекцій въ академіи не читаютъ, учениковъ российской націи при себѣ не ищутъ и не учатъ. Нартовъ просилъ сенатъ приказать выслать изъ кадетъ учениковъ къ академикамъ. Сенатъ, однако, не далъ кадетовъ университету. Студенты академическаго университета съ своей стороны также жаловались, что профессоры-академики уклоняются отъ занятій съ ними... Въ 1747 году изданъ регламентъ академіи наукъ и художествъ. Произведены нѣкоторыя преобразованія въ академическомъ университетѣ, но ни новыя правила, ни повужденія, ни угрозы не заставили профессоровъ исполнять ихъ обязанности, такъ что, напр., въ сентябрѣ 1753 года никакихъ лекцій, кромѣ лекцій одного профессора Броуна, въ университетѣ не читалось.

Объемъ нашей замѣтки не позволяетъ останавливаться на подробностяхъ весьма интереснаго труда гр. Д. А. Толстаго, скажемъ только, что и въ этой монографіи, какъ и въ предыдущей, разсѣяно много

весьма характерныхъ подробностей, въ особенности относительно внутреннихъ распоряженій этого перваго въ Россіи университета; авторъ приводитъ характеристики профессоровъ и ихъ преподаванія, а также характеристики быта студентовъ, см., напр., на стр. 37 эпизодъ со студентами, Ив. Барковымъ, известнымъ впоследствии эрцгерцогскимъ писателемъ; Боркова за «продерзости» наказали не карцеромъ и надѣвaniemъ сразу каютана, какъ то было принято тогда штрафовать, но розгами предъ собраніемъ студентовъ. Наказаніе Боркова не было исключеніемъ: и другіе студентовъ наказывали въ университете, предъ собраніемъ студентовъ, «розгами вешадно», также сажали за провинности въ карцеры, отбирали у нихъ мундиры и сапоги. Впрочемъ, президентъ академіи, гр. К. Г. Разумовскій, имѣлъ о молодежи лучшее понятіе; авторъ приводитъ интересное письмо Разумовскаго, въ которомъ онъ поручаетъ, въ 1751 г., Шумахеру: «о студентахъ и ихъ наукахъ, какъ возможно, прилагать тщаніе, понеже сіе учрежденіе есть наилучшій плодъ трудовъ академическихъ... Что-же до ихъ шалостей, въ томъ, разсудивъ ихъ молодымъ лѣтъ, не вовсе надлежитъ отчаяваться, а стараться, сколько возможно, о ихъ исправленіи...» (стр. 39—40).

Число студентовъ, однако, было самое ничтожное: такъ въ 1750-хъ годахъ оно не превышало, въ теченіи года, 20-ти, и упало до 16-ти. Нельзя не согласиться съ Ломоносовымъ, замѣчаетъ авторъ, что «при академіи наукъ не токи настоящаго университета не бывало, но еще ни образа, ни подобія университетскаго не было видно». 24-го марта 1758 г. заведеніе университета и гимназію было поручено Ломоносову. Время этого заведенія (1758—1765 гг.) весьма интересно изложено гр. Д. А. Толстымъ. Изъ этого изложенія видно, что и Ломоносову не удалось под-

нять университетъ и поставить его на условія, которыя были необходимы для существованія. Число студентовъ было того ничтожно, что даже 20 лѣтъ спустя послѣ смерти Ломоносова число студентовъ упало до трехъ и въ концѣ девятства въ Академіи книгари Дашу университетъ угасъ...

Вл. Михневичъ. Любимица. Исторія одного историческаго семейства. СПб. 1885 г., въ м. 8. Д., стр. 1 Цѣна 1 р.

Бойко, талантливо написаннымъ очеркомъ о семействѣ Скавронскихъ, сестры братьяхъ, племянникахъ, племянницахъ и внукахъ Екатерины Алексеевны супруги Петра I. Въ этомъ историческомъ очеркѣ собраны всѣ извѣстія объ одной изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ жизни русскаго двора первой половины прошлаго вѣка: о томъ, какъ рожденныя при дворѣ и упрочившія при ближайшихъ родственникахъ маріебургскихъ павлиницъ, причѣмъ расказаны объ каждомъ изъ членовъ сіа семейства и вертало колѣна и приведены ихъ портреты. Вообще «Хроника», составленная В. О. Михневичемъ, читается какъ одна изъ самыхъ интересныхъ романовъ между тѣмъ, въ ней только историческіе факты, а также и историческіе акты, но критически проверенны на основаніи свидѣтельствъ русскаго современнаго иностранца, бывшихъ въ описанный эпохи при петербургскомъ дворѣ и въ свѣдѣніяхъ Россію. Посвятуемъ этотъ даровитому автору въ новомъ изданіи его монографіи, а также въ послѣдующихъ ихъ монографіяхъ дѣлать ссылки на источники: историческіе сборники и материалы, изъ которыхъ почерпнуты эти или другія данныя; таковыя ссылки въ зываютъ у читателя болѣе полное и интересное передаваемымъ фактамъ.

## ВОЙ СЪ АФГАНСКИМЪ МУРЗОЮ НА КУШКЪ.

Донесенію царскаго воеводы.

[По титулѣ].

Въ нынѣшнемъ, государь, 392 году, стоялъ я съ твоими, великаго государя, ратными и конными и пѣшими людьми на Кушкѣ рѣкѣ. И мѣсяца марта въ 20 день вѣдомо мнѣ учинилось, что аглинскіе люди ссылаются съ афганскимъ мурзою и говорятъ воровскія развратныя рѣчи, наговаривая, чтобы тотъ мурза съ своими татарами содначасъ къ злему воровству ихъ присталъ и противъ твоихъ, великаго государя, ратныхъ людей учинилъ бой. И мурза, предався въ неискусень умъ, тѣхъ воровскихъ рѣчей слушалъ. И я, жалѣючи того мурзу, сдѣлалъ съ нимъ ссылку, а писалъ:—Не пригоже-де тебѣ мурзѣ слушать богоотступниковъ и противъ государевыхъ ратныхъ людей чинить злой умыселъ. Мы-де не для смуты пришли, а стоимъ на своей землѣ для береженья, чтобы кровь невинная не проливалась. А будетъ ты, мурза, противъ государевыхъ ратныхъ людей будешь чинить дурно и тебѣ быть отъ насъ въ жестокомъ наказаніи, а отъ владѣтеля твоего въ отвѣтѣ.

И мурза говорилъ: велѣно-де мнѣ отъ моего владѣтеля ссылатъ ся съ аглинскими людьми и рѣчей ихъ слушать.

И королевнѣ аглинскій капитанъ прислалъ мнѣ письмо съ воровской мыслью. И я, выразумѣвъ то письмо, послалъ полуполковника Алиханова съ товарищи говорить съ тѣмъ капитаномъ и со всѣми аглинскими людьми.

И шедчись, говорили.

Аглинскіе люди говорили: вы-де въ Индею идете?

А полуполковникъ съ товарищи говорилъ: мы-де въ Индеи будемъ

когда нашъ великій государь похочеть. А таперво мы въ Индею не идемъ, а пришли для береженья новыхъ государевыхъ городовъ, которые ударили челомъ великому государю, чтобъ быть имъ со всѣми людьми подъ его высокою рукою.

А будетъ государь вашъ похочеть и вы въ Индею пойдете-ли?

— Коли великій государь, его пресвѣтлое царское величество похочеть, и въ томъ будетъ его воля, и мы въ Индею поидемъ того-жъ числа, какъ указъ будетъ.

А зачѣмъ-де вамъ итти въ Индею: у вашего государя земли довольно?

— У государя нашего земель много, и въ умъ не вмѣстится, а въ Индею намъ итти, чтобы милордамъ вашимъ и купцамъ и прочимъ королевенымъ аглинскимъ людямъ въ московскомъ государствѣ дуровать было негораздо. И какъ мы будемъ въ Инден и вамъ-то будетъ за страхъ, а московскому государству утѣшеніе.

И пивъ боевой часъ ренское, разошлись.

На утро мурза ударилъ съ татарами на твоихъ, великаго государя, ратныхъ людей и милостию Божіею и твоимъ государевымъ счастиемъ, твои ратные люди бились крѣпкостоятельно и били татаръ безо всякія пощады.

И видя татары надъ собою твоихъ, великаго государя, ратныхъ людей промыселъ и жестокій приступъ и пожарное раззореніе — побѣжали розно, а аглинскіе люди, снявъ порченки, тожъ побѣжали и городъ Пинжа отъ татаръ и аглинскихъ людей очистился.

И мурза аглинскаго королевина капитана за бороду дралъ: въ своей-де землѣ вамъ не сидится, пришли къ намъ заводить смуту.

И аглинскіе люди, видючи надъ собою отъ мурзы и отъ татаръ жестокое истязаніе, прислали ко мнѣ гонца просить заступы и я послалъ на сположенье козаковъ сколько пригоже. И къ вечеру того дни козаки воротились и говорили, аглинскихъ людей татары утнали въ свои улусы.

А городъ Пинжу я взялъ для прицѣпленія онаго къ твоему великодержавному скиетру.



Примѣчаніе. 16-го ноября 1885 г. минуло ровно тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ на сценѣ Александринскаго театра въ С.-Петербургѣ впервые появился столь извѣстный талантливый артистъ-рассказчикъ Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ. Онъ выступилъ въ бенефисъ Л. Л. Леонидова въ піесѣ, нарочно для него написанной покойнымъ М. А. Стаховичемъ „Ночное“. Второй дебютъ артиста въ піесѣ „Охотникъ въ рекруты“, а третій—былъ уже въ его собственныхъ разсказахъ.

Артистъ былъ принятъ на сцену съ Высочайшаго соизволенія.

Императоръ Александръ Николаевичъ былъ первый цѣнитель таланта Горбунова, а Великая Княгиня Елена Павловна, столь горячо сочувствовавшая всему, что носило печать ума и дарованія въ Россіи, въ первые-же годы по прїездѣ Горбунова въ Петербургъ, многократно приглашала его на свои вечера и здѣсь Иванъ Ѳедоровичъ былъ оцѣненъ представителями высшаго общества въ Петербургѣ. По ея же предстательству онъ принятъ и на сцену.

Какъ артистъ, Иванъ Ѳедоровичъ извѣстенъ талантливымъ исполненіемъ многихъ ролей, въ особенности въ піесахъ своего постоянного руководителя Александра Николаевича Островскаго, которому онъ обязавъ своей артистической и литературной карьерой. Роли Кудряшъ въ „Грозѣ“, Афоня—въ „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“, выполнялись и выполняются И. Ѳ. Горбуновымъ съ замѣчательною жизненною правдою. Но что создало и упрочило за нимъ славу и какъ артиста, и какъ писателя, это—его собственныя, въ большинствѣ вполне художественныя, сцены и разказы изъ народнаго быта. Въ теченіи тридцати лѣтъ имъ создано до ста двадцати таковыхъ разсказовъ; они выполнялись и выполняются имъ чуть-ли не на всѣхъ театральныхъ сценахъ Россійской Имперіи и повсюду исполненіе ихъ сопровождается неизмѣнно полнымъ успѣхомъ. Этотъ постоянный успѣхъ—явленіе, констативъ, замѣчательное. Большая часть этихъ разсказовъ явилась въ печати; вышло шесть изданій; всего разошлось 19,000 экземпляровъ, да, кромѣ того, явились почти одновременно три изданія поддѣльныхъ разсказовъ самозванцевъ Горбуновыхъ.

Литературныя произведенія Ивана Ѳедоровича Горбунова появлялись въ журналахъ „Современникъ“, — „Отечественныя Записки“, — „Русская Старина“, — „Новое Время“ и другіе. Мы очень рады, что, прїивѣтствуя нашего всѣми любимаго и вполне заслуженно чтимаго артиста-рассказчика съ его тридцати-лѣтнимъ юбилеемъ служенія русскому обществу и искусству, мы можемъ представить на страницахъ „Русской Старины“ одну изъ позднѣйшихъ его шутокъ-произведеній, это—доношеніе царскаго воеводы о побитіи

мурзы афганскаго на рѣкѣ Кушкѣ, написанное языкомъ грамотъ, отписокъ и донесеній XVII вѣка. Мы уже имѣли случай говорить о полномъ изученіи И. О. Горбуновымъ памятниковъ отечественной исторіи<sup>1)</sup>; а о томъ, до какого мастерства доведена у него подражательность языку этихъ памятниковъ—свидѣтельствуетъ выше напечатанное „Донесеніе царскаго воеводы о боѣ съ афганскимъ мурзою на рѣкѣ Кушкѣ“.

Ред.

---

---

<sup>1)</sup> См., между прочимъ, въ „Русской Старинѣ“ изд. 1863, книга XII.

# „РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ ИЗД. 1885 Г.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

„Русская Старина“ въ шестнадцатомъ году ея изданія продолжалась въ томъ-же характерѣ, какъ и въ предыдущіе годы; на тѣже отдѣлы распадались напечатанныя въ ней статьи и матеріалы, и тоже разнообразіе представляли они собою по отношенію къ отечественной исторіи, къ исторіи литературы и искусствъ.

По примѣру предыдущихъ-же лѣтъ считаемъ необходимымъ въ послѣдней книгѣ „Русской Старины“, изданія 1885 года, представить самый сжатый обзоръ наиболѣе выдающихся записокъ, изслѣдованій, очерковъ и матеріаловъ, явившихся на страницахъ „Русской Старины“ въ теченіи шестнадцатаго года ея изданія.

## I.

Въ отдѣлѣ „Воспоминаній и записокъ“ читателя, конечно, брали особенное вниманіе на обширныя „Посмертныя записки Николая Ивановича Пирогова“; онѣ протянулись во все первое полугодіе „Русской Старины“, изъ кляги въ книгу, и представили собою обильное собраніе фактовъ, имѣющихъ значеніе не только по отношенію къ біографіи этого въ высшей

степени замѣчательнаго не только русскаго, но. должно сказать, обще-европейскаго дѣятеля, какимъ былъ незабвенный Н. И. Пироговъ, но и по отношенію ко многимъ общественнымъ учрежденіямъ, наконецъ, вообще по отношенію къ исторіи развитія русскаго общества за первыя четыре десятилѣтія текущаго вѣка. Особенно богаты данныя, представленныя Н. И. Пироговымъ для обрисовки хода воспитанія и образованія русскаго юношества. Въ этомъ отношеніи крайне интересны факты, сообщаемые Пироговымъ по отношенію къ университетамъ московскому и дерптскому и къ с.-петербургской медицинской академіи, къ характеристикѣ многихъ профессоровъ и лицъ, такъ или иначе вѣдавшихъ дѣло общественнаго образованія въ нашемъ отечествѣ въ 1820—1840 годахъ; весьма ярки его очерки состоянія наукъ въ 1830—1840 гг. какъ въ университетахъ вообще, такъ и въ ученой литературѣ; мы говоримъ, конечно, о наукахъ, главнымъ образомъ, относящихся къ области медицины и естествознанія. Затѣмъ, знаменитый ученый педагогъ ведетъ читателя по заграничнымъ университетамъ, возвращается на родину и здѣсь описываетъ состояніе больничныхъ учреждений въ Петербургѣ и частію вообще положеніе медицинской науки и хирургіи въ нашемъ отечествѣ. Особенный интересъ и значеніе „Посмертнымъ запискамъ“ гениальнаго врача-хирурга и педагога придаютъ тѣ разсужденія и тѣ замѣчательные выводы и обобщенія, къ которымъ приходитъ Николай Ивановичъ Пироговъ. А такъ какъ эти разсужденія и выводы принадлежатъ человѣку, взгляды котораго впослѣдствіи времени легли въ основу реформъ общественнаго и даже домашняго воспитанія и образованія въ Россіи, то, понятно, какъ долженъ быть великъ интересъ его „Записокъ“<sup>1)</sup>.

Для редакціи „Русской Старины“ этотъ драгоценный вкладъ въ сокровищницу статей и матеріаловъ, нашимъ изданіемъ пред-

<sup>1)</sup> Печатаемая рукопись Н. И. Пирогова, мы сдѣлали описаніе и ея наружнаго вида: тогда-же замѣтили мы о крайней неразборчивости почерка составителя „Записокъ“; масса словъ осталась недописанною или начертанною столь ослабѣвшею рукою умирающаго старца, что надо было догадываться объ ихъ значеніи. При изданіи, однако, мы употребили всѣ усилія, дабы рукопись была воспроизведена вполне хорошо. Въ этомъ трудѣ намъ оказала большую помощь искренно уважаемый I. В. Вертенсонъ, глубоко преданный почитатель и другъ покойнаго Николая Ивановича Пирогова.

ставленныхъ, еще тѣмъ особенно дорогъ, что онъ переданъ намъ А. А. Пироговой, вдовой покойнаго ученаго, во исполненіе завѣта самого Н. И. Пирогова, лично и публично имъ заявленнаго намъ на торжественномъ празднованіи его юбилея полулѣтняго служенія наукѣ и Россіи, 26-го мая 1881 года.

Особенность этихъ „Записокъ“ также состоитъ въ томъ, что большая часть ихъ писана на смертномъ одрѣ, въ дни самыхъ тяжкихъ физическихъ страданій, при ясномъ сознаніи неизмѣнности близкаго и роковаго конца этимъ страданіямъ, и въ то-же время писаны съ поразительною ясностью и глубиною мысли. Да, подобныя записки могутъ являться крайне рѣдко, какъ рѣдко появленіе ихъ авторовъ,—оно и понятно: вѣками рождаются Ломоносовы, Пироговы,—и, во всякомъ случаѣ, составляютъ явленіе, имѣющее громадное значеніе для всего русскаго общества.

Для полнаго освѣщенія этой незабвенной личности, мы помѣстили, въ обозрѣваемомъ году, на страницахъ „Русской Старины“, переписку Пирогова съ докт. Зейдлицомъ, въ эпоху крымской войны и осады Севастополя,—переписку, сообщенную высокоуважаемымъ Н. Ѳ. Здекауеромъ; равнымъ образомъ воспоминаніе о Николаѣ Ивановичѣ Пироговѣ, какъ о педагогѣ, за время одесскаго періода его педагогическо-административной дѣятельности на посту попечителя округа, и замѣчательную рѣчь І. В. Бертенсона: „О нравственномъ міровоззрѣніи Н. И. Пирогова“.

Къ личности Пирогова и его дѣятельности мы вернемся, и не одинъ разъ, на страницахъ „Русской Старины“. Теперь-же, заговоривъ о воспитаніи, отмѣтимъ „Записки К. К. Мердера“, этого высоко-нравственнаго, безпредѣльно преданнаго дѣлу воспитанія и руководства цесаревича Александра Николаевича, за время съ 1824 по 1834 г. Если великъ нравственный образъ Освободителя миллионѣвъ русскаго народа, если эта личность дорога и будетъ дорога изъ вѣка въ вѣкъ для всего русскаго народа, если она возбуждаетъ интересъ всего человѣчества, то отсюда понятно, какъ важенъ разговоръ, почти изо дня въ день вводящій читателя въ учебную комнату будущаго Государя-Освободителя, во весь внутренній строй той воспитательной среды, изъ которой

поднялась эта личность, почти боготворимая русскимъ народомъ, вышедшимъ изъ рабства.

Вотъ почему мы не испугались ни сухости, ни нѣкоторой мелочности, ни растянутости „Записокъ К. К. Мердера“, и дали имъ мѣсто на страницахъ „Русской Старины“, представившей уже множество матеріаловъ къ исторіи царствованія и къ живому описанію императора Александра Николаевича.

Преданный весь своему высокому назначенію, воспитатель Мердеръ слѣдитъ за малѣйшимъ проявленіемъ нравственнымъ свойствъ своего августѣйшаго питомца, и какъ все хорошее, что онъ въ немъ подмѣчаетъ, вызываетъ въ немъ чувство самаго искренняго отческаго восторга, такъ, напротивъ, малѣйшее проявленіе слабости и недостатковъ вызываетъ огорченіе, нередко даже въ болѣе сильной формѣ, чѣмъ бы можно было ожидать въ отзывахъ объ отрокѣ и юношѣ, которому въ 1824—1832 г. было отъ 7 до 16 лѣтъ. Но сила этого огорченія со стороны Мердера объясняется именно его глубокою любовью, его беззаветною преданностію и своему дѣлу, и своему августѣйшему питомцу. Эти-же „Записки“ даютъ неоцѣненный матеріалъ для знакомства съ тѣмъ вниманіемъ, какое непрестанно оказывалъ императоръ Николай Павловичъ къ дѣлу воспитанія и образованія своего первенца и наследника. Въ этомъ отношеніи должно отдать полную справедливость этому монарху. Даже одно то, что онъ сумѣлъ такъ безгранично привязать къ себѣ своихъ дѣтей, служить доказательствомъ высокой разумности и самой искренней сердечной теплоты, которыя были положены въ основаніе его отношеній и заботъ о своихъ дѣтяхъ, отъ развитія которыхъ въ самодержавномъ государствѣ такъ много зависѣло и зависѣть благо всего русскаго народа. Достоинно вниманія, что императоръ Николай Павловичъ былъ въ непрестанныхъ ежедневныхъ сношеніяхъ въ особенности съ своимъ первенцомъ, своимъ наследникомъ; отношенія эти были проникнуты самымъ глубокимъ чувствомъ любви и дружбы, что не устраняло, однако, и суровости въ отношеніяхъ отца къ сыну, когда необходима была эта суровость. А какъ любилъ сынъ своего родителя, какъ безгранично, можно сказать, благоговѣнно чтилъ его Александръ Николаевичъ, это хорошо всѣмъ извѣстно. Повторяемъ, Записки-дневникъ Мердера—цѣнный матеріалъ и для обрисовки этихъ,

въ высшей степени поучительныхъ, отношеній отца къ сыну и сына къ отцу.

Изъ группы прочихъ записокъ и воспоминаній, нами представленныхъ въ обзорѣваемомъ году, должно сказать о „Запискахъ Александра Михайловича Тургенева“. Личность автора сама по себѣ очень интересна. Представитель старинной дворянской русской фамилии, равно какъ и всѣ его современники, рано ставшій въ ряды русскаго воинства, онъ не завязъ въ рядахъ служилыхъ людей, а озаботился получить высшее образованіе, вполнѣ европейское, притомъ въ томъ возрастѣ, когда обыкновенно оканчиваютъ воспитаніе: А. М. Тургеневъ снимаетъ офицерскій мундиръ и ѣдетъ въ Геттингенъ, въ университетъ. Во всеоружіи европейскаго образованія, онъ возвращается въ отечество, сближается съ лучшими передовыми людьми, каковы В. А. Жуковскій, Д. Н. Блудовъ и многіе другіе, занимаетъ съ честью такіе посты въ административной службѣ, каковы: губернатора нѣкоторыхъ губерній, директора медицинскаго департамента и проч., и, наконецъ, доживаетъ, въ самой преклонной старости, до воздѣлнвой для него эпохи освобожденія крестьянъ, которую А. М. Тургеневъ привѣтствуетъ самымъ пылкимъ образомъ, тѣсно связанный дружбою съ тою, сравнительно съ нимъ, молодежью, которая потрудилась для дѣла освобожденія крестьянъ.

„Записки А. М. Тургенева“, нами напечатанныя, объемлютъ эпоху конца царствованія Екатерины II и все кратковременное царствованіе императора Павла Петровича; онѣ напечатаны нами съ нѣкоторыми, небольшими впрочемъ, пропусками, и обратили, совершенно справедливо, вниманіе на себя нашихъ читателей, какъ по обилію фактовъ, въ нихъ заключающихся, такъ и по своей формѣ. Форма эта отличается образностью, живостью изложенія и остроуміемъ автора. Онѣ напоминаютъ намъ „Записки Добрынина“, напечатанныя въ „Русской Старинѣ“ изд. 1871 года.—„Записки Добрынина“, написанныя совершенно о другой средѣ, о нашемъ высшемъ духовенствѣ эпохи Екатерины II. Такъ или иначе, но „Записки А. М. Тургенева“, послѣ громаднаго собранія матеріаловъ, обнародованныхъ нами-же въ „Русской Старинѣ“ по отношенію къ царствованію Павла Петровича, окончателно и въ весьма яркой картинѣ изображаютъ

всю эту, чрезвычайно своеобразную и крайне печальную, эпоху въ исторіи нашего отечества. Картина тѣмъ ярче, что подлѣ нея авторъ безпрестанно выдвигаетъ совершенно противоположныя ей картины царствованія Екатерины II, предъ образомъ котораго А. М. Тургеневъ благоговѣетъ.

Эпопея русскихъ войнъ, въ „Русской Старинѣ“ 1885 г., главнымъ образомъ выдвинута въ двухъ любопытныхъ мемуарахъ это—русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 г.—записки высокоуважаемаго ветерана кавказскаго, генерала отъ инфантеріи М. Я. Ольшевскаго, и „Подъ Севастополемъ въ 1853—1856 гг.“—записки-дневникъ бывшаго начальника артиллерійскихъ парковъ крымской арміи, Л. Духонина. Эти послѣдніе записки также не лишены своего интереса, но, къ сожалѣнію, авторъ нерѣдко писалъ подлѣ впечатлѣніемъ тѣхъ толковъ и крайнихъ одностороннихъ отзывовъ и заключеній, которые слышалъ отъ своихъ сотоварищей по оборонѣ Севастополя, нерѣдко подлѣ громомъ самой ужасной бомбардировки. Къ такимъ мемуарамъ должно относиться весьма осторожно, провѣряя извѣстія, имъ сообщаемыя. Для насъ такія записки, главнымъ образомъ, имеютъ только то значеніе, что онѣ служатъ нагляднымъ выраженіемъ того направленія умовъ, какое было на мѣстѣ совершенія тѣхъ или другихъ историческихъ событій.

Кстати, два слова по поводу таковыхъ записокъ: одно высоко-читимое нами лицо и постоянный читатель „Русской Старинѣ“ сдѣлало намъ укоръ, почему мы такія записки не обставляемъ своими возраженіями и поясненіями. Мы полагаемъ, что это почти излишне. „Русская Старина“ издается не первый годъ—ея изданіе близится къ концу втораго десятилѣтія. Издается она не для подростковъ-юношей, а для таковыхъ людей, изъ которыхъ многіе сами, такъ сказать, дѣлали исторію и потому ею особенно живо интересуются; читается это изданіе, изъ году въ годъ, въ большинствѣ ея читателей, одними и тѣми-же лицами: для нихъ извѣстна та масса матеріаловъ, самаго разнообразнаго содержанія, какіе мы представили, нерѣдко объ однихъ и тѣхъ-же, особенно выдающихся, событійхъ и дѣятеляхъ въ новѣйшей исторіи нашего отечества, а потому мы вправѣ надѣяться, что таковыя читатели и безъ нашихъ указокъ сопоставятъ одни свѣдѣнія другимъ.



сами сдѣлають выводъ — гдѣ правда, гдѣ ошибка, предубѣжденіе или неправда.

Но вотъ совершенно въ другомъ направленіи, нежели „Записки Духонина“, — цѣлая историческая монографія высокаго интереса, явившаяся въ „Русской Старинѣ“ изданія 1885 года, мы говоримъ о статьяхъ К. К. Гейнса: „Славное Баязетское сидѣнье въ 1877 г.“, очеркъ весьма талантливо составленный по запискамъ и рассказамъ очевидцевъ. Рассказы и свидѣтельства эти тщательно взвѣшены, провѣрены, и подвигъ горсти героевъ, защитниковъ Баязета, выдвинуть изо дня въ день, почти изъ часа въ часъ, съ подробностями величайшаго интереса, конечно, для насъ, русскихъ, для которыхъ дорога слава и героизмъ нашихъ соотечественниковъ.

Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева: „О пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 г.“, ч. II, явились лишь въ нѣсколькихъ главахъ въ „Русской Старинѣ“ 1885 г. Воспоминанія эти, правда, не имѣють общаго интереса, но на нихъ лежитъ такая печать нравственной чистоты и высокаго благородства уважаемаго автора, въ нихъ такъ выпукло соединены лучшія черты русскаго человѣка, что мы непременно возвратимся еще къ этимъ запискамъ-исповѣди и представимъ ихъ до конца.

Заговоривъ о „Воспоминаніяхъ Бѣляева“, напомнимъ объ очеркѣ личности и жизни М. А. Фонъ-Визина, его товарищѣ по продолжительной ссылкѣ. Воскрешать черты высоко-нравственныхъ характеровъ русскихъ людей прошлаго времени мы считаемъ дѣломъ чрезвычайно полезнымъ и важнымъ, а такое лицо, каковымъ былъ М. А. Фонъ-Визинъ, служить лучшимъ представителемъ всего добраго и свѣтлаго въ русскомъ народѣ за пережитое имъ время.

Воспоминанія покойнаго А. К. Гриббе о новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ вводятъ въ самую внутреннюю жизнь этихъ, недоброй памяти, поселеній.

Рассказъ изъ воспоминаній офицера генеральнаго штаба объ открытіи памятника на Бородинскомъ полѣ въ 1839 г., рассказъ, принадлежащій А. И. Веригину, дорогъ для насъ потому, что вноситъ нѣсколько весьма интересныхъ чертъ для характеристики императора Николая Павловича; притомъ вообще свидѣтельство

такихъ лицъ, какъ А. И. Берингъ, важно именно потому, что оно принадлежитъ человѣку, непосредственно стоявшему при совершеніи тѣхъ или другихъ крупныхъ историческихъ фактовъ и принимавшему личное въ нихъ участіе.

Рядъ статей: „Экспедиціи противъ Ахаль-Текинцевъ въ 1879—1881 гг.“ принадлежитъ одному изъ участниковъ послѣдней экспедиціи и сподвижниковъ незабвеннаго М. Д. Скобелева.

## II.

Въ отдѣлѣ „Историческихъ изслѣдованій и историко-біографическихъ очерковъ“ „Русская Старина“ обзоръемаго года представила статьи нашего даровитаго историка и ученаго Д. И. Иловайскаго и монографію профессора Д. А. Корсакова „Артемій Петровичъ Волинскій и его конфиденты“. Монографія эта, весьма ярко освѣщающая личность и дѣятельность Волинскаго, составлена въ виду окончанія, въ обзоръваемомъ годѣ, сооруженія памятника этому достопамятному государственному дѣятелю и патриоту-страдалцу. Памятникъ сооруженъ по почину редакціи „Русской Старины“ на пожертвованія отъ почитателей памяти Волинскаго. Монуменъ предназначенъ въ постановкѣ на общую могилу Волинскаго, Хрущова и Еропкина, сложившихъ свои головы на плахѣ 27-го іюня 1740 г. <sup>1)</sup>.

Въ этомъ же 1885 г. были помѣщены нами, въ сообщеніи А. А. Чумикова, новые матеріалы въ исторіи сватовства Густава IV за великую князю Александру Павловну.

Новые матеріалы, связанные также въ очеркѣ, относительно Арсенія Мацѣевича, митрополита ростовскаго, главнымъ образомъ о пребываніи его въ ссылкѣ,—трудъ И. Я. Морошнина,—служитъ не маловажнымъ дополненіемъ къ обширнымъ историческимъ монографіямъ профессоровъ Н. И. Барсова и В. С. Иконникова, и ко многимъ отдѣльнымъ матеріаламъ, явившимся на страницахъ „Русской Старины“, изданій предыдущихъ

<sup>1)</sup> Къ 1 декабря 1885 г. памятникъ былъ готовъ, не окончена лишь отдѣлка барельефа отлитаго по скульптурному вполне художественному проекту академика Опекушина, въ мастерской А. Н. Соколова; къ 1886 г. надѣемся памятникъ поставить на мѣсто.

годовъ, относительно замѣчательной и вполнѣ достопамятной исторической личности Арсенія Мацѣевича.

Начало обширнаго свода матеріаловъ, нами собранныхъ, относительно Филарета Дроздова, митрополита московскаго, —этой колоссальной личности, по духу и его значенію въ исторіи не только русской церкви, но и всего русскаго государства, личности, которая еще на весьма долгое время останется предметомъ изученія, —помѣщено въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года.

Мы всегда съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся на страницахъ нашего изданія не только на личности и дѣятельности Государя-Освободителя Александра II, но и на его сподвижникахъ.

По отношенію къ личности Александра II, кромѣ Записокъ Мердера, знакомящихъ насъ съ Государемъ-Освободителемъ въ періодъ его юности, „Русская Старина“ 1885 г. дала весьма характерный рассказъ-воспоминаніе: „Александръ II въ Курской губерніи“.

По отношенію къ сподвижникамъ Александра II и его предшественника „Русская Старина“ представила въ обозрѣваемомъ году: весьма живые очерки государственной дѣятельности и характеристику гр. Н. Н. Муравьева-Амурскаго, адмирала Н. О. Мѣтлина, очеркъ дѣятельности и личности К. В. Чевкина, какъ главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями; послѣдній рассказъ принадлежитъ одному изъ лицъ, весьма близко стоявшихъ къ Чевкину съ 1855 по 1862 г.

Еще болѣе полна характеристика Владиміра Ивановича Назимова, въ бытность его во главѣ сѣверо-западной Россіи: это обширная и большаго интереса монографія генерала А. С. Павлова. Въ статьѣ Г. А. Джаншіева: „Первыя страницы въ исторіи судебной реформы въ Россіи, 1862—1867 гг.“ и въ очеркахъ М. Н. Колмакова: „Вопросъ о началѣ и ходѣ крестьянскаго дѣла, 1857—1860 гг.“ —мы представили новыя и, смѣемъ думать, цѣнныя данныя къ исторіи судебной и крестьянской реформы императора Александра Николаевича.

Упомянувъ о крестьянскомъ дѣлѣ, отмѣтимъ, что въ описаніи торжества 24-й годовщины великаго дня освобожденія крестьянъ, 19-го февраля, мы имѣли удовольствіе привести рѣчи уважаемыхъ дѣятелей по крестьянской реформѣ, таковы К. И. Домон-

товичъ и К. Д. Кавелинъ, ни мало, конечно, не предчувствуя, что рѣчь Константина Дмитриевича будетъ его, такъ сказать, лебединою пѣснью въ крестьянскомъ дѣлѣ, которому онъ такъ много и съ такой необыкновенной энергіей послужилъ.

Къ отдѣлу „Исслѣдованій“ можно отнести длинный рядъ разсказовъ одного изъ нашихъ, нынѣ уже покойнаго, къ сожалѣнію, сотрудниковъ — „Тайная канцелярія въ царствованіе Петра I“. Эти незатѣйливые очерки и разсказы составлены по нашимъ собственнымъ выпискамъ изъ дѣлъ этого страшнаго учрежденія эпохи Преобразователя Россіи. Въ государственномъ архивѣ, въ картонахъ дѣлъ тайной канцеляріи, хранятся драгоцѣннѣйшіе матеріалы для обрисовки быта русскаго народа за время Петра Великаго и для знакомства съ отношеніями этого народа какъ къ реформамъ Петра, такъ и къ личности его и его „птенцовъ“, сподвижниковъ. Вотъ почему, какъ ни монотонны, перѣдко мелочны и однообразны эти матеріалы, но обойти ихъ никакъ невозможно, и какъ историкъ, такъ и художникъ-повѣствователь, романистъ, останавливающийся на эпохѣ Петра, всеконечно, съ признательностію познакомятся съ очерками-разсказами, составленными по подлиннымъ дѣламъ тайной канцеляріи, ибо безъ нихъ бытовая сторона эпохи Преобразователя Россіи лишилась бы весьма многихъ своихъ красокъ.

### III.

Отдѣлъ „документовъ“, каковы: различные акты, переписка и вообще сырые матеріалы и замѣтки—въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года былъ довольно разнообразенъ.

Въ этомъ отдѣлѣ, прежде всего, необходимо указать на продолжавшееся изданіе обширной переписки императора Николая Павловича съ графомъ Дибичемъ во время польскаго восстанія 1830—1831 гг.

Мы уже имѣли случай, при обозрѣніи начала этой переписки въ предыдущихъ годахъ, указать на ея значеніе. Это—матеріалъ наивысшаго достоинства для исторіи этого эпизода въ лѣтописяхъ Россіи,—эпизода, стоявшаго русскому народу, въ те-

ченіи семи, восьми мѣсяцевъ, десятковъ тысячъ людей и многихъ, многихъ милліоновъ рублей, и усилившаго на нѣкоторое время разнь между двумя соплеменными народами.

Письма императора Николая Павловича, 1830—1831 гг., имѣютъ еще при этомъ высокое значеніе матеріала біографическаго, по отношенію въ характеристикѣ этого государя.

Въ позднѣйшее время, желѣзно-дорожное дѣло въ Россіи вызвало особенное вниманіе нашего общества. По отношенію къ нему наше изданіе, въ обозрѣваемомъ году, представило двѣ, такъ сказать, историческія справки, обширныя по объему и по богатству заключающихся въ нихъ матеріаловъ. Мы говоримъ о монографіи А. А. Вонлярларскаго: „Изъ исторіи желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи, 1846—1856 гг.“ и объ „Очеркѣ исторіи сооруженія Николаевской желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою, въ 1842—1852 гг.“, очеркъ извѣстнаго инженера, тайнаго совѣтника А. И. Штукенберга.

Нѣсколько документовъ, такъ сказать, примитивнаго значенія, для исторіи царствованія Николая Павловича, таковы: „Записки“ его сподвижника, князя И. Ѳ. Паскевича о польскихъ дѣлахъ (1844—1846 гг.), рассказы о холерѣ въ Петербургѣ и Малороссіи, въ 1830—1831 гг., рассказъ о бунтѣ на Сѣнной площади, въ 1831 году, донесенія о пребываніи достопамятнаго священника Θεодосія Левицкаго въ ссылкѣ, въ Коневскомъ монастырѣ (1824—1827 гг.) и проч. документы, рассказы и замѣтки дополняютъ обширное собраніе тѣхъ данныхъ, какія представлены „Русскою Стариною“ въ предыдущихъ годахъ, для исторіи царствованія Николая и для характеристики какъ его лично, такъ и его ближайшихъ сподвижниковъ.

---

## IV.

Въ обозрѣваемомъ году сошли въ могилу, между нѣкоторыми дорогими для Россіи личностями, такіе крупные дѣятели русской науки, каковы были: К. Д. Кавелинъ, Н. И. Костомаровъ, графъ А. С. Уваровъ, Н. В. Калачовъ; присоединяемъ къ нимъ и Е. П. Карновича.

„Русская Старина“ о первыхъ трехъ лицахъ представила очерки и матеріалы, воскрешающіе труды и нравственные облики этихъ дорогихъ отечественныхъ дѣятелей; одинъ изъ этихъ очерковъ, вполне художественно начертанныхъ, принадлежитъ А. О. Коню о К. Д. Кавелинѣ.

Недавно опочившій сномъ смерти одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ романистовъ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, въ обозрѣваемомъ году явился на страницахъ нашего изданія, въ обширномъ собраніи его писемъ къ брату, Николаю Сергѣевичу Тургеневу, за время съ 1863 по 1878 г. Эти письма являютъ дополненіемъ ко всему тому, что уже извѣстно читателямъ объ И. С. Тургеневѣ, — дополненіемъ, въ которомъ личность Ивана Сергѣевича ни мало не умалется, а, напротивъ, всѣ лучшіе черты его характера и нравственнаго склада, каковы: гуманность, мягкость и доброта, выступаютъ чрезвычайно ясно.

Для исторіи литературы, независимо помянутыхъ очерковъ и документовъ, „Русская Старина“ 1885 г. представила подлинную рукопись Николая Васильевича Гоголя, именно рукопись его бессмертной поэмы „Мертвыя Души“, въ средней черновой редакціи нѣсколькихъ главъ. Едва-ли надо говорить, что каждыя строка, каждое слово этой поэмы воспроизведены нами съ чувствомъ особаго уваженія къ гениальному ея автору.

Съ неменьшимъ чувствомъ уваженія мы воспроизвели рядъ писемъ Федора Михайловича Достоевскаго, причемъ одно изъ нихъ составило цѣлый, довольно обширный и вполне художественный, очеркъ. Это, такъ сказать, исповѣдь Ф. М. Достоев-

скаго, написанная имъ почти на другой день по освобожденіи изъ „Мертваго Дома“, т. е. изъ каторжнаго острога, въ которомъ онъ пробылъ четыре самыхъ мучительныхъ года. Этотъ очеркъ совершенно справедливо обратилъ на себя всеобщее вниманіе.

По отношенію къ исторіи литературы мы дали: любопытныя замѣтки о М. Ю. Лермонтовѣ; весьма обстоятельный очеркъ о П. Н. Кудрявцевѣ за время съ 1842—1845 г., принадлежащій перу одного изъ уважаемыхъ старѣйшинъ семьи современныхъ русскихъ писателей, А. Д. Галахова; шутку-поэму „Домъ сумасшедшихъ“ графини Евдокии Растопчиной; неизданныя стихотворенія Ѳ. И. Тютчева, и, что для насъ особенно дорого, большое собраніе неизданныхъ стихотвореній, такъ сказать, патриарха современныхъ русскихъ поэтовъ, А. И. Подолинскаго, этого единственнаго нынѣ созвѣздія изъ ореола поэтическихъ звѣздъ, окружавшихъ А. С. Пушкина. Собраніе этихъ стихотвореній относится ко времени съ 1830-го по 1884 годъ; все это драгоценное собраніе сообщено самимъ поэтомъ и напечатано подъ его ближайшимъ наблюденіемъ.

Въ отдѣлѣ матеріаловъ къ исторіи литературы отмѣтимъ также рядъ стихотвореній Ивана Сергѣевича Тургенева, воспроизведенныхъ нами изъ журналовъ 1840-хъ годовъ, гдѣ они впервые появились. Стихотворенія эти, конечно, имѣютъ значеніе только автобіографическаго матеріала.

Въ обозрѣваемомъ году совершилось нѣсколько событій, возбудившихъ вниманіе общества. На эти событія мы долгомъ сочли съ своей стороны откликнуться. Такова была кончина вышеупомянутыхъ высокозамѣчательныхъ дѣятелей въ области науки — Кавелина, Костомарова, гр. Уварова; таково было открытіе памятника М. И. Глинкѣ въ Смоленскѣ, 20-го мая 1885 года; обычное ежегодное празднованіе дня 19-го февраля — день освобожденія крестьянъ; столѣтняя годовщина пожалованія Екатериною II грамоты россійскому дворянству и городамъ имперіи; годовщина кончины Н. И. Пирогова; пятидесятилѣтняя годовщина основанія Училища Правовѣдѣнія, по поводу сего послѣдняго событія, мы напечатали воспоминанія одного изъ питомцевъ, сего рассадника отечественныхъ юристовъ и государственныхъ дѣятелей, и проч.

## V.

Къ исторіи искусствъ, художествъ и въ біографіямъ нашихъ музыкальныхъ композиторовъ, въ обозрѣваемомъ году, мы представили очеркъ о М. И. Глинкѣ, принадлежащій его сестрѣ, Л. И. Шестаковой, рожденной Глинкѣ — этой неутомимой труженицѣ по сохраненію всего того, что служить къ славѣ и величію ея гениальнаго брата; а также очеркъ объ А. С. Даргомыжскомъ за время съ 1856 г. до 1869 г., принадлежащій перу одного изъ близкихъ его пріятелей, Д. Т. Соболеву.

## VI.

Библиографическій листокъ далъ отзывы о полсотни книгъ и изданій, какъ историческихъ, археологическихъ, такъ и историко-литературныхъ. Бѣольшая часть этихъ отзывовъ принадлежитъ нашему постоянному и давнему сотруднику, профессору русской исторіи въ кievскомъ университетѣ, В. С. Иконникову, замѣчательные и многочисленныя труды котораго, въ области науки русской исторіи, пользуются столь заслуженнымъ уваженіемъ.

## VII.

Художественныя приложенія къ „Русской Старинѣ“ 1885 г. составляли попрежнему портреты, исполненные лучшими нашими художниками. Изъ этихъ портретовъ назовемъ портретъ статс-секретаря Н. А. Милютина (умеръ въ 1872 г.), исполненный на мѣди академикомъ И. П. Пожалостиннымъ; портретъ Н. И. Костомарова, исполненный также на мѣди молодымъ и весьма талантливымъ граверомъ Ѳ. А. Мѣрвиннымъ; затѣмъ, нѣсколько гравюръ на деревѣ, принадлежащихъ рѣзцу одного изъ лучшихъ учениковъ академика Сѣрявова, И. И. Матюшину, а именно: портреты: цесаревича Александра Николаевича, — поэта



А. И. Подолинскаго, — генераль-адъютанта В. И. Назимова, — генераль-адъютанта К. К. Мердера, — Н. И. Пирогова во гробъ (23 ноября 1881 г.), — Е. А. Жуковской, супруги поэта, — архимандрита о. Игнатія, составителя проекта храма Воскресенія Христова, на мѣстѣ злодѣянія 1-го марта 1881 г.— и нѣкоторые другіе.

---

Вступая въ семнадцатый годъ изданія „Русской Старины“, мы, оглядываясь на прошедшій длинный рядъ годовъ нашей дѣятельности по изданію сего историческаго сборника, съ признательностью должны упомануть о томъ вниманіи, которое оказывали и оказываютъ намъ наши читатели своей поддержкой и постояннымъ сочувствіемъ къ сему изданію. Съ увѣренностью сохранить и то, и другое въ предстоящемъ году, мы будемъ продолжать нашъ трудъ, преслѣдуя въ немъ одну лишь цѣль: воспроизведеніе съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ на страницахъ „Русской Старины“ записокъ, 'изслѣдованій, очерковъ и матеріаловъ, содѣйствующихъ разработкѣ отечественной исторіи, литературы и искусствъ и, тѣмъ самымъ, служащихъ къ развитію самосознанія русскаго народа и стремленій въ немъ ко всему лучшему въ дѣлѣ развитія его нравственнаго бытія и всего склада его жизни.

Ред.

---

Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» историческіе или историко-литературныя статьи и матеріалы

въ 1870—1885 гг.

К. К. Абаза, — Д. В. Абашкинъ, — В. П. Авенариусъ, — Д. В. Аверкиевъ, — И. П. Аврамовъ, — Ага-бекъ-Гасабовъ, — П. Агапьевъ, — Н. Агафоновъ, — А. Аграномовъ, — Адасова, — А. К. Адянцовъ, — М. П. Азанчевскій, — И. К. Айвазовскій, — Аксаковъ, — Аксикъ, вдова, — И. И. Акутннъ, — П. В. Алабинъ, — С. И. Аландскій, — М. А. Албычевъ, — К. Амазовъ, — В. А. Альфонскій, — иумень Амвроій, — И. М. Амелицкій, — Е. Н. Аммонъ, — А. И. Анастасіевъ, — И. Андозкій, — Х. К. Андреевъ, — ректоръ Спб. университета профес. И. К. Андреевскій, — В. Андреевъ, — Аннзиковъ, — І. В. Антоновъ, — М. А. Антоновъ, — А. А. Антуфьевъ, — А. Апраксинъ, — графъ С. А. Апраксинъ, — Е. А. Арапова, — Н. А. Аргиландеръ, — И. А. Аренъ, — М. П. Арнольди, — О. Е. Арнольди, — Ф. С. Арнольди, — Ф. А. Арсеевъ, — епископъ Арсеіій, — В. И. Асташевъ, — профес. Н. А. Астафьевъ, — Ариничъ, — В. А. Арцимовичъ, — А. Ф. Арцишевскій, — П. Я. Аршеневскій, — В. Асташевъ, — Астракова, — Н. П. Ахвердовъ, — Д. Д. Ахшарумовъ, — А. Ю. Ашебергъ.

К. Ф. Багговуть, — В. И. Бакунина, — Баландовичъ, — В. С. Балашевъ, — О. С. Балъ, — А. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе, — Н. П. Барангусъ, — профес. С. И. Барановскій, — П. И. Барановъ, — Баранцевъ, — о. А. И. Баратинскій, — А. И. Барзцовскій, — А. В. Бароновъ, — проф. Н. И. Барсовъ, — А. П. Барсуковъ, — Н. П. Барсуковъ, — З. А. Баршъ, — В. С. Барыковъ, — Н. П. Барышиниковъ, — кн. В. И. Барятинскій, — Д. Д. Баскаловъ, — А. И. Басовъ, — Г. И. Баскаровъ, — П. Н. Батюшковъ, — А. П. Бахрушинъ, — Е. П. Бахталовскій, — А. В. Башкатовъ, — Б. Башловскій, — кн. В. И. Башневъ, — А. Безсоновъ, — В. Безсоновъ, — А. Безумлядиновъ, — Н. Л. Бенуа, — П. В. Березинъ, — В. Березинъ, — Я. Ф. Березинъ-Ширяевъ, — Ад. П. Берже, — І. Берманъ, — М. А. Берманъ, — Беръ, — профес. І. В. Бертенсонъ, — г. Бердяевъ, — І. Берхивъ, — М. А. Бестужевъ, — О. А. Бестужева, — В. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — проф. Б. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — Р. И. Бржостовская, — Вибликовъ, — Н. Библинъ, — проф. В. А. Вильбасовъ, — А. А. Вильдерингъ, — бар. Вистромъ, — Д. Благово, — А. А. Влаговъщенскій, —

гр. А. А. Бобринскій, — П. О. Бобровскій, — Н. Н. Бобровъ, — Е. Л. Богданова, — А. Н. Боголюбовъ, — С. Богоянскій, — баронъ Н. К. Богушевскій, — И. Н. Боженяновъ, — В. А. Болотовъ, — П. А. Болотовъ, — П. О. Борель, — А. Борзенко, — И. И. Борзедовскій, — В. А. Борясовъ, — Боричевскій, — С. М. Бородинъ, — А. А. Бородулинъ, — М. О. Боровдинъ, — И. Бочаровъ, — А. К. Бошнякъ, — П. О. Брандтъ, — худож. Н. К. Брезе, — проф. А. Г. Бриннеръ, — А. Бруннеръ, — А. П. Брянцевъ, — И. Брянцевъ, — Д. А. Булатовъ, — Б. О. в В. О. Булгаринъ, — А. Булыгинъ, — Е. О. Буринскій, — Н. О. Бурдовъ, — Я. Бутковский, — баронъ Бутлеръ, — гр. М. Д. Бутурлинъ, — К. А. Бухъ, — В. Е. Бучневичъ, — М. Быковъ, — М. Быстровъ, — акад. А. О. Бычковъ, — О. А. Бычковъ, — А. Г. Бѣлаго, — К. Бѣлевичъ, — Д. Бѣлевичъ, — Н. А. Бѣлозерская, — И. П. Бѣлоконскій, — С. А. Бѣлокуровъ, — А. П. Бѣлевъ, — баронъ О. А. Бюлеръ.

М. И. Вавиловъ, — Н. А. Вагановъ, — В. Н. Ваксель, — М. С. Валевскій, — В. В. фонъ-Валь, — графъ П. А. Валуевъ, — А. У. Варакомскій, — К. А. Варгунинъ, — И. Варунъ-Секретъ, — И. И. Василевъ, — К. П. Василенко, — Н. Васильева, — А. И. Васильевъ, — К. И. Васильевъ, — И. И. Васильевъ, — А. П. Васильевъ, — П. П. Васильевъ, — В. А. Васильевъ, — А. А. Васильчиковъ, — Н. Васьковъ, — Н. В. Вахтинъ, — Веденянинъ, — В. Н. Ведерниковъ, — Е. Вейденбаумъ, — П. Вейль, — П. И. Вейнбергъ, — П. И. Великопольскій, — Величковскій, — А. Величковъ, — К. Н. Вельяминовъ, — П. Вельяшевъ, — М. А. Веневитиновъ, — А. А. Венецианова, — М. И. Венюковъ, — А. В. Веревкинъ, — А. И. Веригинъ, — О. О. Веселаго, — акад. К. С. Весаловскій, — С. Весинъ, — Н. И. Викинскій, — Н. Виноградовъ, — А. Н. Виноградовъ, — П. А. Виноградовъ, — С. Виноградскій, — Випроревъ, — К. А. Висковатовъ, — профес. П. А. Висковатовъ (Висковатый), — В. Н. Витевскій, — А. Н. Витмеръ, — О. А. Витбергъ, — Н. П. Вишняковъ, — Владимірова, — А. Владиміровъ, — М. Владимкинъ, — И. Владзимирскій, — А. Н. Воейковъ, — П. П. Возницинъ, — Г. А. Волжевъ, — кн. Волконскій, — И. И. Вологдинъ, — И. В. Вологдинъ, — С. Волосатова, — П. П. Волховской, — Вольдемаръ, — Вонлярларская, — Е. З. Воронина, — А. Воронихинъ, — Н. А. Воронихинъ, — П. А. Вороновъ, — П. Н. Вороновъ, — Ю. Д. Воронова, рожд. Рудакова, — Н. Я. Воскобойниковъ, — Востоковъ, — Н. Н. Вохинъ, — баронесса Вревская, — баронъ Б. А. Вревскій, — П. И. Врони, — Вудъ, — А. А. Вязмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ, — кн. Ив. С. Гагаринъ, — кн. Н. В. Гагаринъ, — П. Гагенъ, — А. Гавъ, — профес. А. Д. Галаховъ, — М. Н. Галкинъ-Врасскій, — С. А. Галкинъ, — К. И. Гамаринъ, — А. О. Гамбургеръ, — Е. А. Гавъ, — Я. Гарелинъ, — Гвоздиковъ, — Э. Гебель, — К. К. Гейнсъ, — В. И. Гейсмаръ, — К. К. Гелингъ, — И. С. Генбачевъ, — г. Генчъ, — А. А. Герке, — В. Ц. Герцмаъ, — Гелиусъ, — Д. И. Гишиусъ, — В. О. Гладкій, — А. Г. Глинка, — В. С. Глинка, — М. С. Глинка, — Глинка, — П. Гловацкій, — Глуховъ, — Гнѣдичъ, — И. Е. Голдинскій, — гр. П. А. Голеннищевъ-Кутузовъ, — В. В. Голеннищевъ-Кутузовъ, — Голицинскій, — кн. К. К. Голицинъ, — кн. Н. Н. Голицынъ, — кн. Н. П. Голи-

цмвѣ.—бывш. профес. кн. Н. С. Голицынъ,—кн. С. П. Голицынъ,— Н. И. Головачъ,—Я. О. Головацкий,—И. Головинъ,—П. С. Головинъ,—А. В. Головинъ,— К. Д. Головщиковъ,— К. М. Голодниковъ,— И. А. Голышевъ,— Н. И. Голубевъ,—В. В. Голубцовъ,— М. Г. Гольдморфъ,—проф. В. А. Гольцевъ,—Гондатти,—А. Н. Гончаровъ,—И. А. Гончаровъ,—И. О. Горбуновъ,— А. Гордонъ,—М. Горилецкій—М. П. Горловъ,—Городецкая,—М. И. Городецкій,— Горчаковъ,—проф. А. Д. Градовскій,— Г. К. Градовскій,—худож. Г. И. Грачевъ,—А. К. Григоріади,—А. Е. Греть,—Н. И. Григоровичъ,—А. Н. Григорьевъ,—Я. И. Григорьевъ,—И. Я. Гриницъ,—А. Громачевскій,— акад. Я. К. Гротъ,—К. К. Гротъ,— Н. В. Гурбери,— П. Гулавъ-Артемовскій,— С. И. Гуляевъ,— Гулевичъ,— свящ. В. Гурьевъ,— М. П. Гусаковскій,— А. Н. Гусевъ,—А. Гусевъ.

В. Н. Давыдовъ,—К. И. Давыдовъ,—Д. Давыдовъ,—Н. Т. Давыдовъ,— Данильченко,— А. С. Даниловъ,— А. И. Даугель,—Г. Е. Дахновичъ,— Н. Я. Дашковъ,—П. П. Деви,—В. А. Дейлидовичъ,—Н. Д. Деза-Финъ,— С. Дельпесъ,— И. Д. Деляновъ,— А. П. Демидовъ,—П. А. Деммертъ,—Г. Д. Демновскій,—В. О. Де-Пуле,—баронъ Д. Г. фонъ-Дервизъ,—фонъ-Дерфельденъ,— А. И. Деспотъ-Зеновичъ,— К. К. Детловъ,— Г. А. Джаншиевъ,— В. А. Дзюбенко,— А. И. Дидриксъ,— Діатроитовъ,— Дмитріевъ,—Н. Г. Дмоховскій,— Ф. Н. Добрянскій,—Л. Я. Добровъ,—Феофанъ Г. Доброленскій,— Я. И. Догелевскій,— В. Дойлидовичъ,—В. Док-ій,—кн. В. П. Долгоруковъ,—Л. Долгоруковъ,—Л. П. Долина.—П. П. Должиковъ,—Домонтовичъ,—А. Г. Достоевская,—Е. И. Дошанская,— Живко-Драговичъ,— Марко-Драговичъ,— А. М. Дрениакъ,—С. Д. Дрожинъ,—кн. С. В. Друцкой-Соколинскій,— И. И. Дубасовъ,—М. Л. Дубельтъ,—М. Л. Дубецкій,— А. Дубицкий,—членъ-кор. акад. наукъ Н. О. Дубровинъ,— А. В. Дурново,—Н. В. Дуровъ,—М. Л. Духонинъ.

К. Евментьевъ,—Еврениновъ,—А. Е. Егоровъ,—Ф. Езиоранскій,—от. П. П. Еланскій,—от. І. Еланскій,—кн. Енгальчевъ,—Епанчинъ,—Н. А. Ермаковъ,— Н. Н. Ермаковъ,—В. Ермаковъ,—К. И. Ермолинъ,—В. М. Еровинъ,— А. Ерошкинъ,—А. Есаковъ,—Г. В. Есиповъ,—И. Ефимовъ,—П. А. Ефремовъ.

А. П. Жакмонъ,—А. Н. Ждановъ,—Н. Н. Жеденевъ,—Н. О. Желтовъ,— А. Жемчужниковъ,— Н. Л. Жемчужниковъ,—В. И. Жиркевичъ,— В. И. Жмакинъ,—В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—А. Жуковъ,—Н. Н. Жуковский,—П. В. Жуковский,—Журавскій.

И. Е. Забѣлинъ,— А. Заборинскій,— акад. П. П. Забѣло,— Л. А. Загоскинъ,— В. Заенчовскій,— Т. М. Заншевничъ,— О. Д. Зайцевъ,— П. Т. Загѣскій,— А. Зандрокъ,— Заржецкій,— Я. И. Заринъ,— Е. И. Зарина,—А. Г. Затлеръ,—И. Н. Захарьинъ,—Д. Захаровичъ,— В. Захаровъ,—

профес. Н. О. Здекауеръ, — А. К. Зейдеръ, — А. И. Зеленой, — А. Земцовъ, — К. Зенденгорстъ, — А. Л. Зиссерманъ, — М. З. Зіоровъ, — М. Злотковский, — І. О. Змунчила, рожд. Стогова, — А. Змѣвъ, — Золотовъ, — А. И. Зотова, — В. Р. Зотовъ, — Е. В. Зубова, рожден. баронеса Вревская, — В. А. Зыбнѣ, — А. Н. Зыриновъ.

И. А. Ибердусовъ, — Н. С. Иванна, рожд. Шпилевская, — Н. И. Ивановъ, — А. В. Ивановъ, — А. Е. Ивановъ, — И. Ивановъ, — И. В. Ивановъ, — Петръ Вас. Ивановъ, — М. Н. Ивановъ, — Н. О. Ивановъ, — Л. К. Ивановскій, — от. И. Иващенко, — Ю. В. Иверсенъ, — А. Игнатовичъ, — от. архимандритъ Игнатій (Мамшевъ), — гр. Н. П. Игнатьевъ, — Игнатьевъ, — С. А. Идаховъ, — А. Извольскій, — П. А. Извольскій, — К. А. Измайловъ, — К. В. Измайловъ, — П. Александр. Измайловъ, — проф. В. С. Иконниковъ, — проф. Д. И. Иловайскій, — В. Е. Ильковъ, — Д. В. Ильченко, — М. А. Имбергъ, — Инсарскій, — Л. С. Исарловъ, — А. Д. Исаковъ, — Н. О. Истинской, — Г. О. Исѣвъ.

Казадаевъ, — Е. К. Казанскій, — П. С. Казанскій, — Казачовъ, — М. К. Казина, — Казинъ, — А. Г. Казначеевъ, — П. С. Калачевскій, — Калнинскій, — Д. И. Калугинъ, — граф. Л. М. Каменская, — О. А. Каменскій, — А. Капаринъ, — князя М. А. Кантакузина, — гр. П. И. Капнистъ, — П. А. Карабинъ, — А. А. Карасевъ, — М. В. Карасевъ, — П. П. Каратыгинъ, — Н. Н. Каргопольцевъ, — М. А. Каринъ, — от. А. В. Кармазинскій, — П. Карнауховъ, — Карповъ, — А. Карташевъ, — Н. А. Карцевъ, — П. П. Карцевъ, — г. Карцевъ, — П. Кастальскій, — В. Катеневъ, — В. Катенинъ, — В. Каченовскій, — Н. С. Кашкинъ, — М. Н. Кедровъ, — Н. Т. Кедровъ, — от. М. Кедровъ, — проф. И. П. Келеръ, — М. Кельдышъ, — Н. П. Кельшъ, — баронъ Кене, — О. О. Кенягъ, — А. П. Кеппенъ, — Н. Х. Кетчеръ, — Т. Кибальчичъ, — Князюшевскій, — Д. И. Кишиани, — А. Н. Кирилинъ, — Кирилловъ, — Киселевъ, — И. Китаевъ, — П. А. Китицынъ, — О. Н. Кишенскій, — Д. В. Кларкъ, — И. Кларкъ, — А. С. Клевановъ, — П. Клевиновъ, — Н. Ф. Клюге-фонъ-Клюгенау, — Князевичъ, — А. С. Князевъ, — Д. О. Кобеко, — Я. Кобылянскій, — Г. А. Ковалевскій, — М. Е. Ковалевскій, — К. И. Коваленкова, — Н. И. Коведаевъ, — М. М. Ковязинъ, — ген.-ад. Козлянинновъ, — Козадаевъ, — Д. И. Ковелкинъ, — А. Козловскій, — С. Коскскій, — И. Козьминскій, — Н. И. Койленскій, — З. Койданскій, — А. Кокосовъ, — Колачевскій, — А. Коленковскій, — А. Л. Колянковскій, — К. П. Колзаковъ, — Н. М. Колмаковъ, — Д. Г. Колоколцовъ, — В. И. Колосовъ, — бар. М. Колычевъ, — В. А. Комаровъ, — А. Ф. Ковни, — гр-ня Н. М. Коновницна, — А. О. Константинова, — Д. А. Кошера, — И. П. Корниловъ, — П. С. Коробка, — А. Коробовъ, — І. А. Косоро, — профес. Д. А. Корсаковъ, — бар. Корфъ, — Корчевскій, — Ю. В. Косова, рожденная Кюхельбекеръ, — Я. И. Костенецкій, — М. Костылевъ, — Н. П. Косяровскій, — А. А. Краевскій, — А. А. Красильниковъ, — В. А. Краснокутскій, — И. В. Краснофѣвцевъ, — А. Я. Креминской, — В. Д. Кренке, — В. В. Крестовскій, — Ю. А. Крестцовъ, — Н. О. Крузе, — М. Крушовичъ, — Н. А. Кумжановскій, — А. Д. Крыловъ, — Н. Г. Крыловъ, — П. И. Крюковъ, — В. Ф. Кудрявцевъ, — М. П. Кудрявцевъ, — В. В. Кузминъ, — Г. Кузминъ, — А. Кузнецовъ, — Н. И. Куликъ, — П. А. Кулишъ, — акад. А. А. Буникъ, — М. А. Кушлетскій, — И. К. Курпrianовъ, — В. Курдановскій, — В. В. Бурдюмовъ, — И. Курисъ, — М. Куроптевъ, — Н. Кутейниковъ, — М. Н. Кучаевъ.

Т. Н. Лаврентьевъ, — проф. Н. Лавровский, — Я. Лавровъ, — А. М. Лазаревскій, — Д. Н. Лазаревъ, — I. А. Лазовъ, — Е. Лазо, — И. Ланнъ, — И. К. Ланотниковъ, — О. А. Ларионова, по первому мужу Соловьева, рожден. Арбузова, — Н. В. Латкинъ, — С. Лашкаровъ, — А. С. Лашкевичъ, — С. И. Лашкевичъ, — А. С. Лацинскій, — А. С. Лебедевъ, — Н. П. Лебедевъ, — проф. В. Лебедевъ, — В. И. Лебедевъ, — Н. А. Лебедевъ, — Е. А. Лебедевъ, — К. И. Лебедевъ, — Г. Лебединецъ, — П. П. Лебле, — О. Я. Левенсонъ, — М. А. Левенцовъ, — С. Л. Левицкій, — О. И. Левицкій, — Г. П. Левицкій, — А. А. Левшинъ, — архимандр. Леонидъ, — Л. Л. Леонидовъ, — Леоновъ, — Леопольдовъ, — И. В. Лермонтовъ, — В. В. Лермонтовъ, — В. Н. Лермонтовъ, — К. Ф. Де-Ливронъ, — М. И. Лилеевъ, — И. Липскій, — Н. О. Липовскій, — И. А. Линиченко, — Д. Д. Лисенко, — В. И. Лихачевъ, — А. В. и А. Н. Липины, — кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій, — П. В. Лобановъ, — А. Ломачевскій, — Г. Г. Ломоносовъ, — Н. А. Лонгинова, — А. Логиновъ, — С. Ц. Лопадкая, — Н. Лопухинъ, — Е. А. Лопухинскій, — граф М. Т. Лорисъ-Меликовъ, — I. В. Лохвицкій, — Лошаковъ, — А. Луганинъ, — Лукинскій, — В. К. Лудкій, — А. Львовъ, — Анатолий Ник. Львовъ, — Л. О. Львовъ, — О. О. Львовъ, — Н. С. Лыкошинъ, — В. И. Лѣтвицкинъ, — Н. С. Лѣсковъ, — Лбарскій, — Н. Н. Любовичъ, — М. Н. Любощинскій, — И. Людмиловъ, — И. М. Лядовъ, — А. Я. Ляпуновъ

Н. С. Маевскій, — О. Маевскій, — Л. Н. Майковъ, — Я. В. Майковъ, — В. Н. Майновъ, — епископъ Макарій, — С. М. Макарова, — Н. Я. Макаровъ, — от. П. Макаровъ, — К. Максимовъ, — Н. Я. Максимовъ, — профес. А. И. Максѣевъ, — И. П. Малаховскій, — П. О. Малиновскій, — К. В. Мамоновъ, — И. И. Магжура, — Мансуровъ, — К. А. Маньковскій, — А. В. Мариновъ, — А. Д. Мариновъ, — А. А. Маринъ, — Б. М. Маркевичъ, — А. Маркевичъ, — А. Н. Марграфской, — О. М. Марковникова, — Е. Л. Марковъ, — А. К. Мартосъ, — П. И. Мартосъ, — А. А. Мартыновъ, — В. Мартыновъ, — П. Мартыновъ, — от. Ив. Мартыновъ, — кн. Н. Масальскій, — Н. В. Масловъ, — Е. П. Масловъ, — А. Н. Масоловъ, — А. Н. Матвѣевъ, — Н. Е. Матвѣевъ, — У. П. Матвѣевъ, — худож. В. В. Матте, — худож. И. И. Матюшинъ, — Ив. Матченко, — Н. А. Матлякинъ, — А. Маховъ, — П. И. Мацѣевичъ, — Л. С. Мацѣевичъ, — И. А. Мачинскій, — бар. И. В. Медемъ, — К. П. Медовъ, — М. Межаковъ, — бар. Мейендорфъ, — Н. Б. Меллеръ, — Мельниковъ, — Н. Мельницкій, — Меншиковъ, — бар. И. Б. Мердери, — А. Е. Мерцаловъ, — А. Мечинскій, — Н. Мечъ, — Мешетичъ, — А. А. Мизеровъ, — А. М. Миклашевскій, — акад. худож. М. О. Микѣшинъ, — проф. О. О. Миллеръ, — П. И. Миллеръ, — гр. Г. А. Милорадовичъ, — Е. Н. Милошевичъ, — А. П. Милуковъ, — Милуковъ, — М. А. Милутина, рожд. Абаза, во второму супружеству Сталь, — Ю. Н. Милутинъ, — Г. Мнѣзъ, — А. Н. Мнѣзъ, — С. Миропольскій, — М. П. Митковъ, — А. Михайловъ, — В. Михайловъ, — Владимир Вас. Михайловъ, — М. О. Михайловъ, — Д. Л. Михайловскій, — от. М. И. Михайловскій, — Я. Л. Михайловскій, — полковн. Г. Михельсонъ, — I. О. Мининъ, — А. О. Можаровскій, — Меѳ. Мирон. Молчановъ, — А. Морганъ, — графъ А. А. Мордвиновъ, — Д. Л. Мордовцевъ, — А. Л. Морниовъ, — А. И. Моркевичъ, — П. И. Морозовъ, — Д. К. Морозъ, — Е. Т. Морощкина, — И. Я. Морощкинъ, — Я. Морощкинъ, — А. П. Мушковскій, — М. И. Муравьевъ-Апостолъ, — гр. М. Н. Муравьевъ, — о. П. И. Мурзакевичъ, — М. А. Мусницкій, — Е. О. Муяки, — О. А. Мѣркинъ, — А. К. Мѣтлина, — Г. И. Мѣшковъ.

А. А. Навроцкій, — М. Нагорновъ, — Надеждинъ, — В. Надпорожнй, — К. В. Назарьева, — М. В. Назимова, — М. А. Назимовъ, — от. А. Накропинъ, — А. П. Налимовъ, — В. Налорожскій, — П. О. Нарбутъ, — Н. Нарошкинскій, — Ш. И. Небоисинъ, — Н. К. Невзоровъ, — Я. М. Невъровъ, — Ю. О. Нейманъ, — Е. С. Некрасова, — И. Некрасовъ, — Н. В. Некрасовъ, — Нелидовъ, — Несвѣтаевъ, — графъ Д. К. Нессель, оде, — А. Н. Неустроевъ, — О. Ф. Нечаевъ, — Нежловъ, — С. А. Нивитенко, — профес. А. И. Нивитскій, — М. Г. Ниволаевъ, — баронъ А. П. Николаи, — О. О. Николаи, — А. А. Никольскій, — С. Никольскій, — Р. Н. Никулинъ, — М. Д. Нилонъ, — Д. Ниловъ, — графъ Нпродъ, — Л. Л. Ничнаевскій, — Н. М. Новицкй, — А. Г. Новоселовъ, — М. Д. Нововъ, — С. Д. Носъ, — А. Е. Носъ.

Обезерскій, — Облеуховъ, — кн. А. А. Оболенскій, — С. Оболенскій, — кн. Ю. Оболенскій, — К. И. Огаревъ, — П. Огивскій, — П. И. Огородниковъ, — С. Ф. Огородниковъ, — Н. П. Озеровъ, — Ю. А. Ознобининъ, — М. Я. Ольшевскій, — Н. О. Омеляненко, — Ольхинъ, — В. И. Онуцiенко, — от. С. И. Опатовичъ, — И. И. Ореусъ, — В. Ф. Ореусъ, — А. Орловъ, — В. Б. Орловъ, — Н. М. Орловъ, — П. А. Орловъ, — профес. И. Т. Осининъ, — проф. Н. А. Осокинъ, — бар. Остенъ-Сакенъ, — баронесса Л. Остенъ-Сакенъ, — бар. А. А. Остенъ-Сакенъ, — А. Острогорскій, — П. Осѣцкй, — М. Очкпнъ.

Л. Н. Павлицевъ, — А. О. Павловскй, — Павловскй, — А. А. Павловъ, — А. С. Павловъ, — В. О. Павловъ, — Н. X. Палаузовъ, — Н. А. Паленовъ, — Н. Палибинъ, — С. М. Палицынъ, — А. В. Пальчиковъ, — А. А. и В. А. Панаевы, — художн. Панимаксеръ, — Н. И. Пановъ, — С. Ф. Панютинъ, — П. А. Панчулдзевъ, — С. А. Панчулдзевъ, — С. А. Панчулдзевъ, — С. О. Папроцкй, — О. О. Пардалоцкй, — П. Д. Паренсовъ, — Парландъ, архитекторъ, — М. Д. Пархомовъ, — И. В. Паскачинъ, — В. Пассежъ, — Т. П. Пассежъ, — Пафнутьевъ, — А. Пахолковъ, — В. К. Пашковъ, — В. Пашенко, — И. Пенъковскй, — профес. I. Первольфъ, — Г. Г. Перетцъ, — Перфильева, — Н. А. Перфильевъ, — Э. Н. Перцовъ, — г. Пестичъ, — Петерсонъ, — Г. П. Петерсонъ, — С. Петровскй, — Алексан. Павл. Петровъ, — П. Петровъ, — Андр. Н. Петровъ, — проф. Н. И. Петровъ, — П. Н. Петровъ, — П. П. Петровъ, — от. Пирлянгъ, — В. Н. Пироговъ, — А. А. Пирогова, — Н. В. Пирожковъ, — С. П. Писаревъ, — В. В. Плаксинъ, — А. А. Плансонъ, — Платонова, — А. А. Повало-Швыйковскй, — С. И. Погодина, — Подвысоцкй, — И. П. Поддубный, — А. И. Подолинскй, — И. Е. Подтягинъ, — О. Подтягинъ, — Подушкинъ, — Подшиваловъ, — акад.-граверъ И. П. Пожалостинъ, — Е. Ц. Поздѣевъ, — А. П. Покровскй, — В. О. Покровскй, — Г. Покровскй, — П. Н. Полевой, — А. П. Полетаевъ, — Н. А. Поливановъ, — В. Н. Поливановъ, — Подикарповъ, — А. С. Половскй, — Я. П. Половскй, — А. Полторацкй, — В. Поляковъ, — профес. И. В. Помяловскй, — А. Пономаревъ, — О. Пономаревъ, — С. Пономаревъ, — А. Е. Поповъ, — Анд. Н. Поповъ, — Василій Петр. Поповъ, — И. С. Поповъ, — Михаилъ И. Поповъ, — Николай Поповъ, — Нилъ А. Поповъ, — С. С. Порошина, — С. С. Порошинъ, — А. П. Порто, — В. О. Португаловъ, — Н. Б. Потокской, — полков. Потто, — Ч. Н. Правиковъ, — П. Я. Прейнъ, — А. Преображенскй, — Ш. М. Пржевальскй, — А. О. Пржедавскй, — П. Г. Пржедавскй, — Д. И. Прозоровскй, — М. С. Прокудинъ-Горскй, — Пронина, —

Н. Н. Протасовъ, — С. В. Протопоповъ, — А. Пругавинъ, — С. Л. Пташицкій, — профес. Александръ Каз.им. Пузыревскій, — Н. А. Пузыревскій, — А. П. Пулло, — А. Г. Пупаревъ, — А. М. Пустоваловъ, — П. А. Пушкаревъ, — А. Н. Пшенинъ, — Д. М. Пѣтуховъ, — М. Пѣтуховъ, — Пѣшковъ, — А. П. Пятковскій.

В. Равиль, — А. Ф. Радченко, — М. Н. Раевскій, — А. Раменскій, — А. Раскоповъ, — П. Н. Раскоповъ, — Н. А. Ратынскій, — П. С. Ревякинъ, — Р. А. Регнерскій, — О. Рейаботъ, — Е. Я. Реймеръ, — И. С. Ремезовъ, — Н. В. Реутскій, — графъ А. А. Ржевускій, — Н. Ряднигеръ, — Н. В. Ринкъ, — А. О. Риттихъ — Д. А. Ровинскій, — П. Роговъ, — Д. П. Родионовъ, — В. Рожковъ, — от. А. И. Розановъ, — Н. П. Розановъ, — Н. И. Розановъ, — О. фонъ-Розенбергъ, — бар. М. П. Розенгеймъ, — Д. А. Рокотовъ, — Г. О. Романенко Щирый, — А. Н. Романовскій, — С. И. Романовъ, — Ю. А. Романовъ, — П. Рословъ, — Н. И. Ростиславовъ, — графъ И. Н. де-Рошфоръ, — Д. И. Ртищевъ, — О. Рубановскій, — Д. Рубакинъ, — Рубецъ, — С. А. Рудакова, — К. Рудицкій, — Н. Рудиковскій, — баронъ В. Румель, — Л. Е. Румель, — Руничъ, — А. О. Рутценъ, — Рыбкинъ, — Н. Рыбодовскій, — В. Рышковъ, — Г. К. Рѣпинскій, — Е. С. Рѣпина, — Д. Д. Рябининъ

Сабуровъ, — профес. П. И. Саввантовъ, — А. А. Савельевъ, — А. И. Савельевъ, — Савельевъ — А. В. Савельевъ, — О. Г. Савенко, — А. А. Савурскій, — Садовскій, — Н. Сажинъ, — Н. О. Сазоновъ, — В. Сантовъ, — В. Самаринъ, — Ц. О. Самаринъ, — Н. Самойло, — артистъ В. В. Самойловъ, — И. Самсоновъ, — А. Сапожниковъ, — В. С. Сахаровъ, — Свамочкинъ, — Свистуновъ, — Т. И. Седлецкій, — М. Селезневъ, — А. В. Селвановъ, — Н. Н. Селифонтовъ, — А. Селяховъ, — магистръ русск. исторій В. И. Семевскій, — П. П. Семеновъ, — Павелъ А. Семеновъ, — Л. М. Сементовскій, — А. Сементовскій, — К. А. Семеновскій, — К. Б. Сентъ-Илеръ, — А. Н. Сергѣевъ, — Сергѣевъ, — А. Серебряковъ, — Л. М. Сердюкова, — Серно-Соловьевичъ, — Д. П. Сильчевскій, — П. В. Симанскій, — Симоновъ, — Н. П. Синельниковъ, — А. Н. Сиротининъ, — Н. Е. Сиротининъ, — Р. П. Ситовскій, — Н. Н. Скалонъ, — А. Е. Скальковскій, — А. А. Скальковскій, — Г. Н. Скамони, — А. Скворцовъ, — А. И. Скиндеръ, — В. Склискій, — В. Скоробогатый, — О. М. Скородумовъ, — А. И. Скребицкій, — А. Слѣцовъ, — А. В. Смирновъ, — В. Смирновъ, — В. П. Смирновъ, — И. А. Смирновъ, — Смѣкаловъ, — Д. Д. Смышляевъ, — Н. П. Собко, — А. И. Соболевскій, — В. Соколовскій, — А. П. Соколовъ, — Н. И. Соколовъ, — В. Т. Соколовъ, — Е. П. Соколовъ, — профес. О. Г. Солицевъ, — от. П. Соловьевъ, — П. И. Соловьевъ, — М. В. Соловьевъ, — Солтанъ, — А. И. Сомовъ, — А. Е. Сомовъ, — И. В. Сорочкинъ, — Р. П. Сорочкинъ, — Т. А. Сосновскій, — П. Т. Софіенко-Сухомлиновъ, — В. Д. Спасовичъ, — Спасскій, — А. И. Сперанскій, — А. Спицинъ, — И. Спиреогинъ, — С. А. Станкевичъ, — М. И. Ставраки, — А. И. Старкъ, — Н. И. Стародубскій, — Старостинъ, — А. В. Старчевскій, — В. В. Стасовъ, — М. М. Стасюлевичъ, — С. В. Стебницкая, — Б. А. Степановъ, — В. А. Степановъ, — В. П. Степановъ, — Н. И. Степановъ, — П. А. Степановъ, — М. А. Сталь-Милитина, — Стешевскій, — А. Д. Столминъ, — Сторожевскій, — Н. В. Стороженко, — Стороженко, — П. Строевъ, — Стронинъ, — В. Я. Стоунинъ, — А. Г. Стояновская, — Н. И. Стояновскій, — З. Стражева, — А. И. Стригоцкій, — Р. Стр-



гановъ,—Н. С. Стромиловъ,—В. В. Струве,—Д. М. Струновъ,—Стрѣлковъ,—  
Г. И. Студенкинъ,—С. Ступининъ,—М. М. Субботинъ,—С. Судаковъ,—И. М.  
Судѣвко,—С. Н. Сулима,—от. А. И. Сулодцкій.—Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей,—  
В. Сульменевъ,—А. П. Сумароцкая,—П. Суходольскій,—Д. П. Сушковъ,—  
профес. П. П. Сущинскій,—С. П. Сысоевъ,—П. Сѣверцовъ,—Л. А. Сѣркова,  
рожд. Тицъ.

Д. Г. Тальбергъ,—В. Таницкій,—А. Тяжковъ,—П. Е. Татарниковъ, А. З.  
Теляковский,—Темниковъ,—В. В. Тенишевъ,—Н. М. Тереховъ,—А. Т. Ти-  
мановскій,—Тимофѣевъ,—В. В. Тимошукъ, рожден. Кузнецова,—Тимченко,  
Рубанъ,—А. А. Титовъ,—В. П. Титовъ,—Н. Н. Титовъ,—И. Тихомировъ,—А. Е.  
Тихонравова,—проф. Н. С. Тихонравовъ,—Д. Д. Тогольскій,—графиня А. И.  
Толстая,—графиня С. А. Толстая,—графъ Толстой,—П. С. Толстой,—В. М.  
Толстой,—Томашевъ,—А. М. Томянина,—А. В. Топоровъ,—Н. Е. Топчѣвъ.—  
г. Трахтенбергъ,—Н. Трескинъ,—В. Третескій,—Л. Н. Трефолевъ,—В. Г.  
Тривоковъ,—А. Трифоновъ,—П. Трофимовскій,—Д. А. Трощинскій,—А. Н.  
Труворовъ,—Туганъ-Мирза-Барановскій,—А. Д. Тумановъ,—Турау,—С. И.  
Турбинъ,—кн. Н. Н. Туркестановъ,—Н. П. и М. П. Тучковы,—Алексѣй Тыр-  
товъ,—И. И. Тѣльновъ,—И. А. Тютчевъ.

В. А. Успенскій, д-ръ Ульрихсовъ.

М. Н. Фатѣевъ,—Н. Федоровъ,—Н. М. Федоровъ,—А. Федоченко,—  
А. И. Фелькнеръ,—Я. Фетястовъ,—А. Фехнеръ,—М. А. Филипповъ,—Т. И.  
Филипповъ,—А. П. Философова,—В. Д. Философовъ,—В. С. Флеринъ,—К. Н.  
Флиге,—Д. Флоринскій,—Н. Ф. Фонъ-д-еръ Флѣтъ,—О. Е. Франкъ,—баронъ  
А. А. Фредериксъ,—бар. В. А. Фредериксъ,—бар. Фредериксъ,—Фрезе,—  
А. Г. Фрикель,—А. Е. Фролова,—Н. А. Фроловъ,—Фролковъ,—Фурдуевъ.

Ханъ-Аговъ,—С. А. Хмырова,—Хмѣльницкій,—Н. Ф. Хованскій,—П. Ф.  
Хомутовъ,—от. А. Хорошунъ,—А. Н. Хребтовъ,—П. Хржановскій,—М. Н.  
Хрущовъ,—А. Хрѣновскій,—Н. Хупотскій.

Цвилевъ,—С. Ф. Цвѣтковъ,—И. Е. Цвѣтковъ,—кн. Д. Н. Цертелевъ.

Чайковский,—графъ Э. К. Чапскій,—А. И. Чарторяжскій,—Ф. Ф. Чека-  
линъ,—Н. М. Челищевъ,—И. А. Черемухинъ,—П. А. Черкесова,—И. Черновъ,  
К. А. Четверухинъ,—В. Н. Чеховъ,—Е. В. Чешкинъ,—Г. С. Чириковъ,—проф.  
И. А. Чистовичъ,—проф. Я. А. Чистовичъ,—Л. М. Чячаговъ,—М. М. Чича-  
ловъ,—Н. Чуйковъ,—А. А. и П. А. Чумиковы,—Н. Б. Чупинъ.

Г. А. Эзовъ —А. Экземпларскій,—Э. Элерсъ,—Н. А. Энгельгардтъ.

Е. А. Шахъевъ, — П. П. Шалфъевъ, — И. И. Шамшевъ, — Ф. А. Шаховъ, —  
 кн. Ив. Шаховской, — Н. Шаховской, — В. И. Шаховской, — Е. Г. Шварцъ, —  
 К. Н. Шварцъ, — И. А. Шмаковъ, — Б. С. Шевыревъ, — П. В. Шейнъ, — Ша-  
 хова, — Н. Шеншинъ, — А. В. Шереметевъ, — Л. И. Шестакова, рожд. Глина, —  
 И. I. Шеталовъ, — Н. И. Шигановъ, — Н. К. Шильдеръ, — Н. И. Шильдеръ, —  
 Шимановъ, — Ф. Ф. Шиманъ, — Н. Ширяевъ, — А. Д. Шипиковъ, — С. Д. Шипи-  
 ковъ, — А. Шкляревскій, — Л. Шлегель, — А. О. Шлейснеръ, — Шлякинъ, — А. С.  
 Шляхтинъ, — И. А. Шмаковъ, — М. Ф. Шогуровъ, — Н. К. Штраудманъ, — А. Е.  
 Штугенбергъ, — С. Н. Шубинской, — В. В. Шульцъ, — П. А. Шульцъ, — А. J.  
 Шумахеръ, — А. Шуровскій.

П. К. Щебальскій, — Н. А. Щепкинъ, — С. П. Щепкинъ, — А. Щер-  
 ковъ, — Щербачевъ, — Н. Щеховскій.

М. Л. Юдинъ, — П. Л. Юдинъ, — г. Юзефовичъ, — Н. Юнгъ, — П. И. Юрканъ

А. И. Язиковъ, — Д. Язиковъ, — С. М. Якимихъ, — В. А. Яковлевъ, — С. J.  
 Яковлевъ, — Якубовичъ, — Вач. Е. Якушкинъ, — Е. И. Якушкинъ, — И. И. Я-  
 жуль, — Г. Д. Яновичъ, — С. Х. Янковскій, — С. А. Ярошъ, — П. Ясницкій, — В. Е.  
 Ястребовъ, — А. Н. Яхонтовъ, — княгиня Е. М. Яшвилъ, рожденная Орловъ-  
 графес. живои. В. И. Якобій.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ поименовать, съ глубокою признательностію къ памяти, нижеслѣдующихъ покойныхъ лицъ: С. А. Амировъ, — Л. Н. Антроповъ, — А. П. Арбузовъ, — проф. Н. Я. Аристовъ, — А. И. Артемьевъ, — А. Н. Афанасьевъ, — А. Ф. Багговуцъ, — Я. П. Баклановъ, — А. А. Баранцевъ, — князь А. И. Барятинскій, — Л. П. Батюшковъ, — А. П. Башудкій, — Н. В. Бергъ, — Е. А. Бестужева, — М. А. Бестужевъ, — профес. М. И. Богдановичъ, — профес. О. М. Бодянский, — М. П. Болотовъ, — адм. Бутаковъ, — Н. Д. Быковъ, — профес. И. Д. Бѣляевъ, — И. П. Варнаховскій, — П. П. Васильевъ, — князь А. И. Васильчиковъ, — Н. В. Веригинъ, — А. Ф. Волковъ, — Андрей Степанов. Вороновъ, — Н. М. Востоковъ, — И. В. Вунцъ, — А. Н. Вульфъ, — от. И. Гагаринъ, — Г. Н. Гевнади, — Н. В. Гербель, — П. П. фонъ Гецъ, — А. Ф. Гильфердингъ, — Ф. Н. Глинка, — К. П. Голенко, — свѣтл. кн. А. М. Горчаковъ, — А. К. Гриббе, — В. Д. Давыдовъ, — В. И. Даль, — Данильченко, — П. М. Дараганъ, — кн. П. П. Демидовъ санъ Донато, — Н. Н. де-Прерадовичъ, — Н. П. Дуровъ, — И. И. Евровеусъ, — А. П. Есиновъ, — А. П. Заблудкій-Десятовскій, — Д. Н. Замятинъ, — К. К. Злобинъ, — И. Ф. Золотаревъ, — В. А. Золотовъ, — К. А. Змбинъ, — В. А. Инсарскій, — Н. В. Калачовъ, — Ф. В. Каразинъ, — В. Н. Карамзинъ, — А. М. Каратыгина, рожден. Колосова, — П. А. Каратыгинъ, — Е. П. Карповичъ, — Е. Д. Карповъ, — А. М. Князевичъ, — М. Е. Ковалевскій, — О. И. Ковстантиновъ, — баронъ Н. А. Корфъ, — Н. И. Костомаровъ, — гр. П. Е. Коцебу, — И. И. Красовскій, — Г. И. Кузьминскій, — С. Е. Кулѣша, — кн. Куракинъ, — от. К. Кустодиевъ, — М. В. Кюхельбекеръ, — П. П. Ламбинъ, — профес. П. С. Лебедевъ, — А. И. Левшинъ, — А. Ф. Леопольдовъ, — Е. Ф. Лермонтова, — М. Н. Лонгиновъ, — кн-ня С. А. Мадатова, — Л. С. Маковъ, — М. А. Марковъ, — П. И. Мельниковъ, — П. К. Менковъ, — П. Н. Мевшиковъ, — Г. И. Мигринъ, — от. М. Я. Морозкинъ, — Ф. Н. Муратовъ, — Н. Н. Мурзакевичъ, — П. А. Мухановъ, — А. С. Наставинъ, — В. В. Никольскій, — кн. Д. А. Оболенскій, — Ф. К. Опочининъ, — Г. А. Орловъ, — гр. Д. Е. Остенъ-Савентъ, — И. Д. Павловскій, — акад. П. П. Цекарскій, — А. О. Подвысоцкій, — А. Н. Поповъ, — М. Н. Похвисневъ, — О. А. Пржецлавскій, — М. М. Рангъ, — В. Ф. Ратчъ, — А. В. Рачинскій, — Людмила Ив. Рикордъ, — баронъ А. Е. Розентъ, — Д. И. Романовскій, — ген. Рудаковъ, — А. И. Рыжовъ, — Д. П. Садовниковъ, — проф. И. И. Свѣзевъ, — А. С. Сгибневъ, — И. В. Сгливановъ, — А. И. Семевскій, — В. А. Семевскій, — К. С. Сербиновичъ, — баронъ М. Н. Сердобинъ, — А. Е. Сеславина, — Д. И. Скобелевъ, — акад. С. М. Соловьевъ, — И. И. Сосницкій, — А. Л. Спасскій, — Э. И. Стоговъ, — кн. Италійскій графъ А. А. Суворовъ-Рымнинскій, — акад.-грав. Л. А. Стряковъ, — К. Н. Тихомировъ, — Токарева, — графъ Ф. П. Толстой, — И. С. Тургеневъ, — кн. С. Н. Урусовъ, — В. И. Фелькнеръ, — бар. Н. П. Фредериксъ, — А. В. Фрейгангъ, — М. Д. Хмировъ, — И. Р. фонъ-деръ Ховентъ, — В. И. Чаславскій, — Адамъ Петр. Чеботаревъ, — К. В. Чевкинъ, — И. А. Чернавскій, — В. К. Шульцъ, — М. П. Шербининъ, — Н. Н. Шувкинъ, — Ястржемскій, — сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и большія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже цѣлыя фамильные архивы (напр. К. В. Чевкина) находятся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины», и тѣ, которые до сихъ поръ не были еще ею изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого историческаго изданія.

# „РУССКАЯ СТАРИНА“ И ЕЯ ИЗДАНИЯ

въ числахъ подписчиковъ.

## I.

### „Русская Старина“ въ 1885 году.

Въ 1885 г. экземпляры „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ, по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1. Абобиорнеборгской губ.	1	24. Забайкальскомъ окр.	4
2. Акмолинской обл.	22	25. Закаспійскомъ отд .	2
3. Амурской	17	26. Заравшанскомъ окр.	10
4. Архангельской губ .	19	27. Иркутской губ.	5
5. Астраханской .	85	28. Казанской	106
6. Бакинской	18	29. Калининской .	11
7. Батумской обл.	3	30. Калужской .	4
8. Бессарабской губ.	68	31. Карской обл.	11
9. Варшавской.	98	32. Кіевской губ. .	14
10. Виленской	67	33. Ковенской	21
11. Витебской	46	34. Костромской .	42
12. Владимірской .	71	35. Кубанской обл.	4
13. Вологодской	28	36. Курляндской губ.	
14. Волынской	46	37. Курской .	106
15. Воронежской	78	38. Кутанской .	10
16. Выборгской.	10	39. Кѣлецкой	
17. Вятской .	57	40. Лифляндской	2
18. Гродненской.	52	41. Ломжинской	26
19. Дагестанской	17	42. Люблинской	44
20. Донской обл.	61	43. Минской.	1
21. Екатеринославской губ.	123	44. Михельской	24
22. Елисаветпольской	13	45. Могилевской	20
23. Енисейской.	29	46. Московской.	

47. Нижегородской	61	78. Тверской.	58
48. Новгородской .	67	79. Терской обл.	33
49. Нюландской	11	80. Тифлисской губ	97
0. Олонецкой	22	81. Тобольской .	31
51. Оренбургской .	33	82. Томской .	29
52. Орловской	72	83. Тульской.	73
53. Пензенской.	57	84. Тургайской обл.	2
54. Пермской	83	85. Уральской	5
55. Петроковской .	15	86. Уфимской губ .	23
56. Плоцкой .	13	87. Ферганской обл.	11
57. Подольской .	64	88. Харьковской губ.	133
58. Полтавской .	114	89. Херсонской.	184
59. Приморской обл.	30	90. Черниговской .	89
60. Псковской губ.	38	91. Черноморскому окр.	2
61. Радомской	17	92. Эриванской губ.	13
62. Рязанской	52	93. Эстляндской	15
63. Самарской	52	94. Якутской обл .	18
64. С.-Петербургской.	93	95. Ярославской губ.	65
65. Саратовской	88		
66. Семипалатинской обл	7		<b>Итого 4195</b>
67. Семирѣченской	16	<b>II. Въ Москвѣ:</b>	
68. Симбирской губ.	51	<i>съ доставкой</i>	415
69. Смоленской.	64		
70. Ставропольской	37	<b>III. Въ С.-Петербургѣ:</b>	
71. Сувалкской .	12	<i>съ доставкой</i>	1069
72. Сухумскомъ окр..	2	<i>безъ доставки</i>	154
73. Сѣдлецкой губ.	10		
74. Смырь-Дарьинской обл..	36	<b>IV. За границею</b>	71
75. Тавастгустской губ.	2		
76. Таврической	103		
77. Тамбовской .	72		
		<b>Всего разошлось въ 1885 г. 5904</b>	
		<b>Осталось въ 1 декабря 1886 г. на лицо. 196</b>	

## II.

## „Русская Старина“ въ изданіяхъ 1870 — 1885 гг.

разошлась въ нижеслѣдующемъ количествѣ экземпляровъ:

	Напечатано:	Разошлось:	Осталось:
1870 г. изданія первое, второе и третье.	4,025	3,852	173
1871 г. изданіе первое.	3,500	} Не осталось ни одного экз., всё скопиа разошлось.	
1872 г. изданія первое и второе.	4,500		
1873 г. изданіе первое.	5,000		
1874 г. >	5,515		
1875 г.	6,000		
1876 г. изданія первое и второе.	6,535	6,321	214
1877 г. изданіе первое.	5,525	5,387	138
1878 г. > >	5,525	5,302	223
1879 г. >	5,525	5,401	124
1880 г. изданія первое и второе.	6,025	5,822	223
1881 г. изданіе первое.	6,010	5,927	83
1882 г.	5,600	5,588	12
1883 г. >	6,000	5,948	52
1884 г. изданія первое и второе.	6,625	6,391	234
1885 г. изданіе первое.	6,100	5,904	196

## III.

## Книги, изданныя редакціей „Русской Старины“:

«Записки Михаила Ивановича Глинки», изд. 1870 г.	} Не осталось ни одного экземпляра, всё скопиа разошлось.
«Записки Гавріила Ивановича Добрынина», изд. 1872 г.	
«Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году», изд. 1870 г.	
«Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія», изд. 1871 г.	
«Записки Е. А. Хвостовой», изд. 1871 г.	
«Записки князя Якова Шаховского», изд. 1872 г.	
«Петровский сборникъ», изд. 1872 г.	
«Русская Родословная книга», два тома, изд. 1873 и 1875 гг.	
«Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣраковымъ», изд. 1882 г.	

	Напечатано: Разомлось: Осталось:		
	экземпляровъ:		
«Записки сельскаго священника», Спб., изд. 1882 г.	1,825	1,267	558
«Царица Прасковья», очеркъ изъ русской исторіи М. И. Семевскаго, изд. 1883 г.	3,000	3,000	--
«Слово и дѣло», очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII-го вѣка, М. И. Семевскаго, изд. 1883 г.	2,600	2,600	—
«Слово и дѣло», очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII-го вѣка, М. И. Семевскаго, Спб., 1884 г., изд. третье.	2,400	500	1,900
«Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ», очеркъ изъ русской исторіи XVIII-го вѣка, М. И. Семевскаго, Спб., 1884 г., изд. второе, съ портретами и рисунками.	4,000	2,400	1,600
«Систематическая роспись содержанія «Русской Старины» изд. 1870—1884 гг.». Спб., въ 8 д., изд. 1885 г., съ портретами и снимками	1,000	200	800
«Павловскъ», очеркъ его исторіи, 1777—1877 гг., съ портретами (геліо-гравюрные снимки) и множествомъ рисунковъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ, роскошное изданіе. Эта книга составлена ред. «Русской Старины», но издана иждивеніемъ Августѣйшаго Владѣльца города Павловска	1,825	1,750	75

Напечатано: Разошлось: Осталось:

экземпляровъ:

«Маленькимъ дѣтямъ», книга для чтенія, составила Елис. Мих. Семейская. Спб., въ 4-ю д., со множествомъ рисунковъ и портретомъ е. и. в. великой княжны Ксеніи Александровны, каковыя художественныя приложенія исполнены въ Лондонѣ, также съ прилож. нотъ дѣтскихъ пѣсень:

изд. первое, 1883 г.	2,400	2,400	---
изд. второе, 1885 г.	2,000	400	1,600 <sup>1)</sup>

<sup>1)</sup> Цѣна книги «Павловскъ» (осталось всего 75 экз.) пять руб.; подписчики «Русской Старины» на 1886 г. могутъ приобрѣсти это роскошное изданіе за три рубля. Цѣна книгъ «Слово и дѣло» и «Царица Екатерина и Монахъ» для подписчиковъ «Русской Старины» также уменьшенная, именно: по 1 р. 50 к. съ пересылкою за каждую книгу.

<sup>2)</sup> Изданія книгъ: „Слово и дѣло“, изд. третье, — „Царица Екатерина Алексѣевна“, изд. второе (первое было въ 1862 г.), — „Роспись“, изд. первое, и „Маленькимъ дѣтямъ“, изд. второе, приобрѣтены книгопродавцемъ Цизерлингомъ, и складъ этихъ изданій находится въ его книжномъ магазинѣ на Невскомъ проспектѣ, д. № 46.



## УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ XLV, XLVI, XLVII и XLVIII тт.

# „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1885 г.

- Абаза, А. А.**, чл. госуд. сов., ин-рь финансовъ 1881 г., т. XLVI, 220.
- Аббалузовъ, сенат.**, т. XLV, 29, т. XLVI, 115, 117.
- Абрамовичъ, ген.** 1861 г., т. XLV, 567.
- Адамовичъ, профес. виденск. унверсит.** 1870 г., т. XLVIII, 117.
- Адлербергъ, гр., Влад. Федор., ген.-ад.**, т. XLV, 573, 739, т. XLVI, 187, 189, 351, т. XLVII, 297, 489.
- Аксаковъ, Серг. Тимое., писат.**, т. XLVI, 337.
- Аксаковъ, И. С.**, издат. «Руся», т. XLVI, 560, 561.
- Алабинъ, П. В.**, сообщ. замѣтку: «Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ», т. XLV, 440—442.
- Алафилъ, издат. «Невск. Альманаха»** 1829 г., т. XLV, 75.
- Александръ I, импер.**, р. 1777 г., † 1825 года, его записка г.-ад. бар. Дибичу 1824 г., т. XLVIII, 388, Прошение къ нему почтмейстера Кентара и отвѣтъ на него государя 392—393; упом.: томъ XLV, 12, 119, 136, 141, 146, 193—201, 206, 213, 224, 240, 259, 265, 312, 339, 340, 347, 359, 387, 424, 482, 486, 562, 631, 633, 634, 642, 644, 649, томъ XLVI, 90, 93, 99, 101, 133, 438, 570, т. XLVII, 1, 3, 4, 5, 8, 170, 341, 343, 344, 368, 371, 379, 380, 389, 390, 521, 522, т. XLVIII, 70, 72, 153, 250, 256, 264, 266, 267, 272, 273, 283, 285, 385, 401, 433, 480, 481, 484, 523.
- Александръ II, имп.**, р. 1818 г., † 1881 г., въ воспоминаніяхъ К. К. Мердера, т. XLV, 340—364, 527—554, т. XLVI, 87—106, 265—280, 481—510, т. XLVII, 223—238, 429—444, т. XLVIII, 503—622; Пребываніе его въ Курской губерніи въ 1861 г., т. XLV, 419—430; упом.: т. XLV, 32, 366 367, 376, 384, 394, 571, 580, 745, 749, 757, 758, т. XLVI, 158, 187, 188, 214, 223, 224, 261, 315, 338, 445, 453, 480, 664, т. XLVII, 125, 136, 371, 467, 477, 486, 489, 494, т. XLVIII, 113, 162, 342, 685, 686, 703, 712.
- Александръ III, императоръ,** т. XLVI, 548, 549.
- Александра Феодоровна, им-ца, род.** 1798 г., † 1860 г., т. XLV, 341, 345—349, 352, 354, 359—364, т. XLVI, 188, 261, 262.

**Александра Павловна**, вел. княг., въ супруж. палатина Венгерская, р. 1783 г., † 1801 г., т. XLVII, 233—246.

**Александра Никольевна**, вел. княж., † 1844 г., т. XLV, 855, 544, т. XLVI, 273, 502, т. XLVII, 441, 442, т. XLVIII, 516, 518.

**Александра Иосифовна**, велик. княг., т. XLVI, 444.

**Алексѣевскій**, пнж. пут. сообщ., томъ XLVIII, 320, 321, 328.

**Алексѣевъ**, севат. 1799 г., т. XLVII, 341, **Алексѣевъ**, акад., т. XLV, 638.

**Алексѣй Михайловичъ**, царь, р. 1629 г., † 1676 г., т. XLV, 190, 192, т. XLVIII, 22, 464.

**Алексѣй Петровичъ**, царев., т. XLVII, 171, 196.

**Алферовъ**, Н., граверь, т. XLV, 650.

**Альбедикскій**, ген.-ад., виленск. ген.-губерн. 1876 г., т. XLVIII, 121, 122.

**Альфонсскій**, Аркад. Алексѣев., профес., т. XLV, 499, 500.

**Амвросій Подобѣдовъ**, архіен. казанскій 1785 г., вполн. митр. сиб. и новгородскій, † 1818 г., т. XLVI, 570, 571, 572, 573, 575.

**Амвросій Протасовъ**, архіен. тверск. и казанск. 1815—1826 гг., т. XLVI, 590, т. XLVII, 168.

**Амисохваровъ**, кн., генер. 1877 года, т. XLV, 164, 166.

**Анастасій Братановскій**, настоятель Троиц.-Сергиев. пустыни 1795—1796 гг., т. XLVII, 168.

**Ангель**, инженер. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 328, 336.

**Андреевскій**, И. Е., профес., сиб. унив. 1885 г., т. XLVIII, 710, 711.

**Андрушевичъ**, участн. польск. возст. 1863 г., т. XLV, 401.

**Аничкова**, Софья Александр., рожд. гр. **Апраксина**, † 1822 г., т. XLVII, 170.

**Анне**, профес. фармакол. моск. универс. 1829 г., т. XLV, 299.

**Анна Иоанновна**, им-ца, р. 1693 года, † 1740 г., т. XLV, 187, 189, 190, 192, 240, 244, 333, 334, 632, 633, т. XLVII, 167, 168, 171, т. XLVIII, 18—54.

**Анна Леопольдовна**, правител., р. 1718 года, † 1746 г., т. XLVIII, 83, 34, 41, 42, 43.

**Анненковъ**, П. В., писатель, т. XLVII, 320, 324.

**Анненковъ**, И. А., декабр., т. XLVII, 516.

**Анненковъ**, Н. Н., предсѣд. общества сарат. ж. дор., т. XLV, 381.

**Анненковъ**, ген.-губ. ю.-з. края 1864 г., т. XLVIII, 125.

**Анненковъ**, ген.-ад. 1853 г., т. XLVIII, 360, 365.

**Анрепъ**, полковн. 1831 г., т. XLVII, 58, 59.

**Антоній**, архимандр., намѣств. Троице-Сергиевской лавры 1831 г., † 1877 г., т. XLVIII, 158.

**Антоній**, архимандр. Николаевск. Брельскаго монаст. 1767 г., т. XLV, 315—338, 613, 617, 622—628, т. XLVI, 53, 61—71.

**Антоній Смиринскій**, еписк. воронежск. 1832 г., † 1846 г., т. XLVIII, 160.

**Антоній Рафальскій**, архіен. варшавск. вполн. митр. сиб. † 1848 г., т. XLVIII, 501.

**Антоній**, архимандр. 1836 г., т. XLVII, 18, 22, 24, 25.

**Антоновъ**, С. А., пѣвецъ, т. XLVI, 339, 342.

**Антоновъ**, инж. пут. сообщ. 1843 г., т. XLVIII, 326, 335.

**Апраксина**, гр., Марія, р. 1794 года, † 1872 г., т. XLVII, 171.

**Апраксина**, гр., Екат. Александр., р. 1756 года, † 1832 г., т. XLVII, 170.

**Апраксинъ**, гр., т. XLVIII, 434.

**Апраксинъ**, гр., Кирилль Петр., р. 1779 года, † 1822 г., т. XLVII, 171.

**Апраксинъ**, Степ. Степ., ген.-ашш. 1800 года, т. XLVII, 380, 381.

**Апраксинъ**, гр., Александр. Из., р. 1782 г., † 1842 г., т. XLVII, 171.

**Апуктина**, Марья Павл., рожд. фонъ **Визина**, т. XLVIII, 286.

**Аракчеевъ**, гр., Алексѣй Андр., ген.-артил., р. 1769 г., † 1834 г., т. XLV, 27, 119, 125, 128—137, 142—150, 206, 209—222, т. XLVI, 318, 457, 580—582.

- 588, т. XLVII, 2, 385, 395, 398, 403, т. XLVIII, 69, 70, 258, 259, 264, 265, 266, 381—384, 480, 481.
- Арапетовъ, Ив. Павл.**, бывш. чл. редакц. комм., т. XLV, 757, т. XLVI, 213.
- Арендъ, Н. Ф.**, лейбъ-мед., т. XLVI, 49—52, 229, 234, т. XLVII, 432, 435.
- Арифельдъ, т. XLVII, 395, 397, 400, 405.**
- Аркольдъ, Ю. К.**, композ., т. XLVI, 342.
- Арсеній Нагибинъ, архимандр. Висоцк. Богородичнаго монастыря**, † 1848 года, т. XLVIII, 158.
- Арсеній Мадцѣевичъ, митроп. ростовск.**, р. 1697 г., † 1772 г., т. XLV, 311—338, 611—628, т. XLVI, 53—86.
- Арсеньевъ, Кон. Ив.**, акад., т. XLVI, 188.
- Архаровъ, Ив. Петр.**, ген. отъ инф., московск. воев. губернат., т. XLVIII, 74.
- Архаровъ, Никол. Петр.**, спб. военный губернат. 1796 г., т. XLVII, 383, 387, т. XLVIII, 71—74.
- Арцимовичъ, Вият. Антон.**, бывш. тобольскій, затѣмъ валуж. губернат. 1858 года, чл. комис. о губерни. и уѣздн. учрежд., нивѣ первоприсут. въ сенатѣ, т. XLV, 757, т. XLVI, 213, т. XLVII, 476, 478, 480.
- Арцимовичъ, Ад. А.**, т. XLV, 757, томъ XLVI, 213.
- Ардешевскій, полковн.** 1880 г., т. XLVI, 179, 393, 397, 398.
- Афанасьевъ-Чумбинскій, писат.**, томъ XLV, 224, 416.
- Афанасій Волховскій, архимандр.** 1756 года, т. XLVII, 168.
- Афанасій Дроздовъ, рект. спб. духовн. акад.**, т. XLVIII, 165.
- Ахшарумовъ, Д. Д.**, сообщ.: «Холера въ Малороссіи въ 1830—1831 годахъ», т. XLVII, 209—222.
- Багратионъ, кн., Петр. Ив.**, ген. отъ инф., р. 1756 г., † 1812 г., т. XLV, 231, т. XLVII, 401, 403.
- Бажановъ, Васил. Борисов.**, протопресвитерь, духовникъ имп. Александра II, т. XLVI, 442, т. XLVIII, 166.
- Баженовъ, Вас. Ив.**, архитект., р. 1737 года, † 1799 г., т. XLV, 630, 635.
- Баймова, А. Н.**, т. XLVI, 342.
- Баллашовскій, ген.-маіоръ** 1812 г., томъ XLVIII, 685.
- Бажукина, Е. М.**, сообщила: Записки В. И. Бакунной «Двѣнадцатый годъ», т. XLVII, 391—410.
- Бажукина, Барвара Ив.** Ея записки о „Двѣнадцатомъ годѣ“, томъ XLVII, 391—410.
- Бажукина, Екат. Алексд.**, рожд. Саблузова, т. XLVII, 510.
- Бажукинъ, Мих. Мих.**, т. XLVII, 391.
- Бажукинъ, поруч. артыл.**, т. XLVI, 188, 189, 190.
- Бажукинъ, Мих. А.**, эмигр., т. XLV, 392.
- Балахвревъ, М. А.**, композит., томъ XLVI, 342.
- Балашевъ, мн-ръ полиц.** 1812 г., томъ XLVII, 395, 398, 403, 408, т. XLVIII, 685.
- Балбожовъ, ген.-маіоръ** 1831 г., т. XLVII, 52, 53.
- Балицкий, команд. Минскаго пол.** 1831 года, т. XLVII, 53.
- Бантышевъ, гвѣзецъ** 1844 г., т. XLV, 61.
- Бантышъ-Каменискій, Никол. Никол.**, управл. москов. архив. мн-ва иностр. дѣлъ, † 1814 г., т. XLV, 558.
- Баранова, гр., Юлія Фед.**, рожд. Адлербергъ, статсъ-дама, р. 1789 года, † 1864 г., т. XLVII, 171.
- Барановъ, гр., Эдуардъ Трофим.**, виленскій ген.-губернат., т. XLVI, 592, томъ XLVIII, 112, 113, 114, 118.
- Баранковскій, Емельянъ Васил.**, свящ. 1875 г., т. XLVI, 207.
- Барниковъ, А. А.**, художн., т. XLV, 242.
- Барклай-де-Толли, кн., Мих. Богдан.**, воен. мн-ръ 1812 г., р. 1761 г., † 1818 г., т. XLV, 650, т. XLVII, 395—408 т., XLVIII, 524.
- Барновъ, Никл. Алексдр.**, директ. камеральн. департ. 1800 г., т. XLVIII, 272.
- Барсовъ, Никол. Ив.**, проф., т. XLV, 311, 754, т. XLVIII, 166.
- Барсуковъ, А. П.**, чл. археограф. комм. 1865 г., т. XLVI, кн. V, стр. IV.

Вартенева, Федос. Ив., рожд. Вугуржи-на, р. 1790 г., † 1835 г., т. XLVII, 171.  
 Вартеневъ, Арсен. Ив., ст. сов., † 1881 года, т. XLVII, 171.  
 Вартеневъ, П. П., издат. «Русск. Архива», т. XLV, 471, 702.  
 Варшевъ, С. П., юристъ, т. XLVII, 483.  
 Ватюшкова, Софья Астафьевна, рожд. Пальменбахъ, р. 1781 г., † 1839 г., т. XLVII, 171.  
 Ватюшковъ, Конст. Никол., писатель, р. 1787 г., † 1855 г., т. XLV, 74.  
 Ватюшковъ, Пав. Львов., д. т. сов., соват., р. 1765 г., † 1848 г., т. XLVII, 171.  
 Вахметевъ, Дм. Александр., Тамбов. губернат., т. XLVIII, 271.  
 Вахметевъ, А. Н., попечит. московск. учебн. окр. 1858 г., т. XLVI, 209.  
 Вахтинъ, Н. И., чл. госуд. сов., т. XLVII, 489, 490.  
 Вачмаговъ, Ив. Петр., р. 1764 года, † 1832 г., т. XLVII, 171.  
 Вашиловъ, камеръ-пажъ 1800 г., томъ XLVIII, 80.  
 Вебуговъ, кн., Вас. Осип., ген. отъ инф., † 1858 г., т. XLVIII, 216.  
 Везбородко, кн., Александр. Андр., об.-гофмейст. и ст.-секрет. Екатерины II, р. 1747 года, † 1799 г., т. XLVI, 197, 198, 199, т. XLVII, 341, 390.  
 Везбородко, гр., вице-канцл. 1763 г., т. XLVIII, 239.  
 Везобразовъ, В. П., акад., т. XLVII, 494.  
 Везоново, П. А., т. XLVIII, 119.  
 Везоговъ, А. П., рект. сиб. унив., томъ XLVII, 313.  
 Веклемишевъ, ген.-майоръ 1863 г., томъ XLV, 401.  
 Веклешовъ, ген.-прокур. 1799 года, т. XLVII, 341.  
 Венгиславскій, вѣж. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 326, 335.  
 Венкендорфъ, Ив., ген.-поруч., ревельск. оберъ-коменд. 1771 г., т. XLVI, 81, 82, 83, 84.  
 Венкендорфъ, гр., Александр. Христофор., шефъ жандарм., р. 1783 г., † 1844 г., т. XLV, 375, 376, т. XLVI, 316, 317, т. XLVIII, 388.

Венуа, Никол. Леонт., акад. 1835 на т. XLV, 242.  
 Вергъ, Никол. Васил., † 1884 г., т. XV 402, 409, 561.  
 Вергъ, ревельск. ген.-губернат. 1839 г., т. XLVI, 272.  
 Вергъ, гр., Фед. Фед., ген.-квартирмейстеръ арміи 1812 г., вносил. ген.-фельдмаршалъ, наместникъ Царства Польскаго, р. 1794 г., † 1874 г., т. XLVI 131, т. XLVIII, 704.  
 Вергъ, Д. В., т. XLV, 76.  
 Верезина, Екат. Дм., въ зам. Прохова, т. XLVI, 464, 476.  
 Верезина, Екат. Никол., рожд. гр. Тишчева, т. XLVI, 44, 476—480.  
 Верезинъ, Дм. Серг., т. XLVI, 479, 480.  
 Верше, Адольфъ Петр., сообщ.: „В. И. О. Паскевичъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1846 г.“, т. XLVIII, 213—220, 404—410, „Алексѣй Петровичъ Ермоловъ его письмахъ въ кн. М. С. Воронцовъ: 523—550.  
 Вертенсонъ, Юсифъ Васил., рѣд. и-танная имя: «О нравственныхъ провозвращеніи Н. И. Парогова», т. XLV, 245—258.  
 Вершинъ, I., сообщ.: «Сожженіе мѣдъ въ Россіи въ XIII—XVIII вв.», т. XLV, 187—192.  
 Верхъ, адм. 1853 г., т. XLVIII, 361, 362, 368, 369, 372, 695.  
 Веръ, акад. 1853 г., т. XLV, 414.  
 Вестузевъ-Рюминъ, Констант. Никол., профес., т. XLV, 753, 754.  
 Вестузевъ-Рюминъ, кандл., т. XLV, 627, т. XLVI, 419.  
 Вещій, Ив. Ив., д. т. сов., р. 1704 г., † 1795 г., т. XLVI, 427, 428.  
 Вибикова, Е. П., въ зам. кн. Вильгельма-Вѣлговерскаго, т. XLVIII, 720.  
 Вибиковъ, Дм. Гавр., ген.-ад.-кварт. генер.-губернат. 1842 г., т. XLV, 574, т. XLVI, 641.  
 Вибиковъ, Г. Г., камергеръ 1831 год., т. XLVII, 64.  
 Вибиковъ, Н. Г., виландъ ген.-губернаторъ, т. XLV, 398, 567, т. XLVIII, 706.

- Вибиковъ, Д. С., т. XLV, 474.
- Винеманъ, писатель остзейск., т. XLVI, 198—204.
- Вирокъ, Иоганнъ Эрнестъ, герц. курлянд., р. 1690 г., † 1772 г., т. XLV, 239, 240, т. XLVIII, 21, 25, 26, 27, 28, 29, 33, 34, 35, 42, 44, 47, 50, 53.
- Влостромъ, ген.-ад. 1831 г., т. XLVII, 252, 414, 417, 418.
- Влагово, С. С., д. ст. сов., камергеръ 1884 г., т. XLV, 241, 242, 244.
- Влаговъстиковъ, Г. Е., т. XLVI, 622, 629.
- Вларамбергъ, инж. 1861 г., т. XLV, 393.
- Вларамбергъ, Елена Ив., писательница, т. XLVIII, 622.
- Влудовъ, гр., Дмитр. Никол., ст.-секрет., мн-рь внутр. дѣлъ р. 1785 г., † 1864 г., т. XLV, 312, т. XLVI, 326, т. XLVII, 486, 487, т. XLVIII, 489, 490.
- Вобринскій, гр., В. А., гродненск. губернаторъ 1863 г., т. XLV, 398.
- Вобринскій, гр., А. А., т. XLV, 376.
- Вобринскій, гр., т. XLVI, 315, 317.
- Воброль, В. А., худож., т. XLV, 652.
- Вобровский, П. О., т. XLV, 207.
- Вогдановичъ, Модестъ Ив., ген.-лейт., воен. историкъ, † 1882 г., т. XLVIII, 686.
- Вогдановъ, И. А., т. XLVI, 342.
- Вогдановъ, В. И., т. XLVI, 342.
- Вогомолецъ, ниж. пут. сообщ. 1843 г., т. XLVIII, 321, 326.
- Вогословскій, Мих. Паматов., протоіер., законоучит. въ уч. правовѣд. 1847 г., т. XLVIII, 442—444.
- Воджескій, Осипъ Максимов., проф. московскаго университ., р. 1808 г., † 1877 года, т. XLV, 702, 707.
- Вомержиковъ, Ив. Никол., сообщ.: «Церковь при Обуховск. больн. 1828—1884 года», т. XLV, 469—470, «Андрей Никифоровичъ Воронихинъ, строитель Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ», 628—652, упом. т. XLV, 242, т. XLVI, 446—448.
- Волдыревъ, сиб. плацъ-маіоръ 1831 г., т. XLVII, 67.
- Ворадовичъ, предвод. двор. Рославл. уѣзда, Смолен. губ., 1799 г., т. XLVII, 345.
- Ворисовъ, Ив. Петр., т. XLVII, 335, 336.
- Воричевскій, И. П., тайн. сов., томъ XLVI, 311, 313.
- Воровицковскій, худож., томъ XLV, 646, 648.
- Воровскій, полковн., томъ XLV, 370, 371, 372.
- Воръжъ, гр., ген.-м. 1879 г., т. XLVI, 166, 167.
- Воссе, Ю. А., архитект., т. XLVII, 169.
- Воткинъ, Васил. Петр., писат., т. XLV, 68, т. XLVII, 373, т. XLVIII, 420.
- Воткинъ, Серг. Петров., профес., томъ XLVI, 851, 862.
- Фонъ-Врадле, Егоръ Фед., офиц. генер. штаба, вполн. сенат., т. XLV, 210, 211, 221.
- Вришнеръ, проф., т. XLV, 755.
- Вромъ, П. Ф., мн-рь фиван. 1853 года, т. XLV, 741, 742, т. XLVIII, 842.
- Вроневичъ, ниж. пут. сообщ. 1843 г., т. XLVIII, 326.
- Вроуцъ, гр., лифлянд. губернат. 1785 г., т. XLVI, 195, 197, 198, 199.
- Бруевичъ, Васи. Мих., инспекторъ Подольскаго кадетск. корп. 1847 г., томъ XLVIII, 699.
- Брушковъ, русскій посолъ въ Лондонѣ 1863 г., т. XLV, 410.
- Брусовъ, Я. А., купецъ, т. XLV, 242, 243.
- Бруховскій, гетманъ, т. XLV, 191.
- Брюдловъ, Карлъ Павл. профес. акад. худож., † 1852 г., т. XLV, 645, томъ XLVI, 450.
- Брюдловъ, Александр. Павл., архитект., т. XLVI, 439.
- Брюдловъ, Фед. Павл., профес. худож., р. 1793 г., † 1869 г., т. XLV, 649.
- Брюеръ, Пелагея Ив., дочь И. С. Тургенева, т. XLVII, 318, 319, 320, 322, 323, т. XLVIII, 138.
- Брюеръ, Гастонъ, т. XLVII, 319—321.
- Брянчанниковъ, д. ст. сов. 1863 г., томъ XLV, 405.
- Вудбергъ, полковн. 1831 г., т. XLVI, 116.
- Вудбергъ, бар., т. XLVI, 195.
- Вудилевичъ, А. С., профес., т. XLVII, 412, 413, 416.
- Вумгольденъ, фл.-ад. 1785 г., т. XLVI, 434, 435.

- Булавкинъ, войсков. старшина 1877 г., т. XLV, 168, 173.
- Булаховъ, П. П., т. XLVI, 342.
- Булгаковъ, Петръ Алексѣев., чл. редакц. комм. 1860 г., т. XLVI, 214.
- Булгаринъ, Фаддей Венедикт., р. 1789 г., † 1809 г., т. XLV, 78, 81, 301, 302, 481, 482, т. XLVI, 477.
- Будажовъ, симбирск. губернат., томъ XLV, 665.
- Булыгинъ, Вас. А., чл. редакц. комм. 1860 г., т. XLVI, 214, 215.
- Булычевъ, тн. сов., камергеръ 1863 г., т. XLV, 405.
- Бунге, Никол. Христіан., чл. редакц. комм. 1860 г., мн-рь финанс. въ 1881 г., т. XLV, 757, 758, томъ XLVI, 213, 224.
- Бунначовъ, П., херсонск. вице-губернаторъ 1830 г., т. XLVII, 221.
- Бутцовъ, Влад. Петр., ст.-секр. 1859 г., т. XLVII, 476, 477, 482—494.
- Бутовичъ, подполковн. 1831 г., т. XLVI, 282, 283.
- Бутурлина, см. Комбурлей.
- Бутурлина, Марія Алексѣев., рожд. княж. Шаховская, т. XLV, 230.
- Бутурлина, Анна Дм., въ замуж. гр. Строганова, т. XLV, 230.
- Бутурлинъ, Петръ Мих., р. 1763 года, † 1828 г., т. XLV, 230.
- Бутурлякъ, Мих. Петр., офиц. кавалергардскаго пол. 1825 г., т. XLV, 230.
- Бутурлинъ, Петръ Дм., р. 1826 года, т. XLV, 230.
- Бутурлинъ, Дмитр. Петр., воен. писат. и историкъ, директ. сб. публ. библи. 1842 г., р. 1790 г., † 1849 г., т. XLV, 229—231.
- Бутурлинъ, нижегород. губернат., томъ XLV, 665.
- Бухвостова. Екат. Никл., рожд. Вердеревская, т. XLVIII, 271.
- Бухвостовъ, Никл. Ив., т. XLVIII, 270, 271.
- Бухъ, Константинъ, сообщ. «Иферъ (Фридрихъ) Виафельдъ Бухъ въ 1787—1811 гг.» т. XLVIII, 432—435.
- Вуцзовскій, об.-прокур. общ. собр. московск. департ. сената 1862 г., томъ XLVII, 487, 491.
- Вунтъ, проф. мед.-хир. акад., т. XLV, 278, т. XLVI, 50, 252, 458.
- Вуяльскій, докт., т. XLVI, 19, 50.
- Вывовъ, Ник. Дм., † 1884 г., т. XLV, 636.
- Бычковъ, Аван. Фед., акад., т. XLV, 755, 766, т. XLVI, кн. V, стр. IV, т. XLVII, 491.
- Бычковскій, Генрихъ Ильичъ, чл. ин-страціон. ком., т. XLV, 588.
- Вѣликовскій, Виссаріонъ Григ., писатль, р. 1810, † 1848 г., т. XLV, 67, 68, 471, т. XLVI, 640, 651, т. XLVII, 303, т. XLVIII, 425.
- Вѣловодскій, майоръ 1882 г., т. XLV, 588.
- Вѣлоголовскій, Н. А., врачъ, т. XLVI, 631, 632, т. XLVIII, 636, 644.
- Вѣловеровскій, Вас. Мих., чл. кіемск. епаріально-мееодіев. общ., т. XLVI, 619, 620, 628.
- Вѣлосельскій-Вѣловеровскій, кн. Эстеръ Александр., фл.-ад., † 1846 г., томъ XLVIII, 720.
- Вѣлосельскій-Вѣловеровскій, кн. Б. З., т. XLVI, 545.
- Вѣлосельскій-Вѣловеровскій, кн. Левъ-1843 г., т. XLVIII, 324, 331, 332.
- Вѣлленъ, Серг., бібліотекаръ акад. худож. 1795 г., т. XLV, 632.
- Вѣлкявъ, Александр. Петров., декабристъ, р. 1803 г., сообщ. «Воспоминанія о перемитомъ и перечувствованномъ съ 1803 г.», т. XLV, 653—670, т. XLVIII, 551—568.
- Вѣльскій, Ив. Ив., художн., † 1799 г., т. XLVI, 441.
- Вѣлодскій, д. с. с., правит. канц. веленск. ген.-губернат., т. XLVI, 327.
- Вагнеръ, профес., т. XLV, 35.
- Важель, Екат. Львов., † 1838 годъ, т. XLVII, 171.
- Валицкій, ниж. пут. сообщ. 1843 годъ, т. XLVIII, 326.
- Валуевъ, Петръ Семен., об.-церковн.-віймейст. 1800 г., т. XLVIII, 67.

- Валуевъ, гр., Петръ Алексдр., мн.-ръ  
внутр. дѣлъ 1866 г., мн.-ръ госуд. имущ.  
1872 г., т. XLV, 417, т. XLVII, 181,  
468, 490.
- Валуевъ, сенат. 1799 г., т. XLVII, 341.
- Вашетти, проф. харьков. унив. 1840 г.,  
т. XLV, 226.
- Варлаамъ Автѣліевичъ Высодкій, архи-  
мандр., духовникъ им-цы Анны Иоан-  
новны, основат. Троицко-Сергіевой пу-  
стыни въ 1736 г., т. XLVII, 167, 168,  
170, 171.
- Варлаамъ Сильковскій, ректоръ Троиц-  
ко-лаврской семинар., вносилъ первый  
востоят. Троицко-Сергіевой пустыни  
1764 г., т. XLVII, 168.
- Варламовъ, композит., т. XLVI, 339.
- Варсонофій, архіеп. архангельск. 1760 г.,  
т. XLV, 619.
- Василевскій, профес. 1885 г., т. XLVI,  
кв. V, стр. IV.
- Васильева, актриса, т. XLVII, 496, 497.
- Васильевъ, І. Г., т. XLVI, 342.
- Васильевъ, Алексдр. Васил., профес.  
казанск. унив., т. XLVI, 663.
- Васильевъ, вилевск. полиційм. 1863 г.,  
т. XLV, 398.
- Васильчиковъ, кн., Илларионъ Илларио-  
нов., т. XLVII, 522.
- Васильчиковъ, кн., Викт. Илларионов.,  
ген.-ад., начальн. штаба севастоп. гар-  
низона 1855 г., т. XLVII, 181—183.
- Васильчиковъ, генер., команд. кавалер-  
гард. пол. 1800 г., т. XLVIII, 55.
- Васильчиковъ, подполковн. 1879 года,  
т. XLVI, 166.
- Васильчиковъ, Григ. Алексѣев., ген.-м.  
1796 г., т. XLVII, 378, 388.
- Васильчиковъ, гр., ген.-отъ кав. 1831 г.,  
т. XLVII, 39.
- Ватновскій, Фед. Фед., декабр., томъ  
XLVIII, 562.
- Ведемейеръ, генер.-маіоръ 1863 года,  
т. XLV, 401.
- Вейгантъ, полковн., коменд. Динамен-  
ской крѣп. 1771 г., т. XLVI, 82, 83.
- Веймаръ, генер. 1868 г., т. XLVIII, 595.
- Веймаръ, ген.-м. 1863 г., т. XLVII, 461.
- Вейсенгофъ, ген. 1831 г., т. XLVI, 289.
- Велопольскій, марквзъ, гр. Гонзаго-Мыш-  
ковскій, нач. гражд. управл. въ Варшавѣ  
1861 г., р. 1803 г., † 1877 г., т. XLV, 561.
- Велланокій, проф. мед.-хир. акад. 1824 г.,  
т. XLV, 24, 278.
- Вельтманъ, А. Ф., писат., т. XLV, 702.
- Вельцкиъ, вѣж. пут. сообщ. 1844 года,  
т. XLVIII, 328,
- Вельямкиновъ, К. Н., т. XLVI, 342,  
366, 367.
- Венециановъ, худ.-акад., т. XLV, 470.
- Веніаминъ Румовскій, востоят. Троицко-  
Сергіевой пустыни 1774 г., т. XLVII, 168,
- Верхоборскій, вѣж. пут. сообщ. 1844 г.,  
т. XLVIII, 328,
- Верига, вѣж. пут. сообщ. 1843 г., томъ  
XLVIII, 326.
- Веригина, Александра Фод., † 1855 г.,  
т. XLVII, 171.
- Веригинъ, Мих. Фодот., ген.-маіоръ, †  
1848 г., т. XLVII, 171.
- Верховскій, вѣж. пут. сообщ. 1843 года,  
т. XLVIII, 326.
- Веселовскій, докт. 1825 г., т. XLV, 47.
- Ветлицкій, вѣж. пут. сообщ. 1843 года,  
т. XLVIII, 326.
- Вешняковъ, Андр., столбникъ, 1710 г.,  
т. XLVIII, 226—232.
- Визирова, шт.-кап. 1877 г., т. XLV, 174.
- Вилинбаховъ, Афан. Петров., экспед-  
ит. госуларств. канцелярїи 1861 г.,  
т. XLVII, 487, 491.
- Де-Виллеро, маркиза, Елис. Алексдр.,  
рожд. гр. Апраксина, † 1854 года,  
т. XLVII, 172.
- Вилліе, баронетъ, лейбъ-мед., гл. воен.-  
медицинск. инспект., презид. м.-х. акад.,  
т. XLVI, 51, 231, 455, 458, 472—474.
- Вильбоа, К. П., композит., т. XLVI, 342.
- Вильде, подполковн. 1880 г., т. XLVI, 404.
- Вильманъ, подполковн. 1856 г., т. XLV, 368.
- Винценгероде, бар., ген.-лейт. 1861 г.,  
т. XLVI, 147.
- Виртембергскій, герцогъ, Алексдр., ген.  
отъ кавал. 1799 г., т. XLVII, 367.
- Висноватовъ, Павелъ Алексдр., профес.,  
сообщ. замѣтку о М. Ю. Лермонтовѣ,  
т. XLV, 475—477, ул. т. XLV, 474, томъ  
XLVI, 192.

- Вискоужъ, участн. польск. вост. 1863 г., т. XLV, 401.
- Виталий Щенетевъ, рект. сб. духовн. акад. 1833 г., т. XLVIII, 162.
- Витбергъ, А. Л. ссыл. на его «Записки», т. XLVIII, 381.
- Витгенштейнъ, гр., фельдмарш. 1826 г., т. XLV, 352, т. XLVIII, 377.
- Витте, Ф. Ф., почетн. варшавск. учебн. округа., т. XLVIII, 445.
- Виттъ, гр., ген. 1831 г., т. XLVI, 302, 303, 512, 524, 527, т. XLVII, 49, 244.
- Вицъвъ, профес., т. XLVII, 491.
- Виардо, Паулина, рожд. Гарсиа, пѣвица, т. XLVI, 345, т. XLVII, 320, 321, 329, 335, 509, т. XLVIII, 186, 188.
- Виардо, Луя, т. XLVII, 317, 319, 326.
- Вильгорский, гр., Иосифъ, т. XLV, 356—363, 528—554, т. XLVI, 101, 102, 267, 269, 272—280, 484—509, т. XLVII, 26, 31, 36, 42, 226, 232—238, 429, 430.
- Владимиръ Александровичъ, вел. кн., т. XLVI, 446.
- Владимиръ Ужинскій, еписк. ревельск., т. XLVII, 168.
- Владимировъ, Алексѣй Порфир., сообщ. «Изъ новѣйшей хѣтописи Сѣверо-западной Россіи, 1865 г.», т. XLVIII, 99—122.
- Владиславлевъ, издат. «Утрен. Заря» 1840 г., т. XLV, 75.
- Владыкинъ, И. Б., т. XLV, 418.
- Воейкова, т. XLV, 505, 506.
- Воейковъ, Степ. Павл., поруч. л.-гв. Моск. пол., р. 1798 г., † 1825 года, т. XLVII, 171.
- Воейковъ, Платонъ Александр., фл.-ад. 1853 г., т. XLVIII, 600, 603.
- Воейковъ, Ф. А., т. XLVII, 393.
- Воейковъ, Алексд. Фед., писат., т. XLV, 679, 722.
- Воиновичъ, кап.-лейт. 1738 г., т. XLV, 167, 188, 189, 190, 191.
- Войтхунский, Игнатій Игнатьев., чиновн. мн.-ва госуд. имущ. 1860 г., т. XLV, 568.
- Войцеховичъ, А. И., т. XLVIII, 164, 166.
- Войццицкій, Иосифъ Семен., протоіерей 1875 г., т. XLVI, 207.
- Волковъ, Петр. Никол., ген.-ад. 1856 г., т. XLV, 746.
- Волконскій, кн., Григ. Семен., ген. отъ кавал., т. XLVIII, 63, 64, 65.
- Волконскій, кн., М. С., т. XLVII, 491, т. XLVIII, 212.
- Волконскій, кн., ген.-ад., т. XLV, 230, 561.
- Волконскій, кн., шефъ Екатеринбургск. кирасир. полка 1796 г., т. XLVII, 367.
- Волковой, кн., сенат. 1799 года, т. XLVII, 341.
- Волковой, кн., Дм. Петр., ген.-интенд. арміи 1801 г., т. XLVIII, 267.
- Волковой, кн., Петръ Мих., ген.-ад. мн-ръ двора и фельдмарш., р. 1776 г., † 1863 г., т. XLVIII, 385—388.
- Волковичъ, участн. польск. вост. 1863 г., т. XLV, 568.
- Волынская, Анна Артемьевна, въ зам. Гендрикова, т. XLV, 239.
- Волынская, Марья Артемьевна, въ зам. Воронцова, † 1793 г., т. XLV, 239.
- Волынской, Петръ Артем., стольникъ, т. XLVIII, 22.
- Волынской, кн., Артемій Петр., об.-егермейст., кабинетъ мн-ръ, р. 1689 г., † 1740 г., т. XLV, 239—244, 477, 716, т. XLVI, 228, 448, 663, т. XLVII, 184, 466, т. XLVIII, 17—54, 453.
- Вольфъ, Н. И., т. XLV, 474.
- Вонлярдромскій, Александр. Александр., р. 1802 г., † 1861 г., т. XLV, 723—752.
- Воробьевъ, ниж. нут. сообщ. 1843 года, т. XLVIII, 326.
- Воробьевъ, М., граверъ, т. XLV, 651.
- Вороникскій, Андрей Никифор., профес. архитект., строят. Казанск. собора въ Сиб., † 1814 г., т. XLV, 629—652.
- Вороникскій, Николай Ильичъ, губерск. казанск. архитект., † 1872 г., т. XLV, 642, 652.
- Вороникскій, Алексѣй Ильичъ, скульпт., модель-мейст. при импер. фарф. заводѣ, † 1846 г., т. XLV, 642, 643, 652.
- Вороникскій, Никол. Алексѣев., док. 1835 г., т. XLV, 629, 635, 636, 642, 652.
- Вороновъ, А. С., т. XLV, 76.
- Вороновъ, П. А., ген. отъ арты., сообщ. «Алексѣй Петровичъ Опочининъ», т. XLVIII, 375—376.



- Вороновъ, П. А.**, отст. нижев.-полковн. 1884 г., смыл. на его замѣтку: «Гр. Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ», т. XLV, 440.
- Вороновъ, ген.-майоръ** 1824 г., т. XLV, 213, 216.
- Воронцовъ, гр., Ив. Иларіон.**, ген.-поруч. 1741 г., т. XLV, 239.
- Воронцовъ, гр., Александр. Романов.**, государствен. канцл., р. 1741 г., † 1805 г., т. XLVI, 197, 198, 199.
- Воронцовъ, гр., вполн. кн., Мих. Семен.**, нахлѣстн. кавказск., генер.-фельдмарш., р. 1781 г., † 1856 г., томъ XLVIII, 216—220, 402—404, 523—560.
- Воронцовъ, кн.,** т. XLVI, 131.
- Воротниковъ, художн.,** т. XLV, 645.
- Воротниковій, кн.** 1505 г., т. XLV, 190.
- Воскресенскій, Н. А.,** т. XLVI, 342.
- Врангель, бар.,** директ. департ. мн-ва юстиц. 1862 г., т. XLVII, 491.
- Врангель, бар., Ф. П.,** адмир., томъ XLV, 416.
- Вревскій, ген.-ад.** 1853 г., т. XLVIII, 595.
- Вревскій, бар., Ипп. Ал.,** кап. ген. штаба 1840 г., т. XLV, 474.
- Врончекво, Фед. Павл.,** мн-ръ финанс. 1846 г., † 1852 г., т. XLV, 726, 729, т. XLVIII, 338, 339, 342.
- Всеволодомая, въ зам. Спягина,** томъ XLV, 29.
- Всеволожскій, т. XLV, 659, 660.**
- Вушицъ, подполковн.** 1853 г., т. XLVII, 97, 93, 99, 101, 102, т. XLVIII, 689.
- Вяземскій, кн., Александр. Алексѣев.,** ген.-прокур., р. 1727 г., † 1793 г., т. XLV, 313, 323, 324, 611—625, томъ XLVI, 54—84, 434.
- Вяземскій, кн., Петръ Андр.,** писат., р. 1792 г., † 1878 г., т. XLV, 81, 232, 678, 703, т. XLVI, 255, т. XLVII, 7, 8, 372.
- Гавриилъ Городковъ, архіеп. казанск.** 1837 г., † 1862 г., т. XLVIII, 159.
- Гагарина, княг., М. И.,** въ зам. Скобелева, т. XLVI, 545.
- Гагаринъ, кн., Пав. Павл.,** оберъ-прокуроръ общ. собр. сената 1825 года, вполн. чл. госуд. сов. и предсѣд. комит. министр., † 1872 г., т. XLVII, 4, 6, 7, 8, 487, 488, 489, 494.
- Гагаринъ, кн.,** сенат. 1799, т. XLVII, 841.
- Гагемейстеръ, Юлій Андр.,** чл. редакц. комм. 1860 г., † 1878 г., т. XLVI, 214.
- Гавевскій, Викт. Павл.,** т. XLV, 78.
- Гайдаровъ, подполковн.** 1880 г., томъ XLVI, 533, 541.
- Галаганъ, Григ. Павл.,** чл. редакц. комм. 1860 г., чл. вполн. чл. госуд. сов., т. XLV, 757, т. XLVI, 213.
- Галаховъ, Алексій Дмитр.,** профес., обществ.: «Петръ Николаевичъ Бударцевъ въ 1842—1846 гг.», томъ XLV, 55—70, упом. 468, 710.
- Галлеръ, Ив. Владим.,** вилениск. губернат. 1863 г., вполн. волынск. губернат. 1867 года, † 1877 г., т. XLV, 398—400.
- Гампель, т. XLVI, 425.**
- Ганецкій, ген.-лейт.** 1863 г., т. XLV, 401.
- Ганзеръ, арханг. оберъ-коменд.** 1767 г., т. XLV, 616, 617, 626, т. XLVI, 66.
- Гарденбергъ, смылка на его Записки,** т. XLV, 193.
- Гаузе, фл.-ад.** 1829 г., т. XLV, 532.
- Гваренинъ, архитект.,** р. 1744 г., † 1817 г. т. XLVI, 424, 425, 437.
- Ге, Н. Н.,** художн., т. XLVI, 640, 641, т. XLVIII, 639.
- Гедда, М. Ф.,** т. XLV, 76.
- Гейманъ, профес. моск. унв.** 1824 г., т. XLV, 46, 260, 261.
- Гейнрахъ, ниж. пут. сообщ.** 1843 г., т. XLVIII, 326.
- Гейнозъ, Конст.,** сообщ.: «Славное Базетское сѣдѣнье въ июнѣ 1877 года», т. XLV, 157—186, 443—463, 581—610; «Подполковн. Пацевичъ», т. XLVI, 454.
- Гейсмаръ, бар., Фед. Клемент.,** ген.-ад., р. 1783 г., † 1848 г., т. XLVI, 107, 108, 110, 115, 282, 284, 292, 513, 518, 527, т. XLVII, 53, 54, 57, 252, 253, 419—425.
- Гейлгушъ, ген.** 1831 г., т. XLVI, 289.
- Гельвинъ, ген.-м.,** коменд. Динаб. крѣп. 1829 г., т. XLVI, 89.

- Гендриковъ, гр., Андр. Симонов., камергеръ, т. XLV, 289.
- Геннадій, казнач. Николаевск. Крестовскаго монаст. 1767 г., т. XLV, 815, 818.
- Геннадій Горнепскій, архимандр. Троиц. монаст. съ 1833—1837 г., † 1868 г., т. XLVIII, 159.
- Гергиевскій, Александръ Ив., профессоръ истор., т. XLVI, 614.
- Гербель, Никол. Васил., писат., †, томъ XLV, 73, 80, 82.
- Гергардъ, нѣм. 1848 г., т. XLVIII, 320, 328.
- Гермакъ, Ф., гл. врачъ Обуховск. больницы 1884 г., т. XLV, 469.
- Гермерштедтъ, нѣм.-полковн. 1829 г., т. XLVI, 89.
- Геригроузъ, т. XLVII, 490.
- Герстенцвайгъ, ген.-м. 1831 г., томъ XLVI, 285, 288, т. XLVII, 48.
- Фонъ-Герсткеръ, Францъ, австрійск. нѣмецерь 1834 г., т. XLVI, 310.
- Геруа, полковн., команд. саперн. бат. 1825 г., т. XLVI, 191.
- Герценъ, Александръ Ив., писат. и публицистъ, т. XLV, 209, 222, 392, 471, 673, 707, т. XLVI, 323, 329, томъ XLVII, 816, 478.
- Гессе, Ив. Крестьянов., моск. комендантъ, т. XLVIII, 57, 281, 282.
- Гетунъ, нѣм. пут. сообщ. 1843 года, т. XLVIII, 321, 328.
- Гечевичъ, Констант. Ив., чл. редакц. комм. 1860 г., т. XLVI, 214.
- Гильдебрандтъ, Фед. Андр., хирургъ 1825 г., т. XLV, 42, 51.
- Гильфердингъ, Фед. Ив., сенат., † 1864 года, т. XLVI, 116.
- Гирсъ, Александръ Карл., чл. редакц. комм. 1860 г., товар. мин. финансовъ, † 1880 года, т. XLVI, 214.
- Глазенацъ, Эмилия Амосовн., рожд. Моллеръ, т. XLVI, 257, 258.
- Глазенацъ, П. А., нѣм. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 320, 326, 335.
- Глазенацъ, Богд. Александр., арханг. губернаторъ, висло. воен. губерн. г. Николаева, т. XLVI, 258.
- Глазуновъ, Ив. Ильичъ, д. ст. сов., свѣд. городск. голова 1885 г., т. XLV, 241, 242.
- Глинна, Мих. Ив., композит., р. 1804 г., † 1867 г., т. XLV, 76, 204, т. XLVI, 339, 340, 341, 345, 353, 354, 355, 365, 449—450, т. XLVIII, 633.
- Глуховской, полковн. 1878 года, томъ XLVI, 162.
- Глушанковский, А. А., управл. ниска палат. госуд. имущ. 1863 г., т. XLV, 398.
- Гомель, сенат. 1799 г., т. XLVII, 341.
- Гоголь, Никол. Вас., писат., р. 1809 г., † 1852 г., т. XLV, 250, т. XLVIII, 569—590.
- Годейкъ, нач. школы гвард. подпра. 1825 г., т. XLVI, 187.
- Гойнадскій, Игнат. Ив., свѣд. 1875 г., т. XLVI, 207.
- Голенищевъ-Кутузовъ, Пав. Ив., полковникъ, т. XLVIII, 57, 58, 59.
- Голенищевъ-Кутузовъ, Пав. Васил., ген.-ад., гл. директ. кадег. корпусовъ 1825 г., т. XLVIII, 388—391, 489.
- Голенищевъ-Кутузовъ, М. Л., гл. отъ инф. 1799 г., т. XLVII, 333, 395, 396, 899, 400, 403, 408.
- Голенко, Констант. Петров., р. 1823 года † 1884 г., т. XLV, 442.
- Голышевичъ, архитект., т. XLV, 378.
- Голыцины, княг., Анна Александр., рожд. княж. Грузинская, р. 1763 г., † 1842 года, т. XLVII, 172.
- Голыцинъ, кн., Фед. Федор., д. ст. сов., р. 1798 г., † 1854 г., т. XLVII, 172.
- Голыцинъ, кн., Сергѣй Павл., чл. редакц. комм. 1860 г., т. XLV, 757, томъ XLVI, 213, 224.
- Голыцинъ, кн., Никол. Серг., профес. воен. акад., директ. учыл. правотв. 1848 г., т. XLVIII, 671—675.
- Голыцинъ, кн., А. М., придворн. муръ 1740 г., т. XLVIII, 46.
- Голыцинъ, кн., Андрей Мих., р. 1792 года, † 1863 г., т. XLVII, 172.
- Голыцинъ, кн., Дмитр. Мих., т. XLVIII, 27, 31, 53.
- Голыцинъ, кн., Александръ Мих., об.-камерг., т. XLVIII, 247.

- Голыцынъ, кн., Юрій Николаевъ, томъ XLVII, 478.
- Голыцынъ, князь, Петръ Мих., томъ XLVII, 196.
- Голыцынъ, кн., Александръ Борис., д. ст. сов., р. 1792 г., † 1861 г., т. XLVII, 172.
- Голыцынъ, кн., Д. В., москов. ген.-губернаторъ 1825 г., т. XLV, 353, томъ XLVII, 4, 31, 34.
- Голыцынъ, кн., П. Д., чл. редакц. вост. 1860 г., т. XLVI, 214.
- Голыцынъ, кн., Александръ Никол., обер-прокур. св. синода, ин-ръ духовн. дѣлъ и просв., р. 1773 г., † 1844 г., т. XLV, 19, 50, 265, 646, т. XLVI, 570—581, 588, т. XLVII, 1, 2, 9, т. XLVIII, 385, 386, 387, 491.
- Голыцынъ, кн., сенат. 1799 года, томъ XLVII, 341.
- Голыцынъ, кн., подполковн. 1880 года, т. XLVI, 378, 388, 392, 394, 404.
- Головинъ, гр., адмиралъ, т. XLVIII, 44.
- Головинъ, гр., сенат. 1799 г., т. XLVII, 341.
- Головинъ, Платовъ Дмитр., полк. 1853 г., т. XLV, 156, 430.
- Головинъ, Евг. Александр., команд. кавказск. корп. 1837 г., главноуправл. гражд. частью въ Грузіи, вносл. ген. отъ инф., т. XLVIII, 394—395.
- Головкина, гр., Елис. Гаврил., † 1820 г., т. XLVII, 172.
- Головининъ, гр., Мих. Гавр., т. XLVIII, 46.
- Головининъ, сенат., т. XLVII, 341.
- Головининъ, Александръ Вас., ин-ръ народнаго просв., интѣ чл. госуд. совѣта, т. XLV, 757, томъ XLVI, 218, 661, т. XLVII, 490.
- Головцынъ, Егоръ Андреев., архангел. губернат. 1767 г., т. XLV, 617, т. XLVI, 72, 78, 79.
- Голубикъ, Ефимъ Вас., офиц. 1834 г., т. XLV, 224.
- Голубинскій, писат., т. XLV, 755.
- Голубицкій, І. І., т. XLVI, 342.
- Голубцовъ, В. В., сообщ. замѣтку: «Д. В. Давидовъ и Д. П. Бутурлинъ», т. XLV, 229—231.
- Фонъ-Голштейнъ Вель, принцъ, ревельскій губернат. 1768 г., т. XLVI, 75, 88.
- Гончаровъ, Ив. Алекс., писат., т. XLV, 415, т. XLVI, 633, т. XLVII, 373.
- Горбуховъ, Ив. Федор., артистъ и писатель, т. XLVI, 640, 641; т. XLVIII, 727—730а.
- Гордѣевъ, скульпт., т. XLV, 645.
- Гореловъ, Ив. В., сообщ. замѣтку: «Полковникъ П. Д. Головинъ и ген.-маіоръ Журавскій», т. XLV, 156, 430.
- Горичъ, генералъ отъ инфант. 1799 г., т. XLVII, 338.
- Горюшковъ, морск. офиц., т. XLV, 416.
- Горюстаевъ, А. М., профес. архитект., т. XLVII, 169, 170.
- Городецкій, Митроф. Ив., сообщ.: «Воссоединеніе съ православною церковью униатовъ Люблинскаго края. Десятилѣтняя годовщина дня 1875—1885 гг.», т. XLVI, 205—208.
- Горчакова, княг., Марія Александр., рожд. княж. Урусова, † 1853 г., т. XLVII, 172.
- Горчаковъ, Мих. Дм., ген.-ад., вносл. наместн. Цар. Польск. 1851 г. и главнокомандующій Крымск. арміей 1855 г., р. 1792 г., † 1861 г., т. XLV, 409, 557, т. XLVII, 100, 101, 107—110, 263—279, 285, 299, 300, 445—449, 452, 454, 457, т. XLVIII, 83—89, 92, 97, 359, 364, 607, 608.
- Горчаковъ, кн., Петръ Дм., ген.-губерн. Зап. Сибири, т. XLVIII, 289, 290.
- Горчаковъ, кн., Александръ Мих., государственный канцл., р. 1798 г., † 1833 г., т. XLVII, 172, 314, 489.
- Горчаковъ, кн., А. И., т. XLVI, 131.
- Горчаковъ, кн., нач. штаба дѣйств. арміи 1812 г., т. XLVI, 181.
- Гофмейстеръ, А. М., ввж. пут. сообщ. 1843 г., т. XLVIII, 321.
- Гощовскій, Ив. Ив., протоіер. 1875 г., т. XLVI, 207.
- Граббе, Пав. Христоф., генер., команд. войскъ на Кавказѣ 1839 г., т. XLV, 476.
- Граббе, ген.-ад., т. XLVIII, 720.
- Граевъ, ввжен. 1842 г., т. XLVI, 312, т. XLVIII, 328, 335.
- Гранбаумъ, Александра Исакиевна, въ зам. Деткова, † 1830 г., т. XLV, 212, 219, 221.

- Граховскій, Тимоф. Никол., профессор, т. XLV, 702, т. XLVI, 337, 651.
- Грейгъ, Алексѣй Самуѣл., адмир. 1829 г., т. XLV, 293, томъ XLVII, 396, томъ XLVIII, 360.
- Гречъ, Никол. Ив., писат., р. 1787 года, † 1867 г., т. XLV, 414, 643.
- Гриббе, А. К., сообщ. воспоминанія: «Новгородскія военныя поселенія», томъ XLV, 127—152, т. XLVII, 256, 257.
- Грибкойдовъ, Александр. Серг., писатель, р. 1795 г., † 1829 г., т. XLV, 232, 545, т. XLVI, 486, т. XLVIII, 216.
- Григорій Постниковъ, еписк. ревельск. 1822 г., т. XLVII, 168.
- Григоровичъ, Дмитр. Васил., писатель, т. XLV, 415.
- Гриникъ, бар., Фридр. Мельхиоръ, корреспондентъ Екатерины II, р. 1723 г., † 1807 г., т. XLVI, 425, 426, 439.
- Гриникъ, учт. вел. кн. Константина Николаевича, т. XLVI, 261.
- Гриньковъ, ген.-аншефъ, т. XLVIII, 278, 280.
- Гродезовъ, Н. И., полк. генер. штаба 1879 года, нинѣ ген.-м., воен. губерн. Сурь-Дарьян. обл., т. XLVI, 166, 177.
- Гротъ, Конст. Карл., самарск. губернат., 1858 г., бывш. чл. особ. комм. о губернскихъ и уѣздн. учрежд., т. XLV, 757, т. XLVI, 213, 224, т. XLVII, 480.
- Гротъ, В. Я., т. XLVIII, 412.
- Грохольскій, гр., Василій Петр., р. 1785 года, † 1834 г., т. XLVII, 172.
- Губинъ, ниж. пут. сообщ. 1844 г., томъ XLVIII, 328.
- Гудимъ-Левковичъ, полковн. кавалергардскаго пол. 1825 г., т. XLVI, 187.
- Гудовичъ, Васил. Васил., команд. Екатеринбургскаго кирасир. пол. 1796 г., т. XLVII, 367, т. XLVIII, 58, 59, 69.
- Гудовичъ, гр., Ив. Васил., фельдмарш. 1796 г., т. XLVIII, 482.
- Губинъ, П. И., т. XLVI, 342.
- Гуревичъ, сенат. 1799 г., т. XLVII, 341.
- Гуровскій, гр., т. XLVI, 261—263.
- Гуровые, мѣщане 1722 г., т. XLVIII, 9—16.
- Гурьевъ, гр., т. XLVIII, 381—384.

Густавъ IV, кор. швед., его святость съ вел. княж. Александромъ Памюновомъ, т. XLVIII, 233—246.

Дабовичъ, Савва Петров., гоффуеръ цесаревича Константина Павловича р. 1754 г., † 1824 г., т. XLVII, 172.

Давыдовъ, Денисъ Васильев., партизанъ 1812 г., ген.-лейт., воен. писат., р. 1784 года, † 1839 г., томъ XLV, 229—231, т. XLVI, 131.

Давыдовъ, Н., сообщитель: «Императоръ Александръ II въ Курской губ. въ 1861 году», т. XLV, 419—430.

Давыдовъ, П. И., профессоръ, писатель, т. XLV, 417.

Давыдовъ, Петръ Ив., москов. полицій, т. XLVIII, 274, 275.

Даль, Владим. Ив., писатель, † 1872 г., т. XLV, 292, 293, 414, 417.

Дамаскинъ Россовъ, еписк. тульск. 1821 года, архіеп. олонек. 1850 г., † 1856 г., т. XLVIII, 161.

Даневскій, Пій Н., д. ст. сов., т. XLVII, 487, 491.

Данкенбергъ, ген. отъ инф. 1853 г., т. XLVII, 264—277, 282—288.

Данкентернъ, В. А., инжен. кав. 1842 г., т. XLVI, 321.

Данилевскій, Григ. Петр., писатель, т. XLV, 416.

Даргомъжскій, Сергѣй Николаев., томъ XLVI, 340.

Даргомъжскій, Александръ Серг., каз. позиторъ, р. 1813 г., † 1869 г., т. XLVI, 339—366.

Дашковъ, Павел. Яковл., т. XLV, 657, 660, т. XLVI, 446.

Дверницкій, генер. 1831 г., т. XLVI, 115, 283, 302, 303, 512, 516, 522—523, т. XLVII, 52, 55—60, 239, 243, 246, 414, 415.

Двигубовскій, проф. моск. унив. 1824 г., т. XLV, 46.

Десятникъ, товарищъ главноуаръ 177- сообщ. 1856 г., т. XLV, 375, т. XLVI, 313.

- Даллинггаузенъ, бар., инспект. класс. школы гвард. подпуд. 1825 г., т. XLVI, 116, 188, т. XLVII, 415.
- Далюсто, С. Ф., т. XLVI, 342.
- Дальвицъ, бар., А. И., т. XLV, 384.
- Дальвицъ, бар., Антоныъ Ант., писат., р. 1789 г., † 1831 г., т. XLV, 75—81.
- Дамидовъ, С. В., т. XLVI, 342.
- Дамидовъ, Г. А., т. XLVI, 342.
- Даморъ, П. Ф., ген., т. XLV, 369.
- Дамуць-Маликовскій, скульпт., томъ XLV, 645, 648.
- Даниельевъ, сообщ. стихотв. Ф. И. Тютчева, т. XLV, 438.
- Дашъ, Филип. Филип., докт. 1824 года, т. XLV, 212.
- Депрерадовичъ, генер.-адъют. 1826 г., т. XLV, 352, т. XLVIII, 388.
- Фонъ-Дервинъ, бар., Пав. Григ., † 1881 года, «Одна изъ предсмертныхъ его записокъ», т. XLVI, 591—602.
- Деревницкій, д. ст. сов. 1863 г., томъ XLV, 405.
- Державинъ, Г. Р., сенат. 1799 года, т. XLVII, 341.
- Дерфельденъ, ген. отъ кавал. 1799 г., т. XLVII, 339.
- Дестремъ, ген.-лейт., вѣж. пуг. сообщ. 1842 г., т. XLV, 375, т. XLVI, 316, 317, 318, 319.
- Детловъ, Карлъ Фред., нижен. ген.-майоръ, р. 1789 г., † 1840 г., т. XLV, 205—228.
- Детловъ, К. К., сообщ. очеркъ: «Инженеръ-генералъ-майоръ Б. Ф. Детловъ» 1789—1840 гг., т. XLV, 205—228.
- Джаншиевъ, Г., сообщ.: «Первая страница въ исторіи судебной реформы въ Россіи 1862—1867 гг.», томъ XLVII, 481—494, т. XLVIII, 212, 431.
- Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Ив., фельдмарш., р. 1785 г., † 1831 года, т. XLV, 852, томъ XLVI, 107—124, 281—308, 511—530, томъ XLVII, 45, 229—254, 369, 411—428, т. XLVIII, 285, 388, 396.
- Дидатицъ, И. И., профес. харьковск. унив. 1885 г., т. XLVI, 451.
- Димитріевскій, Ив. Афанас., артистъ, т. XLVII, 383.
- Добрищанинъ-Жаблуковъ, ген.-м. 1831 г., т. XLVI, 286.
- Добровъ, Л., сообщ. «Воспоминанія о Н. И. Пироговъ», т. XLVI, 603—616.
- Доброболовъ, І., свящ., сообщ.: «Иванъ Никитичъ Скобелевъ въ письмѣ къ сыну своему Дмитрію Скобелеву», томъ XLV, 720—722.
- Добродлюбовъ, Н. А., писат., т. XLVI, 608.
- Добрянскій, Мих. Антон., свящ. 1875 года, т. XLVI, 207.
- Довгардъ, вѣж. пуг. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 328.
- Долгоруцкій, кн., В., шталмейст. 1832 г., т. XLVII, 230.
- Долгоруцкій, кн., Владим., 1836 года, т. XLV, 191.
- Долгоруцкій, кн., П. В., ссыл. на нзд. имъ родословн. книгу, т. XLVIII, 18.
- Долгоруцкій, кн., Васил. Владим., фельд-маршалъ, т. XLVIII, 48.
- Долгоруцкій, кн. Серг. Никл. 1800 г., т. XLVIII, 271, 272.
- Долгоруковъ, кн., Вас. Андр., ген.-ад., шефъ жандармовъ съ 1861—1865 годъ, т. XLV, 404, 407, 424, 555, 556, томъ XLVI, 158, т. XLVII, 316, 372, 499.
- Долгоруковъ, кн., Юрій Владим., моск. воен. губернат., т. XLVIII, 58.
- Долгоруковъ, кн. Влдм., т. XLVIII, 459.
- Долгоруковъ, кн., Васил., об.-шталмейст. 1832 г., т. XLVIII, 515, 517.
- Долгоруковъ, кн., т. XLV, 567.
- Долгоруковъ, кн., фл.-ад. 1879 г., томъ XLVI, 165, 166, 167.
- Долживо-Добровольская, Марія Петр., рожд. Желтухина, р. 1795, г. † 1874 года, т. XLVII, 172.
- Долживо-Добровольскій, чл. совѣта гл. управ. почтъ, бывш. въ 1812 г. полевою инспекторъ почтъ всѣхъ армій, р. 1776 г., † 1852 г., т. XLVII, 172.
- Домонтовичъ, Еонст. Ив., чл. редакц. ком. 1860 г., т. XLV, 757, 758, томъ XLVI, 213, 219, т. XLVII, 491.
- Домонтовичъ, И. И., тайн. сов., томъ XLV, 76.
- Дожауровъ, дѣят. судебн. реф. 1861 г., т. XLVII, 489.

Дороховъ, Р. Н., т. XLV, 474.  
 Достоевская, Анна Григ., томъ XLVII, 187—163, т. XLVIII, 220.  
 Достоевскій, Фед. Мих., писат., † 1881 года, томъ XLVII, 137—166, 511—520, т. XLVIII, 220.  
 Достоевскій, Мих. Мих., томъ XLVII, 511—520.  
 Драгутина, Авд. Егор., т. XLV, 5, 6.  
 Дреянжнъ, А. М., сообщ. «Сказаніе о волненіи крестьянъ въ Кандеевкѣ 1861 года», т. XLVI, 139—160.  
 Дрозжинъ, Спирidonъ Дмитр., постъ-крестьянинъ, т. XLV, 418, 478—480.  
 Дровдовъ, Филаретъ, митр. моск., томъ XLVI, 569—590, томъ XLVII, 1—26, т. XLVIII, 143—166.  
 Дровдовъ, Мих., протопресвит. коломенскаго Успенск. собора, † 1816 года, т. XLVI, 566.  
 Дружининъ, Александр. Вас., писат., р. 1824 г., † 1864 г., т. XLV, 64, томъ XLVII, 373, 519.  
 Дубельтъ, Леонтій Васил., нач. штаба корп. жандарм., т. XLVI, 260.  
 Дубовицкій, подполковн., рязанск. помѣщикъ, сектантъ 1826 г., т. XLVII, 19—25.  
 Дуровъ, полит. преступникъ 1850 года, т. XLVI, 512, 513, 514.  
 Духонинъ, Григ. Васил., казакъ, томъ XLVII, 87.  
 Духонинъ, Лаврентій Григ., ген.-майоръ, бывш. нач. артиллер. парковъ южн. в крымск. арм. 1853 г., р. 1795 г., † 1865 года. Его записки «Подъ Севастополемъ въ 1853—1856 гг.», томъ XLVII, 87—124, 255—288, 445—460, т. XLVIII, 83—96, 591—612.  
 Дьяковъ, ген.-ад., командиръ казачьяго полка въ Ц. Польскомъ 1831 г., томъ XLV, 567.  
 Евгеній (Болховитиновъ), еписк. старорусскій съ 1804—1808 г., вполн. митрополитъ кievскій 1828 г., т. XLV, 630, т. XLVI, 590, т. XLVII, 9, 168.

Евгеній Казанцевъ, архіеп. рязанск. 1836 г., XLVIII, 169.  
 Евыграфъ Музалевскій, архимандр., рег. слоб. дух. акад., † 1809 г.; томъ XLVI, 568, 569.  
 Еврешикова, Анна Никол., р. 1786 года, † 1867 г., т. XLVII, 172.  
 Еврешиновъ, Ив. Мих., д. ст. совѣтн., р. 1781 г., † 1838 г., т. XLVII, 172.  
 Егоровскій, Федисъ, королевск. прокуроръ въ Варшавѣ 1866 г., сообщ.: «Въ запискамъ отставнаго губернатора», т. XLVIII, 706—713.  
 Екатерина I, им-ца, р. 1684 г., † 1777 года, т. XLV, 188, т. XLVII, 171, томъ XLVIII, 3, 6, 8, 24, 36, 72, 73, 235, 461.  
 Екатерина II, им-ца, р. 1729 г., † 1796 года, т. XLV, 239, 240, 242, 311, 319, 326, 333, 335, 337, 557, 616, 626, 630, 632, т. XLVI, 54, 193—198, 200—204, 272, 338, 424—429, 434—439, 441, 445, 451—452, т. XLVII, 32, 168—170, 367, 374, 377, 378, 388—390, т. XLVIII, 40, 54, 61, 71, 233, 235, 240, 278, 432, 433, 480.  
 Екатерина Алексѣевна, царица 1790 года, т. XLVII, 200, 354.  
 Екатерина Иоанновна, царица, въ супружествѣ герцог. Мекленбургъ-Шверинская, т. XLVII, 167, 171.  
 Екатерина Павловна, вел. княг., въ зам. принц. Голштейнъ-Ольденбургск., т. XLV, 344, т. XLVII, 343.  
 Елагина, Авдотья Петровна, рожд. Южкова, въ перв. бракѣ Екфреймова, † 1878 г., т. XLVI, 463, т. XLVIII, 430, 431.  
 Елена Павловна, вел.-кн., въ зам. съ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскій, томъ XLVI, 51, 348, 350, 351, 354, 498—495, 500, томъ XLVII, 43, 223, 224, 301, 302, 388, 343, 431, 439, 442, 475, 477, т. XLVIII, 507. .  
 Еленова, С. П., т. XLVI, 342.  
 Елизавета Петровна, им-ца, р. 1709 г., † 1761 г., т. XLV, 189, 239, 240, 326, 333, 334, 620, 627, 628, т. XLVI, 54, 55, 417—420, т. XLVIII, 31, 33, 40—43, 51, 53, 80, 240.

- Елисавета Алексеевна**, им-ца, р. 1779 года, † 1826 г., томъ XLV, 634, 647, т. XLVI, 488, 578, т. XLVII, 343, 392.
- Елинский, Н. И.**, проф.-хирургъ, томъ XLV, 286.
- Енгальцевъ, кн.**, предвод. дворянства Чебарск. уѣзда Пенз. губ. 1861 года; т. XLVI, 141.
- Енохинъ, лейбъ-мед.** 1861 г., т. XLV, 426.
- Ерможскій, Ив. Фед.**, докторъ 1816 г., т. XLV, 209.
- Ермошкинъ**, т. XLVIII, 65—67, 71.
- Ермоловъ, Алексѣй Петр.**, ген.-лейт., р. 1777 г., † 1861 г., т. XLV, 476, 737, т. XLVI, 131, 134, 135, т. XLVIII, 284, 295, 299, 523—550.
- Ерошкинъ, Вас. Мих.**, ген.-м., сообщ.: «Девъ 14-го декабря 1825 г. въ С.-Петербургѣ», т. XLVI, 187—191; «14-е декабря 1825 г.», 665; уном. т. XLVII, 521—523.
- Ерошкинъ, Петръ Мих.**, гофъ-интенд., † 1740 г., т. XLV, 239, 244, 477, 716, т. XLVI, 228, 448, 663, т. XLVII, 184, 466, т. XLVIII, 17—19, 30—36, 41, 43, 46, 49—54, 453.
- Ерошкинъ, Петръ Дм.**, генер.-аншефъ, т. XLV, 639, т. XLVIII, 247, 278.
- Ершовъ, Васил.**, москов. вице-губернаторъ 1720 г., т. XLVII, 347, 348, 349.
- Ершовъ, Никол. Ив.**, майоръ Нижегородскаго драг. пол., т. XLV, 668.
- Есаковъ, Александръ**, сообщ.: «Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ 1840 г.», томъ XLV, 474—476.
- Есиповичъ, Я. Г.**, помощн. ст.-секрет. госуд. сов. 1862 г., нинѣ сенаторъ, томъ XLVII, 491, 492.
- Жабобожитскій, ген.** 1854 г., т. XLVII, 256, 258, 259, 272, 274—277, 281.
- Жадовскій, ген.-м.**, команд. кирасирск. полка 1882 г., т. XLVII, 444.
- Жаждръ, Андрей Андр.**, директ. канц. морск. штаба, вполн. чл. адмиралтействъ совѣта и сенат., т. XLV, 232.
- Жеваховъ, кн.**, Флинт. Семен., шефъ москов. гусар. эскадроновъ 1800 г., т. XLVIII, 77, 79.
- Желтухинъ, сенат.** 1799 г., т. XLVII, 341.
- Желтухинъ, Алексѣй Дм.**, чл. редакц. ком. 1860 г., † 1877 г., т. XLVI, 214, т. XLVII, 491.
- Желѣзновъ, Никол. Ив.**, профес. сельск. хоз., чл. редакц. ком., 1860 г., † 1876 года, т. XLVI, 214.
- Желязевичъ, акад.** 1847 г., т. XLVIII, 327.
- Жемчужниковъ, вице-губерн. волыиск.** 1862 г., т. XLV, 40.
- Жерве, кап.** 1855 г., т. XLVIII, 96.
- Жерве, Елиз. Авдр.**, въ зам. Ливогубъ, т. XLV, 224.
- Жеребцова, Ольга Александр.**, рожд. Зубова, † 1849 г., т. XLVII, 172.
- Жидиновскій, прелатъ** 1863 г., т. XLVIII, 113, 115, 118.
- Жилъ, т. XLV, 344, 359, 362, 363, 527, 535, 538, 541, 544, 545, 552, 554, томъ XLVI, 95, 99—101, 270, 273, 274, 280, 482, 484, 485, 491, 493—507, т. XLVII, 39, 42, 234.**
- Жирардъ, Дезидерій**, гувернеръ М. Д. Снобелева, т. XLVI, 545.
- Жмакинъ, В. И.**, смы. на его статью «Амвросій Орнатскій», т. XLVII, 20.
- Жомини, ген.-ад.** 1826 г., т. XLV, 352.
- Жуковская, Елисаб. Алексеевн.**, рожд. Рейтеръ, т. XLVIII, 428, 431.
- Жуковский, Степ. Мих.**, ст.-секрет., чл. редакц. ком. 1860 г., † 1877 г., томъ XLVI, 214, т. XLVII, 486, 491, томъ XLVIII, 212.
- Жуковский, Васил. Андреев.**, писатель, р. 1788 г., † 1852 г., т. XLV, 39, 74, 75, 156, 284, 357—359, 364, 580—540, 551, 722, т. XLVI, 94, 95, 192, 274, 279, 463, 484, 492—496, т. XLVII, 234, 288, 371—373, 443, т. XLVIII, 163, 428—441, 507, 522, 703.
- Жуковский, Петръ Владим.**, староста Казанск. собора въ Сиб. 1884 г., томъ XLV, 629.
- Жуковский, Никол. Васил.**, сенат., р. 1795 года, † 1852 г., т. XLVII, 172.

Журавлевъ, ниж. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 328.

Журавский, ген.-майоръ 1853 г., т. XLV, 156, 430.

Журавский, Дм. Ив., ниж. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 315, 321, 335.

Заблюцкий-Десятовский, Андр. Парф., чл. редакц. ком. 1860 г., † 1881 г., т. XLVI, 214, т. XLVII, 486, 491.

Забѣлинъ, Ив. Егор., археологъ и историкъ, т. XLV, 755.

Загородный. Александръ Петр., профес. судебн. медиц., т. XLVIII, 670.

Загоскинъ, Мих. Никол., писатель-романистъ, т. XLV, 81.

Загоскинъ, Леодоръ Никл., ниж. пут. сообщ., т. XLVIII, 320, 326, 331, 332.

Загрумовъ, И. П., т. XLVI, 342.

Загражский, ген.-майоръ 1812 г., томъ XLVIII, 685.

Задонский, Воняъ Дм., ген. 1834 года, т. XLV, 223, 224, 225.

Замка, директ. департ. мн.-ва пут. сообщ. 1856 г., т. XLV, 368, 382.

Зайцевъ, ген.-лейт., 1797 г., т. XLVIII, 434.

Замревский, гр., ген.-ад., т. XLV, 573, 574, т. XLVII, 217, 218, 369—371.

Замревский, гр., А. А., москов. ген.-губернат., т. XLVIII, 297, 396.

Залковский, подполк. генер. штаба 1853 года, т. XLVII, 97.

Залѣвскій, Брониславъ Франц., чл. ред. ком. 1860 г., т. XLVI, 214.

Замойский, гр., Андрей, т. XLV, 560.

Замойский, гр. Владисл., т. XLVIII, 406.

Замысловский, Егоръ Егоров., профес. 1884 г., т. XLV, 756, т. XLVI, кн. V, стр. IV.

Замятинъ, Дм. Никол., мн.-ръ юстиціи 1864 г., † 1881 г., т. XLVII, 493.

Зарецкій, хорунжій Таманск. пол. 1877 года, т. XLV, 158.

Заровная, М. А., т. XLVI, 342.

Зарудный, Серг. Ив., сенаторъ, т. XLV, 757, т. XLVI, 213, т. XLVII, 480, 486, 487, 491, т. XLVIII, 212.

Затеръ, генер. 1853 г., томъ XLVII, 446, 447.

Зауервейдъ, т. XLV, 344, 358, 361, 528.

Захаровъ, профес. архитект., т. XLV, 638, 639.

Зацвилковскій, ниж. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 328.

Збигушковій, Діонисій, коллнк. и бльскій еписк. уніатъ 1896 г., т. XLVI, 206.

Звѣгинцевъ, кап. л.-гв. Преображенск. пол. 1825 г., т. XLVI, 189.

Здекауеръ, Никол. Фед., профес., сообщ.: «Николай Ивановичъ Проховъ въ Севастополѣ», т. XLVII, 289—306, т. XLVI, 258, т. XLVII, 461.

Зейдеръ, Фридрихъ, докт. философ., исторъ, р. 1771 г., † 1834 г., т. XLVIII, 485, 486.

Зейдлицъ, Карлъ Карл., докт. медиц., бывш. профес. м.-х. акад., † 1836 г., т. XLVI, 50, 192, 456, 458, 465, 474, томъ XLVII, 289—306, 461—466.

Зейнъ - Витгенштейнъ - Верлебургъ, свѣтл. князь, ген.-м. 1879 г., т. XLVI, 166, 167.

Зеленскій, С. И., адмир., т. XLV, 416.

Зеленскій, А. С., т. XLVII, 490.

Зеленскій, И. И., кап. 1 ранга, редакт. «Морск. Сборника», т. XLV, 416.

Земшчневичъ, докт., т. XLVI, 610—612.

Зефтигенъ, присяжн. стралч. слѣб. коммерческаго суда 1862 г., т. XLVII, 491.

Зигель, Ф. Ф., т. XLVIII, 412.

Зотовъ, Захаръ Констант., камердинеръ им-цы Екатерины II 1796 г., т. XLVII, 377, 378.

Зубова, гр., Анастас., Александр., р. 1825 г., † 1837 г., т. XLVII, 173.

Зубова, княж., Александра Платонова, р. 1822 г., † 1824 г., т. XLVII, 173.

Зубова, гр., Александра Гаврил., рожд. гр. Модера, р. 1807 г., † 1839 годъ, т. XLVII, 173.

Зубова, гр., Наталія Александр., рожд. гр. Суворова, р. 1775 г., † 1844 годъ, т. XLVII, 173.

Зубовъ, свѣтл. вн., Плат. Александр. ген.-ад. 1796 г., т. XLVII, 378, 379.



- Зубовъ, П. А., ст.-секр. госуд. совѣта 1861 г., вносл. чл. госуд. сов., т. XLVII, 486, 492.
- Зубовъ, гр., Александр. Никол., р. 1797 г., † 1875 г., т. XLVII, 173.
- Зубовъ, гр., Александр. Никол., р. 1829 года, † 1831 г., т. XLVII, 173.
- Зубовъ, гр., Валеріанъ Александр., ген. отъ инф., р. 1771 г., † 1804 г., томъ XLVII, 173, т. XLVIII, 57.
- Зубовъ, гр., Платонъ Александр., ген.-фельдцейхмейст., р. 1767 г., † 1822 г., т. XLVII, 173, 174.
- Зубовъ, гр., Никол., т. XLVII, 378.
- Зубовъ, гр., Николай Александр., обершталмейст., р. 1763 г., † 1805 г., томъ XLVII, 173.
- Зубовъ, гр., Никол. Дм., гофмейст., род. 1801 г., † 1871 г., т. XLVII, 173.
- Зубовъ, гр., т. XLVII, 172.
- Зуевъ, П. П., инж.-кап. 1842 г., томъ XLVI, 320.
- И**ванкишевъ, рект. кievск. унив. 1864 г., т. XLVIII, 125.
- Иванова, Вѣра Мих., рожд. Достоевская, т. XLVII, 140.
- Ивановъ, Андрей, художн. акад., т. XLV, 646, 648.
- Ивановъ, Александр. Андр., художн. живописецъ, † 1868 г., т. XLVIII, 167.
- Ивановъ, Конст. Ив., ген.-лейт. 1836 г., т. XLVII, 516.
- Ивановъ, Александръ Павлов., томъ XLVII, 140.
- Ивановскій, надат. «Альбома съв. музъ», т. XLV, 75.
- Ивашевъ, Васил. Петр., т. XLV, 665.
- Игельстромъ, бар., т. XLVI, 198, 199, 200, 201.
- Игнатій Малышевъ, настоят. Троице-Сергіевой пустыни 1857 г., т. XLVII, 168, 169, 171.
- Игнатій Бранчаняновъ, настоят. Троице-Серг. Лавры съ 1834—1857 г., томъ XLVII, 168.
- Игнатъевъ, Гавр., пономарь Александро-Невск. монаст. 1722 г., т. XLVIII, 1.

- Игнатъевъ, фл.-ад. 1832 г., т. XLVII, 232.
- Игнатъевъ, гр., Пав. Никол., ген. отъ инф., † 1879 г., томъ XLVI, 191, томъ XLVII, 174.
- Игнатъевъ, ген. 1806 года, томъ XLV, 206, 211.
- Измаиль-ханъ Нахичеванскій, полковн., команд. войсками Баязет. окр. 1877 г., т. XLV, 175, 453, 456, 460, 461, 466, 563, 601—616.
- Измайловъ, Ив., московск. комендантъ 1718 г., т. XLVII, 206, 207.
- Измайловъ, Ф. Ф., смсл. на его Воспоминанія, т. XLVII, 17.
- Изонкиловъ, Владим. Степ., профес. кiev. унив., сообщ. библиограф. замѣту: «М. О. Колловичъ Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ», т. XLV, 753—756, уном. т. XLV, 31, 311, 620, т. XLVI, 79.
- Иловайскій, Д. Н., профес.-историкъ и публицистъ, сообщ.: «Памяти графа А. С. Уварова, † 29 декабря 1884 года», т. XLVI, 209—212, «Кирилло-Меоодіевскоетисячелѣтіе 885—1886 годовъ», 367—376, «По поводу Меоодіевскаго сборника» т. XLVIII, 411—419, уи. 649, 659.
- Ильинскій, сенат. 1799 г., т. XLVII, 341.
- Иновемцевъ, Ф. И., докт., томъ XLV, 282—287, 296, 297, 308, 485, 509, томъ XLVI, 40, 252, 253.
- Исаковъ, П. В., гл. нач. воен. учебн. завед. 1876 г., т. XLVIII, 698.
- Исаковъ, полк. 1853 г., т. XLVII, 100.
- Исодоръ, митр. слб., т. XLVI, 445.
- Истоминъ, адмир., т. XLVII, 92, 93, 94, 114, 118, 266.
- И**оаннъ Кочетовъ, законоучитель Александровскаго лицей, профес. духовн. акад. 1824 г., т. XLVI, 581, 582.
- Иоаннскій, іеродіаконъ 1722 года, томъ XLVIII, 1—8.
- Иоаннскій, іеромонахъ, строят. Коневскаго монаст. 1824 г., т. XLV, 120, 121, 125.

- Иоаннъ III Васильевичъ, велик. князь моск., р. 1440 г., † 1505 г., т. XLV, 190.
- Иоаннъ IV Грозный, царь, р. 1666 г., † 1696 г., т. XLV, 190, 350, 647, томъ XLVI, 185.
- Иоаннъ VI Антоновичъ, импер., род. 1740 г., † 1784 г., т. XLV, 316, 326, 327—331, 333, 334, 337, т. XLVI, 55.
- Ювецъ, подполковн. 1856 г., т. XLV, 368.
- Ювский, проф. хмѣи, т. XLV, 61.
- Ювский, М. И., т. XLVI, 342.
- Иона Васильевскій, еписк. тамбов. 1812 года, затѣмъ астрахан., съ 1828 г. митрополитъ грузинскій, † 1849 г., томъ XLV, 162.
- Иона Павинскій, архиеп. тверской, томъ XLVI, 590.
- Юасафъ, арханг. еписк. 1767 г., т. XLVI, 62, 78.
- Юсифъ (Сѣмашко), митропол. литовскій 1864 г., † 1868 г., т. XLV, 403, томъ XLVI, 326, 329, 338, 445.
- Кавелинъ, Александр. Александр.,** ген.-адъют., † 1850 г., т. XLV, 566, томъ XLVII, 174.
- Кавелинъ, Конст. Дмитр., профессоръ, р. 1818 г., † 1885 г., т. XLV, 757, 758, т. XLVI, 213, 216—219, 649—661.
- Каверинъ, Пав. Никит., ген.-м., москов. об.-полицейм. 1800 г., т. XLVIII, 249, 270—272.
- Кавецкій, Станисл. Станисл., чл. люстраціонной ком., т. XLV, 568.
- Каватовъ, архитект. 1800 г., т. XLV, 635.
- Каванскій, П. С., профес. моск. духовн. акад., т. XLVIII, 155, 498.
- Казинскій, Дм. Степан., гофмаршалъ, р. 1759 г., † 1804 г., т. XLVII, 174.
- Кавначеевъ, вѣж. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 328.
- Кайшъ, Егоръ Ив., воспитат. учил. правовѣд. 1847 г., т. XLVIII, 437—439, 451.
- Кайсаровъ, ген. 1831 г., т. XLVII, 422.
- Калачовскій, полковн. 1831 г., томъ XLVII, 53, 54, 57.

- Калачовъ, Никол. Вас., профес., историкъ археолог., сенат., † 1885 г., томъ XLV, 757, т. XLVII, 491, т. XLVIII, 710—711.
- Калининъ, Н. И., т. XLVI, 342.
- Калинский, Иоаннъ, униат. еписк. 1866 года, т. XLVI, 206.
- Камеронъ, архитект. 1800 г., т. XLV, 630, 632.
- Каминскій, генер. 1853 г., т. XLVII, 273, 274, 276.
- Каминъ, сенат. 1799 г., т. XLVII, 341.
- Камиринъ, гр., Егоръ Франц., ин-ръ финансовъ съ 1823—1844 г., † 1845 г., т. XLV, 333, 661, 704, 727, т. XLVI, 317, 473, т. XLVII, 31, 372.
- Кантемировъ, докт. медиц., т. XLV, 239.
- Кантемиръ, вл., Антиохъ Дм., т. XLV, 191, т. XLVI, 446, т. XLVIII, 32.
- Капникотъ, Ив. Васил., москов. гражд. губернат. 1844 г., т. XLVIII, 149—151.
- Капцевичъ, ген.-губернат. зап. Сибири 1823 г., т. XLVII, 368, 369.
- Караваевъ, Вл. Ае., докт., т. XLVI, 19, 20.
- Карадынинъ, Никол. Матв., тайн. сов. 1800 г., т. XLV, 633, 634.
- Каразминъ, Никл. Мих., историографъ, р. 1766 г., † 1826 г., т. XLV, 190, 191, 387, 388, 754, 755, т. XLVI, кн. V, стр. I, 618, т. XLVII, 34, 679.
- Карасевъ, А. А., сообщ.: «Несостоявшийся бракъ, народное преданіе», томъ XLV, 235—238.
- Карасевскій, А. И., директ. духовно-учебн. управл., т. XLVIII, 157, 496.
- Каратыгинъ, П. П., сообщ.: «Троицко-Сергіева приморск. пустынь 1735—1835 годовъ», т. XLVII, 167—178, «Кладбище при Спасо-Преображенской придворной церкви, въ Стрѣльцѣ», 179—180.
- Кармакина, Любовь Ив., пѣвица, томъ XLVI, 346, 347, 355, 365, 366.
- Кармалинъ, Н. Н., сообщ. замѣтку къ записк. В. Т. Соловова объ А. С. Даргомыжскомъ, т. XLVI, 365—366.
- Карнауковъ, Мих., пѣвчій 1720 года, т. XLVII, 200—203, 347—354.

Карповичъ, Евг. Петр., писат., р. 1824 года, † 1885 г., т. XLVIII, 655, 716—719.  
 Карпитовій, акушеръ, т. XLV, 275, томъ XLVI, 264.  
 Карпитовій, Ю. П., сообщ. замѣтку: «Въ запискѣ Н. И. Пирогова», томъ XLVI, 264.  
 Карповъ, полковн. 1863 г., т. XLV, 401.  
 Карповъ, генер. 1831 г., т. XLVII, 422.  
 Карцовъ, Ив. Петов., контръ-адмир., † 1834 г., т. XLVII, 174.  
 Катенинъ, Н. И., т. XLVI, 640, 647, т. XLVIII, 637.  
 Катковъ, Мих. Никиф., издат. «Москов. Вѣдом.», т. XLV, 702, т. XLVI, 337, т. XLVII, 148, 149, 152, 154.  
 Фонъ-Кауфманъ, Конст. Петр., ген.-ад., р. 1818 г., † 1882 г., томъ XLVI, 327, т. XLVIII, 101, 106, 106, 108, 111, 112, 118.  
 Каховскій, слободско-украинск. гражд. губернат. 1830 г., т. XLVII, 211, 221.  
 Качаловъ, Петръ Фед., адм., † 1855 г., т. XLVII, 174.  
 Каченовскій, Мих. Троф., проф., рект. моск. унив. 1837 г., т. XLV, 42.  
 Кашенковъ-Любавскій, ген.-м., команд. Самогитск. гренад. пол. 1831 г., томъ XLVII, 60.  
 Кладри, архитект., т. XLV, 469.  
 Клякоть, О. И., т. XLVII, 491, томъ XLVIII, 212.  
 Квятко-Основащенко, Грэг. Фед., малоросс. писат., т. XLVIII, 659, 660, 662.  
 Квицковский, ген.-лейт. 1853 г., томъ XLVII, 101, 107.  
 Кванкиъ, войск. старшина 1877 г., т. XLV, 158, 165, 171, 173, 174, 180, 181, 448, 453, 608.  
 Кейстутъ-Гедиминъ, Бервардъ Яковл., чл. иллюстрат. ком., т. XLV, 568.  
 Кенигъ, нѣм. пут. сообщ. 1843 г., томъ XLVIII, 326.  
 Кожтаръ, Петръ, Амабль, почтмейст. его прошеніе къ импер. Александру I, т. XLVIII, 392—393.  
 Кероновскій, нѣжен. 1842 года, томъ XLVI, 320, т. XLVIII, 328.

Кидошениковъ, Н. В., управл. виленск. палат. госуд. имущ. 1863 г., т. XLV, 398.  
 Квининъ, Александр., т. XLVII, 196—198.  
 Кирриль, патр. іерусалимск. 1859 года, т. XLVI, 444, 445.  
 Кирпюръ, Адамъ, т. XLV, 566.  
 Кирхнеръ, нѣм. аут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 328.  
 Кирьяновъ, ген.-лейт. 1853 г., т. XLVII, 97, 98, 101, 103, 104.  
 Киселевъ, гр., П. Д., мн-ръ госуд. имущ. 1848 т., т. XLVII, 132.  
 Китаевскій, врачъ 1877 г., т. XLV, 178, 453, 589.  
 Кипшицкий, ген.-м. 1853 г., т. XLVII, 97, 99, 103, 236.  
 Кланотомій, нѣм. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 328.  
 Кларвъ, директ. Александровск. литейн. завода 1828 г., т. XLV, 470.  
 Клейнхизъ, поруч. гренад. гр. Арачеева полка 1820 г., т. XLV, 131, 132, 133.  
 Клейнмихель, Андрей, т. XLVIII, 434.  
 Клейнмихель, гр., Петръ Авдр., † 1869 года, т. XLV, 133, 214, 217, 221, 223, 227, 266—269, 730, 737, 739—744, 750, т. XLVI, 126, 127, 130, 312, 315—319, 322, 456—460, 464, 467, т. XLVII, 174, 380, 381, т. XLVIII, 309, 320—336, 434, 485.  
 Клиггенпортъ, швед. послан. при рус. дворѣ 1797 г., т. XLVIII, 236, 239, 243, 244.  
 Клуцъ, гр., Пасковъ Бард., † 1836 г., т. XLVII, 174.  
 Князевичъ, Александръ Максимовичъ, мн-ръ финансовъ, т. XLVII, 490.  
 Князевичъ, Д., писат. 1840 г., томъ XLV, 75.  
 Князевичъ, попечит. одес. учебн. окр., т. XLVI, 608.  
 Кобылинскій, членов. особ. поруч. 1838 года, т. XLVIII, 145—148.  
 Ковало, А. Н., художн., томъ XLV, 242, 244.  
 Ковалевская, Александра Ефим., по втор. мужу Вѣховодская, томъ XLV, 166, 176, 177, 178, 449, 453, 588, 589, 596, 609, 610.

Ковалевский, Евграфъ Петров., мн-ръ народн. просвѣщ. 1860 г., т. XLV, 383, т. XLVII, 314.

Ковалевский, М. Е., об.-прокур. 1862 г., т. XLVII, 492.

Ковалевский, подполковн., коменд. Велзетской крѣп., нач. войскъ баззетск. округа 1877 г., т. XLV, 165, 166, 167, 171, 174, 176, 594.

Коведелевъ, Н. И., сообщ. рассказъ: «Въ воспоминаніи о бунтѣ военныхъ поселенъ въ 1831 г.», т. XLV, 153—155.

Кожачниковъ, Д. Е., т. XLVI, 640, 642.

Кожениковъ, мнск. губернат. 1863 года, т. XLV, 398.

Кожинъ, Никол. Петр., ген.-лейт., сенат., † 1816 г., т. XLVII, 174, 341.

Ковалевъ, полковн., 1860 г., т. XLVI, 886, 583.

Козловскій, Мих., скульпт. 1785 года, т. XLVI, 431.

Козодавлевъ, об.-прокур. 1799 г., томъ XLVII, 341, 842.

Коконцевъ, ннжен., ннскет. ннстат. пут. сообщ., т. XLV, 372.

Колынонъ, 1866 г., т. XLV, 876—884.

Колмаковъ, Н. М., сообщ.: «Вопросъ о починѣ крестьянскаго дѣла 20-го ноября 1857 г.», томъ XLVII, 125—136. «Крестьянское дѣло въ 1857—1860 гг.», 467—480.

Кологривовъ, Н. А., томъ XLVI, 342, 357, 362.

Колокольцевъ, Ив. Мих., сенат., † 1821 года, т. XLVII, 174, 841.

Колокольцевъ, витебск. губернат., томъ XLV, 224.

Колошинъ, Никол. Никол., чл. редакц. ком. 1858 г., помощн. управ. земск. отд. мн-ва внутр. дѣлъ 1863 г., томъ XLV, 757, т. XLVI, 213, 223.

Кольманъ, А. Б., ннж. пут. сообщ. 1843 г., т. XLVIII, 826, 835.

Колышнн, предвод. повстанц. въ Ллт-вѣ 1863 г., т. XLV, 401.

Комаровскій, ген.-ад. 1824 г., томъ XLVIII, 868.

Комаровскій, гр., Евграфъ Федотов., ген.-адъютантъ 1825 г., т. XLVII, 4, 5, 6, 7.

Комбурлей, Елис. Мих., въ зам. Бутурлижкн, р. 1805 г., † 1859 г., томъ XLV, 290.

Комисаржевскій, пѣвецъ, томъ XLVI, 350, 351, 352.

Комовскій, С., т. XLVII, 6, 7, 8.

Конарожій, Симеонъ, польск. эмиссаръ 1840 г., т. XLV, 565.

Конк, Анатол. Фед.: «К. Д. Кавелинъ», т. XLVI, 649—660.

Константиинъ Павловичъ, вел. кн. доевревичъ, р. 1779 г., † 1831 г., т. XLV, 146, 350, 352, 356, т. XLVI, 92, 93, 96, 100—102, 269, 436—440, 445, 446, т. XLVII, 2—5, 179, 180, 338, 341, 407, 408, 416, 435, т. XLVIII, 388—391, 401.

Константиинъ Николоевичъ, вел. кн., ген.-адмир., т. XLV, 376, 550, 554, томъ XLVI, 220, 261, 275, 276, 439, 440, 442—445, 491, 496, 500, 501, т. XLVII, 42, 436, 439, 442, 444, 489, 523, томъ XLVIII, 511.

Консовъ, Петръ Петров., т. XLV, 710.

Корбутъ-Допшевнчъ, ннж. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 328.

Корниловъ, И. П., повечт. мнск. учебн. окр. 1865 г., т. XLVIII, 102, 119.

Корниловъ, Фед. Петр., чл. особ. ннж. губ. н уѣздн. учрежд. 1860 г., ннж. чл. госуд. сов., т. XLV, 757, т. XLVI, 213.

Корниловъ, Владим. Алексѣев., ген.-адмир., † 1853 г., томъ XLVII, 91—95, 110—123, т. XLVIII, 97, 355, 362, 365, 372, 374, 687—696.

Корнухъ-Троцкій, Петръ Григ., профессоръ, т. XLV, 274—280, 758, т. XLVI, 52.

Корсаковъ, Дм. Александр., профессоръ, сообщ.: очеркъ «Артемій Петровичъ Волннскій н его конфидантъ», томъ XLVIII, 17—54, упом., т. XLVI, 663, т. XLVIII, 641.

Корсуновскій, И., т. XLVI, 569.

Корфъ, графъ, Модестъ Андр., чл. госуд. сов., т. XLVI, 411, т. XLVII, 489.

Косиновскій, полковникъ 1853 г., томъ XLVII, 445.

Космакъ, ннж. пут. сообщ. 1843 годъ, т. XLVIII, 326.

Костомарова, Анна Леонтьев., род.

- Брагелъская**, по перв. мужу Еисель,  
т. XLVIII, 637—661.
- Костомаровъ**, Никол. Ив., р. 1817 г.,  
† 1886 г., т. XLV, 191, 192, т. XLVI,  
кн. V, стр. I—IV, 617—648, т. XLVIII,  
123—125, 636—662.
- Костюшко**, Оадей, генер. польск. служ-  
бы 1794 г., т. XLV, 579, томъ XLVI,  
338, 549.
- Костылевъ**, Марья Абрам., ген.-майоръ,  
т. XLVIII, 67.
- Котельницкій**, Вас. Мих., профес. фар-  
макологін 1825 г., т. XLV, 42, 52, 264.
- Котлеровскій**, Ив. Андр., т. XLV, 666.
- Кохіуос**, Василій Петр., т. XLV, 136, 145.
- Коцебу**, ген.-ад. 1853 г., т. XLVII, 451,  
т. XLVIII, 607.
- Кочубей**, графиня, Марья Ив., рожд.  
внук. Варятковская, т. XLVII, 169.
- Кочубей**, гр., т. XLVIII, 381—383.
- Кочубей**, кн., Мих. Викт., т. XLVII, 169.
- Кочубей**, мн-ръ внутр. дѣлъ 1810 года,  
т. XLVII, 395, 398.
- Коклюнцъ**, М. О., профес., т. XLV, 558,  
753—756, т. XLVI, 637.
- Краббе**, морск. мн-ръ, т. XLVII, 489.
- Кравскій**, Андрей Александр., р. 1810  
года, изд. «Голоса», т. XLVII, 519.
- Кранцфельдъ**, Александръ Ив., инспек-  
торъ учил. правовѣд. 1847 г., т. XLVIII,  
438, 671, 672, 676.
- Кранивскій**, майоръ 1877 г., т. XLV, 164.
- Красновскій**, ениск. влеленск. 1863 года,  
т. XLV, 564.
- Красновъ**, генер. 1857 г., томъ XLVII,  
478, 474.
- Крауцольдъ**, В. Е., т. XLV, 76.
- Крафтштромъ**, монечат. дерпт. унив.  
1836 г., т. XLVI, 235, 236, 245, 246,  
247, 254.
- Крафтъ**, Никол. Осип., ниж. 1839 года,  
т. XLVI, 313, 314, 316, 317, 319, 320,  
т. XLVIII, 322—326, 331—336.
- Крейтонъ**, т. XLV, 345, т. XLVII, 433.
- Крейцъ**, бар., ген.-лейт. 1831 г., томъ  
XLVI, 108, 115, 116, 281, 282, 284, 302,  
511, 512, 522, 523, 526, т. XLVII, 52,  
56, 59, 239, 243, 244, 246, 414, 415.
- Кривцовъ**, тобольск. плацъ-майоръ 1850  
года, т. XLVII, 514.
- Кригеръ**, коваск. губернат. 1863 года,  
т. XLV, 398.
- Криднеръ**, полковникъ 1853 г., томъ  
XLVII, 259.
- Криницкій**, Ипполитъ Ив., протоіерей  
1875 г., т. XLVI, 207.
- Кристофари**, Никол. Автоп., чл. редакц.  
воин. 1860 г., т. XLVI, 214.
- Кроль**, ниж., т. XLVI, 319.
- Фонъ-Крузе**, Н. О., сообщ.: «Памяти  
графа А. С. Уварова», т. XLV, 711—716.
- Крузенштерикъ**, Ив. Оед., адмир. 1826  
года, т. XLVII, 440.
- Крутиновъ**, ниж. пут. сообщ. 1844 г.,  
т. XLVIII, 328, 335.
- Крюжоведскій**, ген. 1831 г., т. XLVI, 289.
- Крыжановскій**, генер. 1853 г., т. XLVII,  
446, 447, 460, т. XLVIII, 607, 610, 611.
- Крыловъ**, Ив. Андр., р. 1768 г., † 1844  
года, т. XLV, 74, 81, 552.
- Крыловъ**, Никол. Ив., профес., томъ  
XLVI, 33, 259, 260, 262.
- Крыловъ**, Ник. Гавр., т. XLV, 242.
- Крыловъ**, профес., т. XLV, 520.
- Крыжевъ**, Вас. Степ., содержат. панс.,  
т. XLV, 1.
- Кудрявцевъ**, Петръ Никол., профессоръ,  
р. 1816, † 1858 г., томъ XLV, 55—70,  
468, 710.
- Кудряшевъ**, Порфир. Тимоф., побочн.  
братъ И. С. Тургенева, т. XLVII, 499.
- Кувелевъ**, ниж. пут. сообщ. 1843 года,  
т. XLVIII, 326.
- Кузьминъ**, Р. И., архитекторъ, томъ  
XLVII, 169.
- Кузольникъ**, Несторъ Вас., писатель,  
т. XLV, 75, 634, 637, т. XLVIII, 633, 635.
- Кузольникъ**, Пав. Васил., профессоръ,  
† 1884 г., т. XLV, 566, томъ XLVIII,  
633—635.
- Кулаковский**, П. А., профессоръ, томъ  
XLVIII, 412.
- Кулаковъ**, Степ., поруч. 1722 г., томъ  
XLVII, 357.
- Кулачикъ**, Марья, 1722 г., томъ XLVII,  
357—364.

- Куликовъ, Н. И., сообщ.: «Братья-журналисты», т. XLV, 471—478.
- Кулишъ, П. А., профес., томъ XLVI, 619, 620, 627, 628, 646, томъ XLVIII, 123—126, 168.
- Кульковъ, ген.-майоръ, 1812 года, томъ XLVII, 402.
- Кумани, нач. гидрографич. отд. 1864 г., т. XLVIII, 372.
- Кунякъ, Ар. Ар., акад. 1886 г., томъ XLVI, кн. V, стр. IV, 373, 623, 624.
- Куряжинъ, кн., Александр. Борис., камергеръ 1786 г., т. XLVIII, 26, 27, 44, 45, 46, 49.
- Куропаткинъ, полковн. генер. штаба 1860 г., т. XLVI, 386, 394, 399, 404, 410, 533, 541.
- Куртляковъ, ген.-майоръ, т. XLVII, 108.
- Курута, гр., Дм. Дм., генер. отъ инф., † 1833 г., т. XLV, 352, т. XLVII, 179, т. XLVIII, 389, 390.
- Кусаковъ, ввж. нут. сообщ. 1843 года, т. XLVIII, 326.
- Кусовъ, Н. И., сиб. город. голова 1836 года, т. XLV, 469.
- Кутакозовъ, гр., Ив. Павл., об.-штаг-мейстеръ 1800 г., т. XLVII, 386, 387, т. XLVIII, 81, 82, 270.
- Кутейниковъ, ген.-лейт., наказн. атаманъ войска донск. 1830 года, томъ XLVII, 211.
- Кутковичъ, Васил. Ив., об.-свящ. арміи и флота съ 1833—1864 г., т. XLVII, 22, 26, т. XLVIII, 165, 166.
- Кутузовъ - Смоленскій, князь, Мих. Илар. 1812 г., т. XLV, 352, 649, 650, 651, т. XLVI, 131, 135.
- Кудыкоскій, генер. 1861 г., т. XLV, 557.
- Кущелева, гр., Еват. Дм., т. XLVII, 169.
- Кущелевъ-Вавородово, гр., т. XLVI, 622, 629.
- Кюж, композит., томъ XLVI, 341, 342, 352, 365.
- Кюхельбежеръ, Вильгельмъ, декабристъ, т. XLV, 260.

- Лабанкиъ, Александръ Фед., конференц-секрет. акад. художествъ 1840 г., томъ XLV, 636, т. XLVIII, 391—398.
- Лавдакскій, адъют., т. XLVIII, 63.
- Лаврентьева, Е. И., т. XLVI, 342.
- Лаврова, т. XLV, 505, 506.
- Лавровъ, Никол. Владим., пѣвецъ, † 1840 года, т. XLVII, 496.
- Лавровъ, шт.-кан. генер. штаба, † 1853 года, т. XLVII, 448.
- Лавровский, Н. А., рект. варшав. университета, т. XLVIII, 412.
- Лавровъ, севат. 1830 г., т. XLVII, 216.
- Лавровъ, Мих. Адриан., адмир., р. 1799 года, † 1832 г., т. XLVII, 175.
- Ламечкинъ, Ив. Ив., писат., томъ XLV, 240.
- Лазаревъ, ген.-ад., † 1879 г., т. XLVI, 166, 167.
- Лазаревъ, Мих. Петр., адмир., бывш. гл. команд. черноморскаго флота, род. 1788 г., † 1851 г., т. XLVII, 92, 94, 123, т. XLVIII, 360.
- де-Лазаръ, К. Н., т. XLVI, 342, 343.
- Ламозъ, жандарм. шт.-оф. 1861 г., томъ XLVI, 141.
- Ламанкинъ, композит., т. XLVIII, 666.
- Ламанскій, Влад. Иван., профес., томъ XLVI, 620, 622, 629.
- Ламанскій, Евг. Ив., чл. редакц. коми. 1860 г., т. XLV, 757, т. XLVI, 213.
- Ламбергъ, гр., Карлъ, т. XLV, 474.
- Ланге, Губертъ, докт. врачъ, франц. писатель, р. 1519 г., † 1581 г., его отцы о Московіи, т. XLVI, 185—186, 411—416.
- Ланской, Сергій Степан., ин-ръ внутр. дѣлъ съ 1855—1862 г., т. XLV, 573, 574, 578, т. XLVII, 468, 469, 471, 474, 475, 477.
- Ланской, Алекс. Дм., генер.-поручикъ 1783 г., т. XXVI, 425.
- Лебедевъ, о. настоят. Казанск. собора въ Слб. 1884 г., т. XLV, 629.
- Лебедевъ, Иосифъ, іеродіак. Никомес. Корельск. монаст. 1767 г., т. XLV, 315—321, 338.
- Лебедевъ, Петръ Семен., ген.-лейт., томъ XLV, 405.

- Лебедевъ, ниж. пут. сообщ. 1843 года, т. XLVIII, 326.
- Левашова, Екат. Петр., рожд. Матлева, р. 1800 года, † 1831 года, томъ XLVII, 175.
- Левашовъ, гр., т. XLVI, 316.
- Левенвольде, Карлъ, гр., оберъ-штабл., † 1736 г., т. XLVIII, 26, 26, 43.
- Левандскій, о. Θεοδοσίη, въ мѣрѣ Θεοδору, священ. въ г. Балты, р. 1791 г., † 1846 года, т. XLV, 119—126.
- Левуцкій, ген.-м. 1853 г., т. XLVII, 256, 257, 258.
- Левинъ, Алексѣй Иракл., тов. мн-ра внутр. дѣлъ 1857 г., т. XLV, 377, 382, 573, 574, 575.
- Ледуховскій, полковн., коменд. Модина 1831 г., т. XLVI, 289.
- Леоръ, Г. А., профес., т. XLVI, 557—558.
- Лейхтенбергскій, герц., т. XLVI, 315, 316, 317.
- Лелевель, Іоакимъ, т. XLV, 393, томъ XLVI, 292, т. XLVIII, 404.
- Ленцъ, акад. 1853 г., т. XLV, 414.
- Леонковъ, ниж. пут. сообщ. 1843 г., томъ XLVIII, 326.
- Лешо, Н. Т., т. XLVI, 342.
- Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писатель, р. 1814 г., † 1841 г., т. XLV, 474—477, т. XLVI, 660, т. XLVIII, 626.
- Лерхе, Васил. Васил., овулисть, томъ XLVI, 17.
- Лестоковъ, лейбъ-мед. имп-цы Елисаветы Петровны, т. XLVIII, 33, 40, 53, 80.
- Лешковъ, профес. 1863 г., т. XLVII, 483.
- Лжедмитрій I, т. XLV, 193.
- Ливенъ, кн., попечит. дерпт. универс., мн-ръ народн. просв., т. XLV, 265, 266, 278, 518, 521, т. XLVI, 46.
- Ливентъ, гр., ген.-ад., т. XLVIII, 76.
- Ливентъ, бар., Вильгельмъ Карл., томъ XLV, 367, 729, 747.
- Лидеръ, ген.-ад. 1853 г., т. XLVIII, 607—609.
- Ливогубъ, Александр. Из., партизанъ 1812 г., т. XLV, 224.
- Лиддгренаъ, ген. 1834 г., т. XLV, 294.
- Линникъ, ниж. пут. сообщ., т. XLVIII, 328.
- Липовецкій майоръ, воинск. нач. въ Баязетѣ 1877 г. т. XLV, 466.
- Липтраждъ, генер. 1853 г., томъ XLVII, 256—260, 267, 269, 270, 278, 279, 460.
- Лисенко, ген.-лейт. 1853 г., т. XLVIII, 602, 603.
- Литве, Пелагея Христиан., въ зам. Тургонова, т. XLVII, 373.
- Литве, Фед. Петр., адмир., томъ XLV, 416, т. XLVII, 489, т. XLVIII, 668.
- Литве, гр., Н. Ф., т. XLV, 76.
- Литве, фл.-ад. 1832 г., т. XLVIII, 515.
- Литвинъ, ген., директ. строит. учил., т. XLV, 372.
- Лобановъ, ген.-провіантмейст. 1812 г., т. XLVII, 406.
- Лобановъ, шефъ кб.-гренад. пол., томъ XLVIII, 66.
- Лобановъ-Ростовскій, кн., Алексѣй Борисовичъ, посолъ въ Вѣнѣ, т. XLVII, 12.
- Ломецкій, Алекс. Леонтьев., профес. 1825 г., т. XLV, 43.
- Лоничъ, княг. Жанета Антоновна (Іоанна Грузинская), супруга цес. Констант. Павл., р. 1796 г., † 1831 г., т. XLVI, 92, 93, 96, 269, 270, т. XLVII, 35, 38.
- Лодеръ, Юстъ Христ., анатомъ, профес. моск. унив. 1824 г., т. XLV, 41—53, 269, 261, 489.
- Ломажинъ, ген., т. XLVI, 162, 167, 168, 169, 176.
- Ломачевскій, полковн. 1840 года, томъ XLV, 565.
- Лонгиловъ, т. XLV, 232, т. XLVII, 371.
- Лопухина, Екат. Никол., т. XLVIII, 247—251, 255, 272.
- Лопухинъ, князь, Петръ Васил., сенат. 1800 г., т. XLVIII, 81, 247, 250.
- Лопухинъ, кн., генер. 1831 года, томъ XLVI, 114.
- Лоржъ-Мелкиновъ, гр., Мих. Таріел., 1880 г., т. XLV, 467.
- Лоссиловскій, гл. докт. 2-го воен.-сухоп. госпит. 1841 г., т. XLVI, 468—473.
- Лотковский, предвод. мятеж. банды 1863 года, т. XLV, 401.
- Лонгаревъ, ген.-майоръ 1863 г., томъ XLV, 405.
- Лукомскій, кн., 1493 г., т. XLV, 190.

Лыжикъ, присяж. стряпч., т. XLVII, 491.  
 Любенскій, предвод. дворян. Ошмянск. уѣзд. Виленск. губери. 1866 года, томъ XLV, 578.  
 Любимовъ, Ник. Ив., помощ. ст.-секр. госуд. сов. 1862 г., т. XLVII, 492.  
 Любичъ, предвод. повстанц. въ Литвѣ 1863 года, т. XLV, 401.  
 Любовичъ, Н., сообщ.: «Губертъ Ланге о Россіи въ XVI в.», т. XLVI, 185—186, упом. 411.  
 Любощинскій, Маркъ Никол., чл. редакціонной комм., вѣстѣ чл. госуд. совѣта, т. XLV, 76, 757, т. XLVI, 213, т. XLVII, 491.  
 Лядовъ, Б. Н., капельмейст. рус. оперы, т. XLVI, 342, 347, 348, 349.  
 Лядовъ, Анатолій Ковст., т. XLV, 204.  
 Ляпушевичъ, протоіер. 1812 г., его записка о новомъ способѣ разстраивать неприятеля, т. XLVIII, 377—380.  
 Лъвовъ, инженер-поруч. 1820 года, томъ XLV, 211.  
 Лѣвовъ, Н. С., ссыл. на его статью: «Синодальныя персоны», томъ XLVII, 77, т. XLVIII, 151, 164, 165.  
 Магаловъ, вк., подполковн. 1880 года, т. XLVI, 402.  
 Магницкій, Мих. Леонт., д. с. с., р. 1787 года, † 1844 г., т. XLV, 265, 278, 287, 305, т. XLVI, 580, т. XLVII, 393.  
 Мадатова, книг., Софья Александровна, рожд. Саблунова, т. XLVII, 510.  
 Мазингъ, Эрнестъ Эрнест., вице-директ. 2-го департ. мн-ва госуд. имущ. 1860 г., т. XLV, 568.  
 Майеръ, Антуанета Антон., въ зам. Деглова, † 1877 г., т. XLV, 224, 227.  
 Майеръ, Карлъ Ант., гл. докт. Обухов. больницы, т. XLVI, 49.  
 Майвовъ, Аппол. Никол., писатель, т. XLVIII, 220.  
 Майвовъ, Леон. Никол., чл. археограф. комм. 1886 г., т. XLVI, вк. V, стр. IV.

Мажарій, митрон., т. XLVIII, 102.  
 Мажонкова, М. М., т. XLVI, 342.  
 Мавонимовичъ, Мих. Алексдр., профес. 1884 г., т. XLV, 75, 702.  
 Маколкинъ, С. В., писат., т. XLV, 416, т. XLVI, 670.  
 Малама, полковн., т. XLVI, 174, 177, 178.  
 Мальцевъ, Серг. Ив., полковн. 1849 г., т. XLVIII, 675.  
 Мамонковъ, команд. Клястицк. гусар. пол. 1829 г., т. XLVI, 90.  
 Мандерштергъ, ген-м. 1831 г., т. XLVI, 120.  
 Мандтъ, лейбъ-медикъ, т. XLVI, 50, 51, 52, т. XLVII, 290.  
 Мансуровъ, генер., т. XLV, 521.  
 Манюшкинъ, ген.-лейт. 1863 г., т. XLV, 401.  
 Марія Сеодоровна, императрица, р. 1759, † 1828 г., т. XLV, 344—358, 364, 462, 470, 634, 647, т. XLVI, 95, 276, 588, т. XLVII, 29, 34, 343, 380, т. XLVIII, 521.  
 Марія Павловна, вел. княг., въ суруге вел. герцогиня Саксенъ-Веймарская, р. 1786 г., † 1859 г., т. XLV, 367, т. XLVI, 106, 269, 270, т. XLVII, 343.  
 Марія Николаевна, вел. княг., въ суруге герцогиня Лейхтенбергская, р. 1819 г., † 1876 г., т. XLV, 356, 544, 549, т. XLVI, 88, 93, 274, 290, 450, 485, 507, т. XLVII, 225, 429, 441, т. XLVIII, 334, 509, 513, 515, 518.  
 Марновъ, В. И., т. XLVI, 342.  
 Марнусъ, Мих. Ант., т. XLVII, 510.  
 Маркусъ, Мерк. Алекс., лейбъ-медикъ, т. XLVI, 465.  
 Мартинъ, генер. 1863 г., томъ XLVIII, 600, 603.  
 Мартосъ, скульпт., т. XLV, 645.  
 Мартыновъ, Пав. Петр., ком. Измайл. полка 1825 г., т. XLVII, 523.  
 Мартыновъ, акад., т. XLV, 638.  
 Марченко, инспект. стронт. училища, т. XLV, 368.  
 Матюшкинъ, сенат. 1862 г., т. XLVII, 491.  
 Мадцѣвскій, директ. блгосток. гимназ. 1806 г., т. XLV, 208.



- Мацневъ**, инж. пут. сообщ. 1844 года, т. XLVIII, 328.
- Мелевъ**, полковн. 1824 г., т. XLV, 214.
- Мезенцова**, Вѣра Никол., рожд. гр. Зубова, † 1862 г., т. XLVII, 175.
- Мезенцовъ**, Владим. Петр., ген.-майоръ, † 1833 г., т. XLVII, 175.
- Мейенгардъ**, П. А., инж. пут. сообщенія 1843 г., т. XLVIII, 320, 321, 326.
- Мейендорфъ**, бар., рус. посолье въ Вѣнѣ, т. XLV, 382.
- Мелкоско**, ген. отъ артл., 1787 года, т. XLVIII, 434.
- Мельниковъ**, Пав. Петр., проф. механ., впоследствии мн-ръ пут. сообщ., т. XLV, 366, 376, томъ XLVI, 313—320, т. XLVIII, 321—323, 327, 328, 336.
- Мельниковъ - Печерскій**, Пав. Иван., т. XLVIII, 144, 649.
- Мельничій**, Н., сообщ.: «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1825 г.», т. XLVIII, 388—391.
- Меншиковъ**, кн. Алексн. Сергѣев., морской мн-ръ, р. 1787 г., † 1869 г., томъ XLV, 232, т. XLVI, 194, томъ XLVII, 90—116, 256, 264—271, 288, 303, 449, т. XLVIII, 359, 362—372.
- Меншиковъ**, кн., ген.-ад. 1829 г., томъ XLVIII, 401, 689—692.
- Мердеръ**, Карлъ Карл., ген.-ад., воспитат. цесарев. Александра Николаевича, р. 1787 г., † 1834 г., его записки, т. XLV, 339—364, 527—554, т. XLVI, 87—106, 265—280, 481—510, т. XLVII, 27—44, 223—238, 429—444, т. XLVIII, 503—522, упом. т. XLVI, 187.
- Мердеръ**, Марія, т. XLV, 544.
- Мердеръ**, Петръ, т. XLV, 544.
- Меренбергъ**, графиня, рожд. Пушкина, т. XLVIII, 623, 628.
- Мерляковъ**, Алексѣй Ѳед., профес., писатель, т. XLV, 42.
- Мерцаховъ**, А. Е., сообщ. «Изъ домашняго архива Неймовыхъ», т. XLVIII, 206—208.
- Меттерникъ**, кн., австр. госуд. канцл., р. 1773 г., † 1859 г., т. XLV, 195—201.
- Мещерскій**, кн. Серг. Из., команд. роты в. в. л.-гв. гренад. полка 1825 г., т. XLVI, 191, т. XLVII, 523.
- Мещерскій**, кн., Петръ Сергѣев., обл.-прокур. св. синода 1827 г., т. XLV, 124, т. XLVI, 576, 580, т. XLVII, 9, 12, т. XLVIII, 491.
- Мещерскій**, кн., ген.-аншефъ, казанск. ген.-губернат., т. XLVIII, 250.
- Михалашевскій**, А. М., ссылка на его ст: «М. Ю. Лермонтовъ въ замѣткахъ его товарища», т. XLV, 475—477.
- Миндуга**, инж. пут. сообщ. 1844 года, т. XLVIII, 328.
- Минувскій**, инж. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 328.
- Миньшинъ**, М. О., акад.-скульпт. 1864 г., т. XLV, 242, 243.
- Миллеръ**, В. Ѳ., профес. 1884 г., т. XLVI, 374, 376.
- Миллеръ**, Орестъ Ѳед., профес., томъ XLVIII, 655.
- Миллеръ**, Л. Ѳ., т. XLVI, 342.
- Милорадовичъ**, гр., Мих. Андр., сбб. воен. губернат., † 1825 г., т. XLVI, 190, т. XLVII, 3, т. XLVIII, 382—388.
- Милотина**, Марія Агеевна, супр. Н. А. Милотина, т. XLVII, 314.
- Милотинъ**, Дмитр. Алексѣев., ген.-ад., т. XLVI, 333, 625, т. XLVII, 489, 490, т. XLVIII, 698.
- Милотинъ**, Никол. Алексѣев., членъ госуд. сов., р. 1818 г., † 1872 г., т. XLV, 481—482, т. XLVI, 214, 625, 661, т. XLVII, 185, 314, 373, 468, 469, 475, 478, 479, 480.
- Милотинъ**, Юрій Никол., т. XLV, 767, т. XLVI, 214.
- Минаевъ**, И. П., т. XLVI, 640.
- Минамовъ**, инспект. одесск. гимназій, т. XLVI, 616.
- Минихъ**, гр., Бурхардъ Христофоръ, ген.-фельдмарш., р. 1683 г. † 1767 г., т. XLVIII, 25, 26, 28, 42, 43, 47, 53.
- Миничина**, (Пушкая), Настасья Ѳед., домоправительн. гр. Аракчеева, т. XLV, 218, т. XLVIII, 259.
- Миньковичъ-Петровскій**, полковникъ, т. XLVI, 156.

- Мирновичъ, Фед. Яковл., генералъ отъ инф., † 1866 г., т. XLVII, 175.
- Мирновичъ, витебск. ген.-губернаторъ, т. XLV, 338, 565, 566, XLVII, 133, 184.
- Мировичъ, подпоруч. 1763 г., т. XLV, 328, 329, 337, т. XLVI, 55.
- Митковъ, Мих. Платонов., т. XLV, 757, т. XLVI, 213.
- Михаилъ Павловичъ, вел. кн., р. 1798 г., † 1849 г., т. XLV, 350, 357, 476, 527, 528, 533, 549, 550, 554, т. XLVI, 92, 100, 190, 256, 269, т. XLVII, 37, 224, 228—232, 235, 252, 431, 443, 521, 522, т. XLVIII, 441, 503, 505, 509, 516, 521, 522, 703.
- Михаилъ Николаевичъ, вел. кн., томъ XLVIII, 363, 521.
- Михаилъ Десницкій, архіеп. чернигов., вполн. митроп. слб. 1818 г., † 1821 г., т. XLVI, 575—577.
- Михайловъ, профес. архитект., т. XLV, 638, 640, 662.
- Михайловъ, Мих. Илларионов., писат., т. XLV, 416.
- Мицкевичъ, Адамъ, польскій писатель, т. XLV, 77, 82.
- Мицкевичъ, директ. канц. мн-ва пут. сообщ. 1854 г., т. XLV, 368.
- Могилевскій, полт. губернат. 1830 г., т. XLV, 211.
- Модекъ, гр., Елис. Никол., рожд. Салтыкова, † 1852 г., т. XLVI, 175.
- Моденъ, Софія, фрейлиня 1829 г., т. XLV, 554.
- Мойеръ, Евал. Ив., т. XLVI, 463, 464, 476.
- Мойеръ, Марья Андреев., рожд. Протасова, † 1823 г., т. XLVI, 193.
- Мойеръ, Ив. Филип., профес.-хирургъ 1817 г., рект. дерпт. унив., т. XLV, 39, 278—286, 291—301, 431—434, 487—490, 509—517, т. XLVI, 26, 40—47, 233, 234, 239, 456, 463.
- Моллеръ, Амось, морск. ми-ръ, т. XLVI, 257.
- Моллеръ, Фед., художникъ, т. XLVI, 257, 258.
- Молчановъ, сенат. 1799 г., т. XLVII, 341.
- Монферранъ, архитект., т. XLVII, 39.
- Монюшко, ком. поэнт., т. XLVI, 341.
- Моргенталь, генер., † 1831 г., т. XLVI, 119.
- Мордвиновъ, Мих. Ив., т. XLVI, 425—432, 440.
- Мордвиновъ, Сем. Ал., т. XLV, 757, т. XLVI, 213.
- Мордовцевъ, Дан. Лукичъ, сообщ. «Историческія поминки по Н. И. Востокарову», т. XLVI, 617—648.
- Мореншлядъ, подполк., команд. Оренб. казач. пол. 1880 г., т. XLVI, 391, 541.
- Морозова, М. И., т. XLVI, 342.
- Морошкинъ, И. Я., сообщ. «Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій въ смлгѣ», т. XLV, 311—338, 611—628, т. XLVI, 53—86.
- Морошкинъ, Мих. Яковл., самц. изстатель, † 1870 г., т. XLVIII, 469.
- Моосалевъ, полковн. 1853 г., т. XLV, 156.
- Мосоловъ, Алексан. Никол., т. XLV, 405.
- Мотерно, майоръ 1880 г., т. XLVI, 393.
- Мудровъ, Матв. Яковл., докт. 1825 г., т. XLV, 41, 45, 48, 49, 50, 52, 239, 261, 262, 276.
- Мудролюбовъ, Іоаннъ Григор., самц. 1824 г., т. XLV, 144.
- Музатовскій, протопресв., т. XLVIII, 166.
- Муравьевъ-Барскій, Никол. Никол., ген.-ад., рожд. 1793 г., † 1866 г., томъ XLVIII, 160.
- Муравьевъ-Амурскій, графъ, Никол. Никол., ген.-ад., бывш. тульск. губерн., вполн. ген.-губерн. Восточной Сибири, † 1881 г., т. XLVIII, 337—358.
- Муравьевъ, Андр. Н., духовн. писат., томъ XLVI, 445, томъ XLVIII, 152, 158—162.
- Муравьевъ, ген.-м. 1831 г., т. XLVI, 122, 123.
- Муравьевъ, ревельск. оберъ-коменд. 1766 года, т. XLV, 611, 612.
- Муравьевъ, гр., Мих. Никол. (Валевскій), р. 1796 г., † 1866 г., т. XLV, 385, 386, 394—409, 555, 559, 563, 564, 567—575, т. XLVI, 215, 323—333, томъ XLVIII, 101, 103, 106, 120.
- Муравьевъ, Никол. Назарьев., статс.-секрет. 1827 г., томъ XLV, 312, томъ XLVI, 311, 312.

- Мускатъ-Пушкинъ**, гр., Плат. Ив., предвѣстъ коммерцъ-коллег. 1740 г., томъ XLVIII, 18, 19, 33, 43, 51, 52.  
**Мусоргскій**, М. П., композит., томъ XLVI, 342.  
**Муханова**, Наталья Александр., рожд. Саблунова, т. XLVII, 510.  
**Мухановъ**, П. А., т. XLVII, 11, 12, 489.  
**Мухнъ**, Ефр. Осип., докт., 1824 года, т. XLV, 1, 2, 10, 12, 42, 47, 48, 50, 259—265.  
**Мушицъ**, Е. Ф., рожд. Трушкинова, сообщ. замѣтку: «Ив. Федор. Трушинскій», томъ XLV, 418.  
**Мятлева**, Прасковья Ив., рожд. гр. Салтыкова, статсъ-дама, р. 1771 г., † 1859 года, т. XLVII, 178.  
**Мятлевъ**, Ив. Петр., камергеръ, † 1844 года, т. XLVII, 175.  
**Мятлика**, Александра Конст., рожд. Вендерсона, т. XLVIII, 368.  
**Мятлицъ**, Никол. Фед., управл. морск. ми-мъ, р. 1804 г., † 1884 года, томъ XLVII, 490, томъ XLVIII, 359—374, 687—694.  
**Мячельскій**, полковн. 1831 г., т. XLVI, 297—301, 512—517, 525, 527, т. XLVII, 46, 58, 54, 57.  
  
**Навароцкій**, полковн., т. XLVI, 166, 379.  
**Наварьевъ**, Андр. Филимон., т. XLV, 84, 85.  
**Назиковъ**, Владим. Ив., ген.-ад., р. 1802, † 1874 г., т. XLV, 385—410, 555—560, 758, т. XLVI, 228, 323—333, 664, томъ XLVII, 126, 127, 184, 469.  
**Назимовъ**, Мнх. Александр., декабристъ, т. XLV, 474.  
**Направинъ**, канальмейст. русск. оперн 1884 г., т. XLVI, 350.  
**Нарбутъ**, предвод. матежн. банды 1868 года, т. XLV, 401.  
**Нарышкина**, Марья Ант., т. XLVII, 409, 410.  
**Нарышкина**, Александра Львовна, въ зам. Волынская, † 1730 г., т. XLVIII, 23, 31.  
**Нарышкина**, рожд. гр. Коковшицына, жена декабриста, т. XLVIII, 299.  
**Нарышкинъ**, Александръ Львов., томъ XLVII, 409, т. XLVIII, 32, 42.  
**Нарышкинъ**, Василій, прокуроръ 1767 года, т. XLV, 313, 317, 322, 329, 338, 617—624, т. XLVI, 57.  
**Нарышкинъ**, Мнх. Мнх., декабр., томъ XLV, 666, т. XLVIII, 299.  
**Нарышкинъ**, гофмаршалъ 1826 г., томъ XLV, 352, т. XLVII, 342.  
**Насажинъ**, подпор. 1825 г., т. XLVI, 190.  
**Наталья Алексѣевна**, царевна, р. 1714 г., † 1723 г., т. XLVII, 171, т. XLVIII, 466, 463, 469.  
**Нахимовъ**, Пав. Степ., адмвр., р. 1803 г., † 1858 года, т. XLVII, 92—94, 111, 114, 118, 121, 122, 266, 288, т. XLVIII, 84, 93, 359, 385.  
**Нащонинъ**, П. В., т. XLV, 471.  
**Неволинъ**, профес., томъ XLVIII, 668, 669, 672.  
**Нейдгартъ**, Александръ, ген.-ад., оберъ-квартимейст. арміи 1831 г., т. XLVI, 110, 113, 117, 119, 121, 132, 134, 233, 293, 301, 491, 493, 525, т. XLVII, 61, 423, т. XLVIII, 210.  
**Некрасова**, Е. С., сообщ.: «Домъ сумасшедшихъ. Шутка-сатира гр. Е. П. Ростовичной», т. XLV, 671—709, томъ XLVI, 225—227, «Мертвыя души Гоголя», т. XLVIII, 167—203, 568—590.  
**Некрасовъ**, Никол. Алексѣев., р. 1821 года, † 1877 г., томъ XLVI, 632, 660, т. XLVIII, 625, 626, 627.  
**Некрасовъ**, ст.-секрет. 1799 г., т. XLVII, 342, т. XLVIII, 27, 50.  
**Неплюевъ**, севат. 1785 г., т. XLVI, 437.  
**Неслуховскій**, Ф. К., т. XLVI, 640.  
**Нессельроде**, гр., Карлъ Вас., канцл., р. 1780 г., † 1862 г., т. XLVIII, 339.  
**Нечаевъ**, Степ. Дм., об.-прокур. св. синода 1833 г., т. XLVII, 12—19, 25, 26, т. XLVIII, 152—157.  
**Нефловъ**, Финн. Перфил., т. XLVIII, 206.  
**Нефловъ**, т. XLVIII, 206—208.  
**Нефлюръ** Клементьевскій, еписк. ревел. 1826 г., митр. слб. 1849 г., т. XLVII, 168, т. XLVIII, 501.

Никитичъ, ст.-секрет., т. XLVI, 626.  
 Никитичъ, гр., Алексѣй Петр., т. XLV, 222, 223, 227.  
 Никодимъ, архіеп. еаворскій, вносл. матр. іерусалимскій, т. XLVI, 563.  
 Николай, бар., Андрей Львов., 1812 г., т. XLV, 203, 209, 211.  
 Николай, бар., Александръ Павл., статсъ-секрет., д. т. сов., чл. госуд. сов., томъ XLV, 226.  
 Николай, бар., Леонтій Павл., ген.-ад., р. 1820 г., т. XLV, 226.  
 Николай I, импер., р. 1796 г., † 1855 г., Волненіе на Сѣнной площади 1831 г., т. XLV, 156. Имп. Николай и кор. Фридрихъ Вильгельмъ IV, 201—204. Переписка съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ, т. XLVI, 107—124, 281—308, 511—530, т. XLVII, 239—254, 411—428. Записка имп. Николая о военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ (около 1845 г.), т. XLVIII, 209—212. Письмо къ нему кн. Варшавскаго, 213. Записка Николая I по поводу волненія въ Краковѣ 1846 г., 214—216. Упом. т. XLV, 119, 141, 146, 147, 150, 193, 205, 218, 227, 240, 259, 261, 265, 288, 294, 300, 312, 340, 341, 350, 339, 424, 469, 482, 521, 559, 560, 575, 648, 722, 725, 738, 740, 743, томъ XLVI, 16, 43, 125, 134, 133, 187—194, 234, 245, 257, 309, 312—318, 326, 439, 472, 597, т. XLVII, 2—11, 18, 45, 170, 180, 218, 369, 370, 371, 521, 523, томъ XLVIII, 293, 295, 342, 396, 697.  
 Николай Николаевичъ, вел. кн., томъ XLVII, 42, 439, т. XLVIII, 510.  
 Николай Александровичъ, вел. князь, цесарев., † 1865 г., т. XLV, 277, томъ XLVI, 661.  
 Николай Соколовъ, еписк. калужск. 1834 года, † 1851 г., т. XLVIII, 161.  
 Нивольскій, В. В., профес. рус. словесности, инспект. лицей въ Сиб., томъ XLV, 204, 233.  
 Ниволь, игуменъ Боневскаго монастыря 1824 г., т. XLV, 122—126.  
 Нивотинъ, И. А., д. ст. сов. 1863 года, т. XLV, 405.

Новиковъ, Ив. Александр., томъ XLV, 767, т. XLVI, 218.  
 Новиковъ, Никол. Ив., писат., мартинистъ, р. 1744 г., † 1818 г., т. XLV, 754.  
 Новосильцевъ, Петръ Петр., москвск. вице-губернат. 1838 г., т. XLVII, 6, т. XLVIII, 145.  
 Новосильцевъ, адмир. 1853 г., т. XLVII, 92, 93, 266.  
 Новосильцевъ, Васил. Яковл., сават. 1780 г., т. XLVIII, 33.  
 Новосильцевъ, товар. мн-ра внутр. дѣлъ 1829 г., т. XLVII, 370.  
 Фоль-Нолькенъ, Христофоръ, кав-м-ручникъ л.-гв. Семен. пол. 1768 год. т. XLVI, 53, 59, 76.  
 Нордштейнъ, вѣж. пут. сообщ. 1844: т. XLVIII, 323.  
 Норровъ, Абрамъ Серг., бывший мн-ръ народн. просв., † 1869 г., XLVII, 175, 489, 490.  
 Ностлицъ, гр., фл.-ад. 1863 года, томъ XLV, 401.

Оболенокій, кн., Георг. Васил., правдатель дворян. Смоленск. губ. 1863 г., т. XLVI, 450.  
 Оболенокій, кн., почетн. моск. унв. 1824 г., т. XLV, 23, 259.  
 Оболенокій, кн., Д. А., чл. госуд. сов., т. XLV, 366, 362.  
 Обольяниновъ, Петръ Хрисанф., кав-прокуроръ 1800 г., т. XLV, 633, томъ XLVIII, 486.  
 Обрацовъ, Ив. Алексѣевичъ, бригад-майоръ 1796 г., т. XLVIII, 75.  
 Обресова, Екат. Алексѣев., фрейлин., р. 1766 г., † 1851 г., т. XLVII, 175.  
 Обресовъ, Петръ Алексѣев., ст.-секр. 1800 г., т. XLVIII, 82.  
 Огаревъ, Никол. Платонов., писателъ, т. XLV, 671, 673, 707.  
 Огаревъ, Н. А., ген.-ад. 1844 г., томъ XLVIII, 338.  
 Огинскій, кн., Иринеи, т. XLV, 573.  
 Оголкинъ, витебск. губернат. 1863 года, т. XLV, 398.

- Одоевскій, кн., Владим. Фед., писат. 1860 г., т. XLV, 703.
- Одоевскій, кн. 1506 г., т. XLV, 190.
- Одынецъ, Александръ, т. XLV, 566.
- Ожаровскій, гр., Бонст., т. XLV, 406.
- Ожаровскій, генер. 1826 г., т. XLV, 352.
- Оленикъ, Алексѣй Никол., преамд. акад. худож., † 1842 г., т. XLV, 645, томъ XLVIII, 381—387.
- Олеуфьевъ, Никол. Дм., ген.-м., томъ XLVII, 179.
- Олеуфьевъ, Вас. Дм., москов. гражд. губернат. 1838 г., т. XLVIII, 145.
- Олеуфьевъ, Адамъ Вас., т. XLVI, 427.
- Ольга Николаевна, вел. княж., въ зам. королева Виртембергская, р. 1822 года, томъ XLV, 544, т. XLVI, 94, 95, 102, 274, 488, 502, т. XLVII, 429, 441, т. XLVIII, 507, 516, 518.
- Ольшескскій, М. Я., ген. отъ инф., ссылка на его Записки, т. XLV, 156.
- Опатовичъ, Стефанъ, от., т. XLVI, 640.
- Опелунинъ, А. М., акад. скульпторъ 1865 г., т. XLVII, 184, т. XLVIII, 17.
- Опочинина, рожд. княж. Орбеляни, т. XLVIII, 576.
- Опочининъ, Фед. Петр., оберъ-гофмейстеръ, чл. госуд. сов., † 1862 г., томъ XLVII, 175.
- Опочининъ, Алексѣй Петр., ген. отъ арт., † 1866 г., т. XLVIII, 375—376.
- Опочининъ, А. П., т. XLVI, 342.
- Опочининъ, В. П., т. XLVI, 342, 356.
- Опшерманъ, гр., ген., завѣд. инженерн. ведомствъ 1812 г., т. XLV, 206, 211.
- Орешкино, гродненск. губерни. предвод. дворян. 1856 г., т. XLV, 578.
- Ореуць, Ив. Ив., ген.-майоръ, т. XLV, 242, 366.
- Ореуць, Фед. Максим., директ. Полоцк. кадетск. корп. 1847 г., т. XLVIII, 699.
- Орловъ, гр., Гр. Влад., т. XLVIII, 64.
- Орловъ, гр., вносч. кн., Алексѣй Фед., ген.-ад., чревыч. посолъ при турецк. дворѣ 1829 г., шефъ жандармовъ, † 1861 годъ, т. XLV, 367, 573, 574, т. XLVIII, 71, 72, 296.
- Орловъ, кн., Н. А., шефъ жандармовъ 1854 г., т. XLV, 665, т. XLVI, 260, 316.
- Орловъ, кн., Гр. Григ., ген.-фельдцейхмейстеръ, р. 1734 г., † 1783 г., томъ XLVI, 426, 429—434.
- Орловъ, Фед. Григ., т. XLVI, 433, 434.
- Орловъ, графъ, Алексѣй Григ., томъ XLVIII, 276.
- Орловъ, Яковъ, подьячій, томъ XLVII, 185—106.
- Орловъ, В., протоіаконовъ, сообщ.: «Мраморный дворець 1785—1886 гг.», томъ XLVI, 423—446.
- Орловъ-Демисовъ, гр., фл.-ад., войск. старшина Оренб. казач. пол., † 1861 г., т. XLV, 352, т. XLVI, 391, 393, 539.
- Орловъ-Чоменскій, гр., А. Г., томъ XLVI, 426, 430, 432.
- Фонъ-дербъ-Остель-Самонъ, бар., ген.-м. 1831 г., т. XLV, 339, 341, 353, томъ XLVI, 520, 525, 528, т. XLVII, 45, 57, 58, 240, 243, 246, 247, 417, 418, 422, 425, 426, т. XLVIII, 360, 362, 371.
- Остерманъ, гр. 1740 г., т. XLVIII, 21, 26—29, 33, 43—45, 49.
- Остерманъ, сенат., т. XLVIII, 248.
- Островскій, Александр. Никол., писат., т. XLV, 416, 706.
- Оттъ, ниж. пуг. сообщ. 1848 года, томъ XLVIII, 326.
- Павелъ I, импер., р. 1754 г., † 1801 г., т. XLV, 316, 325, 330, 333, 469, 544, 629—633, 643, т. XLVI, 55, 194, 429, т. XLVII, 170, 367, 371, 379, 388—390, 522, томъ XLVIII, 55, 56, 60—62, 65, 69—71, 77—82, 226, 249, 250, 256, 266, 272, 433, 434, 485, 694, 685.
- Павловъ, генер. 1853 г., томъ XLVII, 267—277, 288—286.
- Павловъ, Никол. Никол., чл. редакц. комм. 1880 г., т. XLV, 757, т. XLVI, 214—216.
- Павловъ, П. В., профес., т. XLVIII, 648.
- Павловъ, ген., нач. 11-й пѣхотн. дивиз. 1853 г., т. XLVIII, 602, 603.
- Павловъ, А. С., т. XLV, 408, 406.

- Павловъ, Герасимъ Петр.,** протоіер., за-  
коноучитель цесарев. Александра Ни-  
колаевича 1826 в., р. 1787 г., † 1863  
года, т. XLV, 357, 359, 361, 364, 528,  
529, 533, 535, 541, 543, 546, 547, 550,  
552, т. XLVI, 275, 276, 278, 484, 486  
492, 493, 494, 497, 498, 503, 509, томъ  
XLVII, 36, 41, 42, 227, 229, 233, 236,  
237, 429, 490, 484, 437, 439, т. XLVIII,  
496, 512.
- Паленъ, ген. отъ кав. 1831 г.,** т. XLV,  
629, т. XLVI, 110, 113, 114, 119—123,  
203, 297, 301, 513, 516, 526, т. XLVII,  
47—50, 344, 425.
- Паленъ, нижн. 1842 г.,** т. XLVI, 320,  
т. XLVIII, 321, 328.
- Паленъ, графъ, Конст. Иванов.,** томъ  
XLV, 76.
- Палицынъ, офиц. 1840 г.,** т. XLV, 226.
- Панаевъ, Влад. Иванов.,** соул. на его  
Воспоминанія, т. XLVII, 19.
- Панаевъ, ниж. пуд. сообщ. 1844 года,**  
т. XLVIII, 328.
- Панкинъ, гр., Вьет. Никит.,** ин-ръ юсти-  
ціи 1840 г., нач. II отдѣл. 1865 года,  
† 1869 г., т. XLVI, 214, томъ XLVII,  
471—474, 476, 489, 493.
- Паникаверъ, ксилографъ, гравирован-  
ный имъ портр. К. Θ. Детлова,** томъ  
XLV, 328.
- Пановъ, поруч., декабрист.,** т. XLVI, 191.
- Панфиловъ, адмир.,** т. XLVII, 92, 93.
- Панютинъ, виленск. губернат. 1864 г.,**  
т. XLV, 899.
- Параскева Иоанновна, царевна,** томъ  
XLVII, 171.
- Парландъ, Альфредъ Александр.,** архи-  
текторъ, акад. 1882 г., т. XLVII, 169.
- Парротъ, акад. 1827 г., рект. дерптск.  
унив.,** т. XLV, 262, 265, 302.
- Парчевскій, полковн. 1877 г.,** т. XLV, 170.
- Пасковичъ, гр. Эриванскій, кн. Вар-  
шавскій, Яв. Ѳеодор.,** ген.-фельдмарш.,  
† 1856 г., т. XLVI, 125, 126, 131, 184,  
136, 137, 273, 324, 472, 482, т. XLVII,  
27, 228, 280, томъ XLVIII, 213—220,  
404—410, 549, 607.
- Пассоверъ, Александръ Яковл.,** томъ  
XLVI, 614, 615.
- Патерсонъ, Веніаминъ, гравёръ,** томъ  
XLV, 651, т. XLVI, 446, 447.
- Паткуль, ревельск. комед. 1829 года,**  
т. XLVI, 272.
- Паткуль, Александръ,** т. XLV, 356—363,  
528, 529, 533—537, 540—544, 548, 549,  
т. XLVI, 101, 102, 267, 271, 275, 280,  
482, 485, 489, 490, 496, 508, 507, томъ  
XLVII, 28, 31, 42, 234, 235, 238.
- Паулуччи, рижск. ген.-губернат.,** томъ  
XLV, 486.
- Павловичъ, подполковн. 1877 года,** томъ  
XLV, 168—184, 447—453, 465, 588, 589,  
596, томъ XLVI, 454.
- Павловичъ, нижн.,** т. XLV, 372.
- Пашковъ, Андрей Из.,** ген.-м., † 1850  
года, т. XLVII, 175.
- Пашковъ, Мих. Васил.,** т. XLV, 532.
- Пажарскій, Петръ Петр.,** академ., томъ  
XLV, 311, 313, 314, 682, 756.
- Пелкеле, Эдуардъ,** поруч. 1-га кон.  
артил., † 1828 г., т. XLVII, 179.
- Пенкержевскій, ген.-майоръ 1831 года,**  
т. XLVII, 411.
- Первоульфъ, О. О.,** профессоръ, томъ  
XLVIII, 412.
- Первоульцова, Екатер. Матв.,** родн.  
Князьевичъ, т. XLV, 288.
- Первоульцовъ, Вас. Мих.,** проф. рус.  
яз., т. XLV, 278, 279, 280, 281, 283.
- Перемусихина, Марья Савин.,** шестер-  
ювгфера им-цы Екатерины II 1796 г.,  
т. XLVII, 377.
- Перетца, Егоръ Абрамов.,** т. XLVII, 498.
- Перовъ, художн.,** т. XLVII, 500, 501, 502.
- Перовскій, гр., Левъ Алексѣев.,** ин-ръ  
внутр. дѣлъ, т. XLV, 294.
- Перовскій, гр., В. А.,** фл.-ад., т. XLV,  
371, 372.
- Перротъ, ниж. пуд. сообщ. 1844 года,**  
т. XLVIII, 328.
- Петрашевичъ, Мих. Вас.,** 1850 года,  
т. XLVII, 519.
- Петровъ, Ос. Аван.,** артистъ-гравёръ,  
род. 1806 г., † 1877 г., т. XLVI, 342,  
348—353.
- Петровъ, генер.-майоръ 1830 года,** томъ  
XLV, 130.

- Петровъ, ниж. пут. сообщ. 1843 года, т. XLVIII, 326.
- Петрусевичъ, ген.-м. 1880 г., т. XLVI, 177, 178, 381, 384, 389—399, 532.
- Петръ I, императ., р. 1672 г., † 1725 г., т. XLV, 199, 239, 241, 244, 647, т. XLVI, 338, 417, 420, 423, 424, 436, т. XLVII, 186—208, 347—364, т. XLVIII, 1—16, 20, 22, 23, 24, 30, 81, 86, 88, 53, 72, 77, 231—232, 235, 455—472.
- Петръ II Алексѣев., импер., р. 1716 г., † 1730 г., т. XLV, 188, 334, т. XLVI, 55, т. XLVIII, 24, 36, 72.
- Петръ III Оедоровичъ, импер., р. 1728 года, † 1762 г., т. XLV, 326, 327, 328, 329, 333, 334, 620, т. XLVI, 55, томъ XLVIII, 81.
- Пименовъ, суавнт., т. XLV, 645, 648.
- Пинабель, ген.-м. 1831 г., т. XLVII, 411.
- Пироговъ, Никол. Ив., род. 1810 года, † 1881 г., его посмертныя записки: «Вопросы жизни, дневникъ стараго врача», томъ XLV, 1—54, 267—310, 431—526, томъ XLVI, 1—52, 229—264, 455—480. Письмо Пирогова къ д-ку Зейдлицу, т. XLVII, 289—306. Письмо Зейдлица къ Пирогову, 461—466; упом. т. XLV, 245—258, 417, 758, т. XLVI, 603—616, 665.
- Пироговъ, Ив. Ив., т. XLV, 30, 81.
- Пирхъ, бар., Карлъ Карл., ген.-м., р. 1786 года, † 1822 г., т. XLVII, 176.
- Писаревъ, писат., т. XLVII, 315.
- Писаревъ, ген. 1826 г., т. XLV, 269.
- Писемскій, Алексѣй Феоф., писатель, т. XLV, 416, 708.
- Плазмьщичевъ, Васил. Алексѣевичъ, т. XLVII, 382, 383, 384.
- Плавскій, д-кт. судебн. рефор. 1862 г., т. XLVII, 487, 491, 492.
- Плясовъ, казаки. атаманъ войска донск. 1799 г., т. XLVI, 135, т. XLVII, 340, т. XLVIII, 57.
- Платонъ (Петръ Лезницъ), преподаватель богословія в. кн. Павлу Петровичу съ 1760—1766 г., еписк. владимирск. и ярославск., висло. архіеп. тверской 1770 г. и митрополитъ московскій съ 1787—1794 г., р. 1737 г., † 1812 года, т. XLVI, 566—569, томъ XLVII, 169, т. XLVIII, 68.
- Платонъ (Каванскій), профес., томъ XLVII, 20, 21, 22, 23, 24, 25.
- Платонова, Ю. Ф., т. XLVI, 348—360.
- Побѣдоносцевъ, К. П., об.-секрет. общ. собр. моск. департ. сената 1861 г., т. XLVII, 487, 491.
- Погодинъ, Мих. Петр., акад., р. 1800 г., † 1875 г., т. XLV, 702, 755, т. XLVI, 624, 629.
- Погребовъ, Никол. Ив., спб. городск. голова, 1873 г., † 1879 г., томъ XLVI, 453—454.
- Погуляевъ, Никол. Тимоф., † 1859 г., т. XLVII, 496, т. XLVIII, 212.
- Подвысоцкій, Александр. Осип., есмл. на его Записки, т. XLV, 402.
- Подолжикскій, Андрей Ив., поэтъ, род. 1806 г., сообщ.: «Собраніе неизданныхъ его стихотвореній 1830—1884 годовъ», т. XLV, 73—118.
- Позенъ, Мих. Павл., изд. редака. моти. 1860 г., т. XLVI, 214.
- Полешаевъ, А., писат., т. XLV, 260.
- Полешаевъ, ниж. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 328.
- Поливановъ, ниж. пут. сообщ. 1843 г., т. XLVIII, 326.
- Поликарпъ, архимандр., рект. моск. духовн. акад., т. XLVII, 21.
- Полозовъ, А. И., вилешск. вице-губернаторъ 1865 г., т. XLVIII, 108.
- Полозовъ, Даниль Петр., генер.-лейт., р. 1794 г., † 1840 г., т. XLVII, 176.
- Полонскій, Яковъ Петр., т. XLV, 433, т. XLVII, 315, 325, 373, 506, т. XLVIII, 128, 133, 140, 142, 613, 614, 625, 626.
- Полторацкій, д. ст. сов. 1812 г., томъ XLVIII, 685.
- Померанцевъ, Фед., священ. 1861 г., т. XLVI, 139, 146, 157.
- Понель, Маркелъ Онуфриев., администраторъ колжской греко-уніат. епарх. 1875 года, вѣтѣбск. православно. епископъ 1885 г., т. XLVI, 205, 206, 207.
- Поплавскій, ниж. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 328.
- Поповъ, Вас. Степ., т. XLVI, 440.

Поповъ, Александр. Никол., чл. редакц. комм. 1860 г., † 1877 г., т. XLVI, 214.

Поповъ, ген.-лейт., нач. 7-й пѣхотн. резервн. дивиз. 1853 г., т. XLVIII, 607.

Посажонскій, Фед. Антон., ниж. пуд. сообщ. 1843 г., т. XLVIII, 320.

Поссе, инженер. 1842 г., томъ XLVI, 320, т. XLVIII, 328.

Потанова, Александра Петр., рожд. гр. Грохольская, † 1848 г., т. XLVII, 176.

Потановъ, Левъ Ив., ген.-м., р. 1773 г., † 1831 г., т. XLVII, 176.

Потановъ, Александр. Львов., ген.-ад., т. XLV, 477, т. XLVI, 330, т. XLVIII, 113, 114, 117, 118, 121, 122.

Потановъ, Александръ Никол., ген. отъ кавал., чл. госуд. сов., род. 1772 года, † 1847 г., т. XLVII, 176.

Потемкина, Татьяна Борис., † 1869 г., т. XLVII, 176.

Потемкинъ-Таврическій, кн., Григор. Александр., ген.-фельдмарш., р. 1738 г., † 1791 г., томъ XLVI, 200, 201, томъ XLVII, 390.

Потемкинъ, Александръ Мих., д. т. сов., † 1872 г., т. XLVII, 176.

Потоцкій, гр., Александр., оберъ-егермейстеръ 1829 г., т. XLVI, 93, 95.

Потресовъ, правит. канц. департ. проектовъ мн-ва пуд. сообщ. 1856 г., томъ XLV, 368.

Потѣкинъ, А. А., писат., т. XLV, 416.

Похвисневъ, Мих. Никол., т. XLVI, 327.

Пошмакъ, Семен. Антон., директ. учил. правовѣд., † 1848 г., т. XLVIII, 437, 664, 671.

Прасовья Федоровна, дарница, томъ XLVII, 167, 171.

Преображенскій, ген.-майоръ, эриванск. губерн. воинск. нач. 1877 г., т. XLV, 158, 467.

Прятвицъ, губернска. прокуроръ 1862 г., т. XLVII, 491, 492.

Прятвицъ, фл.-ад. 1831 г., томъ XLVI, 293, 523.

Прозоровичъ, Степ. Миронов., полковникъ, нач. артилл. на Кавказѣ 1879 года, т. XLVI, 171.

Прозоровскій, кн., Ив. Ив., ген.-лейт., т. XLVIII, 248.

Прозоровскій, князь, Александр. Александровичъ, ген.-анш., т. XLVII, 374.

Промоповичъ-Антономскій, репт. моск. унив. 1824 г., т. XLV, 259, 260.

Промофьевъ, профес.-художникъ, томъ XLV, 645.

Просоловичъ, Конст. Ив., чиновн. мн-ва госуд. имущ. 1860 г., т. XLV, 568.

Протасова, Екат. Афанас., рожд. Букина, т. XLV, 39, 281, 283, 284, 286, 493, 505, 506, томъ XLVI, 37, 40, 42, 463, 464.

Протасовъ, гр., Н. А., об.-прокур. св. синода, т. XLVI, 328, 329, т. XLVII, 15, 18, т. XLVIII, 152—166, 487—501.

Проходкинъ, команд. Минск. пол. 1863 года, т. XLVII, 103.

Прохоровъ, В. А., археологъ, томъ XLVIII, 648.

Прикишниковъ, протоіер., законоуч. Полоцк. кадет. корп., т. XLVIII, 699.

Пугачевъ, Емельянъ Ив., † 1775 года, т. XLVI, 620, 621.

Пушakovъ, Ив. Ант., об.-секрет. св. синода, т. XLVIII, 260—264.

Пушаревъ, А. Г., сообщ.: «Холерный мѣсяцъ въ С.-Петербурѣ», т. XLVII, 69—86.

Пушкиловъ, В. М., т. XLVI, 342, 390, 361, 362.

Пушкинъ, Александр. Серг., р. 1796 г., † 1837 г., т. XLV, 73—82, 232, 233, 264, 471, 704, 722, т. XLVI, 46, 660, т. XLVII, 510, т. XLVIII, 445, 446, 626, 628.

Пушкинъ, Левъ Серг., т. XLV, 78, 474.

Пушкинъ, Никиф. Изотовичъ, ст. сов. 1800 г., т. XLV, 634.

Пушкинъ, Александр. Никол., р. 1833 г., т. XLV, 755, т. XLVI, 622, 627—637, 647.

Пушкиловъ, С., т. XLVI, 567, 568, 569.



- Радзивицкѣ**, кн., Антоп., т. XLVI, 103.  
**Радзиховскій**, П. И., т. XLVI, 342.  
**Раевскій**, Никол. Никол., ген. отъ кавалеріи 1812 г., т. XLVIII, 403, 525.  
**Раевскій**, камерг., т. XLVIII, 402—403.  
**Раевскій**, ген. 1826 г., т. XLV, 78, томъ XLVII, 401.  
**Раевскій**, В. И., т. XLVI, 342.  
**Разумовскій**, гр., Бирилъ Григ., фельд-маршалъ, р. 1734 года, † 1783 г., томъ XLVI, 418.  
**Ранцевъ**, Петръ Алексѣев., предводит. двор. Керенск. уѣз. Пенз. губ. 1861 г., т. XLVI, 141, 159.  
**Расстопчинъ**, графъ, Фед. Васил., томъ XLVIII, 264, 265.  
**Растрелли**, гр., архитект., т. XLV, 644, т. XLVII, 168.  
**Ратне**, профес., деканъ дерпт. унверсит. т. XLV, 295, 491.  
**Ратмановъ**, Маваръ Ив., вице-адмир., р. 1772 г., † 1833 г., т. XLVII, 176.  
**Ратъ**, Васил. Фед., † 1870 г., т. XLV, 403, 406, 409, 557, 561, т. XLVI, 338.  
**Ратъновъ**, фл.-ад. 1797 г., т. XLVIII, 69.  
**Рачинскій**, А. В., ст. сов. 1863 г., томъ XLV, 405, т. XLVIII, 105, 106, 111.  
**Раухъ**, лейбъ-медикъ, томъ XLVI, 50, 465, 474.  
**Рейндеръ**, сенат. 1799 г., т. XLVII, 341.  
**Рейндеръ**, Никол. Роман., кѣтинск. градонач. 1860 г., т. XLVIII, 342—355.  
**Рейнеке**, М. Ф., адмир., т. XLV, 416.  
**Рейсъ**, проф. моск. унив. 1824 г., томъ XLV, 46.  
**Рейтеръ**, Мих. Христоф., мн-ръ финансовъ, т. XLV, 414, т. XLVII, 490.  
**Рейтцъ**, профес. Дерпт. унив., вполн. инспект. уч. правовѣд., томъ XLVIII, 676—678.  
**Рейцъ**, Марья Никол., рожд. Дирина, т. XLVI, 44.  
**Рербергъ**, нижн.-майоръ 1820 г., томъ XLV, 211, 368.  
**Рехневскій**, ниж. пут. сообщ. 1843 г., т. XLVIII, 326.  
**Ридингеръ**, гр., т. XLVI, 137, 138, 303, т. XLVIII, 213.

- Ридингеръ**, Н., сообщ.: «Адмиралъ Николай Фодоровичъ Мѣтлянъ», т. XLVIII, 359—363.  
**Рижордъ**, П. И., адмир., т. XLV, 416, т. XLVIII, 360.  
**Римскій-Корсаковъ**, Н. А., композит., т. XLVI, 342, 352.  
**Римскій-Корсаковъ**, Яковъ, кап. 1767 г., т. XLV, 317, 320—322, 613, 616—624, т. XLVI, 63, 70.  
**Ринальди**, Автопю, архитект., строит. Мраморн. дворца въ Спб. 1781 года, т. XLVI, 425, 426, 429, 430, 431.  
**Де-Робертъ**, Э. А., правит. канц. вилensk. ген.-губерн., т. XLVI, 327.  
**Ровинскій**, Дм. Алексѣев., т. XLV, 650, т. XLVII, 487, 491.  
**Рогинскій**, участн. польск. возст. 1863 года, т. XLV, 401, 409.  
**Роджерсонъ**, лейбъ-медикъ 1796 года, т. XLVII, 373, 379.  
**Рожновскій**, генер. 1829 г., т. XLVI, 92, 93.  
**Розалионъ - Сашальскій**, Александръ Григ., полковн. 1834 г., вполн. генер., т. XLV, 224, 227.  
**Розенъ**, бар., ген.-ад. 1826 г., т. XLV, 352, т. XLVI, 107, 110, 113, 289, 293, 300, 304, 518, 523, т. XLVII, 47, 49, 246, 251, 412, 413, 419—425.  
**Розовъ**, вице-директ. медик. департам. 1862 г., т. XLVII, 491.  
**Рожосовскій**, ниж. пут. сообщ. 1815 г., т. XLV, 209.  
**Романовичъ**, полковн. Финлянд. полка 1832 г., т. XLVII, 432, 435.  
**Ромейко**, ниж. пут. сообщ. 1844 года, т. XLVIII, 328.  
**Ромодановскій**, кн., Фед. Юрьев., томъ XLVII, 193, 203.  
**Ромодановскій**, кн., Ив. Фед., т. XLVII, 188, 191, 204, 205, 354.  
**Ромондъ-Моденъ**, гр., Гавр. Карлов., оберъ-егермейст., р. 1774 г., † 1833 г., т. XLVII, 176.  
**Рославлевъ**, команд. войск. Эриванск. губ. 1877 г., т. XLV, 467.  
**Россилюкъ**, Левъ Вас., т. XLV, 474, 475.

- Ростиславовъ, Дм. Ив., проф. сиб. дух. акад., р. 1809 г., † 1877 г., т. XLVI, 561, 562, 570, т. XLVII, 18.
- Ростоацевъ, гр., Яковъ Ив., пен.-ад., предсѣд. редакц. ком. 1860 г., р. 1808 г., † 1860 г., т. XLVI, 214, 215, 256, 661, томъ XLVII, 470, 471, 474, 475, 477, т. XLVIII, 703.
- Ростоацевъ, гр., Никол. Яв., т. XLV, 757.
- Ростоичина, гр., Ольга, въ зам. Торн-елли-ди-Брусате, т. XLV, 678.
- Ростоичина, гр., Людл, писат., т. XLV, 678.
- Ростоичина, гр-ня, Евдокія Петр., рожд. Сушнова, писательница, † 1858 г., т. XLV, 671—709, т. XLVI, 225, 255, 256.
- Ростоичинъ, гр., Викторъ, † 1878 г., т. XLV, 678.
- Рубанъ, профес., т. XLVI, 423.
- Рубинштейнъ, Антоновъ Грег., артистъ, т. XLVI, 449.
- Рудинскій, Карлъ Иванович., тайн. сов., т. XLV, 568.
- Румель, ниж. пут. сообщ. 1843 года, т. XLVIII, 826.
- Румянцовъ, Л., протоіер., сообщ. «Федоръ Михайл. Достоевскій въ Сибиріи въ 1860—1864 гг.», т. XLVII, 511—520.
- Румянцовъ, канцл. 1812 г., т. XLVII, 398.
- Рышовъ, ген. 1853 г., т. XLVII, 267.
- Рыло, профес. технолог. вист., т. XLV, 872, 873, 874.
- Рыдлинъ, об.-проз. 1799 г., т. XLVII, 341.
- Рѣдкинъ, Петра Грег., чл. госуд. сов. 1885 г., т. XLV, 273, 277, 278.
- Рѣшкетій, Грег. Космичъ, сенаторъ, т. XLVII, 480, 491.
- Рѣшкетъ, кн., ген. отъ кавал., малорос. воен. губернат. 1880 г., т. XLVII, 209, 213, 215.
- Сабашинскій, полк. 1853 г., т. XLVII, 262.
- Саблуновъ, сенат. 1799 г., т. XLVII, 341.
- Сабуровъ, сенат. 1799 г., т. XLVII, 341.
- Савва, архіеп. тверской 1885 г., томъ XLVI, 560.
- Савицкій, ниж. пут. сообщ. 1843 года, т. XLVIII, 326.

- Садовскій, ниж. пут. сообщ. 1844 года, т. XLVIII, 328.
- Садокновъ, А. И., директ. народн. учил. въ Вильвѣ 1865 г., т. XLVIII, 103.
- Савонскъ, художн., акад., т. XLV, 649.
- Савенъ, бар., генер. 1831 г., т. XLVI, 113, 120, 121, 287, 288, 289, 303, томъ XLVII, 414, т. XLVIII, 83, 84, 88.
- Саломонъ, профес. м. х. акад., т. XLVI, 229, 458.
- Салтыкова, гр., Екат. Алексѣев., фрей-лина, р. 1778 г., † 1817 г., т. XLVII, 176.
- Салтыкова, гр., Дарья Петр., рожд. гр. Чернышева, т. XLVIII, 247, 269.
- Салтыковъ, гр., Ив. Петров., фельдмарш., генер.-инспект. кавалеріи 1799 г., томъ XLVII, 367, т. XLVIII, 74, 75—78, 82.
- Салтыковъ, Алексѣй Петров., казакск. губернат. 1719 г., т. XLVII, 202—206, 348—354.
- Салтыковъ, гр., Ник. Ив., фельдмарш., томъ XLVII, 395, 399, 400, 403, томъ XLVIII, 267, 268.
- Салтыковъ, Мих. Евгр., писат. сатирик., бывш. чл. особ. комм. о губ. и уѣздн. учрежд., томъ XLV, 757, томъ XLVIII, 132, 126, 613.
- Салтыковъ, Семенъ Андреевичъ, томъ XLVIII, 22, 25, 27.
- Салтыковъ, гр., Петръ Сем., т. XLVI, 441.
- Самаркинъ, Юрій Фед., писат., р. 1819 г., † 1876 г., т. XLV, 431—432, т. XLVI, 314—337, т. XLVIII, 500.
- Самойловичъ, гетманъ 1687 г., томъ XLV, 191.
- Самонясовъ, проф. 1884 г., т. XLVI, 376, 645.
- Сандуновъ, профес. моск. унив. 1824 г., т. XLV, 52.
- Саренко, В. В., т. XLVI, 342.
- Сахаровъ, Н. П., археол., т. XLVIII, 155.
- Свиньинъ, Павелъ Петровичъ, издатель «Отеч. Зап.» 1820 г., т. XLV, 82.
- Семютиновъ, сенат. 1799 г., т. XLVII, 341.
- Семляковъ, селтантъ, т. XLVII, 19.
- Семляковъ, писат., т. XLV, 703.
- Семифонтовъ, Н. Н., т. XLV, 366.
- Семевская, Анна Егоровна, въ замуж. Сославина, † 1876 г., т. XLVIII, 681.

Семеловскій, Мих. Ив., редакт. «Русской Старины», т. XLV, 242, 365, 366, 757, 758, т. XLVI, 213, 223, кн. V, стр. IV, т. XLVII, 7, 184, т. XLVIII, 54, 640.

Семеловъ, Петръ Петр., чл. редакц. ком. 1860 г., т. XLV, 757, 758, т. XLVI, 218, 214, 215, 216.

Семеновъ, Никол. Петр., чл. редакц. ком. 1860 г., т. XLV, 757, т. XLVI, 218.

Семичевъ, вѣж. пут. сообщ. 1844 года, т. XLVIII, 328.

Семанкинъ, генер. 1854 г., т. XLVII, 255, 256, 257.

Серапионъ, еписк. вологод. в бѣлозерск. 1758 г., т. XLVIII, 207.

Серафимъ, Глаголевскій, митроп. новг. и слб. 1831 г., † 1843 г., т. XLV, 120, 123, т. XLVI, 577—584, 588, 590, томъ XLVII, 9, 10, 13, 18, т. XLVIII, 152, 163, 166, 496—500.

Сербяковичъ, Конст. Степ., директ. канцел. об.-прокур. св. синода 1837 г., т. XLVIII, 155, 156, 157, 489—494.

Серебряковъ, т. XLV, 368, 369.

Серебряковъ, Апол. Алексѣев., вѣж.-полковн. 1844 г., т. XLVIII, 383.

Сергѣевскій, почетн. вѣнск. учебн. окр., т. XLVIII, 120 121.

Сиверсъ, бар. 1746 г., т. XLVI, 418.

Сиверсъ, директ. департ. иностр. исповѣд. 1865 г., т. XLVIII, 116.

Сиверсъ, гр., Яковъ, новгород. губернат. 1785 г., т. XLVI, 194, 197, 198, 199, 200, 201, 203.

Сивинскій, докт. 1877 г., т. XLV, 158, 172, 176, 178, 597.

Сивинско, Иосифъ, митроп. литовск. и вѣнскій, † 1869 г., т. XLVIII, 103, 111, 118.

Сивинскъ, Крыловъ-Платовъ, рект. слб. духовн. акад. 1811 г., архиеп. ярослав., † 1824 г., т. XLVI, 568, 570.

Сивинскій, Никол. Мартинъ, ген. 1825 г., т. XLV, 29, 41.

Сивинскій, Александр. Апол., томъ XLVI, 614.

Сивинскій, польск. ген. 1831 г., томъ XLVI, 512, 525, т. XLVII, 53, 57, 415.

Смобелова (гр. Богарне), Зинаида Дм., въ зам. за кн. Романовскій, герцогъ Лейттенбергскій, т. XLVI, 545.

Смобелова, Ольга Дм., въ зам. Шереметова, т. XLVI, 545.

Смобелова, О. Н., рожд. Погтавцева, т. XLVI, 545.

Смобелова, Надежда Дмитр., въ зам. княг. Вѣдосельская-Вѣдосерова, т. XLVI, 545, 549.

Смобеловъ, Никита, одновдворецъ, томъ XLVI, 545.

Смобеловъ, Ив. Никит., генер. отъ инф., коменд. слб. крѣпости, р. 1778 г., † 1849 г., т. XLV, 720—722, т. XLVI, 545.

Смобеловъ, Дм. Ив., ген.-лейт., томъ XLV, 720—722, т. XLVI, 545.

Смобеловъ, Мих. Дм., ген.-ад., р. 1843 г., † 1882 г., т. XLVI, 161—180, 377—389, 393, 394, 398, 399, 404, 409, 531—558.

Смирницкій, А. И., редакт.-над. «Брестъ-литскаго дѣла въ царствованіе Александра II», т. XLV, 757, томъ XLVI, 218, 338, 664.

Смюдеръ, команд. Одесск. порта 1854 г., т. XLVII, 256, 257, 258, 265, 266, т. XLVIII, 595.

Смаракъ, Брижановскій, еписк. ревел. 1831 г., т. XLVII, 163.

Смирницкій, артил.-кап. 1824 г., томъ XLV, 136, 144.

Смолинковскій, вѣж. пут. сообщ. 1843 года, т. XLVIII, 321, 323.

Сметревъ, Ив. Мих., проф., т. XLV, 313, 314, 708, 707.

Собенниковъ, П. Н., т. XLV, 244.

Соболевскій, ген.-майоръ 1863 г., томъ XLV, 405.

Соймоновъ, Фед. Ив., об.-штатъ-кригъ-комиссаръ 1740 г., т. XLVIII, 18, 19, 30, 32, 34, 43, 50, 51, 52.

Соймоновъ, генер. 1853 г., т. XLVII, 267—277, 282, 284.

Созоловъ, Петръ Федоровичъ, основатель портретн. акварельн. живописи въ Россіи, р. 1787 г., † 1848 г., т. XLV, 550, 552, 554.

- Сомоловъ, В. Т., сообщ. «Александръ Сергѣевичъ Даргомижскій въ 1856—1869 гг.», т. XLVI, 339—366.
- Сомоловъ, Д., ссылка на его «Историческое и статистическое описание Горнаго кадетскаго корпуса», т. XLV, 639.
- Сомоловъ, Александръ Никол., бронз. дѣлъ мастеръ акад. худож. 1885 г., томъ XLVI, 228, 663, т. XLVII, 184, томъ XLVIII, 17, 453.
- Сомоловъ, поруч. 1831 г., томъ XLV, 153—156.
- Сомоловская, О. А., т. XLVI, 342.
- Сомоловская, А. А., т. XLVI, 342.
- Сомольскій, Григ. Ив., докт., т. XLV, 272, 276, 277, 278, 493, т. XLVI, 32, 33.
- Солнцевъ, Фед. Григ., профес. археол. живописи 1885 г., т. XLV, 242, 244.
- Соловьевъ, Яковъ Александр., сенат., бывш. чл. редакц. ком., † 1876 г., томъ XLV, 572—574, т. XLVI, 214, 323, 381, 388, т. XLVII, 127, 136, 467—480, 491.
- Соловьевъ, Серг. Мих., проф.-историкъ, р. 1820, † 1879 г., т. XLV, 190, 191, 192, 332, 754, 755, т. XLVIII, 679, 683.
- Сиверсъ, ген. 1884 г., т. XLV, 224.
- Сомовъ, С. Н., т. XLVII, 373.
- Сомовъ, Александръ Сергѣев., сообщ. «Записки А. М. Тургенева», томъ XLVII, 365—390.
- Сорокинъ, К. С., смотрит. Обуховской больницы 1828 г., т. XLV, 469.
- Спасовичъ, Влад. Давид., т. XLVII, 492.
- Спаскій, Ив. Тимоф., т. XLVI, 460, 464.
- Сперанскій, гр., Мих. Мих., р. 1772 г. † 1839 г., т. XLV, 387, т. XLVI, 570, 571, 573, т. XLVII, 372, 393, 394, 395.
- Сперанскій, 1855 г., т. XLV, 376, 378.
- Спиридовъ-Шахматовъ, генер., томъ XLVIII, 568.
- Срезневскій, Измаилъ Ив., профес., томъ XLVI, 644, 645, т. XLVIII, 660, 662.
- Станиславъ Понятовскій, кор. польскій 1795 г., т. XLV, 388, т. XLVI, 439.
- Старжинскій, гр., Вит., гроднен. губернскаго предвод. дворян. 1863 года, т. XLV, 408, 557—564.
- Старичкинъ, Егоръ Павл., т. XLV, 757, т. XLVI, 213.
- Старовъ, Ив. Егор., архитект., р. 1743 г., † 1808 г., т. XLV, 634, т. XLVI, 436, 439, 441.
- Стаховъ, Влад. Вас., т. XLVI, 342, 376.
- Стаховъ, Александр., т. XLV, 381.
- Стаховъ, архитект. 1823 г., т. XLV, 211.
- Стаховлевичъ, Мих. Матв., изд. «Вѣсти Европы», томъ XLVIII, 615, 616, 641, 644, 645, 648.
- Стешанковъ, П. А., смл. на его зав. о М. И. Глинкѣ, т. XLVI, 450.
- Стогъ, Софія Мих., т. XLV, 469.
- Стогъ, А. Д., д. с. с., почетн. Обуховской больницы, т. XLV, 469.
- Столыпинъ, Дм. (Монго), лейбъ-гусаръ, т. XLV, 474.
- Столыпинъ, Алексѣй Емельянов., помещикъ, т. XLVIII, 275, 276, 473—475.
- Столыпинъ, полковн. 1870 года, томъ XLVI, 162.
- Стороженко, А. П., т. XLVIII, 112.
- Стороженко, А. Б., ст. сов. 1861 года, т. XLV, 558.
- Стоюкинъ, Владим. Яковл., т. XLV, 191.
- Стояковскій, Никол. Ив., чл. госудр. совѣта, т. XLV, 757, т. XLVI, 313, т. XLVII, 480, 482, 487, 493.
- Страховъ, Никол. Никол., писатель, томъ XLVII, 147, 149, 153, 154.
- Страховъ, Петръ Илар., проф. химіи, 1825 г., т. XLV, 46, 47.
- Строгоновъ, гр., Серг. Григ., ген.-ад. род. 1794 г., † 1882 г., т. XLV, 56, 57, 710, XLVI, 40, 254, т. XLVII, 469.
- Строгоновъ, гр., Александръ Серг., презид. акад. худ., † 1811 г., т. XLV, 631, 633—637, 640, 643, 644, 647, 648, 650.
- Строгоновъ, гр., Пав. Серг., т. XLV, 230.
- Строгоновъ, гр., Александръ Григ., одесскій ген.-губернат., т. XLVI, 612.
- Строгоновъ, графъ Пав. Алекс., томъ XLV, 636.
- Строгоновъ, гр. 1826 г., т. XLV, 352.
- Струве, астрономъ, т. XLV, 287, 288, 414, т. XLVI, 47, 48.
- Струве, Бернгардъ Вас., сообщ. замѣтку: «Къзалискамъ Н. И. Пирогова», т. XLV, 763, «Гр. Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій», т. XLVIII, 337—353.

- Струговищниковъ, А. Н.**, смл. на его зап. о М. И. Гинкѣ, томъ XLV, 76, т. XLVI, 450.
- Струковъ, Емман. Апаньев.**, в.-юнк., † 1825 г., т. XLVII, 176.
- Стюрлеръ, полковн.**, команд. 1-го гренадерскаго пол. 1825 г., т. XLVI, 191.
- Суворовъ, изд. «Нов. Времени»**, томъ XLVIII, 650—652, 709.
- Суворовъ-Рымникимой, вк. Италійскій, Александр. Васил.**, фельдмарш. 1799 г., т. XLVII, 338, 339, 341, 343.
- Суворовъ-Рымникискій, вк. Италійскій, Александр. Аркад.**, ген.-ад., † 1882 г., т. XLVI, 194, т. XLVII, 176, 490.
- Де-ла-Суда, секрет. иностран. коллег.** 1740 г., т. XLVIII, 18, 19, 33, 52.
- Суминъ, слб. комендантъ** 1881 г., томъ XLVII, 74.
- Сулина, Ник. Семен.**, генер., р. 1777 г., † 1840 г., т. XLVII, 176.
- Сумароковъ, Л. А.**, полковникъ, томъ XLVIII, 562.
- Сумароковъ, Александр. Петров.**, писат., директ. импер. театра 1760 г., р. 1717 года, т. XLVI, 437.
- Сухаржевскій, ген.** 1831 г., т. XLVI, 289.
- Сухованецъ, Нв. Онуфріев.**, генер. 1825 года, томъ XLVI, 113, 190, 284, 285, т. XLVII, 36, 522, 523, томъ XLVIII, 603, 609.
- Сухтеленъ, гр.**, главноначальств. въ Закавказск. краѣ 1830 г., т. XLVII, 216.
- Сушковъ, Никол. Вас.**, т. XLV, 673, 674—678, 679, 699—709, т. XLVI, 561, 584, 585, 587, 588, т. XLVII, 5, 10, т. XLVIII, 494.
- Съраженскій (Доленго), Сигизмундъ**, предводитель поест. въ Ливъ, † 1863 г., т. XLV, 401, 409.
- Съровъ, Александр. Никол.**, композит., р. 1820 г., † 1871 г., т. XVI, 341, 342.
- Сътянцкій, свящ.** 1875 г., т. XLVI, 207.
- Съчковъ, Дмитрій, митроп. новгородскій**, † 1767 г., т. XLV, 333, 334, 336, 337, 612, 633.
- Танъевъ, ст. секр.** 1851 г., т. XLV, 739, т. XLVII, 489.
- Тарасовъ, Дм. Клем.**, директ. воен.-медиц. департ. 1841 г., т. XLVI, 469.
- Тарбѣевъ, сенат.** 1799 г., т. XLVII, 341.
- Тарновскій, Василій Васил.**, чл. редакц. комм. 1860 г., † 1871 г., т. XLVI, 214.
- Татаринкова, септанта**, т. XLVII, 19, 23.
- Татариковъ, Александр. Никол.**, чл. редакціон. комм. 1860 г., † 1864 г., томъ XLVI, 214.
- Татариковъ, Пав. Егор.**, тайн. совѣтн., т. XLV, 757.
- Татищевъ, Василій Никит.**, историкъ, т. XLVIII, 30, 31, 32, 34, 38, 40, 41, 50.
- Татищевъ, гр.**, т. XLVI, 476.
- Тегловъ, Алексій Васил.**, ген.-майоръ, р. 1791 г., † 1854 г., т. XLVII, 176.
- Темже, выдержки изъ его Записокъ**, томъ XLV, 193—204.
- Темновичъ, ннж. пут. сообщ.** 1844 г., т. XLVIII, 328.
- Темковъ, Григ. Никол.**, ст.-секрет. 1768 года, т. XLVI, 73.
- Тергузасовъ, Солом. Артемьев.**, генер. 1877 г., т. XLV, 164, 445, 460, 466, 600, 605, 606, 609, т. XLVI, 172.
- Тескинъ, ннж. пут. сообщ.** 1843 года, т. XLVIII, 326.
- Тешентъ, ген.**, т. XLV, 722.
- Фонъ-Тивенгаузенъ, Фабіанъ, ревальск. оберъ-коменд.** 1768 г., † 1769 г., томъ XLVI, 58—61, 73, 74, 75, 79, 80.
- Тивенгаузенъ, бар.**, ген.-майоръ 1825 года, томъ XLV, 146, 372.
- Тивенгаузенъ, бар.**, декабристъ, томъ XLVIII, 299.
- Тимофѣевъ, Никол. Дм.**, ген.-м. 1853 года, т. XLVII, 286, 287, т. XLVIII, 84, 87.
- Титовъ, А. А.**, т. XLVIII, 144.
- Титовъ, Н. А.**, композит., т. XLVI, 342, 343, 356, 361.
- Титовъ, В. П.**, чл. госуд. сов., предсѣд. археографич. комм. 1885 г., т. XLVI, вк. V, стр. IV.
- Тихоборовъ, Ник. Нв.**, художн., † 1873 года, т. XLVI, 450.

- Тихонъ, еписк. суздальскій и прьевскій, † 1786 г., т. XLVII, 224.
- Тихокраповъ, К. Н., сообщ.: «Тихонъ, епископъ суздальскій 1782 г.», томъ XLVII, 224.
- Толстой, гр., Алексій Конст., р. 1834 года, † 1875 г., т. XLVII, 316, 317, т. XLVIII, 138.
- Толстой, гр., Андрей Андр., † 1844 г., т. XLVII, 177.
- Толстой, Ф. М., смл. на его Зап. о М. И. Глинкѣ, т. XLVI, 450.
- Толстой, гр., Д. Н., смл. на его Записки, т. XLVII, 467, 468.
- Толстой, гр., Инк. Александр., об.-гоф-маршалъ 1819 г., т. XLVII, 408.
- Толстой, гр., Дм. Андр., чл. гос. сов., ин-ръ вв. дѣлъ, т. XLV, 414.
- Толстой, гр., Петръ Александр., томъ XLVII, 11, 12, т. XLVIII, 265.
- Толстой, Н. М., т. XLVII, 490, 490.
- Толстой, гр., Левъ Никол., т. XLVII, 378.
- Толстой, гр., Егоръ Петр., пензенскій губернат. 1861 г., т. XLVI, 143, 156.
- Толстой, гр., Варфоломѣй Васил., камергеръ, † 1868 г., т. XLVII, 177.
- Томъ, гр., нач. штаба арміи 1831 года, т. XLV, 352, 375, 376, т. XLVI, 110, 118—118, 121, 122, 131, 134, 135, 206, 522—528, т. XLVII, 46, 50, 55—59, 244, 247, 414, 415, 423.
- Томъ, гр., главноуправл. пуш. сообщ. 1840 года, † 1842 г., т. XLVI, 314, 318.
- Томашевскій, шт.-кап. 1877 г., томъ XLV, 153, 164, 583.
- Томильскій, ген. 1831 г., т. XLVI, 289.
- Томъ, Б. А., архитекторъ, бывш. рект. акад. худож., томъ XLV, 648, 649, т. XLVIII, 327, 336.
- Томильскій, М. И., директ. деп. ин-ва юстиц. 1859 г., т. XLVII, 476, 477, 478.
- Томильскій, Ин., секрет. тайн. вѣдд. 1721 г., т. XLVIII, 466, 467.
- Топоровъ, Александр. Васил., т. XLVII, 314, т. XLVIII, 132.
- Тотлебенъ, гр., Эдуардъ Ин., инженеръ, ген.-ад., р. 1818 г., † 1884 г., т. XLV, 440—442, 717—719, томъ XLVII, 95, 447, томъ XLVIII, 121, 599, 605.
- Тредьяковский, Васил. Кирилъ, томъ XLVIII, 41; 46, 48, 49.
- Третьяковъ, П. М., т. XLV, 204.
- Троицкій, врачъ 1880 г., т. XLVI, 402.
- Тромбаръ, архитект. 1785 г., т. XLVI, 434.
- Трошниковъ, Дм. Прокоф., сенат. 1799 г., т. XLVII, 341.
- Трубецкая, княг., Елисавета, род. Вѣдосельская-Вѣдосерская, сообщ.: «Кн. Эсперъ Александровичъ Вѣдосельскій-Вѣдосерскій», томъ XLVIII, 720—722.
- Трубецкой, кн., Никита Юрьев., камерфельдмарш., т. XLV, 620.
- Трубецкой, Серг., т. XLV, 474.
- Трубецкой, кн., ген.-ад., ефб. военн. губернат. 1831 г., т. XLV, 352, томъ XLVII, 81.
- Трубиновъ, ниж. пут. сообщ. 1843 г., т. XLVIII, 326.
- Труворозъ, А. Н., чл. археограф. общ. 1865 г., т. XLVI, кн. V, стр. IV.
- Трусовъ, А. Н., художн. 1865 г., т. XLV, 242, 243.
- Трушниковъ, Ин. Ѳеодор., † 1880 г., томъ XLV, 418.
- Тумановъ, А. Д., правит. канц. нижн. ген.-губернат. 1863 г., томъ XLV, 45, т. XLVI, 381.
- Туманскій, декаръ 1796 г., т. XLVIII, 485, 486.
- Тургенева, Анна Яковл., томъ XLVII, 496—500.
- Тургенева, Ольга Александр., въ фф. Сомова, т. XLVII, 373.
- Тургеневъ, Александр. Мих., р. 1772—† 1863 г., его Завѣсь, томъ XLVII, 365—390, т. XLVIII, 55—82, 247—252, 473—486, упом. 428.
- Тургеневъ, Ин. Серг., р. 1818 г., † 1883 года, т. XLV, 98, 249, т. XLVI, 632, 660, т. XLVII, 158, 164, 307—335, 372, 495—510, т. XLVIII, 126—142, 420—437, 612—632.
- Тургеневъ, Никол. Серг., томъ XLVII, 313—336, 495—510, т. XLVIII, 126—142, 613—632.
- Тургеневъ, Никол. Ин., декабр., томъ XLVIII, 126.

- Тургенева, Никол. Никол., т. XLVII, 325—328.
- Турчаниновъ, П. Ива., генер. 1798 г., т. XLV, 632, т. XLVI, 440.
- Туръ, Евгений, писат., томъ XLV, 468, т. XLVII, 519.
- Тыртовъ, Яковъ Ива., ген.-лейт. 1812 г., т. XLVIII, 684—686.
- Тыртовъ, Петръ Александр., † 1862 г., т. XLVIII, 680.
- Тыртовъ, Алексѣй Петр., ген.-майоръ, директ. Полоцк. кадет. корп. 1863 г., сообщ.: «Историческая замѣтка о родѣ дворянъ Тыртовыхъ», томъ XLVIII, 679—688.
- Тыртовъ, дворяне, т. XLVIII, 679—688.
- Тышневичъ, гр., Евстафій, т. XLV, 566.
- Тышневичъ, гр., Оадей, т. XLV, 893.
- Тютюмовъ, полковн. 1825 г., т. XLV, 150.
- Тютчевъ, Фед. Ива., писат., † 1873 г., т. XLV, 201, 433, 678.
- Тютчевъ, И. А., сообщ. воспоминанія: «Въ училищѣ правослѣдія въ 1847—1852 гг.», томъ XLVIII, 436—452, 668—678.
- Уварова, Марія Фед., рожд. княж. Любомирская, р. 1773 г., † 1810 г., томъ XLVII, 177.
- Уваровъ, Сергій Семен., мн-ръ народн. просв., † 1856 г., т. XLV, 521, т. XLVI, 34, 46—49, 233, 234, 460, 464.
- Уваровъ, гр., Алексѣй Сергѣев., † 1894 года, т. XLV, 711—716, томъ XLVI, 209—212, кн. V, стр. II.
- Уваровъ, ген.-ад. 1805 г., томъ XLV, 349, 840.
- Уваровъ, Фед. Петр., подполковн. Екатеринбургскаго кирас. пол., т. XLVIII, 248, 251, 256, 269.
- Угрюмовъ, профес., т. XLV, 638.
- Угрюмовъ, генер.-лейт. 1820 года, томъ XLV, 132.
- Умновій, генер. 1831 г., т. XLVII, 414.
- Урусова, княж., фрейлина 1820 года, т. XLV, 554.
- Урусовъ, кн., д. ст. сов. 1863 г., томъ XLV, 405.
- Урусова, кн., Григ. Алексѣев., генер.-лейт. 1790 г., т. XLVIII, 33.
- Урусовъ, кн., Д. Н., т. XLVI, 577.
- Усова, П. С., т. XLVIII, 144.
- Успенской, М. В., т. XLVI, 842.
- Устряловъ, Никол. Герас., академикъ, † 1870 г., т. XLV, 75, 80, 756, томъ XLVI, 209.
- Уткинъ, Борисъ Исак., профессоръ слѣб. унв., † 1872 г., т. XLVII, 492, томъ XLVIII, 212.
- Уткинъ, Яв. Ива., сообщ. поправку къ ст. Джаншѣва, т. XLVIII, 212.
- Ушаковъ, Андрей Ива., нач. тайн. канцеляріи 1740 г., т. XLVIII, 28, 36, 48, 49, 50.
- Ушаковъ, ген.-ад. 1832 г., т. XLVII, 231.
- Ушаковъ, директ. москв. кадет. корп. 1825 г., т. XLVIII, 388—391.
- Фабръ, нижен.-ген. 1815 г., т. XLV, 209, 210, 211, 216.
- Фалевичъ, нижен. пуг. сообщ. 1843 г., т. XLVIII, 326.
- Фанъ-дери-Флигъ, Н. Ф., сообщ.: «Кн. Викторъ Илларионовичъ Васильчиковъ. Мнѣніе его о сбереженіи лѣсовъ въ Россіи 1878 г.», т. XLVII, 181—183.
- Фельдманъ, кнж.-полковн. 1829 г., томъ XLVI, 272.
- Филаретъ (Вас. Дроздовъ), митрополитъ московск., р. 1782 г., † 1867 г., т. XLVI, 183, 328, 329, 559—590, томъ XLVII, 1—26, т. XLVIII, 487—502.
- Филаретъ Гумилевскій, еписк. рижскій съ 1841—1858 г., архіев. харьковскій, затѣмъ черниговск., р. 1805 г., † 1866 года, т. XLVIII, 159, 496.
- Филаретъ (Амфиотровъ), митрополитъ кіевскій, р. 1779 г., † 1857 года, томъ XLVIII, 159, 164, 166, 496.
- Филаретъ Батоговъ, монахъ Николаевскаго корельскаго монастыря 1767 г., т. XLV, 315, 316, 320, 823, 326.
- Филиповъ, Терг. Иван., тайн. с., товар. госуд. контрол., писатель, т. XLV, 416.
- Фишеръ, проф., 1824 г., т. XLV, 41, 43.

- Флоріо, докторъ, т. XLVI, 231, 232.  
 Фонъ-Визина, Наталія Дм., рожденная Алухтина, т. XLVIII, 286, 287, 290, 296—298, 302, 305—307.  
 Фонъ-Визинъ, Мих. Александр., декабристъ, т. XLVIII, 283—308.  
 Фонъ-Визинъ, Ив. Александр., томъ XLVIII, 286, 291—298.  
 Фонъ-Визинъ, Денисъ Ив., писатель, т. XLVIII, 283.  
 Фонъ-Визинъ, Сергій Павлов., томъ XLVIII, 297.  
 Фонъ-Фонъ, д. ст. сов. 1827 г., томъ XLVIII, 396.  
 Фотій (Петръ Никит. Спасокий), архим., р. 1792 г., † 1838 г., т. XLVI, 580.  
 Францова, М. Д., сообщ.: «Михангъ Александровичъ фонъ-Визинъ», томъ XLVIII, 283—304; «Замѣтки М. А. Фонъ-Визина въ заключеніи въ Петропавловской крѣпости въ 1826 году», 305—308.  
 Фредерикъ, Елисавета, т. XLV, 544.  
 Фредерикъ, Александра, т. XLV, 544.  
 Фредерикъ, Ольга, т. XLV, 544.  
 Фредерикъ, Дмитрій, т. XLV, 544.  
 Фредерикъ, бар., Сергій, адъют. вел. кн. Константина Николаевича, томъ XLVII, 523.  
 Фредерикъ, бар., команд. московскаго полка 1825 г., т. XLVII, 523.  
 Фридрихъ, шталмейст., т. XLVI, 262.  
 Фонъ-Фришель, генер.-майоръ, начальникъ округовъ Новгор. и Старорусск. уѣзда нахотныхъ солдатъ 1834 г., т. XLV, 128, 130, 131, 132, 133, 144, 148, 150, 213.  
 Фришъ, предсѣд. слѣб. коммерч. суда 1862 года, т. XLVII, 491.  
 Фроловъ, ген.-ад. 1863 г., т. XLV, 398.  
 Фурманъ, Александр. Фед., офиц. ген.-штаба 1821 г., т. XLV, 74.  
 Халедцій, ген.-м. 1853 г., т. XLVII, 259.  
 Харламовъ, живописецъ, т. XLVIII, 132.  
 Хатовъ, Ив. Ильичъ, ген.-лейт., р. 1784 года, † 1875 г., т. XLVII, 177.

- Хвошчинская, въ зам. Заіонцьковская писательница подъ псевдон. Крестовскаго, т. XLVII, 519.  
 Хвошчинскій, команд. л.-гв. Московск. пол. 1825 г., т. XLVI, 190.  
 Хилковъ, кн., Юрій Яковл., новгородск. воевода 1718 г., т. XLVII, 197.  
 Хитровъ, команд. Елецкаго пол. 1853 г., т. XLVIII, 595.  
 Хитровъ, вице-презид. колл. экономіи 1767 г., т. XLVI, 71, 72.  
 Хлѣбниковъ, профес. харьковск. унив., т. XLV, 756.  
 Хмырова, Софья Александр., рожд. Иванова, сообщ.: «Федоръ Михайловичъ Достоевскій въ письмахъ 1867—1870 годовъ», т. XLVII, 137—166.  
 Хмыровъ, Мих. Дм., писат., † 1872 г., т. XLVIII, 421.  
 Фонъ-дѣръ-Хомонъ, Ив. Роман., генер.-майоръ, ссылка на его замѣтку: «Холера въ Слѣб. въ 1831 г.», т. XLV, 156; сообщ.: «Бунтъ на Овняной площади въ С.-Петербургѣ 22-го іюля 1831 г.», т. XLVII, 61—68.  
 Ховеръ-Мирза, сынъ персид. шаха Абса-мурзы, послѣдн. персидск. прест., р. 1813 г., † 1875 г., томъ XLV, 136, т. XLVI, 484, 485, 487.  
 Хомяковъ, Алексій Степан., † 1860 г., т. XLV, 157, т. XLVI, 216, 337.  
 Христофоровичъ, прапорщ. 1825 года, т. XLVI, 191.  
 Хлопцицкій, Осипъ, польск. генер. 1831 года, т. XLVI, 109, 286, 512, 525.  
 Хмыровъ, Мих. Дм., † 1872 г., т. XLV, 188, т. XLVII, 308, 309.  
 Хованскій, кн., воен. нач. виленьскаго уѣзда 1864 г., т. XLV, 567.  
 Хованскій, кн., Юрій Серг., томъ XLV, 665, 669.  
 Хованскій, кн., т. XLV, 191.  
 Ходзько, Игнат., т. XLV, 566.  
 Ходневъ, Алексій Грэг., тайн. совѣтн. 1800 г., т. XLV, 684.  
 Хойнацкій, Мазар. Осип., протоіерей 1875 г., т. XLVI, 207.  
 Хоминскій, предв. дворян. Свѣтлянск. уѣзда Виленск. губ. 1866 г., т. XLV, 578.



- Жомутовъ, М. Г.**, команд. лейбъ-гусарскаго пол. 1840 г., т. XLV, 476.
- Жомутовъ**, ген.-ад. 1863 г., т. XLVIII, 360, 365.
- Хорошневичъ**, шт.-кап. 1877 г., томъ XLV, 158, 170, 466, 583.
- Храповицкая, Софія Алексѣев.**, рожд. Деденева, † 1883 г., т. XLVII, 177.
- Храповицкій, Матв. Евгр.**, генер.-ад., род. 1784 г., † 1847 г., т. XLVII, 177.
- Хржановскій**, инж. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 828.
- Хрулевъ**, генер. 1853 г., т. XLVII, 449, 452, т. XLVIII, 83, 84.
- Хрущовъ, Андрей Фед.**, совѣтн. бергъ-коллегіи, † 1740 г., т. XLV, 239, 244, 477, 716, т. XLVI, 228, 448, 663, томъ XLVII, 184, 466, т. XLVIII, 17—19, 30—35, 43, 49, 52—54, 453.
- Художовъ, С. Н.**, смыл. на его ст. объ усмирении бунта въ Кандеевѣ, томъ XLVI, 189, 142.
- Циммерманъ, А. Э.**, ген.-майоръ, нач. штаба вилensk. воен. окр. 1861 года, т. XLVI, 334, 335.
- Цитенъ**, ген., команд. красарск. пол. 1829 г., т. XLVI, 104.
- Цициановъ, вл.**, генер. 1800 г., т. XLVIII, 528, 531, 539, 540, 549.
- Чавчавадзе**, князь, команд. Дагестан. иррег. полка 1879 г., томъ XLVI, 165, 174, 392, 538.
- Чалымовъ, Антонъ Степ.**, ген.-майоръ, р. 1764 г., † 1821 г., т. XLVII, 177.
- Чапский, гр.** Адольфъ, т. XLV, 578.
- Чарторійскій, вл.** 1863 г., т. XLVI, 334, 517.
- Чарторійскій, вл.**, Адамъ, мн-рь вностранныхъ дѣлъ и приближ. импер. Александра I, т. XLV, 387—394, 560, т. XLVIII, 405, 407.
- Чаховскій**, армянскій вице-губернаторъ 1877 г., т. XLV, 466.

- Чащій**, т. XLV, 388.
- Чевинскъ, Конст. Владим.**, ген.-адъют., нач. штаба горн. инж. 1845 г., предсѣд. департ. госуд. эконом. 1866 г. † 1875 г., т. XLV, 365—384, 407, 725, 744—750, 756, т. XLVI, 310, 313, 314, 315, 319, 597, 598, т. XLVII, 7, 8, 439, томъ XLVIII, 334.
- Чекадзе**, шт.-кап., т. XLV, 158.
- Ченалевскій**, вице-презид. акад. худож. 1800 г., т. XLV, 633, 634.
- Челищевъ, Н. М.**, сообщиль: „Могилы трехъ казаковъ 1812 г.“, т. XLVI, 192.
- Челищевъ**, сенат. 1799 г., т. XLVII, 341.
- Черевинъ, П. А.**, т. XLV, 405.
- Чередины, Владим. Мих.**, нач. тайн. канц. 1796 г., т. XLVIII, 476—479.
- Черкасовъ, Пансіи Ипполит.**, послѣдн. православл. холмскій епископъ 1620 г., т. XLVI, 205.
- Черкасскій, вл.** Владим. Александр., чл. редакц. комм. 1860 г., † 1878 г., т. XLVI, 214.
- Черкасскій, вл.**, А. М., т. XLVIII, 29, 31, 35, 45.
- Черкасозъ, бар.**, инж. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 328.
- Чернавинъ, Д. А.**, т. XLVI, 342.
- Черновъ**, художн., акад., т. XLV, 646.
- Чернышевъ, гр.** Александр. Ив., ген.-адъютантъ 1826 г., воен. мн-рь, томъ XLV, 352, 544, 722, т. XLVI, 126, 127, 129, 281, 290, т. XLVII, 36, 45, 47, 51.
- Чернявскій, Л. И.**, т. XLVI, 342.
- Чертковъ, Ив. Васил.**, ген. отъ инф., т. XLVIII, 278.
- Чехова, Л. А.**, т. XLVI, 342.
- Чечиринъ, Конст. Петр.**, т. XLVIII, 435.
- Чистовичъ, И. А.**, профес., историкъ, т. XLV, 312, 314, 323, 327, 332, томъ XLVI, 53, 54, 68, 79.
- Чичаговъ**, адмир. 1812 г., т. XLVII, 395, 396, 399, 400.
- Чичеринъ, Петръ Александр.**, ген.-ад., ген. отъ кав., р. 1778 г., † 1848 года, т. XLVII, 178, т. XLVIII, 153.
- Чичеринъ, Антонъ Александр.**, камер-геръ, † 1871 г., т. XLVII, 177.

- Чумиковъ, А. А., сообщ.: «Императоръ Николай Павловичъ во время волненія на Свѣной площади въ 1831 г.», т. XLV, 156. «Остзейское дворянство и дворянская жалованная грамота», т. XLVI, 193—204; «Императрица Елисавета Петровна въ Ревелѣ въ 1776 года», 417—420, «Густавъ IV и великая княжна Александра Павловна въ 1797 г.», т. XLVIII, 233—246.
- Фонъ-Шахъ, команд. Ставроп. полка 1877 г., т. XLV, 609.
- Шадевскій, ниж. пут. сообщ. 1843 г. т. XLVIII, 326.
- Шамеро, Клавдія, рожд. Віардо, томъ XLVIII, 126.
- Шамилъ, имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., т. XLVIII, 209, 211.
- Шафировъ, бар., госуд. канцл., томъ XLVIII, 27.
- Шалво, Бронисл. Визт., чиновн. мн-ва госуд. имущ. 1860 г., т. XLV, 568.
- Шаховской, кн., д. с. сов. 1812 г., т. XLVIII, 685.
- Шаховской, В., сообщ.: «Экспедиція противъ ахаль-текинцевъ въ 1879—1880—1881 гг.», т. XLVI, 531—558.
- Шаховской, кн., команд. гренад. корп. 1825 г., т. XLV, 150.
- Шаховской, кн., ген. отъ инф. 1831 г., т. XLVI, 108, 109, 114—124, 131, 284, 288, 291, 304, 524, т. XLVIII, 47—49, 248.
- Шварцъ, ниж. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 328.
- Шварцъ, полковн. 1824 г., бывш. командиръ л.-гв. Семеновск. пол., т. XLV, 215, 217.
- Шевченко, Тарасъ Григ., поэтъ-художникъ, р. 1814 г., † 1861 г., т. XLVI, 619, 626, 627, т. XLVIII, 657.
- Шевыревъ, Степ. Петров., профес., т. XLV, 77, 702, 710.
- Шейдеманъ, полковн. 1853 года, томъ XLVII, 286.
- Шекшнякъ, генер.-лейт. 1826 г., томъ XLVI, 190.
- Шелеховъ, сенат. 1799 г., т. XLVII, 341.
- Шелеховъ, об.-гофмарш., т. XLVI, 439.
- Шекетовскій, ксендъ, томъ XLVI, 334, 335.
- Шереметевъ, В. П., т. XLVI, 545.
- Шереметевъ, гр., сенат. 1799 г., томъ XLVII, 341.
- Шериваль, К. И., ниж. пут. сообщ., строит. фискальн. ж. дороги, т. XLVIII, 321, 328.
- Шершелевичъ, Юсифъ Григ., директ. одесской П гимназ., томъ XLVI, 603, 604, 616.
- Шесталова, Людмила Ивановна, рожд. Глазна, сообщ. замѣтку въ своихъ «Воспоминаніяхъ», т. XLV, 204, ул. томъ XLVI, 450.
- Шечновъ, предсѣд. курск. гражд. палаты 1862 г., т. XLVII, 491.
- Шешовскій, Степ., оберъ-секрет. сената 1769 г., т. XLVI, 81, 88.
- Шилова, рожд. Вердеревская, томъ XLVI, 366.
- Шилловскій, т. XLVI, 365, 366.
- Шильдеръ, Н. В., сообщ.: «Разговоръ императора Наполеона III съ ген.-ад. Тотлебаномъ въ 1857 г.», томъ XLV, 717—719, разаме матер., т. XLVIII, 377—388; 392—403.
- Шильдеръ, ниж. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 328.
- Шимаревъ, М. В., т. XLVII, 170.
- Ширинскій-Шихматовъ, кн., мн-ръ народн. просв., р. 1790 г., † 1853 г., т. XLVII, 178.
- Ширинскій-Шихматовъ, кн., А. П., директ. деп. мн-ва народн. просвѣщ., вполн. почетн. виленск. учебн. окр. 1863 г., † 1884 г., т. XLV, 396, 408, 409, т. XLVI, 233, 234, 327.
- Шиховскій, Ив. Ос., докт., т. XLV, 272.
- Шиховъ, А. С., адмир., мн-ръ народн. просв., т. XLV, 265, томъ XLVI, 580, 581, 582, 583, 590, т. XLVII, 1, 394, 395, 403, 404, 405, 407.
- Шиховъ, ниж. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 328.
- Шиховъ, Никол. Петр., чл. редакц. коми., т. XLVI, 214.

Шкуркина, Александра Александр. въ зам. Чечирина., т. XLVIII, 436.  
 Шкуркинъ, Александр. Серг., ген.-лейт., † 1851 г., т. XLVII, 178.  
 Шлегель, Ив. Богд., президентъ м.-х. акад., т. XLVI, 458, 459, 469, 471, 472.  
 Шляндеръ, инж. пут. сообщ. 1844 г., т. XLVIII, 328.  
 Шнейдеръ, проф., т. XLVIII, 447—449.  
 Шнейеръ, гродненск. губернат. 1861 г., т. XLV, 558.  
 Шнитцельбергъ, полковн. 1831 г., томъ XLVII, 64.  
 Шрейберъ, ген., штабъ-докторъ 1854 г., т. XLVII, 301.  
 Шрейберъ, архитект., т. XLV, 223.  
 Фонъ-Штамельбергъ, ландратъ 1746 г., т. XLVI, 418.  
 Штампешнейдеръ А. И., профес. архитектуры, т. XLVII, 169.  
 Штаубертъ, архитект. 1823 года, томъ XLV, 211.  
 Штиглицъ, банкиръ, томъ XLV, 366, 377, 381.  
 Штовичъ, кап., коменд. Балзета 1871 года, томъ XLV, 165, 167, 447, 594, 606, 610.  
 Штуменбергъ, А. И., сообщ.: «Изъ исторіи жегивно-дорожнаго дѣла въ Россіи. Николаевская дорога между Петербургомъ и Москвою въ 1842—1852 годахъ», т. XLVI, 309—322, т. XLVIII, 309—336, 720—722.  
 Шубертъ, ген.-квартимейст. 1839 года, т. XLVI, 127.  
 Шубинъ, С. П., т. XLVII, 487, 491.  
 Шубинъ, Федотъ, акад., скульпт. 1786 года, т. XLV, 645, томъ XLVI, 430, 431, 432.  
 Шуваловъ, гр., Петръ Андр., ген.-м., Прибалтійск. ген.-губернат., впоследствии шефъ жандарм., т. XLV, 627, т. XLVI, 326, 335.  
 Шуйскій, Василий Ивановичъ, царь, т. XLV, 190.  
 Шульгинъ, Ив. Петр., т. XLVIII, 450.  
 Шульгинъ, Александр. Алексѣев., московскій об.-полиціймейст. 1825 года, т. XLV, 30.

Шульцъ, Пав. Авт., чл. редакц. комм. 1860 г., т. XLV, 757, т. XLVI, 213.  
 Шумаковъ, Александр. Дан., т. XLV, 757, т. XLVI, 213.

Щастный, В. Н., т. XLV, 77.

Щедрицъ, скульпт., т. XLV, 639, 645.  
 Щепетовъ, Васил., архиманд., рект. Спб. духовн. акад., † 1846 г., т. XLVIII, 492.  
 Щепкинъ-Ростовскій, вк., кап. 1-го Москв. пол. 1825 г., т. XLVI, 190.  
 Щепкивъ, Ник. Александр., т. XLVIII, 631.  
 Щепкинъ, профес. математ. 1828 года, т. XLV, 272, 273.  
 Щербатовъ, вк., сенат. 1799 г., томъ XLVII, 341.  
 Щербатовъ, вк., Серг. Григ., д. т. сов., † 1855 г., т. XLVII, 178.  
 Щербатовъ, князь, Мих. Мих., томъ XLVIII, 29.  
 Щербатовъ, вк., москов. губери. предводитель дворян. 1855 г., т. XLV, 573.  
 Щеглевъ, Лаврент. Никол., об.-прокур. сената 1800 г., т. XLVIII, 272.  
 Щеглевъ, М. Р., т. XLVI, 342, 356, 361.  
 Щуруповъ, Мих. Арефьевичъ, проф. архитектуры 1884 г., т. XLV, 242, 243, т. XLVI, 228, т. XLVII, 184, т. XLVIII, 454.

Эльпидифоръ Бенедиктовъ, епископъ ятск. 1851 г., архіеп. таврич. 1860 г., † 1860 г., т. XLVIII, 160.  
 Эйлеръ, ген.-майоръ 1824 г., томъ XLV, 213, 214, 215.  
 Эйхлеръ, тайн. кабинетъ-секретарь 1740 года, т. XLVIII, 18, 19, 38, 47, 51, 52.  
 Эллигеръ, граверь, т. XLVI, 446.  
 Эхлётъ, Г. И., т. XLVI, 342.  
 Энгель, кап., команд. военно-учительск. инстят. 1824 г., т. XLV, 144.  
 Энгель, тайн. сов. 1828 г., т. XLVII, 370.  
 Энгель, чл. госуд. сов. 1830 г., томъ XLVII, 218.  
 Энгельгардтъ, профес. минерал. 1836, г. т. XLVI, 246, 247.

Энгельгардтъ, сенат. 1799 года, томъ XLVII, 341.

Энгельгардтъ, В. П., т. XLVI, 342, 343.

Эренбургскъ, докт., т. XLV, 306, 307, т. XLVI, 255, 259, 261, 263.

Эрстовъ, кн., полковн. 1880 г., томъ XLVI, 392, 396, 397, 398.

Эртель, т. XLV, 357, 360, 529, 531—334, 545, 548, томъ XLVI, 274, 278, 279, 491—496, т. XLVII, 39, 288, 439.

Эртель, ген.-м., москов. об.-полицмейст. 1801 г., т. XLVIII, 267.

Эссентъ, ген. отъ инф., т. XLVIII, 258, 259.

Эссентъ, ген. лейт. 1799 г., томъ XLVII, 67, 340, 371, 400, 403, 407.

Эссентъ, об.-прокур. сената 1862 года, т. XLVII, 491.

**Я**блочковъ, нижев.-нап. 1880 г., томъ XLVI, 404.

Яворскій, Фед. Моисеев., гл. директ. полиц., † 1828 г., т. XLVII, 178.

Языковъ, Д. И., директ. деп. народн. просв., т. XLV, 277.

Языковъ, ген.-м., директ. уч. правовѣд. 1850 г., т. XLVIII, 675—677.

Языковъ, Д. Д., т. XLVIII, 420.

Язобій, В. И., проф. историч. живописи 1885 г., т. XLV, 242.

Яковлевъ, кабинетъ-секрет., т. XLVIII, 44, 46.

Яковлевъ, Пав. Петр., ссыла на его описан. Троицко-Сергіевой пустыни, т. XLVII, 167, 170.

Яковлевъ, оберъ-прокуроръ съ сядом 1803 г., т. XLVI, 571.

Якубовичъ, кан. 1826 г., т. XLVI, 190.

Якушкинъ, Иванъ Дмитр., декабр., т. XLVIII, 303.

Яневичъ-Яневскій, морск. офиц., томъ XLV, 416.

Яненко, художн., акад., т. XLV, 646.

Янковичъ-де-Мирьево, поруч. 1796 г., т. XLVII, 377.

Янковскій, команд. конно-егерск. пол. 1829 г., т. XLVI, 92, 93, 94, 239.

Якушевичъ, Никол. Игнат., капитанъ, † 1878 г., т. XLVII, 178.

Ясенскій, дерпт. полиційм. 1829 год., т. XLV, 298.

Ястржембскій, полит. преступн., томъ XLVII, 512, 513, 514, 519.

Яфимовичъ, генер.-ад. 1861 г., томъ XLVI, 143.

Яцевичъ, М. П., т. XLVI, 342.

**Ф**едоровъ, Вас. Фед., проф.-астроном., рект. кiev. унив., т. XLV, 239.

Феодоръ Алексѣевичъ, царь, р. 1661 г., † 1682 г., т. XLV, 192, т. XLVIII, 464.

Феодоръ Иоанновичъ, царь, т. XLV, 190.

Федюшинъ, Никол. Д., акад., томъ XLV, 644.

Феофилактъ Русановъ, экзархъ Грузіи, р. 1765 г., † 1821 г., томъ XLVI, 570, 571—575, 578.

# „РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1885 г.

ТОМЪ СОРОКЪ ВОСЬМОЙ.

ОКТЯВРЬ, НОЯВРЬ, ДЕКАВРЬ.

## Записки и Воспоминанія.

- |  | СТР.                    |
|--|-------------------------|
| I. Записки Александра Михайловича Тургенева, 1772—1801 гг. Гл. V—XXI   | 55—82; 247—282; 473—486 |
| II. Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича, 1824—1834 гг. (Окончаніе).   | 503—522.                |
| III. Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 г. Часть вторая. Гл. X—XII  | 551—568                 |
| IV. Въ училищѣ правовѣдѣнія въ 1847—1852 гг. Воспоминанія по поводу 50-лѣтняго юбилея училища. Гл. I—VIII. Сообщ. И. А. Тютчевъ.                               | 436—452; 663—678        |
| V. Полодскій кадетскій корпусъ, 1835—1885 гг. Изъ воспоминаній ***   | 712—719                 |
| VI. Подъ Севастополемъ въ 1853 — 1856 гг. Записки и дневникъ бывшаго начальника артиллерійскихъ парковъ южной и крымской арміи, генераль-маіора Л. Г. Духонина | 83—98; 591—612          |

**Исследования, историческіе и біографическіе очерки.**

- ст.
- I. По поводу Меодіевскаго сборника. Сообщ. професс. Д. И. Иловайскій . . . . . 411—419.
  - II. Тайная канцелярія въ царствованіе Петра I. Очерки и рассказы по подлиннымъ дѣламъ. Главы VII—XI. Сообщ. Н. М. Востоковъ. 1—16; 221—232; 455—472
  - III. Артемій Петровичъ Волинской и его „конфиденты“. Очеркъ. Состав. профессоръ Д. А. Корсаковъ . . . 17—54.
  - IV. Густавъ IV и великая княжна Александра Павловна въ 1797 г. Матеріалы, касающіеся сватовства воровъ Густава IV. Сообщ. А. А. Чумиковъ . . . . . 233—246.
  - V. Филаретъ Дроздовъ, митрополитъ московскій. По матеріаламъ, собраннымъ ред. „Русской Старины“, 1782—1867 гг. Гл. VI—X . . . . . 143—166; 487—502.
  - VI. Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ въ воспоминаніяхъ М. Д. Францовой . . . . . 283—308.
  - VII. Гр. Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій. Изъ воспоминаній о его дѣятельности. Торговля на Кяхтѣ. Сообщ. Б. В. Струве. . . . . 337—358.
  - VIII. Изъ исторіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Николаевская дорога, между Петербургомъ и Москвою, въ 1842—1852 гг. Гл. IV—IX. Очеркъ. Сообщ. А. И. Штуценбергъ. . . . . 309—336.
  - IX. Изъ новѣйшей лѣтописи сѣверо-западной Россіи. Исторія плана располоченія католицизма въ Западной Россіи, 1865. Сообщ. А. П. Владиміровъ . . . . . 99—122.
  - X. Историческая замѣтка о родѣ Тыртовыхъ. Сообщ. Алексѣй Тыртовъ . . . . . 679—686.
  - XI. Иферъ (Фридрихъ) Вивфельдъ Бухъ въ 1787—1811 г. Сообщ. Константинъ Бухъ . . . . . 432—435.
  - XII. Князь Эсперъ Александровичъ Бѣлосельскій - Бѣлозерскій, † 1846 г. Сообщ. княг. Ел. Трубецкая. 720—722.
  - XIII. Адмиралъ Николай Ѳеодоровичъ Мѣтлинъ, род. 1804 г., † 15 ноября 1884 г. Біографическій очеркъ Н. Ридингера и письма къ нему защитниковъ Севастополя. . . . . 359—374; 687—690.
  - XIV. Алексѣй Петровичъ Опочининъ, генералъ отъ артиллеріи. Сообщ. П. А. Вороновъ . . . . . 375—376.

## Переписка, рассказы, материалы.

- I. Изъ домашняго архива Неёловыхъ, 173: А. М. Мерцаловъ. . .
- II. Письмо протоіерея Лятушевича съ призывомъ способъ разстраивать неприятели Н. Ш. . . . .
- III. Дѣло о ссылкѣ А. Ѳ. Лабзина въ 1822 г. С
- IV. Записка Александра I г.-ад. барону Диб
- V. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ его къ П. В. Голеняцеву-Кутузову. (нижній). . . . .
- VI. Прошеніе Петра Амабля Бенгара, почтовой почты въ Шель, Нижне-Рейнскаго Эльзасъ, 1824 г. Сообщ. Н. Ш.
- VII. Всподдавнѣйшее письмо г.-м. Головин
- VIII. Списокъ 98-хъ лицъ, обратившихъ на своей полиціи въ 1827 году. . . . .
- IX. Столкновеніе отставнаго камергера Раеи М. С. Воронцовымъ, 1828 г. . . . .
- X. Печатное объявленіе, находившееся въ адмиралтейскомъ музеумѣ въ С.-Петербур
- XI. Записка графа М. М. Смеранскаго объ одной части, 1835 г. (правовѣдѣнія)
- XII. Записка императора Николая I о военны Кавказѣ (около 1845 г.). . . . .
- XIII. Бяязъ И. Ѳ. Паскевичъ въ Царствѣ Поль Сообщ. Ад. П. Берже
- XIV. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ въ его писи Воронцову, 1816—1852 гг. Сообщ. Ад.
- XV. Въ запискамъ отставнаго губернатора, Феликсъ Езіоранскій . . . . .
- XVI. Поправки къ статьѣ Г. А. Джани страницъ въ исторіи судебной реформы 1867 гг. (см. «Русскую Старину» над. 1 стр. 481—494). Сообщ. Як. И. Утинъ
- XVII. Замѣтка объ исторіи рода кн. Трубецкии княгиней Р. Э. Трубецкой. — Ред.
- XVIII. О возобновленіи памятника на общей могилинскаго, Еропкина и Хрущова, † 27 ію

- I. Вой съ афганскимъ мурзою на р. Кундъ. Сообщ. И. О. Горбуновъ 727а—730а

### Исторія русской литературы.

- стр.
- I. Василій Андреевичъ Жуковскій.  
Его женитьба. . . . . 428—431
- II. Николай Васильевичъ Гоголь.  
Мертвыя души. Средняя черновая редація четырехъ главъ первой части подлинной рукописи Гоголя. Сообщ. Е. С. Некрасова , . . . . 167—205; 568—590
- III. Фѣдоръ Михайловичъ Достоевскій.  
Замѣтка о письмѣ его, напечатанномъ въ «Русской Старинѣ» над. 1885 г., сентябрь, къ брату М. М. Достоевскому, отъ 22 февраля 1854 г. . . . . 220
- IV. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.  
1. Письма его къ брату Николаю Сергѣевичу, 1863—1878 гг. . . . . 126—142; 613—632  
2. Четыре стихотворенія его, 1842—1844 гг. Сообщ. А. В. Смирновъ. . . . . 420—427
- V. Николай Ивановичъ Костомаровъ.  
1. Арестъ гг. Кулиша и Костомарова, по разсказу нѣмецкихъ газетъ, въ 1848 г. Сообщ. В. К. Ст—тъ . 123—125  
2. Н. И. Костомаровъ въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни, 1875—1885 гг. Гл. I—V. Сообщ. Д. Л. Мордовцевъ . . . . . 636—662
- VI. Николай Васильевичъ Калачовъ.  
Некрологъ, † 25 октября 1885 г. . . . . 714—715
- VII. Евгенийъ Петровичъ Карновичъ.  
Некрологъ, † 25 октября 1885 г. . . . . 716—719
- VIII. Павелъ Васильевичъ Кукольникъ, † 1884 г. Сообщ. Анатолий Егоровъ. . . . . 633—635
- 
- I. „Русская Старина“ въ изд. 1885 г., шестнадцатый годъ изданія. Обзоръ двѣнадцати книгъ . 727—741
- II. Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ записки, изслѣдованія, очерки, акты, разсказы и проч. статьи и матеріалы въ 1870—1885 гг. 742—751
- III. „Русская Старина“ въ числахъ ея читателей подписчиковъ въ 1885 г. 752—756



- стр.
- IV. Указатель личныхъ именъ въ двѣнадцати книгахъ XLV, XLVI, XLVII и XLVIII томовъ „Русской Старины“ изд. 1885 г. . . . . 1—88
- V. Систематическое оглавленіе XLVIII тома „Русской Старины“—октябрь, ноябрь, декабрь—изд. 1885 г. I—VI
- 
- VI. О подпискѣ на „Русскую Старину“ изд. 1886 г., семнадцатый годъ изданія.
- 

### ПОРТРЕТЫ И СНИМОКЪ.

- I. Портретъ митрополита московскаго Филарета (Дроздова). Гравироваль на мѣди академикъ И. П. Пожалостинъ. (Второе исправленное изданіе гравюры).  
(См. стр. 1).
- II. Портретъ Николая Ивановича Костомарова. Гравироваль на мѣди художникъ Ѳ. А. Мѣрвинъ.  
(См. стр. 455).
- III. Портретъ Елисаветы Алексѣевны Жуковской, рожденная Рейтернъ, жены поэта В. А. Жуковскаго, гравироваль художн. И. И. Матюшинъ.  
(См. стр. 221).
- IV. Снимокъ съ собственноручнаго письма и стихотворенія М. Ю. Лермонтова.  
(См. стр. 452).
- 

### Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Акты, собраніе Кавказскою Археографическою Коммиссіею. Архивъ главнаго управленія намѣстника Кавказскаго. Т. X. Изданіе подъ редакціею предсѣдателя Коммиссіи, д. с. с. Ад. П. Берже. Тифлисъ, 1885, въ 6. листъ, стр. XXXV+938, съ приложеніемъ портретовъ и картъ. (На оберткѣ X-й книги „Русской Старины“ изд. 1885 г.).
2. Мессинская невѣста или братья враги. Трагедія съ хорами, Шиллера. Переводъ К. К. Р—ва. Спб., 1885 г., 8 д., стр. 232. (Тамъ-же).
3. Русская историческая библиографія за 1865—1876 гг. Сост. В. И. Межовъ. Т. V. Спб. 1885, стр. 378. (Тамъ-же).

4. Историко-статистическія свѣдѣнія о с.-петербургской епархіи. Изданіе слѣб. епархіальн. историко-статистич. комитета. Выпуски VIII, IX и X. Стр. 513 + 534 + 410 (+ 40 + 184). Спб. 1884 — 1885. (На обертѣ XI-й книги „Русской Старины“ изд. 1885 г.).
5. Рассказъ изъ русской исторіи XVIII вѣка. Александра Барсукова. Спб. 1885. Стр. 284. (Тамъ-же).
6. Земскіе соборы древней Руси. В. Н. Латкина. Ист.-юридич. изслѣдованіе. Спб. 1885. 440 стр. (Тамъ-же).
7. Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы, 1410 г. Соч. А. Борбашева. Спб., 1885. 165 стр. (Тамъ-же).
8. Историческіе очерки. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. А. Н. Пыпина. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Спб., 6 д. 1855 г., VIII+543. (На обертѣ XII-й книги „Русской Старины“ изд. 1885 г.).
9. Die Gewerbepolitik Russlands von Peter I — Katharina II (1682—1762). Von Sigism. von Ordega, Doctor der Staatswissenschaften. Tübingen, 1885. 189 S. (Тамъ-же).
10. О московскомъ соборѣ 1681—1682 гг. Опытъ историческаго изслѣдованія Г. Воробьева. Спб. 1885. 158 стр. (Тамъ-же).
11. 1) Un ponce du rare en Moscovie. Préliminaires de la trêve de 1682, par le p. Pierling. P. 1884. (Тамъ-же).  
2) Le Saint-Siège, la Pologne et Moscou 1682 — 1687. Par le p. Pierling, S. I. P. 1885. 180. (Тамъ-же).
12. Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Вып. VII. Спб. 1885. 640 стр. (Тамъ-же).
13. Исторія первобытной христіанской проповѣди до IV-го вѣка. Соч. Н. И. Блянова. Спб., 1885 г., 6. 8 д., стр. VIII+371+30. (См. „Русскую Старину“ 1885 г., книга XII, стр. 728).
14. Вазилка императора Константина въ св. градѣ Іерусалимѣ. По поводу русскихъ раскопокъ близъ храма гроба Господня. В. П. Мансурова, съ 14-ю чертежами. Москва, изд. 1885 г., въ 6. 8 д., стр. VII+200.
15. Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива академіи наукъ. Графа Д. А. Толстаго. Спб., 1885 г. (Тамъ-же, стр. 724—725).  
Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи по рукописнымъ документамъ архива академіи наукъ. Графа Д. А. Толстаго. Спб. 1885 г. (Тамъ-же, стр. 724—725).
16. Вл. Михневичъ. Любимцы. Хроника одного историческаго семейства. Спб., 1885 г., въ м. 8 д., стр. 188. (Тамъ-же, стр. 736).

---

Примѣчаніе. Отрывки о книгахъ №№ 3—7, 9—12 принадлежатъ профессору В. С. Иконникову.

---

# „РУССКАЯ СТАРИНА“

третье изданіе „Русской Старины“, годъ первый, 1870 г., двѣнадцать книгъ, въ трехъ томахъ.

Въ третьемъ изданіи «Русской Старины» 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генераль-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;—Записки исторіографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи;—сенатора П. С. Рунича о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;—Записки придворнаго бриллианщика Позье (1729—1764 гг.);—Отчеты Лагарпа о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей;—Петербургъ въ 1781 году, замѣтки Пикара;—Записки Михаила Александровича Бестужева (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;—Записки творца русской оперы Михаила Ивап. Глинки (1804—1854 гг.);—Записки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. Багланова;—Оборона Камчатки въ 1854 г.—разсказъ контръ-адмирала Арбузова, и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній, разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка—біографическіе очерки П. Ф. Нарабанова.—Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевского, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. И. Ростовцева и другихъ.

Приложеніе къ третьему изданію «Русской Старины» 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ Болотова, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ академикомъ Л. А. Стряновымъ рисунковъ.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[Въ хорошемъ переплетѣ 11 руб.].

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

# 12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

## Изд. 1876 г.

второе изданіе, съ портретами: Лжедмитрія I, полководца Михельсона, кн. Платона Зубова, А. П. Ермолова—всѣ эти гравюры на мѣди исполнены акад. И. П. Пожалостиннымъ. Портреты Екатерины II и графа Аракчеева—гелиографическіе снимки. Портреты—Емельяна Пугачева, кавказ. генерала Клутонау и В. Г. Вѣлинскаго—гравюры акад. Л. А. Сѣрякова.—Снимокъ съ указа о смерти Петра Великаго, 1725 г.

Содержаніе: Записки Гарновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. Потемкину-Таврическому: дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг. Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинскимъ, 1782—1791 гг.—Бесѣды Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ, т. е. Записки Н. Г. Левшина о событіяхъ начала царствованія Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I.—Автобіографія и переписка академика А. Л. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1835—1842 гг.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военного управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, рассказы профес. Феодора Григорьевича Солицева: академія художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздка по Россіи съ археологическою цѣлью; восстановление древностей въ кievскихъ соборахъ: посвященія кievскихъ святыхъ императоромъ Николаемъ I; рассказы о нѣкоторыхъ іерархахъ; рассказы о художникахъ (К. П. Брюлловъ) и проч. дѣятеляхъ.—Воспоминанія артиста П. А. Каратыгина, вдовы адмирала Л. И. Рикордъ и друг.—Митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣевичъ—историческій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семейскаго.—Бунтъ Беньевскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг.—статья академика С. М. Соловьева.—Павелъ Полуботокъ—статья Н. И. Бостомарова.—Главные пособники Емельяна Пугачева—въ ихъ собственныхъ показаніяхъ на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу).—Михельсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самсоиъ-ханъ Макиндевъ и русскіе бѣглецы въ Персію въ 1806—1855 гг.—статья Ад. П. Берже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Буяльскій, его біографія, составленная проф. Я. А. Чистовичемъ.—Т. О. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., рассказъ очевидца.—Артемій Волынский, М. М. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, М. И. Глинка, архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С. Грибѣдовъ—въ ихъ неизданныхъ, вновь открытыхъ письмахъ.—Письма, планы и предвѣртенія императора Николая Павловича, а также записки и дописанія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. Ѳ. Паскевича о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Кромѣ перечисленныхъ статей и матеріаловъ—въ „Русской Старинѣ“ 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ рассказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—„Русская Старина“ 1876 г. представила новыя данныя о В. Г. Вѣлинскомъ (двѣ большія статьи); Н. В. Гоголь—по неизданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. и проч.

Цѣна „Русской Старинѣ“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами,

8 руб. съ пересылкою и II руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подьячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старинѣ“.

## 12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

ИЗД. 1877 Г.

съ портретами: вн. Е. Дашкова, графъ А. Мамоновъ, вн. Голенищевъ-Бутузовъ-Смоленскій, московскій митрополитъ Фидаретъ, М. Ѳ. Орловъ, княгиня Жаннета Ловичъ—супруга цесаревича Константина Павловича, кавказскій имамъ Шамиль, Н. Н. Муравьевъ (Карскій), К. В. Чевкинъ, И. А. Яковлевъ.—Рисунки: галера императрицы Екаторины II и памятникъ Архипу Осипову. Снимки съ рѣдкихъ медалей и снимокъ съ подлиннаго письма императора Александра I, 1812 г.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“ за 1877-й годъ, восьмой годъ изданія, между многими другими статьями, напечатаны: Турецкая революція—историческій очеркъ.—Крѣпостные крестьяне при Екаторинѣ II.—Сельскій священикъ—въ Россіи въ половинѣ XVIII-го вѣка.—Россія сто лѣтъ назадъ—путешествіе англійскаго историка Кокса.—Записки берлинскаго профес. академика Тьобе о встрѣчахъ и знакомствахъ съ замѣчательными русскими людьми въ 1765—1786 гг.—Герцогиня Имгостенъ въ Россіи.—Бракоразводное дѣло Екаторины Гаммбаль.—Екаторина II и Густавъ III.—Вѣсти цесаревича Павла Петровича.—Русское войско въ царствованіе Павла Петровича.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—историко-біографическій очеркъ.—Отечественная война 1812 года—историко-критическое изслѣдованіе по новымъ источникамъ.—Посольство Ермолова въ Персію въ 1817 году.—Записки Шуазель-Гуфье—объ императорѣ Александрѣ I и его времени.—Уничтоженіе насекскихъ лѣтъ въ Россіи—по вновь открытымъ матеріаламъ.—Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг.—Записки П. А. Каратыгина.—Воспоминанія Т. П. Пассея.—Дневникъ барона Л. Ф. Николая война Россіи съ Венгріей въ 1849 г.—И. И. Мининъ въ Крымскую войну, по разсказамъ его адъютанта А. А. Палова.—Воспоминаніе о Т. Н. Грановскомъ—Селиванова, одного изъ товарищей его по воспитанію, и проч.—Россія и Турція въ 1853—1855 гг.: письма императора Николая Павловича и донесенія его полководцевъ.—Федоръ Карловичъ Затлеръ, біографическій очеркъ и переписка.—Воспоминанія о Восточной войнѣ 1853—1855 гг., доктора А. Генрици.—Шамиль и его семья въ Калугѣ, записки пристава при имамѣ въ 1862—1865 гг., полковника П. Г. Пржевальскаго.—И. В. Чечкинъ: первая главы его біографія и проч.—Вообще въ двѣнадцати книгахъ изданія „Русской Старины“ 1877 г., между многими другими статьями, напечатаны: изслѣдованія, очерки и статьи: профес. Н. И. Барсова, Ад. П. Берне, Ш. И. Богдановича, проф. М. И. Горчакова, акад. Я. К. Грота, И. Е. Забѣлина, профес. В. С. Маюникова, Д. И. Млодтскаго, Е. П. Нартова, Н. И. Нестомарова, П. А. Кушана, П. С. Лебедева, И. И. Ореуса, А. Н. Попова, Д. Д. Рабикина, В. И. Семевскаго, проф. В. И. Сергѣевича, акад. С. М. Соловьева, В. В. Стасова, А. Н. Стрѣва, И. И. Шамшева, Н. К. Шильдера и многихъ другихъ.

Цѣна „Русской Старины“ 1877 г., 12 книгъ съ портретами,—  
8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

# 12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Изд. 1878 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: Александръ I; пасторъ Зейдеръ; казенные въ 1739 г. князья Долгорукіе—Василій Лукичъ и Иванъ Алексѣевичъ; Г. В. Новицкій. Хромофотографированный (отпечатанный красками) портретъ Н. В. Гоголя (съ подлиннаго живописнаго портрета, писаннаго въ Римѣ А. А. Ивановымъ). Снимокъ съ автографа И. А. Крылова.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старини“ за 1878-й годъ, девятый годъ изданія, между многими другими статьями, напечатаны: Журналъ В. И. Зинцова.—Записки акад. Тьебо.—Записки пастора Зейдера: его страданія, казни и ссылка въ 1800 г.—Послѣдніе дни жизни Александра I-го и императрицы Маріи Феодоровны.—Записки ин. З. А. Волонской и Н. Чернышовой.—Кн. Ксентій Друцкой-Любецкій—очеркъ его государственной дѣятельности. Записки артистки А. Я. Ишуловой-Носицкой.—Записки доктора Генрица: война 1853—1855 гг.—Записки А. Е. Попова—начальника Севастопольскаго гарнизона съ 1-го октября по 1-е декабря 1854 г.—Воспоминанія Т. П. Пассея.—Шамаль въ Малутѣ.—Записки пристава.—Жизнь и сорока-двухъ-лѣтняя художественная дѣятельность И. И. Айвазовскаго (автобіографія).—Записки солдата-монаха Назарова, 1792—1839 гг.—Записки протоіерея І. Виноградова, 1800—1836 гг.—Дневникъ пастора Губера: холера въ 1830 г.—Воспоминанія ксендза прелата Бугиновича: возстаніе въ Польшѣ въ 1830—1831 гг.—Записки И. С. Марковича: въ Петербургѣ и Симбирскѣ 1834—1835 гг.—Очерки и рассказы Э. И. Стегана: ссыльно-каторжные въ восточной Сибири.—Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ.—На посту жалдармскаго штабъ-офицера въ Симбирскѣ: бунты крестьянъ,—борьба дворянства съ губернаторами,—провинціальныя романы,—пріѣздъ императора Николая и проч.—Изъ дневника Варагана фонъ-Зиве, 1845—1849 гг.—Иконоидъ, архіепископъ Херсонскій и Тавричeskій.—И. В. Чешинъ и управленіе нивъ путани сообщеній.—Братъ Грузинцевъ: военно-судное дѣло въ Черкасскѣ въ 1800 г.—Венецианецъ—первый бытовой живописецъ, его біографія и труды.—Рассказы лейбъ-казака И. И. Шамшова.—„Вѣчный Жидъ“—поэма въ стихахъ В. И. Михельбергера (декабриста).—Родословная царствующаго дома Романовыхъ.—Балзедское славное сидѣнье съ 5-го по 28-е іюня 1877 г.—рассказъ вѣстника, посланнаго отъ осажденныхъ къ генералу Тергукасову за помощью.—Царь-горохъ—шутка-сатира.—„Митюха Валдайскій“, зрѣлище въ терхъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.—Тропарь на день Преображенія Господня, соч. Филарета, митрополита московскаго, и проч. и проч.

Цѣна «Русской Старини» 1878 г.—12 книгъ съ портретами— 8 рублей съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подьячeskя, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старини“.

# 12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

## Изд. 1879 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора Іоанна Антоновича; митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича (въ темницѣ); Иннокентія—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; Иринея Нестеровича—архіепископа Иркутскаго; графа Ѳ. П. Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—А. С. Пушкина—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени); Н. В. Гоголя—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венеціановымъ; Н. А. Некрасова; статья-секретаря С. М. Жуковскаго (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Максимовича Водянскаго; персидскаго принца Хосров-Мирзы.—Снимки: съ подлинныхъ писемъ Петра Великаго, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“, за 1879-й, десятый годъ изданія,— между другими статьями, напечатаны: Журналъ путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—кн. Б. И. Мурашина;—Петербургъ въ 1720 г. по Запискамъ поляка-очевидца;—Записки гр. П. И. Панина, о событіяхъ 1725—1744 гг. (Замѣчаніе на Записки Манштейна);—Воспоминанія А. И. Веригина, И. А. Варунъ-Секрета, А. И. Рмордъ, М. С. Валовскаго и друг.—Жизнь бывшаго крѣпостнаго крестьянина, вынѣ археолога И. А. Гольцова (1838—1878 гг.);—Очерки и рассказы Э. И. Стегова.—Дневникъ А. И. Храповицкаго—инспектора репертуара русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки П. А. Наратыкина: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1868 гг.—Нѣсколько недель при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Баригагена фонъ-Зинне (1850—1851 гг.);—Мои сношенія съ Я. И. Ростовцовымъ—воспоминанія А. Д. Галахова (1850—1858 гг.);—Воспоминанія Т. П. Пассега;—Воспоминанія М. И. Семомова о засѣденіи Амура;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—Записки И. В. Берга.—Историческія изслѣдованія: А. Д. Масвайскаго;—В. И. Семовскаго;—И. Мизис;—Г. Тальберга;—Г. Лисенко;—Г. Подвысоцкаго;—проф. В. С. Мисимина: Арсеній Мацѣевичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—по вновь открытымъ матеріаламъ;—И. И. Восточова: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. Иннокентія къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. М. С. Голыцинъ: П. Д. Киселевъ и управленіе имъ Валахій и Молдавіей въ 1829—1834 гг.;—профес. И. А. Поповъ: Очеркъ біографіи О. М. Бодянскаго.—Колонія въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосров-Мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.—очеркъ Ад. П. Берже;—Кн. А. И. Барятинскій—изъ Записокъ М. Я. Ольшанскаго;—А. С. Пушкинъ—очеркъ жизни и его письма.—Предсмертная поѣздка М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскъ;—Бунтъ архіепископа Иринея въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и рассказы изъ его жизни.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ собранія Богуславскаго и др.

Письма, замѣтки, историческіе документы, рассказы и прочіе матеріалы,— всего болѣе трехъ сотъ различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами,— 8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Объ требованіяхъ обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

# 12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

## ИЗД. 1880 Г.

Изданіе второе. Цѣна—восемь рублей съ пересылкой.

При „Русской Старинѣ“ 1880-го года приложены портреты: Императора Александра II;—императрицы Екатерины I и Елисаветы Петровны;—императора Петра II;—А. С. Пушкина (въ гробу, 29-го января 1837 г.);—протоіерея Г. П. Павскаго,—И. С. Тургенева;—И. А. Гончарова;—гр. Л. Н. Толстаго;—А. Н. Островскаго;—Д. В. Григоровича;—А. В. Дружинина;—поэта Тараса Шевченко;—графа П. Д. Киселева,—фельдмаршала кн. А. И. Барятинскаго;—С. Р. Лепарскаго и А. Н. Сѣрова.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1880-го года, [одинадцатый годъ изданія], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки Д. М. Ростислова (одинадцать главъ).—Записки Топчева: Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I.—Записки А. П. Бѣлова (декабриста, восемь главъ).—Записки принца Евгения Вуртембергскаго о войнѣ 1828 г. и событіяхъ, за нею слѣдовавшихъ. Подлинная переписка императора Николая Павловича съ Дибичемъ.—Записки И. В. Сельмахова: губернаторъ Панчулидзевъ и ссылка въ Вятку.—Генералъ-губернаторы Захаревскій и П. А. Тучковъ.—Записки Семьскаго Священника;—Записки Я. М. Нефреда: схимникъ Серафимъ въ Саровѣ.—Записки сенатора Я. А. Селезнева: крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг.—Записки М. Я. Ольшескаго: Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ Записокъ Богуславскаго и Е. М. Львовой († 1864 г.).—Воспоминанія артистки Я. А. Петровой, рожденной Воробьевой.—Переходъ русской арміи черезъ Балканы зимою 1877 г.—историческій очеркъ А. И. Пузыревскаго.—Великій Новгородъ—статья Н. И. Востомарова.—Герасимъ Петровичъ Павскій: его жизнь и ученая дѣятельность—историко-біографическій очеркъ профес. И. И. Барсова.—Рѣчь Императора Александра II въ Государственномъ Совѣтѣ 28-го января 1861 г.—Историческія и историко-біографическія статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины дня восшествія на престолъ Александра II.—Очеркъ профессора И. Е. Андреевскаго: Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1860 гг.—Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1865—1880 гг.—статья профессора В. С. Иконникова.—Присоединеніе Грузіи къ Россіи,—историческое изслѣдованіе Ад. П. Берге и проч.—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, дописанія, замѣтки, относящіяся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Брыловъ (къ исторіи отѣмъ питейныхъ откуповъ въ Россіи),—кн. В. И. Барятинскій (письма Шамана),—профес. О. Ѳ. Миллеръ,—В. А. Панаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова), М. Н. Кучаевъ (біографія Лепарскаго), В. Г. Трироговъ, В. И. Лѣвщинъ, Н. К. Богущевскій и многихъ другихъ.—По исторіи русской словесности въ „Русской Старинѣ“ 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ, относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе біографіи, его письма и стихотворенія, рассказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: В. А. Жуковскій (его планъ воспитанія Наслѣдника 1826 г.);—Г. П. Павскій (его переводъ „Слова о полку Игоревѣ“);—В. Г. Бѣлинскій, (воспоминанія о немъ товарища по университету);—Т. П. Грановскій (воспоминаніе о немъ Я. М. Невѣрова);—Г. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. И. Востомарова).—П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проз).

Оъ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подьячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.



# 12 книга „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

## изд. 1881 г.

При „Русской Старинѣ“ 1881 г. приложены портреты: Императора Павла Петровича;—императора Александра Николаевича;—императрицы Маріи Александровны;—профессора Н. И. Пирогова;—академика Л. А. Сѣрянова;—Хаджи-Мурата;—М. И. Голенищева-Кутузова (1775 г.);—историка-профессора С. М. Соловьева; профес. Д. И. Ростиславова (писателя о черномъ и бѣломъ духовенствѣ); барона Гейсмара;—архіепископа Филарета Гумилевского.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. (двѣнадцатый годъ изданія) между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ ц. Александра II.—Собственноручныя отиѣтки императора Александра II на Запискахъ Соловьева.—Разсказъ изъ Записокъ декабриста М. А. Фортъ-Визма (1807 г.).—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣлаго.—Записки Д. М. Завалихина.—Записки князя Н. С. Голыцина.—Воспоминанія В. В. Стасова (Училище Правовѣднія въ 1838—1843 гг.).—Записки Самсого Савицкина.—Императоръ Николай Павловичъ: собственноручныя его письма 1828—1831 гг.—Императоръ Александр II († 1-го марта 1881 г.).—Императрица Марія Александровна (1824—1880 гг.).—Николай Ивановичъ Пироговъ, біографич. очеркъ профессора Бергсона.—Генералъ-фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій и Кавказская война, 1815—1879 гг.,— историко-біографическій очеркъ генер. штаба генер.-лейтенанта Д. И. Романовскаго.—Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій, историко-біографич. очеркъ.—И. П. Голевъ 1806—1880 гг.—Амурское дѣло (1850—1863).—Украинфильство, статья профессора Н. И. Костомарова.—Федоръ Михайловичъ Достоевскій въ воспоминаніяхъ А. П. Милюкова.—Записки князя Н. А. Орлова: Мысли о расколѣ и объ отиѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.—Воспоминанія изъ дальнихъ глѣбъ г. М.—Исторія моей жизни и моихъ странствій—бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. Н. Шилова (1802—1862 гг.).—Записки воспитателя в. к. Павла Петровича Семена Андреевича Порошина; 1764—1766 гг.—Записки войска донскаго генерала А. Е. Полова (1854—1855).—Н. А. Милютинъ въ 1845 и 1857 гг.—Академики граверы: Л. А. Стрѣковъ—очеркъ его біографіи и обзоръ его художественныхъ произведеній;—И. П. Поналюстнъ—его автобіографія и художественная дѣятельность.—Къ біографіи И. К. Айвазовскаго.—А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ, очерки и воспоминанія И. И. Нулинова.—И. А. Крыловъ и его басня „Конь“.—Общество поощренія русскихъ художниковъ—изъ воспоминаній Ѳ. Ѳ. Львова.—Записки И. Е. Селмианова (1859 и 1864—1867 гг.).—Графъ Н. П. Румяновъ,—историко-біографическій очеркъ профессора В. С. Иконникова.—Оренбургскіе пожары въ 1879 г.—Языкъ любви (1774 г.)—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, разсказы, замѣтки; относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: П. В. Алабинъ, профессоръ И. Е. Андреевскій, профес. Н. И. Барсовъ, Н. П. Барсуковъ, проф. Н. В. Бергъ, князь А. И. Васильчиковъ, М. И. Венюковъ, И. Ѳ. Горбуновъ, П. А. Ефремовъ, А. Затлеръ, А. Измайловъ, профессоръ В. С. Иконниковъ, П. И. Мартосъ, проф. В. В. Никольскій, М. Я. Ольлевскій, И. И. Ореусъ, Н. П. Собко, А. Тимановскій, Л. И. Шестакова, Н. К. Шильдеръ, Н. И. Юрасовъ и друг.

По исторіи литературы и искусства помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: Г. П. Павскій (его переводъ: „Пѣсьнъ пѣсней“).—А. С. Пушкинъ.—И. А. Крыловъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—М. Д. Деларю.—Ѳ. М. Достоевскій.—М. И. Глинка (первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“).—А. И. Тургеневъ и друг.

Цѣна за двѣнадцатъ книгъ—восемь рублей съ пересылкой.  
Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старина“.

# 12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

## изд. 1883 г.

съ портретами: Бухвостова, перваго російск. солдата, 1683 г.; вел. княг. Маріи Феодоровны, 1782 г.; Вас. Андр. Жуковскаго; Марыи Андр. Протасовой, † 1823 г.; Нат. Ник. Пушкиной, 1837 г.; Нины Алекс. Грибобѣдовой, † 1857 г.; гр. М. Н. Муравьева; ген. Я. П. Бакланова; Ос. Сем. Ганчара, † 1879 г.; кн. М. Д. Горчакова въ Севастополѣ, 1855 г. Рисунки: памятника на могилѣ Артемія Волинскаго; первой паровой машины И. И. Ползунова, 1763 г.; Михайловскаго замка въ 1800—1801 гг.; памятника на Амурѣ, 1858 г.;

рисунокъ храма Воскресенія Христова въ Петербургѣ.

Содержаніе: Данила Земской, изъ Зап. Евы Смирной; — Зап. де-Сантена; — Зап. адм. П. В. Чичагова; — Воспом. Беккера о разореніи Москвы, 1812 г.; — Воспом. Я. М. Невѣрова: глава изъ исторіи крѣпост. права въ Россіи, 1816—1826 гг.; — Морской корпусъ въ воспом. адм. А. И. Зеленаго, 1822—1826 гг.; — Восстаніе 17 (29) ноября 1830 г. въ Варшавѣ; — Пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ въ 1837 г.; — Архидерейскій хоръ при арх. Смарагдѣ, 1837 г.; — Дневникъ В. К. Кюхельбекера, 1831—1834 гг.; — Д. Ф. Преображенскій полкъ въ 1831—1846 гг.; — Имп. военная академія въ 1834—1848 гг. воспом. кн. Н. С. Голицына; — Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій въ 1849 г. воспом. Б. В. Струве; — Воспом. О. А. Пржевальскаго; — Война 1853—1856 гг., зап. Д. П. Рудакова; — Записки сенатора Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ въ 1857—1859 гг.; — Румянцовскій музей въ 1860—1861 гг., рассказъ В. В. Стасова; — Записки гр. М. Н. Муравьева о митрѣ въ сѣв.-зап. краѣ; — Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.; — Гр. Ф. Ф. Бергъ, воспом. П. П. Карцова; — Воспом. черногорца Драговича; — Воспом. Людмила Ив. Рикордъ; — Въ Прибалтійскомъ краѣ; — Кн. А. Л. Мих. Горчаковъ въ его рассказахъ изъ прошлаго; — Зап. А. Л. Фед. Вагго вута, 1806—1883 гг. — Очерки: Близкій бояринъ Ае. Лавр. Ординъ-Нащокинъ, изслѣд. проф. В. С. Иконникова; — Первенцы имп. російск. гвардіи, ген.-л. П. П. Карцова; — Петровская бригада, 1683—1883 гг.; — Коронаціи русск. императоръ и императрицъ, 1721—1856 гг.; — Лейбъ-гв. Семевскій полкъ въ царств. Павла и Александра I; — Гр. М. Н. Муравьевъ-Виленскій въ отъѣздахъ о немъ русскихъ людей; — М. Д. Скобелевъ въ 1860—1861 гг.; — Як. Петр. Баклановъ; — Ос. Сем. Ганчаръ; — Гр. Егоръ Францъ Калкринъ; — Ник. Ив. Пироговъ; — Нина Алекс. Грибобѣдова; — Филаретъ, митрополитъ московскій; — Макарій, митроп. московскій и коломенскій; — Амвросій Орнатскій, еп. пензенскій; — Ириней, архіеп. иркутскій; — Иннокентій, архіеп. терсонскій; — Амвросій, архіеп. тверской; — Историческія памятники въ Предславѣ въ 1654 г., сообщ. Н. И. Бостомаровъ; — Пугачевъ на Кавказѣ въ 1772 г., сообщ. А. Д. П. Берже; — Вас. Леонт. Кочубей въ 1708 г.; — Могила Артемія Волинскаго; — Проконій Демидовъ, 1770 г., сообщ. Демидовъ князь Саянъ-Донато; — Имп. Юсіфъ II въ Россіи, сообщ. Я. К. Гротъ; — Александръ I и Николай I, въ 1812—1854 гг.; — Имп. Николай I и гр. Дибичъ въ 1829 г.; — Имп. Александръ II въ эпоху войны 1855 г.; — Польская смута, по перепискѣ съ 14 февраля 1861 г. по 15 июня 1862 г.; — кн. Мих. Дм. Горчаковъ въ Севастополѣ въ 1855 г.; — Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.; — Пѣзджа подъ Плевну въ 1877 г., рассказъ проф. Д. И. Иловайскаго. — В. А. Жуковскій, — Б. Н. Батышковъ, — В. Б. Кюхельбекеръ, — А. С. Пушкинъ, — М. Ю. Лермонтовъ, — Т. Г. Шевченко, — А. С. Хомяковъ, — Вас. и Ив. Кирѣевскіе, — Н. В. Гоголь, — гр. А. Б. Толстой, — Ф. М. Достоевскій, — Мих. В. Авдѣевъ, — А. С. Тургеневъ, — Я. К. Гротъ, — въ ихъ письмахъ, очеркахъ жизни и дѣятельности; — М. И. Глинка, — гр. Ф. П. Тисля, — Перовъ и Мусоргскій, — А. Н. Стрѣловъ, — Л. А. Стрѣловъ, — И. И. Ползуновъ, — А. Ф. Каворинъ, — архим. Игнатій Малышевъ — въ письмахъ, воспоминаніяхъ и очеркахъ, и проч.

**цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

# ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1886.—ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ—1886.

- 52 **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НУМЕРА**—каждый номеръ въ ДВА листа большого формата (in folio) съ 8—10 рисунками.
- 
- 52 **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ** „РОМАНЫ и ПОВѢСКИ“ (ориг. и перев.) извѣстн. авторовъ.
- 
- 12 **ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ НУМЕРОВЪ „НОВѢЙШИХЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“**, съ отдѣлами: «Полезныя совѣты» и «Кухонныя рецепты». Форматъ номеровъ будетъ увеличенъ.

## ДВѢ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІИ:

- 1) „**НАВОДНЕНІЕ**“. Большая эффектная художественно исполненная олеографія (въ 27 красокъ) съ картины профессора ШЕРРЕСА длина картины ПОЛТОРА аршина, ширина 14<sup>1</sup>/<sub>4</sub> вершк.). Цѣна картинъ въ отдѣльной продажѣ 10 руб.
- 2) „**СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1886 годъ**“, изящно отпечат. въ ТРИ краски.

— Въ 1886 г. журналъ будетъ печататься на роскошной (тоновой) бумагѣ, специально для журнала изготовленной.

— Въ 1886 г. отдѣлъ по «Современнымъ событіямъ» будетъ значительно увеличенъ какъ въ иллюстраціяхъ, такъ и въ текстѣ.

— Въ 1886 г. журналъ будетъ печататься въ собств. типографіи, специально приспособленной для изящнаго выполненія рисунковъ новѣйш. способовъ.

## ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ:

Съ доставкой и пересылкой 8 руб.—За границей 10 руб.—Желающіе получить премію страховой посылкой доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 60 к.

Адресъ Конторы и Редаціи: Спб., Николаевская. 19.

Редакторъ П. ПОЛЕВОЙ.

Издатель С. ДОБРОВОДЪЕВЪ.

**XVII** г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1886 г. **XVII** г.  
на иллюстрированный журналъ литературы, политики и со-  
временной жизни

## „НИВА“

«НИВА» выходитъ еженедѣльно, т. е. 52 номера въ годъ (болѣе 2000 гра-  
вюръ, рисунковъ и чертежей и 2400 столбцовъ текста) съ особымъ даровымъ  
ежемесячнымъ приложеніемъ

### „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“.

(до 500 модныхъ гравюръ и рисунковъ бѣлыя, 400 выкроекъ въ натураль-  
ную величину, 350 рисунковъ руководящихъ работъ, русскіе узоры и пр. и пр.)

### И МНОГИМИ ДРУГИМИ ПРЕМІЯМИ.

Подписка принимается въ СПб., въ Конторѣ Редаціи, Невскій проспектъ, д. № 6.  
Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“:

Безъ дост. въ С.-Петербур. 4 р.  
Съ дост. въ С.-Петербур. 5 „ 50 к.

Безъ дост. въ Москву черезъ Отд. 5 р.  
Конт. «Нивы» у Н. Печковской  
Съ дост. въ Москву и друг. город. 6 „  
и въстечкахъ Имперіи.  
За границу. . . 8 „

Привлекая всегда лишь наиболѣе талантливыхъ писателей, художниковъ  
и гравировъ, „НИВА“, въ продолженіе своего шестнадцатилѣтняго сущест-  
вованія, приобрѣла себѣ симпатіи русской публики и сдѣлалась наипопу-  
лярнѣйшимъ журналомъ въ Россіи, а потому, не прибѣгая къ какимъ-либо  
рекламамъ, мы укажемъ здѣсь только имена писателей, произведенія ко-  
торыхъ будутъ напечатаны въ „Нивѣ“ 1886 года:

**И. О. ТУРГЕНЕВЪ** (послѣднее, посмертное произведеніе), **Н. Д. Ахшарумовъ**, **А. Валовъ**, **П. П. Глѣдичъ**, **А. А. Голенкищевъ-Кутузовъ**, **В. П. Желиховская**, **Н. Н. Каравичъ**, **Ш. Кирилловъ**, **А. Я. Мамонтовъ**, **А. Н. Майковъ**, **Н. Морозовъ**, **В. И. Немковичъ-Данченко**, **Я. П. Полоновій**, **П. Петровъ**, **В. С. Соловьевъ**, **графъ Саліасъ**, **К. К. Случевскій**, **Н. Успенскій**, **М. А. Хитрово** и **и. др.**  
**РИСУНКИ** и **ГРАВЮРЫ** лучшихъ художниковъ и гравировъ. **Науч-  
ныя статьи**, въ популярномъ изложеніи наиболѣе извѣстныхъ авторовъ.

Будетъ премію на 1886-й годъ мы дадимъ большую олеографическую  
картинку, печатанную масляными красками, профессора **К. В. Маковского**:

## „ГАДАНЬЕ“.

Картина представляетъ слѣдующее: Изъ дверей богатаго боярскаго дома  
выходятъ двѣ молодыя дѣвушки въ сопровожденіи своей мамы и просятъ  
встрѣтившуюся у крыльца цыганку погадать имъ. Выраженіе лицъ, блестя-  
рыя праздничныхъ костюмовъ того времени, прелесть пейзажа—все это  
выполнено со свойственнымъ художнику талантомъ.

Оригиналъ картины и копія съ нея выставлены въ конторѣ Редаціи  
„НИВЫ“. Будутъ выставлены также во всѣхъ губернскихъ городахъ  
Россіи.

С.-Петербургъ.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. МАРКОВЪ**.

# „БОЛГАРО-РУССКІЙ ЖУРНАЛЪ“

Въ столицѣ Болгаріи, въ городѣ Софіи, съ будущаго января 1886 года начнеть выходить ежемѣсячный научно-философскій, литературный и политическій «Болгаро-русскій журналъ», главною дѣлю котораго будетъ все-стороннее (историческ., этнографическ., статистическ., экономическ. и проч.) взаимное ознакомленіе русскихъ съ болгарами, а также съ другими славянами, съ ихъ жизнью и интересами. Кромѣ того «Б.-р. журналъ» будетъ преслѣдовать и всѣ тѣ задачи, какія имѣеть въ виду каждый научно-литературный журналъ, уклоняющійся отъ мелочныхъ литературныхъ дряблѣй, здраво понимающей назначеніе периодической печати и умѣющей цѣнить достоинство литературнаго слова. Если необходимы сравненія, то мы замѣтимъ, что «Б.-р. журналъ»,—если будетъ напоминать какойнибудь изъ существующихъ въ Россіи журналовъ,—то, скорѣе всего,—журналъ «Русская Мысль». Въ «Б.-р. журналѣ» будутъ печататься статьи и беллетристическія произведенія какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на болгарскомъ; для того же, чтобы сдѣлать ихъ понятными для читателей обѣихъ національностей и дать русскимъ возможность изучить болгарскій языкъ, а болгарамъ—русскій (и тѣмъ открыть для нихъ всю русскую литературу), редакция,—не смотря на большое сходство между языками болгарскимъ и русскимъ,—намѣрена: 1) въ первой же книжкѣ журнала помѣстить краткій болгаро-русскій и русско-болгарскій словарь литературнаго языка; 2) ознакомитъ русскихъ читателей съ главными правилами болгарскаго языка, а болгарскихъ—съ правилами русскаго языка; 3) кромѣ того внизу каждой страницы журнала давать переводы наиболѣе непонятныхъ словъ; 4) нѣкоторыя статьи печатать на обѣихъ языкахъ и 5) стремиться къ выработкѣ языка средняго между болгарскимъ и русскимъ, которыми и пользоваться по возможности.

Здравую мысль, выраженную живыми, простыми, ясными и сжатыми языкомъ, мы ставимъ выше всего;—и напрасно читатели стали бы искать въ «Б.-р. журналѣ» сухой, чопорно-ученый, безконечно-пространный и туманный способъ изложенія мыслей, нязкопробныхъ по качеству и скудныхъ по количеству. Въ этомъ отношеніи редакция указываетъ путь ея собственнаго убѣжденія, во многомъ согласнаго съ народной философіей, формулированной въ пословицахъ, и съ мнѣніями нѣкоторыхъ знаменитыхъ мыслителей. Пословицы говорятъ: «Не красна изба углами, а красна пирогами», «Велика Теодора, да дура; малъ золотникъ, да дорогъ», «И толстъ, да простъ; и не тѣлень, да дѣлень», «Красно говорить, а слушать нечего», «Не та хозяйка, что говоритъ, а та, что щи варитъ», «Умень, да не разумень», «Чужой умъ лишь до порога; чужой умъ—не попутчикъ», «Самъ смѣлкай: гдѣ берегъ, гдѣ край», «Кума про себя умна, а мы кумились, да съ разумомъ не простились», «Дѣло знай, а правду помни», «И уменья, и хороша, да на правду не пригожа», «За правое дѣло стой смѣло», «Нечего говаться за мухой съ обухомъ, съ топоромъ—за комаромъ», «Безъ правды не житье, а вытье», «Взавшись за гузь, не говори, что не дюжъ», «Не работа дорога, а—умѣнье», «Какъ постелишь, такъ и выспишься», «Хорошаго въ мѣрѣ мало, а дурного—

сколько хочешь», «Людей много, да человека нѣтъ», «Подъ всякую пѣсню не подиляешь, подъ всякій нравъ не подладишься».—Вольтеръ говоритъ: «Многословіе (растянутость) отбиваетъ охоту къ чтенію. Прекрасная мысль теряетъ свою цѣну, если она дурно выражена; а если она повторяется, то наводитъ на насъ скуку». Д'Аламберъ говоритъ: «Простота бываетъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ возвышенности чувствъ». Вольте говоритъ: «Вѣрное средство заставить слушать себя, это—сказать многое въ немногихъ словахъ. Выражаться ясно, это—предупреждать заблужденія. Простота есть одна изъ признаковъ истиннаго гевія». Шекспиръ говоритъ: «Видѣть и чувствовать, это—быть; размышлять, это—жить». Монтень говоритъ: «Нѣтъ никакой бѣды въ жизни для того, кто хорошо позналъ, что потеря жизни не есть бѣда»....

Цензурина условія Болгарскаго княжества даютъ возможность сдѣлать программу «В.-р. журнала» почти всеобъемлющей: философія жизни; государственныя знанія; прикладныя техническія знанія (между прочимъ кооперизація сельскаго хозяйства и гѣсоводства); наука, какъ знаніе, освящающее жизнь; литературныя произведенія въ прозѣ и стихахъ, какъ воспроизведеніе жизни со всеми ея явленіями; всестороннее взаимное ознакомленіе народовъ русскаго и болгарскаго; новости болгарскія, русскія и общеславянскія въ видѣ свода газетныхъ извѣстій, замѣняющаго газеты, и все то, что составляетъ интересъ дня (дѣло соединенія Восточной Румелии съ Болгарскимъ Княжествомъ и т. п.)—вотъ вкратцѣ программа этого, совершенно новаго журнала, еще не имѣшаго себѣ предшественниковъ.

Мы, русскіе, (редакторъ-издатель «В.-р. журнала»—природный русскій, переѣхавшій въ Болгарію ради этого журнала) называемъ болгаръ и другихъ славянъ своими братьями, а между тѣмъ знаемъ объ этихъ «братьяхъ» столько же, сколько знаемъ о китайцахъ. Пора-бы на самомъ дѣлѣ узнать славянъ, а не довольствоваться одними общими фразами (часто трескучими и вычурными), которыми иногда по этому поводу преподносились русскому читающему обществу. Русскіе жертвовали имуществомъ и жизнью на дѣло освобожденія болгаръ и тѣ-же русскіе не имѣютъ даже приблизительнаго представленія о болгарахъ. Это—диссонансъ, уничтоженіе котораго потребуетъ много усилій со стороны редакціи и сотрудниковъ «В.-р. журнала». Трудность этого дѣла,—которое, замѣтимъ къ слову, редакція взяла на себя по собственной инициативѣ, побуждаемая вполне свободнымъ желаніемъ,—увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что,—нигдѣ въ виду добросовѣстного веденія свободно избраннаго дѣла,—приходится основать редакцію журналъ на чужой сторонѣ и начать дѣло съ самой азбуки. Но, повторяемъ: «За правое дѣло—стой смѣло» и «Взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ». Поэтому мы намѣрены не бросать это дѣло до тѣхъ поръ, пока хватитъ нашихъ личныхъ средствъ и силъ; что же касается самой жизни, то ... мы твердо помнимъ приведенныя выше слова Монтеня. Однако, если мы теперь увидимъ, что читателей, заявившихъ о желаніи получить «В.-р. журналъ» окажется немного, то по истеченіи перваго полугодія 1886 года, мы прекратимъ его, какъ журналъ не нужный въ настоящее время, такъ какъ на то нѣтъ спроса, то не должно существовать....

Сотрудниками «В.-р. журнала» будутъ нѣкоторые писатели русскіе, болгарскіе и, отчасти,—другихъ славянскихъ національностей. Страницы его открыты для всѣхъ, сочувствующихъ нашей программѣ и дѣламъ.

Сначала въ каждой книжкѣ «Б.-р. журнала» будетъ отъ ста до двухсотъ страницъ небольшого формата; впоследствии-же, пропорціонально увеличенію числа подписчиковъ, будетъ увеличиваться и число страницъ въ книжкахъ журнала (безъ увеличенія подлинной цѣны) до тѣхъ поръ, пока отношеніе между подлинной цѣной и величиной книжекъ будетъ для подписчиковъ наимыгоднѣйшимъ при сравненіи съ такимъ же отношеніемъ въ другихъ журналахъ. Въ теченіи года будетъ выходить десять книжекъ, то есть ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля.

Теперь можно подписываться только на первое полугодіе 1886 года (пять книжекъ, съ января до іюня); цѣна съ пересылкой и доставкой:

Въ Болгарію—8 лева (франковъ); въ Россію—4 кредитныхъ рубля; въ остальные славянскія земли Балканскаго полуострова и Австро-Венгріи (въ томъ числѣ и въ Галицію)—10 франковъ или равное имъ по курсу количество мѣстныхъ денегъ; въ неславянскія земли Европы и другихъ частей свѣта, вошедшія въ международный почтовый союзъ—15 франковъ.

Всѣ подписчики, не живущіе въ перечисленныхъ ниже городахъ, адресуютъ свои заявленія и деньги исключительно въ редакцію «Болгаро-русскаго журнала»: въ Болгарію (Bulgarie, България), градъ Сѣфія, редактору-издателю Владиміру Викторовичу Шаркову.

Кромѣ того подписка отъ мѣстныхъ городскихъ подписчиковъ принимается:

Въ Россіи: въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи газеты «Свѣтъ», Фонтанка, № 74.

Въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Невскій, № 36.

Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Въ Одессѣ, въ книжномъ магазинѣ Бѣлаго, Дерибасовская улица,

Въ Варшавѣ, въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Новый Свѣтъ, № 65.

Въ Австро-Венгріи, въ городѣ Львовѣ (Lemberg), редакція и экспедиція газеты «Слово», въ домѣ № 4, улица Вексларская, 1 поверхъ.

Книжные магазины, библіотеки, а также слушатели и слушательницы высшихъ учебныхъ заведеній пользуются уступкой 25%.

Редакторъ-издатель «Болгаро-русскаго журнала» В. В. Шарковъ, бывшій сотрудникъ одного изъ петербургскихъ періодическихъ изданій.

## ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

## КАЗАЧИЙ ВѢСТНИКЪ,

газету политическо-общественную и литературную, издающуюся въ гор. Новочеркаскѣ Области войска Донскаго, на 1886 годъ.

Подписная цѣна съ пересылкою по почтѣ:

На годъ (съ 1 января) . . . . . 7 руб.

— полгода (съ 1 января) . . . . . 4 —

Адресъ. Въ гор. Новочеркаскѣ. Въ Редакцію „Казачьяго Вѣстника“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1886 годъ

на

## „НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

ГАЗЕТУ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ,

(ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ)

Съ 1-го января 1886 года „НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“, по примѣру  
большихъ столичныхъ газетъ,**БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО****не исключая понедѣльниковъ и дней послѣ праздни-  
чныхъ.**

Ежегодно улучшая нашу газету и постепенно увеличивая ее «орхатъ», мы достигли того, что «Новороссійскій Телеграфъ» стоялъ на уровнѣ современныхъ потребностей читателя. Въ будущемъ году мы также намѣрены продолжать улучшенія по всѣмъ частямъ нашего изданія, но, кромѣ того, признали необходимымъ осуществить одно изъ тѣхъ предположеній, которыя еще недавно казались намъ преждевременными. Ближайшее знакомство съ интересами и желаніями подписчиковъ убѣдило насъ, что они предъявляютъ къ ежедневнымъ органамъ печати очень опредѣленные и серьезные требованія и, между прочимъ, часто сѣтуютъ на то, что одесскія газеты, принадлежа къ числу ежедневныхъ изданій, въ сущности выходятъ далеко не ежедневно: считая 52 понедѣльника и 28 дней послѣ праздничныхъ, когда мѣстныхъ газеты не выходятъ, мы увидимъ, что почти  $\frac{1}{4}$  года подписчики остаются безъ газетъ, т. е. остаются безъ удовольствія въ одной изъ существеннѣйшихъ своихъ потребностей. Бываютъ къ тому-же случаи, когда перерывъ въ изданіи газетъ продолжается нѣсколько дней кряду. Положеніе становится тѣмъ болѣе тягостнымъ, что при настоящей быстротѣ сообщеній и важности политическихъ событій въ Европѣ, всякая новость имѣетъ только интересъ минуты и при томъ сильно отражается на настроеніи тѣхъ или другихъ общественныхъ сферъ. Столичная печать давно освободила своихъ читателей отъ всѣхъ этихъ лишеній и неудобствъ: они получаютъ газеты действительно каждый день, за весьма немногими въ теченіи года исключеніями.

Полагаемъ, что и читатели провинціальныхъ газетъ имѣютъ такіе-же права на вниманіе издателей, а потому мы делаемъ починъ: съ 1-го января 1886 года «НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ» будетъ выходить ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣ праздничныхъ. Въмѣсто нынѣшнихъ 285 №№ въ годъ мы обещаемъ съ будущаго года выпускать не менѣе 350 №№.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Раля, противъ Херсонской улицы.



## УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересыл.		Съ доставкою и пересыл.		Безъ доставки и пересыл.		Съ доставкою и пересыл.	
На 1 мѣс.	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	2 р. 50 к.	На 7 мѣс.	7 р. 50 к.	9 р. — к.	11 р. — к.
» 2 »	2 » 50 »	2 » 75 »	3 » 50 »	» 8 »	8 » 50 »	10 » — »	12 » — »
» 3 »	3 » 50 »	4 » — »	4 » 50 »	» 9 »	9 » 50 »	11 » — »	13 » — »
» 4 »	4 » 50 »	5 » 50 »	5 » 50 »	» 10 »	10 » 50 »	12 » — »	14 » — »
» 5 »	5 » 50 »	6 » 50 »	6 » 50 »	» 11 »	11 » — »	13 » — »	15 » — »
» 6 »	6 » 50 »	7 » 50 »	7 » 50 »	» 12 »	12 » — »	14 » — »	16 » — »

За-границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяць по 50 коп., въ годъ 6 руб.

Подписываться можно на какой угодно срокъ по цѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше расцѣнкѣ, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, подписавшіеся позже 1-го числа, получаютъ всѣ предыдущіе №№. Подписка съ промежуточнымъ числомъ не допускается.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Вносимы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые (по 7 р. къ 1 января и къ 1-му юнію), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-му марта, 1-му юнію и 1-го сентябрю), т. е. всегда за мѣсяць впередъ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, военныхъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ спеціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

ГОДЪ  
X

ОБЪ ИЗДАНІИ

„САРАТОВСКАГО ДНЕВНИКА“

въ 1886 г.

ГОДЪ  
X

(Ъ) Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ—1884 и 1885 г.—редакцію приняты были всѣ мѣры, чтобы улучшить газету и удовлетворить такимъ образомъ запросамъ читателей: мы вошли въ соглашеніе съ «Сѣвернымъ Телеграфнымъ Агентствомъ» и стали печатать ежедневно телеграммы, получаемыя прямо съ аппарата; увеличили въ газетѣ количество общихъ, касающихся мѣстной жизни, статей, корреспонденцій, репортерскихъ отчетовъ и проч., а также ежедневно давали оригинальныя и переводныя беллетристическія произведенія, составившія въ концѣ года отдѣльный томъ; наконецъ, съ начала 1885 г. мы расширили самый форматъ газеты.

Всѣ эти улучшенія, разумеется, потребовали отъ насъ немалыхъ затратъ, но не смотря на это, мы оставляемъ подписную ЦѢНУ НА ГАЗЕТУ ПРЕЖНЮЮ:

Въ Саратовѣ:		Въ другіе города:	
На годъ . . . . .	5 р.	На годъ . . . . .	6 р.
— 6 мѣс.	3 »	— 6 мѣс.	3 » 50 к.
— 3 » . . . . .	1 » 50 к.	— 3 » . . . . .	2 » — »
— 1 » . . . . .	— » 60 »	— 1 » . . . . .	— » 75 »

Допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: для городскихъ: 2 р. при подпискѣ; 1 марта 2 р. и 1 мая—1 р.; для иногороднихъ: при подпискѣ 3 р., 1 марта 2 и 1 мая 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи—на Нѣмецкой ул., д. Уеницова, противъ католической церкви, куда иногородніе исключительно и адресуются.

Открыта подписка на 1886 г. на литературно-политическій журналъ:

ГОДЪ V. „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ V.

Вступая въ пятый годъ своего существованія, журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, безъ предварительной цензуры, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, редація «НАБЛЮДАТЕЛЯ», не прибывая ни къ какимъ замѣнательствамъ и рекламамъ, увеличила на пятьдесятъ два печатныхъ листа (т. е. на двѣ ежемѣсячные книги) объемъ своего журнала, чего, конечно, нельзя было бы сдѣлать безъ постепенно-увеличивавшагося сочувствія публики. Такою же бесплатною и безспорною премію, въ видѣ прибавки занимательнаго чтенія, редація предложитъ своимъ подписчикамъ и въ будущемъ году. Въ журналѣ принимали участіе извѣстные балетристы, ученые и публицисты: Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, И. Д. Ахшарумовъ, В. П. Безобразовъ, С. А. Бердяевъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Биковъ, В. В., Н. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, Володинъ, Г., др-ъ А. С. Виреніусъ, графъ П. А. Голицыновъ-Кутузовъ, Г. К. Градовскій, М. А. Гребенщиковъ, проф. В. П. Даневскій, Н. Н. Демисовъ, Ю. Г. Зависницкій, проф. А. И. Захаровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, Е. П. Карновичъ, А. В. Круцовъ, В. А. Крыловъ, проф. Ф. И. Леонтьевъ, П. Ляминъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Михайловичъ, Н. Минскій, В. О. Мизисевичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, В. Я. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Омлевскій, А. И. Орловъ, Л. И. Палмицъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Палонскій, Ф. Э. Ромеръ, проф. В. И. Сергеевичъ, Д. Сибирякъ, А. В. Старчевскій, Д. Н. Сташевскій, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефоловъ, Н. Флеровскій, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ и пр.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» будетъ выходить ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ большаго формата. Подписка же цѣна остается премію:

	За годъ:		За полгода:
Безъ доставки . . . . .	12 р.	Безъ доставки . . . . .	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ . . .	13 »	Съ доставкою въ С.-Петербургъ . . .	7 » 50 к.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи . .	14 »	Съ пер. въ другія мѣста Россіи . . .	8 »
Съ пересылкою за границу . . . . .	16 »	Съ пересылкою за границу . . . . .	9 »

Гг. подписчики (въ заграничные), высылающіе 17 р. с., получаютъ, кромѣ годоваго экземпляра «Наблюдателя»: 1) Сборникъ иностранныхъ романовъ, изд. ред., въ которомъ помѣщены три романа: Бакалавръ, Жюль Валлеа; Фостеръ, Э. Гонкура и Эгоистъ, Вернера, 2) Гансъ Флими, романъ Ф. Шпиллмана и 3) Утка мамъ, романъ Э. Золя. Последній романъ, по желанію подписчика, можетъ быть замѣненъ новымъ историческимъ романомъ Георга Эбера: «Сраженіе», который выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ текущаго года. Всѣ эти романы, въ отдѣльной продажѣ, стоятъ 4 р. 50 к.

Разрочка платы допускается для гг. служащихъ по третью, за поручительствомъ казначея, а для неслужащихъ по особому соглашенію.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской пер., № д. 5) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ той же конторѣ принимается подписка на журналъ «НАРОДНАЯ ШКОЛА». Годов. цѣна 4 р. 80 к. Журналъ одобренъ М-вомъ Нар. Просв. и друи. ведомствами.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковский.

ОБЪ ИЗДАНИИ  
ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА  
„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“

ВЪ 1886 ГОДУ



Съ 1-го сентября 1885 года выходитъ въ свѣтъ, еженедѣльными выпусками, новое иллюстрированное изданіе, подъ названіемъ «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ».

Въ программу его входятъ:

Путешествія ко св. мѣстамъ Палестины и къ другимъ заграничнымъ и русскимъ святынямъ; описанія православныхъ обителей, храмовъ и церковныхъ древностей; историко-этнографическіе очерки; живописанія знаменитыхъ подвижниковъ и дѣятелей православной церкви; биографическіе очерки современныхъ дѣятелей на поприщѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія, проповѣди Слова Божія, миссіонерства, богословской науки и благотворительности; рассказы и повѣствованія религіозно-нравственнаго содержанія; факты и явленія религіозно-нравственной и патріотической жизни русскаго народа и очерки изъ религіозной жизни иновѣрныхъ народовъ и сектантовъ, съ соотвѣствующими иллюстраціями и особыми приложеніями.

Изданіемъ „РУССКАГО ПАЛОМНИКА“ имѣется въ виду дать полезное и назидательное чтеніе для всѣхъ вообще любителей духовнаго просвѣщенія, для благочестивыхъ русскихъ семействъ, для православнаго русскаго духовенства и, наконецъ, для учебныхъ заведеній среднихъ и низшихъ, съ православно-русскимъ характеромъ, включая сюда вновь открываемыя церковно-приходскія школы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА, съ доставкою и пересылкою, на годъ пять рублей, на полгода три рубля. Желающіе получить номера съ 1-го сентября по 31-е декабря текущаго 1885 года платятъ два рубля.

Адресъ редакціи „РУССКАГО ПАЛОМНИКА“: С.-Петербургъ, Владимирскій проспектъ, домъ № 13.

Редакторъ-Издатель А. И. Поповицкій.

## ВЪ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ П. В. ЛУБОВНИКОВА

С.-Петербургъ, Фонтанка, д. № 41,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

### Сочиненія А. БОВАЛЕНСКОЙ:

Новые разсказы и сказки для дѣтей. Съ картинками. Ц. 1 р. 75 к.

Въ красивой папѣ 2 р., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золот. 2 р. 50 к.

Разсказы и сказки для дѣтей. Съ иллюстрац. Е. Вентъ. Ц. 2 р., въ папѣ 2 р. 25 к., въ переплетѣ съ золотомъ 2 р. 75 к.

Семь новыхъ сказокъ. Изданіе 2-е съ картинками. Ц. 1 р. 25 к., въ папѣ 1 р. 40 к., въ переплетѣ съ золотомъ 1 р. 60 к.

Авторъ вышеизъясненныхъ разсказовъ и сказокъ за разсказъ „Крутиковъ“ удостоенъ золотой медаліи имени А. Ф. Погосского.

ТАМЪ-ЖЕ ПРОДАЮТСЯ:

### Иллюстрированные романы ВАЛЬТЕРА СКОТТА:

1) Везерлей. 2) Гай Махперингъ. 3) Антиварій. 4) Робъ-Рой. 5) Айвено. 6) Ламермурова невѣста. 7) Кейпльвортъ. 8) Пуритане. 9) Эдинбургская темница. 10) Монастырь. Въ каждомъ томѣ около 600 страницъ съ двумя картинками и около 50 иллюстрацій. Каждый томъ продается отдѣльно по 3 р. 50 к.

### ПОЛНЫЙ ПРАКТИЧЕСКИЙ КУРСЪ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА

для самоучекъ и для преподаванія

Сост. д-ръ Ханъ. Изданіе 2 переизданное и прииспособленное къ употребленію въ учебнымъ заведеніяхъ. 3 части. Ц. 1 р. 50 к. Часть I. Происхожденіе по особымъ скетчамъ и первоначальныя правила грамматики. Ч. II. Подробное изложеніе грамматическихъ правилъ. Ч. III. Книга для чтенія: Ключъ къ задачѣ и полное сочиненіе Флоріана „Нума Помпилій“ съ замѣтками и словаремъ.

Вышесказанныя вышеизъясненныя книги изъ Книжнаго Магазина П. В. Лубовникова—С.-Петербургъ, Фонтанка, д. № 41, за пересылку не платятся.

## ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

## „САРАТОВСКИЙ ЛИСТОКЪ“

на 1886 годъ.

(24-й годъ изданія).

### ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставк. въ Саратовъ:		Съ перес. въ др. города:	
На годъ .	7 р. — к.	На годъ .	8 р. — к.
— полгода .	4 „ — „	— полгода	4 „ 50 „
— три мѣсяца .	2 „ 50 „	— три мѣсяца .	3 „ — „
— одинъ мѣсяць .	1 „ — „	-- одинъ мѣсяць .	1 „ 20 „

Письма адресовать: Саратовъ, редакція «Саратовскаго Листка», Нѣмецкая ул., д. Овсезорго.

1886

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

# БИБЛІОГРАФЪ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТ

2-й годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно выпусками въ 40—64 страницы, 6°.

Каждый номеръ журнала состоитъ изъ двухъ отдѣловъ:

ВЪ I ОТДѢЛѢ помѣщаются: 1) историческіе матеріалы—всевозможныя замѣтки и сообщенія о литературныхъ и художественныхъ дѣлахъ; о театральномъ старинѣ, статьи и замѣтки по исторіи книгопечатанія, книжно-торговой и издательской дѣятельности, извѣстія о писателяхъ, дождевыхъ, библиографіи, некрологи и проч.; 2) техническія статьи и графическія искусства; 3) обзоръ современныхъ произведеній литературы, науки и искусства—рецензіи и замѣтки о новыхъ книгахъ, разборъ русскихъ произведеній и т. п.; 4) разныя мелкія замѣтки и извѣстія.

ВО II ОТДѢЛѢ, преимущественно справочномъ, помѣщаются: полноты графическая летопись за истекшій мѣсяцъ, въ которую входятъ: 1) новыя книги; 2) указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ; 3) госуд. повеленія и распоряженія правительства по дѣламъ печати и т. п.; 4) новленія.

## ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за-границу 6  
отдѣльно номеръ 50 к.

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ въ книжныхъ магазинахъ: М. Вольфа, I «Новаго Времени» (А. Суворина), М. Стасюлевича и друг.—Гр. иконъ подписныхъ благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію Измайловскій полкъ, 1-я рота, д. № 22, кв. № 5).

Редакторъ Н. М. Лисевскіи

## „ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

издаваемый при Главномъ управленіи военно-учебн. зав.  
выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 5 до 7 листовъ

П. Сб. состоитъ изъ 2-хъ частей: официальной и неофициальной. Официальной помѣщаются статьи по всемъ отдѣламъ, какіе входятъ въ программу другихъ педагогическихъ журналовъ; значительное вниманіе обращено на вопросы среднего образованія реальнаго характера. За послѣднюю неофициальную часть П. Сб. помѣщались статьи: П. П. Балтало; А. С. Виреніуса, А. И. Гольденберга, Н. П. Завьялова, Н. Н. Запс; П. Ф. Кантерева, А. П. Кирпиченко, В. П. Коховскаго, М. М. Липкина, проф. Ф. Ф. Петрушевскаго, І. Е. Мандельштама, Н. Я. Герда.

Подписная цѣна съ доставкою 5 руб.

Подписка принимается: 1) въ редакціи П. Сб. Слб., Вас. Остр., 5 л. кв. 14; 2) въ конторѣ журнала: книжный магаз. Н. Фену, Невскій Армянской цѣкви.

# 12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Изд. 1884 г. (ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ).

съ портретами: имп. Елисавета Алексѣевна; Его Имп. Выс. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ; митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ; гр. Аракчеевъ и Н. Ѳ. Минкина; гр. И. И. Дибичъ-Забалманскій; Пушкинъ (отпечатанъ красками); Лермонтовъ; Н. А. Некрасовъ; Н. И. Пироговъ; педагогъ бар. Н. А. Корфъ; В. В. Самойловъ; портреть-группа: лордъ Роголаъ, марш. Пелисье и Омеръ-паша подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ Волинскаго—академ. М. А. Щурупова; имп. Александръ II, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣлло; судъ на Руси, старинная каррикатура.

Содержаніе: Записки Штрاندмана, 1771—1780 гг.;—Записки Мих. Фонвизина: очерки русской исторіи IX—XVIII вв.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. А. Е. Розена;—Разказы кн. Ал. Ник. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. гр. П. А. Валуевъ;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кн. С. А. Мадатовой;—Зап. Д. И. Ростиславова о быломъ духовенствѣ;—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣллева;—Дневникъ декабриста В. К. Кюхельбекера въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1830 гг., зап. М. И. Пущина;—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг., зап. М. Я. Ольшевскаго;—Моск. воспом. Н. В. Берга, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ, 1858—1859 гг.;—Виленскіе очерки, 1863—1866 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. А. Ѳ. Гамбургера;—Зап. педагога бар. Н. А. Корфа;—Посмертныя записки Николая Ив. Пирогова;—Записки-автобіографія крестьянина-поэта С. Д. Дрожжина.

Изсѣдованія и очерки: профес. Д. И. Иловайскаго;— профес. И. А. Ливиченко;—очеркъ С. Л. Шташницкаго;—Патр. Никонъ по вновь открытымъ Н. А. Гиббенетъ матеріаламъ, 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, кн. В. А. Вильбасова;—Настасья Минкина, домоправительница гр. Аракчеева;—Ермоловъ и его кебинныя жены, очеркъ Ад. П. Берже;—Гр. Калодистри и гр. К. В. Несельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. С. С. Уварова;—Польское возстаніе въ 1830—1831 г., разскъ Мохнацкаго и переписка имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Сиб. въ 1831 г., очерки и разказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ Ад. П. Берже;—Разскъ правосл. латыша Индрика Страумита, 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ въ М. Т. Лорисъ-Меликову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Вашъ Мих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Миклутичъ въ Ц. Польскомъ;—Вредныя секты, очерки А. Пругавина;—19-ое февраля: чтеніе оного дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положеній о крестьяннхъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковский,—Н. И. Гдигтъ,—Д. В. Лавдовъ,—К. П. Батюшковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко.—Н. Г. Помаловскій,—гр. А. К. Толстой,—Ѳ. М. Достоевскій,—И. С. Тургеневъ,—артистъ В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности.

Цена за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

рядомъ трудовъ, посвященныхъ преимущественно исторіи Россіи XVI вѣка. Главная заслуга ихъ состоитъ въ обнаруженіи неодавленныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ авторомъ изъ ватиканскаго и другихъ иностранныхъ архивовъ. Двѣ послѣднія книги, заглавія которыхъ мы выписали выше, относятся къ одному изъ важнейшихъ эпизодовъ царствованія Ивана IV—своимъ отношеніямъ съ римскимъ дворомъ вследствие усложнившихся отношеній къ Польшѣ и ихъ послѣдствіямъ. Матеріалы, изданные о Пирляингѣ, важны не только для опредѣленія папской политики относительно Россіи вообще, но они значительно дополняютъ характеристику Ивана Грознаго и Стевана Баторія, причѣмъ изданные впервые документы о проектѣ послѣднѣго—разрѣшить такъ называемый восточный вопросъ, проливаютъ новый свѣтъ на отношенія двухъ соперничествовавшихъ державъ—Россіи и Польши. Замѣтимъ еще, что въ нашей литературѣ поднялся рядъ статей о трудахъ о Пирляингѣ—проф. Ф. И. Успенскаго (Журн. Мин. Нар. Пров. 1884—1885 гг.).

Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Вып. VII. Спб. 1885. 640 стр. Ц. 2 р.

Какъ и въ предыдущихъ томахъ, авторъ представлялъ рядъ биографій, составленныхъ не только по дѣламъ академическаго архива, но и матеріаламъ другихъ архивовъ и библіотекъ (государственнаго, министер. юстиціи, министер. народн. проsv., Импер. публичной библи. и т. п.); но настоящій томъ не отличается обилиемъ биогр. фактовъ. Правда, въ его составъ входятъ очерки такихъ литературныхъ дѣателей, какъ Державинъ, Фонъ-Визинъ, Князевъ, Дмитриевъ, Крыловъ, Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ, и. Евгений, гр. Мушкетеръ-Пушкинъ и т. п., но писать о нихъ подробно значило-бы, конечно, дать цѣлыя монографіи; поэтому авторъ вполне справедливо, для своей цѣли, ограничился только такими данными, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ исторіи Россійской Академіи: болѣе подробныя біографическія очерки: И. Ф. Богдаловича, и. М. И. Щербатова, гр. Д. И. Хвостова, А. С. Шишкова, И. А. Дитревскаго, М. Н. Му-

равьева, и.т.р. Евгения, П. И. Мартынова, А. Х. Востокова (301—380). Но и въ краткихъ очеркахъ авторъ часто даетъ что нибудь новое, извлеченное изъ неодавленныхъ матеріаловъ. Такимъ образомъ и въ шестидесяти томъ исторіи литературы найдется не мало данныхъ для характеристики литературныхъ дѣателей и критики современнаго общества и произведеній письменности. Въ приложенияхъ же авторомъ помѣщены: 1) списокъ членовъ Росс. академіи по времени поступления ихъ и отчасти по порядку избранія (1783—1841, когда академія преобразована въ 3-е отдѣленіе Импер. Акад. наукъ). Предлагаемые кандидаты обыкновенно выбирались большинствомъ голосовъ или единогласно, иногда даже безъ баллотировки, по общему согласію; исключенія бывали чрезвычайно рѣдки. Къ числу «небывалыхъ случаевъ» принадлежатъ избаллотированіе известнаго бібліографа В. Г. Анастасевича и неизбраніе Г. П. Павскаго, но по другимъ соображеніямъ, о которыхъ можно только догадываться. На извѣстномъ свободномъ мѣсто члена Академіи президентъ Шишковъ предлагалъ было придворнаго проіерера, доктора богословія Г. П. Павскаго, имѣющаго весьма основательныя свѣдѣнія въ отечественномъ языкѣ и многихъ иностранныхъ, а особливо еврейскомъ. Назначили было и день выбора, но президентъ призналъ почему-то за благо отложить избраніе до другого дня; однако вторичнаго предложенія не послѣдовало и долгу Росс. академіи въ отношеніи къ Павскому исполненъ былъ, по прошествіи почти двадцати лѣтъ, вторымъ отдѣл. Академіи наукъ, а именно оныя предложенія былъ въ 1840 г., а избранъ въ 1858 г. (стр. 441—442). О Павскомъ былъ напечатанъ рядъ статей въ «Русской Старинѣ» (Н. И. Барсова, 1880, т. XXVII и XXVIII, и А. Сулицкаго, 1881, т. XXXI). Въ другихъ приложенияхъ напечатаны: 2) автобіографія гр. Хвостова; 3) письма Гавки, Шафарина, Караджича, Юнгмана, Кошутара, и 4) списокъ членовъ Росс. академіи за все время ея существованія. Въ примѣчаніяхъ же можно найти и много другихъ извлеченій изъ неодавленныхъ бумагъ.

В. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

# „РУССКАЯ СТАРИНА“

1886 г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старини“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. ЦИНВЕРЛИНГА.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

*Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:*

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (80 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (8 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (49 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мик. Ив. Семевскій.**



